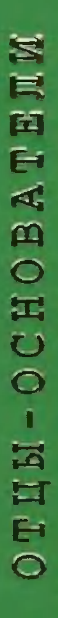
Кир

БУЛЫЧЕВ

ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ АКАДЕМИКОВ
ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ

Москва

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

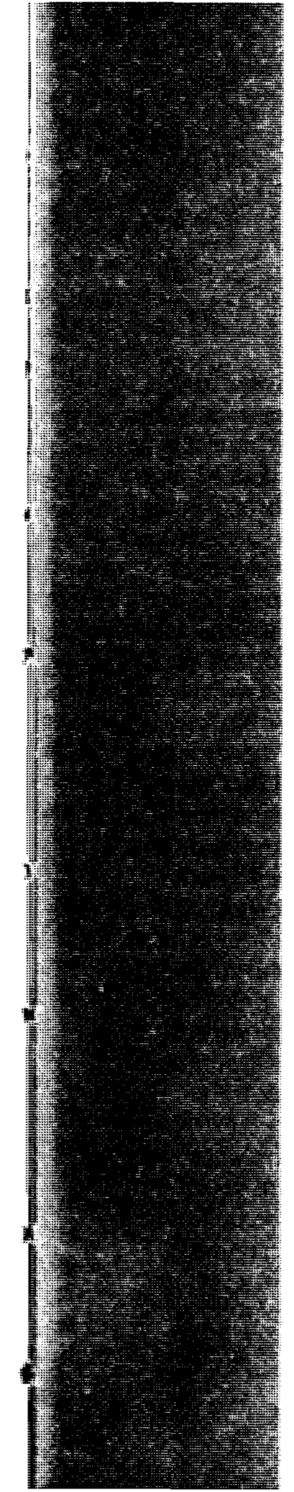
Б 90 Таких не убивают: Романы, повесть / Кир Булычев; [сост. М. Манаков]. — М.: Эксмо, 2006. — 864 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-16481-2

В третью книгу цикла «Река Хронос», который автор в последние годы жизни считал своим главным литературным проектом, вошли современные детективные романы с участием Лидочки Берестовой.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-16481-2

УСНИ, КРАСАВИЦА

Глава 1

СТРЕЛЬБА НА РАССВЕТЕ

Именно случайности, большей частью невероятные, правят нашей жизнью. Хотя мы и делаем вид, что невероятные случайности происходят крайне редко. События понедельника 14 февраля 1994 года полностью подтвердили этот тезис, который Лидочка не хотела выдвигать, но который выдвинулся сам по себе.

Невероятные события начались примерно в шесть часов утра. Лидочке пришлось встать в эту немыслимую рань, потому что Андрюша улетал в Каир на конференцию по коптскому искусству, а любящая жена была обязана приготовить своему рыцарю в дорогу сытный завтрак, проверить, не забыл ли он подтянуть подпругу, поправить перья на шлеме и вычистить «Пемоксолью» железные рукавицы, а потом, услышав, как к дому подъезжает такси, присесть на дорогу, помолчать ровно тридцать секунд и проводить мужа до выхода, нежно поцеловав его на прощание...

Лидочка подошла к окну, отодвинула занавеску, ожидая, когда Андрей покажется из подъезда. Возле машины он остановился, поглядел на кухонное окно и помахал Лидочке. Потом машина уехала, а Лидочка вернулась к столу допивать кофе. Было семь часов двадцать пять минут.

Допив кофе, Лидочка стала рассуждать, лечь ли ей досыпать или, раз уж поднялась, затеять уборку, которую собиралась устроить уже вторую неделю, но за делами, сборами и суматохой все откладывала. К тому же накопилась стирка, но включать стиральную машину, которая шумит, как самолет с четырьмя моторами, в половине восьмого утра нетактично — соседи решат, что началась война.

Лидочка стояла в неуверенности посреди кухни, когда услышала, что к дому подъехала машина. А так как переулок в такое раннее время обычно тих и транспорт без особой нужды сюда не заезжает, то она предположила, что Андрей таки

умудрился забыть дома нечто жизненно необходимое. Она кинулась к окну. Оказалось, что подъехало не такси, а белая «Тойота», откуда вылезла Лариска из шестой квартиры, существо глупое, злое и красивое, а из другой дверцы появился толстощекий молодой человек без головного убора, причесанный на косой пробор, одетый в пальто на пять размеров шире, чем следовало. Толстощекий оперся на крышу машины со своей стороны и давал Лариске какие-то указания, а она кивала и переступала с ноги на ногу — очевидно, торопилась в уборную. Все это было мало похоже на расставание влюбленных, но в любви ведь главное — не манера расставаний и встреч, а то, что происходит между этими событиями.

В тот момент, когда Лидочка поняла, что эта сцена ее не касается, и намеревалась отойти от окна, в переулок ворвалась еще одна машина, вишневая «Нива». Толстощекий обернулся в ее сторону. Вторая машина затормозила, поднимая облачко пухового, выпавшего за ночь снега. Когда она, почти остановившись, поравнялась с белой «Тойотой», стекла с этой стороны опустились и оттуда высунулись руки. При свете уличного фонаря Лидочка успела сообразить, что в руках были пистолеты. Это смахивало на американский боевик, и Лидочка догадалась, что за этим кадром неизбежно последует второй — вспышки желтого огня из пистолетов, падающие фигуры, кровь на снегу...

Так и оказалось. Началась стрельба. Толстощекий что-то кричал и отмахивался от вспышек, как от пчел, завопила Лариска и побежала к подъезду. Вокруг Лидочки гремело и звенело, «Нива» рванулась вперед, и Лидочка кинулась было к двери, но, вспомнив, что она в халате и шлепанцах, побежала обратно к окну. На снегу расплылось темное пятно, но возле пятна никого не было. Лидочка увидела, что Лариска тащит толстощекого к подъезду, а его светлое пальто испачкано, рука безжизненно болтается, а с пальцев льется тонкая струйка крови. Лариска, надрываясь, упорно волокла мужчину, понимая, что оставлять раненого на улице в двадцатиградусный мороз дожидаться «Скорой помощи» было для него убийственно.

В кухне резко дохнуло холодом, и Лидочка поняла, что окно разбито — остались лишь острые ножи стекла, которые стремились к середине, в одном из ножей была круглая дырочка с лучиками: в стекло угодило несколько пуль, хотя Лидочка могла поклясться, что стреляли в толстощекого, а вовсе не по ее кухонному окну на втором этаже.

Одна пуля попала в раму и пропилила в ней ровную полукруглую канавку, а когда Лидочка стала обозревать кухню далее, чтобы определить, что же еще натворили в ее доме участники рассветных боев, то увидела, что ее любимый белый кувшин, который она лет шесть назад купила в Таллине, разбился.

Законопослушный обыватель обязан вызвать милицию, если под окном убивают людей. Лидочка смахнула с телефона осколки и белую фаянсовую пыль, набрала «02» и стала объяснять сердитой девице, что звонит со Средне-Тишинского переулка, но девица оборвала Лидочку, сказав, что сигнал уже прошел и оперативная группа выехала.

Именно в тот момент, обозревая кухню, Лидочка подумала о том, насколько обычны в нашей жизни невероятные совпадения.

Во-первых, маловероятно, что настоящее покушение с участием автомобилей, красавиц и миллионеров, а тем более в семь утра, произойдет точно под окном твоей кухни. Еще менее вероятно, что ты будешь стоять у окна, а случайные и неслучайные пули будут летать вокруг тебя, бить твои стекла и посуду. С другой стороны, можно подумать: «Как мне повезло, что Андрюша успел покинуть поле чужого боя за пять минут до его начала!»

Но невероятные совпадения того дня, из которых складывается наша обыкновенная жизнь, еще только начинались.

И они были скорее грустными, чем забавными. Разумеется, спать совсем расхотелось, и Лидочка стала ходить вокруг телефона и ждать, когда любящий муж позвонит из Шереметьева, чтобы сообщить, как хорошо он доехал до аэропорта, и она на это скажет ему, что только что вышла из-под обстрела. Потом Лидочка решила, что из Шереметьева дозвониться нелегко, но продолжала надеяться, только вынесла телефон в коридор и закрыла дверь на кухню, пока из квартиры не выдуло остатки тепла.

Раз телефон молчал, Лидочку подмывало позвонить кому-нибудь из знакомых и сообщить о том, что она пережила

перестрелку. Но тех, кого она любила и кого могли заинтересовать ее приключения, было жалко будить. А тем, кого будить не жалко, было плевать на приключения Лидочки. Так что она накинула пуховик и возвратилась к окну, чтобы сверху наблюдать прибытие «Скорой помощи» и милицейского «жигуленка». Их встречалаЛарискина мамаша в лисьей дочкиной шубе внакидку. Эта тупая страхолюдина просто лучилась счастьем, потому что оказалась в центре внимания.

К тому времени уже весь дом проснулся и был в курсе событий. Наверху топали, внизу слышались голоса, и все недостатки массового типового строительства в то незадачливое утро стали особенно очевидны. Можно было слышать, как время от времени хлопала входная дверь, и тогда Лидочка приклеивалась к окну, чтобы не пропустить продолжение этого увлекательного фильма.

Через какое-то время медики вынесли из подъезда носилки с раненым. Лариска бежала рядом. Несмотря на сопротивление врачей, она все же залезла в карету «Скорой помощи» и укатила в больницу со своим капиталистом — пожалуй, она решила полюбить его за муки.

Карета уехала. Стало уже совсем светло. В дверь позвонили, и Лидочка почему-то решила, что принесли почту.

Она подошла к двери и спросила:

— Почта?

Приятный баритон ответил вопросом:

— Ну какая может быть почта, гражданка, в восемь часов утра?

Лидочка внутренне согласилась и отворила дверь.

За дверью стоял милицейский лейтенант лет тридцати, высокого роста и самоуверенной красоты, выдававшей в нем не очень умного человека.

— Извините, — сказал он, не делая попытки войти в квартиру или совершить какое-нибудь иное насильственное действие. — Здесь на площадке холодно и дует, а вы практически босиком. Вернитесь, пожалуйста, в квартиру.

Этими словами он растрогал Лидочку, и та сказала:

— Заходите, заходите, вы, наверное, по поводу стрельбы?

Лейтенант вошел и остановился в прихожей.

За его спиной обнаружился ранее не замеченный комендант Каликин в старой боевой шинели с нашитыми на нее

орденскими планками. Такие же комплекты были прикреплены к его кителю, пиджаку и спортивной куртке. Лидочка подозревала, что и к халату, но в халате ей видеть коменданта не приходилось.

— Я могу разуться, — сказал лейтенант.

— Не надо, я вас прямо на кухню поведу, — сказала Лидочка. — Они вели стрельбу по окнам.

— Старший лейтенант Шустов, — сообщил милиционер, — Андрей Львович. Из восемьдесят восьмого отделения милиции. Провожу дознание по поводу стрельбы, которая имела место у вашего дома.

Он говорил так, словно заранее составлял протокол. Отрепетирует и перепишет на бумажку.

— Смотрите, — сказала Лидочка и почувствовала, как в ней постепенно растет праведный гнев. — Вы только посмотрите, во что они превратили мою кухню. Вы не боитесь мороза?

Она открыла дверь на кухню. Там стоял жгучий мороз.

Комендант Каликин отпрянул, но лейтенанта холод не пугал.

— Оставайтесь в помещении, — приказал лейтенант Андрей Львович Шустов. — Или наденьте какие-нибудь валенки — на вас смотреть страшно. Верное воспаление легких.

Он прошел к окну и стал разглядывать его разбитую створку.

— Надеюсь, вас рядом не было? — спросил он.

— Вот именно, — ответила Лидочка. — Я тут и стояла.

— Ясно, — сказал Андрей Львович. — На шум побежала. Как мотылек на свет фонаря. Я точно выразился...

— Лидия Кирилловна.

— Вот именно, Лидия Кирилловна. Сотни людей, не менее достойных, чем вы, находили свою смерть по причине любопытства.

— Я больше не буду, — сказала Лидочка. Ей стало спокойно, потому что при таком человеке ничего плохого произойти не могло. Она пошла в спальню и крикнула ему оттуда: — Андрей Львович, вы пока изучайте, а я оденусь. В самом деле, неудобно.

— В самом деле, — согласился Андрей Львович. — И на ноги что-нибудь потеплее. А потом принесите мне плед, пожалуйста.

— Плед?!

— Или одеяло! — закричал комендант. — Мы пока прикроем окно.

Лидочка быстро оделась. Она слышала, как старший лейтенант прошел по прихожей, выглянул на лестницу и кому-то крикнул:

— Ты зайди сюда, Смирнов, ты посмотри, как общественность страдает!

Сразу же по прихожей затопали сапоги, и голос тонкий, вовсе не начальственный, подтвердил из кухни:

— Черт знает что делают.

Второй милиционер оказался капитаном, низеньким, животастым, ему было зябко и не очень интересно. Лидочке показалось, что он больше всего хочет возвратиться в их теплое тесное восемьдесят восьмое отделение, которое было ей известно по всевозможным паспортным делам. В прошлом году она как раз теряла паспорт и восстанавливала его, ожидая своей очереди в узком коридоре, по которому очень деловито проходили парни в штатском — видно, спешили ловить опасных бандитов, а те милиционеры, что в форме, курили на крылечке, рассуждая о ремонте машин.

— Вы сюда не заходите, Лидия Кирилловна, — сказал Андрей Львович. — Обязательно схватите воспаление легких.

«Наверное, у него с этой болезнью связаны какие-то жуткие воспоминания, — подумала Лидочка. — Может быть, она унесла всю его семью».

Лидочка послушно закрыла дверь на кухню. Все равно квартира выстудилась. Даже хотелось надеть пальто и сапоги, но как-то неловко было ходить в таком виде по собственному дому, когда воспитанный Андрей Львович свою шинель снял и теперь терпел на кухне жгучий мороз. Из кухни выскочил комендант Каликин, воротник шинели был поднят, шапка нависла над костяным носиком, нижняя губа отвисла и дрожала от холода.

— Ремонт надо делать, — сообщил он, прикрывая дверь. — Срочно нужен стекольщик, а где его найдешь?

— Вы мне поможете? — спросила Лидочка и обрадовала этим вопросом коменданта.

— Нелегко, — сказал он, — но для вас как пострадавшей я обязан, слово ветерана!

Серые глазки ветерана слезились от холода.

На кухне шел спор и проникал сквозь дверь.

— А я что могу поделать? Он вчера обещал камеру починить. Обещал? — это был голос толстенького капитана.

— Ну почему у вас все ломается именно тогда, когда нужно срочно? — сердился лейтенант Шустов.

— Знаете, у вас, оперативников, все просто — догнал, поймал, пристукнул, — гневался толстенький капитан, отступая из кухни под напором лейтенанта Шустова. Он открыл дверь и вместе с волной мороза выкатился в коридор.

— Ну почему ты ее не задержал? — спросил лейтенант.

— А как ты ее задержишь, если она не в свою смену вышла и ей ребенка в детский садик вести?

Они надвигались на Лидочку и совсем было притерли ее к стенке, но на помощь пришел комендант.

— Товарищи милиция, — сказал он. — Вы мне жиличку совсем замордовали. Она человек случайный, но жертва. У нас как бывает — стреляют, наводят беспорядок, а в результате наблюдаются жертвы из мирного населения.

Лидочке порой казалось, что костеносый комендант начитался рассказов Зощенко и старательно подражает их персонажам.

— А Кацнельсон где? Разве у него камеры нет?

— Кацнельсона я поднимать не буду, он сутки отдежурил, — ответил капитан.

— Но нельзя же, в самом деле, зимой человека с разбитым окном оставлять, — заметил лейтенант Шустов.

— Пускай гражданка часа три потерпит, я в райотделе кого-нибудь попрошу.

— Как так потерпит? — возмутился комендант. — Чего она потерпит?

— Пока придет фотограф, — ответил толстенький капитан. — Мы должны снять следы на кухне.

— А где раньше были? — строго спросил комендант. — Ведь на улице тетка снимала — и в подъезде. Я сам видел.

— Тетка уехала, — ответил лейтенант. Он чуть улыбнулся. Почему-то сравнение фотографа с теткой его развеселило.

— А вы пока и пригрейте вашу соседку, — буркнул толстый капитан.

— Соседку? — комендант вдруг обиделся. — Я здесь работаю, а проживаю в другом районе.

— Так пригрейте в другом районе, — сказал капитан, проталкиваясь к двери.

— Во-первых, — рассудительно ответил комендант, — каждый знает, что у меня третий месяц сестра из Чечни, бежавшая с тремя детьми, живет. Во-вторых, как, простите, гражданка Берестова будет оставлять квартиру без присмотра, да еще с открытым окном?

— Ну, сюда не залезут, — сказал с лестницы капитан.

— На второй-то этаж? — комендант даже обиделся. — На второй этаж запрыгнуть можно. Позову Бубку, он и прыгнет.

«Нет, наверное, он успел с утра выпить, — подумала Лидочка. — Уж очень образно мыслит».

— Да обойдетесь вы без этих фотографий! — рассердился комендант. — Пишите протокол. Пожалейте интеллигентного человека!

Никогда раньше Лидочка не ощущала такой теплоты и заботы со стороны Каликина.

— У нас, — сказал заботливый комендант, — пока что нужного размера стекла есть, а завтра уже не будет.

— Нет, — прогудел баритон Андрея Львовича. — Мы тогда оставим все как есть, а в десять я лично подниму Осипа Давыдовича, и мы его пошлем сюда сделать фотографии.

— Так, — сказала Лидочка. — Мне надоело мучиться. Какой вам нужен фотограф?

— Понимаете, — красивый Андрей Львович попытался донести до ее сознания, что дважды два четыре. — Мы имеем дело с вещественными доказательствами серьезного преступления. Характер повреждений вкупе с баллистической экспертизой могут помочь нам определить преступников.

— И что же вас останавливает? — спросила Лидочка, словно не догадываясь о милицейских проблемах.

— Как всегда, — развел руками лейтенант. — Техника подводит.

— Пока мы все не умерли, — сказала Лидочка, — я вам сделаю нужные фотографии. А вы за это оставите меня в покое.

— Лидия Кирилловна, — вежливо произнес Андрей Львович. — Вы меня не так поняли. Мне нужны не любительские

фотографии, а профессиональные. Это нелегкая и специфическая работа. Поэтому я советую вам поехать куда-нибудь к родственникам, погреться...

— А я не советую оставлять квартиру без присмотра, — резко возразил рыцарь Каликин. — Мало ли кто теперь под видом проникает?

— Пожалуйста, выслушайте меня, — произнесла Лидочка, стараясь не стучать зубами. — Я работаю в музее, фотографирую всевозможные специальные объекты, например, насекомых или растения. Для научных изданий. Мои фотографии печатались во многих странах — это не любительские фотографии. Я могу точно воспроизвести на пленке любой предмет, в нужном вам масштабе. А для того чтобы вы поскорее ушли и позволили товарищу Каликину вставить мне стекла, я готова потратить на ваши цели «Кодак» и доставить фотографии по назначению через два часа.

— Нет, спасибо, — ответил твердо Андрей Львович. — В любом деле должен быть профессионал. Одни фотографируют бабочек, а другие — трупы.

— Какое счастье, — не выдержала Лидочка, — что вам сегодня не досталось ни одного трупа, а то пришлось бы их зарисовывать.

— Слушайте, Лидия Кирилловна, — решил помочь ей Каликин, — вы им покажите какие-нибудь журналы. Может, проникнутся?

Лидочка отрицательно покачала головой.

Она взяла с подоконника мокрого Ваню — как-то привезенное с юга и безумно разросшееся растение, о котором в суматохе забыла. Вернее всего, на таком морозе мокрый Ваня погиб.

— Не смейте! — закричал Андрей Львович.

— Оставьте меня в покое, — совсем уж рассердилась Лидочка. — Мы не можем с вами до бесконечности стоять в моей кухне и губить растения только потому, что вы не умеете работать.

— Это мы еще посмотрим! — воскликнул Андрей Львович. Но толстый капитан, вернувшийся от двери, потянул лейтенанта за рукав. Ему не терпелось уйти.

— А пускай она снимет, Андрюша, — сказал он. — А то в самом деле только время теряем.

Андрей Львович изобразил грозный взор. Он никак не мог придумать достойного пути отступления.

Тогда Лидочка, обняв холодный глиняный горшок с поникшими ветвями, ушла к себе в комнату. Ей показалось, что там тепло, как на июльском пляже. Хотя она понимала, что это тепло — лишь видимость и даже здесь температура приближается к нулю, что плохо отразится и на других цветах, стоявших на окне.

Открыв шкаф, Лидочка вытащила «Минолту», в которую как раз был заряжен «Кодаколор» и оставалось еще полпленки. Вспышка на «Минолте» была хорошая, кольцевая.

Ей хотелось произвести впечатление на этого упрямого красавца.

Когда она возвратилась на кухню, Андрей Львович вел телефонный разговор со своим отделением. Капитан исчез, комендант подпрыгивал от холода, и полы шинели ритмично взлетали.

— Что снимать? — спросила Лидочка.

Андрей Львович сдался и доступно объяснил Лидочке ее простую задачу: сфотографировать разбитое стекло, канавку в раме, а потом найденную возле дальней стены пулю и выщерблину на стене. Лидочка спросила, стоит ли сфотографировать осколки белого кувшина, но Шустов ответил, что кувшин его не интересует.

Лидочка приложила к раме прозрачную полуметровую линейку с делениями для масштаба. Никто ее не похвалил за такой научный подход к делу, но никто и не помешал приложить линейку. Когда Лидочка сфотографировала щербину на дальней стене и пулю на полу, Андрей Львович оторвал в туалете от рулона кусок бумаги и, завернув в нее пулю, положил в карман.

Во время работы Лидочка чуть согрелась — но эта иллюзия исчезла через минуту после того, как закончила снимать. Она поспешила к себе в комнату и там стала дышать на пальцы, чтобы их отогреть.

Вскоре заглянул лейтенант.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал он.

— Фотографии я вам сделаю к вечеру. Время терпит?

Она знала, что время терпит, и лейтенант знал, что время терпит.

— Не спешите, — сказал он. — У нас бы они раньше чем послезавтра не отдали. То бумаги нет, то фиксаж кончился. Обеднели, стыдно признаться. С этим надо кончать!

С чем надо кончать, Лидочка не поняла.

— Если вам удобнее, — совсем уж миролюбиво закончил лейтенант, — то давайте поговорим в отделении. А потом уж следователь в прокуратуре с вами встретится. Тут пахнет организованной преступностью, а такие дела ведутся там.

Старший лейтенант показал пальцем на потолок, где положено заниматься организованной преступностью.

— А когда вы хотите меня видеть? — спросила Лидочка.

Они стояли в прихожей. Дверь на кухню была закрыта, но из-под нее тянуло холодом.

— Вот комендант вам стекла вставит, вы к нам и заходите. Я еще по улицам пройду — но вряд ли кто-то что-нибудь видел. Может, вы и будете наш единственный свидетель.

— К счастью, я ничего особенного не видела, — поспешила ответить Лидочка. — И интереса для преступников не представляю.

— Не шутите этим, — сказал старший лейтенант. Он был катастрофически лишен чувства юмора.

— Так я пошел за стеклом? — спросил комендант.

— Идите, идите, — велел лейтенант.

— А кто оплатит материал и работу? — спросил комендант у Андрея Львовича.

Тот пожал плечами. И Лидочке был ясен этот жест — «я эти окна не бил, почему меня нужно спрашивать?».

Комендант ушел за милиционером. Он поклялся, что тут же будет обратно — одна нога здесь, другая там. Не успеешь замерзнуть. По крайней мере, до смерти не замерзнешь.

Теперь, когда все убрались из дома, можно либо спрятаться в спальне, либо пойти на лестницу — там теплее. Но там можно встретить кого-нибудь из любопытных соседей. Сейчас бабушки и домохозяйки пошли гулять с собаками, а прогулки с собаками заменяют давнишние прогулки по главной деревенской улице — к середине улицы все новости уже известны.

Придерживая воротник пуховика, Лидочка подошла к окну. Уже совсем рассвело, снег был куда светлее сизого неба. Несколько ворон расселись на ветвях тополей в детском

садике на другой стороне переулка. По очереди они слетали вниз, на мостовую, на снег, ходили возле кровавых пятен, разглядывая, но не трогая их. Собака, из непородистых, что развелись за последнее время в доме, — таких дешевле кормить, — потащила Рыжову из второго подъезда к красному пятну, а хозяйка стала оттаскивать собаку и тут же натолкнулась на председателя кооператива Добровольского, в вышедшей из моды пыжиковой шапке пирожком и с толстой тростью, — тот уже, конечно, все знал и занял пост возле кровавых пятен, чтобы популярно разъяснить обитателям дома суть ночных событий.

Лидочка оторвалась от окна, под которым собрались уже человек шесть, не считая собак, и кто-то уже кинул взгляд наверх, на разбитое стекло ее кухни.

Вскоре пришел комендант. Он вел себя как заговорщик, посвященный в страшную тайну. Сразу прошел на кухню, поставил стекла к стенке и выглянул в окно. Потом стал вытаскивать из затвердевшей и замерзшей замазки зубы стекол и притом покрикивал на зевак, чтобы шли по своим делам, нарочно привлекая этим к себе внимание.

Лидочке казалось, что с приходом коменданта сразу стало теплее, и она даже вознамерилась пойти к нему на кухню, чтобы поставить чайник и согреть отважного мастера, но тут зазвонил телефон.

Этот звонок относился к области совпадений, потому что Татьяна Иосифовна Флотская не смогла бы застать Лидочку дома — не будь рассветной перестрелки, она бы уже ехала на работу. Так что пуля, неточно выпущенная из автомата в Средне-Тишинском переулке, послужила толчком к дальнейшим невероятным событиям.

Лидочка прошла с телефоном в туалет, куда не так громко доносились удары коменданта, который отбивал замазку, и спросила, кто звонит.

— Простите, — произнес капризный женский голос, за которым Лидочке почудилась средних лет аристократка в китайском атласном халате. — Правда ли, что я говорю с Лидией Кирилловной Берестовой?

— Это вы? — почти догадалась Лидочка. — Это вы, Татьяна Иосифовна?

— Только не надо утверждать, что ты со мной знакома, —

отозвалась аристократка. — Если я тебя и видела младенцем или качала на коленке, то совершенно запамятовала этот исторический момент. Но я рада, что ты меня все же отыскала. Честное слово, рада. И чтобы услышать твой голосок, я прошла больше километра до телефона-автомата — единственного средства связи нашего поселка с городом. И если у нас случится беда, надо будет вызвать «Скорую», то я со всей ответственностью утверждаю, что машина приедет через неделю после смерти больного!

— Но где вы, Татьяна Иосифовна?

— Разве я тебе не сказала?

— Нет еще.

— Я получила зимнюю дачу, от «Мемориала». Слышала о такой организации?

— Разумеется.

— Ты можешь называть меня тетей Таней, правда, если сочтешь это возможным.

— Спасибо.

— Поняла. Я привыкла к обертонам в чужих интонациях. Следовательно, пока я для тебя — Татьяна Иосифовна. Кто там у тебя стучит?

— Окно разбилось, — сказала Лидочка. — Сейчас вставляют новое.

— Ты на каком этаже?

— На втором.

— И, конечно же, без решеток. Одинокая женщина без решеток на окнах второго этажа — верная кандидатка на изнасилование. Тебе кто-нибудь об этом говорил?

— К сожалению, пока что нет. К тому же я замужем, только мой муж в командировке.

— Считай, что ты получила бесплатный совет и поторопишься его исполнить. Или подвергнешься нападению. Ты что молчишь? Ты подверглась?

— Простите, Татьяна Иосифовна, — произнесла Лидочка. — А нельзя ли мне все рассказать вам при встрече?

— Ты хочешь меня повидать?

— Да.

— У тебя ко мне дело или сентиментальные переживания?

— Простите, дело.

— Замечательно! Ненавижу лицемерок. И дело требует личной встречи?

— Да.

— Странно, я не думала, что у нас с тобой могут быть дела. Честно говоря, я вспоминала о твоем существовании раза три в жизни, когда листала семейный альбом и видела фотографию твоей бабушки. Она умерла?

— Да, — ответила Лида. — Она умерла.

Из кухни донесся пронзительный скрип, затем частые удары и треск. Лидочка догадалась, что комендант надрезал алмазом полосу стекла, а затем, постучав по краю ручкой резака, отломил ее.

— Разумеется, Лидочка, я рада, что ты меня отыскала. Так тяжело терять близких... Но я думаю, что ты искала меня не из-за родственных чувств.

Когда-то Маргошка Потапова жаловалась на свою дочку, что растет она — исчадием советской эпохи. Это были слова Маргошки. Маргошка имела все основания так рассуждать, проведя лучшие годы рядом с вершиной власти, и, какие там выводятся исчадия, знала отлично. Таня училась в сто десятой школе, с младенчества знала, что такое персональная машина и почему ей не надо готовить домашних уроков — все равно похвалят и переведут. За это, за маму и папу, арестованных в начале войны, она была жестоко и несправедливо наказана. Ее выслали из Москвы в сорок шестом году, в день, когда она получила серпастый и молоткастый паспорт. Страна успешно завершила борьбу с бесчеловечным нацизмом, комсомольцы совершали все новые подвиги, а девочка Таня Флотская ехала по этапу на восток, потому что на нее давно, уже несколько лет, лежала убийственная разнарядка — как подрастет и изготовится мстить за родителей — тут же изолировать. В последующие годы избалованную пухлую, добрую, хорошенькую девушку Таню Флотскую били, насиловали, морили голодом и холодом. Она под гнетом этой немыслимой жизни коренным образом изменилась и выросла бабой наглой, хитрой, жадной и лживой, она стала тусклым исчадием советской эпохи и научилась в ней безбедно существовать. Но не более того — существовал некий мистический барьер, который вставал на ее пути, как только судьба подводила ее к богатству или к счастью. Миновать этот барьер она так и не смогла.

В лагерях она пробыла недолго, зато несколько лет съела ссылка в Муйнаке, притулившемся с юга к Аральскому морю. Была она кастеляншей, библиотекаршей, санитаркой и даже поварихой в рыболовецкой артели и твердо усвоила, что за пайку надо платить.

Несмотря на тяготы юности, выросла она знойной красавицей, такой, что никогда не догадаешься, что она прошла через гнилые вертепы, а казалось, что это сытое, отмытое и умасленное благовониями балованное дитя гарема.

В Нукусе она окончила пединститут, ей пришлось выйти там замуж за преподавателя марксизма-ленинизма, тоже из бывших, потом ее понесло от мужика к мужику, все они попадались умельцы получать свое и не дать Татьяне заслуженной доли. В путешествиях по стране она сменила несколько мужей и любовников, прижила с одним из них дочку Аленку, сама все толстела от романа к роману. Наконец осела в Москве, подкинула дочь Маргарите, бросила мужа-профессора взамен на деловитого, уставшего от московских интриг корреспондента «Юманите». Это была перспектива заграницы и настоящих денег. Но счастье лишь поманило. В душный день на экскурсии в Сухуми Мишель умер от инфаркта. Бывший муж не принял обратно раскаявшуюся Татьяну.

Бежали годы, и даже косметические вмешательства не могли удержать расползающееся лицо и мягкое тело Татьяны. Каинова печать неудачного брака с иностранцем зарубила маленькую карьеру. Пришлось заниматься переводами по журналам и даже кое-какой распродажей подарков, за каждым из которых скрывалась романтическая страсть прошлых лет. Обнаружилось, что жизнь пролетела слишком быстро и виноваты в том большевики. Когда же большевики начали терять власть, Татьяна догадалась, как можно использовать их падение, чтобы извлечь шерсти клок из губителей ее молодости. Она быстро и крепко прижалась к «Мемориалу», организации бывших политических заключенных и иных жертв сталинского режима. И там, использовав опыт лагерной и ссыльной жизни да многолетних интриг, вскоре достигла определенных высот. По крайней мере, ей досталось почти постоянное место в писательском Доме творчества «Передел-

кино», достойная пенсия, возможность давать интервью и дважды в год ездить за рубеж в качестве писательницы, так как Татьяна писала беллетризированные мемуары, и первый том уже увидел свет. Ее книга раскупалась потому, что в девяносто первом году откровенные признания дочери Марго Потаповой, любовницы Сталина и жены генерала НКВД, прошедшей лагеря и тюрьмы, утоляли читательскую страсть к темным тайнам прошлого. Со второй книгой дело застопорилось, и Татьяна не могла отыскать издателя — за три года сменилась мода: о лагерях, Сталине и генералах читать не хотели. Но сам факт причастности к разоблачительному процессу и надежда на итальянскую литературную премию для узников тоталитаризма обеспечивали Татьяне Иосифовне некую нишу в мире бывших мучеников. А в то же время Татьяне не хватало именно советской эпохи. В ней она выросла, в ней страдала и в ней прожила все свои взлеты и падения. В новую демократию она не верила, и торгаши ее искренне раздражали, хотя по избранной за нее историей роли ей приходилось избегать дружбы с коммунистами. Когда-то давным-давно она подкинула свою маленькую, прижитую в неудачном союзе дочку Маргошке и умчалась строить личное счастье. Маргошка и Алена не простили ей этого предательства, но и они не были Татьяне нужны. Когда Марго умерла, Татьяна даже не появилась на ее похоронах, а на следующий день уехала к далекой родственнице во Францию читать там перед узким кругом интеллектуалов лекции о Сталине, о тиране, который любил качать ее на коленке и шутя пускать сладкий удушающий трубочный дым ей в носик...

Лидочка Берестова, давно забытая, сразу попала в категорию ненужных родственников, но Татьяна понимала, что отделаться от нее всегда успеет, сначала надо выяснить, зачем та ее разыскивает.

— Я вас искала не только из родственных чувств, — призналась Лидочка. — Мне хотелось с вами поговорить. Я не отниму у вас много времени.

— Это не телефонный разговор? — спросила Татьяна.

— Не знаю, — улыбнулась Лидочка. Но Татьяна, конечно же, этой улыбки не уловила.

— Я не покидаю мою скорбную обитель, — сообщила

Татьяна почти серьезно. — Осталось так мало жить, а надо рассказать людям правду.

— Я могу приехать к вам, куда вы скажете.

— Ну что ж, — в голосе Татьяны появились такие знакомые Маргошкины нотки: Лев Толстой рассуждает вслух, когда допустить пред свои очи надоевшую поклонницу. — Ну что ж, давайте заглянем в мою записную книжку...

Лидочка явственно услышала, как на другом конце линии шуршат страницы блокнота. Комендант на кухне вслух выругался, возглас еще не утих, как раздался звонкий грохот. С ужасом Лидочка догадалась, что он уронил на пол только что обрезанное стекло. Обняв телефон, Лидочка бросилась на кухню. Разбилось не стекло — разбилась литровая бутыль с подсолнечным маслом, которая стояла на кухонном столе. Почему Лидочка ее не спрятала — уму непостижимо... Комендант глядел на хозяйку, как кот, застигнутый с ворованной селедкой в зубах, а Лидочка сказала:

— Ну и слава богу.

Она отлично понимала, каково оттереть кухонный пол от разлитого по линолеуму подсолнечного масла, но была счастлива, потому что будет это делать в тепле — стекло цело.

Комендант, конечно, не понял причин радости и принял улыбку за грозный оскал.

— Я сам, — сказал он. — Вы только скажите, где тряпка, и я сам.

— Вставляйте стекло! — сурово произнесла Лидочка, сообразив, что надо воспользоваться обстоятельством и поторопить замерзшего коменданта. И была права.

Возвращаясь в спальню, подальше от двадцатиградусного мороза, она всей спиной чувствовала, как спешно и бережно комендант потащил стекло к очищенной от осколков раме.

— Ты меня слушаешь? — пищала телефонная трубка.

— Одну минуту, — попросила Лидочка, — у меня маленькая авария.

— Авария?

— Стекольщик на кухне вылил на пол литр подсолнечного масла.

— О боже! — воскликнула Татьяна Иосифовна, искренне сочувствуя Лидочке. Трудно отыскать на свете нормальную женщину, которая не пришла бы в ужас от такой новости. —

Сначала пожертвуйте губкой, — приказала Татьяна, — и соберите все с пола, как можно тщательнее. Только затем займитесь настоящей чисткой...

— Хорошо. Спасибо, — прервала ее монолог Лидочка. — Расскажите мне, пожалуйста, как и когда мы с вами сможем увидеться?

— А хотя бы сегодня! — ответила Татьяна чуть более радостно, чем можно было бы ожидать.

Лидочка насторожилась. Ничего плохого об этой женщине она не знала, но не доверяла ей. Бывает — человек ничего еще не сделал, но ты ждешь каверзы.

— Ты меня слушаешь, Лидочка? — спросила Татьяна Иосифовна. — Можно тебя так называть?

— Конечно, я буду рада, Татьяна Иосифовна.

— Ведь я куда старше тебя.

— Да, вы старше.

— Значит, тебе нужно со мной поговорить без свидетелей?

— По важному делу.

— Надеюсь, ты не несешь с собой плохих вестей? Плохих гонцов раньше убивали.

Татьяна Иосифовна засмеялась жидким, влажным смехом.

— Честное слово, я не знаю ничего плохого, — поспешила заверить ее Лидочка. — Мне нужен ваш совет по поводу событий, которые случились тысячу лет назад. Когда-то ваша мама приняла у нас на хранение шкатулку...

Краем уха Лидочка прислушивалась к звукам из кухни. И ей даже казалось, что уже становится теплее, хотя надежда на это была наивной.

— Да что я тебя все допрашиваю и допрашиваю, — возмутилась самой себе Татьяна Иосифовна. — Приезжай, конечно же, приезжай. Нынче и приезжай. Я тебе сейчас все расскажу. Бери бумагу и карандаш. Заодно запишешь и расписание электричек.

Лидочка села на край кровати, послушно записала окоченевшими пальцами, как идти, куда поворачивать, какую тропинку выбирать... Но это было не все.

— Да, вспомнила, — сказала Татьяна Иосифовна, убедившись в том, что Лидочка все записала правильно. — Я тут два дня хворала, не вылезала на улицу: мне страшны такие морозы — я тебе как-нибудь расскажу, где и когда я отморозила верхушки легких... Я не выходила, а наш сельский магазин мне недостуиен по расстоянию. Лидочка, не в службу, а в дружбу, запиши, пожалуйста, что нужно больной старухе, чтобы не умереть с голоду и накормить тебя достойным обедом. Хорошо, зайчонок? Только ты не думай, я тебе все отдам, мне сегодня или завтра принесут пенсию, так что все до капельки. Мы, бедные люди, всегда щекотливы в денежных расчетах. Ты меня слушаешь?

— Конечно, Татьяна Иосифовна.

— Знаешь что — называй меня тетей Таней. Честное слово, мне как-то теплее, душевнее слышать от тебя такое обращение. Я испытываю страшный дефицит человеческого общения. Иногда хочется выть. Буквально выть... Эта снежная пустыня и эта собственная ненужность никому на земле...

Наступила тягучая пауза, и Лидочка представила, как Татьяна Иосифовна, тетя Таня достает платок, прикладывает его к увлажненным глазам, к носу. И когда Лидочка мысленно досмотрела эту процедуру, Татьяна Иосифовна произнесла:

— Не слушай меня, старую. Не слушай. Это минутная слабость. У меня есть свой долг в жизни... Приедешь и увидишь меня совсем другой. Это я от простуды расклеилась. Так что записывай, что нужно тебе купить. Картошка у меня есть... впрочем, картошки купи килограмма три. У тебя рынок далеко? Три килограмма, не больше, чтобы не тяжело тащить. Ненавижу, когда молоденькие девушки таскают тяжести.

— Татьяна Иосифовна...

— Тетя Таня.

— Тетя Таня, я давно уже не хрупкая и не молоденькая девочка. Я женщина средних лет и привыкла таскать сумки.

— Ах, оставь! Я же знаю, когда ты родилась! Я все помню.

Черта с два ты что-нибудь помнишь, тетя Таня, подумала Лидочка.

— Говорите дальше, — сказала она. — Я записываю.

— Мясо на твоем рынке есть?

— Должно быть.

— Считай, нам с тобой повезло. На обед у нас с тобой свиные отбивные. Купи шесть штук — вдруг судьба принесет

к нам гостей. Я так не люблю казаться бедной... если тебе известна моя жизнь, то ты поймешь чудачества старухи.

— Ну какая вы старуха! — возразила Лидочка.

— Каждый из нас стар настолько, насколько он себя таким ощущает. А я состарилась давно. Впрочем, давай кончим эту пустую дискуссию. Слушай меня дальше. Я понимаю, что помидоры и огурчики нам с тобой сейчас не по карману, но если вдруг попадутся чуть подгнившие...

Оставляя жирные следы на паркете, в комнату вошел комендант и сказал, не обращая внимания на то, что Лидочка говорит по телефону:

— Я сейчас вставил без замазки — в такую температуру замазка, сами понимаете... Гвоздиками закрепил. Днем второе стекло достану, сделаем все, как в аптеке.

— Подождите, одну секундочку, — сказала Лидочка. — Не уходите.

— Ты это мне? — спросила в трубку Татьяна Иосифовна.

— Нет, тетя Таня. Я все поняла. У меня тут небольшая авария, и мне надо поговорить с человеком.

Комендант подошел к стеллажам с книгами и стал рассматривать книги на верхней полке, закинув голову так, что был виден тонкий пробор, разделявший редкие пряди — буквально по волоску.

— Все. Я поняла, — ответила тетя Таня обиженным голосом, — у каждого свои дела... да, одну секунду! У меня кончился майонез. Может, встретится... но специально его не ищи, хорошо, Лидия?

Лидочка повесила трубку. Она была рада тому, что тетя Таня решила ее использовать по хозяйству. Потеря времени и денег как бы уменьшали объем благодарности, которую Лидочка должна бы испытывать к тете Тане, если та согласится и сможет помочь.

— Я принципиально не беру денег, — громко заявил комендант. — У меня, конечно, было намерение поживиться от ваших благ, потому что я наблюдаю за внутренней жизнью всех квартир и давно надеялся получить в подарок книгу вашего супруга Андрея Сергеевича. Не удивляйтесь, что простой ветеран войны интересуется исторической литературой. Я ведь тоже не всегда был комендантом. Не всегда... Но получилось так, Лидия Кирилловна, что я нанес вред не меньше,

чем принес пользы. И если вы дадите мне тряпку, то я займусь уборкой на вашей кухне, не претендуя на вознаграждение.

Уборкой на кухне он заниматься не собирался, это была дань вежливости, так что Лидочка отдала ему книгу, в которую вложила крупную купюру, а когда дверь за ним закрылась, Лидочка с глухой раздраженной тоской некоторое время стояла в прихожей, медленно поворачивая голову от почти невидных жирных следов коменданта у входной двери к подсолнечным лужам дальше по коридору и масляному морю, которое выползало из кухни и норовило затопить всю квартиру.

Так что ближайшие часы в жизни женщины грозили быть напряженными.

Лидочка дошла было до кухни, от которой уже не так несло холодом, но тут вспомнила — вернулась к телефону, позвонила Алеше в фотолабораторию, объяснила ему, что приедет через час и чтобы тот отменил свой визит к парикмахеру, так как нужны срочнейшие отпечатки.

Потом внутренне собралась, поборола в себе отвращение и, разувшись, направилась прямиком через кухню, стараясь не наступать на осколки бутыли, взяла губку, тазик и занялась уборкой.

Кончила она, и то лишь приблизительно, сбор растительного масла на кухонном полу и в коридоре лишь через полчаса, так что пришлось тут же отмываться и бежать в фотолабораторию.

* * *

— Вы наш следователь? — спросила Лидочка у Андрея Львовича, который работал в кабинете не один — помимо его школьного, обтянутого сверху черным дерматином стола, там стояло еще два таких же. День выдался солнечным, и потому кабинет, покрашенный в казенный голубой цвет, чем-то Лидочке понравился — то ли календарем с Гавайскими островами на стене, то ли тем, что на окне стояло три горшка с цветами. В том числе и мокрый Ваня, только пышный, здоровый, не подмороженный, как у Лидочки.

— Нет, я сыщик, — сказал лейтенант Шустов.

Андрей Львович Шустов, который встретил Лидочку в

коридоре случайно, возвращался от начальства, но сделал вид, что специально вышел ей навстречу. Вряд ли он был настолько глуп, что надеялся на то, что Лидочка ему поверит, но от людей, обладающих глазами столь непроницаемого черного цвета, можно ждать чего угодно.

Он не скрыл радости от встречи с Лидочкой, и это было неудивительно.

Лидочка, помимо очарования, обладала еще одним странным и полезным качеством — она могла передавать, сама не прилагая к тому старания, свое настроение иным людям. И если у нее было настроение хорошее, радостное — а Лидочка была человеком, склонным к смеху и добрым надеждам, хотя жизнь так редко дарила ей основания для надежды, — она могла создать хорошее настроение у человека и куда менее жизнерадостного, чем Андрей Львович Шустов.

Когда они вошли в кабинет, Андрей Львович кивнул на стол у двери и сказал, перехватив взгляд Лидочки:

— Цветы разводит у нас Соколовская, Инна Соколовская. Она скоро придет. Но я тоже обладаю склонностью к комнатным растениям.

«Господи, только не так красиво!» — мысленно попросила Лидочка лейтенанта.

— Вы хорошо сделали, что пришли, — сказал Андрей Львович, изящно поправляя чуть более длинные, нежели положено милиционеру, кудри. — Вы садитесь, Лидия Кирилловна, выкладывайте, что вас привело.

— А я думала, что мы с вами сотрудничаем, — ответила Лидочка. Но было приятно, что Шустов запомнил, как ее зовут.

Андрей Львович засмеялся. Ему понравилась мысль о сотрудничестве с Лидочкой.

Лидочка положила на стол пакет.

— Что это такое? — спросил Андрей Львович, не дотрагиваясь до конверта.

— Вы же просили, — сказала Лидочка и вытащила пачку фотографий.

Лейтенант стал перебирать их, потом разложил перед собой на столе.

На оконном карнизе прыгали две синички — значит, их здесь подкармливали.

Вошла узкоплечая сероглазая женщина — погоны наполовину свисали с ее плеч. Юбка была слишком длинной и широкой.

Не поздоровавшись с Лидочкой — сыщики не здороваются со свидетелями или подозреваемыми, которые проходят у их соседей по кабинету, — она подошла к окну и коротким накрашенным ногтем потрогала землю в горшках.

— Я поливал, — сказал Андрей Львович. — А ты посмотри, ты сюда посмотри! Ты такое видела?

Лидочкин Алеша постарался — содрал с нее как за выставочные работы, но отпечатки были ясные, цвет — лучше естественного, размер тринадцать на восемнадцать, бумага «Кодак». Что еще может пожелать сотрудник Скотленд-Ярда?

Сыщики отделения милиции и не мечтали.

— Это кто тебе сделал? — спросила хриплым голосом Инна Соколовская.

— Вот, Лидия Кирилловна. Она свидетелем проходит по ночной стрельбе. Это у нее на кухне сделано. В порядке любезности.

— А вы что, работаете в ателье? — строго спросила Инна Соколовская, будто намеревалась тут же обвинить Лидочку в принадлежности к преступной группе фотографов.

— Нет, — ласково ответила Лидочка, хотя Соколовская категорически ей не понравилась. — Я сотрудничаю в прессе.

Соколовская положила фотографии на стол и вытащила из бокового кармана кителя кусок бумаги, в которую были завернуты кусочки хлеба. Она открыла форточку, высунула руку в окно и высыпала крошки так, чтобы они упали на карниз под окном, — Лидочка поняла, что Соколовской хочется видеть, как благодарно птички будут клевать ее подарок.

— А я вам не поверил, — конфиденциально сообщил ей Андрей Львович. — Думал — придется обойтись без фотографий.

— Я пошла к Севостьянову, — сказала Соколовская. — Если мой будет звонить, скажешь.

— Скажу, — согласился Андрей Львович, но Соколовская и не собиралась уходить. Вместо этого она уселась за свой стол, вытащила ящик и стала не спеша в нем копаться, выкладывая на стол бумажки и делая из них стопочки.

— Гражданка Берестова, — сказал Андрей Львович и на-

долго замолчал. Лидочка уже догадалась, что он жаждет, чтобы его соратница покинула общий кабинет.

Если не считать настенного плаката-календаря с Гавайскими островами, и прибоем, и пачкой «Баунти» поперек пальмовой кроны, кабинет сыщиков был похож на все подобные кабинеты даже дореволюционного образца, вплоть до особенного тоскливого голубого цвета стен в человеческий рост и побелку выше головы, коричневого стального шкафа, застекленных полок с несекретными бумагами и еще одним сейфом — на низкой тумбе. Приметой времени стояли телефоны — на каждом столе по аппарату.

— Как себя чувствует... пострадавший? — спросила Лидочка.

— Состояние средней тяжести, — ответил лейтенант. — Проникающее ранение в области грудной клетки и пуля в бедре.

— Но он будет жить? — спросила Лидочка, все еще полагая себя помощницей милиционеров.

— Мы надеемся, — сказал лейтенант. Он перекладывал фотографии на столе.

— А кто он такой?

— Его фамилия Петренко. Петренко Александр. Приходилось слышать?

Соколовская неожиданно кашлянула. Предупредительно, как кашляют в фильмах о шпионах, чтобы главный герой не проговорился подосланной к нему врагами проститутке.

Лейтенант, как и положено герою, смутился и сложил фотографии в стопку, как бы подводя итог беседе.

— Спасибо, — произнес он. — Спасибо за помощь. Сегодня я занят, но завтра или, в крайнем случае, послезавтра вам придется дать мне показания. Я вам позвоню домой. Или на службу?

— Домой, — ответила Лидочка, — лучше домой. На службе могут неверно истолковать.

— Надо беречь свою репутацию, тогда истолкуют правильно, — наставительно сказала Соколовская.

— Вы меня неверно поняли, — ответила Лида. — Они удивятся, каких я нашла знакомых.

Лидочка поднялась. В конце концов, она выполнила гра-

жданский долг. Соколовская еле кивнула ей. Лейтенант поднялся, ожидая, пока она покинет комнату.

Лидочка вышла в узкий коридор. Петренко Александр. Какая-то украинская фамилия.

Теперь можно было отправляться на рынок. Лидочка была так рада, что наконец-то отыскала Татьяну Иосифовну, что недоверие новых милицейских знакомых ее не огорчило.

* * *

По дороге с рынка — она обещала коменданту быть к часу, чтобы он занес стекло, — Лидочка побежала по магазинам. Уважаемая госпожа Флотская на даче для жертв сталинского режима ожидала от нее материальной помощи. И Лидочка должна была предоставить ей эту помощь в гигантских масштабах, потому что с Татьяной Иосифовной она связывала большие надежды.

Комендант маялся перед подъездом, правда, чтобы не терять времени даром, давал какие-то ценные указания дворнику, вяло бившему ломом по наросшим под сточными трубами глыбам льда.

Лидочке он обрадовался. Даже не стал упрекать в опоздании — мужчине, даже самому эгоистичному, неловко упрекать в опоздании женщину, которая волочит сумку чуть меньше ее самой размером.

— Я стекло достал, — сообщил он. — Пошли работать.

— Только, пожалуйста, поторопитесь, — попросила Лидочка, — мне надо за город ехать, уже скоро два часа.

— Один миг, одно мгновение, — сказал комендант.

Квартира согрелась, только на кухне было еще холодно, тянуло от незамазанного окна.

Комендант повесил шинель в коридоре, под ней оказался пиджак с такими же орденскими планками.

— Я вам так благодарна, — сказала Лидочка. — Вы меня так выручили, просто не представляете. Вы простите, что я вам даже чаю не предлагаю, я на самом деле тороплюсь. Мне за город надо, а там днем зимой электрички редко ходят.

— К тому же, — подтвердил комендант, — они даже расписание не соблюдают. Доходит до возмутительных случаев. А что за спешка такая?

— Моя знакомая, старая женщина, просила приехать сегодня, — сказала Лидочка. — Я эту женщину давно искала.

— Долг надо получать?

— Можно сказать, и долг. Но не в прямом смысле этого слова.

— Ну, не надо, — сказал комендант, будто утешая Лидочку. — Не хочешь — не рассказывай. Меня эти ваши дела не касаются. А от станции далеко?

— Минут пятнадцать.

Комендант взял у Лидочки столовый нож. Он накладывал на раму и разравнивал им замазку.

— Я вас не задержу, — сообщил он. — Только вы меня развлекайте. В милицию ходила?

— А как вы догадались?

— А мне приходилось с этим Шустовым встречаться, — сказал комендант, — совсем по другому делу. И должен сказать, что он произвел на меня впечатление типичного карьериста. Спешит запрягать. Ну, вас-то он не стал бы мучить — вы жертва случайной бури.

— Я фотографии относила, — сказала Лидочка. — И оказалась свидетелем. Шустов сказал, что допускает, что и в меня стреляли не случайно.

— Я согласен, — ответил комендант. — Вы же стояли в освещенном окне — типичная цель. Вот вас и пугнули, чтобы не заглядывались.

— Вы правы, — сказала Лидочка. — Оказывается, Лариса даже не заметила, какая у них была машина.

— У бандитов? — спросил комендант.

— У тех, кто стрелял.

— Я могу найти оправдание ее поведению, — серьезно сказал комендант. Он завершил обводку стекла замазкой и теперь осторожно вел ножом вокруг него, чтобы замазка легла гладко и красиво. — Кромешная тьма, вспышки выстрелов, крики, кровь... удивительно еще, что она не уползла. Я помню, как в первый раз под обстрел попал, на Западном фронте. Это же ужас. А вы меня спрашиваете, какого цвета был немецкий танк. А я вам отвечу: серо-буро-малиновый. Честно отвечу. Потом-то уж, конечно, научился различать. Но большинство в первые дни погибало.

— Я сначала не подумала, что в меня стреляли, — сказала Лидочка.

— Это вы только подумали, что не стреляли.

— Уже рассвело, а фонари еще горели — все было как на сцене. Я даже теперь могу закрыть глаза и все вижу. Эта вишневая «Нива» и их лица, конечно, невнятно — они в машине сидели, — но тот, справа, был усатый.

— Со страху чего только не привидится, — усомнился комендант. — Где вишневый — там и малиновый, где усы, там и борода.

— Вы мне не верите? — В Лидочке взыграла спесь. — У меня хорошая зрительная память. Я даже номер этой «Нивы» запомнила.

— Номер? В такой темноте и на таком расстоянии?

— Машина остановилась как раз вполоборота ко мне, под фонарем, — ну почему мне со второго этажа не увидеть номера?

— И какой же номер? — спросил комендант. Нет, он ей не верит!

— Я боюсь ошибиться... Кажется, первая буква «ю», потом «24-22» и «МО».

— Московский номер, — сказал комендант, словно его успокоила эта информация. — В милиции сказать надо. Хотя наверняка машина ворованная.

— Я скажу, — пообещала Лидочка.

— А может, промолчать? — задумался вслух комендант. — Если они найдут, то без тебя, а если не найдут, то тоже без тебя. Не исключено, что бандиты и стреляли по окну, потому что им не нужны были свидетели.

Лидочка пожала плечами. Это был абстрактный разговор. Тем более что она не была до конца уверена в своей правоте. И уже сомневалась, таким ли был номер машины.

— Я пойду, — сказал комендант Каликин, — не буду вас задерживать, так как вам предстоит поездка в Переделкино. Я вас правильно подслушал?

Конечно же, он присутствовал при разговоре с Татьяной.

— Сейчас соберусь и поеду.

— Ваша знакомая в Доме творчества советских писателей проживает?

— Рядом. Там есть участок дач, которые снимает для своих активистов общество «Мемориал».

— Как же, — сообразил комендант. — Жертвы культа личности. Но учтите, что среди них скрывались порой и настоящие враги и шпионы.

— Я учту.

— Вам с Киевского вокзала ехать.

— Знаю.

Комендант натянул шинель с орденскими планками. Шинель была ему узка — видно, в боевые годы комендант был стройнее. Потом Лидочка сообразила, что ни одна шинель полвека не прослужит. Значит, как износится шинель, комендант Каликин покупает себе новую, точно такую же.

Глава 2

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Разумеется, электричку в четырнадцать двадцать до Апрелевки со всеми остановками отменили, две следующие в Переделкине не останавливались, и наконец материализовалась электричка до Нары, отходившая в пятнадцать двадцать две, а к тому времени на перроне скопилось несколько сот человек, которые стояли плотно, как на спасательном плоту парохода «Титаник».

Когда состав подполз к перрону, Лидочка не кинулась, подобно остальным пассажирам, к вагонам, а отошла к середине платформы, соразмерила свою позицию с открывающейся дверью и рванулась к ней напрямик, тогда как основная масса конкурентов давилась, вползая в вагон вдоль его стенок.

Правда, пришлось потерпеть, но чего только не вытерпит русская женщина, если спокойна за содержимое сумки, в которой нет ни яиц, ни банок со сметаной, а лежат лишь небьющиеся и немнущиеся продукты, ибо масло, торт и котлеты под влиянием мороза приняли твердый вид — условно можно было считать, что в руке у Лидочки находилась сумка с булыжниками различных размеров и форм.

В вагон Лидочка попала далеко не первой — ее опередили

более шустрые и сильные профессионалы разного возраста и пола, штурмующие эти поезда ежедневно. Но все же ей досталось сидячее место посреди вагона, и за десять минут, прошедших между ее прорывом в вагон и отходом переполненного поезда, она даже успела вписаться в своеобразный мирок, образованный двумя — друг против дружки — скамейками. Шесть мест, семь человек, считая трехлетнего малыша на коленях у мамаши. Итак, четверо взрослых, двое подростков. У девицы на плече сидела грустная белая крыса и мешала юным любовникам целоваться. Они все время шептались, он — сердито, она — лукаво. Потом девица стала гладить и целовать крысу. Лидочка понимала, что наблюдает сцену якобы социального протеста. Подростки сидели у окна, мамаша с трехлетним детенышем, который все норовил погладить крысу, рядом, а на Лидочкиной стороне уместились полная интеллигентного вида женщина лет тридцати, а дальше к окну — мужчина с книгой. Периодически он закрывал книгу и, заложив ее пальцем, начинал мечтать, а все, включая малыша, смотрели на обложку, где парочка испытывала какой-то невероятно изысканный и потому совершенно неправдоподобный способ любви. На самого же мечтательного читателя никто не смотрел.

Поезд нехотя набирал скорость, словно предпочел бы еще постоять на вокзале, перекликаясь и пересматриваясь с другими электричками. Но долг есть долг, и ему пришлось тащить эту толпу пассажиров в снежные подмосковные просторы.

Девица с крысой была желтоволосой, лохматой, хорошенькой, и в ней была некоторая первобытная привлекательность. Правда, до того момента, как она открывала рот и сообщала что-нибудь спутнику. Порой даже крыса поднимала брови и ахала. Крысы не приучены к некоторым словам и интонациям.

Юноше удалось как-то обойти крысу и чмокнуть подругу возле рта. Крыса сбежала на колени девице и строго посмотрела на Лидочку, будто та была во всем виновата. А может, это не крыса, а он — крыс? Король подземного царства, а я отношусь к нему так несерьезно?

— Девушка, прибрали бы вашу тварь, — угрожающе пропела полная Лидочкина соседка.

— А она не кусается, — ответила девица, и они с парнем принялись хохотать, потому что ответ, видно, был отрепетирован давно и казался им удивительно забавным.

Но крыса почувствовала нелюбовь к ней со стороны Лидочкиной соседки и беззвучно змейкой взлетела на плечо девице, где и замерла.

— Специальные отряды существуют, — сказала соседка Лидочке, — чтобы их уничтожать, а некоторые их разводят.

— А она умнее вас, — сообщила девица. — Она все понимает.

— Вы не представляете, как я боюсь этих тварей, — сообщила Лидочке ее соседка, краснощекая женщина с добродушным пуговичным носом и маленькими карими глазами, казавшимися еще меньше из-за выпуклых линз. — Мы их травили в институте, ни одной не вытравили, а кошка умерла.

— Ой! — Лидочке стало жалко кошку.

— Впрочем, она сама виновата, — задумчиво рассуждая вслух, произнесла соседка. — Если б она ловила крыс, не пришлось бы их морить, не погибло бы животное, вы со мной согласны?

— Все равно жалко, — сказала Лидочка.

Они беседовали негромко, словно боялись потревожить чувства девицы с крысой или самой крысы. Но это им плохо удалось: подняв глаза, Лидочка встретилась с крысой взглядом. Крыса слушала весь этот разговор, не спуская черных глазок с женщины напротив. И хотя ни выражение глаз, ни выражение крысиной морды нельзя было разгадать, Лидочке стало неловко перед крысой, об уничтожении соплеменников которой они так равнодушно разговаривали, больше того — жалели кошку.

— Москва превратилась в сплошную помойку, — продолжала соседка, словно они уже давно и дружески беседовали. Она была из тех женщин, что легко сходятся в поездах или даже в очереди и обычно бывают столь настойчивы, что случайный собеседник покоряется и не смеет возразить, даже если вовсе не согласен.

Соседка была доверчива, но настырна, ей обязательно надо было донести до Лидочки груз банальных истин — пересказать газетные и телевизионные стенания.

У Лидочки был с собой недочитанный детектив Рут Рен-

дел, в котором толстый инспектор Уэксфорд отправился ночью к тихой загадочной речке, чтобы отыскать труп невинной девушки. Лидочка достала книжку, раскрыла ее, и соседка, разумеется, тут же спросила:

— Вы читаете по-английски? Я так вам завидую! Знаете, в школе мне казалось, что это совершенно никому не нужно, а теперь поздно. Голова совсем не та...

— Сколько же вам лет? — не сдержалась Лидочка.

— Мне тридцать два, но я выгляжу куда старше, не бойтесь меня обидеть.

По правилам игры, Лидочке положено было возразить, сбросить лет десять с объявленного возраста соседки. Но Лидочка не стала ей подыгрывать. Пускай сама выпутывается. Соседка же замолчала, потому что не знала, как вести себя дальше.

И тут случилась неприятность с крысой.

Лидочка первой увидела причину драмы, но все произошло столь быстро, что она, увидев, не осознала значения виденного.

Виноват был парень.

Высокий, в джинсовой поношенной синей куртке и в кепке, низко надвинутой на нос. Глаз не было видно, но конец крючковатого носа разделял пополам густую щетку усов и чуть не касался вздернутой верхней губы. Лицо было, вернее всего, кавказским, по своей преувеличенной карикатурности схожим с иллюстрацией к диккенсовскому роману, где такие носы и острые подбородки встречались у отрицательных персонажей.

В тот момент Лидочка поглядела вдоль вагона и увидела, как усатый парень не спеша вытащил изо рта белый комок жевательной резинки и, скатав шарик между пальцами, запустил его в крысу, которая сидела на плече у хозяйки спиной к молодому человеку и неодобрительно разглядывала Лидочку.

От неожиданности, а может, от боли крыса подпрыгнула и слетела с плеча девочки на спинку скамейки. Вроде бы первой завизжала Лидочкина соседка и попыталась вскочить на скамейку. Лидочка никак не могла сообразить, что надо сделать, чтобы остановить этот визг, заразный и перекрываю-

щий все шумы электрички — и грохот колес, и устоявшийся гул голосов, и даже заунывное нытье младенца.

Испуганная крыса ринулась было на пол, но, остановленная прыгнувшей навстречу собакой, снова метнулась наверх, угодила кому-то на колени, спрыгнула, понеслась между ног и сумок. Никто, разумеется, не понимал, что произошло. Но визг первой из женщин был искренен и страшен в этом замкнутом пространстве, и люди тут же начали вскакивать, спрашивать, перекликаться и передвигаться толпой к выходу — хотя до очередной станции было еще не близко.

Кто-то подхватил визг Лидочкиной соседки.

Сама Лидочка чуть не упала, потому что владелица крысы сообразила, что произошло, и кинулась вдогонку за своей подружкой. Ей было труднее, чем крысе, вырваться из толчеи и растущей паники, но девушка была сильнее и злее, и потому она все же пробилась к выходу из вагона. Люди, стоявшие в тамбуре, лишь догадывались, что в центре вагона что-то произошло, вернее всего, кого-то убили, но сами еще не выработали для себя линии поведения. Наоборот, они тянули головы, вставали на цыпочки, стараясь разглядеть причину паники.

Лидочка встала — она не могла не встать, — иначе все еще пребывавшая в истерике соседка истоптала бы ее: та взобралась ногами на сиденье и сидела на корточках, крупно дрожа и всхлипывая. Лидочка, в отличие от остальных, знала, что искать глазами, и ей повезло: тесная толпа у самой двери на мгновение раздалась, туда отчаянно стремилась девочка. Лидочке удалось увидеть или угадать белый комочек, вылетевший в тамбур, там, где она мелькнула, в ужасе закричал ребенок — и тут же сквозь толпу прорвались девица со своим дружком.

Скорее из стремления сделать что-то для спасения любимицы, чем желая проявить свою власть над событиями, находящимися совершенно вне пределов этой власти, подросток, бежавший за девицей, рванул стоп-кран, чем вызвал вспышку криков и мужских ругательств, но поезд послушался и дернулся, словно пес, которого хозяин осадил на поводке. Возмущенный голос машиниста возник под потолком вагона. Машинист требовал ответить, что происходит, в противном случае грозил какими-то карами, а женщина, сидевшая напротив, стала показывать в окно и кричать:

— Вот они, смотри!

Подобно чуду — такого быть не могло, — Лидочка увидела, как по склону, покрытому девственным глубоким снегом, бежит, утопая, почти невидимая замаскированная, как финский лыжник белым халатиком, крыса, а на некотором расстоянии от нее, размахивая руками, крича и страшно радуясь своей удаче, карабкаются девица и ее спутник. Крыса первой перевалила через хребет насыпи и скрылась в щели забора, преследователи заметались вдоль забора — поезд двинулся вперед рывками, набирая скорость. Лидочка прильнула к окну, заинтригованная драмой и готовая заплатить любую цену за то, чтобы узнать, чем она завершится, и страстно болея за хозяев крысы. Она успела увидеть, как юноша стал подсаживать девицу, чтобы она перелезла через забор, а когда, поняв, что ничего более не увидишь, Лидочка перевела взгляд внутрь вагона, поняла, что все, буквально все, кто мог, — глядели в окно. И теперь один за другим отваливались от живого экрана, усаживались, утрясались, кляли молодежь, а этих, сбежавших с крысой, тем более, и никто не заступился за них, а Лидочка не посмела пойти против течения. Впрочем, ее мнение никто и не спрашивал. Соседка Лидочки спустила ноги, уселась как следует, а места убежавших заняли два старичка, схожие, грустные и немного пьяные.

— Сумасшедший дом, — сказала соседка Лидочки. Она вынула большой несвежий платок и принялась громко сморкаться. Потом извинилась перед Лидочкой, как перед знакомой, и сказала, что это у нее нервное — всегда так случается, если она переволнуется.

— Вы думаете, они поймают то животное? — спросила соседка.

— Это будет ужасное горе, — ответила Лидочка, — если крыса погибнет.

— Вы в самом деле ее жалеете?

— Не крысу, а девочку, — сказала Лидочка.

Соседка отвернулась и стала глядеть в окно. Снег, прошедший ночью, прикрыл простынкой придорожную грязь, накопившуюся за недели, сровнял следы, принес обманчи-

вую тишину и благополучие, словно уговаривал поверить в зимнюю девственность природы.

— Как странно, — сказала соседка. — Совсем нет границы между жизнью и смертью. Даже плакать хочется. — Она уперлась в лицо Лидочки растерянными близорукими глазами, сведенными в точки сильными стеклами очков. — Мне крысу не жалко, но бывает, что страдают люди. А окружающим совершенно неинтересно. Можно быть убийцей, а никто тебя не может в этом обвинить.

Лидочка послушно согласилась, у нее не было никакого желания поддерживать разговор с этой женщиной, и она даже заподозрила ее в том, что та чувствует себя неловко оттого, что стала источником паники в вагоне. Но вскоре она убедилась, что соседка уже забыла об инциденте и собственном в нем поведении, куда более сильные чувства владели ею.

— Наверное, у меня нервы не в порядке, — сообщила соседка, — я буквально как на иголках сижу. У вас бывало такое чувство?

На свете есть немного стран, где ты рискуешь подружиться с соседкой по вагонной скамейке. Россия — первая из них.

Лидочка делала вид, что читает, но некоторые из заявлений соседки требовали обязательного ответа, и тогда приходилось откладывать книгу, чтобы не показаться невоспитанным человеком.

В сущности, для Лидочки было не столь уж важно, кем будет ее считать визгливая соседка, но, однако, их уже связывали эфемерные нити дорожного знакомства.

Соседка ее, Соня, Сонечка, Софья Александровна, так она представилась, говорила, не умолкая. Она была возбуждена, но Лидочка не знала, то ли это свойство характера, то ли следствие переживаний.

Соседка спросила, до какой станции едет Лидочка, но ответа не дождалась — на самом деле ее не интересовало, куда Лидочка направляется.

У этой Сонечки, очевидно, были проблемы с мужчинами, вернее, с их нехваткой: ногти были слишком ярко накрашены, а лицо разрисовано более, чем нужно для того, чтобы соблазнить Шварценеггера. И в то же время она оставалась непривлекательной, как диванная подушка.

Соня поведала о каком-то газетном сообщении — некий

муж бросил жену с тремя детьми, а когда та стала жаловаться компетентным органам, то он убил ее и всех детей, а может быть, намеревался это сделать. Почему-то с этой темы разговор переключился на события в институте, где работала Софья Александровна. Там одна молодая и прелестная женщина собирается покончить с собой из-за того, что один мерзавец ее оставил. Лидочке хотелось дочитать до конца главу, и потому она лишь кивала головой, словно соглашаясь с сентенциями Софьи, и подробности мучений сослуживицы Софьи пропустила мимо ушей.

Порой Лидочка исподлобья посматривала на парня в кожаной кепке, как бы желая показать ему, что он виновен в эпизоде с крысой, но, конечно же, ни в чем его не убедила — парень равнодушно смотрел в окно и на взгляды Лидочки не реагировал. А Лидочка понимала, что даже если она сейчас встанет, укажет перстом на молодого человека и обвинит его в маленькой житейской драме, то, во-первых, никто ее не поймет, во-вторых, никто не поверит, и, в-третьих, если даже и поверит, то останется равнодушным к тому, что уже стало древней историей для всех пассажиров вагона.

Но в конце концов Лидочка не выдержала и сказала своей соседке, не глядя на человека в кожаной кепке:

— Я знаю, почему убежала крыса.

— Почему? — Соня обрадовалась, что Лидочка наконец-то вступила с ней в разговор, — ее смущала неотзывчивость Лидочки.

— Вон тот парень у дверей кинул в нее жвачкой.

— Вполне возможно, — сразу согласилась Соня. — Мы живем в обществе, где понятия добра и зла перемешались. Зло правит нами.

Лидочка подумала, что краснощекая Соня похожа на школьную учительницу. У нее был профессиональный тон.

— Чего он хотел? — додумала вслух Лидочка.

— Он мог в меня попасть, — Соня состроила жалобную мину, маленький носик даже покраснел, — своей слюной. А что, если он болен СПИДом?

Это был странный вывод. Лидочка обернулась и встретилась глазами с молодым человеком, который запрокинул голову назад, обнаружив под козырьком черные томные глаза.

Он не отвел взгляд, и Лидочке почудилось осуждение, —

может, он обладает таким невероятным слухом, что услышал, о чем они с Соней говорили? Это было немыслимо.

— Они снимают квартиры вокруг Москвы, — сообщила Соня. — Город буквально в осаде.

Лидочка поняла, что соседка имеет в виду «лиц кавказской национальности» — этим гнусным эвфемизмом пользовались даже члены правительства, ибо в нем скрывалась смесь опаски перед организованной сплоченностью чеченцев или, скажем, осетин и презрения великого белого человека к черноволосым кавказцам. Обыватель как бы мстил им за то, что грузины столько лет правили Россией и делали это столь уверенно и жестоко. Может, из-за этого в конфликте грузин и абхазцев многие россияне внутренне были на стороне абхазцев, а наемники из казаков в абхазской армии бились с грузинами не только за хорошие деньги.

Парень кавказской национальности отвернулся и снова посмотрел в окно.

Лидочка подумала: было бы хорошо, если бы он сошел раньше.

— Вам далеко? — снова спросила Соня.

— Мне через одну, в Переделкино, — сказала Лидочка.

— Молодец, — сказала Соня, как будто Лидочка правильно ответила урок, — мне тоже там выходить.

И, несмотря на недавнее желание поскорее отделаться от соседки, Лидочка искренне обрадовалась: Соня выходит вместе с ней, потому что в ней уже созрела внутренняя уверенность, что парень с крючковатым носом тоже едет в Переделкино и что он каким-то образом угрожает Лидочке.

Наверное, десять лет назад, нет, меньше — пять лет, Лидочка не обратила бы внимания на этого парня, по крайней мере, не заподозрила бы угрозы. Какая может быть угроза средь бела дня, когда вокруг люди? Да и кому нужна женщина средних лет и скромного вида? Но пять лет назад людей не расстреливали вот так, запросто у подъезда собственного дома, и в газетах не констатировались очередные убийства очередных банкиров и директоров. Казалось, что даже убийцы перестали бояться кары — масштабы преступлений маньяков стали теперь исчисляться десятками жертв, и это тоже стало привычным.

Лидочка не связывала того кавказского парня с ночными

событиями у дома — к тому не было никаких оснований, но существовало какое-то внутреннее сходство безнаказанности. Лидочке показалось даже, что в мимолетном взгляде, брошенном на нее парнем с крючковатым носом, была наглая угроза, с какой кот смотрит на полузадушенную мышь, с которой еще не наигрался.

Поезд затормозил у занесенной снегом платформы — снег был настолько утоптан по краю, что легко было скользнуть под вагон, и углублен тропой по середине открытой платформы. Железные дороги сдавались разрухе последними, но сдавались и они. Платформы перестали убирать, ступеньки лестниц провалились, у единственного телефона-автомата была оторвана трубка, а бетонный забор, за которым тянулся густой высокий лес, частично рухнул — бетонные квадраты углами высовывались из снега.

— Вам с платформы направо? — спросила Соня.

— Да, — согласилась Лидочка.

Сердце сжалось — парень в кожаной кепке сошел с поезда и сразу стал виден, когда несколько человек, также покинувших электричку, потянулись к началу платформы, где была лестница.

Парень и не думал скрываться. Он словно поджидал Лидочку. Но на нее не смотрел.

— Он мне не нравится, — сказала Соня, как будто угадав мысли Лидочки. — Мне кажется, что он за нами следил. Кстати, у меня есть газовый баллончик. Вы не возражаете, если я его приготовлю к бою?

— Нет, не возражаю, — ответила Лидочка. С Соней ей стало как-то спокойнее. К тому же выглянуло солнце — февральское, еще холодное, но совершенно настоящее, светящее с синего неба, цвет которого был интенсивен из-за снежного царства вокруг. Загрохотала, набирая скорость, электричка и скоро унесла с собой не только грохот, но и все остальные звуки, словно высосала их из воздуха. Лидочка обернулась: парень с крючковатым носом стоял на платформе, разглядывая верхушки сосен. Женщины прошли так близко от него, что Лидочка заметила даже наклеенный на его щеке кусочек пластыря.

— Я надеюсь, что нам по дороге, — сказала Сонечка. — Вы меня взволновали этим чеченцем.

— Почему чеченцем? — спросила Лидочка, уже догадываясь об ответе.

— Они все чеченцы. Или азербайджанцы. Им дома не сидится, а мы, лопоухие, — лучшая в мире добыча. Толстые зайчики, грабь — не хочу.

Лидочка хотела было рассказать Соне, что на рассвете она видела, как убили человека, но спохватилась — получилось бы, что она как бы соглашается с Соней, а она не была с ней согласна. И Лидочка понимала, что в иной ситуации была бы даже рада отвязаться от Сони, существа мелкого, завистливого и питающегося не столько колбасой, сколько сплетнями и суевериями. Но сейчас она была даже благодарна Соне за то, что та мелко, как болонка, семенит рядом, — Лидочке хотелось оглянуться и посмотреть, следует ли за ними тот парень, но надо было заставить себя не оборачиваться. Даже если он идет сзади, он не должен догадаться, что Лидочка его боится, потому что, вернее всего, он очень хочет ее испугать. И только ли испугать?

— Вы не в Дом творчества писателей идете? — спросила Соня.

— Нет. Мне нужны дачи «Мемориала», за Домом творчества направо.

— Вот это совпадение! — обрадовалась Соня.

— Какое совпадение?

— Скоро узнаете. Я загадала и раньше времени не могу сказать.

Узкое шоссе, повернув, вывело их к воротам имения, которое, как сообщила Соня, принадлежало патриарху, потом дорога стала огибать кладбище.

— Вы знаете... — Соня показала на поднимающиеся на холм, прижавшиеся друг к дружке могилы.

— Здесь похоронен Пастернак? — угадала Лидочка вопрос Сони.

— Вот именно, — Соня была недовольна тем, что ей не удалось показать эрудицию. Она шмыгнула покрасневшим помидорчиком носа, поправила толстые очки и мелко засеменила вверх — дорога, обогнув кладбище, сбежала к мостику, за которым справа открылось заснеженное поле, а слева потянулся забор, принадлежавший, как сказала Соня, главному питомнику советских писателей. Здесь в творческих

муках родились многие шедевры социалистического реализма. Соня явно повторяла чьи-то слова, вернее всего поэта-авангардиста, о котором и принялась рассказывать Лидочке:

— Я здесь позатот Новый год встречала, меня тогда один Борис кадрил, он потом в Штаты уехал. Ему самому путевку не дали, но у него там каждый второй — знакомый, вплоть до Евтушенки. Двое суток гудели. Группен-секс был самым невинным развлечением.

Соня привирала, но Лидочка не стала возражать. Сырой морозный ветер дул с поля.

— Здесь природа обалденная, — продолжала Соня. — Тишина, сосны — правда, компания смешанная. Приличных людей немного.

Видно, с авангардистом ничего не вышло. Даже в пределах группен-секса. В то же время поэт-авангардист, склонный к разврату, и в поклонниках украшает женщину. Это тебе не реалист Некрасов.

Из ворот Дома творчества, за которыми были видны старые дачи и гараж, вышла пара пожилых людей, тепло закутанных. Они придерживали друг друга, чтобы не поскользнуться. Шарфы у них были замотаны под поднятыми воротниками, точно как у первоклассников. Старички вежливо поздоровались с Соней.

— Еще помнят, — сразу сообразила Соня. — Два года прошло. Я с ними о жизни много говорила. Он Чехова помнит.

Лидочка не стала спрашивать Соню, в каком году умер Чехов, потому что Соня ответила бы, что речь идет о другом Чехове, скажем, о племяннике великого писателя.

Вскоре забор кончился, и они свернули на узкую дачную улицу, ограниченную оградами из штакетника. Ветер задувал сюда не так яростно, но все равно было зябко.

— Когда вы со мной рядом сели, — сказала Соня, и ее карие глазки излучали радость, — я подумала, вот бы хорошо, если бы мы с вами сошли на одной станции. Вы мне с первого взгляда понравились. Я подумала, а может быть, вы писательница?

— Я художница... и фотограф. Теперь — фотограф.

— А я что говорю! Это же почти одно и то же. Вот моя лю-

бимая писательница Вика Токарева, вы с ней незнакомы? Вика Токарева сама иллюстрации к своим книжкам рисует.

— Вот никогда бы не подумала.

— Вы еще много от меня узнаете! Вы будете благодарить небо, что оно нас свело.

Когда Лидочка сказала, что она фотограф, в том не было притворства. Когда-то она была убеждена в том, что отдала жизнь искусству. Но основным плодом ее таланта стали сотни акварельных иллюстраций к Большому ботаническому атласу СССР, который готовил ее институт. Лидочке пришлось уехать, а оригиналы пропали неизвестно куда. А в последние годы Лидочка увлеклась фотографией, сначала в качестве компенсации призванию, а потом — осознав, что обрела истинное занятие.

Направо вел узкий проулок.

Лидочка остановилась, чтобы попрощаться с Соней. Соня остановилась, чтобы попрощаться с Лидочкой, потому что, как они тут же признались друг дружке, нельзя поверить в столь невероятное, а впрочем, обычное совпадение.

Возвращаясь потом мысленно к произошедшим событиям, Лидочка понимала, что ею управляли чудодейственные совпадения. Ведь и утренняя пуля могла попасть Лидочке в сердце, и потом знакомые бы говорили: «Представляешь, какое невероятное совпадение! Она провожала Андрюшу, подошла к окну, и тут ей в сердце попала пуля рэкетира. В центре Москвы в шесть утра, ты представляешь?»

То, что Сонечка Пищик направлялась именно к Татьяне Иосифовне, а не в любой из домов по Киевской железной дороге — также было удивительным совпадением.

— Сейчас вы мне скажете, — радостно сообщила Сонечка, когда они бок о бок повернули в узкий переулок, — что вам нужна дача номер шесть — бывшего поселка «Чайка», в котором живут ветераны «Мемориала»?

— Дача шесть, — покорно согласилась Лидочка.

— И вам нужна Татьяна Иосифовна Флотская?

— Почему вы так думаете? — частично смирившись с господством случайностей и бессмысленностью здравого смысла, Лидочка все же сопротивлялась слишком обширным знаниям соседки по электричке.

— А очень просто, — глазенки Сонечки за очками сверкали, как в битве, полные щечки алели, а губы бантиком все старались разъехаться в тонкий полукруг — как рисуют дети смеющегося человечка: точка, точка, два крючочка... — Вы же признались, что идете на дачу номер шесть? Правильно?

— Правильно.

— А на этой даче зимой остается лишь одна Татьяна Иосифовна. Она работает над мемуарами. Ей нельзя мешать, ей нужен полный покой и изоляция. А другие дачи вокруг пустуют. Летом за них страшная драка между ветеранами. А зимой живи — не хочу. Вы знаете, эти ветераны лагерей совершенно не отличаются от ветеранов большевизма — такие же склоки и борьба за копейку. Честное слово. Я не выношу всех этих демократов-плутократов и других грабителей народа. Татьяна вам приказала продуктов привезти?

— А вы ее родственница? — осторожно осведомилась Лидочка. Ведь Соня знала даже о продуктах, в которых нуждалась Татьяна Иосифовна.

— Не совсем родственница, — возразила Соня и вытерла варежкой красный носик. — Я — лучшая подруга ее дочери. Это совсем не значит, что она меня за это любит.

— А я когда-то знала ее мать, — сказала Лидочка.

— Бабушку Маргариту? Так я ее еще по школе помню. Я помню, как она Аленку до третьего класса через дорогу водила.

Сумка с продуктами оттягивала руку: там четыре килограмма картошки, капуста, апельсины, отбивные, помидоры — общим весом больше чем полпуда.

Лидочка бросила взгляд на руки Сони — впрочем, этого можно было не делать, ведь они уже минут десять шагают рядом: хозяйственную сумку Соня не несет — только простую дамскую сумочку через плечо.

Лидочке хотелось спросить, почему Соня приехала налегке, но тут ей словно ударили в затылок: она обернулась.

Тот парень стоял у входа в тупик, отделявшийся от переулка, сунув руки в карманы синей, плохо гревшей куртки, кепка еще более съехала на нос. Он стоял и притопывал. Ему было холодно.

Соня тоже обернулась.

— Так я и думала! — громко заявила она. — Мелкий бандит. Сейчас я с ним поговорю.

— Постойте! — крикнула ей в спину Лидочка.

Но Соня уже уверенно направилась к парню, снимая на ходу с плеча сумку, будто это был автомат.

Похоже, что парень тоже решил, что в него сейчас будут стрелять. Он шагнул в сторону — и исчез.

И тут Лидочка догнала Соню.

— Ну что вы делаете! Вы с ума сошли! Чем вы хотели его испугать?

— Гласностью, — ответила Сонечка. — Преступный мир тем и известен, что боится гласного суда.

В переулке возникли быстро шагающие молодые люди — компания, видно, из местных, потому что они громко обсуждали поведение какого-то Степана, но тут же они миновали просвет между заборами, словно сцену, и скрылись за кулисами.

Сцена была пуста.

— У меня газовый баллончик, — сказала Соня. — Я уже вам об этом говорила?

— И все же давайте пойдем к Татьяне Иосифовне, — попросила Лидочка.

Соня похлопала себя по сумке.

— Вот здесь лежит. И знаете — ужасно хочется попробовать, но, как назло, никто на меня не нападает. Я даже жду.

— Едва вы успеете вытащить газовый баллончик, как любой бандит отнимет его у вас прежде, чем вы из него выстрелите. И очень на вас рассердится.

— А вот это мы посмотрим, — сказала Соня, но Лидочке удалось развернуть ее и направить к даче.

* * *

За зеленым штакетником густо стояли елки и березы, указывая на то, что участок — не коммерческий, а дача в традиционном понимании этого слова, придуманная еще Чеховым: там пьют чай на веранде, танцуют под граммофон или более современное устройство, флиртуют за сиреневым кустом, стреляются в белой беседке... но никогда не разводят картошку или огурцы. В лучшем случае, крыжовник.

Дач было несколько, от калитки можно насчитать пять.

Лишь к двум из них вели тропинки, вытоптанные в глубоком снегу.

— Мы у нее с Аленой два раза были, — призналась наконец Сонечка.

Она просунула руку сквозь доски и нащупывала крючок или засов.

— Алена — это кто? — спросила Лидочка.

— Алена — ее дочка. Вы разве не знаете?

— Я же сказала, что никогда не видела Татьяну Иосифовну.

За ночь поднасыпало снега, и потому открыть калитку было нелегко — пришлось навалиться вдвоем, и на снегу остался очищенный полукруг.

Они прошли к даче гуськом.

Татьяна открыла не сразу, пришлось ждать минуты три. Сонечка, относившаяся к Татьяне Иосифовне скептически, сообщила:

— Думаете, она нас не видела? Она наверняка с утра у окошка стоит. Но надо же гонор показать. К тому же она сейчас вычисляет, почему это черт нас вместе принес? А вдруг мы знакомы?

Наконец за дверью послышались шаги, и оттуда донесся низкий голос:

— Не открывайте сразу, я отойду, чтобы не простудиться.

Щелкнул замок.

— Раз, два, три, четыре, пять, — сказала Соня. — Вышел зайчик погулять...

Так как Соня медлила, Лидочка сама отворила дверь.

Они оказались в прихожей, кое-как освещенной из узкого окна над дверью.

Дверь в комнату приотворилась. Татьяна Иосифовна сопливо спросила в щель:

— Дверь на улицу закрыли?

— Закрыли.

— Как следует? А то она неплотно прикрывается, и изпод нее дует.

— Все в порядке, Татьяна Иосифовна, — сказала Соня. — Мы как следует ее закрыли.

И тут Лидочка почувствовала в голосе своей новой знакомой необычные нотки — опаски, легкого повизгивания, ка-

кими встречает мелкая собачонка забредшего на площадку дога.

Дверь в комнату заскрипела, преувеличенно громко, словно в фильме ужасов. Татьяна Иосифовна отпрянула назад, прижимая к лицу носовой платок.

— Я надеюсь, — прогундела она сквозь платок, — что вы не принесли с собой инфекцию.

Это было странно слышать от простуженного человека.

В комнате было жарко и душно, пахло дешевыми духами, под потолком жужжали мухи.

— Здравствуйте, — сказала Лидочка, — моя фамилия Берестова. Я договаривалась с вами о встрече по телефону.

— Заходите, заходите, дитя мое, — сказала Татьяна Иосифовна жеманно.

Она была мягким, расширяющимся к полу существом в лиловом халате. Но как только Татьяна Иосифовна отняла от носа платок, Лидочка увидела, что лицо хозяйки не совсем соответствует столь объемному и текущему к земле телу. Толстощекое лицо было снабжено острым, красным в конце британским носом, тонкими сомкнутыми губами и выступающим вперед острым подбородком. Еще несколько лет, и это лицо станет лицом старой карги, ведьмы, злой колдуньи — пока же будущее в значительной степени скрывалось за дымчатыми очками. Если очки Сони были невелики и безжалостно уменьшали и без того небольшие глазки, то очки Татьяны Иосифовны могли заменить собой колеса старинного автомобиля, и глаза за ними казались карими, в зелень, озерами, что смягчало резкий и неприятный облик пожилой женщины.

Лидочка оглянулась на Соню, не будучи уверена, к кому из них относится приглашение, но Соня оставалась в дверях, всем видом изображая почтение и даже смирение. Значит, приглашали не ее.

Татьяна Иосифовна не замечала Соню.

Даже не поздоровалась с ней.

— Пальто вешайте здесь, — сказала она Лидочке. — Тут же снимайте обувь — мне за вами трудно убирать. Вчера ко мне привели целый класс — познакомиться с настоящей писательницей! — Тут Татьяне Иосифовне пришлось прервать рассказ и шумно высморкаться. Но и без этого Лидочке было понятно, что школьники в передней у писательницы наследили и ей пришлось за ними убрать. Может быть, из-за этого писательница и занемогла.

Лидочка разделась, а все еще незамечаемая Соня повторяла ее движения, и, пока Лидочка, сидя на стуле, стаскивала сапоги, Соня стояла, опершись об этот же стул рукой, и другой тоже снимала сапоги.

Тем временем Татьяна Иосифовна взяла у Лидочки сумку с продуктами и исчезла с ней — видно, пошла разбирать. Лидочка оказалась права, потому что почти сразу справа, где, по всей видимости, была кухня, донеслись возгласы удовлетворения, низкие, басовитые, напоминавшие Лидочке уханье марсиан из «Войны миров», когда те кушали добрых англичан.

— Чего ты ей такого притащила? — вполголоса спросила Соня.

— Что она попросила. Картошки, мяса, еще чего-то...

— С рынка? Мясо с рынка?

— Мясо с рынка.

— Это она ценит.

И Лидочка поняла, что Соня почему-то нуждается в Татьяне Иосифовне, но при том побаивается и недолюбливает ее. И эти чувства взаимны.

— Спасибо, Лида, — произнесла Татьяна Иосифовна, вернувшись в комнату. — Если бы не жестокая простуда, я бы вас расцеловала. Это ничего, что я вас просто по имени называю? Ведь я вдвое старше вас, Лидочка. Вы знаете, что я должна вам сказать? Да вы проходите, проходите в комнату. Шлепанцы нашли? Так проходите. И садитесь пока.

— Я вам помогу готовить...

— Это мы еще обсудим. Соня, поищи получше, там должны быть другие шлепанцы, я не желаю, чтобы ты разгуливала по дому босиком и оставляла всюду следы.

— Какие следы может оставить человек в чулках? — спросила Соня.

— Грязные, — лаконично ответила Татьяна Иосифовна.

Соня присела на корточки у вешалки, возле которой были свалены сапоги, валенки, туфли и даже, кажется, галоши.

— Мне и без того трудно выходить из дома. И некогда, и трудно. И как вы понимаете, люди привыкли тебя использо-

вать, радуются такой возможности, но очень редко сами способны на альтруистические поступки. Вы меня понимаете?

— Если вы обо мне...

— Меньше всего я думала сейчас о тебе, девочка. Ты — счастливое исключение.

— Я к вам приехала, — вмешалась забытая Соня, — чтобы поговорить об Алене.

— Ну что там еще у вас произошло? — капризно спросила Татьяна Иосифовна.

— Еще не произошло, — произнесла Соня так, словно сообщила о завтрашнем наводнении, — но в любую минуту может произойти.

Лидочка последовала за Татьяной Иосифовной на кухню, так как поняла, что ее присутствие там может понадобится. Соня тоже направилась на кухню, к счастью просторную. Продукты, привезенные Лидочкой, были разложены на столе, который никто не вытирал лет пять.

— Я плохой повар, — сказала Татьяна Иосифовна и склонила голову, словно клюнула что-то острым ножом. — Моя жизнь сложилась так, что я почти всегда голодала. Для меня было счастьем съесть целую картофелину. Но приходилось делить ее с ребенком. И ребенку доставалась большая часть.

Лидочка поймала себя на недостойной мысли — ей представилось, как Татьяна Иосифовна делит большую-большую картофелину на две части и себе берет меньшую, но потом добавляет к ней шмат сала и всякие прочие яства, и это называется у нее суп из топора.

— Я распухла еще в ссылке, — сказала она Лидочке, словно угадав, что ее вид неубедителен для новой знакомой. — Я была у сотни врачей, последние годы провела на диете. Даже в Голландию в прошлом году ездила — там практикует удивительный чародей с острова Бали... — Вдруг ее тон изменился. — Это вам не так интересно! Вам кажется, что жизнь еще впереди и вы никогда не станете такой же старой развалиной, как я. И это неправда!

Теперь перед Лидочкой стояла Складовская-Кюри, только что открывшая радиоактивность.

— Вы будете старыми, дряхлыми, немощными. Это неизбежно... Но я провела жизнь в мучениях и тоске по ближним,

я была лишена жизни и потому имею право быть уродливой. А вы нет!

— Вы не уродливая, — поспешила возразить Соня.

— Что же вы тогда именуете уродством, мои крошки? — Татьяна Иосифовна усмехнулась. И тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: — Я думаю, что мы обойдемся без супа. Но вот мясом и картошкой займется Лидия. Я убеждена, что она отлично готовит. К тебе, Софья, у меня доверия нет, готовишь ты плохо, — сказала она, забыв о Лидии и выходя из кухни с Соней, словно вопрос с обедом был уже окончательно решен.

Уже войдя в комнату, Татьяна Иосифовна крикнула оттуда:

— Я разберусь с Соней и тут же поговорю с вами. Так будет лучше, Лидочка.

«Что ж, — подумала Лидочка, — не будем спорить, ибо если моя миссия удастся, если я приехала сюда не зря, то можно приготовить ей обед».

Кухня была оборудована разномастно, скудно, но посуды было достаточно для троих, только найти тарелки и ложки удалось не сразу, — видно, Татьяна Иосифовна пользовалась только одним комплектом и редко мыла посуду. Ее мало кто навещал, если и навещали, то не кормились. На счастье, в кухне была газовая колонка, и Лидочка пустила воду, чтобы сначала хотя бы вымыть кастрюлю и нож. Потом уж, пока картошка будет вариться, она вымоет остальное.

Несмотря на то, что лилась вода и шумела газовая колонка, Лидочка отлично слышала беседу, что велась за стенкой, — перегородка была фанерной или картонной, да и женщины вскоре после начала разговора повысили голоса. Лидочка не испытывала угрызений совести из-за того, что подслушивает чужие тайны: ведь, в конце концов, Татьяна Иосифовна знает об акустических особенностях ее дома. Да и нет особенных тайн в разговоре, хотя, конечно, он не предназначен для посторонних ушей.

— Ты могла бы чего-нибудь привезти, — это были первые слова Татьяны, услышанные Лидочкой. — Посмотри, Лида — чужой человек, совершенно чужой, но не поскупилась на элементарные продукты для пожилой женщины.

— Неужели вы ей не подсказали, что вам нужны эти элементарные продукты? — спросила Соня, показывая зубки.

— Она — чужой человек, впервые здесь.

— И еще не знает, как вы умеете использовать людей.

— Еще одна подобная фраза, Соня, и ты вылетишь отсюда.

— Лиде что-то от вас нужно, вот пускай и старается. А я к вам притащилась из-за вашей дочки, в этом вся разница.

— Как ты цинична, Соня.

«В таких случаях, — подумала Лидочка, — спортивные комментаторы говорят, что боксеры проводят разминку».

— Вы не спрашиваете, почему я вдруг приехала. Взяла и приехала, — послышался голос Сони.

— Чтобы пообедать? — с иронией спросила хозяйка дома.

У нее был молодой голос, он не состарился вместе с хозяйкой. Когда говоришь с такой женщиной по телефону, рассчитываешь увидеть благородное изящное существо — только таким природа дает звучные с хрипотцой голоса. Здесь же природа схитрила.

— Меня беспокоит состояние Алены, — произнесла Соня.

— Оно всех давно беспокоит, — ответила Татьяна Иосифовна, щелкнув зажигалкой и, видимо, закурив сигарету.

— У меня такое впечатление, что она на грани срыва, — сказала Соня.

— И это заставило тебя бросить все и кинуться ко мне, в глушь, зная, что я давно уже не авторитет для собственной дочки и что мои увещевания вызовут лишь обратную реакцию.

— Но все же вы ее мать. А я ее ближайшая подруга.

— Меня вообще удивляет, что у Алены может быть подруга. Я вспоминаю слова: «И у крокодила есть друзья». Ты слышала?

— Неужели вам безразлична судьба вашей единственной дочери?

В голосе Сонечки задрожали слезы.

— О господи! Почему я родилась в стране демагогов?! — воскликнула Татьяна Иосифовна. — Ты лучше расскажи мне, что вам с Аленой или тебе одной от меня нужно. Только учти, что денег у меня нет и никогда ни для Алены, ни для тебя не будет.

— Мне не нужны ваши деньги, — сказала Соня. — Я приехала, потому что всерьез обеспокоена судьбой Алены. Вы знаете, что она практически перестала принимать пищу. Она похудела на пять килограмм.

— Я мечтаю об этом.

— В ваши годы об этом можно не задумываться.

— Не спеши загонять меня в могилу.

Лидочка хотела отбить мясо, но потом передумала. Ей становился весьма любопытен нечаянно подслушанный разговор о незнакомой Алене, дочери Татьяны Иосифовны, и уж совсем не хотелось напоминать собеседницам, что за стеной стоит невольная слушательница.

— Так что же изменилось? — Татьяна Иосифовна сердилась. — Чем ее состояние отличается от того, что было год назад?

— Она в кризисе.

— Это что означает?

— Это означает, что Алена близка к самоубийству. Я не боюсь этого слова, потому что я стараюсь предотвратить это несчастье, но я не всесильна.

— А чем я могу помочь?

— Вы рассуждаете, будто вы и не мать Алены, а совершенно посторонний человек. Даже соседи по дому беспокоятся о ее состоянии.

Разговор за стеной прервался.

Лидочка представила себе, как Татьяна Иосифовна, вальяжно расположившись на диване, медленно курит, не глядя на Соню, а та нервно примостилась на краешке стула, готовая продолжить свою речь и понимая, что у нее нет слушателя.

Лидочка представила себя на месте Сони — и ощутила бессилие от бесплодной попытки выполнить миссию.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила и поговорила с ней? — спросила наконец Татьяна Иосифовна.

— Только при условии, что вы не скажете, что я к вам приезжала.

— Ну уж совсем сумасшедший дом! А с чего это я ей позвоню? Что я ей скажу? До меня дошли слухи?..

— Если она узнает, что я ездила к вам, она меня никогда не простит. Вы сделаете еще хуже. Вы не представляете! Она

же как на краю пропасти — неосторожный толчок, и она может сорваться вниз!

Соня громко всхлипнула, Татьяна Иосифовна недовольно произнесла:

— Не надо этих театральных представлений. Они никому еще не помогали.

— Я не представляю...

— Мне пришлось, в отличие от тебя, прожить трудную жизнь, на грани голодной смерти, поминутно всем рискуя. И я научилась эту сволочную жизнь ценить. Ценить каждую ее минуту!

— Татьяна Иосифовна, я все знаю, — устало произнесла Соня. — Мы же сейчас не о вас говорим, а об Аленке. Вы же живете в отдельной даче, водопровод, канализация и так далее. А ваша дочь в Москве готова покончить с собой.

— Но уж не от голода! — воскликнула Татьяна Иосифовна. — А от простой банальной причины, которую я называю распущенностью.

— Вы можете называть это как хотите, но я, как ее ближайшая подруга, официально вам заявляю: Аленушка страдает. Искренне страдает. Из-за этого мерзавца она готова покончить с собой.

— Когда на сцене появляется очередной мерзавец, я это и называю распущенностью. Нельзя метаться всю жизнь в поисках мужских объятий. Нужно уметь сохранить чувство человеческого достоинства.

Лидочка поставила кастрюлю с очищенной картошкой на плиту, потом стала искать, где Татьяна хранит масло, чтобы поджарить мясо. Она опустилась на корточки, открыла дверцы шкафа под кухонным столом. Оттуда выбежали вереницей несколько больших черных тараканов. Лидочка отпрыгнула и чуть не села на пол — она не выносила этих тварей.

— Извините, — бубнила за стеной Соня. — Я приехала к вам не потому, что люблю слушать ваши поучения. Со мной все в порядке. Я не собираюсь травиться или стреляться. Речь идет о вашей единственной дочери.

— Но я же не могу к ней поехать! Я физически не в состоянии.

— Заставьте ее приехать к вам! Прикажите. Вы же умеете.

— Ну, хорошо, хорошо. Я сейчас кончаю шестую главу воспоминаний. Кстати, как тебе название: «Остров ГУЛАГа». Правда, неплохо? Я билась над названием две недели. А в пятницу проснулась ночью и подумала: ведь лагерь — это остров, один из островов — ты меня поняла?

— Татьяна Иосифовна! — Сонечка могла быть упорной. — Я приехала к вам потому, что боюсь за судьбу вашей дочери. Неужели вы не понимаете, что речь идет о жизни и смерти хорошего человека! При чем тут название книги?

— Жизнь нам дается только один раз... — начала было Татьяна Иосифовна и оборвала сразу, узнав, видно, в ней неудачную цитату.

Лидочка чуть было не рассмеялась: уж больно забавно прозвучала цитата в устах Татьяны Иосифовны.

Подсолнечное масло обнаружилось в холодильнике, на дне литровой банки.

— Вы говорите о своей дочери, — голос Сонечки повысился, она перешла в наступление, — словно она вам чужой человек, будто мы с вами не сидели на кухне и не обсуждали ее судьбу после первой попытки самоубийства.

— Ах, ты напомнила! — с сожалением произнесла Татьяна Иосифовна и вплыла на кухню. Лидочка как раз собиралась лить масло на сковороду.

— Нашла масло? А я боялась, что не найдешь. И, пожалуйста, Лидочка, не трать много масла — мне так трудно ходить в магазин.

Соня стояла в дверях, смотрела в спину старой писательницы и старалась привлечь внимание Лидочки гримасами и дать ей понять, с каким чудовищем ей, Сонечке, ратующей за спасение подруги, приходится иметь дело.

— Ты, разумеется, слышала наш разговор, — утвердительно произнесла Татьяна Иосифовна. — Не возражай, здесь перегородки фанерные, каждое слово слышно.

— Я занималась обедом, — ответила Лидочка, но это прозвучало как попытка оправдаться.

— Я ценю твою деликатность, но она сейчас никому не нужна. И раз уж ты оказалась здесь в это время и в этот час, — старая женщина подняла вверх толстый указательный палец, как бы призывая аудиторию к молчанию, — то тебе недурно

бы знать, что Алена — моя родная дочь, ей тридцать два года, она ни на что не годна...

— Татьяна Иосифовна, ну как вы можете! — теперь Соня готова была расплакаться.

— Да, могу! Имею на то моральное право! — Она обернулась к Лидочке. — А знаешь ли ты, Лидия, что за последние годы Алена ни разу не удосужилась навестить больную мать, не привезла ей жалкого кусочка хлеба! Ни разу не поздравила с Рождеством. В это трудно поверить? Но это именно так.

— Но речь идет о ее жизни! — вмешалась Соня.

— Хватит! Я знаю, что Аленочка истеричка! — Теперь обе они стояли на кухне, почти прижимаясь к Лидочке, и кричали друг на дружку через ее голову. — Еще в школе она устраивала дикие скандалы — мне пришлось трижды переводить ее в разные школы.

— Но не об этом сейчас речь! Не время выяснять отношения. Вы должны поговорить с ней, иначе будет поздно.

— Она уже пять раз устраивала самоубийство! — кричала Татьяна Иосифовна Лидочке. — Пять раз, и каждый раз весьма разумно! Так, чтобы не повредить своему здоровью.

— Как вы смеете! Это голый цинизм! — кричала Соня в другое ухо Лидочке. — Вы потеряете последнее близкое вам существо на этом свете.

«Господи, они же обе на сцене, а я — зрительный зал. И еще заплатила за билет натуральным продуктом».

— Прекратите бой, — попросила Лидочка. — Скоро ленч будет готов.

— Ленч? — Татьяна Иосифовна как бы переваривала значение слова. Потом поняла, улыбнулась. — Ленч, — повторила она. — Какое сладкое слово. Вот именно, сладкое. Со мной сидела одна болгарка из Земледельческого союза, если не ошибаюсь. Она всегда говорила это слово — сладкая погода, сладкий надзиратель...

На время бой прекратился — женщины принялись помогать Лидочке накрывать на стол, а Татьяна Иосифовна вовсе расщедрилась и достала полбутылки «Мартини», сообщив, что к ней приезжали брать интервью из «Столицы», и она взяла гонорар бутылкой «Мартини».

Перемирие, отвлечение от главной темы спора, было кратким, но продолжение спора приняло несколько иной характер. Татьяна Иосифовна сказала Лидочке:

— Вся моя молодость прошла в лишениях. Мне не на кого было опереться, и прежде чем я осознала себя и свое место в жизни, я уже попала под тяжелый пресс сталинских репрессий.

Татьяна Иосифовна говорила все громче, как бы с трибуны.

— Я старалась дать Аленочке все, что могла. Но много ли могла я? Мне приходилось отрывать от себя последние куски!

— Татьяна Иосифовна! — вмешалась Сонечка. — Не надо об этом!

Татьяна Иосифовна осторожно отрезала кусок мяса, осмотрела его и спросила:

— А у вас на рынке есть санитарный контроль?

Неожиданный переход сбил Лидочку с толку — она даже не сразу сообразила, что же Татьяна Иосифовна имеет в виду?

Но и Татьяна Иосифовна забыла о вопросе, потому что обернулась к Соне и сказала ей:

— Алена может иметь ко мне субъективные претензии. Но никак не объективные. В конце концов, факт наличия у меня собственной личной жизни не должен был отвращать ее.

— Я не говорю о прошлом! — Сонечка посмотрела на Лидочку умоляюще, словно искала у нее поддержку. — Но сегодня вашей дочери очень плохо. Она близка к смерти.

— Ах, оставь, я ненавижу шантаж! — воскликнула Татьяна Иосифовна. — К сожалению, с возрастом у Аленки выработался псевдосуицидальный комплекс. Вы меня понимаете? То есть Алена стремится к самоубийству, но не к самой смерти, а к попытке, чтобы вызвать сочувствие или страх у окружающих. В первую очередь у разочаровавшихся поклонников.

— Татьяна Иосифовна! — взмолилась Соня. — Поймите же, что у Алены, кроме нас с вами, нет близких людей.

— Она сама в этом виновата.

— У нее нет никого! Неужели родная мать от нее отвернется?

Обе женщины удовлетворяли свою страсть к театральности, обеим роли достались трагические, со слезой, и конфликт грозил достичь древнегреческих высот.

— Лучше тебе уехать, — сказала Татьяна Иосифовна. — Пока еще не поздно, тебе лучше вернуться в Москву. Твое присутствие выводит меня из себя.

— Я не уеду, пока не добьюсь от вас согласия позвонить Аленушке. Хотя бы позвонить.

— Ну подожди, сначала поедим, — ответила, подумав, Татьяна Иосифовна.

Она стала быстро и обильно накладывать себе в тарелку картошку и мясо, словно мысленно уже отсчитывала, кому сколько положено, и себе, как старшей, выделила большую дозу.

Она ела шумно, мелко и быстро, как бы стараясь растянуть удовольствие от еды и в то же время насладиться как можно интенсивнее.

Соня ела также с удовольствием, но, поймав на себе взгляд Лидочки и ложно истолковав его, громко сказала:

— Кусок в горло не лезет, честное слово.

— Это от избалованности, — заметила Татьяна Иосифовна. — Ты не знаешь цену сухой горбушке.

— Вы бы радовались, что мое поколение обошлось без этого, — ответила Соня. — А вы как будто злорадствуете.

— Я говорю горькую и нелицеприятную правду. И мало кто любит ее слушать.

Соня вздохнула и отрезала кусочек мяса. Лидочка видела, что Сонечка голодна и с удовольствием умяла бы всю тарелку, но она сама загнала себя в роль несчастной подруги, лишившейся аппетита.

— А кто чайник поставит? — спросила Татьяна Иосифовна. — Лидочка привезла торт, и он уже почти разморозился.

Соня поднялась и спросила:

— А где чайник?

— Синий чайник стоит на плите. Милостями Лидочки даже растворимка появилась в нашем доме.

Сонечка пожала крутыми плечиками и направилась на кухню. Татьяна Иосифовна спросила Лидочку:

— Вы мне рассказали по телефону о шкатулке. Может, вы сможете ее описать?

— Разумеется! — сказала Лидочка. — Эта история началась еще до войны. Моя бабушка дружила с вашей мамой.

— Я знаю, знаю! — радостно ответила Татьяна Иосифовна. — Я даже нашла ее фотографию. Соня, достань альбом. Вон там, на стеллаже. Правее, еще правее. Ну что же ты, слепая, что ли? Синий! Вот именно. Спасибо.

Соня уселась на свое место, а Татьяна Иосифовна раскрыла старый, переполненный наклеенными, а то и просто вложенными фотографиями, альбом. На первой странице оказалась групповая фотография, судя по одежде — тридцатых годов.

— Вот моя мама, а рядом — ваша бабушка, Лида. Мне же мама все рассказывала. Я сама плохо помню вашу бабушку, но мама рассказывала. И я сразу узнала. Я поэтому и вас сразу узнала.

На глянцевой, чрезвычайно четкой фотографии — так и представляешь себе покрытый черным платком, согнутый вперед торс фотографа, как бы приставленный сзади к деревянной, на ножках коробке с пирамидальной гармошкой объектива, — была изображена группа людей на фоне фонтана и пальм. Группа состояла из нескольких обритых либо коротко остриженных мужчин в белых сорочках и светлых мятых брюках, возлежащих у ног легкомысленно хохочущих девиц в сарафанах и панамках. Все эти люди излучали жизнерадостность и беззаботность.

— Тридцать пятый год, — сообщила Татьяна Иосифовна. — Мало кто из них протянул больше двух лет.

— Это точно ваша бабушка, — сказала Соня, показав на молоденькую Лидочку, стоявшую в обнимку с бровастой, пышной, чернокудрой красавицей.

— Правильно, — согласилась Татьяна Иосифовна, — а рядом моя мама. Меня же, как всегда, оставили в Москве.

— А я думала, что вашего папу в честь Сталина назвали, — разочарованно произнесла-протянула Соня. — А он получается старше.

— Нет, когда папа родился, никто не подозревал о том, что один грузинский бандит станет освободителем человечества. Поэтому моего папу назвали так в честь одного плотника.

— Плотника? — удивилась Соня. — А почему плотника?

— Такая была специальность у папы Христа. Иисуса Иосифовича. Поняла?

— Ах, я совсем забыла, — Соня покраснела, даже круг-

лый носик покраснел. Особенно покраснели щечки — казалось, что их незаметно помазали свеклой.

— Тогда считали, — сказала Лидочка, — что с вашей мамой, с Маргошкой, ничего не случится. Она имела большие заслуги перед партией... — Лидочка, произнеся эту формулу, сделала осторожную паузу, опасаясь, что вызовет вспышку гнева у диссидентки, но Татьяна Иосифовна лишь послушно склонила голову. — И ее муж, ваш папа, занимал большой пост.

— Это никому не помогало, — сказала Татьяна Иосифовна. — Сталин с наибольшей яростью уничтожал старые ленинские кадры.

Она вздохнула. Сонечка, как дитя другой эпохи, не подумав, произнесла:

— Что Сталин, что Ленин — один сатана.

— Ах, что ты понимаешь! — вздохнула Татьяна Иосифовна.

Сонечка и в самом деле ничего не понимала.

— Моя бабушка, — сказала Лида, — оставила у Маргошки шкатулку с археологическими находками и дневниками деда. На время. А потом началось...

— И всех арестовали? — спросила Соня.

— Не сразу, — ответила Лидочка. — И это — долгий рассказ.

— Человеческие судьбы — всегда долгий рассказ, — подтвердила Татьяна Иосифовна.

— Все эти годы в нашей семье сохранялась надежда, — продолжала Лида, — что шкатулка с находками и документами хранится где-то в вашем доме. Ведь Маргарита, как я знаю, даже чувствуя опасность ареста, уговаривала мою бабушку не брать у нее шкатулку. Потому что она хранит ее в безопасности.

— Она не смогла сохранить не только себя, но и меня! — с осуждением заметила Татьяна Иосифовна.

— Господи, какая тайна! Как интересно, — прошелестела Соня.

— А поэтому вы можете понять, что мы никогда не теряли окончательно надежды, — сказала Лидочка. — Ведь так хочется надеяться.

— А какая это была шкатулка? — спросила Татьяна Иосифовна. — Если она была в нашем доме, то я бы запомнила, я помню все мамины вещи.

— Вряд ли Маргарита увезла эту шкатулку в тюрьму или в ссылку.

— Но она могла выкинуть все вещи, а шкатулку использовать как ящик, — предположила Соня. Лидочка давно допускала такой вариант и огорчилась тому, что, помимо нее, так же думает посторонний человек.

— У меня есть ее рисунок. Моя мама сделала его по памяти.

Лидочка достала лист, сложенный вчетверо.

Она развернула его на столе, между тарелками. Это была простая шкатулка, формой напоминающая сундучок, из-за того что крышка была немного выпуклой.

Шкатулка стояла на ножках, сделанных в форме деревянных шариков, а рядом аккуратно были проставлены размеры — двадцать на тридцать два сантиметра, а высота — шестнадцать сантиметров.

— Она большая, — сказала Сонечка, отмерив расстояние на столе.

— И тяжелая, — добавила Лидочка.

— Нет, — уверенно сказала Татьяна Иосифовна, — такой шкатулки я не видела.

Лидочка, конечно же, готовила себя именно к такому ответу, но тем не менее была ужасно расстроена.

— Вы говорите об археологических находках, — произнесла Татьяна Иосифовна. — «А может быть, они лежали не только в шкатулке?»

Лидочка подхватила кончик путеводной ниточки.

— Как же я не подумала! Конечно, что-то могло сохраниться и без шкатулки.

— Впрочем, — Татьяна Иосифовна склонила крупную птичью голову, посаженную на моржовое тело, — я могла и видеть шкатулку, но не обратить внимания... В каком году, вы говорите, она была передана моей маме?

— В тридцать восьмом.

— За три года до ареста мамы.

— И вам уже было... — Лидочка запнулась.

— Мне было восемь.

— Но, может, Маргарита хранила шкатулку в другом месте?

— Где? — вскинулась Татьяна.

— На даче?

— У нас тогда была государственная дача. Мама никогда не хранила там ценных вещей. Садовый участок она купила уже в конце пятидесятых.

— Но у родственников...

И тут Лидочка обратила внимание на то, что Соня подмигивает ей. Она даже не поверила сначала своим глазам. Что хочет сказать Соня?

— У нас было мало родственников, и никто не пережил этой кровавой бойни, — заявила Татьяна Иосифовна, подводя итог разговору. — Но я допускаю, что мама могла куда-то спрятать вашу коробку. И затем скрыть от меня сам факт обладания ею. Допускаю... Она не хотела, чтобы я знала то, о чем лучше не знать. Лишнее знание в те годы — лишний риск. Лишний шанс погибнуть. Она и без того меня не уберегла.

— А что она могла поделать? — вмешалась Соня.

— Не мне сейчас судить маму, — ответила Татьяна Иосифовна, и стало понятно, что она давно уже ее осудила.

— Если бы я за мою мамочку взялась, — вздохнула Соня, — на ней бы живого места не осталось. Я уж не говорю о моем родителе. Но у них была своя жизнь, Татьяна Иосифовна. А то тут недолго и вас осудить.

— Это не входит в твою компетенцию, — холодно оборвала ее Татьяна Иосифовна. — Когда у тебя будут собственные дети, тогда мы посмотрим, как ты будешь себя вести. — Сказав так, Татьяна взяла кастрюлю и выскребла из нее на свою тарелку остатки картошки. Потом полила ее соусом с пустой уже сковородки.

— Не исключено, что у Маргариты были драгоценности. Аленка как-то вспоминала, что у бабушки было кольцо с изумрудом.

— Чепуха, — заявила Татьяна. — Маргарита была бессребреницей. Это было ленинское поколение революционеров, которые не думали о выгоде для себя. Вы путаете ранних идеалистов и хапуг тридцатых и сороковых годов.

Татьяна Иосифовна бросила на тарелку кусок хлеба и, насадив его на вилку, стала возить по донышку, чтобы собрать самое вкусное.

— Я думаю, что никогда не избавлюсь от чувства голода, — сказала она, почувствовав взгляд Лидочки.

— Я вас так понимаю, — вдруг поддержала старуху Соня. — Я ночью встаю, иду на кухню, открываю холодильник, достаю кусок колбасы и жую, представляете?

«Интересно, почему Соня подмигивала мне? Имело ли это отношение к шкатулке? Но есть возможность проверить...»

Татьяна выскребла тарелку и спросила:

— А что у нас с кофе, девочки? — Она явно подобрела.

— Я сейчас принесу чайник, — сказала Лидочка.

— Ты, по-моему, хозяйственная, — решила Соня. — А я в чужих домах совершенно не ориентируюсь.

Лидочка не поняла, хвалят ее или осуждают.

— Ну, где же наш торт? — капризно спросила Татьяна. Лидочка принесла из кухни чайник, затем поднос с чашками и торт. И, садясь вновь за стол, как бы невзначай заметила:

— Видно, мне не остается ничего другого, как спросить о шкатулке вашу Алену.

— Конечно, — сразу, с готовностью согласилась Соня. — Именно так. Я вам дам ее адрес. А то, хотите, сама спрошу.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Мне очень хочется надеяться, что хоть что-то от этой шкатулки сохранилось. Клянусь, там не было никаких драгоценностей — только дневники моего деда и археологические находки.

— А какие находки? — спросила Соня.

— Когда-то перед революцией мой дед копал в городе Трапезунде, в Турции.

— А как он туда попал?

— В то время там стояли русские войска.

— И он сделал открытие?

— Да, он сделал открытие.

— А как к этому отнеслись турки?

— Честное слово, не знаю. Но, насколько мне известно, находки связаны не с турками, а с грузинами.

— Я вас потому слушаю, — сказала Соня, — что у меня в памяти все это всплывает, — она и в самом деле будто прислушивалась к собственным воспоминаниям и искренне желала вспомнить. — И мне даже кажется, что я помню рассказ о тетрадях — они были в синих твердых переплетах.

— Правильно, Соня, — в Лидочке проснулась надежда. — И где вы могли их увидеть?

— Я постараюсь вспомнить, — сказала Соня.

— Я все более склоняюсь к тому, что шкатулка была спрятана на маминой даче, — подсказала Татьяна Иосифовна. Она произнесла эти слова с каким-то вторым значением, которого Лидочка не могла разгадать.

— Свежо предание, но верится с трудом, — кухонным голосом отрезала Соня. — Вы же отлично знаете, что дача сгорела.

— Ах, я об этом все время забываю. Это так далеко от меня. К тому же мне «Мемориал» выделил настоящий дом, с газом, ванной, не то что мамина хибара.

— Что ж делать, — съязвила Соня. — У кого-то «Мерседес» по заслугам, а кто-то на мотоцикле всю старость проездил.

— Лучше пойди и поставь снова чайник, — велела Татьяна Иосифовна. — А то кипятку на донышке осталось.

Сонечка послушно поднялась и прошлепала на кухню, отбивая шаги задниками старых тапочек.

— Меня очень беспокоит Алена, — тихо сказала Татьяна Иосифовна. — Я стараюсь не показать это при дурехе Соне, но на самом деле я буду тебе очень благодарна, если ты съездишь к Аленке, не только из-за шкатулки, а как... ну как молодая, но старшая родственница.

— Я же не родственница.

— Ах, какая разница. Ты давно уже родственница. Ты сделаешь это для меня? Ну выслушай ее, помоги ей определить свое место в жизни, убеди ее, наконец, что нельзя мыслить лишь этим самым местом — иначе мужчины не будут тебя уважать.

— А я думаю, что позвонить надо вам. — Оказывается, Соня уже возвратилась из кухни и, конечно же, слышала часть разговора.

— Ты не представляешь — что это для меня означает! — взъярилась Татьяна. — Километр по глубокому снегу человек практически без ног одолеть не может.

«Но одолела, когда заинтересовалась моим письмом», — подумала Лидочка.

— Я не могу привести в порядок дом, хотя для меня это трагедия. Я не хочу жить в грязи, но не могу вымыть пол.

Я даже пыль вытираю лишь на уровне живота, — и Татьяна горько засмеялась.

— Тогда давайте договоримся, — неожиданно заявила Соня, демонстрируя Лидочке добрую сторону своей натуры. — Я останусь у вас, вымою полы, вытру пыль, а вы позвоните Алене.

— Честно? — спросила Татьяна Иосифовна.

— Честное пионерское.

Обе теперь улыбались, и Лидочка поняла, что, несмотря на споры и ссоры, эти две женщины знакомы давным-давно и этот стаж, события, которые они вместе пережили, и, видно, любовь к несчастной Алене объединяют их куда больше, чем кажется с первого взгляда.

Они пили кофе, говоря о вещах нейтральных, но близких к теме шкатулки — об археологии и экспедициях, в которые так часто ездил Лидочкин дед, а теперь ездит и муж, Андрей Берестов, о тайнах и последних открытиях — причем Лидочка обрела в женщинах внимательных и благодарных слушательниц. Наконец Лидочка сказала, что ей пора идти. Уже темно, а ей не хочется возвращаться поздно. И, конечно же, ее поняли, потому что хоть Переделкино — относительно спокойное место, все же даже по центру Москвы в темноте женщине теперь лучше одной не ходить.

Так что Лидочку никто не задерживал. С Соней они договорились созвониться завтра с утра. Татьяну Иосифовну Лидочка обещала не забывать и обязательно навестить в самое ближайшее время, а не как только у той кончатся продукты и окончательно откажут ноги.

Сонечка не спешила начинать уборку, а включила старый телевизор и была огорчена тем, что в нем уже не осталось красного цвета и изображение было желто-зеленым. Но шла какая-то серия какого-то бразильского фильма, и потому Соня приклеилась к экрану и обо всем забыла.

Татьяна Иосифовна сделала жалкую попытку вспомнить что-нибудь о Лидочкиной бабушке и этим как бы восстановить древние связи, но, конечно же, ничего не вспомнила. Лидочка оделась. За окном было черно.

Татьяна Иосифовна проводила ее до дверей и, когда Лидочка вышла на крыльцо, с удивлением поперхнувшись лом-

ким морозным воздухом, долго гремела сзади ключами и засовами, чтобы не впустить в дом ни мороз, ни воров.

Лидочка поняла, что в ней забрезжила надежда отыскать если не шкатулку и не предметы из Трапезунда, то по крайней мере тетради Сергея Серафимовича.

Лидочка дошла до калитки, рассуждая о возможном везении и о том, как вещи порой переживают своих хозяев, отворила калитку и несколько секунд постояла, оглядывая улицу и пока еще не сознавая, почему так странно себя ведет. Потом вспомнила: восточный человек в джинсовой куртке.

Вспомнив о нем, поморщилась и тут же постаралась отогнать неприятную мысль разумным уверением о том, что на двадцатиградусном морозе ни один кавказец не сможет продержаться два часа.

Она отправилась по проулку к улице. Снег стал лиловым, отражая по-зимнему черное холодное небо. Он скрипел так, что, казалось, звук ее шагов доносился по крайней мере до поспешившего показаться на небе месяца.

Интересно, станет ли Соня мыть пол или так и останется у телевизора? А Алена ждет родственного участия и не дождется. Впрочем, может быть, она более нуждается в участии какого-то неизвестного джентльмена?

Эта мысль проскочила быстро, как продолжение прежних рассуждений, и тут же оборвалась, потому что, повернув на улицу, Лидочка услышала быстрые шаги.

Она не сразу обернулась, сначала представила себе, что это торопится из школы девочка с портфелем или семенит старушка, опаздывая на электричку.

Но потом она поняла, что шаги мужские и кому они принадлежат. Потому что чеченцы вовсе не боятся морозов, а их сакли расположены на склонах гор выше линии вечных снегов или альпийских лугов... что за чепуха лезет в голову — надо же обернуться и посмотреть, далеко ли этот человек, надо решать, куда бежать спасаться — на пустую платформу или вернуться назад к Татьяне. Впрочем, на платформе могут оказаться нормальные люди... и они не дадут ее в обиду? Но до платформы бежать минут пять. За эти пять минут он ее убьет. Она чувствовала, что он хочет ее убить — только ради этого можно подвергать себя таким мучениям...

Лидочка не заметила, как побежала вперед — жертва всегда убегает вперед, не глядя куда, чем облегчает задачу преследователю.

Но, пробежав несколько шагов, поскользнувшись и потеряв скорость, Лидочка спохватилась — что я делаю? Он же меня сейчас догонит...

И Лида поняла, что больше всего ей хочется остановиться и спросить у молодого человека: «Простите, а что вам от меня надо? Я ведь ни в чем перед вами не виновата».

«А он не для разговоров со мной мерз. Он ждал, пока мы останемся одни...»

Надо закричать...

А то так громко скрипят шаги — ее, сбивчивые, неровные, его — мерные, уверенные в своей силе, в себе, словно он загонял жертву в угол, откуда не было выхода... Однако выход был, он представлял собой улицу, ведущую к железной дороге, но ей никогда в жизни не добежать до железной дороги...

Надо закричать... но почему-то не получается, дальше мыслей о крике дело не идет — рот открывается и закрывается вновь — разве это стыдно: звать на помощь? Но кто придет тебе на помощь? Люди лишь крепче запрутся в домах.

Вроде справа приоткрыта калитка.

Ринуться на участок? Но дом стоит темный, вернее всего, хозяев нет дома... и на затененном соснами участке бандиту будет куда удобнее разделаться с Лидочкой.

Здесь, под редкими фонарями, хоть останется надежда...

Надо обернуться. Он уже совсем близко, а у нее сапоги на каблуках. Это же надо быть такой идиоткой — собраться за город, а сапоги на каблуках. Но она же не знала.

— Лида... Ли-д-да-а-а!

Зачем он зовет ее?

— Лида, постой!

Это не его голос. Это знакомый голос. Надо обернуться, а как обернешься, если страшно.

Все же голова обернулась сама, и тут Лидочка поскользнулась, потеряла равновесие и совершила отчаянное падение в стиле раннего Голливуда, когда комик долго по-куриному машет руками на краю крыши небоскреба, чтобы потом сорваться и повиснуть над пропастью, держась за карниз носком ботинка.

Во время этого гимнастического номера Лидочку развернуло, и она увидела, как молодой человек в джинсовой куртке тормозит у начала ледяной дорожки, но смотрит не на нее, а обернулся, закрывая ее от взора того, кто и звал Лидочку.

— Лида! — донеслось из-за спины, и в это мгновение хлопнула калитка, та самая, в которую Лидочка хотела было нырнуть, и оттуда появился пьяный мужик с рюкзаком за спиной и мощным сверлом в руке — такими пользуются любители подледного лова.

В руке Лидочкиного преследователя что-то блеснуло, а может, ей показалось, что блеснуло, потому что должно было блеснуть, и он кинулся бежать. Он побежал назад, обогнул Соню, которая, уверенно расставив толстые ноги, стояла посреди дороги. Она погрозила ему вслед кулаком, а потом поспешила помочь Лидочке подняться.

— Он тебя испугал, да? — спрашивала Соня. Ее очки аж запотели от сопереживания, а у Лидочки тряслись губы, и она не могла ничего ответить.

— Он тебя преследовал?

— Помочь? — спросил, нависая сверху, мужик с коловоротом.

— Спасибо, не надо. Вы на станцию? — произнесла Соня.

— На станцию.

— Тогда не спешите, — приказала Соня. — Чтобы моя подруга вашу спину впереди видела. Я не хочу, чтобы на нее нападали.

— А как же я спину буду показывать, если поезд через четыре минуты? — удивился мужик. — Спешить надо.

— Тогда иди, — согласилась Соня. — А я выскочила, потому что ты забыла бумажку с адресами и телефонами.

Соня сунула в руку Лидочке смятый листок бумаги и добавила:

— Завтра позвони, все узнаешь о своей шкатулке. А сейчас беги! Чтобы спину не упустить.

И весело засмеялась.

— А ты? Ты не боишься возвращаться? — спросила Лидочка.

— Он сейчас уже к Москве подбегает, — ответила Соня. Она сняла очки и стала их протирать.

Лидочка поспешила за спиной мужика. Она успела на

электричку, а когда уже сидела в полупустом холодном вагоне, то ноги отнялись. Лидочка сидела и боялась, что ноги не отойдут до Москвы — как тогда доберешься до дома?

Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Лидочка смотрела в окно на пробивающиеся сквозь февральский снег огни все растущих, чем ближе к Москве, домов.

Потом развернула листок с телефонами и адресами. Оказывается, Алена Флотская жила на Васильевской улице, недалеко от Лидочки, пешком можно дойти...

Но избавиться от страха, который укоренился в ней, она не смогла. И если дверь в вагон открывалась, она резко оборачивалась, хотя было безопаснее прятать лицо и делать вид, что спишь. Если ее ищет убийца, то он скорее заметит женщину, которая смотрит на него в упор.

Убийца так и не показался.

Непонятно было, кому могла Лидочка досадить настолько, что ее подстерегал незнакомый и страшный человек. Это не мог быть отвергнутый поклонник, потому что всех своих поклонников Лидочка знала в лицо, и не мог быть наемник поклонника, так как все ее поклонники были самостоятельными людьми. Врагов случайных и сознательных у нее вроде бы не было... Грабитель? Но грабители не ждут два часа на жутком морозе. Сексуальный маньяк — допускаем, но сомневаемся по той же морозной причине: за два часа сексуальные позывы на морозе в двадцать градусов гаснут — это вам любой доктор скажет. Ну, а если без шуток, что это все означает?

Лидочка ничего не придумала и, конечно же, не догадалась связать восточного человека с утренними событиями и выстрелами у подъезда.

Толпа пассажиров внесла ее в метро — каждый третий волочил трехцветную пластиковую сумку размером с молодого бегемота, но больше весом, остальные тащили тележки с двумя-тремя сумками. Притом все спешили и сердились на Лидочку, которая ничего не волокла и не толкалась.

Какого черта он за ней гонялся?

В вагон метро она забралась предпоследней — за ней влез амбал с чемоданом. Он нажал чемоданом Лидочке на живот, и она стояла целую остановку, прижавшись к чемодану.

Он хотел ее убить? За что же можно ее убить?

На «Белорусской» из вагона выплеснулось несколько тысяч мешочников, и все одновременно принялись штурмовать эскалатор метро. Спрятанная в стеклянном стакане у подножия эскалатора дежурная кричала в микрофон, чтобы пассажиры не ставили тележек на ступеньки, потому что их колеса заклинивает между ступеньками и происходят аварии. Когда Лидочка была на полпути к выходу, эскалатор неожиданно остановился, все повалились вперед, и люди начали сердиться на дежурную за то, что она сглазила, другие — проклинать торгашей. Затем все стали подниматься пешком на высоту десятиэтажного дома. Когда до выхода с эскалатора оставалось двадцать ступенек, эскалатор без предупреждения рванулся вперед и снова все, кто на нем были, повалились, но назад.

Лидочка, избитая, на ватных ногах, вышла из метро.

Сколько же можно мучить русскую соломенную вдову? В нее стреляют, за ней бегают, ее сбрасывают с эскалатора. Ну и денек...

Совсем уже стемнело, лед вокруг Белорусского вокзала был покрыт замерзшей грязью и скользкими кусками картонных ящиков. Последние торговки выкрикивали что-то у киосков, милиция уже ушла по домам, мелкие бандиты вытащили на мостовую столики со стаканчиками — завлекать приезжих идиотов игрой в наперстки. Лидочка скользила по буграм черного льда и замерзшим хлопьям картона.

Глава 3

ДОПРОС

Лидочке ничего не снилось. Как провалилась в сон, вымывшись с дороги, так и вывалилась из него, от телефонного звонка.

Красавец Андрей Львович говорил с ней, как со старой приятельницей.

— Проснись, красавица, проснись, — заявил он, — открой сомкнуты негой взоры. Узнали меня?

— Пушкин, — уверенно ответила Лидочка.

— Нет, я серьезно, — сказал лейтенант.

— И я серьезно, Александр Сергеевич.

— Андрей Львович, — поправил ее лейтенант. — Ну ничего, со временем привыкнете к моему голосу.

— Это что, угроза? — поинтересовалась Лидочка.

— Мало ли что может случиться? — ответил лейтенант. — От врачей и милиции не отказываются.

Лидочке хотелось спать, глаза не открывались. Даже угроза постоянных встреч с милицией ее окончательно не разбудила.

— Вы меня слушаете? — спросил лейтенант.

— С трудом, — призналась Лидочка.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал лейтенант. — Я сейчас как раз собрался в отделение, по дороге вас захвачу.

— У вас «Мерседес»? — спросила Лидочка, проникаясь отвратительным чувством беспомощности перед роком в лице милиционера. Ее самый сладкий утренний сон вот-вот будет добит.

— Нет, на своих двоих, — сказал лейтенант.

— Тогда я сама найду к вам дорогу. Часа через два.

— Часа через два я буду на другом объекте, — сказал лейтенант. — А мне надо записать ваши показания. Следователь мне не простит, если их в протоколе дознания не будет. Так что вставайте, вставайте. Я у вас через...

— Два часа! — закричала в трубку Лидочка.

— Через двадцать пять минут! — лейтенант дьявольски захохотал и бросил трубку.

Лидочка поняла, что Андрей Львович сдержит свое слово. Пришлось вставать, так и не выспавшись и не изгнав из себя вчерашние страхи и переживания. Причем утром они приняли странную форму. Войдя на кухню, Лида хотела подойти к окну, но не посмела — ей стало страшно. Ноги буквально прилипли к полу — сказалась замедленная реакция на вчерашние события. Голову ломило так, словно Лидочке уже исполнилось сто лет, хотя это было неправдой. Она заставила себя сделать крепкий кофе. И пока была в ванной, кофе убежал.

...В дверь позвонили. Лидочка поглядела в глазок. Никогда раньше не глядела в глазок, а на этот раз поглядела. Подумала, что пора бы Андрею позвонить из Каира, хоть они и не договаривались о таком звонке — жили по принципу много и

часто ездящих людей: если вестей нет, это хорошие вести. Как только случается беда, о ней сразу становится известно.

За дверью стоял лейтенант Шустов, в шикарной шинели и ушанке. Только сейчас через глазок Лидочка увидела, что у него есть усы, небольшие черные усы.

Она открыла дверь и сказала, чтобы лейтенант проходил на кухню, кофе ждет.

Лейтенант стал отказываться, ссылаться на то, что им надо спешить, но Лидочка сама еще не завтракала, — так что лейтенанту пришлось подчиниться. Он разбавил свой кофе морем молока и выпил залпом. Пока Лидочка допивала свой кофе, он проверил, хорошо ли вставлено стекло, и спросил, когда комендант принесет стекло для внутренней рамы, а то дует. Лидочка сказала, что комендант ищет стекло. Лейтенант рассеянно водил пальцем по следу от пули. Потом смотрел в окно, как бы проверяя, откуда эта пуля прилетела. Он был серьезен. Лидочка подумала, что когда он говорил с ней по телефону, то был еще дома и вел себя как простой молодой человек, а теперь он уже ощущает себя на службе.

— Вы не женаты? — спросила Лидочка.

— Был женат, — ответил Андрей Львович. — Неудачно. Не сошлись мировоззрениями.

— Да, — сказала Лидочка, — это сложнее, чем не сойтись характерами.

Андрей Львович в очередной раз не понял ее, к тому же он, оказывается, не знал, что женщинам помогают надевать пальто или шубу. Может быть, в этом и заключалось несходство его с женой мировоззрений.

Когда они спустились вниз, было около девяти — невероятно раннее время, если забыть, что вчера она поднялась в шесть. Первой в дверь лейтенант Лидочку не пропустил — но она уже начала привыкать к свойствам его характера. Лейтенант даже задержал ее, выглянув наружу первым и посмотрев по сторонам, как положено делать полицейским из американского боевика. Не увидав никакой мафии, он пошел вперед, правда, придержав дверь для Лидочки. На улице было холодно, как вчера, сразу обожгло щеки.

— Крестный отец спит? — спросила Лидочка.

— А черт его знает, — ответил лейтенант. И Лидочка поняла, что на этот раз ответ лейтенанта следует понимать буквально. По какой-то, еще неясной для Лидочки причине лейтенант Шустов полагал, что ей может грозить опасность. А он вовсе не был похож на человека, который ни свет ни заря приходит за девицей от офицерского безделья...

— А что нового о Петренко? — спросила Лидочка.

— Ему повезло. Пуля пронзила мышцы. Выкарабкается.

— Не нам судить, — сказала Лидочка и смутилась — почему она должна учить морали лейтенантов?

— Судить будет суд, — согласился лейтенант.

Они вышли на площадь Тишинского рынка и направились вдоль сквера. Рынок лишь недавно открылся, но первые белорусские торговцы, что привозят утренними поездами сардельки и сметану, уже располагались на тротуаре.

Лейтенант крутил головой, словно искал злоумышленников, Лидочке он сказал о белорусских торговцах:

— Ну что будешь делать? Они нам своей грязью весь район погубили.

— Вы бы отвели им место, наняли бы уборщиков...

— Ничего не помогает — не хотят за собой убирать. Рынок.

Последнее слово прозвучало ругательно. Свобода торговли, хотя и приносит прибыль, для милиции — источник беспокойства.

В отделении было мало народу. У дверей стоял «газик» с решетками на окнах, туда сажали каких-то сонных оборванцев. В коридоре было пусто и пахло дымом хороших сигарет. Андрей Львович провел Лидочку к себе в комнату, разделся сам и повесил ее пуховик на вешалку в углу комнаты. Она села за стол, лицом к окну. Перед глазами была Васильевская улица. Надо будет сегодня позвонить этой Алене. Жаль, что она не взяла с собой сумку, в которую положила записку с телефоном, а то можно было бы зайти к ней прямо из милиции. Ее дом где-то рядом.

— Я вас пригласил, — заявил лейтенант безличным голосом чиновника, не имеющего ничего общего с галантным ее приятелем, который провожал ее от дома до отделения, — чтобы снять с вас показания относительно перестрелки, имевшей место по Средне-Тишинскому переулку вчера утром.

— Но вы же все знаете.

— Лидия Кирилловна, — сказал лейтенант, — вчера мы

разговаривали. А сегодня мне к следователю идти, показывать, что сделано.

— А разве вы не следователь? Я думала, что вы как комиссар Мегрэ.

— Давайте без шуток, — осадил ее лейтенант. — У нас не Франция. У нас следствие ведет прокуратура.

— А вы?

— Мы ей помогаем, — сказал лейтенант, и Лидочка поняла, что его не устраивает такой порядок вещей, он предпочел бы французские порядки.

— Значит, вы как служебная собака, — рискованно произнесла Лидочка. Но лейтенант почему-то не обиделся, а понял ее правильно.

— Вот именно, — сказал он. — Мы прибегаем, берем след, догоняем, хватаем, получаем пулю в живот, а Чухлов разбирает бумажки и проявляет неудовольствие. Все верно.

— Чухлов — это следователь?

— Следователь прокуратуры, — уточнил Шустов. — Мы с вами поговорим, а он прочтет.

— Так, может, ему лучше сразу поговорить со мной?

— Если он сочтет нужным, то он вас вызовет. А может, не вызовет. У него тридцать дел, только и успевает закрывать.

Они помолчали. Этим Лидочка выражала сочувствие своему знакомому милиционеру. Но оказалось, зря.

— И это хорошо, — признался Шустов. — А то бы меня вообще делами завалило. Я же за день два-три раза выезжаю, в городе беспредел. Когда мне все расследовать?

— Значит, он не успевает, и вы не успеваете, — поняла Лидочка.

— Но записать все нужно, — закончил разговор лейтенант. — Вы оказались одной из двух свидетельниц.

— А кто вторая? — Лидочке вдруг стало обидно, что она потеряла монополию из-за того, что какая-то бабуся с шестого этажа выглянула на шум.

— Как кто? Забыли, что ли? Лариса, ваша соседка, — она же тащила его.

— Я думала, что она — потерпевшая.

— А в чем она потерпевшая? Что пальто кровью испачкала?

— Ее могли убить.

— Но ведь не убили.

— Вы жестокий человек, лейтенант.

— Жизнь заставляет... Не улыбайтесь, я даже не шучу. Вы бы насмотрелись на то, что я вижу, — вообще бы в человечестве разочаровались. А я терплю. Жена бывшая меня просто умоляла — Андрюша, уйди из розыска, будем хорошо жить, устроишься, как человек. Чудачка. Я же авантюрист.

— Значит, вами управляет не совесть?

— А вы детективы читали? Наши, совковые?

— И не деньги?

— Теперь за американские принялись. Давайте перейдем к делу. Меня в любой момент могут отозвать. Чует мое сердце, надвигается бешеный день. Итак, начнем с начала: ваше имя, отчество?

— Берестова Лидия Кирилловна.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот пятьдесят девятый.

— Вот бы никогда не подумал.

— А что вы подумали?

— По крайней мере, на десять лет моложе.

— Нет, к сожалению, я гожусь вам в тети.

— Очень любопытно. Только я вас тетей называть не буду.

— Я этого и боялась.

— Проживаете по адресу...

— У вас указано.

— Что можете сообщить по поводу событий, имевших место возле вашего подъезда вчера, в семь часов утра? Почему вы так рано поднялись?

— Я провожала мужа в командировку.

— Куда?

— Это имеет отношение к делу?

— Возможно.

— Он улетал в Каир, на конференцию по коптскому искусству.

— Он что, этим искусством занимается?

Лидочка уловила в вопросе снисходительность настоящего мужчины, который занимается настоящим делом, к недомерку-искусствоведу.

— В частности, он разбирается и в этом. Иначе зачем бы египетскому правительству его приглашать?

— Не знаю, — отрезал лейтенант.

Было очевидно, что на месте египетского правительства он загнал бы Лидочкиного мужа на полуостров Таймыр.

— Расскажите, что вы видели.

— Было тихо, — почему-то Лидочка вспомнила сначала, как было тихо. — И вдруг я услышала, что к дому подъезжает машина. Я решила, что Андрей что-то забыл, понимаете?

— Конечно, понимаю. Самое обидное, — согласился следователь. — Я как-то билет дома оставил. На самолет. Подхожу к стойке для багажа, чтобы отметиться, и вспоминаю, что билет лежит на столе. Дома лежит, понимаете?

— Понимаю, — сказала Лида.

Перед окном проехал троллейбус. Люди поднимались, готовясь выйти на последней остановке. Шустов записывал. Из-за этого возникла пауза.

— Пора вам переходить на диктофоны, — сказала Лида.

— Пленки не подпишешь, — возразил Шустов. Он поставил жирную точку и произнес: — Продолжим наш разговор. Следовательно, вы подошли к окну. Кстати, ваш муж уехал на служебной машине?

— Нет, на такси, — сказала Лидочка. — Я подошла к окну и увидела другую машину, белую «Тойоту». В ней было двое. Один толстолицый в большом длинном пальто, вернее всего, верблюжьего цвета.

— Почему вернее всего?

— Потому что рассвет только начинался, и отличить верблюжий цвет от светло-голубого нелегко.

— Но именно верблюжий, а не серый? Почему? — вскричал Андрей Львович.

И в то же мгновение Лидочка заглянула на много лет назад и поняла, почему он стал именно сыщиком и не мог стать никем иным. Он любил дознаваться. Он уже в первом классе допрашивал своих сверстников: а где ты был, а куда ты пойдешь... от него несчастная жена ушла, потому что он ее замучил допросами. Нет, даже не сами допросы были так сладки Андрею Львовичу, как возможность поймать человека, загнать в угол, заставить его смешаться, сбиться с толку, соврать, а потом вывести на чистую воду.

— Верблюжий цвет я вычислила по фасону, — сказала Лидочка.

Шустов отложил ручку, заглянул Лидочке в глаза и спросил:

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду под фасоном.

Лидочка искренне ответила:

— Это невозможно, Андрей Львович.

— Вы правы, — признал тогда лейтенант. — Оно было песочным.

Лидочка ему нравилась. Она была женщиной мягкой, доброй и стеснительной. У нее было лицо, которым можно любоваться, — правильный овал, обрамленный забранными сегодня назад пепельными волосами, губы чуть более полные, чем нравилось лейтенанту, зато такого нежного розового цвета, словно никогда в жизни Лидочка не дотрагивалась до них помадой. И глаза у женщины были серыми, большими, а ресницы вокруг темными и густыми. Пожалуй, глаза были очень красивыми. Лейтенант не знал Лидочку и не догадывался, что губы и ресницы были умело тронуты косметикой, хотя Лидочка и спешила сегодня утром, и, уж конечно, он не подозревал, что Лидочкины глаза могут менять цвет и становиться стальными и узкими, если Лидочка гневается.

Помимо симпатии к прелестной женщине, что так остро и недоброжелательно почувствовала Инна Соколовская, которая надеялась женить на себе Шустова, Андрей Львович имел и дополнительные виды на Лидочку. По обстановке в квартире, по количеству книг, по одежде этой женщины, ну и, конечно же, на основе информации, походя выуженной у коменданта, лейтенант Шустов понял, что Лидочка — не простая жиличка и не простая гражданка, а ее муж не какой-нибудь искусствовед, а член-корреспондент Академии наук и член президентской комиссии. В последние месяцы Шустов принялся коллекционировать нужных людей, ибо понял, что пора уходить в большую политику, где чувствуется такой дефицит квалифицированных юристов и решительных молодых людей, готовых навести в стране спокойствие и порядок. А в таком случае Берестовы могли ему понадобиться. Только не следует думать, что Шустов был циничным и на все готовым карьеристом — все его политические планы пока что оставались в его воображении.

Временно признав свое поражение в вопросе о верб-

люжьем цвете пальто, Шустов сделал вид, что удовлетворен данным ответом, и стал задавать следующие вопросы.

— Что еще вы может сказать о пострадавшем? — спросил он.

— Ничего, — ответила Лидочка. — Кроме того, что он был модно пострижен.

— То есть без головного убора?

— Разумеется, Андрей Львович. Иначе бы я не догадалась, что он толстощекий и модно пострижен.

— Вы его раньше видели?

— Может быть.

— Что это значит?

— Могла видеть его с Ларисой, но не обратить внимания. Он не первый и не последний толстощекий кавалер нашей фотомодели.

Лидочка постаралась не вкладывать в эту фразу никаких эмоций, чтобы не навлечь на себя новых вопросов следователя.

— Откуда вы знаете, что она фотомодель? — сразу вцепился в это слово Андрей Львович.

— Потому что все в доме знают о том, что она — фотомодель. — На этот раз Лидочка вложила в наименование обозначение профессии.

Шустов был цепок, но не чуток. Его удовлетворил ответ.

— На какой автомашине прибыл пострадавший? — спросил следователь.

При ближайшем рассмотрении глаза у следователя оказались не совсем черными, а темно-шоколадными, но все равно совершенно непрозрачными, что смущало Лидочку, потому что она не могла заглянуть внутрь следователя. Пальцы у Андрея Львовича были не очень короткими, но сильно сужались к концам, и ногти были острыми, как у женщины.

— Пока следствием не выяснено, кто в этой ситуации пострадавший, а кто нет, мы с вами воздержимся от оценок, хорошо? — спросила Лидочка исключительно для того, чтобы перехватить инициативу.

— Это не оценка! — Андрей Львович повысил голос, и Лидочка подняла вверх густые брови — чуть растерянно и почти жалобно. Глаза ее излучали беззащитность, и лейтенант смутился.

— Может, вы хотите чаю? — спросил он. — Я могу поставить. У нас плитка есть.

— Нет, что вы, Андрей Львович, — лукаво ответила Лидочка, — вы же плитку от пожарных в сейфе прячете. А вдруг кто войдет?

— Нет, в шкафу, — сказал Шустов, но улыбнулся. — Я повторю вопрос?

— Не надо. Я помню. Он касается машины. Так вот, ваш Петренко приехал в белой «Тойоте». Эту машину два часа спустя увезли на буксире ваши сотрудники. Вернее, я надеюсь, что это были ваши сотрудники, а не просто угонщики.

— Наши, наши, — успокоил ее следователь.

Солнце уже поднялось довольно высоко — февраль звал весну. По подоконнику ходил голубь, ждал крошек от Инны Соколовской.

— Откуда вы знаете, что это была «Тойота»? — спросил следователь.

— У моего начальника такая же, — ответила Лидочка.

— Вы могли ошибиться. Они теперь все похожи. — В голосе лейтенанта промелькнула горечь небогатого человека.

— Нет, я не ошиблась, — сказала Лидочка.

— Хорошо. — Андрей Львович вздохнул, будто Лидочка чем-то его огорчила. — Что вы еще можете мне сообщить по этому делу?

— А потом к дому подъехала другая машина.

— Какой марки?

— «Нива».

— Цвет заметили?

— Вишневая.

— И что сделала эта машина?

— Эта машина притормозила, и я увидела, что окна с моей стороны в машине опустили и в них появились стволы.

— Какие стволы?

— Я сначала думала, что пистолетные, но вы мне вчера объяснили, что стреляли из автоматов.

— Так, — произнес следователь, словно поймал Лидочку на серьезном проступке. — Но вы-то не видели, из чего стреляли.

— Зато я видела их лица.

— Но они же были в глубине, в темноте.

— Нет, они выглянули.
— Вы бы могли их узнать?
— Одного, может, узнала бы. Усатого.
— Но может, ошиблись? — Лидочке показалось, что лейтенант надеется на ошибку. И пошла ему навстречу:
— Может быть, я и ошиблась.
— Хорошо, — сказал Шустов. — Теперь давайте перейдем к следующему вопросу. Вы стояли у окна. Вас было видно с улицы?
— Разумеется. На кухне горел свет, занавеска была откинута.
— Значит, вас могли увидеть из машины, — голос следователя сошел на нет. Он замолчал и стал постукивать концом ручки по листу бумаги. — Вас могли хорошо видеть из машины.
— Вряд ли хорошо, — возразила Лидочка. — Но мой силуэт — да!
— А знаете ли вы, — спросил Шустов, — что выстрелы по вашему окну были не случайны?
— Вы хотите сказать, что они меня заметили?
— Да, вы поставьте себя на их место. Вот они едут медленно, вот они увидели свою жертву. Он же вышел из машины.
— Он вылез и пошел к Ларисе, чтобы проводить ее до подъезда.
— Тут они снизили скорость?
— Почти остановились.
— Теперь представьте себе, Лидия Кирилловна, что все окна в вашем доме были совершенно темными. И лишь в одном окне на втором этаже, как раз над подъездом, горит свет. Там стоит женщина и смотрит.
— Все случилось слишком быстро, чтобы они меня разглядели.
— Так они вас и не разглядывали! Они вас и убивать не хотели!
— Так зачем стреляли?
— А затем, чтобы отогнать вас, чтобы вы их не рассмотрели. Неужели не понятно?
— Понятно.
— Они боялись, что вы запомните их... или хотя бы машину.

— Я и запомнила.
— А еще больше они боялись, что вы заметите номер машины. Ведь бывают чудеса.
— Номер у них был такой, — сказала Лидочка, — «ю 24-22 МО»... Я говорю, что номер у них был...
— Вы не могли его запомнить!
— Но у меня хорошая память на цифры, — сказала Лидочка. — И они проехали под самым фонарем.
— Так чего же вы раньше молчали?
— А вы меня не спрашивали!
По виду Шустова можно было заключить, что он жаждал назвать ее идиоткой, но удержался.
— Ну почему? Почему вы сразу не сказали! Мы же сутки потеряли!
Андрей Львович был глубоко удручен. И Лидочка даже поняла почему. Он ведь должен был допросить ее вчера и выудить информацию. А раз не выудил, значит, сам виноват. О номере машины следовало спросить сразу, когда был шанс эту машину задержать.
Но Шустов не любил признавать поражения.
— Ну как же могли! — сказал он и отбросил карандаш. Карандаш покатился по столу, следователь и свидетельница дружно полезли под стол, чтобы подобрать его, столкнулись под столом головами, а карандаш тем временем укатился под шкаф.
— Честное слово, — сказала Лидочка, стоя на коленях под столом, — я думала, что его не знаю. Но когда меня комендант спросил, я вдруг вспомнила.
— Где ее теперь найдешь, — следователь вылез из-под стола и уселся на свой стул раньше, чем это же успела сделать Лидочка. — Ваше счастье, — сказал Шустов, — если они не догадались, что вы заметили номер.
После чего он покинул кабинет.
На этот раз его не было долго. Раза два звонил телефон, но Лидочка не поднимала трубку. Заглянул человек в синем мятом костюме и спросил, где Вартанян. Лидочка не знала, где Вартанян, но предположила, что он владелец третьего стола в комнате.
— Сейчас мы подняли все силы на поиски машины. Если

что — вы наш основной свидетель, — заявил Шустов, возвратившись после долгой отлучки.

— Меня нужно спрятать и сменить мне паспорт. Так всегда делают в Америке, — по мере сил серьезно сообщила Лидочка.

— В Америке нет паспортной системы, — возразил следователь.

— Какой ужас! — заметила Лидочка. — Как они находят друг друга?

— К сожалению, Лидия Кирилловна, — сообщил Шустов, — мы с вами собрались здесь не шутить. Мы имеем дело с серьезными преступниками, для которых ваша жизнь не представляет большой ценности. Это жестокие и беспринципные люди. И сейчас, в период, так сказать, разгула демократии, они потеряли всякий стыд и страх.

Лидочка не стала спорить. Но она не любила выражений типа «разгул демократии» или «Эльцина на плаху!», тем более «Демократов на виселицу!», хотя бы потому, что в этом была некоторая несправедливость. Ведь ей, Лидочке, никогда не придет в голову звать к топору или отправлять на плаху коммунистов. А ее как демократку кто-то желает обезглавить. А с сегодняшнего дня к категории желающих присоединились обитатели вишневой «Нивы» и, возможно, сыщик Шустов.

— Я вам советую, — продолжал между тем Шустов, — не рассказывать знакомым о ваших наблюдениях, особенно о номере машины. Надеюсь, никто об этом не знает?

— Никто, — твердо ответила Лидочка. — Кроме одного человека.

— Это еще кто? Подруга?

— Нет, комендант Каликин.

— Зачем вы ему рассказали?

— Я ему специально не рассказывала. Просто я при нем вспомнила номер «Нивы».

— А он что?

— А он предложил мне сообщить об этом в милицию.

— Правильно. А когда это было?

— Вчера в половине второго. После того как я побывала у вас с фотографиями. Помните, я принесла фотографии, а потом пошла домой. Каликин мне стекло вставлял.

— И почему же вы не пришли к нам?

— А я как-то не составила о вас благоприятного впечатления, — ответила Лидочка. — К тому же я спешила на поезд.

— Могли позвонить. Для этого не надо благоприятного впечатления.

— Мне показалось, что вам все это дело — до лампочки.

— Не знал я, что вы пользуетесь такими выражениями! — зло заметил лейтенант. — Но следовало бы думать, что независимо от ваших предположений у вас есть гражданский долг.

— Извините, очевидно, вы правы, а я не права. Но я очень спешила.

— Ваше счастье, что вас никто не пристукнул по дороге, — заявил милиционер. — А если бы они знали о номере, то точно бы пристукнули.

И тут к Лидочке возвратился вчерашний ужас — ужас, пережитый на поселковой дорожке перед молодым человеком в джинсовой курточке, который бежал за ней. Господи, как все понятно и просто...

— Что вы замолчали? — вторгся в ее страх голос лейтенанта. — Что-то уже было? Да говорите вы!

— Было, — призналась Лидочка.

Она рассказала лейтенанту о ее вчерашнем преследователе. Лейтенант слушал невнимательно, будто мысленно торопил ее, поддакивая и кивая головой, словно говоря: «Ну я же вас предупреждал!»

Лидочка видела это нетерпение, но не могла остановиться и рассказывать короче — словно сидела перед исповедником и должна была выложить ему все свои грехи. Сама на себя злилась за это, но продолжала тонуть в подробностях.

— Ясно, — прервал наконец ее рассказ Шустов. — Он побежал к шоссе, так что в поезде его не было. Значит, послали одного.

— Но, может быть, это совпадение... какой-нибудь сексуальный маньяк?

— Если вам так приятнее думать, — сказал лейтенант, — то пожалуйста.

Наконец-то она услышала в его голосе иронию. Сама виновата — показала себя глупой курицей.

— Но даже если наш дорогой комендант сообщил куда следует, что в моем лице можно ухлопать единственного свидетеля...

— Комендант Каликин вне подозрений, — отрезал лейтенант. — Он — ветеран, председатель ячейки общества ветеранов, трижды ранен. К тому же ему уже семьдесят лет. Давайте вычеркнем его.

— Давайте вычеркнем.

— Другое дело — он мог кому-то проговориться. Ведь старики у нас разговорчивые.

— Мне его спросить?

— Вам следует ни во что не вмешиваться. Спрашивать буду я. А пока мы с вами зафиксируем ваши показания.

— А что мне делать?

— Лучше всего переехать на несколько дней к кому-нибудь из родственников.

— У меня нет родственников.

— Тогда будьте осторожны и не открывайте незнакомым.

Зазвонил телефон. Звон у него был пронзительный и противный.

— Да, — сказал Шустов. — Нет, не могу. Я же сказал: не могу, у меня свидетельница. Мы показания оформляем... Понимаю... А где Петренко?.. Слушаюсь.

Он положил трубку.

— Ну вот, — сказал он виновато. — Этого я и боялся. Совершенно людей нет. Стоим, как спартанцы под Фермопилами.

Лидочка не удержалась и сказала:

— Фермопилы — не деревня, а горный проход. Под ним стоять трудно.

Шустов только поморщился.

— Я оформлю показания после обеда, — сказал лейтенант. — Вы идите. Мы с вами завтра поговорим. Вам в самом деле некуда уехать?

— Лучше уж я буду держать оборону дома, — ответила Лидочка. — В случае чего вам позвоню.

— Хорошо. Будьте осторожны, — сказал лейтенант.

В комнату заглянул милиционер и сказал:

— Поехали. Все тебя ждут.

Лидочка поняла, что она здесь лишняя, и пошла к двери. Но в дверях спросила:

— А вы сегодня утром за мной заходили... потому что заподозрили, что они могут меня испугаться?

— Испугаться или напугать. Но убивать они пока не будут, — обещал Шустов.

Они вместе прошли по коридору. Шустов проводил Лидочку до выхода и вернулся к себе, а Лидочка направилась в сторону рынка.

Комендант стоял на загаженной детской площадке, где в основном прогуливают собак, и ждал Лидочку.

— Ну как? — крикнул он. — Ничего не случилось?

— А что должно было случиться? — спросила Лидочка. В ней уже жило подозрение к коменданту, она размышляла, как бы спросить его, что он сообщил о ней бандитам.

— Лидия Кирилловна, — комендант почти бежал к ней. — А я здесь дежурю. Мне из милиции звонили, предупредили, чтобы я принял меры...

— Какие меры?

— Ну вы же понимаете! — Комендант приблизился к ней и перешел на шепот: — Вам угрожает опасность от бандитов. А я, как ветеран, и если надо, то и мои товарищи ветераны обещали товарищу Шустову обеспечить вашу безопасность.

— Спасибо, — только и могла сказать Лидочка.

Каликин проводил ее до подъезда, но там она попросила его возвратиться к своим неотложным делам.

Комендант согласился с ней, но тут же вошел в лифт следом за ней и, пока за Лидочкой не захлопнулась дверь, стоял в лифте, выглядывая наружу.

Лидочка прилегла на диван, но сон не приходил.

Может, позвонить Алене Флотской и договориться о встрече? Лидочке хотелось надеяться, что следы шкатулки отыщутся — ведь Соня утверждала, что видела шкатулку собственными глазами.

Мысли перенеслись от шкатулки к делам более близким и земным. Сейчас она понимала, нет, даже верила в то, что усатый парень в джинсовой куртке был подослан теми же, кто стрелял по ее окну. И он появился на сцене вскоре после того, как она сообщила коменданту о номере машины. Если эта машина не ворованная, то, конечно же, лучше заткнуть Лидочке рот. Будь она на их месте, непременно бы заткнула.

От таких мыслей стало неприятно.

И тут же (ведь каждый умеет себя успокаивать) пришла спасительная мысль: лейтенант разбудил ее так рано утром,

чтобы иметь предлог выйти с ней вместе из дома. И если потенциальные убийцы поджидали ее — то желал пугнуть их своим бравым видом. Хотя мог бы и не пугнуть — тогда бы в ее висок вонзилась роковая пуля, и ее безжизненное тело, выскользнув из рук лейтенанта Шустова, тяжело опустилось в снег... Значит, он успокаивал ее, утверждая, что комендант — ветеран и отличник боевой и политической подготовки, тогда как, кроме коменданта, никто не знал о номере машины. Это был обман. На самом деле Шустов Каликину не верил, он даже обезвредил коменданта, позвонив ему прежде, чем Лидочка вернется домой. Теперь комендант знает, что он разоблачен и не посмеет убить Лидочку.

Рука сама потянулась к телефону — если комендант не бродит вокруг дома, наблюдая за тем, как дворник Тамарка чистит дорожки от снега, и не меняет лампочки во втором подъезде, то он таится в своей комнатке, выделенной для коменданта кооперативом.

Лидочка набрала номер.

Комендант откликнулся сразу — словно сидел и ждал указаний от банды убийц.

— Вас Берестова беспокоит.

— Внимательно слушаю, Лидия Кирилловна.

— Скажите, пожалуйста, когда лейтенант Шустов вам звонил, он дал вам понять, что вы единственный, кто слышал от меня о номере машины?

— Как вы сказали? — комендант откашлялся.

— Как вы слышали, — грубо ответила Лидочка. Грубость заключалась не столько в словах, сколько в интонации.

— Нет, я только просил вас повторить. Слух у меня старческий, не всегда понимаю.

— Значит, предупредил, — сказала Лидочка. — Потому что вы единственный. И если кто-нибудь будет... — нет, слово «покушаться» какое-то безвкусное, надо сказать что-то попроще, — ко мне приставать, угрожать, то ясно будет, откуда идет информация.

Комендант молчал.

Лидочка повесила трубку.

Она была довольна собой — пожалуй, впервые в жизни оскалилась и сама посмела угрожать человеку... А если старик ни в чем не виноват? Если он и на самом деле лишь ветеран и активист, а бандитам не понравилось то, что за ними наблюдают со второго этажа?

Она поднялась, поставила чайник. Никуда она нынче не пойдет. Хоть убейте. Будет отсиживаться в осажденной крепости, то бишь в собственной квартире...

Пора звонить Алене, нескладному чаду Татьяны Иосифовны Флотской, с неудавшейся личной жизнью. Телефон Алены был на листке из блокнота Сони, вместе с Сониным домашним телефоном. Второй листок — служебный телефон Сони. Соня может нравиться или не нравиться, но, по крайней мере, она спасла Лидочку от усатого бандита.

Время бежало незаметно. Шел уже двенадцатый час, когда Лидочка, позавтракав, наконец набрала номер телефона Алены.

Трубку взяли сразу.

Подошел мужчина.

— Вас слушают, — сказал мужчина знакомым голосом. Таким знакомым, будто Лидочка случайно набрала другой знакомый номер.

— Будьте любезны, попросите Алену, — произнесла Лидочка. Чей же это голос?

— А кто ее спрашивает?

Голос был похож на голос лейтенанта Шустова. Это какое-то наваждение. Неужели сейчас окажется, что лейтенант Шустов и есть тот мерзавец, который издевается над несчастной Аленой? А что такого? От милиции до ее дома два шага. Она могла идти домой и встретить бравого волоокого лейтенанта. Тот напросился к своей любовнице на чашку кофе.

— Ее нет дома? — вопросом ответила на вопрос Лидочка.

— Она дома. Но кто ее спрашивает?

— Она не может подойти?

— Да, она не может подойти.

— Тогда передайте ей, что я позвоню позже.

— Хорошо, — ответил после заминки голос милиционера Шустова. — Но скажите, кто звонит.

— Она меня не знает.

— Тем более.

— Ну ладно, — Лидочка поборола желание швырнуть трубку. — Скажите ей, что звонила Лидия Берестова. Я ей позвоню позже. Когда позвонить?

— Лидия Кирилловна? — спросил мужской голос. — А зачем вы сюда звоните?

— Потому что мне надо встретиться с Аленой, Андрей Львович, — ответила Лидочка. «Если ты, голубчик, не хочешь сам хранить инкогнито, то почему я должна больше других за тебя переживать?»

— Лидия Кирилловна, вы находитесь в родственных связях с гражданкой Флотской? Или вы знакомы?

— Это уже допрос?

— Нет, я просто удивлен совпадением.

— Андрей Львович, когда мне перезвонить?

— Я сам вам позвоню, — сказал Шустов. — Вы из дома?

— Нет, с космической орбиты!

— Мне не до шуток.

— Куда же я денусь? Я боюсь бандитов.

— На самом деле? — спросил Шустов. — Тогда повесьте трубку. Когда я освобожусь, то я вам позвоню.

Все милиционеры — хамы. Это не тайна, а банальная истина. Даже лучшие из них.

С досадой кинув трубку, Лидочка вздрогнула, потому что в то же мгновение телефон зазвонил.

«Ну что ж, самое время вам, лейтенант, сменить тон и поговорить со мной по-человечески», — решила Лидочка и подняла трубку.

Голос был женским, высоким, срывающимся.

— Лида? Это ты, Лида? Я тебе уже десятый раз звоню — куда ты исчезла?

— А кто это говорит?

— Это я, Соня. Ты меня не узнала? Это неудивительно... — Соня захлебнулась словами и громко всхлипнула в трубку.

— Что случилось, Соня?

— Я же говорила, я же тебе говорила! — закричала Соня.

И тут же в мозгу Лидочки как бы щелкнул выключатель, и все стало на свои места. Вчерашние сетования Сони на то, что Алена готова покончить с собой. Пребывание лейтенанта Шустова в квартире Алены и его подозрительность к людям, которые звонят туда по телефону. И этот звонок Сони...

— Что случилось с Аленой? — спросила Лидочка.

— Она... она ушла от нас.

Господи, где она подслушала этот эвфемизм? Ушла от нас...

— Почему она умерла?

— Она отравилась... — Соня плакала, потеряв способность членораздельно говорить, но говорить ей хотелось — она, видно, в самом деле искала Лидочку, которая волей случая оказалась свидетельницей вчерашних разговоров.

— Выпей воды, — посоветовала Лидочка.

— Я не могу, я из автомата...

И Лидочке пришлось терпеть, вылавливая между рыданиями отдельные фразы и даже слова. Она поняла наконец, что же произошло утром с самой Соней. Та, оказывается, спозаранку приехала с дачи, но ее беспокоило, как себя чувствует подруга. С вокзала она позвонила ей — никто не подошел. Было еще рано, Алена могла спать. Тогда, движимая тревогой, Соня все же поехала к ней — у нее был свой ключ от квартиры Алены. С дороги она еще раз позвонила и тоже без результата.

Когда Соня вошла в квартиру, она увидела, что Алена лежит на диване, рядом — телефон и несколько таблеток. Видно, отравившись таблетками, Алена попыталась позвонить по телефону. Но опоздала — умерла, лишь подняв трубку стоявшего на тумбочке аппарата.

Соня кинулась звонить в «Скорую помощь», но сначала приехала не «Скорая помощь», а милиция. Молодой черноглазый лейтенант. Он стал разговаривать с Сонечкой, как с преступницей, он ужасно себя вел.

Потом прибыли эксперты и другие люди, и Соня смогла уйти из той квартиры — она все равно не хотела там находиться... Зная, что Лидочка живет поблизости, она стала дозваниваться Лиде. Почему Лиде? А кому же еще?

В том была некоторая логика. Вернее всего, у Сони и Алены не так много друзей — они образовывали некий замкнутый мирок: две подруги и несчастная любовь одной из них. Или обеих?

А Лида — это новое приобретение, это свежо в памяти, это — рядом. Лидочка — нечто, объединяющее Соню с Татьяной Флотской. Ей по крайней мере не безразлично то, что произошло.

— А когда это случилось?

— Можно, я к тебе приду? А то я на улице, совсем окоченела, у меня ни одной силы не осталось.

— Хорошо, иди, — согласилась Лида и стала объяснять дорогу.

Соня пришла через пять минут — видно, звонила с Тишинской площади, от аптеки. За это время Лидочка успела снова позвонить Алене, однако там уже никто к телефону не подходил. Потом она стала звонить Шустову, но на работе он еще не появлялся. Пришлось смириться и надеяться на то, что Андрей Львович вскоре сам объявится — хотя бы из профессиональной любознательности.

И тут пришла Соня.

За прошедшие часы она постарела лет на десять. По красным пышным щечкам побежали лиловые ниточки вен, веки распухли, и под глазами образовались мешки. Кожа была сизой, как у алкоголички. Наверное, у Сони какие-то нелады с обменом или почками...

— Слушай, дай чего-нибудь выпить, — попросила она с порога. — Я так больше не могу.

Лидочка провела Соню в большую комнату, хотя таких вот дневных гостей принято принимать на кухне, но на кухне было холодно. Соня уютно устроилась на диване, а Лида достала из буфета початую по какому-то давнему поводу бутылку коньяка. Она налила коньяк в рюмку, потом пошла на кухню, чтобы нарезать сыр и взять крекеров, а когда вернулась, увидела, что Соня наполняет вторую рюмку.

— Прости, — сказала Соня, — это, наверное, подозрительно смотрится, но я, в принципе, непьющая. Это у меня шок.

— Ничего, ты только закуси. А я тебе сейчас сделаю кофе. Или чай?

— Кофе, растворимку, и покрепче. — А когда Лидочка уже была на кухне, ставила чайник, то услышала: — Сахару два куска!

Соня постепенно оживала.

Кофе они пили вместе, у Сони перестали дрожать пальцы. Она уже обрела способность рассказывать о том, что же произошло. Правда, время от времени сама подливала себе коньяк.

Оказывается, она застряла у Татьяны Иосифовны, они смотрели телевизор, потом снова ругались.

— Ну, ты понимаешь — мы с ней как кошка с собакой, но довольно давно знакомы... Нас Аленка объединяет.

Тут Соня сделала паузу и тихо сказала:

— Объединяла.

Это изменение времени снова вызвало слезы, и Лидочка побежала за валерьянкой.

Не дозвонившись Аленке с вокзала, Соня приехала на Васильевскую и сначала позвонила в дверь. Было уже больше десяти.

«Ага, я в это время сидела у Шустова», — поняла Лида.

Когда никто на звонок не откликнулся, Соня открыла дверь своим ключом.

— Понимаешь, я, честное слово, не подозревала. Я, конечно, все время беспокоилась, но чтобы так на самом деле случилось — это я и представить себе не могла. Честное слово!

— А она пыталась покончить с собой раньше? — Лидочка вспомнила, что об этом Татьяна Иосифовна говорила вчера на даче.

Соня ответила не сразу — Лидочка поняла, что ей сейчас неловко чем-то обидеть погибшую подругу, словно прошлые попытки самоубийства были постыдными поступками.

— Конечно... у нее были попытки. Но они были ненастоящие. Она никогда не принимала смертельную дозу. У нее срабатывало чувство самосохранения. Она сама вызывала «Скорую».

— Извини, что я тебя перебила.

Кофе был каким-то железным на вкус — и Лидочке вдруг показалось странным посмотреть на себя со стороны: вот она сидит, кладет в кофе сахар, хрустит крекером — они обсуждают смерть молодой женщины, а из кухни тянет холодом, потому что комендант Каликин не вставил еще разбитое пулями стекло во вторую раму. Бред какой-то, а не жизнь! И на улицах совершенно не убирают... Бежать бы отсюда.

— Я вошла. А шторы закрыты. Алена любила полумрак, для нее яркий свет — пытка. Она как пантера — сидит в полумраке, а глаза сверкают... сверкали. Ужасно, когда надо поправлять себя. Ты понимаешь, я ей глаза закрыла, я не могла, чтобы она на меня смотрела. Глаза закрылись, а все лицо как

мрамор — твердое и ледяное. Куда холоднее, чем температура в комнате. Ты не задумывалась о таком феномене — почему покойники холоднее, чем воздух?

Лидочка пожала плечами.

Она этого не знала.

— У нее однокомнатная квартира. Хороший дом, между сталинским и хрущевским, еще кирпичный, и кухня восемь метров, но одна комната... Прости, куда-то язык мой меня увел...

Соня высморкалась и допила кофе.

— Еще сделаешь? А то у моего организма странная особенность — как только случается несчастье, мне сразу хочется спать. Представляешь!

За второй чашкой Соня снова рассказала, как она вошла в комнату и увидела Алену на диване, рука свесилась... Она, видно, хотела набрать номер, но не успела — и умерла.

— Умерла... я никогда не привыкну к этому слову.

Лидочка молчала — Соне лучше было выплакаться.

Неожиданно Соня переменила тему:

— А как он смел так со мной разговаривать? Представляешь — они приехали, я чуть живая, вот-вот в обморок грохнусь. А он со мной разговаривает, будто я Алену зарезала. Ты понимаешь?

Лидочка поняла, что, вернее всего, эти обвинения направлены в адрес ее милицейского приятеля Шустова.

— У него такая работа — подозревать, — сказала Лидочка. — В принципе, они обыкновенные люди.

— Послушала бы тебя Татьяна, — усмехнулась Сонечка, — для нее любой мент или гэбист — преступники. А для них — мы преступники. У нас полдержавы сегодня преступники, а полдержавы — завтра. Чудо из чудес! Впрочем, этот лейтенант мог бы сначала поговорить, а потом допрашивать.

— Он тебя там допрашивал?

— Фактически допрашивал. Словно он инквизитор, а я — Джордано Бруно или Галилей. Отвратительное чувство.

— Так о чем он спрашивал?

— Сначала накинулся на меня, почему я ее трогала? Ну я ему постаралась объяснить, что я была в истерике, что я сначала вызвала «Скорую», а потом мне показалось, что Аленка еще оживет, — ну как ему объяснить, что я не очень соображала? Мне все казалось, что она еще оживет, что она в шоке! Я ее попыталась раздеть, потом одеялом накрыла, чтобы ей теплее было. Ну неужели это не понятно?

— По инструкции, наверно, нельзя мертвых трогать, — сказала Лидочка.

— Какая, к черту, инструкция, когда передо мной моя лучшая подруга и я не могу поверить, что ее нет! Я же ее звала, я ей искусственное дыхание хотела сделать — ты скажешь, что я дура? Я не дура — у меня нет ближе человека, это все равно что половина меня самой умерла.

Лидочка понимала Соню — и ее ужас в полутемной квартире, и дикую нелепую надежду на чудо, и одиночество, и даже страх перед тем, что еще вчера было близким ей человеком.

— А когда она умерла? — спросила Лидочка.

— Ой, они при мне не говорили. Там приехал еще один, осматривал — я их не знаю. Я ушла, как разрешили, а они — не задерживали. Сказали, потом вызовут. Я знаешь что думаю — я думаю, что она долго не спала и переживала. И наконец решилась. Решилась — ночью. Ночью всегда делаются самые темные дела, правда? Мы с тобой спали, а она глотала эти чертовы таблетки и запивала их — меня бы сразу вырвало, мой организм бы сопротивлялся. А она, наверное, хотела умереть...

Соня допила кофе, отставила чашку и вдруг зарыдала. Сквозь рыдания прорывались слова:

— Ну как же так... ну зачем я уехала? Если бы я рядом была, она бы осталась жить... я убью его!

Лидочка не хотела спрашивать, кто этот негодяй, которого Соня считает виновником смерти подруги. Будет время — расскажет.

— Надо Татьяне Иосифовне сообщить, — сказала Лидочка. — Туда надо позвонить?.. Съездить?

— Зачем ездить? — удивилась Соня. — Там есть сторожка — как бы комендантский пункт. В ней телефон. Оттуда она в Москву звонит. А если не ответит, то в Дом творчества можно позвонить. Там тоже телефон есть. Только давай не сразу позвоним. По большому счету, Татьяне до лампочки — есть Аленка или нет. Я знаю. А мне сейчас говорить об этом — нет сил.

— Соня, тебе надо немного отдохнуть, — сказала Лидочка. — Может, ты поспишь у меня?

— А можно? — спросила Соня.

На нее смотреть было страшно. Не помогли ни коньяк, ни кофе.

— Я тебе постелю на диване. И ты поспишь.

— Ой, спасибо, Лидочка! Ты настоящий человек, с большой буквы.

Сонечка с облегчением налила себе еще рюмку коньяка и выпила.

— Теперь мы, так сказать, не за рулем, — сообщила она. — Имеем право на заслуженный отдых.

Она как будто вылила все слезы и отдала все эмоции, а теперь была пуста, словно шкура, сброшенная змеей, и мысль о сне казалась ей самой сладкой мыслью на свете.

Соня покорно и молча стояла у книжных стеллажей, ожидая, пока Лидочка постелит ей на диване, потом ушла в ванную.

— Я тебе этого никогда не забуду, — сообщила она Лидочке на прощание и тут же заснула — через минуту уже похрапывала. Она спряталась во сне от всех тяжких мыслей.

Через пять минут, Лидочка как раз мыла чашки и рюмки, позвонил Шустов.

— Извините за беспокойство, — сказал он. — Вы меня узнаете?

— Теперь я узнаю вас даже среди ночи по двум словам.

— По каким словам? — не понял сыщик.

— По любым словам, — ответила Лидочка.

— Понятно. Какие-нибудь инциденты были?

— Вы имеете в виду покушения на меня или инциденты вообще?

Шустов не стал уточнять.

— А как комендант? — спросил он.

— Вы его пугнули?

— Я никогда никого не пугаю.

— Но вы сказали ему, что вам известно, что только он знает про номер машины.

— Может быть, — сказал Шустов, словно судьба Лидочки его уже не так волновала. — Но если у вас есть три минуты, то

расскажите, что за история с вашим звонком Елене Флотской?

— Какая история?

— Вы давно знаете ее?

— Я ее вообще не знаю.

— Мне что, зайти к вам и взять у вас показания?

— Андрей Львович, мы с вами уже неплохо знакомы, — сказала Лидочка. — Вы же знаете, что я не отношусь к преступным личностям.

— Это мало о ком можно сказать с уверенностью, — ответил Шустов, и Лидочка не знала, шутит он на этот раз или нет.

— Но мне кажется, что я к этой категории не отношусь, — упрямо повторила Лидочка.

— Вам лучше знать.

— Если у вас есть лишнее время, то приходите, снимите с меня показания. Но я думаю, что на этом этапе вам лучше заняться другими делами.

— Почему?

— Потому что мне достаточно двух минут, чтобы рассказать вам всю правду и только правду.

— Хорошо. Говорите, а потом я решу, что с вами делать.

— Вас смущает, что я прохожу сразу по двум делам?

— Это только у меня, — пояснил Шустов. — А сколько еще следователей и сыщиков вами занимаются?

— Вы будете слушать?

— Уже слушаю.

— Мой дед — археолог, — сказала Лидочка. — В свое время, когда вас и на свете не было, он попросил некую Маргариту Потапову, она же Маргарита Флотская, взять на хранение шкатулку с бумагами и археологическими находками, интересными и ценными лишь для моего деда. Вы меня слушаете?

— Внимательно слушаю. Продолжайте.

— Мой муж тоже археолог и занимается теми же проблемами. Так что записи и материалы ему очень нужны. Но Маргариту Потапову арестовали в сорок первом году, и следы ее затерялись.

— Отдали черепки в безопасное место! — фыркнул лейтенант. — Лучше бы обратно в землю закопали.

— Ну вот, они не могли оценить грядущих опасностей. Им казалось, что Маргарита — вне опасности. Ее муж был заместителем наркома и членом ЦК.

— Таких-то в первую очередь и ликвидировали.

— Он был верным сталинцем!

— И что же?

— Я с вами не спорю. Я просто объясняю вам ситуацию. Мы долго искали следы Маргариты Потаповой или ее родственников. И вот совсем недавно мне удалось узнать, что дочь Маргариты — Татьяна Иосифовна Флотская жива и живет под Москвой. И вчера я к ней поехала.

— Куда?

— На станцию Переделкино. Там несколько дач выделено для членов «Мемориала». Кстати, когда я туда ездила, за мной и гонялся этот самый бандит, о котором я вам рассказывала.

— Что же вы мне сразу не сказали, к кому ездили?

— А разве кто-нибудь из нас мог подозревать, что ее дочка покончит с собой?

— Откуда вы знаете, что она покончила с собой?

— Никакой в этом тайны и никакого заговора нет, — ответила Лидочка, которой не хотелось тратить силы на убеждение милиционера. — Вчера на даче я была вместе с Соней Пищик, подругой Алены Флотской. Она как раз приехала к Татьяне Иосифовне, чтобы поделиться своей тревогой. Она беспокоилась, что у Алены... как это сказать?

— Депрессия, — подсказала Сонечка, которая стояла в дверях спальни. Она, оказывается, услышала разговор и поднялась. — Депрессия, только я не думаю, что надо обсуждать мои дела с милицией.

Она явно догадалась, с кем говорит Лидочка, и была настолько разгневана, что густо покраснела.

— Она у вас, — догадался лейтенант: видно, телефон хорошо работал. — Она не велит вам со мной разговаривать.

Почему-то милиционеру это показалось забавным.

Соня хлопнула дверью и удалилась в большую комнату. Лидочке было неловко — хоть она и не сказала милиционеру ничего такого, что могло бы повредить Соне, но, может быть, вообще ничего не следовало говорить?

— Кстати, — сказал лейтенант, — хоть мы с вами еще об этом побеседуем — вы когда вчера уехали с дачи?

— Это не телефонный разговор.

— Мне некогда сейчас оформлять документы. Может быть, от быстроты зависит расследование.

— А разве Алена не покончила с собой?

— Вернее всего, она покончила с собой, но в таких случаях мы всегда проводим экспертизу и допрашиваем свидетелей.

— Даже когда эксперт уволился в коммерческую организацию, а лимитов на пленку не дали.

— Ваша ирония неуместна, — ответил лейтенант, который, видно, подслушал эту фразу в каком-то сериале с претензией на элитарность. — Вы не ответили на мой вопрос.

— Я уехала в темноте, было часов семь, даже больше семи.

— А гражданка Пищик?

— Позвать Соню к телефону?

— Передайте ей трубку.

Лидочка положила трубку на столик и позвала Соню. Та появилась почти мгновенно, словно стояла под самой дверью.

— Лейтенант Шустов хочет тебе что-то сказать.

— Еще чего не хватало! — заявила Соня, но трубку взяла.

Чтобы не подслушивать, Лидочка ушла из комнаты. На столике перед диваном стояли две рюмки — одна, Лидочкина, была лишь пригублена. Лида допила коньяк.

Вскоре в комнату вернулась Соня. Она была еще сердита, но гнев ее угас.

— Завтра просил меня к нему прийти.

— Это его работа.

— Да что ты все о работе, о работе! Они все садисты! Ты не знаешь, какими похотливыми глазами он на меня сегодня глядел. Совершенный козел.

Лейтенант не показался Лидочке совершенным козлом, но спорить она не стала.

— Он еще требует, чтобы я ехала к Татьяне. Еще чего не хватало! Может, ты съездишь?

— Но ведь договорились, что ей можно позвонить.

— А он говорит, что звонить бесчеловечно. А разве человечно, если она услышит эту новость из моих уст? После мо-

их просьб! После того, как я ее умоляла позвонить Алене! Ведь я считаю, что Татьяна — потенциальная убийца своей дочери. Если бы она вовремя поддержала дочь, Алена осталась бы жива. Можно я еще себе налью?

Выпив очередную рюмку коньяку, Соня задумалась.

— Самое обидное — ты даже не представляешь, насколько обидно, — произнесла она, почесывая толстое колено, обтянутое черным шерстяным чулком, — что этот козел почувствовал облегчение. Вот бы не хотела! Ты понимаешь, что Аленка пошла на это, чтобы его наказать. Я клянусь тебе, что она его наказать хотела. Чтобы он зарыдал, понимаешь, опомнился, понял, что он натворил, какого человека убил! А знаешь, что получится? Он утрется и пойдет дальше, даже вздохнет с облегчением. Из всех подлых мужиков — он самый подлый.

— Соня, я же ничего не знаю, — перебила ее монолог Лидочка. — Ты говоришь мне о ком-то, словно я с ним знакома.

— Ты права. Я вижу в тебе подругу, как будто мы тысячу лет знакомы.

— Так о ком ты говорила?

— Об Олеге. Об Осетрове. Об этом партийном ошметке.

— Знаешь что, Соня, — заявила Лидочка. — У меня от вас всех голова идет кругом. Еще вчера утром я была обыкновенной женщиной и не участвовала в смертях, убийствах и покушениях. Сейчас — я в центре какой-то гигантской интриги...

— Не преувеличивай. Никакой интриги нет.

— Лейтенант Шустов другого мнения.

— Твой лейтенант — козел и садист. Я тебе говорю со всей откровенностью. В отличие от тебя я знаю мужчин.

— Меня не интересуют мужчины, — сказала Лидочка. — Мне была нужна шкатулка.

— Лида, я должна тебе сказать, что у тебя типичная вязкость сознания. Для тебя шкатулка важнее человеческих судеб. Стоит твоя шкатулка у Алены. И всегда стояла. Ее Аленке бабка Маргарита отдала. Но я не хотела говорить при старухе...

— При ком?

— При Татьяне Иосифовне. Она жадная, как Гобсек. Если бы я при ней сказала, что шкатулка стоит у Алены на комоде, она бы бросилась получать ее через суд. Все же карельская береза!

— Но ты внутрь заглядывала?

— К сожалению для тебя — заглядывала. И знаю, что шкатулка пустая, как космос. В ней Аленка хранила свои старые пуговицы. Килограмм пуговиц.

— А где же вещи? Дневники? Ты не знаешь?

— Подумай, с чего бы мне спрашивать у Аленки про твои бумаги? Откуда мне знать, что шкатулка не всегда была пустой? Может быть, и Аленка этого не знала. Стоит шкатулка, как всю жизнь стояла, а бебехи из нее еще до войны выкинули.

Лидочка не нашлась, что сказать: Соня была права.

— Я тебе хотела сказать об этом, а потом подумала — ты же все равно будешь Аленке звонить, пускай она тебе сама скажет. Какое мне дело до чужих шкатулок?

— Жалко, — сказала Лидочка.

— Жалко, — поняла ее Соня. — А мне в тысячу раз жальче. Тебе ведь жалко, что Аленка не сможет рассказать тебе про тетрадки, а мне ее как человека жалко. У нее, конечно, были недостатки, но она притом — моя лучшая подруга. А может, и единственная.

— А при чем тут мерзавец?

Соня налила еще коньяку.

— Извини, — сказала она, — но я постепенно у тебя отогрелась. И физически, и душевно. Ничего, что я твое время отнимаю?

— Я не спешу.

— Тогда я расскажу тебе грустную историю жизни моей подруги Алены Флотской.

Наверное, эта формула и даже подзаголовок рассказа уже давно созрели под выпуклым лбом Сони. Лидочка наблюдала за интересным феноменом, как у нее на глазах ужас перед лицезрением смерти и горе от гибели подруги сменялись ощущением участия в важном событии, важном ее собственной ролью в нем, то есть отравилась не просто Алена, а отравилась Подруга Сони.

И, как бы подтверждая мысль Лидочки, Соня заметила:

— Ей уже все равно, а нам, живым, нести бремя. Так могла бы сказать и Татьяна Иосифовна, и нечто подобное она обязательно скажет...

— Не надо так жалеть себя, — не удержалась Лидочка, не терпевшая фальши. — Ты здорова, молода, у тебя все впереди.

— Друг бывает в жизни только один, — наставительно возразила Соня. — Второй может и не попасться на жизненном пути.

— А может и попасться, — заметила Лидочка.

Соня только отмахнулась.

— Это история, достойная пера Льва Толстого, — произнесла она с выражением, словно это был номер, с которым она выступала на детских утренниках. — Представь себе краснопресненскую школу, двух девочек в параллельных классах, обе бедные, но не лишенные способностей и амбиций. У Алены Флотской фактически нет матери. То есть формально она есть, но у нее очередной муж или любовник в Ташкенте или Питере, а ребенка тянет из последних сил бабка Маргарита, отсидевшая по лагерям и тюрьмам. А у меня все похоже, но еще проще. Если кто и сидел, то мой папаша за растрату или хулиганство — я его плохо помню. Он приходил к нам иногда по воскресеньям, от него пахло водкой, он давал мне конфеты, а маму тащил в постель.

— Ты можешь мне все это не рассказывать, — заметила Лидочка, которую вовсе не увлекала жизненная история Сони Пищик.

— Что любопытно, — продолжала Соня, не обращая внимания на реплику Лидочки, — мы в школе не очень дружили. Так, симпатизировали, но компании были разные. Можно сказать, Аленка была романтик и всегда оставалась на бобах, потому что ставила слишком высокую планку. Попрыгает, попрыгает возле нее воздыхатель и бежит к более доступной цели. Аленка же начинает переживать, кидаться вслед, но поезд уже ушел... А я жила проще, у нас была компания, мы знали, что мальчикам надо давать, а мальчики тоже полезны в личной жизни. Без особых иллюзий, но с интересом. Ну что говорить — я в девятом классе аборт первый сделала, а Аленка в институт девственницей поступила. В общем — истеричка.

— Это называется истеричкой?

— Разумеется. — Соня была искренна. Судя по всему, она была грудастой толстушкой с круглыми коленками, рано созревшей и соблазнительной для сверстников. В десятом классе Соня Пищик была притчей во языцех — не шлюха, но

девочка с большим жизненным опытом. А к тридцати она уже стала младшей по чину подругой той самой Аленки, к которой в школе относилась снисходительно и даже с некоторым презрением.

— Я все пела, это дело, — продолжала свой рассказ Соня. — А зима катит в глаза. Школа позади, я сделала попытку поступить в институт, но тут наш папочка совсем слинял — нашел себе другую сексуальную партнершу, денег — ни фига. Мои парни готовы были сводить в кабак и даже на концерт рок-музыки. И концы. Я знала, что должна платить. И мне, честно говоря, нравилось так платить. Я ужасно сексуальная. С Петриком у меня такой роман был — ты не представляешь! Он меня раз в такси на заднем сиденье трахнул — представляешь?

Петрика Лидочка еще не знала, так что не смогла оценить значимость этого воспоминания. Разговорчивость Сони ее утомила, но она не могла ее остановить, понимая, что в значительной степени это — реакция на шок, который испытала Сонька, увидев мертвую Алену.

— В институт я провалилась, но мама устроила меня в районную библиотеку. Сначала я думала, что рехнусь в бабском коллективе. Но потом поняла, что если отдавать работе лишь минимум времени и ни грамма души, то можно прожить и на доменном производстве. У меня даже появились кое-какие поклонники, я чуть замуж не выскочила, но он в Израиль уезжал, а я подумала — как я буду жить, когда вокруг одни евреи? Это же точно антисемиткой станешь. А дети пойдут? Как им жить с антисемиткой-матерью?

— Проблема, — согласилась Лидочка. Соня выпила еще коньяку.

— Завершаю эпопею, — сказала она. — В своей карьере я попала в библиотеку Тихоокеанского института. С повышением и в поисках мужика. Было это года три назад. И вдруг вижу — Аленка Флотская, из нашей школы, за книжкой ко мне приходит. Я чуть не расплакалась от радости — все же родной человек! И ей было приятно меня встретить. Она к тому времени кончила институт, поступила в аспирантуру — все же у бабки Маргариты сохранились какие-то связи, да и сама Аленка — голова номер один. И расцвела она как роза. Ты не представляешь. Я тебе покажу...

Вдруг Соня закручинилась, из ее глаз медленно выкатились слезы.

Лидочка поняла недосказанное: я тебе ее покажу... на похоронах.

Соня отдышалась и продолжала:

— У нее как раз тогда кончался роман — трагически. Он женился на другой. У Аленки такое свойство — глупость почти психическая: она всегда любила не тех, кого надо.

Соня поднялась с дивана и, продолжая монолог, начала неспешное путешествие по комнате, как следопыт в джунглях, исследующий пути к логовищу зверя. Ему все важно в пути — и где была лежка, и чем питался зверь, и какую ветку сломал.

— Ты была за границей? — спросила Соня. — Не отвечай. Я сама отвечу. Япония?

— Китай и Бирма.

— Жалко, что не Япония. Китай и Бирма — страны бесперспективные. Мы с Аленкой в прошлом году в шоп-тур ездили, в Эмираты. Честно говоря, пожалели, что ввязались. Доходы мизерные, унижения страшные, а я чуть было в публичный дом не попала — оказалась очень во вкусе турецких гаремов. Не веришь?

— Верю.

Лидочка не поверила. Хотя, честно говоря, вкусы турецких гаремов были ей незнакомы. И откуда взялись турки в Эмиратах, она не знала.

Наконец Соня справилась со своими чувствами и продолжала:

— Институт наш не очень большой, и молодежи сначала было мало. Так что мы с Аленкой оказались в «звездах». И в устном журнале, и в капустниках — нас мужики тянули. Обычная академическая жизнь. Я думаю, что мы даже нашли свое счастье. Все своим чередом. У меня возник один перспективный мужик, немолодой уже, но, сама понимаешь, кому в нашем бальзаковском возрасте нужны молодые? Мне тридцать минуло... Правда, недавно. Никогда не дашь?

— Не дам, — согласилась Лидочка.

— И тут эта трахнутая перестройка. Это не значит, что я против демократов или перестройки вообще. Перестраивайтесь сколько угодно. Тебе надоело?

— Мне скоро уходить.

— Закругляюсь.

Лидочка узнала, как молодые женщины ходили в институт, не столько рассчитывая сказать свое слово в науке, как рассчитывая устроить личную жизнь. Причем они даже ездили два раза на пикники и вместе были в Симеизе, который оказался заштатным местечком, где по кипарисовой аллее бродили шахтеры-туберкулезники, ночевавшие под навесом на пляже, да снобистская компания из какого-то московского издательства. В Ялте они познакомились с Артуром, которому понравилась Соня, но Аленка увела его из-под носа у подруги. Из-за этого они рассорились, но случилось так, что у Артура оказалась другая любовница, с которой он не мог или не хотел порвать. Аленке пришлось сделать аборт, причем в последний момент, она все надеялась. После этого эпизода Аленка с Соней даже не здоровались в институте, но потом, сделав аборт, Аленка попыталась покончить с собой, наевшись таблеток. А когда она поняла, что теряет сознание, то ночью, в три часа, позвонила — кому бы вы думали? Правильно, обманутой и отринутой подруге Соне! Так устроен человек. Соня ей все, разумеется, простила, прискакала к ней ночью, помогала «Скорой помощи» прокачивать ей желудок, доза оказалась неопасной, но в институте кто-то узнал, и это было отвратительно, об Аленке говорили «эта самоубийца». Тогда Соня и познакомилась с ее матерью Татьяной Флотской, они скрывались у нее с Аленкой неделю на даче. Бывает любовь с первого взгляда, а бывает и отвращение с первого взгляда. Так у Сони с Татьяной. Впрочем, и Аленка к маме теплых чувств не питала за то, что та бросила ее на руках у бабушки в самом нежном возрасте, а сама устраивала свою личную жизнь. Этого дети родителям не прощают.

К этой стадии рассказа Соня уже усидела половину бутылки коньяка, чуть опьянела и стала свободнее в выражениях.

— Наступила перестройка, и оказалось, что академическая наука никому не нужна. Честное слово, никому. И тут в отделе произошло событие. К нам перевели из ЦК КПСС пожилого мужика. Еще вчера он заведовал сектором, перед ним сам директор на пузе ползал, а уж о завотделом и говорить не приходится. Господин Ростовский взял его на работу — все

понимают, что эта перестройка скоро кончится и тогда коммунисты спросят — а с кем ты был в тяжелую для родины годину? Наш Ростовский тогда ответит — я дал приют и минимальную зарплату гонимому руководителю среднего звена. И в него, в Олега Осетрова, наша Аленка врубилась с лету. Осетрову примерно пятьдесят, у него уже есть маленький внук. Красавец-мужчина, метр восемьдесят, для ЦК — предел, высоко не поднимешься, они длинных не терпят, помнишь, как Ельцина гоняли? А правда, что у Ельцина все-таки мать — еврейка? Мне точно говорили. Я сама было глаз на Осетрова положила, но Аленка, конечно же, меня обштопала. Покойница была с мотором, а фигура как у фотомодели.

Лида отметила про себя, как по мере рассказа Соня все более отстранялась от подруги: она уже называла ее покойницей — так о погибшей сегодня подруге не говорят. Впрочем, отношения двух сравнительно молодых, но засидевшихся в девках подруг не поддаются рациональному описанию. Время утекает меж пальцев, словно песок. Порой страшно проснуться и подумать — а вдруг ты уже опоздала? И ты бросаешься в авантюру, не имеющую шансов на успех и, может, даже теряешь шанс в ином, скромном, но надежном уголке. Но остановиться не можешь. А вдруг выгорит?

Так случилось с Аленкой. Она решила соблазнить Олега Дмитриевича Осетрова, красавца из ЦК, и преуспела в том быстро и красиво, потому что Олег был растерян, устал от нервотрепки предыдущих двух лет — развала и гибели системы и, в отличие от своих начальников и коллег, не проявил склонности и умения в сфере бизнеса. Вот и пришлось ему пересиживать эпоху в оживающей лишь в дни зарплат и компенсации комнате отдела Австралии. Вчера еще наш посол в Австралии приходил к тебе с отчетом и дрожал перед твоим столом. А сегодня ты — старший научный... А вдруг коммунизм не вернется? Или — его возводить молодым?

Аленка всерьез влюбилась в Осетрова, и тот был польщен, в первую очередь именно польщен ее влюбленностью. Он прожил свою жизнь, вечно остерегаясь бдительных глаз врагов и завистников. И романы у него были малочисленны и всегда происходили на юге в санатории, если жена не увязывалась за ним. Так что он порой нарочно выбирал неудобный для нее месяц — ведь происходившая из министерской

семьи жена тщательно следила за тем, чтобы у нее была путевка не только в соответствующий рангу санаторий, но и в соответствующий рангу сезон.

Редкие санаторные романы, да один или два случая в командировках были лишь эпизодами, приключениями, необходимыми для самоутверждения. И потому Олег Дмитриевич Осетров был неопытен в любви и даже искусстве служебного романа. Хорошенькая и знающая себе цену Аленка уложила его к себе в постель через неделю после знакомства и сделала это так, что до конца дней своих Осетров будет уверен, что он овладел ею почти насильно.

А потом все это оказалось значительно серьезнее, чем планировалось. Наслаждения от победы над бывшим красавцем из ЦК не получилось — в постели он был скучен, бездарен и по сравнению с прошлыми любовниками Алены — ничтожен. Никакой красивой жизни с ним не было и быть не могло, потому что он по старой партийной привычке больше всего боялся огласки, даже в отделе в присутственные дни старался не замечать возлюбленной, держа ее на расстоянии. Встречались они всегда днем, к шести этот монстр должен был вернуться домой, в семью, желательно по дороге купить кочан капусты или шесть килограмм печенья для его благоверной, которая вот-вот лопнет от жадности и гордыни. За три года романа он умудрился ни разу не съездить с ней ну не то что в Ниццу или в круиз — в подмосковный пансионат не смог. Трудно поверить, но они даже единой ночи вместе не провели. Аленка всегда говорила — я бы ему многое простила, если бы хоть раз проснулась с ним на одной подушке.

Это была банальная история обманутых надежд, которые строились на песке. Лидочка знала о десятках подобных историй, словно их штамповали на небесах, чтобы никого ничему не научить. Товарищ Осетров был недостаточно силен, чтобы разорвать эту связь, к тому же трепетал перед оглаской. Наверное, порой Олег Дмитриевич мечтал, чтобы Аленка угодила под машину или утонула в речке — но она была живуча. И роман тянулся, не принося даже физического наслаждения, потому что Олегу Дмитриевичу не нужна была постоянная любовница, ставшая жалким заменителем супруги — он знал наперечет все недостатки ее тела: и недоразвитость грудей, и плоский зад, и форму родинок, и то, что она скажет,

когда он войдет в квартиру, и какие упреки он услышит, раздевшись, и новые упреки, когда соберется уходить...

Соня говорила размеренно и вовсе не то, что случилось на самом деле. Она поведала Лидочке историю любви одной подруги, рассказанную другой подругой, то есть историю, далекую от действительности, но субъективно существующую в мозгу Сони, то есть не придуманную, а прочувствованную. Лидочка же слышала не слова, а воссоздавала ситуацию и знала, что ее понимание куда точнее, чем воспоминания Сони.

В последние месяцы отношения любовников зашли в полный тупик. Алена становилась все агрессивней и требовательней. Ведь она отдала этой скотине три лучших года своей жизни — а что получила взамен, кроме постоянных унижений и двух абортов, один из которых чуть-чуть не кончился трагедией? Ничего. Она заявила ему открыто, что если он не решится на последний шаг — если он не уйдет к ней — ведь тысячу раз обещал — неважно, что делал это все, чтобы заставить замолчать, — то она открыто расскажет обо всем в институте. Она понимала, что другой мужчина лишь усмехнулся бы: какой институт, какой профком в эпоху рынка и базара? Но для Олега Дмитриевича, который жил надеждой на возвращение прошлого, это была не пустая угроза. И в то же время Алена понимала, что одной такой угрозы окажется недостаточно, и решила подкрепить ее угрозой самоубийства.

Разумеется, в изложении верной Сонечки и этот эпизод прозвучал иначе.

Желание получить мужчину себе в личное пользование объяснялось якобы ее детской верой в его клятвы, а угрозы покончить жизнь самоубийством не возникало вовсе — оказывается, Соня просто чувствовала такую опасность, потому что в глазах Алены она увидела смерть. Ну, может, не смерть, а нечто особенное, неземное и потому угрожающее... Именно это и заставило метнуться в отчаянии к жестокосердной матери — если ее уговоры и мольбы не помогали, оставалась одна надежда на авторитет Татьяны.

Слушая ее, Лидочка не понимала — да, впрочем, и не понять ей этого никогда: насколько план с угрозами исходил лишь от Аленки, а насколько он был выпестован тридцатилетними девицами совместно. Тогда и поездка к маме была частью заговора.

Но почему тогда Аленка умерла? По всему судя, никто этой смерти не планировал. И не ожидал. Ни мама, ни Соня. Они вели себя как в театре, ожидая игрушечной дуэли Гамлета с Лаэртом, а не холодного тела на ковре и не милиционеров, которые громко разговаривают, курят и даже матерятся, переступая через труп молодой женщины.

Может быть, она все же обманула Соню? Может, она решила умереть, но скрыла это решение от близких?

Нет, сказала себе Лидочка. Весь этот роман был понятен, и время для самоубийства было давно упущено.

— Хотела бы я посмотреть ему в глаза, когда он узнает, до чего довел Аленку, — сказала, подытоживая монолог, Соня.

— Он еще не знает?

— А кто ему скажет? — отмахнулась Соня.

— Я думала, что ты уже сказала.

— Не надо песен, — отрезала Соня. — Я считаю, что он косвенный убийца Аленки. Неужели я буду с ним разговаривать?

— Ты хочешь рассказать о нем милиции?

— А ты думаешь, что я должна его щадить? Ты что, забыла, что моя лучшая и единственная подруга находится в морге и, может быть, ее уже разрезают — с них станется! — а я должна покрывать ее убийцу?

— Это твое предположение.

— Вот именно об этом предположении я и хочу сообщить, — ответила Соня, и глазки ее, маленькие за очками, стали такими холодными и злыми, что Лидочка даже пожалела товарища из ЦК.

— Я бы на твоем месте не лезла в это дело, — заметила Лидочка.

— Спросят — отвечу. Я не отвечу, Татьяна скажет. Или кто-нибудь из отдела.

— Ах, конечно, — вырвалось у Лидочки. Как же она не подумала — в отделе три года кипит, потом тлеет роман между двумя сотрудниками. Роман, о котором знают все и о значении которого наверняка имели беседы с Олегом Дмитриевичем его товарищи. А может быть, знали, но не придали значения? Махнули на него рукой? Как бы то ни было — весь

отдел, конечно же, в курсе дел, вернее всего, привык и смирился, как со скрипящей дверью в комнату, но теперь-то, после трагедии, Олег Дмитриевич окажется под лучами прожекторов, и неизвестно, удастся ли ему выкарабкаться из этой истории. Если Алена хотела отомстить, то, очевидно, ее месть осуществится.

— А Татьяна Иосифовна знала о нем?

— Разумеется, знала. И не выносила его. Да, она плохая мать, она равнодушный, глухой к чужим бедам человек, но когда дело касается мужчин, ее нюх начинает работать. Она давно отговаривала Алену... но разве на нее повлияешь?

— Значит, вчера ты знала, что Алена решила припугнуть товарища Осетрова?

Соня прищурилась, размышляя. Лидочка чувствовала, что права, и видела, что Соне не хотелось признаваться в излишней информированности.

— Я не знала, — сказала она наконец. — Конечно, я не знала. Но догадаться могла. Дурак бы на моем месте догадался.

— Она впервые это проделывала с ним?

— С Осетровым?

— Да.

— У нее такое в жизни уже было.

— А Осетрову она только грозила?

— Лидия! — не выдержало сердце Алениной подруги. — Ты говоришь так, словно не Осетров убил Аленку, а она сама его убила. Теперь легко говорить — она сама во всем виновата. Хотела увести пожилого человека, а когда не получилось, стала шантажировать.

— А разве не похоже?

— Ты бы посмотрела на Осетрова. И тогда бы говорила. Мужику шестой десяток, перспектив никаких, зарплата нищенская — кому он нужен?

— Кто нас разберет, — ответила Лидочка. Она была уверена, что ни размер зарплаты, ни внешние данные не были и не будут решающими факторами в душевных драмах.

— Вот именно! — Соня одержала малую победу и защищала честь погибшей подруги.

День был в полном разгаре. Соня взглянула на часы.

— Мне в институт надо, — сказала она. — Ты же понима-

ешь. Это я к тебе от шока прибежала, а вообще-то мне надо быть в институте. Там же никто еще ничего не знает.

Соня поднялась.

— Значит, я побежала в институт, а ты, будь другом, доберись до Татьяны. Надо же старухе сказать, что ее дочь отравилась.

Слова были недобрыми, словно Соня сводила счеты с Татьяной Иосифовной.

— А ты пол-то хоть вымыла вчера? — неожиданно для самой себя спросила Лидочка.

— Пол?

— На даче. Ты же осталась, чтобы вымыть пол.

— Но я же, честное слово, хотела пол вымыть, — Соня вдруг покраснела. — Я хотела, но потом был сериал, я совсем забыла, что сериал, а потом мы с Татьяной чай пили, заговорились, а потом уже поздно стало, и мне пришлось у нее ночевать... А утром? Впрочем, я думаю, что она сама тоже забыла о моем обещании. Только ты, Лида, со своим холодным бесчувственным умом помнишь о таких пустяках. И мне вообще непонятно, зачем ты об этом спросила?

— Не знаю, наверное, из-за твоей просьбы. Я подумала, что ты совсем недавно от нее уехала, а я должна позвонить и сказать...

— Можешь не звонить, — отозвалась Соня. — Кто-нибудь обязательно порадует.

Она поднялась и стала собираться. Она была немного пьяна, и движения ее были более размашистыми и резкими, чем следовало.

— Извини, что я спрашиваю в такой день. Но для меня это все равно важно. Ты сказала, что шкатулка стоит в квартире Алены...

— Ну сколько раз мне нужно повторять! Стоит. На комоде.

— И ты эту шкатулку видела?

— И трогала, и открывала, и закрывала — я ее знаю, как собственный унитаз.

И, сделав столь изящное сравнение, Соня покинула Лидочку. Та хотела, правда, опередить ее и глянуть в дверной глазок, но Соня не знала о страхах и опасениях Лидочки и потому оттолкнула ее своим тугим, плотно сбитым телом.

— Я тебе позвоню! — крикнула Соня с лестницы. Голос ее звучал гулко. Лидочка закрыла дверь и поспешила к телефону — кто-то звонил.

Оказалось — Татьяна Иосифовна.

— Лида, Лидочка, неужели это правда? — спросила она вместо приветствия. — Ничего от меня не утаивай, скажи всю правду, какой бы тяжелой она ни была.

— Татьяна Иосифовна, простите, но все, что я знаю, я знаю от Сони и милиционера.

— Она погибла?

— Соня только что ушла от меня. Она ее обнаружила утром.

— Это случилось ночью?

В их разговор вмешался чужой голос и сказал:

— Это шестое стройуправление?

— Повесьте трубку, вы мешаете, как вам не стыдно! — сказала Татьяна Иосифовна. И в голосе ее была такая убедительная сила, что тот, неизвестный мужчина отключился. — Представляете, Лидочка, — сказала Татьяна. — Я сидела и спорила о каких-то не очень важных вещах с этой Софьей, когда моя единственная дочь умирала... я никогда себе этого не прощу.

— Но вы-то при чем?

— Я не уделяла ей должного внимания. Так сложилась моя жизнь.

— Боюсь, что вы вряд ли могли бы что-то сделать. — Лида говорила то, что Татьяне хотелось услышать. — Ваша дочь была взрослым человеком и сама решала, что ей делать.

— Людям кажется, что они решают. На самом деле — они рабы случая. В нашем роду женщины погибали от любви.

Заявление было сомнительным, но Лидочка его не оспаривала. Ей хотелось узнать, каким образом Татьяна узнала о гибели дочери.

Татьяна сама решила эту маленькую загадку.

— Меня вытащили к телефону, который в километре от дачи. Телефонограмма. Это так называется. Коменданту поселка звонили из Аленкиного института. Мне невыносимо думать, что в институте уже знают. А когда я сюда пришла, оказалось, что звонили еще из милиции. Вы не представляете зачем?

— Молодой человек, вежливый? — спросила Лидочка.

— Вот именно.

— Тогда я знаю, что он сказал.

— Даже знаешь, что сказал?

— Он попросил прощения, что действует не по правилам, но он очень занят и выражает свое соболезнование...

— Что-то в этом духе.

— Но ему главное было узнать, когда от вас уехала Соня и оставались ли вы на даче одна.

— Ты чудо — Лидочка. Именно так... — Татьяна сделала паузу. Потом воскликнула: — Неужели он подозревает, что я могла приехать в Москву, чтобы предложить своей дочери снотворные таблетки?

— Нет, лейтенант Шустов любит порядок. И он, на всякий случай, ищет подтверждения показаниям других лиц.

— Ты имеешь в виду Соньку? Но ведь она не уезжала! Мы с ней засиделись — я ее не люблю, но я к ней привыкла. Мы засиделись, а потом она уехала утром, ранней электричкой. Впрочем, что я говорю... не все ли равно, кто звонил и кто уехал! Мне так трудно поверить... я еще в шоке. Меня тут накачали таблетками. Как будто мать может пережить смерть своей дочери, если выпьет флакон валерьянки... Лида, Лидочка, скажи, скажи, в чем я виновата? Что я не сделала? Что я должна была сделать?

— Не казните себя, Татьяна Иосифовна. Ведь, может, и лучше, что это случилось, когда вас не было рядом — иначе вам было бы еще тяжелее.

Лидочка никогда бы не посмела сказать так другой матери — но здесь был особый случай.

Лидочка так и не увидела Аленку живой. Она узнавала ее косвенно, шаг за шагом, из чужих уст. И пока что она не встретилась с настоящим героем, который стал причиной ее смерти. Соня расстроена, но она и торжествует, потому что какая-то справедливость в ее понимании восстановлена. Смертью Алены наведен порядок в мироздании, злодеи будут наказаны. Соня всех предупреждала, била во все колокола, но звон не донесся до нужных ушей. Пусть будет хуже этим ушам.

Татьяна Иосифовна готовится выполнить долг безутешной матери, она будет вполне удовлетворена тем, что траге-

дийность ее собственной фигуры возрастет: «И помимо всего она потеряла единственную дочь!» Но Татьяне на самом деле спокойнее оттого, что она не присутствует при самом событии. И не участвует в нем.

— А как меня привезут? — спросила Татьяна.

Лидочка не знала, как должны привезти мать Алены.

— Я могу за вами приехать, — сказала она неуверенно. И не потому, что была глуха к страданиям других людей — люди, с которыми она познакомилась вчера, не были ей приятны, и ей не хотелось быть втянутой в круговорот их чувств и поступков.

— Нет, — ответила Татьяна после некоторого раздумья. — Пожалуй, я тебя оставлю в резерве. Сейчас буду звонить в «Мемориал». Должны же они обеспечить транспорт. И, кстати, венок... и материальную помощь. Конечно же, они обязаны предоставить материальную помощь. Я хочу быть уверенной в том, что Алена будет достойно предана земле.

Лидочка хотела сказать, что об этом позаботится институт, но промолчала — не ее дело вмешиваться в эти частности. Хотя, как подумала она, любопытно, что при полном развале Академии, какие-то обязательные функции институты продолжают выполнять — в частности, организацию похорон. На зарплату денег может не остаться, но похороны институт обеспечит, в крайнем случае и Президиум поможет.

— Ты никуда сегодня не уходишь? — спросила Татьяна.

— Еще не знаю.

— Я буду тебе звонить. А ты запиши местный телефон. Если будут новости, немедленно сообщи мне, здесь будут люди — они так добры ко мне. Они добегут ко мне и расскажут. Правда? — Последнее слово относилось к тем, кто стоял рядом с Татьяной. — Вот видишь, — закончила она. — В тяжелые моменты русский человек всегда приходит на помощь слабому и несчастному. До свидания, Лидочка, и спасибо тебе за участие. Я никогда не забуду благородной роли, которую ты сыграла в моей трагедии.

— Ну, что вы, — ответила Лидочка, которая не знала, какую роль она сыграла, она хотела попрощаться, но оказалось, что Татьяна еще не спросила главного:

— Лидочка, а ты не знаешь, какое снотворное выпила Аленка?

— Нет, Соня мне не сказала.

— Ну как же так! Пожалуйста, узнай для меня. Может, милиция знает?

— Я постараюсь, — хотя было совершенно непонятно, зачем ей это узнавать.

— Тогда до свидания, девочка.

Татьяна всхлипнула и повесила трубку.

Лидочка убрала со стола. «Я совсем забыла, что меня саму собирались убить», — подумала она. Отказались они от этой мысли или нет? Надо спросить у коменданта Каликина... Что же не звонит Андрей? Уже давно должен был долететь. Вот он удивится, если узнает, что шкатулка существует, стоит в двух шагах от нашего дома, правда, пустая. А владелица ее, которая, вернее всего, знала, куда делось содержимое шкатулки, покончила с собой сегодня ночью. Как будто судьба погрозила пальчиком и усмехнулась, не желая возвращать Берестовым семейные реликвии.

* * *

Странное состояние владело Лидочкой — она не могла заставить себя покинуть надежность квартиры и ступить на лестницу. Как будто была убеждена в том, что нечто страшное ждет ее на лестнице или в подъезде. Она понимала, что в ней накопилось нервное напряжение последних суток. В ней боролись два человека — один требовал действий, утверждал, что, лишь преодолев препятствия, можно возвратиться к нормальной жизни. Так что сначала надо добраться до булочной, затем побывать в издательстве «Наука» и получить там деньги за фотографии... Другой человек, осторожный и запуганный, уверял, что хлеба еще немного есть, гонорар пустяковый, подождет, а вот Андрюша может в любой момент позвонить из Каира, и он очень удивится, что ее нет дома, и будет беспокоиться, к тому же ей самой хочется услышать его спокойный голос...

В результате победил второй, осторожный человек, и Лидочка, убрав квартиру, запустив белье в стиральную машину, села поработать. Телефон она поставила рядом. В течение

второй половины дня он почти не звонил — обычно в это время никого дома не бывает, и телефон знает об этом. В шесть позвонил Андрей. Она была счастлива услышать его голос, потому что уже начала строить в воображении ужасные картины авиационной катастрофы, отгоняя их и не в силах отогнать. Слышно было очень плохо. Так плохо, что приходилось кричать, и, конечно, Лидочка ничего не стала кричать Андрею об утренней перестрелке и почти найденной шкатулке — событий было столько, что для объяснений потребовалось бы минут десять. А у Андрея было денег в обрез, и он сам, узнав, что дома все в порядке, закончил разговор. И, только повесив трубку, Лидочка поняла, что даже не спросила, в каком отеле он остановился и какой у него там номер телефона — ведь ей следовало теперь позвонить ему самой.

Ну ладно, подождем следующего звонка.

Почти сразу позвонил комендант. Казалось бы, ему проще заглянуть перед уходом с работы. Но он позвонил и сказал, что не посмел беспокоить, так как еще не достал второго стекла. Что же касается всяких нападений и угроз, о которых говорил лейтенант Шустов, то Лидочка может не беспокоиться. Комендант по своим каналам предупредил бандитов, чтобы они не смели появляться по соседству. Потом он пожелал спокойного вечера и даже поинтересовался, благополучно ли долетел Андрей Сергеевич.

— У вас есть свои каналы? — удивилась Лидочка.

— Москва вся пронизана мафиозными связями, — внятно объяснил ей комендант. — Каждый второй — бандит. А у коменданта большое хозяйство. Неужели вы думаете, что в нашей работе можно обойтись без контактов? Нельзя. Помните, как нам телефоны ставили — тогда нелегко было это сделать. Зато у нас на автоплощадке три места не принадлежат жильцам. Не замечали? Ну ладно, вы не автомобилист. А подвал мы сдаем фирме? Нужно же на какие-то деньги дворника и уборщицу иметь? А фирма какая? Голландская. Из кого состоит? Из трех азербайджанцев. Можно и еще примеры приводить, но довольно и этих.

Говорил комендант вежливо, умильно, как бы по-дворницки. Но Лидочка знала, что он не дворник, а полковник, ветеран и председатель ветеранов, так что в любой момент он может сменить интонацию.

Потом Каликин спросил, правда ли, что она сообщила номер той машины милиционеру Шустову?

— Правда, — ответила Лида с замиранием сердца. Она поняла, как сердится на нее мафия за этот донос.

— Ну и молодец, — сказал комендант. — Я же их предупреждал, не вяжитесь к нашим уважаемым товарищам. Все равно номер ваш в милиции, а примет ваших женщина не помнит. Правда?

— Правда, — ответила Лидочка после короткой паузы.

— Лидия Кирилловна, — настойчивее повторил комендант. — Вы меня, может, неправильно поняли, но мне хочется довести до вашего сознания, что вы не запомнили лиц тех людей, которые были в машине. Для вашего же блага. Так и милиционеру сказали. И зря они беспокоятся. Вы меня поняли?

Только тут Лидочка его поняла и с облегчением, почти искренне ответила:

— Я совершенно не запомнила никаких лиц. Я и так плохо лица запоминаю, а в темноте, в машине тем более — я же специально не приглядывалась.

— Вот и умница, — одобрил комендант. — Значит, я людей не обманул.

На этом он и попрощался.

Лейтенант Шустов позвонил уже в восьмом часу, узнать, как там дела. И вообще, никто не беспокоил Лидочку?

Лидочка ответила, что день прошел спокойно.

— Комендант звонил?

— Он в самом деле знаком с бандитами?

— Откуда мне знать? — в голосе Шустова ей послышалась насмешка. — Если я об этом узнаю, то подберу ему статью.

— Я ему сказала, что сообщила вам номер машины.

— Но, наверное, не запомнили, кто стрелял? Не увидели?

— Почему вы так думаете?

— Я ничего не думаю. Но учтите, что от вас я и не требую, чтобы вы кого-то запомнили. Раннее утро, перепуганная стрельбой женщина... даже суд никогда не рассчитывает на такие подарки. Да и я, как профессионал, ваши показания принимал бы с подозрением.

— Значит, я ничего не видела?

— Ваше дело.

— А как себя чувствует Петренко?

— Пострадавший находится в больнице и просит отпустить его домой, потому что полагает, и притом с основанием, что больница не самое безопасное для него место.

— Вы его прячете?

— Мы не в Америке. У нас для этого денег нет. Но место, где он лежит, не афишируем.

— Если они захотят, то доберутся до Петренко?

— Может быть.

— И убьют его?

— Допускаю.

— И вас не будет мучить совесть?

— Я подозреваю, что сегодня чуть попозже он смоется из больницы. И его не поймают. Вас это устраивает?

— Спасибо. А что известно об Алене Флотской?

— А что может быть о ней известно? Покончила с собой. Думаю, что всерьез она и не собиралась этого делать. Но так получилось. Уже не первый случай в моей практике. Хотят пугнуть, а дозу не рассчитывают.

— Вы так уверены?

— Она не оставила предсмертной записки, но я отыскал ее записную книжку. В ней записи на ближайшие дни, настоящие самоубийцы так не делают.

— Уже известно, почему она это сделала?

— Вы любопытная, Лидия Кирилловна.

— Как и всякая женщина.

— Мы не рассказываем посторонним тайну следствия. Но с вами я могу поделиться. При одном условии.

— При каком?

— Если вы дадите мне слово, что в самом деле раньше не были знакомы с погибшей и позвонили ей случайно.

— Я же сказала! Я ее так и не видела! Мне нужна была шкатулка, вернее, информация о шкатулке, которую мои родственники передали на хранение ее бабушке в тридцать восьмом году.

— А где эта шкатулка теперь?

— Это меня интересует не меньше, чем вас. Ко мне сегодня приходила Соня Пищик, она говорит, что шкатулка хранится дома у Алены.

— Ага, — сказал Шустов.

— Что это означает?

— Разгадку для Шерлока Холмса, — ответил лейтенант. — А я думал, что же стояло на комоде?

— Вы видели?

— Нет, но я могу сообщить ее размеры. Тридцать два на двадцать четыре сантиметра.

— Правильно! Но как вы догадались?

— На комоде пыль. Алена Флотская была большая неряха. А в одном месте пыли нет. Там что-то стояло, примерно тридцать на двадцать четыре сантиметра. Я и решил — коробка с нитками и пуговицами. Зачем она кому-то понадобилась?

— Она пропала?

— Вот именно. И дорогая шкатулка?

— Наверное, не очень. Я ищу дневники, которые в ней когда-то хранились.

— На комоде лежали кучей нитки, пуговицы — всякие пустяки. Кому-то шкатулка понадобилась, вот он все и высыпал. А когда Пищик ее видела?

— Не знаю. Спросите у нее.

— Спрошу, — сказал лейтенант.

— Почему вы замолчали? Это вам кажется важным?

— Не знаю, — сказал лейтенант. — Вообще-то, это не телефонный разговор.

— Разве сейчас слушают?

— У нас всегда слушают.

— Но мы же не обсуждаем важных дел. Одна девушка покончила с собой. Каждый имеет право покончить с собой.

— Если эта шкатулка исчезла два-три дня назад, это меня не касается, — ответил лейтенант. — Но если сегодня ночью, то, значит, кто-то к ней заходил. Может быть, эта встреча и подтолкнула гражданку Флотскую к роковому решению.

«Ну почему он всех называет гражданками? Неужели и меня он именует гражданкой Берестовой? А почему бы и нет?»

— У вас есть подозреваемые?

— У нее были интимные отношения с одним из ее сослу-

живцев. Но если гражданка Пищик к вам заходила, то она наверняка вам об этом поведала.

— Поведала. Вы его будете допрашивать?

— Наверное, придется, — ответил Шустов. — Но, вообще-то говоря, не хочется. Такие дела, где виноватых не найдешь, я бы закрывал, пусть живут, как хотят. А то у нас бандиты на свободе гуляют, а мы самоубийцами на личной почве занимаемся.

— Но бывает же, что человека довели до самоубийства.

— Боюсь, что гражданка Флотская сама себя довела.

— Вы — женоненавистник.

— Вы так думаете потому, что я развелся? Но мы с Галей и сейчас поддерживаем нормальные отношения.

— Нет, я пошутила.

— В следующий раз осторожнее шутите, а то я не всегда вас понимаю, — признался милиционер.

— Андрей Львович, — Лидочка постаралась говорить ласково и убедительно, — мне на самом деле важно узнать, куда делись те вещи, что когда-то лежали в пропавшей шкатулке. Я очень прошу, если будете спрашивать людей о шкатулке, вы потом мне расскажете, что узнали, хорошо?

— Хорошо. Но у меня нет доказательств принадлежности шкатулки вам или вашим родственникам.

— Андрей Львович, вы можете спросить у Татьяны Иосифовны. Она — мать...

— Знаю. Проживает в дачном поселке на станции Переделкино, где пишет свои воспоминания. Я спрошу ее.

— Заранее спасибо.

— Не спешите. Отдыхайте. Я пойду поужинаю, а то весь день без горячей пищи. И не бойтесь. Никто вас больше не тронет. Но, конечно, никому не открывайте, не посмотрев предварительно в глазок. Никому. Ясно?

— Ясно.

— Спокойной ночи.

Спать было еще рано — половина девятого. Лидочка устроилась с книжкой на диване, но, конечно же, не читалось — слишком много впечатлений.

Потом потянуло в сон.

Лидочка быстро отправилась в ванную — она боялась, что заснет.

Глава 4

ТЫ НИКОГО НЕ ВИДЕЛА

Утро началось со звонка в дверь.

Лидочке показалось, что еще ночь — так сумрачно было за окном.

Звонок был настойчив, он сбивал мысли, в нем была угроза, как бы продолжение тут же забытого ночного кошмара. Звонили убийцы... Лидочка кинулась было к двери, как была, в одной ночной рубашке, но потом остановилась в коридоре, замерла, стараясь проснуться и привести в соответствие мысли и окружающий мир.

Для этого сначала надо было посмотреть на часы, но часы остались в комнате. Тогда лучше заглянуть в глазок.

Лидочка заглянула в глазок и обнаружила, что за дверью, опираясь на палку, в меховой широкой шубе и в сером шерстяном платке стоит Татьяна Иосифовна Флотская. Этого еще не хватало!

Лидочка открыла дверь.

— Ты спала? — спросила Татьяна, не скрывая укоризны.

Лидочка знала, что услышит дальше, и потому молча отошла в глубь коридора.

— Я уже дошла до станции, доехала до Москвы, по Москве бултыхалась полчаса или час, еле тебя отыскала, у вас все переулки перекопаны. Думала, что придется звонить.

— Вы бы позвонили из автомата, я бы вас встретила.

— Я подозревала, что ты дрыхнешь, поэтому и дала тебе лишних полчасика поспать. Я-то ранняя пташка — как запоет вертухай, как ударят по рельсе, так я и бегу в сортир.

Татьяна хмыкнула и принялась разматывать платок.

— К тому же, — сказала она, — на улице жуткий мороз. Не стой как скифская баба. Поспеши на кухню, поставь чайник — чашка кофе меня спасет.

Что Лидочка и сделала.

Пока чайник грелся, она быстро ополоснулась, оделась и приготовила нежданной гостье завтрак.

Татьяна объяснила, и это было естественно, что ночью ей стало не по себе. Совсем не по себе. Она начала плакать и поняла, что должна найти каких-то людей. И тут обнаружила,

что людей-то и нет. Племянница уехала в Германию, друзья, если они и были, вымерли или покинули эту страну, и вдруг оказалось, что проще и приятнее было поехать к Лидочке, с которой познакомилась сутки назад. Ведь именно Лидочка — не чужая. Они практически родственники, встретившиеся после долгой разлуки, Лидочка того же возраста, что и несчастная Аленка, и именно в ней Татьяна почувствовала родственную душу, ты понимаешь?

— Человек в стрессовой ситуации, — рассуждала Татьяна, большими глотками спеша допить чашку кофе в расчете на добавку, — ведет себя на первый взгляд нелогично, им руководят инстинкты. Инстинкт рода, инстинкт самосохранения. Как ни странно, меня вел к тебе инстинкт самосохранения — раненое животное чутьем понимает, какие травы для него целебны, а какие — ядовиты. Под ядовитой травой я имею в виду Соню. Вот к ней в трагический момент жизни я бы не смогла обратиться, потому что она недобрый человек...

Татьяна Иосифовна продолжала говорить, выговариваясь, видно, за недели одиночества и за вчерашний день, когда это одиночество она почувствовала в полной мере. А Лидочка с безнадежностью размышляла о том, что, вернее всего, сегодняшний день тоже погибнет — Татьяна Иосифовна послана ей злою судьбой, чтобы лишить свободы.

После третьей чашки кофе Лидочка смогла все же вставить вопрос в сплошной поток речи гостьи:

— Какие у вас планы, Татьяна Иосифовна?

— У меня? Планы? Не говори глупостей. Какие могут быть планы у старухи, только что потерявшей единственного родного человека?

— Но ведь вы ехали, наверное, не только для того, чтобы поговорить со мной?

— Если ты думаешь, что я хочу поехать в морг, — испуганно заявила Татьяна, плотно обволакивая кухонную табуретку мягким телом, — то ты ошибаешься. Я не переживу той картины. Нет, ни в коем случае. Ни одна мать не может увидеть свою дочь в таком виде.

Лидочка ничего не ответила, но почувствовала громадное облегчение от того, что ей не придется сопровождать в морг несчастную мать. Впрочем, не исключено, что лейтенант Шустов заставит ее туда поехать — Лидочке приходилось читать в американских детективах, как несчастную мать или жену везут в морг на опознание...

— Но я подумала, — сказала Татьяна, — что мне все-таки надо зайти к себе в квартиру.

— А где это?

— Где Аленка жила. Это же теперь моя квартира! Я — наследница.

Наверное, формально так и было. Некогда, вернувшись в Москву, Татьяна подселилась туда, к Аленке с бабушкой. Потом она купила небольшое кооперативное жилье на «Аэропорте», где почти не бывала, потому что сдавала квартиру одному швейцарцу, предпочитая свежий воздух Переделкина.

Татьяна вытащила мужской бумажник, извлекла из кармашка небольшую фотографию хорошенькой, чернокудрой, с острым носиком девушки. И Лидочка наконец-то увидела Аленку.

— Она была полной? — спросила Лидочка.

— Нет, совсем худой. Чертами лица мы похожи, но должна тебе сказать, что в двадцать, даже в тридцать лет я была как тростиночка, а теперь вот — результат неправильного обмена веществ.

— Вы хотите туда пойти? — спросила Лидочка.

— Разумеется. Ты меня проводишь туда? Это два шага, всего два шага. А то я за себя боюсь. Я одна не выдержу!

— Конечно, — согласилась Лидочка.

Из двух бед ей выпала меньшая — хоть не надо ехать в морг. К тому же ей любопытно было побывать в той квартире.

В том, что в ее быстром согласии присутствовали и корыстные мотивы, Лидочка призналась лишь самой себе: ей хотелось увидеть то место, где стояла шкатулка, и, может быть, случайно заметить, как из-под комода высовывается уголок когда-то завалившегося туда дневника.

— Единственная деталь, — заметила Татьяна Иосифовна, — ключей у меня нет. Я их давно уже потеряла.

— А как же мы туда попадем?

— Я знаю из разговора с лейтенантом Шустовым, что ключи находятся у него. Он мне сказал по телефону. В крайнем случае отберем у Соньки. Ей они уже не понадобятся.

Лидочка позвонила в милицию, подошла Инна Соколовская, Лидочку она не узнала или сделала вид, что не узнала, но призналась, что лейтенант Шустов будет к десяти.

* * *

Пока они собирались да шли до милиции, с заходом на рынок — надо купить чуть-чуть зелени: Татьяна испытывает нехватку витаминов, пока отдыхали на скамеечке в коридоре милиции, Татьяна все говорила, но, к сожалению, не сказала ничего достойного запоминания. Мучения и лишения, которые ей пришлось претерпеть, долгие годы оставались лишь ее бедой и собственностью, но, когда она дожила до иных времен, она решила, что государство, общество и каждый отдельный член общества обязаны заплатить за причиненное ей зло. Причем это правило распространялось на всех жителей нашей страны, включая собственную дочь Татьяны, из-за чего и усугубились противоречия, а потом и вовсе вражда между этими женщинами. Так что и теперь Татьяна была убеждена в том, что ее беды, в число которых вошла и смерть дочери, должны разделяться остальными. Ближе всех была Лидочка, ей больше всех и досталось. Причем Татьяна нагружала своими терзаниями представителей человечества не поровну, а в зависимости от их податливости. Лидочка была мягкой и воспитанной, ей достался груз побольше. Соня — невоспитанная грубая эгоистка, значит, с нее и спрос меньше. Татьяна, как опытный сборщик налогов, чувствовала, с кого можно сколько взять, чтобы и по миру не пустить, и лишнего жирку не оставить.

Потому-то постепенно проявилась и главная цель приезда — не желание проводить в последний путь свою единственную дочь, а скорее опасение того, что эта Соня Пищик сегодня же вытащит из квартиры все ценные вещи, если она уже не сделала это с утра пораньше.

Главное — отобрать у нее ключи. И даже, может быть, срочно поменять замок, чтобы обезопасить память о девочке. Почему врезание нового замка называлось заботой о девочке, Лидочка не поняла. Да и не положено ей было понимать.

В отделении милиции было пусто — похоже, сегодня все сотрудники разъехались с утра по заданиям. Лишь в паспортном отделе толпились какие-то люди, приезжие, судя по одежде и смуглости. Лидочка первой сунула голову в кабинет Шустова. Тот сидел за своим столом, положив перед собой квадратный кусочек бумаги, затачивал, уперев концом в бумагу, карандаш. Лидочку он увидел сразу — смотрел на открывающуюся дверь. И был ей рад.

— Привет, — сказал он. — Мне Инна сказала, что вы звонили. Что стряслось? Кто обидел?

— Я к вам по делу.

— К сожалению, — он положил карандаш на стол, смял бумажку и кинул комочек в корзину. — К сожалению, все ко мне идут по делу, а я так хотел, чтобы от безделья.

Он уже увидел вплывающую в комнату тушу Татьяны Иосифовны и потому завершил фразу дипломатично:

— Хорошие примеры заразительны. Не зря я вас вчера так рано разбудил.

Он обогнул стол и вышел к ним навстречу, как делают демократически настроенные министры. Но у министров соответствующие кабинеты, а у Шустова комнатенка в десять квадратных метров, шкаф и сейф. Так что получилось тесно, и пришлось долго топтаться, прежде чем все расселись.

— А я уже догадался, кто вы, — сказал Шустов, приняв серьезный, соответствующий случаю вид. — Вы будете Татьяна Иосифовна Флотская, мать трагически погибшей гражданки Елены Флотской?

Лидочка оценила память Шустова. Тот понял ее удивление и объяснил, словно оправдываясь:

— Так я же это дело веду, мне его следователю передавать. Пока не передам, я всех свидетелей и родственников помню. А потом забуду, не бойтесь.

— Я не боюсь, — сухо заявила Флотская. Кажется, ей не понравился красавчик, словно она уловила в его голосе насмешку. Но насмешки не было. Лидочка уже познакомилась с Шустовым и знала, что он человек серьезный. А если старается шутить, то от напряжения перегорают пробки во всем квартале.

— Татьяна Иосифовна пришла к вам, — начала было Лидочка, и тут Шустов совершил роковую ошибку.

— Не беспокойтесь, Татьяна Иосифовна, — заявил он официально, — я лично отвезу вас в морг. Как раз проведем до-

полнительное опознание, у нас нет показаний члена семьи. Так что я все устрою. Я думаю, завтра анатомы кончат с ней работать, и мы поедем, добро?

— О, нет! — Татьяна Иосифовна сглотнула слюну. Лидочке показалось, что ее тошнит от страха. — Я инвалид, мне нельзя волноваться, у меня плохое сердце...

Шустов растерялся и обернулся за поддержкой к Лидочке.

— А нельзя обойтись без опознания? — спросила она.

— В принципе можно. Но я решил, что Татьяна Иосифовна специально для этого приехала.

— Нет, — отрезала Татьяна Иосифовна и поглядела сквозь импортные очки на лейтенанта так, что он должен был провалиться сквозь землю. К счастью для лейтенанта, он глядел на Лидочку, ожидая от нее совета, и не заметил убийственного взгляда.

— У Татьяны Иосифовны проблема, — сказала Лидочка и замолчала. А почему она должна работать переводчиком? — Татьяна Иосифовна, объясните все лейтенанту Андрею Львовичу.

— Мне нужно попасть в мою квартиру, — скупо произнесла Татьяна.

— Ради бога, я не имею ничего против, — сказал лейтенант. — Но я при чем?

— Как? — строго спросила Флотская. — А ключи у кого?

— Вы имеете в виду квартиру вашей дочери?

— Приватизированную, — уточнила Татьяна, но тут же сообразила, что взяла неверный тон, и поправилась: — Я мать, в конце концов!

— Да разве я возражаю? — сказал лейтенант. — Простите, Татьяна Иосифовна. Конечно же, квартира опечатана. Но мы почему это сделали? Мы это сделали потому, что вас в городе нет, и мы не знали, когда вы вернетесь, а чтобы посторонние лица приходили, нам не нужно.

— Вы хотите сказать, что квартира опечатана? Моя квартира опечатана?

Лидочка кинулась на помощь Шустову:

— Но так всегда делается. Ведь Андрей Львович не возражает.

— Значит, я не могу попасть в мою собственную квартиру? — Татьяна Иосифовна рвалась к скандалу. Она уже мысленно готовила уничтожающие письма в средства массовой информации.

— Татьяна Иосифовна, — Лидочка повысила голос. Надо было пресечь наступление в самом начале. — Поймите же. Второй ключ есть у Сони, у Сони Пищик. Андрей Львович не хотел, чтобы она, не будучи родственницей, бывала в квартире.

— Вот именно! — закричала Флотская. — Это я и хотела сказать.

Тут она осеклась, и все тоже молчали, потому что никто не понимал, что же она хотела сказать. Пауза затягивалась. Первой опомнилась Татьяна, спросив тоном пониже:

— Она не сможет войти?

— Вот именно, — ответил Шустов.

— Значит, она все вынесла с утра, — заявила Татьяна.

— Что вы имеете в виду? — спросил лейтенант.

— А то, что она была там с утра, увидела тело моей дочери, вынесла все ценное из квартиры, а потом позвонила вам.

— Так, — Шустов уже все понял, а когда он все понимал, то он тоже мог постоять за справедливость. — Простите, гражданка Флотская, но вы упомянули сейчас ценные вещи, которые, по вашему мнению, гражданка Пищик вынесла из квартиры вашей дочери. Вы не могли бы перечислить вещи, имеющие наибольшую ценность?

— То есть как? — Татьяна к такому вопросу не была готова. — Какие ценности?

Лейтенант был на коне. Он взял отлично заточенный карандаш, элегантным движением достал из стола лист бумаги. И по тому, что он решил воспользоваться именно карандашом, который не употребляет в официальной обстановке, Лидочка поняла, что он преподает Татьяне урок поведения, о чем она не должна догадаться. А так как Татьяна была Лидочке несимпатична, она не собиралась мешать лейтенанту проводить урок вежливости.

— В квартире, где прописана ваша дочь Елена, находятся некие ваши ценности. Попрошу их перечислить.

Татьяна растерянно обернулась к Лидочке.

— О чем он говорит? — спросила она так, словно услышала от лейтенанта гнусное предложение.

— Я думаю, — ответила Лидочка, — что Андрей Львович хочет помочь вам выяснить, не пропало ли что-нибудь из дома.

— Какие могут быть ценности у Алены? — строго спросила Татьяна Иосифовна, будто слова о ценностях исходили не от нее, а от лейтенанта.

— Вот именно, — согласился лейтенант.

— Я не была в этой квартире больше года! — воскликнула Татьяна. — Больше года! А вы стараетесь навязать мне чуждое мнение.

— Кого вы подозреваете? — спросил лейтенант, который умудрился пропустить мимо ушей ее слова.

— Именно ее, Софью Пищик, — ответила Татьяна.

— Вы полагаете, что гражданка Пищик взяла в квартире какие-то ценности, наименования которых вы уточнить не можете ввиду того, что давно не были на данной жилплощади. Но назовите хоть один предмет!

— Один?

— Один.

— Магнитофон, — сказала Татьяна. — Магнитофон «Панасоник», который был подарен лично мною Аленке к окончанию института.

— Большой?

— Очень большой.

— Проверим, — сказал лейтенант.

— Проверьте, — повторила за ним Татьяна. Она потеряла свою агрессивность.

— Скажите, пожалуйста, — произнес лейтенант заинтересованно, — а каким поездом уехала от вас гражданка Пищик вчера утром?

— Я не знаю, каким поездом, — ответила Татьяна.

— Приблизительно.

— Это допрос?

— Да никакой это не допрос! Я хочу развеять недоразумения, — сказал лейтенант. — Чтобы вы не беспокоились понапрасну.

— Она уехала... она ушла в восемь часов. Около восьми.

— Допустим, в восемь, — согласился лейтенант. — Электрички у вас в это время часто ходят?

— Откуда мне знать. Неужели вы думаете, что я в восемь утра способна уехать на электричке?

— Я полагаю, что вы способны, — откликнулся Шустов. — Значит, в восемь. Даже если она добежала до станции

и сразу села в поезд, то в Москве она была без четверти девять и сколько-то времени потратила, стараясь дозвониться до Алены.

— Никуда она не звонила! — заявила Татьяна, полагавшая, что лейтенант покрывает Соню из каких-то эгоистических соображений.

— Значит, не звонила, — согласился лейтенант, — а прямиком поехала на Васильевскую. И была там, скажем, в половине десятого. А без четверти десять мы расстались с гражданкой Берестовой.

— Расстались с Берестовой? — Татьяна была поражена и охвачена новыми подозрениями. — С Лидой?

— По другому делу, — пояснила Лидочка.

— Как раз без четверти десять меня вызвали в дом к вашей дочери. А звонок в «Скорую» — я проверил — ушел в девять сорок. Через семь минут я был в вашей квартире, там я застал гражданку Пищик в истерическом состоянии. Я даю голову на отсечение, что у нее не было ни возможности, ни сил, ни настроения выносить магнитофон «Панасоник».

— Все может быть, — ответила Татьяна, показывая тоном, что окружена врагами и никому не верит.

— Ну хорошо, допустим, что у нее был сообщник, которому она передала ценные вещи. Но тогда она должна была заранее знать, что Алена умерла. Иначе даже у сообщника, который живет на соседней улице, не было бы времени, чтобы прийти ей на помощь и ограбить вашу квартиру.

— Но она могла вызвать его с дороги.

— Значит, она знала, что Алена погибла?

— Да! Она же мне вчера говорила, что Алена собирается покончить с собой.

— Очень интересно, — лейтенант буквально обволакивал старуху взглядом своих маслин. — Выходит так: к вам приехала гражданка Пищик и сообщила, что этой ночью ваша дочь покончит с собой. И что же вы сделали?

— Не пытайтесь шутить, — грозно предупредила лейтенанта Татьяна. — Это не предмет для шуток. Да, все так, как вы говорите, гражданка Пищик сообщила мне в очередной раз, что моя дочь намеревается покончить с собой. Это уже бывало раньше, и потому я не обратила на это внимания. Потому что это обыкновенная чепуха.

— Значит, гражданка Пищик бросает все дела, едет к вам за город, чтобы предупредить вас о совершенной чепухе.

— Значит, так!

— И вас это не удивляет?

— Удивляет, но не настолько, чтобы выгнать ее за порог. Тем более что она была в обществе вот этой дамы!

Татьяна показала на Лидочку, и этим жестом было ясно сказано, насколько упала Лидочка в глазах Татьяны Иосифовны.

— Затем эта самая гражданка Пищик, которая приехала к вам с чепухой, остается у вас ночевать? Так?

— А куда ей было ехать? Пока мы кончили разговаривать и смотреть телевизор, уходить было поздно. Вашей милостью женщине нельзя появиться на улице после семи вечера.

— Моей милостью? — не понял милиционер.

— Вы умеете воевать лишь с беспомощными женщинами, нищими и лотошниками. Перед мелкими преступниками вы бессильны, а к мафии бежите на поклон.

Лейтенант, вежливо выслушав филиппику Татьяны, возразил:

— Я с вами не совсем согласен. Разумеется, у нас еще много недостатков. И со временем...

— Со временем их станет еще больше, — вставила Татьяна.

Ей стало жарко в шубе, дорогой, но не новой. Лидочка вдруг решила, что шуба подарена какой-нибудь благотворительной организацией — не было у Татьяны денег, чтобы купить такую дорогую, даже не новую шубу. Всю жизнь она просуществовала на грани бедности, и сегодняшняя ее бедность — это богатство по сравнению с тем, что было раньше.

— Даже с нашими ограниченными возможностями мы стараемся защитить жизнь и имущество граждан, — наставительно бубнил молодой лейтенант, а старуха Флотская негромко огрызалась, врезаясь, как топор, в его монолог.

— В общем, так, — сказал лейтенант. — Получите ключи от вашей квартиры и распишитесь вот здесь в их получении. И здесь.

— Бред какой-то! — Проиграв первое сражение, Татьяна взяла верх в войне и потому ворчала, не переставая: — Почему это я должна расписываться в получении своих собственных ключей?

— Тогда подождите, и мы вернем их вам после окончания следствия.

— Ваше следствие никогда не кончится.

Лейтенант пожал плечами. Он кинул на Лидочку несчастный взгляд. У Татьяны оказалось особенное свойство — выматывать людей, которые с ней общаются. Лидочка тоже чувствовала крайнюю усталость.

Татьяна тщательно пересчитала ключи, как будто знала, сколько их должно быть.

— Последний вопрос, — сказала Татьяна. — Когда я получу вторые ключи?

— Какие вторые? У нас одни, — не понял вопроса лейтенант.

— Я имею в виду ключи, которыми завладела гражданка Пищик, — Татьяна старательно подражала лейтенантскому обозначению людей.

Дверца сейфа, из которого лейтенант вынимал ключи, была приоткрыта. Он поднялся, положил в сейф расписку Татьяны и запер его.

— Какие ключи и кому давала ваша дочь, меня не касается, — сухо сказал лейтенант. Он устал от Татьяны и был рад от нее избавиться.

— То есть как так? — Татьяна смотрела на него снизу вверх, как Петр Великий на своего непутевого сына Алексея на картине известного художника Н. Ге.

— Вы поищите ключи у ее друзей, знакомых, может быть, у ее близкого друга, — лейтенант не пытался щадить чувства матери, потому что уже понял, что перед ним сидит не подавленная горем одинокая женщина. По крайней мере, здесь никто не рыдал и рыдать не собирался.

— Вы хотите сказать, что Алена доверяла ключи черт знает кому?

— Вы же сами недовольны, что ключи есть у гражданки Пищик, — заметил лейтенант.

Тут Татьяна была вынуждена признать временное поражение и предпочла прервать переговоры с милицией.

Лидочка была удивлена сначала, что Шустов не воспользовался присутствием Флотской, чтобы допросить ее или хотя бы поговорить о дочери. Но потом поняла, что он настолько не хочет оставаться с Татьяной наедине, что согласен пойти

на нарушение милицейского устава и обойтись без допроса. Благо дело было, как понимала Лида, простым и для сыщика неинтересным.

* * *

Дом стоял в отдалении от улицы, служа боковой стеной двора. Семь этажей, ранний хрущевский стиль, когда с фасадов уже сняли все украшения и даже штукатурку, но строили еще из кирпичей и по урезанным вариантам сталинских проектов.

Во дворе и в подъезде они никого не встретили. И когда поднимались на лифте, Татьяна с облегчением сказала:

— А я так боялась соседок! Какая-нибудь идиотка должна была нам встретиться, чтобы выразить мне сочувствие.

Но она рано успокоилась. Реальная опасность поджидала у двери. Татьяна, тяжело дыша и опираясь на свою трость, которая нужна была ей, как она сама выразилась, чтобы не хлопнуться и не заработать перелом шейки бедра, начала копаться в связке ключей. Отыскав подходящий ключ, она сорвала пломбочку с двери и сунула ключ в скважину. Ключ в скважину не влез.

Открылась соседняя дверь на той же площадке, и вышла маленькая, чуть ли не карлица, женщина с круглым сморщенным личиком и воскликнула:

— А я думаю, кого черт принес — я специально прислушиваюсь. А тут звуки. И я думаю, кого черт принес, а это вы, Татьяна Иосифовна. Я как раз думала, а где Татьяна Иосифовна? Неужели родная мать не приедет?

Женщина говорила мягко и переливчато, как говорят московские татары.

— Здравствуйте, Роза, — сухо произнесла Татьяна, она перестала выбирать ключ и выпрямилась, ожидая, что соседка уйдет. Та же не выражала желания уйти. Казалось бы — открой скорее дверь и скройся в безопасности квартиры. Но тут Лидочка поняла, что Татьяна не хочет показывать соседке, что забыла, каким ключом дверь открывается.

— Это такой ужас, я просто спать не могу, — сказала Роза. — Мертвые по ночам ходят, особенно если злые.

— Кто злые? — спросила Татьяна.

— Ну, так о мертвых не говорят, правда, — смутилась Роза. — Мы-то с вами знаем, чего же, свои люди, какой был трудный ребенок, просто ужас. А как мне теперь спать? Некоторые считают, что он ее убил. Это может быть? Я милиции ничего не сказала, зачем им всякие тайны знать, еще хуже будет.

— Кто ее убил? — спросила Татьяна.

— Который к ней ходил. Седой такой мужчина, красивый, вежливый, его Олег Дмитриевич звали, всегда здоровался, очень воспитанный. Такие и убивают, правда? Сначала воспитанный, всякие слова говорит, а когда уже жениться нужно, то убивает. Может, боялся, что Алена беременная была? Испугался, что к его жене пойдет, и убил. Правда, так бывает?

— А разве Алена беременная была? — Татьяна растерялась от равномерного тоненького потока слов.

— А кто ее знает, — сказала татарка, — никто не скажет, пока она сама анализ не сделает, только Раиса Семеновна из шестнадцатой квартиры мне сегодня сказала, что у Алены такой вид был, что как будто она беременная. Особенный вид.

— Этого еще не хватало!

— А он к ней ходил, только не было чувства, я же понимаю. Он вежливый был, он вчера приходил, тоже вежливый был. Я милиции еще не сказала, я думала, вот придет Татьяна Иосифовна, и я ее спрошу, что мне говорить милиции, а что не говорить.

— Милиции это все неинтересно! — отрезала Татьяна и тут, видно, вспомнила, какой ключ ей нужен. Она выбрала его в связке и сунула в скважину. Ключ легко повернулся, но дверь не открывалась.

— А они на нижний тоже заперли, — сказала Роза. Лицо у нее было доброе, улыбчивое, но при том малоподвижное. — Алена никогда на нижний не запирала, только когда в Симеиз ездила, а так не запирала.

Роза показала на самый большой ключ в связке. Татьяна открыла дверь.

Роза осталась на лестнице, но заглянула внутрь квартиры, будто ждала приглашения.

— Они ее унесли на носилках, — сказала Роза им в спину. — С головой накрыта, просто ужасно, я как раз встала и думаю, чаю нет, надо чаю у Алены попросить, а тут эта кур-

носая Сонька, в очках, пришла, как домой к себе ходит, и как начнет потом кричать, мне через две двери слышно.

— Спасибо, Роза, — сказала Татьяна и закрыла дверь.

В квартире пахло холодным табачным пеплом, как от неубранных пепельниц.

— Я должна отдохнуть, — устало произнесла Татьяна. — Я сейчас упаду. Это невозможно — до такой степени совать нос в чужие дела. Она раньше дворничихой работала, потом за водопроводчика замуж вышла. И вот — получила квартиру.

— Зато водопроводчик под боком, — попыталась успокоить ее Лида.

— Какой водопроводчик! Он давно уже в префектуре работает, большой начальник.

— Значит, у вас есть знакомый большой начальник, — уточнила Лидочка.

— У меня нет настроения шутить.

Они стояли в коридоре, страшась сделать следующий шаг — в комнату, где недавно лежала мертвая Алена.

Портрет Алены — ученический, пастельный, видно нарисованный недоучившимся поклонником, висел в коридоре над дверью. Глаза на портрете были синими, черные волосы завивались тугими локонами, губы были слишком красными, нос мамин, острый и вытянутый вперед.

На вешалке висело два пальто, одно — дутое пуховое китайское, второе пальто — шерстяное, внизу — сапоги, туфли и шлепанцы...

Не раздеваясь, Татьяна заглянула в комнату. Дверь отворилась с легким скрипом, и в коридоре сразу стало светлее. Комната оказалась больше, чем ожидала Лидочка, она была наполнена вещами пятидесятых годов: и комод, и диван, вернее, тахта, широкая и продавленная в центре, на которой были разбросаны подушки, но белья не было, хотя Алена, без сомнения, спала на этой тахте — другого спального места не было видно, да и негде его поставить. Овальный стол посреди комнаты был накрыт старой вышитой скатертью, на столе стояла высокая синяя ваза с засохшими розами. Над тахтой висел ковер — комната выглядела странно, словно здесь жил пожилой человек.

Татьяна, видно почувствовав недоумение Лидочки, пояснила, все еще не делая шага внутрь комнаты:

— Здесь все вещи, которые покупала мать, когда получила эту квартиру. Тысячу лет назад. По комиссионкам ездила — вот этот комод три рубля на наши деньги, а тахту практически задаром, только пришлось заплатить за перевозку, представляешь? Теперь бы все это стоило миллионы рублей.

Книжный шкаф был застеклен. Но все книги в нем не помещались — часть их как попало была свалена на шкафу, другие лежали стопкой на стуле, придвинутом к шкафу. Но, в общем, книг было немного. И в комнате было мало вещей, указывавших на Алену, на ее характер, на ее молодость.

— Раздевайся, — сказала Татьяна. — Выпьем кофе.

— Мне не хочется, — сказала Лидочка. — Мне пора идти.

Она была искренна лишь наполовину. С одной стороны, квартира подавляла ее тем, что была обманкой — она была призвана окружить заботой и сохранить хозяйку, а хозяйка вот взяла и умерла, и ничем квартира ей не помогла, а теперь делает вид, что хозяйки никогда не было. С другой стороны, Лидочка хотела понять, где могли скрываться вещи из шкатулки.

— И не вздумай меня здесь покидать, — взмолилась Татьяна. — Я же с ума сойду от страха. Ты пока кофе сделай, а я соберу кое-что, посмотрю и уеду.

Лида послушно прошла на кухню. В навесном шкафу было полбанки растворимого кофе. Она зажгла плиту, поставила чайник.

Кухня более соответствовала Алене. Может быть, она больше времени проводила здесь. Одна из стен была увешана разрисованными под народное творчество досками и досочками для резки хлеба. На полке над столом и холодильником стояли гжельские сосуды и чайники, кастрюли были стальными китайскими, видно, недавно купила — Лидочка сама видела такие в магазине у Тишинского рынка, но, пока рассуждала, купить или нет, их уже разобрали. Из-под приемника, стоявшего на столе, выглядывал уголок записки. Лидочка потянула за угол. На бумажке было написано: «Приду в шесть. В холодильнике котлеты. И огурец». И подпись: «Ал.»

Наверное, эту записку она оставила Олегу. Вряд ли Сонечке стоило писать о котлетах.

Лидочка открыла холодильник, заглянула в него. Он был почти пуст, если не считать пакета молока, куска масла, трех

яиц и банки майонеза. Из такого набора предметов не сделаешь вывод, собиралась ли хозяйка квартиры покончить с собой или жить дальше. Или собиралась жить, а потом передумала.

Татьяна возилась в комнате, выдвигала ящики комода.

Движимая любопытством, Лидочка вошла в комнату.

— Я вам не помешаю?

— Заходи, заходи, — откликнулась Татьяна. — Нет никаких гарантий, что самое ценное не утащили милиционеры. Ты же знаешь моральный уровень этих людей.

— У них разный моральный уровень, — осторожно ответила Лидочка.

— Конечно, тебе понравился этот смазливый лейтенант, — заметила Татьяна.

— Вряд ли.

— Интересно он говорит о Сонькином сообщнике. Но кто мешал ей без всякого сообщника вытащить все Аленкины драгоценности и унести их в кармане?

— А у Алены было много драгоценностей? — с сомнением спросила Лидочка. Она уже была убеждена в том, что ни Алена, ни ее мать не были состоятельными людьми и были лишены возможности когда-нибудь разбогатеть. И по даче, и по квартире было видно, насколько обе смирились со своим жизненным поражением.

— Ей их дарили, — сообщила Татьяна.

— Может быть, у вас идеализированное представление о ее поклонниках.

— Аленка бывала сказочно хороша. Мужики падали и умирали у ее ног. И это были неординарные люди. Но если что и оставалось, то Сонька знала об этом куда лучше меня. Ведь я не интересовалась Аленкиными драгоценностями.

— Лучше думать, что их не было. Иначе бы она купила вместо них новые зимние сапоги.

— Ты уже подсмотрела? — Татьяна была недовольна.

Она плюхнулась на тахту и стала оглядываться. Потом осуждающе сказала:

— Ни одной новой вещи. Ни одной.

Говоря так, она как бы признавала допустимость Лидочкиной правоты. Они помолчали. Лидочка ждала в дверях, ведущих в коридор, в прихожую и на кухню. Татьяна сидела на

тахте. Засвистел чайник, призывая Лидочку. Татьяна крикнула из комнаты:

— Я боюсь, что похороны обойдутся сегодня в дикие деньги. Ты не знаешь, сколько сейчас стоит достойно похоронить человека?

— Соня обещала поговорить в институте. Я думаю, что там должны помочь.

— Хорошо бы...

Татьяна постепенно смирялась с тем, что дочь ее так и не разбогатела.

Пока Лидочка собирала на стол, чувствуя себя неловко в чужом доме, потому что распоряжалась на кухне без разрешения хозяйки, которого уже никогда не получит, из комнаты не доносилось ни звука. Лидочка заглянула в комнату, чтобы позвать ее, полагая, что Татьяна продолжает раскопки, но оказалось, что она так и осталась сидеть на тахте, лишь опустила голову на толстые, распирающие рукава руки и тихо плачет. На самом деле плачет, не на публику и не для того, чтобы ее пожалели. Просто у нее дочка умерла...

Лидочка вернулась на кухню.

Глупая надежда на счастливую находку, вопреки всем соображениям разума, заставила ее обойти небольшую кухню, заглядывая на полки и отодвигая банки с чаем и солью. Конечно, так не положено делать и с точки зрения следствия, и по законам порядочности. Но Лидочке ничего не было нужно, кроме собственных вещей... Значит, шкатулка стояла на комоде, Шустов вычислил это по пятну на его пыльной поверхности. Кто-то взял эту шкатулку. По словам Шустова, Соня этого сделать не могла, потому что сразу вызвала «Скорую помощь» и ждала милицию. Соня утверждает, что шкатулка стояла, по крайней мере, тогда, когда Соня там была в последний раз. Но уверена ли она в этом? А что, если Алена подарила шкатулку своему другу на день рождения?

Пока Лидочка размышляла, руки помимо воли совершали нескромные движения — они передвигали коробки и пакеты, даже приоткрывали некоторые из них. В большой потертой коробке из-под индийского чая оказались бумаги — какие-то квитанции и счета. К археологии они явно отношения не имели, так что Лидочка не стала их и разглядывать.

Она услышала движение в соседней комнате. Пошла на-

встречу Татьяне Иосифовне, которая тяжело вплыла на кухню и опустилась на табуретку.

— Ну, где твой кофе? — спросила она. Глаза у нее были красные, щеки плохо вытерты от слез. — Давай, самое время подкрепиться.

Лидочка разлила кипяток по чашкам. Такое чувство, словно она это уже делала... но это потому, что она недавно готовила кофе у себя на кухне.

— Вот мы и остались одни, — сказала Татьяна. — Даже поссориться не с кем... Ведь ссоримся мы чаще всего с людьми, которые нам небезразличны. С чужими ругаемся, собачимся, деремся, сражаемся... а в ссоре есть нечто интимное.

Лидочке захотелось разглядеть комод, где стояла шкатулка.

Как будто услышав ее мысли, Татьяна попросила ее принести из комнаты сумочку, чтобы достать оттуда платок.

Лидочка прошла в комнату, схватила с дивана сумку и тут же обернулась к комоду. Комод был старинный, красного дерева, полированный, но, конечно, весь в морщинках царапин. Он был невысок, до пояса, чуть изогнут, и три его больших ящика были украшены изысканными позолоченными ручками-петлями, чтобы удобнее выдвигать.

Лейтенант оказался прав. Если чуть склонить голову, то сразу увидишь, что точно по центру комода есть пятно чистого дерева, от него тянутся в стороны две полоски — Лида догадалась: лейтенант провел пальцем, чтобы выяснить, прав ли он. Но почему лейтенанту захотелось присмотреться к комоду? Ведь так, без особой нужды, к нему не подойдешь и не станешь вглядываться, стояло что-то на нем или нет.

И тут Лидочка сообразила, что же подвигнуло лейтенанта на исследование комода — сбоку грудой лежали мелкие вещи, так или иначе связанные с рукоделием — пуговицы, катушки ниток, крючки и так далее. И было очевидно, что некто в спешке вывалил их на комод так, что несколько пуговиц упало на пол — эта неправильность интерьера и привлекла внимание Шустова. Увидев груду мелочей, он предположил, что их вывалили из какой-то коробки и потому внимательно присмотрелся к комоду. И увидел прямоугольник, чистый от пыли. Все просто и понятно. Решив свою задачку, лейтенант занялся иными делами, но Лидочка, в отличие от него, узнав, что на комоде стояла ее шкатулка, оказалась перед совершенно неразрешимой задачей — куда двигаться дальше? Где искать концы?

Она вернулась на кухню и сказала Татьяне:

— Оказывается, шкатулка, о которой мы говорили на даче, и на самом деле была здесь.

— Да? — Татьяне и дела не было до какой-то шкатулки. Она смотрела прямо перед собой остановившимся взглядом.

— А почему же вы ее не видели? Раньше?

— Значит, ее здесь не было.

— Но где она была? — Конечно же, нетактично так допрашивать несчастную женщину. Но, в конце концов, эта несчастная женщина уже отняла у Лидочки полдня, потому что ей так было удобнее.

— Ну покажи мне ее! — раздраженно откликнулась Татьяна. — Покажи, и я все скажу.

— Ее больше нет.

— Как так нет? — вскинулась Татьяна. — Вот именно в ней и могли храниться все Аленкины вещи.

— Нет, — ответила решительно Лидочка. — Они там не хранились, потому что шкатулка была полной.

— Полной? Как так? — Татьяна резко поднялась с табуретки. — Что ты имеешь в виду?

Лидочка показала груду мелочей. Но Татьяну это не удовлетворило.

— Если бы там ничего не было, тогда зачем они утащили шкатулку?

— Этого никто не знает. И даже никто не знает, когда это случилось.

— Что ты хочешь сказать?

— Шкатулку могли опустошить два дня назад.

— Вряд ли Аленка два дня терпела бы такой беспорядок, — резонно заметила Татьяна, хотя и не до конца убедила Лидочку — по всему видно, Аленка не была аккуратисткой.

Татьяна возвращаться на кухню не стала, а заявила, что очень устала, что у нее нервное переутомление. Так что ей хочется побыть одной.

Она и в самом деле выглядела очень усталой: поездка в Москву, визиты к Лиде, в милицию, сюда — это превышало ее возможности.

Лидочка спросила, не нужна ли помощь, может, вызвать

врача или сходить в аптеку, на что Татьяна ответила, что все лекарства у нее с собой, а «неотложку» она вызовет, если станет совсем плохо. Она действительно хотела остаться одна. Что она будет делать: ляжет ли спать или займется поисками драгоценностей дочери — это уже ее дело.

Татьяна не стала провожать Лидочку, сразу же улеглась на тахту.

— Я позвоню тебе, — сказала она Лидочке. Но не поблагодарила — видно, действия Лидочки были для Татьяны естественны. Лидочка вышла на лестничную клетку.

Тут же дверь в соседней квартире открылась, и показалась карлица Роза. Она широко улыбалась.

— Татьяна Иосифовна отдыхать будет? — спросила она.

— Она пока останется здесь.

— Конечно, надо. Мать все-таки. Они хоть и не очень дружные были, все же мать, а вы как думаете?

— Конечно.

Лидочка собралась было спускаться, но вдруг ее посетила неожиданная мысль, и она спросила Розу:

— А позавчера вечером, когда Алена еще жива была, к ней кто-нибудь заходил?

— А тебе зачем знать?

Приходил, поняла Лидочка. Этот самый приходил.

— Он приходил? — спросила Лидочка.

— Он часто приходил, я за людьми следить не умею.

Еще как умеешь, подумала Лидочка. В американском романе сыщик тут же вынимает из кармана десять долларов и покупает информацию у консьержки. Здесь же соседка, наша родная, ей дашь доллар, она тут же в милицию.

— И что-нибудь выносил?

— Ничего не выносил! — Тут же она спохватилась и быстро добавила: — Да откуда мне знать, выносил, не выносил? Я что, под дверью стою, в глазок подглядываю?

Таким образом Роза выдала механику подсматривания. Впрочем, альтернативы у нее и не было. Глазки изобрели не только для тех, кто боится вора, но и для любопытных соседей.

Лидочка поняла, что Осетров, если и вправду посетил Алену вечером, ничего не унес. Шкатулку не спрячешь под пальто и в портфель не положишь.

— Он в семь приходил? — спросила Лидочка настойчиво.

— Нет, он раньше приходил, наверное, в шесть приходил.

— И долго был?

— Нет, недолго был. — Роза смотрела на Лидочку как заколдованная.

— Он был с портфелем?

— С сумкой своей. Как портфель, но мягкая. Небольшая такая сумка.

— Спасибо, Роза, вы мне очень помогли, — сказала Лидочка голосом адвоката Перри Мейсона. Но Роза не знала, что имеет дело с детективом такого класса, ее как бы отпустило, и она сказала горестно:

— И что это я разговорилась?

— А вы и не говорили ничего такого особенного, — успокоила Лидочка Розу.

— Люди же могут подумать, что я за ними подглядываю, — защищалась бывшая дворничиха.

— Люди так не подумают, — заключила Лидочка и побежала вниз по лестнице. Роза осталась стоять на площадке.

Теперь быстрее в издательство — иначе из-за этих уголовных историй она загубит собственную жизнь.

* * *

В тот вечер у Лидочки случилась еще одна любопытная встреча — ну прямо из детективного фильма!

Когда она возвращалась к себе часов в семь — уже стемнело, она вдруг испугалась идти по лестнице. Нечто внутри, как короткий звоночек, предупредило ее об опасности.

Но домой все равно надо было возвращаться, а за помощью к коменданту не побежишь — он уже давно ушел домой, а где он живет, никто не знает.

Лидочка пошла сама с собой на компромисс. Она поднялась на лифте на третий этаж, вышла из лифта и некоторое время стояла возле него, затаив дыхание. Она ничего не слышала, хотя ей упорно казалось, что некто стоит возле ее двери этажом ниже и тоже затаил дыхание.

Так продолжалось минут пять.

Затем Лидочка стала спускаться вниз, стараясь сделать это бесшумно.

Она спустилась на пролет и, выглянув из-за шахты лифта, увидела в полутьме своей площадки человеческую фигуру. Фигура сидела на узком подоконнике, сгорбившись и, видно, устав подстерегать Лидочку.

Теперь надо было бежать обратно к лифту, потому что мимо фигуры не пробежишь — она очнется и схватит. Но идти к лифту — значит повернуться к фигуре спиной... Лампочка на площадке, конечно же, не горела. «Господи, ну за что все это валится на меня!»

Лидочка, пятясь, стала отступать, нащупывая ступеньки каблуками сапог и на третьей или четвертой ступеньке она чуть-чуть ошиблась и ударила каблуком о ступеньку — почти неслышно, но все же.

Фигура распрямилась.

Лидочка ожидала увидеть того восточного парня в джинсовой куртке.

Куртка была джинсовая, похожая, и брюки были похожими, но надеты они были на Лариску с шестого этажа, жертву вчерашнего нападения.

Лариса стояла, напряженно прислушиваясь, и, видно, сама боялась.

Лидочка, чуть успокоившись, спросила:

— Лариса, вы меня ждете?

— Ой, — откликнулась Лариса. — А вы почему сверху идете?

— А я тебя испугалась, — ответила Лидочка, сообразив окончательно, что Лариса не представляет для нее опасности.

— А я к вам, — сказала Лариса, опомнившись. — Мне на минутку.

— Тогда заходи.

— Нет, мне два слова только, я могу и здесь.

— Заходи, заходи, я не хочу с тобой разговаривать на лестнице.

— Это правильно, — согласилась Лариса.

Лидочка открыла дверь и пропустила Ларису внутрь. Она зажгла свет.

В домашних условиях, без макияжа, Лариса казалась не

такой эффектной, зато была милой простушкой, и в этом было свое очарование — она казалась похожей на германскую молочницу с какой-то старой открытки, ей к лицу была бы широкая яркая юбка до земли, белый передник, пышные рукава, открывающие руки выше локтей. И, конечно, золотые по плечам локоны. На самом деле локоны были туго стянуты резинкой и лежали на спине. Хорошие волосы, еще не испорченные перекрасками и химией. Но это скоро пройдет.

— Заходи в комнату.

— Не буду. Я тут скажу.

— Как твой друг?

— Алик? Петрик? Он из больницы сегодня сбежит. Уже все готово. Вы не настучите?

— Нет. Не настучу. Ему там угрожает опасность?

— Еще какая. Они на него не случайно наехали, вы ж понимаете?

— Наверное, если такую стрельбу подняли. Хорошо еще, что в тебя не попали.

— Я тогда об этом не думала.

— А ты откуда этого Алика знаешь? — Они стояли в коридоре. Лариса не говорила, ради чего пришла, а Лидочка задавала нустые вопросы.

— А Петрика я давно знаю. Он же наш, пресненский. Из нашей школы. Он раньше кончал. А меня он помнил, я рано расцвела.

— Ты себя высоко ценишь.

— А то кто же оценит? Это я так, шучу, вы не обращайте внимания. Я к вам пришла, потому что Алик просил. Ему-то к вам нельзя, мы не знаем, кто здесь наводит.

Лидочка чуть было не сказала, что уверена в гнусных деяниях коменданта, но осеклась — даже если Лариса решит, что это шутка, у кого-то другого может не оказаться чувства юмора.

— Алик просил у вас выяснить: вас милиция допрашивала?

— А зачем ему знать?

— Ему ничего от вас не нужно. Но он не хочет впутываться. Честное слово, он нормальный, не рвань какая-нибудь. Он бизнесом занимается, а на него наехали.

— Со мной говорили в милиции.

— Вы сказали, что видели?

— Я сказала, что запомнила номер машины.

— Но люди?

— А Алику хочется, чтобы я их опознала?

— Нет, что вы! Наоборот! Иначе они вас уберут, точно! Надо их знать, поэтому и в милиции скажите, что никого не узнали. Петрику это до лампочки, потому что он их всех все равно знает, а кого не знает, те по найму работают. И в милиции твердо скажите — не помню. Никому это сейчас не нужно. А Алика могут пришить.

— Но я в самом деле никого не видела.

— Вот и умничка, — сказала Лариса и неожиданно поцеловала Лидочку в щеку.

Лидочка замерла от такой фамильярности, а Лариса уже открыла дверь и скрылась в полутьме лестничной площадки.

Застучали ее каблучки.

Лидочка закрыла дверь. Никому не нужна твоя наблюдательность. Все понимают, что ничего, кроме опасности, она не принесет. Удивительно: все — и милиция, и жертва — просят ее не видеть, не слышать и не замечать. И даже примкнувший к ним комендант.

«Какое счастье, что я и на самом деле ничего не знаю, не замечаю и не вижу».

Глава 5

ЧТО В ШКАТУЛКЕ?

Позиция полного нейтралитета дала трещину уже следующим утром.

Движимая совестью, которая жестоко казнила ее за трехдневное безделье, Лидочка заработалась допоздна. В результате проснулась в десять от телефонного звонка, но подниматься не стала, дала телефону отзвонить. Снова задремала — и тут опять телефон! Она понимала, что попала в осаду. Однако терпела, сопротивлялась, но и не могла больше спать.

Она лежала на спине, глядела в потолок и размышляла о том, есть ли какая-нибудь надежда разузнать что-то о содержимом шкатулки. И не требовалось долгих размышлений,

чтобы сообразить: она себя вела совершенно неправильно. Она могла выяснить куда больше о судьбе шкатулки, если бы задавала правильные вопросы нужным людям. Раз шкатулка стоит в доме Алены, а ее мать Татьяна утверждает, что никогда этой шкатулки не видела, то не следует ли из этого, что существует еще по крайней мере одно семейное гнездо Флотских или какой-то укромный уголок, в котором могут храниться их ценности? Долгие годы Алена жила с бабушкой, с Маргошкой. Маргошка ее и воспитала. А где жила Маргошка последние годы? Почему Лидочка решила, что в той же самой квартире? Наверняка нет. А это означает, что где-то в Москве... Впрочем, а почему именно в Москве — Россия велика. Как рабочая гипотеза эта картинка годилась. Следовало ее проверить. Надо только позвонить Соне или хотя бы Татьяне — вряд ли Татьяна уехала обратно на дачу. Ведь на днях будут хоронить Алену — зачем старухе снова приезжать, на похороны? Кстати, о похоронах тоже надо спросить Шустова.

Ведь похороны связаны с патологоанатомическими делами. Они должны отпустить тело Алены на свободу. А потом уж профком института может заняться своим прямым делом.

Итак, надо вставать и звонить. Сначала Татьяне о ее маме Маргошке, затем Соне — о родственниках Алены, хотя второй звонок может и не понадобиться. Потом надо позвонить милиционеру Шустову и узнать о похоронах — вроде она теперь не чужая для этого странного семейства. Надо ли говорить Шустову о визите Ларисы и ее просьбе молчать? Пожалуй, пока не надо. Он ведь и не требует, чтобы Лидочка все говорила. Забвение и в его интересах — скорее можно будет закрыть дело. Мало ли теперь в Москве бандитов, которые друг на дружку наезжают?

Особой спешки не было — тем более что Лидочка чувствовала себя разбитой, усталой, вообще состояние было такое, как будто день уже клонился к закату, и Лида весь этот день грузила кирпичи.

Телефон зазвонил снова, когда Лидочка была в душе. Еще раз он позвонил, когда она вытиралась, но не успела до него добежать.

Лидочка поставила чайник, засыпала в кастрюльку «Геркулес» и сама позвонила Татьяне.

Никто не подошел.

Странно, она была убеждена, что Татьяна еще дома. Но, с другой стороны, не исключено, что той стало страшно ночевать в квартире, где только что умерла ее дочь, и она бежала оттуда к себе на дачу. Лидочке стало жалко старуху — лучше бы уж ко мне пришла.

Тогда Лидочка позвонила Соне. Соня обрадовалась звонку и сразу принялась рассказывать, как она пришла в институт, и как она все организовала, и как все теперь смотрят на этого Осетрова. Как на прокаженного!

Соня еще не знала, когда похороны, она сама собиралась позвонить Шустову или следователю, с которым, оказывается, вчера встречалась, и он произвел на нее весьма благоприятное впечатление. Он склонен закрыть это дело и ограничиться моральным осуждением. Хотя она, Соня, привлекла бы Осетрова. За доведение до смерти хорошего человека!

— Соня, скажи, пожалуйста, — попросила Лидочка, когда рассказ Сони выдохся. — Шкатулка, о которой ты рассказывала и которая пропала из квартиры Алены — откуда она у нее появилась?

— Я же тебе сказала: от бабушки Маргариты, — уверенно ответила Соня, подтвердив Лидочкины мысли. — Из хибары.

— Это еще что такое?

— А это прошлое дружного семейства Флотских, — ответила Соня. — Когда наша Аленка подросла и ее мамаша Татьяна добыла квартиру только для себя, то Маргарита вообще уехала из Москвы. И последние годы бывала здесь только наездами. У нее была идея, что Аленке не светит замужество, если она будет существовать в однокомнатной квартире с древней бабусей.

— Ну не такая уж Маргарита была древняя, — вступилась за нее Лидочка.

— Ты не знаешь — молчи! Она померла в восемьдесят пятом. Значит, ей было восемьдесят семь, клянусь тебе. Но никакого маразма!

— А как же Аленка согласилась, чтобы бабушка уехала? Ведь за таким старым человеком нужен уход.

— Маргарита сама за собой горшки выносила. До самой смерти. Она и умерла, как говорится, в одночасье. Правда,

перед смертью в больницу попала. Но, может, это и хорошо, померла в цивилизованных условиях.

— Цинизм тебе не идет.

— Цинизм никому не идет, но без него не проживешь. Ты меня будешь слушать или намерена читать мне нотации?

— Говори, я слушаю.

— Когда Татьяна подкинула Маргарите младенца, Маргарита решила, что Аленке нужен свежий воздух. И записалась в какое-то садовое товарищество. Построила там хибару, это называлось финский домик, не слыхала?

— Слыхала.

— Развела малину, салат и несколько лет пасла там Аленку. Потом Аленке это надоело, а Маргарита привыкла к своей хибаре, пропадала там круглый год, морозоустойчивая бабка была. А когда она померла, хибара перешла к Аленке.

— И там была шкатулка?

— Там все Маргаритины вещи были — как склад. А когда Маргарита умерла, Аленка кое-что перевезла в Москву. Вот и шкатулку перевезла. Только, конечно, всякие бумажки из нее вытряхнула. И все это погибло.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю — я знаю. Два года назад в хибару какой-то дебил залез, мы зимой редко там бывали — только когда на лыжах собирались. Этот бомж там костер развел — и сгорела наша родная хибара. И все, что в ней было. До самого подвала.

— А потом?

— А почему тебя интересует, что было потом?

— Ты думаешь, что дневники тоже сгорели?

— Никакого сомнения. И Маргаритина библиотека сгорела, и все ее письма.

— А потом?

— А потом суп с котом. А на второе кошка с картошкой, как говорит моя легкомысленная мамаша. Откуда у Аленки деньги новую дачу строить? Так и осталось пепелище.

— Значит, ты думаешь, что там искать нет смысла?

— Я убеждена.

— Жалко. А я надеялась... Прости, а не могут дневники храниться где-нибудь в квартире Алены?

— Не будь тупой! Квартира Алены — восемнадцать жилых метров, высота потолка два восемьдесят. Кухня шесть

метров — какого дьявола человек будет хранить там чужие тетрадки?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Оставь надежду всяк сюда входящий. Читала?

— Читала.

— А я не читала. Если по телевизору не показывали — для меня пустое место. Вся мировая литература. Еще вопросы есть?

— К сожалению, нет.

— Тогда я в институт побежала. У нас сегодня должны компенсацию давать. Привет, до встречи...

Теперь оставалось сделать еще один звонок.

Лидочка набрала номер Шустова.

Лейтенанта на месте не было.

Инна Соколовская не могла ответить, когда он вернется.

Лидочка стала решать для себя проблему: то ли сесть работать, то ли пойти по магазинам, раз дома не осталось ничего съестного.

Ее раздумья прервал еще один телефонный звонок. На этот раз она сразу подняла трубку. Это был лейтенант Шустов.

— Ну вот, а я уж волнуюсь — звоню два часа, никто не подходит, хотел патрульную посылать.

— Ничего особенного у меня не случилось. Никто на меня не напал.

— Вы меня радуете, — сказал лейтенант.

— А я вам тоже звонила, но не застала.

— Какие проблемы?

— Мне нужно узнать, когда собираются хоронить Алену. От этого могут измениться мои планы на ближайшие дни.

— Пока что я не могу ответить на этот вопрос.

— Что за трудности? — Лидочка уловила в голосе нечто необычное — следовательское, столь несвойственное лейтенанту, даже когда он старался казаться волком следственной службы.

— Ничего особенного, но тело пока побудет у нас. Кое-что выяснилось.

— Что выяснилось?

— Я же сказал — ничего особенного.

— Если ничего особенного, то зачем вы мне звоните?

— Узнать о самочувствии. В интересах следствия.

— Самочувствие у меня нормальное. Так что же у вас произошло?

— Я не могу сказать.

— Ах, бросьте, Андрей! — Лидочка пошла на известную женскую хитрость. Одним ударом она как бы перевела милиционера в разряд своих приятелей. — Бросьте, Андрей. Что-то произошло.

— Вы должны... вы не должны распространять слухи...

— Вы намерены сообщить мне эти слухи?

— А, бог с вами! Завтра об этом все равно все заинтересованные лица будут знать. Я хотел только сказать, что Алена Флотская умерла не от излишней дозы снотворного.

— А от чего же?

— От цианистого калия.

— Как так? Ведь она же травилась снотворным.

— А вот здесь начинается загадка, которую я хотел бы разгадать. То ли она симулировала прием снотворного, желая на самом деле покончить с собой сразу. То ли кто-то подложил ей гранулу цианистого калия. Оба варианта изменяют картину дела.

— Еще бы! Тем более что в первый вариант вы сами не верите — зачем человеку, который и так решил умереть, притворяться, что он умер не так, как было на самом деле.

— Да, сомнительно, но я должен рассмотреть все варианты.

— То есть у вас есть подозрение, что ее убили?

— Да, понадеявшись на то, что мы удовлетворимся вскрытием, понадеявшись на то, что у нас царит разруха и вскрытия производят чуть ли не ветеринары. Но зря понадеялись.

— Это удивительно и даже страшно.

— И теперь мне очень важно узнать, кто последним видел Алену Флотскую.

— Могу дать вам бесплатный совет, — сказала Лидочка.

— Рад получить хоть что-то бесплатно.

— Поговорите с соседкой Алены по лестничной площадке. Ее зовут Роза, она татарка, сидит дома и смотрит в глазок. Знает все — кто к кому приходил и когда уходил.

— Такая карлица? С круглым лицом?

— Точное описание.
— Воспользуюсь.
— Как офицер и джентльмен вы не должны считать, что мы квиты, а рассказать мне, кто убийца.
— Нет, пока следствие не закончено...
— Тогда и я вам не буду помогать.
— Я испуган, — засмеялся Шустов.

* * *

Подозреваемый был всего один.

Лидочка это понимала, а скоро это поймет и Шустов, если еще не понял. А Соня уверена в этом с самого начала. Правда, она не подозревала о цианистом калии, но моральную вину Осетрова считала аксиомой.

Когда его видела Роза? В шесть вечера. И он пробыл у Алены час. Она умерла ночью, часа в два. А в шесть у нее был Осетров, и они с Аленой ссорились. Алена угрожала Осетрову самоубийством, и тогда ему пришла в голову светлая мысль: если ты угрожаешь покончить с собой, то кончай. Только на самом деле, без игрушек. Он возвратился к возлюбленной ночью. Может быть, она как раз собиралась начать свое действо, а может быть, безмятежно спала... Как он это сделал — покажет следствие. Но мотив убийства у него был, возможности — замечательные. Даже Соня пребывала далеко, на даче. Почти идеальное убийство. И если бы патологоанатом не стал копаться глубже, чем принято в наши дни, возможно, она бы уже была предана земле или огню...

К Шустову Лидочка пришла в два часа. Шустов объяснил необходимость в новых показаниях тем, что до сегодняшнего дня велось дело о самоубийстве, и при современной занятости милиции никто бы не посетовал, если какие-то формальности не были бы соблюдены. Человек умер, наследственных сложностей не возникает, все чисто. Захотела умереть — умерла. Но как только этот дотошный патологоанатом отыскал в ней цианистый калий и мы получили на руки еще одно нераскрытое убийство, следователь тут же потребовал оперативной работы, которой Шустову совершенно некогда заниматься. И если бы не его отношение к Лидии Кирилловне, он бы взял бюллетень по поводу язвы — сил больше нет. Еще в

прошлом году собирался поступать в Академию МВД, все возможности были. А в этом году сказали — жди, голубчик, жди. Может — год, а может — два, пока не разгребешь авгиевы конюшни. А ведь древние сказочники — хитрый народ. Рассказали, как Геркулес чистил эти конюшни, не прилагая к тому никаких особых усилий. Но хоть кто-нибудь задал себе вопрос, а что делали дальше обитатели этой конюшни, когда Геркулес уехал на свои другие подвиги? А они продолжали гадить под себя, пока не заполнили конюшни навозом по уши, да вот только Геркулес снова не приедет. Поняли аналогию, Лидия Кирилловна? Отлично поняла. И во сколько мне к вам прийти, господин сыщик? Если не хотите со мной пообедать... У меня в три поездка в управление. В два часа, вас устроит?

В маленькой комнате было тесно, потому что на стуле перед столом Инны Соколовской сидела наглого и грозного вида девушка, каждое второе слово ее было матерным. Шустов был зол и сказал Инне:

— Может, вам в КПЗ пойти поговорить?
— Помолчи, падла, — огрызнулась девица.
— Я не могу так работать.
— Товарищ Дзержинский учил нас, — неожиданно возразила Инна, — не давать воли дешевым сиюминутным эмоциям, потому что нам приходится разгребать авгиеву конюшню капитализма.
— Опять авгиеву конюшню! — воскликнул Шустов, но Соколовская, конечно же, не поняла, что имел в виду ее коллега.
— Мы заканчиваем, — уже более миролюбиво сказала Соколовская и велела своей жертве снизить голос на полтона, причем так грозно, что девица стала говорить полушепотом.
— Давайте еще раз пройдемся по вашим показаниям, — предложил Шустов. — Ведь любая деталь теперь может приобрести иное звучание. Пока все думали, что в этом деле участвовал один человек, мы и вели себя соответственно.
— Кто один?
— Пострадавшая, кто же еще? Алена Флотская. А теперь у нас есть и убийца.
— Это тоже ваше предположение. И только.
— Лида, — убедительно произнес лейтенант, забыв про-

изнести отчество свидетельницы. Следовало поставить его на место, но как? — Лида, я сейчас исхожу из презумпции, что он был. Но если мы выясним, что в упаковки со снотворным в качестве бесплатного приложения вкладывается цианистый калий, тогда все претензии будут к аптеке. Я ясно выразился?

Ой, да ты кокетка! Или это называется кокет? Не надо соблазнять меня, лейтенант, я в десять раз тебя старше, я старая мудрая змея, у меня муж в Каире совершает невиданные открытия в области коптского искусства. А впрочем, есть что-то приятное, когда на тебя так смотрит восторженными глазами молодой лейтенант Шустов.

Они вместе с лейтенантом еще раз прошлись по всей ситуации, начиная со встречи в электричке, обсудили ее визит к Татьяне, закончив воспоминания тем, как Соня выскочила с адресом в руке и спасла Лидочку от усатого бандита.

— Вы что же, допускаете, что Соня — лучшая и единственная подруга Алены, могла встать ночью, добежать до шоссе, схватить там попутку, доехать до Васильевской, разбудить подругу, уговорить ее скорее покончить с собой, отравить, вернуться обратно на дачу и с ранней электричкой снова уехать в Москву? Очень сложно.

— Очень сложно, — согласился Шустов.

— Да я твоего Семенова в рот!.. — воскликнула вдруг девица за соседним столом, Лидочка даже обернулась — они сидели с девицей спинами друг к дружке.

Лидочка перевела дух, Шустов постарался не улыбаться.

— Продолжим наши рассуждения, — произнес он. — Получается все же, что Софья Пищик совершить убийство не могла.

— И Татьяна Флотская не могла.

— При условии, что они не находились в сговоре.

— Андрей Львович, одумайтесь!

Проходя, девица толкнула стул, на котором сидела Лидочка. Он мешал ей пройти как королеве. Инна сказала:

— А что поделаешь, с таким материалом нам приходится работать!

Как будто Шустов был виноват в том, что ему достался другой материал.

— Значит, у нас с вами появляются другие кандидатуры, — подытожил Шустов.

— Не у нас с вами, а только у вас, Андрей Львович, — сделала ему выговор Инна Соколовская. — А я пошла обедать. Вернусь через час.

Инна двинулась к выходу и в дверях столкнулась с высоким бледным седым мужчиной в хорошем, но не новом пальто, с рюкзаком в одной руке, пыжиковой шапкой — в другой.

— Могу я видеть Андрея Львовича Шустова? — спросил он.

— Что еще такое? — спросил лейтенант.

— Вы меня вызывали. Я Осетров. Олег Дмитриевич Осетров.

— Подождите в коридоре, я занят, — сухо ответил лейтенант.

— Но вы же меня на четырнадцать часов вызывали. У меня дела, я спешу, сейчас уже половина третьего.

— Я скоро освобожусь, подождите.

— Учтите, — повторил седой мужчина, — я спешу.

Он исчез.

— А вот и главный подозреваемый, — сказала Лидочка. — Чего же вы не сказали, что его вызывали?

— Было бы удивительно, чтобы в этих обстоятельствах я его не вызвал.

— Но у нас с вами все ясно? — спросила Лидочка.

— Лидия Кирилловна, у меня есть соображение, о котором я потом вам скажу, — лейтенант говорил, понизив голос, опасаясь, что его могут услышать в коридоре. — Подождите несколько минут. Я с ним быстренько поговорю, а вы у двери посидите. Потом я вам еще два вопроса задам — и все, расстаемся.

— Какие вопросы?

— В зависимости от результата моей беседы с гражданином Осетровым. Ну подождите, а?

— Ох, что вам будет от Соколовской, если она узнает, что вы так откровенны со свидетелями! А вдруг это я убила Алену?

— Зачем? — совершенно искренне спросил лейтенант. — Ее вы не знали, она бы вас вряд ли пустила ночью к себе. Никаких мотивов не вижу.

— Мотив — шкатулка, которая меня очень интересует.

А все возможности у меня были: муж в отъезде, никто меня не контролирует, хоть всю ночь гуляй.

— Кстати, я бы на вашем месте после наступления темноты не гулял, — строго указал милиционер. — Наш район — не самый безопасный.

— Плохо работаете, лейтенант, — отметила Лидочка и поднялась.

— Когда это дело будет раскрыто, — ответил Шустов, — вы сами признаете, что мы работаем профессионально.

Интересно, подумала Лидочка, выходя из кабинета, какая у него биография, что кончал, как живет, — он же для нее теперь стал не просто лейтенант, а самый настоящий Знакомый Лейтенант.

Осетров поднялся, когда увидел, что дверь в кабинет открывается.

— Можете заходить, — сообщила Лидочка и поняла, насколько ситуации в жизни схожи — ведь это больше всего похоже на поликлинику. Вот она вышла от доктора, а следующий зайдет, и его спросят: что беспокоит? И начнут выяснять, что там, в нем, не в порядке.

Лидочка уселась на стул, освобожденный мужчиной, которого и она, и Шустов полагали основным кандидатом в убийцы.

Дверь в кабинет была закрыта. Но дверь-то была фанерной, и со стула, на котором раньше сидел Осетров, можно было отлично слышать все, что говорилось внутри. Голоса звучали настолько явственно, что Лидочка всполошилась, не сказали ли они с Шустовым лишнего, чего Осетрову слушать не положено. Впрочем, лейтенант говорил вполголоса — видно, он знал, что здесь и двери имеют уши.

Голоса изнутри переплетались, наезжали друг на друга, потому что Шустов, заполняя бланк допроса, выяснял имя, отчество и так далее.

Осетров Олег Дмитриевич, тысяча девятьсот тридцать девятого года рождения, старший научный сотрудник Института тихоокеанских проблем, проживает... еще какие-то вопросы.

Лидочка отвлеклась, потому что представила себе, каково сейчас этому немолодому человеку, которого ей так трудно было представить убийцей, точно так же как Татьяну или Соню. Знала она такие ситуации затянувшихся романов, в которых молодая женщина переоценила свои силы или бросилась в последний бой с опозданием — такие романы умирают мучительно, со скандалами и угрозами, особенно если Алена была истеричной натурой. Но никто в нашей действительности не убивает женщин, даже если они угрожают твоему общественному положению. К тому же одного взгляда на Осетрова Лидочке было достаточно, чтобы почувствовать его растерянность и страх. Его поведение выдавало в нем человека, никак не способного к решительным поступкам. Если бы он и положил Алене куда-то, допустим в чай, цианистый калий, потом сам бы вызвал «Скорую»...

— Олег Дмитриевич, я пригласил вас, чтобы получить показания о смерти гражданки Флотской Алены Сергеевны, — произнес голос Шустова. — Вам знакома она?

Осетров откашлялся.

— Да, — сказал он и снова откашлялся, — простите, я немного простужен. Да, мы вместе работаем, в одном отделе.

Мимо Лидочки прошли, разговаривая, два милиционера, поглядели на нее, будто заподозрили в том, что она подслушивает допрос, но, наверное, ей это показалось. Из-за них Лидочка пропустила часть разговора.

— Значит, вы не отрицаете особых отношений с покойной? — спросил Шустов.

— Да, мы были с ней дружны. У нас было много общих интересов.

— И вам приходилось навещать ее в квартире на Васильевской?

— Да, о господи, ну конечно же! — тут Осетрова словно прорвало. Потому что он до этого момента сопротивлялся, как бы исполняя ритуал — если тебя вызвали на допрос и даже если ты заранее решил признаться во всем, все равно первое время, подчиняясь инстинкту самосохранения, ты сопротивляешься, запираешься, словно девушка, добровольно пришедшая на свидание, но оберегающая последние бастионы своей чести.

— Я все вам расскажу, только оставьте меня в покое. Я не менее вас травмирован этой трагедией. Я был дружен с этой женщиной, да, вы можете написать на меня, куда вам угодно, — может быть, я был единственным человеком на свете,

который ее понимал! Вот именно! Я все сказал. Теперь пишите, забирайте меня, сообшайте, делайте что хотите...

— Куда писать-то? — спросил лейтенант. Он мог становиться наглым, если человек ему не нравился.

— Как куда?

— А кому есть дело до вашего морального облика? Может быть, вашей жене?

— Только не ей! Она уже столько пережила! Вы не представляете.

— Очевидно, по вашей вине, — заметил лейтенант.

— Скорее по вашей, — отрезал Осетров. Голос у него был злой. — Я лишился любимой работы, я тяну от получки до получки, живу на жалкую зарплату, и вы это полагаете моей виной?

Возможно, лейтенант не знал о цэковском прошлом Осетрова. Он замолчал, чем лишил Осетрова главного оружия — возможности яростно спорить.

В возникшей паузе Лидочка физически ощущала неудобство, которое испытывал за стенкой Осетров. Он пришел сюда в полном смятении — одновременно желая действовать, сопротивляться, жаловаться, понимая в то же время, что его славное прошлое здесь ему лишь мешает.

Первым не выдержал молчания Осетров.

— Так зачем же вы меня вызывали? — спросил он с остатками гонора в голосе.

— Вы приглашены сюда, — вежливо ответил лейтенант, — в качестве свидетеля по делу о смерти Елены Сергеевны Флотской. Я вас уже ознакомил с вашими правами и обязанностями.

— Товарищ следователь, меня сейчас не интересуют права и обязанности. Надеюсь, меня ни в чем не подозревают?

Опять пауза.

Не хотела бы Лидочка оказаться на месте Осетрова.

— Ну? — раздался голос Осетрова.

— Вы о чем? — спросил Шустов.

— Так вы будете меня допрашивать или нет?

— Гражданин свидетель, — Шустов несколько сменил тему, — расскажите мне, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах вы в последний раз видели гражданку Флотскую.

— Алену?

— Если вы ее так называли, то Алену.

— За два дня до ее смерти.

— Как вы узнали о дне ее смерти?

— На следующий день после смерти в институт примчалась ее подружка Соня Пищик, чтобы сообщить о самоубийстве Алены, причем она сделала это так, чтобы все обратили внимание на меня — словно именно я довел ее до самоубийства.

— А это так и было?

— Не повторяйте глупостей, молодой человек, — ответил Осетров. — Наши отношения с Аленой не давали никаких оснований полагать что-нибудь подобное!

Ну вот, подозреваемый приходит в себя — он уже спокойно врет. Словно Шустов ничего не знает.

— Есть другие мнения, — сказал лейтенант. — Продолжайте.

Спокойствие милиционера раздражающе действовало на Осетрова. Если он и был готов сопротивляться, то теперь ему, должно быть, показалось, что все это бесполезно.

— В последний раз я видел Алену Флотскую... в отделе. В явочный день, в среду.

— Да я не о среде спрашиваю, — озлился тут Шустов, — я говорю о дне смерти Флотской. Меня не интересуют ваши отношения дома или на работе — меня сейчас интересует только смерть Флотской. Неужели вам на нее наплевать?

— Ну как вы смеете так утверждать!

— Это вы меня наталкиваете на такую мысль.

Соколовская быстро прошла по коридору, толкнула дверь, вошла. Внутри сразу наступила тишина. Потом голос Шустова произнес:

— Инна Борисовна, я тебя очень прошу, побудь где-нибудь... в коридоре. У нас разговор.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Инна и тут же вышла в коридор.

Она уселась на соседний с Лидочкой стул и тоже стала слушать возобновившуюся беседу Шустова с Осетровым.

— У меня есть показания свидетелей, — сказал Шустов, — что вы посетили Елену Флотскую в день ее смерти в восем-

надцать часов вечера. Вы подтверждаете или отрицаете этот факт?

Наступила еще одна пауза.

— Это тот самый... любовник? — шепотом спросила Соколовская.

Лидочка кивнула. Соколовская вынула из сумки роман «Роковая страсть» с графиней или герцогиней на обложке и принялась читать.

— Да, я заходил к Алене, — после долгой паузы произнес Осетров. — В тот вечер... два дня назад.

— Ваш визит имел отношение к последовавшему затем самоубийству Алены Флотской?

— Да вы с ума сошли!

— Тогда расскажите, зачем вы пошли к ней вечером?

— Она мне позвонила.

Осетров отвечал теперь ровным, каким-то равнодушным голосом, словно сдался на милость победителя.

— С какой целью позвонила? — Вопрос последовал после паузы, наверное, Шустов записывал ответ.

— У нее было плохое настроение, она попросила меня прийти и поговорить.

— Почему именно вас?

— Я уже сказал вам, что мы были с ней дружны...

— И вас не смущала разница в возрасте?

— Наша дружба не переходила известных границ!

Вот сидит мужчина и предает женщину, гневно думала Лидочка, понимая притом, что никаких оснований гневаться у нее не было. Алена уже мертва, ей все равно, а Осетрову возвращаться домой и в институт. И ему-то страшно.

В коридоре появилась еще одна женщина.

— Вы к лейтенанту Шустову? — спросила она Соколовскую, которая читала роман «Роковая страсть».

— Посидите, — сказала Инна.

Вновь пришедшая оказалась Розой, соседкой Алены. Когда ее успел вызвать Шустов — Лидочка не заметила. Но татарка могла понадобиться ему в любую минуту.

Лидочка уже поняла, что Шустов рассматривает Осетрова как главного подозреваемого. Но для этого ему надо доказать или заставить Осетрова самого поведать о том, как он

приходил к Алене ночью. Инна отложила книжку, заложив ее указательным пальцем.

— Расскажите, что происходило во время вашей вечерней встречи с Аленой Флотской.

— Ничего особенного, мы разговаривали.

Роза вдруг узнала Лидочку.

— И вас тоже? — спросила она.

— Потише, — осадила ее Инна, словно они сидели в консерватории.

За дверью продолжался допрос.

— Значит, вы приезжаете вечером, после работы, где вы могли разрешить все ваши деловые проблемы, к своей молодой сослуживице просто поговорить.

— Да, — ответил Осетров. — У людей бывает нужда в беседе, в утешении старшего товарища.

— Надо ли понимать, что вы приехали к ней в качестве старшего товарища?

— Что за странная постановка вопроса? Я не вижу оснований для иронии.

— Вы пожилой человек, у вас семья, у вас есть внук.

— Два внука.

— Два внука... Но вы дружите с молодой одинокой женщиной, посещаете ее квартиру, чтобы она могла побеседовать с вами как со старшим товарищем.

— Я вас понял! — возмутился Осетров. — Понял, что вам удобнее и проще питаться слухами и сплетнями, которые распространяются в институте, в основном с помощью и посредством ее подруги Сони Пищик, которая, к сожалению, работает в нашей библиотеке.

— И никаких оснований к сплетням вы не давали.

— Нет!

— Ой, врет же! — возмутилась Роза. — Ведь врет, он же ходил к ней, они даже в дверях целовались.

— Погодите, — снова оборвала ее Соколовская.

Круглое личико Розы излучало радость кошечки, прижавшей лапкой мышь.

— Хорошо, — произнес сыщик Шустов, — более подробно с вами обсудит эту проблему следователь прокуратуры, который ведет это дело. Моя задача проще — я сейчас как бы

собираю мнения, смотрю, кто, когда, где был. Значит, гражданке Пищик доверять не следует?

— Соне? Ни за что!

— Так я ей и передам. Сведения, которые она сообщила, являются чистой ложью. Гражданин Осетров не имел близких и интимных отношений с потерпевшей.

— Не имел.

Опять была некоторая пауза, значит, Шустов записывал ответы Осетрова.

Потом Шустов деловито и как бы между делом спросил:

— А что вы в шкатулку положили?

— Куда?

— В шкатулку. В шкатулку крупного размера, тридцать два на двадцать четыре сантиметра, изготовленную из карельской березы, которая стояла на комоде.

— Я вас не понимаю.

Голос Осетрова звучал настолько неубедительно, что любому понятно было, что он просто тянет время и соображает, продолжать ли запираться или сменить пластинку.

— Значит, все-таки подсмотрела, — сказал он.

— Подсмотрела, — согласился Шустов.

— Это он про меня, — прошептала Роза. Она догадалась и была этим горда.

— Хорошо, я все расскажу. Совершенно честно, но попрошу вас, по крайней мере пока, не записывать мои показания. Примите их в устной форме. Я, в силу своего общественного положения, не могу позволить себе появиться в суде, даже просто свидетелем. Мое прошлое вызывает ко мне вражду со стороны так называемых демократов. Это объективная реальность. До сих пор звучат призывы к ликвидации членов коммунистической партии. Я же был одним из ее руководителей.

— Правда? — тихо спросила Соколовская.

Может, она тоже тайная или явная коммунистка?

— Врет, — ответила Лидочка. — Он был чиновником в ЦК. Таких там пруд пруди.

— Наверное, вы правы, — согласилась Соколовская, — хотя в любом случае интереснее, если ты поймала в чужой постели министра или члена Политбюро.

— Мы тут ни к чему не призываем, — заметил Шустов. —

И уж я буду решать, что включать в протокол, а что не включать. Как мне кажется, гражданин Осетров, вы здесь не в таком положении, чтобы ставить мне условия.

— В таком случае я ничего говорить не буду.

— Уж лучше говорите, — возразил Шустов.

— Правильно, — подтвердила его слова Роза, — чего уж там.

— Хорошо, — сдался Осетров. — Я подтверждаю. У меня были интимные отношения с Аленой Флотской, однако я должен вас предупредить, что не являлся их инициатором. Я и не думал ухаживать за молодой женщиной, у меня нет таких склонностей. Но дело в том, что в тот период жизни, три года назад, я находился в подавленном состоянии после разгрома нашей партии и потери места, положения, даже уважения товарищей... Честно говоря, вы можете представить ситуацию, когда еще вчера вы вызывали на ковер директора института, а сегодня должны отчитываться перед заведующим отделом? И еще быть благодарным этим людям за то, что они вас не вышвырнули на улицу... Поймите меня правильно: я остаюсь высокого мнения о моих коллегах. Им ведь тоже было нелегко — пригласить меня, когда идет охота на ведьм, когда само слово «коммунизм» подвергается надругательству...

— Вы могли бы конкретнее? У меня много дел, — прервал его Шустов.

— Я хочу дать вам общую обстановку, в которой произошло мое сближение с Аленой Флотской. Алена была в те дни редким существом, которое, казалось, меня понимало. Я принял ее маневры за чистую монету, потому что моя душа стремилась к какому-то очищению. Я понятно выражаюсь?

— Для меня — понятно, — ответил Шустов. Инна хмыкнула.

Осетров не уловил иронии Шустова. Он слышал только себя.

— У меня было мало женщин, я всегда старался оставаться добрым семьянином, сохранять верность моей супруге.

Еще бы, у вас с этим было строго, подумала Лидочка.

— Но все же бывали исключения? — съязвил Шустов.

— Очень редко. В длительных командировках, вы понимаете?

— И что же произошло с Еленой Сергеевной?

— Мне показалось, что она выгодно отличается от других молодых женщин своей образованностью, чуткостью, открытостью...

— Я вас слушаю, продолжайте.

— Я пытаюсь вспомнить, понять... как это произошло.

— Наверное, на каком-нибудь юбилее, дне рождения, празднике? — пришел на помощь Шустов.

— Почему вы так подумали?

— Потому что обычно интеллигенты выпивают на службе, потом говорят о политике, а потом едут к любовницам, — сказал Шустов.

— Ну, вы упрощаете, — возразил Осетров.

— А если усложнить?

— Усложнить?

— Давно вы стали любовником гражданки Флотской?

— Господи! — вырвалось у Осетрова. Лидочка поняла, как одним ударом Шустов уничтожил и опошлил все еще сохранявшиеся руины романтической любви. От нее ничего не оставалось три дня назад, но теперь она, возможно, начала вновь воздвигаться в воображении Осетрова. И тут на пути тебе попадается прожженный, насквозь циничный милиционер.

— Вы встречались у нее на квартире? — Шустов торопил события.

— Да, — прошелестел Осетров. Женщины под дверью еле различили ответ.

— Это продолжалось...

— Около трех лет.

— Вы ездили вместе на курорты, в круизы, за рубеж?

— Помилуйте! — воскликнул Осетров. — Откуда у меня на это средства?

— Она предложила вам покинуть семью?

— Она этого не предлагала. У нас были отличные отношения.

— То есть вас это устраивало — любовница с отдельной квартирой, куда можно ходить, когда вам удобно, никто не мешает.

— Вы не имеете права вести допрос в таком тоне! Это пытка.

— А ты как ее пытал? — сурово произнесла Роза. — Я все лейтенанту расскажу, я женщина честная, я врать не буду, она на лестницу за ним бегала, она на него кричала, что жить не может.

— Так я и думала, — вынесла свой вердикт Инна Соколовская, поправляя погон.

— Могу ли я записать от вашего имени, — услышали они голос Шустова, — что «наши отношения ничем не омрачались, и мы не намерены были их изменять»?

— Если вам так удобно, записывайте.

— Почему же она угрожала покончить с собой?

— Она? Угрожала?

— У меня есть на этот счет показания различных людей.

— Ложь!

— Я могу устроить вам очные ставки, — пообещал Шустов.

— Как так? Разве меня в чем-нибудь обвиняют?

— Я вас допрашиваю как свидетеля. Но вы свидетель, который говорит неправду.

— Опять подруга Соня?

— Сейчас пойду туда и скажу все, что думаю, — решила Роза.

— Погодите! — попыталась остановить ее Соколовская.

Соколовская была жилистой, как стайер, но и она с трудом удерживала охваченную яростью Розу.

— Не только она, — сказал Шустов.

— Но кто еще? Если вы не скажете, я вынужден буду уйти.

— Тогда я вас задержу.

— Только посмейте!

Слышно было, как подвинулся стул.

— Да постойте вы! — Шустов, видно, тоже поднялся. Но опоздал.

Дверь распахнулась, и в коридор выбежал свидетель Осетров.

Менее всего на свете он ожидал, что именно в тот момент махонькая Роза вырвется из рук Соколовской и бросится к нему с криком:

— Это он! Это он! Не уйдешь, гад вонючий! Убил девочку, такой хорошей, такой доброй была, все за молоком мне ходи-

ла, а ты зачем ходил, удовольствие получал, а она потом плакала на всю лестницу. Я, как мама родная, ее утешала...

Осетров стал отступать к двери. Дверь в кабинет оставалась открытой, и в ней, ничего не предпринимая, возвышался лейтенант Шустов.

— Это провокация! — сообщил Осетров Шустову. Он прижимал к груди зеленый рюкзак. — Это гнусная провокация.

— Погодите, гражданка Хуснутдинова, — мягко сказал Шустов. — Мы с вами еще поговорим. Но я вам очень благодарен, что вы узнали этого гражданина и указали нам на его роль в судьбе потерпевшей.

— Это ты говоришь, что потерпевший, — возразила Роза. — А для меня она уже не потерпевший, для меня она уже совсем погибший.

— Хорошо, хорошо, погодите, через несколько минут я вас приму. А вы, гражданин Осетров, уходите или хотите еще со мной поговорить?

— Я ухожу! — решительно заявил Осетров, но вместо того чтобы уйти, отступил в кабинет и даже затворил за собой дверь.

Слышно было, как скрипят, стучат по полу стулья — мужчины вновь занимали свои места.

— Я чего натворила! — расстраивалась Роза.

— Может быть, ты правильно поступила, — сказала Инна. — По крайней мере, он теперь знает, что соврать ему будет нелегко.

— Вы будете дальше рассказывать? — спросил за дверью Шустов.

— Я не несу никакой ответственности за ее самоубийство! — попытался дать арьергардный бой Осетров, но Шустов не обратил на это никакого внимания.

— Записываю, — сообщил он.

— В последнее время, — сдался Осетров, — мои отношения с Аленой ухудшились. Они, разумеется, не стали враждебными, однако ее требования, капризы стали совершенно невыносимы. Я открытым текстом сказал ей, что не могу на ней жениться, не могу покинуть жену, с которой прожил почти тридцать лет, сына, внуков... Иногда она понимала меня и даже сочувствовала. И, наверное, мы нашли бы с ней какой-

нибудь путь к мирному расставанию, но ее подруга Соня Пищик делала все, чтобы изобразить мое поведение в глазах Алены в самых плохих красках.

— Подождите, — попросил Шустов. — Я записываю.

Роза энергично кивала головой, подтверждая слова Осетрова.

— Алена — натура нервная, если не сказать истеричная. Причиной тому ее тяжелое детство, когда ее мать, пустившись во все тяжкие, бросила ее на руках у старой бабушки, девочка росла без отца, она хотела ребенка, работой занималась не той, которая ей подходила... Все мои усилия доказать ей, что вся ее жизнь впереди, что она еще найдет себе и мужа, и отца будущего ребенка... все впустую. Тут были и истерики, и угрозы самоубийства, и даже звонки моей жене. Знаете, как звонят, потом дышат в трубку... а то еще и пустят грязное ругательство. Но это уже Сонькина работа. На службе все уже знали, мне было трудно глядеть в глаза людям... Но ведь и не порвешь так вот, бездушно... У вас можно курить?

— Курите, форточка открыта.

Лидочка догадалась, что последние слова были адресованы Инне, которая вознамерилась было ворваться в комнату и прекратить курение в служебном помещении, но сдержалась.

— Что случилось во вторник, 15 февраля?

— Она позвонила мне и просила приехать. Я не мог, у меня день рождения внука, она отлично об этом знала. Тогда она заявила, что если я этого не сделаю, то она обязательно покончит с собой. Это был чистой воды шантаж, и я не принял его всерьез, но потом пожалел Алену и приехал на минутку. Настроение у нее уже изменилось. Она встретила меня сухо, почти враждебно и сообщила, что на самом деле нам пора расстаться.

— Значит, вы признаете, что находились с потерпевшей в интимных отношениях? — как-то удивительно не вовремя вмешался Шустов.

— А вы об этом еще не догадались?

— Я должен это зафиксировать.

— Да погодите, дайте досказать, потом будете фиксировать, мать вашу!

Слова Осетрова возымели действие. Шустов замолчал.

— Честно говоря, я почувствовал облегчение. И даже както воспользовался моментом, чтобы подвести черту под нашими отношениями. Я взял с комода шкатулку. У нее давно стояла на комоде шкатулка, в ней лежали всякие там пуговицы и нитки, сложил, разумеется, с разрешения Лены в нее некоторые вещи, которые мне принадлежали.

— Какие вещи? — недрогнувшим голосом спросил Шустов.

Лидочка вздохнула — все тайны имеют рациональные объяснения.

— Она вернула мне некоторые подарки...

— Бьющиеся? — неожиданно спросил Шустов.

— Почему бьющиеся?

— Да вы подумайте: вот вы пришли в дом к близкому вам человеку, и тот говорит: «Возьми свои подарки, возьми то, что оставлял здесь, помнить о тебе не хочу!» Так?

— Приблизительно так.

— Вы берете с комода шкатулку и высыпаете из нее пуговицы и нитки на комод, а потом складываете в шкатулку ценные вещи. Непонятно.

— Что непонятно?

— Зачем вам понадобилась шкатулка? Неужели в доме не нашлось пластикового пакета?

— Да... Но среди вещей были тяжелые, например, пепельница из нефрита.

— Нет, нет, все равно не получается! У вас с собой был портфель.

— Не портфель, а небольшая сумка, потому что я сказал дома, что иду за хлебом. Совсем маленькая сумка.

— У него маленькая сумка была, — подтвердила Лидочке Роза.

— Ну, взяли бы у Елены Сергеевны какую-нибудь ее старую сумку. А тут — шкатулка! И дома как вы объяснили, что шкатулку принесли?

— Ее никто не заметил, — признался Осетров.

— Ну-ну, продолжайте, — сказал Шустов, который не поверил Осетрову.

— А, в сущности, нечего продолжать. Я ушел. Мне было некогда. А на следующий день узнал о смерти Алены...

— И вы не позвонили ей за весь вечер, вы не беспокоились?

— Знаете, я был зол на нее за эту демонстрацию. И за то, как она себя вела. Кстати, я вспомнил, почему я избрал именно шкатулку. Ведь этот ход мне подсказала Алена. Она так и сказала: сложи все в шкатулку, а потом вернешь... Вот именно...

Врет, врет, подумала Лидочка, жалеет, что не придумал эту версию раньше — она бы так легко все объяснила. И, наверное, Шустов это понимает.

— Значит, вы вернулись домой, — гнул свою линию Шустов, — легли спать и ни о чем не беспокоились.

— Не совсем так. Я беспокоился. Я несколько раз звонил ей за вечер, но было занято, подозреваю, что Алена сняла трубку, у нее была такая манера. Я лег поздно, и мне не спалось...

— А потом?

— А потом... я все сказал...

Опять пауза, наверное, Шустов пишет. Сейчас он попросит свидетеля подписать протокол допроса. И Осетров спокойно уйдет.

Но ведь так нельзя! Неужели не ясно, что Осетров виноват во всем?

Видно, эта же убежденность овладела маленькой Розой.

Колобком она скатилась со стула и ворвалась в комнату Шустова, словно пушечное ядро.

— Зачем неправду говоришь? — закричала она. — Я все видела, я все знаю.

От волнения ее акцент усилился, и она путала падежи.

Инна опять попыталась ее остановить. Лида тоже поднялась, но они с Инной остались в дверях, потому что Роза своим появлением так испугала Осетрова, что он отбежал к окну и прижался к нему спиной. Роза чуть доставала ему до локтя, но она была ему страшна, может, потому еще, что готова была разрушить логическое построение, которое только что, казалось, убедило товарища лейтенанта. Осетров еще не был до конца уверен, в чем состоит угроза Розы, но всей шкурой чувствовал, что погиб.

— Врет он, врет он, врет он! — визгливо повторяла Ро-

за. — Зачем врать надо? Какую шкатулку уносил, если руки пустые были — маленькая сумочка была, а руки пустые. Не брал он эту коробку, гражданин начальник, не брал он ее в тот раз.

— А взял он ее в следующий раз, — закончил эту фразу Шустов, словно заранее знал, что скажет Роза. Будто подстроил так, чтобы Роза все слышала, сидя под тонкой дверью и выступила Немезидой, когда преступнику будет казаться, что ему удалось уйти от правосудия.

— Вот этого я не знаю, не смотрела, но в тот раз он с пустой рукой шел, одна маленькая сумка в руке был... Зачем про ящик говорил?

— Ну, знаете, — нашел наконец слова Осетров, — вы могли и ошибиться, вы все подглядываете, подслушиваете — может быть, в это время вы в соседнем подъезде вынюхивали.

Несправедливые обвинения тяжелее всех переносят те, которым свойственны подобные грехи. Надо было видеть, с каким бешенством кричала Роза, перейдя от ярости на татарский язык, и это придавало всей сцене тем более сюрреалистический характер, так как она наступала на Осетрова, почему-то норовя подпрыгнуть, чтобы вцепиться ему в глаза, а тот был вынужден отступать вдоль стены, пока не попал в угол между стеной и несгораемым шкафом.

— Вы нарочно! — закричал он Шустову через голову маленькой татарки. — Я буду жаловаться министру внутренних дел, а вы еще попрыгаете у меня!

— Гражданка Хуснутдинова, — закричал тут Шустов, — уйдите из комнаты, я вас сюда не звал!

— Как так не звал? — искренне удивилась Роза. — А зачем давал слушать, как он тут врет?

— Я не отвечаю за дефекты строителей, — ответил Шустов. — И попрошу посторонних покинуть помещение.

Никто из женщин помещения не покинул. Только Осетров попытался это сделать, но остановился.

— Я не видела, я спала, — сказала Роза, — но все слышала. Я знаю, когда он к ней второй раз приехал. В два часа ночи. Мой муж, Геннадий Петрович, спросил, ты зачем не спишь? Уже третий час, а я сказала, там, на лестнице, человек есть, наверное, опять хахаль к Алене пришел. А мой муж говорит,

ты спи, говорит, у них дела любовные, молодежные. А я говорю, какие молодежные дела у Олега Дмитриевича, если он мне в папы годится? У него внук есть.

— И долго он там был? — быстро спросил Шустов.

— Она меня не видела! — закричал Осетров. — Это все подстроено.

— Я думаю, недолго был, — сказала Роза, — может, полчаса был, может быть, побольше был.

— Пускай все уйдут, — с отвращением произнес Осетров.

— Выйдите, — поддержал его Шустов. — В самом деле, выйдите!

Женщины поочередно вышли из комнаты. Лидочка удивилась тому, как покорно вышла с ними Соколовская. Но, видно, она понимала, что при ней свидетель не стал бы говорить.

И вот они снова уселись в ряд. Розочка в середине. Она все еще не могла успокоиться.

— Зачем он так говорит? — повторяла она. — Убил девушку, да?

Лидочка положила ей руку на плечо, чтобы замолчала. Интереснее было узнать, о чем говорят в комнате.

— Расскажите мне о вашем втором визите к Елене Сергеевне, — сказал лейтенант. Голос его был ровным, будто он не прыгал только что по комнате, отлавливая Розу.

Осетров заговорил мертвым голосом, будто был под гипнозом. Наверно, ему стало все равно.

— Она звонила мне несколько раз, — сказал он. — К телефону подходила жена, Алена бросала трубку... как обычно. В конце концов жене это надоело, и она сказала мне... моя жена многое знает. Я взял трубку, и Алена мне сказала, что ей очень плохо, что она намерена убить себя и хочет со мной попрощаться. Я сказал ей, чтобы она ложилась спать, а завтра я приеду. Это было после двенадцати. Через полчаса она позвонила снова... я как раз мыл посуду. Она требовала, чтобы я приехал. В последний раз. Я наотрез отказался... как каждый бы сделал на моем месте.

— Я не был на вашем месте.

— Шантажу нельзя поддаваться, от этого шантажисты только наглеют.

— Ваша... подруга уже умерла, — сказал Шустов. Наверное, хотел таким образом поторопить Осетрова. А тот вместо продолжения рассказа начал всхлипывать, и было слышно, как Шустов наливает из графина в стакан воду, а Лидочка подумала, что у всех следователей на столе должен стоять графин.

— Я не ложился спать, я ждал нового звонка. И он был. Это был странный звонок.

— Во сколько? — спросил Шустов. — Вы заметили время?

— Примерно в половине второго.

— Расскажите подробнее.

— Она говорила невнятно, я почти ничего не мог разобрать. У меня возникло жуткое подозрение, что она все же наглоталась таблеток. И я подумал — что же со мной будет!

— Вы подумали, что же будет с вами?

— Я сказал жене, что мне надо уехать. Она категорически была против. Она предположила, что это какой-то очередной шантаж Алены. Но я очень испугался. Я позвонил еще раз, но никто не взял трубку... было занято...

— Занято?

— Я сам удивился. Позвонил еще раз... Я представил себе, что она лежит без сознания и не может дотянуться до аппарата.

— Вы поехали?

— Да, я поймал такси... У меня был свой ключ. Кстати, вот, я его хотел возвратить... наверное, лучше вам, да?

— Продолжайте.

— Я поднялся наверх, я позвонил... никто не открыл. Это совершенно ужасно, не дай вам бог... Я увидел, что она лежит... Трубка телефона у нее в руке. Дальше я действовал буквально бессознательно.

— Что вы делали?

Лидочка поняла, что Шустов продолжает записывать.

— Я взял трубку и положил ее на место.

— Почему?

— Не знаю. Но помню, как вытер отпечатки пальцев.

— Вы боялись, что вас заподозрят?

— Это наивно, но мне казалось... я был в шоке... мне казалось, что если убрать все следы моего пребывания там, то

обо мне не вспомнят. Ведь мало кто видел, как я сюда приходил.

— Дальше.

— Дальше я стал искать, куда сложить все, что связано со мной. Там были мои фотографии, даже мои часы, которые она хотела отнести в починку, наручные часы... там были мои книги, две книги, я как-то занимался у нее. Потом я пошел в ванную, взял свою зубную щетку и пасту. Я очень чистоплотный человек и не выношу, когда кто-то пользуется моими вещами, и сам не люблю чужих вещей... моя щетка для волос... Я брал только свои вещи, клянусь вам.

— Этим вы ввели в заблуждение следствие.

— Но я был в шоке!

— А потом?

— Потом я ушел. Я положил все в шкатулку, которая стояла на комоде, и ушел.

— Но почему именно в шкатулку?

— Потому что я увидел ее, когда искал, куда же мне положить свои вещи.

— А Елена Сергеевна лежала там?

— Конечно, она лежала. Я старался не смотреть на нее. Я же понимал, что она сделала это нарочно, чтобы отомстить мне за то, что я не хочу на ней жениться. И потому мне надо было перехитрить ее — стереть следы. Да, это не очень хорошо, но это не преступление, и вы никогда не докажете, что это преступление...

— Я не собираюсь доказывать. Этим займутся другие. Я лишь веду дознание, — сказал Шустов. — И меня интересует: когда вы были в первый раз в квартире в тот вечер и Алена выразила желание покончить с собой, вы ничего не подкладывали в коробку с ее снотворным?

— Зачем? Я вас не понимаю...

— Хорошо, к этому мы еще вернемся.

— Что это значит?

— А когда вы приезжали ночью, вам показалось, что она мертва?

— Не показалось! Я пощупал у нее пульс! И сердце... она уже начала остывать.

В кабинете воцарилась тишина. Скрипнул стул...

— Гражданин Осетров, — сказал Шустов после долгого молчания. — Я не буду вас задерживать, хотя, с моей точки зрения, вы остаетесь подозреваемым. И надеюсь, что вы не вздумаете скрываться.

— Боже упаси. А что, есть подозрения, что Алена не покончила с собой?

— Я этого не знаю.

Опять пауза. Потом голос Шустова:

— Я попрошу вас подписаться внизу каждого листа.

— Конечно, конечно... Но если вы думаете... то вы ошибаетесь. Я не могу сказать, что в последние месяцы ее любил, но я очень хорошо к ней относился, и ее смерть... ее смерть для меня потрясение.

— Вы можете идти.

— Ах да, я совсем забыл. Я принес шкатулку. Это же чужая шкатулка. Она вам может пригодиться, как вещественное доказательство. Сейчас достану... такой неудобный рюкзак... Вот она! Держите. Это единственная чужая вещь, которую я взял в квартире у Алены.

— Хорошо, — равнодушно произнес Шустов. — Я выдам вам расписку.

— Не надо, зачем?

— Такой порядок.

«Сейчас он уйдет, — подумала Лидочка, — я войду в кабинет и смогу наконец увидеть эту злосчастную шкатулку. Если это та самая шкатулка. Только пустая...»

Осетров вышел, ссутулясь, быстро пошел по коридору, не взглянув на женщин, которые с нетерпением ждали очереди войти в кабинет. Они были возбуждены и полны любопытства, словно только что возвратились с боя гладиаторов и теперь хотели поделиться с императором Калигулой своими впечатлениями.

* * *

Убегая от Шустова, товарищ Осетров в волнении не подписал акта о сдаче вещественного доказательства в виде шкатулки карельской березы, полированной, имеющей потертости и царапины, размером тридцать на двадцать четыре сантиметра при высоте в шестнадцать сантиметров. Внутри шкатулка неполированная, пустая, без следов пребывания в ней каких-либо предметов.

Женщины, набившиеся в маленький кабинет, рассматривали шкатулку. Роза клялась, что в семь вечера такой шкатулки у Осетрова с собой не было — она бы увидела. А Инна Соколовская, которая тут же принялась поливать из графина цветы, будто они могли высохнуть от присутствия Осетрова, разумно заметила:

— Твой Осетров шкатулку заранее приготовил и в рюкзак поместил, о чем это говорит?

— А о том, — ответил Шустов, который задним числом оформлял протокол сдачи шкатулки, — что, уходя из дома, он был убежден, что придет и все мне честно изложит. А как вошел в кабинет, то его охватило обычное для преступников чувство — желание не сознаваться.

— Не только для преступников, нам об этом еще Муромский читал, в психологии судебной психиатрии, даже свидетелями овладевает страх, и они начинают отрицать очевидные вещи, даже факты, которые не должны им повредить.

— Надо стены красить другим цветом, — заметила Роза. — Такой цвет нехороший, как в тюрьме сидишь.

Роза была права, синий казенный цвет, коричневые шкафы и серый сейф — это была тюремная палитра, враждебная практически любому человеку, а уж тем более тому, кто чувствовал себя в чем-то виноватым. Он понимал, что ему грозит остаться здесь навсегда, — и тут в его организме включались все системы защиты.

— А я почти сразу догадался, что у него в рюкзаке шкатулка. А то бы его с рюкзаком не пустил — мало ли с чем сюда ходить будут? Завтра пулемет принесут... Но здорово я его расколол?

Это была странная сцена, такой не должно быть в милицейском кабинете. Такие сцены могут происходить в адвокатской конторе мистера Мейсона или в кабинете сыщика Ниро Вульфа. Собрались приятели и сотрудники и радуются удаче...

Со шкатулкой в руках Лидочка отошла к окну. Сейчас она откроет ее и увидит мешочек с кусочками темного металла и камни, привезенные когда-то Полиной из Батума, все,

что осталось от ее непутевого брата. Как давно это все было... И главное — дневники Сергея Серафимовича.

Пустое... ты нашла шкатулку, шкатулка же представляет, скажем, только сентиментальный интерес. И вряд ли больше.

— Ваша? — догадалась почему-то Соколовская.

— А я с ними и познакомилась, — призналась Лидочка, — потому что искала эту шкатулку. В ней когда-то были наши семейные реликвии. Не очень ценные материально, но дорогие для нашей семьи и для науки.

— Зачем им отдали? — спросила Роза, наслаждаясь собственной причастностью к большому государственному делу.

— Время такое было, до войны еще. Ареста боялись.

— Вот что значит в Бога не верить, — наставительно произнесла Роза. — Бог вас сохранил, а вещи не сохранил. Раз отдали, зачем ему их хранить?

Сентенция не была лишена некоторого смысла, хотя и не утешала. Лидочка держала в руках шкатулку, ей трудно было с ней расстаться. Шустов заметил ее колебания и сказал:

— Закроем дело, отдадим вам, она вряд ли кому понадобится, ведь вещь ваша.

— Когда все кончится, — заметила мудрая Роза, — тетя-дядя прибежит, наследником назовется. Скажет, всю жизнь о такой коробке мечтал. — Роза искренне рассмеялась.

— Что-нибудь придумаем, — сказал лейтенант.

Лидочка с сожалением вернула шкатулку.

— Что же он в ней унес? — вслух подумала Инна.

— А я ему на этот раз поверил, — заметил Шустов. — Он в панике был, хватал то, что ближе всего, под рукой. Если ты комнату бы представляла, то, как войдешь — налево диван и телефон — там она и лежала. Он, конечно, отпрянул. А тут комод. И шкатулка.

— При условии, что он никого не убивал.

— А я думаю, что убивал, — сказала Роза. — Тихий такой, вежливый. Точно, убивал.

— Пока мы ничего не знаем. Будем вести расследование, — решил прекратить дискуссию Шустов. — Сейчас еду в прокуратуру. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами будем думать, что делать дальше.

Глава 6

ВТОРОЕ ПОКУШЕНИЕ

Хоронили Алену Флотскую через два дня, в воскресенье, 20 февраля. Сначала близкие, включая Лидочку — куда уж теперь от этой близости денешься, — поехали в морг Первой градской больницы.

Морозы уже кончились, может, и насовсем, но поднялся неприятный ветер.

В морге народу оказалось мало. Так мало, что некому было нести гроб до автобуса, который кое-как подобрался задом к лестнице. В высоком, граненом, похожем на внутренность стакана, зале ожидания стены на высоту двух метров были выкрашены в поносный цвет. По стенам, по всему периметру зала тянулись царапины. Труп долго не выдавали, а Лидочка мучилась загадкой — кто и почему царапал стену на высоте человеческого роста. Она наконец не удержалась и спросила Соню. Соня была в черном платке, на рукаве пальто — черная повязка. Непонятно, где она откопала такой обычай, возможно, от членов правительства сталинских времен, правда, у тех повязки были красно-черными.

Соня кинула равнодушный взгляд на стену и пояснила без раздумья:

— К ней крышки гробов приставляют. Привозят и приставляют.

Соня была права. Голубая, кое-как обтянутая материей крышка Алениного гроба была прислонена к стене там, где стояла Татьяна Иосифовна с незнакомой Лидочке приятельницей или родственницей. Помимо них, в гулком зале, с промокшими углами потолка и небоскребами паутин, были и несколько человек из института, и Роза, которая сочла своим долгом...

— Это ничего, что я пришла? — шепотом спросила она.

— Ничего, — ответила Лидочка. — Даже очень хорошо.

Осетрова не было.

Когда наконец велели заходить в заднюю комнату, где толстая женщина за столиком заполняла документы и выдавала трупы, Лидочке пришлось помочь нести крышку гроба, а санитары, которых Сонечка просила помочь за деньги, спе-

шили и, перенеся гроб, ушли обряжать следующего покойника.

В главном зале, куда все прошли постоять вокруг гроба и поглядеть на Алену, в нишах стояли две одинаковые гипсовые, в человеческий рост, женские фигуры в классической манере, обнимающие урны. Видно, их поставили сюда лет сто назад, когда строили морг.

Гроб опустили на каменный стол, и Лида впервые смогла разглядеть женщину, с которой чуть было не познакомилась.

Мертвая Алена Флотская была очень хороша. Перед смертью ее не терзала болезнь и не успела тронуть старость. На вид ей было лет двадцать, не больше — такой, наверное, была гоголевская панночка. Даже здесь, на конвейере, равнодушно выплевывающем покойников в зал, кто-то потратил время и проявил старание, чтобы причесать Алену, даже напудрить — может, это только кажется? — сложить воротничок, завернуть валиком край покрывала... На белом, в голубизну, лице особенно выделялись черные длинные ресницы, губы были чуть розовыми, на чистый лоб упал один из локонов, он оторвался от густой массы волос, как будто хотел остаться живым. Если слова «как живая» имели смысл, так именно в этот момент и именно здесь.

Красота и нежность покойной оказали странное воздействие на всех присутствующих. Впервые в жизни Лидочка увидела, как может плакать агентша, которая до того распоряжалась переносками и заполнением нужных бумажек — очевидно, все были потрясены несправедливостью этой смерти и бессилием ее перед мгновением красоты.

Когда гроб закрыли и перенесли в автобус — на этот раз мужчин было достаточно, потому что пришли два санитара и к ним присоединился шофер автобуса, — Соня, усевшаяся рядом с Лидой, не удержалась, чтобы не сказать правду:

— В жизни Аленка была куда хуже, грубее, даже вульгарнее. Не веришь? Мне лучше знать, я говорю объективно, как лучшая ее подруга.

Автобус ехал недолго, минут десять — ему надо было проехать по Ленинскому, потом свернуть к крематорию Донского монастыря. Там у крематория, как узнала Лидочка от Татьяны, похоронена Маргарита Потапова, и потому есть семейное место для урны, а это очень удобно, потому что если надо

будет Аленку навестить, то это два шага от метро, а то теперь все эти новые кладбища находятся за городом, надо истратить целый день, пока доберешься.

Площадка у крематория была расчищена и плотно утрамбована автобусами и людьми, которые сменяли друг друга весь рабочий день. Два автобуса ждали своей очереди. Длинный очкарик из профкома Тихоокеанских проблем вместе с Сонечкой побежал в контору оформлять документы. Начал сыпать снег, он поглощал звуки и создавал мирную добрую атмосферу прощения и спокойствия. Лидочка поймала себя на ненормальном желании скорее пройти внутрь, в зал для прощания, чтобы там открыли крышку гроба и можно было вновь полюбоваться нежной чистотой лица Алены. Если писать спящую красавицу, то писать ее надо с Алены. Но этой мыслью ни с кем не поделишься, нет здесь ни одного человека, настолько близкого, чтобы он не счел тебя сумасшедшей.

Когда их автобус подъехал к крематорию, к нему потянулись люди с разных сторон открытой площадки — оказалось, сюда пришло куда больше людей, чем Лидочка ожидала. История с Аленкой для нее была настолько замкнутой в тесноте квартиры, в коридоре милицейского отделения, что интерес многих чужих людей казался неестественным, и Лидочка вдруг испытала чувство, сродни ревности.

Вряд ли можно было объяснить появление всех этих людей лишь заметкой в газете «Московский комсомолец», где с развязностью желтой прессы под заголовком «Усни, красавица» говорилось о том, что некая молодая сотрудница Тихоокеанского института решила взять в свои руки разрешение личных проблем и кончила дни в морге. В заметке не содержалось ничего, за что можно было подать в суд, но даже Лидочке очень хотелось пойти к редактору и сказать ему, что так не поступают.

Но тут же, подумав, Лидочка поняла причину многочисленности провожающих и появления нескольких венков, что было для нее полной неожиданностью. В тридцатилетнем возрасте смерть еще столь необычна и редка, а связи детства и юности еще свежи и не оборваны, что все последние три дня звонили телефоны в квартирах ее соучеников по школе, по институту. Подруг и бывших соседок обзванивала и Соня, для которой смерть Алены стала самым главным событием в

ее жизни. В институте смерть молодой и хорошенькой сотрудницы стала не только сенсацией, ибо каждый понимал связь ее с трагическим романом. К сенсации примешивалось очевидное чувство вины.

Пожалуй, за всю свою жизнь Алене еще не удавалось привлечь к себе такого внимания.

Кремация задерживалась, но никого это не расстраивало, потому что многие не видели друг друга помногу лет и были рады встрече. Люди переходили от группы к группе, почти все подходили к Татьяне Иосифовне и выражали ей свое сочувствие. Приехал даже директор института. Соня прибежала из конторы и сказала, что надо подождать еще минут десять — органист ушел обедать, — потом стала сетовать, что никто не рассчитывал на такое количество, думали, что к Алене придут человек десять, а тут...

— Здесь по крайней мере половина нашего класса, — сообщила она с гордостью.

Тут же она покинула Лидочку и пошла туда, где стояли группой молодые люди ее возраста, в основном в кожаных пальто или шубах — Соня среди них казалась бедной родственницей. Среди соучеников Лидочка узнала Алика Петренко с рукой на перевязи и Ларису. Конечно же, Соня говорила, что они учились с Аленой! Как тесен мир!

Лариса помахала Лидочке. Она была в сшитой из кусочков норковых шкурок дорогой модной шубе и льнула к Алику Петренко так нежно, словно пришла с ним не на похороны, а на конкурс красоты, где ей обещано первое место.

Петренко был центром компании. Самый удачливый и рисковый. И даже те, кто избрал иной путь и даже не заработал себе на кожаную куртку, потому что не чувствовал в том нужды, тянулись к нему, подчеркнуто дружески похлопывали его по здоровому плечу, обнимали, говорили с ним, и Петренко позволял себя трогать и обнимать, как большой дог, снизошедший до маленьких собачек. А так как эта тесная и вполголоса оживленная группа роилась недалеко от Лидочки, она могла увидеть Петренко поближе, чего не удалось сделать несколько дней назад, в то злополучное утро.

Петренко обещал с возрастом стать толстяком, но пока был просто плотен, упруг и розов, но никак не схож с поросенком — это было упрямое напористое и быстрое создание

человеческой породы, и при взгляде на него становилось ясно, что попробуй его ущипнуть — пальцы соскользнут с кожи. Несмотря на снег, он стоял с непокрытой головой — его русые волосы уже начали редеть, и потому он зачесывал их на косой пробор.

Лидочку он увидел сразу и тут же вычислил ее, понял, кто она такая, а вернее всего, знал ее давно, — это Лидочка за несколько лет жизни в доме могла и не заметить юношу, ставшего богачом, а он молодую, привлекательную, не шикарную, но классную женщину наверняка видел не раз. И имел о ней мнение. И, может, даже знал о ней больше, чем ей самой того хотелось.

Встретив ее взгляд, он впился на секунду в него светлокарими кошачьими глазами, шевельнув тонкими подвижными губами, как бы здороваясь, улыбнулся, и Лидочка наклонила голову — она была и с ним теперь связана какими-то узами личных отношений, которые существовали настолько очевидно, что он счел необходимым послать к ней Ларису с предупреждением об опасности.

Пришлось ждать еще минут десять, прежде чем наступила их очередь.

Гроб выкатили из автобуса, мужчины двинулись к нему, чтобы внести в приземистое здание крематория, которое в конце двадцатых, когда его построили, было одной из достопримечательностей Москвы, и тогда много писалось о том, что наконец-то большевикам удалось добиться по-настоящему гигиенических условий для покойников.

Краем глаза Лидочка наблюдала за Петренко. Его не было среди тех, кто взялся тащить гроб, но он пошел следом за гробом, близко к нему, неся в левой руке венок. И тут Лидочка поняла, что высокий, весь налитой мышцами, которые с трудом умещались в просторной куртке, парень — телохранитель Алика Петренко. Он шел близко к нему и зыркал глазами — в толпе одновременно было и безопаснее, и рискованней, чем на открытом месте. Поняв, что Алик здесь с телохранителем, Лидочка почему-то успокоилась, как будто не хотела, чтобы на него снова покушались. Но, возможно, у мафиози есть правило — не нарушать кладбищенский покой. Рядом не было никого, кого можно было счесть врагом.

Почти весь зал крематория, до бархатного каната, кото-

рый отделял подставку для гроба от той ямы, куда гроб через несколько минут опустится, был полон народа. Мужчины сняли крышку гроба и отнесли ее к стене, поставив возле бюста летчика, над которым был прикреплен алюминиевый аэроплан. Летчик разбился еще до войны — это можно было угадать по аэроплану. Лиде пришлось встать рядом с другим бюстом — очень серьезный бровастый мужчина оказался автором проекта крематория. Неужели архитектор считал этот проект делом своей жизни?

Гроб был открыт, люди клали цветы и постепенно из цветов образовался холм. Речей не произносили, но под вялую игру органиста близкие стали подходить и целовать Алену в лоб или просто дотрагиваться до нее.

Лидочка тоже приблизилась и остановилась у гроба, чтобы в последний раз полюбоваться Аленой, которой в жизни не удалось побыть такой красавицей, как в мраморном холоде смерти.

Многие плакали, потому что эта красота подчеркивала дикую несправедливость смерти.

Тут Лидочка наконец-то увидела Осетрова. Он стоял в задних рядах и не делал попытки приблизиться к Алене. Он заметил взгляд Лидочки и задом, задом стал выбираться наружу. Он хотел и быть здесь, и отсутствовать.

Соня решила произнести речь, но Татьяна остановила ее. Она стояла, опираясь на палку, и ее поддерживали с двух сторон родственницы. Татьяна принималась рыдать, и тогда ее утешали, а какая-то пожилая женщина в черном платке доставала капли или порошки и предлагала их Татьяне.

Время остановилось, но потом его неожиданно подстегнул резкий голос распорядительницы похорон, которая сказала со лживым участием:

— Торжественная церемония прощания с дорогим нам человеком и гражданкой нашей Родины Еленой Флотской закончена.

Она нажала на какую-то кнопку, и Лидочке стало страшно, что Алену сейчас опустят в подвал и там окончательно уничтожат. Она мысленно рванулась вперед, Татьяна стала просить, чтобы ее опустили туда, следом за дочерью, громко зарыдала Соня.

Створки ада раскрылись, гроб уехал вперед, потом опустился вниз, и люк закрылся.

Еще с минуту все стояли и ждали, словно гроб еще мог возвратиться, но потом пошли к выходу.

Лидочка шла одной из первых, следом за телохранителем Петренко. Сам миллионер выдвинулся вперед.

Лидочке открылась площадка перед крематорием. Приехал еще один автобус, и возле него стояла кучка старичков. Петренко быстро шел по аллее к выходу, за ним в трех шагах — телохранитель. Рядом, отставая на шаг, спешила Лариса и что-то говорила на ходу. А еще дальше впереди, уже у самых ворот крематория, Лидочка угадала фигуру Осетрова.

И тут от ворот, из-за высокого черного памятника вышел парень в джинсовой куртке.

Лидочка уже настолько уверилась в том, что этот парень — ее личный убийца, что присела на корточки, кто-то налетел на нее, она потеряла равновесие и скатилась вниз по ступенькам. Из-за этого получилась суматоха и шум. Лидочке помогли подняться.

Когда Лидочка встала на ноги, она поняла, что никто из окружавших ее не видел происходившего у ворот.

Только она успела увидеть, что Петренко и его телохранитель промелькнули в воротах и исчезли. Куда же делся парень в куртке, она не поняла. Осетрова тоже не было видно.

— Сейчас к нам, к нам, — приглашала радушно и даже весело Татьяна Иосифовна. — В первую очередь это относится к тебе, Лидочка.

— У меня дела...

— Как ты можешь!

Татьяна стояла у автобуса и говорила:

— Желающие рюмкой водки помянуть мою дочь Алену, прошу в автобус.

В большинстве люди подходили к Татьяне Иосифовне, и она всех благодарила за то, что почтили. Но некоторые полезли в автобус — одноклассники, кто-то со службы, наверное, родственники.

Директор института сказал Татьяне:

— Моя машина стоит у ворот, прошу вас.

— Лидочка, ты со мной? — спросила Татьяна.

— Нет, спасибо, — сказала Лидочка, — я в автобусе.

Ей было страшно проходить между тех кустов, в которых недавно таился и, может быть, сейчас таится парень в джинсовой куртке.

Без гроба, стоявшего недавно в ногах, автобус казался пустым. В автобусе сидели Соня и несколько одноклассников Алены. Они не знали, что случилось с Петренко, потому что кто-то из них спросил:

— А Алик где?

— У него дела срочные, встреча, — сообщила Соня.

— С Рокфеллером, — пискнула одна из одноклассниц, и все засмеялись, но тут же спохватились, что смеяться еще рано.

За спиной Лидочки разговаривали две молодые женщины — бывшие одноклассницы Алены.

— А этот был? — спросила одна. Лидочка догадалась, что вопрос касался Осетрова.

— Такой высокий, седой, красивый. Ты не заметила?

— Нет. Как жалко.

— Мне его Сонька показала. Она его ненавидит.

— Еще бы, лучшая Аленкина подруга.

— А я думаю, что дело в ревности.

— Ну как наша Сонька может ревновать? Пора уж отдавать себе отчет...

— Любовь зла.

— Ты перепутала — это коза полюбила.

Девушки засмеялись.

— А он еще ничего, сохранился, — произнесла одна из них.

— Не соблазняй меня. Я его не видела и не увижу. А правда, что он был секретарем ЦК?

— Не исключено.

— Ну, тогда у Аленки не было шансов.

— А что, если он ее убил?

— Ты что, офигела?

— Ты же знаешь Аленкин характер — что схватила, то мое! А тут пролетела. Он понял опасность и убил ее.

— Она таблеток наглоталась. Это медицинский факт.

— Для кого-то факт, а для кого-то и нет.

— Ты что-то знаешь?

— Если бы знала, била бы во все колокола.

— Ты романтик.

Автобус выехал на Садовое кольцо и, застревая в пробках, пополз к площади Восстания. Интересно, ее переименовали или нет? В переименованиях, охвативших Москву в последние годы, чувствовался элемент игры. Почему-то надо было отнять улицы у Пушкина и Чехова или, допустим, разделить улицу Горького на две — Тверскую и 1-ю Тверскую-Ямскую, внеся этим разброд в умы почтальонов и полную растерянность в воображение приезжих, которые не могли понять, на какую же улицу попали. Но эта твердость в возвращении к временам солидным, православным и даже царьгороховым никак не мешала благополучно существовать могучему кусту Коммунистических улиц, переулков и тупиков на Таганке, Пролетарских, Комсомольских и других порождений большевистского ума. Видно, борьба с Чеховым требовала меньшего гражданского мужества, чем сражение с коммунизмом.

Тем временем разговор подружек на заднем сиденье перешел, как и следовало ожидать, к темам куда более актуальным, чем смерть Аленки Флотской.

— Мне Татушкина говорила, что на Петрика было покушение.

— И что тебе еще эта раззява говорила?

— А что, неправда?

— Об этом лучше не болтать.

— На него наехали?

— На нем висит полмиллиона баксов.

— И не испугался приехать в крематорий?

— Он любил Аленку.

— Значит, наезжали?

— Кто-то, я тебе не буду говорить кто, нанял бандитов. Была разборка, Петрика хотели пришить, но Лариска, та телка, которая с ним сегодня была, его вытащила из-под огня.

— Как Анка-пулеметчица?

Женщины засмеялись. Лидочку подмывало желание обернуться и посмотреть на существ, которые милыми голосами вели такую неженскую беседу. Чувствовалось, они готовы были сами взять автоматы и тут же открыть стрельбу от живота.

— Он собирается рвать на Запад, у него все туда переведено.

— Так он тебе и сказал.

— Каждому жить хочется.

— Тогда они его достанут.

— А может, и не достанут.

Лидочка еле дождалась того момента, когда автобус остановился возле дома на Васильевской. Она поднялась и смогла рассмотреть тех собеседниц, которые только что обсуждали судьбу Петрика. То есть Алика Петренко.

Обыкновенные женщины тридцати с лишним лет, одна из них заметно растолстела и лет через десять станет грузной матроной, вторая, видно, всегда была худенькой, а теперь усохла. Но обе в шубах, перстни на пальцах, схожие сумочки с позолоченными замками и пряжками. Скучные личности, чьи-то жены. Для них самоубийство Аленки и покушение на Петрика — величайшие события года и в то же время обыденность жизни.

В квартирке было чрезвычайно тесно, составили все столы, соединили их досками, скатерти были разномастные, посуду принесли от соседей. Вилки и ножи собирали по всему подъезду, да и обитатели этого подъезда толклись на кухне, зарабатывая право на участие в поминках хозяйственными заботами. Кое-как втиснулись за стол, кому не хватило места, сидели на табуретках в коридоре или теснились в прихожей. Петрик, конечно, не появился. Но все равно Лидочке казалось, что центром внимания остается он — до Алены дела никому не было, за исключением Сони, Татьяны да самой Лидочки.

Роза помогала на кухне, потом носила блюда с нарезанной колбасой, сыром, зеленью и холодными цыплятами. Лидочка сидела напротив большой фотографии Алены над диваном. Ветер взъерошил Аленке волосы, и она пыталась удержать их обеими руками. Очень удачная фотография. Какие у нее были хорошие зубы!

Алена все более становилась абстракцией — это могли быть поминки, а мог быть и десятый юбилей смерти Пушкина, собравший лицейских друзей помянуть великого поэта, хотя никто его таковым не считал, потому что он не сделал карьеры и глупо погиб на глупой дуэли, в которой сам был

виноват, о чем можно прочесть в истории Кавалергардского полка.

Бывает такое странное совпадение — «История кавалергардов» лежала на стеллаже, Лидочке надо было только обернуться и протянуть руку. А на открывшейся странице шло описание дуэли другого кавалергарда — Мартынова — и поручика Тенгинского полка Михаила Лермонтова. Авторы «Истории кавалергардов» отдавали должное поэту Лермонтову, но все их симпатии были на стороне Мартынова: «Как поэт, Лермонтов возвышался до гениальности, но как человек он был мелочен и несносен. Эти недостатки и признак безрассудного упорства в них были причиной смерти поэта от выстрела, сделанного рукою человека доброго, сердечного, которого Лермонтов довел своими насмешками и даже клеветой почти до сумасшествия». А на самом-то деле была одна достаточно безобидная шутка о длинном кинжале, который нацепил Мартынов. Об этом Лидочка помнила. Лермонтова надо было убить, и потому для этой роли подошел «добрый и сердечный» Мартынов, который, как вычитала Лидочка из той же «Истории», убив Лермонтова, подошел к нему и по-братски его поцеловал. Из кавалергардов выходили замечательные убийцы.

— Что-то вы зачитались? — спросил мужчина с собачьими, приподнятыми у переносицы бровями и большими брылями — он был либо псом, играющим человека, либо человеком, играющим пса. — Вам положить блин?

Человеку было за сорок, седина тронула его виски и окрасила усы. Он был тяжел, басовит, и Лидочка представила, как он лает — глубоко и редко, а ночью выходит из своей дачи, спускается с крыльца в кусты и там редко и солидно лает, а ему отзываются собаки и собачонки дачного поселка.

Человек положил на тарелку Лидочке холодный блин, на него — столовую ложку кутьи. Лидочка, зажатая между его горячим бедром и острым локтем одной из одноклассниц Алены, извернулась и положила книгу о кавалергардах на место. Загадка — как эта книга могла здесь очутиться?

— Чем вы заинтересовались? — спросил мужчина с брылями.

— Там описано, как убивали Лермонтова, — ответила Лидочка.

— Лермонтова убила тяжелая действительность российского самодержавия, — сообщил мужчина с брылями и представился: — Константин. Просто Константин. И это допустимо, потому что я старше вас ровно настолько, насколько мужчина должен быть старше женщины, чтобы стать ее ровесником.

Лидочке потребовалось несколько секунд, чтобы полностью осознать смысл сказанного.

— Вы вместе работали? — спросила Лидочка.

— Нет, я даже не однокашник.

Соня постучала вилкой о стакан.

— Мы собрались здесь сегодня, — сообщила она, перекрывая тот шум, который возник из-за желания быстрее заморить червячка, — потому что нас объединило общее горе и общая любовь. Мы не могли не явиться сюда, потому что в момент глубокого горя люди собираются вместе, в одну группу, в один рой, в один коллектив...

— Странно, — прошептал одними губами Константин, — бывают же люди, которым обязательно надо подчеркнуть свою монополию на любовь, дружбу, сострадание и даже соучастие в смерти.

— Она была ее лучшей подругой.

— Только не надо это мне объяснять, я это уже знаю, — сказал Константин. — А вы тоже подруга?

— Я на самом деле случайно попала в эту семью за день до смерти Алены.

— Вы ее не знали?

— Нет. Я знаю немного ее мать и знакома с Соней.

— Жаль, вам не повезло. Несмотря на всю истеричность, сумасбродность натуры, несмотря на то, что Алена была искалечена воспитанием, вернее, отсутствием такового, она была личностью незаурядной — ей просто не попался в жизни настоящий мужик, который бы носил ее на руках, но иногда и порол. Так что ей приходилось самой придумывать себе мужчин — одни ее некоторое время носили на руках, но без порки она распускалась, и они бежали от нее быстрее лани, другие старались все чувства заменить поркой — с ней это не проходило.

Сонечка завершила скорбную речь, и все потянулись к рюмкам и поднимали их, разъясняя друг дружке, что чокаться нельзя, потому что пьют за покойницу. Тут кто-то вспомнил, что не поставили рюмки самой Аленке, стали искать пустую рюмку, никому не хотелось жертвовать своей, потом из кухни принесли пустой стакан, наполнили его водкой и сверху положили кусочек черного хлеба.

— Вы так и не представились, — Константин со вкусом выпил свою рюмку, но закусывать не стал.

— Лида, Лида Берестова.

— Очень приятно. А я наследник.

— Я вас не поняла.

— Меня трудно понять без перевода, — улыбнулся Константин, но объяснить ничего не успел, потому что Соня опять стала звенеть по стакану вилкой и объявила, что слово предоставляется любимой учительнице Алены, Клавдии Эдуардовне.

Поднялась физкультурного облика блондинка с волосами, затянутыми назад в пучок с такой силой, что глаза разъехались и омонголились. Физкультурница, которая преподавала литературу, тут же начала рыдать, а ученицы вскочили, чтобы дать ей воды и успокоить.

— Кому и в чем вы наследовали? — спросила Лидочка.

— Я наследовал Маргарите Семеновне Потаповой, это имя вам что-нибудь говорит?

Это имя очень многое говорило Лидочке.

— Извините, я вас не совсем поняла. Вы — родственник Маргариты?

— Нет, даже не родственник.

Тут начала говорить сама Татьяна. Она говорила о безутешной доле матери, потерявшей единственного ребенка. Женщины плакали.

Но уже во время ее речи общий шум за столом, невнятный, приглушенный теснотой комнаты и низким потолком, начал расти так, что к концу речи Татьяне пришлось повысить голос.

— Я бы не приехал, — сказал Константин, — если бы не дурацкая заметка в «Московском комсомольце». Я сначала даже не сообразил, о ком идет речь. А узнал — искренне огорчился.

Татьяна рыдала, ее отпаивали валерьянкой. Разговоры за столом стали громче и веселее. Кто-то вспоминал школьные

времена. Лидочка только сейчас поняла, насколько одноклассники перевешивают здесь числом всех других знакомых Алены. Она поняла, что в классе Алена была первой красавицей, а в институте ее первенство уже стало испаряться. На службе круг ее общения ограничивался несколькими сослуживцами. Зато с одноклассницами она поддерживала отношения — благо большинство осталось жить по соседству, и они продолжали бегать друг к дружке на дни рождения и на крестины. Стоило выйти на улицу — кого-то обязательно увидишь. Может, потому Алена так и сдружилась с Соней, что та тоже училась в ее школе.

Константин поднялся, сказал, что пойдет на кухню покурить. К Лидочке тут же привязалась Роза, которая полагала себя Лидочкиной подругой.

Таинственный Константин, которого следовало расспросить, не возвращался. Наконец Лида не удержалась и пошла на кухню его искать. На кухне было тесно, душно и в то же время дуло от открытого окна — как у Лидочки дома во время обстрела. Вокруг шумно говорили, выясняли отношения, спорили, объяснялись в любви — никому уже и дела не было, по какому скорбному поводу они здесь собрались.

Константина на кухне не оказалось. В поисках его Лидочка вернулась в комнату, в дверях столкнувшись с Татьяной. Татьяна Иосифовна была бледна — видно, плохо себя чувствовала или перепила. Соня протянула Татьяне пачку, та взяла сигарету и закурила.

— Я бы сейчас легла, — сказала она, — но это физически невозможно.

— Может быть, пойдем ко мне? — спросила Лидочка.

— Нет, далеко, мне не дойти.

Тут же подвернулась маленькая Роза. Она умела подворачиваться в нужный момент.

— Татьяна Иосифовна, пошли ко мне, баиньки будем.

— Куда? — строго спросила Татьяна, от усталости и горя ставшая еще более объемной и приземистой. Лидочка поняла, кого она ей напоминает — царицу Софью с какого-то исторического полотна, царицу Софью в монастыре. Та же бесформенная фигура и тупое отчаяние во взоре.

— Роза живет на этой лестничной площадке, — сказала

Лидочка, понимая, что предложение Розы разумно и спасительно.

— Я никуда не пойду и предпочитаю умереть здесь, — заявила Татьяна.

— Ты поможешь мне ее отвести? — спросила Роза. — А то она меня задавит, как свинья вошку.

— Ах, какое гадкое сравнение! — возмутилась Татьяна. — Проводи меня, Лида, я хочу спать, у меня нет сил. Я хочу спать.

Непомерной тяжестью Татьяна оперлась о Лидочку, Роза без пользы суетилась с другой стороны. Они миновали прихожую и вышли на лестничную площадку. Тут Татьяна начала оседать, ноги ей отказывали. Буквально волоком Лидочка перетащила ее к Розе. Она хотела бежать за помощью, но тут им навстречу вышел невысокий квадратный человек с очень короткими кривыми ногами, затянутыми в тренировочные брюки — муж Розы. Так что теперь у Лиды появился помощник.

Роза постелила Татьяне на диване в большой комнате и велела мужу выключить телевизор, чем он был недоволен.

Муж ушел, а Лидочка, начав раздевать Татьяну, увидела, что той стало плохо. Роза быстро побежала за тазом...

Прошло, наверное, чуть более получаса с тех пор, как Лидочка покинула квартиру Алены, за это время Татьяна Иосифовна заснула.

Лидочка поспешила обратно — она не хотела упустить Константина. Ей казалось, что он может рассказать что-то нужное. На кухне Константина не было, не сидел он и за столом. Некоторое время Лидочка утешала себя надеждой, что он скрывается в ванной или туалете. Но вскоре от этой мысли пришлось отказаться.

Лидочка спросила про Константина у Сони, которая сидела на кухонном подоконнике, обнявшись с подружкой. Они пели в два голоса романс «Калитка», написанный, как известно, великим князем Константином, и никак не прореагировали на Лидочку.

— Соня, — снова повторила Лида, — ты не видела, Константин ушел?

— Какой Константин? — недовольно бросила Соня, которой испортили песню.

— Такой вот... на собаку похожий.

Сонькина подружка хихикнула.

— Лет сорока-пятидесяти, грузный. Он мне сказал, что он наследник Маргариты.

Сонька пожала плечами.

— Неужели ты его не знаешь?

— Никогда не видела. А откуда он узнал про Аленку?

— Говорит, что прочел в «Московском комсомольце».

— С такими надо быть осторожными, — заметила подружка, — такие приходят, все высматривают, а потом убивают.

— Здесь уже некого убивать, — сказала Лидочка.

— Всегда есть кого убивать, — возразила подруга.

— Я спрошу у Татьяны, — предложила Лидочка и тут же вспомнила, что сама только что уложила Татьяну спать.

— Спроси, — равнодушно заметила Соня. — Авантюрист какой-то.

Она слезла с подоконника.

Она тоже будет толстой, как Татьяна, подумала Лидочка.

Лидочка возвратилась в комнату. Там стало свободнее, потому что присутствующие сгрудились по группам — одноклассники, соученики по институту, сослуживцы. Каждый говорил о своих делах.

Соня, которой испортили песню, прибежала из кухни и спросила, кто будет пить чай, а кто — кофе. Но на нее закричали, что еще не все выпито и Алена обидится, если они так рано уйдут. Соня выругалась себе под нос и снова ушла на кухню. Ей с трудом давалась роль хозяйки дома — она была большой лентяйкой.

Лидочка не стала ждать, пока допьют водку. Она тихонько ушла. На лестничной площадке тоже стояли люди и пьяными голосами выясняли отношения. На Лидочку никто не обратил внимания.

* * *

Шел густой, вялый снег, и оттого было очень тихо.

Лейтенант Шустов поджидал Лидочку на улице. Он курил, Лидочка сначала увидела красный глазок сигареты и потом — темную фигуру. От усталости ей даже не было страшно.

— А я кончил дежурство, — сказал он, забыв поздороваться, — и решил погулять, свежим воздухом подышать. Как прошли поминки?

Лидочка не удержалась и засмеялась.

— Вы чего?

— Так спрашивают о субботнике.

— А как еще спросить? — почему-то обиделся Шустов. — Как вам рыдалось?

— Не старайтесь быть грубым.

Они пошли к площади Тишинского рынка. Лидочка была благодарна лейтенанту, что пришел встретить.

— А сегодня опять на Петрика покушались, — сказала она лейтенанту.

— Знаю, — ответил тот. — На Александра Петренко. — Он не договорил — она поняла: «Поэтому вас и встречал».

— Он уедет?

— Черт его знает. Может, его и там достанут. У него долги. Неплатежи. На него наезжали, но пока безрезультатно. Хотя обычно они не успокаиваются.

— А вы их знаете?

— Заказная работа.

— Мне странно, — сказала Лидочка, — как я попала в эту историю. Как бы с двух сторон, а сошлись в крематории — Петренко и Алена.

— Петренко пока живой, — возразил лейтенант.

Их обогнала медленно ползущая патрульная машина.

Лейтенант увидел, поднял руку, показывая — проезжайте. В тишине сквозь завесу мягкого глухого снега было слышно, как в машине засмеялись.

— А что будет с Осетровым? — спросила Лидочка.

— Прокурор завтра даст ордер на его арест.

— Разве это так нужно?

— У прокурора свои дела, он не уверен в себе, хочет отличиться.

— А вы думаете, что ее убил Осетров?

— Ничего я не думаю. Меня другое интересует.

Несколько шагов они прошли молча — видно, лейтенант надеялся, что Лидочка задаст ему вопрос: что же интересует лейтенанта. Лидочка не задала вопрос, и Шустову пришлось отвечать самому.

— Меня интересует, — сказал он, — почему Алена не оставила прощального письма.

Лидочка отметила, что он тоже стал называть погибшую женщину Аленой, как и все.

— А разве это обязательно?

— Для таких особ, как Алена, практически обязательно. Если кончает с собой молодая женщина, да еще от несчастной любви, она обязательно оставляет письмо. Человечество должно знать, почему и кого оно потеряло.

— Не старайтесь выглядеть циником.

— Я говорю правду, а вы делаете вид, что мир построен из шоколада.

— Я хотела бы, да кто мне даст? И что вы думаете о письме?

— Вернее всего, объяснение самое простое — Осетров приехал к ней ночью, увидел тело, перепугался, потому что в письме, разумеется, говорилось о его вине. «Прошу в моей смерти винить бывшего работника ЦК КПСС, соблазнителя невинных девушек, товарища Осетрова».

Лидочка поморщилась, но не стала снова придираться к словам лейтенанта. Может быть, ему именно этого и хотелось.

За ярко освещенным окном бывшего обувного магазина стояли американские автомобили. Снег перестал, но не растаял и искрился под фонарями — дневная грязь была прикрыта им, как белой простыней. Этот образ преследовал Лидочку и не означал чистоты или непорочности — наоборот, он пугал тем, что скрывается под простынкой.

— Вы не думаете, что он ее убил, — сказала Лидочка.

— Маловероятно. Я и следователю сказал, что маловероятно. Для этого надо придумать душещипательную сцену — он приходит к ней, и она ему говорит, что, мол, больше не могу терпеть двусмысленности своего положения! Я намереваюсь покончить с собой... Вы меня слушаете?

— Разумеется, Андрей Львович.

— Хорошо, говорит тогда Осетров. Кончай с собой, любимая. Но он знает при этом, что на самом деле ей очень хочется жить. И самоубийство будет условным.

— Вас убедила в этом Соня?

— И ее мать. Они обе мне сказали, что Алена и раньше обращалась к таким методам воздействия на мужчин, когда проигрывала битву. Она не знала, что подобные психозы всегда плохо кончаются. Об этом давно известно в судебной психиатрии. В один прекрасный день красавица принимает слишком много таблеток и засыпает навсегда.

— Но с чего вы решили, что она вообще пила эти пилюли? Может быть, они пили чай, и Осетров подсыпал ей яду.

— Я об этом подумал, но наш патологоанатом разрушил эту версию. Помимо цианистого калия она приняла и достаточно снотворных, чтобы проспать двое суток.

Они свернули в переулок. В переулке было очень тихо. Так тихо, что Лидочке сразу вспомнилось раннее утро и звук тормозов машины, подъехавшей к дому.

Лейтенант поддержал ее под локоть. Это было излишней заботой, но глупо вырывать локоть у представителя закона, пока он не начал целоваться.

— Ну и что же, — упрямилась Лидочка. — Она ему говорит: смотри, как я погибну у тебя на глазах. И начинает... Нет, не получается.

— Вот именно.

— Значит, вам кажется, что Осетров тут ни при чем?

— Я так не сказал. Но я с ним поговорил. Это человек холодный и пуганый. Они в ЦК все пуганые. Но он мог ее по голове чем-нибудь стукнуть, даже задушить. Но сыпать ей яд в чашку... кстати, и чашки не было.

— Они что же, чай не пили?

— Вы начитались иностранных романов, Лидия Кирилловна. В шесть он забегает к ней с хозяйственными сумками, на пять минут, чтобы отговорить от глупостей, и просит не звонить ему домой по телефону. Она еще жива. Вы не представляете, сколько мы ее окурков в квартире нашли. Она весь вечер была жива. Ходила по квартире, курила, наливалась ненавистью слабого человека — а как слабый человек мстит? Он обижает, убивает сам себя — смотри, что ты, подлец, наделал! Наконец уже ночью она позвонила ему и сообщила, что она себя убила. Он мчится к ней. Он зол, как последняя собака, — вот тут он мог бы ее пристукнуть или задушить. Может, даже мечтал задушить! Но когда увидел, что она на самом деле мертва, то растерялся — уж этого он никак не ожидал. Даже когда испугался, все равно не верил. И он начал вести себя как обыкновенный неопытный преступник.

— Все же — как преступник?

— Он сам себя таковым считает. Он ее довел до смерти. Ведь не вы, не я, а он довел, значит, он — преступник.

— Но он ее не убивал!

— Это дело второе. Вы сейчас говорите о масштабе преступления. Так вот, будь он христианином или люби ее на самом деле — он бы вызвал милицию, он бы покаялся. А тут мы имеем дело не с христианином и не с моральным человеком, а с работником аппарата ЦК.

— Вы обобщаете.

До ее дома оставалось метров сто, они замедлили шаги. Шустов хотел договорить, а Лидочке было интересно его слушать.

— Как неопытный преступник, он начинает совершать ненужные действия, которые его и выдают. Он стирает повсюду отпечатки пальцев. Так что, когда я попросил Красильникова проверить комнату, оказалось, что все вытерто, будто воры поработали в перчатках. Ну какого черта любовнику стирать отпечатки пальцев, а заодно не только свои, но и Аленины?

— Глупо, — согласилась Лидочка.

— Это сразу же бросает на него подозрение.

— Бросает.

— Потом он решает вообще изъять все следы своего пребывания в доме. А так как он к ней ходит давно...

— Вам и это известно?

— А почему бы и нет? Всей Москве известно, а мне неизвестно?

— Продолжайте, сэр.

— Раз он ходит к женщине три года, а она живет одна, то постепенно в ее доме накапливаются его вещи и вещицы, а может, и его некрупные подарки. Он бегает по квартире и уничтожает следы своей дружбы... — Лейтенант остановился, достал сигареты, закурил и, не двигаясь с места, заметил: — Вообще-то говоря, мне этот Осетров как человек не нравится, холодный, но суетливый.

Лидочка кивнула.

— А куда ему все спрятать? Тут он видит ту самую вашу шкатулку. Как неопытный преступник, он высыпает из шкатулки пуговицы и нитки и сует туда свою зубную щетку, письма и открытки. Вы знаете, что ни писем, ни открыток от него

не обнаружено? А это тоже характерный признак. Ну, не может так быть, чтобы он в лучших традициях большевистской конспирации ни строчки ей за три года не написал!

— Значит, он ликвидировал свои следы...

— И обратите внимание, Лидия Кирилловна, он же принес шкатулку — единственную чужую и не нужную никому вещь... Но ведь то, что было в шкатулке, он уже утопил... Или спрятал на нижней полке шкафа.

— Кстати, — заметила Лидочка, чувствуя, что подошло время расстаться — ей уже хотелось поскорее спрятаться в свой домик, где с утра комендант Каликин вставил второе стекло в кухонное окно. Она очень устала за день. Не столько, конечно, физически, как от постоянного и неприятного нервного напряжения. — Кстати, когда вы мне отдадите шкатулку? Тем более что на нее нет хозяина.

— Я должен ее пока придержать, — без особой уверенности в голосе сказал Шустов. — Он же ее добровольно выдал.

— Потому и выдал, что она никакой ценности для него не представляла и ему не принадлежала.

— Но где доказательства, что она — ваша?

— Я об этой шкатулке уже неделю всем талдычу. Я познакомилась с Татьяной Иосифовной и Соней только из-за этой шкатулки. Я даже стала поверенным чувств этого семейства из-за шкатулки. Ну как я могла сообразить, что Алена покончит с собой раньше, чем я успею забрать у нее мою шкатулку?

— Хорошо, я подумаю, — ответил Шустов. — Вы мне завтра позвоните?

— Когда?

— С утра, хорошо?

— И вы мне вернете шкатулку?

— Вообще-то говоря, ее должна опознать Татьяна Иосифовна.

— Она ее в глаза не видела!

— Ну что я тогда могу поделать?

— Поговорите с Соней. Это именно Соня сказала мне о шкатулке. Она помнит ее, она ее узнала по моему описанию...

— В такие моменты жизни женщин волнуют шкатулки, коробки, иголочки... — с напускным презрением заявил Шустов.

— Что ж, так мы, женщины, устроены. Поэтому мы остаемся низшими существами на этой планете.

Шустов неловко засмеялся — ему показалось, что он обидел спутницу. Лидочка не стала его переубеждать.

— Я завтра вам позвоню, — обещала она и убежала в подъезд.

В подъезде Лидочка обернулась — сквозь стекло двери было видно, что лейтенант не спешит уходить — ждет, закуривает.

Поднявшись к себе, Лидочка сразу пошла к кухонному окну.

Не зажигая света, она приблизилась к стеклу и помахала лейтенанту, который смотрел на окно. Тот, угадав Лидочку, поднял руку, помахал в ответ, выкинул в снег сигарету и быстро зашагал прочь.

Глава 7

ГДЕ ОСЕТРОВ?

Когда Лидочка позвонила Шустову утром в понедельник, Соколовская сказала, что он забегал в самом начале дня, а потом уехал на происшествие. Соколовская сообщила это особенным официозным голосом, призванным дать понять неким много себе воображающим особам, что свет не сошелся и никогда не сойдется клином именно на них — у настоящего мужчины найдутся дела и поважнее. По сути дела, Соколовская была права — смерть Алены Флотской была лишь одним из многочисленных эпизодов деятельности лейтенанта. Тем не менее Лидочка почувствовала раздражение против Соколовской. Ведь Лидочке лишь нужна собственная шкатулка, которую Шустов вряд ли сможет ей отдать, потому что теперь она перешла в разряд вещественных доказательств.

Так и не узнав у Соколовской, когда лейтенант возвратится, Лидочка сгоряча хотела было позвонить Соне, чтобы упросить ту воздействовать на Шустова. Соня же, словно почувствовала, что Лидочка разыскивает ее, и позвонила сама.

— Ну как ты? — спросила она, не представляясь, словно подружка, выясняющая, не ломит ли у тебя голову после вчерашней попойки. Но Лидочка уже начала привыкать к Сониной бесцеремонности. Конечно, можно бы произнести в этом случае сакраментальную фразу о грубой оболочке, которая скрывает тонкую и трепетную натуру, но это было бы бесполезно, так как Лидочка понимала, что Соня предпочитала общаться с миром, выпустив коготки, потому что ничего хорошего от него не ждала.

— Спасибо, хорошо.

— Чего вчера так рано ушла?

— А почему мне надо было оставаться?

— А мы неплохо посидели, — сказала Соня. — Так ведь, без несчастья, и не увидишься. Жалко даже, что Аленки с нами не было — она была бы довольна.

Соня не притворялась. Она и на самом деле предпочла бы увидеть Алену на ее же похоронах — посидели бы вместе.

— У тебя ко мне какое-нибудь дело? — спросила Лида.

— Я не вовремя позвонила? — Соня сразу насторожилась, она уже была готова обидеться.

— Нет, вовремя, я не занята, не надувайся заранее, — ответила Лидочка. — Просто я сама собиралась тебе звонить, потому что надо посоветоваться.

— Давай говори, у меня срочных дел нет.

— Я тебе говорила, что Осетров сдал в милицию шкатулку?

— Ага. Он в ней свои драгоценные подарки и запасные подштанники унес. Знаю, знаю.

— Но как честный человек...

— Как честный коммунист!

— Не перебивай старших. Он принес пустую шкатулку и отдал Шустову по принципу — мы чужой земли не хотим.

— Значит, с концами — теперь этот Шустов ее сопрет, и потом они ее спишут. Так всегда бывает. Только ты свою коробку и видела!

— Иногда милиция не так ужасна, как тебе представляется, — возразила Лидочка. — Шустов рад бы вернуть мне, но не знает, как это оформить. Ведь на шкатулке не написано, что она — моя.

— Ты думаешь, что если я скажу Шустову, чтобы он тебе шкатулку вернул, потому что в частных беседах с покойной мы неоднократно этот вопрос обсуждали и нас останавлива-

ло только то, что мы забыли твой адрес, он сразу же тебе шкатулку отдаст?

— Примерно так.

— Черта с два — отдаст! Ведь Аленка не знала, что это твоя шкатулка. Откуда ей знать? Ей от бабушки досталась коробка — я сама об этом узнала, только когда мы с тобой у Татьяны были. И я не спешила признаваться — сначала хотела с Аленкой посоветоваться — отдавать или оставить. Я тебе потом, помнишь, лапшу на уши вешала, будто Татьяна испугалась.

— Извини, я снимаю свою просьбу, — сказала Лидочка. Соня была права. И просить Соню сказать неправду Лидочка не хотела.

— Лида, послушай моего совета. Тебе этот лейтенант симпатизирует. И не спорь — по глазам видно. Красавчик рад был бы тебя трахнуть, пока твой муж в командировке. Так что не теряй времени. Дай ему, и шкатулка твоя!

— Соня!

— Надо шутки понимать. Но дело не в этом. А дело в том, что Шустов придумает что-нибудь, чтобы эту шкатулку тебе отдать — кому она нужна? Включая тебя.

— Но для меня она — символ. Символ того, что я все же отыщу вещи деда.

— Позволь тебе не поверить. Но делай, как знаешь. И Шустову не говори, что со мной разговаривала. То, что знают двое, — тайна. То, что знают трое, — газета. Я ничего не слышала, ничего не видела и ничего не скажу, как Зоя Космодемьянская. Подлизывайся к лейтенанту, говори, что в любой момент можешь получить подтверждение от меня, Татьяны, черта полосатого...

— Может быть, ты и права.

— Я всегда права. У меня жизнь нелегкая.

— Я тебе могу чем-нибудь помочь?

— Беда невелика, но для меня — проблема.

— Расскажешь?

— Вообще-то, не телефонный разговор.

— Нужны мы с тобой кому-нибудь!

— Хотя пускай слушают. В общем, мы с Аленкой собирались в круиз по Средиземному морю: Турция, Греция, Каир, Святая земля и домой. Чтобы на мир поглядеть и немного

прибарахлиться. Все мы люди небогатые, я тебе скажу, деньги были очень нужны. Аленка даже к своей мамаше метнулась — та ее послала куда подальше. Ну, сама виновата, я предупреждала — на Татьяну где влезешь, там и слезешь. В общем, я для нее достала три сотни баксов у Петрика. Ну, тогда Петрик был на коне, а теперь он сам хочет смотаться.

— Петрик тебе одолжил?

— Он отстегнул мне деньги, даже не считая. А теперь надо бы вернуть. Как ты сама понимаешь, эти денежки спокойно лежали у Аленки — сдавать их на той неделе, до круиза еще почти месяц. А когда я утром к Аленке попала и увидела, что она померла, я так перепугалась, ну прямо в шоке была, я о деньгах и не подумала. Понимаешь?

— Понимаю.

— А уже вчера утром мне Петрик позвонил и спросил, как баксы. Ну, он в кризисе, его тоже понимать надо. Сейчас я уже себя прокляла.

— Почему прокляла?

— Вчера я сказала Петрику, что я ему деньги верну. Я же знаю, где Аленка деньги держит. У нас с ней тайн не было. Под вешалкой в коробке с гуталином — по принципу Шерлока Холмса — прячь на виду, где грабителю в голову не придет искать.

— А их там не оказалось.

— А откуда ты знаешь?

— Иначе зачем ты мне всю эту историю рассказываешь.

— Их там не было. С ума сойти! Но ты понимаешь, что это не мог сделать чужой?

— Да, наверное, он бы все перевернул...

— Есть три кандидатуры. Первая — твой лейтенант!

— Разве они обыскивали квартиру?

— Насколько мне известно — нет. Я вчера с кладбища прибежала самой первой, чтобы готовить, там двое наших из института были, а Татьяна с нами в крематории. Так что я посмотрела под вешалкой — пусто. Это не оправдывает лейтенанта — конечно, он мог это сделать. Но он должен был догадаться о коробке под вешалкой. И о том, что у Аленки баксы есть.

— Маловероятно, — сказала Лидочка. — Вторая подозреваемая у тебя Татьяна Иосифовна.

— А почему бы и нет? — агрессивно откликнулась Соня. — Чем она лучше других?

— Ей под вешалку не залезть.

— Ты знаешь, Лид, я то же самое подумала — ей надо на пол сесть и ползти. Согнуться эта тумба не сможет. К тому же она видалась с дочкой раз в году, а то и реже. И они друг дружку не выносили как кошка с собакой. Даже если Татьяна что и подозревала... Впрочем, не исключено!

— И подозреваемый номер раз — Осетров, — сказала Лидочка.

— Номер ноль! Ты думаешь, он не знал про коробку? Да я сама слышала, как он уговаривал Аленку найти для ухоронки более достойное место. И наверняка он знал, сколько у нее там спрятано. Да в конце концов — почему ей от него скрываться, если он все время делал вид, что не сегодня-завтра на ней женится. Кинет свою недокормленную галошу и женится на нас, прекрасных, молодых.

— Ты думаешь, что он ночью...

— Я уверена. Я так и вижу — он шастает по квартире, ледяная душа, перешагивает через Аленкин труп, свои подштанники собирает, открытки из Гонконга, чтобы следов не оставалось — в лучших традициях ЦРУ стирает отпечатки пальцев...

Здесь Соня оказалась догадливой, как Нострадамус.

— А потом вспоминает, что под вешалкой лежат баксы. И он спокойненько берет деньги и думает: кто теперь будет спрашивать с Алены? Хотя отлично знает, что это я брала для нее у Петрика, а Петрик — не сахар, не пай-мальчик. Он свое всегда получит. А с кого он будет получать, если у меня такое материальное положение? С девочки по имени Софья-мученица. Скажи, Лида, почему человеку так не везет в жизни?

— Но вряд ли Петренко будет иметь к тебе претензии.

— Дорогая моя Лидия, у меня такое впечатление, что ты провела детство и юность где-то в райских кущах, где мальчики не обижают девочек и даже не таскают их за косички. Почему Петрик будет меня жалеть?

— Ну вы же с ним вместе учились, он твой приятель.

— Слушай, когда это было? В третичном периоде. Романтическое увлечение в десятом классе, когда можно было потискаться на дискотеке. С тех пор прошло миллион лет, и возникло новое поколение любимых женщин.

В голосе Сони звучала искренняя горечь. Видно, для нее миллион лет пролетел слишком быстро.

— Ты боишься, что он тебя заподозрит?

— Ему не нужно меня подозревать. Это его бабки, я должна их вернуть. Все ясно, как в газовой камере. Может быть, эти триста баксов для Петрика сейчас — мелочовка, семечки, а может быть, именно их ему не хватает, чтобы вырвать когти из навоза. Только я об этом никогда не узнаю — удар в сердце, и справедливость торжествует.

— Соня, ты порешь чепуху. Ну хочешь, я поговорю с Петриком?

— О чем? О звездах и луне?

— Я наберу как-то эти триста долларов.

— Чтобы я потом была твоим неоплатным должником? Нет уж, дудки! Лучше пускай меня прирежут в переулке. От руки бывшего возлюбленного... Ах ты, Петрик, ах ты, сукин сын, опять по химии двойку схватил! — Соня говорила, как пьяная, но была не пьяна, а близка к истерике. От злости, унижения и страха. Она в самом деле очень боялась, что с нее спросят пропавшие деньги. И, конечно же, это был не просто долг — какие-то бывшие, а может, и не до конца прошедшие отношения с Петриком, который дал ей в долг значительную сумму, влияли на настроение Сони. Обрати внимание, сказала себе Лидочка, ведь просила у богатого Петрика не Алена, а ее подруга.

— Господи, как она меня подвела, как она меня подставила! — закричала в трубку Соня, и тут же раздались короткие гудки.

Конечно, обидно, очень обидно. Любому было бы обидно, думала Лидочка, кладя трубку на рычаг. Ты несешься к ее матери, чтобы спасти подругу от опасности, от срыва... а та умирает и оставляет тебя расхлебывать ее дела... Лидочка поймала себя на том, что даже думает словами и образами Сони.

Соня позвонила снова минут через пять. Она все еще всхлипывала. Она попросила прощения за срыв, потом выразила желание собственными руками задушить Осетрова. Убить женщину, которая ему отдавала все, и потом ограбить ее. Ну последний подонок, ну самый последний коммуняка!

Лидочка не хотела спорить. Единственно, чтобы восстановить справедливость, возразила:

— Шустов не думает, что Осетров убил Алену.

— С чего это он оправдал его? Однопартийцы?

— Нет, он считает, что Осетров вел себя не так, как должен был вести себя убийца.

Лидочка слышала свой голос и понимала, насколько наивно и неубедительно звучали ее слова.

— Шустов, конечно, лучше меня знает, как себя ведут убийцы. Но пускай он предложит нам другую кандидатуру. Хоть какую-нибудь! Где тот человек, который мог прийти ночью к Аленке, которого бы она, при ее трусости, пустила бы в дом, которому позволила бы подсыпать себе в кофе или чай отравы... нет, ты только представь! Я такого человека не знаю.

— Я уж тем более не знаю.

— Значит, методом исключения, ее убил Осетров. Сначала морально раздавил, измучил, а потом и убил. Все ясно как божий день.

— Слишком просто получается, — возразила Лидочка.

— Слишком просто для тех, кто начитался Рекса Стаута. Ты лучше спроси у своего Шустова — он скажет, что все русские убийства раскручиваются через полчаса. Если они, конечно, бытовые, семейные. Деньги или не уважил. А вот если заказные — они никогда не найдут. Кто в Петрика стрелял — каждая собака знает. Это аварцы, которых Китайчик нанял. И что? А ничего.

— Осетров не произвел на меня впечатления убийцы.

— Ну вот! — Соня тяжело вздохнула. — На тебя не произвел! Да если бы он производил, его бы никогда в ЦК не взяли. В ЦК нужны такие убийцы, которые с первого взгляда не похожи на убийц.

Так как Лидочка промолчала, Соне пришлось довести атаку до конца.

— В любом действии, я скажу тебе, есть человек, которому оно выгодно. В любом преступлении надо искать того, кому это нужно. Из всех знакомых Аленки лишь Осетрову Аленка мешала. Угрожала спокойствию. И к тому же у него была возможность — мы с тобой за городом, даже Петрик, хоть он и ни при чем, — в больнице. Кому нужно убивать беззащитную и безобидную бабу, кроме любовника, которому

она надоела? Уж не нам с тобой! Ты свою шкатулку искала, я свои триста баксов ждала с прибылью в тридцать процентов. Дождались, коммерсанты...

С Соней было трудно не согласиться, Лидочка понимала, что ни она, ни лейтенант Шустов всей сложности жизни Алены, всех ее отношений не знают и знать не могут. Может, даже и всезнающая Соня далеко не такая всезнающая, как самой себе кажется.

— Так чего ты мне звонила? — спросила Лидочка.

— Ты не очень вежливая.

— Я рада бы тебе помочь, но не знаю как.

— Но если в самом деле меня прижмет так, что возникнет угроза для моей жизни, ты мне сможешь на короткое время ссудить триста баксов?

— Я постараюсь.

Все это было похоже на дамский роман с переживаниями, хотя переживания — триста долларов, потерянные из-за смерти подруги, — не очень подходили для изящного романа.

— Соня, прости, но я жду звонка...

— Все понятно. Мне предлагают закрыть дверь с внешней стороны.

Соня повесила трубку.

Так как у Лидочки все равно не было сейчас под рукой трехсот долларов, да и не была она убеждена в том, что Соне на самом деле грозят какие-то страшные беды, то Лида выкинула из головы историю с пропажей денег и села работать, время от времени позванивая Шустову, но там никто не подходил. В три часа Шустов взял трубку. Он был озабочен, почти сердит, и Лидочка сразу забыла заготовленные укоризненные фразы. Оказывается, как объяснил лейтенант, в доме на Малой Грузинской местный тихий алкаш озверел без выпивки, залез к соседу по квартире, а тот проснулся, стал кричать, и алкаш зарезал соседа и его жену с маленьким ребенком.

Эту историю Лидочка выслушала еще раз, когда пришла к Шустову через полчаса.

— А он, понимаете, достал из холодильника бутылку и упился до бессознательного состояния. Он и сейчас дрыхнет — а потом будет клясться, что ничего не помнит. А сколько крови — вы бы поглядели...

Лидочка видела, как удручен милиционер, и потому не

мешала ему выговориться. И милиционеру порой нужен собеседник, который умеет слушать и, главное, сочувствовать. Лидочка этим качеством обладала.

— Ну ладно, — сказал Шустов. — Хватит. Простите, что я такой сегодня. Все наперекосяк.

Он поднялся, открыл рыжий железный шкаф. Шкатулка лежала в нем на боку, иначе не помещалась.

— Кстати, — сказал Шустов, доставая шкатулку, — прокурор дал ордер на арест Осетрова.

— Для вас это неожиданность?

— Нет. Хотя я остаюсь при своем мнении — не похоже, чтобы Осетров это сделал. Но ряд улик указывают на него. Да и, честно говоря, просто некому больше было на это пойти.

— У него был мотив и удобные обстоятельства, — повторила чужие слова Лидочка.

— Вот именно. У вас мешок или сумка есть? Куда положите свой сундук?

— Мне неловко, что из-за меня вы, быть может, нарушаете какие-то инструкции, — произнесла Лидочка, понимая, что зря она это говорит — сейчас лейтенант спохватится и поставит шкатулку обратно в шкаф.

— Инструкции придумывают люди, — наставительно сказал милиционер, — и они не умнее нас с вами. Что мне с этим сундуком делать? Вы мне расписку оставьте и держите сколько нужно. Обязательно укажите в ней размер и материал. Если объявится другой владелец, тогда и посмотрим. Но чтобы по первому моему требованию возвратить, ясно?

Все-таки он подумал о расписке — доверяй, но проверяй, а она полагала, что Шустов немного в нее влюблен и готов ради ее прекрасных глаз забыть о формальностях.

Лидочка уселась за стол Инны Соколовской, чтобы написать расписку, а Шустов между тем стал сочинять какой-то отчет. Он так углубился в работу, что с трудом оторвался, даже удивился, увидев, что Лидочка стоит перед ним и протягивает ему расписку. Он принялся ее читать, в этот момент дверь отворилась, и в кабинет заглянула женщина.

— Здесь лейтенант Шустов? — спросила она.

— Я лейтенант Шустов, — ответил Шустов, продолжая читать расписку.

— Я Осетрова. Галина Поликарповна Осетрова. Это вам что-то говорит?

Лидочка не сразу сообразила, что видит жену страшного соблазнителя. Потому что придумать более безобидное, серое и даже робкое создание было невозможно.

Жена Осетрова была выше среднего роста, но так худа и сутула, что казалась совсем маленькой, и глаз непроизвольно искал палку или даже клюку, которая бы ей подходила. Когда она говорила, то обнажала золотые зубы, что было уж совсем странно для супруги такого ответственного работника.

— Осетрова? — повторил Шустов, не сразу связав эту женщину именно с тем Осетровым.

— Да. Я — супруга Олега Дмитриевича Осетрова.

— Ах да, конечно, садитесь.

Шустов был настолько удивлен, что забыл о правиле — сначала отпусти предыдущего посетителя, затем занимайся с новым. Лидочка стояла, отступив к столу Соколовской, на котором стояла шкатулка. Она и не могла уйти, потому что Шустов не успел дочитать расписку.

Сбоку ей хорошо было видно жену Осетрова. Когда-то она была хорошенькой официанткой или продавщицей, с незначительным, добрым, простым лицом и чудесными русыми волосами. Теперь волосы стали пегими, седыми в основании — давно не красилась, — глаза выцвели, кожа потеряла свежесть, да и за ногтями Галина Поликарповна не удосуживалась следить — она была российской женой, давно махнувшей на себя рукой и казавшейся старше своего мужа. Впрочем, вряд ли он выводил ее в свет.

— Ничего, — сказала Осетрова, — я постою.

— Что случилось? — спросил Шустов.

— Мой муж исчез.

Разговор звучал деловито и просто.

— Когда исчез?

— Он вчера уехал на похороны этой... этой...

Женщина проглотила слюну. Видно было, что в ее воображении слова, которыми она именовала Алену, были столь ужасны, что она не могла найти среди них достаточно мягкого, чтобы можно было произнести его вслух.

И тогда Лида поняла: вот кто мог убить Алену, совершенно спокойно, без чувства вины, потому что Галина Поликар-

повна защищала не себя, но семью, репутацию Олега, все святое, чему она отдавала жизнь.

— Вы обратились в милицию по месту жительства? — спросил Шустов.

— Зачем? — сказала она. — Я же знаю, что вы подозреваете Олега Дмитриевича. Он мне все рассказал. У нас секретов нету.

Неправда, у вас секреты есть. И немало секретов — только в самые отчаянные критические моменты вы забываете о секретах.

— Уже сутки прошли. Почему вы не обратились раньше?

— Я не знала, где он — он же пошел на поминки этой... пошел на поминки и выпил лишнего, домой пришел поздно. А сегодня утром его уже не было.

— Так с ним бывало?

— С мужчинами так бывает.

— Откуда вы знаете, в каком отделении милиции ведется дознание?

— Так она почти напротив жила! — Галина Поликарповна показала в направлении дома Алены, и Лида поняла, что она не раз бывала там, может, даже выслеживала мужа и саму Алену, может, даже мысленно планировала ее смерть.

Видно, эта мысль посетила и Шустова. Неожиданно он спросил:

— Вы разговаривали с ней?

— С кем?

— С Еленой Флотской, с гражданкой, которую убили.

— Я видела ее. Мне достаточно.

— А когда вы с ней разговаривали?

— Не нужно мне с ней разговаривать.

— И тем не менее вы с ней разговаривали. Вы просили ее оставить вашего мужа в покое?

— Товарищ милиционер, я пришла к вам, потому что Олег Дмитриевич пропал. Я всех его знакомых обзвонила. Его нигде нет. Случилось что-то ужасное. А вы сейчас обсуждаете, разговаривала я с этой шлюхой или не разговаривала. Да, разговаривала! Я унижалась перед ней! Я умоляла ее сохранить нашу семью!

— Когда это было?

— В тот вторник.

— В день убийства?

— Какое еще убийство! Ее Бог покарал.

— Вы садитесь, пожалуйста, — сказал Шустов, оглядывая визитершу. О Лидочке он забыл. — Садитесь и расскажите, при каких обстоятельствах вы видели Елену Флотскую.

— Вы с ума сошли! Вы обязаны найти Олега Дмитриевича. Он в опасности! Я знаю!

Галина Поликарповна вдруг почувствовала взгляд Лидочки и обернулась к ней.

— Пускай она уйдет! — потребовала Осетрова.

— Лидия Кирилловна, — опомнился Шустов. — В самом деле! Вы мне позвоните?

— Хорошо. Спасибо. — Лидочка взяла со стола шкатулку. — Я расписку вам оставила.

Она двинулась к двери, но у двери ее догнал голос Шустова. Этого она и боялась.

— Лидия Кирилловна, одну минутку. У меня вопрос к Галине Поликарповне. Вы видите шкатулку в руках гражданки Берестовой?

— Вижу, вижу, — нетерпеливо откликнулась Осетрова.

— Приходилось ли вам видеть эту шкатулку раньше? В вашем доме?

— Нет, не приходилось. Когда же наконец вы начнете со мной говорить по делу?

И в ее голосе прозвучали такие особенные советские командные нотки, что Лидочка вдруг поняла, что Галина Поликарповна не простая мышка, а именно женившись на ней, Осетров прорвался в верхние эшелоны власти. И Лидочка даже представила себе, как эта мышка с чудесными волосами, невеста номер один, дочка члена ЦК, обратила свой лукавый взор на высокого красавца, секретаря комсомольской организации факультета... Какого факультета? Философского? Журналистики? А может, это случилось в МГИМО?

Тут Лидочка, заставив себя прервать поток воображения, закрыла за собой дверь в кабинет Шустова.

Она пошла по коридору, все ускоряя шаги. Мимо дежурного у выхода она почти пробежала — тот даже удивленно посмотрел вслед бегущей молодой женщине, прижимающей к груди большую шкатулку. Выбежав из отделения, Лидочка повернула налево, нашла скамеечку в промежутке между до-

мами и, вытащив из сумки большой пластиковый мешок с изображением обнаженной красавицы, засунула шкатулку внутрь.

«Черта с два я вам ее возвращу, — подумала она, уходя проходными дворами подальше от отделения милиции. — Я ее потеряла!»

* * *

Дома Лидочка поставила шкатулку на стол. Это было почти чудом. Если бы в шкатулке что-нибудь оказалось, чудо было бы невероятным.

Отлично зная, что шкатулка пуста, Лидочка все же открыла ее и внимательно осмотрела стенки изнутри, будто там могли сохраниться следы или надпись, показывающая, на каком необитаемом острове зарыт клад.

Клада не оказалось.

Шкатулка была пуста и чиста.

И даже теперь Лидочка не теряла надежды. Она рассуждала так: если ты отыскал в старой шкатулке тетради, написанные, скажем, в начале века и повествующие о какой-то экспедиции, то, будучи интеллигентным человеком, ты эти тетрадки не выкидываешь, даже если шкатулка требуется тебе для хранения драгоценных пуговиц и катушек ниток. Ты вынимаешь чужие вещи и кладешь их на книжную полку. А если там есть и черепки, то, вернее всего, ты их не тащишь сразу в помойное ведро, а складываешь в пакет и суешь в чулан. Тем более такой ход событий вероятен, если шкатулку освобождала от вещей сама Маргарита. Маргарита, даже в тяжелые моменты, не стала бы выкидывать вещи, доверенные ей старыми друзьями.

Оставив шкатулку дома, Лидочка побежала в Госстрах по поводу машины Андрея. Правда, перед уходом она сделала странную для непосвященного человека вещь — она спрятала пустую шкатулку в шкаф под белье. Шкатулка заняла так много места, что пришлось часть простыней вынуть. Лидочка не смогла бы и себе объяснить, почему она так бережет шкатулку.

Возвращаясь из Госстраха, Лидочка из метро позвонила Шустову — не удержалась. Она опасалась, что если отложит звонок, то милиционер уйдет домой.

Шустов оказался на месте.

— Как Осетров? — спросила Лидочка. — Вы его нашли?

— Нет, — ответил сыщик, — судя по всему, ваш Осетров в бегах.

— Но его жена считает иначе?

— Его жена может считать, что ей вздумается. Прошли те времена, когда ей достаточно было поднять трубку и наш министр стоял бы на ушах.

— Значит, я правильно догадалась!

— О чем вы догадались?

— Что папа Галины Поликарповны — бывшая шишка!

— Папа Галины Поликарповны работал в хозуправлении ЦК.

— Папа на пенсии?

— Папа выбросился с шестого этажа, когда стали проверять компартию. Он был одним из распорядителей больших денег. Но нам с вами это неинтересно.

— Нам с вами это интересно, потому что это многое меняет. Вы спрашивали себя, кто имел основания желать смерти Алены?

— Да, но Галина Поликарповна не имела такой возможности.

— Чепуха! — почти закричала Лидочка. — За последние три года она имела тысячу возможностей залезть к мужу в карман, достать оттуда ключи от квартиры так называемой шлюхи и побывать там, когда пожелает.

— Вы думаете, это психологически возможно?

— Ну чему вас учат! Это очевидно, вероятно и очевидно. Муж на изломе — еще толчок, еще удар по карьере, и его выкидывают в консультанты или на пенсию. А ему только-только за пятьдесят. И коммунисты скоро возвратятся к власти. Осетров должен быть чист. У него должны быть хрустальные семейные отношения. И если ради этих отношений мы должны убрать какую-нибудь шлюху, тем хуже для шлюхи.

— Вы слишком категоричны, Лида. Я убежден, что она на самом деле не знает, куда девался Осетров. И это ее беспокоит больше всего.

— Она хочет, чтобы вы ей поверили, что он пропал.

— Пускай тогда она признается, что убила Алену, — наивно предложил Шустов.

— Это все равно бы погубило карьеру ее мужа. Представляете, какое поле для сплетен — Осетров хотел уйти от жены, а жена зарезала любовницу.

— Отравила.

— Жена отравила любовницу! Теперь она в тюрьме ждет расстрела, а Осетров убежал в Монтевидео.

— Куда?

— В Асунсьон.

— Лидия Кирилловна, вы уж, пожалуйста, предупреждайте меня, когда вам хочется пошутить.

— Нет уж, вы сами догадывайтесь!

— Хорошо, постараюсь. У вас еще какие-нибудь вопросы ко мне есть? А то мне надо уходить. Меня ждет следователь.

— Объявляете всероссийский розыск?

— Нет, я к следователю по другому делу, об ограблении. Не думайте, что свет сошелся клином на вашей Алене.

— Она такая же моя, как и ваша. Но вы будете его искать?

— Лидия Кирилловна. Мы имеем дело не с профессиональным убийцей, тем более еще зима не кончилась. Ну куда он денется? Поедет к другу в Саратов?

— У него друг в Саратове?

— Ага, вы тоже попадаетесь в банальные ловушки. Не знаю, есть у него друг в Саратове или нет. Главное, что в лесу ему не продержаться — он же домашнее животное.

— А если он поедет в Сочи?

— Сомневаюсь. По показаниям его супруги, Осетров покинул дом в лыжном костюме.

— Не может быть! И с лыжами?

— Без лыж.

— Значит, друзья и убежище в Сочи исключаются?

— Вернее всего.

— И надо искать его в охотничьей сторожке?

— Не исключено.

— Поэтому вы и не сочли нужным объявлять розыск?

— Следователь Чухлов — мой старый приятель, — пояснил Шустов. — Никому не нужна лишняя беготня. Он понимает, как и я, что Осетров побегает, побегает и прибежит домой зализывать раны. А жена его отправит к нам.

— А не может быть так, что коммунисты его по своим подпольным каналам переправят в Швейцарию?

— В запломбированном вагоне? — тут Шустов засмеялся. — В лыжном костюме?

— Нет, вы не смейтесь. Я знаю, что у коммунистов есть связи с коллегами за рубежом. У них есть деньги в иностранных банках.

— Это все теория. Но к нашему делу она не относится, — возразил Шустов. — Я думаю, что если бы Осетров был очень нужен партии, его бы не сбросили в отстойник.

— В каком смысле?

— В Тихоокеанский институт. На что им засвечивать каналы, если вся-то возня идет вокруг вышедшего в тираж аппаратчика.

— А раньше?

— Пока был жив и у власти его тесть, он мог рассчитывать на помощь. Тогда бы его жене не надо было убивать Алену. Нашлись бы другие методы, получше и поэффективнее.

— Значит, вы допускаете...

— Лидия Кирилловна, я ничего не допускаю. Я даже не следователь, а простой сыщик. Но я, честно говоря, слабо представляю себе ситуацию, как эта самая гражданка Осетрова сидит вместе с Аленой и пьет с ней чай, пока та принимает таблетки снотворного. А потом говорит: вот у меня здесь еще таблеточка нашлась, добавь к своим.

— Ну а что же тогда?

— А тогда, когда убийство выяснится, окажется все просто. Все убийства выясняются просто.

— Что-то пока вы ничего не выяснили.

— Выясним, никуда они от нас не денутся. Если бы это была люберецкая группировка, или солнцевская, или... скажем, организованная преступность, тогда бы мы махнули рукой. А тут бытовуха. Справимся.

— А знаете ли вы... Я это уже слышала.

— Что?

— Ладно, потом расскажу. Сейчас вам некогда.

Сейчас бы рассказать про триста долларов, которые якобы пропали из квартиры Алены. Ей не хотелось втягивать в это дело и без того пострадавшую Соню. Черт знает, что может сделать этот Петрик, если он узнает, что Соня проболталась Лидочке, а та тут же сообщила в милицию. Может, это

окажется тот самый случай, когда милиция разведет руками и скажет: «А что делать? Организованная преступность!»

— Хорошо, до свидания, звоните, если что, — сказал Шустов.

Он умчался по своим, совсем уж чужим делам.

Лидочка понимала, что никому уже, в сущности, нет дела до Алены. Соня теперь больше переживает из-за долларов и сорвавшегося шоп-тура, Татьяна получит квартиру и, возможно, будет далее писать мемуары на Васильевской. У Шустова другие дела, Петрику пора убегать в Швейцарию к своим потайным счетам, что не мешает ему собирать долги по России. Да и Лидочке интереснее узнать, где искать следы содержимого шкатулки. А раз Алена уже не расскажет об этом, придется действовать самой. Лидочка представила, как дух Аленки в ожидании девятого дня, когда можно будет отправиться в чистилище, реет над грешною Москвой, неприкаянный и ни у кого не согревшийся в сердце. Впрочем, может, она несправедлива? Может быть, Осетров сейчас сидит в уголке охотничьей сторожки и обливается слезами, раскаиваясь в том, что довел до смерти свою возлюбленную.

* * *

Лидочка вернулась к шкатулке.

Шкатулка была теплой, словно ее недавно держали другие руки.

— Свет мой, зеркальце, скажи, — вслух произнесла Лидочка.

Шкатулка должна помнить, где лежат доверенные ей почти шестьдесят лет назад ценности. Но как заставить ее говорить?

И вновь Лидочка стала строить логическую цепочку, как отыскать пропажу. Если шкатулка нашлась у Алены, то не исключено, что и к Алене она попала с дневниками и находками из Трапезунда. Алена, не зная о ценности, которую они для кого-то представляют, спрятала дневники на антресоли, вряд ли бы она выкинула их на помойку. Обычно люди не выкидывают старые дневники, даже чужие, — суют куда-то в угол. А потом... Лида, не утешай себя. Лишенные защитной

шкуры шкатулки, камешки и черепки становятся просто мусором, а дневник — макулатурой. Если Алена набила шкатулку нитками и пуговицами, значит, она считала пуговицы более ценными предметами, чем дневники...

Лидочка позвонила на квартиру Алене, надеясь, хоть и без особых шансов на успех, что малоподвижная Татьяна Иосифовна ее еще не покинула.

Конечно, ставить под сомнение слова откровенной Сони, тем более признаваться в собственном излишнем любопытстве, не следовало. И все же в Лидочке теплилась надежда еще на одно чудо: она спросит сейчас у Татьяны, не заметила ли та, разбираясь в квартире дочери, дневники ее Сергея Серафимовича...

Татьяна подошла на пятый звонок, когда Лидочка уже готова была повесить трубку. Она говорила таким слабым, умирающим голосом, что Лидочку сначала охватил глубокий стыд за то, что она вчера вечером не осталась у Татьяны, чтобы помочь ей убраться или вымыть посуду — вдруг молодежь разбежалась, так и не сообразив помочь старухе?

— Как вы там? — спросила Лидочка. — Как вы себя чувствуете?

— Глупо задавать мне такой вопрос, — ответила Татьяна. — Я по ту сторону усталости. Всю ночь я вывозила грязь, которую они оставили, а потом накачалась реланиумом, так что чуть сама не отправилась на тот свет.

— Вы сегодня не выходили?

— Куда я пойду в таком состоянии, моя родная? Я отлеживаюсь. Жду не дождусь того момента, когда смогу захлопнуть за собой эту проклятую дверь и вернуться к своим рукописям... Ты почему молчишь? Ты думаешь, что я притворяюсь?

— Нет, я так не думаю.

Татьяна глубоко вздохнула. Потом произнесла тихо, словно ждала отказа:

— Лидочка, нельзя ли попросить тебя о маленьком одолжении?

— Я постараюсь вам помочь.

— Я в этом не сомневалась. Лидушка, если ты собираешься выходить, только, конечно же, специально этого не

делай, но если ты собиралась выходить, то, пожалуйста, будь добра, зайди в молочный — у меня совсем нет ни молока, ни масла, — мне это очень нужно. Не могу же я питаться рыбными салатами и копченой колбасой, которая осталась от этого нашествия. Можно подумать, что все так голодны, что специально шляются по похоронам, чтобы потом нажраться на поминках. Это ужасно — ведь теперь все расходы обрушились на меня.

— Но теперь вы можете жить здесь, не тратиться на дачу.

— На дачу я и так не трачусь. А эту квартиру я намерена сдавать, на нее миллион желающих, стоило мне сегодня кинуть клич, как все буквально ринулись. Очень престижный район. Как ты думаешь, двести долларов в месяц — не мало?

— Я не знаю, я не сдавала.

— А я непременно сдам, мне нужно каким-то образом поддерживать в себе силы для работы — я обязана завершить мой труд... Так ты не забудешь?

— Я сейчас схожу.

— Я тебе верну деньги. Как только расплачусь со страшными долгами, в которые мне пришлось залезть из-за Аленки... Если будет приличный сыр, возьми немножко. Только в самом деле немножко. А я пока поставлю чай.

По ходу разговора голос Татьяны становился живее, словно, найдя в окружающем мире живую родственную душу, она с ее помощью выкарабкивалась из пучины бедствия.

Когда же Лидочка через полчаса позвонила в дверь, Татьяна не скрывала радости, что видит Лиду.

— Это просто счастье, что ты обо мне вспомнила! — воскликнула она, глотая слезы. Ее рыхлое тело колыхалось, затопляя маленькую прихожую. — А я с утра на кухне — я стараюсь привести все в порядок... наверное, мне потребуется для этого еще двое суток... Но ничего, я справлюсь, я и не с такими бедами справлялась. И мне никто не помогал. Согрей молока, будь любезна, мне надо обязательно позвонить моему редактору, минуты не было свободной.

Войдя на кухню, Лидочка убедилась в том, что, уходя, сокурсники и сослуживцы забыли убрать посуду и вымыть ее. Но ложью оказалось и утверждение Татьяны, что она старалась что-то сделать с этой посудой. Может быть, она ждала,

что на помощь придут соседи, но соседи, понятное дело, боялись побеспокоить скорбящую мать.

Для того чтобы поставить греть молоко для Татьяны, Лидочке пришлось сначала освободить плиту от блюд и тарелок, которые складывали там, потому что у мойки, на кухонном и обеденном столах места уже не оставалось. Татьяна долго не заглядывала на кухню, делая вид, что занята делами творческими, недоступными воображению Лидочки. Появилась она лишь через полчаса, когда Лидочка позвала ее, сообщив, что молоко согрелось.

Так как обеденный стол был уже чист и клеенка вытерта, то Татьяна уселась за него и сделала вид, что именно так всегда и было. Она разговаривала, глядя в спину Лидочке, которая спешила домыть посуду и потому не оборачивалась на голос Татьяны.

Татьяна сначала высказала свое недовольство хамством подрастающего поколения, потом сказала, что Аленка безобразно запустила квартиру, жаль, что Татьяне некогда было приехать и как следует выговорить распущенному ребенку.

— Вы редко встречались? — вставила Лидочка невинный вопрос.

— Редко. Я оставила ей квартиру. Пойми, Лида, я хотела, чтобы у девушки была личная жизнь. Чтобы она не чувствовала себя в девочках.

— И вам удобнее в Переделкине?

— Я привыкла к лишениям, — сдержанно ответила Татьяна, и Лидочка догадалась, что жизнь в Переделкине тоже входит в разряд лишений.

— И вы сюда не приезжали?

— Зачем? У меня своя жизнь, у нее — своя. Мне были чужды ее интересы, а ей неприятны мои идеалы.

Тут Татьяна соизволила обратить внимание на гераклов подвиг Лидочки.

— Ну зачем ты это сделала! — сказала она укоризненно. — Ты доставила мне искреннее огорчение. Я бы сама, не спеша, за день все бы убрала. Это для меня не представляет труда — мне в жизни пришлось столько перемыть вонючей посуды... нет, тебе этого даже не представить. Горы, эвересты грязной посуды на тюремной кухне...

Татьяна громко отхлебывала горячее молоко.

— Я сдам эту квартиру, — продолжала Татьяна. — Не из-за денег. Я не смогу жить там, где так ужасно погибла моя Аленушка. Это выше сил человеческих.

Рука Татьяны дрогнула, молоко пролилось на темное, в блестках по вороту, по вырезу на груди, платье. Татьяна быстро стряхнула лужицу на пол, потом взяла у Лидочки салфетку, которую та достала из навесного шкафчика.

— Когда-то это платье было у меня вечерним, — сообщила Татьяна. — Но я равнодушна к одежде. И надевала его раза три за последние десять лет. Смешно — я сшила его, когда вернулась в Москву, мне казалось, что теперь у меня всегда будет праздник. Два раза в театр, два раза на торжественные собрания, а потом... похороны. Мамины, дочкины... наверное, и меня в нем похоронят. Надо будет написать об этом в завещании. Да, я оставлю завещание, потому что мы живем в стране, где бумага имеет мистическую силу. Я убеждена, что если после меня останется завещание, то люди будут ему подчиняться, как декрету. Но ты наливай кофе, пей. И мне, кстати, налей полчашки.

— А вы со своей мамой, с Маргаритой, общались редко?

— Мягко сказано! — Татьяна громко и демонстративно рассмеялась. — Мы с ней жили как кошка с собакой.

— Но почему же?

— Пожалуй, потому, что мы обе — властные, сильные натуры, — ответила Татьяна. — Потому что моя мать была абсолютным детищем сталинской системы. Таких, на месте Сталина, я бы не уничтожала и не преследовала, а лелеяла. Впрочем, до какого-то предела он их и лелеял, а потом, когда чувствовал, что они зажрались в своей неприкасаемости, он их пожирал, как Крон своих детей. Ты читала?

— Читала.

— Современная молодежь совершенно оторвана от классического образования. Я писала об этом в «Книжном обозрении».

Лидочка не сдержала улыбки — Татьяна Иосифовна родилась, когда о классическом образовании не мечтали даже в правительственной школе для детей ЦК. И где, когда она прочла про титана Крона, осталось загадкой, да и сама она о том, наверное, забыла.

— И что же случилось? — Лидочка полагала, что подвиги, совершенные ею на кухне Татьяны Флотской, дают ей право выяснить все, что может так или иначе помочь в поисках дневников и прочего содержимого шкатулки. — Что же разлучило вас?

— Лида, я буду с тобой совершенно откровенна. В этом есть и моя вина. Да, надо уметь отнестись к себе критически. Но пойми — я была молода, я была изувечена системой, я стремилась к нормальной человеческой жизни. И мать, старая большевичка, не могла меня понять. Она жила в Москве, в относительном благополучии, получала пенсию, встречалась с подобными ей старыми большевиками и получала к праздникам пайки в столовой при доме на Старой площади. Я же, как оторванный от дерева листок, неслась безвольно по просторам нашей родины... Ведь меня забрали вскоре после войны, я провела три года в лагере, затем четыре года на поселении, а это же были мои самые лучшие, самые продуктивные, самые прекрасные годы! Еще в ссылке я встретила мужчину. Он был значительно старше меня... у него была семья. Это сложная история. Может быть, я сама не была идеалом. Мы сблизились с ним. Я надеялась, что он расстанется со своей женой. Я даже пошла на то, чтобы вопреки его желанию оставить себе ребенка. Родилась Алена... Я была без работы, без средств, у меня была одна надежда — моя собственная мать. Я кинулась к ней. Маргарита встретила меня более чем прохладно. Она совершенно не одобрила мое поведение. Ах, какие жуткие сцены происходили тогда!.. Но я была в безвыходном положении. По своей наивности и душевной доверчивости я надеялась, что этот человек женится на мне — если я буду рядом...

Татьяна закурила. Курила она папиросы «Беломор», и Лидочке показалось, что в этом есть некоторая демонстративность.

— Я уехала к нему. Но там меня ждал жестокий удар. Он меня не принял. Он отвернулся от меня. Наверное, будь я устроена попроще, примитивнее, я бы смирилась, осталась при-

живалкой при матери и коротала бы свой век в однокомнатной квартире в ожидании улучшения жилищных условий.

Последнюю фразу Татьяна произнесла с издевкой в голосе.

— Но моя страстная натура не желала мириться с поражением. И я совершила еще одну ошибку. Был человек... молодой человек моего возраста. Он давно добивался меня. И я решила отомстить своему любовнику.

— Когда же это было? — Лидочка постаралась восстановить хронологию.

— Начало шестидесятых. Я помню эту эпоху, эпоху надежд и громких обещаний и в то же время эпоху падения жизненного уровня... Я хотела сказать свое слово в жизни, в искусстве, наконец, в любви! — Татьяна закрыла глаза, погасила папиросу о блюдце, вспоминая те тревожные времена. — Мать хотела, чтобы я взяла к себе ребенка. Но куда я могла взять Аленку, если мое будущее было ненадежным? Мать не могла мне этого простить. Ты представляешь — ребенок ей мешал! Я знаю, что она не хотела и моего рождения, — она пыталась сделать аборт. Но почему-то не вышло. Вот я и появилась назло ей. Впрочем, это уже мои страдания, и никому нет до них дела.

Татьяна закурила вновь. Она говорила, глядя мимо Лидочки, куда-то в угол, полузакрыв глаза, покачивая головой вперед-назад. Лидочка вспомнила, что у них дома, давным-давно, был китайский болванчик. Толстый, в шляпе конусом, его тронешь пальцем, начинает качать головой. Потом он разбился.

— Главное, — произнесла Татьяна Иосифовна со значением, затянувшись папиросой, — что ей удалось за годы, пока судьба носила и молотила меня, не давая, как осеннему листу, опуститься на землю, превратить Аленку в моего врага.

Татьяна вдруг замолчала, затянулась несколько раз. Было тихо, только тараканы шуршали в помойном ведре.

— Я устала, — сказала Татьяна. — Если ты хочешь искать здесь черепки и дневники, ты можешь это делать в моем присутствии. Мне ничего не жалко. Но ты ничего не найдешь.

— Почему?

— Потому что я вчера перевернула вверх дном всю квартиру, и антресоли, и даже здесь — ноги хоть и не держат. Я тоже искала... искала то, что оставила моя мать, оставила Аленке, чтобы не досталось мне. Она, Аленка, мне всегда говорила, что все сгорело, все сгорело... Но я не верила.

— Но что сгорело?

— У мамы был маленький участок, шесть или семь соток, где-то во Внукове, в кооперативе Минпроса. Хибара, а может, дом — я никогда там не была. Она меня не приглашала. После смерти мамы туда ездила Аленка. Но и она меня не приглашала.

— Вы там никогда не были?

— Никогда не была. Я только знаю, что эта хибара сгорела. И если бы там стояла твоя шкатулка, она тоже сгорела — фьюить и сгорела...

— Во Внукове?

— Так ты будешь обыскивать мой дом?

— Извините, я ничего не хочу обыскивать.

— Тогда оставь меня. Я так хочу спать... Я так устала от всего.

— Извините, Татьяна Иосифовна, я пойду.

— Иди, иди.

Татьяна не вышла в прихожую проводить гостью.

— Заходи, приезжай ко мне в Переделкино. Я тебе всегда буду рада! — крикнула она из комнаты. Заскрипел пружинами старый диван. Несколько дней назад на нем лежала ее дочь.

Когда Лидочка оделась и открыла дверь, Татьяна вдруг крикнула ей вдогонку:

— Она ненавидела меня. И во всем виновата моя мать! Маргарита! Но я не держу зла.

Соня позвонила ей вечером. Ее сначала интересовало, известно ли что-нибудь новое об Осетрове, а затем стала рассказывать о себе, что не зажигает свет в своей комнате и велела соседке, чтобы та всем говорила, что ее нет дома, — так она боится гнева Петрика. Поэтому просит ее не спускать руку с пульса. Как только Осетрова поймают — тут же сообщить ей. Пускай вытрясут из него баксы. Поняла?

Когда пухленькая близорукая Сонечка думает о баксах и трепещет перед однокашником, трудно узнать у нее, как же складывались отношения между тремя поколениями женщин семейства Флотских.

— Соня, а где был садовый участок? Там Маргарита жила последние годы?

— Все правильно. Ты сечешь все правильно. Только случилась беда — у них, у Флотских, нельзя без беды. Садовый участок накрылся... лопатой.

— Я тебя не поняла.

— Сгорел домик, сгорела хибарка без следа. Целиком.

— А где эта хибара была?

— Думаешь, там, в земле закопано? Если бы закопано, Аленка бы откопала. А так — пустота и глушь.

— Ты не знаешь, где она стояла?

— Точно я тебе не скажу.

— Но если это садовой участок, то там можно было развести огород.

— Ах, не говорите мне глупостей. Аленка — городской человек. Как и я. Нет глупее занятия, чем копаться в грязной земле и портить маникюр. Лучше зарабатывать себе на хлеб на панели. Ты мне позвонишь, если твой Шустов шепнет насчет Осетрова? Мне нужно увидеть его раньше всех и отнять баксы.

— Почему Шустов — мой? — Лидочка не хотела давать никаких обещаний.

— Он к тебе неровно дышит — это очевидно с первого взгляда!

Соня весело рассмеялась. Потом добавила:

— А у меня на тебя вся надежда, Лидок. Иначе Петрик снимет с меня мою нежную шкурку. А шкурка у меня одна.

— Может, тебе интересно, — сказала Лидочка, — что Осетров ушел из дома в лыжном костюме.

— Враки! — возмутилась Соня. — Если ты думаешь, что он собирается в поход на Хибины, не верь ушам своим. Я думаю, он в жизни на лыжи не вставал.

— Честно говоря, намерения Осетрова меня не волнуют.

— В самом деле лыжный костюм надел?

— Так его жена сказала Шустову.

— Эта мымра врет, — возразила Соня. — Она его отправила в Гватемалу, а лыжный костюм — это лапша для наших ушей.

— Может быть, — не стала спорить Лидочка.

Глава 8

НАХОДКА ВО ВНУКОВЕ

Ночью Лидочка много раз пыталась добиться связи с Каиром, но автоматика срывалась на пятом номере, а от девочек-телефонисток слышала лишь: ждите ответа, ждите ответа... срочный? Через три часа... В конце концов Лидочка уснула, не раздеваясь, так и не добившись разговора с мужем. А ведь он знал куда больше ее о шкатулке и вещах, которые в ней хранились. Ей так нужен был его совет, его подсказка! Лидочкой владело странное тягучее предчувствие того, что тайна шкатулки лежит где-то рядом, только догадайся, наклонись вовремя, подними...

В утреннем непрочном сне ей все снились шкатулка, люди, которые старались спрятать шкатулку, отнять ее у Лидочки, потом надо было искать шкатулку по правилам детской игры: «Холодно, теплее, еще теплее... горячо!»

Разбудил телефонный звонок. Не просыпаясь, Лидочка с облегчением нащупала трубку, понимая уже, что потеря шкатулки и жестокие игры вокруг нее — не более как сон. Она была благодарна телефонному звонку.

О, как жестоко она ошибалась!

Звонила Татьяна Флотская. Говорила медовым голосом. И Лидочка сразу поняла, что ее снова пытаются загнать в рабство, ибо Татьяна была прирожденным рабовладельцем, и лишь историческая ошибка позволила ей родиться существом без имения, без рабов, без крепостных. Всю жизнь Татьяна, видно, пыталась отыскать себе рабов, сначала мужчин, потом собственную мать и дочь — и все от нее рано или поздно сбегали. И тут — подарок судьбы! Лидочка!

— Лидочка, ласковая ты моя, я тебя, надеюсь, не разбудила? — И, умудрившись не услышать ответа Лидочки «разбудили», продолжала так же жизнерадостно: — Ты тоже ранняя птичка? Кто рано встает, тому Бог подает! Великое дело — народная мудрость. Так ты уже почистила перышки, моя девочка? Вот и я прилетела к тебе — старая надоедливая ворона. Прилетела и зову тебя подняться со мной в небесные выси! Ты готова, моя добрая?

— Татьяна Иосифовна, переведите, пожалуйста, свой текст на обычный язык.

— Сегодня вторник, — радостно сообщила Татьяна. — И мне пора возвращаться домой, в свое Переделкино. Вдохновение торопит меня.

— А вы не останетесь до девятого дня?

— Ах, какие глупости, неужели и ты разделяешь эти суеверия?

— Вопрос не в суевериях, ведь придут люди.

— Соня справится. Я ей оставляю ключи. Я еще не решила, буду ли сама здесь обитать... вернее всего, мое прежнее решение — сдать квартиру, с которой связано столько всего плохого, остается в силе. Ты согласна?

— Честно говоря, меня это не касается.

— Нет, касается, касается... ты теперь как бы член нашей маленькой семьи.

— Вы уезжаете в Переделкино?

— И ты со мной.

— Почему?

— Потому что сегодня суббота, тебе не надо идти в институт, тебе не надо готовить обед для мужа — ты свободна как птица. И потому мы полетим вместе.

Лидочка лихорадочно придумывала причину, которая не позволит ей тащиться за город с этой рабовладелицей. Но ничего не придумывалось. В голове плавала пустота. Вернее, мозги плавали в пустоте.

— Но я думала, что вы сможете доехать сами. Ведь сегодня — вторник, а не суббота, и народу в электричке не так много, а там вам всего десять минут ходьбы.

— Нет, ты не поняла меня, крошка. Если бы речь шла только о возвращении в Переделкино, я, конечно, не стала бы тебя беспокоить — я бы позвонила в Секретариат Союза, чтобы за мной прислали машину и перевезли меня в Переделкино. Но перед нами с тобой стоит куда более важная задача, и наша поездка входит в круг твоих интересов и устремлений.

— Татьяна Иосифовна, пожалуйста, не говорите так сложно! У меня голова идет кругом.

— Сейчас твоя молодая хорошенькая головка занята задачей — что придумать, чтобы не тащиться с толстой старухой по зимним сугробам к черту на куличики и не потерять целый день. Правда?

— Татьяна Иосифовна, я этого не говорила.

— Но думала, моя милая, думала. Я бы на твоем месте вела себя решительнее — если заниматься филантропией, надо забыть о собственных делах. Но я сейчас предлагаю тебе сделку. Ты провожаешь немощную старуху до Переделкина, но с заездом во Внуково. То есть в Малаховку через Конотоп. Как тебе это нравится?

— Вы имеете в виду что-то очень увлекательное, — ответила Лидочка. — Вы хотите сделать мне какой-то неведомый подарок.

— Ах ты, мой маленький хитрец! — возрадовалась Татьяна Иосифовна. — Ты заставляешь меня открыть карты. И я не буду больше терзать тебя неизвестностью. Дело в том, что я не зря провела дни в этой квартире. Я ее буквально разобрала на молекулы. Ты спросишь — зачем? В силу сложившихся в нашей семье отношений, Аленка унаследовала весь архив моей матери, все ее секреты. Мне так важно было узнать о моем отце, о других родственниках. Мне хотелось все понять — я писательница, а значит, у меня гипертрофированное чувство любознательности. Я хочу восстановить собственные корни, отыскать свое место на этом свете. Ты не поверишь мне, но я до сих пор практически ничего не знаю о своем происхождении и о судьбе моих родственников. И знаешь, что меня потрясло?

— Что?

— Я почти ничего не нашла.

— Но ведь Маргарита провела много лет в лагере. Все погибло.

— Во-первых, моя мать провела не так много лет в лагере. Куда меньше, чем я, ее единственная дочь. У меня есть основания полагать, что мать освободили из лагеря и использовали ее за рубежом, в интересах нашей разведки. Жизнь моей матери — вовсе не жизнь несчастной жертвы сталинских репрессий. У нас в «Мемориале» существуют большие сомнения по вопросу ее поведения в лагерях и неясности, где она находилась во время войны. Следов в деле и в других документах не обнаружено.

— Значит, вы обыскивали дом вашей дочки, чтобы найти следы деятельности вашей матери?

— Слово «обыск» — мне отвратительно.

— Вы выполняли поручение «Мемориала»?

— Не надо обобщать, Лидочка. И я никогда не выполняю ничьих поручений. Хотя у меня всегда есть внутреннее задание — гражданина и человека.

— Ну, и удалось вам разоблачить вашу мать? — спросила Лидочка.

— Мне категорически не нравится твой тон, Лидия! — рассердилась Татьяна Иосифовна. — Я слышу в нем элементы издевательства и насмешки.

— Это исключено, — возразила Лидочка.

— Но я слышу! И я бы сейчас бросила трубку, если бы не забота о твоих интересах.

— Большое спасибо. — Лидочка ничего не могла поделать со своим голосом. Он ее выдавал.

— И все же я не бросаю трубку. Потому что мне ты понравилась, и я верю в то, что в конце концов ты оценишь мое к тебе доброе отношение. За мою жизнь мне приходилось укрощать таких тигров, которых тебе и в зоопарке видеть не приходилось. Молчишь? Тогда молчи. Когда я разбирала Аленкины бумаги, я отыскала среди них письмо от мамы, написанное в восемьдесят четвертом, за год до ее смерти. Содержание письма тебе неинтересно и тебя не касается, но вот обратный адрес может заинтересовать. Звучит он так: «Станция Внуково Киевской железной дороги, садовое товарищество Министерства просвещения «Наставник». Тебе это что-нибудь говорит?

— Что это должно мне говорить?

— Неужели тебе никто не рассказал о том, что моя мать последние годы жизни провела за городом, в своем, условно говоря, имении. Эта операция проходила под лозунгом: «Я не буду разрушать матримониальные планы моей дорогой внучки!» А на деле... на деле мы все, Флотские, большие эгоистки. Маме нравилось жить в загородном доме, одной, независимой и, главное, никому не обязанной. О, как я ее понимаю! Ведь я пошла по ее стопам.

— Вы хотите сказать, что никогда за много лет не бывали на даче у своей матери?

— Я даже не знала ее адреса!

Лидочка понимала, что Татьяна не лжет — только что она с торжеством прочла ей по телефону этот адрес. С таким торжеством, что Лидочка поняла: Татьяне не столько нужны были документы матери, письма отца, дедушки или даже фотография Сталина с Татьяной на коленях — ей нужен был именно адрес дачи Маргариты Потаповой. Именно туда, ее, уже давно состарившуюся женщину, столько лет не пускали, заставляя ограничиваться щедрыми подачками от Союза писателей или общества «Мемориал». И даже ее собственная дочка Аленка продолжала в течение долгих лет после смерти Маргариты наказывать Татьяну, не пуская ее на дачу.

Для Татьяны во всех происшедших событиях была некоторая высшая справедливость. Да, как это, товарищи, ни тяжело, но я пережила их всех! И мою мать! И мою дочь! И все, что им принадлежало, все, что вы так тщательно скрывали от меня, — все это теперь мое и только мое! И я буду жить очень долго, специально для того, чтобы доказать всему миру мое право на владение так называемой Аленкиной квартирой и так называемой Маргаритиной хибарой!

Нужно быть очень близким к Татьяне человеком, чтобы она призналась тебе в действительной причине ее срочного переезда на квартиру к Аленке сразу после смерти дочери. Это было вступление во владение! Теперь, с такой же поспешностью, Татьяна норовит вступить во владение хибарой.

— Вы знаете, что дача Маргариты сгорела? — спросила Лидочка.

— Разумеется. Мне в этом призналась еще Аленка, когда приезжала в Переделкино. Мне об этом все уши прожужжала Соня.

Лидочка чуть было не спросила Татьяну, так почему она не взяла адрес хибары у Сони, вместо того чтобы обыскивать квартиру дочери в поисках какого-нибудь упоминания о давно сгоревшей даче? Но потом поняла и промолчала: Татьяна не могла себе позволить пасть столь низко, чтобы выспрашивать адрес у презираемой ею приятельницы Аленки. Что же тогда получается? Родной матери Алена этого адреса не дала, а какая-то очкастая шлюха таскает туда своих грязных любовников?

Если Татьяне хочется, чтобы Лидочка верила в то, что

Татьяну интересует лишь некий гипотетический архив, хранившийся во Внукове, то Лидочка готова в это верить. Пожалуйста. У нее свои интересы. Но раз речь зашла об архиве, то, наверное, Татьяна заведет речь о шкатулке... И Лидочка не ошиблась.

— Лидуша, я не помню, сказала ли тебе, что, когда лейтенант Шустов расспрашивал меня об Аленке, он показал мне шкатулку. Большую такую шкатулку из карельской березы. Оказывается, ее пытался похитить любовник Алены, но потом раскаялся и вернул.

— Да, я слышала об этом, — осторожно откликнулась Лидочка.

— И когда он стал говорить о шкатулке и упомянул о том, что она раньше стояла у Алены, то я сразу вспомнила о тебе, Лидуша.

— Почему же?

— Я рассудила логически. Подумай: ты приезжаешь ко мне в Переделкино и начинаешь допрашивать меня о шкатулке, оставленной на хранение моей маме. Я такой шкатулки не помню. Не видела я ее. Если шкатулка была, значит, ее хранили где-то, куда я не имела доступа. И хранили все годы, пока моей матери не было в Москве. И самое главное — совершенно неважно, где это было — может быть, у маминой кузины Клавдии, а может быть, у верной няньки Анюты в Курской области. Важно другое: если шкатулка в конце концов оказалась у Алены, значит, Маргарита ее взяла у няньки Анюты и перевезла к себе в хибару.

— Совсем необязательно.

— Это моя гипотеза. Моя мать слишком большая собственница, чтобы оставить свои игрушки у чужого человека.

— А были ли игрушки?

— Лидочка, не притворяйся дебилкой. Тебе это не идет. Неужели ты думаешь, что если мама в предчувствии ареста решила спрятать что-то из дорогих ее сердцу вещей вне дома, то она ограничилась чужой шкатулкой? А ее собственные документы, а ее драгоценности?

«Пожалуй, тут ты и попалась, моя дорогая Татьяна Иосифовна, — подумала Лидочка. — Вот что тебя больше всего волнует — дача, квартира и ценности, которые могли бы там

храниться». И раз уж Лидочке захотелось тут же разочаровать Татьяну, то она не удержалась:

— Неужели Маргарита хранила какие-нибудь драгоценности, живя так скромно и, главное, позволяя Аленке существовать в бедности?

— Конечно! — тут же заявила Татьяна. — Моя мать была жадной, как Скупой рыцарь. Типичный Скупой рыцарь!

— Но если дача сгорела, — не сдавалась Лидочка, — как там могло что-нибудь сохраниться?

— А вот как она сгорела — мы обязаны с тобой выяснить! — заявила Татьяна.

— Я сомневаюсь, что Алена и Соня лгали.

— Они вполне могли лгать, чтобы не допустить меня на дачу.

— Почему?

— А потому, что они устраивали там вальпургиевы ночи, — ответила Татьяна. — Потому что они превратили якобы сгоревшую дачу в гнездо разврата.

Лидочка не стала спорить. Татьяну явно занесло. Но тем не менее нельзя отказываться от поездки во Внуково. Нельзя, потому что тогда ты отказываешься от чуда. А стоит отказаться от чуда, оно не сбудется... Кроме того, на поминках Алены Лидочке встретился таинственный Константин, который назвал себя наследником Маргариты. Если бы узнать, что это значит?

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Константин? В сочетании с именем вашей матери? — спросила Лидочка.

— Никогда. А что это значит?

— Такой человек был на поминках Алены. Лет пятидесяти, массивный, с собачьим лицом.

— Еще чего не хватало! — рассердилась Татьяна. — С собачьим лицом. Скажешь тоже! Так мы едем?

— Не знаю...

— Подумай, моя девочка! Если сохранилась и не сгорела шкатулка, то почему ты считаешь, что содержимое ее обязательно сгорело? В конце концов, это глупо и нелогично!

— Шкатулка попала к Алене до пожара.

— Значит, отказываешься?

Не верит Татьяна, что дача окончательно сгорела! Но бо-

ится отправиться туда одна зимой, по скользкой дороге, с опухшими ногами. И Лидочка, с ее стремлением отыскать содержимое шкатулки, — идеальное подспорье! Конечно, шансов на то, что дневники отыщутся, нет. Но шансы на то, что Лидочка примет предложение поехать, реальны, ведь она не удержится, рискнет. Раз она искала шкатулку так настойчиво, что приехала в Переделкино, то она не менее упорно будет искать ее содержимое, пока в конце концов не убедится в том, что надежд не осталось. Пока что Татьяна дает ей такую надежду...

— А вы знаете, где этот поселок? — спросила Лидочка.

— Вот и попалась ты в золотые сети, — восторжествовала Татьяна. — Корысть — движущая сила мировой истории. Значит, едем?

* * *

Стоит ли говорить Татьяне, что ты уже несколько дней ломаешь голову над тем, не могут ли нужные тебе бумаги остаться там, откуда прибыла шкатулка, и этим местом, скорее всего, была так называемая хибарка Маргариты Потаповой? Стоит ли говорить, что ты уже отчаялась узнать, где эта хибара находится и была ли она вообще? И стоит ли предпринимать что-либо, чтобы увидеть пепелище двухлетней давности?

Лидочка ничего этого не стала говорить Татьяне. Если ты ничего не ответила человеку, который полагает, что тебя одурачил, то этот человек начинает мучиться сомнениями, не разгадал ли ты его нехитрые комбинации?

Татьяна чувствовала себя неуверенно: раза три заводила разговор о шкатулке и ее возможном содержимом, пока они ехали в такси, за которое, кстати, Лидочка заплатила бешеные деньги, и в электричке до станции Внуково.

Электричка оказалась полупустой. Татьяна расплылась по сиденью, оставив Лидочке лишь краешек скамейки. Она взяла с собой папку с несколькими главами своих воспоминаний, которые готовила для небольшого прогрессивного парижского издательства, и, раз уж делать в дороге все равно нечего, она попросила разрешения Лидочки почитать вслух, проверить, так сказать, свои опусы, за которые мечтала получить премию Букера.

«...Наш дом стоял последним в переулке, ныне уже не существующем, который в этом месте раздваивался: один проезд вел на улицу Кирова (жители упорно продолжали именовать ее Мясницкой), а другой в лабиринт проходных дворов, кирпичных брандмауэров...»[1]

Лабиринт брандмауэров, — отмечало сознание Лидочки, пока еще вслушивающейся в монотонный речитатив.

«...улочек, перегороженных заборами, дошкольных площадок, напоминавших помойки, — дом заслонял своими плечами это живописное безобразие. Дом был старый, даже старинный, с оригинальным узором из кирпичей вокруг окон, который придавал им сходство с почтовыми марками...»

Как жаль, что она не дозвонилась до Андрея. В Андрее погиб следователь. Ему свойственно было искать парадоксальные сочетания незаметных фактов, сцепления ошибок и несуразностей, которые неизбежно появляются при всякой лжи, чтобы обратить внимание на слабое место в постройке, созданной для того, чтобы закрыть собою правду. Кому и зачем понадобилось убивать Аленку? Может быть, произошла роковая ошибка на фармацевтической фабрике — в пачку таблеток снотворного попала таблетка цианистого калия? А разве он бывает в таблетках? Наверное, он — порошок. Ведь Распутину его подкладывали в пирожное.

«...все были нечистыми, все давно махнули рукой на всякие суеверия и проживали не в квартирах, а в комнатах. При этом жители черных лестниц оказывались даже в выигрыше, им было удобнее таскать ведра с мусором и тазы с бельем, тогда как обитавшие на парадных лестницах не знали, куда деваться, не выплескивать же помои на улицу. Некоторые, впрочем, так и делали — вечером выплескивали помои в решетку дождевого стока...»

Лидочка понимала, что за всю дорогу до Внукова ей так и не выйти за пределы тщательного описания старого дома и гнусных обычаев его деградировавших коммунальных обитателей, ибо настоящий литератор должен ввести читателя в

[1]Цитаты позаимствованы из произведений писателей, за что автор просит прощения.

тягучую атмосферу плохой предвоенной жизни. На деле же дом, столь ярко запомнившийся Татьяне и задававший как бы тон всему ее литературному труду, давным-давно отошел в прошлое, замененный чередой комнат и квартир, в которых ютились и проживали Флотские. И, очевидно, основная задача бабушки и внучки, Марго и Алены, заключалась в том, чтобы не допустить к себе Татьяну, о литературном таланте которой они либо не знали, либо в него не верили. В действительности же Татьяна Иосифовна обладала определенным талантом составления слов во фразы и абзацы, способные вызвать восторг у дамы-критикессы, которая понимала, что настоящая проза должна быть туманна и не всегда понятна — этот флер и отличал талант от массовой литературы.

Татьяна сделала паузу и, отметив пальцем строчку, произнесла:

— Я не ставлю себе целью писать воспоминания. Это проза, художественное произведение, и я прошу тебя увидеть внутреннюю символику в том, что я несу людям.

— А вы в последние годы не встречались с Маргаритой? — спросила Лида, желая прекратить чтение. Оказалось, что выдерживать монотонное чтение еще хуже, чем беседовать.

— Мы не испытывали в этом взаимной нужды, — ответила Татьяна. — Я не снимаю с себя ответственность, но Маргарита, то есть моя мать, была человеком сухим и как бы замороженным, иссушенным ледяным ветром пустыни Гоби. И, ты можешь это понять, — она отдала всю свою жизнь торжеству партии, победе строя социализма. Она шла ради этого на подлости и убийства...

— Ну уж и убийства...

— Я убеждена в этом! И вот ее мир рухнул — она чутьем понимала, что наш советский социализм катится к упадку. И страшилась этого.

— После смерти Маргариты вы помирились с дочерью?

— Не совсем так. Аленка была очень похожа на свою бабушку. Да, мы виделись, разговаривали, но до определенного предела. Я делала шаги навстречу ей, но не нашла взаимности...

«Странно, — подумала Лидочка, — я только что ехала на подобной электричке, по подобной же железной дороге между бесчисленными, занесенными снегом и от того чуть более

опрятными, чем осенью, дачами. Иногда к железной дороге подступали задние стенки коллективных гаражей с мусором, насыпанным у этих стенок под надписями, утверждающими, что Ельцин — еврей и ему место на плахе. Господи, я же это читала на той, Ярославской дороге. Может быть, у коммунистов есть специальные писатели антиельцинских лозунгов? Почему бы и нет? В России всегда любили материться на заборах. Есть же понятие — заборная ругань. Наверное, нет страны в мире, где заборам придавалось бы такое всеобъемлющее значение. Англичанам достаточно живой изгороди, а финну полоски валунов — сосед не зайдет без приглашения».

— Я продолжу чтение? — спросила Татьяна. В роли писательницы она теряла гонор, и в ее голосе появлялись просительные интонации. — Тебе интересно?

— Мы уже скоро подъезжаем.

— Я успею прочесть еще две страницы.

Лидочка кивнула.

И больше она не слышала чтения. Выключилась. Она смотрела в окно, для этого приходилось наклоняться вперед, потому что груда Татьяны занимала все пространство между Лидой и окном. Три дня уже держалась оттепель, и потому окна отмерзли, высохли, и можно было позволить мыслям вяло течь в голове, а самой отмечать, не задумываясь о значении виденного, что вот — бежит собака и лает на электричку, пьяный мужик уронил авоську с бутылками и сидит перед ней на корточках, две девушки спешат, скользят по тропинке, видно, сейчас будет платформа и они хотят догнать электричку и сесть на нее.

А вот и платформа. Мичуринец. Маленькая, пустая, дачная, словно далекий от Москвы разъезд.

— Наша остановка следующая, — сказала Татьяна. — Как тебе?

— Интересно, — сказала Лидочка. — Но еще рано говорить.

— Я читала Окуджаве, — сообщила Татьяна. — Он был в Переделкине и согласился послушать. На него произвело большое впечатление. А моя соседка по комнате в одном месте чуть не заплакала — она сказала, что это и ее детство.

Они вышли во Внукове — это была более крупная станция, она даже не казалась дачной. Близко к перрону подхо-

дили двухэтажные бараки, на запасных путях стояли платформы с гравием, никаких дач поблизости не было видно. Они сошли с платформы у переезда и сразу попали на шоссейную дорогу, забитую машинами. Порой приходилось отступать далеко на обочину, потому что, когда поднимался шлагбаум, сразу с десяток машин одна за другой прокатывалось по шоссе.

Татьяна обладала качеством, которому Лидочка всегда страшно завидовала. Она умела задавать вопросы и получать нужную информацию у прохожих. Она трижды останавливала аборигенов и повторяла один и тот же вопрос — где находится поселок «Наставник» и далеко ли до него идти. И так как все отвечали одинаково, что поселок расположен у шоссе, по которому они шагают, а идти до него десять минут, Татьяна успокоилась.

— Значит, идем правильно, — сообщила она.

— Правильно идете, товарищи, — поправила ее Лидочка, и Татьяна, узнав неточную цитату, засмеялась.

Выглянуло солнце, и стало ясно, что скоро придет весна — солнце стояло высоко и ощутимо грело, тени под деревьями и у дач, что тянулись по сторонам шоссе, стали синими и резкими, а снег приобрел золотистый отлив.

— Странно, — сказала Татьяна. — Идти на собственную дачу, которую никогда не видела.

Лидочка внутренне согласилась, что и в самом деле это звучит парадоксально, но вероятнее всего, что Татьяна была сама виновата в том, что ее не выносили собственные мать и дочь, зато она пережила их и теперь законно вступает в права собственности, хотя это противоречит законам природы. И, вернее всего, законам справедливости.

Дорога была скользкой. Лидочке приходилось поддерживать Татьяну под локоть, и она скоро устала, потому что Татьяна шагала все тяжелее и все сильнее наваливалась на Лидочку.

* * *

Когда-то вход на территорию дачного поселка был снабжен проходной будкой и шлагбаумом, но теперь и общий забор покосился, и шлагбаум торчал под острым углом из снега, своротенный в сторону пробегавшим мимо носорогом.

У открытой двери проходной будки дремал на раннем солнышке рыжий лохматый пес с одним ухом, который собрался было тявкнуть на женщин, потом передумал и не стал тратить сил зазря.

На проходной была прибита вывеска: «Садовое товарищество «Наставник».

— Вот и дошли, — сказала Татьяна. — Давай отдохнем.

В поселке было тихо и пусто. Крики вороны, обозревавшей сверху зимний пейзаж, звучали нагло и вызывающе. Но ворона знала, кто здесь хозяин.

— А какой участок? — спросила Лидочка.

— Участок на письме не был указан. Я думаю, двенадцать лет назад здесь был комендант или сторож. Но и сейчас мы что-нибудь отыщем.

— Почему?

— Потому что поселок большой и кто-то здесь живет зимой или приехал покататься на лыжах.

Центральная дорога поселка была накатана, и на ней были видны углубленные следы автомобильных шин. Но это ничего не значило, потому что в поселок могли приезжать только на выходные. Рядом с колеями тянулась разъезженная лыжня. Домики в поселке были разными, но большей частью скромными, двухэтажными, тянущимися ввысь, чтобы занять поменьше места на маленьком участке, так как место было нужно для огородной деятельности.

— Погоди, — попросила Татьяна, — не спеши.

Как будто Лидочка куда-то спешила.

— Давай смотреть, где идет дым.

Но занятие это все равно требовало передвижения по поселку, так как в поле зрения попадало лишь несколько близких домов — остальные скрывались за соседями.

Миновав метров сто главной улицы поселка и заглядывая в ответвления от нее, вконец измученные дорогой путешественницы увидели следы людей, словно Робинзон следы Пятницы.

На стене недостроенного красного кирпичного замка, который возвышался над фанерными и бревенчатыми старшими братьями, трудились два пьяных каменщика, стараясь укладывать кирпичи так, как им велела их рабочая совесть. А еще один мужчина, приземистый, с лицом римского пат-

рициия, в длинной, до земли дубленке, скроенной так, как понимает тулуп модельер из Лос-Анджелеса, материл «рабов», наваливаясь задом на оранжевого цвета джип.

Было очевидно, что приземистый «патриций» — не патриций, а отечественный бизнесмен, а рабочие — не рабы, а свободные труженики.

Когда Татьяна и Лидочка приблизились к ним, рабочие и владелец замка перестали собачиться и принялись разглядывать женщин, вычисляя, видимо, к кому это спешит подкрепление.

Так как женщины оказались нейтралами, то они своим появлением временно примирили стороны, и все вместе стали оживленно выяснять, где находится дача, которая два года назад сгорела и которая принадлежала Елене Флотской, а до нее, когда-то, ее бабушке Маргарите Потаповой.

Сложность ситуации заключалась не в том, что эти люди оказались в этих местах чужими. Наоборот, рабочие были местные, внуковские, и подрабатывали в поселке много лет, а миллионер на оранжевом джипе унаследовал участок от родителей, а свое детство провел именно под этими липами и дубами. Беда была в том, что поселок был велик и дачи в нем горели многократно, так что определить, на какой из сгоревших дач жила когда-то старуха Потапова, у которой была взрослая внучка Алена, оказалось делом непростым — нашлось по крайней мере три варианта.

Рабочие давно уже спустились на землю, владелец забыл, что крепко поссорился с ними из-за кладки кирпичей.

В конце концов Лидочке удалось прекратить дискуссию и разделить всех присутствующих на поисковые партии. В одну, которая направлялась по наиболее вероятному адресу, отправилась Лидочка с рабочим Сашей. Владелец по имени Эдуард поспешил в другой конец поселка, а еще один рабочий, упрямый и крикливый, был отряжен в одиночестве на участок, дом на котором вроде бы не горел, но был ограблен в прошлом году. Татьяна, которая сильно уморилась, заставила Эдуарда открыть машину и устроилась внутри отдыхать.

Когда они расставались с Эдуардом на перекрестке большой дороги, тот сказал с уважением:

— Ваша тетя — с характером.

— Почему вы так решили?

— Чтобы кто-то смог меня заставить машину открыть и в ней остаться, это невероятный случай. Я страшно жадный.

— Она не умеет водить машину, — постаралась утешить его Лидочка.

— А там плейер «Филипс». Знаете, сколько стоит?

— Вернемся, покажете, — ответила Лидочка. — И вообще, нельзя же раскаиваться в добром деле, еще не совершив его!

Она пошла дальше, каменщик Саша шагал сзади след в след и долго еще хихикал, а Эдуард остался на перекрестке, пытаясь переварить слова Лидочки.

Основная дорога, которая разделяла поселок пополам, была более-менее расчищена и накатана. Но по пересекающим ее дорогам на машине проехать было нельзя. По некоторым из переулков, где располагались часто посещаемые угодья, тянулись утоптанные дорожки, слегка припорошенные позавчерашним снегом; в другие, позабытые на зиму хозяевами уголки, тянулись с трудом проходимые тропинки, идти по которым следовало со всей осторожностью, потому что лишь узкая стежка была протоптана и тверда. Сделал полшага в сторону — провалился глубже чем по колено.

По сторонам же дорожек и тропинок, за метровой полосой девственного снега тянулись разномастные заборы, к которым, как правило, жались изнутри голубые ветви кустов — не разберешь зимой, малина это, смородина или крыжовник. Настоящих лесных деревьев в поселке сохранилось немного, то ли их сводили хозяева участков за то, что они затеняли грядки и смородину, то ли с самого начала под поселок было выделено поле с редкими деревьями.

Хозяева домов стремились к определенному стандарту, но этот стандарт менялся от поколения к поколению. Видно, самыми ранними здесь были деревенские срубы, привезенные издалека, да «финские» домики, появившиеся у нас сразу после войны, — некие суррогаты загородных коттеджей. В следующем поколении стали возводить дома из бруса и обшивать вагонкой. Современные нувориши строили кирпичные особняки с крепкими железными решетками на окнах, отчего поселок постепенно превращался в своего рода тюрьмы, ибо по доброй воле человек не выезжает на пленэр для

того, чтобы спрятаться в кирпичной крепости за железной решеткой.

Разглядывая дома, окна которых были забиты досками, Лидочка чуть не пропустила дорожку, на которую следовало свернуть.

Лидочка остановилась на повороте, потому что поняла, что совсем недавно, после того, как прошел снег, здесь останавливался автомобиль. Вот он остановился, потом начал разворачиваться и провалился передним колесом в глубокий снег. А вот здесь пассажиры машины вытоптали в снегу глубокую яму, стараясь вытащить машину и вкатить обратно на дорогу. Что им в конце концов удалось. Значит, так и не развернувшись, они подали машину назад и выехали задним ходом.

Может быть, Лидочка не так заинтересовалась бы этой битвой техники с природой, если бы не то, что от машины вели человеческие следы в проулок, отходивший там от главной дороги. Эти следы были многочисленны и, главное, неорганизованны. Это ее и насторожило. Под неорганизованностью она понимала то, что авторы следов никак не могли удержаться на утоптанной узкой тропинке, а все время промахивались, проваливались в снег, пробивались сквозь него спеша, оставляя за собой глубокие рытвины, будто были одержимы сумасшедшим упрямством и спешкой.

Каменщик Саша посмотрел, куда молча показала Лидочка, и сказал:

— Пьяные были. Приехали на дачу к дружку гулять, машину чуть не угробили, а потом с криками и песнями колобродили.

— Вы догадались или слышали?

— Я в пяти километрах живу — не слышал. Но про Шерлока Холмса сериал смотрел с удовольствием.

— А может, было темно? — спросила Лидочка.

— А вернее всего, темно, — согласился Шерлок Холмс. — Пьяные и темно. Ясное дело.

— А на какую же дачу они спешили?

— Хотите поглядеть?

— Обязательно.

— Ну пошли. Только если увидим пожарище, — заметил Саша, — то оно будет совсем свеженькое.

— Снег шел позавчера, — заметила Лидочка.

— Все понятно, Ватсон, — быстро ответил Шерлок Холмс. — Ваше замечание принимаем. Позавчера шел снег. А никакого снега на следах нету. Вам понятен ход моих рассуждений?

Каменщик Саша был усат по-украински, усы струйками стекали к подбородку, на голове вязаная шапочка с надписью «Хибины». На рукаве ватника был нашит суконный красный щиток со стершейся надписью. Более непохожего на Шерлока Холмса сыщика было трудно представить.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Пошли?

— Пошли, — Саше нравилось быть великим сыщиком. — Мы можем продвигаться без опасений, — сказал он, — потому что злоумышленники уже уехали на своем кебе. Знаете, почему я пришел к такому выводу?

— Вы пришли к такому выводу, потому что кеба нигде не видно.

— Молодчина, Ватсон, — похвалил Лидочку Саша.

Следы привели их к последнему в ряду, перед самым лесом, участку. Лидочка остановилась, разглядывая участок. Почему-то стало тревожно. Говорить, а уж тем более шутить расхотелось.

Это был странный участок. Такие бывают в совсем новых дачных кооперативах, по первому или второму году их существования. Потому что небогатый дачник первым делом скапливает деньги на хозблок — любого типа вагончик, металлический или фанерный. Он устанавливается в углу участка с тем, чтобы, когда возведен жилой дом, превратиться в сарай или душевую.

Не считая трех берез, стоявших недалеко от калитки, участок был пуст. Вишневые, сливовые и прочие деревья, превратившиеся на зиму в пучки голых веток, — не в счет.

Но в отдалении стоял хозблок, серый сарай с плоской крышей, окном, забранным ржавой и несолидной на вид решеткой, и с дверью, покрашенной в тот особенный неприятный коричневый цвет, в который принято красить двери во всей России и, пожалуй, нигде более в мире.

От калитки к сараю вели глубокие следы — траншея в снегу, прорытая неаккуратным крокодилом.

Саша толкнул калитку — она была заперта. Саша просунул руку между досками штакетника и откинул крючок. Ка-

литка заскрипела и сама медленно открылась внутрь — этот скрип оглушительно прозвучал в мертвом воздухе поселка, тут же на него откликнулась пролетавшая ворона, и звук оборвался, потому что калитка уперлась в снег.

Саша первым ступил внутрь, в траншею, протоптанную в снегу. Сделал шаг, второй, потом обернулся и поманил Лидочку. Оба молчали.

Снег почти не скрипел — было не холодно, градуса два-три. Набежали облака, и стало сыро.

Перед входом в хозблок было натоптано, как будто здесь танцевали.

Они постояли перед входом, не решаясь открыть дверь. Саша не представлял, чего можно ожидать, — он только почувствовал неладное. Впрочем, и Лидочка не знала, отчего ей было страшно.

И тут она увидела кровь. Кровь на снегу, недалеко от двери. Совсем небольшое пятно крови, снег был в том месте притоптан, а дальше, у стенки, были дыры в снегу, окруженные желтым, видимо, люди стояли у стенки и мочились в снег.

— Ну что? — спросил Саша. — Заходим или как?

Он перестал играть в Шерлока Холмса.

— Давайте посмотрим, — сказала Лидочка. Но Саша не тронулся с места.

— Кого-нибудь ищете? — спросил он.

— Нет, — ответила Лидочка. — Мы же объясняли, что Татьяна Иосифовна, которая со мной приехала, унаследовала здесь дачу. Только документы потеряны.

— Ну, как знаете, — ответил Саша, который не поверил ни единому слову из этого нелепого объяснения.

Саша толкнул дверь в сарайчик. Она открылась послушно и почти без скрипа. Лиде ничего не было видно, и ей не хотелось заглядывать внутрь. А почему, собственно, она обязана туда заглядывать? Кто она здесь? Приехала вместе с гражданкой Флотской Т. И. для выяснения местонахождения ее дачной собственности. А теперь она боится, что нашла эту собственность. А чего она боится?

Саша уже был внутри. Он вглядывался во что-то, потом наклонился — Лиде было видно его, — наклонившись, он сделал шаг вперед, голова и руки исчезли из ее поля зрения, и приподнял с пола серое покрывало.

Потом Саша выпрямился. Он не смотрел на Лиду, а смотрел себе под ноги.

Он достал из бокового кармана ватника пачку сигарет «Мальборо» и зажигалку. Закурил. Обернулся к Лидочке.

— Заходи, — сказал он. — Если мертвых не боишься.

— Не боюсь, — сказала Лидочка. Но не сразу заставила себя шагнуть вперед.

Внутри было полутемно, свет проникал сквозь маленькое окошко, а комната была невелика.

Саша откинул брезент или серое солдатское одеяло, и обнаружилось, что на полу, скорчившись, как будто сильно замерз, лежит человек. Он был в лыжном ярко-синем костюме, сильно измаранном кровью и грязью, а лицо его было настолько залито кровью, что Лидочка лишь по седым, чуть вьющимся волосам, по руке, нелепо изогнутой, с растопыренными от страшной боли пальцами, по одному, дико распахнутому глазу узнала Осетрова. Скорее не узнала, а почувствовала, что это Осетров, ожидала его увидеть.

Уже когда они свернули в проулок и шли по снежному гребню тропинки, между проваленных в снег следов, Лидочка интуитивно начала осознавать, что они приближаются к месту, на котором произошло нечто страшное, насильственное. Ее мозг продолжал работать, принимая и отвергая варианты подозрений, и получалось, что более всего опасность должна была угрожать Осетрову. Если не он убил Алену, то он знал нечто, связанное с ее смертью, и настоящий убийца должен был найти его и убить. И скрывался Осетров вовсе не от милиции, а от опасности куда более реальной и смертельной. Но может быть и другое: он виноват в смерти Алены. И есть человек, который решил отомстить за нее...

— Вы его знаете? — спросил Саша, как будто прочел Лидочкины мысли. Кровь замерзла странно, как замерзает вода на наледи: плоскими лужицами, по мере того, как напор иссякает — и получается как бы невысокая ступенчатая пирамидка.

— Думаю, что знаю, — сказала Лидочка. — Немного знаю.

— Как так немного? — спросил Саша. Он сглотнул слюну. Он старался не глядеть на мертвого. Шерлок Холмс из него никогда не выйдет, потому что настоящий сыщик, который входит в историю, обязательно должен быть чуть-чуть

некрофилом. По крайней мере, должен с профессиональным хладнокровием рассматривать покойников, как энтомолог мертвую бабочку.

— Я его один раз видела, — сказала Лидочка. — Он совсем мертвый?

— Давно уже. Наверное, со вчерашнего дня.

— Пойдемте отсюда, — сказала Лидочка.

Они вышли наружу. Там было очень свежо и светло.

— Они мучили его страшно. Ты обратила внимание, что у него руки переломаны?

— Нет...

Лидочку мутило.

— Ты иди первой, чтобы сзади не бояться, — великодушно сказал Саша. А Лидочка спешила по тропинке и спиной чувствовала опасность, исходившую от Саши. Почему он захотел идти сзади?

У калитки она обернулась.

Саша встретился с ней взглядом.

— Дура, — сказал он, — иди тогда сама сзади.

Он сказал это без злости.

— Не обращай внимания, — сказала Лидочка.

Они прошли переулком, и Лидочка почти ни о чем не думала, потому что надо было балансировать на тропинке и не угодить в глубокий снег. Думать было страшно, и Лидочка старалась отвлекать себя, говоря: «Вот вороны летят парой, неужели у них сохраняются пары на зиму, когда не надо выводить птенцов? А может быть, вороны чуют смерть и реют над тем хозблоком?» Она невольно обернулась — хозблок был уже закрыт следующей дачей — и потеряла равновесие. Саша подхватил ее, Лида взвизгнула, чего с ней не случалось с детства, и оттого смутилась.

— Погодите, — сказала Лидочка, — дайте дух перевести.

Чем дальше они отходили от страшного сарая, тем нормальнее становилась жизнь, и та близость, что возникла между ними, как между людьми, потерпевшими кораблекрушение на резиновом плотике, истончалась, потому что оба понимали неизбежность близких событий, в которых каждый будет предоставлен сам себе — надо вызывать милицию, терять время на разговоры с чужими подозрительными людьми, выступать где-то свидетелями — острота свидания с жес-

токой смертью сменится формальной принадлежностью к ней. Даже показания они теперь будут давать раздельно.

— Дурак он, — сказал проницательный Саша. — Судя по всему, он здесь решил скрываться. А его выследили.

— Почему вы так думаете?

— А потому, что и вы так думаете, — ответил Саша. — Потому что он печку включил, обогреватель. Не заметила?

— А обогреватель горел?

— Нет, видно, в борьбе шнур вырвали. А то бы все сгорело.

— Его могли с осени так оставить.

— Ты не поняла. Обогреватель у стола стоял — провод к нему через всю комнату тянулся. Если ты на зиму уезжаешь, зачем так обогреватель ставить? Потом еще: разве ты не заметила — у него на столе еда стояла. Включал чайник. Хлеб там был с колбасой. Неужели не заметила, Ватсон?

— Ничего я не заметила, — мрачно ответила Лидочка. — Я лицо его увидела, а что вокруг было — не помню.

— Жалко. Ненаблюдательная ты. И даже не заметила, как они там что-то искали?

— Нет.

— Там же все перевернуто, переломано!

— Нет, я не заметила.

— Он что-то с собой привез, а они его выследили. Или вычислили? Не отсиделся.

Они вышли на главную улицу. Теперь идти стало легко. Впереди, совсем близко, стоял оранжевый джип Эдуарда. Самого Эдуарда еще не было. Видно было, что Татьяна Иосифовна спит на переднем сиденье, опустив голову на грудь, отчего казалось, что в машине сидит кто-то пирамидальный и безголовый.

Неужели виноваты триста баксов? Те самые триста долларов, о которых говорила Соня? Нет, человека за это не убивают. Даже в нашем сумасшедшем мире. Им дороже встанет ехать сюда, отыскивать его. Да и не стал бы он держаться за эти доллары. Впрочем, что мы знаем?

Татьяна, видно, почувствовала их приближение. Когда они подошли к джипу, она открыла глаза и театрально медленно подняла голову.

Она открыла дверцу машины и, наклонившись вправо, чтобы высунуть голову, спросила:

— Разумеется, вы ничего не нашли?

— А где Эдуард? — спросил Саша. Видно, он предоставил инициативу Лидочке, посчитав, что она лучше знает, что надо говорить.

— Мы нашли участок...

Что-то ее останавливало, чтобы закричать: «Там мертвое тело!»

— И там все сгорело, да? Ничего не осталось?

Господи, какая у нее противная, хищная рожа с торчащим из нее костяным носом! Ее волнует только одно — что еще удастся наследовать от собственной дочери.

— Там Осетров, — произнесла, сделав над собой усилие, Лидочка.

Подошли Эдуард и молодой парень в бушлате.

— Не исключено, — громко сказал Эдуард, — что мы отыскали участок, который вас интересует.

— Кто там? Где там? — визгливо спросила Татьяна, отмахиваясь от Эдуарда, потому что нутром почувствовала, что главное — в словах Лидочки.

— Там Осетров. Он мертвый, — сказала Лидочка. — Его убили.

— Как так? Какой еще Осетров? Кого убили?

— Любовник Алены. Осетров. Вы его должны знать.

— Ну, я его видела — один раз или два... Он совершенно не пара Алене, — сказала Татьяна. — Кто его убил и зачем?

— Я не знаю, — ответила Лидочка и обратилась к Эдуарду: — Можно я сяду в вашу машину? У меня голова кружится.

Надо отдать должное Эдуарду, он достаточно быстро с помощью Саши сообразил, что же произошло, и отвез Лидочку с Татьяной к милицейскому посту на станции. Оттуда Лидочка смогла дозвониться до Шустова.

Глава 9

ДВОЙНОЕ ДНО

Лидочка возвратилась домой только вечером. Сначала им пришлось ждать местных милиционеров, которые ехали с какого-то объекта и никак не могли доехать, потом, вместо того чтобы мчаться на место преступления, милиционеры, все

трое, начали допрашивать Сашу и Лидочку, будто те сами убили Осетрова.

К счастью, тут возникла Татьяна Иосифовна и заявила, что если не будут немедленно приняты реальные меры, она звонит в газету «Правда» с сообщением о том, как местные внуковские бандиты во главе с местной милицией расправились с заведующим отделом ЦК КПСС. Заявление Татьяны повергло в полную растерянность милиционеров: толстый старшина с лицом хомяка, словно он заложил в защечные мешки по теннисному мячу, намеревался было изматюгать грозную бабу в норковой шубе, но в ответ получил от Татьяны столь изысканный матерный монолог, что на цыпочках ушел из комнаты, а Саша-Шерлок Холмс спросил:

— Где сидела, паханка?

— Не грубите, молодой человек, — сказала Татьяна. — Я политическая.

В комнату заглянул старшина и сказал, что машина будет в исправности через десять минут, но тут приехал Шустов с капитаном и, к великому облегчению местной милиции, сообщил, что Осетров проходит по его делу, после чего старшина с лицом хомяка стал вежлив, предупредителен и даже шустр.

Лидочка отказалась снова ехать в поселок, и Шустов отпустил ее восвояси. Зато Татьяна, отдохнувшая и чувствующая собственную значимость, сказала, что поедет с Шустовым и толстяком из внуковской милиции. С ними же отправился Саша-Шерлок Холмс. Эдуард хотел подвезти Лидочку на своем оранжевом джипе, но тут подошла электричка, и Лидочка от него сбежала.

До дома она добралась на последнем издыхании.

Главное — чтобы никто не беспокоил, никто не разговаривал, никто не звонил в дверь или по телефону... Главное — чтобы наступила тишина. Даже без вороньего крика.

Она разулась, разделась, залезла под горячий душ выгнать из себя неистребимую мелкую дрожь, которая терзала ее с того самого злополучного участка. «Наверное, я заболеваю. Еще не хватало гриппа! А впрочем, почему не хватало? Может быть, в этом и есть выход? Они все суетятся, вызывают тебя свидетелем, убивают друг друга, душат и терзают, а я лежу, больная, и принимаю аспирин...»

Телефон начал трезвонить, как только Лидочка закрылась в ванной.

К счастью, вода шумела и заглушала вопли аппарата.

Дрожь постепенно прошла, Лидочка почувствовала себя человеком. И более того — преследовавший ее образ изломанной окровавленной куклы, которая лишь недавно была испуганным, но спесивым человеком, тоже отступил из сознания, и Лида вновь обрела способность думать.

Почему она решила, что Осетров прячется от милиции? Потому что ему было положено прятаться от милиции, которая его подозревала в убийстве Алены и намеревалась посадить в тюрьму? Но в таком случае он должен был мчаться куда-то за пределы России, по крайней мере за пределы досягаемости лейтенанта Шустова. Если он — видный партийный работник, то его должны были вывезти в Узбекистан или Туркмению, где коммунисты чувствуют себя в безопасности. Правда, это могло быть так только в случае, если он коммунистам нужен. Но если он никакой ценности для реанимации коммунизма в одной отдельно взятой стране не представляет, то, скорее всего, коммунисты будут первыми, кто отшатнется от морального урода, который заводит любовниц вдвое младше себя, да притом на службе, куда его с таким трудом пристроили. И тогда он должен бежать сам по себе, с помощью друга детства или тети, живущей в недоступной для нашего правосудия Нарве. Но вместо этого Осетров надевает лыжный костюм, берет с собой тот же самый старенький рюкзак и отправляется в поселок «Наставник» Наркомпроса СССР, где когда-то была дача бабушки его любовницы. Дача сгорела. Около двух лет назад. Так говорят свидетели.

На даче они бывали на заре своего романа. С ней связаны светлые воспоминания, но это еще не основание для того, чтобы в разгар зимы мчаться на спаленный участок и, сидя рядом с пепелищем, давно и густо запорошенным снегом, предаваться воспоминаниям о любви.

На даче можно скрыться, зная, что там сгорело не все — что там остался хозблок, сарайчик, в котором стоит электрокамин. То есть там можно переночевать, там можно пересидеть три дня. Но почему только три? Чтобы все успокоилось? Но что может успокоиться за три дня? Загадка: пожилой солидный человек, семьянин, вина которого не доказана и со-

мнительна, бросает все и таится в сарайчике на пепелище, что можно сделать лишь в смертельном страхе...

Лидочка начала вытираться, все еще игнорируя настойчивые вопли телефона.

Нет, ей эту загадку не распутать. Саша-Шерлок Холмс полагает, что убийцы что-то искали в хозблоке. Все перерыли. Что мог отыскать товарищ Осетров на пепелище? Триста долларов, взятых у Алены? Опять — двадцать пять! Не могут эти доллары решить его судьбу! Но что-то ее решило.

Одно совершенно ясно: бежал и скрывался Осетров вовсе не от милиции и правосудия, он бежал туда от убийц. И убийцы его нашли. Но как они его нашли?

И если смерть Осетрова — дело рук жестоких безжалостных садистов — может быть, тех наемных убийц, о которых так робко и с придыханием пишут газеты, то что можно сказать о смерти Аленки? Не связана ли она с теми же причинами? А что, если Осетров знал о настоящей причине гибели Алены? И эта причина была для него настолько страшна, что он хотел от нее укрыться и полагал, что дача, о существовании которой почти никто не знал, — самое надежное для этого место?

Голова кругом идет. И еще этот взбесившийся телефон!

— Кто? — Лидочка, задумавшись, подняла трубку и, продолжая вытирать голову, свободной рукой поднесла ее к уху.

— Господи, я думала, что тебя убили, — это был голос Сони. — Что с тобой произошло? Мне не хватало еще твоего трупа.

Лидочка представила, как Соня ломает в пальцах погасшую сигарету. Господи, она совсем забыла о Сониных бедах!

— Я была на даче, — сказала Лидочка. Она не собиралась ни жалеть Соню, ни проявлять деликатность. В конце концов, Соня спокойно обманывала Лидочку, утверждая, что ничего не знает о садовом участке Маргариты Флотской. Знала она о нем!

— На какой даче? — спросила Соня. Она перевела дух — затянулась. — У Татьяны?

— Теперь у Татьяны. Но раньше это была дача Маргариты, а потом она перешла к Алене. И вы на ней не раз бывали.

— Какая дача? Я ничего не знаю.

— Если не знаешь, то мне с тобой не о чем разговаривать.

Так как Соня молчала, Лидочка повесила трубку и успела вытереть волосы и включить фен, прежде чем телефон зазвонил вновь. Конечно же, эта была Соня.

— Лида?

— Перезвони мне через пятнадцать минут, — сказала Лидочка. — Я сушу волосы и все равно ничего не услышу.

Она положила трубку и спокойно занялась сушкой волос. Она была уверена, что Соня позвонит — куда деваться этой особе, перепуганной, как зайчишка? Сейчас она позвонит и скажет, что не говорила Лидочке о даче, потому что... А любопытно, почему?

Телефон зазвонил через пятнадцать минут без десяти секунд — Лидочка поглядывала на часы.

— Извини, — сказала Соня. — Я понимаю, что у тебя есть основания мне не доверять и даже сердиться на меня. Но садовый участок Маргариты — эта такая древняя история! После того, как дача сгорела, не было смысла туда ездить.

— И не ездили?

— Конечно, почти не ездили.

— Но я сегодня там была. Там остался хозблок — две комнаты, электрокамин, кушетка — явно туда ездили. Там даже жили. Почему ты об этом не знала? От тебя скрывали? Тогда почему ты говоришь, что была лучшей подругой Алены?

Лидочка слышала свой голос — он как будто принадлежал не ей. Как могла она скрыть от Сони смерть Осетрова и упрекать ее во лжи, заманивая в ловушку?

— Нет, я знала, конечно, знала, — мямлила в ответ Соня. — Но зачем тебе знать, это такой пустяк, это так неважно?

— Неважно? — совсем уж рассердилась Лидочка. Тут уж она не притворялась. — Тогда почему Осетров поехал туда? Что он там потерял?

— Значит, он все же поехал туда? — Соня была напугана. Она точно была напугана. — Вот почему он был в лыжном костюме. Ты мне сказала, а я не придала значения...

— Его там убили, — сказала Лидочка.

— Что?

— Его там убили. И не только убили. Его страшно мучили. Когда мы нашли его, он был весь изломан... — Лидочке не хватило дыхания, ее голос сорвался, но Соня не слышала этого — она выла. Когда Лидочка замолкла, смушенная странным звуком, доносившимся из трубки, она поняла, что это именно вой — на одной ноте, тупой, почти звериный, но более высокий по звуку — его можно было спутать с гулом, который издает рой пчел...

— Соня? Соня! Что с тобой?

Упала трубка. И короткие гудки.

Когда Лидочка пришла в себя после этого разговора, ей стало стыдно, что она так разговаривала с Соней. Та и без нее напугана. У нее свои беды — беды, неведомые Лидочке, но общие для всех тех людей — Алены, Осетрова, Сони... Двое из них уже погибли, а Сонечка, запутанная в те же дела, боится смерти. И, наверное, имеет все основания ее бояться. Так что никакого права упрекать Соню во лжи Лидочка, наблюдательница со стороны, не имела.

Лидочка набрала номер Сони, но там было занято.

Интересно, что узнал Шустов о смерти Осетрова? Лучше не думать об этом, потому что тогда сразу перед глазами встает картина мучительной пытки Осетрова. Ни один человек, думала Лидочка, не бывает виноват настолько, чтобы его так замучили. Даже если он убил Алену и это была месть за ее смерть.

Домашнего телефона Шустова Лидочка не знала. И, наверное, хорошо, что не знала, — зачем ей превращать отношения деловые, случайные, в более личные? Может, снова позвонить Соне?

У Сони занято.

Не возвратилась ли Татьяна в квартиру к Алене? Хоть она и собиралась вернуться в Переделкино, но могла передумать.

Телефон у Алены не отвечал.

Несколько раз Лидочка набирала каирский номер, но связь срывалась на пятой цифре — то ли здесь, то ли, как еще недавно принято было говорить, «за пределами Советского Союза».

И тут снова позвонила Соня.

— Расскажи мне, что было, — попросила она.

Говорила она тихо, как всласть наплакавшаяся женщина. Тихо, ровно и даже умиротворенно.

— Тут мало что можно рассказать, — сказала Лидочка. — Меня туда Татьяна повезла.

— А откуда она узнала адрес дачи?

— Соня, да скажи мне, почему это — тайна?

— Никакая это не тайна, но Татьяну они никогда туда не подпускали. Это было принципом. Поэтому мне интересно, кто ей рассказал.

— Она сама догадалась. Нашла какое-то письмо... Все равно рано или поздно она обо всем бы догадалась.

— А Осетров и в самом деле был совсем мертвый? Никакой надежды?

— Он погиб, наверное, за день до того, как мы его нашли.

— Его Татьяна нашла?

— Татьяна оставалась в машине.

— Зачем? В какой машине?

— Тебе все детали важны или только самое важное?

— Я не знаю, — Соня снова начала плакать. Но при этом она могла говорить.

— Я пошла на участок с одним человеком. Мы увидели много следов. В снегу. И возле хозблока, — рассказывала Лидочка.

— Он был в хозблоке?

— Да.

— Он долго там был?

— Откуда я знаю! Но человек, который был со мной, предполагает, что Осетров намеревался там пожить.

— Дальше, дальше!

— Я увидела его. Он лежал на полу. Они его жутко избили перед смертью.

— Кто они? Их поймали?

— Соня, не мели чепухи. Если кто и знает убийц Осетрова, то я думаю — это ты.

— Нет, нет! Клянусь тебе, нет! Для меня это такая же неожиданность. Как тебе не стыдно!

— Ты вчера еще проклинала Осетрова и говорила, что твой Петрик его за триста долларов достанет.

— Да ты с ума сошла, что ли? Неужели он будет за триста долларов?.. Притом, он вовсе не мой. Я его еще больше боюсь, чем Осетров боялся.

— Тогда ты должна немедленно позвонить Шустову и рассказать, что подозреваешь в убийстве Петрика.

— Я его не подозреваю! Он совсем в другом месте был... — Соня замолчала, и Лидочке показалось, что она слышит тихий неразборчивый голос, словно кто-то шепчет на ухо Соне. — А еще что ты узнала? — спросила Соня. — Какие-нибудь подозрения есть?

— Я уехала, я не стала дожидаться. Там Шустов.

— А ему там что делать? Там же внуковская милиция должна быть.

— Не знаю, меня это не касается.

— Нет, Лидочка, ты только не вешай трубку. Мне так страшно! А что там еще было?

— Тот человек, который со мной был, ты его не знаешь, считает, что убийцы что-то искали — весь домик вверх дном перевернули.

— И нашли?

— Откуда мне знать, если я даже не знаю, что они искали.

— Ну хорошо, — сказала Соня. — Тогда до свидания, я тебе еще позвоню, хорошо?

— До свидания, — ответила Лидочка. Потом она услышала щелчок — кто-то положил параллельную трубку. — Ты здесь? — спросила Лидочка.

— Спокойной ночи, — сказала Соня. И всхлипнула.

— А у тебя два аппарата? — спросила Лидочка.

— Нет, один, — быстро ответила Соня, — спокойной ночи.

Короткие гудки.

Лидочка не поверила Соне.

Разумеется, у нее не было основания строить догадки, но Лидочке показалось, что Соня говорила неестественно, словно задавала вопросы по подсказке. И разговор подслушивали. Может, это тот самый Петрик, охотник за долларами? А может быть, усатый тип в джинсовой куртке. А может, и третий, совершенно неизвестный Лидочке. И что им всем нужно? От мертвой Алены, от мертвого Осетрова, от перепуганной Сони, от Лидочки, наконец.

Никто не ответил на эти немые вопросы.

Как бывает в детективных романах? Загадочная карта, на которой указано место закопанного пиратами или разбойниками клада. Проклятие близнецов — один из них идеальный и жертва — например, Осетров, другой — злодей и убийца, рассчитывающий на наследство... Но все наследство пока что переходит к толстой и немощной Татьяне. А она менее всего похожа на убийцу. Даже если она и захотела кого-то убить, то

в ночь Аленкиной смерти она точно была в Переделкине, а к тому же ей трудно было бы пытать Осетрова.

Лида начала дозваниваться на междугороднюю, чтобы заказать Каир. На любое время ночи. Только обязательно. Срочно. Если для этого придется разбудить президента Мубарака, будите президента!

* * *

Президента Мубарака разбудить не удалось, в Каире вообще было трудно кого-нибудь разбудить. В три часа Лидочка свалилась без сил и задремала, а в четыре позвонил Андрей, который и не подозревал, что его разыскивает жена, но сам беспокоился, почему несколько дней от нее нет весточки.

— Господи, Андрюша, я уж не чаяла тебя услышать!

— Неужели так плохо? — этот мерзавец даже не встревожился. У него был сытый голос человека, только что слезшего с пирамиды, где он пил портвейн и закусывал омарами.

— Андрей, перестань быть таким довольным жизнью! — взмолилась Лидочка.

— Ты здорова?

— Я совершенно здорова, но уже два человека убиты, и нашлась шкатулка, но пустая. У тебя сколько денег?

— Что ты несешь, мой ангел?

— Мне нужно пять минут, чтобы тебе все рассказать, я не могу тебе не рассказать, я не представляю, что делать дальше, хотя, вернее всего, я и не должна ничего делать.

— У меня хватит денег на твою исповедь. Но лучше начинай без предисловия.

Десяти минут вполне хватило на рассказ, несмотря на то, что Андрей несколько раз перебивал Лидочку, потому что ей казалось, что известное ей, виденное ею должно быть так же очевидно и для Андрея.

Вердикт Андрея был стандартным вердиктом обыкновенного мужа — немедленно собирай сумку и перебирайся к Гале или к Ахметовым.

— Нет, мне не очень страшно, меня охраняет лейтенант Шустов.

— Он может быть лучшим в мире лейтенантом, но сейчас

он спит. И будет завтра на службе. А ты одна. Пожалуйста, Лидочка, скройся.

— Но почему ты так настаиваешь на этом?

— Я не верю в то, что это история о несчастной любви. Мне кажется, что за этим стоят деньги или преступление, которое надо сокрыть. А получается, что ты слишком приблизилась к эпицентру событий. Хоть бы тебя не понесло вчера на эту дачу!

— Я там не заметила ничего, достойного внимания.

— Это ты так думаешь. Когда ты стояла у окна на кухне, тебе тоже казалось, что ты не видишь ничего особенного — номер машины, несколько лиц — всего-то делов...

— Это ты во всем виноват, повелитель, — ответила Лидочка. — Кто, кроме тебя, выбирает самолет, к которому приходится вставать в то время, когда по улицам ездят только бандиты?

— Хорошо. Я во всем виноват. Но я не хочу быть виноватым в том, что тебя не предупредил. И предупреждаю, если ты не уедешь немедленно...

— Сейчас? Когда на улицах только бандиты?

— Утром! Первым делом как проснешься. И не говори мне сейчас, куда ты собралась — у них есть замечательные средства прослушивать телефонные разговоры. И никому не открывай дверь.

— Ты говоришь, как мой лейтенант Шустов.

— Отношения с Шустовым мы разберем, как только вернемся в Москву. Ты обещаешь уехать?

— Обещаю.

— Спокойной ночи. Проверь, закрыт ли второй замок?

Лидочка честно проверила второй замок. Он был открыт. Она закрыла его. Но спать не было никакой возможности. До разговора с Андреем Лидочке в голову не приходило бежать...

Телефон зазвонил вновь. И вновь междугородный.

Это был Андрей.

— Я вспомнил, — сказал он, — извини, если разбудил, но я вспомнил.

— О Татьяне?

— О какой еще Татьяне? О шкатулке! Ты не спала?

— Прошло всего пятнадцать минут после твоего звонка!

— Неужели? А у меня ощущение, словно два часа. Пото-

му что я интенсивно думал. Ты уверена, что шкатулка пустая?

— Разумеется.

— Понимаешь, прошло черт знает сколько времени, но у меня есть глубокое убеждение в том, что у шкатулки было двойное дно. И оно открывалось. Я совершенно не помню, как это делалось — хоть убей, не помню. Но чтобы не заниматься пустыми поисками сокровищ, проверь меня: смерь сантиметром высоту шкатулки снаружи, а потом внутри. Если разница сантиметра в два — имеет смысл поискать, что лежит в том пространстве. Может быть, дневники или хотя бы часть их? Ты меня поняла?

На этом связь прервалась. Но Лидочка даже не расстроилась, потому что у нее было занятие, достойное Шерлока Холмса. Каменщик Саша умер бы от зависти.

Следовало определить, есть ли в шкатулке двойное дно, а если таковое обнаружится, то в полости, скрытой веками от человеческих глаз, могут таиться не только дневники Сергея Серафимовича, но и секретный рескрипт Екатерины Второй о даровании дворянства их роду. Впрочем, шкатулка была не такая старая.

Лидочка принесла шкатулку из шкафа, поставила на кухонный стол, взяла с письменного стола линейку и открыла шкатулку. Золотистое сукно, которым шкатулка была обтянута изнутри, потерлось, но не очень. Лидочка приставила линейку к внутренней стенке, глубина шкатулки оказалась тринадцать с половиной сантиметров.

Ничего не получится, уговаривала себя Лидочка, чтобы потом не расстраиваться, не бывает в шкатулках второго дна, это все из плохих романов, зачем второе дно шкатулке, в которой хранились пуговицы и нитки? Однако эксперимент Лидочка продолжила. Она вынула линейку из шкатулки и приложила ее вертикально к стенке снаружи. На линейке было 164 миллиметра. Лидочка повторила упражнение.

Никаких сомнений не было. Если линейка не обрела способность удлиняться или укорачиваться по собственной воле, то, значит, низ шкатулки был необычайно толст. Или Андрей прав — в шкатулке есть второе дно. Конечно, туда не засунешь дневники Сергея Серафимовича, но ведь шкатулка

была сделана куда раньше дневников, и там могли таиться другие сокровища.

Лидочка подняла шкатулку. Она была умеренно тяжелой, так что если там и находилось что-то, то не металлическое и не каменное — иначе бы руки подсказали мозгу, что вес не соответствует размерам ящика.

Лидочка легонько встряхнула шкатулку. Шкатулка молчала, не желая подсказывать Лидочке, есть ли в ней тайна. Лидочка простучала рукояткой ножа дно шкатулки — оно отзывалось так, словно там была пустота.

Затем Лидочка отыскала лупу и стала тщательнейшим образом обследовать стенки шкатулки с целью обнаружить в них тонкую щель. Попытки вставить в несуществующую щель лезвие ножа успехом не увенчались. Если какой-то старый мастер и сделал тайник, то он позаботился о том, чтобы Лидочка через двести лет его не увидела.

Отчаявшись увидеть следы тайника, Лидочка принялась искать его замок на ощупь. Но пальцы скользили по гладкому полированному дереву, им не на чем было задержаться.

Лидочка потратила не меньше двух часов, чтобы раскрыть секрет шкатулки, но ничего из этого не вышло. Дозваниваться в Каир было бесполезно, потому что если бы Андрей вспомнил, то позвонил бы сам обязательно.

Заснула Лида под утро, но несколько раз просыпалась оттого, что ей казалось, как во сне к ней пришло решение. Но вокруг царила тишина, и никакого решения наяву не оставалось — оно растворялось вместе со сном.

Проснулась она разбитая, будто и не спала вовсе.

Она вошла на кухню, с ненавистью поглядела на шкатулку, которая тупо возвышалась посреди кухонного стола, и тут все ночные размышления, все попытки догадаться слились в одном незаметном для Лидочки усилии — она сообразила, что второе дно выдвигается проще простого: надо перевернуть шкатулку и, сильно нажимая ладонью на дно, выдвинуть его вперед.

Что Лидочка и сделала.

Шкатулка покорно перевернулась — дно ее было неполированным, шершавым. Лидочка нажала на дно ладонью — точно в центре. Что-то внутри тихо щелкнуло, и Лидочка во-

все не удивилась — она была убеждена, что действует правильно.

Тонкое днище, выструганное из твердого дерева, выехало, словно крышка пенала, и от этого движения пачки денег, которыми был набит тайник, начали вываливаться на стол, а одна даже унала на пол.

Это были пачки стодолларовых купюр. В каждой по пять тысяч, всего семь пачек. Правда, и число их, и количество денег в каждой пачке Лидочка узнала позже, когда пересчитала все деньги. А сначала она решила почему-то, что это старые деньги, пролежавшие в шкатулке сто лет. Потом только увидела, что новые, некоторые даже 1993 года.

* * *

Лида сидела, разглядывая купюры. Потом только начала их считать, да и то машинально, чтобы удобнее было думать. Она умела считать и думать. Она раскладывала деньги на стопки по десять бумажек в каждой — по тысяче долларов. Получилось тридцать пять стопок, тридцать пять тысяч долларов.

К тому времени, когда Лидочка кончила считать, она уже успела многое обдумать. Во-первых, она решила, что деньги не могли лежать в шкатулке со времен Маргариты Потаповой. Какой бы богатой бабушка ни была, покойнице никак бы не удалось пользоваться деньгами прошлого года. А раз так, значит, о двойном дне узнал или догадался случайно один из тех, кто имел достун в квартиру Алены...

Скорее всего, Маргарита рассказала о двойном дне внучке. А та ни с кем, даже с Соней, секретом не поделилась, но сама им воспользовалась.

Кому принадлежат доллары? Алене? Или они получены на сохранение? Сумма достаточно велика, чтобы ради нее пойти на преступление. Она могла возникнуть от финансовых дел, от крупной продажи бабушкиных драгоценностей, но была слишком мала, чтобы оказаться тайным золотом коммунистической партии. Впрочем, и коммунистическую партию нельзя сбрасывать со счетов.

Значит, главная проблема — кому принадлежат тридцать пять тысяч долларов. Принадлежать они могли любому из

действующих лиц драмы. Алене — в первую очередь: они хранились в ее шкатулке.

О тайнике никто, кроме Алены, не знал. Соня наверняка искала в квартире Алены триста долларов, которые якобы исчезли после ее смерти. Но, даже зная, что шкатулка стоит у Лидочки дома, совершенно не обращала на это внимания. Вторая жертва — Осетров — сам принес шкатулку в милицию как вещь совершенно ненужную. Значит, тоже о двойном дне не знал. И о долларах не догадывался. Допустим, о деньгах знала Татьяна Иосифовна — недаром она три дня вела раскопки в квартире. Но о шкатулке она не подумала. Тогда остается лишь Алена. Только она знала о секрете шкатулки. Только она могла спрятать туда деньги. Это для следствия важно...

Лидочка в задумчивости зажгла газ, поставила на плиту чайник.

Но если она знала о деньгах и прятала их в месте, неизвестном даже возлюбленному, даже лучшей подруге, значит ли, что она им не доверяла? Нет, она могла прятать эти деньги от неизвестного убийцы и хранила молчание, чтобы не подвергать опасности друзей и любимых. Подумав так, Лидочка тут же сама себя остановила — это маловероятно.

Кофе горчил. Больше, чем нужно. Может, кто-то хочет ее отравить? Но ведь никто еще не знает, что ключ ко всем убийствам лежит у нее на кухонном столе.

Лидочка отодвинула стопки денег.

Что же теперь делать? Впрочем, выбор невелик — дождаться, пока придет Шустов, и отнести ему деньги. Пускай разбирается.

А откуда у Алены такие деньги? Кто их оставил ей, кто доверил? Для кого она их прятала?

Надо позвонить Шустову, чтобы он приехал. Андрей просил не выходить на улицу. Но ведь Лидочку никто не подозревает...

Прежде чем Лидочка успела позвонить в милицию, ей позвонила Соня. Как на работу. Дня не проходило без ее звонка. Этой толстухе до всего есть дело — то она мчится к чужой маме, чтобы та спасала дочку от смерти... Но ведь оказывается права. Если бы Татьяна приподняла свой зад и отправилась в Москву, Алена, скорее всего, осталась бы жива.

— Я тебя не разбудила? — спросила Соня.

— Нет.

— А что ты делаешь?

— Завтракаю.

— Ты счастливая, Лидка, ты можешь спать и есть. А я не могу.

— Почему?

— Мы все для тебя чужие. Совсем чужие. Ну, убьют меня сегодня — ты взгрустнешь на две минуты и пойдешь дальше своим путем.

— Соня, не говори красиво.

— Я стараюсь вообще говорить поменьше. Мой язык — мой враг. Если бы ты знала, сколько раз я себя подставляла. Скажи, можно я к тебе приду?

— Я собираюсь уходить...

— У тебя кто-то есть? У тебя мужчина?

— У меня нет мужчины.

— Но ведь твой муж в командировке.

— Если ты выйдешь замуж, то будешь ждать, когда муж уедет в командировку, чтобы поскорее ему изменить?

— Может быть.

— Тогда тебе нет смысла выходить замуж.

— Вот меня никто и не берет, — Соня засмеялась. — А куда ты собралась?

— К Шустову.

— Что-нибудь обнаружилось?

— Ничего особенного.

— Нет, ты скажи, скажи! Пойми, как мне это важно.

— Я обещала к нему пойти.

— Зачем?

— Ну, потому что я вчера нашла труп Осетрова. Ты что, забыла? — придумав убедительный предлог, Лидочка обрела уверенность.

— Он тебя с утра вызывает?

— С утра. А как ты думаешь, что они искали? — Лидочка перешла в наступление.

— Кто «они»?

— Убийцы.

— Деньги, конечно же, деньги.

— Те триста долларов, про которые ты говорила?

— Нет, про те они не знали. Они их у меня хотят отобрать. Они другие деньги искали.

— Откуда же деньги у старшего научного сотрудника?

— Им всем раздали, когда компартию распустили. Руководящим работникам по несколько тысяч долларов, это всем известно.

— Значит, это твой однокашник?

— Кто? — не поняла Соня.

— Петрик. Он же ссужает деньги.

— Ой, не знаешь, помолчала бы! Петрик — честный мужик. Ему чужого не надо.

— Почему же его боишься? Сама говорила, что он за триста долларов голову оторвет.

— Ты меня не так поняла. Сейчас у Петрика кризис. У него каждый бакс на счету. Он за цент глотку перегрызет. Потому что человек в стрессе меняется.

— И он мог убить Осетрова за триста долларов? — настаивала Лидочка.

— Он вообще никого не в состоянии убить! — Соня встала на защиту своего однокашника. — Он у нас в классе почти отличником был. Если бы ты знала, какое у него было тяжелое детство.

Спор был не по существу, о чем Лидочка и сообщила Соне. Соня обиделась на нее, и тут Лидочка, чтобы остановить поток слез, готовых вырваться из Сони, спросила, как оказалось, ошибочно:

— А сколько ему нужно, чтобы убить из-за этого человека?

— Я тебя не поняла.

— Ну сколько, тысячу долларов, три тысячи, десять тысяч?

— Нет! Нет!

— Двадцать тысяч? — Лидочка вдруг почувствовала себя подобно ведущему телевизионной игры, который спрашивает: «Ну, приз или миллион рублей?», и на очередное «нет» Сони, она произнесла:

— Тридцать пять тысяч?

— Сколько? — спросила Соня.

— Тридцать пять тысяч, — слово уже вылетело.

— Не надо, — после долгой паузы сказала Соня. — Глу-

пый спор, и ничего мы с тобой не вернем. Мне страшно и одиноко. Можно, я приду к тебе погреться? Возле тебя тепло.

— Нет, Соня, давай перенесем встречу на вечер. Сейчас я в самом деле ухожу к Шустову.

— Вечером меня может не оказаться в живых.

— До вечера, — сказала Лидочка и повесила трубку.

Не надо было произносить цифру тридцать пять. Если Соня откуда-то знает о деньгах, именно эта сумма должна ее насторожить. Но вроде бы она не обратила внимания...

Лидочка набрала номер Шустова. Никто не подошел. Было девять часов. Шустов может быть во Внукове. Он осматривает сторожку и ищет следы убийц. А может быть, вчера поздно вернулся и лег спать.

Стоит отнести деньги самой. Именно сейчас, пока тихо и все бандиты еще досыпают последние сны.

Но выйти на улицу было страшно — и Андрею она обещала не выходить. Нет, лучше спрятать как следует деньги, а самой пойти в отделение милиции.

Почему такое странное решение пришло ей в голову, Лидочка понять не могла. Ну сидела бы дома, не подходила к телефону, ждала бы, пока придет на службу Шустов или хотя бы Соколовская. Позвонила бы в крайнем случае в милицию, заявила, что к ней ломятся бандиты, — но не стала бы избирать самую глупую линию поведения.

Лидочка сложила доллары в пачку и направилась к бельевому шкафу.

Открыла нижний ящик и вознамерилась спрятать доллары под белье. И тут же мысленно услышала фразу, сказанную сыщиком в каком-то американском фильме: «Все мужчины прячут деньги в книгах, все женщины — в белье». Раз так, то она спрячет деньги в книгах — никто не догадается.

Она подошла к стеллажу и тут же подумала: а почему кто-то должен искать деньги у меня? Ах да, она сказала о тридцати пяти тысячах Соне, и Соня может сказать кому-то еще. Надует щечки и скажет: «Только не бейте меня!»

А почему надо прятать деньги в стеллаж, если у нас есть замечательный тайник? Одна покойница его уже использовала!

Лидочка стала запихивать деньги обратно под дно шкатулки. При этом она умудрилась поглядеть в окно и увидеть,

что на градуснике опять десять мороза и придется надевать пуховку. О чем она думает! Какая еще пуховка?

Она засунула все деньги в шкатулку, защелкнула пенал двойного дна и стала думать, куда ее спрятать. Потом догадалась, что прятать ее не следует — шкатулку все видели, и никто на нее не реагирует. Лидочка взяла сапоги, потом решила, что Шустов, наверное, уже пришел, и направилась к телефону.

И тут позвонили в дверь.

И вдруг Лидочке стало страшно.

* * *

Лидочке показалось, что это пришли бандиты.

Она на цыпочках сделала два шага, отделявшие ее от двери, держа в руке так и ненадетые сапоги, наклонилась и осторожно отвела в сторону крышечку глазка.

Она успокоилась.

За дверью стояла одна Соня — расхлюстанная, платок набок, шуба нараспашку. Круглые щечки опять стали вишневыми — столь обильно она орошала их слезами.

Соня словно догадалась, что Лидочка ее видит и приложила палец к губам, призывая Лидочку к молчанию. Этот жест был совершенно непонятен. Но так как Лидочка не спешила открывать дверь, опасаясь, что за лифтовой шахтой могут скрываться злоумышленники, которые держат Соню в лапах, Соня позвонила снова, прерывисто, словно выбивала непонятную Лидочке морзянку.

Убедив себя в том, что Соня на лестничной площадке одна, Лидочка приоткрыла дверь.

— Ты что? — спросила она шепотом.

— Пусти меня! Скорее. Они могут меня выследить, тогда нам обеим кранты!

Лидочка приоткрыла дверь шире, чтобы несчастная Соня могла протиснуться, но Соня оказалась толще, чем Лидочка рассчитывала, и потому застряла в дверях, и пришлось открыть дверь настежь.

Соня протискивалась медленно, боком, она наваливалась на Лидочку в тесной прихожей и говорила быстро, шепотом:

— Меня могут преследовать, ты будь крайне осторожна! Я боюсь!

Но как и откуда появились еще двое, Лидочка тогда не сообразила потому, что они ворвались в прихожую за спиной Сони, как будто пассажиры, кидающиеся в вагон метро, когда двери уже закрываются.

Лидочка потеряла равновесие и упала на спину, не почувствовав сразу боли, потому что те мгновения, когда все это приключилось, были слишком коротки для того, чтобы понять — что же вообще происходит.

Лидочка полусидела на полу, неудобно опершись спиной об угол вешалки, на ней, пыхтя и повизгивая, лежала мягкая горячая Соня, один из ворвавшихся захлопнул дверь, второй наклонился и потащил Лидочку за рукав кофты.

— Что вы делаете? — к Лидочке возвращалась способность говорить и возмущаться, но бандит не желал с ней разговаривать — он упрямо тянул ее из-под Сони и одновременно пытался ногой оттолкнуть Соню, которая ему мешала.

— Ну! — крикнул он Соне и Лидочке, как бы требуя, чтобы они ему помогали. — Ну!

Второй пришел к нему на помощь. Он рванул на себя Соню, и она клушей уселась на пол — толстые коленки в теплых желтых колготках торчали врастопырку.

И тут Лидочка узнала во втором бандите Петрика, Алика Петренко, который так вроде бы заботился о ней после покушения, что посылал Ларису с советом молчать и не вмешиваться. Алика Петренко, предмет гордости его однокашников, с которым они только что стояли рядом у гроба Аленки. Алика Петренко, с которым Лидочка познакомилась чуть раньше, чем с остальными действующими лицами драмы, и чуть не получила из-за него пулю в лоб.

— Алик! — удивилась Лидочка, поднимаясь на ноги, хотя удивляться было нечему — все становилось на свои места. Обо всем надо было догадаться раньше, только заменив несчастные триста долларов, собранные для шоп-тура, на тридцать пять тысяч, оказавшихся во владении Алены Флотской.

Как бы в ответ на возглас Лидочки телохранитель Петренко, а Лидочка тоже его узнала, неожиданно и больно ударил ее по лицу — открытой ладонью, как бьют женщин низкого поведения в классических фильмах. Голова дернулась и ударилась о вешалку. Лидочка больно прикусила язык.

— Вы что...

Больше она ничего не успела сказать. Упершись ей в лицо широкой жесткой ладонью, телохранитель толкнул ее в комнату, и Лидочка ударилась спиной о стул, стул упал, она попыталась ухватиться за что-нибудь, но ничего под рукой не оказалось, и она завалилась на бок. Тут ее ударили сапогом в бедро.

Зазвонил телефон — он стоял на кухне — звонил долго, без перерывов, как будильник.

— Да выключи его! — крикнул Петрик.

И тут же закричал снова:

— Не так, пускай Сонька подойдет. Ты слышишь, сука?

— А что, а что? — Сонька умудрилась подвывать от страха при каждом слове.

— Да скажи ты, что не сюда попали!

Лидочка старалась подняться, но телохранитель, облаченный в ту же черную кожаную куртку, в которой был на похоронах, приказал ей:

— Сидеть!

Лидочке захотелось вдруг стать маленькой и незаметной и проснуться, когда все уже кончится. Главное — не сердить их, тогда они уйдут.

Из кухни было слышно, как Сонька произнесла плачущим голосом:

— Вы не туда попали... нет, это другой номер.

— А теперь сними трубку, — приказал Петрик. — Вот так.

Он вошел в комнату и остановился, глядя на Лидочку.

— Вы что на полу сидите? — спросил он так, как спросил бы любой нормальный человек.

Лидочка послушно поднялась, оглянулась. Стул был опрокинут, никто не собирался ставить его на место. Пришлось сесть на диван.

— Где деньги? — спросил Петрик.

— Что? — от такого вторжения Лидочка вовсе забыла о деньгах. Потому вопрос ее был искренним.

— Где тридцать пять тысяч баксов? — спросил Петрик терпеливо.

— Тридцать пять тысяч? Я не понимаю.

Ситуация возвращалась к нормальному течению жизни. Она была опасна, она была неприятна, но, по крайней мере, теперь все становилось на свои места. Недаром ей показалось еще вчера, что Сонин разговор прослушивают, — видно, Петрик, старый школьный друг, смог запугать Соньку и включиться в поиски таинственных денег, спрятанных перед смертью Аленкой. И во всем виновата сама Лидочка, которая в разговоре с Соней неосторожно упомянула именно эту цифру. Все произошло по законам Фрейда — подсознательно она думала о тех долларах, которые нашла в шкатулке. А Соня или же стояла в тот момент рядом с Петриком, или проговорилась под его нажимом. Впрочем, это сейчас не так важно. Важно убедить Петрика, что она и представления не имеет, о каких деньгах идет речь.

Петрик лениво кивнул — как будто встретил на улице малознакомого человека, и Лидочка не поняла, что означает этот кивок. Но тут же телохранитель, почти не размахиваясь, ударил ее в глаз — никогда еще Лиду так не били: удар был болезненным, и ей показалось, что сместились шейные позвонки.

Лидочка схватилась за глаз, и телохранитель ударил ее в живот, руки у него были длинные, ему почти не пришлось наклоняться.

Лидочка согнулась, не отпуская рук от глаза.

— Ты будешь говорить? — спокойно спросил Петрик. Лидочка не поднимала головы и не открывала глаз, но представляла перед собой эту плотную статную фигуру в широком, верблюжьего цвета пальто, эти розовые детские щеки, эти добрые маленькие глаза. Он был как брат Сони — только Соня вся мягкая, податливая, близорукая и щечки мягкие, тронь пальцем — палец провалится, тогда как у Петрика тело и лицо были упруги, тверды, надуты молодым мясом.

— Я не знаю.

— Тогда слушай меня, курва, внимательно, — сказал Петрик. — Времени у меня мало. Так сказать, на земле меня ждет быстрокрылая птица. Без этих баксов моя жизнь за рубежом осложнится. Мне надо скрываться от плохих мальчиков, моих врагов, мне надо жить и основать свой бизнес. У меня большие планы. Так что мои деньги мне нужны, ты поняла?

Лидочка ничего не поняла. Глаз болел — как бы бандит не повредил его...

— Сейчас ты скажешь мне, где лежат эти бабки. Они все равно не твои, и тебе они не нужны. У тебя муж зарабатывает — тебе не нужно.

— Я не знаю, — произнесла Лидочка, скорее из чистого упрямства, потому что Петрик был совершенно прав — у нее муж хорошо зарабатывал и она сама зарабатывала — зачем ей нужны были эти чужие деньги? Но деньги были грязные, из-за этих денег убили Алену и Осетрова. Эти деньги надо отдать лейтенанту Шустову, и пускай он сам разбирается, кому они принадлежат.

Телохранитель больно ударил Лидочку в бок; оттого что она не ожидала удара, получилось особенно больно — Лидочка даже вскрикнула.

— Кричи — не кричи, — наставительно произнес Петрик. — Тут стены толстые — в соседних квартирах не слышно. В десятом классе я в этом доме одну телку тянул, она вопила, как коза недорезанная, — хоть бы кто услышал.

Петрик говорил серьезно, а телохранитель громко рассмеялся.

— Ты внимательно слушай, — продолжал Петрик ровным и скучным голосом. — Времени у нас нет. Гоша будет тебя мучить. Он тебе сделает очень больно. Он выдавит твои глазки и сломает твои пальчики — и никто тебе не поможет. Подумай, стоят ли чужие деньги таких мучений?

Лидочка не ответила. Ей был отвратителен этот поучающий тон, эта уверенность в себе, ей хотелось, чтобы Петрику было плохо, чтобы он трусил, бесился, и чтобы ему не достались эти деньги, и не улетел он в Австралию-Португалию. Невозможно было подумать, чем это может грозить ей самой, — злость на Петрика была сильнее.

— Неужели ты не понимаешь, курва, что из-за этих бабок уже несколько человек концы отдали? Сначала я.

— Как так? — Лидочка попыталась поднять голову.

Петрик усмехнулся.

— Ты же сама видела, как меня истребляли эти козлы зверские.

— К сожалению, не истребили.

— К сожалению или к счастью, но Алену тоже убили из-за этих бабок.

— Вы убили?

— Убили, и дело с концом.

— Потом Осетрова.

— Лидия Кирилловна, — согласился Петрик, обнаружив, что знает ее отчество, — вы видели этого глупого и жадного человека и знаете, как он умирал? Как раздавленный муравей.

Телохранитель снова засмеялся. У Петрика был очень веселый телохранитель. Петрик подождал, пока Гоша отсмеется, и продолжал:

— Мы ошиблись. Не было у Осетрова денег, не нашел он их. А завладела ими ты — человек совсем уж случайный. Как это получилось?

— Не знаю.

— Гоша, сделай тете больно, — посоветовал телохранителю Петрик. — У нас нет времени на долгие беседы.

Гоша крепко, но почти нежно взял руку Лидочки, и когда она стала рваться, испугавшись этой нежности, он принялся отгибать ее указательный палец назад.

— Не надо! — закричала Лида. Она не собиралась становиться героиней.

— Ой, не надо! — Соня бледная до синевы появилась в дверях. — Пожалуйста, не надо, она все скажет.

— Подожди, Гоша, — сказал Петрик, дав Соне возможность выговориться.

Гоша чуть ослабил давление на палец, и боль отпустила.

— Лидочка, пожалуйста, отдай им деньги. Ну отдай же! Они не отстанут! Они Осетрова убили! Они всех убьют, они такие люди.

— Вот, слышишь голос народа, — подтвердил ее слова Петрик. — А ей лучше знать.

— Не делайте ей больно, она все скажет! — повторяла Соня.

— Поймите, Лидия Кирилловна, — заявил Петрик, облокачиваясь на зеркальную дверцу платяного шкафа, отчего Петрик как бы удвоился и стал каким-то монстром, — меня не интересуют ваши рассуждения или терзания. Меня интересуют мои деньги. Понимаете, мои! Я их дал на сохранение

Алене Флотской. Об этом узнал ее любовник, Осетров. Подтверди, Сонька.

— Да, так и было, — скучным голосом сказала Соня.

— Он отравил Аленку: воспользовавшись тем, что она ему пригрозила отравиться, решил, что подворачивается удобный случай... Все подумают, что так и было. Она поиграть хотела, чтобы он от жены ушел, а он воспользовался, — простая история, как в американском сериале про Марию.

Петрик усмехнулся усталой улыбкой делового человека, измученного конференциями, симпозиумами, контрактами, презентациями и организованным развратом в дорогих казино. Усмешка была такой отрепетированной и лживой, что Лидочка на секунду забыла о том, что над ней нависает груда тупых мышц по имени Гоша.

— Но бабки эти — мои! Понимаешь, мои! Их для меня Сонька там спрятала! За процент. Я сам в бегах, меня кинули на большие бабки, очень большие — тебе такие и не снились. Мне кредит не вернуть, теперь они меня кончить хотят — счетчик включен. Я бы ушел неделю назад — но бабки Аленкины пропали. Я тебе честно говорю, кем мне быть... Ты отойди, Гоша, не действуй на нервы, пойди на кухню, приготовь нам кофе. И ты, Соня, помоги Гоше.

У Петрика было не лишенное привлекательности открытое славянское лицо, чересчур полное, чересчур тугое, но ничего преступного в лице не было.

Спутники Петрика вышли из комнаты — впереди Соня, сзади, подталкивая ее, Гоша.

— Вы извините, Лидия Кирилловна, что я разрешил Гоше вас ударить. Это от нервов. Я в таком стрессе живу, голова кругом идет. Честное слово, я не хотел.

А ведь искренне полагает, что ничего особенного не произошло — зашли в квартиру, врезали в глаз, отломали палец — ничего особенного. А теперь поговорим, как культурные люди. Он был даже не мерзавцем, а каким-то обрубком человека, в котором недоставало самых обыкновенных человеческих качеств, чего он не замечал, потому что болезнью этой страдали и люди, которые его окружали. Они так быстро схватили все то, о чем раньше им рассказывали лишь в американских фильмах, что искренне своими динозаврьими мозгами, способными к ограниченным функциям — обманы-

вать, отнимать, пугать, — полагали естественным деление мира на своих — таких же, как они, и неких прочих — ряды которых они так недавно покинули и куда страшились возвратиться. За сумму полученных удовольствий им приходилось платить повышенным риском существования, потому что хищники, питавшиеся ими, далеко превосходили Петрика и Гошу по жестокости и полному отсутствию человеческих качеств сродни жалости, морали и состраданию.

Не дождавшись от Лидочки отпущения грехов, Петрик продолжал, стараясь убедить ее в своей правоте:

— И понимаете, что случилось, — вы обхохочетесь...

Эта перспектива Лидочке не угрожала.

— ...Вдруг мы узнаем, что Алена отдала концы. Я лежу на койке в больнице, шлепнутый на разборке, Сонька утром приехала к Алене и видит, что та мертва. Понимаешь? Я не в курсе. Сонька — моему партнеру, ты его не знаешь, — так и так, Аленка концы отдала, понимаешь?

На кухне шумела вода, оттуда доносились неразборчивые голоса. Гошин, резкий, рваный, будто он все время матерился, и Сонькин, плачущий, молящий.

— Эй вы, потише там, уши оборву! — прикрикнул Петрик в открытую дверь. Потом он вновь обернулся к Лидочке. — Аленка концы отдала, а бабок нет. Понимаешь — Сонька знала, где бабки. Аленка держала ее в курсе. Мало ли что случится. В сортире, в бачке, в пластиковом мешке, сечешь? Сонька первым делом туда — она же боялась, понимаешь? И нет бабок. Тридцать пять тысяч баксов.

Словарный запас у Петрика был невелик, и любопытно было, как он смог закончить школу с такими способностями.

Петрик поднял стул и сел напротив Лидочки, чтобы быть ближе и говорить тише. Почему-то он опасался и своего Гоши. А может, не доверял Соньке. Черт разберет его примитивную, но хитрую душу.

— Мне в больнице сообщили. А я там лежал и думал — как рвануть, пока не добили, — они же найдут, сама понимаешь. Только Лариска мне шмотки принесла, Гоша прикрыл, тут мой напарник рапортует — бабки накрылись. Ну, у меня крыша поехала от такой невезухи. Понимаешь?

Петрика смущало отсутствие заинтересованной реакции собеседницы. Ведь он полагал Лидочку именно собеседницей, совершенно не замечая заплывшего глаза и посиневшей щеки.

— Ты хоть слышишь? — спросил он. Но понял, что, конечно же, слышит и счел за лучшее продолжать: — Я сразу вычисляю, кто там был. Понимаю, что Осетров. И вычисляю — просто, как в аптеке. Аленка решила этого Осетрова купить за мои бабки, сечешь? Тридцать пять штук — на это можно начать новую жизнь на острове Гаити или под городком Рига. Но Осетров просек иначе — зачем делиться с телкой, которая надоела? Он ее подкормил чем надо, бабки взял — и долой. Теперь тебе расклад ясен? Ну ладно, молчи, обижайся, хоть и не права. Люди и за меньшие бабки горло перегрызали, а я тебе ничего плохого пока не сделал. Я тебе только ситуацию проясняю. Чтобы ты понимала мою позицию... Значит, бабки у Осетрова, так? А где он их прячет? Надо его брать и колоть. Но он не дурак — он сразу рванул. Но куда? Где его найти? Я уж понял — с концами. Но ты нам помогла.

— Как? — Лидочка настолько удивилась, что нечаянно нарушила обет молчания.

— Ты Соньке сказала, что Осетров в лыжном костюме из дома ушел, чем, так сказать, подписала ему смертный приговор.

И Петрик довольно засмеялся. Вот смеяться ему было нельзя — лицо его не было приспособлено для смеха, оно стало глупым и гнусным. Впрочем, Лидочка вынуждена была себе признаться, что ее суждение необъективно. Она ненавидела эту рожу как воплощение всех современных пороков больного общества и как холодного мерзавца — он не мог показаться ей красивым или привлекательным.

— Я вычислил, — сказал Петрик. — У меня котелок не зря привинчен. Я вычислил, куда он мог рвануть в лыжном костюме — не в Ригу же! Значит, близко от Москвы. А дачи у него нет. Значит, в какое-то такое место, где холодно и неуютно. С целью — отсидеться и спрятать деньги. А может, и не отсиживаться — хрен его знает. Главное, я понял, где он прячется — на сгоревшей даче, у Аленкиной бабки. Во Внукове. Методом исключения. Сечешь?

Конечно же, секу, подумала Лидочка. Ему нетрудно было сделать такой вывод, особенно если рядом, неизвестно в какой роли — жертвы или сообщницы, находится однокашни-

ца и лучшая подруга Аленки, которая знает, где расположено бабушкино пепелище. Пепелище, куда и Осетров не раз ездил со своей любовницей, — хозблок, который лишь в бездомной России может служить уютным шалашом для возлюбленных. Все думали, что дача-то сгорела, а про сарайчик никто не подумал. Но Осетров подумал, а потом и Сонька подумала.

— Я только не мог догадаться, — продолжал Петрик, расстегивая пальто — ему стало жарко, — я не мог догадаться, что он сам деньги ищет. Я сам там не был, но люди, которые там работали, говорят, что он нечеловеческие муки выдержал — и не признался, где деньги спрятал. Такие не выносят. Я ятвягов на это дело отправил. Они русских ненавидят. Им мучить русского — одно наслаждение.

Петрик наклонил голову и внимательно посмотрел на Лидочку.

— Хочешь сказать, что я — убийца? Нет, я никогда никого пальцем не тронул. Мне это доктора не велят. Но ты пойми — довести можно любого. Я тоже хочу быть честным бизнесменом, ездить на своем «Мерседесе» и делать деньги. Но мне не дают! Я живу на помойке, в говне собачьем! Как я выбью свои деньги, если никто не хочет играть честно? Я спать ложусь — боюсь, что не проснусь.

Петрик разжигал себя, он говорил все громче. На кухне замолчали, прислушиваясь к монологу.

— Как мне достать Осетрова, если он украл мои бабки — ведь только двое знали про деньги. Сонька слишком меня боится, чтобы утаить — да и как она утаит, куда денет? А вот Осетров, комсволочь, решил меня прокатить. Вот и докатался. Получил, чего хотел!

— Но у него же не было денег! — вырвалось у Лидочки.

— Откуда я знал! Все против него! Может, если бы не исполнители, а я сам туда поехал, я бы поверил ему. А у ятвягов было задание — вынуть бабки. Они и прикончили его. Не поверили. Только удивились, какой упрямый, — ему так больно делали, а он денег не отдал. Его убивают, а он денег не дает... А теперь скажи мне, Лидия Кирилловна, как ты бабки перехватила?

Лида не ответила. Она все еще находилась в глупом, тупом состоянии, когда остатки разума диктовали ей единственный выход — немедленно отдать деньги этому бандиту! Но инстинкт самосохранения или чувство, схожее с ним, подсказывало иное: не сознаваться. Потому что как только ты сознаешься — пользы от тебя ровно грош, а вреда — в тысячу раз больше. Ты опасный свидетель. И тебя лучше и спокойней убить.

— Когда вы улетаете? — спросила Лидочка.

Петрик был удивлен. Светлые редкие брови уехали под космы желтых волос.

— Еще сказать — куда?

— Я спрашиваю — когда вы улетаете? — повторила вопрос Лидочка.

— Зачем тебе знать?

— Я хочу жить, — ответила Лидочка.

— Объяснись.

— Я объяснюсь, и вы ничем не рискуете, сказав мне правду.

— А если не скажу? Если совру?

— Вы же не знаете, что вам выгоднее — врать или не врать, в какую сторону врать...

Петрик задумался. Но не придумал ничего убедительного. Потому сказал, решив, видно, что ему и в самом деле ничего не угрожает:

— Рейс у меня в четырнадцать сорок.

— Куда?

— Неважно. За границу.

— Границ теперь много.

— Границ теперь много, — повторил Петрик. — Зачем спрашивали?

— Осталось четыре часа. Вам пора уже собираться.

— Пора. А я теряю на вас время.

— Тогда я объясню. Честно. Потому что надеюсь, что вы мне не соврали.

Петрик вдруг обиделся.

— Погоди! — приказал он. Он дотянулся до двери в коридор. Толкнул ее и громко спросил телохранителя: — Гоша, во сколько рейс?

— Четырнадцать сорок две. Люфтганза.

— Вот это лишнее, — заметил Петрик. — Когда тебе задают вопросы, то отвечай на вопрос, а не про Люфтганзу.

— Так ты же сказал, когда рейс?

— Ты бы еще номер сказал.

— Семнадцать тридцать два, а что?

Петрик закрыл дверь и сказал, цитируя какой-то фильм:

— Видите, с какими людьми приходится работать.

Он снова опустился на стул и деловито спросил:

— Зачем задавали вопрос?

— Потому что я рассуждала, — сказала Лидочка, — говорить про деньги или не говорить.

— И что рассудила? — Разговор стал совсем уж мирным.

— Если бы рейс, скажем, завтра или сегодня ночью, — я бы предпочла рискнуть.

— В каком смысле?

— Чтобы вы пытались из меня выбить информацию о деньгах. Может быть, вам бы это не удалось. И пришла бы милиция. Или кто-то еще. Мы не в джунглях.

— Мы в джунглях, — печально возразил Петрик. Но глазенки у него зажглись жадной надеждой.

— Если бы самолет был завтра, вы бы меня убили, как только я сознаюсь.

— Почему? Мы никого не убиваем.

— Вы еще можете изображать справедливый гнев?

У Петрика не было чувства юмора. Он очень рассердился, и даже рука сжалась в кулак.

— Успокойтесь, — сказала Лидочка. — Вам нет нужды меня убивать. Потому что до самолета осталось всего ничего. Свяжите меня, и дело с концом.

— Значит, скажете, где бабки?

— Вы должны были давно догадаться. Я знаю, где они. Они у лейтенанта Шустова.

Позже Лидочка не могла себе объяснить, какой черт дернул ее за язык! За секунду до этого она и в мыслях не имела подобной дерзости. И, совершив этот глупейший шаг, Лидочка даже не сообразила сразу, что наделала.

— У какого лейтенанта? — тихо спросил Петрик.

— У Шустова.

— Когда?

— Вчера. В поселке. Они их нашли. Тридцать пять тысяч. Осетров закопал их.

— А ты откуда узнала?

— Шустов сказал. Тридцать пять тысяч. В жестяной банке.

— Почему Шустов сказал?

От двери раздался голос Сони. Ее было почти не видно за прикрытой дверью.

— Шустов к ней неровно дышит.

— Помолчи, — приказал Петрик.

Он поднялся, подошел к окну, он думал.

— А где была закопана жестяная банка? — спросил он.

— Не знаю. Откуда мне знать. Шустов сказал, что была банка и в ней тридцать пять тысяч.

— Нет, — сказал Петрик. — Я тебе не верю. Я ятвягам верю. Я верю, что Осетров сам искал деньги, потому и приехал на дачу, чтобы их найти. Думал, что Алена их там припрятала. Потому и приехал. А не для того, чтобы от милиции скрываться. От милиции так не скрываются, а ради бабок он уже женщину убил, значит, он на все пошел бы.

— Вот и не признался, — сказала Лидочка.

— Нет, не верю. Деньги у тебя.

— А может, их Татьяна Иосифовна нашла? — спросила Соня из-за двери.

— Она бы не стала Лидии Кирилловне говорить. Она бы никому не сказала! Она бы уже на дороге в Израиль находилась, кем мне быть!

Гоша засмеялся.

— Гоша, — попросил Петрик, — будь дружок, покажи этой суке все, что ты умеешь делать.

— В Израиль, — повторил Гоша. У него были прижатые к голове уши и подбородок, убегающий, как у Габсбургов. — Петрик, дай мне ее трахнуть, — попросил он, как будто попросил купить мороженого. — Дай я ее потяну!

— Ой, не надо! — испугалась Соня. — Ой, не надо, мальчики!

— А что, — сказал Петрик, — это идея. Давай.

— Не надо! — завизжала Соня.

Петрик, почти не оборачиваясь, — угадал, куда бить, ударил ее в висок. Соня сползла вниз по двери — толстые руки были растопырены, как у старой куклы.

Гоша рванул к себе Лидочку, от него пахло чесноком, он

упал на диван, подмял Лидочку и стал рвать на ней свитер — было тяжело, вонюче, нечем дышать... и страшно... Ей хотелось утешить себя, что у него не получится, он не сможет... это все бред, это снится, — но у Гоши были каменные руки — можно было лишь царапать их — трещала материя, и Петрик, она на мгновение, крутя головой, увидела, как он улыбается, глядя вниз, и с удовольствием закуривает...

Лидочка понимала, что она должна успеть все сказать — сказать прежде, чем Гоша изнасилует ее.

— Я скажу! — закричала она.

— Что?

— Пускай он... пускай отпустит.

— Ни хрена! — рявкнул Гоша.

— Я тебе говорю — отпусти!

Но Гоша не слышал — он сражался с одеждой Лидочки и никак не мог все распутать.

И вдруг он взвыл и освободил Лидочку. Он поднимался, держась за бедро, видно, Петрик ударил его ногой.

Он матерился — тупо и страшно — и пошел на Петрика.

— Стой! — Петрик отступил в коридор.

— Я убью тя! — ревел Гоша. — Убью!

— Стой! — Петрик скрылся в коридоре. Гоша — за ним, и оттуда, из коридора, послышались короткие сухие удары — выстрелы. Крик Гоши оборвался на низкой, контрабасной ноте. Потом что-то мягкое и тяжелое ударилось об пол...

Лидочка догадалась, что это упал Гоша. И ей было радостно и тихо. Как будто все уже кончилось.

Петрик вошел в комнату. Он держал в руке пистолет.

— Ты его убил? — Оказывается, Соня присела за шкафом, в углу. Это она спросила шепотом.

— Он бы меня кончил, — сказал Петрик. — Ну ладно, времени в обрез.

Он наставил пистолет на Лидочку.

— Слушай, Лидия Кирилловна, мне теперь терять совершенно нечего. Или я вырываюсь из этой страны, или мне конец. Ты понимаешь...

— Алик, — просила Соня, так и не поднимаясь с пола, — Аличка, Петрик, не надо.

— Чего не надо?

Соня не ответила, только ныла.

Петрик не обращал на нее внимания.

Он смотрел на Лидочку.

— Говори, где бабки. Иначе я стреляю. И это хуже, чем то, что хотел сделать с тобой мальчик Гоша. Я стреляю тебе в руку. Потом в другую...

— Деньги в шкатулке, в двойном дне. Я их случайно нашла. На кухне, на столе, — быстро заговорила Лида.

Лидочка поняла, что смертельно устала и ей ничего не нужно — ни денег, ни правды, ни торжества справедливости...

— Сонька, проверь, — приказал Петрик.

— Сейчас, — сказала Соня, поднимаясь, — сейчас, одну минутку.

Она поднялась, держась за стену, и так, перебирая рукой по стене, по шкафу, вышла на кухню.

— Переверни, — объяснила ей вслед Лидочка, — и потяни.

— Я не знаю, — откликнулась Соня, — не получается.

— Вставай, — приказал Лидочке Петрик, не опуская пистолета. — Покажешь ей, как надо.

Оказалось, что очень трудно подняться с постели, потому что вся одежда сбилась в какой-то клубок, Лидочка все же смогла оправить свитер. Она застеснялась поправлять колготки, и Петрик понял — сказал:

— Я на тебя не смотрю. Ты для меня все равно что говно коровье. Быстро!

Лидочка поверила, что это так и есть, — он не видел ничего, кроме денег.

— Отойдите, — сказала она. Петрик шагнул в сторону, освобождая ей проход. Лидочку шатнуло.

Она вышла на кухню. Юбка на ней была разорвана. Краем глаза в конце коридора она увидела лежащую груду одежды — это и был Гоша. Но туда не надо было смотреть.

На кухонном столе лежала опрокинутая кверху дном шкатулка, и Соня бессмысленно возила по ней ладонью.

Лидочка спиной почувствовала, что Петрик обернулся и смотрит ей вслед.

Лидочка уже привычно провела рукой по днищу шкатул-

ки, и дно отъехало в сторону. Пачки долларов разбежались по столу.

— Ой! — пискнула Соня.

— Они, — сказал Петрик.

Он подошел к столу — для этого ему пришлось оттолкнуть Лидочку. Она отшатнулась от стола, и у нее мелькнула мысль — кинуться к окну, разбить его и закричать — может, он не посмеет выстрелить? А если посмеет?

— Сумку! — приказал Петрик.

Он стоял в двух шагах от Лидочки, но эти два шага были длинными, как стометровка, — никогда не достать, не выбить пистолет, ничего не сделать.

— А где? — спросила Соня.

Как всегда в моменты нервного напряжения, она покраснела, глаза наполнились слезами и распухли, по щечкам побежали синие жилки. Волосы прядями выбились из пучка и висели макаронами по обе стороны щекастого лица.

— В коридоре на тумбочке. И быстрее!

— Я понимаю, — сказала Соня, — я знаю, нам надо спешить.

Лидочка равнодушно и устало смотрела, как Петрик собирает деньги в пачку, потом он, видно, передумал класть их в сумку — понял, что пачки поместятся в карманах. Сонечка вошла с сумкой, и он сказал:

— Не надо, обойдусь!

— И что? — спросила Соня. Она вела себя, как автомат.

— Что будем делать с Лидией Кирилловной? — спросил Петрик.

Лида обернулась к нему и увидела, что на пальто спереди брызги крови, — попало, когда он убил Гошу.

— Ничего не надо делать! — попросила Соня.

— Дура. Через три минуты она будет в милиции.

— А она пообещает.

— Пообещает? — Петрик даже удивился. — Пообещаешь? — это уже относилось к Лидочке.

А ей было настолько все равно, настолько голова отказывалась работать, что она ответила:

— Нет, не обещаю.

— Вот видишь, — сказал Петрик. — Придется убирать.

— Ой, только не это, уже столько всего...

— Трупом больше, трупом меньше, — философски заметил Петрик.

— Давай ее запрем в комнату.

— Чтобы она выпрыгнула через окно?.. — Петрик почесал пистолетом за ухом, и Лидочка вдруг вознадеялась, что пистолет выстрелит. Ради торжества справедливости. Но пистолет не выстрелил.

— Ладно, — сказал Петрик, — я же не дикий. Только смотри, чтобы хуже не было. Вяжи ее к стулу.

Он сунул руку в сумку, достал оттуда большой рулон серой пластиковой липкой ленты, какой грузчики обматывают вещи при перевозке.

— Садись! — приказал Петрик. — Если не сядешь сразу — пристрелю. Ты же должна понимать!

И Лидочка поняла, что у Петрика в самом деле нет выхода. Он не может оставить ее на свободе.

Она села на стул.

— Руки назад! — приказал Петрик. Потом велел Соне: — Заматывай кисти. Как следует! Не в детские игры играешь.

Соня почему-то сказала:

— Извини, Лида.

Она ничего не ответила. Очень болели глаз и бедро — видно, вывихнула его, сопротивляясь Гоше.

Петрик положил пистолет на стол и сказал Соне:

— Давай сюда ленту.

Он начал мотать поверх повязки, сделанной Соней. Сразу руки стянуло так, что стало трудно шевелить пальцами.

— Вот так, — сказал Петрик. — Именно так. Теперь не брыкайся, а то пострадаешь.

Он был в отличном состоянии духа. И причина тому была раскрыта им тут же:

— Греют баксы, лежат на груди и греют.

Петрик опустился на корточки и принялся приматывать ноги Лидочки к ножкам стула. Соня принесла ему нож из кухни, чтобы не рвать, а резать ленту. Петрик мотал быстро и ловко. Лидочка ощутила себя частью стула — вот такой стул, состоящий из деревянной и мясной частей. Можно сесть и облокотиться.

— А теперь, — сказал Петрик, — последний штрих.

Он начал заматывать лентой и рот Лидочки. Она крутила головой, толкала ленту языком, чтобы оставить себе место перед губами — но Петрик оказался хитрее и сноровистее. Лидочка была закована абсолютно надежно и понимала, что в отличие от приключенческих романов, в которых героине обязательно удастся ослабить узы и скинуть оковы, ее положение безнадежно.

Петрик отступил на шаг. Он был доволен.

— Живи, — сказал он Лидочке. — И благодари меня. Ейбогу, на моем месте другой обязательно бы тебя пришил.

Соня сказала:

— Я боюсь одеваться, он там лежит.

Увидев, что Лидочка связана, она как бы сняла с себя ответственность за ее дальнейшую судьбу — Лидочке ничего не угрожало.

— А тебе не нужно одеваться, — сказал Петрик. Он снова был настороже, пистолет в руке.

— Ты что, Петрик?

— Садись на другой стул, — предложил ей Петрик ровным и даже веселым голосом.

— Ну ты что, шутишь, да? Шутишь? — в голосе Сони вновь возникли хныкающие интонации.

— Хватит, — отрезал Петрик. — Хочешь жить, садись на стул.

— Но мы же с тобой улетаем в Германию, — произнесла Соня, теряя уверенность в себе и в отлете.

— Нет, — сказал Петрик. — Ты не летишь в Германию. Боливар двоих не свезет.

— Какой еще Боливар?

— Надо читать художественную литературу. Вот твоя подруга Лида наверняка читала писателя Джека Лондона.

Лиде вдруг захотелось поправить этого идиота и крикнуть: «О'Генри!», но лента цепко и плотно замотала рот. Ни звука не издашь.

— Петрик, миленький, ты же меня не бросишь? — умоляла Соня. — Я же все для тебя сделала.

— Лучше помолчи. Сама же просила Лиду оставить жить — теперь при ней помолчи.

Но Соня не поняла предупреждения.

— Я не о Лиде! — закричала она, видя, что Петрик взял со стола катушку ленты. — Я о себе. Петрик, ты же обещал!

— Садись!

Самое удивительное, что Соня настолько, видно, привыкла подчиняться Петрику, что она пододвинула второй стул и села на него. Не могла не сесть.

— Петрик, — сказала она. — Я же ради тебя грех на душу взяла. Ты забыл, да? Ты поклялся, что за это меня увезешь! Ты меня любишь, ведь любишь? Ты меня не обманывал?

Петрик стал отматывать конец ленты.

— Петрик, я же твою таблетку ей подложила в бутылочку!

— Подложила так подложила, твое дело. А я думал, что Осетров подложил. А оказывается, ты у нас — отравительница!

— Ну зачем ты так говоришь? Ведь ты мне дал таблетку. И даже посоветовал с Аленкой все спланировать, и письмо мы с ней придумали для Осетрова! Ведь правда, Петрик?

— Не знаю. В первый раз слышу! Руки назад!

— Нет!

Он ударил ее по щеке, голова мотнулась, и Сонечка покорно протянула руки назад, чтобы Петрику было удобнее их связывать.

— Петрик, ты забыл, да? — Она была в тихой тупой истерике, и ей казалось, что если она напомнит Петрику все, как было, он спохватится, попросит у нее прощения и возьмет с собой в Германию. — Я же Аленку уговорила Осетрова вызвать и пригрозить. Я же не хотела ее убивать.

— Но пришлось, правда? — Петрик был занят, приматывая Соню к стулу, и спросил, как бы отвлекая ее от того, что с ней происходит.

— Но ведь тебе нужны были деньги, ты без них бы погиб! — закричала в ответ Соня. — Петрик, я же тебя спасла. Я все сделала, как ты велел. И таблетку в бутылочку подложила, и даже к Татьяне уехала для алиби.

Господи, все получается наоборот, поняла вдруг Лидочка. Они договорились с Аленой, что та устроит сцену с самоубийством для Осетрова, а лучшая подруга Сонечка подложила в бутылочку с таблетками одну лишнюю — поэтому-то Аленка и не смогла, как договорились, вызвать «Скорую»...

Сонечка-то, оказывается, любила этого злобного убийцу, и спасала его, и верила, что он возьмет ее с собой в сладкую заграницу. И ей не жалко было подругу — может, она любила его еще со школы и, когда он снова появился в ее не очень богатой поклонниками жизни, она растаяла, как снежная баба весной. Подложить лишнюю таблетку — и кинуться к маме подруги, чтобы уговаривать ее спасти подругу от самоубийства, — замечательное алиби, которое ничего не стоит, но никому не могло прийти в голову, что Сонечка может быть замешана в преступлении. А Петрику были нужны деньги... разве это деньги Петрика, вранье это все, это другие деньги, деньги, которые Петрик намеревался получить, чтобы спасти свою драгоценную жизнь. Значит, это были деньги Осетрова, оставленные ему тестем?

— Петрик, миленький, я же тебя люблю, я никогда никому не скажу...

— Не дергай ногами, — сказал Петрик. — Если тебя здесь найдут, то подумают, что ты тоже жертва.

— Но ведь мы летим в Германию, да?

— Очень дорогие билеты, — ответил Петрик. — Мне твой билет не по карману.

Соня не почувствовала издевки.

— Но у тебя же теперь тридцать пять тысяч лишних...

— Лишних денег не бывает.

— Петрик, отпусти меня, я буду молчать... только отпусти.

— Заткнись, — сказал Петрик и неудачно дернул за конец ленты — она пошла рваться наискосок и потому кусок, который он наклеил на лицо Сони, оказался короток. Но оторвать следующий он не смог — катушка крутилась в руках, и Петрик никак не мог отделить кончик. Он выругался.

— Нельзя меня с Лидой оставлять, — сказала вдруг Соня, смирившаяся с тем, что ее оставляют в Москве. — Она все расскажет. Убей ее.

— Я, как только устроюсь, сразу тебя выпишу. Квартиру тебе сниму. Так что сиди и молчи. Ты сейчас жертва насилия. Тебя никто не заподозрит.

— Да? — Соня схватилась за соломинку, но соломинка оказалась слишком тонкой даже для готовой надеяться Сони. — Но Лида расскажет!

— Кто ей поверит? — сказал Петрик, примериваясь куском ленты ко рту своей возлюбленной.

— Ей поверят, — сказала Соня. — Убей ее.

— Хватит, — рассердился Петрик. — Ты из меня Синюю Бороду какую-то делаешь. Не буду я связанных женщин убивать. Не моя специальность. А если убивать — то обеих сразу. Лады?

— Нет, ты меня не понял... я буду за тебя, а она против тебя... Петрик, миленький, возьми меня с собой...

— Ты меня утопишь. Мне не нужен балласт.

Петрик ловко наклеил ей на рот кусок ленты, и Соня стала крутить головой, стараясь что-то сказать. Она надувала щеки, и Петрику стало смешно...

Женщины сидели на стульях рядом. В большой комнате.

— Никуда не рыпаться, — приказал Петрик. — Мне нужно три часа. Только три часа, а там ищите меня, где хотите. Так что молчите, или моя мстящая рука вас достанет из-под земли.

Он положил пистолет в карман пальто. Он не видел, что у него на пальто пятнышки крови.

— Все нормально, — сказал он, — мы никому не причиним вреда.

Он закрыл форточку и сказал:

— Не хочу, чтобы вы у меня простудились.

Затем прошел на кухню, там тоже хлопнула форточка.

Он вышел из кухни, не закрыв за собой дверь.

— Прощайте и простите, — сказал он. — Было приятно познакомиться.

Соня плакала и крутила головой, стараясь освободиться от ленты.

Лидочка не стала смотреть на Петрика.

Тот перекинул через плечо лямку сумки и вышел в коридор.

— Мать твою, — выругался он, — понакидали здесь трупов.

Это были его последние слова.

Хлопнула дверь.

Лидочка обернулась к Соне. Соня плакала, и слезы стекали по щекам и падали на грудь.

«Ничего, нас освободят, — мысленно уговаривала она Соню. — Я очень надеюсь на лейтенанта Шустова. Он обязательно пожелает меня допросить в десять утра. Довольно скоро. А час или два можно посидеть и так. Ведь Петрик мог нас и убить. Но пожалел. И правильно сделал».

Глава 10

ПРИЛЕТАЙ СКОРЕЙ!

Наверное, через минуту, не больше, после ухода Петрика Лида почувствовала запах газа. Тошнотворный, мертвый запах.

Где-то ей приходилось читать, что газ специально делают вонючим, чтобы люди не травились почем зря. Пахло не то чесноком, не то варящейся цветной капустой.

Лидочка стала вертеть головой — как же могло получиться, что этот дурак не закрыл газ, когда уходил из дома?

И тут же она поймала себя на том, что мыслит какими-то житейскими категориями: уходя из дома, не забудь выключить газ...

И тут завыла Сонька.

Она тоже почуяла газ и раньше, быстрее Лидочки поняла, что это означает.

Петрик, уходя, проверил, закрыты ли форточки, а потом спокойно открыл газ. Он не хотел рисковать.

С его сволочной позиции, поведение было вполне логичным. Он уже натворил столько, что двумя молодыми женскими телами больше или меньше, не играло особой роли. Правда, некоторую пикантность придавало всему то, что среди новых жертв оказалась Сонька, которая была верной помощницей и исполнительницей замыслов корыстного Петрика. Не исключено, что порой инициатива исходила от нее самой. Впрочем, трудно представить себе, как могла Сонька решиться убить свою подругу, — впрочем, даже это можно объяснить: ведь она ее не убивала, она как бы оставила подруге свободу выбора: хочешь пугать Осетрова, хочешь шантажировать его — погибнешь. Но ведь если бы Аленка не захотела этого делать, она бы осталась жива? Только все равно непонятно — какого черта было все это городить, если в распоряжении Петрика было такое запугивающее устройство, как Гоша, который теперь грудой одежды перегородил прихожую, и те звери, что замучили в сарае Осетрова?

Мысли эти текли в голове Лидочки, как текли бы и в любой другой обстановке, но все усиливающийся запах газа спутывал мысли и рождал страх.

Охваченная ужасом, Сонька рвалась и билась в путах, но, видно, немецкие изготовители липкой ленты делали ее на совесть... «О чем я думаю? Почему я все еще не умерла от страха?»

С жутким грохотом Сонька умудрилась-таки опрокинуть стул и свалиться набок. Но это не освободило ее, стул лишь вывернул, падая, ей ногу, и Соньке было больно, она выла все сильнее — даже странно, что можно так выть, если у тебя открыт только нос. А запах газа становился невыносимым, и Лидочка хотела лишь одного — чтобы ее не вырвало, ей было бы очень стыдно, если ее найдут всю испачканную в собственной рвоте, захлебнувшуюся ею.

Толстая, в рваной одежде Сонька выла у ног и дергалась, как червяк, на которого наступили... А какая она, смерть от удушья газом? Наступит ли сейчас просто туман или будет больно? Как ей хотелось выть, подобно Соньке...

И тут в дверь позвонили.

Самый обыкновенный звонок. Так звонит почтальон.

Сонька оборвала вой. И стало так тихо, что Лидочке показалось — а может, это так и было, — что она слышит шипение, с которым газ рвется из конфорок.

Звонок послышался снова.

— Ы-ы-ы-ы! — завыла вновь Соня. Но Лидочка понимала, что эти звуки слишком слабы, чтобы вырваться на лестничную площадку. Позвонили еще раз. Настойчиво.

И тогда в Лидочке возникла надежда, что люди, которые звонят в дверь, знают, что она там, внутри.

Она вдруг поняла, что рвется и бьется в тенетах, подобно Соне, сама не замечая того, — тело никак не хотело сдаваться, хотя дышать уже было нечем.

Потом звонки прекратились.

Ее охватил ужас, Лидочка поняла, что, не дозвонившись, спасители ушли...

И Соня замолчала — кажется, потеряла сознание.

Стало так тихо, что донеслись звуки с улицы. Нетерпеливый гудок автомобиля, которому кто-то помешал на повороте в Электрический переулок. Даже голоса на улице.

И вдруг Лидочка услышала голоса за дверью. Возможно, это было лишь наваждение, химеры умирающего мозга. А может быть, в таком критическом состоянии и органы чувств на несколько секунд могут приобретать дополнительные качества... И Лидочке показалось, что она слышит разговор за дверью. Голос коменданта Каликина:

— Петренко от них вышел, я видел, да соваться не стал...

Другой голос:

— Газом пахнет.

Комендант:

— И точно, газом пахнет.

И знакомый голос, который Лидочка почти узнала:

— Плохо дело. Надо принимать меры.

Комендант:

— Но вы же понимаете, что я никакой ответственности не несу...

Незнакомый голос:

— Лейтенант, ты что? Сейчас вызовем пожарных. Они с балкона заглянут.

— И увидят трупы?

— Ну не так уж все трагично...

Они продолжали говорить, но Лидочка уже не слышала — оказалось, что смерть от газа отвратительна, но безболезненна... Она вплыла в нее покорно и прекратила сражение...

Но грохот, который потряс квартиру, она услышала.

Еще удар. Еще.

Волна холодного чистого воздуха ворвалась в квартиру вместе с упавшей внутрь дверью — какое счастье, что они с Андрюшей так и не собрались поставить металлическую дверь — а ведь многие уже поставили...

Лидочка даже смогла поднять тяжелые веки... Мимо нее промчался Шустов. Оттолкнул ее стул с дороги, так что она

ударилась о стену затылком, и перешагнул через Соньку, скорчившуюся на полу. Затем он сделал странную вещь — сорвал с себя ушанку и надел как перчатку на кулак — он скрылся в кухне, и оттуда раздался оглушительный звон.

— Вот дурак, вот дурак, — сказал комендант Каликин, остановившийся в дверях, — мне же снова стекла вставлять, вы же совсем выморозите Лидию Кирилловну... ну, что за люди пошли!

* * *

Никуда, ни в какую больницу Лидочка не поехала. Она лежала на диване.

Соню увезли в больницу — она была в шоке. И сильно отравилась газом — оказывается, его было больше у пола. Удивительно то, что остался жив и Гоша — он был без сознания, но лейтенант, который вернулся к Лидочке через два часа, чтобы навестить ее и проверить, вставил ли комендант стекло, сказал сразу, что этот кусок мяса будет жить. Вот точно будет жить — все человечество перемрет, а он и амебы будут жить.

Лейтенант забежал на минутку.

Он сказал:

— Доктор бюллетень выпишет. Я с ним говорил.

Лидочка улыбнулась лейтенанту. Он был слишком красивенький, но, пожалуй, это и недоразвитость чувства юмора были его единственными недостатками.

— Я бы себе никогда не простил, — сказал он.

Лейтенант стоял в ногах дивана, сжимая в сильных руках шапку, которой он разбил окно, чтобы не порезать пальцы.

— Конечно, лучше было открыть, — крикнул из кухни комендант, который возился там со стеклом. В комнате было холодно, но, к счастью, на улице снова началась оттепель. Лидочка была накрыта всеми одеялами, что нашлись в доме, и ей было хорошо, потому что главное — это когда много воздуха, когда нет окон, дверей — ничего. Только воздух.

— Мы поставим электрическую плиту, — сообщила она лейтенанту.

— Разумно, — согласился тот.

— Как Сонечка? — спросила Лидочка.

— Какая она к черту Сонечка! Сонька — золотая ручка, — мрачно сказал лейтенант.

— Я знаю, что она подложила Алене таблетку цианистого калия.

— Да, Петренко достал ей яд в облатке, которая была точно такой же, как у снотворного. А какая подлость — сначала уговорить подругу совершить видимость самоубийства и даже вместе с ней подсчитать, сколько нужно таблеток, а потом спокойно подложить ей смертельную таблетку и уехать к ее родной матери — к матери, понимаешь, — чтобы добыть себе алиби! Ну ведь сволочь!

— Сволочь, — откликнулся из кухни комендант.

— А вы помолчите, гражданин Каликин. Мне вами тоже хочется заняться.

— Это еще почему?

— А за наводку.

— Такое оскорбление смывается кровью, — Каликин появился в дверях. Он вытирал пальцы от замазки. — И его еще надо доказать.

— Мы докажем, — сказал лейтенант.

— Это конечно, вы что хотите — докажете, — согласился комендант и вернулся на кухню, откуда он продолжал подслушивать разговор.

— И все из-за денег, — произнес Шустов.

— Андрей Львович, — попросила Лидочка, — я так и не поняла, зачем Петренко давал Алене деньги на хранение, а потом ее же и убил.

— Да врали они вам! Лапшу на уши, извините, вешали.

— Это были другие деньги?

— Тридцать пять тысяч баксов?

Лидочка улыбнулась — даже лейтенант употреблял современное словечко.

— Да, тридцать пять.

— А я еще вчера вычислил, откуда эта сумма взялась. Только не догадался, что вы ее у нас перехватили. Тридцать пять тысяч. Столько Алена Флотская получила за свой участок, за так называемое пепелище с сараем.

— Так много?

— Престижный район, хороший старый участок, все коммуникации. Конечно, это незаконно — торговать кооперативной землей, но все так делают. Года два участок пустовал — они с Осетровым, а иногда с Соней туда ездили, и тут недавно получили хорошее предложение — один миллионер, их сосед, решил там строиться. Ну и заплатил... Я с ним вчера говорил — он ничего не отрицал. Его зовут...

— Константин? — спросила Лидочка.

— Вы и это знаете?

— Нет, просто я идиотка! Этот человек был на поминках Алены и даже сказал мне, что он — наследник Маргариты Потаповой, но я не догадалась, в каком смысле. Вот идиотка!

— Ну вот, я вчера же, когда труп Осетрова нашли, пришел к выводу, что Осетров приезжал туда не прятаться от нас, а что-то искал. Что-то настолько важное, что рисковал свободой и всем — только найти!

— А почему вы решили, что он искал?

— Потому что в этом сарае и вокруг него тщательные поиски были произведены два раза — сначала везде свежие отпечатки Осетрова. Везде — и на пустых кастрюлях, и на банках, и в подполе, и под обоями, — везде, понимается? А поверх них — отпечатки тех, кто его мучил и убил. Значит, Осетров едет во Внуково и что-то ищет. Потом приезжают наемные бандиты, которые ищут то же самое, что и он, и думают, что он нашел. А он не нашел. Иначе бы дал — уж очень они сильно его мучили. Вот тогда я и задумался: что им так было нужно? Если догадаюсь, то пойму, почему убили Алену. Правильно?

— Правильно, — похвалила лейтенанта Лидочка. — Вы бы разделись, сделали себе кофе.

— Нет, мне надо бежать, я же на минутку, только отчитаться.

— Ну ладно...

— Я решил — за этим лежат деньги. Большие деньги. У нас в девяноста процентах за убийствами лежат деньги, а остальные проценты — пьянка. Я стал думать — а откуда могут оказаться большие деньги у Елены Флотской? Только от недвижимости. Теперь все недвижимость покупают. Тут же меня посетила идея. И она оказалась правильной — я связался с председателем кооператива «Наставник» во Внукове.

Потому что по документам там был участок у бабушки. И он мне сказал, что всего месяц или два назад участок Флотской перешел к гражданину К. М. Абзианидзе. Формально там сумма была невелика — миллионов пять — за сарай и яблони. Но я понял — я на верном пути! Тут же позвонил этому Константину Михайловичу. И он даже скрывать не стал — тридцать пять тысяч! Значит, я на верном пути, потому что трупы есть, а денег нет. Ты меня слушаешь?

— Разумеется.

— Значит, месяц назад он передал ей наличными тридцать пять тысяч долларов. А где они? И я принимаю рабочую гипотезу — они и есть причина смерти Алены. А раз так, то куда они делись? И я вычисляю — преступники их пока не нашли. А кто мог о них знать? Три человека: Соня, Осетров и, может быть, но менее вероятно — Татьяна Иосифовна.

— Она точно не знала, но подозревала, — подсказала Лидочка. — Поэтому она и поехала во Внуково со мной. Ей хотелось узнать — принадлежит ли ей еще участок или он уже продан. Она чувствовала.

— Я тоже так думаю, — согласился милиционер.

В комнату незамеченным вошел комендант и остановился в дверях.

— Значит, — продолжал лейтенант, — остаются два человека. У Сони — железное алиби — она всю ночь уговаривала маму спасти дочь. У Осетрова — ни алиби, ничего. Только шкатулка, которую он притащил мне добровольно.

— Вы знаете, что деньги были в шкатулке?

— Теперь знаю, — сказал лейтенант. — Так что временно я ее снова изъял и понесу наказание за нарушение правил работы.

— Каких правил?

— А какой настоящий сыщик отдаст свидетельнице в подарок ящик с тридцатью пятью тысячами долларов? — коварно спросил комендант Каликин. — Надо быть большим разгильдяем...

Лейтенант громко откашлялся.

Лидочка хотела утешить лейтенанта, но поняла — тут его утешить трудно. И промолчала.

— Смерть Алены нам ничего не давала, кроме одного по-

дозреваемого — Осетрова, которого мне подозревать не хотелось. Но вот смерть Осетрова сразу двинула все следствие вперед. Появилась сумма, ради которой можно целый взвод убить. И хоть подозрение с Осетрова было не снято, денег он не нашел. Раз его убили — значит, у нас есть другие кандидаты в убийцы. Которые знают про деньги и даже подозревают, что Осетров их взял.

— Я сдуру сказала Соне, что Осетров уехал в лыжном костюме.

— Да, не только я ошибаюсь, — сказал лейтенант.

— Ошибаетесь, — подтвердил комендант. — Меня, например, наводчиком считаете.

— Гражданин Каликин, стекло вставил?

— Дай послушать.

— Поставишь второе стекло, приходи слушать.

Каликин ушел, но дверь за собой не закрыл.

— Я и без ваших признаний, — сказал лейтенант, — понял, что искать надо в окружении Сони. Она знала точно сумму, они вместе с Аленой эти деньги получали и домой отвезли, в сумке...

— Но алиби!

— А вот тогда я подумал, — сказал Шустов, — и понял, что алиби совершенно липовое. Если ты знаешь, что человек вечером, есть ты рядом или нет, все равно собирается воспользоваться таблетками, то чем ты дальше от этого места, тем лучше. Что Соня и сделала. А если я ее подозреваю, то вообще вся поездка в Переделкино становится крайне сомнительной. Ну, подумайте, зачем в мороз, среди недели, вдруг кидаться к чужой, не любящей тебя женщине...

— Но если она искренне хотела предупредить?

— Кого? Татьяну Иосифовну? Да она же знала, что мамаша и не приподнимет своего... тела со стула ради Алены.

Лидочка согласилась.

Она устала, голова кружилась, хотелось спать, но лейтенант не видел, как угасает интерес слушательницы. Он был в эйфории сыщика, раскрывшего убийство.

— Итак, вчера вечером я имею два трупа, имею информацию про тридцать пять тысяч и знаю, что эти деньги ищут преступные структуры. Значит, моя задача номер один —

найти тридцать пять тысяч и уж от них искать убийцу. Вот этот мой вывод чуть вас не погубил и все дело не засыпал. Знаете почему? Я не вычислил, что за спиной Сони стоит Петренко — он же в ту ночь в больнице был, да к тому же в одном классе с Аленой учился — не убивают девчат из своего класса, не принято это. И уж, конечно, я не сообразил, что собственными руками отдал вам все тридцать пять тысяч.

— А как вы об этом узнали?

— От Андрея Сергеевича.

— От кого?!

— От вашего супруга, — вздохнул Шустов.

— Как? Почему я не знаю?

Коменданту стало так любопытно, что, презрев запреты, он снова появился в дверях.

— Да вы живая, потому что он нас поднял. Если бы не он — я бы к вам через час пришел. И отыскал бы три теплых трупа.

— Как?

— Он позвонил вам — хотел узнать, как дела со шкатулкой. И он волновался, потому что понимал, что вы по наивности залезли в самую гущу событий. Он намного старше вас, да?

Шустов словно хотел примирить себя с существованием мужа у Лидочки. Если тот немолод, то ему и Лидочке многое прощается.

— На год старше, — Лидочка разочаровала милиционера. Он вздохнул, но продолжал:

— Он позвонил, а к телефону подошла Соня и плачущим голосом отшила его. Он как почувствовал, что вам грозит опасность. Как будто телепат.

— Он не телепат, — возразила Лидочка, — но мы живем много лет и друг друга понимаем.

— И вот он из города Каира позвонил в Краснопресненский райотдел милиции. И может, они бы не приняли сигнал всерьез, но все-таки из-за рубежа... Послали патрульную, позвонили пару раз... И дежурный догадался мне позвонить, он знал, что я этим делом занимаюсь. Ну я и бросился сюда.

— А они уже уехали, — сказал комендант. — Я на дворе был: бежит Шустов — лица нет. Я — за ним...

«Интересно, — подумала Лидочка, — а мне показалось, что все наше спасение заняло три минуты. Так сдвинулось время».

— И окно можно было не разбивать, — добавил комендант. — На вас стекол не напасешься.

— Я заплачу, — пообещала Лидочка.

— В общем, главного я не успел вычислить, — признался Шустов.

— Осетров тоже знал, сколько денег она получила?

— Любимому человеку такая тайна раскрывается — она же надеялась, что эти деньги изменят его планы.

— А от Сони спрятала, — сказала Лидочка.

— А от Сони спрятала. И даже никому не сказала про двойное дно шкатулки.

— Значит, вы точно знаете, что Соня Алену убила? — спросил комендант.

— А кто еще?

— Осетров? — допустила Лидочка.

— Нет. Осетров только воспользовался ее смертью, обыскал квартиру и, не найдя денег, кинулся на дачу — решил, что она их там спрятала. И если бы вы не проговорились Соне о лыжном костюме, они бы о даче не подумали. Ведь она уже чужая!

— А я бы отнесла вам деньги с утра. И вы бы никакого преступления не раскрыли.

— Вы не правы, Лидия Кирилловна, — сказал лейтенант, надевая шапку и показывая этим, что визит завершен. — Каждое преступление рано или поздно раскрывается. Закон свое возьмет. Так что отдыхайте, а если позволите, я вам завтра нанесу визит.

— Я буду рада, Андрей, — сказала Лидочка.

Шустов шагнул к двери, но ему загородил дорогу комендант Каликин.

— Нет уж, — сказал комендант, — попрошу сказать самое главное.

— А что главное? — удивился Шустов.

— Где деньги-то?

— Деньги?

— Тридцать пять тысяч. Где они?

— И вы не знаете, гражданин Каликин? — спросил лейтенант.

— Знал бы — не стал бы спрашивать.

— Деньги переданы на хранение в соответствующие органы.

— Их нашли? — вырвалось у Лидочки. — Чего же вы молчали?

— Вы не спрашивали, вот я и молчал, — ответил лейтенант.

— Так скажите!

— К сожалению, та группа преступников, которая совершила покушение на Петренко неделю назад у вашего подъезда, узнала, что он улетает и даже каким самолетом. Мы предполагаем, что они выследили его спутницу Ларису.

— Значит, он с самого начала не хотел брать с собой Соню?

— Еще чего ему не хватало! Она же некрасивая, — простодушно ответил Шустов.

— Но она же из-за него на все пошла.

— По крайней мере, пока она так утверждает.

— Почему пока? — спросил комендант.

— Да потому, что, когда она узнает, что Петренко мертв и нет ни одного свидетеля ее преступления, она наверняка откажется от своих показаний, а если не догадается, то адвокат подскажет. И засудить ее будет ох как трудно! Она обольет слезами весь суд, и ее оправдают... Вот посмотрите.

— Андрей, ты не говоришь главного — что случилось с Петренко?

— На шоссе, по дороге в Шереметьево, его машину остановили. Его и Ларису вывели и расстреляли из автоматов. И стали искать деньги.

— Их не было в машине? — спросил комендант, словно собирался тотчас же бежать за деньгами. — Где они?

— Их повез в своей машине сообщник Петренко. Он должен был передать их ему в аэропорту.

— И что же?

— Его там ждали. Наши люди. Куда ж тут денешься?

— И эти деньги, они чьи? — спросил комендант.

— Если бы не показания гражданина Абзианидзе о передаче им денег Алене Флотской, я бы их, честное слово, оставил бы Лидии Кирилловне.

— И правильно. Как компенсацию. Чуть не погибла. Посмотри на физиономию — половина черная, — согласился комендант.

Только тут Лидочка сообразила, что на ее лице должны остаться следы побоев. Она дотронулась до глазницы — ой, как больно!

— Пройдет, — сказал лейтенант, — небольшая гематома, лучше оставить как есть. Ваш молодой организм сам справится.

— Так чьи деньги? — настаивал комендант.

— Я думаю, их получит по суду Татьяна Иосифовна.

— Разумеется, — согласилась Лидочка. — Только, пожалуйста, вы потом мне отдадите шкатулку?

— Не знаю, — честно признался лейтенант. — Она будет фигурировать на суде, и Татьяна Иосифовна может пожелать оставить ее себе.

— Точно пожелает, — сказал комендант.

Лейтенант шагнул в коридор, потом обернулся и сказал:

— Самое главное всегда забываю!

Комендант обернулся — почуял добычу.

Лейтенант невежливо вытолкнул его на кухню и, вынув из «дипломата», положил перед Лидочкой на одеяло плоский пакет в старой газете и мешочек, полотняный, как кисет.

— Желаю скорейшего выздоровления, — сказал он. — До завтра.

Слышно было, как лейтенант что-то говорит на кухне коменданту. Потом хлопнула дверь. Лидочка развернула газету. Газета была хрупкой от старости. В ней лежали две общие тетради столетней давности — дневники Сергея Серафимовича, а в кисете — черепки и черные слитки из Трапезунда. Все-таки лейтенант отыскал их в сарайчике на пепелище — видно, никому они не пригодились.

И Лидочка, спрятав дневники в тумбочку у кровати, поняла, что хочет одного — спать.

— Будете уходить, захлопните за собой дверь! — крикнула она коменданту.

— Будет сделано! — откликнулся тот.

Теперь — спать.

Но зазвонил телефон. Междугородний.

Лидочка подняла трубку.

— Ну, ты жива! — радостно воскликнул Андрей. — А то знаешь, я утром даже испугался. Ты не сердишься, что я поднял на ноги милицию?

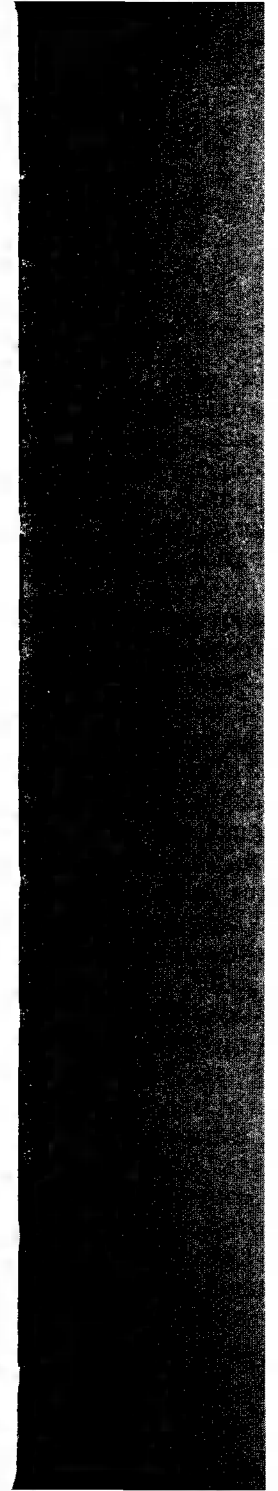
— Я не сержусь, — ответила Лидочка. — Когда же ты наконец вылетаешь?

— Сегодня ночью.

— Пожалуйста, прилетай скорей, — попросила Лидочка.

— А что? Что случилось?

— Мне надоело вставлять стекла на кухне.

ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ

Глава 1

Более мирного начала для этой истории нельзя придумать. Лидочка лежала в самом настоящем гамаке и щурилась от пятнышек солнца, которые попадали в глаза, когда слабый ветерок покачивал вершины сосен или подталкивал гамак. Деловитая пчела сделала круг над гамаком, но не стала пугать Лидочку, а умчалась дальше. Синичка давно уже сидела на тонкой ветке и разглядывала Лидочку. Ну и что она могла разглядеть? Женщину лет тридцати, с пепельными, с такими уродилась, умеренно стриженными и чуть волнистыми волосами, синеглазую, именно синеглазую, а не сероглазую или не голубоглазую, что бывает куда чаще, пожалуй, слишком бледную для июля, но так уж получилось, что Лидочке не довелось в этом году побыть на открытом воздухе. Даже к Глущенкам она выбралась впервые за лето, хоть тысячу раз обещала.

На Лидочке был голубой, в белый горошек сарафан, а босоножки она сбросила, когда забиралась в гамак.

«Как хорошо, — подумала Лидочка, — когда ничего не случается. Ты здорова, все родные здоровы, друзья живы, и шумят сосны...»

— Лида, — позвала Итуся, — ты пойдешь или останешься?

Вопрос был риторическим. Глущенки собирались к Сергею именно потому, что эту идею подала им Лидочка. Она приехала утром и в разговоре упомянула Сергея, Глущенки сказали, что не были у него недели две, хоть он и снимает дачу в десяти минутах ходьбы. А теперь, раз Лидочка приехала, можно навестить ее старого приятеля. Лидочка послужила тем камнем, что вызывает, упав, круги в мирном водоеме. Без нее Глущенки провели бы воскресенье в милом безделье, отложив на завтра хозяйственные заботы. Вопрос Лидочки о Сергее напомнил Жене, что в холодильнике стоит невостребованная за отсутствием компании бутылка водки, а Лидочка привезла торт, который все равно втроем не одолеть. Итуся,

не признаваясь никому, рада была не готовить обед: все решили, что поход к Сергею — лучшее времяпрепровождение для воскресного, к счастью, не очень жаркого дня.

Так и пошли, впереди Пуфик, неизвестно какой породы существо, имеющее звание тибетского терьера, затем Лидочка с тортом, Итуся с овощами со своего огорода, а потом Женя с сумкой, в которой таилась заветная бутылка и кое-какие закуски, обнаруженные в холодильнике.

Дачные соседи имеют преимущество — не надо созваниваться и сговариваться, чтобы прийти в гости.

Перешли железную дорогу, которая отделяет поселок старых большевиков от зимнего поселка с той стороны, где санаторий. Потом миновали Дом художников, замерший в ожидании обеда, а может, потому, что все его обитатели были на этюдах. От клуба повернули направо, на Школьную улицу. Там в доме пять жил, вернее, снимал дачу у каких-то неизвестных Глущенкам людей Сергей Спольников, потому что у него в то лето было много работы и было желательно оказаться, с одной стороны, близко от железной дороги, чтобы посещать Москву, а с другой — уединиться на свежем воздухе и не отвлекаться на телефонные звонки, разговоры, визитеров, мелкие, но почти обязательные дела и встречи.

Но летнее воскресенье — день святой, так что вряд ли Сергей будет работать. В крайнем случае, решили Лидочка с Глущенками, пожелаем человеку успехов и унесем торт обратно.

Вот он, голубой забор, третий дом от угла, облезлый почтовый ящик, запущенный участок — зелень переплескивает через забор, канава заросла крапивой в человеческий рост.

Калитка была не заперта, они прошли по узкой асфальтовой дорожке и повернули не налево к двери, а направо вдоль фасада, куда выходил мезонин, к террасе, оттуда доносились голоса, и это значило, что у Сергея гости. Тем лучше.

Терраса была небольшой и уютной, стекла на ней были в частых переплетах, и это, как и резные голубки на наличниках, напоминало о почтенном возрасте дачи.

Глущенко, который здесь уже бывал, толкнул дверь, вошел первым, словно втайне опасался, нет ли тигра в пещере, и громко спросил:

— Гостей принимаете?

Женщины вошли следом за Женей.

На веранде стоял стол, накрытый светлой клеенкой, на ней стоял чайник, чашки, бутылки с минералкой, миска с вареной остывшей картошкой, блюдо с нарезанной селедкой. Словно те, кто собирались здесь, не решили еще, то ли им приступить к обеду, то ли ограничиться чаем.

Сергей был рад гостям и сообщил об этом бесхитростно:

— Все равно день погиб. Давайте его используем для чревоугодия.

Обоих гостей, пришедших раньше, Лидочка знала. Главным гостем был Валентин Price Вересков, уютно журчащий добродушный мужчина пожилых лет, хороший детский поэт. Что бывает редко с детскими поэтами, он был известен и среди взрослых, так как его стихи были коротки, парадоксальны и не лишены юмора. Валентин также знал Лидочку — встречались в Детгизе, запомнили друг друга с какого-то редакционного дня рождения. Валентин сидел за столом и с интересом листал свою новую книжку, которую принес Сергею в подарок.

Итуся взяла у Жени сумку с продуктами, Лидочка пошла за ней на кухню. Получилось как-то так, словно последние гости должны были взять на себя хозяйственные заботы — ведь продукты принадлежали им...

По какой-то причине Сергей избрал кухню рабочим кабинетом. Там, на большом столе, протянувшемся вдоль окна, что выходило к сараям, стояла красная портативная пишущая машинка, рядом лежали двумя стопками, аккуратно, листок к листку, чистая бумага и уже отпечатанные странички.

Второй гостьей была Марина Котова. Марина Олеговна. Она была редакторшей в «Московском рабочем», вернее, в одном из издательств, родившемся из некогда могучего гиганта на Чистопрудном бульваре. Марине было под сорок, но выглядела она моложе. Им с Лидочкой приходилось сталкиваться по работе. Кстати, Лидочка оформляла последнюю книжку Сергея — «Тропами Подмосковья», рисовала в ней акварелью цветы и травы, которые встречаются вокруг Москвы. Книга вышла лет пять назад, и тогда ее невозможно было купить — это было как раз завершение эпохи, в которой хорошие книги доставали, как копченую колбасу. Марина была редактором той книги, она опекала Сергея, который то-

гда только что разошелся с Ниной, даже что-то стирала ему или штопала — теперь уже не вспомнишь редакторских сплетен.

Впрочем, ничего удивительного в том не было: Марина Котова считалась всеобщей приятельницей. На ее дни рождения собирались, как правило, полдюжины знаменитых и столько же непризнанных талантов, а еще с десяток друзей дома. Особой красотой Марина не отличалась, хотя сохранила к сорока годам девичью фигурку и умела одеваться скромно, недорого и элегантно, правда, элегантность ее современной модной женщине показалась бы старомодной, но такая элегантность и требовалась в редакторско-писательском мире, где Марина существовала. Лицо ее было невыразительно и как бы стерто, лишено ярких красок, волосы неопределенного цвета, а глаза черные, совсем не в тон остальному. Черты лица были правильные и мелкие. Несмотря на многие попытки, ни один художник не смог написать или нарисовать ее похожего портрета. С точки зрения Лидочки, Марина была скуластой мышкой с добрыми глазами, которая всю жизнь занималась чужими делами, кого-то опекала и кому-то подставляла свое узкое плечо, так что даже не успела обзавестись детьми. Да и как обзаведешься, если тебя окружают взрослые дети, требующие внимания и заботы.

Лидочка слышала от кого-то, может, от самой Марины, что первый роман Сергея не вызвал издательского интереса, но Марина организовала кампанию в его поддержку. Ведь у Сергея была в издательстве своя экологическая ниша — он считался отличным популяризатором, автором новелл о природе, знатоком ботаники. Но если такой человек в пятьдесят лет вдруг решает стать Достоевским, то, вернее всего, в нем проснулся графоман, которого надо уничтожить. Марина кинулась в бой, и книгу вставили в план. Правда, без энтузиазма — роман не грозил коммерческим успехом.

Сергей был аккуратистом. Может быть, поэтому он так проникся нежностью к Лидочке — она рисовала акварелью в манере английских дам прошлого века — четко, изящно и достоверно. Когда издательские производственники отказались взять «Тропами Подмосковья», потому что книжка получалась, с их точки зрения, слишком дорогой, Сергей устроил тихий бунт, как он умел делать, раз двадцать ходил к директору издательства, измучил визитами милейшего Ковальджи — главного редактора, добился того, что книга выйдет на офсете, а потом извел типографию, потому что наносил туда частые визиты, требуя соблюдения оттенков в печати, чего типография отродясь не делала.

«Тропами Подмосковья» получила приз на какой-то ярмарке, два или три диплома, каждый раз Сергей звонил Лидочке, серьезно поздравлял ее и обещал пригласить, когда будет делать следующий подобный труд. Но следующего подобного труда не получилось — не нашлось издателя. Тогда Сергей, как давно грозился, сел за роман, настоящий толстый современный роман, чтобы доказать всем этим фаулзам, миллерам, что наши сабли не затупились, а воображение не иссякло.

Разрезая колбасу и укладывая кружочками на бутерброды, Лидочка услышала голос вошедшей на кухню Марины:

— Ты замечательно выглядишь.

Очевидно, Лидочке следовало ответить таким же комплиментом, но Лидочка решила, что он был бы нарочитым и даже пародийным. Так что она спросила у Марины, как дела с романом Сергея.

— Сложная проза, — ответила Марина. — Необычная. Но в русле современной моды. Такая проза идет на Букер-прайз.

— Чего ж он раньше думал! — посочувствовала Итуся. — Давно бы стал знаменитым.

— Подождем, — осторожно заметила Марина, — боюсь предсказывать. Но вещь профессиональная. Двадцать печатных листов.

— И скоро мы его прочтем? — спросила Итуся.

— Я сегодня привезла ему внутренние рецензии, — сказала Марина.

С террасы донеслась вспышка голосов — словно что-то случилось.

— Как бы они Пуфика не обидели, — сказала Итуся.

Итуся раньше работала дрессировщицей собак в цирке. Лидочке всегда казалось, что за много лет общения с собаками они должны бы Итусе надоесть. Но, уйдя из цирка, Итуся обрушила на приблудного Пуфика всю свою любовь к живым существам, а Пуфик специализировался на том, чтобы доставлять хозяйке постоянное беспокойство.

Сергей заглянул на кухню и сказал:

— Смотрите, кто к нам пожаловал!

Он был растерян, но старался изобразить радость.

Итуся с Лидочкой пошли на террасу. Приехала Нина Спольникова, бывшая жена Сергея. Только теперь ее было совершенно недопустимо называть Ниной, без отчества. Она вела себя, как Нина Абрамовна, и головой поводила, как Нина Абрамовна. А вот Сергей к пятидесяти годам так и не дорос до Сергея Романовича. Его называли Сергеем даже студенты пединститута, в котором он вел какой-то курс или семинар. И это было странно, потому что небольшой ростом Сергей был почти лыс, одутловатое лицо окаймлено небольшой, демократического вида пегой бородой. Лицо у Сергея было грустное, собачье, ностальгическое, как выразилась Итуся. Сергей к пятидесяти раздобрел, но не весь, а отрастил животик и брыли. Нина же за те семь-восемь лет, которые Лидочка была с ней знакома, вдвое усохла, даже череп уменьшился, может, потому что Нина теперь причесывалась гладко на прямой пробор и жестоко оттягивала назад вороные с проседью волосы.

Судя по всему, приезд Нины был для Сергея неожиданным.

Когда Лидочка вошла на террасу, Нина как раз протянула прямую ладонь Верескову и представилась:

— Нина Абрамовна Спольникова.

Вересков почувствовал учительскую строгость, смутился, будто его уличили в незнании урока, и ответил:

— Меня зовут Валентин Дмитриевич. А вы работаете в школе?

— Я руковожу лицеем, — ответила Нина. — И веду там коллоквиумы.

Тут она увидела Лидочку и сделала вид, что обрадовалась.

— Кого я вижу? А что ты здесь делаешь? Вот уж не думала, что в этом, как мне было сказано, скромном уюте встречу такое изысканное общество. У вас какой-нибудь праздник?

И Нина наморщила гладкий высокий лоб, словно встревожилась, что запамятовала какую-нибудь дату.

— Мы здесь все случайно оказались, — успокоила ее Лидочка. — В основном по-соседски.

— А я по делу, — с вызовом заявила Марина, которая никогда не жаловала жен своих авторов, полагая их лишним приложением к литературе.

— Вот и отлично, — сухо засмеялась Нина, — а то я решила, что забыла Сережин день рождения. У тебя ведь день рождения двадцатого мая?

Сергей кивнул. Он был удивлен и не догадался, что Нина лукавит: они прожили пятнадцать лет и после такого срока день рождения мужа не забывается.

— Я тоже по делу, — сказала Нина Марине, как бы показывая, что она выше развлечений.

— Надеюсь, ваши дела подождут, пока мы не поедим, — заметила Марина.

— Не может быть, что вы, завершив свои дела, сразу уедете обратно, — сказал Женя Глущенко. Ему казалось, что Нина чувствует себя лишней, и ему хотелось ее ободрить.

Нина благосклонно кивнула, принимая предложение. Затем она подвинула к себе сумку и достала из нее настоящий мужской портсигар, серебряный, массивный, с барельефом конской головы, в обрамлении подковы. Нина громко щелкнула кнопочкой, портсигар раскрылся. Нина щегольски вытащила папиросу, привычно постучала мундштуком о конский нос, заломила мундштук и сунула в рот. Лидочка ожидала, что следующим движением Нина достанет откуда-то зажигалку, сделанную из гильзы. Тогда образ боевой подруги образца сорок второго года был бы завершен. Но Нина ограничилась тем, что закурила от обычного «Ронсона».

Портсигар показал новую черту в ее характере. Никогда бы не догадаться, что Нина таит в себе желание вызова, спора, фронды. Представьте себе, как она открывает этот портсигар на педагогическом совете и как вздрагивают молоденькие учительницы, услышав его щелчок.

Закурив, Нина сообщила Глущенке:

— Мне от Сережи нужна одна безобидная подпись. Вернее, доверенность. Пустяк, но тормозит мои дальнейшие планы. Иногда даже думаешь, что проще убить человека, чем оформить документы на его смерть.

После этого она огляделась, усмотрела свободный стул рядом с поэтом Вересковым, в котором уже распознала единственного здесь человека своего масштаба, способного при-

годиться лицею. И начала его разрабатывать, словно провела лучшие годы в разведке.

Итуся с Лидочкой возвратились на кухню, к делам хозяйственным.

— У меня мама такие папиросы курила, — сказала добрая Итуся. — Я и не подозревала, что их сейчас делают.

Лидочка начала было рассуждать о том, что в каждом человеке смешаны мужское и женское начала. Бывают чистые мужчины, бывают чистые женщины, но чаще в мужчине живут женские черты, а в женщине сохраняются мужские. В Нине, очевидно, мужского начала больше нормы, и она его даже подчеркивает.

— Ты думаешь, что она лесбиянка? — буквально поняла монолог Лидочки Итуся. Лидочка рассмеялась и перевела разговор на другую тему. Потом они кончили готовить новую партию закусок и отнесли на террасу тарелки с бутербродами и банки со шпротами, оказавшимися в холодильнике. Вересков все хотел сбегать за грибами, которые так чудесно солит его жена, но Нина его не пустила.

На всех была бутылка водки и бутылка вина, которую привезла с собой Марина. Все расслабились, стали разговорчивы и добры друг к другу. Вечерело. Женя незаметно встал из-за стола. Лидочка поняла, что он собрался в магазин. Ей надоело сидеть и болтать о политике, она присоединилась к Жене, они пошли к шоссе, к продуктовому магазину.

У соседнего дома в огороде копалась Ольга, женщина крупная, полная, дебелая, прекрасная красотой восемнадцатого века. Такими красавицами были Екатерина Великая и Мария-Антуанетта — мода на подобный тип женщин вроде бы миновала, но на свете всегда находятся достойные мужчины, которые готовы на любой подвиг, чтобы заслужить их любовь. К сожалению, в сердце таких женщин слишком большое место занимает женская жалость, и потому дебелые императрицы и королевы приближают к себе алкашей и скандалистов, а потом с ними мучаются.

Прелестная и вполне современная Ольгина дочка Катерина, шестнадцати лет от роду, томилась рядом, держа корзинку, в которую Ольга кидала огурцы. Всем видом она показывала, что рождена для более значительных дел. Рядом с

грядкой вытянулся утомленный жарой, лохматый, грозный на вид пес.

Ольга увидела дачников и выпрямилась.

— Здравствуйте, Евгений Александрович, — сказала она. — Не забыли, что обещали в нашей библиотеке провести беседу?

— Приду, — ответил Женя, непроизвольно ускоряя шаг. Когда они отошли подальше, он с чувством воскликнул: — Кто меня за язык тянул? В прошлый раз она пришла к Сергею по какому-то соседскому делу, а тот сказал, что я работаю в Институте Африки. Она и вцепилась. Неужели кого-то в этом поселке интересует положение в Нигерии?

В магазине была небольшая очередь.

— Они давно развелись? — спросил Женя.

— Лет семь назад. — Лидочка догадалась, что он имеет в виду Сергея.

— Почему, если не секрет?

— Из-за Лизы Корф.

— Чудесное сочетание! Графиня?

— Она работала препаратором в институте ботаники. Сережа тогда еще там числился. Потом ему пришлось уйти на вольные хлеба.

— Он изменил Нине Абрамовне с Лизой Корф? Как я его понимаю! — воскликнул Глущенко.

— Чудак, — сказала Лидочка. — Тебе свойственна мужская категоричность. Не все так просто.

— Погоди, расскажешь.

Подошла их очередь. Они взяли бутылку водки «Белый орел», буханку хлеба и кило «Одесской» колбасы, чтобы поджарить, без этого условия Лидочка отказалась санкционировать покупку, полагая, что летом в поселковом магазине часто ломается холодильник.

Затем вышли на улицу.

Наступило то чудесное завершение летнего дня, когда солнце уже скатилось к верхушкам елок, ветер стих, из-за заборов пахнет флоксами и спелой зеленью. Образ подмосковного рая нарушали лишь вороны, которые носились невысоко, деля добычу либо территории и оглушительно крича. Поселок девятиэтажных домов, принадлежавших институту усовершенствования, наступал на дачи. Было ясно, что, ко-

гда наступление города станет слишком чувствительным, дачники отъедут в другие края.

— Доскажи, Лидочка, — попросил Женя.

— Ты о Сергее?

— Да. Мне он понравился, по-моему, достойный человек. Значит, Нина Абрамовна узнала о его романе с благородной Елизаветой Корф...

Женя чуть улыбнулся, поправив очки. Он принадлежал девятнадцатому веку и сам ощущал порой свою неприспособленность к веку нынешнему. Все у него было в порядке, но душа к нашему времени не лежала. Лидочке куда легче было представить его в строгом вицмундире с расшитой золотом шляпой в руке, стоящего, чуть выгнув назад спину, в осознании дворянской гордыни.

— Я сама удивилась, что Нина приехала к нему на дачу. Наверное, какое-нибудь важное дело. Насколько я знаю, их отношения давно уже утряслись на нулевой температуре. Тем более что и на Лизе Корф Сергей не женился.

— Почему?

— Потому что к тому времени все уже перегорело. Роману Сергея с Лизой, наверное, уже лет пятнадцать. Надо было принимать решение сразу. Нина хлопнула дверью, когда роман был на излете. Вернее всего, у нее самой в то время возникла надежда на новый союз.

— Они не любили друг друга?

— Не любили.

— А с Лизой Корф? Что было дальше с Лизой Корф?

— Лиза Корф где-то существует. Если хочешь, я спрошу о ней Сережу.

— Нет, не надо.

— У Лизы должна быть совсем взрослая дочь, ей больше двадцати. Даша Корф. К Сергею она отношения не имеет.

— Но почему Корф?

— Ее когда-то звали в институте барышней-крестьянкой. Она Иванова, но недолгое время была замужем за неизвестным нам Корфом и даже успела родить ему наследницу. Корф исчез без следа, никто его не видел.

— Я покорен твоей информированностью, — сказал Женя. — Ты могла бы работать в отделе светской хроники. Познакомь меня с Лизой Корф.

— С мужчиной надо быть настороже, — сказала Лидочка. — Он использует твою откровенность тебе же во вред. Это дискриминация по принципу пола.

— Лидочка, — заметил Женя, — прекрати смотреть американские сериалы. Ты на глазах превращаешься из милой и покорной российской дамы в американское чудовище равноправия.

Их обогнал на гоночном велосипеде маленький сухой старичок в больших очках. Ехал он быстро, был пьян, его ноги неравномерно нажимали на педали, и чуткая машина совершала неверные движения, катилась по синусоиде.

Неожиданно выдержанный и хладнокровный Глущенко возопил:

— Николай! Стой, я тебе говорю!

И кинулся под велосипед. Велосипед постарался его раздавить, врезался в забор, и Глущенко легко подхватил вылетевшего из седла старичка.

— Николай, — сказал он, успокаиваясь. — Я тебя жду уже четыре дня. Ты взял аванс и дал мне слово — так или нет?

Старичок вяло, как заморенный сом, бился у Жени в руках.

— Это электрик, — сообщил Женя Лидочке. — Ты иди, я тебя догоню, только поговорю с ним как мужчина с мужчиной.

— Ты мне щенок, а еще не мужчина, — гордо ответил старичок.

Опасаясь, что беседа может выйти из цивилизованных рамок, Лидочка поспешила по улице. Не успела она пройти и ста шагов, как натолкнулась на стоявшего в неуверенности очень толстого краснощекого мужчину. Мужчина был одет в гигантский обвисший свитер, серые шорты до колен и самодельные сандалии — последнее было понятно, так как ступни мужчины были настолько велики, что трудно было бы подобрать для них обувь в магазине.

Пегие, немытые волосы мужчины были собраны на затылке черной резинкой и падали на спину. Тонкие пряди, выбившиеся из-под резинки, пересекали лоб и щеки. На вид мужчине было лет двадцать пять. Его было трудно назвать юношей или молодым человеком. Для себя Лидочка окрестила его слонопотамом.

Слонопотам спросил высоким, почти женским голосом:

— Где здесь Школьная улица?

— За вашей спиной, до конца дорожки и налево.

Не поблагодарив, толстяк затопал прочь. Лидочка обернулась. Оставив старичка в живых, к ней спешил Женя Глущенко.

— Он обещал, — сказала Женя. — Завтра с утра придет с инструментом.

— И ты ему поверил?

— В качестве альтернативы — придется его убить, — сказал Женя. — Но я к этому не готов.

— Нет, — согласилась Лидочка, — такие, как ты, не убивают. Такие, как ты, подвергают остракизму.

— А такие, как он, плевать хотели на мой остракизм, — признался Женя. — Ты тоже электрика встретила?

— Ты имеешь в виду толстяка?

— Черт его знает, я не разглядел. Только обратил внимание на то, что он одет для исполнения арии обжорства в опере нищих.

— Мальчики склонны к беспорядку в одежде, — заметила отличница Лидочка.

— Между нами существенная разница в возрасте, — ответил Глущенко, — я провел детство в серо-синем тюремном мундирчике советской гимназии. Это меня мобилизовало на достижение высоких результатов в учебе и общественной деятельности.

— Но потом, после школы?

— Я помню, на первом курсе института у нас было большое дело против стиляг, — вспомнил Женя. — Они откуда-то доставали брюки дудочкой.

Женя и Лидочка повернули за угол, на Школьную улицу.

Толстое существо в свитере и с грязным волосяным хвостом к этому времени как раз достигло пятого дома и остановилось перед калиткой. Оно прислушивалось.

Потом слонопотам толкнул калитку и вознамерился шагнуть внутрь.

— Молодой человек! — не выдержала Лидочка, ее голос нарушил тягучую тишину теплого июльского вечера. — Вы к нам в гости?

Голос спугнул молодого человека. Он замер. Затем отпрянул от калитки. Повернулся и быстро пошагал прочь. Через тридцать шагов он свернул на перпендикулярную улицу.

— Кто это? Ему кто-то был нужен? — спросил Женя.

— Он спрашивал меня, где Школьная улица, — сказала Лидочка. — Неприятный тип.

— Может, ошибся, — сказал Женя.

Диспозиция на даче изменилась. Марина Олеговна с Итусей собирали в миски красную смородину. На это получили разрешение Сергея, так как хозяева дачи уехали больше чем на год и вряд ли вернутся, чтобы полакомиться ягодами. Нину Абрамовну Лидочка увидела на террасе, когда проходила на кухню, чтобы подготовить второе действие пира. Нина Абрамовна старалась узнать взгляды поэта Верескова на современное положение в начальном образовании. Поэт Вересков вертелся под ее настойчивым взглядом и уходил от прямых вопросов. Поэту Верескову хотелось домой, но его деликатная натура не позволяла прервать беседу.

Пуфик увидел Женю и помчался навстречу.

Сергей стоял на кухне и, запустив пальцы в бороду, читал страничку, вытянутую из пишущей машинки.

— Мы тебе мешаем? — спросила Лидочка.

— Нет, что вы! Я задумался...

— О чем?

— Надо будет вставить новую ленту в машинку. Еле видно — лента износилась.

— Мы встретили молодого человека, — сказала Лидочка. — Он спрашивал Школьную улицу, а потом хотел пройти сюда.

— Какого еще молодого человека?

— Совершенно дикого вида, — сказала Лидочка. — Толстый, ножищи от слона, коса от Аленушки.

— А лицо? Какое лицо? — Сергей был встревожен.

— Красное, красная рожа, щеки наружу.

— Странно, — произнес Сергей. Голос его дрогнул. — Что он тут делает?

— Ты его знаешь?

— Вроде как-то видел... да, видел, и он удивил меня своими габаритами. — Сергей ответил неохотно.

— Я удивилась, встретив здесь Нину, — сказала Лидочка. — Вы помирились?

— Нет, ничего не изменилось. Мы вроде бы и не ссорились. Сейчас ей нужна заверенная у нотариуса моя подпись, что я не возражаю против продажи дачи. Когда мы разводились, я отдал ей дачу, помнишь?

— Да.

— Но она осталась у нас в общем владении... впрочем, я точно не знаю.

— Она продает дачу?

— Да, она, кажется, решила уехать и теперь собирает деньги. Тебе помочь?

— Я сама. Мне тут осталось только колбасу поджарить и хлеб порезать, а ты иди на террасу к гостям.

— Мне не хочется туда, где Нина. — Сергей говорил серьезно. — Я до сих пор не могу отделаться от страха перед ней, от детского страха перед воспитательницей в детском саду. Она всегда хотела мною руководить. Даже в постели. И я всю жизнь ждал, что она сейчас задаст мне вопрос, а я не смогу ответить. Мне даже во сне снился кошмар: Нина вызывает меня к доске, а я не могу ответить. И она велит привести родителей. А как я их приведу, если они умерли столько лет назад?

— Неужели и сейчас ты ее боишься?

— Она постарела, — произнес Сергей. — У нее другие подопечные.

«Голубчик, — хотела сказать Лидочка, — а ты ведь тоже постарел и, главное, сдал. Наверное, устал. Может быть, когда писатель кончает очередной труд, он выкладывается до конца. Но сейчас он видит лишь, как безжалостно годы обращаются с его бывшей женой».

— Она старается соответствовать своей должности, — сказала Лидочка.

— Ты ее никогда не любила?

— А почему я должна была ее любить?

— Да, — согласился Сергей. — Вы и не могли полюбить друг друга. Ты — воздух. Она — земля. Но ты знаешь, социально я чувствовал себя за ней как за каменной стеной.

— Поэтому чуть не ушел к Лизе Корф?

Лидочка была достаточно давно и близко знакома с Сергеем, чтобы позволить себе такую реплику.

— Наверное, — согласился Сергей. — Мужчине нужен

кто-то, кого он мог бы опекать, о ком он мог бы заботиться. Нина никогда не давала мне такой возможности. Это невозможно. Для нее есть лишь одна жизненная роль: она — наседка, заботница, все остальные цыплята, которых надо воспитывать. И ушла она от меня не потому, что нашей семье что-то грозило. К тому времени мой роман с Лизой Корф сходил на нет; роману уже было несколько лет. Это много. И я уже знал, что не женюсь на Лизавете. И Лиза знала об этом и не искала этого брака. У нее своя гордость... Нина ушла, потому что я слишком долго ее не слушался. Это было наказание. Я должен был покаяться, но не покаялся.

Лидочка порезала хлеб. Колбаса скворчала на сковороде. Лидочка знала, была уверена в том, что Нина оставила Сергея потому, что дождалась своего часа — на ее горизонте появился человек, крупный врач, доктор наук, который увлекся ею. И тогда Нина решилась на то, чтобы избавиться от Сергея, младшего научного, подрабатывающего статьями в «Знании — силе» или брошюрами. Но доктор медицины сорвался с крючка... На этом Лидочка прервала течение своих мыслей, ибо немое злословие ничем не лучше высказанного.

— Ты о чем задумалась? — спросил Сергей.

— О том, как быстро бежит время, — солгала Лидочка. — У Лизаветы дочь студентка? Вы с Лизой встречаетесь?

— Не в том смысле, как ты понимаешь...

— А я ни в каком особом смысле не понимаю, — отмахнулась Лидочка. — Просто спросила.

— Даша уже совсем взрослая, — сказал Сергей.

— Когда мы виделись, она была еще девочкой.

— Ты ее не узнаешь. Ей через неделю двадцать два года. Очень похожа на Лизавету.

— Что она кончает?

— Полиграфический. Будет художником книги. Как ты. Ты ей поможешь на первых порах?

— Ну, я не профессионал... — сказала Лидочка.

— Ты никогда не любила Лизавету...

— Ну вот, оказывается, я не любила Нину, не любила Лизу. Может, потому что была влюблена в тебя?

Сергей не сразу сообразил, потом неуверенно засмеялся. И спросил:

— А если серьезно?

— Нет, ты не герой моего романа. Возьми поднос и иди на террасу.

Уже начало темнеть. Сборщицы смородины возвратились из сада, жужжали комары, вокруг уютного желтого абажура крутились тяжелые бражники и мотыльки.

Итуся разливала чай. Пуфик путался под ногами. Вересков незаметно поглядывал на часы. За террасой зашуршали кусты. Сергей вздрогнул и посмотрел в ту сторону. Лидочке подумалось, что он тоже вспомнил о неприятном толстяке.

Некоторое время за столом шел общий разговор. Потом кто-то вспомнил, что через сорок минут отходит электричка, пушкинская, не переполненная.

Лидочка оглядела сидевших за столом, и вдруг ее посетила странная мысль: кто же первым из нас умрет? Вот мы сидим за столом, все здоровые, не очень старые и не совсем юные. Но в ком-то уже таится порча, кто-то обречен на болезнь, кто-то, может, попадет под машину... так кто же первый?

Лидочка ничего не могла с собой поделать. Она переводила взгляд с одного лица на другое.

Нина Абрамовна, она морщится, что-то ее беспокоит. Валентин Вересков, он здесь старше всех, но в нем ощущается устойчивая жизненная сила. Итуся убирает за ухо пышный рыжеватый локон, сейчас она спросит, кому еще чаю. Женя Глущенко украдкой, чтобы Итуся не сердилась, наливает себе на посошок. А может, первым будет Сергей, чем-то встревоженный сегодня, недовольный, хотя у него больше всех оснований для радости, он закончил свой роман. Двадцать авторских листов... Или Марина? Она глядит на упорного бражника, который бьется о шелк абажура, и ее тонкие губы чуть шевелятся. Кто еще у нас остался? Лидочка Берестова? А чем я лучше других? Что ждет меня завтра?

Все пошли к станции. Глущенки уговорили Лидочку остаться ночевать у них на даче, тем более что дома ее никто не ждал — Андрей был в экспедиции. Надо было только посадить на электричку Нину Абрамовну и Марину. Вересков раскланялся со всеми у соседней дачи.

Сергей шел впереди с Ниной Абрамовной, они негромко обсуждали свои имущественные проблемы. Один раз Нина

остановилась, щелкнула своим портсигаром и закурила. Марина и Лидочка, которые брели рядом, тоже остановились.

— Странно, — подумала Марина вслух, когда Спольниковы снова пошли вперед, — если не знаешь, никогда не догадаешься, как семь лет назад она обливала его грязью, писала заявления в партком и грозила кинуться с восьмого этажа.

— Я плохо помню эту историю, — уклончиво ответила Лидочка.

— А я хорошо. Он тогда часто ходил к нам в издательство, — сказала Марина, — у нас его книжка шла, какой-то путеводитель. И он всех держал в курсе событий. Знаешь, как бывает, когда мужик совсем расклеится.

Лидочка кивнула.

Пуфик обогнал их и стал прыгать, изображая кенгуру, что было трудно сделать из-за его комплекции.

Вышла луна. Стало светло, но лунный свет спорил со светом редких фонарей, освещение получалось театральным, неестественным, экзотичным. Далеко впереди шагал толстый человек в длинном свитере. Разглядеть его было трудно, но Лидочке показалось, что это тот самый молодой оборванец.

— Сергей еще долго здесь будет? — спросил сзади Глущенко.

— Не знаю, — сказала больше других информированная Марина, — я сегодня привезла ему замечания по рукописи. Как быстро он управится, не знаю. А так как сейчас все делается быстрее, чем раньше, боюсь, как бы нотариальные походы не выбили Сережу из колеи.

— А что вас смущает? — спросила Лидочка.

— Его роман — современная проза. Хоть там есть все — и фарс, и трагедия, но в принципе это роман о большой любви, и вставить его в план производства было нелегко. Это же не Чейз и не Стивен Кинг. А знаете, как быстро у нас меняется обстановка — исчезнет бумага, появится какой-нибудь соблазнительный американский боевик... и перенесут Спольникова на будущий год, а там, глядишь, и забудут о нем... Вы меня понимаете? А книжка достойна того, чтобы выйти в свет, уж поверьте моему редакторскому чутью.

На плохо освещенной платформе скопилось много народу, была и обязательная компания с гитарой. Воскресный ве-

чер означал расставание с московскими гостями, с отцами семейств, возвращавшимися к трудовым будням, с подружками, с соседями по даче... Вечер выдался тихим, приятным, воздух хотелось традиционно сравнить с парным молоком, а картину увенчивала луна. В такой вечер кажется, что сейчас услышишь шум прибоя, что там, внизу, расстилается море, и вот-вот в кустах запоют цикады.

В ожидании электрички все стекли в кружок.

— Споем, что ли, товарищи? — иронично спросил Глущенко. Таких вот, прощальных кружков на платформе было не меньше дюжины. В некоторых пели: несколько рюмок и теплый лунный вечер — вот и рождается сладко тянущая за душу любовь к ближнему и выражается она у нас по-язычески, в общей песне...

Электричка ослепила, взревела и тяжело затормозила. Стало ясно, что дамам придется до Москвы стоять.

— Почему ты не купил машину? — это были последние слова Нины Абрамовны, обращенные к бывшему мужу. Сергей не нашелся, что ответить: он только беспомощно развел руками — он все еще чувствовал себя виноватым перед этой строгой женщиной и никак не мог научиться соответствовать ее высоким стандартам.

Глущенко, отвернувшись, улыбнулся. Итуся кинулась ловить Пуфика, который тоже было полез в электричку, ему захотелось в Москву.

Компания с гитарой втиснулась в вагон следом за Ниной Абрамовной. Невысокая Марина сразу исчезла в толпе пассажиров, но голова Нины Абрамовны, затянутая на прямой пробор волосами так туго, что глаза приобрели китайский абрис, гневно покачивалась среди лохматых молодых голов. Электричка глубоко вздохнула, рявкнула и быстро набрала скорость.

— Ну вот, остались все свои, — сказал Женя Глущенко. — Пошли к нам водку пить...

— Женя! — возмутилась Итуся.

— Хоть мы все знаем, — завершил фразу Женя, — что водки дома не осталось.

— Кстати, я забыл ей сказать, — вдруг нашелся Сергей, — что в таком состоянии мне все равно нельзя было бы садиться за руль.

Он был огорчен собственной несообразительностью. Лидочка его понимала — в спорах с Ниной годились только банальные, но доказательные аргументы.

Электричка исчезла, лишь гудели провода. Провожающие потянулись с платформы.

— А в самом деле, зайдете к нам, посидим? — спросила Итуся.

— Нет, спасибо, — сказал Сергей. — Я еще немного поработаю. Сейчас приятно работать.

— Работать никогда не бывает приятно, — заметил Женя. Сойдя с платформы, они начали прощаться.

— Вы завтра рано уезжаете? — спросил Сергей у Лидочки.

— Я хотела выспаться досыта. А что?

— Если завтра будет такой же день, не грех бы искупаться.

— Но тут далеко идти.

— Нет, от нас минут двадцать, — сказал Женя.

— Я могу зайти за вами, — предложил Сергей.

— Вот и отлично, — сказала Итуся с облегчением. Пуфик опять убежал, и мысленно она уже мчалась за своим сокровищем.

Так и договорились. В одиннадцать Сергей зайдет к Жене, и они все пойдут купаться.

Теперь можно было с чистым сердцем попрощаться.

Итуся с Женей побежали налево к главной улице поселка старых большевиков, потому что где-то там носился неугомонный Пуфик. Лидочка задержалась и глядела вслед Сергею, зная, что он обернется.

Сергей обернулся шагов через двадцать. Поднял руку, прощаясь.

Глава 2

Ночью пошел мелкий дождик, он нагнал в комнату комаров, которые воспользовались случаем напиться людской крови.

За окнами тревожно поскрипывали сосны, словно тщились шагнуть. На рассвете начала каркать сумасшедшая ворона, и ее крики подхватывала безродная собачонка у соседей. Проснулся Пуфик и отчаянно залаял, чтобы навести по-

рядок. Слышно было, как поднялась Итуся и принялась успокаивать Пуфика, и, не успокоив, открыла дверь, выпуская его в мокрый теплый воздух.

Лидочке казалось, что она всю ночь не спала, но это было неправдой. Конечно, она спала, но время от времени сон прерывался. Потом уже она подумала, что тревога той ночи вызвана смертью Сергея. И хоть капитан Голицын из милиции говорил, что Сергея убили в два часа ночи, не позже, вся тревожная ночь в памяти Лидочки была связана с Сергеем.

Утром она поднялась поздно. Глущенки уже встали. Женя читал на веранде нечто очень научное, в кожаном переплете, посвященное освобождению крестьян, а Итуся пропалывала заросшие грядки с клубникой. Они еще не завтракали, дожидались гостью. Пуфик первым угадал, что она проснулась, будучи существом корыстным, он дежурил возле дивана, на котором спала гостья, порой трогая ее локоть жесткой лапой. Очередное прикосновение разбудило Лидочку, та вскочила, не сразу поняв, кто и почему ее будит, потом попыталась отогнать песика, что было нелегко сделать, потому что Пуфик был счастлив оттого, что наступает светлое время завтрака добрых хозяев, во время которого можно славно поживиться.

Лидочка накинула халатик и, еще сонная, сползла по лестнице на веренду. Женя отложил том в кожаном переплете и сообщил, что принес парного молока.

— Такое впечатление, — сказала Лидочка, — будто я вчера гуляла на свадьбе. А потом взобралась на Эверест.

— Свадьбы у нас обычно кончаются драками, — заметил Женя.

— Я сейчас! — крикнула Итуся. — Через пять минут.

Завтракали не спеша, ждали, когда придет Сергей.

Глущенки знали его неблизко: как-то встретились на платформе, нашли общих знакомых — мир невелик, потом Сергей позвал Итусю собрать ягоды, которые иначе пропали бы, а Итуся подарила ему банку варенья. Случилось, что у Сергея сломался телевизор, и он приходил к Глущенко смотреть футбол — благо пятнадцать минут неспешной ходьбы; обнаружилась общая их с Женей любовь к российской истории прошлого века... Так и катилось дачное знакомство и, вернее всего, оборвалось бы с концом лета.

Сергей задерживался. Они сидели на веранде, пили кофий с молоком, как настоящие господа. Осы пикировали на баночку меда. Дождь перестал, запели птицы, стало парить. Сергей все не шел.

— Видно, заработался вчера, теперь спит, — сказала Итуся.

Но так как спешить было некуда, они и не волновались.

— А теперь он женат? — спросил Женя.

— Вот видишь, — засмеялась Итуся, — знакомы второй месяц, а мой Женечка не удосужился спросить.

— Ты тоже не спросила, — возразил Женя.

— Меня эта проблема не интересовала, — сказала Итуся, — к тому же об этом нетрудно прочитать между строк. После развода с Ниной Абрамовной семь лет назад Сергей так и не женился, хотя все ожидали, что он женится на своей многолетней любовнице — ведь из-за нее и заварился весь сырбор.

— Это Лиза Корф? — спросил Женя. — Я знаю.

— Вот видишь, какой ты сообразительный. Еще что-нибудь рассказать? — спросила Итуся.

— Расскажи.

— С тех пор Сергей продолжает поддерживать милые отношения с Лизой. Если мужик не женился сразу, через десять лет он на это уже не пойдет.

— Почему?

— Потому что десять лет спустя мы, женщины, многое теряем. А мужик хорошо помнит момент первой встречи. А сегодня ему показывают даму совсем иной комплекции и выражения глаз.

— А почему он снова не женился? На ком-нибудь еще? — спросила Лидочка. Почему-то раньше она, хоть и знала Сергея ближе Глущенок, об этом не задумывалась.

— Можно уйти от жены к любовнице, но от живой любовницы к новой жене? Для кого-то это возможно, но для Сергея перебор. Он, как кошка, привыкает к месту. Он бы и с Ниной не расстался, если бы она не проявила инициативу, — заявила Итуся.

...Лидочка собралась было позагорать, но передумала. Все равно пойдем купаться, значит, и загорать будем там. Лидочка согласилась сопровождать Итусю в магазин, надо было

чего-нибудь купить к обеду, ведь Сергей останется с ними, и за столом будет четверо.

По дороге они не спеша беседовали о жаре, о нравах собак, о трудности квартирных ремонтов и о том, как неплохо бы сдать московскую квартиру богатому иностранцу и переехать на дачу и не знать проблем...

Когда возвратились из магазина, было уже двенадцать.

Тогда решили идти на водохранилище одни, но вдоль канала, чтобы, если повезет, встретить Сергея на полдороге.

Стало жарко, хотелось, чтобы дождь собрался снова, но он не собрался, солнце растопило неплотные тучи, оставив от них только легкую дымку, которая не ослабляла жару.

Шли медленно, большей частью молчали, даже Пуфик не бегал, а брел. Женя тащил корзинку с полотенцами, подстилкой, газировкой в баллонах, еще чем-то, тащить ее ему не хотелось, и он пригрозил: если они встретят наконец этого бездельника Сергея, он сдаст ему корзину — пусть таскает.

На Жене была белая кепочка, и она придавала его облику какой-то довоенный вид.

Дошли до спрятанного под землю водопровода. Близко, у самой железной дороги поднималась насосная станция. От нее до Сергея оставалось всего семь минут ходьбы. Конечно, можно было бы о нем забыть — ведь он о них забыл, но ведь договорились купаться вместе, и было как-то неловко забыть об одиноком мужчине.

— Вы идите купаться, — сказал Женя, — а я загляну к Сергею, узнаю, почему он опаздывает.

— Нет, — возразила Лидочка, — я без груза, я сбегаю быстрее.

— Ах да, корзина, — вздохнул Женя.

Лидочка поняла, что он надеялся сплавить корзину дамам.

— Вместе пойдем, лишние пятнадцать минут ходьбы никому не повредят, — сообщила Итуся. — Я, кстати, сбрасываю вес.

Появился повод завернуть к Сергею — моцион, и все дружно зашагали к переезду через железнодорожное полотно.

Солнце окончательно разогнало хмарь, и начало печь как следует.

— Только очень молодые и рисковые люди ходят купаться в июльский полдень, — сообщил Женя. Лидочка была с ним совершенно согласна.

От жары все примолкло, птицы забрались в листву, собаки лежали в тени помойных баков. Дом художников замер, словно последний его обитатель сбежал к морю.

Как странно было увидеть, свернув за угол, сразу три машины. Две милицейские и «Скорую помощь».

Машины стояли, перегородив Школьную улицу у пятого дома, но они не могли иметь отношения к Сергею, потому что только вчера он был здоров, собирался купаться... конечно же, он собирался с нами купаться!

Им бы идти быстрее, но Лидочка замедлила шаги и поняла, что Глущенки тоже с трудом переставляют ноги. Справа к своей калитке вышел поэт Верресков. Это обрадовало Лидочку — не надо расспрашивать милиционеров.

— Здравствуйте, — сказала Лидочка, — что-нибудь случилось?

— Сергей... умер, — сказал Верресков.

— Не может быть! — сказала Итуся.

Пуфик зарычал и остановился. Он все понял раньше людей. Лидочка пошла дальше. У приоткрытой калитки стоял милиционер.

— Вы куда, гражданка? — спросил он.

— Там наш знакомый живет, — сказала Лидочка, которая упрямо не желала согласиться с возможностью смерти Сергея.

— Ну и что? — спросил милиционер. Ему было жарко, он не снимал фуражки, и струйки пота тянулись по щекам.

— Мы договорились купаться вместе, — сообщила Лидочка. — Можно мне пройти?

— А эти с вами?

— Эти со мной, — сказала Лидочка. — Мы все — знакомые, друзья Сергея Романовича.

— Капитан! — крикнул милиционер. — К Спольникову пришли.

Крик застрял в листве, растворился в жарком воздухе. Но

так как все окна и двери были раскрыты, капитан услышал призыв.

Он оказался низкого роста, плотным молодым чернявым человеком в голубой милицейской курточке и синих брюках. Верхние пуговицы рубашки были расстегнуты.

— Заходите, заходите, — позвал Лидочку и Глущенок капитан. — Вы мне и нужны!

— Ну вот, видите, — с упреком заметил милиционер у калитки, как будто Лидочка сопротивлялась и ее пришлось вести в сад под конвоем.

Пуфик не хотел идти в сад и куда-то убежал. Итуся — за ним.

Капитан пригласил Лидочку и Женю на террасу. Лидочка увидела, что Сергей так и не помыл посуду. Ей стало неловко, что она вчера этого не сделала.

— Что случилось? — спросил Женя. Видно, он понимал, что наступила его, мужская, очередь задавать вопросы.

Но здесь спрашивал капитан.

— В каких отношениях вы состоите с Сергеем Романовичем Спольниковым? — спросил он.

— Я его старая знакомая, — сказала Лидочка.

— А вы?

Женя почему-то нахмурился, словно счел вопрос нетактичным. Но ответил:

— Мы же собирались пойти купаться! Мы ждали Сергея...

— Вы тоже будете его знакомый?

— Я его знакомый и хочу знать, на каком основании вы меня допрашиваете и что здесь случилось?

— А где вы были сегодня ночью? — спросил капитан совершенно равнодушно, будто только ждал, когда Женя кончит говорить, чтобы уличить его в каком-то преступлении.

— Я с женой спал.

— И вы тоже с ним спали? — спросил капитан Лидочку, видно приняв ее за жену.

— Я не жена Евгению Александровичу, — сообщила Лидочка, чем немного, самую чуточку, сбила капитана с толку.

— А где же жена?

— Кто жена? Я жена, — сказала Итуся. Она поймала Пуфика и принесла его на руках. Видно, они с Пуфиком поняли, что пора спешить на помощь.

— Я была в гостях у Глущенок, — сказала Лидочка.

— Ваши паспорта, прошу, — сказал капитан.

— Простите, но в такую жару... — ответил Женя. — Кто будет надевать пиджак?

— А вот это лишнее, — сообщил милиционер. — Я вот всегда паспорт с собой ношу.

Он хлопнул себя по заднему карману.

— Вытащат, обязательно вытащат, — сказал Женя.

— У меня не вытащат, — сказал капитан, но больше не стал настаивать на том, чтобы Глущенки и Лидочка предъявили ему документы.

— Так что же случилось? — спросила Лидочка. — Что случилось с Сергеем?

— Вот именно, — сказал капитан и пошел внутрь, поманив Лидочку за собой, как будто звал ее поиграть в мячик.

Лидочке не хотелось входить в дом, но надо было так сделать.

— Узнаете? — спросил капитан.

...Лидочка глядела на лежавшего на полу, возле небольшого круглого стола, Сергея и понимала, что он совершенно мертв.

До того момента она была убеждена, что с ним случился инфаркт или инсульт, что он лежит на постели...

Но Сергей был убит. В виске у него было черное пятно, а от пятна по щеке и на пол стекал подсохший ручеек крови. Лежать Сергею было неудобно, он упирался согнутыми ногами и плечами в ножки стола и диван. Видимо, он опрокинул, падая, стул, и Лидочке трудно было убедить себя, что Сергею совершенно все равно, как лежать. Ей больше всего хотелось убрать стул и стол и дать возможность Сергею лечь по-человечески. Но трогать тело нельзя, об этом она где-то читала.

— Узнаете? — повторил капитан.

Это был лишний вопрос. В ответе никто не сомневался, но чтобы поддержать правила детективной игры, Лидочка произнесла:

— Это Сергей Спольников.

— Господи, — сказала стоявшая сзади Итуся. Пуфик бил-

ся у нее в руках и повизгивал, ему было страшно. — Мне сейчас станет плохо. Женя, ну чего же ты стоишь!

Женя тут же отвернулся от Сергея, с видимым облегчением подошел к Итусе, взял ее под руку и повел прочь из комнаты.

А Лидочка оторвала взгляд от тела и оглядела комнату, стараясь понять ее расположение в доме.

Комната находилась в центре первого этажа. Торцом она примыкала к кирпичной стене, разделявшей дом пополам — на половину, в которой жил Сергей, и на ту половину, за забором, где жила какая-то Маргарита, о которой Лидочка, кроме имени, ничего не знала. И даже не помнила, кто назвал ей это имя. Справа от комнаты находились две небольшие горницы или спаленки, слева кухня и прихожая, а за спиной Лидочки была дверь, ведущая на веранду и в туалет. Здесь, в комнате, служившей гостиной, не было окон, и потому звуки, раздававшиеся внутри ее, наружу не вырывались или, по крайней мере, были очень приглушенными.

Эти необязательные сбивчивые мысли крутились в голове Лидочки, словно она не просто смотрела на своего убитого знакомого, а приступала к расследованию. Слышен был выстрел или нет — это важно для сыщика, а не для приятельницы погибшего.

— Как вы думаете, кто его убил? — спросил капитан.

Лидочка четко расслышала вопрос, но он к ней как будто не относился, и в ответ произнесла фразу, которую ей самой придется не раз выслушать в ближайшие дни:

— Таких не убивают.

Лидочка не хотела обидеть Сергея. Но насильственная смерть подразумевает определенный накал страстей, отношений, когда убийство — едва ли не единственный способ разрешить противоречия. В кругу, к которому принадлежала Лидочка, конфликты разрешались в худшем случае скандалом или судом. Муж мог ударить жену, жена могла замахнуться на мужа. Но сама мысль об убийстве никому из знакомых просто не могла прийти в голову. И если вчера Нина Абрамовна сказала в сердцах, что проще убить человека, чем оформлять документы на его смерть, это не имело никакого отношения к убийству. Такая мысль Нине и в голову бы не пришла. Убийство оставалось в каком-то чужом мире, о котором знали из газет и телевидения. Из этого мира глухо доносятся выстрелы и взрывы, но в своем кругу насильственная смерть просто немыслима. Случается, напали по дороге домой, избили и ограбили, к кому-то влезли в квартиру. Но все это вторжение извне, из злого внешнего мира.

— Он давно мертв? — спросила Лидочка.

Капитан даже не стал отвечать.

— Кто же мог его убить?

— Вот я и думал, что вы мне поможете, — мрачно ответил капитан.

— Как же я вам помогу? Меня здесь не было.

— Вы были недалеко.

Лидочка промолчала. Капитанам милиции положено подозревать всех знакомых убитого и в конце концов найти корыстного наследника. Или обнаружить связь с преступной бандой на овощной базе.

— Пойдемте на кухню, — попросил капитан.

На длинном, прислоненном к стене столе еще стояли неубранные следы вчерашнего обеда. Открытая банка с огурцами, половина буханки, стопка грязных тарелок. Ага, Сергей собрался было начать уборку, но тут это и случилось.

— Садитесь, — сказал капитан осторожно отодвигая портативную пишущую машинку Сергея. В ней был заложен лист, вроде бы вчера его не было — значит, Сергей успел попечатать. Бледные буквы толпилиcсь тесно, и Лидочке не было видно, о чем Сергей писал.

Капитан взял лист из аккуратной стопки чистой бумаги рядом с машинкой. Достал из кармана рубашки шариковую ручку.

На кухне была открыта только форточка. Было душно. Жужжали мухи, пахло прокисшей пищей. Рюмки, стоявшие в ряд по краю стола, издавали неприятный сладковатый запах вчерашнего пьянства. Наверное, милиционер думает, что мы здесь устраивали оргии.

— Не было никакой пьянки! — с некоторым раздражением возразила Лидочка на невысказанный вопрос. Капитан поднял бровь. Бровь была темно-рыжей, что было странно при черных волосах, словно капитан красил голову. У него было мучнистого цвета блестящее лицо с неровной кожей.

Глаза были маленькие, зеленые. Неприятное лицо. Тяжелое и неумное.

— Простите, — сказала Лидочка.

Итуся заглянула в окно снаружи, стараясь понять, что происходит на кухне, даже приложила руку лопаточкой ко лбу. Но видно было плохо.

— Я открою окно? — спросила Лидочка.

Ей было гадко от духоты и запахов.

— Открывайте, — согласился милиционер.

На зиму и в дни отъездов хозяева ставили на окна решетки — добротные решетки, на болтах. Но летом решетки мешали открывать окна и сейчас стояли в прихожей, прислоненные к стене.

— Давайте поговорим, — сказал капитан.

— Прямо здесь?

— А чего мы будет откладывать, — сказал капитан.

Теперь, сидя за столом, он не казался столь официальным и строгим.

— Чего откладывать, — повторил он. — Чем скорее мы разберемся, тем лучше. Скажите мне свои данные. Имя, фамилия и так далее.

— Но у меня нет паспорта.

— С паспортом зайдете ко мне в отделение, официально, — сказал капитан. — Сейчас изложите самое главное.

— Но вы не представились! — сообщила Лидочка. И добавила смущенно: — Мне неудобно обращаться к вам «господин капитан».

— Можете говорить «гражданин капитан», — сказал тот и тут же смилостивился. — Голицын, — представился он. — Анатолий Васильевич. Как нарком культуры, довоенный, слышали?

— Тогда записывайте, Анатолий Васильевич, — сказала Лидочка. — Берестова Лидия Кирилловна, год рождения по паспорту — тысяча девятьсот шестидесятый.

— Никогда не дашь, — заметил тезка наркома и этим перевел Лидочку из разряда подозреваемых в нормальные свидетели.

В дверь кухни сунулся милиционер, который встречал их у калитки.

— Свидетелей отпускать или пускай ждут?

— Тех двоих с собакой? — спросил капитан. — Подождут.

— Мы были все вместе, — сказала Лидочка. — Всю ночь и все утро.

— Не спешите, — перебил ее Анатолий Васильевич. — Давайте по порядку. Где проживаете, как сюда попали. По порядку. Мне же для дела нужно.

Лидочка изложила по порядку причины, приведшие ее на место преступления, сказала, кто здесь был, кроме нее, рассказала в двух словах о событиях вчерашнего дня. И лишь когда кончила говорить, а капитан все медленно писать, он отложил лист и спросил:

— Подпишитесь или отложим до отделения, когда паспорт принесете?

— Как хотите, — сказала Лидочка.

Она вдруг почувствовала, что устала, хоть просидела на кухне всего сорок минут.

— Теперь будете Глущенок допрашивать? — спросила она.

За стенкой слышались голоса, толкотня, шум. Голицына позвали оттуда. Он ушел, оставив Лидочку одну.

Она заглянула в комнату за капитаном и увидела, что Сергея уже положили на носилки и собираются уносить. Анатолий Васильевич что-то вынюхивал вокруг тела. Потом стал шептать на ухо второму милиционеру. Санитары понесли носилки прочь из гостиной, доктор в белом халате, совсем молоденький, шел сзади. Рука Сергея вдруг сорвалась с носилок и бессильно свалилась. Пальцы задевали доски пола. Лидочке захотелось рвануться, поправить руку, но она не посмела, что-то остановило ее. То ли страх перед Сергеем, перед смертью, то ли страх перед Анатолием Васильевичем Голицыным, милиционером, который имел право задавать вопросы и обвинять людей. А почему бы мне и не вернуться ночью, не пройти в дом — окна, наверное, были открыты, почему мне не убить Сергея? Бред какой-то! Таких, как Сергей, не убивают. Представь себе любого человека на земле, который накопил в себе столько ненависти к Сергею, чтобы убить его? Застрелить? А где покупают пистолеты, чтобы убивать знакомых популяризаторов ботаники, написавших современный роман? В телевизоре это выглядит так просто — подошел к

эстонским мафиози, купил пистолет и еще пулемет. А на самом деле?

Анатолий Васильевич, проводив носилки на террасу, быстро вернулся, широкими плечами чуть не застрял в двери и, увидев Лидочку, произнес непонятную фразу:

— А сейчас будем смотреть.

За ним вошли Глущенки. Так и остановились — капитан и Глущенки у двери, ведущей на террасу, а Лидочка в дверях на кухню.

— Давайте теперь вместе будет смотреть, — сказал капитан. — Что могло пропасть из этого дома.

— Пропасть?

— Вот именно. Что могли украсть.

— Вы хотите сказать, — произнес Глущенко с явным облегчением, — что могло иметь место ограбление?

Лидочка подумала, что все они, включая Женю, говорят с капитаном на чиновничьем жаргоне, словно тот ему более понятен.

— Могло иметь место, — мрачно согласился капитан. — Вы видели, как он был одет?

— Нет, — ответили они вразнобой.

— Но он был одет, — сказала Итуся уверенно.

— Так же, как в момент вашего ухода?

Никто ему не ответил.

— Убитый был босой, такие вещи надо замечать. Босой, в джинсах и в сорочке. — Тезка наркома был разочарован невнимательностью интеллигентов.

Конечно же, на Сергее не было никакой обуви. Но, наверное, от жары, оттого, что положено ходить босиком, Лидочка не обратила на это внимание.

— Ночь была теплая, он вернулся со станции и разулся, — сказал Анатолий Васильевич. И тут же обернулся к Лидочке: — А вы вчера на кухне были?

— Да, я готовила.

— Постарайтесь вспомнить — в машинке у него бумага была вставлена?

— Я уверена, что не было ничего, — ответила Лидочка.

— Я тоже обратила внимание, что машинка была пустой, — подтвердила Итуся.

— А теперь лист вставлен, — сообщил капитан. — Значит, он пришел, разулся, сел за свою машинку, решил поработать. Заработался до двух, а тут влез убийца. Может, он что-то сказал, стал ругаться, а в наши дни с грабителями лучше не ругаться, понимаете?

— А почему вы думаете, что это случилось в два часа ночи?

— Это не я думаю, а соседи. И медицина должна подтвердить.

— А что говорят соседи? — спросил Глущенко.

— Потом, потом, — отмахнулся капитан. — Мне сейчас важнее другое: кто из вас тут бывал, видел вещи. Я хочу понять, что здесь было. Деньги, валюта? Драгоценности? Что он здесь хранил? Что нужно было убийце? Понимаете? Ведь так просто не убивают.

Лидочка кивнула, соглашаясь.

— Ну как? — обернулся капитан к Лидочке.

— Я тут практически не бывала.

— А вчера? Что вчера заметили? Было видео?

Лидочка поглядела на Женю.

— Я смотрел у него видео, — сказал Женя.

— Американский фильм, — сказала Итуся. — «Вспомнить все!» Позавчера смотрели.

— Вот видите, — обрадовался прогрессу следствия капитан. — Другие вещи?

— Я думаю, особых ценностей здесь не было.

— А компьютер?

— Компьютера я не видел.

— Я бы заметила, — сказала Итуся.

— Думайте! Ильинские могли оставить ценные вещи, на сохранение.

— Кто-кто?

— Ильинские, хозяева дачи.

— Сомнительно, — сказал Глущенко. — Представляете, люди уезжают на год и оставляют на даче в распоряжении жильца какие-то ценности.

— Всякое бывает.

— Я вам советую, — сказала Итуся, — поговорить или с поэтом Вересковым, он снимает домик напротив, или с со-

седкой — с той стороны. Ольгой, библиотекаршей. Они тут чаще бывали, они знают, какие вещи могли исчезнуть.

— Так и сделаем. Новый вопрос, — сказал капитан, загибая указательный палец. — Что вы можете сообщить о его ближайших родственниках?

— Вчера здесь как раз была его бывшая жена, — сказала Лидочка. — Нина Абрамовна Спольникова.

— Они в разводе? Зачем она приезжала?

И тут Лидочка поняла, что капитан спешит, он сам уже не рад, что ввязался в этот разговор, который трудно назвать допросом, но и трудно придумать для него другое название.

— Какие-то хозяйственные дела, по разделу имущества, — сказала Итуся.

— Давно в разводе?

— Семь лет, — сказала Лидочка.

— А новая жена есть?

Итуся молчала, глядела на Лидочку, оставляя ей инициативу. Но вроде бы капитан этой паузы не заметил.

— Сергей Романович не женился.

— Дети есть?

— Насколько я знаю, нет, — сказала Лидочка.

— Родители?

— По-моему, умерли. Я вам дам телефон Нины, его бывшей жены, она все объяснит.

— Отлично. Давайте телефон. И оставьте мне ваши адреса и телефоны, вы мне понадобитесь... Вернее всего.

И тогда Лидочка поняла, что капитан знает нечто об убийстве Сергея, что резко снижает его интерес к прочим свидетелям. И вернее всего, он и не намеревается вызвать бывшую жену. Подумав так, Лидочка спросила:

— Почему вы думаете, что это был грабитель?

— Он через окно влез, земля на подоконнике и на полу, я думаю, что он искал деньги. Может, наркоман, может, бандит.

— Но у Сергея ничего не было!

— Относительно, — возразил Анатолий Васильевич. — Видак — вполне достаточный повод для убийства. У нас за полсотни долларов убивают. А на даче был не только видак, это я вам гарантирую.

Последние слова были полны укора, словно капитан показывал Лидочке и Глущенкам, что они знают о ценностях, но запутывают следствие, скрывая от него очевидные вещи.

Потом капитан сделал шаг в сторону и сказал Глущенке, которого он выделял:

— Вы поглядите, гражданин, в комнату, может, вспомните о вещах, которые пропали?

— Мне тоже можно взглянуть? — спросила Лидочка.

— Не надо, натопчете. А там следы остались.

Лидочка подумала, что, вернее всего, натоптали сами милиционеры.

Глущенко заглянул в комнату. Он стоял, чуть покачиваясь и внутренне решая задачку «найдите десять различий между двумя картинками». Лидочке не было видно за ними, но тут Женя сделал шаг назад в сторону, и Лидочка увидела, что дверцы шкафа раскрыты, белье выброшено на пол, а на полу валяется один из ящиков.

— Тут искали, — сказал Женя не столько милиционеру, как Лидочке и Итусе.

— Вот именно, — подтвердил Анатолий Васильевич. — Значит, подозревали, что искать.

— Простите, но я хотел бы возразить, — сказал Женя. — Если бы знали, что и где искать, то им не было бы нужды выворачивать ящики и копаться в белье. Взяли бы, что нужно, и ушли.

— Ладно уж, — не согласился милиционер, — по-разному бывает. Он мог знать, чего надо брать, но не знал, где спрятано. Не исключено, что приходил знакомый.

— Почему?

— Соседи шума не слышали.

— Нет! — твердо ответил Женя. — Знакомый вошел бы через дверь. Или, в крайнем случае, через дверь на веранду. Она была открыта?

— А черт ее знает! — в сердцах ответил капитан. — Соседка бегала туда-сюда, натоптала, впрочем, это и не играет сейчас роли.

Капитан пошел на кухню, где заставил свидетелей записать свои адреса и телефоны, обещал вызвать. Потом выпроводил всех из дома, сам вышел последним, закрыл дверь на ключ. Подождал, пока Итуся поймает Пуфика, и проводил всех до калитки. Захлопнув калитку за собой, просунул креп-

кую волосатую руку сквозь штакетник, чтобы задвинуть засов.

— Все, — сказал он, словно закончил тяжелую работу, — теперь можно и пообедать.

— Задержались мы, Анатолий Васильевич, — поддержал его потный милиционер. — Я чуть с голоду не помер.

Лидочка подумала, что милиционеры могли бы и не обсуждать сейчас обеденные проблемы, а потом отогнала эту мысль — они же каждый день находят трупы, что ж теперь, голодать из этических соображений?

Милиционеры быстро пошли по улице к отделению, а Глущенки с Лидочкой остались у калитки. Ведь они так ничего и не узнали от Анатолия Васильевича. Было странное чувство — словно перед тобой поднялся занавес, за которым стояли в разных позах люди на фоне декораций, и тут же опустился, зажегся свет, и дамы в униформе торопят скорей идти в гардероб, а то гардеробщицам пора по домам.

Солнце пекло нещадно, воздух был влажным, тяжелым, еще и суток не прошло с той минуты, как Лидочка входила в эту калитку и Сергей встретил ее на террасе.

— Хоть бы дождик пошел, — попросила пощады у природы Итуся. Пуфик стоял у ее ноги, покорный и терпеливый. Женя так и держал в руке несчастную корзину.

— Я сегодня видела отвратительный сон, — сказала Итуся, — но не придала ему значения.

Итуся явно намеревалась рассказать этот сон, но обычно терпимый Женя оборвал ее:

— Давай дома будем рассказывать. Сейчас я хочу увидеть Верескова.

Женя был прав. Нельзя уходить, не узнав по крайней мере того, что знают соседи.

Они побрели к дому, где снимал флигелек Вересков, стали звать его от калитки, но вышел не он, а Ольга, соседка Сергея, и сказала:

— А Валентин Дмитриевич срочно в Москву уехал.

— Оля, — обрадовалась Итуся, которая знала соседку ближе остальных. — Мы вообще-то к вам хотели. Мы вовсе ничего не знаем.

Крупная, массивная Оля, само добродушие, подошла к забору. Разговор продолжался через штакетник.

— Это я во всем виновата, — сказала Оля. Она начала говорить сразу после вопроса Итуси, видно, она специально стояла тут в ожидании расспросов. Грустно потерять статус главного свидетеля, когда свидетельскому полку пришло пополнение.

Ольга, по ее словам, проснулась часа в два от какого-то звука. Звук пришелся на сон — так что она даже не поняла, что же ее разбудило. Теперь, после того как она побывала в соседнем доме, Ольга поняла, что ее разбудил звук выстрела. Было тихо. Только очень тревожно. Она встала, подошла к окну, посмотрела в сторону окон Сергея. Именно в ту сторону, а не в другую — что-то, значит, чувствовала. Она стояла довольно долго, и ей показалось, что там горит настольная лампа. Сергей Романович часто допоздна работал — кухня-то с ее стороны, ей видно было, как он сидит у окна и печатает на машинке. В жаркие дни все открыто настежь, правда, участки разделены сараями, но сараи стоят не вплотную.

Потом Ольга легла и спала часов до девяти утра. Встала, были какие-то домашние дела, ей сегодня выходить после обеда. Ольга собиралась на почту и еще вчера договорилась с Сергеем, что заглянет к нему в первой половине дня и возьмет несколько писем, которые он написал, — специально идти за километр к почтовому ящику ему не с руки.

Она пошла к Сергею в одиннадцатом часу, как раз кончился дождик.

Дверь на террасу была открыта, но когда Ольга вошла, никто не отозвался. Может, заработался вчера и заснул поздно, решила она, а так как отношения в поселке были простыми, деревенскими и Сергей эти отношения принимал, Ольга негромко позвала его, чтобы не будить, если спит. Тут она и увидела его на полу. Сначала она решила, что сосед напился и свалился под стол — она такого натерпелась с прошлым мужем. Потом испугалась, что у Сергея случился припадок. И хоть было светло и она увидела кровь, сознание не соглашалось с насильственной смертью — иначе как объяснишь, что она даже присела на корточки и стала трясти его за плечо, чтобы очнулся.

А потом уже окончательно поняла, что сосед мертв.

— А из чего он был застрелен? — спросил Глущенко.

— Не знаю, — сказала Ольга. — Может, из ружья, может, из пистолета. Не все ли равно?

— Оружия вы там не видели?

— Нет, оружия не было. Да я и не искала.

— А потом милиционеры не находили оружия?

— Женечка, ну что ты пристал к Оле со своими вопросами? Вы продолжайте, Оля, — попросила Итуся.

— А больше нечего продолжать. Я испугалась, — сказала Ольга. — Выбежала, а тут Валентин Дмитриевич идет. Я сначала не хотела его в это дело впутывать, он такой впечатлительный. Но он по моему виду угадал, буквально кинулся ко мне, спрашивает, что у вас произошло? Я и говорю, что не у меня, а с Сергеем Романовичем случилось несчастье. Я его попросила подежурить, чтобы никто не вошел в дом. Почему-то мне показалось важно, чтобы до милиции никто в дом не вошел. А сама побежала в милицию — тут пять минут...

— И приехал капитан Анатолий Васильевич, — подсказал Женя, который хотел установить всю картину, полностью.

— Сначала Толика не было, — сказала Ольга. — Меня на патрульной машине подвезли, там сержант был, он ко мне в библиотеку ходит. Вересков у террасы стоял. Весь бледный, как полотенце. Он мне потом сказал, что ему казалось, Сергей выходит, весь в крови... вы представляете?

— Представляем, — сказал Глущенко.

— А потом Толик прибежал, — сказала Ольга.

— Какой Толик?

— Уполномоченный, Анатолий Васильевич: мы с ним в одном классе учились, он такой романтик раньше был, а отец заставил его в милицейское училище пойти. А то, говорит, всех грабят, но без образования не защитишь. У него отец — типичный ветеран.

Лидочке показалось, что Ольга шутит. Но Ольга не улыбалась.

— Вы с ним осторожней, — сказала она. — Он на вид все еще безопасный, а в самом деле у него развилась хватка. Он, как бульдог, вопьется, не оторвешь. Он знаете, на ком женился? На Люське Мамедовой, ее на конкурс красоты выбирали, из кино режиссер приезжал на «Мерседесе», честное слово, он Толик, он только в науке нолик.

Лидочке послышалась старая школьная шутка.

— Толик все ждет своего звездного часа. В десятом классе он книжку прочел — «Звездные часы человечества». Немецкого писателя...

— Стефана Цвейга, — подсказал Глущенко.

— Стефан Цвейг про великих людей написал, а Толик теперь ждет своего часа. Ему надо, чтобы его заметили.

— Из-за Люси Мамедовой? — спросила проницательная Итуся.

— А вот Люся Мамедова уже ни при чем, — вдруг рассмеялась Ольга. — Я вам ее покажу, если хотите.

— Ну что, все? — Итуся устала от переживаний, ей хотелось уйти, но Женя медлил, и Лидочка понимала его: еще было не сказано нечто важное, что все объяснит и расставит по местам.

— Все неправильно, — сказал Женя.

— Я тоже так думаю, — быстро согласилась Ольга. — Все неправильно, не должны были Сергея Романовича убивать. Да и что брать-то у него?

— Видик, — сказала Лидочка. — Ваш Толик спрашивал, что пропало. Он думает, что там еще были деньги.

— Вряд ли.

— Убийца не мог приехать на машине? — спросил Женя.

— Мы бы услышали. В два часа кто-нибудь да услышал — с той стороны Школьная перегорожена, она как тупик. Если бы кто заехал, мы бы обязательно услышали. Нет, убийца пешком шел. За видиком?

— Происходит нарушение шкалы ценностей, — заявил Глущенко. — Человека можно убить из-за пятидесяти рублей, причем из гранатомета, потому что именно гранатомет попался тебе в лапы. Масштаб добычи и масштаб нападения никак не соотносятся.

— Правда, — согласилась Ольга, хотя не было уверенности, что она вслушивалась в эту сентенцию.

Лидочка глядела на зеленую крышу дома, поднимавшуюся над кронами яблонь, и представляла себе прошлую ночь, шаги в саду — наверное, Сергей услышал шаги, может, ему стало страшно. Он спросил: «Кто там?» — ему не ответили. А тому, кто следил за Сергеем из сада, был хорошо виден силуэт хозяина, неуверенно подошедшего к окну... Нет, Сергей

услышал, как грабитель ходит по маленькой комнате, разыскивает этот самый видик, который стоял на телевизоре, а телевизор был большой и старый, брать его не имело смысла... Может, вор и не хотел стрелять?.. Почему он не забрался вечером, когда все ушли на станцию?

Они вернулись на дачу к Глущенкам, там Лидочка взяла свою сумку, Женя проводил ее до платформы. Они молчали, ожидая электричку. Солнце все еще жарило, и они прятались в тени высоких кустов, прижимавшихся к платформе с тыла. В кустах кишели мухи — наверное, нашли там добычу, — мало ли что кидают с платформы. Но в тени было не так жарко.

— Ты позвонишь Нине? — спросил Глущенко.

Лидочка не стала отвечать. Она устала, словно весь день дрова рубила, хотя до вечера было еще далеко. Она и ехала в Москву, потому что надо было что-то делать — кому-то звонить, что-то организовывать. Толик исчез, неизвестно было, звонил ли он родственникам — вернее всего, милиционер не звонил никому, потому что Сергей для него был чужим человеком, пришлым.

Пока Лидочка с Женей маялись на платформе в ожидании электрички, Толик Голицын прошел к себе в комнату, которую делил с бывшим одноклассником и недругом Васей по прозвищу Мордоворот. В комнате было душно. Василий сидел здесь до обеда и, пользуясь отсутствием Толика, курил, а форточку, конечно же, не открывал.

Первым делом Толик открыл окно, затем положил на стол свою папку, с которой всегда выезжал по вызовам и считал ее счастливой, потому что ее подарила Люда на первую годовщину свадьбы.

Сев за стол, Толик вытащил из папки двойной лист бумаги, найденный в доме погибшего, и разложил его на столе, расправив и разгладив ладонями. Этот лист Толик приложил к следу, который обнаружил на полу маленькой спальни. Предполагаемый убийца сначала наступил на грядку, испачкал подошву, и след отпечатался на бумаге. На всякий случай Толик обвел его карандашом.

Именно находка этого следа, о котором Толик не стал говорить Лиде и Глущенкам, вызывала в его душе бурю надежд.

Толик жил в ожидании славного громкого дела, которое он раскроет столь блестяще, что на него обратят внимание в Управлении по борьбе с организованной преступностью. Он получит повышение, Люда сразу и навсегда перестанет жаловаться на вечное безденежье и бездарность мужа, не умеющего брать взяток.

Обведенный на бумаге след был невероятно велик. Под него подходил ботинок сорок восьмого, а может, и сорок девятого размера. Обладатель такой ноги должен превышать два метра в высоту, и намного превышать. А как известно, в поселке нет ни одного гиганта, вряд ли такой есть в самих Мытищах. Здравый смысл подсказывал Толику, что двухметровые люди никогда не идут в грабители и охотники за видиками. Значит, за делом об убийстве писателя Спольникова может скрываться тайна и драматические события, которые прославят Голицына Анатолия Васильевича. Поэтому уверения Толика, что за убийством Сергея стоит простое ограбление, были маскировкой, камуфляжем, туманом, который он сознательно напускал перед свидетелями, чтобы никто не догадался о действительных мыслях и надеждах оперуполномоченного из поселка Челушинский.

Теперь следовало ждать, когда же из небытия возникнет гигант в ботинках сорок девятого размера. И тщательно вести следствие, никому не показывая, каким оно может стать сенсационным!

А пока пускай все думают, что случайный грабитель с пистолетом в кармане залез за легкой добычей и пристрелил дачника. Пускай думают...

Толик, который любил предавать бумаге свои надежды, правда, в зашифрованном виде, написал перед отпечатком следа: «Дело о гигантской ступне». Так было лучше.

Теперь следовало выяснить, кто знает такого баскетболиста и кто видел гиганта в районе Челушинской прошлой ночью...

Пока Толик подводил итоги первых часов расследования, Лидочка с Женей томились на раскаленной платформе. К счастью, электричка пришла почти пустая — кто едет в Москву в четыре часа пополудни в понедельник?

Усевшись у окна, Лидочка видела, как Женя прошел несколько шагов следом за тронувшимся поездом и вскоре отстал.

Глава 3

Приехав домой и приняв душ, Лидочка долго сидела перед телефоном, прежде чем решилась взять трубку. Одно дело, если умер знакомый и тебе звонят другие знакомые, а ты звонишь третьим — это все ужасно, это несправедливо, но об этом можно говорить, ты лишь посредник. Теперь Лидочке, пожалуй, впервые в жизни, пришлось выступать в роли гонца несчастья.

Ей предстояло сообщить о смерти Сергея двум женщинам.

Поэтому Лидочка выбрала первым звонком тот, который ей самой грозил меньшей душевной болью.

Она позвонила Нине.

Нина была в школе. У нее шел урок.

Конечно, можно было вызвать ее с урока — благо, к телефону подошел кто-то молодой и вежливый. Но Лидочке показалось нетактичным сообщать Нине: «Я не могла дождаться звонка с урока, так спешила поставить тебя в известность!»

Она попросила, чтобы Нина Абрамовна, как вернется с урока, срочно позвонила ей, и оставила свой телефон. Она знает. Лидия Кирилловна, вот именно.

Конечно, за пятнадцать минут, пока кончится урок, можно было бы позвонить и Лизе Корф, но Лидочка предпочла все же пойти на кухню, сварить себе кофе, сделать бутерброд... Было уже не так жарко. Шел шестой час, солнце ушло за крыши высоких домов напротив, душ освежил Лидочку. Впрочем, она сейчас даже не ощущала жары — ее колотила мелкая нервная дрожь.

Вдруг она вспомнила, что надо сделать еще звонок — Марине Котовой. Он по крайней мере не грозил быть таким внутренне трагическим — для Марины смерть Сергея будет горем, большим, но, дай бог, не личным. Ее горе сравнимо с горем Лидочки: исчезновение из жизни собеседника, товарища, будучи утратой, не изменяет кардинально твою собственную жизнь. Для Нины или Лизы Корф потеря Сергея означала потерю части самой себя.

Но Лидочка зря убаюкивала себя, полагая, что Марина воспримет смерть своего автора просто как печальную новость. Поэтому она не стала готовить Марину к известию — ведь

нельзя подготовить к вести о смерти так, чтобы она стала менее печальна.

— Марина, — сказала Лидочка, — ты прости, пожалуйста, что я тебя беспокою, но Сергея сегодня ночью убили.

Марина поверила сразу. Как будто она ждала такой новости.

— Боже, — сказала она упавшим голосом, — это слишком ужасно. — И повесила трубку. А может быть, выронила ее. И тут же телефон затрещал.

— Нас разъединили, — автоматически сказала Лидочка, полагая, что это Марина.

Звонила, однако, Нина Абрамовна.

— Здравствуйте, — сказала она. — Что случилось? Только, пожалуйста, не рассусоливайте, я тороплюсь.

Лидочке захотелось огрызнуться — бывает же такая безапелляционность, которая вызывает ответную агрессию.

Но Лидочка взяла себя в руки.

— Нина Абрамовна, простите...

— Лидия Кирилловна, — оборвала ее Нина. — У меня считаные минуты. Я должна подготовиться к следующему уроку.

— Убили Сергея Романовича, — послушно сказала Лидочка.

— Чепуха, — ответила Нина Абрамовна. — Таких, как он, не убивают. Это сердечный приступ. Сережа всегда страдал аритмией.

— Господи, — вскрикнула Лидочка. — Я же вам правду говорю! Какой-то бандит забрался в дом к Сергею и убил его.

— Куда его повезли? — спросила после паузы Нина, опустив приличествующие случаю слова. — В какой морг?

— Не знаю, — сказала Лидочка, понимая, какую глупость она совершила, не спросив об этом у Толика. — Но у меня есть телефон милиции, которая расследует это дело.

— Вы будете у себя? — спросила Нина Абрамовна.

— Да.

— Тогда будьте любезны, узнайте, в какой морг повезли Сережу. А я должна идти на урок. Какими бы ни были мои переживания, окружающие не должны страдать.

— Я буду дома, — повторила Лидочка.

Снова зазвучали короткие гудки.

Получалось как-то неладно. Никто не собирался снять с Лидочки груз. Обе, знавшие Сергея женщины, разговаривать не стали.

Оставалась Лиза Корф.

Сколько же они не виделись? Кажется, года три — тогда они встретились в Ялте. И встречались ежедневно в течение недели. Все было мило и ни к чему не обязывало. Лиза ездила туда каждый год, у нее был как бы свой дом в Гурзуфе, где с тебя берут денег больше, чем со случайного постояльца, и к тому же зимой присылают к тебе в Москву переночевать проезжающего через Москву дальнего родственника с двумя детьми. Сергей был там на конференции, Лидочка вырвалась из института на две недельки отдохнуть, а Андрей Берестов копал неподалеку. Сергей ходил за кумысом, вечером все вместе отправлялись в открытый кинотеатр в парке. Даша была длинноногой, нескладной, рыжей, конопатой девочкой, которая никак не могла превратиться в женщину, отчего была капризна, излишне смешлива и склонна к домашнему хамству.

— Лиза? — спросила Лидочка и, не дождавшись ответа, сказала: — Это Лидия Кирилловна! Лиза, вы должны помнить меня, мы вместе отдыхали в Гурзуфе. Вы помните?

— Да, — ответил женский голос, — я помню. Только я Даша.

Даша не успела, не сообразила сказать, что мамы нет дома. Она только собралась это сказать, как Лидочка, продолжая уже готовый текст, быстро произнесла:

— Я звоню, чтобы сказать, что убили Сергея, Сергея Романовича, ты его должна знать... — Ну что же я несу? Дашка называла его Сережей, они были с ним дружнее, чем с прочими взрослыми, вместе уплывали далеко в море. А Лиза оставалась на гальке и все тянула шею, стараясь угадать их в волнах.

— Даша, ты меня слышишь, ты сможешь передать маме? Я там случайно оказалась.

Даша молчала, не переспрашивала и не прерывала Лидочку.

В трубке было тихо. Только замолчав, потому что не знала, что сказать далее, Лидочка поняла, что Даша плачет. Плачет беззвучно, даже не всхлипывая, и Лидочка сразу вспомнила, как Даша плакала в Ялте: лицо ее бледнело, становилось неподвижным, на нем выступали веснушки, дрожали губы и большие слезы скатывались по щекам.

— Даша, прости, — сказала Лидочка. — Наверное, я не так сказала... Опять я виновата? Лучше бы я вчера не ездила туда!

Даша молчала.

Потом повесила трубку.

Такая вот была у всех манера — выслушать сообщение и повесить трубку.

«Лидочка, не сердись, — сказала она себе. — У людей шок, они не могут осознать смерть Сергея: особенно смерть насильственную... только не говори, что таких не убивают».

Лидочка пошла на кухню, налила себе еще кофе, хотелось закурить, но ведь мы бросили курить окончательно? Телефон зазвонил снова.

— Простите, Лидия Кирилловна, — сказала Даша. — Я просто ничего не соображаю. И мамы нет. Я буквально в оцепенении...

— Не надо, — сказала Лидочка. — Я все понимаю. Ты хочешь знать, как это случилось?

— Это правда, да? Может, вам неправильно сказали?

— К сожалению, правда.

Голос у Даши был другим, низким, словно вовсе не с ней Лидочка говорила несколько минут назад. Даша покорно вздохнула.

— Это случилось ночью, — сказала Лидочка. — Мы вечером были у Сергея в гостях, а сегодня собирались пойти купаться. Ждали, ждали, его нет, мы с Глущенками пошли к нему. А там милиция...

Даша хмыкала, как бы соглашаясь со словами Лидочки.

Потом откашлялась.

Лидочка продолжила:

— Кто-то застрелил его. Наверное, из пистолета. Говорят, что грабитель.

— Из пистолета? — Даша была поражена. — Этого быть не может!

— Да, конечно, это странно, так бывает с банкирами, но милиция считает, что грабитель лез за видео, а Сергей его спугнул.

— Лез с пистолетом?

Даша перестала слушать ее, всегда чувствуешь, когда человек перестает тебя слушать.

— Пистолет пока не нашли, — сказала Лидочка и осеклась.

— Большое спасибо, — сказала Даша, — только мне нехорошо, я вам потом позвоню, хорошо? Или мама позвонит. Она скоро придет. Я ей сама расскажу. И потом мы вам позвоним.

Лидочка ненавидела телефон. Сейчас телефон зазвонит снова, и снова придется обжигаться о чужое горе. О горе Даши... Но помимо горя, было и другое — какое-то дополнительное знание, понимание причин и обстоятельств смерти, понятное только самой Даше.

Телефон заверещал.

Это была Марина Котова.

— Ты извини, — сказала она, — что я трубку кинула. Это от неожиданности. Понимаешь, для меня Сергей — это нечто постоянное, почти вечное. Другие люди могут умирать, уходить, болеть, а с ним ничего не случалось. Я прямо оторопела от твоих слов. Это ничего, что я тебе звоню?

— Ничего, — сказала Лидочка.

— У меня ведь его рукопись. Он всю жизнь писал только популярные книжки, ты же знаешь. И вот почувствовал себя созревшим для прозы. Это редко бывает с популяризаторами. Они не могут вырваться из своей шкуры. А вот Сергей смог. Честное слово, он написал неожиданную вещь! И я добьюсь, что она увидит свет. Знаешь, как бывает — нет человека, нет проблем. Но я обязательно добьюсь, чтобы роман вышел. Это дело чести.

«Каждый кулик хвалит свое болото, — подумала Лидочка. — И Марина, хоть и опечалена смертью Сергея, видит его и понимает сквозь призму романа, который уже не имеет смысла для Сергея, если сам он погиб. Теперь роман остался реальностью лишь для его редактора, для Марины. Вот этим она и обеспокоена. А почему сама смерть Сергея — это вторично, это не так важно, если есть Произведение... Может, я несправедлива к ней, может, она действительно взволнована смертью Сергея...»

— А как это случилось? — спросила Марина. — Мне страшно спрашивать. Ведь, кажется, только-только попрощались, правда?

— Правда. Его убили из пистолета. Грабитель забрался в дом, окно было открыто, он видео...

«Я уже твержу заученный текст, как нищенка в метро».

— Господи! — воскликнула Марина. — Из-за жалкого видео убить такого человека! Ты не представляешь, какая это была светлая голова! Ты не представляешь... — Марина всхлипнула. Лидочка ждала, пока она заговорит снова.

— Ты продолжай, — произнесла наконец Марина. — Забрался в дом и выстрелил. А что, разве никто не слышал, не видел?

— Это было в два часа ночи, — сказала Лидочка. — Соседка говорит, что проснулась от выстрела, но не догадалась в тот момент, что это был выстрел. Ты знаешь, участок угловой — с двух сторон улица, а соседний сад Ольги отделен сараями и деревьями.

— Может, он потом испугался и кинул пистолет? — с надеждой спросила Марина Олеговна. — Пистолет найдут и убийцу поймают.

— Ничего он не испугался! — возразила Лидочка. — Ведь он потом все-таки забрал видео и ушел. Спокойно ушел. Ольга говорит, что там горел свет. Она видела после того, как проснулась от выстрела.

— Ты только что уверяла, что с Ольгиного участка дом не виден, — упрекнула Лидочку Марина.

— Зачем ей врать?

— Мало ли кто и почему забрался к Сергею. А они, местные, друг друга все знают. И если твоя Ольга...

— Она не моя! — воскликнула Лидочка.

— Ну, не твоя... Если твоя Ольга видела кого-то знакомого, она в жизни никому не признается. Ей же в поселке жить. А там каждый второй бандит, а остальные бывшие бандиты.

— Ты преувеличиваешь, Марина.

— Как? Убивают человека. Интеллигентного, милого, совершенно безобидного, губят талантливого писателя — ты, по-моему, еще не осознаешь, что же произошло! Это же продолжение беспредела! Беспредела во всем! В политике, в экономике, в армии! Знаешь, я иногда просыпаюсь ночью и думаю: боже, пошли нам генерала Лебедя! Пускай он скрутит

железной рукой всех преступников, жуликов, паразитов! Мне так надоело существовать на нищенскую зарплату, бояться выйти на улицу в темноте, бояться, что тебя могут избить... И это кончается смертью хорошего человека.

— Я не верю в панацеи, — сказала Лидочка. — В лекарства, о которых все кричат, что они вылечат от всех болезней. Чаще всего они оказываются смертельными для большинства больных. Особенно для тех, кто так горячо в них уверовал. Я не знаю, кого в первую очередь положено скручивать генералам, но исторический опыт не вселяет в меня оптимизма.

— Исторический опыт — чепуха собачья! Прости, Лидия, но сначала в истории бывает первый раз. А от него и начинается опыт... Что я несу чепуху... над Сережиным гробом... прости меня, Лидочка. Я просто очень устала от нашей неладной жизни. Лучше скажи мне, что еще известно? Он сильно мучился перед смертью?

— Не знаю, но мне кажется, что его убили сразу, в голову.

— Ты права, если было несколько выстрелов, соседи бы проснулись и всполошились.

— Там ни у кого нет телефона. Если нужно позвонить, бегут на почту, а ночью — в милицию. Благо недалеко, — сказала Лидочка.

— Я не могу поверить в то, что ты говоришь, я не могу, понимаешь?

— Нам некуда от этого деться.

— Мы же с ним договорились на неделе, чтобы обсудить замечания рецензентов.

Марина сказала последнюю фразу с напором, словно ей обязательно нужно было донести до сознания Лидочки важность их общей с Сергеем работы.

Лидочка, как бы признавая внутреннюю правоту Марины, сообщила:

— В машинку была вставлена страница. Наверное, после нашего отъезда он сел работать.

— Сережа говорил, что любит работать ночами, когда никто не мешает. А где он сейчас? Куда его повезли?

— Наверное, в морг.

— В какой?

— А ты собиралась туда поехать?

— Ой, что ты, я боюсь мертвых!

Как будто граница проходила именно у порога морга — до этого Сергей оставался для Марины живым человеком. С этого момента он стал чужим, страшным мертвецом.

— Извини, Марина, — сказала Лидочка, — я жду звонка от Нины Абрамовны.

— От кого?

— От жены Сергея. Ты видела ее вчера на даче.

— А, от Нины! Конечно. Она заберет его из морга?

— Нина Абрамовна еще ничего толком не знает. Она сказала, что позвонит мне, когда кончится урок.

— Конечно! Делу время — потехе час. Я ее немного знаю, и мне порой кажется, что господь бог обделил ее человеческими чувствами. В ней есть только расчетливость, свойственная этой нации.

— Я с ней совсем мало знакома, — ответила Лидочка.

— Твое счастье.

— Я позвонила Лизе Корф, — призналась Лидочка.

— Вот это — зря, — сказала Марина. — Ты впутываешься в скандал, до которого нам с тобой дела нет. Они же ненавидят друг дружку — Лиза и Нина.

— Кто-то же должен его похоронить.

— У Нины больше формальных оснований, — отрезала Марина.

— Может быть.

— Я тебе позвоню вечерком, если чего еще узнаешь, сообщи.

Лидочке оставалось дождаться еще одного звонка, прежде чем можно будет уйти из дома.

И телефон, подчиняясь мыслям Лидочки, тут же ожил.

— К тебе невозможно дозвониться, — сердито начала Лиза Корф. — Я полчаса звоню.

— Здравствуй, Лиза. Я рассказала о смерти Сергея только Нине Абрамовне и Марине Олеговне.

— Это кто еще такая — Марина Олеговна?

«Господи, о чем мы говорим!» — подумала Лидочка. И ответила:

— Марина — редактор Сергея.

— Это та, из «Московского рабочего»?

— Та самая. Ты позвонила мне из-за Сергея?

— Теперь это уже не играет роли, — резко произнесла Лиза.

— Почему?

— Потому что ты дозвонилась до Нинки. Какого черта ты ей дозванивалась?

— Во-первых, потому что она его бывшая жена. Во-вторых, потому что я разговаривала с Дашей, а тебя не было дома.

— Могла бы обойтись без нее, — сказала Лиза.

«Господи, — подумала Лидочка, — таких не убивают, но из-за таких случаются бесконечные скандалы и совсем уж бесконечные выяснения отношений. Даже смерть вызвала последнюю вспышку перетягивания давно уже растрепавшегося каната. Вернее всего, Сергей не был нужен обеим этим женщинам, но инерция поддерживалась соперничеством, хоть и обветшалым, традиционным, но вспыхивающим в моменты перемен. Смерть — самая основная из перемен. Теперь это соперничество перейдет в область воспоминаний и останется ревностью к памяти о нем».

— Меня даже на могилу не пустят, — сказала Лиза. — Но мне-то, честно говоря, плевать на это, Дашку жалко, она его любила.

— Я дам телефон капитана милиции, который ведет это дело.

— Нет, — отрезала Лиза, — я лучше тебе позвоню. Завтра. А то мне этот капитан милиции ничего не скажет. Только заподозрит, что я Сергея застрелила.

— Зачем тебе его стрелять?

— Не знаю зачем. Его хоть ограбили?

— Взяли видео, что еще — не знаю.

— В следующий раз будет закрывать окна! — сердито сказала Лиза. И только тут Лидочка с чувством внезапно нахлынувшей вины поняла, что Лизе Корф этот разговор ужасен и что, может быть, из всех людей на Земле именно эта женщина потеряла больше всех.

— Это не шутка, — сказала Лиза, — это нечаянно получилось. Я оговорилась, прости.

Лиза, не прощаясь, повесила трубку, и тут Лидочка подумала: Лиза не задавала вопросов из породы тех, что принято задавать. Потом она спохватилась — ну конечно же, все уже рассказала Даша.

«Ну вот, — сказала сама себе Лидочка, — смерть человека из разряда людей, которых не убивают, вызвала соответствующую волну тревоги, теперь волнение расширяющимися кругами побежит по озеру, куда как более обеспокоенному политическими проблемами и тревогами наступающей осени. Где-то вскоре после похорон волнение исчезнет». Лидочка допускала, что из чувства ревности в последнем действии своего соперничества две считающие себя самыми близкими к нему женщины устроят соперничающие поминки, между которыми разделятся немногочисленные друзья и знакомые, а вот на девятый день собираться будет негде. От Сергея вроде бы осталась однокомнатная квартира — кому же она достанется? Нина с ним разведена, а Лиза так и не вышла за него замуж...

Эти мысли преследовали Лидочку в течение часа. Все время звонил телефон — к ней стекались ручейки любопытства...

— Лидочка, это правда, что Сергея Романовича убили?

— Лидушка, немедленно расскажи, что случилось с Сережей!

— Лидия Кирилловна, вас беспокоит знакомый Сергея Романовича...

Наконец Лидочка вытащила шнур из розетки. Телефон молчал, но она внутренним слухом ощущала, как он надрывается от звона, стараясь преодолеть навязанную ему немоту. Нет, так больше продолжаться не может, надо уходить... И тут она, на счастье, вспомнила, что уже вторую неделю обещала навестить Инну Генриховну, мать подруги, уехавшей в какую-то дико отдаленную страну.

Лидочка позвонила Инне Генриховне, и та сначала отказывалась от визита, потому что не хотела отнимать драгоценное Лидочкино время, а потом еще минут пять не хотела сказать, что Лидочке купить по дороге к ней. Пока длилось это единоборство, закончившееся победой, Лидочка носила телефон по квартире, стараясь вспомнить, что еще следует захватить с собой: счет за междугородные разговоры — забегу по дороге на почту. Неотправленное письмо Исмаилу Ахметовичу — сколько ему лежать у зеркала в прихожей? Проволочную авоську для яиц — надо купить хотя бы десяток... Наконец Инна Генриховна призналась в том, что ей хотелось

бы чего-нибудь сладенького, а дома нет масла. Ну вот, можно идти.

Но едва Лидочка отворила дверь на площадку, она тут же испуганно отшатнулась — прямо перед ней стояла высокая бледная девушка.

Лидочке потребовалось несколько секунд, чтобы, отпрянув в прихожую, прийти в себя. А девушка между тем вошла за ней, не прикасаясь к Лидочке, но в то же время как бы отталкивая ее.

— Здравствуйте, — сказала девушка, и Лидочка тут же узнала ее по голосу. И первое ее чувство было разочарованием. Ну вот, вырваться из дома она не успела, ее поймали.

— Здравствуйте, Даша, — сказала Лидочка. — Проходите.

— Я ненадолго, — сказала Даша.

Лидочка забыла, что Даша — рыжая. Настоящая рыжая, с веснушками на белом, никогда не загорающем лице и глубокими кошачьими зелеными глазами. Лидочка вспомнила, что когда-то очень давно они с Андреем жили в коммуналке, и там обитала рыжая девочка, которая более всего любила часами прыгать так, что вздрагивал весь дом, — соседи чертыхались, но не пойдешь же в милицию жаловаться, что тебя выводит из себя пятилетний ребенок.

А пятилетний ребенок получал, таким образом, все, что желал, — взрослые подлизывались к этой девочке, только бы она перестала прыгать.

На Даше были джинсы, в меру вытертые и в меру дорогие, и легкая белая блузка с глубоким разрезом, которая и не пыталась скрыть небольшую грудь.

Даша остановилась в прихожей и двинулась к кухне, как бы подчеркивая, что ее визит вызван необходимостью.

На кухне она села за стол и положила на него полные белые руки с длинными пальцами и коротко стриженными, как у медика, ногтями.

— Надо поставить кондиционер, — сказала Даша. — У вас помереть можно.

— Второй этаж, — извиняющимся голосом произнесла Лидочка. — Но обычно получается сквозняк. — Она показала в сторону спальни.

— Водички не найдется? Вы меня извините, что нагрянула, но это особый случай... Спасибо. Мать уже звонила?

— Звонила.

Дашенька вытянула сильные прямые ноги.

— В джинсах, наверное, жарко, — мелко отомстила Лидочка.

— Ничего, они из коттона. А мать рыдает. Она боится, что ее не пустят на похороны.

— Кто ее может не пустить? — удивилась Лидочка.

— Нина, конечно. Нина Абрамовна. Она-то, наверное, уже торжествует. Квартира ей достанется.

— Это еще неизвестно. — Лидочка старалась говорить так, чтобы сохранять дистанцию между собой, женщиной средних лет, и этим юным переростком. — Если Сергей Романович не оставил завещания...

— Он хотел оставить, — сказала Даша. — Честное слово, хотел. Он говорил. Но у нас как-то неудобно оставлять завещание. Не принято, правда?

Лидочка кивнула.

— И знаете, кому он хотел оставить квартиру? — спросила Даша.

— Наверное, вам, — догадалась Лидочка.

— Разумеется, — сказала Даша. — Он думал хоть что-то оставить мне. Если у человека нет миллионов, если его работа позволяет лишь сводить концы с концами, остается совковое имущество — однокомнатная нора в трущобе. Все, что человек нажил за жизнь! И это теперь уйдет к Нине Абрамовне.

— Даша, вы знали об этом всегда.

— Как вы думаете, может, имеет смысл пригласить юриста?

— Не имею представления, — сказала Лидочка. — Но боюсь, что если завещания не было, то все благополучно отойдет государству.

— Но это же несправедливо! Я маме так и сказала, а она говорит — пускай квартирой пользуется Лужков и его чиновники. Мы ничего не брали от Сергея, ничего не брали, и обойдемся без его подарков!

Даша замолчала. У нее были чудесные рыжие волосы.

«Желательно понять, — подумала Лидочка, — зачем мы пожаловали к тете Лиде. Что нам нужно узнать?»

— Он любил нас... и я его любила, — сказала Даша. — Для меня он был больше, чем дядя Сергей, а может, больше, чем

отец. Знаете, почему? Я всю жизнь панически боялась, что он нас бросит, и тогда мы с мамой останемся совсем одни. Папа — это от природы. Я моего папу уже лет десять как не видела. А Сергей — это настоящее... Ну зачем я так говорю — вы все равно не поймете!

Даша резко поднялась из-за стола, звякнула о стол стаканом, отошла к окну.

— У вас курят? — спросила она.

— Курите, — сказала Лидочка.

Даша вернулась к столу, взяла со стула свою сумочку, достала сигареты, закурила.

— Сегодня дикая жара, — сказала она. — Наверное, гроза будет. Интересно, сколько градусов?

— Вон там градусник, — автоматически ответила Лидочка, но Даша не стала смотреть на градусник, и Лидочка сама отправилась к окну. Окно было распахнуто внутрь, и Лидочке, чтобы увидеть градусник, пришлось прикрыть одну из створок.

— Двадцать восемь, — сказала она.

Окна кухни выходили в переулок. Переулок был пуст — день, жара.

На той стороне, скрываясь в тени тополей, окружавших детский садик, стоял молодой человек в майке, широких коротких шароварах и сандалиях, еле налезших на громадные, слоновьи ступни. Сам он был грузен, большие черные очки закрывали глаза, а волосы, длинные, грязные, были связаны резинкой сзади. Это был неприятный человек. И знакомый человек. Лидочка встретила его вчера на Школьной улице.

— Вы кого-нибудь увидели? — спросила Даша, подходя сзади и пуская сигаретный дым на улицу.

Лидочке показалось, что молодой человек смотрит на нее, она отпрянула от окна в спасительную глубину кухни. Ей вдруг стало страшно, как будто она, королева, открыла заговор против себя, убийцы уже близко, и никто не спасет от кинжала.

Сказать ли?

— На той стороне стоит парень, — произнесла она, освобождаясь от тягостной тайны, — очень толстый. Вы его видели?

— Видела, — сказала Даша, тоже отходя от окна. — И что?

— Вы его знаете?

— Первый раз вижу.

— Странный парень, — сказала Лидочка. — Я встретила его вчера, он спрашивал Школьную улицу, потом он остановился у Сережиной калитки... но пошел дальше.

— Ой, что вы говорите! — испугалась Даша. — Если это тот человек, я никогда не выйду от вас! Давайте вызовем милицию!

— Погоди, может быть, это простое совпадение...

Лидочка возвратилась к окну и выглянула, прижимаясь к стене, таясь за створками.

Толстяка на старом месте не было. Он уходил по улице, в сторону Тишинского рынка.

Лидочка высунулась в окно, чтобы лучше его разглядеть.

— Ну и что? — спросила Даша. — Ложная тревога? Может, я тоже погляжу?

Лидочка пропустила Дашу к окну.

— Жалко, я толком его не разглядела, — сказала Даша. — Но вы, Лидия Кирилловна, будьте осторожнее. В наши дни это так опасно. У нас одна девочка на курсе, Семенова Галина, нечаянно увидела, как машину угоняли. Совершенно случайно. Ее в милицию вызвали и сделали свидетельницей. Вдруг ей звонят по телефону и предупреждают: молчи! Она, глупенькая, не поверила. В общем, вышла с собакой погулять — и с концами: нашли в Москве-реке. Так что лучше молчать.

Глаза у Даши были зеленые, отчаянные, кошачьи, будто того и гляди, прыгнет. Лидочка почувствовала себя мышью.

— А впрочем, что вы можете сказать... На ваше счастье, вы не знаете, что это за парень, откуда пришел, зачем пришел.

— Я бы на твоем месте тоже была бы осторожной, — сказала Лидочка. — Если я не ошиблась...

— Вы наверняка ошиблись, Лидия Кирилловна.

— Может быть, но он очень необычный.

— Таких необычных хоть пруд пруди. А он там тоже в черных очках был?

— Без очков. И одет совсем иначе.

— Ну, тогда другой человек, — сказала Даша. Она возвратилась за стол и допила воду.

— Странная какая-то история, — сказала она. — Я совершенно не могу в это поверить. Мама хочет поминки устраивать. У нас дома. Вы придете к нам?

— Спасибо, — сказала Лидочка. Можно было ожидать,

что она получит подобное же приглашение от Нины Абрамовны.

— Как вы думаете, может, мне позвонить ей и открыто поговорить?

— Позвонить Нине Абрамовне?

— Да, позвонить и сказать — я дочь Лизы, я любила Сергея, давайте не будем делить его после смерти.

— Это разумно, — согласилась Лидочка. — Наверное, это разумно.

Даша легко меняла тему разговора — перелетала с одной на другую так неожиданно, что порой Лидочка не успевала за ней.

— А он был обычный? Вчера он был обычный? Может, его что-то тревожило, может, он предчувствовал?

— На мой взгляд, он ничего не предчувствовал, — ответила Лидочка, — мы договорились с утра идти купаться.

Неожиданно Даша поднялась и стала прощаться.

Проводив ее, Лидочка поняла, что так и не знает, зачем та приходила. Выяснить отношение Лидочки к похоронам? Подчеркнуть право собственности на Сергея?

И тут еще этот странный парень. Может, он выслеживает Дашу? Какая чепуха начинает лезть в голову! И кажется, что прошла тысяча лет с того момента, как они попрощались с Сергеем у платформы. А ведь миновало меньше суток.

Лидочка поглядела на часы. Еще нет пяти. К Инне Генриховне она успевает. Вроде ей пока больше не грозят тяжелые разговоры.

Лидочка вернулась домой только часов в десять, когда уже темнело. Гроза так и не собралась, хотя солнце село в тучи, и оттуда, из темной груды облаков, доносились раскаты грома и порой вспыхивали зарницы. Вечер был душным.

От усталости Лидочка не чуяла под собой ног, она сразу побрела в душ, а потом рухнула в кровать. Конечно же, телефон сразу же позвонил. Подряд несколько звонков — от людей любопытствующих или сочувствующих. А в половине двенадцатого позвонила Нина Абрамовна и сразу заговорила о деле.

— Простите, что тревожу, — сказала она, — но несчастье, я думаю, нас сблизило. К тому же вы знаете всех нас, действующих лиц драмы. И были в хороших отношениях с Сергеем... Мне неожиданно позвонила дочка этой женщины.

— Даша? — сообразила Лидочка.

— Вот именно. Она разговаривала со мной агрессивно, будто я в чем-то перед ними виновата. Я так растерялась... я и без нее себе места не нахожу. У них возникла идея войти со мною в долю... на похоронах. Я не нашлась сразу, что ответить. Но сейчас я пришла в себя и поняла, что я не желаю их видеть. Нигде! Ни на кладбище, ни в морге — нигде! Они сделали все, чтобы ускорить смерть моего мужа!

— Нина Абрамовна, чего вы хотите от меня?

— Я не желаю иметь ничего общего с этой семейкой. И прошу вас, Лидочка, умоляю, пожалуйста, позвоните им и потребуйте от моего имени, чтобы они мне не показывались на глаза! Я ей выцарапаю глаза, буквально! Сломать всю мою жизнь, запутать, обобрать Сережу и сейчас иметь наглость делать такие предложения! Лидочка, я вас умоляю!

Нина Абрамовна бросила трубку.

Господи, еще этого мне не хватало!

Если бы кто-нибудь повторил сейчас, что таких, как Сергей, не убивают, она бы убила говорившего.

Почему же ты, Лидочка, ничего не ответила ей, не отказалась сразу, а молчала и кивала покорно, будто ты нерадивая ученица из школы, которой руководит Нина Абрамовна?

Лидочка не стала звонить Лизе Корф, а легла пораньше спать, тем более что смертельно устала за день — так мирно начавшийся и будто растянувшийся на несколько дней.

Сон долго не шел. Звонил телефон, упрямо, как будто тот, кто звонил, был уверен, что Лидочка дома, и обязательно желал вытребовать ее к аппарату. Лидочка понимала, что надо встать, отключить телефон, потому что звон был связан с несчастьем. Но когда Лидочка уже твердо решила подняться и выключить телефон, пришел сон, незаметно, мягко... она провалилась в него и догадалась, что спит, когда телефон затрещал вновь.

Лидочка вскочила на постели, посмотрела на часы. Половина третьего! Может, случилось что-то еще?

Она взяла трубку. Ее голос звучал хрипло и испуганно.

— Ты ничего не помнишь, — сказал в трубке высокий

мужской или низкий женский голос. — Ты никого не видела. Ты поняла?

— Кто говорит? Что вам нужно?

— Если хочешь жить, будешь молчать! — ответил голос. — Ты никого не видела на улице. А то одна девочка увидела на улице, как угоняли машину. И сказала чужому дяде.

— Перестаньте хулиганить! — сказала Лидочка и на этот раз не только положила трубку, но и выключила телефон.

Теперь заснуть оказалось еще труднее.

Конечно, это был тот толстяк с большими ногами. Откуда-то узнал ее телефон. Впрочем, мало ли какими путями можно выйти на твоих знакомых. А почему у толстяков часто бывают высокие голоса? Может, потому что в них меньше мужчины, мускулистого самца, а большая доля мягкой женской плоти? Если это толстяк, то он круглый дурак. Конечно же, дурак! Она бы и не вспомнила о нем! А может, вспомнила? А Женя? Надо предупредить Женю. Если этот толстяк имеет отношение к смерти Сергея, он может быть опасен. Опасен? Но ведь таких, как мы, обывателей, не убивают? Женя шел сзади, толстяк мог его не заметить.

О чем я думаю?

Лидочка поднялась с постели, пробежала босиком к двери и закрыла ее на цепочку. Когда-то давно, они только переехали сюда, Андрей привинтил цепочку и сказал:

— В годы моего детства женщины не открывали дверь, не набросив цепочку. Ты поняла?

Глава 4

Утром позвонил Анатолий Васильевич, капитан милиции из Челушинского.

— Вот и ладушки, — сказал он голосом человека, который только что пробежал два километра и выкупался в речке. — А я боялся, что вы уже на службе. Ну и что будем делать? Так приедете или повестку послать?

— Зачем посылать повестку? — спросила Лидочка.

— Может, вам надо оправдание для вашего начальства, — объяснил Толик. — Я ее вам с собой дам и еще припишу два часа лишних, чтобы вы по лесу погуляли.

— У меня сегодня трудный день, — сказала Лидочка.

— У меня тоже, — сказал капитан. — Я хочу это дело поскорее закрыть. Пока все свеженькое, пока следы не просохли. Так сможете приехать?

— А когда?

— Чем скорее, тем лучше. Я вас долго не задержу, честное слово. Но без вас нельзя, сами понимаете — вы у меня главный свидетель.

— Боюсь, что у вас нет свидетелей.

— Придете, расскажу.

День начинался такой же жаркий, как вчерашний, солнце светило сквозь жаркую дымку, оттого тело наполнялось истомой и не хотелось вылезать из-под душа. И кофий сегодня утром пила без всякого аппетита! — это у Чехова. В какой-то пьесе. Опускаться в метро, ехать в электричке, там идти до милиции — ужасно не хотелось. Но Лидочка понимала, что Толик от нее не отвяжется. Впрочем, ей было не безразлично то, что происходит в милиции. Даже если там спешат закрыть дело, чтобы не вешать на себя лишнее убийство, за прошедшие сутки должны обнаружиться какие-то новости. Ведь убийство произошло в центре оживленного поселка, и наверняка уже приходил новый свидетель... А может, нашли убийцу?

Электричку пришлось ждать больше часа, на платформе накопилась густая толпа, и от дыхания и тесноты температура, казалось, поднялась еще на несколько градусов. Почему-то все ехали с сумками на колесиках и с полосатыми баулами, при этом норовили толкнуть или ткнуть Лидочку в бок своим багажом. Потом пришлось втискиваться в электричку и полчаса стоять на одной ноге в тамбуре...

Лидочка хотела по дороге заглянуть к дому Сергея, но потом передумала и пошла прямо в милицию.

К Толику Лидочка вошла еле живая и страшно сердитая.

Тот сразу же это понял и вскочил ей навстречу.

Воздух в комнате был застоявшимся. Открытая форточка не давала прохлады.

— Здравствуйте, — сказал Толик. В небольшой комнате он был один, а столов и шкафов по два. — Мы окна не открываем, потому что мухи летят. Страшно летят — тут помойка недалеко.

Лидочке уже было все равно.

Толик доставал Лидочке до плеча — бывают такие квадратные мужчины, которые не производят впечатления очень маленьких, потому что у них широкая кость и много мышц.

— Мы с вами быстренько, — успокаивал он Лидочку. — Вы мне изложите на бумаге, как прошел вечер воскресенья и как вы договорились встретиться утром, потом изложите обстоятельства вашего прихода. Можно вкратце, мне для отчета. Я не думаю, что вы с пистолетом ночью на убийства ходите.

— А разве можно так говорить? — спросила Лидочка. — Разве на мне написано, что я безвредная?

— Такие, как вы, редко убивают. А если убивают, то так себя не ведут. Вы же совсем не нервничали, вы просто расстроены, а так не волновались. А я потом про вас всех у Ольги спросил. Она, может быть, некоторых из вас по разу видела, по два, но запоминает и какие характеристики дает — вы не представляете. Зря она после восьмого класса в библиотечный техникум пошла, по пути наименьшего сопротивления. Ей бы следователем быть, честное слово!

— Давайте на чем писать.

— Только сначала оформим все, как полагается, у нас ведь тоже отчетность своя есть. Паспорт не забыли?

— Вот мой паспорт.

— Сейчас данные перепишем, — сказал Толик.

В дверь сунулся скучный человек в такой же голубой рубашке, с мягкими погонами, как у Толика. Только погоны были не офицерскими, а сержантскими.

— Ты занят? — спросил он.

— У меня человек по делу Спольникова, — сказал Толик солидно.

— Ладно, я тогда в район съезжу, — сказал сержант.

Они снова остались одни.

Толик быстро переписывал данные из паспорта, даже высунул кончик языка, совсем как мальчик.

Потом Лидочка принялась описывать события того вечера и вчерашнего утра. Толик сначала сидел за столом, потом отошел к окну.

— Вы что-нибудь новое узнали? — спросила Лидочка.

— Не отвлекайтесь, гражданка Берестова.

— Не бойтесь, я не отвлекаюсь.

— Мы выяснили, какие предметы взял из дома убийца.

— Как?

— Мы Ольгу пригласили и потом поэта Верескова. Они оба там часто бывали, и наблюдательность у обоих развита положительно.

— И что же украли?

— Честно говоря, не стоило из-за этого Спольникова убивать. Маленький транзистор, он у него в комнате на столике стоял, потом видео, часы настольные, электронные импортные, небольшие такие с зелеными цифрами...

— Знаете, что я вам скажу? — заметила Лидочка.

— Говорите!

Толик стоял руки в боки, темный силуэт на фоне окна, черные курчавые волосы закрывали уши.

— Ваш убийца не спешил и не очень волновался. А это странно.

— Почему вы так решили?

— Эти вещи лежали на разных местах и даже в разных комнатах.

— А вот я сделал другой вывод! — возрадовался собственной догадке капитан. — Я сделал вывод, что убийца бывал в этом доме, знал, что где лежит, брал вещи уверенно и не так уж много потратил времени. Если ты случайный убийца и влез, не зная куда, конечно, трудно в доме шуровать, а он ничего не опрокинул, двигался бесшумно, понимая, что ночью каждый звук далеко разлетается. А спешить ему было не нужно. Куда спешить?

— Вы думаете, что убийца был знаком Сергею? Тогда зачем он лез в окно?

— Он был знакомый, но делал вид, что незнакомый, понимаете? Сергей перепугался, кинулся выяснять, кто там лезет, а знакомый тоже испугался — понимаете, чего испугался?

— Чего?

— Он испугался, что его узнают!

— Знакомый полез к Сергею с пистолетом?

— Эх! — Толик рассердился. — Мало ли какие знакомые бывают! Некоторые таскают с собой пистолеты.

Лидочка снова принялась писать. Прошло несколько минут. Толик ходил по комнате, открыл сейф, покопался в нем, закрыл, потом решительно подошел к окну и растворил его,

решив, видно, что лучше мухи, чем смерть от духоты. Лидочка была ему признательна. По крайней мере ветерок несмело заглянул в кабинет, и пыльные тюлевые занавески чуть заколыхались.

— Не нравится мне этот грабитель с пистолетом, — сказал милиционер. — Чего он в дом полез, если ясно, что там живут? Грабители в наших краях предпочитают высмотреть дом, где никого нет. Получается, что это был пришлый грабитель. Шел, шел, к двум часам ночи дошел до поселка и думает — а ну, кого бы мне пристрелить? Наступает на грядки, как слон топает — и вот тебе!

Толик кинул на стол перед Лидочкой большой лист бумаги с обведенным следом.

По крайней мере, сорок девятого размера.

Нет, если тот молодой слон хотел заставить Лидочку забыть о нем, он избрал худший из возможных путей.

Лидочка отложила ручку. Она заговорила, не думая о том, правильно ли поступает. Так свидетель на месте преступления рассказывает милиционеру, в какую сторону побежал вор и как он был одет.

— По-моему, я видела этого человека, — сказала Лидочка.

— Что?

Изумление на лице Толика было искренним.

— Позавчера вечером мы с Евгением Александровичем Глущенко, вы его вчера днем видели, пошли в магазин, который напротив вашего отделения.

— Водка кончилась?

— Вы догадливый.

— Продолжайте, Лидия Кирилловна!

— Евгений Александрович немного отстал, а я встретила молодого человека, очень толстого, среднего роста, он был в длинном свитере и каких-то штанах, волосы собраны в пучок на затылке, у него были удивительно большие, несообразно большие ступни, они мне бросились в глаза, и этот молодой человек спросил нас, как пройти на Школьную улицу.

— И он пошел?

— Я подождала Евгения Александровича, а когда мы с ним повернули на Школьную, то увидели, по крайней мере я увидела, этого толстяка у калитки пятого дома. Но при виде нас он поспешил прочь и свернул за угол.

— И все?

— А разве этого мало? Спросите Глущенок.

— Обязательно спросим, не беспокойтесь. Но вы лучше еще что-то вспомните! Ну что он сказал, какой голос?

— Голос высокий... Я вам могу нарисовать этого человека.

— Рисовать, конечно, можно, но мне хотелось бы чего-нибудь посущественней.

— Это не все, — сказала Лидочка как мать, вытаскивающая из сумки коробку шоколадных конфет. — Я его еще раз видела!

— Вот это дело! — Толик похвалил Лидочку, словно она выследила убийцу.

Лидочка рассказала ему, как увидела толстяка на улице, из окна. И тому была еще одна свидетельница, Даша Корф.

Тут Лидочке пришлось объяснять, капитану, причем тут Даша и Лиза Корф. Толик кивал головой, и какие-то милицейские мысли кружились в его небольшой голове, а глазки поблескивали, хотя неясно было, имеют ли мысли отношение к Корфам или он думает о грабителе... а может, он считает Лидочку вздорной выдумщицей?

— Ясно, — сказал Толик, когда Лидочка закончила рассказ. — Значит, он ушел, и с концами?

— Нет.

— Он верпулся?

— Он позвонил мне по телефону.

— Зачем?

— Чтобы я о нем забыла.

— Бред какой-то. Объясните!

— Он позвонил мне.

— Это был он? Как представился? Толстяком? Грабителем, как?

— Никак не представился. Но я уверена, что это он. У него был высокий голос.

— Постарайтесь вспомнить его слова!

— Точно не вспомню. Но примерно он сказал: «Если хочешь жить, будешь молчать... Ты никого не видела на улице». Да, вроде и все. По крайней мере эти слова я запомнила.

— А нога у него такая? — неожиданно Толик ткнул коротким пальцем в лист бумаги с обведенной ступней.

— Нога у него может быть такой. Очень большая нога.

— Мало, — сказал Толик с упреком, — очень мало вы знаете. И еще меньше говорите.

— Вы хотите, чтобы я его вам привела? — спросила Лидочка.

— Конечно бы, не отказался. Приводите на поводке, — сказал Толик и засмеялся.

— Ну тогда ловите его сами, а я допишу свои показания.

— Когда допишете, — приказал Толик, — нарисуйте мне его портрет и желательно с фигурой. Я сейчас схожу за настоящей бумагой.

Толик проверил, заперт ли сейф — он был настоящим сыщиком, не доверял даже дружественным свидетелям. Потом махнул рукой — пиши, мол, и ушел.

Не было его минут десять. Лидочка как раз кончила излагать свои приключения. Написала она эту детективную новеллу коротко и, как ей показалось, понятно для человека, незнакомого с событиями и людьми. Тут и возвратился Толик. Под мышкой он нес рулон ватмана, который сразу же расстелил на своем столе. Оказалось, что на нем выклеена юбилейная стенгазета «За порядок» «Десять лет нашему отделению». Газета состояла из двух машинописных заметок и бравых цветных вырезок. Толик перевернул лист чистой стороной кверху, разгладил, положил на угол «Уголовно-процессуальный кодекс».

— Только черного карандаша нет, — сообщил он виновато.

— Мне такой большой лист не нужен, а то получится: «Не проходите мимо» или «Их разыскивает милиция».

— Если вы художница, то должны сделать. Я условия обеспечил. — Толик широко улыбнулся.

Ручка у Лидочки с мягким шариком, вполне годилась, но ее вдруг охватила робость: в жизни не рисовала по памяти слонопотамов. А вдруг она нарисует кого-нибудь другого, этот другой может пострадать. Арестуют его по ее рисунку...

Так что рисунок вышел лишь с третьей попытки. Дважды она рисовала круглое лицо, затянутые назад волосы, влажную нижнюю губу... потом зачеркивала... На третий раз лицо получилось похожим. Потом она набросала отдельно его фигуру — грузную, великостопную фигуру слонопотама.

— Знаете, что я вам посоветую? — сказала Лидочка.

— Не знаю, но догадываюсь, — ответил Толик. — Я этот рисунок скопирую на ксероксе, и мы его по нашим соседям разошлем. Я вам поверил!

— Я другое хотела сказать. Вы можете проверить: покажите его Евгению Александровичу Глущенке, дача номер тридцать два по улице Урицкого. Я могу к нему сейчас зайти и предупредить.

— Это я сделаю обязательно. И эту девушку вызову. Дарью Корф.

— Ой, может, не стоит ее впутывать?

— Еще как стоит, — резонно возразил капитан. — Если она ни в чем не замешана, то она подтвердит вашу картину или скажет, что совсем не похоже нарисовали. А если она знает больше, чем вы думаете, я с ней поработаю.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась Лидочка.

— А то имею в виду, что уж очень близкое совпадение получается: вечером перед убийством вы видите молодого человека в поселке, он чуть было не забрался на участок. На следующий день он стоит перед вашими окнами, а в гостях у вас сидит девушка, которая была знакома с убитым. Разве не странное совпадение, Лидия Кирилловна?

— Чесно говоря, мне это не кажется... нет, так быть не может!

— Вы просто гоните от себя неприятные мысли, — сказал Толик. — Это бывает с интеллигенцией. Вы думаете о том, о чем удобно думать. А мы, сыщики, думаем, как полезно для следствия. Чувствуете разницу?

— Ладно, — сказала Лидочка. Она была расстроена. — Вот мои показания. Мне на электричку надо.

— Успеете на электричку, — сказал Толик. — Сейчас как раз перерыв до тринадцати сорока. Мне же надо прочитать, потом мы с вами подпишем ваши показания. Время есть...

— Хорошо, — сказала Лидочка.

— Да перестаньте вы изображать из себя несчастную доносчицу! — вдруг рассердился Толик. — Может быть, в первый раз в жизни сделалил правильное дело, помогли правоохранительным органам в борьбе с преступностью. И уже в кусты! Вы, я чувствую, были бы рады сейчас свою картинку разорвать. А картинка даже с художественной точки зрения

отличная. Я целый год в изокружке занимался, потом меня футбол отвлек. Но помню и понимаю, как трудно живого человека рисовать.

Оформление бумаг заняло еще несколько минут. Потом, отпуская Лидочку и взяв предварительно телефон и адрес Даши Корф, Толик сказал:

— Если будут еще угрожающие звонки, советую вам сказать правду.

— Какую правду?

— Такую, что описание субъекта и даже его портрет переданы вами в милицию. Так что он опоздал со своими предупреждениями.

— Но мне страшно...

— Нет, вам не страшно, вы просто еще не поняли, — сказал Толик. — Ведь она к вам его привела, чтобы проверить, запомнили вы его или нет, узнаете его в новой одежде или так просто... надеялась, что не узнаете. А когда вы его узнали, то началось давление. Все элементарно. Давление — это чисто психическая атака. Смысл в атаке пропадает после того, как враги залегли, не добежав до наших позиций. Чего вас пугать, если уже поздно? Лучше уйти на дно, как подводная лодка, и позывных не передавать.

— А вдруг он захочет отомстить?

— Насмотрелись фильмов про мафию! Не до вас ему — он помчится на Северный полюс, как только я вашу Дашу вызову и допрошу.

— А может, она его не знает.

— Не знает? Ее счастье. Только я в это не верю.

— Она будет отпираться.

— А мы проверим. У бабушек. У каждого подъезда бабушки сидят, а они обожают, скажу я вам, оказывать помощь нашей родной милиции. И вообще вам пора на поезд собираться, а то потом снова полтора часа электрички не будет. Спасибо за содействие.

— Вы мне позвоните?

— Обязательно.

— Нет, в самом деле?

— Позвоню, позвоню! Бегите на электричку.

По дороге домой Лидочка собиралась позвонить Даше и предупредить ее о визите Толика. Она мучилась, стараясь понять, лояльна ли она к Даше.

Звонить она не стала. И поехала не домой, а в фотолабораторию, где Борис обещал сделать отпечатки. Если, конечно, не запьет.

Борис не запил. Это было большим облегчением.

Лидочка поехала бы еще и по другим делам, но жара достала ее — ощущение, какая ты потная, несчастная, с мокрыми, прилипшими ко лбу волосами, было отвратительно. Нет, сначала все это надо смыть.

И Лидочка поехала домой, стараясь не прижимать к себе большой пакет с отпечатками.

— Это правда? — спросила Даша, позвонив Лидочке тем же вечером. Голос у нее был осуждающим, но голос Савонаролы или прокурора Вышинского.

— Вы о чем? — осторожно ответила вопросом на вопрос Лидочка.

Она не ожидала такой оперативности Толика. Оказывается, он не зря подался в Шерлоки Холмсы.

— А я о том, — заявил голос Вышинского, — что только что от нас ушел ваш друг капитан Голицын. Или это поручик Голицын?

— Анатолий Васильевич? Но я всего три часа назад была у него.

— И поделились с ним множеством интересных наблюдений, — сказала Даша.

— Неужели он приехал искать толстяка?

— Он заявился с вашим дрянным рисунком! — сердилась Даша. — И нет того, чтобы спросить у меня, так он показал его бабкам у подъезда. Вы же знаете, они готовы упрятать в тюрьму половину России.

— И бабки его узнали?

— Кого узнали?

— Молодого человека, который мне дважды позировал!

— Их показания ничего не значат. Но, как назло, мама пришла домой раньше меня. И этот Анатолий Васильевич показал картинку сначала ей...

— И она его тоже узнала?

— Разумеется! Ее же не предупредили!

— Значит, моя картинка не такая уж и плохая, — сказала Лидочка, — бабуси узнали, мама узнала.

— Мама в таком состоянии, что вы не имеете права ее беспокоить!

— Значит, теперь только вы не знаете этого молодого человека?

— Почему вы так решили?

— Да мы с вами только вчера на него из окна смотрели. И вы тогда его не узнали.

— С тех пор многое что изменилось.

— Тогда расскажите мне, Даша, что он за явление такое! А то получается, что все уже в курсе дела, только мне никто ничего не рассказывает.

— Я не для этого вам позвонила!

— А для чего?

— Чтобы высказать вам свое презрение. Я не выношу доносчиков!

— На кого же я донесла?

Даша, конспиратор не лучшей школы, тут же попалась:

— На кого? На Руслана!

— Вот и познакомились.

— Я вам ничего не говорила.

— Вы мне вообще ничего не говорили. Приходится действовать без вашей помощи. Подождите, не фырчите, как львица. Представьте себе мое положение: сначала, перед смертью Сергея, я вижу этого Руслана возле дачи, и он спрашивает, как пройти на Школьную улицу. Проходит день, и я вижу его под моим окном. Притом что я знаю — некто с громадными ножищами влезал ночью в дом к Сергею. Вы убеждены, что я доносчица?

— Разумеется, убеждена!

— Кто из вас придумал испытать мою зрительную память?

— Руслан. Я с самого начала думала, что он зря рискует. Он сказал, что если в будущем поднимется разговор, то он сможет сказать: как же, как же, я видел эту женщину, она стояла в окне на втором этаже, когда я проходил по переулку. Он

меня уверял, что на даче вы его не запомнили. А в черных очках никогда не узнаете.

— И вы меня подманили к окну?

— Не подманила, вы сами подошли.

— Такая конспирация обеспечила бы вам почетное место в партии большевиков.

— Не смейтесь, этот Анатолий Васильевич увез Руслана с собой. Они его бить будут.

— Ничего не понимаю. Как Анатолию это удалось совершить?

— Он к нам на «газике» приехал. Я не знаю, что там Анатолий Васильевич маме говорил про Руслана. А мама его не любит, она думает, что Руслан — преступник и наркоман. Вот она и выманила Руслана к нам... будто ей надо с ним поговорить. А там его ждал Анатолий Васильевич. Он вышел и ждал у подъезда.

— Руслан сопротивлялся?

— Зачем ему сопротивляться? Он же ни в чем не виноват.

— Если он ни в чем не виноват, что он делал вечером на Школьной улице?

— Он хотел поговорить с Сергеем, но увидел гостей и не стал.

— О чем?

— У них были дела.

Лидочке хотелось сказать Даше, что спрашивала Сергея о толстяке, а тот ответил, что не знает его. Но промолчала.

— А что Руслан делал ночью в доме Сергея?

— Его там не было! Слово даю, не было. Это совпадение! Мало у кого большая нога?

— Знаете, что я скажу, Даша, — ответила Лидочка. — Я не совсем вам верю. Вы вчера мне говорили неправду и сейчас говорите не всю правду.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Руслан очень боялся, что его кто-то там заметил. Он даже едет ко мне в надежде, что его я не узнаю — нет, не вяжется это с версией о желании поговорить.

— Но если его заподозрят, его могут выдворить из Москвы. У него нет постоянной прописки.

— А что он делает?

— Он очень талантливый... А скажите, его посадят в тюрьму?

— Не знаю.

— А я знаю. Для этого следователя он просто находка. Без прописки. Никому не нужный, беззащитный! Если надо быстро закрыть дело, он первый кандидат в убийцы.

— Вы говорите его словами?

— Я говорю правду.

— Вы его любите?

— Еще чего не хватало! Он совершенно неэстетичен. И вообще попрошу не вмешиваться в мои личные дела. Я люблю другого мужчину.

— Тогда скажите мне, Даша, почему вы мне сейчас позвонили? — вздохнула Лидочка.

— Я надеялась, что вам станет стыдно. Раз в жизни!

— Мне не стало стыдно.

— Тогда мне стыдно за вас! Человек попал в тюрьму из-за вашего доноса.

— Чепуха! Если он и попал в тюрьму, то потому, что залез в дом Сергея в ночь убийства. И как только он признается, где и куда бросил пистолет, все станет на свои места.

— Он никогда не скажет.

— Почему?

— Почему? Может, вы еще скажете, что он украл видик? Что часы утащил?

— Я ничего не говорю.

— Тогда до свидания!

Даша повесила трубку.

Что делать, если ты неожиданно для себя попала в центр событий, которые тебе тягостны? И теперь окружающие, куда более близкие к покойному, имеют к тебе претензии. На тебя все обижаются. Жаль, что у меня нет домашнего телефона Толика. Мог бы по знакомству намекнуть, признался ли этот Руслан в убийстве.

Вернее всего, разгадка убийства простая. Неустроенный и озлобленный толстяк Руслан знает, что бывший любовник Дашиной матери, может, знакомый и ему, живет один за городом, и решает его убить и ограбить. Но делает все неуклюже, неудачно... впрочем, почему неудачно? Кто поручится, что у Сережи на даче не было ничего ценного? Странно, мы

решаем наши проблемы за счет мифов о чужом богатстве. Нет, у Сергея никогда не было больших денег. Он, наверное, сделал ставку на роман, он рассчитывал, что разбогатеет, но в наши дни на первом романе не разбогатеешь.

И тут зазвонил телефон. Это был сам капитан, собственной персоной.

— Я тут задержал Руслана Киренко, — сообщил он небрежно. — Того толстяка, которого вы мне рисовали. Все оказалось точно, как в аптеке.

— Спасибо, Анатолий Васильевич, что вы помните обо мне. Даже во внерабочее время.

— Мы и ночью работаем, — ответил Толик. — Такая у нас работа.

— Я об этом читала, — сказала Лидочка. — Так что же с Русланом? Он во всем сознался? Я могу больше не опасаться?

— Вот я потому и звоню, — сказал Толик. — Я его отпустил под подписку о невыезде.

— Почему?

— Вы недовольны?

— Я не могу сказать, что рада или расстроена. А что у вас случилось?

— Ничего не случилось, — ответил Толик. — Но мы теперь действуем в рамках законности. Этот Руслан Киренко признался, что был на Школьной улице, хотел попроситься к Сергею пожить, у него проблемы с квартирой. Но потом застеснялся, что у того были гости, и уехал.

— А след! След его?

— Может, его, а может, и не его, — сказал Толик. — Но вы не думайте, мы с него глаз не спустим. В случае, если вам будут угрожать, вы нам сразу звоните. Но теперь они вам угрожать не посмеют.

— Значит, вы его отпустили?

— Как только появятся дополнительные данные, мы его обязательно задержим снова.

— Он москвич, вы — подмосковная милиция, — сказала Лидочка. — Конкретных улик против него у вас нет. Кто даст вам санкцию на арест?

— В принципе вы правы.

— Тогда я одного не понимаю, зачем вы мне звоните в восемь часов вечера?

— Я звоню, чтобы вас проинформировать, — сказал Толик, — на случай принятия мер личной безопасности.

— Ах, вот в чем дело! — воскликнула Лидочка. — Он сообразил, что выследили его по моему рисунку, и очень осерчал?

— Ну, в некоторой степени...

— Теперь я не должна открывать дверь незнакомым мужчинам!

— Никогда не надо открывать дверь незнакомым.

— И это единственное, что вы могли сделать для меня? Кроме букета на мою могилку?

— Не шутите так, Лидия Кирилловна, — возразил Толик. — Я принял и другие меры. Серьезнее, чем предупреждение.

— Что же за меры?

— Отдыхайте спокойно.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Спокойной ночи.

Ни вечером, ни ночью Руслан не пришел сводить счеты с доносчицей.

Зато утром, в несусветную рань, часов в семь, позвонила Ольга, соседка Сергея по Челушинской.

— Вы простите, Лидия Кирилловна, что я вас беспокою, но я обещала, что, если что случится, я вам обязательно позвоню. Вот пришла на работу и звоню.

— Вы уже в семь библиотеку открываете?

— А то как же? Люди на службу идут, заглядывают.

— И что же случилось?

— Можно сказать, что я видела привидение, — сообщила Ольга, правда, без трепета в голосе.

— Именно этого мне не хватало! И что оно делало?

— Привидение ночью было в том доме.

— Почему вы так уверены?

— Я какой-то шум слышала. Несильный шум, но доносился он оттуда.

— Во сколько?

— Уже на рассвете, — сказала библиотекарша. — Какое-то щуршание... или треск. Не знаю что. Я вышла из дома. Пошла по саду, к забору поближе. Самый рассвет начинался. Там одно место есть между сараями, я поглядела — вроде бы в доме слабый огонек. Кто-то там был.

— А дом заперт?

— Дом, конечно, заперт. И окна закрыты.

— И опечатан?

— Опечатан, но одна дверь опечатана, а другая нет. Они же формально к этому относятся. А если вам хочется, можете залезть в окно. Я Толику говорила, что это безобразие.

— А вы не пошли на тот участок?

— А вы бы пошли, Лидия Кирилловна?

— И в милицию позвонить...

— Телефона у меня нет, а в пять утра кто побежит в милицию?

Лидочка согласилась с Олей, что бегать ей было не с руки.

— А утром вы на участок к Спольникову не заходили? Из любопытства?

— Я Валентину Дмитриевичу Верескову сказала, мы вместе с ним ходили. Но ничего не увидели — всюду трава, если кто-то и был, то ушел.

— А капитану вы скажете?

— Толику? Обязательно скажу. Только он ругаться будет, что я не подняла тревогу. А вернее всего, мальчишки забрались чем-нибудь поживиться.

— В пять утра мальчишки по домам не лазят.

— Я скажу Толику, обязательно скажу.

Только Лидочка положила трубку, как в дверь позвонили. А вдруг это злобный Руслан?

Лидочка босиком подбежала к двери, спросила: кто там? Оказалось, что принесли журналы.

Так начался третий после убийства день.

Глава 5

Лидочка вышла на улицу, оглядываясь, как затравленный сицилийский свидетель, посмевший поднять голос против мафии. Она даже метнулась было обратно в подъезд, увидев мирно гуляющего с собакой толстого кинорежиссера из соседнего подъезда. Потом, уже ближе к Большой Грузинской, ей показалось, что Руслан стоит за стволом дерева. Лидочка остановилась и стала смотреть на ствол. Вскоре от ствола от-

делился мужчина алкашного вида, который справлял за деревом малую нужду.

Нет, так нельзя! Ты попадаешь в какой-то несуществующий мир, извлеченный сознанием из телевизионного ящика, и начинаешь жить по его идиотским правилам. Сейчас я закричу на всю улицу: нас не убивают! И тут же с перебежками, с воображаемым автоматом в руке брошусь к ближайшей подворотне.

Да плевала я на эти опасности и угрозы! Я иду в Дом кино, у меня там свидание с Алексеевским, я должна передать ему фотографии для сборника памяти Ильи Авербаха, я сейчас загляну в подвальчик, чтобы купить конфеток для внучки Калерии Ивановны из Союза, я обыкновенный человек, окруженный подобными мне маленькими человечками...

Лидочка миновала 88-е отделение милиции с доской, на которую были пришпилены фотографии разыскиваемых преступников. Преступники внимательно проводили Лидочку зловещими взорами.

День готовился стать снова жарким и влажным — сколько это может продолжаться? Люди уже перестают говорить о политике, науке и личных делах — все говорят о том, что такого климата раньше не было.

Когда Лидочка, купив конфет, поднималась из подвального магазина, она увидела на той стороне знакомую фигуру. Знакомая фигура метнулась за угол.

К счастью, это был не Руслан, а его сообщница Даша Корф. Неужели она наводит Руслана на несчастную Лидочку? Нет, немыслимо, хотя бы потому, что Руслану это не нужно.

Лидочка уверенно поспешила к углу дома, чтобы поймать Дашу.

Даша почему-то не догадалась, что ее будут ловить, и осталась стоять у качелей, между Домом кино и итальянским супермаркетом. Она была в изумрудном, чересчур коротком платье, и глаза ее, углубив свою зелень отсветом ткани, блистали как тигриные.

— Даша, что вы здесь делаете? — спросила Лидочка голосом тети, встретившей во дворе малышку из соседнего подъезда.

— Ой, здравствуйте, — сказала Даша.

— Вы не ожидали меня увидеть?

— Нет.

— Ложь не украшает, — сказала Лидочка.

— Честное слово...

— Давайте посидим на лавочке, — предложила Лидочка. — Поговорим. Если вы, конечно, не очень спешите.

Даша оглянулась, словно искала пути к бегству, но не нашла и покорно опустилась на скамейку.

Она достала сигареты, предложила Лидочке, та отказалась. Даша закурила, Лидочка не торопила ее. Она понимала, что, чем дольше длится молчание, тем неувереннее чувствует себя Даша. Сейчас она не выдержит и заговорит первой.

— Вы не думайте, то есть не думайте так, как вы думаете, — сообщила Даша, затянулась, махнула рукой и закончила: — Я просто за вас боялась.

— Почему?

— Потому что он совершенный псих. Такому место в Кащенке, а не среди нормальных людей. Я его всегда боялась. Даже когда он клялся, что я его госпожа, что мне достаточно мигнуть, чтобы он кинулся со Спасской башни... Я знаю, что он непредсказуемый.

— Дашенька, я ничего не понимаю, — сказала Лидочка. — Поставьте себя на мое место. Что бы вы сейчас подумали?

— На вашем месте я бы подумала... ну что я вас охраняю, что я за вас боюсь.

— Как же вы меня охраняете?

— При мне он не посмеет на вас напасть, — сказала Даша.

— Он — это Руслан?

— Конечно, Руслан.

— И давно вы меня охраняете?

— Как только вы из дома вышли. Вы не заметили меня. Хоть и оглянулись. Вы его боитесь, да?

— Вы не первый человек, который предупреждал меня об опасности, — призналась Лидочка. — Мне звонил Голицын и сказал, что Руслана освободили под подписку о невыезде.

— Я знаю, он вчера уже у меня побывал.

— И он все еще злится на меня?

— Он считает, что вы его выдали. Он боится, что его посадят в тюрьму, чтобы не искать настоящего убийцу.

— Даша, скажите мне, только честно, вы всегда можете

отказаться от своих слов — вы думаете, что Руслан убил Сергея Романовича?

— Нет, я так не думаю. Хотя поклясться не могу.

— Если бы возникли обстоятельства, он бы мог убить?

— Он никого не убивал. Но от страха все может случиться.

— Чего же он боялся?

— Он боялся... он боялся за пистолет.

— Какой еще пистолет?

— Тот самый. Из которого убили Сергея.

— А где был этот пистолет?

Даша кинула окурок на землю, наступила на него. Ей было трудно решиться на признание, но она внутренне уже сделала его, да и не могла она так долго хранить страшную тайну.

— Я не могу сказать, — неожиданно произнесла Даша. — Если он узнает, он и меня убьет.

— Тогда я буду вас охранять, — сказала Лидочка.

Даша даже не улыбнулась. Затем она поднялась.

Лидочка попыталась сохранить принятый ею тон:

— Вы отказываетесь меня охранять?

— Это чепуха, — сказала Даша. — Конечно же, он вас не убьет. Просто мне очень страшно. Может, мне самой хотелось спрятаться. Самой страшно... Но он вчера так плохо о вас говорил — он говорил, что вы единственная свидетельница, что отпечаток следа — это несерьезно, а вот вы — единственная свидетельница. Может, это черный юмор?

— Ну, его и Глущенко видел, мой приятель, который сзади шел.

— Он был далеко, он ничего не сможет доказать.

Даша была права, Женя был далеко.

— Пока вы живы, он находится под гильотиной.

Лидочка заподозрила, что последняя фраза была цитатой из школьного учебника истории.

— Зачем же он у меня дорогу спрашивал?

— А откуда ему знать, что вы с той же дачи? Разве на вас написано? Он потом проклинал себя... такое вот невезение! Ну я пошла, хорошо?

— Нет, — сказала Лидочка, — нехорошо. Вы меня испугали, а теперь уходите. Если вы были настолько обеспокоены моей судьбой, что с утра приехали меня защищать, значит, опасность существует не только в вашем воображении.

— Уезжайте куда-нибудь, — предложила Даша. — Уезжайте хотя бы к своим приятелям, к Глущенкам. А мне пора...

Но Даша продолжала сидеть. Даже достала из пачки новую сигарету и закурила.

— Тогда расскажите мне о пистолете, — обыденно попросила Лидочка.

— О каком пистолете? — Даша сделала вид, что удивилась. Хотя, видно, ждала этого вопроса.

— Наверное, о том, из которого убили Сергея и теперь хотят убить меня.

— Вас? А где же он найдет пистолет? — это прозвучало искренне.

— Вы как-то связываете Руслана и пистолет. Разве не так?

— Так, — убитым голосом произнесла Даша.

— Вы сказали, что он на меня зол и хочет избавиться от свидетеля, так?

— Но у него нет пистолета! — воскликнула Даша.

— А раньше был?

Даша опять замолчала. Она не решалась на последний шажок. Кого она выгораживала? Себя, Руслана или кого-то еще? И насколько она правдива?

— У него давно нет пистолета, — сказала Даша.

— Даша, милая, объясните мне хоть что-нибудь. А то получается глупый разговор: ах, я такое знаю, но вам не скажу! Как в пятом классе средней школы!

— У него на самом деле не было пистолета, — сказала Даша. — Вернее, у него был пистолет, но я отобрала. Мне стало страшно, что он что-нибудь натворит. Тогда он твердил, что не хочет убивать Сергея, лучше сам застрелится. Ну, я ему не верила — у него не поймешь, в самом ли деле он хочет застрелиться или застрелит Сергея.

— Ты отобрала пистолет?

— Я украла пистолет. И мне его надо было выкинуть. Но он был такой настоящий и тяжелый, что я не посмела его выкинуть.

— И что ты сделала?

— Отдала его Сергею.

— Почему Сергею?

— А кому бы вы отдали на моем месте?

Лидочка не стала выспрашивать Дашу о ее отношениях с Сергеем. Ее сейчас больше интересовало другое:

— А Руслан узнал, куда делся пистолет?

— Он догадался. Когда Руслан хватился, он набросился на меня, чуть не задушил. И я призналась, что пистолет у Сергея.

— И что дальше?

— Дальше он поехал на дачу, чтобы отобрать пистолет. Оказывается, он брал пистолет взаймы, и его надо было вернуть.

— Неправда!

— Почему? — Даша удивилась. Ей, видно, не пришло в голову поставить под сомнение слова Руслана.

— Если он собирался застрелиться, как бы он возвратил пистолет?

— Наверное, он думал, что, когда застрелится, все будет до лампочки.

— Вы украли пистолет и отвезли его Сергею. А что сказал Сергей?

— Сергей испугался за меня. Испугался, что я ездила по железной дороге с пистолетом. Он обещал его спрятать. И к тому же ему очень не нравился Руслан.

— Я его понимаю, — сказала Лидочка.

— Вы ничего не понимаете, — отрезала Даша, сверкнув зелеными глазами.

— Чего я не понимаю?

— Самого главного. Человеческих отношений!

Убедившись, что одержала моральную победу, Даша решилась наконец уйти. Она легко поднялась. Лидочка хотела ее удержать, но опоздала. Даша быстро удалялась.

— Подождите!

Даша остановилась на безопасном расстоянии и сказала:

— Я вас очень прошу — уезжайте куда-нибудь, на пару дней. Я же не могу его удержать! Он обезумел от страсти ко мне!

— А если его не посадят?

— Тогда всем будет хуже! — сделав еще три шага, Даша снова обернулась. — Я хочу надеяться, что убил не он. Но очень боюсь, что убил другой человек.

— Так кто же? — Лидочка растерялась перед таким сложным логическим построением. Даша пожала плечами.

— Я не желаю об этом думать!

— Разве кто-то еще знал о пистолете?

— Не знал, но мог узнать. Сергей совершенно не умеет хранить тайны!

Они стояли метрах в шести друг от друга. Приходилось говорить в полный голос. Но когда Лидочка шагнула к девушке, та быстро отступила, как щенок, не желающий возвращаться с прогулки.

— Но его же застрелили!

— А разве один пистолет на свете?

— В этом случае похоже, что один, — сказала Лидочка. — Если он был на даче, а потом исчез, то, вернее всего, выстрелили из него. Кто еще знал о том, что пистолет у Сергея?

Даша заплакала. Нос ее дернулся, губы задрожали, и глаза стали наполняться слезами.

— Кто? — почти крикнула Лидочка.

Даша всхлипнула.

— Мама... — И голос ее сорвался. — Мама не могла этого сделать!

И Даша побежала прочь. Она бежала, отталкиваясь ногами в стороны, она, видно, никогда не была хорошей физкультурницей. Но фигура у нее была отличной. Особенно ноги.

Лидочка отнесла фотографии Алексеевскому, который уже отчаялся ее дождаться, и от радости, что все-таки дождался, стал подробно рассказывать о макете альбома. Лидочка слушала его вполуха, потому что думала о том, как пойдет обратно домой, и представила себе, что с ней может случиться, — вариантов было немало. Она решила было бежать в восемьдесят восьмое отделение и просить защиты без всякой надежды ее получить — вряд ли ее опасения там примут всерьез. Можно вот отсюда, с автомата попробовать дозвониться знакомому сыщику Шустову, которого перевели работать в управление на Петровке. Но как отыскать человека в каком-то управлении? Может быть, взять машину и умчаться на вокзал, а потом на электричке под защиту Толика Голицына?

А могу ли я доверять Даше? Не была ли встреча разыгран-

ным представлением? Ведь Даша уже устроила одно представление на кухне у Лидочки, когда проводила эксперимент, узнает ли Лидочка Руслана.

— Ты меня слушаешь? — спросил Алексеевский, и Лидочке пришлось отвлечься от невеселых мыслей, чтобы несколько минут изображать профессиональное внимание и удивляться при том, насколько можно стать равнодушной к любимой работе, если тебе угрожают пистолетом.

Разговаривая с Алексеевским, Лидочка все же отвлеклась на планы собственного спасения и решила пойти на компромисс: она зайдет сейчас в отделение милиции и спросит у дежурного, куда переведен Шустов. Придумает какой-нибудь предлог. Может, он собирался поступить на вечерние курсы... английского языка? А вот теперь она смогла его устроить, и надо ему об этом сообщить.

Нет, с курсами получается не очень убедительно. Может, придумать Шустову желание купить дачу? А она вот так продает садовый участок? Главное — дозвониться Шустову и напомнить о себе — два года назад мы с вами встречались. Больше у меня нет знакомых сыщиков. Скажите, пожалуйста, что мне делать, чтобы меня не застрелил один злобный убийца?

Лидочка настолько углубилась в воображаемые поиски Шустова, что, выйдя из Дома кино, остановилась на Васильевской, пытаясь сообразить, что же ей надо сделать на самом деле?

И поняла, что ей лучше всего вернуться домой. Забрать свою рабочую сумку и ехать в Ботанический сад, где распустились орхидеи. Работа отвлечет от неприятных опасностей, а дела уголовные пускай подождут до завтра.

Лидочка дошла до дома, никто за ней не следил и не преследовал.

С каждым шагом бестолковые речи Даши скатывались в прошлое и все меньше отношения имели к ней, к Лидочке. Их место занимали мысли деловые, трезвые и обыкновенные.

Дома Лидочка собрала камеры, на метро доехала до Ботанического сада и пошла к оранжерее.

День выдался терпимый, чуть свежее и прохладнее предыдущих. По небу, изображая каравеллы Колубма, плыли кучевые облака.

Лидочка загляделась на одну из каравелл. К сожалению, уже через минуту паруса умчались вперед, обогнав на корпус сам корабль...

Чувство опасности, не раз выручавшее Лидочку, заставило ее быстро обернуться.

По дорожке, догоняя ее, старательно вышагивал слонопотам — Руслан Киренко.

Он не пытался скрыться — видно, был уверен в своей безнаказанности.

И в этом были свои резоны: в жаркий летний день сад был почти пуст — по крайней мене была пуста аллея, ведущая к оранжерее. Напав на человека, даже убив его, ты можешь ступить в сторону и скрыться в кустах — никто не догадается тебя поймать.

Лидочка припустила вперед и готова была уже скрыться в оранжерее, как замерла. Она представила себе, что слонопотам настигнет ее в жарком сумраке оранжереи и там задушит.

На аллее появились две мамаши с колясками, Руслана обогнал мужчина бухгалтерского вида с серой папкой под мышкой... Словно подчиняясь неслышному приказу, на обширной сцене появились свидетели. Впрочем, неизвестно, остановит ли их присутствие Руслана. Он так далеко зашел на своем криминальном пути: убийством больше, убийством меньше — для него не играет роли.

Разумеется, можно было кинуться бежать. Более того, у Лидочки были основания полагать, что она бегает быстрее толстяка. Но Лидочка пошла навстречу Руслану. Она решила перехватить инициативу, в глубине души не веря, что Руслан пожаловал в Ботанический сад, чтобы с нею расправиться.

— Руслан! — громко окликнула она молодого человека, потому что думала, что теперь свидетельницы и свидетели запомнят его имя, — попробуй убей, когда столько народу уже с тобой знакомо.

Руслан оторопел. Он замер на месте, и даже на расстоянии в несколько метров было видно, что он совершенно не представляет, что же ему теперь делать.

— Руслан, подождите меня! — почти кричала Лидочка, привлекая внимание мамаш, бухгалтера и парочки подростков, которые несли скамейку.

Руслан стоял, опустив руки.

— Мне Даша Корф все рассказала! — заявила Лидочка для свидетелей. — Вы слышите, Руслан?

Лидочка подошла к молодому человеку так близко, что он смог вполголоса, но грозно задать вопрос:

— Зачем кричите? Думаете, они милицию позовут?

— Нет, — Лидочка постаралась улыбнуться. — Они запомнят, как вас зовут. А разве я сказала что-то неправильно?

— Только не думайте, — толстяк был обижен, — только не думайте, что я пришел сюда, чтобы вас прикончить. А то у вас даже руки дрожат от страха.

— Вот уж об этом я не подумала.

— Вы ни о чем другом думать не можете, — ответил Руслан, мстя Лидочке за ее выкрики. — Я догадываюсь, что вы сегодня с Дашей поговорили и она вас в панику привела. Это еще удивительно, что вы сюда без милиционера пришли.

— Почему мне надо вас бояться?

— Потому что я вас не люблю. Потому что я грозил Даше, что расправлюсь с вами за предательство. Потому что вы доносчица.

— Нет!

— Погодите, Лидия Кирилловна, — сказал молодой человек, — с вами поговорить надо. Если вы с самом деле боитесь, то можете меня обыскать...

Толстяк начал хлопать себя по бокам и груди ладонями, показывая, что ничего опасного с собой не принес.

— Прекратите, — попросила его Лидочка. — Я верю, что вы не хотите меня убить. Потому что вы со мной разговариваете и даже спорите.

— Разумно, — согласился слонопотам. — Так оно и есть. А вы не испугаетесь сесть со мной на лавочку?

— Если ненадолго, — сказала Лидочка. — Я в самом деле очень занята.

Она говорила виновато, словно лишала Руслана права на монолог.

Лавочка нашлась недалеко, на ней дремала бабушка, положив узловатые пальцы на вязание, лежащее на коленях. Бабушка Руслана не смутила.

— Простите, что я за вами гонялся, — сказал он. — Может, я и напрасно это делал.

— Если вы хотите меня упрекать, то зря стараетесь, — сказала Лидочка. — Я не вижу своей вины перед вами.

— Я не о вине! — воскликнул толстяк.

Он как бы оплыл, потерял форму и стал меньше ростом. Когда он ходил, его поддерживал костяк, а когда садился, кости складывались, а мышцы не могли удержать центнер жира. К тому же Руслану было жарко, он вспотел, и пряди, выпавшие из схваченного резинкой пегого хвоста, были мокрыми и приклеивались ко лбу.

Руслан поерзал, устраивая тело на лавочке. К счастью, лавочка была крепкой, с чугунными лапами.

Наконец-то Лидочка могла разглядеть его как следует.

Он не производил впечатления негодяя или человека жестокого. Скорее он был растерян. Небольшие прозрачные карие глаза смотрели доверчиво. А может, я читаю в них то, что и быть не может? Откуда я взяла, что его взгляд доверчив?

— Я попал в дикую историю, — сказал Руслан, — и теперь не знаю, как из нее выпутаться.

— Чем я могу вам помочь?

— Только не смейтесь. Мне показалось, что вы можете выслушать меня. Если вы мне поверите, то не будете больше меня топить... А потом хочется, чтобы тебя кто-то понимал.

— А у вас наверняка есть друзья...

— Можно вычислить, — возразил толстяк. — Я живу один в общежитии. У меня не было друзей, вернее, они были, но в Воронеже, откуда я приехал. А здесь, в институте, у меня друзей нет, ко мне равнодушны, другие посмеиваются, третьих я раздражаю... Над вами ведь никогда не посмеивались?

— Посмеивались, — уверенно ответила Лидочка, потому что толстяк ждал от нее такого ответа.

— Сомневаюсь. Но не в этом дело. У меня еще есть Даша, которая иногда мне сочувствует, а иногда меня ненавидит. Она кое-что знает, но многого не может понять. Есть ее мать. Вы знаете Елизавету Ивановну.

— Я ее видела несколько лет назад.

— Она меня не выносит. Я думаю, что не соответствую ее эстетическим идеалам. А скорее всего, потому, что я беден и не имею в Москве постоянной прописки. А может, и потому, что люблю Дашу, а мне, с ее точки зрения, не положено любить Дашу. Вот я и подошел к логическому концу. Остался

лишь милиционер Анатолий Васильевич, который был настолько человечен, что отпустил меня на свободу, хотя против меня уже есть немало улик. Но не пойду же я к нему раскрывать душу. Раскрывать душу можно человеку, который и старше, и умнее тебя, недаром всех священников изображают с бородами. Им даже приказывают отпускать бороды. Остались только вы. Я должен вас убедить или уничтожить как самого опасного и злейшего врага.

Лидочка отмахнулась от прилетевшего из кустов слепня. Русан принял жест на свой счет.

— Подождите, не гоните меня.

— Я гоню не вас, а слепня, которому в Москве нечего делать, — сказала Лидочка. — И мне не хочется становиться вашим злейшим врагом. Лучше я отпущу бороду.

— Вы не только единственный свидетель, но вы единственный человек, к которому я испытываю доверие, — сказал Руслан. — Вы располагаете к себе.

Господи, как он разговорчив!

Он на самом деле оказался разговорчив, а рассказ его был интересен и многое расставил по местам.

Руслан Киренко, родом из Бутурлиновки, под Воронежем, не был обижен судьбой. Может, над ним и посмеивались на уроках физкультуры, но только до тех пор, пока он не придавил тушей самого сильного бездельника в 6-м «А» классе. Он был неповоротлив, медлителен, но силен, и потому его прозвали Слоном, и в этом прозвище был элемент уважения. Учился Руслан так себе, одевался кое-как, потому что мама-санитарка воспитывала его одна после того, как заведующего отделением, соблазнившего девушку на ночном дежурстве, перевели с повышением в Воронеж. Мама же, подобно любой нормальной матери, была уверена, что Русланчик — лучший из сынов. Он и вправду был лучше многих, так как с раннего детства проявил склонность к рисованию, а с десяти лет мать, опустошая на краски и кисти и без того скудный семейный бюджет, отдала мальчика в художественную студию, которой руководил спившийся бутурлиновский гений Соломон Чувпилло. Спившийся гений полюбил Слона, полагал его своим наследником и утверждал, что Руслану суждена великая судьба, которую враги и завистники отобрали у Соломона. Однако после восьмого класса Руслан был вынужден

покинуть школу и пошел в училище мебельщиков. Мать полагала, что художник и мебельщик — специальности схожие. Училище Слон закончил едва-едва, он учился спустя рукава, он не любил столярные инструменты, которые платили ему взаимностью и норовили ударить, порезать или ущипнуть. Жил он скудно, был мрачен, все более подвержен вспышкам ярости, но никогда не пил — ни рюмки: он боялся спиться, как его учитель.

Закончив училище и поработав год в мастерской, отказывая себе во всем, скопил немного денег. Руслан отправился в Москву, чтобы поступить в Суриковский институт. И провалился там на экзаменах. Он был коряв, плохо учен и не смог написать сочинение. К счастью для Слона, он, взяв документы в Суриковском и подав их, почти отчаявшись чего-нибудь добиться, в полиграфический, попал в институт, так как на профессиональном экзамене там увидели, что он талантлив, и не обратили внимание на тройку по сочинению. Первый курс он провел на вечернем, в армию его не взяли из-за плоскостопия. Как он жил в ту первую зиму, Руслан предпочитал не вспоминать. Но весной его полюбила кассирша из булочной возле института, стала подкармливать и в отпуск увезла с собой на Черное море. Осенью Руслан перешел на дневное отделение, получил место в общежитии и бросил кассиршу — его полюбила красивая и претенциозная жена одного дипломата. Ее тянуло в ночные компании, она дрожала при слове «хеппенинг», а Руслан смутил ее сердце странной молчаливостью, рассеянностью, свойственной гениям, грубостью и, главное, невниманием к ней.

На втором курсе любого института уже известно, кто талантлив, кто умел, а кто умен, но ни на что не годен. У Руслана была репутация таланта, что позволяло ему прогуливать скучные лекции, проваливать зачеты и даже экзамены. Никому в наши дни не хочется прослыть губителем таланта. Каждый преподаватель настолько интеллигентен, чтобы понимать, как неважны для художника в будущем отечественная литература или типографское дело. Завтра вы будете ломиться на выставку Руслана Киренко, скорее всего, в Париже, так пусть же этот Киренко с теплотой вспомнит своих учителей.

Руслан Киренко отлично пользовался снисходительностью преподавателей, но живописью занимался увлеченно,

ездил на этюды, освоил нелегкое гравюрное дело, бросился в скульптуру... В институте никто не звал его Слоном, в компаниях он был звездой, так как умел молчать и казался умным, девушки его обхаживали, потому что девушки, живущие в мире искусства, питаются отблеском тех, о ком говорят.

После жены дипломата Киренко некоторое время жил с натурщицей Марксиной, что было как бы пропуском в мир настоящих живописцев, затем в январе сбежал в Ялту, потому что хотел писать зимнее море. Там его обокрали и избили, он не успел вернуться к экзаменам и чуть не вылетел из института — даже для талантов существуют пределы допустимого.

Когда Руслан вернулся в Москву, он впервые увидел в коридоре института Дашу Корф, которую, может, встречал и раньше, но не замечал. Даша Корф была рыжей, крупной, веселой девушкой, она только вернулась из байдарочного похода, была окружена спортивными поклонниками, говорила она громко, и при виде Руслана сказала что-то настолько непочтительное, что ее подпевалы закудахтали от подобострастного восторга.

Руслан уже привык не обращать внимания на шутки и насмешки чужих людей. Он лишь пожалел, что эта девушка не знает о том, какой он талантливый и необыкновенный. Он уже привык относиться к себе не шутя, готовясь к судьбе великого человека, и потому насмешка молоденькой девицы не могла его по-настоящему смутить.

Еще через месяц было открытие выставки молодых художников в салоне «Венера». В основном там были работы авангардистов, уже отбузивших свое и упавших в цене, но в виде исключения там повесили три работы Руслана. Руслан пришел позже других, речи уже были отговорены, все расплылись по залам, хозяйка салона Оксана Окунь, составленная из нескольких упругих шариков женщина средних лет, потащила Руслана в угол и начала возбужденно шептать: «Ты, дурак, где шлялся? Я тебя с та-а-кими людьми хотела познакомить! Они твои вещи хотели купить. Почти купили». Оксана была сердита на Руслана, потому что жила на проценты с продаж и с трудом сводила концы с концами.

На выставке было несколько студентов из Полиграфа, друзей одного из авангардистов. Там Руслан во второй раз

увидел Дашу Корф. Он уже знал, что она — Корф, и очарование имени заставляло видеть в Даше не совсем то, кем она являлась на самом деле. Дашу вообще переоценивали и преподаватели, и мужчины, отчего ей приходилось разочаровываться в жизни не менее тех, кто разочаровался в ней. Порой Даша жалела, что не поменяла в детстве фамилию на Спольникову, но теперь это оказалось к лучшему.

Внизу в подвале было кафе. Руслан был при деньгах, он подошел к столику, уже занятому студентами, с бутылкой виски, за что был встречен аплодисментами.

Даша сидела рядом. На этот раз она не шутила — теперь она тоже знала, что Руслан — институтская знаменитость. Пока местная, но с перспективой.

Тут подошла Оксана и закричала: «Ребята, с меня поллитра!» Она изображала из себя свойскую бабу, и ей это удавалось: «Ничтожную мазню Руслана какой-то идиот купил за триста баксов!» Все начали хлопать в ладоши и поздравлять Руслана. Потом они пили. Руслан авансом спустил половину гонорара на угощение — он был этого не сделал, если бы не Даша. И Даша понимала, что художник пошел в загул ради нее, а не ради той Сухоруковой, которая повисла на Руслане, как самка французского бульдога. Все были пьяные и веселые. Руслан пошел провожать Дашу домой, он хотел поцеловать ее у подъезда, но Даша ему не позволила.

— Когда это случилось? — спросила Лидочка. Руслан как раз сделал паузу, прикуривал, он курил «Приму», мало осталось охотников до плохих и крепких сигарет.

— Это было в марте, меньше чем полгода назад.

На следующий день Руслан занял сто долларов под проданную картину и как бы случайно столкнулся с Дашей в коридоре.

Правда, для этого ему пришлось попасть к нужной аудитории в нужный момент.

Поговорили о том о сем и, сделав вид, что для него это самое обычное времяпрепровождение, он позвал Дашу в ночной клуб. Даша постаралась сделать вид, что для нее это тоже привычно, и согласилась. Она давно мечтала там побывать, чтобы как бы приблизиться к элите богатства — такая тоже существовала в институте и каким-то образом смыкалась с элитой таланта.

В ночном клубе было скучно, душно, Руслан чуть не подрался, и Даше пришлось вытаскивать его оттуда. Зато, оказавшись на улице, оба поняли, что домой им не хочется, и пошли гулять по ночному городу. Они горячо целовались в кустах возле Новодевичьего монастыря, говорили о Бунине и прерафаэлитах. Потом долго шли пешком, взявшись за руки, и порой останавливались, чтобы поцеловаться. Начинался рассвет, Даше было страшно подумать, что подумает мама, она не видела, что Руслан толст, некрасив и неуклюж — он был гением, а в гении женщина видит принца.

Все очарование ночи рухнуло дома, потому что Лиза и в самом деле не спала и уже подняла на ноги Сергея, а тот оттягивал звонок в милицию, уверяя, что Даша загуляла, ибо каждой двадцатилетней девушке надо раз в жизни загулять, чтобы было в чем раскаиваться, наслаждаясь воспоминаниями. По крайней мере так он все объяснил Лизе, когда приехал, вытащенный ею из постели. Так они и сидели — Сергей и Лиза, как потрясенные родители. А когда Даша заявилась, Лиза выгнала Сергея домой, чтобы он не стал свидетелем скандала. Лиза устроила допрос с пристрастием и допрашивала до тех пор, пока не поверила, что Дашина девичья честь не опорочена. Тем не менее Лиза не простила Руслану той бесконечной ночи и, когда познакомилась с ним — а вскоре он проник в дом, — не могла преодолеть к нему неприязни.

Как понимал Руслан, неприязнь складывалась из трех причин: Руслан был иногородним, то есть охотником за пропиской и жилплощадью, Руслан был неэстетичен, толст и неопрятен, тогда как Елизавета была аквафилом, а может, даже и мылофилом. Наконец, Руслан заставил ее пережить самую страшную ночь, когда она едва не похоронила свою девочку. И еще неизвестно, какая из причин была главной.

До лета роман Даши с Русланом, оставаясь платоническим, протекал в меру бурно. Нападающей и при этом страдающей стороной был Руслан. Даше льстило его внимание, как льстило и то, что в институте говорили: «И что она в нем нашла!» В любом случае ее статус в институте значительно поднялся. А Руслан выходил из себя, устраивая сцены, водя Дашу по дорогим ресторанам («Домой возвращаемся не позже одиннадцати, и я должна буду в восемь позвонить маме») или делая ей подарки, совершенно не свойственные бедному

студенту. Работал Руслан как сумасшедший, и этот роман, как решат его будущие биографы, помог ему стать настоящим сильным художником, потому что Руслана наконец-то посетило большое и трагическое чувство — говорят, оно полезно творческой личности.

У Даши летняя практика была в Москве, а Руслан поехал во Львов. Прошастав две недели с этюдником, Руслан, никому ничего не сказав, примчался на аэродром, взял билет до Москвы и появился с букетом львовских роз.

Был вечер. Руслан еще позавчера говорил с Дашей по телефону и поэтому был уверен в том, что она в Москве. А Елизавета, как он знал, уехала на неделю в Латвию к подруге. Так что Даша дома одна, рассудил он... Руслан множество раз представлял себе эту встречу и даже убедил себя в том, что растроганная его прилетом Даша станет его любовницей...

Черт знает что иногда останавливает человека в двух шагах от цели. Но, подойдя к дому, где жили Даша с Лизой, Руслан не отправился, как намеревался, к двери и не позвонил, а сначала решил поглядеть на ее окна на третьем этаже. Он отлично знал эти окна.

Свет в окнах не горел.

Сначала это не встревожило Руслана. Он решил, что Даша задержалась где-то и скоро приедет. Было более десяти, начало июня, еще не темно, но уже стали зажигать свет.

Конечно, Даша могла сидеть и без света, может, она смотрит телевизор? Руслан чего-то ждал. Сам проклинал себя за нерешительность, за подозрения, но стоял за кустами и, когда поблизости проходили собачники, прятал лицо за букетом.

В одиннадцать свет зажегся. Окно было желтым на фоне сиреневого в сумерках дома. К окну подошел мужчина, он был в одних трусах. Свет освещал мужчину сзади, и Руслан не сразу узнал Сергея. И, узнав, почувствовал облегчение, потому что понял, что Сергей пришел к Лизе. А Даши, значит, дома нет...

И тут Даша вышла из глубины комнаты, она была в халатике, она подошла к Сергею сзади, обняла его за плечи и стала целовать в ухо и висок. И Руслан уже не мог убедить себя, что это Елизавета. Ведь Елизавета брюнетка, а Даша рыжая, белая, на полголовы выше матери, вся в барона Корфа, так по крайней мере считали в семье.

Если бы у Руслана в тот момент была на то возможность, он, без сомнения, убил бы любовников. Но он стоял неподвижно и глазел, не думая о том, как выглядит со стороны. Он видел, как их фигуры то выплывали из глубины комнаты к окну, то вновь исчезали в глубине комнаты. Вот Сергей надел майку, потом постоял перед окном, натягивая рубашку. Зажегся свет на кухне. Возникла Даша, она подошла к плите и поставила чайник. Волосы ее были распущены. За ней вошел Сергей и сказал что-то смешное, Даша засмеялась, он походя поцеловал ее в щеку и открыл холодильник.

А Руслан все стоял.

Одетым Сергей казался Руслану таким же отвратительным, как и обнаженный. Борода его сбилась набок, сквозь редкие волосы поблескивала лысина, мягкий нос свешивался к усам — отвратительная физиономия! И как же он раньше этого не замечал?

Впрочем, он и видел-то Сергея раза два-три во время цивилизованных визитов, когда Лиза не скрывала своей неприязни к Руслану. Сергей старался как-то сгладить вырывающиеся у Лизы грубости, а Даша уводила маму на кухню, и там они ругались вполголоса.

Вернее всего, понял Руслан, Сергей не останется там на ночь. Иначе не было смысла повязывать галстук. Но он долго не уходил — возлюбленные уселись пить чай. Руслан уговаривал себя, что все ему померещилось, — ведь это кровосмешение... ну, не кровосмешение, но наверняка это моральное преступление. И Даша ни в чем не виновата. Но то, что он видел в окне, подрывало его надежды, потому что Даша не раз подходила к Сергею, ластилась к нему, словно не была уверена, что Руслан все достаточно разглядел.

Руслан понял, что он сделает: он дождется, когда Сергей будет выходить, и тогда убьет его. Задушит, загрызет — убьет.

Ждать пришлось еще полчаса. Лишь в двенадцать свет на кухне погас, потом любовники перешли в большую комнату и исчезли из глаз — возможно, сели на диван у дальней стены...

Руслан тупо воображал, что они сейчас делают...

Потом вдруг увидел, что Даша подошла к окну, совсем одна, задернула штору, и вскоре зажегся верхний свет.

Руслан кинулся вокруг дома к подъезду.

И у подъезда понял, что упустил Сергея — тот ушел.

Руслан бросился к метро. Он бежал по улице Аксакова, по широкой пешеходной дорожке вдоль невысоких саженцев. Дважды в темноте он принимал за Сергея других мужчин, ликовал, как охотник, настигающий добычу, и оба раза оказывалось, что он ошибся. Так он и не догнал Сергея.

Руслан возвратился к дому Даши. В ее окне все еще горел свет.

После получаса пустых попыток он отыскал работающий автомат.

— Ты откуда? — спросила Даша. — Ты в Москве?

— Я у твоего дома, — сказал Руслан. — Можно к тебе подняться?

— Нет, — сказала Даша, — я не готова тебя принять.

— У тебя другой мужчина?

— Не будь глупым, у меня никого нет.

— Он ушел?

— Руслан, ты хочешь скандала?

— Я хочу поговорить с тобой.

— Позвони завтра, ты пьян.

— Я пьян?

— Я сказала — позвони завтра!

Она бросила трубку.

Руслан вернулся во двор. Окно горело. Даша стояла у окна и смотрела на темный двор. Руслан решил, что она его не видит. Потом Даша отошла от окна.

Руслан спохватился, что все еще таскает с собой веник из роз.

Выкинуть?

Нет, влюбленные так не поступают. Влюбленные поднимаются пешком на третий этаж и кладут отвергнутый букет, подобно своему кровоточащему сердцу, у ее дверей. Что Руслан и сделал.

За бессонную ночь, которую Руслан бродил по улицам, он понял, что лишь с холодным сердцем можно спастись. Холодным сердцем и твердой рукой. Он должен стать снежным королем.

До половины следующего дня он не звонил Даше, потом

позвонил, и Даша разговаривала с ним веселым и ровным голосом.

— Я все знаю, — сказал Руслан. — Я видел, кто от тебя выходил ночью.

— Кто бы ни выходил, тебя это не касается.

— Я его убью.

— Не говори глупостей.

— Мне надо тебя увидеть.

— Сначала приди в себя.

Все же Руслан добился встречи. Не на первый и даже не на второй день. Даша боялась его. Он подстерег ее у дома, и она согласилась посидеть на скамейке в соседнем дворе.

Даша была холодна. Она призналась ему, что не только любит Сергея, но уже второй год как позволила ему себя соблазнить. Вот именно, я сама этого хотела. И я хочу, чтобы он женился на мне. Да, я понимаю, что он — мое проклятие. Но он самый милый, самый добрый человек, и я буду любить его и заботиться о нем. Он старше тебя на тридцать лет! Для меня это не играет роли. А я? Ты же целовалась со мной! Я даже думала, что ты мне нравишься... У нас был конфликт с Сергеем... Он боялся маминой ревности. Не ты один догадался о нашей связи. Мама тоже узнала об этом с опозданием. Почему? Потому что ей не хотелось такое допускать даже в самых страшных фантазиях. Она была в бешенстве — ей было оскорбительно увидеть соперницу в дочери. И хоть Сергей перестал с ней... жить после того, как это случилось у нас, она все равно была потрясена... Она бы выдержала его измену с чужой женщиной, но не с собственной дочерью. Я ее понимаю! Мама выплакала все глаза, и мы с Сергеем обещали, что не будем связывать наши жизни, как мы того хотели... мама даже согласилась, чтобы я вышла за тебя, Руслан. Смешно, правда? Ты в самом деле так его любишь? Я никогда больше никого не полюблю!

Как ни странно, они продолжали встречаться. Руслан вернулся было на практику, но потом снова сбежал в Москву. И может быть, утешился бы, успокоился, как почти успокоилась Лиза Корф, но тут случилось, что один знакомый пьяница предложил ему купить пистолет с обоймой. И Руслан купил.

— Зачем вы это сделали?

— Я ничего плохого не имел в виду... Дешево предложил, я и купил. Каждый мужчина хочет иметь оружие. Купил и положил... а потом взял его с собой на свидание с Дашей. На одно из тех безнадежных свиданий, которые ничем, кроме нервотрепки, не кончаются, которых он добивался, сам не зная, на что рассчитывал, и готовил к ним убедительные монологи, которые рассыпались раньше, чем он начинал их произносить. И она ходила на эти свидания то ли из жалости, то ли из какого-то девичьего мазохизма, подсознательного стремления к страданию... Как-то он взял пистолет с собой почти случайно и в запале вытащил его, уверяя, что покончит с собой. Да, да, именно покончит с собой. И тогда Даша отобрала у него этот пистолет. Он отдал его покорно, как будто пистолет уже выполнил свою функцию. Даша взяла его, потому что испугалась за Сергея, а не за Руслана. На следующем свидании Руслан попытался получить оружие обратно. Он расхотел оставлять его Даше. Мало ли что может случиться — кому тогда отвечать?.. А она призналась, что отвезла пистолет Сергею — боялась вернуть его Руслану, боялась выкинуть, боялась держать дома и отвезла на дачу Сергею.

Узнав об этом, Руслан пришел в бешенство — еще этого не хватало! И он вспомнил, что слышал в каком-то разговоре, что Сергей живет в Челушинской на Школьной улице. Дом пять. Разговор о его отъезде туда происходил давно, в начале лета, еще до всех драматических событий. Руслан отправился в Челушинскую, чтобы отыскать дачу и потребовать обратно свой пистолет. И столкнулся с Лидочкой.

Он остался там, он ждал, пока все разъедутся, конечно, он не мог стоять возле дачи — кто-нибудь бы его заметил. Он ушел в лес, где с горя, усталости и волнений заснул. Проснулся в два часа ночи. Комары заели. Он снова отправился к дому Сергея. Свет там не горел. Но ночь была лунная, светлая. Руслан забрался через открытое окно и в гостиной наткнулся на тело Сергея. Сергей был убит. Руслан чиркнул зажигалкой. Он вдруг испугался, что убийца мог воспользоваться его оружием, и тогда по пистолету выйдут на Руслана и заподозрят его... Но пистолета нигде не оказалось — значит, тот, кто застрелил Сергея, унес пистолет с собой.

— Почему вы уверены, что это был тот же пистолет?

— А какой же еще? — Для Руслана подобное предположение было новостью. Он уже свыкся с мыслью, что Сергея убили из его пистолета. — Разве много пистолетов по дачам лежит?

— Вряд ли пистолет лежал на видном месте. А о том, что он есть на даче, знали только Даша и вы.

— Клянусь, я его не убивал!

— Тогда это был грабитель, и он мог залезть со своим собственным пистолетом.

— А где же мой пистолет?

— Не знаю.

Руслан выдохся. Он был бледный, потный, усталый.

— Простите, что я отнял у вас так много времени, — сказал он.

— Ничего. Вам надо было выговориться...

— Нет, не это! Мне важнее другое. Мне важнее, чтобы вы поверили, что если я и хотел убить Сергея, то потом это прошло. Остались горечь, оскорбление, обида, что меня держали про запас, для развлечения. Убивают только сгоряча, правда? А потом уже не убивают.

— Может, вы и правы.

— Мне нужно, чтобы вы мне поверили. Милиции я очень гожусь: не москвич, бродяга, волосы нестриженые, и пистолет могут отыскать. Я не уверен, что Даша будет молчать. Она может и сказать... Кто я ей, в конце концов?

— Может, теперь вы для нее значите больше?

— Нет, мы уже чужие! — Это было сказано с излишним пафосом, и Лидочка Руслану не поверила. Тем более что помнила, как Даша старалась выгородить Руслана.

— Я хочу, — повторил Руслан, — чтобы вы были моим союзником. И если этот Голицын будет вас допрашивать, вы не настаивайте, что видели меня вечером у дома, хорошо?

— Разве это поможет?

— Я так не хочу в тюрьму! Я же хороший художник, честное слово. А меня они в тюрьме убьют, я же толстый!

— Мне хочется вам верить, — сказала Лидочка.

— Я знал, что так будет... Даша — мое проклятие. Но это несчастье... оно так сблизило нас. Вы меня понимаете?

Глава 6

День похорон, пятница, 21 июля, после ночного дождя выдался парным. Природа несколько раз вспоминала, что не выполнила дождевой нормы, и дождь начинался вновь, но вскоре заканчивался на полукапле. Похоронами распоряжалась Нина Абрамовна, впрочем, это всем было ясно заранее, а Лиза Корф, полагавшая, что у нее больше прав на посмертные отношения с Сергеем, сдалась уже в первый день. Нина мобилизовала неизвестных Лидочке родственников Сергея, они доставали, организовывали и принимали меры. Нина же хозяйничала в квартире Сергея. Лиза неистовствовала, потому что там были ее письма и подарки, и она понимала, что Нина из ревности все уничтожит. И потом наживется, захватив квартиру. Смерть Сергея стала теперь для Лизы особенно несправедливой, словно он сделал ей гадость, нарочно погибнув, когда от него еще столько всего ожидалось. В омраченном горем сознании Лизы все перепуталось, и она даже заявила:

— Я ему этого никогда не прощу! — К счастью, слышала ее одна Даша.

— Мама, что ты несешь! — сказала Даша. Даша была спокойна, подтянута, ничем не выказывала своего горя, и Лидочка даже усомнилась, правду ли рассказал ей Руслан, а может, это плод его необузданного творческого воображения? Даша успокаивала мать, разговаривала со знакомыми и вела себя, как воспитанная наследница имения на званом вечере.

Лидочка почему-то решила, что где-то в густых кустах Донского крематория должен прятаться несчастный слонопотам, но его не увидела.

Произошло неизбежное разделение групп, в зависимости от отношений с Ниной или Лизой. Лидочка оказалась на нейтральной территории, они с Мариной выразили соболезнования Нине, затем, стараясь не выглядеть демонстративно, подошли к Лизе. Именно тогда у Лизы и вырвалось это неудачное восклицание.

Долго ждали очереди на кремацию, произошла какая-то накладка с оформлением документов. Лидочка с Мариной отошли на боковую аллею.

— Ты знаешь, что у Сергея был роман с Дашей, с дочкой Елизаветы? — вдруг спросила Марина.

— Почему ты так думаешь?

До этого момента Лидочка полагала, что она — единственный хранитель взрывчатой информации.

— От Сергея, — сказала Марина. Она обернулась — кто-то прошел по аллее, разглядывая памятники. — Я ему поверила, хоть и не одобрила.

— Странно, — сказала Лидочка, не зная, как реагировать на такую новость. Одно дело — услышать ее от полного эмоций участника событий, а тут к тебе приходит с такой же новостью отдаленный свидетель.

— Ты не веришь?

— У меня нет к этому отношения, — сказала Лидочка. — А как он тебе сказал об этом?

— Я прочла. — Марина чуть улыбнулась, и ее глаза вдруг блеснули, как будто она заглянула невзначай в шкатулку и увидела там сверкающее ожерелье. — Я прочла об этом в его романе.

— В романе Сергея?

— Я не могла об этом говорить, пока он был жив, хотя роман — это роман, и ты не сможешь долго хранить секрет. Но пока роман не напечатан, выдумка, лежащая в его основе, остается собственностью автора. Ты меня понимаешь?

Марина говорила как отличница из провинциальной школы. Она старалась строить фразы как можно правильнее, так, ей представлялось, говорят лучшие люди столицы, а порой получалось курьезно, потому что лучшие жители столицы не следуют нормам.

Марина вытянула тонкую шейку и поглядела поверх кустов.

— Ждут, — сказала она. — Еще не начали.

В очередной раз заладил дождь. Тяжелые капли застучали по листьям. Женщины отошли под укрытие старой липы. Солнце решило не прятаться за тучку ради столь короткого дождя и продолжало светить. Капли сверкали в его лучах.

— Мне так неловко говорить об этом, — сказала Марина.

Она была одета скромно, но не в траурное. Серый костюм, черная сумка через плечо, лаковые черные туфли. Марина потянулась, сплетя перед собой пальцы. Пальцы хрустнули. Она боролась между необходимостью деликатно молчать и почти физиологическим стремлением выговориться, крикнуть тростнику, что у царя Мидаса ослиные уши.

— Я тебе доверяю. Это не означает, что я нарушаю слово или обманываю кого-то. Тайны здесь нет. Если есть, то редакторская. А скоро об этом будут знать все. В книге он написал о своем романе с Дашей. Правда, не в реалистическом, а в эзотерическом разрезе.

— Почему ты решила, что это имеет отношение к действительности?

— Когда человек, разменяв полсотни, пишет эзотерический роман, можно ожидать, что он вложит в него свой жизненный опыт.

— Он мог написать роман о событиях тридцатилетней давности, — возразила Лидочка, стараясь припомнить, что означает слово «эзотерический».

— Нет, все слишком совпадает. Когда будет верстка, я тебе ее покажу, и ты мне поверишь. Это роман о том, как мужчина полюбил дочь своей любовницы. Конечно же, все имена изменены, обстоятельства тоже... это художественная проза. Очень необычная, не всем по зубам... — Марина заговорила быстрее, потому что они увидели сквозь листву, как люди, пришедшие проститься с Сергеем, стали подтягиваться к автобусу. Уже открыли заднюю дверцу, и к ней подкатили тележку для гроба.

Среди друзей и близких мужчин было мало. Анатолий Васильевич Голицын помогал вытаскивать гроб из автобуса. Сначала Лидочка отметила в сознании этот факт и только через минуту сообразила, что этого быть не должно. Что делать сыщику на кладбище?

Гроб поставили на тележку. Толику кто-то вручил венок из института, где раньше работал Сергей. Толик нес его за гробом. Он был в черном костюме и, несмотря на жару, при галстуке. Видно, специально оделся к похоронам. Положительный человек.

Если он здесь, то у него, должно быть, возникли какие-то соображения. Знает ли он о романе Даши с Сергеем? Ведь эта информация проливает совсем другой свет на возможное поведение Руслана. Его рассказ, если отнестись к нему без эмоций, почти признание в собственной вине. Руслан — единст-

венный человек, заинтересованный в том, чтобы Сергея не стало. Правда, остается еще Нина Абрамовна. Возможно, ей удастся унаследовать квартиру или хотя бы мебель — наверное, она уже об этом позаботилась. Но не станет же она из-за этого убивать Сергея? Тем более что муки ревности давно уже рассосались. Что же здесь делает Толик?

— Кто это? — спросила Марина, перехватив внимательный взгляд Лидочки.

— Наверное, и тебе еще предстоит с ним встретиться. Если дело не закроют раньше.

— Не поняла.

— Это уполномоченный, милицейский сыщик.

— Следователь?

— Следователь будет потом. Это просто Толик...

— Толик?

— Анатолий Васильевич Голицын собирает все сведения, а потом они решат, передавать ли дело следователю.

— Ты у него уже была? — спросила Марина.

— Была. Не только из-за Сергея, но еще из-за одного человека.

— Из-за кого?

— Я потом тебе расскажу, хорошо?

— Только не забудь.

Они прошли в здание крематория следом за Лизой и Дашей. Уже в дверях Марина не удержалась и прошептала на ухо Лидочке:

— А если меня вызовут, можно не говорить про роман?

— О чем не говорить?

— Про роман Даши и Сергея.

— Говори, если хочешь, только это же, наверное, выдумано. Но не хочешь, не говори!

— Я сохраню спокойствие Даши, правильно?

Они вошли в светлый, обжитой зал крематория. В нем было столько маленьких вещей, бюстов, табличек, надписей, цветов, что казалось, будто люди приходят сюда не ради похорон, а как бы в краеведческий музей странного, нереального края.

Когда похоронная процессия, большая или маленькая, вливается в этот зал, даже самые случайные и равнодушные люди спохватываются — это же конец! Вон там, впереди, раз-

двинутся плиты в полу, и гроб уйдет вниз, в геенну огненную. Лидочке вдруг кощунственно показалось, что она находится в процессии восточной древности, в Карфагене или Финикии, в храме Ваала, готового поглотить очередную жертву.

Нина Спольникова встала у гроба так, чтобы помешать подойти к нему тем, кого она допускать не хотела. Но Лиза обошла гроб с другой стороны, и они с Ниной оказались лицом к лицу над телом Сергея. Их руки, протянутые к его лицу, чуть было не встретились.

И тут, оттолкнув мать, к гробу кинулась Даша, она стала истерически целовать Сергея, рыжие волосы рассыпались по белой простыне... Лиза принялась оттаскивать Дашу, ей на помощь пришел Толик, подбежала неизвестная бабушка с таблетками и стаканом воды, Дашу отвели в сторону, она рыдала, захлебываясь слезами.

Речей не было — представитель института хотел было сказать нечто официальное. Расправляя и складывая бумажку, он вышел к изголовью гроба.

Нина обернулась, заметила его и сухо велела отойти.

У Сережи было умиротворенное, «как положено», лицо, словно он прислушивался к тому, что происходит вокруг, но не мог открыть глаза.

Когда гроб опускался в пропасть, Даша попыталась снова рвануться к нему, но теперь Толик, уже как бы на правах родственника, крепко удержал ее за локоть. Даша была на голову выше приземистого милиционера. Но, конечно же, Толик был сильнее, к тому же он знал, как надо держать людей.

Все потянулись к выходу. На солнцепеке, у ступенек стоял Руслан. Словно знал, что может понадобиться. Он сделал шаг навстречу Толику и его пленнице. Толик не удивился, он поздоровался с Русланом и передал ему Дашу. Даша тут же повисла на Руслане.

Лиза остановилась на нижней ступеньке, глядя вслед дочери, словно раздумывая, куда же ей самой теперь идти, хотя на самом деле все было не так — Лидочка знала, что Лиза приготовила, накрыла у себя дома стол. Институтские, общие знакомые Лизы и Сергея потянулись к ней.

Затем вышла Нина Абрамовна. Она была бледна, но отлично владела собой. Лидочке было неприятно ее хладнокровие.

Лидочка с Мариной пошли по аллее к выходу. И было несправедливо, какой чудесный стоит день, как вымыты дождем деревья и памятники, а от асфальта поднимается легкий пар. Солнце стояло посреди неба, чтобы как можно скорее высушить землю.

— Здравствуйте, Лидия Кирилловна, — сказал Толик, догоняя их.

И Лидочка вдруг поняла, что в нем естественно живет ощущение причастности к этому грустному событию. Он здесь не чужой, не милиционер из Подмосковья, а как бы дальний родственник.

Они пошли рядом.

— Как Дарья плакала, — сказал он неожиданно. — Так переживала!

Лидочка не поняла, остается ли он сострадающим членом семьи, либо в нем уже проснулся сыщик.

— Еще бы, — сказала она. — Даша знала Сергея почти с пеленок.

— Это преувеличение, — Толик вдруг обнаружил глубокое знание семейных отношений Сергея, — знакомство Сергея Романовича с Дашиной мамой произошло, когда Даша уже ходила в школу.

Марина подняла брови. Она еще не имела чести беседовать с сыщиком и не знала, какой он методичный и тщательный в поступках человек. Лидочка сообразила, что дело смерти Сергея не закрыто и Толик не намерен от него отказываться и не верит в случайного грабителя. Иначе зачем ему ехать из-за города на похороны? Просто он полагает, что сможет чего-то разузнать, приглядевшись к людям, которые и не подозревают о присутствии милиционера.

Толик обернулся к Марине и спросил:

— А вы кем приходитесь покойнику?

Слово «покойник» выдало недостаточное знакомство капитана с русским литературным языком. Обычно в таких случаях употребляют более благородное слово «покойный».

Марина растерянно обернулась к Лидочке. Она смутилась оттого, что знала, кем и где служит Толик.

— Марина Сергеевна работает редактором в издательстве, где должна выйти книга Сергея. Она готовила к печати его предыдущие книги, — сказала Лидочка.

— Мы были с Сергеем Романовичем хорошо знакомы, — произнесла Марина дрогнувшим голосом, словно опасаясь, что ее выгонят со сцены трагедии как случайную прохожую.

«Да не смотри ты, капитан, на мышку так строго, — мысленно приказала ему Лидочка. — Человеку и без тебя тошно. Смотри, у нее следы слез на щеках».

— Я была там, на даче, — сказала Марина, словно решила наконец-то сознаться в страшном преступлении. — В последний вечер его жизни.

— Очень интересно, — согласился Толик. — Может быть, мне придется с вами побеседовать. Как вас найти?

Марина остановилась, достала из висевшей через плечо сумки маленький кошелек с визитными карточками. Марина, в отличие от Лидочки, была цивилизованным человеком. Она протянула Толику визитную карточку с золотым обрезом.

— Спасибо, — сказал Толик. Его мнение о Марине резко выросло, а в голосе вдруг прозвучали виноватые нотки: — Я все собираюсь карточки заказать и даже начальнику говорил. Очень современно.

— А они помирятся, — сказал Толик, неопределенно кивнув вперед, куда удалились остальные.

— Если они ссорились, — ответила Лидочка.

— Если не ссорились, незачем ему было на дачу лезть и притом таиться. Ну, подумайте, Лидия Кирилловна.

Лидия Кирилловна не ответила, признала правоту капитана.

Они дошли до ворот. Там стояли две кучки людей. Та, что окружала Лизу, была многочисленной.

Нина стояла ближе, и Лидочка подошла к ней попрощаться.

— Я не приглашаю на поминки, — сказала Нина. — Я не признаю этих варварских обрядов. Умер человек и умер. Главнее — наказать виновного.

Она посмотрела на остановившегося в стороне Толика, словно угадала в нем вершителя правосудия. Толик послушно кивнул.

— Кстати, — продолжила Нина и сделала знак рукой, как бы щелкнув пальцами, но в самом деле не щелкнув. Молодой человек в очках и модном черном костюме, стоявший частью

фона за ее спиной, сделал шаг вперед и передал Нине большой пластиковый пакет. Пакет был тяжелый.

— Передайте, пожалуйста, этой... — имени «этой» Нина выговорить не могла. И никогда не выговорит.

— Я передам, — сказал Толик, протягивая руки.

— Я была на квартире у Сергея, там всякие веши, которые мне не нужны, — продолжала Нина. — Они не имеют ко мне отношения.

Нина повернулась и ушла. За ней последовала группа ее родственников и друзей. Среди них, наверное, были и родственники Сергея, хотя он никогда Лидочке о них не говорил. Впрочем, жили они не в Москве — Сергей был родом откуда-то издалека.

Теперь пришла пора переходить к другой группе. Оттуда ревниво наблюдали за общением Лидочки с Ниной и ждали.

— Это вам, Лиза, — сказала Лидочка, она давно не видела Лизу, но та почти не изменилась. Такая же цыганистая, кареглазая соблазнительница, которая сбила с пути истинного немало мужчин, но своего счастья так и не отыскала. Теперь уж вряд ли отыщет.

— Что это? — Лиза не решалась взять пакет у Толика, словно в нем могла таиться бомба.

— Ничего, — сказал за Лидочку Толик. — Я посмотрел. Я так думаю, что это ваша переписка и всякие сувениры, которые Нина Абрамовна собрала и не стала выбрасывать. Наверно, вам это интереснее. Честно говоря, я от нее этого не ожидал. Редкая жена, даже бывшая, стала бы думать о вас.

Резким движением Лиза вырвала у Толика пакет. Лидочка сообразила, что Лиза считает Толика спутником Лидочки или Марины, которая остановилась в шаге позади.

— Это милиционер, Анатолий Васильевич, — объявила Даша. — Я вчера у него на допросе была.

— Вот это да! И никто мне ни слова, — почему-то обиделась Лидочка. Хотя капитан милиции имел полное право выбирать себе собеседников, не советуясь с Лидочкой.

— Вам было не до этого, — сказала Даша.

Лидочка поняла, что Даша уже взяла себя в руки и теперь будет утешительницей и поддержкой матери. Лиза же полностью расклеилась, руки ее дрожали, она никак не могла сообразить, что же делать дальше, кажется, она даже забыла о па-

кете... Нет, не забыла. Лиза вдруг обернулась к дочери и спросила:

— Я пойду скажу ей спасибо, хорошо?

— Ты ей скажешь спасибо по телефону, завтра, если она захочет с тобой говорить, — разумно ответила Даша.

— Правильно, — тихо заметил Толик. — Нина Абрамовна человек интересных решений.

Лидочка поняла, что он косвенно обвиняет Нину в возможном убийстве Сергея. Ничего подобного Толик, конечно же, не сказал, но Лидочка именно так его поняла.

Даша произнесла слова, которые должна была сказать ее мать.

— Попрошу вас к нам, — сказала она. — Будем рады, если помянете с нами Сергея Романовича.

И тут Лидочка сообразила, что они стоят в окружении дюжины или более людей, ожидающих приглашения. Так как автобус заказывала Нина, все пошли к машинам на стоянке.

— Ты поедешь? — спросила Марина.

— Да.

— А я не поеду.

— Почему?

— Я никогда ее раньше не видела, для меня это чужой дом... и даже как-то нехорошо, что я приду в чужой дом, а я чужой человек...

— В такой день не бывает чужих, — заметила Лидочка.

— Я себя буду чувствовать чужой. И не уговаривай меня. Мне надо побыть одной, честное слово... Я ведь еще не смирилась с этой потерей.

Марина пошла к автобусу. Остальные расселись по машинам, еле поместились. Толик оказался с Лидочкой в одной машине. Он твердо вознамерился присутствовать на поминках.

Он сидел рядом с Лидочкой, локоть упирался ей в бок. Лидочка тихо спросила его:

— А вам можно, Анатолий Васильевич?

— Не понял вашего вопроса, — вежливо прошептал в ответ капитан.

От его костюма попахивало нафталином и пылью. Видно, его редко вытаскивали из шкафа.

— Вы же находитесь при исполнении, а едете в гости.

— Я не еду в гости, — строго поправил Лидочку милиционер. — Во-первых, просто хочу посидеть, отметить память о хорошем человеке. Я же его знал, мы с ним встречались, разговаривали. Я к Ольге часто захожу, вот и познакомились. Я Сергея Романовича очень уважал. У меня есть его книга с дарственной надписью.

— Чего же вы мне раньше не сказали!

— Почему я должен все вам говорить? — удивился капитан. — Я вам расскажу, а вы с ума сойдете от удивления.

— Простите, вы правы, — согласилась с ним Лидочка.

— А во-вторых, — продолжал шептать ей на ухо капитан, — я нахожусь на работе, я наблюдаю. Мне люди интересны. Это дело, скажу вам, не такое простое, как вам кажется.

— Мне оно и не кажется простым.

— Тем более, мне нужно на людей посмотреть в другой обстановке, может, они раскроются.

— А пить будете?

— Пить не буду. Одну рюмку за память Сергея Романовича.

Лидочка вдруг сообразила, как молод ее собеседник. То есть она знала об этом и раньше, но иногда, как сейчас, его молодость бросалась в глаза. Бывают такие мальчики, чрезмерно серьезные, прямо маленькие дедушки. И рассуждают, и спорят, как взрослые. А потом, когда никого рядом нет, начинают прыгать или кувыркаться через голову.

Лиза с дочерью жили далеко, на улице Аксакова, в одном из скучных новых домов, которые за какие-то десять-пятнадцать лет состарились, не испытав зрелости. Одинаковые дома в одинаковых кварталах на одинаковых улицах — память о постхрущевском мире очередей за колбасой и дешевого общественного транспорта.

Народу набралось не так много, человек двадцать, все разместились за столом, не пришлось устраиваться в коридоре.

Руслан сидел рядом с Дашей, но был тих и незаметен, насколько это ему удавалось. Лиза занималась хозяйством, уходила на кухню, ей помогали две незнакомые женщины, ее подруги. Раз Лидочка встала из-за стола, чтобы достать носовой платок из своей сумки в прихожей, она увидела Лизу, сидящую на кровати в маленькой комнате. Перед нею лежал тот самый пакет, а рядом его содержимое — большей частью разные бумаги. Лиза рассеянно перебирала листки. Лицо у нее было заплаканное. Лидочке стало неловко подглядывать, и она ушла.

Толик сидел рядом с Лидочкой. Все выпили по рюмке, потом еще по одной и стали закусывать, так как проголодались. В комнате было жарко. И Лидочка представила себе, как Сергей стоял возле этого окна, а Руслан смотрел на него снизу... А ведь это было совсем недавно...

Толик, наверное, угадывал ее мысли.

— Тут что-то странное в отношениях, — сказал он. — Между Дарьей и этим Русланом. Она мне показала, что Руслан ее жених и он хотел поговорить с Сергеем Романовичем об их женитьбе. Вы в это верите?

Так как Лидочка не отвечала, он продолжал, будто получил подтверждение своим мыслям.

— А почему он сам не захотел об этом сказать? И чего он испугался при людях зайти? Испугался, но домой не уехал, а шатался вокруг дачи до темноты. Только для того, чтобы спросить совета? Не верю я им! Дарья его, конечно, выгораживает, каждая девушка своего парня будет выгораживать... А сегодня он вел себя не как жених. Я же больше всего ради этого и приехал — мне надо было посмотреть, как будут себя вести жених и невеста на похоронах маминого друга. А они, обратите внимание, встретились только после похорон. А где этот Руслан был до этого? Почему не пришел попрощаться как человек с человеком? Вроде бы уважал его, ездил к нему советоваться. Эх, мне бы найти пистолет, тогда бы они перестали у меня врать. Как вы думаете?

— Разумеется, — испуганно сказала Лидочка. — Но сейчас, наверное, не время говорить об этом?

— Это я думаю вслух, — сказал милиционер. — В вашем присутствии. Как бы ищу ваших советов. А вы их мне не хотите давать.

— Мне кажется, что Руслан не убивал Сергея.

— Почему? — вопрос громко вырвался у Толика.

Соседи за столом обернулись. Но почти никто не знал, кто этот молодой человек в таком жарком черном костюме.

Лидочка пожала плечами.

В комнату возвратилась Лиза. Глаза у нее были красные. Постепенно гости теряли горестное состояние — водка возвращала всех к жизни, к воспоминаниям. Какой-то человек с длинной черной бородой начал рассказывать, как они с Сергеем лет тридцать назад ходили в поход на байдарках. Следующий оратор ждал своей очереди, чтобы поведать о кандидатской Сергея, за которую следовало бы дать докторскую, но Слонимский ее зарубил из зависти. Кто-то стал защищать давно усопшего Слонимского. Руслан наливал Даше минеральную воду, а та требовала водки.

— Вы ко мне на днях заедете? — спросил Толик. — Поговорить треба.

— Я буду очень занята, — сказала Лидочка.

— Я вас надолго не задержу. Я бы за вами машину послал, но у нас «газик», и он... не дадут его мне в Москву гонять. У нас скандал недавно был: ребята ездили на «газике» в Москву по своим делам, а подполковник у нас резкий, своенравный человек, а так ничего. Он это дело раскрыл. Теперь вам придется на электричке.

— Давайте договоримся, — сказала Лидочка, — я к вам приеду, когда вы что-нибудь раскроете. Чтобы не только я вам рассказывала, но и вы мне.

— А вам есть что мне рассказать? — сразу вцепился в нее капитан.

— Не знаю. — Вокруг смеялись — кто-то рассказал забавную историю, в которой Сергей вел себя храбрецом.

— Эх, мне бы интересно, — сказал Толик, — поговорить с Елизаветой Ивановной. Если бы я был московский, завтра бы ее вызвал. А сейчас надо проявлять деликатность, понимаете, все же у нее потеря.

— Зачем вам нужна Лиза?

— Чтобы она рассказала мне обо всех отношениях. Тут были современные отношения, а я их не понимаю. Может, вы мне расскажете?

Лидочка не стала отвечать — милиционер все равно своего добьется. Но Лидочке не хотелось говорить об отношениях Даши и Сергея. В них был элемент инцеста. Они в самом деле таили в себе взрывчатку... Тогда Руслану не выпутаться.

Наконец Толик сказал, что ему надо уходить, видно, понял, что больше ничего ему не узнать. Но сначала он пошел

на кухню договориться с Лизой о допросе. Лидочка воспользовалась этим, чтобы уйти. Ей не хотелось уходить вместе с Толиком.

На следующее утро Лидочка с опаской посматривала на телефон.

Она понимала, что Толик обязательно вспомнит о своем желании поговорить с ней. И настоит на том, чтобы она приехала. И будет выжимать из нее все, что она знает об отношениях этих людей. Но лучше бы он вспомнил о ней спустя несколько дней, чтобы не тащиться по жаре на электричке в проклятую Челушинскую.

Но сначала позвонила Марина Котова. Она была расстроена, оказывается, Анатолий Васильевич уже добрался до нее, поднял с постельки и пригласил к себе на понедельник.

— Я сама виновата, — печалилась она. — Ну что мне стоило промолчать относительно того, что я была в тот вечер у Сережи.

— Он бы обязательно об этом узнал. А может, уже знал, когда говорил с тобой. Не надо его недооценивать. Ему в самом деле хочется распутать это дело. А он маленький упрямый танк.

— А что я должна ему говорить?

— На допросах говорят правду, — ответила Лидочка, — наверное, ты об этом читала.

— Даже редактировала книжку на эту тему, — ответила Марина. — Но мне все равно страшно. Меня еще никогда не вызывали на допрос.

— Не воспринимай Анатолия Васильевича как врага, — сказала Лидочка. — Господи, что я несу!

— А можно умолчать о Даше?

— О Даше?

— Об их романе? Я ведь только читала об этом в рукописи.

— Если только читала, то молчи, — ответила Лидочка. — Впрочем, это твое дело.

Почему-то Лидочка была уверена, что Толик обязательно узнает об отношениях Даши и Сергея. Уж очень много людей знают об этом. И чем дальше они будут таить эту историю от капитана, тем острее он будет чувствовать ложь. Ведь он дал понять Лидочке, что версия с грабителем его не устраивает.

Утро обещало жаркий день, несмотря на редкие дожди, температура все поднималась и поднималась...

Лидочка стояла у окна и соображала, какие дела ей непременно нужно сделать. Профессия вольного художника плоха тем, что дела то идут косяком, не продохнуть, то вдруг все о тебе забывают, и ты живешь, словно в вакууме. Сейчас как раз наступил сумасшедший период, в который смерть Сергея врезалась, как гвоздь в часовой механизм.

«Значит, сначала я еду...»

Ничего она не успела додумать, потому что телефон зазвонил снова.

Этот звонок оказался куда более неожиданным, чем звонок Марины.

Слышно было плохо, и Лидочка не сразу узнала Ольгу, соседку Сергея по даче.

— Лидия Кирилловна, мне с вами поговорить нужно, — сказала Ольга. — У меня есть новости. А Толик сегодня не работает и уехал к брату в Серпухов крышу класть.

— Куда?

— Крышу, говорю, стелить, в Серпухов. А мне надо кое-что сказать!

— А разве нет других следователей?

— Другие люди в милиции есть, но они не поймут. Такое дело, что не поймут. А я вас знаю. И Валентин Дмитриевич уехал на встречу в детский дом.

— Я сейчас очень занята, Оля. Может быть, я приеду на той неделе?

— На той неделе поздно будет. А это очень важно!

— Но ведь сегодня суббота!

— Вот и отдохнете на свежем воздухе. Вы же, наверное, весь день на жаре, даже вредно для организма. — Обычно спокойная, Ольга задыхалась от волнения.

— Ольга, у меня дел по горло!

— Лидия Кирилловна, разве бы я стала вас беспокоить, если бы не особые обстоятельства? Вы даже не представляете.

В конце концов Лидочка капитулировала и снова, как на пытку, как будто в повторяющемся кошмаре, залезла в электричку, на этот раз набитую субботним народом.

Она взяла с собой недочитанный детектив, но почитать в

вагоне не удалось, так было тесно и жарко. Хорошо еще, что ехать до Челушинского всего полчаса.

Пока Лидочка добралась до Школьной улицы, уже наступил полдень. Лидочка проклинала себя за то, что не может отказать чужим требованиям. Ну почему она сюда потащилась! Потому что в голосе Ольги звучала тревога? А что она знает об этой Ольге? Может, у нее всегда звучит в голосе тревога? И при чем тут поэт Вересков, уехавший в детский дом?

Ольга стояла у забора и глядела на улицу. Русые волосы были растрепаны, лицо бледное от влажной жары. При виде Лидочки она широко и облегченно улыбнулась.

— Я по расписанию смотрела, — призналась она. — Через десять минут после каждого поезда выхожу глядеть.

— Жарко, дайте чего-нибудь напиться.

— Заходите, — сказала Ольга. — Я чай вскипятила. Еще не остыл.

— Мне бы чего-нибудь ледяного.

— Специально, чтобы потом ангиной заболеть? Ангина в жару — самое гадкое заболевание, Лидия Кирилловна. Давайте я вам сначала полью, умойтесь с дороги. А потом мы с вами чайку на верандочке попьем.

Ольга поплыла к дому.

— А где же наш детский поэт? — спросила ей вслед Лидочка.

— Валентина Дмитриевича на встречу с детдомовцами в Калугу увезли. Утром на черной «Волге» за ним приехали. Честно говоря, это, может, и к лучшему. Потому что вы всех этих людей знаете и можете разобраться, а я не понимаю.

Больше Ольга ничего не сказала. Лидочка умылась. Овчарка ходила за ней из комнаты в комнату и следила, чтобы она не взяла чего хозяйского.

Чай был с вареньем, только что сваренным, клубничные ягоды несказанно благоухали.

— Ольга, — взмолилась Лидочка. — Откройте же мне вашу тайну. Ведь мне было совсем нелегко сюда выбраться...

— Сейчас покажу, — сказала Ольга.

Она ушла с веранды. Стало очень тихо, слышно было, как жужжат осы. Лидочке стало уютно и потянуло в сон.

Вернулась Ольга. Она несла сверток.

В мокрых газетах, намотанных в несколько слоев, лежало нечто, покрытое подсохшей желтой грязью.

— Узнаете? — спросила Ольга.

— Нет.

Ольга колупнула грязь ногтем, и под ней обнаружилась черная блестящая поверхность и краешек стеклянной вставки. Ольга повозила пальцем вокруг, и тут Лидочка сообразила, что видит покрытый грязью портативный транзистор.

— Ничего не понимаю, — сказала Лидочка.

— А я думала, вы сразу сообразите. Я этот приемник на столике у кровати Сергея Романовича видела, — сказала Ольга.

— А почему он такой грязный?

— Не только приемник, — сказала Ольга. — Поглядите.

Из той же кучи грязных газет она вытащила складной будильник — квадратный черный экран, на нем зеленые светящиеся цифры. Было странно видеть, что будильник показывает правильное время, а цифры секунд равномерно меняются.

— Что ему сделается, — сказала Ольга. — Там же электроника.

— Это вы нашли на даче? — домогалась Лидочка.

— Не, не на даче.

— А почему это... здесь?

— Потому я вас и попросила приехать, — сказала Ольга. — Из-за Виктора. Если бы Толик не уехал, я бы ему объяснила, а как этому мордовороту объяснишь?

Для Лидочки этот монолог был загадкой.

И тогда Ольга, вспомнив, что Лидочка не знакома с родственными и соседскими отношениями в поселке, рассказала ей подробнее о появлении в ее доме вещей, принадлежавших Сергею.

Неподалеку жил некий Виктор, трудный подросток. Ольга так и назвала его «трудный подросток» — словно это было его врожденное свойство, он как бы родился трудным подростком.

Виктор был близким знакомым Кати — единственной дочери Ольги. Виктор попался на хулиганских действиях в прошлом году, но так как ему надо было идти осенью в армию, его не стали сажать, как других хулиганов. Впрочем, это было не хулиганство, а всего-навсего взлом коммерческой палатки, после чего взломщики благополучно распили добычу и

побили не вовремя вернувшихся владельцев торговой точки. Виктор получил условный срок и потому должен был вести себя образцово, что ему давалось с трудом. Все, кроме Кати, которая питала к нему нежные чувства, не могли дождаться, когда он уйдет в армию и там наберется ума-разума. Вчера вечером этот самый Виктор, возвращаясь домой после кино в санатории, перебирался через глубокую, залитую водой траншею — там укладывали какие-то трубы, в траншее он заметил край пестрой тряпки. Это заинтересовало подростка, который никуда не спешил, а потому не поленился вернуться в лес за суком и подцепил тряпку. Тряпка оказалась пледом или небольшим одеялом. Когда он вытащил ее на сухое место, то обнаружил, что плед первоначально был завязан в узел, но развязался и часть содержимого, видно, утонула в грязи. Однако остались две вещи — приемник и будильник. Виктор сначала хотел их продать, но потом вспомнил, что Анатолий Васильевич вызывал его по поводу смерти мужика из пятого дома по Школьной и допытывался, не слышал ли он что-нибудь о краже или убийстве. Виктор даже не обиделся, потому что уже привык — как в поселке что случается, вызывают первым делом его.

В общем, он вещи в милицию не понес и не стал их продавать, а отдал Катьке: домой нельзя, мать помрет со страха, что он снова ворует. А пойдешь в милицию — как потом докажешь, что это не твоих рук дело.

Катька перепугалась, она же еще цыпленок, ей шестнадцати нет. И позвала Ольгу. Та тоже перепугалась. Правда, Виктору поверила и сама пошла в милицию на разведку. Но Толика Голицына не застала, он уехал брату крышу крыть, а был в отделении Верчихин, мордоворот, который Виктора уже как-то исколотил за мелкую провинность полгода назад. Верчихина все боятся. Он очень подлый. Тогда Ольга решила, что надо с кем-то посоветоваться. Хотела с Вересковым, но он уехал на встречу в детдом. Осталась только Лидия Кирилловна.

Лидочка была в растерянности. Она никак не могла сообразить, почему потребовалось вызывать ее из Москвы.

— Вы хотели со мной посоветоваться? — неуверенно спросила она.

Ольга сидела за столом напротив, подливала Лидочке

чай. Она была похожа на королеву Марию-Антуанетту, которая, как и ее благородные предки, много и хорошо питалась, радовалась жизни, но тут нежданно нагрянула Французская революция. На самом-то деле Ольга была королевой в первом поколении.

Когда-то природа запрограммировала предков Ольги на каждодневный изнурительный труд на земле. Предки рождались, жили и умирали, не обретя ни грамма жира. А потом народилось революционное поколение, которое бросило деревню и переселилось в города или пригороды. Лет до двадцати, а то и тридцати дети крестьян умещались в молодежных платьях. А потом, особенно после рождения единственного чада и перехода в длительный декретный отпуск, здоровый, крепкий жир брал свое. И они присоединялись к обширной армии толстых женщин, детей пролетариата, в которых и не угадаешь трудового происхождения. А вот Ольгина дочь Катюша была сказочно хороша еще потому, что, не дотянув до шестнадцати, обрела женственность линий, высокую грудь и круглые бедра, так как ее предки выходили замуж в пятнадцать, а к двадцати уже рожали своего третьего-четвертого. Правда, Катюша, понимала Лидочка, может и не стать такой же, как мама, — она будет следить за фигурой, делать гимнастику и употреблять гербалайф. Так что Катя выросла сиреной, сиреночкой, чистой воды соблазном, который себе цены еще не знает и может даже влюбиться в трудного подростка Виктора.

Как бы в ответ на размышления Лидочки, хлопнув дверью, в дом влетела сиреночка Катя, пес радостно залаял и принялся молотить хвостом по мебели.

— Вы правильно сделали, что приехали! — вместо приветствия заявила Катя. — А то мама совсем растерялась.

Ольга налила дочке чаю, размышляя вслух:

— Вообще-то я придумала отнести все в милицию и сказать, что шла из санатория и увидела одеяло.

— Но почему нельзя сказать, что все нашел Виктор? Милиция будет ему благодарна...

— Как бы не так! — возмутилась Катя. — Да мордоворот спит и видит, как Витьку в лагерь засадить.

— Катя, так нельзя о взрослых говорить!

— Может, подождем до понедельника? — предложила Лидочка. — Приедет Анатолий Васильевич, и мы ему расскажем.

Внезапно Лидочка сообразила, как тревожно все оборачивается... Если грабитель спокойно отошел от дома на триста метров и затем выбросил свою добычу в траншею, значит, он не нуждался в этой добыче. Имитация кражи была призвана запутать действие.

Катя допила чай, отставила чашку и сказала:

— Ждать до понедельника невозможно.

Из ее глаз выкатились две жемчужные слезы и покатились по персиковым щекам.

Лидочка поглядела на ее мать.

— Ждать нельзя, — подтвердила Ольга. — Потому что моя дура вчера же вечером Виктору про пистолет рассказала.

— Что?

— Я не зна-а-ал-а...

— Она, видите ли, не знала! — Ольга была в ярости. — Услышала наш с Толиком разговор, что пистолет не нашли... ну кто тебя просил этому уголовнику все выкладывать?

— Он не уголовник! Он все нам принес.

— Катя, он тебе не пара!

— Да объясните же, пожалуйста! — попросила Лидочка.

— Витька обязательно к траншее вернется, будет искать пистолет. Может, не сейчас, а попозже, вечером, но вернется. Как он тебе, Катерина, сказал?

— Он обещал, что Владимиру расскажет.

От расстройства Катя говорила хриплым басом.

— Владимир — старший брат Виктора, — разъяснила Ольга, — фактически настоящий уголовник. Тюрьма по нему плачет.

— Я его ненавижу, — пояснила Катя.

— Положение безвыходное, — сказала Ольга. — Чаю еще налить?

— Они темноты дождутся и полезут, — сказала Катя, — я вам слово даю.

— Я пойду в милицию, — сказала Ольга. И в ее утверждении заключался небольшой вопросительный знак.

— А что вас беспокоит, Ольга? — спросила Лидочка.

— Если я принесу вещи, мордоворот все сделает, чтобы нам насолить.

— Почему же?

Ольга молчала, перебирая пальцами край скатерти.

— Мама за него замуж не пошла, — сказала Катька. — Он ей всю жизнь мстит. Как цыган Алеко. Как только мама скажет, он сразу сообразит, что это Виктор виноват.

— Почему? Почему именно Виктор?

— Я его знаю, — вздохнула Ольга, соглашаясь с дочерью. — Он решит, что это Виктор, а я его выгораживаю ради Катьки.

— Ну уж очень сложно...

— Нет, не сложно, у нас все не сложно, — сказала Катька.

— И что же вы предлагаете? — спросила Лидочка. Ей не хотелось лжесвидетельствовать, но все шло к этому.

— А может, вы скажете? — спросила Катька. — Вы приехали сюда, шли через траншею и увидели. Вы же Витьку даже не знаете.

— С какой стати мне идти через лес и через траншею? — удивилась Лидочка. — И вообше, что мне делать здесь в субботний день?

— Это неудивительно, — рассудительно ответила Ольга. — Вы к своим друзьям приехали и решили ко мне зайти, спросить, что у нас нового. Да не будет он допрашивать! Он вас уважает.

— А через лес вы шли потому, что короче, — подсказала Катька.

Лидочка выпила еще чашку чаю. Собака положила ей на колени тяжелую слюнявую морду.

— Судьба Виктора у вас в руках, — сказала Ольга.

— И моя проблема, — пробасила сирена Катя.

Ольга осталась снаружи, в теньке у магазина, откуда было удобно наблюдать за входом в милицию, а Лидочка прижала к себе газетный сверток и шагнула внутрь.

Милиция располагалась на первом этаже стандартного девятиэтажного дома, у входа стояли два «газика» и серая «Волга». Пожилой усатый милиционер курил в дверях. Он посторонился, пропуская Лидочку, но сделал это через силу, так как находился во власти полуденной истомы.

За барьером сидел дежурный. Он был похож на комсо-

мольского ангела, правда, чуть потрепанного, с мешками под глазами.

При виде Лидочки он провел рукой по пшеничным волосам, показал золотые зубы. Алый румянец расплылся по крутым скулам.

— Что за проблемы, гражданочка? — спросил он мужественно и кокетливо.

Вот он каков, наш враг мордоворот Верчихин!

— У меня к вам сообщение, — сказала Лидочка. — Мне кажется, что отыскались важные улики по делу об убийстве Спольникова.

— Как же, — еще шире улыбнулся мордоворот, — это дело Анатолий ведет. А где у нас Анатолий?

Он раскрыл густо исписанную амбарную книгу и повел пальцем по странице, но вошедший следом за Лидочкой усатый милиционер испортил пантомиму. Он хмыкнул и сказал:

— А ты не знаешь, что Голицын выходной?

— Правильно, — сказал мордоворот, словно радуясь, как все хорошо разрешилось. — Нет сегодня товарища Голицына. В понедельник приходите, с утра. Он с утра выходит?

— С утра, — ответил усатый милиционер.

Зазвонил телефон, и Верчихин взял трубку. Лидочка терпеливо ждала, пока он подробно обсуждал с кем-то проблему ларька, который вчера сожгли у Мамонтовки. Было душно, жужжали мухи.

— Вы садитесь, — сказал усатый милиционер.

— Спасибо, я постою, — сказала Лидочка.

— Голицына сегодня точно нет, — сказал милиционер. Лидочка кивнула. Верчихин кончил разговаривать.

— Я же сказал, — произнес он вежливо, но нагло. — Идите, отдыхайте, в понедельник мы вас ждем.

— Я не могу уйти, — сказала Лидочка, — потому что могут пропасть важные улики. Я не могу брать на себя такую ответственность. Вы меня не хотите даже выслушать?

Верчихин поглядел на нее, и глаза у него стали бешеными, холодными, как будто он сейчас вскочит на стол и начнет отплясывать на нем «Яблочко».

Верчихин принялся писать. Он был большим начальником, который не мог отвлекаться на мелочи.

Лидочка повысила голос:

— Неужели вы думаете, что я пришла к вам от нечего делать?

Верчихин кивнул, не прекращая писать.

— Но вам это неинтересно?

— Интересно, интересно, — ответил Верчихин.

— Часть этих вещей я принесла сюда.

Так как мордоворот не изъявил желания на них посмотреть, Лидочка развернула на деревянном барьере газетный сверток и осторожно показала дежурному желтые под слоем грязи транзистор и будильник.

— Заверните, — брезгливо сказал мордоворот, не поднимая глаз. Верчихин привык иметь дело с людьми, от него зависящими и потому заранее испуганными.

— Где ваш начальник? — спросила Лидочка.

— Я здесь начальник, — сказал мордоворот.

Правильно Ольга сделала, что его бросила! Нельзя быть такой самоуверенной дубиной.

Жара, наполнявшая дежурку, была такой густой, что Лидочка физически ощущала, как накаляется мордоворот, бесясь от упрямства этой дачницы. Не любит он дачниц, не выносит.

— Товарищ милиционер, — Лидочка обернулась к усатому, — позовите, пожалуйста, начальника отделения.

— А его нет, — виновато ответил милиционер.

— Ну кто у вас старший офицер?

— Вот, — сказал милиционер, — старший лейтенант Верчихин.

— Тогда разрешите мне позвонить в Москву, — сказала Лидочка.

— Зачем? — осведомился мордоворот.

— Дайте мне телефон вашего московского начальника, — сказала Лидочка. — Я поговорю с ним!

— Я вам, гражданочка, открою страшную тайну, — улыбнулся Верчихин. — Все наше начальство находится на дачах, на отдыхе, ловит рыбку. Так что не надо беспокоить людей, они в трусиках.

И Верчихин засмеялся легким, воздушным, ядовитым смехом. Лидочка стала быстро заворачивать в газету Ольгины находки, чтобы скорее уйти подальше от человека, который может так смеяться.

— Хорошо, — сказала она, — я позвоню в Москву из автомата, но учтите, я этого так не оставлю. Я пришла к вам не ради собственного удовольствия, а желая помочь следствию. Я сегодня буду в Москве и расскажу все на самом высоком уровне.

Лидочка поймала себя на том, что говорит с милиционером суконным языком.

А Верчихин продолжал улыбаться светло и широко. Он не говорил ни слова. Даже не двигался.

— Хорошо, — продолжала Лидочка, — я последний раз прошу вас пойти со мной или послать вашего милиционера, чтобы помог мне достать вещественные доказательства.

— В понедельник, — сказал Верчихин.

Лидочка завернула улики в газету, руки у нее тряслись от бешенства.

Ей хотелось ударить милиционера, но до него не дотянуться, а он продолжает вежливо улыбаться.

— Молодец Оля, — сказала Лидочка, — правильно сделала, что бросила такого!

С этими мстительными словами она покинула отделение милиции, а Верчихин, вернее всего, не понял, что она имела в виду. Так что Лидочкин выстрел пропал даром.

Выйдя под ослепительное солнце, она зажмурилась. Жаркий воздух улицы показался ей свежим, словно она вышла из тюрьмы на волю. Где же Ольга?

Лидочка махнула рукой, предлагая Ольге следовать за ней, и пошла к дому, не дожидаясь ее.

Ольга быстро догнала Лидочку.

— Ну что, он придет?

— Он никуда не придет. Он не желает поднять свой зад. И я ему не понравилась.

— Вот именно, — вовсе не удивилась Ольга. — Теперь вы понимаете, почему я отрицала его ухаживания? Он и Толику завидует. Только я так надеялась, что он с вами не посмеет!

— Я сейчас же еду в Москву! — сказала Лидочка. — Я им там все покажу. Они обязаны будут послать сюда людей.

— Ой, не знаю, — сказала Ольга. — Боюсь, что тогда случится трагедия.

— Почему?

— Сегодня суббота. Ну, приедете вы туда уже после обе-

да. Начнете доказывать, объяснять. Даже если вы найдете человека, который вам поверит и согласится послать сюда машину или хотя бы позвонит сюда, будет уже вечер... Вернее всего, вам все будут говорить, что надо подождать до понедельника. Ведь все же отдыхают на дачах!

— Но нельзя же оставить все без охраны! Ваш Виктор вытащит видео и пистолет.

Лидочка уже верила и в видео, и в пистолет.

— Давайте мы сами все вытащим из траншеи, — предложила Ольга. — Раз уж так получилось. — Верчихину вы все сказали. Ведь парень под суд пойдет.

— С чего вы решили, что он обязательно полезет за пистолетом?

— Брат его заставит, — уверенно ответила Ольга.

Глава 7

К траншее подошли втроем: Ольга, Лидочка и Катя, которая несла хозяйственную сумку для возможной добычи.

Лидочка была в Катином купальном костюме. Костюм был ей мал, жал в груди. Сверху она накинула Ольгин халат, который, наоборот, был страшно велик.

— Если воду в траншее не бурлить, — сказала Катя, — то она вполне пристойная, чтобы в ней купаться. В такую жару куда деваться? Вот мы вроде и пошли купаться, правда?

— Все равно, если кто-то увидит, хохоту будет до самой Москвы, — сказала Лидочка, которая чувствовала себя полной идиоткой, ввязавшись в эту историю.

— Ничего особенного, — сказала Катя, которая смотрела телевизор и была в курсе модных увлечений. — У нас с вами такой хеппенинд.

— Что?

— Это английское занятие. Люди собираются, словно что-то случилось. А что случилось — все равно до лампочки. Вот и у нас будет хеппенинд в траншее.

Они пересекли лесополосу, отделявшую путепровод от шоссе. Перед ними тянулась широкая полоса по-разному раскопанной земли. Кое-где были вырыты траншеи, так и не просохшие после дождей, кое-где были полузасыпанные ямы,

между ними лежали штабеля широчайших, в человеческий рост, труб и труб потоньше, оставленных строителями бетонных плит, котлов и пришедших в негодность машин — создавалось впечатление, что строители страшно устали класть новые трубы, а устав, плюнули на все и отправились отдыхать, ничуть не заботясь, что строительство не завершено.

— Как операция у чукчи, — сказала Катя, угадав Лидочкины мысли.

— А что случилось с чукчей? — спросила Оля. Она была в голубом платье и разношенных лодочках на босу ногу.

— Он операцию делал, а потом кинул скальпель и говорит: «Опять не получилось».

— Моя мама — гуманистка, — сказала Катя, — все по ней должно быть правильно, но в столкновении с правдой жизни она всегда страдает.

— А ты циник? — удивилась Лидочка.

— Как вы угадали? — спросила Катя. — Многие не догадываются. Я отличница и никогда не спорю с учителями.

Вокруг стояла пустынная субботняя жара. Никто по доброй воле не пошел бы гулять на строительную площадку. Дачники ходили дальше, на пруд в санаторском лесу или уезжали на водохранилище.

За траншеями и ямами, наполненными желтой водой, стеной стоял лес, на вид совершенно девственный, на самом же деле служивший парком кардиологическому санаторию.

Через него можно было срезать дорогу к станции, но немного. Лидочка поглядела, где можно пройти. На случай, если в милиции спросят.

Выйдя к траншеям, они остановились в растерянности. Потому что Ольга не сообразила спросить у Виктора, из какой траншеи он вытянул узел с уликами. Но не искать же его и не ждать темноты, когда Виктор приведет сюда непутевого брата, чтобы поживиться. Разделись.

Лидочка пошла налево, Ольга с дочкой — направо. Солнце жгло немилосердно. Пользуясь тем, что никто не смотрит, Лидочка сбросила необъятный халат и повесила его через плечо. Сначала стало прохладнее, но тут же горячие лучи добрались до кожи.

Лидочка остановилась над траншеей, вырытой в желтой глине. Ширина ее достигала метров трех, а местами была

больше из-за оплывших и осыпавшихся стенок. В длину же она была почти бесконечна. На несколько метров вокруг трава была срезана так, что, еще не дойдя до траншеи, Лидочка испачкала туфли желтым порошком. Хорошо еще, что давно не было дождей и глина вокруг траншеи была сухой.

Вода, которая неподвижно стояла в траншее, казалась темной и чистой, Лидочка подняла камешек и кинула его в траншею. Камешек взбаламутил воду, навстречу из глубины поднялись желтые протуберанцы, и вода в траншее постепенно пожелтела.

Справа закричала Катя:

— Идите сюда, сюда! Я нашла плед!

Страшно было называть пледом большую, желтую, непросохшую толком тряпку, свисающую с отвала в воду.

Им повезло — они уже стояли на пороге тайны. И раз милиция не хочет разгадывать преступление, три слабые женщины возьмут это на себя.

Правда, лезть в траншею, предчувствуя, какая грязная и даже липкая жижа ждет там, не хотелось.

Лидочка не спеша разулась, ожидая, что сейчас Ольга или Катя скажут ей: «Не стоит, Лидия Кирилловна, мы все сами сделаем!» Ведь не ей, а им так важно уберечь от неприятностей трудного подростка Виктора!

— Ольга, — сказала Лидочка. — Может, все-таки вы поищете?

Ольга была готова к такой просьбе и быстро ответила:

— Весь поселок будет смеяться, если я в грязь полезу. Мне тогда здесь не жить. А на мне же библиотека — центр культурной жизни!

— В самом деле, вы же представляете, Лидия Кирилловна, — сказала Катя. — У нас с мамой есть только доброе имя.

Большие сиреневые глаза Кати были холодны, как ледниковые озера. И Виктора не спасет, и маму не даст в обиду.

— А я — городская, — обреченно сказала Лидочка. И если она хотела, чтобы в ее словах прозвучала ирония, то ее никто не заметил.

— Вы хотите нам с мамой помочь? — спросила Катя. — Тогда помогайте скорей.

«И в самом деле, — подумала Лидочка, — я здесь пришлое существо — никто не смог бы заставить меня совершать

идиотские поступки без моего согласия. И если я решила помогать чужим людям, то почему надо останавливаться на середине? Почему? По крайней мере, я не простужусь — сейчас температура воздуха под тридцать, и, наверное, многие мечтают выкупаться. Вы мечтаете, а я сейчас нырну».

Уловив ее отважное движение, Катя вдруг крикнула:

— Волосы не намочите!

Лидочка и не собиралась нырять вниз головой. Она посмотрела по сторонам — кроме Ольги и ее дочери, никого в пределах видимости не было.

Лидочка села на край траншеи и, тормозя ладошками, постаралась элегантно соскользнуть в траншею, словно нимфа в озеро.

Желтая глина оказалась недостаточно плотной, чтобы удержать ее. Увеличивая скорость, Лидочка поехала по крутому склону и громко взвизгнула — это случилось непроизвольно.

Вода, такая прохладная и даже нежная на ощупь, послушно раздалась, впуская в себя Лидочку, и взлетела вверх желтыми фонтанными струями.

Сверху взвизгнули Ольга и ее дочка, потому что им на мгновение почудилось, что они никогда больше не увидят Лидию Кирилловну.

Траншея оказалась глубже, чем Лидочка рассчитывала, но, к счастью, наполнена водой наполовину — метра на полтора. Дно ее было покрыто толстым слоем нежного желтого ила. Падение Лидочки подняло вверх всю жижу со дна, и вода тут же превратилась в желтый бульон.

Сначала Лидочка окунулась с головой, затем распрямилась, и ее охватило восхитительное чувство купальщика в жаркий день — чувство облегчения, мгновенного очищения тела от пота и скверны знойного дня.

Лидочка помотала головой, жалея, что не взяла с собой купальной шапочки. Она стояла на мягком дне траншеи, ступни утопали в мягком теплом иле. Откинув голову, Лидочка пригладила ладонями волосы, чтобы стряхнуть с них воду.

Себя не видишь — поэтому Лидочка посмотрела на своих спутниц, глядевших на нее с берега. Честное полное лицо

Ольги изображало неприкрытый ужас, а Катины брови уехали к линии волос — она была вовсе удивлена.

— Ой! — сказала Ольга.

— Ни один враг, — сообщила Катя, — ни один друг не узнает вас, тетя Лида, в этой маскировке. Жалко, что зеркало не взяла.

— Помолчи, — оборвала ее Ольга. — Человек из-за нас в грязь полез, а ты позволяешь себе смеяться.

— Как над малым народом чукчами! — вспомнила Катя и захохотала.

Лидочку охватил гнев, и если бы траншея не была столь глубока, она, наверное, выбралась бы сейчас наружу и закатила издевательнице подзатыльник. Сейчас же она ограничилась неосознанным движением вперед к откосу траншеи, чтобы дотянуться до босой ноги Катьки и стянуть подлую девицу в страшную глубь!

Катька отскочила, продолжая смеяться.

Лидочка подняла руку, рука была умеренно желтой и умеренно грязной, и мутная вода, стекая с нее, оставила следы, какие оставляет селевой поток на зеленых альпийских лугах.

Лидочка потянула себя за прядь волос и поглядела на конец пряди — волосы пострадали больше, чем кожа: желтая краска густо покрывала их.

— Хватит, — сказала Лидочка голосом христианского мученика, уже вышедшего на арену, который обращается к замешкавшимся единоверцам. — Не будем терять времени. Мне не хочется, чтобы сюда сбежались дачники посмотреть, как мы принимаем грязевые ванны.

— Надо было грабли взять, — сказала Ольга. Она встала между Лидочкой и солнцем, отчего снизу казалась гигантской фигурой, вырезанной из черного картона и окруженной сиянием.

— Тетя Лида, ногами возите, — воскликнула Катя. — Ходите и ногами возите! Как наткнетесь на твердое, ныряйте, а просто так не ныряйте!

Лидочка, не отрывая ног от дна, пошла поперек траншеи и через два шага, не дотянувшись до противоположной стены, ударилась пальцами ноги обо что-то твердое так, что ушибла пальцы. Она наклонилась, чтобы потереть ушибленное место, но головой ушла под воду. Выскочив из воды, Лидочка принялась вытряхивать воду из ушей.

— Нашла? — радостно закричала откуда-то сверху Ольга. В конце концов, если ты уже перемазалась, терять нечего.

Лидочка зажмурилась и присела в траншее. Пальцы нащупали какую-то палку. Рука с палкой осталась под водой.

Лидочка хотела показать Ольге и Кате свою первую добычу, но тут она обнаружила, что на краю траншеи ни Ольги, ни Катьки нет.

— Оля, — крикнула она.

— Слиняла твоя Оля, — ответил мужской голос.

К краю траншеи согласно шагнули два парня: подросток и взрослый, похожий на первого, но с более грубыми чертами лица. И Лидочка сразу поняла, что их выследили братья Виктор и Владимир.

Так вот ради кого она пожертвовала своими чудными волосами, ради кого она копошится в грязи!

— Ты чего? — спросил тот, что постарше. — Давай, ныряй, ищи, нам вещи нужны! Лезь, желтая вошь!

Странно, но, видно, молодые люди первоначально собирались на вернисаж или на танцы, иначе трудно объяснить, почему оба были облачены в костюмы и белые сорочки, правда, без галстуков.

Братья заливались смехом, но добраться до Лидочки не могли. Впрочем, и Лидочка была беспомощна. Лидочка поняла, что братья собирались обследовать содержимое траншеи попозже, когда стемнеет и не будет опасности встретить ненужных свидетелей, но тут проведали, что женщины пошли к траншее сами — поселок невелик и прослушивается насквозь. Разумеется, они осерчали и кинулись туда, но, будучи существами недалекими, поспешили. Что бы им дождаться, пока Лидочка обшарит дно и все найдет, а потом спокойно все отобрать.

— Ищи! — кричал трудный подросток Виктор. И что только Катька нашла в этом прыщавом создании с жирными пшеничными волосами и подбритым затылком?

— Давай, а то сделаю, — Владимир рассказал Лидочке, что намеревается с ней сделать, и это ее так рассердило, что она привела в исполнение мгновенно созревший план.

Она вытащила из воды палку, липкий, скользкий тол-

стый сук, и занесла его над водой. Владимир решил, что она хочет его ударить, но не может достать. И еще более развеселился. Лидочка изо всех сил ударила суком по воде с таким расчетом, чтобы брызги накрыли обоих парней.

План удался даже лучше, чем она ожидала.

Более всего братьев можно было сравнить с двумя ягуарами: желтые пятна и потеки на черных костюмах светились как на арене цирка.

Виктор и Владимир отпрянули от траншеи, но было поздно.

Лидочка видела, как они, матерясь, старались оттереть с костюмов, волос и рук желтые потеки, но лишь размазывали грязь. Они готовы были плакать, и их ненависть к Лидочке была столь велика, что сильный Владимир схватил с земли кусок бетона весом в несколько десятков килограммов и метнул его в траншею, целясь в свою обидчицу, ни о чем другом его разнузданная натура и думать не могла.

Громадный столб желтой жижи поднялся над траншеей и целиком накрыл Лидочку. Братья-разбойники еще более промокли. Владимир кинулся было искать новый метательный снаряд, но его остановил высокий, резкий голос.

Детский поэт Валентин Дмитриевич стоял на краю траншеи, метрах в десяти от них. В руках у него был фотоаппарат «Полароид».

— Стоять! — приказал Вересков. — Я вас запечатлел, хулиган и убийца!

— Я до тебя, падла, доберусь. — Пятнистый Владимир переключил гнев на пожилого поэта, а появившаяся в поле зрения Лидочки Катька схватила кусок глины и ловко метнула его, угодив Виктору в лоб. Виктор плачущим голосом закричал:

— Ты что, Катька, озверела, что ли? У меня же завтра синяк будет!

— Сейчас еще один поставлю! — Катька уже подняла следующий кусок глины. — Вы с братцем готовы убить беззащитную женщину, которая спасает тебя же, дурня, от тюрьмы!

— Убью! — закричал Владимир, но не двинулся с места.

— Слушай, Владимир, — громко произнесла Ольга, — по тебе в самом деле лагерь плачет. Ты сейчас на глазах у свидетелей хотел убить знаменитую женщину, лауреата Лидию Кирилловну. Твои преступные действия зафиксировал товарищ

Вересков. И завтра этот снимок в случае чего ляжет на стол начальника милиции. Твой брат и соучастник тоже пойдет по этому делу. Так что лучше вам, негодяи, убираться туда, откуда пришли. Ясно?

Владимир молчал, лишь губы его безмолвно перебрасывали через траншею непристойные фразы. А братишка Виктор выкрикнул:

— Куда мы пойдем, тетя Оля, если у нас костюмы испорчены? Мы же на поминки по тете Нюре собрались в Мамонтовку.

— Ой! — удивилась Ольга. — Да что ты говоришь! Неужели Анну Григорьевну уже похоронили?

— Сегодня утром схоронили. А сейчас на поминки едем.

— А я-то, глупая, думала, что завтра хоронят. И все из-за тебя, паразит! Ты меня с вечера отвлекал своими визитами. Ты почему вчера не сказал про похороны?

— А вы не спрашивали, тетя Оля, — ответил Виктор.

Лидочке, которая стояла по шею в желтой воде под ногами у беседующих, этот разговор представлялся отрепетированным диалогом из пьесы абсурда. Тем более что все о ней забыли. Катька — потому что слушала маму, а Вересков полагал нетактичным прерывать чужие разговоры.

— Пошли, Витька, — приказал Владимир, который до этого молча счищал носовым платком с пиджака большое желтое пятно, все глубже втирая его в ткань.

Витька послушно пошел прочь за старшим братом. Они не оборачивались. «Какое счастье, — подумала Лидочка, — что траншея такая широкая и глубокая, иначе они в гневе сиганули бы в нее».

— Так их и видали на поминках, — резво предположила Катька. — Адью — прощай шикарная жизнь.

— Помолчала бы, — оборвала ее мать. Но голос матери был встревоженным. Она подошла к краю траншеи и посмотрела вниз: — Вы простите, Лида, что вас бросили. Мы увидели в леске Валентина Дмитриевича, какое счастье, что он вернулся, и решили, что нам свидетель нужен, настоящий свидетель, солидный, не то что мы с Катькой.

— Свидетель чего? — не удержалась Лидочка.

— Свидетель того, как они над вами измывались, — отве-

тила Катька, почувствовав, что мать замялась с ответом. — Прежде чем в грязи утопить.

— Катя!

— Шестнадцатый год Катя!

Валентин Дмитриевич подошел близко к краю, и Ольге с трудом удалось в последний момент ухватить его за талию и оттащить на безопасное расстояние от траншеи.

— Простите, — сказал он. — А если не секрет, могу ли я узнать, чем занимается Лидия Кирилловна?

— Лида что-то обронила, — сказала Ольга. — И мы ведем поиски.

Лидочка почувствовала, что отныне они с Ольгой на «ты». Общие испытания, как ничто другое, сближают людей.

— Простите? — Валентин Дмитриевич был вполне земным и трезвым человеком. — Верится с трудом.

Поскольку Ольга ничего не ответила, а Катя даже отошла в сторону, он добавил:

— Ваши... раскопки имеют отношение к несчастному случаю с Сергеем Романовичем?

— Как хорошо, что вы вернулись так рано, — сказала Ольга. — И с фотоаппаратом. Может быть, ваш фотоаппарат спас кому-то из нас жизнь.

Поэт понял, что больше ничего ему не скажут, и сам переменил тему:

— Здесь так красиво цветут ромашки... на краю леса. Я хотел их сфотографировать для моей жены. Вот и забрел сюда. Вам помочь вылезти?

— Нет, — сказала Лидочка, — я еще немного здесь побуду.

— А разве вода не холодная?

— Вода хорошая, теплая, хоть и прохладная, — светски ответила Лидочка.

— Значит, вы без меня дальше справитесь?

— Постараемся, — сказала Лидочка. — Спасибо за помощь.

— Спасибо за помощь, — повторила Ольга. — Вы не обижайтесь, что мы пока ничего не рассказываем. Мы сейчас совершаем... как это сказать?

— Мы совершаем противоправные действия, — ответило из траншеи желтое чудовище, в котором по голосу можно было угадать Лидочку. — И нам не хотелось вас впутывать.

— Хорошо, — согласился поэт. — Тогда, может быть, вы мне подскажете, кому сдать фотографию, на которой молодой человек кидает в Лидию Кирилловну кусок бетона?

— Давайте мне, — сказала Ольга. — Спасибо. Жалко, что мелко получилось.

顧

Вересков с неохотой ушел. Ему так хотелось помочь женщинам. Но в нем не нуждались. А настоящий мужчина всегда уходит, если чувствует, что в нем не нуждаются.

— Вряд ли эта фотография тебе поможет, мама, — сказала Катька, заглядывая матери через плечо. — На этом снимке Фархад строит плотину.

— Кто?

— Это узбекский такой герой, ты мне в детстве книжку читала. Он плотины возводил, а Ширин его любила за это. Забыла?

— Прекращаем дискуссию, — сказала Лидочка. — Я замерзаю.

— Да что вы! — удивилась Катька. — Жарко, как в печке.

— А я в тени, — ответила Лидочка. Ей не хотелось и дальше нащупывать добычу босыми ногами. Так можно остаться без пальцев. Найденный на дне траншеи сук Лидочке пригодился.

Лидочка продолжала охоту за сокровищами.

Теперь ей было все равно — красива ли она или при виде ее дети зажмурятся от ужаса.

Лидочка медленно вела суком по дну, затем делала маленький шаг и звершала поиски ступней. Дело двигалось медленно. Лидочка приближалась к дальней стенке траншеи, затем, дойдя до нее, поворачивала и шла обратно.

Ольга и Катя стояли на краю траншеи и давали советы.

Солнце светило им в спины.

С каждым шагом раствор, наполнявший траншею, становился все гуще. Лидочке уже казалось, что даже двигаться в жиже тяжко, словно угодила в трясину.

Лидочка упрямо направилась пересекать траншею, на этот раз чуть правее.

И тут нога наткнулась на что-то твердое. Она замерла, лишь пальцы двигались под водой, ощупывая ящичек.

— Что-то есть? — спросила Катька. Она умирала от нетерпения.

— Не знаю, боюсь сглазить.

Лидочка зажмурилась и присела. Жижа, как вода Мертвого моря, норовила вытолкнуть ее наверх.

Плоский ящичек, хоть и увяз в глине, легко поддался.

Лидочка подняла его и выпрямилась. Но она не сразу смогла открыть глаза, потому что ресницы ее слиплись от глины.

Чтобы протереть глаза, надо было выпустить ящичек — что же делать? И тут сверху прогремел голос Ольги:

— Давай сюда, я подержу.

Лидочка потянула руки с ящиком вверх, в направлении голоса.

— Это видео, — сообщила Ольга. — Сейчас возьму.

И тут Лидочка почувствовала значительное движение воздуха, словно рядом пронесся грузовик. Тут же ее отбросило в сторону, мимо пронеслось некое тяжелое тело и с оглушительным плеском, под двуголосый женский вопль рухнуло в воду. Лидочка выпустила из рук видео и чуть не захлебнулась.

К счастью, она сразу пришла в себя и, протерев кулаками глаза, увидела нечто ужасное.

В траншее, совсем рядом, медленно поворачивалось желтое чудовище, похожее на мумми-тролля. Одного взгляда на кричащую, мечущуюся по краю траншеи Катьку было достаточно, чтобы понять: ребенок остался сиротой.

— Ольга! — воззвала Лидочка. — Немедленно приди в себя! Я в этой траншее бултыхаюсь уже полчаса и еще жива. Ты и минуты не просидела, а уже переживаешь.

Ольга тяжело дышала, не слушая Лидочку.

— Протри глаза, — приказала Лидочка. — Представь, что ты моешь голову. Главное, чтобы мыло в глаза не попало.

— Мама будет жить? — спросила Катька. К ней возвращался детский цинизм.

— Не валяй дурака, — оборвала ее Лидочка. — Твоей маме ничего не угрожает. Мы принимаем грязевые ванны. Она еще не привыкла, а я уже освоилась.

— Не смейся над матерью, — включилась в беседу Ольга, которая немного протерла глаза и разлепила веки.

— Давай я тебя подсажу, — сказала Лидочка. — Вылезай.

— Не надо, — великодушно заявила Ольга. — Раз уж я вляпалась, то буду с тобой вместе искать.

Угодив в воду и потеряв пристойный облик, Ольга преобразилась. В ней проснулся командир и даже вождь. Она не давала Лидочке пасть духом и проявить слабость. Она двигалась зигзагами через траншею, словно броненосец, бесстрашно бороздя ногами дно, тем более что она была обута и не боялась железок и гвоздей.

Лидочка же топталась на месте, отыскивая брошенный аппарат. Казалось, куда деться ящику, должен опуститься к ногам Лидочки, но лишь минут через пять Лидочка нащупала его в метре от точки, где он ушел в желтую воду.

Никогда Лидочка не подозревала, что может испытывать такое всепоглощающее счастье, как в момент этой находки.

— Катя! — вскричала она, вздымая видик к солнцу. — Я его нашла, только, умоляю, не падай в траншею.

— Вас понял! — ответила Катя. — Приступаю к исполнению.

Она присела на корточки и приняла добычу.

— До чего вы его довели, Лидия Кирилловна, — сказала она с упреком. — Сколько же раз можно кидать в воду ценную электронику?

— А что еще мы ищем? — спросила Ольга. — Больше вроде искать нечего?

— Мама, ты заблуждаешься, — сказала Катька. — А вдруг мы найдем пистолет? Ведь ты больше всего боялась, как бы Витька его не отыскал, правда?

— Неужели ты думаешь, что он лежит в луже? — спросила Лидочка. — Это было бы наивно со стороны преступника.

— Не более наивно, чем разбрасывать по ямам ценную японскую видеоаппаратуру, — заметила Катька.

Что-то твердое лежало как раз под пяткой и мешало Лидочке стоять.

— Погодите, — сказала Лидочка.

Она нырнула и нащупала плоский металлический предмет.

Выпрямившись и отфыркиваясь, Лидочка почистила его, бок блеснул.

— Пистолет! — закричала Катька, напугав гулявших вдали с собакой дачников.

— Нет, — сказала ее мать. — Быть того не может. — Наверное, она только себя считала способной находить в грязи пистолеты.

— Может, может, — подтвердила Лидочка, — держи.

Она швырнула предмет Катьке, та поймала его и несколько раз повернула в руках, разглядывая, прежде чем произнести приговор:

— Портсигар.

— Вот именно, — сказала Лидочка.

— Кто-нибудь чужой уронил, — сказала Катька, — а мне бы предпочтительней пистолет. Надену белые колготки, поеду в Бендеры.

— Помолчи! — рассердилась Ольга. — Вечно несешь чепуху. Лучше посмотри, что я еще нашла.

С этими словами она кинула дочери новую находку. Та поймала ее и, оглядев, заметила:

— Мать, ты могла пристрелить единственную дочку. Это и в самом деле пистолет.

— Не может быть! — Ольга была потрясена. — Я ж думала, что просто железка.

Катя, не пожалев платья, отерла пистолет подолом. Даже из траншеи было видно, как поблескивал черный ствол.

— Только не стреляй, — попросила Катьку Лидочка. — В обойме должно быть столько пуль, сколько есть. Если будет на одну меньше, решат, что убийцей была ты!

Катя ахнула, но пистолет не выпустила.

Ольга кинулась вдоль траншеи в ту сторону, где берег осыпался и был пологим. За ней поспешила и Лидочка. Она брела и размышляла:

— Пистолет был выброшен в траншею вместе с вещами. Значит, никакое это не ограбление. Здесь и не пахнет случайным воришкой. Мы имеем дело с хладнокровным убийцей, который пытался скрыть свои следы и верно рассудил, что, скорее всего, вода в траншее останется до осени, потом замерзнет, а если в следующем году и придут строители раскапывать или закапывать, вернее всего, они воспользуются для своих целей экскаватором. Но главное в том, что убийца хотел смерти Сергея. И не нужны ему были такие красивые игрушки, как видео и будильник... Выходит, подозрение вновь падает на неуравновешенного толстяка Руслана. У него был

повод и была возможность. А житейские блага его не волновали.

Ольга тяжело карабкалась, срываясь и сползая вниз. Лидочка подставила ей плечо. Дачница с собакой подошла к краю и спросила:

— Вода теплая?

Дачница была пожилой женщиной в толстых очках. Видно, ее очки были недостаточно толстыми.

Собака оглушительно лаяла. Голос у нее был пронзительный и неприятный.

Наконец Ольга вползла на берег, где ее подхватила Катя.

Лидочка последовала примеру Ольги и услышала конец беседы дачницы с Олей.

— Собака не может молчать, — оправдывалась дачница, — потому что на вас платье совершенно безумного цвета.

Было тепло, жарко, с каждой минутой все жарче. Дачница еще раз пригляделась к Ольге и Лидочке, замолчала и быстро пошла прочь, оттаскивая собаку, которая билась в истерике.

— Плохо дело, — сказала Катька, оглядывая женщин.

— А что? — спросила Лидочка.

— Вам же через поселок идти.

— Ой, — спохватилась Ольга. — Лучше я здесь до темноты посижу.

— В кустах, — согласилась Катька. — Желательно на муравейнике. Хотя нет, муравьям до тебя не добраться.

— Пошли, — сказала Лидочка. — Сейчас середина дня. То, что называется...

— Сиестой! — сообразила Катька.

— А в сиесту русский поселянин отдыхает.

— Это смотря кто, — возразила Ольга, которую более других беспокоило общественное мнение. — Бабы и старухи на нашей улице все сейчас у окон сидят. А моя бывшая свекровь — в огороде.

— Они и вечером будут сидеть, — сказала Лидочка.

— С перерывом на «Санта-Барбару», — поправила Катя.

Ольга тщетно пыталась стряхнуть с себя грязь.

— Я иду первой, — сказала Катька. — И несу сумку с добычей. Вы замыкаете шествие. Делайте вид, что вы только что принимали лечебные ванны.

— Выхода нет, — согласилась Лидочка, надевая на грязный купальник Ольгин халат. — Чем скорее мы достигнем вашего дома, тем лучше.

Они двинулись. Конечно, было страшновато и даже стыдно, словно они побывали в грязи ради извращенного удовольствия.

Лидочка шла, глядя себе под ноги, правда, собственные ноги не вызывали в ней ничего, кроме отвращения, потому что были облеплены пластами желтой грязи, столь липкой и приставучей, будто это была не грязь, а резиновый клей.

За заборами безумствовали собаки, но в последний момент их нервы не выдерживали, и, поджав хвосты, они кидались прочь.

Слева впереди показалась дача, где убили Сергея.

Она была угловой, здесь от Школьной отходил переулок.

Ольга и Катя не заметили, что в переулке, шагах в ста от того места, где он вливался в Школьную, стоят два человека — Виктор и Владимир. Но Лидочка их увидела и сбилась с шага. Ольга почувствовала неладное и тоже повернула голову направо. И все втроем, не оборачиваясь, кинулись бежать по улице.

До Ольгиной калитки оставалось сто шагов.

Они ворвались туда, Ольга задвинула засов.

Они пробежали в дом.

— Что будем делать? — спросила Катька.

— Надо прятать, — сказала Ольга.

— Я отнесу в милицию, — сказала Лидочка.

— Ой, и не думайте! Этот мордоворот все погубит! Ты знаешь, как он Толика не выносит. А меня тем более.

— Он Витю посадит, — заревела Катя.

— Твой Витя, — резко заметила Лидочка, — спит и видит, как бы нас всех перерезать.

— Он в прошлом году авиамоделизмом занимался! — возразила Катька.

— Хорошо, и что же вы предлагаете? — спросила Лидочка.

— Прежде всего забаррикадироваться, — сказала Ольга.

К счастью, здравый смысл ее не покинул.

Оставляя с каждым шагом желтые пятна глины на половицах, они с Катей закрыли окна и двери.

— Теперь им придется ломиться, стекла бить, — сказала

Ольга. — До темноты мы должны спрятать улики, — сказала Катька. — И в таком месте, чтоб сколько меня ни пытали, я бы им говорила, не знаю!

«Так, — подумала Лидочка, — нам только пыток не хватало!»

— Сначала давайте вымоемся, — сказала Ольга. Она была в своем доме, и потому к ней вернулась рассудительность отличницы. — Без этого нам из дома не выйти. Кто первый?

— Пускай тетя Лида, — сказала Катька. — Все-таки она гостья и подводница-доброволец.

Лидочка послушалась и первой отправилась под душ.

Она старалась мыться как можно скорее, но пришлось соскрести с себя столько грязи, что Лидочка смогла управиться только минут через двадцать.

— Господи, — сказала Катька, увидев ее после душа в чистом городском платье. — Разве бывают на свете такие красивые женщины?

Сама она запачкалась умеренно и потому отправила в душ второе чудовище — собственную мать. И показала Лидочке найденные улики, уже вымытые на кухне под рукомойником и аккуратно разложенные на столе вместе с добычей, принесенной раньше Виктором.

На столе, с которого Катя сняла скатерть, лежали: транзистор, электронный будильник, видео, серебряный портсигар с изображением коня в подкове, а также пистолет, марки которого никто не знал и сколько патронов в нем осталось — тоже было неизвестно.

Лидочка осторожно по очереди поднимала вещи и рассматривала их. Вещи как вещи. Внутри портсигара осталось шесть размокших папирос. Странно, кроме Нины Абрамовны, никто папиросы в портсигаре не держит. Кстати, какой был портсигар у Нины? Лидочка вспомнила, как глядела на него. Точно такой. Значит, Нина забыла портсигар, когда уезжала в воскресенье вечером. А убийца в темноте, спеша инсценировать ограбление, хватал, что под руку подвернется, и заворачивал в плед. Вот и попал туда портсигар.

Из душа вышла Ольга.

— Я потом помоюсь, — сообщила она. — Только первую грязь сняла и уже сток засорила. — Этих не видели?

— Нет, — сказала Лидочка и обернулась к Кате.

— Они мимо проходили, — сказала девушка, — посмотрели на наш дом. Витька кулак показал, а я от окна отпрыгнула.

— Давно проходили?

— Только что.

— Значит, дежурят. Будут штурмовать, — сказала Ольга. Видно, она об этом думала, пока была в душе. — Значит, нам надо улики унести. Лидочка, это твое дело.

— Почему мое?

— Ну мы же обсуждали! Унесешь и спрячешь, где хочешь. Только чтобы мы не знали. Если нас будут пытать, мы ничего не скажем. Не знаем, и все.

— Странный способ спасать мучителя Виктора от тюрьмы, — заметила Лидочка.

— Я лучше знаю, — сказала Ольга. — Пока время до темноты есть, беги.

— Куда?

— Не знаю. Улики должны попасть к Толику. Из твоих рук.

Лидочку охватило безнадежное чувство. Возле ее фамилии в классном журнале остановился безжалостный палец учителя, и его тонкие губы уже готовы ее произнести. Придется идти к доске...

— Катька, выгляни наружу. Но осторожно, — сказала Ольга.

Она сама уложила вещи в сухую сумку. На прощанье велела Лидочке как следует промыть на ночь волосы. Потому что грязь страшно въедливая.

Катька, которая глядела через забор, укрывшись в малине, крикнула:

— Никого не видать!

— Лучше бы видать, — сказала Ольга. — Тогда знаешь, с какой стороны ждать опасность. Давай я на улицу выйду, стану их отвлекать.

— Осторожнее, мама, — встревожилась Катя. — Вон они! Из-за угла выглядывают!

— Это мне и нужно, — сказала Ольга.

Она пошла во двор, кинув Лидочке на прощанье:

— Через три минуты после меня выходи из калитки направо и шагай к станции.

Сама же Ольга, как была в сарафане и босоножках, выскочила из калитки и, набирая скорость, пропала налево.

Лидочка взглянула в зеркало. Остатки желтой глины в мокрых волосах можно в счет не принимать. Платье на ней было свое, чистое, она оставляла его в доме, но босоножки влажные, отмытые кое-как.

Лидочка мысленно досчитала до ста и услышала голос Катьки:

— Тетя Лида, беги!

Как львица, услышавшая выстрел хлыста — команду бежать на манеж, — Лидочка рванулась на улицу.

Выйдя, не удержалась — оглянулась. Довольно далеко, у поворота на шоссе, Ольга размахивала руками, отвлекая от Лидочки братьев.

Лидочка побежала в другую сторону, повернула на широкую улицу, ведущую к станции, и направилась по ней мимо Дома художника и хозяйственного магазина. У переезда ей пришлось пропустить товарный поезд. Под грохот колес она обернулась — по шоссе в ее сторону бежали две, пока небольшие, но целеустремленные фигурки — Витя с Владимиром. Конечно, они сделали выводы из встречи с Ольгой. Теперь Ольге и Катьке пытки не грозили. Погоня устремилась за своей жертвой. Братья сообразили, а может, спасая дочь от пыток, Ольга сообщила негодяям, что ценности упесла московская гостья.

Товарняк казался Лидочке бесконечным. Она крутила головой, отмечая приближение грабителей. Теперь путь к Глущенкам, где она намеревалась спрятать улики, был неприемлем. Братья ее настигнут на полдороги.

Едва промчался, подбрасывая зад, последний из вагонов. Лидочка побежала налево, к станции. Между нею и братьями еще оставалось метров триста.

Она догнала девушку в красном костюме, спокойно шедшую к платформе, и спросила ее:

— Электричка скоро?

— Сейчас придет, — ответила девушка.

Лидочка добежала до середины платформы, где на нее ве-

ла лестница, как раз, когда там затормозила электричка. Должно же человеку хоть раз повезти!

Но вместо того чтобы кинуться в электричку, Лидочка нырнула под платформу, в густой, придавленный бетонными плитами платформы кустарник. Снаружи эта чащоба была непроглядна.

Она присела на корточки в душной чащобе кустарника. Вокруг валялись сброшенные с платформы баллоны из-под воды, пивные банки и обертки от жевательной резинки. К счастью, ничего паршивее, чем сухой мусор, поблизости не было.

Лидочке были видны колеса электрички, замедлявшие обороты возле платформы. Вот они остановились. Над головой заскрипели, раскрываясь, двери. Наступила тишина. Люди входили в поезд.

Рядом протопали быстрые шаги. Так-так-так — простучали они по лестнице.

— Скорее! — завопил Виктор.

— Ничего, успеваем, — ответил Владимир. — Не уедет, стерва!

Двери электрички скрипя закрылись. Качнулись, стали поворачиваться и завертелись железные колеса. Все быстрее и быстрее, грохот возрос до невыносимого — хотелось зажать уши... — и вдруг оборвался. Стало светло — была видна противоположная платформа и рельсы, еще дрожащие от умчавшегося поезда.

И тут, таясь под платформой и слушая, как жужжат мухи, Лидочка отчетливо вспомнила, как Нина Абрамовна стоит на платформе, вечером в воскресенье, рядом с ней — Сергей. Она вынимает из сумки тот самый портсигар с конем и достает из него папиросу... Память не могла подвести Лидочку. Нина не забывала портсигар на даче. Она взяла его с собой.

В предвечернем воздухе был слышен лишь неясный гул удаляющейся электрички. И ни голоса, ни кашля, ни вздоха — все, кто хотел, уехали в Москву. И ее преследователи тоже уехали.

Сейчас они идут по вагонам. Наверняка идут по вагонам, разделившись, чтобы не упустить добычу.

Электричка, наверное, пуста или почти пуста, и они на-

деются, что можно вырвать сумку у женщины и выскочить на следующей станции.

Лидочка осторожно выбралась из-под платформы и не стала испытывать судьбу — она пошла к Глущенкам кружным путем по узкой улочке.

Глущенки были рады неожиданной гостье. И конечно же, заинтересованы сумкой, которую она притащила. Они жаждали узнать о новостях в деле о смерти Сергея.

Сначала Лидочка не хотела втягивать их в историю своих поисков улик в грязи и бегства от братьев-разбойников. Но нельзя же долго таиться от приятелей, к которым ты прибежала в поисках убежища! Если не Глущенкам, то кому же рассказать?

Пока Итуся готовила чай, Лидочка поведала о всех последних событиях — от похорон и поминок до сегодняшних приключений. Потом они разложили улики, и Итуся без колебаний опознала портсигар Нины и тоже вспомнила, как та доставала из него папиросу тем вечером на платформе.

Это открытие привело их к обсуждению характера Нины, ее жизни с Сергеем и возможной роли в его смерти. Казалось бы, кто может быть дальше от подозрений, чем Нина? Но вспомните слова ее, что легче убить человека, чем оформить документы на его смерть? И что это за совместные имущественные дела? Почему ей надо было спешить к нотариусу? Может быть, Сергей оставил завещание? У нас, в стране победившего и побежденного социализма, завещаний не оставляют, а если надумают кого-то убить из-за квартиры или огородного участка, прекрасно обходятся и без нотариуса...

У кого можно спросить о портсигаре? У самой Нины? И вызвать этим в ней подозрения? Чтобы она начала заметать следы? К тому же не исключено, что ее портсигар попал в траншею случайно...

— Какая такая может быть случайность! — закричал Глущенко, которому надоели сложные рассуждения женщин. — Портсигар едет в одну сторону и попадает в траншею в другой стороне. Легче поверить в существование двух одинаковых портсигаров.

За окнами стемнело. И хотя братья Виктор и Владимир не могли заподозрить, что Лидочка скрывается в Челушенской,

лес на участке казался недобрым. Итуся закрыла окна и шторы на веранде, объяснив это тем, что на свет летят комары. Но, вернее всего, и ей ночь показалась враждебной.

Лидочка стала собираться домой, но, конечно же, Глущенки ее не отпустили, и она легко позволила себя уговорить.

Они долго не спали, смотрели телевизор, порой вспыхивал разговор об убийстве и злополучном портсигаре, но Женя переводил его на другое, чтобы не тревожить женщин, как он выразился, перед отходом ко сну.

Утром Лидочка проснулась от пения птиц и барабанной дроби солнечного грибного дождя по листьям. Глущенки уже поднялись, сумку с уликами они спрятали в чулане, заставив банками с краской и завалив тряпьем. Там улики должны были таиться до следующего утра.

Утренняя электричка была битком набита. Женя проводил Лидочку и сказал на прощанье:

— В семье Глущенко стало доброй традицией провожать Лидию Берестову на утреннюю электричку.

Братьев-разбойников не было — наверное, они спят, устав от поражений. И все же Лидочка не могла отделаться от неприятного чувства беззащитности: она все поглядывала на дверь вагона, и, как назло, в вагон входили молодые люди, однотипные с Владимиром или Виктором, настолько похоже одетые и остриженные, что Лидочке хотелось спрятаться под лавку. И все же это нервное путешествие закончилось благополучно.

В половине девятого Лидочка добралась до дома.

Из окна была видна пустая воскресная улица. Над крышами громоздились грозовые тучи.

Умывшись на этот раз как следует, Лидочка могла сказать себе, что теперь на ней не осталось следов желтой грязи. Позавтракав, Лидочка принялась выполнять программу, обговоренную вчера вечером с Глущенками.

Сначала она позвонила Марине Котовой.

Та работала дома.

Лидочка не хотела говорить ей больше, чем было необхо-

димо. Зачем втягивать человека в события, и без того уже ее задевшие? Но Лидочке требовалось узнать о портсигаре.

Марину нетрудно было разговорить — все, связанное со смертью Сергея, ее интересовало. Поболтав о жизни в издательстве и вновь выслушав о нежелании Марины ехать на допрос к Толику, Лидочка как бы невзначай заметила:

— А Нина меня удивила. Я с ней давно не виделась, конечно, но мне кажется, что она сильно изменилась.

— Ничего удивительного! В ней всегда сидела командирша, — ответила Марина. — Ей бы командовать взводом в женском батальоне, который охранял от большевиков Зимний дворец. В жизни бы они его не взяли.

— Она любит власть?

— Она ушла от Сергея только потому, что не смогла его сломить. Он должен был быть рядовым в ее взводе. Кому-то это нравится, но Сергей был слишком штатским человеком.

— Теперь у нее есть свой взвод. Лицей.

— Не хотела бы я отдать своего сына в этот кадетский корпус, — согласилась Марина. — Наверное, она по утрам их выстраивает и проверяет ногти и уши. — Она засмеялась.

— Нина даже свой внешний вид подгоняет под эту роль, — заметила Лидочка.

— Конечно! Ты обратила внимание на ее портсигар! В каком антикварном магазине она его раскопала? И папиросы «Беломор»! Ты заметила? Разве такие папиросы еще производят?

Именно это и требовалось. Как хорошо, что Марина сама заговорила о портсигаре!

— Я заметила портсигар, но не придала ему значения, — сказала Лидочка.

— Странно. Ты с твоей наблюдательностью...

— Мне это показалось столько забавным. Пижонство дамы.

— Любой психиатр скажет тебе, что портсигар с папиросами — способ сублимации. Подсознательно она всю жизнь страдала оттого, что не родилась мужчиной.

— Он, наверно, дорогой?

— Ты о чем?

— О портсигаре. Меня он удивил — причем тут лошадиная голова?

— Думаю — случайно, какой попался. Но он должен прилично стоить. Мне он показался серебряным.

— В любом случае его жалко потерять. Второго такого не найдешь.

— Разумеется, — ответила Марина. — В любом случае она его бережет. Когда мы ехали в электричке домой, она его при мне сунула в кожаный кисет, клянусь тебе! И положила на самое дно сумочки. А когда я спросила ее, неужели ей нравится изображать грузчика с папиросой, она лишь улыбнулась снисходительно — знаешь, как она умеет улыбаться? — и ответила, что портсигар — подарок одного близкого человека. Думаю, врет. Купила в антикварном!

— Ой, — сказала Лидочка, — тут ко мне звонят в дверь. Кто-то пришел. Мариночка, будь дружком, позвони мне завтра, как вернешься от Анатолия Васильевича. Тебе во сколько надо быть?

— К двенадцати тридцати. Ой, как не хочется ехать! Я даже горло в зеркало рассмотрела. Думаю, а вдруг красное, тогда я врача вызову, бюллетень возьму...

Марина смущенно засмеялась и повесила трубку.

Лидочка сидела возле телефона, размышляя. Итак, портсигар берегли, портсигар был якобы подарен каким-то близким человеком. И, главное, портсигар был у Нины, когда они ехали с Мариной в электричке.

Теперь согласно сценарию, разработанному с Женей Глущенко, следует позвонить Нине. И прежде всего спросить, почему она курит папиросы... Нет, не хочется! Лидочка поняла, что не будет звонить Нине.

Почему мне больше всех надо? Я тихий человек, я не люблю лазать в траншеи за пистолетами и скрываться под платформами. Если у Нины пропал портсигар, пускай с этим разбирается Толик... Тебе-то что?

Но Лида знала — ей до этого есть дело. Ей было жалко слонопотама Руслана. Она ему верила, верила, что он не стрелял в Сергея. Ей очень не хотелось, чтобы Руслана арестовали и посадили в тюрьму за убийство, которого он не совершал.

«Хорошо, — сказала себе Лидочка. — Я честная законопослушная гражданка. Если Руслану будет грозить опасность, я скажу Толику о портсигаре. Если же Руслана не заподозрят, пускай все останется как есть...»

Глава 8

Лидочка уже начала привыкать к поездкам в Челушинскую. К бессмысленным толпам на площади перед вокзалом, к потокам потных оголтелых дачников с лопатами, мешками и досками, к торговкам батонами, крабовыми палочками, водкой и разогретыми цыплятами. Схватив билетик, Лидочка неслась в переполненную электричку, потому что две следующие будут отменены по техническим причинам. В вагоне тебе достается место на лавочке с содранным поролоновым сиденьем — едешь на уголке фанерки и по тебе ступают непрерывно движущиеся по проходу тетки с сумками и тележками, а также продавцы газет и мороженого.

Ты добираешься до Челушинской, еле живая от духоты и толчеи, и находишь в себе жалкие остатки сочувствия к тем, кому добираться до места еще час. Платформа раскалена — зачем нам такое жаркое лето? Когда это кончится и начнется обычная дождливая и холодная погода, которую можно проклинать, наслаждаясь прохладой?

Еще десять минут ходьбы по жаре, правда, не столь удушливой, как в Москве, и ты оказываешься на пыльной площадке, ограниченной с одной стороны помойкой, с выстроившимися в ряды баками, среди которых бродят кошки и собаки, с другой — продовольственным магазином, с третьей — типовой девятиэтажкой, первый этаж которой занимает милиция.

Конечно, Лидочка могла бы, сойдя с электрички, повернуть налево, забежать к Глущенкам и взять сумку с уликами, но ей хотелось сначала выяснить обстановку, да и страшно было ходить с такой взрывчатой сумкой по поселку.

Уже возле милиции Лидочка пожалела, что не зашла по пути к Ольге. Мало ли что могло случиться за ночь? Она остановилась в нерешительности, но тут ее колебания были прерваны Толиком, который окликнул ее сзади:

— Доброе утро, Лидия Кирилловна. А я вам уже звонил!

Он нес в руке прозрачный пакет, в котором покачивался батон и упаковка кефира.

Перехватив взгляд Лидочки, Толик добавил:

— В такую жару главное — кефир. Холодит и восстанавливает силы. Я тут слышал по телевизору, что в него сатанисты добавляют алкоголь, чтобы споить русский народ, а вы как думаете?

— Я так не думаю, — сказала Лидочка, которой не хотелось вдаваться в политические дискуссии с милиционером.

Толик ступал легко, и видно было, какое у него крепкое, сытое, упругое тело. От жары его черные волосы завивались кудрями, но это не красило его, а, наоборот, портило, потому что кудри лишь подчеркивали грубость черт.

— Правильно, не надо так думать, — согласился Толик. — А где пистолет?

Он уже знает.

— Я могу его принести. Но мне хотелось, чтобы вы пошли со мной.

— Ну вы прямо на глазах набираетесь ума! Правильно! Я же для чего вас ждал? Чтобы пойти и оформить изъятие! Где ствол?

— Я вас отведу.

— Значит, и мне не доверяете?

— Я всем доверяю. Но я не привыкла к таким ситуациям и не хочу подводить людей.

— Тогда подождите меня... — Тут Толик что-то вспомнил и неожиданно произнес: — Подождите меня у Ольги. Она сегодня в библиотеку не вышла. Я за вами зайду.

— У Ольги?

— А чего тут такого? Вы к ней еще не заходили? Поздоровайтесь, чайку попейте. Я о ваших приключениях с интересом слушал.

Он скрылся в милиции. Лидочка покорно пошла обратно, к Ольге.

Калитка в доме Ольги была заперта. Лидочка нажала на кнопку звонка. Ольга вышла на крыльцо сразу, словно ждала Лидочку за дверью. Она была в застиранном, тесном халате, на голове косынка, которая горбатилась изнутри колбасками бигуди.

— Наконец-то, — обрадовалась она. — Я уж хотела на почту бежать, звонить в Москву. Откуда мне знать — живая ты или зарезанная. А может, сама кого застрелила. Шучу, шучу, я знала, что с тобой все в порядке.

Ольга улыбнулась, в улыбке было облегчение.

Они прошли на веранду.

— А где Катя?

— В Тарасовку, к подруге побежала. Не думай, я ее до станции проводила.

— А эти? Эти не приходили?

— Нет, не приходили. Но мне одна птичка на хвосте принесла, что они в субботу вечером в Мытищах с электрички сошли и напились там. Видно, за кем-то гнались, но не догнали. Я специально спрашивала — не было ли у них с собой сумки. Говорят, ничего не было.

— А где они сейчас? — спросила Лидочка.

— Об этом мы скоро узнаем, — загадочно ответила Ольга и пошла ставить чайник.

— Расскажи, как ты доехала, где пистолет спрятала? — спросила она, вернувшись с кухни.

— Пистолет я у Глущенок оставила.

— Вот умница! Жаль, я не догадалась, а то бы их навестила.

Лидочка с удовольствием, вспоминая смешные детали, рассказала, как вчера пряталась от братьев-разбойников, и ей самой это приключение уже казалось смешным, потому что прошлый ужас куда-то испарился, страх погони пропал — осталась смешная история о женщине, которая сидит на корточках под платформой, а преследователи, как в комедии, носятся вдоль поезда, а потом вскакивают в него и уезжают. Ольга тоже смеялась и готова была начать воспоминания о совместном купании в траншее, но тут на кухне засвистел чайник, и она побежала заваривать чай.

На столе, покрытом розовой клетчатой клеенкой, стояла прикрытая от ос банка с медом, лежала нарезанная булка, три чашки. Ольга ждала Лидочку и кого-то еще. Катю?

Нет, оказалось, что не Катю.

У калитки позвонил Толик. В руке он держал большой черный портфель.

Конечно, для Ольги Толик был не просто знакомый. Ли-

дочка могла бы поклясться, что когда-то у них был роман. И хоть он давным-давно миновал, от него осталась неосознанная для них самих нежность в интонациях.

Толик подтолкнул Ольгу в плечо.

— Веди, — сказал он, — обещала чаем напоить.

— Ну и как? — спросила Ольга Толика, пока они шли по дорожке между флоксов к веранде. — Поговорил?

— Поговорил, — сказал Толик, потирая руки. — Они, голубчики, только глаза продрали, а я к ним с государственным визитом.

Лидочка, которой с веранды был слышен этот разговор, догадалась, что речь идет о братьях-разбойниках.

Толик поднялся по скрипучим ступенькам на веранду.

— Я их в последний раз предупредил, — сказал Толик. — Витьку мне, в отличие от тебя, не жалко. Рано или поздно он попадется.

— Испугались? — спросила Ольга.

— Честно говоря, я пожалел, что табельное оружие не захватил. Но я им прямо сказал: все ваши субботние дела мне известны. Если хоть один волосок упадет с головы Ольги, Катьки или Лидии Кирилловны, вы у меня загремите в места, не столь отдаленные. Немедленно!

— А они?

— Они огрызались. Ведь они хоть и дураки, но не идиоты. Теперь в их интересах самим вас и днем и ночью охранять. Даже если ты споткнешься и ногу подвернешь, подозрение на них падет.

Толик поставил портфель на свободный стул, уселся за стол, открыл банку с медом и засунул в нее большую ложку.

— Где брала? — спросил он.

— Из Чувашии привезли, — сказала Ольга.

— Обо мне не подумала, — укорил ее Толик. — Ведь у Людмилы меда не допросишься.

— Знаю, — вежливо улыбнулась Ольга. — Потому я тебе и не взяла.

Толик помолчал, переваривая информацию и заключенную в ней иронию. Тяжело вздохнул. Потом сказал:

— Не люблю работать с интеллигенцией. Неустойчивая у вас нервная система.

Он пил чай манерно, отставив мизинец. Завиток прилип ко лбу.

— Спасибо, — сказала Ольга, — что сходил к братьям.

— Это мой долг, — ответил Толик.

Видно, он любил мед, он зачерпывал его прямо из банки. Перехватил взгляд Лидочки и сказал:

— В меде содержится много калорий. Особенно в настоящем. Вы ешьте, вам пополнеть полезно, — сказал он.

— Любит он нас, полных, — сказала Ольга. И за этими словами, и за тем, как отвернулся к саду Толик, скрылась местная драма, может, не менее напряженная, чем та, которая привела к смерти Сергея. Повернись все чуть-чуть иначе, и лежал бы у себя дома мертвый Толик или Василий-мордоворот. Хотя таких тоже не убивают... Привяжется ведь фраза, как мелодия какой-нибудь пошлой песенки!

Толик посмотрел на часы и сказал Лидочке:

— Далеко ваша захоронка?

— Минут десять ходьбы, чуть больше, — сказала Лидочка.

— Ясно, в поселке старых большевиков у ваших знакомых супругов Глущенко, — сказал Толик, будто решил задачу. — Вы провели у них ночь убийства. Не знаю даже, что лучше, взять «газик» в отделении или так дойти?

— Взять «газик», — сказала Ольга. — Что ты будешь Лидочку по такой жаре тащить? И безопаснее.

— Ясно, — сказал Толик. — «Газик» с утра в Пушкино уехал. Пойдем пешком.

— Тогда чего голову морочишь! — рассмеялась Ольга.

— Пошли, — сказал Толик. — А то у меня на двенадцать тридцать назначена гражданка Котова, Марина Олеговна. Вы с ней знакомы?

— Разумеется, — сказала Лидочка. — Вы же нас вместе видели.

— Я ее раньше допросить не успел, а ведь в этот вечер она с вами была.

Ольга проводила их до калитки и заперла ее.

— Ты не бойся, — сказал Толик, — я их крепко предупредил.

— Их уже сколько раз предупреждали, — не согласилась Ольга. — Скоро пойду Катьку на станцию встречать.

— Нельзя жить в страхе перед преступными элемента-

ми, — заявил Толик. — Они чувствуют свою силу и еще больше распоясываются.

— Они и без этого распоясались.

— В других местах хуже, — сказал Толик.

Они пошли к станции.

Шли быстро. Толика поджимало время, а жару он игнорировал, только голубая курточка на спине потемнела от пота. Портфель легко покачивался в руке.

— Сначала меня эта история не заинтересовала, — сказал сыщик. — Мне показалось, что и в самом деле на дачу залезли с целью ограбления. Я всегда иду по самому обыкновенному пути. Необыкновенные дела в практике почти не случаются. И лучше, чтобы не случались. Теперь мне из-за вас придется снова с Василием собачиться, потому что он у вас вещдоки не принял. А что он мог сделать? Он дежурный по отделению, народу свободного нет — кто в отпуске, а кто больной. И тут вы — ах, вещдоки! Да в гробу он видел ваши вещдоки...

— Лучше бы их не было?

— Для всех лучше, чтобы их не было. Тогда закрываем дело и идем в отпуск.

Прямое узкое шоссе упиралось в переезд. Издали было видно, что переезд закрыт и у шлагбаума стоит небольшая очередь автомобилей. Пролетел пассажирский поезд в Воркуту или в Котлас. В окнах виднелись белые занавески.

— А теперь? — спросила Лидочка. — Теперь дело нельзя закрыть?

— Теперь я задумался, — сообщил Толик. — Потому что дело стало неординарным. Если бы я был детективным писателем, я бы уже подготовил бумагу и карандаш.

— А что вы будете делать с Русланом?

— С Киренко? Я еще не решил. Все улики указывают на него.

— Не спешите, — сказала Лидочка, — вы новых улик еще не видели.

— Но версию с грабителем они нам уже загробили, — сказал Толик. Непонятно, расстраивался он или притворялся расстроенным.

— Да уж, — согласилась Лидочка, — грабители не кидают в траншею видео. А вот тот, кто хочет показаться грабителем, может и кинуть.

— Два часа ночи, — торжественно произнес Толик, словно старался представить себе эту сцену, — человек, только что убивший Спольникова, выбегает из дома. В руке у него плед, в котором завязанные вещи... А что, если он их нечаянно в траншею уронил?

— Толик! — взволновалась Лидочка и осеклась. Нельзя же называть Толиком капитана милиции, если он такого права не давал.

— Ничего, — великодушно заметил Толик. — Вы старше. Вам можно. Я же понимаю, вы не сама — Ольга меня так называет. А у меня с Ольгой особые отношения. Называйте меня Толиком, только не на людях, хорошо?

— Извините.

— Я продолжаю. Откидываем версию о том, что убийца просто все уронил в траншею, как наивную. Потому что он, вернее всего, сразу полез бы доставать. Тем более что ночью не догадаешься, какая там грязь. Ладно, берем нормальную версию. Убийца бежит ночью к станции. Уведел траншею, кинул туда узел... значит, непрофессионал.

— Почему?

Они свернули на узкую тенистую улицу. Здесь, в поселке старых большевиков, стоял высокий сосновый лес, не то что редкие деревья в поселке по ту сторону.

— Почему? Потому что профессионал придумал бы место получше, понадежнее.

— Какое?

— Надо думать. Подумаю — скажу.

Лидочка сомневалась, что глубокой ночью можно было найти место лучше, чем траншея, но не стала мешать Толику рассуждать.

— Значит, мы имеем на руках убийство из жадности, из ревности, из ненависти — полный букет. Надо найти, кто ненавидел Сергея Романовича больше всех. Достаточно, чтобы убить.

— Вы все-таки думаете, что Руслан?

— Я уже звонил в милицию по месту проживания Руслана Киренко, чтобы его задержали.

— Жалко.

— Мне тоже жалко. Но я не могу рисковать. А что, если

он, чтобы покрыть преступление, убьет еще кого-нибудь? Вдруг вас убьет, потому что вы много знаете?

— Я ничего не знаю, Анатолий Васильевич.

— Какой я вам Анатолий Васильевич? Договорились же!

Впереди показался забор дачи Глущенок. По улице к ним несся Пуфик, которому, видно, не было жарко, несмотря на густую курчавую шерсть.

— Это ихний пес, — сказал Толик. — Как вы думаете, он не кусается?

— Вы боитесь собак?

— Меня одна в детстве укусила. С тех пор опасаюсь.

Лидочка подхватила подбежавшего Пуфика на руки. Он был горячим и часто-часто дышал.

В калитку выглянула Итуся.

— Вот ты где, негодяй! — сказала она укоризненно. Толик вздрогнул. — Ах, здравствуйте! Вы — следователь? Вы за пистолетом пришли? Скорее, скорее. Женечка совсем не спал, он за меня боится.

Итуся поспешила вперед.

Со второго этажа солнечный зайчик ударил Лидочке в глаз — у открытого окна стоял Женя и смотрел в бинокль.

С чувством глубокого облегчения Итуся стала готовить чай. Лидочка отказалась — в такую-то жару. Толик с тоской поглядел на большую банку меда, выставленную Итусей на стол, словно она знала о слабости капитана.

— Вас ждут дела, — напомнила Лидочка.

— Тогда за дело, — ответил Толик и уселся за стол. Из портфеля он достал листы бумаги. — Будем писать протокол об изъятии.

— В чем дело? — Женя надел очки.

— Вы сдаете мне пистолет, хранить который не имеете права. Вы должны письменно объяснить, каким образом он попал к вам. Вкратце.

— Мне тоже писать? — спросила Лидочка, чтобы ее друзья не чувствовали себя покинутыми.

— Вы у меня в отделении отчитаетесь, — строго ответил Толик.

Пока Глущенки писали объяснительные записки, сидя рядом за столом и порой подглядывая в сочинения друг друга, чтобы списать, Толик все же выпил чашку чая с медом.

Похвалил. Лицо у него было красное, распаренное от влаги, пот лился градом, но Толик этого не замечал. При этом он ел мед ложкой из банки. Когда деликатная Итуся попыталась всучить ему банку с медом в подарок, он отказался, сообщив, что у его жены Людмилы на мед аллергия и это его семейная драма.

Глущенко принес сумку, они по одной вынимали из нее вещи и раскладывали на столе, отогнув скатерть.

— Это что за предмет? — спросил Толик. — Зачем его тащили?

— Портсигар, — ответила Лидочка, словно Толик никогда не видел портсигаров.

И тут же подумала — сейчас он спросит у Глущенок, видели ли они его раньше, и они, конечно же, скажут, что видели его у Нины. Бедная Нина!

Но Толик почему-то не спросил. Он проверил короткие списки, составленные «хранителями», прочел их одинаковые показания и сказал, что пора бежать. Спасибо за помощь следствию. Наверное, если бы не близкое свидание с Мариной, он бы задал вопрос о портсигаре. А так судьба опять улыбнулась Нине.

На обратном пути в милицию Толик начал рассуждать о писателях. Оказывается, он им завидовал. И если бы не стал капитаном милиции, обязательно бы выучился на писателя. Вот, например, вся эта ситуация, как бы ее здорово можно было расписать! А в самом деле Сергей Романович был писателем? Нет, я не имею в виду научно-популярные книги. Писатель — это который пишет романы. Ну, в крайнем случае, рассказы.

— Сергей написал роман.

— Чего же вы раньше молчали. Большой роман?

— Марина вам расскажет. Она его читала, она редактор романа. А я не знаю.

— Как же вы не спросили? — Толик был потрясен равнодушием Лидочки. Если бы у него не были заняты обе руки, он бы всплеснул ими.

— А не думала, что его убьют. А так неловко спрашивать.

— Я спрошу Марину Олеговну про роман... Так вы говорите, что Спольников раньше романов не писал?

— Нет.

— А в пятьдесят лет написал?

— В пятьдесят лет.

— И хороший роман?

— Толик, спросите об этом у Марины Олеговны! — Толик не скрывал своего разочарования.

— Человек написал роман! Может быть, всю жизнь к этому готовился? — выговорил Толик Лидочке. — А вы — ноль внимания. Может, он погиб из-за этого романа! Бывает же так — человек открыл в романе жгучую тайну, а его за это — б-ззк! Знаете, сколько тайн и секретов в писательской среде! Вы не представляете. Откройте «Совершенно секретно» или «Криминальную хронику». Там в каждом номере кого-то разоблачают.

— Вы думаете, что роман — это нечто вроде доноса?

— Шутку понял. Роман — это откровенность. А откровенность бывает опасной.

К милиции они опоздали минут на десять.

У входа в прогретой тени маялась Марина Котова. Она издали увидела их и побежала навстречу, причем тут же выяснилось, что обижена она на Лидочку.

— Ну сколько можно! — сказала она. — Я уже полчаса жду. Здесь страшные собаки!

— Собаки? — удивился Толик.

Все обернулись к помойке. Собаки безмятежно спали возле баков.

— Извините, Марина Олеговна, — сказал Толик. — Мы за вещдоками ходили, задержались, пока оформляли. Я вас долго не задержу.

— Вот уж надеюсь, — согласилась Марина, продолжая обижаться. — Вы меня оторвали от дел.

— Я знаю, Лидия Кирилловна говорила, — согласился Толик, — что вы редактируете роман Сергея Романовича. Мне это очень интересно.

— Что вам интересно? — не поняла Марина.

Ее тонкие брови поднялись домиками, на щеках вспыхнули красные пятна. Зря она надела костюм — это солидно, но не по погоде.

— Мне интересно все, что касается художественной литературы, — с ходу рубанул Толик.

Марина еще не знала его и потому заподозрила иезуитскую хитрость. На самом же деле Толик был искренен, как никогда.

— Пошли, — сказал он, пропуская Марину вперед, но совершенно забыв о Лидочке, которая вошла в милицию последней. Может быть, это была месть за то, что Лидочка совсем не интересуется романом Сергея Романовича. Потому что на самом-то деле Толик о Лидочке не забыл. Когда они оказались в душном коридоре, он сказал:

— Лидия Кирилловна, вы подождите, пока я Марину Олеговну устрою. Вы сюда заходите, здесь пусто. Подробно напишите о всех субботних обстоятельствах. Подробно!

Голос Толика был строг. Наверное, строгость эта объяснялась не только его разочарованием в Лидочке, но и присутствием чужого человека, Марины.

Толик указал Лидочке пустую комнату, где ей надлежало описать вчерашние подвиги. А сам уединился в другой вместе с Мариной.

Лидочка начала описывать подвиги и вскоре обнаружила, что пишет особым казенным языком, к которому никогда прежде не прибегала.

Творчество заняло у нее, наверное, около получаса. Никто ее не беспокоил. Забранное решетками окно было открыто. Скучно жужжали мухи. За окном в песочнице возились малыши. Низко пролетел самолет, жужжа, как муха.

Через полчаса в комнату заглянули Толик и Марина.

Марина оказалась всклокоченной и замученной, хотя прическа и косметика были в порядке: видно, ее состояние выражалось в движении глаз и рук. Ей было так жарко в выходном костюме, что лицо побледнело до мучного цвета.

— Вы закончили, Лидия Кирилловна? — спросил Толик.

— Да.

— Сейчас я почитаю.

— Я свободна?

Лидочке, с одной стороны, было любопытно узнать, о чем говорил с Мариной капитан, с другой — не настолько любопытно, чтобы возвращаться с ней вместе по жаре и вести разговор, когда даже язык размяк и с трудом слушается. Эту проблему за Лидочку решил Толик.

— Марина Олеговна пусть едет, а вам, Лидия Кирилловна, придется задержаться. У нас разговор еще не кончен.

— Жаль, — произнесла Лидочка.

Марина из-за спины Толика пожала плечами и развела руками, показывая, что характер Толика оставляет желать лучшего.

Толик сделал вид, что ничего не происходит. Хотя Лидочка знала, что у него глаза на затылке.

— Спасибо, Мариночка!

Толик будто с трудом дождался ухода Марины, сразу шагнул к Лидочке, как Отелло к Дездемоне, и хрипло спросил:

— Значит, вам неизвестно, кому принадлежит портсигар?

— Вы меня не спрашивали.

— Еще как спрашивал. И Глущенко спрашивал!

Если он и не спрашивал, то теперь был убежден, что Глущенко и Лидочка скрывают от него важную для следствия информацию.

— Почему вы скрыли от меня, что портсигар принадлежит Нине Абрамовне Спольниковой? Почему? Кому это нужно?

— Я не скрывала...

— А я скажу почему! — рявкнул Толик. — Потому что вы как будто из одной компании. Даже если и не знакомы. А я из другой компании, и Василий Верчихин из другой, и Ольга из другой. Ваши знакомые преступлений не совершают, ваши знакомые занимаются науками и искусством. Ваших надо покрывать.

— Толик!

— Не Толик, а Анатолий Васильевич. А сейчас вы, Лидия Кирилловна, возьмете чистый лист бумаги и дадите мне показания, где и при каких обстоятельствах видели этот портсигар.

— Анатолий Васильевич, — возразила Лидочка, стараясь держать себя в руках. — Я не видела раньше этого портсигара. Я не знаю, какой портсигар я видела. Таких портсигаров, может быть, тысячи. Как я могу оклеветать человека.

— Хорошо, тогда напишите мне, где и когда вы видели подобный портсигар. Мне этого достаточно.

— Похожий портсигар?

— Ну чего словами играть? Подобный, похожий, да что вы не говорите, наверное, он один на свете остался. Я же пробу смотрел. Серебро высшей пробы, дореволюционная работа. А вы — тысячи...

— И что же вам сказала Марина Олеговна?

— Ваша Марина Олеговна запищала: «Ой!» Это вам о чем-то говорит?

— Нет.

— А мне говорит. Я перед ней разложил предметы. На пистолет она смотрела, как на пустое место, видео ее не заинтересовало, будильник и приемник — никакого эффекта! Я уж думал — пустой номер. Вдруг при виде портсигара она подскакивает и кричит: «Ой!» Что это значит?

— Ничего не значит.

— Замечательно. Так и запишем. При вопросе о принадлежности найденного в траншее портсигара гражданка Берестова проявила полное равнодушие и отговорилась незнанием.

— Можете так и записать.

— А вот Марина Олеговна под моим легким напором призналась, что ойкнула потому, что видела этот портсигар у первой жены убитого. У Нины Абрамовны Спольниковой. В вечер перед убийством. В том числе и в электричке, когда они ехали в Москву. И я, Лидия Кирилловна, уверен, что и вы об этом знали, но молчали. И если бы не случайное совпадение, я бы тоже остался в дураках. Как вам это нравится?

В гневе Толик был склонен к риторическим вопросам.

— Я не раскаиваюсь, — сказала Лидочка.

— Нет, — возразил Толик, — вы у меня еще раскаетесь!

Дружба закончилась, так и не созрев.

Когда Толик немного остыл, он попросил у Лидочки телефон Нины, а Лидочка заметила вслух, что находка портсигара снимает подозрение с Руслана. Он же не мог догнать поезд и отнять портсигар у Нины.

— Может, и догнал, — возразил Толик. Но неуверенно. Потому спросил: — А что Спольников с первой женой не поделил?

— Вроде бы все поделил, — ответила Лидочка.

— Тогда зачем она к нему на дачу приезжала?

— Спросите ее сами, — сказала Лидочка. — Откуда мне знать! Что-то связанное с нотариусом.

— Дележ имущества часто вызывает острые конфликты, вплоть до преступлений, — заметил Толик. Он немного отошел, но не подобрел. Прежней душевности в отношениях не было. — Жаль, что я с ней не успел раньше поговорить.

— Ситуация осложняется? — спросила Лидочка, стараясь вернуть расположение капитана. Все-таки неприятно, когда на тебя сердятся власти.

— Это даже интересно.

— Ряды подозреваемых ширятся.

Толик ответил не сразу:

— Подозреваемые есть, но мое сердце чует, что все не так просто, как кажется... А вот ваш приятель, в очках, лысый, у которого мы были...

— Глущенко?

— Да, Евгений Александрович. Он не писатель?

— Скорее он ученый.

— Жалко, — сказал Толик. — А то я уж подумал: Моцарт и Сальери! Писатели ведь такие завистливые...

— И Евгений Александрович убил Сергея, чтобы завладеть его рукописью?

— Я так не утверждал. Я думаю вслух.

Такое дикое предположение следовало загубить в корне.

— Даже если бы мой друг захотел убить Спольникова, — строго сказала Лидочка, — он бы не смог завладеть рукописью. Рукопись находится у Марины Олеговны.

— Ну что ж, — не сдавался сыщик. — Они могли вступить в преступный сговор.

— Глущенко с Мариной?

— Ну ладно, ладно... Но если это убийство совершил ваш друг, то жизнь Марины Олеговны находится в опасности.

— Вы серьезно так думаете?

— Нет, я шучу, — сказал Толик. — Потому что у нас есть две улики — пистолет и портсигар. Рукопись подождет.

Распрощавшись с капитаном, Лидочка пошла к станции. Наверное, думала она, в Америке свидетелей в такую жару развозят по домам в «Кадиллаках» с кондиционерами. Впрочем, у свидетелей там есть свои «Кадиллаки» с кондиционерами.

Все замерло. Молчали птицы и даже мухи. Солнце торчало прямо над головой, и Лидочка все время наступала на собственную короткую тень...

Марина Котова вышла из-под большого дерева, где таилась в тени. Она обмахивалась липовой веткой.

— Я уже испугалась, что ты другой дорогой пойдешь, — сказала она.

— Видишь, ты угадала.

Так хотелось побыть одной! Но Лидочка понимала Марину — у той не было опыта общения с сыщиками, и потому ей необходимо с кем-то поделиться переживаниями. А Лидочка сейчас ближе всех подруг и друзей — ее можно и подождать в теньке.

— Я так себя ужасно чувствую, — призналась Марина, подлаживаясь под шаги Лидочки, что было ей сделать нелегко — она относилась к породе семенящих женщин. Ей бы жить в Китае или танцевать в ансамбле «Березка». — Ты не представляешь, что я натворила.

— Представляю, — ответила Лидочка, — ты не вовремя сказала: «Ой!»

— Он тебе рассказал?

— Ничего страшного не случилось, — успокоила Марину Лидочка. — Капитан все равно бы докопался, чей портсигар. Не ты, я бы сказала.

— Меня больше всего тревожит, — сказала Марина, — что на самом деле это может быть не ее портсигар. Мало ли кто мог потерять портсигар в яме?

— Серебряный дореволюционный портсигар весом почти в полкило — потерять и не подобрать? — Лидочка улыбнулась. — Такой миллионер должен быть смертельно пьян. Брось, Марина, не терзай себя. И главное — он открывал портсигар?

— Открывал.

— И что там было внутри?

— Папиросы. Но мокрые, развалились.

— Я тоже видела папиросы, — сказала Лидочка. — А Нина курит именно папиросы.

— Ты знала о портсигаре, когда звонила мне в субботу? — спросила Марина.

— Извини, да. И не догадалась, что он тебе его покажет. А так... ну зачем тебе знать и беспокоиться...

— Оказывается, ты скрытная, — упрекнула Лидочку Марина.

— Может быть. Иногда я не знаю, как себя вести, и все делаю неправильно.

— Если бы не твои утайки, я бы была готова сегодня...

— И что бы случилось?

— Я бы не сказала, что этот портсигар принадлежит Нине.

— Я повторяю, мне в голову не пришло, что он покажет тебе портсигар.

— Все равно ты не права.

Лидочка хотела сказать Марине: «Зато ты — чистой воды зануда», — но сдержалась. Марина имела право на нее обижаться. А уж обижается Марина со вкусом, с внутренней слезой, требуя полного раскрытия.

— А что же мне теперь делать? — спросила Марина, когда они подошли к платформе.

— Что ты имеешь в виду?

— Я должна позвонить Нине Абрамовне? Ну, пускай я ее не очень люблю, но она мне не сделала ничего плохого. Наверное, надо предупредить о портсигаре?

Лидочке было трудно ответить ей на этот вопрос. Сама она Нине не позвонила и теперь чувствовала себя неловко.

— Наверное, надо, — согласилась она.

— Ты как-то странно ответила, — насторожилась мышка, — ты со мной не согласна?

— Мне трудно ответить, — сказала Лидочка. — Но представь себе на секунду, что Нина в самом деле почему-то убила Сергея. Может, случайно. Может, вспышка гнева...

— Почему случайно?

— Потому что она не принесла с собой никакого оружия. А воспользовалась пистолетом Руслана.

— Ты думаешь, Сергей показал ей, где лежит пистолет?

— Не ей! Я не говорю «ей». Я не знаю, кто убил. Но представь на секунду, что это Нина. Правы ли мы с тобой, если не помогаем Анатолию Васильевичу найти убийцу? Ведь милиция и без того не горит желанием его отыскать. Они с радостью закроют дело и, как говорит капитан, уедут в отпуск. Справедливо ли это по отношению к Сергею?

— Не надо... — Лидочка увидела, что Марина плачет. Маленькие, едва заметные слезинки собирались в уголках маленьких глаз и быстро катились по щекам. Марина смущенно вытерла мокрые дорожки. — Прости. Но мне вдруг стало

так жалко Сережу. Я его знала столько лет. Он так хотел увидеть свой роман напечатанным!

— Ты не ответила мне! — настаивала Лидочка.

— Я все равно позвоню Нине, — сказала Марина. — Пускай милиция ищет, я не мстительная. Сереже уже все равно, найдут убийцу или нет.

Уже в поезде, подъезжая к Москве, Лидочка вспомнила:

— А о чем он тебя еще спрашивал?

— Ты не поверишь, — вдруг улыбнулась Марина. — Он интересовался проблемами художественной литературы.

— Знаю.

— Наверное, у него в школе были трудности с сочинениями. Он выяснял, может ли писатель отразить в романе тайные страсти.

— А он не говорил, что Сергея убили завистники, чтобы завладеть рукописью?

— А что, есть такая версия?

— У Толика... то есть у Анатолия Васильевича есть версии на все случаи жизни.

— Он просил меня дать ему почитать рукопись.

— Я не вижу причины отказывать ему. У тебя два экземпляра.

— Да, Сергей сдал два экземпляра, как положено, один для редактора, а один для художника. Я сдала второй в художественную редакцию. Но первый лежит у меня.

— Если напомнит, дай. Наверное, это никому не повредит. Только повысит уровень литературного образования нашего капитана.

— Я ему скажу, чтобы не ставил на страницы сковородку. — Марина несмело улыбнулась. Ей уже было не так страшно.

— А может, рукопись ему не понадобится? Может, он отыщет убийцу раньше? — спросила она с надеждой.

— Ты думаешь, отыщет? Он не производит впечатление умного человека.

— Тебе жалко давать рукопись?

— Роман... в основе своей он построен на личном опыте. Это роман о любви. Милиция может истолковать его буквально.

— Ну, тогда не давай!

Глава 9

После путешествия Лидочки в Челушинскую о ней все забыли. Проходили дни, и никто ничего нового ей не рассказывал.

Если звонили или приходили люди, то они либо ничего не знали о Сергее, либо забыли о нем. Сергей прожил жизнь, не высовываясь, и был известен в узком кругу краеведов, дюжине коллег и десяткам редакторш или бухгалтеров. Наверное, у него были, кроме того, родственники и друзья детства, но, если судить по похоронам, их было совсем немного.

Жаль, что у Ольги нет телефона — вот кому бы Лидочка позвонила без всякого стеснения. Она могла бы узнать новости про деятельность Толика. Самому же Толику Лидочка звонить не решалась: в конце концов, Сергею она даже не родственница, а расставание с Толиком вышло холодным из-за этого проклятого портсигара.

Всю неделю Лидочка была в делах, и это способствовало странному феномену: превращению события, занимавшего все мысли и чувства, заставившего провести полдня в грязной траншее, в разряд воспоминаний, когда невозможно провести грань между тем, что случилось с тобой, и тем, что ты видел в кино или читал. Все, что было связано со смертью Сергея, стало каким-то придуманным, нереальным. И может быть, это хорошо, что к ним не надо возвращаться...

Конечно, оставалось любопытство. Лидочка понимала остальных участников драмы, тех, кто теснее, чем она, связаны со смертью Сергея. Какие-то объяснения должна была дать Толику Нина Абрамовна. Не исключено, что ей сейчас приходится нелегко. Неизвестна судьба Руслана — у Лидочки он больше не появлялся, а Даша ей не звонила. Лидочка больше не входила в круг людей, нужных ей или способных помочь.

Вспышки любопытства были непроизвольны. Например, идешь домой, впереди мелькнет рыжая грива волос — неужели Даша? Хочется догнать ее, но потом понимаешь, что это не Даша. Или вдруг почудится голос Нины. Оглянулась — какая-то толстая бабка с сумками...

В четверг во второй половине дня Лидочка заглянула в «Московский рабочий». Особых дел у нее там не было, но если бы ей сказали, что она приехала на Чистые пруды в надежде встретить Марину, она бы искренне отвергла такое утверждение.

Лидочка поднялась на четвертый этаж.

Когда-то издательство занимало все колоссальное сталинское здание, отделенное от улицы железной решеткой и своим маленьким парком. В каждой комнате, размером с кабинет председателя райисполкома, сидели по два редактора, которые беседовали по телефонам, ожидая, когда откроется весьма приличная по тем временам столовая и при ней более приличный буфет, — издательство было партийным, хотя с уходом пожилого столпа главенство в нем захватили люди, для партии не надежные, склонные к реформам и обогащению. Но солидность еще держалась, даже когда рухнули прочие издательские дома, крупнее и повыше рангом, чем «Московский рабочий». К счастью, издательству было что сдавать в аренду, и, постепенно съеживаясь, лишаясь территорий за право издавать книжки и пользуясь поддержкой московских литераторов, издательство худо-бедно тянуло, трудилось и старалось издавать книги серьезные и нестыдные. К тому же оно издавало путеводители и справочники по московским окрестностям, так как считалось издательством не только московским, но и подмосковным.

Теперь же за издательством осталось всего два этажа, остальное расхватали жадные «структуры», посадили у входов в коридоры людей в штатских мундирах с порочными, каменными лицами, а издательство стало жить теснее, без столовой и буфета, да и не было нужды в прежнем продуктовом снабжении.

Лидочка зашла к худредам забрать пакет с не вошедшими в путеводитель слайдами.

У дверей к худредам ее настигла Марина. Аккуратная, милая, работящая. В этих стенах она чувствовала себя уверенно, как рыбка в привычном аквариуме.

— Господи, что ты здесь делаешь? Я тебе звонила раз пятнадцать!

— Позвонила бы вечером.

— Вечером у тебя занято, как на вокзале.

Причесана Марина была странно, будто начала приводить себя в порядок, да позвонил телефон или надо спе-

шить — вот и бросила дело на половине. Марина во всем чуть не дотягивала, и Лидочке казалось, что в ней слишком мал запас жизненных сил.

— Что-нибудь случилось? — спросила Лидочка.

— Я тут по своим каналам узнала... Очень плохо с Ниной Абрамовной.

— Что произошло?

— Не бойся, она жива, ее никто не убил. Но она в больнице. Мне позвонили наши общие знакомые, один человек... он сказал, что к ней приезжали из милиции, потом увезли на допрос, и было это сделано так безжалостно, ты представляешь, ты их видела!

Марина увлекла Лидочку к окну в конце коридора. За окном поднималась массивная колокольня петровского времени. Марина закурила. Она курила нервно, часто и неглубоко затягиваясь.

— Но потом ее отпустили?

— Ей стало плохо там, в милиции, а потом в поезде она чуть не умерла. Теперь она лежит в клинике с нервным срывом. До сих пор боятся за ее жизнь. Ну скажи, скажи, разве можно так обращаться с женщиной?

— Наверное, нельзя, — осторожно сказала Лидочка. Конечно, надо бы поговорить с Толиком. Впрочем, деликатность — не его сильная черта.

— Вчера я говорила с нашим общим другом, непосредственной опасности для жизни нет.

— А следствие остановилось?

— Лидочка! — расстроилась Марина. — Мне кажется, что я опять вижу в тебе эту внутреннюю жестокость.

— Мне любопытно, как она объяснила судьбу портсигара.

— Наверное, этому есть разумное объяснение. Лидочка, мы обязаны верить людям.

— А ты не знаешь, — спросила Лидочка, — как там дела у Даши и ее Руслана?

— Я не поддерживаю никаких связей с тем семейством, — ответила Марина. — Да и раньше не была знакома. А почему ты сама не позвонишь?

— Как-то неловко.

— Ты меня удивляешь. То тебе безразлична судьба невинной женщины, то ты вдруг стесняешься позвонить Сережиным любовницам!

— Наверное, ты права, — согласилась Лидочка.

По коридору шла статная дама из отдела художественного оформления.

— Марина Олеговна, — пропела она, — моя драгоценная! Вас просил главный художник зайти. Вы слышали о нашем происшествии?

— Ну что еще? — Марина сразу побледнела.

— Владислав Михайлович вам все расскажет, — закончила свою арию дама.

— Ты подожди, не уходи. Что еще могло случиться? — И Марина побежала по коридору, нервно выстукивая каблучками по паркету.

Сзади ее фигура казалась особенно ладной.

Лидочка пошла за ней. В соседней с кабинетом главного художника комнате была лишь Ася. Ася, конечно же, не знала, где лежит пакет со слайдами, и они проискали минут десять. Тут как раз в дверь заглянула Марина и громко прошептала:

— Господи, ты здесь! А я уж испугалась, что ты ушла.

Лидочка забрала пакет, поблагодарила Асю и вышла в коридор.

— Я готова его убить, — сказала Марина. — Постой, я закурю. Это ужасно.

— Что случилось? У тебя даже руки дрожат.

— У меня хвост дрожит, — ответила Марина. Она закурила и глубоко затянулась. Так и простояла, замерев, полминуты. Потом продолжала:

— Этот Анатолий Васильевич звонил мне позавчера и опять твердил всякие глупости о литературе и о Сережином романе. Потом стал просить рукопись. Ему, видите ли, необходимо заглянуть в духовный мир писателя! Иначе он не может разгадать, кто его убил. Он, видите ли, узнает об этом из романа. Ты можешь себе представить подобную чепуху?

— Могу, — согласилась Лидочка. — Он мне об этом рассказывал.

— Тебе все шуточки. Но я ему наотрез отказала. Я заявила, что рукопись находится в работе и ее нельзя выносить из

редакции. А сама на всякий случай отнесла ее домой. Пускай попробует ко мне сунуться!

— И что случилось?

— Он приехал вчера собственной персоной, заявился к главному, произвел на него впечатление. И под расписку, словно улику, утащил у художников второй экземпляр рукописи.

— Смешно, — сказала Лидочка.

— Нет, не смешно, не смешно. Ты ничего не понимаешь!

— Чего я не понимаю?

— Ему нельзя читать эту рукопись! Категорически нельзя. Рукопись такая откровенная, что дурак может сделать из нее ложные выводы. Дурак решит, что это автобиографический роман, но это неправда! А как я докажу это милицейской ищейке?

— Видно, придется мне самой его почитать.

— Я тебе его обязательно дам. Но я хотела дать тебе именно второй экземпляр, я боюсь отдать последний, единственный.

— Я подожду.

— Ой, Лидочка, ты ничего не понимаешь! — Голос Марины дрогнул и, соскочив с подоконника, она быстро пошла прочь, даже не попрощавшись. Почему-то она была на самом деле расстроена тем, что Толик обошел ее и раздобыл рукопись.

Поход в издательство состоялся в четверг, и в тот же вечер позвонил Глущенко, позвал провести выходные на даче. У него появились некоторые соображения, как сообщил Женя, по части нашего детектива. Но главное соображение заключается в том, что Лидочке нужен свежий воздух и здоровая сельская пища, которую могут обеспечить только Глущенки на своей даче, потому что через два дома живет упрямый человек: он держит трех коров и держал их даже в самые антисобственнические времена. А, как известно, парное молоко — панацея от всех недугов цивилизации.

Лидочка сказала, что еще не знает, как у нее сложатся выходные.

— Мы с завтрашнего дня на даче. И до понедельника, — сказал Женя, — наши ворота для вас всегда открыты.

— Спасибо.

Лидочка была рада приглашению и решила, что непременно поедет в Челушинскую. По крайней мере, не по вызову милиции. А заодно заглянет к Ольге.

— Значит, до субботы? — переспросил Женечка. — Привозить с собой ничего не надо. В нашем хозяйстве все есть, кроме пластикового ведра. Если где увидишь, захвати.

— До субботы, — согласилась Лидочка.

Только она положила трубку, телефон зазвонил снова.

— Лидия Кирилловна, — сказала официально Нина Абрамовна. — Извините, что беспокою так поздно. Я говорю из больницы, здесь очередь, и в моем распоряжении только две минуты.

— Ой, Нина! — обрадовалась звонку Лидочка. — Как вы себя чувствуете?

— Простите, мое самочувствие не должно вас касаться. Меня интересует лишь одно: каким образом следователь узнал о том, что портсигар якобы принадлежит мне?

— Не знаю, — ответила Лидочка. — Но заверяю вас, что я об этом ничего ему не говорила.

Она сказала лишь часть правды. Но не рассказывать же, как выдала себя Марина.

— Не говорила? Нашла его в яме и не говорила? Вы меня удивляете!

Лидочка хотела было обидеться на Нину, но вдруг представила, как та, в больничном байковом халате, стоит у телефона на лестничной площадке — автоматы в больницах всегда устанавливают на лестничных площадках, за ней толпятся в очереди две или три старухи с бегающими глазами, старухи перешептываются: «Смотри-ка, у женщины припадок!»

— Простите, Нина, но я не была уверена, что это именно ваш портсигар. Я и сейчас не уверена. А если я не уверена, то зачем я буду доставлять людям неприятности?

— Вы лжете! — закричала в трубку Нина, и линия разъединилась.

«Наверное, мне никогда в жизни не доказать ей, что я и слова не произнесла, пока не проговорилась Марина. Но потом я дала Толику телефон Нины — ну как я могла не дать телефон Нины Толику? Толику нужна правда, а разве я не хочу

правды? И как эта чертова правда оборачивается? Руслан где-то скрывается, Нина сидит в психушке, а кто следующий?»

Следующей позвонила Даша.

Когда Лидочку разбудил телефонный звонок, она подумала, что можно написать современную пьесу в виде цепочки телефонных разговоров. Персонажи неподвижно сидят на стульях и высвечиваются, когда у них зазвонит телефон. Поговорят, высвечиваются другие. И не надо двигаться, ходить, драться, убивать — все за вас сделает телефонный аппарат.

Было три часа ночи.

Три пятнадцать.

— Лидия Кирилловна, извините, что я так поздно, — заговорила девушка. Слышно было прекрасно, словно Даша была рядом и говорила Лидочке на ухо. — Я не знаю, что делать!

— Что-нибудь случилось с Русланом? Его арестовали?

— За что?

— За хранение оружия, за убийство Сергея — не знаю, но боюсь этого.

— Руслана они пока не нашли, — сказала Даша, — его нет в Москве.

— Тогда что же?

— Они говорят, что моя мама убила Сережу.

— Что?

— Сеодня они приехали к маме, увезли ее на машине, она вернулась только два часа назад. Ее все время допрашивал этот ублюдок, деревенский тупица Голицын! Я его собственными руками разорву.

— Погоди, Даша, я ничего не понимаю.

— А что тут понимать! Они сказали маме, что она проникла к Сереже той ночью и потребовала... потребовала, чтобы он не женился на мне! Иначе она его убьет.

Даша замолчала. Она часто дышала в трубку. Лидочка понимала, что Даша ждет ее реакции, но для Лидочки Дашин роман не был тайной, она знала обо всем от Руслана.

— Вы меня слушаете? — спросила Даша.

— Конечно, я тебя слушаю.

— Они сказали, что Сергей оставил об этом признание, письменное признание! Вы что-нибудь понимаете? Они хотели посадить маму в тюрьму!

— Но она приехала домой?

— Они даже машины ей не дали!

— Даша, успокойся, пожалуйста, успокойся. Расскажи внятно, что произошло.

— С утра они потребовали, чтобы мама приехала в Челушинскую, а мама отказалась.

— Они по телефону потребовали?

— Конечно, по телефону. А мама как раз уходила в институт. Я ничего не знала, я проснулась, мама уже на работе, я ничего не подозревала. А когда я вернулась домой, мамы не было. И тут позвонили из ее отдела — почему она не пришла, она должна была какую-то работу кончить и не пришла. Я сказала, что ничего не знаю, и сначала не стала беспокоиться, только к вечеру стала беспокоиться...

Часов в семь Даша, одолеваемая тяжелыми предчувствиями, принялась звонить знакомым, но никто не знал, где Елизавета. Даша не решилась звонить в милицию или в морг, она не допускала мысли о беде. Ей хотелось думать, что у мамы наконец-то завязался какой-нибудь роман, а может, кто-то приехал из Америки, и мама сидит в гостях, как всегда забыв позвонить домой.

Даша утешала себя, придумывая все новые объяснения маминому исчезновению, и с каждой минутой таких оправданий оставалось все меньше... И тут мама вернулась. Зареванная, несчастная, еле живая. И, главное, она категорически отказалась рассказать Даше, что с ней произошло.

Ужинать Елизавета не стала, сидела и молчала, но Даша чувствовала такое облегчение оттого, что мама нашлась, что спокойно собралась спать. Ей в пятницу вставать рано, они с подругами собрались за грибами. Даша легла спать, а мама пошла в ванную — она подолгу моется — Даша и заснула. И вдруг ее что-то толкнуло в сердце. Она проснулась. Второй час, а мама все в ванной. И ей стало страшно. Непонятно отчего. Она постучала в ванную, чтобы узнать, не стало ли маме плохо, но никто не ответил. К счастью, дверь в ванную у них не запирается. Господи! Мама лежала без сознания в пустой ванне. Рядом на полу валялся пустой пузырек.

Даша вызвала «Скорую» и побежала этажом выше, к соседке-медсестре. Соседка стала поить маму теплой водой, чтобы ее вырвало, и тут приехала «Скорая». Они два часа во-

зились с мамой. А потом еще приезжала милиция. Говорят, что милиция всегда в таких случаях приезжает, потому что подозревают, не было ли попытки отравления.

Они хотели взять маму в больницу, но не очень настаивали — у нее крепкий организм. Ей дали снотворного, примчалась мамина подруга Рита и осталась ночевать. В общем, проснись Даша позже, маму могли бы и не откачать.

Мама заснула до того, как «Скорая» уехала, и все ужасы кончились. Но она успела рассказать Даше и Рите, что ее сегодня допрашивали в Челушинской. Допрашивал молодой капитан, черный, коренастый, очень наглый. Он настаивал, что мама убила Сергея. Мама сначала просто смеялась, но потом он стал читать ей выдержки из какой-то рукописи, где написано, что его убила мама. Тут Лидочка потеряла нить рассказа, но Даша повторила, что у милицейского капитана есть напечатанная на машинке рукопись. Из нее он зачитывал абзацы и даже маму заставлял читать. Мама была в полном ужасе не из-за того, что там она выставлена преступницей, а потому, что Сережа осмелился опоганить все годы, которые их связывали. Почему? Что мы сделали ему плохого? Мама теперь не хочет жить, она не понимает, как она сможет людям в глаза смотреть...

Тогда Лидочка спросила Дашу, а как же, с точки зрения милиции, Елизавета могла совершить преступление? Даша объяснила, что, по их мнению, Лиза поехала ночью к Сергею, тот показал ей пистолет Руслана, Лиза стала требовать, чтобы Сергей отказался от ее дочери, потом потеряла контроль над собой и застрелила его. Но ведь мама в ту ночь была дома, она даже спать легла раньше, чем обычно. Как программа «Итоги» по четвертому каналу кончилась, они пошли спать. И проснулись вместе. Неужели вы думаете, что мама могла уйти, а Даша бы не заметила, как она ушла и как она утром вернулась? Но для следователя показания Даши не аргумент, потому что она дочь и может пойти ради матери на ложь. Это, конечно, правда, ради матери Даша пошла бы на любую ложь, но ведь этого не было!

— А теперь она спит, но ведь не исключено, что они завтра снова потащат на допросы. Точно потащат! Но поймите же, мама этого не выдержит, она умрет. Я вам слово даю, что мама умрет, я это чувствую.

— Но что я могу сделать?

— Вы должны защитить маму!

— Дашенька, ну как я могу это сделать?

— Вы поедете к этому милиционеру, вы ведь его знаете, и объясните ему, что мама не могла убить Сергея, совершенно не в состоянии.

— Чем я это докажу?

— Поймите, у мамы не бывает таких сильных чувств. Она сангвиник. Вы психологию проходили? Мама — сангвиник. У нее быстро возникающие, но слабые чувства. Все ее романы начинались за двадцать минут, а кончались через два месяца.

— За исключением...

— Это Сергей привязчивый. И мама к нему привыкла. В последние годы она его не как любовника воспринимала, а как... ну как дядю или отчима. Он деньгами помогал, билеты доставал на поезд. Он был как мебель. Не очень любимая старая мебель, а не обойдешься.

— Откуда у вашего поколения столько цинизма? — спросила Лидочка, имея в виду Ольгину Катьку.

— Не больше, чем у вашего, — ответила Даша. — Только в вашем больше лицемерия. А за лицемерием тот же цинизм. Кстати, мы тоже умеем переживать.

— Но потом мама узнала о тебе и Сергее...

— Ах, не смешите меня, Лидия Кирилловна! Когда мама узнала, а не узнать было невозможно, ей же пришлось мне аборт устраивать, она готова была всех растерзать. Это был скандал — всем скандалам скандал! Но он кончился. А мебель осталась. Правда, мама считала, что, если мы поженимся, это будет удар по ее репутации, но я обещала ей быстро родить внучонка, мама засмеялась и задумалась. Все же Сергей остается при доме... Конечно, она бы рада отдать меня замуж за кого-то поприличнее. Но женихов поприличнее другие расхватали. А Руслан для мамы страшнее Сергея. Ситуация простая — маме ни с какого бока не надо было убивать Сергея. То есть дядю Сережу... Но предупреждаю, если меня тоже повезут на допрос, я сразу умру. Без завещания.

Переход был неожиданным для Лидочки.

— Погоди, Дашенька, не надо впадать в истерику!

— Но что нам делать?

— Ничего особенного. Завтра с утра ты вызываешь врача.

— Какого?

— Можно районного. Или из поликлиники, куда мама прикреплена. Он выдаст маме бюллетень на основе... «Скорая» оставила какую-то справку?

— Ой, оставила! Они сами сказали, что маме надо полежать два-три дня.

— Замечательно! И до понедельника никакой милиции!

— А вставать ей можно?

— Я бы советовала маме полежать в постели. У нее ведь слабость.

— Еще какая!

— Значит, мама лежит, ты маму кормишь, от нее ни на шаг не отходишь. Пускай тебя краном от мамы отрывают. Продержись до понедельника.

— Вы нас спасете?

— По крайней мере я все узнаю. Я думаю, что здесь недоразумение.

— Ничего себе недоразумение! Мама чуть не умерла.

— От недоразумений умирает много людей. И слава богу, что с мамой обошлось.

— А я завтра хотела за грибами поехать... — В голосе Даши прозвучало глубокое огорчение.

— За грибами?

— Ну... за грибами.

— Переживет Руслан денек без тебя, — сказала Лидочка.

— Но я же вам не говорила...

— И не говори.

Даша повесила трубку. Было четыре часа ночи.

Лидочка знала, что произошло. Марина не хотела давать Толику рукопись романа, написанного Сергеем, потому что из рукописи можно было вычитать какие-то подробности личной жизни Сергея или по крайней мере намеки на это. Что бывает с писателями, решившими на закате жизни создать эпохальный роман и заодно свести счеты со своими друзьями и недругами. Вернее всего, поговорив основательно с Толиком, Марина сообразила, что ему читать роман не следует. Он же, заподозрив нечто в поведении Марины, а может быть, и в самом деле уверенный в том, что вся художественная литература списана с жизни и в ней можно угадать

всех, кто там «изображен», совершил набег на издательство и благополучно изъял у художников второй экземпляр.

Если бы не четыре часа ночи, она бы позвонила Марине и получила бы от нее подтверждение своей теории. Впрочем, сомнений у нее и так не оставалось. Понятно, почему Марина хотела дать Лидочке рукопись — ей хотелось, чтобы Лидочка взяла на себя часть ответственности за бомбу замедленного действия, которая и привела в действие цепь драматических событий.

«А сейчас, — сказала себе Лидочка, — мы немного поспим, чтобы завтра не разламывалась голова».

Она понимала, что ей придется ехать к Толику раньше, чем ей хотелось, потому что нельзя допускать, чтобы он из своих не очень глубоких и неразумных романтических заблуждений коверкал жизнь и без того не очень счастливых людей.

Утром Лидочка вскочила позже, чем хотела. Перед этим она несколько раз просыпалась, и ей даже казалось, что она вовсе не спала ночью, только смотрела на часы: семь часов, потом восемь, потом половина девятого. Надо вставать. Только посплю еще десять минуток... Именно утром она и разошлась.

Наконец, в девять она заставила себя выбраться из постели и босиком побежала в ванную. Потом, выскочив оттуда, позвонила Лизе. Она решила, что, если с третьего звонка никто не возьмет трубку, она перезвонит попозже.

Подошла Даша.

Сказала, что уже проснулась и даже очень давно. Мама спит, спит нормально, а вы, Лидия Кирилловна, что будете делать?

— Я тебе позвоню, — сказала Лидочка, — как только будет что рассказать. А ты держи оборону.

— Еще как держу!

Потом Лидочка позвонила Марине. Она не знала, рано ли поднимается Марина, но боялась, что та убежит из дома и ее не поймать весь день.

Марина была дома. Голос звучал сонно.

— Марина, — сказала Лидочка, — ты мне обещала дать рукопись.

— Ты с ума сошла! — возмутилась Марина. — Солнце еще не встало!

— Обстоятельства изменились.

— А что такое? Нет, ты мне скажи?

— Давай встретимся, ты мне передашь рукопись. Ты куда едешь?

— Через час я буду на «Чистых прудах». Но скажи, с Лизой все в порядке?

— Не совсем.

— Я так этого боялась! Не вешай трубку. Неужели они ее взяли?

— Мне хочется посмотреть, что в рукописи такого, из-за чего изменился весь ход действия.

— Конечно, Лидочка. Я уже три дня живу в таком ужасе! Я разрываюсь между желанием издать этот роман, как память о Сергее, и страхом, что его могут ложно понять... Я не могла представить, что Анатолий сообразит конфисковать экземпляр у художников. Удивительный нахал! Так скажи мне, что с Лизой?

— Надеюсь, ничего страшного, — сказала Лидочка. — Ее вчера допрашивали.

— И отпустили?

— Отпустили.

— Ну слава богу, хоть тут обошлось. Хотя боюсь, что они от нее не отстанут.

Эти слова Марина повторила, когда они встретились в метро.

Марина стояла у стены, не замечая приближающуюся Лидочку. Издали видно было, какое грустное, потерянное у нее лицо. Марина была в темном платье и черных туфлях, отчего выглядела бледнее, чем обычно.

— Боюсь, что от Лизы не отстанут, — сказала она, передавая Лидочке толстую синюю папку. — А я до самой могилы буду чувствовать себя виноватой.

— Ну что ты себя казнишь! — остановила ее Лидочка. — Он и без тебя знал, что Сергей написал роман. Он и со мной говорил о силе литературы. Он своего рода романтик детектива, то есть он хочет разрешать загадки следствия неординарными путями. А неординарные пути у него вычитаны и высмотрены из книг и фильмов.

— Значит, ты думаешь, что с Лизой все обойдется?

— Я хочу в это верить.

Марина мялась, не уходила. Наконец решилась.

— Извини, что я тебя вынуждена предупредить, но это последний экземпляр. От тебя буквально зависит посмертная судьба Сергея... не потеряй рукопись, умоляю! Другому человеку я никогда бы ее не доверила. Ты меня слышишь, Лидочка?

— Спасибо за доверие. — Лидочка постаралась ободряюще улыбнуться, чтобы избавиться от пронизывающего сцену пафоса. — Я тебе позвоню.

Обычное расставание — я тебе позвоню. Позвонить стало обычнее и легче, чем разговаривать с глазу на глаз.

Марина быстро пошла прочь. Тяжелая сумка через плечо клонила ее стройную фигурку.

Лидочка поднялась наверх и вышла на бульвар.

Было десять часов утра. Пятница. Прежде чем что-либо предпринять, ей надо было хоть бы по диагонали проглядеть рукопись. Что в ней такого, что заставило Марину таить ее от капитана? Что в ней такого, что заставило капитана угрожать Лизе арестом и терзать ее в отделении?

Лидочка решила, что она даст себе два часа на ознакомление с романом. Два часа — примерно триста страниц.

Потом она решит, что делать дальше.

Лидочка прошла в начало бульвара, за спину классику Грибоедову, созданному в те времена, когда положено было ставить классикам такие же одинаковые памятники, как императорским особам до революции.

Она нашла пустую скамейку под тенью столетней липы.

Бульвар был еще пустынен — лишь по центральной его аллее спешили на службу припозднившиеся чиновники. Детей еще не вывели гулять.

День был сумрачным, но Лидочка, уходя, поглядела на свой старинный круглый барометр и увидела, что он стоит на «ясно». А ее барометр умел предсказывать погоду. Значит, погода скоро разгуляется.

Лидочка оттягивала момент начала чтения.

Она побаивалась рукописи. Автор был мертв, а люди, так

или иначе связанные с ней, находятся либо в растерянности, либо в беде.

На синей папке было написано:

С. Спольников.

«ЗНАК ТЕЛЬЦА»

Первая глава романа называлась «Гороскоп». Из чего Лидочка заключила, что роман будет вполне современным, с привлечением популярных заблуждений.

«Григорий Семенов, которому суждено стать центром настоящего повествования, родился 2 мая 1944 года под знаком Тельца. В момент появления на свет на него оказала сильное влияние Луна, которая подарила ему странную склонность к литературным занятиям. Бык Григория был крылатым. Талисманами Григория стали белая сова и золотой телец. Как известно из трудов неоплатоников, Тельцы по натуре терпеливы и сентиментальны, но ужасны, когда их терпению приходит конец. Они не выносят дисгармонической жизни, но порой склонны считать, что весь мир послушно кружится вокруг них. По натуре Тельцы скрытны, но чувства их куда острее, чем у всех других знаков зодиака. Кроме того, Тельцы — прекрасные повара, но не следует понимать поварское искусство примитивно в пределах кулинарии. Тельцы старомодны, их ведущая идея — внушить другим любовь к себе, любовь времени и пространства, любовь судьбы и власти, любовь возвышающую и убивающую.

В мистическом плане читатель без труда отыщет здесь лунного легковооруженного лучника, без копья и меча. Он безопасен для тяжеловооруженного рыцаря, зато и угнаться за ним по звездной дороге никто не может из смертных и богов...

Впрочем, Григорий узнал о своей натуре лишь в трепетном юношеском возрасте, когда впервые встретился с Лукрецией, женщиной загадочной, неоднократно вторгавшейся в его убогую жизнь и уносившейся вдаль, осенив его сизым крылом горлинки. Именно она внушила ему мысль о его мужском естестве.

...Лукреция опускалась, подогнув по-турецки ноги, на продавленную оттоманку, раскрывала потрепанный том в кожаном красном переплете с золотыми застежками и сначала долго шевелила губами, покрашенными в темно-вишневый цвет, а затем начинала переводить своим низким, хриплым, густым голосом простуженной волшебницы...»

Здесь на полях было замечание редактора: *«Сережа, волшебницы не простужаются!»*

Из чего можно было заключить, что Марина была редактором серьезным, с усеченным чувством юмора. Это опасно для редактора, но в то же время типично. Отсутствие чувства юмора — профессиональная редакторская болезнь.

Вряд ли детство и юные годы героя, осененного мистикой летучего тельца, могли быть связаны со смертью Сергея. Проглядывая страницы по диагонали, Лидочка миновала первые годы жизни Григория, включая вставки, в которых периодически возникала Лукреция, ненавязчиво руководившая судьбой героя, а также ее возлюбленный, робкий, но подлый монашек из XIV века, который на странице 43 заразил Лукрецию бубонной чумой, принеся болезнь из Средневековья, и было не очень понятно, может, из-за излишне поверхностного чтения, умерла ли она от ужасной болезни либо воспарила и появилась вновь.

Лидочка зачиталась главой, в которой описывалось, как медведица похитила мальчика Гришу из родного деревенского дома и выкармливала его медвежьим молоком, которое придает человеку некие особые качества.

Роман был куда менее автобиографичен, чем Лидочка полагала вначале. Зато он был наполнен любопытнейшими и достоверными сведениями о растениях Подмосковья — именно об этом Сергей знал более всего. Может быть, поэтому судьба все время выталкивала Григория за пределы цивилизации и превращала в существо дикое, склонное к робинзонадам. К этим экскурсам Лидочка отнесла бы и удивительную историю, которая случилась с Григорием в ботанической экспедиции в предгорьях Памира, где он заблудился и отправился лесами-перелесками, альпийскими лугами и крутыми склонами гор к стране Бутан, которую и достиг через полгода. Там Григорий принял буддизм и встретил впервые Глорию Бозанг, уроженку тех мест, которая завлекла его в подземные лабиринты королевского дворца в Бутане, где в свете факелов и масляных светильников шестнадцать врачей из Тибета создавали средство от старости.

«...Они поднимались из подземелья, проходя мимо узких, занавешенных буддийскими картинами на шелке, дверей, за которыми слышались бормотания лам. Порой из-за двери ударял

острый запах какого-то экзотического растения. На лестничной площадке... (здесь было замечание редактора: *«Заменить неудачное слово») ...их встретил белый барс, который возлежал на прохладных мышцах камней, вытянувшись во всю свою трехметровую длину...* (замечание редактора: *«Снежные барсы такой длины не достигают. См. Брем, том 5»). Барс приподнял голову и тихо зарычал. Глория присела на корточки и начала гладить его теплую голову, крутой пушистый лоб. Но стоило ей распрямиться, как глубоко в недрах хищного зверя возникал глухой, тревожный звук. И тогда Глория произнесла:*

— Я избрала другого мужчину. И отвергнутый должен умереть!

С этими словами прекрасная бутанка вонзила кинжал с нефритовой рукоятью в глаз барсу. Брызнула черная кровь, когти барса царапали камни пола.

— Что ты наделала? — в ужасе воскликнул Григорий.

— Он был моим любовником, — ответила Глория. — А я люблю только одного. В день, когда ты мне опротивишь, я зарежу тебя тем же кинжалом.

Среди скользящих теней под звон священных колокольчиков они вошли в обширное помещение, вырубленное в скале и устланное кашемировыми коврами и шкурами диких животных. В углах помещения тревожно горели тревожники, которые бросали неровный красноватый свет на широкое ложе, приготовленное для страсти. Нечто странное, подобное детскому предчувствию новогодней сказки, сжало грудь Григорию... (на полях было написано: *«Стиль!»*) *...кровь быстрее застучала в висках, он стоял неподвижно, чадили светильники и странный сквозняк дул по ногам, будто где-то неподалеку дышало льдом обширное гулкое пространство.*

Глория подошла к высокому пюпитру, на котором лежали ноты, нервным движением тонкой, украшенной браслетами смуглой руки скинула поочередно несколько листов, не устраивавших ее, и отыскала нужные ноты. Хлопнула в ладоши. С гигантского тяжелого балдахина, нависшего над ложем, опрометью соскочила дрессированная обезьянка и мгновенно раскрыла скрипичный футляр. Глория приняла из лапок обезьяны скрипку и, обернувшись к Григорию, равнодушно кинула лишь одно слово: «Страдивари».

Ее подбородок гордо и четко лежал на золотом от времени

теле скрипки, рука несколько раз уверенно провела, чуть касаясь, смычком по струнам, резкий неприятный звук настройки пролетел по подземельям королевского дворца, вырвался на холодный простор хрустального воздуха, родившего эти белые, сахарные вершины, украшенные у подножий пирамидками белых пагод. Григорий любовался четким профилем Глории, ее невероятно, нечеловечески длинной шеей (на полях редактором поставлен восклицательный знак), *и в этом процессе он встретил возникший из глубины дворца, из середины земли тонкий и нежный звук скрипки, который перешел в пронзительный аккорд желания, в песнь торжествующей любви, подхватившей Григория и помчавшей его куда-то вверх, через многочисленные помещения Палаты* (на полях вопросительный знак), *где останавливались, прислушиваясь, слуги и придворные.*

— Вы узнаете мелодию? — спросила Глория.

— Нет, — признался Григорий.

— Я нашла эти ноты в полуразрушенной башне трансильванского замка, говорят, их оставил Лист, но сила музыки такова, что она недостижима даже для Листа. Слушайте!

Глория играла увлеченно и умело, так, что Григорий почувствовал, как теряет сознание. В его памяти, смешиваясь, пролетали туманные картины детства и ранней юности, жизни в лесу и первой любви, прошедшей столь неясно и призрачно.

Неожиданно она бросила скрипку, и невесть откуда взялась обезьяна, подхватила ее на лету и спрятала в футляр.

— Там не было последней страницы, — прошептала Глория, скидывая с себя длинное, до земли, тяжелое шелковое одеяние принцессы, украшенное знаками зодиака. Ее обнаженное тело голубовато блестело в свете факелов. Глория направилась к ложу, таящемуся в тени балдахина. Где-то далеко, очень далеко монахи бормотали тантрические тексты.

Глория исчезла в темноте под балдахином, и остался лишь ее шепот, нежный, сумасбродный, кружащий голову:

— Иди ко мне, чужестранец, иди ко мне, тот, кто обречен отныне любить меня, как свое проклятье!

Горячие руки, протянувшиеся из темноты, рвали на нем одежду, не жалея пуговиц и самого материала («Какого еще материала?»), *Глория увлекала его в бездонную мягкость звериных шкур, наваленных на ложе, и казалось, что ее гибкое, упругое тело — единственная плоть, единственный ориентир в мо-*

ре, которое топило, но не губило... Григорий представил себе, что это не он тонет с ней вместе, борясь с пушистыми волнами ложа любви, а сюда ворвался за добычей яростный, но покорно убравший когти влюбленный барс, который ищет, находит, вторгается во влажную пропасть любви, и рев громадного хищника потрясает бутанский дворец.

— Иди ко мне, изысканный Телец, мой единственный земной избранник, — кричала Глория, — я готова принять тебя, мое лоно трепещет в сладостном ожидании, когда ты пронзишь его («Может быть, слишком откровенно для нашего читателя?»)».

Лидочка сердилась на вопросы и замечания редактора, которые никак нельзя было пропустить, но которые вторгались в сознание и отрывали от эротической битвы.

Лидочка продолжала читать.

«Иди ко мне, изысканный Телец, — читала Лидочка. — *Мой единственный земной избранник, — кричала Глория, — я готова принять тебя, мое лоно трепещет в сладостном ожидании...*

Это было ощущение сна, потому что иным чувствам не было ориентиров, — темнота, подвешенность в мягкой бесконечности шкур и перин, лишь пальцы знали, что тебя обнимает страстная, изысканная женщина, дитя Гималаев. Прижав красавицу к себе, Григорий покрывал поцелуями ее груди, кончик его языка трепетно ласкал выпуклости ее кожи, а затем его зубы принялись терзать ее уши («Именно так?»).

— Иди ко мне, — единым дыханием возликовала Глория, — растерзай мою смертную, мятущуюся плоть!

Да, свершилось! И он первый мужчина в ее жизни... Как бы отвечая на его невысказанный вопрос, Глория прошептала:

— Ты мой первый любовник, потому что я была посвящена богине Рами, покровительнице девственниц. И именно теперь я нарушила свои клятвы, согрешив с белым Тельцом, пришедшим с Севера, ибо так гласит страшное предсказание ламы Берранга тридцатого воплощения Боддисатвы.

Последние слова прекрасной Глории звучали невнятно, потому что она задыхалась, рыдала, а ее длинные ногти в порывах страсти царапали его спину и шею, помогая абсолютному мистическому слиянию Тельца и Девы. Все быстрее и быстрее они двигались в совместном ритмическом танце, придуманном природой и доведенном до прекрасного эстетического совершенства в таинственных женских монастырях Бутана, куда отдают девочек, еще не достигших зрелости, чтобы, подготавливая их к вечному девичеству, в то же время обучить всему, что может знать самая страстная из куртизанок.

...Глория лежала рядом с ним, утонув в шкурах.

— Я обманула тебя и богов, — шептала она, — ты был вторым. Первым стал снежный барс Акбар. И я его убила, чтобы прийти к тебе чистой.

— Кто ты? — спросил Григорий. — Открой мне свою астральную судьбу.

— Ты прав, мой возлюбленный. Я постоянно и болезненно ощущала в себе столкновения агрессивных, разрушительных начал. Мои охранные цвета синий и черный, талисманы — подкова, саламандра, черный кот и дьявол, символы — жезл, козел, лестница и часы. Я — человек, отмеченный темными силами и приближенный к ним. Втайне я люблю роскошь и чревоугодные наслаждения («Стиль, Сереженька, стиль! Если ты будешь и дальше нарушать стиль, тебе никогда не получить Букера!»). *У меня срослись два пальца на левой ноге, и ты можешь сейчас поцеловать их.*

Но Григорий не дослушал таинственную подругу. Плотское жгучее желание вновь завладело им...»

Тут Лидочка отложила рукопись. Наверное, прошло полчаса с тех пор, как она углубилась в чтение, но обстановка на бульваре особенно не изменилась, правда, появились первые мамаши, да уменьшился поток служащих — одиннадцатый час, они разошлись по своим местам.

Лидочка ожидала от Сергея совершенно иного романа. В том же, что лежал у нее на коленях, она увидела нечто скорее пародийное, однако вполне допустимое в нашей сегодняшней действительности, когда путь от графоманства до постмодернизма недолог. В то же время, зная Сергея, Лидочка вполне допускала, что он создавал этот опус, сознательно пародируя прочитанные переводные образцы. Но теперь никто уже не объяснит, шутка ли это, розыгрыш или провал.

Странно, что Сергей всегда показывался ей иной стороной — относительно скучным и лишенным воображения, робким, стеснительным ботаником. А впрочем, насколько развито воображение у автора романа? Пожалуй, по уровню фантазии он скорее старомоден — он чем-то соответствует уровню воображения двадцатых годов, апеллирует к Пшибы-

шевскому и Эберсу, питается соками Пьера Бенуа и его эпигонов. Почему бы не вспомнить хорошо забытое прошлое, объявив его завтрашним днем?

В то же время этот роман произвел некое впечатление на Марину, по крайней мере ей не пришло в голову отвергнуть его.

А может, она имеет союзников в редакции? И редакционные девицы передают друг дружке ксерокопии страниц?

Но Толику роман никак не мог показаться достойным — насколько знала Лидочка милиционера, он был по натуре трезв, и от литературы, в которой господствует приправленный мистикой поток эротического сознания, он, вернее всего, отвернется. Тогда почему же он принял этот роман как руководство к действию?

Лидочка стала перелистывать рукопись дальше. Если не спешить и читать лишь первую строчку каждого абзаца, то можно следить за развитием сюжета.

И какого черта он его написал? Денег, что ли, не хватало? Или просто решил: ведь другие пишут не лучше меня, а их печатают!

Но есть и третья версия: именно такой роман Сергей хотел написать. Именно такие мысли толклись в его мозгу, именно эти образы просились на бумагу, именно таким представал мир во взбудораженном воображении скромника.

Эта версия понравилась Лидочке более других. Тогда стоило дочитать рукопись до конца.

И тут судьба в виде пожилого, подтянутого человека в белой сорочке, выглаженных брюках, предстала Лидочкиным очам.

— Николай Владимирович, — окликнула его Лидочка. Она вскочила, подбежала к главному редактору «Московского рабочего» и поздоровалась с ним. — У меня к вам необычный вопрос, Марина Котова дала мне почитать рукопись романа Спольникова. Вы его будете издавать?

— Лидия Кирилловна, — произнес всегда сдержанный, несколько похожий на писателя Паустовского поэт Зарахани. — Мне не довелось прочесть рукопись. Но я слышал от Марины Олеговны. Она очень высоко о ней отзывалась. Помню, что она говорила о склонности автора к авангардизму, которая позволяет остаться на этой стороне здравого

смысла, уверяла, что книгу будут покупать. Так что у меня не было оснований... К тому же я знал Спольникова как опытного, организованного литератора.

— Значит, вы не читали?

— Не пришлось. И теперь даже неловко... после трагической смерти Сергея Романовича ставить под сомнение... А вы думаете, что мне следует прочесть? Я доверяю вкусу Марины Олеговны. Она у нас двадцать лет работает.

— Вы еще не отправляли роман на рецензию?

— Наверняка все сделано по правилам, — насторожился Зарахани, словно защищал этим память Спольникова.

А Лидочка, попрощавшись с главным редактором, поняла, что Марина, которая покровительствовала своему автору, лукаво прикрывала рукопись от начальства отзывами дружественных рецензентов.

Половина одиннадцатого. Можно покинуть дебри Бутана и пролистать роман до событий, которые особенно заинтересовали капитана Толика.

...Мистические силы, сконцентрированные в проклятии того монастыря и в подземельях королевского дворца, оказывается, преследовали Григория, стремясь погубить его. Ему удалось переместиться, сменив внешнюю оболочку, в некие астральные сферы, описанные туманно и красиво. На этих страницах карандаш Марины вдоволь погулял по полям рукописи.

К середине романа оказалось, что в Григории обитают два человека. Один устремляется в дебри Центральной Азии и покоряет там прекрасное тело таинственной Глории, другой же возвращается откуда-то в деревню под Архангельском, где сохранились тайные языческие обряды. Через любовь чистой и светлой девушки, которую в романе называют Дарией, наш герой старается отыскать истинную правду жизни. На каком-то этапе обнаружилось, что Глория, прилетевшая сюда неизвестно как из Бутана, оказалась матерью Дарии, и у Григория возобновилась связь с этой самой волшебной женщиной.

Но по мере движения романа от одной любовной сцены к другой автобиографический элемент все более забирал верх. Григорий всей душой стремился к телу Дарии, которая была прекрасной девушкой, невинной, но спелой, и совокупление

с ней представлялось герою как соитие с природой, высшим уровнем событий и вещей.

Так Лидочка перелистывала роман еще около часа. Просмотрела страниц двести. Разумеется, перелистывание не было автоматическим процессом, порой Лидочка, сама того не замечая, зачитывалась и погружалась в сумбурную, кисло-сладкую вязь романа, потом спохватывалась, что она не читательница, а исследователь. Она начинала еще быстрее перелистывать страницы, затем ее движения замедлялись, и она замирала, стараясь сообразить, откуда в логовище Григория возникло склонное к вампиризму существо с лиловыми глазами, в футболке с надписью «Спартак» Ереван», и куда пропало из романа чучело снежного барса, оживающее в полнолуние и представляющее опасность для жильцов всего квартала.

Прервав на этом чтение, Лидочка отправилась в хозяйственный магазин за пластиковым ведром для Глущенок. Ведра были только оранжевые, и продавщица добродушно объяснила, что такие ведра реже теряются на огородах.

Затем Лидочка спустилась в метро и начала знакомое, надоевшее путешествие в Челушинскую. Электричка, редкий случай, оказалась пустой, и ей даже удалось занять место у окна.

За полчаса дороги Лидочка намеревалась просмотреть последние пятьдесят страниц.

Глава 10

«Григорий открыл дверь своим ключом. Дома никого не было. В светящемся хрустальном шаре, забытом Глорией на круглом столе под бархатным черным абажуром, переливались сонные образы. В другой комнате, отданной Дарии, все предметы были освещены ярко и солнечно. Дария в отличие от матери, проводившей основное время в ночных клубах космоса («Подыщи другое слово!»), *любила яркий свет, проводила как можно больше времени на солнце, лучи которого столь бысто и энергично окрашивали ее кожу* (восклицательный знак), *что Дария ходила загорелой, словно полинезийская красавица-дикарка, с марта по ноябрь.*

...Почти половину комнаты Дарии занимал большой итальянский диван с мягчайшими подушками. Сбросив ботинки, Григорий растянулся на нем и даже попытался задремать, ощущая себя как в ту первую ночь на ложе любви в подземельях Бутана... Как давно это было и как трудно оказалось отыскать Глорию своей мечты в реальном мире несчастной России!

Закрыв глаза, Григорий старался отгадать томительную загадку, почему, когда, от кого Глория произвела на свет столь непохожую на нее, пышнокудрую блондинку, ненавидящую тьму и даже сумерки. Был ли тем мужчиной снежный барс, который, как понимал Григорий, на самом деле был не барсом, а инкарнацией Великого Могола Аурангзеба, смерть которого на поле битвы перенесла снежного барса в иную оболочку, оболочку того странного, одноглазого певца в трамвае, который уже третью неделю преследовал Григория...»

Лидочка, оказывается, пропустила историю одноглазого певца, которая, к счастью, не имела отношения к сюжету.

«...Хлопнула дверь. Григорий не открывал глаз. В приоткрытую дверь заглянула Дария.

— Ты пришел, Григорий? — спросила она, и незачем было его спрашивать, ибо кто же, кроме астрологического отца, мог лежать на итальянском диване. — Ты будешь принимать пищу?

— Нет, — лениво ответил Григорий, вытягиваясь, словно барс, на диване. — Мне и так хорошо.

— Ну засни, — засмеялась Дария, которая понимала Григория больше всех, даже больше, чем мать, может быть, потому, что они много времени провели, касаясь друг друга (восклицательный знак), *когда готовили уроки, читали книги или когда Григорий держал девочку на коленях и она незаметно росла, превращаясь во взрослую девушку легкой воздушной красоты, и совершенно непонятно было, как такая белогрудая красота могла зародиться в отсыревшей глуши бутанских подземелий.*

Вот и сейчас возникла неловкость оттого, что взор Дарии застиг его лежащим на диване. О, как бы не догадаться ей, что причиной тому его неизбывное стремление коснуться губами диванных атласных подушек, хранящих аромат волос Дарии, и впитать нюхом («Впитать нюхом!» — побойся бога, Сережа!») *треволнение ее духов, прижившееся в диванных подушках.*

Григорий вскочил!

Дария одарила его смущенным любопытствующим взором.

— Скажи мне, Григорий, — задала она неожиданный вопрос. — Сколько было лет моей матери, когда ты встретил ее впервые шесть лет назад?

— Сколько и сегодня, немного за двадцать.

— Но меня в то время не было?

— Тебя еще не было.

— Откуда же я возникла? Кто мой отец? Есть ли я в действительности?

— Неужели Глория ни разу не открыла тебе глаза? — спросил Григорий с тайной надеждой, ибо и сам мучился этим роковым вопросом.

Движением утомленной пантеры Дария приблизилась к мужчине. Ее ресницы призывно трепетали.

Непроизвольно рука Григория поднялась и коснулась ее горячей нервной спины.

— О, не смей! Ты пробуждаешь во мне чувственность. Я становлюсь банальной самкой («Может, найти для самохарактеристики персонажа другое слово?»). *Ты не представляешь, какой бедой для нас может обернуться взаимное стремление наших тел и душ!*

— Я клянусь, что постараюсь держать себя в руках, — хрипло прошептал Григорий, закрывая воспаленные от желания веки и сглотнув слюну.

— Являюсь ли я для тебя новым, юным, прекрасным воплощением Глории? — спросила Дария.

— Нет, — искренне ответил рано поседевший мужчина. — Ты для меня являешься отрицанием твоей матери. Она — чернота волшебства, она — воплощение злобной мантры и ее порождения чакры. Ты же воплощение светлого солнца.

— Я сама порой ощущаю в себе отрицание всего мира, который окружает маму и который ее породил. Те черные видения, которые материализуются в маминой комнате, те голоса, которые шепчут заклятия в утренней мгле, и тот страшный человек-слон, который выходит порой из стен и поджидает меня на лестнице и в темном подъезде, стремясь овладеть мною и увлечь меня в свои владения...

— Но человек ли он? — спросил Григорий, который уже имел несчастье видеть страшный облик («Неправильно!») *человека-слона, странного существа, схожего с человеком, лицо которого заканчивалось длинным серым хоботом.*

— Он — воплощение Ганеши, южноиндийского бога, мы с этими богами в дальнем родстве, — ответила Дария, поворачиваясь к столу и ставя чайник на подставку. Затем она схватила голову Григория и прижала ее к своему животу («Носом, да?»).

— Ты будешь моим, — прошептала Дария, — ты будешь моим единственным и драгоценным мужчиной. Но жди, тебе придется ждать, пока я смогу изгнать человека-слона, власть которого над нашим домом велика, и мне непонятно ее происхождение.

Григорий встал, ибо так ему удобнее было обнять белокурую красавицу. Ее тугая грудь, таившая сердце, прижалась к его сердцу, и их пульсы бились в унисон («Стиль!»).

Они стали целоваться, и все сильнее бились сердца, а желание, зародившееся в мозгу, опускалось все ниже, пока не поселилось в чреслах («Сережа, фу!»).

— Только не сейчас, — шептала Дария. — И не здесь. Я не готова.

Она была права. Из-за окна, поднимаясь как на воздушном шаре, показалась страшная морда Ганеши — сначала серая морщинистая макушка, затем серый лоб, под которым уместились маленькие глазки — без переносицы, лоб переходил в сморщенный и плотоядно изгибающийся хобот.

— Оу! — воскликнула девушка и закрыла глаза от страха и наслаждения.

— Нет! — возразил Григорий. — Ты будешь моей!

И тут раздался стук...»

Лидочка перевернула страницу и поглядела в окно. Дул ветер, он пригнал откуда-то темные тяжелые тучи. Солнце пропало. Пыль крутилась по платформе. Люди спешили в вагоны, опасаясь еще не начавшегося дождя.

За окном потянулся лес — Лосиный Остров. Сколько раз Лидочка, как и миллионы других жителей Москвы, собиралась выбраться сюда... Итак, в нашем мистико-эротическом повествовании появился человек-слон, создание неприятное, подглядывающее в окна, когда герои намеревались целоваться... Ни один настоящий слон, наверное, не додумался бы до этакого безобразия.

Руслан крутился вокруг Даши уже несколько месяцев и,

видно, беспокоил Сергея... Впрочем, трудно определить меру жизни в творчестве писателя — бывали случаи, когда автор сознательно сводил счеты с людьми в своих произведениях. И его враги, и его друзья оказывались на страницах в сомнительном положении.

Неудивительно, что наивный, но житейски хваткий Толик нашел в рукописи Сергея желанный материал. Угадывая людей, он тут же распределял их по страницам уголовного дела. Для него роман стал шахматной доской, на которой по воле Сергея передвигались фигуры, вполне узнаваемые и уже подозреваемые милицией.

Лидочка продолжила чтение, натолкнувшись через несколько страниц на любовную сцену героя и Глории.

«...Сколько сладостных ночей провел Григорий в этой сладкой, наполненной экзотическими ароматами пещере! Но сегодня нечто иное, светлое и неподкупное («Не то слово!») *тревожило его и звало вырваться на свет.*

Глория медленно раздевалась.

Она была освещена лишь пламенем свечи.

Показались ее гладкие смуглые плечи, показалась прядь ее вороных волос («У меня такое впечатление, что раньше (см. гл. 4 и 5) ты подчеркивал ее бледность. Почему он только сейчас заметил черную прядь? Значит ли это, что дома она ходила в платке?»).

Неверный свет свечи заиграл на обнажившейся груди Глории. Грудь была такой же девичьей и упругой, как шесть лет назад в подземельях бутанского дворца. Желание вспыхнуло в Григории с новой силой, и он стал срывать с себя одежды, которые беззвучно планировали на ковер.

Почти неслышная мелодия заиграла в воздухе («Стиль!»), *и Глория подняла к потолку тонкие руки в звенящих золотых браслетах.*

Подобно кобре под звуки дудочки факира в Джеллахабаде, ее гладкое, подвижное, скользкое в движениях («!») *тело несло в себе такой запас страстного желания, что Григорий, хоть и был только что намерен поговорить с Глорией раз и навсегда о том, что сердце его склонилось к Дарии и лишь ее плоть отныне беспокоит его высокие чувства* («Плоть ли?»), *не удержался и потянулся к источнику страсти.*

Тихо ахнула Глория, словно удивляясь прикосновению алчущих рук, она откинулась назад и упала на диван-кровать, одной рукой откидывая стеганое одеяло, другой привлекая к себе возлюбленного.

В полутьме глаза Глории увеличились до размеров немыслимых и приняли форму глаз огромной птицы.

— Скорее, скорее! — молила Глория, извиваясь в руках Григория, словно пойманная им сильная птица, которая на самом деле и не желает вырваться из его рук.

Скорее, скорее... И вдруг в комнате вспыхнул свет.

— Я не могу! — закричал Григорий, увидев Дарию. — Она потребовала, она соблазнила меня, как это бывало всегда!

— Да, я всесильна, — обратилась Глория к дочери. — Даже в соперничестве с тобой я возьму верх. И не потому, что мне так нужен Григорий. Но он — выдуманный мною мужчина. Я его познала в подземельях Бутана, он мой астральный антипод, и потому мы обречены навсегда оставаться парой сынь и янь, воздух и плоть, гроза и ручей. Ты понимаешь меня, дочь?

— Но как я могу спать, о, мама! — ответила Дария. — Как могу я заснуть, если всем телом я стремлюсь к Григорию, и в то же время меня продолжает преследовать человек-слон?!

— Ганеша? Неужели он проник сюда из Бомбея? Я же оставила его бесчувственным, изнемогшим от любви в храме Шри-Вандахары в предместье Бомбея. Это было двадцать лет назад...»

Когда поезд остановился в Мытищах, Лидочка прервала чтение, потому что на следующих страницах его герои, вместо того чтобы заниматься чем-нибудь полезным для себя и общества, направились воздушным путем в Бомбей, чтобы отыскать в подземельях храма Чакравихара видеокассету, запечатлевшую насилие, случившееся двадцать лет назад.

Эти сцены не имели прямого отношения к событиям последних дней в Челушинской. К тому же лента на машинке Сергея совсем износилась и последние страницы читались с большим трудом. Лидочка проклинала покойного писателя и мечтала о том моменте, когда он догадается вставить в машинку новую ленту. В конце концов, почему она должна портить себе глаза из-за того, что начинающий классик эротической эзотерики экономил на лентах для пишущей машинки?

Лидочка решила дочитать роман лишь в том случае, если Сергей сменит ленту.

Она быстро перелистала несколько страниц, приближаясь к концу повествования, но шрифт становился все бледнее... Вдруг ее посетила удача! Автор наконец сменил ленту!

Поезд отошел от Мытищ. Осталось минут шесть-семь, а то придется дочитывать роман на пеньке в лесу.

«Человек-слон бросился по лестнице вниз. Григорий преследовал его. Во дворе, в сумерках, человек-слон казался медведем. Он остановился и крикнул:

— Не подходи!

— Я тебя не боюсь, — ответил Григорий. Он смело шел на серого урода и вдруг увидел, что в его руке что-то блеснуло.

«Пистолет!» — подумал Григорий.

— Брось оружие! — приказал он тихим голосом, чтобы не волновать соседей по дому.

— И не подумаю! — ответил Слон.

Тогда Григорий смело бросился вперед.

Слон прицелился и выстрелил. Но пуля прошла мимо. Этого момента Григорию было достаточно, чтобы броситься вперед и сшибить Слона с ног. Тот тяжело рухнул на асфальт. Григорий вырвал у него пистолет. Слон отчаянно сопротивлялся. В борьбе пистолет неожиданно выстрелил. Слон воскликнул и схватился за плечо. Между пальцами показалась кровь.

— Я тебя ненавижу! — проворчал Слон.

Григорий стоял, выставив вперед руку с пистолетом.

— Беги! И чтобы я тебя больше не видел, — приказал он Ганеше.

Проклиная его, Слон побежал прочь».

Значит, между молодыми людьми, то есть между мужчинами или, еще вернее, между героем и ожившим индийским богом произошел конфликт. Вернее всего, причиной ему была Дария. Конечно, можно было отлистать несколько страниц назад и попытаться разобраться в сути конфликта, ломая глаза на слепом тексте. Но это не так важно. Если важно, Толик подскажет.

«Григорий поднялся на третий этаж и только дотронулся до звонка, как Дария открыла дверь. Глаза ее были расширены, и руки дрожали.

— Что вы с ним сделали, Сергей? — спросила девушка.

— Не бойтесь, я его не убил. Рана у него легкая. Вы знали, что он носит с собой оружие?

— Я никогда не думала, что он посмеет употребить его против вас.

— Надо спрятать пистолет, — сказал Григорий. — Мне не хочется, чтобы кто-нибудь увидел его в моих руках.

— Ты — мой герой, — проговорила Дария. — Ты освободил меня от власти демона. Делай со мной, что хочешь.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — сказал Сергей, положив пистолет на журнальный столик.

— Я боюсь...

— Ты боишься Слона. Он больше не вернется.

— Я боюсь моей мамы. Она не переживет этого. Она убьет нас.

Дария приблизилась к мужчине и положила руки ему на плечи. Ее халатик распахнулся, и показались высокие упругие груди.

От их вида у Григория сжалось сердце.

— Пойдем в мою комнату, — прошептала Дария.

— А вдруг придет мама? — спросил Сергей (зачеркнуто, сверху написано «Григорий»).

— Нет, она задержится.

Говоря так, Дария завлекала Григория к себе в комнату.

— Ты не обманешь меня? — спрашивала она. — Ты женишься на мне?

— Ты — моя красавица, — ответил Григорий. — Я обязательно женюсь на тебе.

Слова его были неразумны, он не чувствовал опасности. Ему вскружили голову прелести блондинки.

— Погоди, — сказала Дария. — Я задвину шторы. А ты пока разденься.

Григорий начал раздеваться, а Дария тем временем задвинула шторы. В комнате стало полутемно.

— Скорее, — сказала она, — а то я замерзну.

Григорий запутался в брюках, и Дария засмеялась над его неуклюжим поведением...»

Боже мой, несчастный Григорий! Ему все время приходится встречаться с женщинами в каких-то форсмажорных ситуациях. Может, в этом выражается какая-то сексуальная неполноценность самого Сергея?

«— Ну скорей же!

Девушка упала спиной на диван-кровать. Раздевшись, Григорий опустился рядом с ней и стал гладить ее живот.

— О, я живу в ожидании счастья с любимым мужчиной, — прошептала Дария.

Григорий овладел девушкой.

— Ты делаешь мне больно! — воскликнула она.

— В этом и есть любовь, — ответил Григорий. — В любви мы всегда доставляем боль.

— Но есть и сладость.

— Сладость исходит из боли, — ответил Григорий.

— Скорее, скорее! — молила Дария, извиваясь в руках Григория, словно пойманная им сильная птица.

В пароксизме страсти они не заметили вошедшую в комнату женскую фигуру. Вспыхнул свет.

Это была Лиза.

— Мама! — воскликнула Дария, соскочив с дивана. Она схватила валявшийся на полу халатик, чтобы прикрыть неприличную наготу. — Мама! Он обещал на мне жениться! И под предлогом этого овладел мною.

— Это правда? — спросила Глория.

С ужасом Григорий понял, что у нее в руке находится пистолет, который он отнял у человека-слона.

— Могу ли я одеться? — спросил Сергей.

— Обязательно оденься. Я не казню тебя в доме. Я не хочу, чтобы милиция нашла твой труп в моей квартире.

— Но где ты меня убьешь?

— Вот этого ты не узнаешь до самой последней секунды своей жизни! — С этими словами Глория покинула его. Следом ушла ее поникшая дочь».

Поезд тяжело остановился у Челушинской, и зачитавшаяся Лидочка кинулась по проходу, прижимая к сердцу листы рукописи. Она боялась не столько опоздать выскочить из электрички, как потерять страничку из папки. В другой руке была сумка и пластиковое ведро, которое просил привезти Женя. Люди смотрели ей вслед — наверное, она произвела дикое впечатление. Они не знали, что эта женщина собственными глазами увидела, как человек после смерти может указать на убийцу.

Электричка ушла. На платформе стояла одинокая скамейка.

Конечно, она могла бы потерять несколько минут и дочитать этот фантастический документ у Глущенок в тишине и уюте, но она не могла дотерпеть. Осталось совсем немного, страница с хвостиком.

«...Неоднократно Григорий пытался дозвониться до квартиры Глории. Телефон не отвечал, словно все уехали оттуда.

Ежедневно вечером Григорий подходил к их дому и долго стоял, глядя на черные прямоугольники окон. Никого не было дома.

С тяжелым сердцем он возвратился домой. Он открыл дверь, вошел к себе в квартиру. Неприятное предчувствие охватило его. Он зажег свет в прихожей, затем заглянул в свою комнату.

На диване сидела Глория. Черные волосы растрепаны, как воронье гнездо, глаза — в черных кругах.

— Как я рад, — воскликнул Григорий, — что ты пришла! Я уж не знал, что подумать. Вы куда-нибудь уезжали?

— Неужели ты не нашел каких-нибудь более важных слов в последние минуты своей жизни? — спросила Глория.

Она вытащила пистолет, Григорий понял, что его жизнь подошла к концу. И он был не в силах изменить свою судьбу.

— Я не могу, — сказала Глория, — чтобы мои знакомые смеялись надо мной. Любовник матери женится на ее дочери! Это невыносимо!

Он стоял, опустив голову, словно школьник у доски. Она выстрелила в него два раза, затем вытерла краем скатерти рукоять пистолета и выбросила его в окно.

Она была уверена, что он убит и контрольный выстрел не нужен.

Затем она ушла, захлопнув за собой дверь. Соседи выстрела не слышали. Его труп обнаружили лишь на третий день. На похороны почти никто не пришел».

Все?

Лидочка посмотрела в папку. У нее было странное чувство, что, пока бежала по вагону электрички, она потеряла последние страницы. Нет, без сомнения, роман кончался именно гибелью героя. С удивительной прозорливостью Сергей предугадал свою смерть, и из могилы, с того света, направил указующий перст на Лизу Корф.

Глава 11

Глущенки Лидочку сегодня не ждали. Они думали, что она приедет в субботу.

— Тем лучше, — сказал Женечка. — Ты проведешь у нас не два дня, а три.

— Я не знаю, сколько я проведу у вас времени. Держите ваше ведро.

— Ах, какое красивое! Сколько я тебе должна? — спросила Итуся.

Пуфик прыгал и норовил облизать руку Лидочки.

— Что-нибудь случилось? — спросил Женя.

— Все переменилось.

— В чем?

— В деле Сергея Спольникова.

— Почему?

— Главной подозреваемой в убийстве стала Лиза Корф.

— Этого еще не хватало!

— У нее есть мотив и нет алиби.

— Давай, заходи в дом, сейчас дождик пойдет.

Они уселись на веранде. Итуся стала поить Лидочку японским грибом, который разводила в большой банке. Гриб был кисловатым и напоминал о детстве. У мамы был когда-то такой японский гриб, и его вкус, кислый и чуть пыльный, Лидочка запомнила на все прошедшие годы.

— Я вам оставлю рукопись, — сказала Лидочка, рассказав о событиях последних дней. — Мне незачем ее тащить к Анатолию Васильевичу, у него уже есть экземпляр. Я постараюсь узнать у него, что происходит и что он намерен делать. Еще я хочу зайти к Ольге.

— Нам всю рукопись читать? — спросила Итуся.

— Зачем? Вам не понравится. Это мистический, эротический роман. Сергей хотел заработать денег, а верная ему редакторша Марина помогла внедрить рукопись в издательство. Я сегодня говорила с главным редактором. Он искренне не подозревает о содержании романа. Но ощущает долг перед покойным автором.

— А разве так можно? — удивилась Итуся.

— В наши дни это реально. Сроки издания книг стали мгновенными, содержание куда меньше волнует издателя, и

опытный редактор, имеющий связи и пользующийся доверием, может протолкнуть книжку. Теперь же, я думаю, раз Сергей умер, у Марины больше шансов довести до конца свою операцию. И, наверное, Марина сделает все, чтобы посмертный труд Спольникова увидел свет. Мы еще увидим небо в положительных рецензиях.

— Ты меня заинтриговала, Лидочка, — сказала Итуся. — Я немедленно начинаю читать. Тем более если Сергей предсказал в нем собственную смерть.

— Не надо читать все. Сначала он плутает по Гималаям в поисках смысла жизни и женщины, а вот в конце сталкивается с реальной жизнью. Главное — несколько последних страниц, он сменил на них ленту. До этого читать нелегко.

— Замечательно, — сказал Женя, — я читаю последние страницы, а ты, Итуся, все остальное, потому что имеешь склонность к астрологии, телепатии и прочим вершинам познания.

— Я имею склонность к тому, что помогает людям, — ответила Итуся, продолжая странный семейный спор.

Пуфик проводил Лидочку до калитки. Но на улицу не выбежал, видно, Лидочка не входила в число уважаемых им гостей.

Лидочка шла до милиции минут двенадцать. Она не спешила.

Парило. Дождь уже несколько раз начинался и прибил пыль на дорожках, но все не мог разразиться как следует. Видно, ему не разрешал старый Лидочкин барометр, который утром стоял на «ясно».

Лидочку смущала неправильность в ходе событий, нелепость, за которую она никак не могла ухватиться. Кто-то дурачил ее, но кто и зачем? Что за вереница преступников, которые хотят и могут убить Сергея? Но ведь в самом деле его смерть никому не нужна. А может, причина известна всем, а мы смотрим мимо нее?

Навстречу Лидочке шел молодой человек в черных очках, одетый, несмотря на жару, в кожаную куртку и кожаную кепку. Он был или идиотом, или нуворишем. Молодой человек

внимательно посмотрел на Лидочку и вдруг неприлично выругался.

Лидочка вздрогнула и ускорила шаги.

Она не знала этого молодого человека и не понимала, чем она вызвала такую вспышку нелюбви?

Пройдя шагов двадцать, она обернулась. Молодой человек тоже остановился и смотрел ей вслед.

Тогда Лидочка его узнала — это Владимир, старший из братьев-разбойников.

— Голицын тебя предупреждал! — громко сказала Лидочка. — А ты опять за свое?

Владимир плюнул и пошел дальше.

Дежурный в милиции был ей не знаком. У него пышные рыжие брови, словно наклеенные на очень белое лицо.

— Здравствуйте, — сказала Лидочка. — Мне нужно видеть следователя Голицына.

— У нас нет следователей, — ответил вежливо дежурный. — У нас есть только оперуполномоченный Голицын.

— Эй, Мордонов, это ко мне?

Из глубины коридора надвигался Василий-мордоворот.

— Нет, это к Толику, к Антолию Васильевичу.

— Он через час будет или через два, — сказал Василий, не узнав Лидочку.

Ну и хорошо, что не узнал.

— Он в Пушкино уехал, — сказал дежурный. — Что ему передать?

— Моя фамилия Берестова, я из Москвы, свидетель по делу Спольникова. Я снова приду, через два часа.

— Я запишу, — сказал бровастый Мордонов.

Лидочка покинула милицию и пошла к Ольге.

У нее возник план, подсказанный прочитанным романом. Но все зависело от везения — от запасных ключей.

Дома была лишь Катька. Она выбежала к калитке в одном купальнике, открыла калитку и впустила Лидочку. Прибежал пес.

— А я на водохранилище собралась, — сообщила Катька. — За мной девчонки зайдут.

— А мама где?

— Мама на работе, она до двух работает. Если хотите, идите к ней в библиотеку, вы знаете, где она в клубе сидит?

Катя просто лучилась молодым здоровьем, хоть лепи с нее девушку с веслом.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Может, мне не надо к ней идти, если у вас есть ключ от соседнего дома. Мне кажется, что твоя мама говорила, что запасные ключи хранятся у вас?

— Катеринка! — послышалось снаружи. У калитки стояли две девушки.

— Сейчас! — откликнулась Катя.

Она побежала в дом и вернулась уже в сарафане поверх купальника. В руке она вынесла связку ключей.

— Кажется, эти, — сказала Катя, передавая ключи Лидочке. — Вот этот от входной двери, этот от большого сарая, в котором подпол, а этот от веранды. Остальные не знаю от чего. Может, вы сами разберетесь?

Кате не приходило в голову, можно или нельзя отдавать ключи Лидочке. Лидочка была взрослой тетей Лидой, и, если нужны ключи, значит, так и должно быть.

Они с Лидочкой вышли из калитки вместе. При виде Лидочки девушки перестали щебетать.

— Вы обедать у нас будете? — спросила Катя, демонстрируя подружкам близость к такой красивой женщине.

— Не знаю, спасибо, — сказала Лидочка. — Но маму я в любом случае дождусь.

Катя помахала Лидочке, и девочки втроем побежали по улице к станции.

Лидочка не склонна к авантюрам, но любопытна.

Детективные истории привлекали ее только как читательницу, и умения, а тем более желания вторгаться в жизнь других людей у нее никогда не водилось.

Но эта история оказалась снежным комом, который увлек с собой и Лидочку. История была неправильной, наперекосяк, в качестве подозреваемых в ней участвовали несколько человек, совершенно не приспособленных к подобным ролям.

Она поехала в Челушинскую не для того, чтобы отвезти Глущенкам ведро, и не потому, что Даша просила ее заступиться за мать. Она и без того хотела побывать там и понять, что же знает и думает Голицын.

И тут она поняла, что нужно попасть в дом, где погиб Сергей.

Она была почти уверена, что увидит нечто, ускользнувшее от взора Толика, потому что Толик смотрел в неверном направлении. Теперь же, когда рукопись стала как бы вещественным доказательством, Лидочка хотела увидеть, каким образом и в какой обстановке она была сделана.

Лидочка миновала сад. В траве желтели яблоки, упавшие с деревьев. Головы соцветий флоксов покачивались на уровне груди. Когда, одолев замки, Лидочка проникла внутрь дома, она поняла, что его замкнутость была условной. Одно из окон было приоткрыто, так что желающий мог через него забраться и выйти без всяких ключей. Может быть, сюда уже лазили местные мальчишки.

На кухне роились мухи. Лидочка открыла холодильник, который стоял у самой двери, из него пахнуло плесенью. Холодильник был отключен. По просьбе Толика Ольга вытащила и выбросила продукты, но следы продуктов были достаточной добычей для мух. Казалось бы, летом для мух хватает пищи на улице. Но и мухе иногда хочется чего-нибудь экзотического. Например, крошки из французского печенья или кусочка кальмара.

Лидочка захлопнула холодильник. Кухня была длинной, за холодильником вдоль окна тянулся большой стол, на котором сиротливо стояла пишущая машинка, лежали стопки бумаги и копирка. Дальше, за столом, угол был заставлен большими пустыми бутылками. Лидочка как-то слышала, что хозяева дачи заготавливают на зиму вино из черноплодки и черной смородины. Дверь слева вела в комнату без окон, где нашли тело Сергея, дальше стоял кухонный стол, плита и столб ОГВ-отопление и горячая вода.

Обе спальни были аккуратно прибраны, кровать Сергея застелена.

Лидочка вышла в прихожую. Отсюда лестница вела на второй этаж. Лидочка медленно поднялась по крутой лестнице, стараясь ступать как можно тише: с каждым шагом ее все больше охватывало чувство неловкости, даже преступности своего поступка. В конце концов, она не имеет никакого отношения к Сергею. Она свидетельница, и не более того. Может быть, ее излишнее участие в этом деле объясняется лишь

тем, что у Сергея нет близких родственников. Нина и Лиза, некогда близкие ему женщины, угодили в подозреваемые.

Но это не оправдание для того, чтобы обыскать дом, в котором Сергей погиб.

Наверное, ты зря радовалась, Лидия, когда оказалось, что Ольги нет дома, а Катя, не задумываясь, отдала тебе ключи. Если бы Ольга была дома, ты уговорила бы ее пойти вместе, и не было бы страха и сжатости сердца.

— А разве страшно? — спросила себя Лидочка, и сама удивилась такому вопросу.

Ну почему же может быть страшно посреди солнечного летнего дня, в населенном поселке, в двух шагах от милиции?

Лидочка поднялась на второй этаж и оказалась в продолговатой, большой комнате. В торце комнаты был эркер, в котором умещалась раскладушка. Когда Лидочка подошла к нему, то увидела сверху зеленую массу обильного сада и зреющие, желтые яблоки. На яблони напал какой-то мор, и потому много яблок, не дозрев, попадало за землю. Замерев и вслушиваясь в тишину сада, Лидочка услышала, как мерно ударяются о землю падающие яблоки.

А может, это шаги?

Лидочка обернулась.

По обе стороны комнаты, ближе к лестнице, в обшитых вагонкой стенах были две двери, они не запирались. Они вели в скосы, образованные крутой крышей и стенами комнаты. Там, наверное, хранилось всякое барахло, что накапливается в любом доме за десятилетия...

Лидочка прошла к одной из дверей и приоткрыла ее.

И тут же отшатнулась.

Кто-то пронесся рядом, сшибая пустые бутылки и опрокидывая картонные коробки.

Лидочка едва сдержала крик.

Загремела крыша. Тот, кто таился за дверью, каким-то образом выскочил на крышу и помчался по ней.

Кошка, конечно же, кошка!

Значит, таиться там никто не может — человек напугал бы кошку раньше, чем туда заглянула Лидочка.

За дверью были видны доски, картонки, куча тряпья...

Лидочка повернулась к другой двери, хотела заглянуть и туда. Но остановилась. За плотно закрытой дверью ей почу-

дилась угроза. Слишком тихо стало вокруг... Конечно же, ничего ей грозить не может, тем более что она и не собирается заглядывать в ту дверь... Ей все равно пора спускаться — что она забыла на втором этаже дачи?

Лидочка быстро сбежала по лестнице.

Внизу было спокойнее. Может, потому, что дверь в сад совсем рядом.

«Наверное, это чувство тревоги оттого, — подумала Лидочка, — что я виновата. Я вторглась в чужой дом, в мертвый дом. И в нем, хоть так и не бывает, все еще присутствует дух убитого человека. Ведь взяли люди откуда-то эти сроки: девять дней, сорок дней... Есть ли в них смысл движения человеческой души прочь от живых? Никогда не приходило в голову проверить: а как у других народов, в далеких цивилизациях — соблюдается ли такой же странный двухступенчатый срок исчезновения души человека?»

Эти мысли заняли Лидочку, но не изгнали страхов, странного чувства, что в доме, кроме нее, есть кто-то еще.

Лидочка выглянула в кухонное окно. Сквозь листву проглядывали сараи, стоявшие спинами к забору Ольги. Если что-то случится, сколько ни кричи, никто не услышит. Надо перейти на другую сторону дома, к приоткрытому окну, которое выходит в переулок, там кто-то может быть.

Знаю ли я, что мне надо искать?

«Нет, толком не знаю», — призналась себе Лидочка.

Лидочка оглядела стол возле пишущей машинки. Потом заглянула под него. Там валялась лишь разорванная красная коробочка из-под ленты для пишущей машинки. Больше ничего. А вот и старая, использованная лента на катушке. Она откатилась почти к самому холодильнику.

Подобрав эти предметы, Лидочка положила их на стол, а сама пошла в комнату, где Сергей обычно спал.

На столике у кровати валялось несколько исписанных листов. Лидочка подняла их, пробежала глазами. Оказалось, что это лишь черновики к популярной книге о растениях Крыма. Лидочка уселась на кровать и принялась внимательно перебирать листки, переворачивая их: нечто полезное могло оказаться и на обороте.

Над головой, на втором этаже кто-то прошел. Легко, на цыпочках.

Лидочка вспомнила, что там гуляет кошка, и не испугалась. Она перешла в гостиную и стала наугад просматривать книги.

Почему-то Лидочке казалось, что Сергей должен где-то оставить планы, черновики, наброски к своему опусу. Ведь лежат же в спальне черновики ботанического труда!

Странно. Слишком уж здесь прибрано... Вот на столе несколько книг с завлекательными названиями — тантра, буддизм, астральные тела и прочие загадочные штуки, которые Сергей, видно, изучал, но не оставил ни одной закладки. Хотя Лидочка по старой памяти знала, что Сергей при работе доводил книги, которыми пользовался, до жалкого состояния, загибая углы страниц, делая пометки, помарки, вырезая нужные ему страницы или абзацы. Как-то у него даже был разговор по этому поводу с Лидочкой, которая сжалилась над искалеченной книжкой. «Такова жизнь, — глубокомысленно заявил тогда Сергей. — Сильные пожирают слабых. Ленин тоже писал на полях. Чужая книга — лишь материал для собственной». Может быть, Сергей тогда шутил или оправдывался. Вернее всего, он был вполне серьезен.

Книги, которые лежали на столе, были чисты, не читаны, не тронуты.

Должны быть другие? Но кто и почему их убрал?

Лидочка возвратилась на кухню, к столу, на котором стояла пишущая машинка.

Листы бумаги, лежавшие рядом с машинкой, были чистыми.

На всякий случай Лидочка подняла и посмотрела на свет лист копирки. Он был вытерт, почти прозрачен от долгой службы. Больше ничего интересного она не обнаружила.

Лидочка прошла в сени и заглянула в пустое помойное ведро.

Должно быть, содержимое его кто-то выбросил. Остался лишь лист копирки, приклеившийся к стенке изнутри.

Лидочка вытащила его из ведра. Посмотрела на свет.

Им пользовались, но лишь несколько раз. Кое-какие буквы можно было разглядеть. Но зачем?

Все же Лидочка перенесла листок на кухню и положила его на стол.

Скрипнула лестница. Лидочка обернулась. В дверь были видны нижние ступеньки, но кошка не появилась.

С каждой минутой ей все более хотелось отсюда уйти. Словно песок в часах, которые отмеряли ее время здесь, пересыпался в нижнюю колбочку, вот-вот ударит колокол...

На дальнем конце стола лежала книга.

Книга заинтересовала Лидочку по простой причине — когда-то они делали ее вместе. «Тропами Подмосковья» — одна из книжек, выпущенных Сергеем в «Московском рабочем». А иллюстрировала ее Лидочка. Ну и делал бы свои путеводители и справочники. Цены тебе в этом деле не было. И кому нужен был твой мистический роман?

Лида взяла справочник. Он был толстенький и солидный, как хорошо откормленный карапуз. Между страницами виднелся краешек закладки.

Лидочка открыла книгу. Закладкой служила написанная от руки записка на английской языке:

«L! There is a shed beyond the house with the cellar under it. My draft copies are there. Read them and you'll understand a lot. Sincerely Sergey».

Лидочка с облегчением вздохнула, словно забралась на перевал и увидела впереди обещанную зеленую долину.

Не зря она так сюда стремилась, прочтя неладный роман Сергея.

Она была убеждена, что записка адресована именно ей.

По крайней мере, три соображения говорили в пользу этого.

Во-первых, записка была вложена в их с Сергеем общую работу.

Во-вторых, записка была адресована кому-то, чье имя начиналось с буквы «Л».

В-третьих, она была написана по-английски. А английский в их кругу хорошо знали лишь Лидочка и Сергей. Когда-то, в Крыму, они даже договорились разговаривать для практики только по-английски. Но на третий день пришлось эту затею оставить — Елизавета бесилась от ревности. С тех пор Сергей с Лидочкой порой обменивались английскими книжками — оба были поклонниками классического английского детектива, в котором сыщик думает, а не распускает лапы.

Лидочка еще раз перечитала записку:

«Л!

За домом есть сарай, в нем подпол. В подполе лежат черновики. Прочитай их и многое поймешь. Твой Сергей».

Значит, он боялся беды? Ждал ее? И надеялся, что никто, кроме Лидочки, не обратит внимания на закладку в справочнике. А если и обратит, то не сможет прочесть...

...За домом есть сарай.

Сарай был отлично виден из окна. Он был стар, под двускатной железной крышей, окошко под потолком, перед дверью две ступеньки. Над дверью светились ветви, обремененные желтыми яблоками.

Наверное, в ту ночь, когда гости уехали, Сергей почувствовал опасность. Он быстро набросал записку и вложил ее именно в ту книжку, художником которой значится Берестова. Он оставил книжку на столе среди тарелок и чашек, надеясь, что книга, лежащая столь открыто, не привлечет внимания. Так и случилось. И вот теперь Лидочка стоит, нервно прислушиваясь к скрипам и шорохам старого дома...

Лидочка взяла с кухонного стола связку ключей.

Что говорила Катька? Вот ключ от входной двери, этот от веранды, а этот от сарая. Наверное, от этого сарая, он больше двух других, прижавшихся к нему.

Лидочка вышла из дома, не запирая за собой дверь, — она сюда еще вернется.

На улице светило солнце, но делало это как-то ненадежно, пробираясь между сизыми рваными облаками, которые грозили настоящим дождем. Неужели барометр ошибся?

Оттого, что по лицу солнца скользили дождевые облака, свет его был каким-то неверным. Кусты покачивались под порывами ветра, листва стучала, словно жестяная.

Лидочка перешла неровную лужайку, где когда-то были грядки, и остановилась в тени большой яблони. Ключ был бронзовый, новенький и легко повернулся в замочной скважине.

Зато дверь открылась с таким скрипом, что, наверное, Василий-мордоворот уже вызвал патрульную машину, чтобы поймать Лидочку и привлечь ее к уголовной ответственности.

Лидочка даже оглянулась, но никого не увидела.

Сильный порыв ветра пронесся над поселком, клоня деревья. Яблоки замолотили по крыше сарая и по дорожкам.

Следующий порыв был еще сильнее. Лидочку толкнуло им в стену сарая.

Внутри сарая было полутемно.

Когда глаза привыкли, Лидочка увидела слева от двери на высоте ее лица два выключателя. Она щелкнула первым — ничего не произошло. Второй выключатель сработал — под потолком загорелась голая лампочка, осветив пыльное и заброшенное помещение. Во всю длинную стену протянулся верстак с тисками и полками над ним, справа разместилась фотолаборатория с большим фотоувеличителем и пыльными ванночками, а по правую руку Лидочки, ближе к двери, под окошком стоял токарный станок.

Люк в подвал занимал середину пола.

Он был велик, сантиметров восемьдесят. Со стороны входной двери в крышке было выдолблено углубление для металлического кольца, за которое следовало потянуть, чтобы открыть подвал.

Лидочка плотно прикрыла входную дверь: ей не хотелось, чтобы кто-то, случайно забредя на участок, увидал, чем она занимается.

Она потянула за кольцо, и люк тяжело открылся, подчиняясь ей. Он весил немало, потому что был сделан из толстых досок в два слоя, видно, чтобы беречь холод.

С немалым трудом Лидочка откинула крышку.

Она громыхнула, ударилась об пол.

Внутри была чернота, из нее тянуло таким пещерным холодом, словно Лидочка в мгновение ока перенеслась из жаркого летнего дня в горную ледяную пещеру.

«Не может быть, чтобы подпол был без света, — подумала Лидочка. — Здесь все сделано так солидно...»

Она вспомнила о первом выключателе, у двери, и снова щелкнула им. И сразу внутри подземелья возник желтый свет. Лампочка была слабенькой. Она висела под самым потолком подвала, но ее света было достаточно, чтобы, склонившись над люком, Лидочка смогла все разглядеть.

Глубиной подвал был около трех метров. Так что если встанешь в нем и вытянешь вверх руки, то до потолка не достать. Под самым люком в стене было видно отверстие, из которого торчал конец толстой горизонтальной трубы, которая, как можно было догадаться, выходила наружу в фундаменте сарая и служила вытяжкой.

Стены подвала были обложены кирпичом, потолок достигал полуметра в толщину, пол устлан досками, по стенам тянулись широкие полки, в дальней стороне этого каменного мешка примерно четверть пола была отгорожена деревянным ларем для картофеля.

Несколько картофелин валялись на полу, они выпустили белые щупальца отростков и казались живыми и злыми.

Сверху не было видно, где же Сергей спрятал папку для Лидочки.

Но спуститься в подвал было несложно: железная лестница казалась надежной. И все же, не то чтобы ей было страшно лезть в самый обыкновенный подвал, но она не могла отделаться от ощущения, что кто-то следит за ней.

Ветер дул почти непрерывно. Длинные пряди облепихи дергались, стараясь вырваться из его хватки, палые яблоки устлали всю дорожку, кошка промчалась по крыше дома, возвращаясь в свое приятное сухое место.

Первые капли дождя ударили по листве. Они били пока редко, значительно, словно это были удары литавр, возвещающие о начале симфонии.

Лидочка со скрипом прикрыла дверь и присела на край проема, спустив вниз ноги. Потом нащупала верхнюю перекладину железной лестницы и медленно, осторожно спустилась вниз. Вот и пол! Доски под ногами поддались, они были неверные, подгнившие, между ними выступила вода.

Нужная папка и в самом деле лежала на широкой полке за проржавевшими банками зеленого горошка.

На папке было косо написано:

С. Спольников.

ЧЕРНОВИКИ.

Лидочка не удержалась, раскрыла папку.

В ней было страниц триста, исписанных рукой Сергея. Неужели он так серьезно относился к своему роману?

Уже через три минуты ей стало ясно, что в папку втиснуты, причем в странной спешке, без смысла и последовательности, листы, одни напечатанные на машинке, другие написанные от руки.

Можно было подумать, что Сергей, прежде чем отнести свой архив в подвал и спрятать его, спешно собрал со стола и из ящиков все бумаги, что имели отношение к его роману. Затем отнес папку сюда и написал английскую записку для Лидочки. Но что он этим хотел ей сказать?

Лида понимала: вернее всего, Сергей рассчитывал на то, что ей придется разбирать его архив в нормальной обстановке, при ярком свете, на сухом и даже мягком диване. Тогда она сможет разложить наброски к наброскам, отвергнутые варианты — ах, как ей нужны сейчас отвергнутые варианты! — к отвергнутым вариантам, а черновик последней главы собрать в особую папочку.

Ну ладно, здесь не место и не время заниматься литературоведческим детективом. Надо выбираться...

Лидочка завязала тесемками папку и положила ее на верхнюю полку. При этом она повернулась к лестнице и вдруг увидела невероятное: лестница быстро, на глазах, так что Лидочка не сообразила, что нужно хвататься за нее, уползла вверх. Впрочем, если рассуждать здраво, Лидочка и не могла задержать лестницу, потому что для этого ей пришлось бы бросить папку, а бросить чужую папку на мокрый грязный пол она не могла себе позволить... Так что она просто стояла и смотрела, как лестница скользнула вверх и громыхнула, падая там, в сарае.

Лидочка стояла посреди подвала, запрокинув голову, и чего-то ждала.

И старалась думать.

Она думала, что сейчас раздастся смех Кати или хохот братьев-разбойников. Никто не засмеялся.

— Эй! — крикнула Лидочка. — Перестаньте хулиганить!

Ну хоть бы откашлялись, хотя бы начали ругаться, ну хоть бы откликнулись!

Никакой реакции. Может быть, лестница сама уползла вверх?

Лидочка подпрыгнула, стараясь достать до края открытого люка, но между ее рукой и верхом оставалось больше метра.

— Ну сколько можно? — спросила она. — Сейчас я так начну кричать, что весь поселок сбежится. И вы пожалеете о своем хулиганстве!

Сверху послышались частые шаги. Шутник уходил из сарая. Скрипнула, закрываясь, дверь.

Стало совсем странно. Значит, кому-то надо было, чтобы Лидочка сидела тут, в подвале. И куда-то не пошла.

Но, во-первых, этот человек должен был знать заранее, что Лидочка полезет в подвал. Значит, он следил за ней, пока она была в доме, а когда увидел, что она лезет в подвал, решил наказать ее и оставить в этой яме.

Интересно, и сколько же ей придется здесь сидеть? За полчаса она непременно простудится и схватит бронхит. Значит, шутник, если он не садист, должен скоро вернуться.

Но шутник ли?

Лидочка старалась перебрать в памяти кандидатов на роль шутника, который способен запереть ее в подвале. И по логике вещей таких людей могло быть весьма немного. Во-первых, братья-разбойники, благо, один из них видел, как она шла утром по шоссе, а во-вторых, Катька или ее друзья. Так, просто, пошутили, у нас бывает... Следующий слой шутников ограничивался Дашей и Русланом. Но зачем им шутить на этой даче, совершенно непонятно.

Судя по тому, в каком направлении продвигались догадки Лидочки, нетрудно понять, что она тщательно, как человек, не желающий знать о гадкой или роковой болезни, не замечает ее очевидных симптомов.

Оставалась возможность, причем вероятная, что все это затеял не шутник, а человек с серьезными намерениями. А именно убийца Сергея. И убийце важно, чтобы Лидочка оставалась в этом подвале, пока... пока что?

Зачем ему надо ее изолировать? Что он выгадывает? Неужели он сообразил, что Лидочка полна подозрений, и своими действиями он подтверждает ее подозрения? И теперь кинулся бежать? Но куда убежишь? Раньше революционеры бегали к Балтийскому морю, чтобы по тонкому льду перейти в Гельсингфорс. А нынче? Неужели убийца намерен скрыться в независимой Белоруссии или более независимой Украине?

Лампочка светила слабо, доски хлюпали под ногами, и между ними выступила черная вода. К счастью, крыс не было — им здесь нечего есть.

Лидочка прислушивалась к тому, что происходит снаружи.

Каменный мешок был замечательно приспособлен, что-

бы несчастный моряк Дантес провел в нем всю жизнь, так и не став графом Монте-Кристо.

Но если враг хотел, чтобы Лидочка погибла, исчезла и лишь через двадцать лет кто-нибудь случайно наткнется на ее скелет, то сообразил бы закрыть крышку ее гроба и завалить ее сверху. Но почему-то убийца этого не сделал, а оставил люк открытым. Если крикнуть как следует, могут и услышать. Но ведь убийца не случайно оставил крышку открытой — что-то он имел в виду. Что он намеревался возвратиться и попросить прощения за дурную шутку?

Лидочка стала соображать, что из досок можно использовать для самодельной лестницы. Во-первых, надо будет выломать полки, сколоченные из толстых досок. Те, что тянутся вдоль длинных стен подвала, достигающих длиной метра два с половиной. Если приставить их к стене, не хватит каких-то полметра. А что, если выломать ящик для картофеля? Нет, не выломается он, а рассыплется на доски. Все здесь внутри подгнило, подмокло, все на живую нитку, лишь стены, выложенные кирпичом, да потолок, лежащий на балках, держатся крепко.

Лида подошла к люку. Оттуда проникал лишь мутный свет — из окошка да от тусклой лампочки. Слышался странный шум. Будто мимо ехал поезд. Почему слышно поезд?

Тут Лидочка догадалась — снаружи льет дождь.

Видимо, он начался всерьез — доносившийся шум был ровным и скучным, ветер утих, и природа после долгого перерыва впитывала струи дождя.

— Эге-ге! — закричала Лидочка, стоя под открытым люком. — Эге-ге! Кто-нибудь тут есть?

И ту же поняла, что дождь ей не на пользу. Во-первых, никто в такую погоду из дома и носу не высунет. Катька с подружками прячется где-нибудь от дождя, Ольга, если придет домой, ни за что не догадается, что в тридцати метрах от нее заточена в каменном мешке несчастная дублерша графа Монте-Кристо. Милиционеру Толику также нет никакого смысла искать Лидию Кирилловну. А шум дождя перекроет любой крик из подземелья.

Ну что же делать?

Во всех детективных и приключенческих романах герой находит выход из положения. Или он строит пирамиду из

пустых ящиков и по ним выходит к люку (нам здесь не из чего сделать такую пирамиду), или он подстерегает врага и, когда тот необдуманно наклоняется над люком, резким движением накидывает на его голову петлю и тянет его вниз, а там уж в отчаянной борьбе ломает ему шею...

«А потом остается с трупом врага наедине на ближайшие две недели», — сказала сама себе Лидочка.

— Ого-го-го! — закричала она. Ей так не хотелось думать о возможности какого-нибудь дурного исхода, что она продолжала смотреть на себя со стороны и даже подшучивать над глупейшим положением, в котором очутилась.

— Ой-ой-ой! — закричала она. — Кто поедет в Холмогоры?

И тут холодная струйка воды ударила ее по лицу. Несильная струйка, как в ванной, когда постепенно открываешь кран.

Лидочка ахнула и отскочила в сторону. И увидела, как сверху, словно любопытная змея, в отверстии горизонтальной трубы, служившей для вентиляции, показался конец водопроводного шланга, того самого, что лежал, свернутый, возле террасы. Самый обыкновенный пластиковый шланг, для поливки огорода.

Из него лилась вода.

— Вы что, с ума, что ли, сошли? — спросила Лидочка.

Ей никто не ответил.

— Я же ноги промочу, — сказала Лидочка.

Молчание.

— Нельзя быть таким невоспитанным хулиганом, — сказала Лидочка. — Это уже переходит все разумные пределы.

Сверху донесся смех.

— Я не собираюсь вас смешить, — сказала Лидочка. — Вам в самом деле надо меня простудить?

Изящная, некрасивая, со смытыми мелкими чертами, головка Марины Котовой склонилась над люком. Марина вглядывалась в глубину. Лидочка смотрела на нее, запрокинув голову.

— Меньше всего на свете я хотела бы тебя простудить, — сказала Марина. — Неужели я кажусь идиоткой?

— Ты все равно кажешься идиоткой, — сказала Лидочка.

— Ты знала, что это я? — спросила Марина.

— Я оставляла место для сомнения, — ответила Лидочка. — Выключи воду и убери этот шланг.

Марина разглядывала Лидочку настойчиво, будто старалась узнать.

— По твоей миости, — продолжала Лидочка, — мне уже пришлось целый час возиться по горло в желтой грязи. Мне не хочется повторять это приключение. Я бы назвала всю эту историю — дело в двух купаниях.

— Не фиглярничай, Лидия, — строго сказала Марина. — Ты ведь умираешь от страха.

— Пока нет, — сказала Лидочка. — Объясни мне, пожалуйста, что ты делаешь и, главное, зачем?

— У меня нет другого выхода, — тихо сказала Марина. Она скинула пепел с сигареты, стараясь попасть на Лидочку, как на неодушевленное существо.

— Знаешь что, Марина, мы с тобой никогда раньше не ссорились. Дай мне сюда лестницу, я вылезу, и мы с тобой нормально поговорим. И если тебе что-то нужно, я буду рада тебе помочь. У тебя проблемы?

— А дождь зарядил основательно, — сказала Марина. Она была словно в трансе, как под наркозом. Ход мыслей порой ускользал, и ей приходилось делать усилие, чтобы вернуться к действительности.

— Ты дашь мне лестницу?

— Ты знаешь, что не дам.

— Но почему?

— Я хочу, чтобы ты там осталась, — сказала Марина. — Ты догадалась обо всем, и мне придется тебя убить.

— К счастью, ты не можешь меня убить, — сказала Лидочка.

— Я с тобой не согласна, — ответила Марина. — У меня все рассчитано. Я не могу позволить тебе остаться в живых. Я подложила тебе записку в кухне. Ты даже не подумала, что она была написана не его почерком. Тебе не пришло это в твою хорошенькую пустую головку. Тебе достаточно было его подписи. Ах, Сережа, Сережа мне подсказывает! Сережа боялся смерти! Сережа спрятал папку с черновиками в подвале, чтобы враги не нашли!

Марина сердилась и говорила визгливо, с кухонными интонациями.

— Ты знала, что я приду сюда? — перебила ее Лидочка.

— Если бы ты не забралась на дачу, ты осталась бы в живых. Но ты выдала себя. Хорошо, что я предусмотрительно положила книжку с запиской на стол. Видите ли, только они вдвоем знают английский! Сережа мне говорил о том, как ты пыжишься от этого! Вот и допыжилась.

— Где же ты скрывалась?

— В метре от тебя. За дверью на втором этаже.

— И записку ты написала заранее?

— Я была на даче с утра. Мне нужно было еще раз проверить, нет ли на даче моих следов. И не оставить никаких следов черновиков Сергея. Я подозревала, что если ты догадаешься, что я переписала конец романа, то обязательно полезешь на дачу искать черновики. Я за тебя думала. Я всегда думаю за других.

— При чем тут черновики? — Лида старалась изобразить удивление.

— Лида, стыдно притворяться! У нас с тобой сейчас наступил момент истины.

Маленькая серая мышка, всю жизнь при ком-то и всю жизнь мечтает о роли женщины-вамп с пистолетом в руке. Как это плохо кончилось!

— Тогда сама рассказывай, — сказала Лидочка, отходя подальше от струйки воды, падавшей на пол. Вода уже поднялась вровень с досками. Если Марина не отключит ее в ближайшие несколько минут, Лидочка окажется в ледяной воде.

— Мне нечего рассказывать, — заявила Марина. Она пододвинула стул к краю люка и уселась на него, так ей было удобнее. Она смотрела на Лидочку сверху, как король на мышь под ногами.

Лидочка молчала. Некоторое время молчала и Марина. Лишь лилась вода из шланга, и сквозь ее шум пробивался шум ливня за стеной.

Марина не выдержала молчания, ей надо было выговориться — без этого ее торжество было неполным.

— Он меня любил, — заявила она. — Это была долгая, трудная, тайная страсть. Он обещал мне, что, как только окончательно распутается с семейкой Корф, мы соединим наши судьбы. А я приезжала к нему на дачу, он работал, нам

было хорошо вместе. Он читал мне... Да, меня смущало появление в романе сексуального символа — Дарии. Но я утешала себя мыслью о том, что художник-мистик имеет право на вымысел, на полет фантазии... Как ты догадалась, что я его убила? Ну, говори же!

— Ты сделала несколько ошибок. Даже странно, что я раньше не догадалась. И странно, что не догадался Анатолий Васильевич.

— Это следователь?

— Это капитан милиции.

— Он просто деревенский дурачок! Что он может придумать! Он так легко попался на новый конец романа! Ему этого хотелось! Мне оставалось лишь подсунуть рукопись с новым концом так, чтобы никто не догадался, что это моя работа.

— Интересно, почему ты не отдала ему первый экземпляр?

— Я должна была сопротивляться! Я должна была покрывать других людей. Вы все должны были поверить, что хоть я и не люблю эту девицу, я стараюсь оградить ее от подозрений.

— Слушай, Марина, убери ты этот шланг.

— Неужели ты до сих пор ничего не поняла, Лида?

— Что я должна понять?

Лида уже догадалась о плане Марины и боялась, что догадалась верно. Она старалась разговорить Марину — ведь преступнику иногда так хочется выговориться перед новой жертвой. Только трудно поверить в то, что ты и есть следующая жертва.

Марина не стала таиться.

— Это просто гениальное изобретение, — сказала она. — Домовитый кулак создал идеальную мышеловку. Я утоплю тебя, и все будут думать, что ты сама туда попала.

— А шланг? — глупо спросила Лидочка. — Шланг найдут и догадаются.

— Не думай, я тебя не брошу. Я останусь с тобой до последней минуты, и только когда ты утонешь, я вытащу этот несчастный шланг. — Марина замечательно владела собой. Все-таки у нее было слабое воображение. Ведь нелегко беседовать с жертвой.

— Ты можешь поливать подвал водой сколько тебе угодно. Вода скорее впитается в пол, — сказала Лидочка.

— Кого ты хочешь обмануть, Лидия? Собственную смерть? Ее не обманешь. Осознай, что в конце концов ты умрешь. Но не через двадцать лет от какого-нибудь отвратительного рака, а сегодня, в чистой воде. Без особых мучений. Примирись с этим, Лидочка.

— А почему ты его убила? Ведь таких же не убивают. — Лиде было страшно говорить о своей смерти.

— Я его убила, потому что все шло наперекосяк. Его любовь — это такая хрупкая субстанция. Я делала для него все, в издательстве, в других издательствах, я устраивала его рукописи, я готовила ему его любимые клецки. Ты знала, что он любил клецки? Он скрывал наши отношения, ты понимаешь, что он таил их от людей? Я хотела, чтобы он женился на мне — да, я отдала ему все, и я хотела всего. Он обещал мне, что мы соединимся. Вот он допишет свой глупый роман...

— Ты считаешь его роман глупым?

Чем дольше они будут разговаривать, тем больше шансов у Лидочки остаться в живых. Ведь в конце концов этот проклятый дождь кончится и кто-то придет на участок. Пока же начал громыхать гром.

— Я объективна, — задумчиво ответила Марина. Она закинула ногу на ногу и покачивала туфлей над головой Лидочки. Вот сейчас туфля упадет, и тогда она не посмеет утопить меня — она же поймет, что ее туфля будет главной уликой...

Будто перехватив мысль Лидочки, Марина перестала качать ногой.

— Для меня его роман существовал лишь вместе с Сергеем. Я любила Сергея. Я любила его настолько, что готова была убить. Он был мой! Он клялся, понимаешь, он поклялся мне. Но я давно подозревала, что он мне лжет. И он проговорился. Еще до вашего прихода, еще днем... Когда я утром приехала к нему сказать, что я прочла роман, что отдала экземпляр художникам, что рецензии положительные. Еще бы, я их сама написала! Я все для него сделала. Ну кто в издательстве будет читать роман, если я написала на него редакторское заключение, а рецензии прислали члены Союза, известные люди? Никому неохота тратить время на чужую белиберду. Главное, чтобы художник сделал яркую обложку...

Вода уже плескалась вокруг ее ног, и подошвы Лидочки промокли. Вода была очень холодной.

— Я приехала к нему утром и рассказала, что все устроила, теперь можно редактировать рукопись.

— А чем кончался роман на самом деле? — спросила Лидочка.

— Это был сплошной бред. Какой-то астральный свальный грех, Дария и Глория, взявшись за руки, пляшут вокруг Григория — они возносятся в эротические или эзотерические сферы и там, конечно же, совокупляются... Оказывается, он спал с этой девчонкой! Я в этом теперь уверена.

— И что случилось в тот день?

— В тот день? Он рассказал мне, что к нему приезжала Даша Корф, та самая девица, которую я давно подозревала, достойная дочь своей матери, и она привезла ему пистолет, который отняла у своего поклонника. Поклонник ревновал ее к Сергею и решил его убить. Даша якобы отняла у него пистолет и не нашла ничего лучшего, чем притащить на дачу. Она думала, что это самое безопасное место. Тогда у меня открылись глаза! Я спросила моего Сережу, а что они потом делали с этой Дашей? Ведь девицы случайно не приносят пистолетов... Я думала, что он начнет бормотать о том, что заменил девчонке отца, — я это уже слышала и верила, как последняя дура. Ничего подобного! Он мне ответил, глазом не моргнув, что они обсуждали вопрос женитьбы. Я даже подпрыгнула. Как женитьбы? Мы, говорит, решили! Ему, видите ли, захотелось свежей телятины!

Странно, но Марина рассказывала о недавнем дне, словно о событии десятилетней давности.

Лидочка слушала монотонную исповедь Марины, но в ее воображении строилась иная, отличная от той, что жила в памяти Марины, картина.

Лидочка пыталась их всех понять.

И ей казалось, что она понимает.

Сергей спал с Мариной, общался с Мариной, ходил в гости к Марине, будучи одним из авторов Марины, но занимал в этой вежливой и, в общем, равнодушной свите особое место. В глазах Марины он был претендентом и, может быть, единственным за долгие годы претендентом на ее руку. Не питая никогда матримониальных планов по отношению к Марине,

Сергей все же был достаточно осторожен и не посвящал ее в свои отношения с Дашей Корф. Он чувствовал, что этого делать не следует. Слишком многое зависит от издательства, от расположения Марины.

Обычный Сергей, обычная ситуация, которая должна была разрешиться в худшем случае скандалом, обреченным на то, чтобы умереть в стенах издательства. Ну, потерял бы Сергей покровительницу. Зато приобрел бы молодую жену.

Но дальше обстоятельства начали громоздиться Гималаями.

Может быть, именно роман с Дашей и весьма сложные отношения с ее матерью подвигнули Сергея на создание эзотерического романа. И деньги были нужны, и слава, а главное, требовала выхода запоздалая сексуальность. Марина проталкивала роман, который ей активно не понравился. Но каким-то образом Сергей, страстно возжелавший увидеть роман напечатанным, дал понять Марине, что любит ее более, чем раньше. И может, даже что-то как-то пообещал или дал ей возможность услышать обещание между строк. И вот на это наложилось появление слонопотама с его страстями и пистолетом.

Для среднего интеллигента пятидесяти годов, прожившего жизнь без войн и насилия, возникновение соперника с пистолетом было необычным и романтическим раздражителем. Пистолет, привезенный юной любовницей, придал его жизни необычную остроту. Ну как Сергей мог не похвастать кому-то этим пистолетом? Пистолетом, предназначенным его убить! И надо было, чтобы этим исповедником оказалась тихая Мариночка.

Сергей, видно, не сообразил, не почувствовал опасности... С романом все в порядке. Роман закончен и пристроен, роман получил хорошие отзывы. С Дашей все хорошо — скоро свадьба. Лиза уже отплакала свое и смирилась. Слонопотам лишен пистолета и больше не приедет. Жизнь только начинается... Оказывается, как поняла Лидочка из сбивчивого и слишком детального монолога Марины, в тот день, когда Марина, страшно гордая собой за эти липовые рецензии, приехала к нему на дачу, Сергей посмел ею овладеть. Марина не понимала, что причиной тому его хорошее настроение и искренняя благодарность помощнице Мариночке. Он ей дал себя на чай... А Марина решила, что это навсегда.

А потом, расслабившись, добрый и любящий всех на свете Сергей рассказал историю с пистолетом, не понимая, что эта история — его признание в любви другой женщине, упавшее на почву давнишних подозрений.

Марина была потрясена, убита...

Она спросила, не собирается ли он жениться на дочке бывшей любовницы, а Сергей, решив, что сейчас как раз самый удобный момент для признания, ответил: «А то как же!»

Марина молчала.

Шел день. Было жарко. Начали подплывать гости...

Марине надо было держать себя в руках и улыбаться. Она вела себя безукоризненно, Сергей даже порадовался, как славно все обошлось.

Чем дальше длился день, чем шумнее становились гости, чем самоуверенней и наглее казался ей Сергей, тем сильнее росло в ней желание поговорить с ним начистоту, любой ценой заставив его отказаться от женитьбы на девчонке, которая через год изменит ему с первым встречным лавочником.

— А откуда появился портсигар? — спросила Лидочка, которой уже было ясно, как все произошло. У нее онемели ноги.

Марина как бы вышла из транса и не сразу поняла, о чем ее спрашивают.

Потом вдруг хрипло засмеялась:

— Эта дура забыла его на скамейке в электричке. Он у нее выпал из сумочки. Я заметила его и взяла, чтобы вернуть. Но у поезда я потеряла Нину и не отдала портсигар. И тут же забыла о нем. А потом выкинула. Не хотелось думать о той женщине!

— Я тебе не верю, — сказала Лидочка, переступая с ноги на ногу. Она сделала шаг в сторону, оперлась о полку и поджала ногу. Так было чуть теплее. — Ты хотела, чтобы подозрение пало на Нину.

— Как я могла это сделать? — ответила Марина. — Кто заподозрит Нину? Воплощение целомудрия!

— И все же ты добилась своего.

— Помимо моей воли, — сказала Марина, глядя в сторону. И Лидочка ей не поверила. В отличие от негодяев в детективных романах Марина вовсе не намеревалась в своей исповеди придерживаться истины. Словно допуская возможность, что Лидочка спасется...

— Марина, хватит, выключи воду, — попросила Лидочка. И уловила нотки мольбы в своем голосе.

«Если Марина увидит, что я боюсь, она начнет наслаждаться моим страхом».

— Испугалась? — засмеялась Марина. — Наконец-то.

— Я не испугалась. — Лидочка постаралась ответить твердо. — Это ты боишься. И заметаешь следы.

Господи, откуда я набралась таких выражений!

— Я отомстила. Не только за себя... отомстила за всех поруганных женщин. Видно, судьбе угодно время от времени посылать в мир таких, как я... мстительниц.

— Ты не убийца?

— Нет. Я совершила суд справедливый... Таким, как он, нельзя оставаться в живых. Слишком велика глубина его падения. Я так и сказала ему...

— Как ты это сделала? — спросила Лидочка.

Скорее бы прекращался дождь! Скорей бы кто-нибудь пришел и вызволил меня!

Она переменила ногу. Ту, которая чуть отогрелась в воздухе, обожгло ледяной водой. Нет, долго я так не продержусь...

Лидочка взяла с полки толстую папку с черновиками Сергея.

— Марина, — сказала она, — честно предупреждаю, если ты сейчас меня не выпустишь, я положу в воду папку Сергея.

— Какую папку? — не сообразила Марина. Потом догадалась: — А, ту самую, что я тебе собрала? Ах ты наш Шерлок Холмс! Догадалась, что я новый конец написала!

— Ты ленту сменила. Это была ошибка. В день убийства лента была старая. Я сегодня утром догадалась, — сказала Лидочка. — Значит, тебе не жалко черновиков?

— Я не буду издавать эту грязную книжку, — сказала Марина. — Все, что связано с этой гнусной личностью, мне отвратительно.

— А я думала, что ты его любила.

— Любила, поэтому я его ненавижу. Ты когда-нибудь испытывала сильные противоречивые чувства? Когда тебе хочется убить предмет своей страсти.

— Не ссылайся на Фрейда, — рассердилась Лидочка.

— Ты никогда не любила по-настоящему, — сказала Марина. — И папка тебе не поможет.

Лидочка положила толстую папку под ноги. Как же она раньше не сообразила! Вода не доставала до верха папки сантиметров двух. Сразу стало легче.

— Я не думала, что убью его. Я же не убийца. Такие, как я, не убивают. Ты веришь?

Лидочка не ответила.

— Такие, как я, — жертвы. — Марина продолжала воспоминания. — Он очень удивился, что я вернулась. Он был встревожен. Сначала я старалась держать себя в руках. Я спросила, соскучился ли он по мне? Сказала, что тоскую и хочу его! Он же был уверен в себе. Он сказал, что мне не стоит оставаться у него, что увидят соседи — будто раньше это кого-то волновало! Я его прямо спросила: а когда эта малолетняя шлюха к нему приезжала, она оставалась на ночь? Он сказал, что это меня не касается, и предложил выпить кофе. Кажется, я начала на него кричать... дальше был какой-то кошмар. Честное слово, я не помню... я только помню, что пистолет лежал на полке за книгами, он же при мне его прятал. Я стала сваливать с полки книги, я никак не могла найти этот пистолет. Но я и в тот момент еще не думала, что его убью. И он не думал. Даже когда я нашла пистолет и наставила на него, и стала спрашивать его, как из него стрелять, он вдруг стал улыбаться. А я ведь знала, как стрелять. Выстрел был негромкий. Он так и не догадался, что я его убила. Он упал. Как там вода, утопила его труды?

Лидочка не стала отвечать. Потому что вода уже покрыла папку и поднималась медленно, но верно.

— Я не испугалась. И не испытывала раскаяния. Он получил, что заслужил за свою бессмысленную развратную жизнь. Но я не хочу идти в тюрьму, я не хочу, чтобы мои знакомые ходили на мой процесс и там здоровались со мной. А я бы сидела на скамье подсудимых и с ними раскланивалась. Не дождетесь!.. Я завернула в плед и взяла с собой разные вещи, не помню какие, чтобы все думали, что это залезли бандиты. И пистолет взяла. Потом потушила свет и ушла. А вещи кинула в воду, я знала, что там строительство. Наверное, надо было лучше спрятать, но мне не хотелось таскать с собой мешок. Зачем ночью женщине ходить с мешком? Я пошла к шоссе... А испугалась я всего один раз. На дороге под фонарем я встретила страшного толстяка. Он шел навстречу. И вдруг я поняла, что этот толстяк и есть его соперник, хозяин пистолета. И знаешь, потом я обрадовалась. Пускай этот развратник попадется. Пускай лезет и находит труп. Я думаю, что он меня не заметил. Он шел как зомби... Ты еще живая?

— Марина, я тебя обязательно переживу, — пригрозила Лидочка.

— Я еще раз сюда приезжала. — Лидочка интересовала Марину только как аудитория. — На следующий день. Ночью. Я боялась, что не попаду в дом. Но попала, через окно. Ты догадываешься, зачем я вернулась? Почему так рисковала?

— Думаю, что да.

— Правильно. У меня родилась блестящая идея — сделать идиотский роман Сережи доносом на Лизу Корф и ее дочку. Я же должна была и им отомстить!

— Ты не сразу это придумала?

— Я же ничего не планировала заранее! Машинку могли увезти или украсть, дом могли закрыть...

— Значит, ты направляла мысли Толика в нужном направлении?

— В каком смысле?

— Ты помогала милиционеру поверить в то, что Сергей сознательно указал в романе на убийцу?

— Наконец-то ты догадалась! Я так сопротивлялась, что он бросился в Москву за вторым экземпляром. Он сердился на меня за то, что я выгораживаю светлую память о Сергее! Ах, какие мы с ним вели беседы о литературе и отражении в ней действительных жизненных обстоятельств!

— Ты неубедительно написала окончание. Плохо написала. И в трех местах проговорилась, назвала героев настоящими именами. Разве так можно?

— Так нужно! — сказала Марина. — Чтобы следователь скорее поворачивался. И я не теряю надежды, что Лиза сядет. В папке, которую я тебе подсунула, нет окончания романа, тебе она была бы бесполезна. Но в ней есть письма от Лизы Корф. И довольно злобные письма. Я их нашла у него дома.

Лидочка посмотрела вокруг. Если ломать полки, то из до-

сок можно сделать помост. Тогда Марине придется долго ее топить. Лидочка стала расшатывать полку. Марина вскочила, опрокинув стул.

— Ты что там делаешь? — укоризненно крикнула она.

— Продлеваю свою несчастную жизнь.

От полки отломилась доска. Лидочка положила доску под ноги, на нее — папку, теперь ей снова стало сухо.

Застучали шаги. Марина убежала под дождь. Что она придумала? Оказалось, что у Марины есть способы утопить свою жертву поскорее.

Из шланга вдруг ударила такая толстая, сильная струя, что его конец начал дергаться, кидая струю в потолок и стены подвала. За шумом воды Лидочка не сразу сообразила, что Марина прибежала обратно.

— Прощай, — сказала она, наклонившись, чтобы получше разглядеть Лидочку. — Извини, но больше я разговаривать с тобой не могу, а то кто-нибудь придет и нас с тобой здесь отыщет. Прощай, подруга!

Убедившись, что напор воды силен. Марина подняла и опрокинула крышку люка, которая глухо ударилась, отрезая Лидочку от мира. И сразу стало страшно так, что заболел живот.

Теперь сверху бил сильный косой душ. Конец шланга, торчавший сантиметров на десять из трубы, дрожал, дергался, разбрызгивая по подвалу тысячи капель, и вскоре все подземелье затянул густой ледяной туман.

Чтобы не замерзнуть, Лидочка стала отрывать одну за другой доски полок, но они не слушались ее, они всплыли, и стоять на них было невозможно.

Лидочка продолжала выламывать доски, чтобы их стало наконец так много, что можно будет достать до крышки люка.

Она почувствовала, что не хватает воздуха.

Глава 12

Когда вода поднялась на метр, Лидочка стала терять сознание. Правда, к тому времени она наломала достаточно досок, чтобы взобраться на них. Доски были скользкими, ненадежными и норовили ускользнуть из-под ног.

Ноги закоченели, потом закоченело все тело — она поняла, что попросту умрет от переохлаждения. Надо же — ее убили, заморозив в середине лета! Ей стало страшно, что кто-то рядом шумит. Лидочка не сообразила, что шумит она сама. Вдруг погас свет — лампочка исчезла, видно, Марина решила, что без света Лидочка потеряет ощущение пространства. Она уже не могла собирать доски и строить из них что-то вроде плота, она не знала, где верх, где низ и где сами эти доски.

Она занималась рассуждениями пустыми, но успокаивающими: когда вода поднимется к самой крышке, она всплывет вместе с ней и тогда толкнет эту проклятую крышку — станет тепло и светло, и она выберется... В ее туманных и неясных мечтаниях не было места плохой Марине, потому что если вспомнить о ней, то придется представить себе Марину Котову, тихого редактора солидного издательства, женщину совершенно безобидную, сидящую с сигаретой на стуле над закрытым водяным гробом, над утонувшим «Титаником», в котором мечется последний пассажир.

Ей захотелось спать — надо улечься в воду. Тогда не будет плохо и страшно. Все обойдется, обязательно обойдется, только дайте мне заснуть, не мешайте... там в степи глухой... кто там поет за нее?

Волки лают. Почему бы волкам лаять? Эй, волки, не смейте лаять!

Лай исчез, чтобы снова возвратиться, но окоченевший мозг отказывался понять, что же происходит. Ведь все уже вокруг стало сном, и лишь астральное тело Глории уносило ее куда-то на вершины Гималаев, где очень холодно...

Евгений Александрович Глущенко, просмотрев роман Сергея Спольникова, сделал для себя два вывода. Первый: роман ему крайне не понравился и граничил с графоманией, что, к сожалению, случается среди ученых, которые решают на старости лет побаловаться беллетристикой. Второй вывод был куда более актуален и серьезен: последняя глава романа, в которой герой Григорий, между прочим, названный пару раз Сергеем, становится жертвой собственного распутства и ревности матери своей невесты, ему показалась написанной иначе, другой рукой. У Жени был достаточный редакторский

опыт, чтобы сразу уловить, что усеянное красивостями (это вызывало недовольство издательского редактора) повествование неожиданно уступает место сухой гимназической прозе. Даже описание сексуального общения героя с Дарией изложено сухо и скучно, будто автору и глядеть в ту сторону противно. Что было странно, словно вошел новый автор, который не желал писать эротических сцен.

Следующее умозаключение Глущенки касалось редакторских замечаний. В конце замечания исчезли. Редактор отныне был удовлетворен текстом. Наконец, еще одна важная, хотя и не решающая деталь обратила на себя внимание Глущенки: новые по стилю страницы были написаны на свежей ленте.

Эти несуразности были столь очевидны, что он позвал Итусю, которая уже принялась готовить обед, и произнес странные слова.

— Итуся, — сказал он. — Мне кажется, что Марина Котова, помнишь, такая серенькая редакторша Сергея, или его сама убила, или знает, кто это сделал. Когда Лидочка вернется, мы должны будем ей об этом сказать.

Итуся ахнула, выслушала все аргументы мужа, а сама проглядела последние страницы и сделала неожиданное для Жени заявление:

— Бог с ним, с обедом, пошли искать Лидочку.

— Ты хочешь показать ей эти страницы? Но она же их читала.

— Вот именно. И она наверняка пришла к таким же выводам.

— Вот и хорошо, пускай поделится с Анатолием Васильевичем.

— Она очень давно ушла.

— Значит, ждет следователя.

— Женя, — строго сказала Итуся, — я тебя редко о чем-нибудь прошу, но сейчас у меня плохое предчувствие.

— Итуся!

— Женя, если ты не пойдешь, я пойду с Пуфиком.

— Итуся, ты только посмотри, какой идет дождь, — сказал Женя и встал с дивана.

— Пускай дождь.

— Тогда ты никуда не пойдешь. Ты останешься дома. Я не желаю, чтобы ты простужалась.

В результате они спешно собрались и побежали по лужам в милицию, потому что думали, что Лидочка старается пересидеть дождик в милиции, ей ничего не угрожает. Ей может что-то угрожать только, если она не в милиции. А где?

Они бежали под двумя разными зонтиками, струи дождя хлестали их по ногам, Пуфик метался между зонтиками, но ничего у него не получилось, и он уже проклинал на своем собачьем языке тот момент, когда увязался за хозяевами. И вольно же ему было!

Не доходя до милиции, Глущенки свернули на Школьную улицу. Дом № 5 был тих и пуст. Разумеется, там никого не было. За исключением одного человека.

Этим человеком была невысокого роста весьма полная женщина в прозрачном плаще, которая стояла у входа на веранду спиной к улице.

Женя распахнул калитку и издали крикнул:

— Простите, вы не видели Лидочку?

Женщина обернулась. Это была библиотекарша Ольга, соседка. Она сказала:

— Я только что вошла. Смотрите, как странно!

Ольга показывала на шланг, который был надет на кран для поливки огорода. Шланг был толстым, круглым и вздрагивал, вода шла по нему под полным напором.

— Что это значит? — спросила Ольга.

Пуфик метался возле двери в сарай, пронзительно лая. Он кинулся к людям, потом снова помчался к сараю.

— Посмотрим? — с дрожью в голосе произнесла Ольга.

— Подождите меня здесь, — сказал Женя и сорвал шланг с крана. Потом, не обращая внимания на бившую струю — все равно промок, — завинтил кран. И тут же побежал к двери сарая.

— Где ключи? — закричал Женя. Он был очень зол и боялся, что может опоздать. Бывает, когда ты еще не можешь точно объяснить, что же произошло, но значение происшедшего уже понимаешь.

Именно в этот момент помутневшим сознанием Лидочка услышала лай собаки. Раньше она не могла его услышать сквозь дверь, потому что очень громко шумела вода из шлан-

га. Но сейчас шланг молчал. Лидочка этого не поняла, но собачий лай услышала.

Женя ударил плечом обшитую дверь, дверь не поддалась.

— На себя, — сказала Ольга и резко потянула ручку двери на себя. Ручка отломилась.

— Топор! — воскликнул Женя, как хирург требует пинцет. Он не стал ждать, пока кто-то принесет топор, а сам кинулся в открытый дом, дверь была отворена, схватил в сенях топор и прибежал с ним обратно. Женщины ждали его, прижавшись к двери, прислушивались и звали Лидочку.

Их голоса Лидочка тоже услышала, но не поняла, что зовут именно ее.

Женя воткнул лезвие в щель и с такой силой нажал на него, что дверь, взвизгнув от боли, открылась с первого раза, послушно, как будто и не была заперта.

Они увидели, что шланг исчезает в углу люка, который закрывает подвал. Ольга обогнала всех и резко потянула крышку на себя. Женя помог ей, поддев мокрую крышку топором.

Крышка откинулась.

Внизу была черная гладкая вода. Она покачивалась в полутора метрах от пола. Ольга зажгла свет.

Женя первым увидел заставленную за шкаф железную лестницу и опустил ее в воду.

— Женя! — вдруг вспомнила о его здоровье Итуся. — Осторожнее, ты промокнешь.

Женя отмахнулся и опустился в воду. Вода была так холодна, что все внутри у него сжалось от боли.

Он сразу увидел Лидочку — она полулежала в углу, к счастью, наваленные там доски позволяли ей держать грудь над водой. Лидочка была без сознания.

Женя рывком вытащил ее холодное, как будто мертвое тело из воды и, стоя по пояс в воде, поднял его наверх. Как только голова и плечи Лидочки показались над крышкой, Ольга с Итусей подхватили тяжелое тело и выволокли наверх. Женя подталкивал Лидочку снизу.

А потом Ольга побежала в милицию, там был ближайший телефон, а Итуся с Женей перетащили Лидочку в дом, раздели и начали растирать сухими полотенцами. Они боялись делать что-нибудь еще, чтобы не навредить. Итуся нащупала у

Лидочки слабый пульс. Дахание было редким, Лидочка была без сознания и ни на что не реагировала.

«Скорая помощь» приехала быстро, вместе с ней примчался Толик.

Он ругал Лидочку за то, что она полезла в чужое дело. Но Василий-мордоворот, который приехал с ним, сказал:

— А что делать, если тебя никогда не застанешь? То крыша у брата, то еще что...

Лидочку увезли в больницу.

Толик долго осматривал место преступления и сказал:

— Впервые в моей практике. Даже интересно. Можно статью написать. — Потом сказал Ольге и Глущенкам: — А вы вовремя ее вытащили. Еще чуть-чуть, и ей конец. А грустно, потому что не по делу. Ведь происходит все оттого, что милиционера положено считать последним дураком. Но ведь зря. Как только ты, Ольга, вместе с Лидией Кирилловной вытащила из ямы портсигар, все у меня стало на свои места. Ведь никто не мог, кроме Нины Абрамовны и Марины Олеговны, этот портсигар в траншею кинуть. Таких чудес не бывает. Ну ладно, если бы Нина Абрамовна его забыла, но она же на платформе курила! А в электричке было всего две женщины! Так вот, гражданка Котова хотела навести подозрение на Спольникову. А что получилось — навела мои подозрения на себя.

Вернулись Василий и еще один милиционер, которые ездили на «газике» по поселку. Они рассказали, что Марины нет ни на станции, ни на шоссе. Пропала.

— Пошли чаю попьем, все мокрые, — сказала Ольга Толику. Василия она не звала.

— Нам еще Котову поймать надо. А то натворит что-нибудь с собой с перепугу, — сказал Толя, но к Ольге пошел. — Ведь если она убежала и не заметала следов, значит ты, Ольга, ее спугнула. То есть когда ты входила на участок, она с него бежала. Иначе бы она шланг вытащила и все сделала, как планировала. А так у нее была одна надежда, что Лидия Кирилловна успела богу душу отдать и промолчит до Страшного суда.

Они перешли на теплую веранду дома Ольги. Вернулась с купания промокшая Катя и слушала эту историю, распахнув

глаза, потому что, оказывается, сама толкнула Лидию Кирилловну почти на смерть.

Толик выпил чай и разглагольствовал. Остальные ему не мешали, им было интересно, тем более что они знали от доктора, что Лидочкиной жизни ничего не грозит. Пуфик чувствовал себя героем — собаки очень чувствительны к собственному героизму.

— Я ее стал провоцировать, — сообщил Толик. — А ведь горе преступника в том, что обязательно считает других глупее себя. Я стал при ней рассуждать о силе литературы и о том, как в книгах иногда все бывает предугадано. Я ведь наивный, глупый и даже серый. Почему бы меня не одурачить, если сам на крючок лезу? Вот мне и представили липовую рукопись. Она вам говорила, как? Нет? Она очень не хотела, чтобы рукопись от нее исходила, мало ли что я подумаю. Она мне сказала: ах, я не могу вам дать экземпляр, но есть другой, он в комнате у художников! Значит, сам догадывайся. Я и догадался. Прочел и должен вам сказать, что уровень литературы меня не удовлетворил. Низкий уровень, на потребу лотошников. Я читаю и вижу — чем дальше, тем страшней. И вдруг, в самом конце, как будто другой человек сообщает мне, что Сергея Романовича убила Елизавета Ивановна, гражданка Корф, из ревности к своей дочери. Я тогда предпринял такие шаги: я спросил нашу дорогую Ольгу, не было ли подозрительных гостей на даче после смерти Сергея Романовича? Она говорит — кто-то посещал дачу в первую ночь после убийства. Ясно, значит, были обстоятельства и возможность допечатать на той же машинке другой конец. Мне даже интересно работать с интеллигентами. Вы представляете, убийца дописывает за писателя роман, чтобы все видели — вот он! Как бы указывает костлявым пальцем из могилы.

— Меня она тоже не обманула, — сказал Женя, которому давно хотелось вставить хоть слово, но в монолог Толика пробиться было нелегко.

— Я, конечно, играл в ее игру, — продолжал Толик, сверкая глазами. — Мы берем мадам Елизавету Корф. Вы бы послушали, какой она нам тут скандал учинила. Потом чуть было во всем не созналась — только бы от страшных ментов отвязаться. Тогда мы ее домой отправили. И как сообщила мне ее дочка, Елизавета Ивановна сделала попытку отравиться,

но в умеренных дозах, без вреда для здоровья. И сегодня я решил — буду брать Котову. Ордер на обыск у прокурора получил, нужно теперь у нее на квартире получить свидетельства близости со Спольниковым.

— И вы думаете, что она сидит дома и ждет вас? — спросил Глущенко.

— А куда же ей деваться? Сидит дома и трепещет, а вдруг Лидия Кирилловна оклемается? Я Лидию Кирилловну уважаю, очень интеллигентная женщина, но какого черта она в подвал полезла? Не понимаю!

— Ладно уж, Толик, — сказала Ольга. — Значит, она хотела как лучше.

— Хотела как лучше, а вышло как всегда, — проворчал Толик. Но без злобы.

Они же еще не знали о папке с черновиками и английской записке-приманке.

Когда Глущенки шли домой, Женя сказал Итусе:

— Я не верю, что она прячется дома. Она должна бороться за себя.

— Такая женщина скорее покончит с собой. Ей страшно за свою репутацию, — сказала Итуся. — Для нее репутация важнее всего. Я думаю, что она и Сергея убила потому, что не могла пережить его женитьбы на Даше. Из-за своей репутации.

Они дошли до станции. Недавно прошел поезд.

Небольшая группа людей стояла на рельсах, окружив нечто, лежащее там.

Глущенки замерли, одновременно поняв, что случилось.

— Ну вот, — сказал Женя. — Ты этого ждала?

— Может быть, — ответила Итуся. — Но я этого не хотела.

Им хотелось уйти и не смотреть, но чувство долга, чувство причастности к этой истории заставило их подойти к той группе людей.

На рельсах лежала собака, которую сшибло поездом. Люди спорили, чья она. Итуся подхватила Пуфика на руки, и они поспешили к даче.

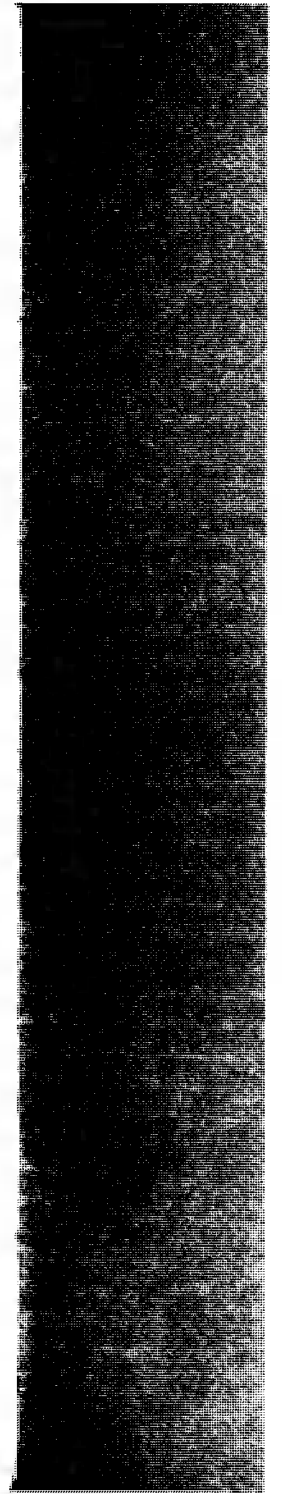
...Когда Лидочка вышла из больницы, где провела четыре дня, она заехала к Ольге.

— Мне Толик сказал, — сообщила Ольга, — вчера Марину Олеговну отыскали. Она в Латвию к своей тетке уехала. Толик через местную полицию все узнал. Латыши обещали ее нам выдать.

Суд был осенью. Лидочка была одним из основных свидетелей, но сбежала в Крым. Она знала, что для Марины самое страшное — оказаться центром внимания в зале суда. А для Лидочки также страшно было бы встретиться с Мариной глазами.

В трех или четырех газетах были интервью с Анатолием Васильевичем Голицыным. В каждом была обязательная фраза: «Вы не принадлежите к известной княжеской семье?» И в каждой был ответ: «Мой дедушка мне об этом не рассказывал». Одно из интервью называлось «Таких не убивают». Слова относились к гражданке Марине К., «фамилию которой мы не можем открывать до окончания суда».

1997 год

ДОМ В ЛОНДОНЕ

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что, если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт?

О, если так: своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

М.Ю. Лермонтов

Глава 1

Зал Шереметьевского аэропорта, в котором шла посадка на несколько рейсов сразу, напоминал палубу парохода «Титаник» в последние минуты перед гибелью. Потоки пассажиров устремились на палубу, где люди с погонами ядовито-зеленого цвета стерегли подходы к спасительным трапам.

Время еще осталось. Марксина Ильинична задерживалась. Андрей, не выносивший скоплений народа, украдкой поглядывал на часы. Конечно, идеальная жена не заметит такого взгляда, но Лидочка не удержалась и спросила, куда он торопится. По ее словам можно судить, насколько она была раздражена и взвинчена почти бессонной ночью и стечением неприятных обстоятельств, которые словно сговорились, чтобы не пустить Лидочку в Англию. Она готова уже была им подчиниться, но стечение других обстоятельств толкало ее в эту поездку. Ни один из вариантов Лидочку не радовал. Андрей об этом знал, и не следовало ему украдкой глядеть на часы. Посмотрел бы открыто.

Так Лидочка ему и сказала.

К счастью, Андрей сохранил чувство юмора и сказал:

— Мышка у нас некормленый.

Кота Мышку забыли накормить, потому что опаздывали, вернее, казалось, что опоздают. Это происходило от уверенности Лидочки, что машина не заведется, а на площади Белорусского вокзала будет пробка, хотя непонятно, кому придет в голову устраивать пробку у Белорусского вокзала в семь утра.

— Сейчас я тебя освобожу, — сообщила Лидочка мужу.

— Спасибо, — беззлобно ответил Андрей.

— О чем ты думаешь? — спросила Лидочка.

— Я думаю о том, что приехал Миклош.

Лидочка чуть было не произнесла самоубийственное словосочетание: «Опять пьянка!», но сдержалась. А Андрей догадался, что она хотела сказать, и рассмеялся.

Миклош был их общим приятелем, археологом из Будапешта, полагавшим, что в гостях обязан вести себя как венгр за границей. То есть неумеренно буйствовать и неумеренно шиковать.

— Вы Лидия Кирилловна? — спросила женщина лет шестидесяти, из тех блюдущих себя дам, которых неприлично называть старухами. Такие женщины всю жизнь торопятся, чтобы утром успеть в бассейн, вечером к внукам. А по воскресеньям полоть морковку и вскапывать грядки. Именно такие женщины занимают самые пристойные места в консерватории или на премьере у Захарова. Детей же они в свое время взрастили на жалованье младшего научного сотрудника и нередко без отцов.

— Марксина Ильинична?

— Я решила добраться на автобусе, — сказала Марксина Ильинична. — Сумка у меня нетяжелая. Все рассчитала, а поезд в метро встал в туннеле. И стоял двадцать две минуты. Я думала, что сойду с ума.

Лицо у Марксины Ильиничны было относительно гладким, ухоженным, волосы покрашены удачно, глаза чуть подведены. Никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом...

— Ты что? — недоуменно спросил Андрей. Значит, она заговорила вслух. Это опасно и стыдно.

— Это Киплинг. А может быть, я ошиблась, — ответила Лидочка.

— Вот эту сумку вы отдадите Славе, — сказала Марксина Ильинична. — А этот пакет, поменьше, для Иришки. Вот здесь письма, пожалуйста, не потеряйте. Тут и от меня, и от Аллы.

Лидочка уже знала, что Алла — жена Славы, сына Марксины Ильиничны, живущего в Англии. Слава и Алла расстались давно, несколько лет назад, но у них есть общая дочь по имени Иришка. У Аллы сложная личная жизнь, поэтому Иришка, как и бывает с детьми, одинокие матери которых

специализируются на сложной жизни, жила с бабушкой. А на каникулы уехала к папе. Все ясно и очень современно. Кстати, Алла через месяц собирается в Лондон. Тоже погостить.

Конечно же, Марксине Ильиничне не меньше шестидесяти — уже к середине тридцатых годов детей перестали называть идиотскими кличками в честь вождей пролетариата и достижений народного хозяйства.

Андрей запихнул сумку Марксины Ильиничны в чемодан жены. Марксина тем временем описывала Лидочке содержимое свертков и пакетов на случай, если таможенник спросит об этом. И тогда нужно будет ответить, где лежит буханка черного хлеба, куда спрятана икра и босоножки Иришки, без которых она не может жить. А вот здесь последние газеты и журналы. Слава порой так тоскует без наших сплетен и недоразумений. У нас в бассейне есть одна женщина, ее муж заведует отделом в «Огоньке»...

Под журчание речи Лидочка смотрела, как толпа подростков с рюкзачками штурмовала таможенный коридор, хотя никто и не собирался досматривать их добро. Ребята вели себя шумно и бесцеремонно. Можно было подумать, что поездки за границу — их основное жизненное занятие.

За минуту до расставания Марксина Ильинична вдруг забыла, что она — дама средних лет, и по-бабушкиному стала торопиться, вспоминать что-то важное и несказанное.

— Есть же телефон, — вмешался Андрей, который не выносил расставаний, даже ненадолго. В жизни у них с Лидочкой случалось слишком много расставаний и даже расставаний навсегда, куда больше, чем у нормальных людей.

— Какой телефон! — почему-то возмутилась Марксина Ильинична. — Вы не представляете, сколько стоит каждая минута.

Лидочка подняла свою сумку, как бы давая знак к началу движения. Андрей тут же подхватил чемодан. Чемодан был на двух колесиках, но те вечно отказывались крутиться как следует.

Новая группа туристов надвигалась сзади. Может быть, они спешили не на лондонский, а на франкфуртский самолет, но таможенных проходов на всех не хватало. Так что в

результате Лидочка убежала, не простившись толком с Андреем и бросив провожающих на полуслове.

Пока их было видно в щель, на которую претендовало немало провожающих, Лидочка махала рукой, но когда прошла пограничный контроль, оказалась уже на полпути в Англию.

* * *

Рейс был аэрофлотовский, дешевый. Лидочка думала, что самолет будет переполнен соотечественниками, на деле в нем оказалось много пустых мест. Их было столько, что в своем закутке Лидочка сидела одна. Можно было положить на соседнее пустое место сумку и газету... Счастье длилось почти до самого отлета. Потом на свободное место сел молодой мужчина и сообщил:

— У меня место в хвосте, а я дыма не выношу. Так что я к вам переселился.

Он не спросил разрешения, не извинился за вторжение. Он просто объяснил свой приход. Этого ему казалось достаточно.

Лидочка на него рассердилась. Впереди было такое же пустое место. Мог бы устроиться там. Но не будешь же жаловаться стюардессе. Стюардесса как раз проходила по рядам, проверяла, застегнуты ли ремни. Молодой человек улыбнулся ей, как знакомой. Длинноногая стюардесса с круглым простонародным, густо накрашенным лицом показала два ровных ряда искусственных зубов.

Лидочка раскрыла «Известия», которые Андрей купил ей перед отлетом, но газета скоро ей наскучила.

Самолет принялся разъезжать по аэродрому.

Все было непонятно, неизвестно и неопределенно — состояние, которого Лидочка не выносила. Она относила себя к людям упорядоченным, не склонным к приключениям и переменам в жизни. Путешествие в Англию, где она никогда не была и язык которой знала не в совершенстве, осложнялось тем, что ей следовало найти там скромное помещение для конторы и жилья, снять его, обставить и все это совершить за три недели. Желательно за две. Еще более желательно — вчера. У пана Теодора, который давно уже взял за правило распоряжаться временем и судьбой Берестовых, идеи

возникали мгновенно, и исполнение их возлагалось на людей, у которых прежде были совсем иные планы.

Ладно еще — поехала в Англию, ознакомилась с жизнью трудолюбивого и свободолюбивого великобританского народа, сходила в музей, сняла контору. Одинокая женщина, свободная, как птица... Но не тут-то было! Теодор договорился, что Лидочка будет жить у Славы, Вячеслава Андреевича Кошко.

Лидочка предпочла бы пожить в гостинице. Но она разумно сознавала, что случай, подаривший ей кров в доме Вячеслава Андреевича, приведет к большой экономии для фирмы. Нормальная гостиница — полсотни фунтов в день. Марксина Ильинична, которая и утрясала проблему жилья, брала с Лидочки из расчета десятки в день, на своих, правда, харчах, так как Слава с Иришкой прирожденные холостяки, обходятся бутербродами. Но места всем хватит.

Теодор сошелся с Марксиной Ильиничной на пятистах долларах (в пределах месяца). Все были довольны и уверяли Лидочку, что русской женщине куда комфортнее и безопаснее жить в приличном доме соотечественника, чем бедовать в каком-то пятизвездочном отеле. Лидочка, разумеется, сдалась, а теперь старалась убедить себя, что по волосам не плачут.

Одним из аргументов Теодора было то, что Слава — хороший знакомый Семена Семеновича и работал раньше в Гипрокаучуке. Интеллигентный, мягкий человек, которому повезло. С кем не бывает... А его маме, Марксине Ильиничне, бывшей сослуживице Андрея, нужны деньги. «Вот и прислал бы любимой маме», — пыталась возразить Лидочка. «Зачем присылать, если она получит здесь?» — удивился пан Теодор. Впрочем, каждый помогает маме, как может.

Лидочка не выспалась и только собралась прикорнуть, как ее сосед вытащил из бокового кармана пиджака маленькую плоскую коробку. Оказались карманные шахматы.

— Играете? — осведомился он.

— Нет, не играю, — сухо ответила Лида.

Лидочка в шахматы играла и любила играть, но ей не хотелось общаться с соседом.

Нет, не потому, что он внедрился на соседнее место. Просто этот человек ей не понравился. А Лидочка привыкла себе доверять.

Сосед был миловидным мужчиной лет тридцати, если такое слово можно отнести к мужчине, вполне энергичному на вид. Он был коротко подстрижен, так что виски оказались почти голыми, а наверху, там, где глазу хотелось увидеть ежик, лежала крыша из волос. Можно было подумать, что соседа Лидочки стриг плохой сельский парикмахер, но на самом деле Лидочка догадалась, что сосед употребляет лишь дорогих куаферов, к которым, как к дамским мастерам, надо записываться по телефону. А натолкнули ее на эту мысль очки соседа. Они были в меру темными, чтобы скрывать движения и переливы глаз, но в то же время их нельзя было назвать черными. Лидочка была убеждена, что если спросить, зачем ему в самолете понадобились полутемные очки, он ответит, что это совет доктора. Доктор прописал, лечимся от переутомления. Дела, дела... Свой «дипломат» он поставил в ногах, хотя багажная полка сверху осталась пустой. Значит, берег копии договоров и счетов.

Конечно же, он бизнесмен, новый русский. Насколько новый? И пиджак ему велик на два размера, дорогой пиджак. Галстук из анекдота, помните? «Ты за сколько галстук брал?» — «В Париже — сто франков». — «Дурак, у нас за углом, на Тверской, такой за четыреста баксов купить можно!» Алогичность жизни, наполненной неуверенностью в том, будет ли завтра богатство, квартира и «Вольво», или тебя поставят к стенке. Причем неизвестно кто.

Из этого образа катастрофически выпадала коробочка с магнитными шахматами. В шахматы играют хорошие мальчики.

Получив отказ, сосед положил коробочку с шахматами на колени, снял очки и стал их протирать специально для того запасенным клочком желтой замши. Он не удержался и кинул взгляд на Лидочку, чтобы проверить, какое впечатление на нее производит его благополучие.

На две секунды она встретилась с ним глазами и успела разглядеть его лицо.

В общем, лицо незначительное, если не считать странных глаз, которые блестели, словно налитые слезами. Глаза были расставлены шире, чем положено. Так бывает у душевно больных детей. И еще Лидочка обратила внимание на то, что он носил подбритые усики, как телеграфист в комедии с историческим уклоном. Люди с такими усиками не играют в шахматы, им достаточно домино.

— А мне показалось, что вы умеете в шахматы играть, — сказал сосед.

Так как Лидочка не ответила — она смотрела, как самолет выруливает на дорожку, замирает, как тигр перед прыжком, и ждет, скоро ли приблизится несчастная антилопа, — то сосед представился:

— Геннадий, — и даже протянул к ней руку, украшенную массивным перстнем с синим камнем.

— Лида, — сказала Лидочка. — Лидия Кирилловна.

Руку пришлось пожать, а то она вечно будет висеть над ее коленками.

— Вот мы и знакомы, — сказал Геннадий. Как будто завершил трудное и безнадежное дело. Втащил на шестой этаж пианино. — По делу или в гости? — спросил Геннадий.

Допрос начался раньше, чем Лидочка того ожидала. Господи, сколько лететь до Лондона? Три с половиной часа! Это же подобно замужеству! Целая жизнь с нелюбимым человеком!

Самолет еще только разгонялся, словно завидев впереди антилопу, но не схватил добычу, а пронесся над ней и круто пошел к облакам. Самолеты всегда круче поднимаются, чем спускаются. Видно, садясь, они уже устают и тянут из последних сил.

Лидочка закрыла глаза, отдаваясь чувству взлета. Геннадий на некоторое время отстал.

Когда погасла надпись «Пристегните привязные ремни», он сказал:

— Теперь можно отстегнуться. Вам помочь?

— Спасибо, я сама.

— Я догадался, что вы самостоятельная женщина. Но если понадобится моя помощь, я всегда рядом.

Он широко улыбнулся. По-западному, как улыбаются зубные врачи на рекламе жевательной резинки «Стиморол без сахара». Зубы у Геннадия были дорогие.

Раз уж все равно никуда от него не деться, Лидочка решила узнать, кем и где трудится такой экземпляр. Конечно, он ответит «на фирме» или «в офисе», как-нибудь обтекаемо. Но Лидочка не успела спросить. Геннадий ее обогнал.

— Будете отдыхать? — спросил он.

— Наверное, — сказала Лидочка.

— Впервые на Альбион?

— Впервые. А вы?

— Нет, не впервые. Но пока моя очередь спрашивать.

— Здесь вопросы задают без очереди, — сказала Лидочка и осталась недовольна случайной остротой.

— Подруга рванула замуж за фирму? — спросил Геннадий.

— Со мной можно говорить по-русски, — мягко ответила Лидочка. — Я знаю слова «уехала», «иностранец» и тому подобное.

— Вы меня удивляете, — сказал Геннадий. — Я и не подозревал в вас чувства юмора. А провожали муж с мамой?

— Вы так давно за мной следили?

— Я не следил, я глядел, — ответил Геннадий. — Как говорится, один скучающий турист обвел взглядом толпу, рвущуюся к самолету, и тут его взор упал на красивую женщину средних лет.

— Средних?

— Я хотел вас задеть, и я вас задел, — обрадовался сосед. — Значит, вы не равнодушны.

— К чему?

— К комплиментам, к чему же?

Геннадий был доволен собой. Лидочка уже догадывалась, что самый страшный недостаток Геннадия для окружающих заключался в том, что он был постоянно доволен собой. Лидочка подумала, что при первой возможности надо будет проверить, насколько прочна броня самоуверенности.

Самолет пошел через облака. Его начало встряхивать. Геннадий замолчал. Он не заметил того, как пальцы его вцепились в рукоятки кресла. Пальцы были крепкие, толстые, с коротко обрезанными ногтями. С тыльной стороны пальцы поросли волосиками. Геннадий ударился ногой о собственный «дипломат».

— Надо было наверх положить, — заметила Лидочка, увидев, как исказилось лицо соседа.

— Нет, — сказал тот, — я привык его в ногах ложить.

Никогда Лидочка не поправляла людей: неграмотность проистекает не столько от плохих школ, сколько от наплыва

южан. Неграмотность, которая в Ставрополе или Донецке считается нормой, в Москве режет слух. Но постепенно привыкаешь не обращать внимания.

— Класть, — сказала Лидочка. Это была месть за «средние года», но Лидочка и себе бы не призналась в этом.

— Чего? — Геннадий не сразу сообразил, что Лидочка хочет сказать.

— По-русски говорят «класть», а не «ложить». Все шпионы попадаются на мелочах.

— Какой я... — И тут Геннадий заставил себя улыбнуться. — Ладно, лететь нам еще три часа, будете меня учить. Добро? Я не гордый. Хоть и с высшим образованием.

— Что вы заканчивали?

Геннадий лукаво усмехнулся.

— Кулинарный техникум, — сказал он. — Чес-слово.

— Простите, — спохватилась Лидочка. Ее спасение все время было под рукой — как же она забыла?! — Простите, у меня недочитанная книжка. Очень интересная.

Она достала книжку из сумки. Ей и на самом деле хотелось дочитать новый роман Рут Ренделл. Зачем было объяснять, что книга интересная? Разве она обязана отчитываться перед этим типом? Ничего себе — женщина средних лет!

— А ведь вы красивая! — негромко сказал Геннадий, словно подслушал ее мысли.

Лидочке пришлось улыбнуться.

Некоторое время он молчал, не мешал ей читать, а сам шуршал газетой. Но «дипломат» не раскрывал. Лидочка решила, что если он на самом деле деловой человек, то обязательно откроет «дипломат». Деловым людям интересны собственные бумажки.

Лидочка увлеклась страшными событиями на пустоши за Кингсмархэмом, которые потребовали всей сообразительности инспектора Уэксфорда, и вернулась к действительности, только когда стюардесса попросила ее откинуть столик — надвигался аэрофлотовский обед.

— Интересно? — спросил сосед.

— Очень, — ответила Лидочка.

— А я никак не могу освоить, — сказал Геннадий. — Разговорный на уровне челнока, а читаю только вывески. Вот в школе ленился, а теперь расплачиваюсь.

— Теряете в зарплате?

— Нет, мне не за это платят. Чес-слово.

Он не скрывал того, что обрадовался возможности снова поговорить с Лидочкой.

— А за что вам платят?

Геннадий посмотрел на Лидочку сумасшедшими мокрыми глазами и нормальным голосом сказал:

— За убийства.

— Как?

— Я не люблю это ихнее слово «киллер», — сказал Геннадий. — Не наше, жестокое какое-то, без мысли. Вы меня понимаете?

— Нет, — сказала Лидочка. — Я вас совершенно не понимаю.

— Вы не думайте, что я какой-то там банальный убийца, — сказал Геннадий. — Я организатор. Мне лично участия принимать не надо.

— А там, — Лидочка показала на «дипломат», — пистолет, и поэтому вы его на полку ставить не хотите?

— Нет там пистолета, — ответил Геннадий. — Если мне ствол понадобится, я его в любом месте куплю. Это только в кино стволы с собой возят.

— Вы шутите? — спросила Лидочка. — Или хотите произвести впечатление на дамочку?

— Хочу произвести впечатление на дамочку, — согласился Геннадий. — Женщины любят, когда им нервы щекочут. Даже такие, как вы. Порядочные.

Последнее слово прозвучало неприлично. Будто Геннадий подсмотрел, какое на ней нижнее белье. Но не придерешься.

— Вас за это не посадят? — спросила Лидочка. Не из кокетства. Она в самом деле подумала, что Геннадий совершает с точки зрения конспирации непростительный промах.

Геннадий посмотрел на нее мокрыми глазами и тихо произнес:

— Шутка. Самая обыкновенная шутка. Чтобы произвести впечатление. А еду я за запасными частями. Для инвалидных колясок. От Союза афганцев. Успокоилась?

Он пробовал почву, чтобы перейти на «ты». Этого Лидочка не хотела.

Беседа на время прервалась, потому что пришла очередь

обедать, а количество маленьких упаковочек, вилочек, пакетиков, блюдечек требовало заботы и внимания. После разговор возобновился, но лишь гастрономический.

— Где кормят лучше всего, — заметил Геннадий, — это на сингапурской линии. Не летали?

— Не приходилось.

— Там местные приправы дают — обалденные!

Геннадий совершенно не мог все время поддерживать разговор на уровне «джентльмен беседует с дамой своего круга». Тем более что он не был уверен в том, насколько правильно повел себя, выступив убийцей-организатором, который не любит слова «киллер». На всякий случай об этом лучше было забыть — всегда полезно забывать о глупостях и оговорках случайного собеседника.

— Прилично кормят в Аргентине, — сообщил Геннадий.

Лидочка кивнула. В аэрофлотовском самолете кормили тоже прилично, по крайней мере эта пища вызывала ностальгические чувства — сколько раз она за свою жизнь ела аэрофлотовский обед!

— Один раз мне подсунули устриц. Не ели? Я не знал, начал жевать. Чес-слово! Ластик школьный. Вы где обычно отдыхаете?

— На этот раз в Лондоне, — призналась Лидочка.

— В Лондоне не отдых, — сказал Геннадий. — Как-нибудь рванем с вами на Канары. Не пробовали? Море — синева, небо — синева, гостиница пятизвездочная. В пароходе берем люкс. Ну как, устраивает?

— Это рассуждение или предложение?

— Считайте, предложение. — Геннадий вроде бы шутил.

— Нельзя, — сказала Лидочка. — Я на отдыхе, а вы на работе.

— На вас мне времени не жалко.

— Не выполните задания — вас самого порешат. Или как это у вас называется? Зачем мне безутешно плакать?

Геннадий замолчал. Он сказал лишнее — независимо от того, были ли его слова шуткой, или несли в себе долю правды. Не надо было ему так себя вести. Не мальчик ведь!

Геннадий зашуршал газетой, и под это шуршание сразу после того, как стюардесса забрала подносики, Лидочка задремала.

Глава 2

Вячеслав Кошко встречал Лидочку за барьером. Сначала она шла к нему бесконечными светлыми коридорами, за стеклянными стенками которых нежились под ярким солнцем самолеты, потом стояла в длинной, но быстро идущей очереди к пограничникам. Лидочке достался скучного вида сикх, у которого, кажется, болел живот. Больше всего он боялся, что Лидочка останется в Англии жить и работать и отнимет этим рабочее место у честных выходцев из стран Британского содружества, в том числе и у его племянницы. Дальнейшее произошло без задержек, потому что таможня Лидочкой не заинтересовалась. Она прошла закоулком зеленого коридора и оказалась в просторном, гулком и светлом зале. За легким барьером стоял Вячеслав Андреевич, которого Лидочка не знала, но которому Лидочку описала Марксина Ильинична.

При виде правильно описанной Лидочки он стал махать тонкой длинной рукой.

Почему Лидочка ожидала увидеть жовиального толстяка — уму непостижимо! Видно, Славу Кошко в детстве заставляли есть, заталкивали в него ложечки за папу и за маму, и в конце концов он выработал в себе стойкое отвращение к еде. На всю жизнь.

«Будь я его женой, — непроизвольно подумала Лидочка, — я бы придумала ему толщинки в одежду, чтобы окружающие не заподозрили, что я морю голодом такого милого человека».

Ни о каких толщинках и речи быть не могло, потому что это существо гордо носило на себе советский ископаемый костюм на два размера меньше, чем положено. Относительно чистые манжеты и длинные худые кисти рук далеко вылезали из рукавов.

Вячеслав Андреевич подхватил небольшой Лидочкин чемодан и вместо приветствия сказал:

— Вот, я тележку достал. Знаете, их расхватывают по утрам, я минут десять искал.

— Спасибо, а как вы меня узнали?

— По маминому описанию, — ответил Вячеслав Андреевич. — Я думал, что у вас будет много вещей, вот и стал искать тележку. Хорошо еще, что я приехал сюда заранее. Знаете, даже здесь, при их хваленой пунктуальности, самолеты прилетают, как захотят. Особенно это касается нашего Аэрофлота.

Геннадия Лидочка не видела с тех пор, как они поднялись, чтобы выходить из самолета. Геннадий, не прощаясь, рванулся вперед — хотел оказаться в числе первых. Не видела его Лидочка и на паспортном контроле. А вот сейчас он прошел с другим, похожим на него молодым человеком довольно далеко от нее. Их громоздкие костюмы казались униформой. К таким костюмам придаются сотовые телефоны, прически и походка.

Словно подчиняясь правилам игры, спутник Геннадия вынул из-за пазухи белый сотовый телефон и, не замедляя шагов, принялся бормотать. Его Лидочка толком не разглядела, обратила лишь внимание на то, что он прихрамывал.

— Вы меня слушаете, Лидия Кирилловна? — спросил Вячеслав Андреевич. — Мне так приятно произносить это сочетание...

Он сложил губы и повторил: «Лидия Кирилловна». Если не считать худобы, Вячеслав Андреевич ничем особенным не отличался от русского интеллигента, каким такового изображали начиная с дореволюционных времен и кончая современными сатириками. Этот тип неистребим, хотя как раз его-то и истребляли с наибольшим рвением.

Вячеслав Андреевич был лысоват и укладывал последние серые волосы поперек узкого желтоватого черепа. Он носил шкиперскую бородку, которая не придавала его лицу ничего мужественного и морского. Ростом он был невелик, пожалуй, чуть пониже Лидочки. Вячеславу Андреевичу суждено было по гроб жизни мало зарабатывать, выносить бесконечные упреки толстой, опустившейся жены, пытаться дать образование бездельнице-дочке, отчего половина ночных и воскресных заработков должна была уходить ей на репетиторов.

Лидочка уже знала, что внешние впечатления чаще всего — правдоподобная ложь.

Мужчина, согбенную спину которого она видела перед собой (Слава толкал тележку, которая была впятеро тяжелее чемодана и сумки), обладал состоянием, солидным даже по здешним меркам. Его красавица-жена, расставшаяся с ним до того, как он разбогател, была бы рада вернуться и больше

никогда не пилить мужа за бедность. А вот что касается дочки, то репетиторов Слава, видно, доставал без особого труда.

Выглядел новый знакомый Лидочки лет на сорок, может, чуть больше.

Он уверенно и целенаправленно катил тележку вниз по длинным коридорам. Лидочка торопилась за ним, сбиваясь на семенящий бег.

На крутом повороте Вячеслав Андреевич притормозил, поджидая отставшую гостью, и вдруг спросил:

— Пакеты от мамы в целости?

— Должно быть, — ответила Лидочка.

— Моя мама — чудесная женщина, — сообщил Вячеслав Андреевич.

— Да, она — милейшая женщина, — согласилась Лидочка.

— Она с вами обсудила все практические вопросы?

— Я передала ей деньги.

— Замечательно. Прелестно, — сказал Вячеслав Андреевич. — Всегда лучше начинать хорошее знакомство с ясности в отношениях.

И он снова толкнул под откос тележку.

Он Лидочке не понравился. Уже второй не понравившийся человек за одно утро. Пожалуй, это перебор.

Они въехали в подземный зал не сразу понятного назначения. Кошко оставил Лидочку с тележкой, а сам встал в очередь к кассе. Лидочка имела самое приблизительное представление о том, где живет Вячеслав Андреевич. Ей не приходилось бывать в Лондоне, так что самое лучшее в такой ситуации — не задавать вопросов.

Оказалось, они едут в город на метро. Станция была буквально под аэропортом, и Кошко разумно объяснил, что для него ехать в Хитроу на машине утром, когда весь Лондон отправляется на службу, чистой воды легкомыслие. Можно потратить часа полтора. Зато на метро от Хитроу до Виктории всего час с одной пересадкой. А как удобно! Вы только посмотрите, Лидия Кирилловна, какие здесь уютные вагоны. Я вам скажу, что в нашей дорогой Российской Федерации плюшевые сиденья в тот же день порезали бы ножами, вы согласны?

Наконец подкатил поезд. Он был ниже московского, вагоны более округлые.

Женский голос мелодично произнес: «Майнд зе гэп, плиз!» Лидочкиного знания английского не хватило, чтобы понять, чего же просит невидимая женщина.

— О чем она? — спросила Лидочка.

Слава снисходительно улыбнулся. Приятно чувствовать лингвистическое превосходство над дикарями из России.

— Смотрите под ноги, — сказал он. — Хотя это, конечно, не точный перевод. Но смысл такой. «Гэп» — это щель, дыра, провал, ну, скажем, щель между вагонами и платформой. Видите, она здесь куда шире, чем в Москве. Вот и предупреждают: глядите под ноги, чтобы не провалиться.

Войдя в вагон, Лидочка опустилась в мягкое плюшевое кресло. Поезд не спеша покатил, большей частью по поверхности земли, но оставаясь в глубокой траншее, так что Лидочке не удалось увидеть Лондон из окна. Почему-то ей в голову пришла глупая мысль: а как едет из аэропорта убийца Геннадий? Наверное, в черном «Мерседесе». Потому что он принадлежит к компании людей, которые быстро грабят и быстро теряют деньги. А мы — средний слой, у нас каждый заработанный фунт на счету.

Вячеслав Андреевич, видно, отнеся Лидочку к категории лояльных родственников, негромким голосом просвещал ее об особенностях жизни в Лондоне, которые доступны и понятны лишь своим.

— За три с половиной фунта (это, конечно, не очень дешево) вы будете покупать единый дневной билет. А так как дешевле, чем за фунт, вы здесь никуда не доедете, то представляете, какая выгода? Ведь дневной билет годится на любой вид транспорта, включая электричку. Подходишь на нашей станции к кассе и говоришь: «Дневной билет». Вы английским владеете?

— Владею.

— По-настоящему или как в анкетах у нас пишут?

— Читаю для собственного удовольствия, но в разговорном иногда теряюсь. Надо будет привыкать.

— По крайней мере честное признание. Нам скоро выходить для пересадки.

Пересадка оказалась несложной. Пришлось просто перейти на левую сторону платформы.

На этом Вячеслав Андреевич прекратил просвещать Ли-

дочку, а переключился на допрос. Ответы Лиды его мало интересовали, но этим он выполнял неписаный долг. Перед своей совестью или перед мамой.

Он выяснил, какая в Москве погода и какой она была на прошлой неделе, поговорил о растущем уровне преступности. Оказывается, Кошко побывал дома полгода назад, но с тех пор во многом оторвался от современности, потому что мама рада бы посылать ему газеты и журналы, но сейчас почтовые расходы из Союза, простите, из России, стали фантастическими. Разве может старый человек при небольшой пенсии позволить себе такое?

Лидочка не совсем понимала, зачем старому человеку из небольшой пенсии выкраивать деньги, чтобы посылать журналы в Лондон богатому сыну.

Интерес Кошко к событиям в России распространялся также на строительство храма Христа Спасителя, цены на транспорт, забастовки шахтеров, положение в Чечне, перспективы Черномырдина на грядущих выборах, новые выходки Жириновского... Когда путешествие закончилось, Лидочка испытала глубокое облегчение.

В вопросах, да и в самом голосе Кошко слышалась некоторая заунывность, способная взбесить нервного человека. Какими бы чудесными качествами он ни обладал, в конце концов люди, наверное, начинали его избегать. Впрочем, некоторые привыкают. Ведь мы не слышим, как тикают часы...

Пока они ехали в метро, вагон оставался полупустым, вокруг не чувствовалось большого города, и потому Лидочка оказалась не готова к тому, что, поднявшись в кассовый зал вокзала Виктория, они окажутся в самом настоящем, родном вокзальном столпотворении. Правда, в этом столпотворении все старались не толкаться, никто никуда не бежал, и люди уступали друг другу дорогу. Какой-то громадный негр промчался совсем близко, но успел, коснувшись ее локтем, изобразить жемчужную улыбку и попросить прощения.

Затем они вышли в обширный высокий светлый зал вокзала, куда утыкались железнодорожные пути. Гигантское пространство немногим превышало пространство Киевского вокзала в Москве, но отличалось от него подчеркнутой чистотой, светом и слишком чистыми полами, какие вокзалам иметь не положено.

— Нам левее, — сказал Вячеслав Андреевич. — Иришка нас там ждет.

По дороге он рассказал уже, что Иришка была в музее. «Она, понимаете, так любит бродить по музеям, наверное, у нее это наследственное, я тоже люблю тишину и загадочность музейных залов, поэтому она не смогла сопровождать меня в аэропорт». Но они договорились встретиться у левого табло в зале вокзала. Потом им предстоит проехать еще пятнадцать минут на электричке, поскольку никто из англичан, то есть из уважающих себя англичан, не живет собственно в Лондоне. Люди предпочитают выбираться на окраины. Но здесь, знаете, это не означает нашего Ясенева или Свиблова. Лондон — громадная деревня со всеми удобствами, все англичане живут в своих домах, а вы, наверное, читали об этом? Вот и у нас небольшой домик. Конечно, мы могли бы остаться в имении дяди Джеймса, но что мы там стали бы делать? Кормить собой привидения?

Тут Вячеслав Андреевич засмеялся — Лидочка впервые увидела его смеющимся. Губы разошлись, но не открылись, крылья носа задрожали, улыбка началась и потом скисла — видно, не было тренировки.

Кошко погладил себя по шкиперской бородке.

Он устал, раза два останавливался и ставил чемодан на пол. Лидочка сказала:

— Можно, я понесу дальше? Он нетяжелый.

Кошко сразу согласился.

— У меня остеохондроз, — пояснил он. — Болезни меня настигли очень рано. Порой так схватит, что вы и не представляете.

Они подошли к толпе, стоявшей, запрокинув головы, перед большим табло, на котором, как и положено на вокзале, периодически начинали вертеться черные планки, пока не останавливались на названии нужной станции. Некоторые из ожидавших жевали шоколадки, другие шуршали газетами. Вскоре Лидочка поняла, что жевание шоколадок и шуршание газетами — национальные черты британцев. И если вам будут говорить о других, такой информации остерегайтесь. Вернее всего, она происходит от людей романтически настроенных, лживых или от самих англичан.

Вячеслав Андреевич посмотрел, как Лидочка ставила на

пол чемодан, затем вздохнул, словно совершил некий подвиг, вытащил из внутреннего кармана пиджака клетчатый платок и вытер им лоб.

И тут же разглядел в толпе свою дочь.

— А вот и она! — сообщил он.

Потом сказал громче:

— Иришка, мы здесь! Ты давно нас ждешь?

Иришка, которая стояла в десяти метрах от них, этим призывом была недовольна и своего недовольства не скрывала.

Была ли она родом в красавицу-маму или в кого еще из родни, но от отца она отличалась разительно. Если Вячеслав Андреевич мог всю жизнь пожирать по барану с горчицей в день и от этого только худеть, то Иришке, видно, с юных лет приходилось и придется в будущем бороться за свою фигуру до тех пор, пока ей не надоест или пока она не потерпит сокрушительного поражения в этой борьбе.

В пятнадцать лет борьба только начиналась и велась спорадически, а тяжелое будущее просматривалось лишь в рано развившихся круглых бедрах и толстых икрах, в коротких конических пальчиках и плечах, туго обтянутых курточкой. Видно, в детстве Иришка была толстушкой, и бабушки с мамушками радовались ее аппетиту и тугой попке. Теперь бабушки продолжали по инерции радоваться, но сама Иришка уже мечтала о лаврах фотомодели с осиной талией. А с талией было неладно.

Лицо у Иришки было гладкое, губы небольшие, пухлые, глаза карие, лобик узкий и каштановые волосы подкручены, чтобы не было заметно, что природа их недодала бывшей и будущей толстушке.

— Фазер, можно без криков на весь вокзал? — спросила Иришка, видя только отца и не здороваясь с тетей, хотя этого-то от нее все ожидали. Но как приятно бывает делать совсем не то, чего от тебя ожидают!

— Я не кричал, — скис Вячеслав Андреевич, потому что, как догадалась Лидочка, он опасался именно такой встречи. — Но как-то я должен был тебя позвать?

— Подошел бы и позвал.

Вячеслав вздохнул. И, словно вспомнив, добавил:

— Иришка, познакомься с Лидией Кирилловной. Я ее встречал в Хитроу.

Так как Иришка спокойно, с вызовом обратила к Лидочке безмолвный взор темно-карих глаз, Лидочка сказала:

— Здравствуйте, Ира!

И протянула руку.

Иришка секунду размышляла, до какой степени бунта она может дойти, но на этот раз решила остановиться на достигнутом. Она пожала руку Лидочки. Ее кисть была мягкой, узкой, а ладонь влажной.

— Ну вот и замечательно, — не скрывал своей радости Вячеслав Андреевич, будто боялся, что женщины вцепятся друг другу в волосы.

На табло защелкали, крутясь, таблички, замелькали надписи. Выскочила надпись: «Орлингтон», а под ней список остановок.

— Нам на третью платформу. — Вячеслав подхватил Лидочкин чемодан и поспешил в узкую щель, ведущую на платформу. Все пропускали его, никто не торопился. Лидочка хотела уже припустить за джентльменом, потом поняла, взглянув на часы, что до отправления осталось еще минут десять, и пошла медленнее. А Иришка и вовсе не спешила. Вместо того чтобы мчаться на платформу, она совершила движение в сторону, к киоску, где по доброму английскому обычаю купила шоколадку, забыв предложить угощение старшим. Потом она исчезла с глаз, а Лидочка ждать ее не осмелилась — ей важнее был чемодан с Вячеславом Андреевичем.

Она подумала о том, насколько юное поколение легко вживается в условия чуждого мира. Попробуй отличи Иришку от мириада таких же джинсовых тинейджеров, жующих свои шоколадки. Пожалуй, британский подросток будет лишь поласковей. Он умеет или обучен улыбаться и говорить «спасибо». А вот мы, старшее поколение, приживаемся за границей с трудом, а чаще не приживаемся вообще.

Вот и Вячеслав ворвался в пустой вагон, словно брал штурмом электричку на Казанском вокзале, и тут же сделал попытку выбраться из вагона и кинуться к другому, хотя они были одинаково пустоваты и одинаково респектабельны. По сути дела, Лидочка перешла из одного вагона метро в другой, даже не покупая нового билета.

— А где Иришка? — спросил Вячеслав Андреевич у Лидочки, как будто та кинула его единственную дочь под поезд.

— Не знаю, — ответила Лидочка.

Вячеславу стоило немалых сил, чтобы не кинуться на Лидочку с кулаками. В конце концов он не кинулся, а сложил свое тело подобно тому, как складывается на листе богомол, и поднял палец точно так же, как это насекомое.

— У нее переходный период. И я несу за это часть ответственности.

— За период?

— Ах, нет! Дело в том, что ребенок ведет неправильный образ жизни. Фактически она живет у моей мамы, вы с ней знакомы. Алла определенно манкирует своими обязанностями. Иришка ей, видите ли, мешает. Она не дает ей построить новую жизнь. Конечно, я должен был больше времени уделять ребенку. Но поймите и меня: я не старый еще мужчина, глубоко занятый своей работой, с массой интересов, включая политику. Как вы думаете, она успеет?

— А Иришка знает, до какой станции ехать? — спросила Лидочка.

— Она разбирается во всем куда лучше меня. Конечно, она знает нашу станцию, она иногда приезжает домой ночью. Вы не думайте, что я одобряю такое поведение, но здесь по сравнению с Москвой такая безопасность на улицах, что можно совершенно спокойно гулять и в одиночестве.

— Тогда, наверное, вам не стоит беспокоиться, — предположила Лидочка.

— Разумеется, — согласился Вячеслав Андреевич, — но я не умею не беспокоиться.

Два очень больших негра с множеством косичек на головах сели по другую сторону прохода, и Кошко заговорил гораздо тише, словно боялся, что негры его подслушают.

— Сложности возникают от иммигрантов, — сказал он. — Содружество наций — бывшие колонии, англичане чувствуют перед ними комплекс вины — как бы за то, что пили из них соки в течение стольких лет. Для рядового жителя, для нас с вами, это оборачивается драмой — вся преступность концентрируется в бедных негритянских районах.

Вячеслав Андреевич возбудился, его бородка поднялась вперед почти горизонтально, в горле слышался тихий клекот, острый кадык нервно дергался по шее, грозя продрать кожу.

Опомнившись, Вячеслав Андреевич посмотрел на часы.

— Две минуты до отхода, — сказал он трагическим шепотом. — Куда она могла исчезнуть?

— У меня есть предположение, рабочая гипотеза, — произнесла Лидочка.

— Да?

— Ей приятнее ехать и жевать шоколадку в одиночестве. Она села в другой вагон.

— Но ведь вы — наш гость! Ей же интересно узнать новости, получить письма из Москвы, весточку от бабушки...

— Вы уверены, что она спешит получить эту весточку?

— Ах, я уже ни в чем не уверен!

Лицо Вячеслава Андреевича сложилось в гримасе отчаяния, как у мягкой куклы.

— Я пойду, — сказал он, — погляжу на платформе.

Лидочке захотелось спросить, неужели он полагает, что его дочь стоит на платформе и рыдает в ожидании папы, но она сдержалась, а Кошко лишь совершил движение к двери, скорее символическое, и стоял в нерешительности, пока двери не закрылись. Поезд медленно пополз мимо путей и стен, разрисованных в меру неприличными надписями. Потом он вырвался из плена близко сошедшихся темных домов и складов и полетел по мосту через Темзу. И сразу обнаружилось, что над Лондоном с утра царит голубое ясное небо, по которому медленно плывут кучевые облака, что между домов много зелени, что цветут розы, что улицы на том берегу Темзы составлены из трехэтажных домиков, вполне милых, с магазинами внизу, а мимо них проезжают настоящие двухэтажные автобусы с туристической открытки «Площадь Пиккадилли».

Кошко вроде бы смирился с потерей дочери.

Он тоже смотрел в окно и даже сказал что-то незначащее о неверной английской погоде, объяснив это морским климатом и вообще близостью моря, что не было географическим открытием.

Лидочке хотелось задать ему несколько вопросов, но задавать их вроде бы было рано. Кое-что о его появлении в Лондоне рассказала Марксина Ильинична, кое-что Лидочка узнала еще раньше от Теодора, который разыскал Марксину. Но в Москве все звучит иначе, и не знаешь, где кончается сплет-

ня, а где начинается ложь. Так что Лидочка избрала нейтральный путь и спросила:

— Ирина здесь надолго?

— Не знаю, — буркнул Кошко. — Ни черта я не знаю.

Настроение у него было поганым. После долгой паузы он добавил:

— Надо понять Иришку. Я не могу ей здесь дать то, что упустил в Москве. Очевидно, я опоздал. Я стараюсь, я честно стараюсь, но наталкиваюсь на внутреннее сопротивление.

— Она не любит свою маму?

— Откуда мне знать? Иногда она говорит об этом, потом говорит, что ненавидит Аллу. Она — очень одинокое существо, поверьте мне. Ведь, по сути дела, она была сброшена на руки бабушке вполне живыми и дееспособными родителями. Мы с Аллой зашагали по жизни своими путями, а ребенок остался где-то в стороне.

Голос Кошко дрогнул.

Признание было искренним. Видно, проблема отцов и детей впервые обрушилась на него здесь, в Англии, и все его попытки искупить вину оборачивались педагогическими провалами. Впервые в жизни у Иришки появилась возможность отомстить взрослому миру, чем она и занималась.

— Я боюсь, что она попадет в дурную компанию. Здесь. Мне так трудно ее контролировать.

— Она знает язык?

— Она его впитала за считаные недели, как губка. Ей легко. Она уже говорит свободнее меня.

Поезд затормозил у первой станции. За окном стоял бронзовый негр человеческого роста и ждал поезда. Разумеется, он не двинулся с места, когда поезд остановился. Зато оба больших негра с косичками вышли из вагона.

— Брикстон, — сообщил Кошко. — Негритянский район. Опасное место.

Электричка поехала дальше, дома становились все меньше, за каждым тянулся газончик с кустами цветов. Дома оборачивались к поезду задами, и газоны упирались в насыпь.

Затем началось большое поле для крикета, по которому ходили джентльмены в белых костюмах со щитками на коленях и клюшками в руках. В электричку не очень шумно впорхнула стайка юных джентльменов в черных костюмах и при

галстуках. Джентльмены делали вид, что это вовсе не пародия на британский образ существования, а так и следует жить на свете.

Электричка с шумом влетела в туннель. Вячеслав Андреевич потянул чемодан к дверям.

— Пятнадцать минут от Виктории, — сообщил он, — а Виктория — это практически центр Лондона. Вы хотели бы жить в Москве в пятнадцати минутах от «Киевской»? Или от Белорусского вокзала?

— Я так и живу, — призналась Лидочка, чем расстроила хозяина. Ей бы надлежало жить на окраине Чертанова или в Северном Бутове и жаловаться на то, что теряет полтора часа до центра.

Платформа станции Пендж-хауз оказалась сельской, тихой, заброшенной настолько, насколько такое возможно под Лондоном. Две платформы, разделенные двумя путями. Крытый деревянный переход через пути был похож на толстую гусеницу, выгнувшую спину.

Немногочисленные пассажиры не спешили, направляясь к узкому проходу в высокой железной ограде.

Вячеслав поставил чемодан на платформу. Он ждал упущенную дочь.

Иришка соскочила с поезда в последний момент — дразнила папочку. Конечно же, она ехала в последнем вагоне, чтобы не связываться со взрослыми.

— Иришка! — слишком громко позвал ее отец. Но, к счастью, его голос был заглушен грохотом обтекаемого чудовища, в затемненных окошках которого горели настольные лампы и лицом друг к другу сидели дамы и джентльмены — как будто мимо них с умопомрачительной скоростью промчался многовагонный вагон-ресторан.

— Экспресс в Париж, — сказал Кошко, не спуская глаз с дочери. — Под Ла-Маншем. Все собираюсь прокатиться, но времени нет.

Иришка подошла к ним.

— Ну что же ты! — укоризненно сказал отец, чем дал возможность ответить:

— А чего такого случилось? Я бросилась под поезд?

Иришка первой пошла с платформы.

Вячеслав Андреевич потащил за ней чемодан. Последней шла Лидочка.

— Я машину оставил здесь, у станции, не тащить же чемодан пешком, правда?

Он понес чемодан к небольшой стоянке. На мирной площадке перед станцией расположились цветочная и овощная лавки, газетный киоск и еще какой-то магазинчик. Иришка почему-то не пошла к машине, а направилась к магазинчику и скрылась в нем.

Это Вячеслава Андреевича совершенно не смутило. Он открыл багажник солидного серебристо-голубого «Воксхолла».

— Иришка выбирала? — спросила Лидочка.

— Нет, это мне досталось, — ответил Кошко. — Ему уже пять лет. Вечная машина.

Он захлопнул багажник.

— Садитесь, — пригласил он. — Сейчас Иришка придет.

Иришка появилась из магазинчика в то же мгновение. Она несла большой бумажный кулек. Оттуда она на ходу доставала ломти жареной картошки и кидала их в рот. Кулек промаслился там, где на него нажимали пальцы.

Руль у машины был справа, это было неправильно. Лидочка, конечно же, знала об этом, но все равно неправильно.

Иришка рванула дверцу слева, плюхнулась крепким задиком на сиденье рядом с отцом. Лидочка уселась сзади.

— Здесь близко, — сообщил Кошко. — Пешком меньше десяти минут.

Машина рывком взяла с места.

— Водитель ты фиговый, — сообщила Иришка папе.

— Зато осторожный, — ответил тот.

— Если Бог чего не дал, то это надолго, — сказала Иришка. — Сколько раз я тебе говорила — давай буду тебя возить.

— Ты рискуешь, — сказал Кошко.

Машина набрала скорость, чуть не столкнувшись с красным двухэтажным автобусом, который, оказывается, забирался из Лондона даже сюда, и покатила по левой стороне улицы. Лидочка еле удерживалась, чтобы не крикнуть водителю, насколько он неосторожен.

Проехали мимо недавно сгоревшей каменной церкви — балки крыши напоминали объеденную селедку. Свернули за церковь, потом еще раз, прокатили немного по широкой

улице, на которой в разрядку росли могучие деревья, и повернули к стоявшему в глубине, метрах в десяти от тротуара, дому. Перед домом расстилался ровный газон, отделенный от улицы высокой живой изгородью.

— Вот и наш уголок, — сказал Кошко.

Слово «уголок» прозвучало напыщенно.

— Запоминайте сразу, — предупредил Вячеслав, открывая багажник и с тоской глядя на чемодан, — наш адрес: Вудфордж-роуд, 14. Вудфордж — это лесная кузница. Здесь был лес.

Глава 3

Лидочка выволокла чемодан, не дождавшись помощи.

— Это семи-аттачд дом, — сообщил Лидочке Вячеслав Андреевич. — То есть в переводе «полуприложенный».

— Полуприставленный, — поправила его Иришка, которая звонила в дверь, забранную в верхней половине непрозрачным, поделенным на изысканные дольки бутылочным стеклом. — Полуприпертый. Полутрахнутый.

— Иришка, твое остроумие порой оставляет желать, — сказал Кошко.

— Опять их дома нет, по распродажам побежали, — проворчала Иришка. — Где у тебя ключи?

— А твои?

— Не знаю, где мои. Посеяла. Или дома валяются.

— Ну нельзя же так разбрасываться ключами! — умеренно возмутился отец.

— Это демагогия, — ответила Иришка, вытаскивая связку ключей из сумки, висевшей через плечо. — Есть у меня ключи, есть, не суетись.

Она открыла дверь и скрылась в темноте.

— Семи-аттачд хауз, — продолжил Кошко, — выше классом, чем террасный дом. Понимаете?

— Разумеется, не понимаю, — улыбнулась Лидочка.

Кошко стоял в дверях и мешал войти.

— Мы владеем половиной дома, — продолжал он. — Наша половина — номер четырнадцать, а у соседей дом номер шестнадцать. Так экономичнее строить. Все коммуникации

сооружаются на два дома. Наш дом отделяется от соседнего проходом. Видите, за калиткой? Туда выходит черный ход из кухни, там стоят мусорные баки.

— Спасибо, я поняла, — сказала Лидочка.

— Но я должен закончить, — остановил ее Кошко. — Дело в том, что большинство домов в Англии относится к другому типу — это террасные дома. То есть строится сразу сторона улицы. Как бы один длинный дом. Потом он нарезается на дольки. Каждая долька — домик. Они одинаковые по расположению, по планировке. Такие же, как наш, только гораздо меньше. Это дома для людей с доходом ниже среднего.

Кошко отступил от двери, и Лидочка смогла войти.

— Конечно, мы можем позволить себе отдельный дом и в более фешенебельном районе, — закончил Вячеслав Андреевич. — Но у нас нет таких запросов. Тогда пришлось бы слуг нанимать...

Он искренне расстраивался оттого, что чуть было не нанял слуг. А ведь лет пять назад он вполне довольствовался двухкомнатной квартирой в хрущобе и по утрам втискивался в душный автобус, спеша на службу.

В неширокой полутемном коридоре с неожиданно высоким потолком Кошко перехватил чемодан и поставил его к стене у столика с телефоном, за вешалкой.

— Потом отнесем к вам в комнату, — сказал он. — Сначала выпьем по чашке кофе за благополучное прибытие.

Он явно чувствовал облегчение от того, что путешествие закончилось и можно закрыть за собой дверь. Лидочка подумала, что Кошко внутренне человек вялый и замкнутый в ощущении пространства. Дай ему волю, он бы развил в себе обломовский комплекс и закуклился в умеренно комфортабельной обстановке. Такой человек обязательно должен иметь свой диван, где бы он ни жил. Особенный диван, как лежка у медведя, как гнездо у гагары.

Впереди поднималась крутая лестница на второй этаж, но коридор проходил дальше и упирался в белую дверь. Направо же от лестницы дверь была открыта, и оттуда слышался грохот посуды. Потом раздался звон.

Кошко обреченно сказал:

— Еще одна чашка! Сегодняшняя норма по битью посуды выполнена.

— Где веник? — раздался крик Иришки.

— Где всегда, — ответил Вячеслав Андреевич.

«Наверное, лучше бы не экономить, — подумала Лидочка. — Жила бы я сейчас в скромной гостинице».

Кошко ввел Лидочку в правую дверь, где оказалась небольшая столовая с круглым столом, покрытым пластиковой скатертью. Иришка забралась в холодильник — попка наружу, осколки чашки лежали на выложенном плиткой полу.

— Хоть бы убрала, — вздохнул Кошко.

— Со временем, — ответила дочь, прикладывая все усилия, чтобы вывести взрослых из себя.

— Это демонстрация? — спросил Вячеслав Андреевич.

— Разумеется. — Иришка высунулась из холодильника, держа в руке шмат ветчины.

— Хоть бы руки вымыла, — сказал Кошко.

— А то перед постояльцами неудобно, — закончила фразу Иришка.

И, посчитав, видно, что папа может потерять контроль над собой, она решила не рисковать и удалилась из кухни.

— Простите, — сказал Вячеслав Андреевич.

— Я все слышала, — сухо ответила Лидочка. — Ребенок рос без родителей, и теперь все виновато прыгают вокруг.

Наверное, с хозяином квартиры в первый день знакомства так грубо не разговаривают, но Лидочка разделяла чувства Иришки: ей тоже хотелось вызвать этого худенького интеллигента на конфликт, на крик, на скандал, чтобы можно было с чистым сердцем хлопнуть дверью и уйти навсегда.

Но Вячеслав Андреевич вовсе не обиделся. Он уже достал из-за холодильника красивый совок и щетку и стал заметать осколки.

— Вся беда в том, — говорил он при этом, — что я-то вину чувствую и прыгаю, как вы изволили выразиться, вокруг, а мама остается статуей в почтительном отдалении. А поклоняемся мы всегда статуям, как бы их ни ненавидели.

Лидочка была вынуждена с ним согласиться, хоть ничего вслух и не сказала. Богатые, как известно, тоже плачут.

Вячеслав Андреевич обладал сноровкой старого холостяка — он быстро и аккуратно подмел пол, потом прошел в маленькую, прижавшуюся к столовой кухню и поставил воду.

Пока вода грелась, оттащил наверх чемодан Лидочки и показал ей ее комнату.

На втором этаже было четыре комнаты. Большая хозяйская спальня выходила окнами на улицу и была шириной во весь дом. Рядом находилась небольшая комнатка, глядевшая в промежуток между домами, и туда же выходил окошком обширный, но захламленный туалет с ванной. Еще две светелки глядели в сад. Одна из них досталась Лидочке. Вторая, как объяснил Вячеслав Андреевич, принадлежала Иришке, которая в ней и закрылась. «Слава богу, что не закрылась в туалете, — с облегчением подумала Лидочка. — Вот это была бы революция!»

Именно на том этапе их отношений Вячеслав Андреевич предложил откинуть отчества. («В Англии мы живем, в конце концов, или в Турции? Мне трудно реагировать на «Вячеслав Андреевич» — словно я в учреждении, где мне могут дать справку, а могут и не дать».) Лидочка не стала спорить: если предстоит прожить вместе чуть ли не месяц, российские отчества повисают, как вериги.

Внизу живут родственники, объяснил Слава, Василий и Валентина. Хорошие, добрые люди, приехали к нему из Краснодара провести отпуск, но не могут сдержать российских инстинктов — так что устремляются по распродажам, благо сейчас как раз настал сезон летних распродаж. И если вам, Лида, что-нибудь нужно, они все знают, где, что и почем.

Сам Слава предпочитал спать на диване внизу, в своем кабинете.

— Приведете себя в порядок, спускайтесь, я вам покажу первый этаж, — сказал он.

На прощание он принес Лидочке белье, а сам постучал к дочери. Та откликнулась, Слава вошел в комнату и принялся бормотать.

За окном стояла большая липа, а за ней начиналось бескрайнее зеленое поле. Мальчишки гоняли по нему мяч.

Лидочка разобрала чемодан, достала все, что было нужно, и отправилась в ванную.

Вернувшись из ванной, она окончательно распаковала свои немногочисленные вещи и спустилась в столовую. Прошло полчаса, не более.

Слава ждал ее, сидя за столом. Стол был накрыт небогато,

но достойно английского джентльмена, жена которого находится в отлучке.

На тарелке были разложены бисквиты, прочно стояли две баночки с джемом, сыр, молоко, сахар, чашки, ложки...

— Садитесь. Может, вы желаете выпить? Джин? Виски?

— Ни в коем случае!

— Вы вообще противница?

— Нет, только сейчас. Не хочется начинать утро с победы над собой.

— Красиво, но неубедительно, — заметил Слава. Он успокоился, даже порозовел, и глаза потеряли лихорадочный блеск.

Все было как в Москве, но воздух казался иным — он был чище, мягче и склонял к неторопливости. Москва была далеко не только в пространстве, но и во времени. Здесь никому не было дела до московской грязи, толкотни, склок, злобы, насилия и лукавства. Здесь не хотелось запирать дверей и машин, как все и поступали, хотя порой на таком легкомыслии попадались.

Заявилась Иришка. Чашка ей была поставлена заранее. Она налила кофе без молока и сахара и уселась напротив Лидочки, чтобы было удобнее ее разглядывать в упор.

Слава расспрашивал о том, как выглядит мама, что она просила передать, что нового дома, как движется строительство храма Христа Спасителя...

Хлопнула дверь, в коридоре загрохотали усиленные гулким холлом голоса. Слышны были шаги, почему-то в коридоре рвали бумагу. Иришка, хранившая до того нейтральное молчание, изобразила на физиономии презрение и негодование. Слава ожидающе обернулся к двери.

В дверях появилось красное, блестящее, возбужденное лицо, удивительно гладкое, потому что за исключением сизых бровей на нем ничего не произрастало. Алые губы сложились трубочкой, и вкатившийся в комнату толстяк завопил:

— Валя, Валюха! У нас радость! Лидия приехала! Иди глядеть!

Тут же, оттолкнув толстяка, в комнату ворвалась такая же круглая и краснолицая женщина. На ее голове, словно при-

клеенные, росли оранжевые волосы, уложенные мелкими волнами. С краской для волос женщине явно не повезло.

Толстяки были немолоды, но очень подвижны, будто жир переливался внутри их тел, как ртуть. Такими, наверное, были гоголевские комические герои, которые питались варениками.

Валентина протянула Лидочке обе руки и, сжав ладони, принялась ее трясти. Руки ее оказались твердыми, мозолистыми, знакомыми с лопатой.

— Лидия Кирилловна, — по-южному запела она. — А мы так рвались, так рвались в аэропорт вас встретить, только Славчик нас не взял.

— Вы так сладко спали, — сказал Слава. Он лицемерил, и Валентине бы не заметить этих слов, но она с усердием правдолюбца тут же закричала:

— Ну как же ты, Славочка, говоришь, когда мы с тобой в ванной повстречались?

Толстяк вырвал Лидочку из объятий Вали и неожиданно хлопнул по плечу.

— Разрешите представиться. Мы будем родные Славику из Краснодара. Меня зовут Василием Никитичем Кошко, а мою супругу — Валюхой. Проводим отпуск на туманном Альбионе. Но туманов нема!

Валюха засмеялась тому, что туманов нема, и крикнула мужу:

— Мечи на стол, Василий!

Василий исчез, за ним ушла Иришка — видно, в знак протеста, но к протестам тоже привыкаешь, и никто ее ухода не заметил.

Василий вернулся с початой бутылкой перцовки и кексом или чем-то подобным кексу, запакованным в фольгу. Валюха скользнула на кухню и стала там шуршать фольгой, а Василек, Василь, Васичка (его называли по-разному, словно имя еще не установилось) достал рюмочки и всем разлил по глотку. Осталось больше половины бутылки, и это его обрадовало. Он завинтил крышку, поставил бутылку на пол возле ножки стола, чтобы не было соблазна, произнес:

— С приездом! За знакомство! — и первым потянулся рюмкой к Лидочке.

— Иду-иду! — закричала из кухни Валюха, о которой муж забыл. — Разложу и приду.

Она вынесла из кухни кекс на вытянутых руках, как выносили лебедя на царском пиру.

— Кушайте, гости дорогие, — пропела она. — Надеюсь, вам понравится наш скромный подарочек.

Валюха уселась рядом с Лидочкой, положила треугольничек кекса ей на блюдце и неожиданно спросила:

— А почем у вас сметана?

Лидочке вопрос показался не только несвоевременным, но и смешным, и она спросила:

— А у вас? В Краснодаре?

— А мы раньше в Полтаве жили, — ответила Валюха. — Сбежали из Хохляндии. Полная разруха с этими карбованцами. Все растащили, ну буквально все. И мы к дочке уехали, в Краснодар. А они гривны ввели.

Неожиданно Валюха вскочила из-за стола и умчалась к себе в комнату. Василь раздумывал, не налить ли еще — он даже склонился к ножке стола за бутылкой, — но тут бережливость взяла верх, и он выпрямился. Возвратилась Валюха с фотографией двух толстощеких детишек.

— Это наши, — сказала она. — Внучата.

Лидочка произнесла подходящие к случаю междометия. Валюха совсем растрогалась.

— Я тебе, Лидия, вот что скажу...

— Может, Лидия Кирилловна хочет отдохнуть? — перебил ее Слава.

— Нет, спасибо. — Лидочке было неловко обрывать на полуслове эту добрую женщину.

— А я тебя спрошу, ты что брать будешь? — спросила Валюха.

— Валентина! — оборвал ее Слава.

— Пускай говорят, — разрешил Василий. — Им, бабам, только о тряпках и разговаривать. А мы с тобой по маленькой. Давай нашей, настоящей, крепкой, не то что здешнее дерьмо по двадцать фунтов.

Валюха глядела на Лидочку доверчиво и ласково, будто была готова снять с себя последнее.

— Я тебя с миссис Симпсон познакомлю. Другую бы не стала знакомить, а тебя познакомлю.

— Хоть и старуха, но доброты сильнейшей, — сказал Василий, опрокинув в рот рюмочку и с сожалением заглядывая в ее пустоту.

— Она нам еще вчера подсказала, что они с утра будут выбрасывать.

— И это правильно, — поддержал жену Василий. — Всем не наобещаешь. А мы ей подаруночек привезли — косыночку с видом Киева.

— Ты только не переоценивай, — осадила мужа Валюха. — Они на таких, как мы, только и держатся. А то бы всех разогнали. Ты посиди, я тебя к нам не зову — у нас беспорядок. Сейчас я тебе такое покажу — ты ахнешь!

Валюха в мгновение ока вылетела в коридор и тут же вернулась с большой полосатой пластиковой сумкой. Из нее, подвинув чашки, она вывалила на обеденный стол небольшую дубленку.

— Ты такое видела? — спросила она у Лидочки.

— Дубленка? — В голосе Лидочки прозвучало сомнение. Может, она недостаточно образованна? Может, это что-то особенное?

Дубленку положили на спину, и на груди обнаружилось небольшое чернильное пятно. На самом видном месте.

Кошки хором вздохнули и, забыв об окружающих, стали обсуждать, как это пятно вывести или на его место нашить цветочек такого же, как дубленка, цвета, и никто даже не подумает, что там было пятнышко.

— А теперь, Лидия, догадайся, сколько мы за нее отдали? — спросил Василий.

У Славы, кажется, заболел зуб. Он морщился и смотрел в окно. Но за окном был лишь забор, а за ним стена соседнего дома.

— Ну, смелее, Лидия, смелее!

Они были такими радостными, возбужденными, что напомнили Лидочке страстных охотников, которые вернулись из леса и притащили медведя. Медведя взяли на рогатину сами, без помощи егерей, да вот беда — шкура в одном месте пробита!

— Давай, Лидок! — призывал Василий.

Кошки были людьми простыми. Они уже называли Лидочку кратко, обращались к ней на «ты», они уже перевели ее в свой батальон.

— Никогда не догадаешься! — сказала Валентина. — Три фунта. Честное слово — три фупта.

— Будь точной, крохотулька, — поправил жену Василий. — Три фунта пятьдесят копеечек.

— Но ведь это дневной билет на метро! — воскликнула Валентина. — Надо же осознавать!

— У нас еще есть кое-какая добыча, — сказал Василий. — Кое-что из белья, из детских вещей, внуки ждут не дождутся нашего возвращения.

— У окошка стоят, — запела Валентина.

— Но почему ты не спрашиваешь, Лидия, почему не спрашиваешь, где мы такое чудо купили?

Лидочка не могла догадаться, где продают такое чудо.

— На Сиднем-роуд, — объяснил Василий. — Канцерное сосайети. Мы, так сказать, занимаемся благотворительностью. Вот там миссис Симпсон нас привечает.

— А я к себе пошла, — сказала Валентина. — Я посуду потом вымою, ты, Славочка, не бойсь. Страсть как хочется добычу пересчитать. Смешно, да? Ну что ж, подождешь, мы уже старые люди, всю жизнь провели в лишениях.

Она убежала в коридор, потащила что-то. За ней, подхватив в охапку дубленку и бутылку, умчался Василий. За столом стало очень тихо.

— Сколько им лет? — неожиданно для себя спросила Лидочка.

— Под шестьдесят. Но не дашь, никак не дашь, правда? — ответил Слава. — Они у нас здесь исполняют роль стихийного бедствия. Они полны благих намерений. Но эти намерения направлены на легкое обогащение.

— А как они занимаются благотворительностью?

— Типично совковый метод ставить все с ног на голову, и в результате ты оказываешься королем, а все остальные в белых тапочках. У них здесь, в Англии, много всяких благотворительных обществ. У этих обществ лавочки, куда поступают вещи от умерших бабуль или от местных жителей. Деньги, вырученные от продажи, идут на помощь больным. Порой в этих лавочках все продается за бесценок. Сегодня мои родст-

венники совершили налет на магазин общества помощи раковым больным.

— Значит, это... чужая дубленка?

— Кто-то ее купил, облил чернилами и подарил с горя магазину. Всякое бывает. Вы не думайте об этом. Мы сначала с Иришкой пытались спорить. Но у наших кротов странный аргумент — если бы я поделился с ними деньгами, они бы покупали все в «Хэрродсе». Но мне кажется, что достаточно уж того, что они живут здесь и едят. А раз в неделю покупают кекс. Об этом кексе мы еще услышим не раз. Словно это ведро черной икры. У вас тут есть знакомые?

— Нет.

— А поручения?

— Мне надо отвезти посылку в университет.

— Пожалуй, лучше вам это сделать завтра, чтобы не ездить в Лондон лишний раз. У вас доллары или фунты?

— Доллары.

— Я думаю, что выгоднее будет разменять в «Америкэн Экспресс». Это на Виктория-стрит, я вам покажу.

— А сегодня?

— Я бы посоветовал вам поспать. Все-таки вы встали в Москве на рассвете, пролетели несколько часовых поясов. Послушайтесь моего совета — поспите часок-другой.

И по мере того как он говорил, Лидочке все более хотелось спать.

Это не означало, что Слава обладал великими гипнотическими способностями, но на часах был уже первый час, а встала сегодня Лидочка в шесть, к чему надо приплюсовать три часа разницы между Москвой и Лондоном. Вот и наступило время для мертвого часа.

Лидочка поднялась в свою комнату.

Комната была невелика, в ней стояла тахта мягкости необычайной, еще оставалось место для платяного шкафа, небольшого стола, который при желании можно было считать письменным, а можно было и туалетным, кресла, стула и Лидочкиного чемодана, пока еще вполне относящегося к предметам мебели.

Лидочка хотела разложить белье и сделать себе постель, но это означало бы полную капитуляцию перед Морфеем, к

чему она была не готова. Она сбросила туфли и растянулась на тахте, словно на морской волне.

Если подняться на локте, то был виден длинный газон и деревья за газоном.

Сон, конечно же, не шел. Странное чувство владело Лидочкой — словно на самом деле ее приезд в Англию требовал внутренней спешки, гонки, нужно было успеть, завершить, и уж конечно, немыслимо было отдыхать... Почему все внутри было связано в тугой узел? Даже сердце билось неточно, сбивчиво, как ребенок, торопящийся, вернувшись из садика, все рассказать маме. Нет, сон никак не шел. Вместо этого вспоминались шоколадки, обивка на креслах в электричке, убийца-организатор Геннадий, дубленка с пятном... И так, борясь с летучими воспоминаниями, Лидочка села на тахте и стала смотреть в окно. На длинном горизонтальном суку сидела белка и прихорашивалась к вечернему свиданию, в тени дерева скользнула лиса, и тяжелые головки роз колыхнулись, пропуская ее внутрь кустарника. Странный город, странный мир... За стенкой бубнили папа с дочкой, но, к счастью, слов было не разобрать.

Нарушая идиллию чужого мира, каркнула ворона, опускаясь на газон, и пошла, раскачиваясь, словно пьяный моряк, по короткой траве.

Лидочка заставила себя снова лечь и закрыла глаза.

Она мысленно повторила путешествие от аэропорта до этого дома — зал ожидания, метро, пересадка, вокзал Виктория, электричка, бронзовый негр на станции Брикстон, полустанок, магазинчики у станции, деревья на улице Вудфордж...

И тут Лидочка проснулась, потому что не заметила, как заснула, повторяя путешествие.

Проспала она долго, часа два.

Солнце успело спрятаться за облака, но день был в полном разгаре. Наверное, уже три часа.

Дома было тихо.

Потом снизу донеслись звуки кухонной деятельности.

Пора было вставать, хотя Лидочка чувствовала себя разбитой, невыспавшейся, настроение испортилось — не хотелось становиться приживалкой в этом неладном доме. И зачем только она согласилась на эту поездку?!

В таком настроении она сошла вниз, где целый час про-

сидела в кабинете Славы, слушая его наставления и глядя по телевизору какую-то программу, которая должна была вызывать смех, но вызывала его лишь у невидимой телевизионной аудитории, громко и заразительно хохочущей в ответ на любое движение губ комиков.

Слава уверял, что все это очень смешно, но Лидочке казалось, что он делает это скорее из чувства долга — он англичанин и должен ценить британский юмор, не так ли?

Потом Валентина позвала всех обедать. Обед состоял из пакеточного супа, замороженных котлет и полуфабрикатного мусса. Все было умеренно невкусно, и Валентина за столом игриво напомнила Лидочке, что «мы живем здесь небольшой коммуной и тратимся на еду по очереди. Послезавтра ваша очередь, Лидочка».

Слава толкнул Лидочку под столом коленкой, напоминая о скаредности родственников.

За обедом Иришка капризным голосом принялась просить у отца машину, заранее зная, что машину ей не получить. После обеда она уехала куда-то на велосипеде, а свинки, как назвала для себя Василия и Валентину Лидочка, стали звать ее прошвырнуться по магазинам, чтобы показать ей, что есть что и что есть где, но Лидочка уже дала себе слово сопротивляться напору, исходящему от супругов. Вернее всего, они были милыми и добрыми людьми, но жизнь свою прожили в относительной бедности, а теперь не выдерживали вида и содержания лондонских распродаж и рынков. И малость рехнулись. Может быть, это было и не совсем так, но сторонником подобной идеи выступил хозяин дома Слава, когда после обеда увел Лидочку в сад. Он отошел подальше от дома, чтобы не подслушивали, а так как подслушивать, кроме родственников, было некому, то стало ясно, что он им не очень доверял. Слава спросил Лидочку, интересно ли ей узнать, как он стал владельцем этого дома и почему поселился в Лондоне. Лидочка ответила, что ей интересно.

Слава попросил ее потерпеть до вечера. Краснодарские Кошки, как он объяснил, ложатся спать пораньше, следуя золотому правилу «кто рано встает, тому Бог подает». И ему бы не хотелось, чтобы они совали свой нос в его дела.

— Разве они ничего не знают? — спросила Лидочка.

— Разумеется, в принципе, им эта история знакома. Все

родственники, даже те, о существовании которых я недавно и не подозревал, обсуждали мою судьбу с завидным интересом. Но мне не хочется, чтобы они дышали в спину, когда мы с вами разговариваем.

— Вам наконец-то захотелось поговорить с человеком, который ни на что не претендует? — поняла Лидочка.

— Честно?

— Как вам хочется.

— Если честно, то я рад, что вы приехали и оказались именно такой.

— Какой?

— Не притворяйтесь. Вам уже говорили. И не раз.

Лидочка не стала расспрашивать Славу дальше. Она понимала, что и в самом деле относится к разряду других людей. Может быть, нормальных людей. Но составить полное представление о том, что же творится в доме номер четырнадцать, она не сможет, пока Слава не расскажет ей обо всем сам.

Слава ждал нового вопроса, не дождался и произнес сам:

— У меня к вам просьба. Завтра на утро нет молока и корнфлекса. Мои родственники, как всегда, сэкономили и забыли купить. Вы не дойдете до магазина? Это просто. По нашей улице направо, и через пять минут вы попадете на Сиднем-роуд, нашу главную деревенскую улицу. Там два шага до гастронома. Он еще открыт.

— С удовольствием.

— У вас нет географического идиотизма?

— Нет, у меня по географии всегда была пятерка.

— Английские фунты есть?

— Надо будет разменять, но немного есть.

— Сколько немного?

— Фунтов двадцать.

— Вам хватит. И даже на джем, желательно абрикосовый. Он тоже кончается.

— А хлеб покупать? — спросила Лидочка, довольная возможностью быть полезной дому. Она не любила оказываться в роли нахлебницы. Впрочем, это ей никогда и не удавалось.

Слава открыл ей дверь и стоял, глядя вслед, чтобы убедиться, правильно ли она идет.

Лидочка шла правильно.

Она благополучно добралась до небольшого, но полно-

ценного гастронома. Истратила фунтов пятнадцать, сумка оказалась тяжелой.

Когда Лидочка шла обратно, уже начинался вечер. Тени стали длиннее, на улице прибавилось машин, люди возвращались по домам.

Конечно же, Лидочка ходила куда дольше, чем рассчитывала. Она была благодарна Славе, что тот придумал ей занятие и предлог выйти в город одной. На улице было много магазинов и магазинчиков — небольших, тихих и чистеньких. К тому же Лидочка сама, без чужой помощи, отыскала и запомнила, где находятся почта, прачечная, химчистка, овощной магазин, книжный магазин с развалом на столе перед входом и даже отделение банка.

Возвращалась она не спеша, наглядевшись на жизнь улицы, которой и дела не было до Лидии Берестовой, гражданки России, сегодня впервые приехавшей в этот пригород Лондона.

Она повернула к дому. Здесь все было просто, не заблудишься.

Через пять минут она дошла до Вудфордж-роуд, глазея на гигантские розовые кусты — еще одну национальную особенность английского быта, о которой предыдущие путешественники по этой стране сообщить забыли.

Когда Лидочка сворачивала на улицу, почти одновременно с ней туда, только с другой стороны, повернула машина.

Солнечные лучи били почти горизонтально земле, и потому профиль человека, сидевшего рядом с шофером, высвечивался, как в театре теней. Даже слишком ярко.

Лидочка даже остановилась от неожиданности — этим пассажиром оказался ее сосед по самолету, убийца-организатор Геннадий. Какое совпадение! Наш красавчик тоже живет в этом районе!

Лидочка готова была уже помахать ему рукой и окликнуть: окошко открыто — услышит. Но тяжелая сумка остановила движение руки, и тут же проснулась настороженность, рожденная этой тяжестью, положенной на ее кисть предупреждающей рукой. Лидочка сама себе удивилась. Бывают же совпадения, ну и хорошо, встретила соотечественника за рубежом, приятного молодого человека, шахматиста-любителя. Чего же ты молчишь, Лидочка?

Потом уж она старалась понять себя. Почему она вела себя именно так, а не иначе? Почему она шла дальше, не ускоряя и не замедляя шаг, чтобы не обратить на себя внимание?

И тут же дала себе ответ: машина ехала слишком медленно. Люди в машине что-то или кого-то искали.

Они разговаривали, сближая головы. Машина уехала уже довольно далеко, но тот яркий, предвечерний свет, что окутал улицу, отличался особенностью подчеркнуто ярко высвечивать все предметы, так что Лидочка даже издали могла видеть Геннадия и его спутника во всех деталях. А спутником Геннадия был тот человек, который встречал его в Хитроу.

Лидочка вдруг испугалась, что русские в машине ищут дом Славы Кошко. Или их приезд вовсе не связан с этим домом?

Но она, к сожалению, угадала.

Перед четырнадцатым домом машина почти остановилась, и оба ее пассажира шеи свернули, разглядывая машину Славы, фасад дома, дверь и розовые кусты.

И может, у Лидочки остались бы еще сомнения, она смогла бы себя утешить, но как только машина миновала дом, то водитель ее, словно завершая танец, нажал на газ, и машина, набирая скорость, помчалась вперед. Только тут Лидочка сообразила, что машина была синей «Тойотой», а номера она не разобрала.

Итак, Геннадий искал дом номер четырнадцать по Вудфордж-роуд. И он его отыскал.

Оставались надежды, что планы его были вовсе не зловещими, а какими-то иными. Но какими же? Любопытно бы узнать, какова была доля шутки в словах Геннадия относительно его профессии.

По крайней мере, Лидочку они не заметили. Не ожидали увидеть ее с хозяйственными пакетами.

Рассказать об этом Славе? Надо будет сказать... потом...

Глава 4

Когда Лидочка вернулась домой, все, за исключением Иришки, которая еще не вернулась, сидели у телевизора и глядели детективный сериал. Слава кое-что переводил, потому что за пределами магазинов родственники английским языком явно не владели.

Так как никому до Лидочки не было дела, она пошла наверх и провела следующий час, раскладывая вещи, приспосабливая под себя новое жилье, — у нее было это звериное умение сделать себе домик, устроить уютную норку.

Потом, еще раз поглядев на вечерний сад и поля за ним, откуда доносились крики английских мальчишек, игравших в футбол, Лидочка тихо спустилась на кухню. Кухня соединялась с кабинетом, где работал телевизор, окошком, прикрытым фанерной шторкой, чтобы подавать джентльменам кофий и сандвичи. Поэтому из кухни можно было подслушивать, что происходит в кабинете. Пока оттуда доносились только выстрелы, визг тормозящих шин и злобные выкрики полицейских и негодяев.

Лидочка занялась ужином, заодно осваиваясь на кухне, засовывая нос на полки, полочки, в шкафы и холодильник и обнаруживая, что хозяйство дома находится в разоре и беспорядке. Видно, покупалось тут все от случая к случаю, чего-то катастрофически не хватало, а вот сахара, например, и зеленого горошка было достаточно, чтобы прокормить осажденный гарнизон.

Лидочка никак не намеревалась брать на себя хозяйство — она приехала не за этим, но неистребимый ген женщины-хозяйки оказался сильнее ее. И пока не кончились все сериалы, она вычищала кухню, наводила порядок на полках и в холодильнике, а потом отправилась искать, куда же в Англии выбрасывают переполненное мусорное ведро.

В этот момент, завершив культурную программу, на кухню явился хозяин дома. Он был потрясен переменами в своем хозяйстве и понес ведро в проход между домами, где стояли темно-зеленые баки с крышками для мусора.

— Вам не хватает настоящей женщины, — сказала Лидочка. — Почему бы вам кого-нибудь не нанять?

Слава поставил опустошенное мусорное ведро у задней двери и начал загибать пальцы:

— Во-первых, это безумно дорого. Вы не представляете, как высоко здесь ценится малоквалифицированный труд. Уборщицы и кухарки получают больше профессоров. Во-вторых, мне меньше всего хочется впускать в дом чужую женщину, тем более другой национальности. И, в-третьих, недели через две, а может быть и скорее, должна приехать

моя бывшая жена. Да, да, мать Иришки. Она пожелала навестить нас. Ну что я могу сделать?

Отринув эмоции, прозвучавшие в словах Славы, Лидочка спросила:

— И она наведет здесь порядок?

— Она хозяйственная особа, — ответил Слава. — Правда, непостоянная. Как на нее найдет. Но я думаю, что, если она застанет здесь чужую женщину — служанку, кухарку, экономку, называйте как знаете, — она будет недовольна.

— Вы давно разошлись? — спросила Лидочка.

— Несколько лет назад. — Слава поднял ведро и переставил его к плите. — Достаточно, чтобы чувства и обиды угасли. Я надеюсь...

— Она снова вышла замуж?

— Насколько я понимаю... со слов Иришки. А может быть, мне мама говорила. Она была замужем, но недолго.

Он лгал, потому что по голосу, по ушедшим в сторону глазам было ясно, что Слава внимательно и ревниво следил за жизнью бывшей жены. И ревновал. Еще в Москве Марксина Ильинична оговаривалась: «Когда Алла бросила Славика...» Соблазнительно было бы спросить, не возможность ли примирения скрывается за этим приездом? Но не настолько они со Славой знакомы, чтобы задавать такие вопросы. К тому же похоже, что Слава, страдающий от недостатка общения в своем возрастном и социальном слое, вскоре сделает Лидочку поверенным в делах и заботах. К этому надо быть готовой, как к новому обстоятельству, осложняющему здешнюю жизнь.

— Я приготовлю ужин, — сказала Лидочка.

— Заранее благодарен, — откликнулся Слава. — Я так и не научился готовить, хоть и кормил сам себя последние шесть лет. А мои родственники отлично обходятся супом из пакетиков.

— Но я не хотела бы превращать... — Лидочка осеклась. Заявление было неумным, потому что декларировать свои намерения нетактично. Не хочешь, не готовь. Но Слава понял начало фразы.

— Вы — вольная птица, — сказал он. — Окажете милость, будем рады. К сожалению, Иришка пока не проявляет склонности к хозяйству.

— Наверное, ей еще рано. Она воспринимает пищу как данное. Как одну из обязанностей родителей.

— Даже если родителей нет поблизости, — заметил Слава.

Лидочка сказала:

— Вы мне здесь больше не нужны.

— А Валентина?

— Я буду благодарна, если она накроет на стол.

— Я скажу ей.

— Она не обидится, что я узурпировала ее права?

— Подозреваю, что она будет счастлива. Она сама признавалась, что умеет готовить лишь яичницу со шкварками. Здесь же никто не ест шкварок, все берегут фигуру.

— Или просто не подозревают о таком счастье.

Лидочка развернула мясо, открыла духовку, чтобы изучить ее, и поняла, что там есть гриль.

На кухню заглянула Валентина и, светясь добродушием, спросила, нужна ли ее помощь. «А то Славик сказал, что ты на себя взяла тяжкий труд».

— Привычный труд.

— Ах, он всем нам, женщинам, привычен. Ты мне кликнешь в окошечко, когда накрывать?

И нет Валентины.

Лидочка мучилась проблемой — сказать ли Славе о двойной встрече с молодым человеком Геннадием. И если сказать, то как не показаться смешной?

В конце концов сказала она ему об этом после ужина, когда, высказав шумную благодарность, Василий с Валентиной удалились к себе. Они спали на первом этаже в комнате, которая выходила на тихую улицу. Они сами, как сказал Слава, выбрали себе эту спальню, чтобы уходить и возвращаться, не беспокоя остальных обитателей дома. Правда, как предположил тот же Слава, как только их имущественные накопления превысят какой-то уровень, они попросятся наверх — там безопаснее. И хоть говорят, что в Англии не воруют барахло, все равно лучше будет подстраховаться. Так что, Лидочка, будьте к этому готовы.

Он уже стал называть ее Лидочкой. Не Лидой, не Лидией, а Лидочкой. Что же в ней есть такого, что заставляет людей выбирать из всех возможных вариантов имени только этот? Уж не такая она маленькая и нежная...

Слава увел Лидочку к себе в кабинет. Телевизор работал без звука, но Слава все равно в него подглядывал. Он потушил верхний свет, оставил только торшер, потянулся к книжному шкафу и достал большую папку.

— Мебель мы частично перевезли из большого дома, выбрали то, что попроще.

Мебель была приятной, умеренно поношенной, как пиджак у богатого лорда, кресло и диван были кожаными, чуть продавленными. А вот стеллажи новые, купленные на распродаже.

Слава следил за взглядом Лидочки и спешил пояснить, если полагал, что она чего-то не понимает.

— Вам интересно?

— Мы же договорились, что интересно.

Слава вскочил и открыл дверь в коридор.

Тут и Лидочка услышала, как хлопнула дверца машины — видно, Слава все же беспокоился, ждал возвращения Иришки.

Слава поспешил по коридору, чтобы встретить дочку. Лидочке было слышно, как он с умеренной строгостью выговаривал ей за позднее возвращение, а она отвечала, что время еще детское. Десяти нет. Кто в такое время возвращается домой? Ребята ее звали в паб, но она не пошла.

— Спасибо хоть на этом. Подумала об отце.

Голоса приближались.

— Не подумала, а вспомнила, — сказала Иришка. — Откуда у меня деньги? А ребята здесь скидываются на паб — кто будет за меня платить? За мои красивые глаза?

— А Лидочка такой ужин приготовила! — подобострастно произнес Слава.

— Я не хочу есть! — Иришка ответила быстрее, чем следовало. Словно уже подходя к дому, заготовила такую реплику.

— Ты попробуй. Она запекла мясо с овощами. Пальчики оближешь!

— А где она тебя ждет?

— Как так где?

— Ну где она, где? — Иришка говорила громким шепотом, но Лидочка, конечно же, все отлично слышала. И была уверена, что эти слова слышат и краснодарские Кошки. — Где ты прячешь свою кралю?

— Иришка, ты с ума сошла! — прошипел Слава. — Я ее сегодня впервые увидел.

— Что-то слишком ты ласков для первой встречи. Хочешь сказать, что у тебя любовь с первого взгляда?

— Ничего подобного! Просто Лидочка...

— Это что еще за слюнявое обращение — Лидочка?! Лидуля, мамуля, кисуля, целую твои пальчики!

— Сейчас же перестань! Ты не имеешь никакого права так говорить!

— Я ни на что не имею права, — громко произнесла Иришка и громко протопала по лестнице наверх — переживать.

Слава вернулся огорченный.

— Я так хотел, чтобы она попробовала ваше жаркое! — сказал он.

— Надеюсь, все обойдется, — сказала Лидочка голосом старшей сестры.

— Как говорит Валентина, искушенная в человеческих интригах, — сказал Слава, закрывая дверь в кабинет и запуская тонкие пальцы в бородку, — Иришка очень боится, что ее мама лишится наследства. Но это не так, клянусь вам, что это не так. Иришка — трудный ребенок. Но виноваты в этом только мы, взрослые.

Лидочка этот текст уже слышала.

— Я думаю, что ей хотелось бы восстановить нашу семью. И тогда она тоже обрела бы покой. — В его словах звучал лживый пафос.

Лидочка хотела спросить, есть ли на это шансы, но прикусила язык и в ответ на вопросительный взгляд Славы заговорила о Геннадии, о том, как они летели сегодня в самолете, а потом она встретила его здесь. Конечно, встреча могла быть случайной, но она считала своим долгом...

— Любопытно, — сказал Слава. — А знаете, я в глубине души все жду, когда ко мне придет соотечественник или из уголовного мира, или из налоговой инспекции и спросит: «Откуда деньги? Делись с нами!»

— Но, вернее всего, это случайность? — Лидочка не стала говорить Славе о странном признании Геннадия — «я организатор убийств». Ведь Геннадий в тот момент или шутил, или был убежден, что никогда в жизни больше Лидочку не увидит.

— Я не знаю... порой я ничего не знаю. Но то, что известно троим, уже не тайна, а то, что известно моим родственникам, становится общественным достоянием.

Слава поднял палец. В вечерней тишине было слышно, как наверху ходит Иришка. Походка у Иришки была тяжелой.

За французским окном — стеклянной стеной в сад — висела глубокая синева, усеянная изящно развешенными звездами.

— Со мной случилась любопытная история, — начал Слава. — Вернее, с моей мамой, Марксиной Ильиничной, с которой вы уже знакомы. Мама моя — чистых кровей русская женщина, даже со склонностью к коммунизму, я имею в виду имя. Никаких других вариантов в семье не наблюдалось...

Слава вздохнул. Рассказчиком он был не очень опытным, и исповедь в духе настоящего романа потребовала от него нервного напряжения.

— Странно, — сказал он вдруг, — ведь мы знакомы один день. То есть я знал о вас, мама говорила, я представлял... Но я ведь довольно скрытный человек, мои сослуживцы, даже приятели до сих пор не представляют, что же со мной произошло и куда я делся. Я мало с кем поддерживаю отношения. И боюсь, что сегодня спать не буду в опасении вашего знакомого... Геннадия?

— Геннадия.

— Я ничего не храню дома. А зачем? У нас даже нет драгоценностей. Знаете, я все собираюсь купить новый телевизор, но так страшно обратить на себя внимание! Я понимаю, что ничего не заслужил, что все это усмешка судьбы, может, даже злая усмешка. Ничего из этого хорошего не выйдет... И тут еще вы приехали!

— Пока что я не вижу связи.

— Наоборот! Мне хочется вам рассказать. Я хочу, чтобы именно вы все знали, Лидочка. Это удивительная история, в которую я не верю. И еще более удивительно, что я рассказываю ее совершенно незнакомому человеку.

— Вы уже сегодня принимали пищу из моих рук, — попыталась успокоить его Лидочка. — Так что считайте, что определенная степень доверия достигнута.

— Из меня дрессированный лев, как... — Слава не нашел сравнения, махнул рукой и продолжал свой рассказ, говоря

вполголоса, словно не хотел, чтобы его слышали даже родственники.

Сверху загрохотала музыка — Иришка включила магнитофон на всю катушку. Лидочка невольно поглядела на часы. Десяти еще не было, милицию рано вызывать. Но, может быть, здесь есть законы по охране тишины?

— Ничего страшного. Она сама долго такого шума не выдерживает, — успокоил Лидочку Слава.

При искусственном теплом свете кожа его была не такой мучнисто-бледной и мятой. Он даже казался приятным на вид человеком, правда, до владельца замка он никак не дотягивал.

— Моя мама, — снова начал Слава, — чисто русская женщина. То есть я так полагал. И бабушка моя, Мария Федоровна, она умерла лет шесть назад, тоже была вполне обыкновенной русской женщиной родом из Новгорода. Правда, с отцовской стороны я родственников почти не знаю — отец ушел от мамы, когда я был совсем маленьким. Родственники возникли сравнительно недавно, скорее посредством фамилии. Это они меня отыскали. Точнее, их папа. — Слава показал на стенку, за которой уже спали, готовясь к завтрашним завоеваниям, супруги Кошко из Краснодара.

Музыка наверху стихла, бунт подростков взял тайм-аут.

— Вот видите, — сказал Слава. — Она нам доказала и теперь будет читать, как нормальный ребенок.

Ему очень хотелось, чтобы Иришка оставалась ребенком, ну хоть еще годик-два.

— Теперь о моей бабушке, — деловито заговорил Слава.

Он устроился на своем диване, сложился кузнечиком и уменьшился до уютных размеров. Лидочка сидела в кресле, которое частично попадало в круг света от торшера.

— Я всю жизнь был убежден, что наша бабушка — чистой воды русачка, но лет десять назад, будучи уже в преклонном возрасте, бабушка призвала нас с мамой и передала нам вот эти документы. Из них следовало несколько любопытных выводов. Они касались в первую очередь моей прабабушки. До этого прабабушка, как и все прабабушки, была просто туманной тенью на старой фотографии. А может, и фотографии не было. Я даже не помнил, как ее звали. А тут оказалось,

что звали ее Юлией Александровной Кабариной. О чем свидетельствует, в частности, вот этот любопытный документ.

Кошко протянул Лидочке листок, снятый на ксероксе.

Порт-Артур, 24 июля 1904 года

Свидетельство

Дано сие сестре милосердия Дальнинской больницы Ю.А. Кабариной в том, что она, состоя на службе Красного Креста, имеет право ношения на левой руке установленной повязки при печати означенного учреждения и за № 22.

Главноуполномоченный
Егермейстер И. Балашов

— Обратили внимание на надпись в левом верхнем углу?

— Порт-Артур?

— Вот именно! Оказывается, моя прабабушка во время Русско-японской войны была сестрой милосердия в крепости Порт-Артур, то есть женщиной героической. Я даже пожалел, почти осерчал на бабушку за то, что она скрывала от нас ее документы. Ведь можно было бы проследить ее судьбу по архивам и даже написать о ней книжку. Ведь сестер милосердия, тем более в самом пекле войны, было немного... Но у моей бабушки, оказывается, были основания скрывать эти документы. Больше того, вскоре я убедился в том, что, тая и сохраняя бумаги, бабушка рисковала не только своей жизнью, но и жизнью всей семьи — ведь дед мой был сталинским чиновником выше среднего класса, и узнай кто-то о пачке писем в бабушкином столе, гудеть бы всей семье на лесоповал. Я не шучу, вы сами сейчас поймете. Но есть что-то в человеке, страсть сохранить связь со своими корнями, страсть, презирающая даже прямую опасность.

Слава заговорил выспренне, что было ему, в сущности, не свойственно. Но этот переход произошел от осознания значимости бабушкиных бумаг.

— Следующим документом в пачке оказалось письмо. Письмо необычное. После него всякое желание искать героические следы прабабушки в анналах Порт-Артура пропало. Вы по-английски читаете?

— Читаю.

Письмо было таким же пожелтевшим, как и справка.

— Обратите внимание, каким числом оно датировано. Судя по паспорту моей бабушки, она родилась 21 августа 1905 года. Читайте, читайте...

Лидочка принялась читать письмо. В переводе оно звучало так:

Д.З., Нарви-стрит, Лайсли-роуд,
Зап. Глазго 20 авг./2 сент. 05 г.

Моя дорогая Юлия!

Твое доброе письмо только сейчас добралось до меня, и я был рад узнать, что ты преодолела недомогание и дитя здорово тоже. Пожалуйста, прими мои самые сердечные поздравления. Я очень горжусь тобой. Надеюсь, что скоро ты будешь совсем здорова.

Я только что приехал в Глазго и был чрезвычайно занят, но надеюсь, что вскоре мне удастся все уладить. Я жду сведений о том, сколько мне еще удастся пробыть дома. Мир был подписан очень неожиданно, и я не знаю, как это скажется на моем отпуске.

Я собираюсь написать тебе длинное письмо, в котором коснусь всех частностей. Напиши мне, можешь ли ты читать мои письма?

Через несколько дней я вышлю тебе сентябрьские деньги. Надеюсь, что пока тебе хватает денег. Заботься о своем здоровье и о здоровье ребенка, пиши мне длинные письма и сообщай, как ты живешь. Я снова чувствую себя хорошо и хотел бы, чтобы ты была здесь со мной, но так трудно все уладить!

Любящий тебя и ребеночка,
верь мне,
твой искренне Август Кармайкл.

— Какой вывод вы сделали из этого письма? — спросил Слава.

— По-видимому, автор письма и его адресат провели какое-то время вместе, судя по документу, который вы мне показали раньше, в Порт-Артуре. Ваша прабабушка была сестрой милосердия, а мистер Август Кармайкл, шотландец из Глазго, приезжал туда по делам, вернее всего, как журналист — вряд ли люди других специальностей попадали в осажденную крепость. Я допускаю, что шотландец и ваша прабабушка познакомились, и в результате их союза на свет появилась ваша бабушка, а случилось это за две недели до того, как мистер Кармайкл написал утешительное письмо своей возлюбленной.

— Утешительное? — переспросил Слава.

— Вот именно. Мне это письмо не понравилось. Мне не хотелось бы получить такое письмо в родильном доме.

— А что вам не понравилось? Что? Мне это важно знать.

— Оно дежурное. Этот человек либо не умеет выражать свои чувства, либо не хочет этого делать. К тому же он умудрился пообещать все — и ничего конкретного. А другие письма от него сохранились?

— Еще три письма. Он в них даже просит все узнать, сколько стоит билет до Глазго, хочет ее скорее увидеть...

— Но...

— Не знаю. Больше писем не было. С середины сентября. Не исключено, что прабабушка не оставила их своей дочке.

— И что было дальше?

— А дальше вы представьте мою прабабушку: она совершенно одна, никому не нужна, в Новгороде. Денег нет или очень мало. Вернее всего, какие-то родственники у нее были только в Петербурге.

— А в Новгороде?

— Судя по семейным преданиям, в Новгороде жил ее бывший муж. Она убежала от него и стала сестрой милосердия. Возможно, она надеялась, что он примет ее обратно, но он, конечно же, не принял. Он был купцом и знать ее не хотел.

— Представляю, — сказала Лидочка.

— Вам не надоело?

— Что вы, мне очень интересно!

— Дальнейшие события объясняются в следующем письме. Написано оно через два года новгородской учительницей музыки Марией Мигаловской, женщиной пожилой, не очень здоровой, небогатой, но доброй. Все это видно из ее писем, написанных в течение 1907 года.

Слава протянул Лидочке письмо, написанное аккуратным летучим почерком на узких листках. Точно такой же почерк был у Лидочкиной бабушки — свидетельство прилежания на уроках чистописания, забытого в наши дни.

— Ничего пояснять я не буду, — сказал Слава. — Здесь все ясно. И почерк разборчивый. Только оно длинное — потерпите, пожалуйста.

— Не беспокойтесь, — остановила его Лидочка и принялась за чтение.

Новгород, 1907, 23 ноября

Многоуважаемая Булычева!

Простите и не удивляйтесь, что, не зная Вас лично, пишу Вам, но, дочитав до конца мое письмо, Вы поймете меня, что случай, а может быть, и промысел Божий указал мне именно на Вас.

Одна моя родственница, бывшая в Петербурге, совершенно случайно слышала, что Вы выражали желание взять себе на воспитание сиротку: это самое и дало мне мысль обратиться к Вам. Дело в том: однажды к моей прислуге пришла в гости женщина, которую и я раньше знала, некто Прасковья, пришла с хорошенькой маленькой девочкой лет двух. Я заинтересовалась ею, стала расспрашивать — оказалось, что она за тем именно и пришла, чтобы поговорить и посоветоваться относительно ее, и рассказала мне такую трогательную и печальную историю этого маленького существа, что я решилась, насколько мне Бог поможет, постараться устроить судьбу этого бедного ребенка, брошенного своею бессердечной матерью. Женщина эта рассказала, что она служила в родильном доме прислугою, а сестра ее замужняя в виде заработка брала к себе из этого дома по пожеланию матерей на прокормление малюток, одного или двух.

Ее собственные дети были для них няньками, когда сама она уходила на работу, получали они по 3 руб. в месяц с каждого питомца, как люди простые и бедные, считали это для себя выгодным — многих они вырастили таким образом. Этот же бедный ребенок попал к ним при других обстоятельствах. Однажды в родильный дом явилась интеллигентная беременная особа и родила девочку. А затем через несколько времени тайно ушла оттуда, бросив малютку на произвол судьбы. Тогда служившая там Прасковья, движимая жалостью, просила разрешения взять ее к своей сестре в надежде разыскать мать и попросить ее платить им, сколько она может. По догадкам было известно, что эта особа имела здесь в городе место, была замужнею, но с мужем не жила. И действительно, вскоре она разыскала ее и переговорила с нею о ее ребенке, та согласилась платить, но через несколько времени перестала уплачивать за ее содержание. Тогда Прасковья опять отправилась к ней и получила такой ответ: что платить она не может и ей совсем не нужна эта дочь, и вообще она не желает даже слышать о ее существовании и хочет совсем забыть, что она есть на свете; и что если они желают, то пусть берут ее совсем себе или отдают куда хотят — одним словом, пусть делают с ее ребенком, что только хотят, но себе она ее ни в каком случае не возьмет. И если они вздумают возвратить ее ей, то (при этом она перекрестилась) она не ручается, что девочка будет жива.

После таких угроз они волей-неволей принуждены были оставить малютку у себя, но как люди бедные — им тяжело кормить лишнего ребенка, да и одевать ее надо, она растет, и ей уже два года. Один исход — отдать в приют, но они так привязаны к этой маленькой бедной девочке, что не отличают ее от собственных детей, и им поэтому жалко отдать ее туда, зная, как тяжело живется подобным созданьям в приютах. Им хотелось бы лучшей участи для своей любимицы. И при том эти добрые, простые люди инстинктивно чувствуют, что это не деревенский ребенок, какие по большей части были у них раньше, для нее желательны другие условия жизни, и ей присуще получить какое-нибудь образование, которого они не в силах дать, и вот это-то заботит их. С этою целью она и к нам пришла, чтобы поговорить. Они решили искать кого-нибудь добрых людей, не возьмет ли ее кто вместо своего дитяти. И действительно, это милое, прелестное дитя: светлая шатенка с большими синими глазками, с длинными ресницами, правильными бровками, беленькая, розовенькая, и что всего удивительнее — в высшей степени кроткая. Я часто прошу приносить ее к себе и ни разу не видела ее плачущей или капризною, точно чувствует, что надо быть ей терпеливою, и один Бог знает, какая участь ждет ее в будущем. Когда я вижу эту изящную девчурку — невольно возникает вопрос: ужасное ли бессердечие матери заставило бросить такого ребенка, или уже чересчур непреодолимые жизненные условия?

Мы сами люди бездетные и, будучи в других условиях, несомненно, оставили бы и приютили эту крошку у себя. Но, к сожалению, мы пожилые и оба с мужем болезненные, и притом с чрезвычайно ограниченными средствами в жизни, и ко всему этому совершенно не обеспеченные в старости. Следовательно, в непродолжительном бы времени оставили бы ее опять одинокую, брошенную на произвол судьбы. Вот, многоуважаемая мадам Булычева, теперь Вы не удивляйтесь, что, когда я рассказывала всю эту историю своей родственнице, она вспомнила о случайно слышанном Вашем желании и сказала мне Ваш адрес. Она очень хвалила Вас, и если ей придется быть в Петербурге и представится случай — она может сама передать все относительно этой малютки, так как видела ее.

Если Вы действительно имеете намерение взять себе на воспитание девочку, то, несомненно, пожелаете повидать ее и, может быть, захотите приехать сюда — это так недалеко, — я посылаю Вам свой адрес. С Вами я могу съездить к этой женщине или можно будет послать за нею. Если же приехать Вам неудобно, то эта женщина может привезти ее к Вам, если Вы согласитесь уплатить ей дорогу туда и обратно, хотя бы по приезде ее к Вам. Бумаги, т.е. метрическое свидетельство, находятся у них. Все эти условия будут зависеть только от Вашего желания. Если же Вы раздумали или уже взяли себе на воспитание кого, то простите великодушно за мое длинное письмо и будьте так добры и любезны ответьте мне хоть коротеньким письмом, я буду очень, очень ждать Вашего ответа.

Мария Мигаловская
Адрес: Новгород,
набережная Федоровского ручья,
дом Жеребковой № 29-й
Марии Васильевне Мигаловской,
учительнице музыки.

— А вот и записка от моей прабабушки доброй женщине Авдотье. — Слава протянул Лидочке еще один желтоватый листок.

Диссонанс с письмом учительницы музыки был столь очевиден, что не так было важно содержание, как тон, как голос, слышный за словами.

Записка от Юлии Александровны без даты начиналась словами: «Милая Авдотья, я не ребенок, и меня не запугаешь полицией». Дальше шли жалобы на свою жизнь и сложные денежные расчеты, из чего Лидочка поняла, что деньги Юлия Александровна посылала скупо, зато придумала план, по которому она платила бы Авдотье сто рублей частями, а та обязывалась воспитывать Машеньку до двадцати одного года. Вряд ли беглая мать сама верила в такой план, тем более что из ста рублей пока что она выслала всего лишь четыре. И в заключение мать высказывала угрозу, которая, видно, и повергла в отчаяние простых новгородских женщин: «Если вздумаешь мне ее вернуть, посылай как знаешь, мне нет времени за ней ездить. А когда она попадет в Петербург, я ее сейчас же отдам в чухонскую деревню, потому что я не могу терять из-за нее места, а чухонцы берут детей очень дешево. А если вы любите Маню, то не захотите ей такого дурного».

Лидочка отложила последний листок.

— Чухонцы — это эстонцы? — спросил Слава.

— Если не ошибаюсь, ингерманландцы, финское племя, жившее на перешейке. И чем же все кончилось?

— Булычевы согласились приехать в Новгород. Девочка приемной матери понравилась, и после нескольких недель переговоров они ее удочерили.

— А мать?

— Бабушка говорила, что видела ее один раз. Они с приемной мамой ездили к ней за какими-то документами, нужными для поступления в Институт благородных девиц. Что-то в связи с потомственным дворянством Юлии Александровны. Бабушка говорила, что ее настоящая мама показалась ей красавицей и очень богатой. Но что не покажется в шесть лет?

— И она пропала?

— Пропала. Если она вышла замуж, то сменила фамилию... Она никогда не пыталась отыскать свою дочь.

— А это было реально?

— Бабушкин приемный отец преподавал фехтование в первом кадетском корпусе. А потом, в десятом году, его назначили воинским начальником в город Опочку. Бабушка помнит этот город. Она прожила там два года, а потом была отправлена в Петербург, в Екатерининский институт на ка-

зенный кошт как дочь полковника гвардии. В Опочке Михаил Иванович прожил до конца 1913 года, когда получил новое назначение — с повышением, воинским начальником в город Могилев. Но по приезде в Могилев он умер от гнойного аппендицита.

— Вам повезло, — заметила Лидочка.

— Я тоже думаю, что нам повезло, — согласился Слава. — Через полгода началась мировая война, и в Могилеве расположилась царская ставка. А так как бабушкина приемная мать Евгения Николаевна возвратилась в Петербург, бабушка еще несколько лет проучилась в Институте благородных девиц. Она рассказывала, что после Октябрьской революции институт сразу не закрыли, а слили почему-то с кадетским корпусом. Всю зиму восемнадцатого года в холодных дортуарах сосуществовали кадеты и институтки. Младшие классы убирали комнаты, готовили уроки и таскали дрова, а старшие девочки и кадеты занимались любовью. Весной восемнадцатого года весь институт, а также кадетский корпус погрузили в теплушки и отправили на юг, чтобы там чуждые по классу дети кормились, не отнимая пайку у пролетариата. По дороге на поезд напали грабители — что это были за грабители, никто не знает. Всех детей убили. Бабушка осталась жива, потому что Евгения Николаевна ее на юг не отпустила. Они прожили всю Гражданскую войну в Питере, перебиваясь кое-как. А потом Евгения Николаевна умерла. Бабушка училась в трудовой школе на Васильевском острове, в ее друзьях оказались будущие великие российские теннисистки. Им тогда было лет по пятнадцать. Девочки трудились на кортах спарринг-партнершами — значит, в двадцатом году было кому играть в теннис в революционном Петрограде. После двадцать первого появились нэпманы — и девочки начали неплохо зарабатывать. Другие девушки — Иванова, Теплякова, Ольсен — стали профессионалками, мастерами, чемпионками, а бабушка, не столь талантливая, пошла работать на фабрику Хаммера. Тот тогда устроил у нас фабрику карандашей. Он делал карандаши и получал в оплату от правительства картины великих художников. И стал самым богатым другом Страны Советов. Когда-нибудь, будет настроение, расскажу вам о дедушке, папе, маме и других героях моего романа. Но

сейчас вас интересует только мой прадедушка. Август Кармайкл, проживавший в Глазго в 1905 году. Вы не курите?

Лидочка ответила не сразу — слишком резок был переход к вопросу.

— Нет, спасибо.

— А я закурю. Я так редко курю, сигарету в три дня, но когда волнуюсь, то начинаю курить, как в юности.

Слава протянул длинную руку к каминной полке и взял с нее пачку сигарет и зажигалку. Закурил.

Лидочка посмотрела на часы. Одиннадцать. Пригород Пендж-хауз, одна из многих деревень, составляющих Большой Лондон, улегся спать. Взошла луна и красиво устроилась на синем фоне за стеклянной стеной в сад.

Глава 5

«Господи, — подумала Лидочка, — сегодня утром я прощалась в Шереметьеве с Андрюшей, а сейчас я разделена с Москвой не только тысячами километров, но и какими-то непроходимыми завалами событий и разговоров. Ведь я даже не позвонила домой, чтобы сообщить, что нормально долетела. Впрочем, меня можно понять: неприятно, если счет за разговоры придет хозяину дома, но неизвестно, каким образом оставить ему деньги».

И в этот момент Андрей в Москве, видно, высчитал, что в Лондоне наступил вечер и можно туда позвонить.

— Ты ошибся часа на два, — сказала Лидочка, прикрывая горсткой трубку, чтобы не разбудить краснодарских родственников. — У нас уже наступила сельская ночь.

— Прости, — сказал Андрей. — А я, дурак, сидел, клевал носом, но полагал, что ты еще не вернулась из оперы.

— Спасибо, что возлагаешь такие надежды на меня и моих поклонников, — засмеялась Лидочка. — Что нового в Москве?

— В Москве нет ничего нового, надвигается безумная жара, разбился еще один самолет, и обнаружены новые козни международного сионизма.

— А именно?

— Землетрясение в Гватемале.

— Типичный масонский заговор, — согласилась Лидочка. — В институте был?

Они поговорили еще минут десять. Андрей тоже говорил вполголоса, приглушенно, словно боялся разбудить весь Лондон.

Повесив трубку, Лидочка возвратилась в кабинет Славы. Слава стоял на фоне синего неба и курил. Он быстро оглянулся.

— Это был муж? — спросил он ревниво.

— Муж.

— Вы пойдете спать?

Лидочка чуть было не ответила, что ее муж далеко, в Москве, так что можно не устраивать сцен ревности.

— Я хотела бы дослушать вашу историю, — сказала она, допустив в голосе заискивающие нотки.

— В самом деле?

Слава был рад. Он заполучил слушательницу обратно. Приоткрыв пошире стеклянную дверь, он выкинул окурок — тот полетел на фоне темного неба оранжевой кометой.

— Впрочем, — сказал Слава, оборачиваясь к Лидочке и почесывая основание бородки, — дальнейшая история, как ни странно, куда менее романтична. В ней нет оркестра голосов, несчастной крошки и жестокой матери.

— А что же есть?

— Совпадение. Чистой воды совпадение, которое и служит орудием рока. Я по специальности ихтиолог. Специалист по болезням рыб. Когда-то я поступил в рыбный институт, потому что там не было конкурса для москвичей. А теперь это модная и полезная профессия из породы международных. У меня было больше друзей в разных странах мира, чем в Союзе. Так что нет ничего удивительного в том, что шесть лет назад Европейский конгресс ихтиологов собрался в Глазго. Глазго ничем не хуже других городов, а глубокой осенью гостиницы там пустуют.

— И вы, собираясь в Глазго, подумали: «А не захватить ли мне письма?»

— Но ведь любопытно! Вы на моем месте поступили бы так же.

— Без сомнения.

— Вот я и захватил документы. Языком я владею прилично, бабушка всегда заботилась об этом, даже на свою пенсию нанимала мне учителей. Я-то не знал почему. Кстати, никаких способностей к английскому у меня нет. А шотландцев я вообще очень плохо понимаю. Я рассказал о бабушке одному английскому коллеге, и он, как и бывает с горячими сердцем англичанами, загорелся моей историей. Больше того, получилось так, что мы отправились на Харви-стрит втроем — Дик Николсон потащил с собой школьного приятеля, корреспондента местной газеты. Перед походом мы посидели в пабе, как следует накачались, не безобразно, но душевно. И пошли. Улица оказалась бесцветная, старая, умеренно дряхлая. И дома на ней были небогатыми. Мы постучали в дом номер три, нам открыла молодая негритянка, которая жила там с мужем и детьми. Разумеется, она не имела представления о том, кто здесь жил раньше и когда уехал. Кофе поставить?

— Нет, спасибо.

Лидочка уже начала привыкать к неожиданным поворотам ума Славы и перестала пугаться внезапных вопросов.

— Тогда у журналиста возникла идея пойти в местную церковь. Там должны быть приходские книги. Кто когда родился, кто женился и так далее. Священника в тот день почему-то не было, в церковный архив мы не заглянули, но, честно говоря, я не очень скорбел. Уж слишком все это было от меня далеко. Понимаете?

— Понимаю, — кивнула Лидочка.

— За день до закрытия конгресса тот журналист подошел ко мне и сказал, что все-таки отыскал какие-то книги в мэрии и узнал, что семейство Кармайкл во главе с мистером Дунканом Кармайклом, которому и принадлежал дом номер три и который приходился Августу отцом, а мне — прапрадедушкой, покинул дом в 1909 году и адреса не оставил. Я поблагодарил журналиста и моего друга Дика, поклявшегося, что он дела не оставит. Он заберется в Лондоне в Дом Св. Екатерины — это что-то вроде центрального архива — и попытается все узнать... Ну спасибо, сказал я ему, большое спасибо, только ты себя не утруждай. И с тем вернулся в Москву.

Слава снова закурил. Слышно было, как невысоко идет самолет. Лидочка посмотрела в сторону, откуда доносился пчелиный звук, и увидела движущиеся точки огней на концах крыльев.

— Прошел год, — продолжил свой рассказ Слава. — Я получил письмо от Дика. Он сообщил мне, что отыскал следы мистера Августа Кармайкла. Этот самый Август был журналистом. Он представлял в Порт-Артуре знаменитую газету «Таймс», был легко ранен и даже лежал там в госпитале.

— Ага, — сказала Лидочка, — мы знакомимся с прекрасной сестрой милосердия.

— Ваше открытие лежит на поверхности, — сказал Слава. — Впрочем, вы правы. По возвращении в Глазго Август работал журналистом, много ездил, но в Россию больше не попал. Был обручен с какой-то леди, но свадьба расстроилась. У него был младший брат, намного моложе его. Этот брат пошел в промышленность и торговлю. Он даже держал магазин на паях с братом. Август погиб во время итало-абиссинской войны в 1936 году. Брат же и две его дочери продолжали умножать общее состояние. Пока не умерли тоже. Почти все, кроме последней из дочерей, которая младше моей бабушки лет на десять. Мой Дик отыскал эту старую леди, которой было уже за восемьдесят. И представляете: она знала о существовании моей бабушки, но была убеждена, что ни один порядочный человек не смог бы выжить в революционной России. Оказывается, Август всю жизнь вспоминал о Юле и мечтал о встрече с дочкой... вполне абстрактно. И тут появляюсь я!

— Ваша двоюродная бабушка была растрогана!

— Она была не растрогана. Она попросила меня приехать в Эдинбург, где на покое доживала свои дни. И привезти с собой мою бабушку, ее кузину. Мы совершили путешествие в Шотландию. Нам повезло, еще десять лет назад мы бы сделали вид, что у нас нет родственников за границей, а сейчас уезжали, окруженные завистливым шепотом сослуживцев и родственников — вот повезло людям!

— И оказалось, — не удержалась Лидочка, — что по завещанию бабушки вам отписали некую сумму.

Лидочка обвела рукой пространство, как бы показывая, во что материализовалось наследство.

— Не терпится подсказать? — улыбнулся Слава. — Вы почти правы. Но оказалось, что все не так просто. На наследство бабушки претендовали ее местные родственники, и нам можно было рассчитывать только на дедушкин портрет и двадцать фунтов в облигациях. Однако, хоть в это и трудно поверить, Август Кармайкл завещал дочери и ее потомкам, если таковые объявятся, свою долю в деле брата. Поэтому мы получили наследство. И бабушка Агата сумела оформить все дела. Без ее помощи нас бы утопили местные юристы. Бабушка умерла-то всего два года назад. Я имею в виду бабушку Агату. А моя бабушка — та трогательная шатенка Маша, которую бросили в родильном доме, умерла с ней почти одновременно. Вот и вся история.

Лидочка кивнула. Конечно, ей хотелось бы узнать, а каково наследство, полученное Славой. Но это было бы нетактичным. Ведь он не торопился сообщить. Впрочем, подумала Лидочка, можно приблизительно вычислить: стоимость подобного дома она уже знала, когда готовилась к поездке в Москве и просматривала торговые каталоги — где-то около ста пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. И еще нужны деньги, чтобы жить, а судя по всему, Слава не спешил возвращаться домой. Значит, удвоим сумму. Значительное состояние.

Слава молчал и смотрел на Лидочку испытующе, словно ждал вопросов и даже готов был на них отвечать или объяснять, почему ответить не сможет. Но Лидочка вопросов не задавала.

— Ну? — не выдержал Слава и постарался подтолкнуть Лидочку к вопросам.

Она поняла, в чем дело, и спросила:

— И вы решили здесь жить?

— Это очевидно, — ответил Слава. — В Москве мне все надоело. Мне надоело жить в продажном бардаке среди преступников и взяточников. Но еще больше мне надоело ждать, когда к власти вернутся коммунисты и все отберут, а меня сошлют в Сибирь за родственную связь с иностранцами.

— Вы много курите, — сказала Лидочка. Обычно она не вмешивалась в мужские дела — каждый курит и пьет, как ему нравится. Но вдруг ей показалось, что Слава жутко одинок. Он и в Москве был не очень общителен и окружен друзьями, но там была налаженная, хоть и неладная жизнь. Здесь же он попал в благополучную ссылку. И совершенно не представляет, что ему с самим собой делать? Выписать дочку? Выписал. Дочка хамит и мстит папе за свое неустроенное детство и за мамины воображаемые обиды. Допустить в дом красно-

дарских родственников? А как от них избавиться? И уж совсем глупо по настоянию мамы сдать комнату московской даме за деньги, в сущности, ничтожные, и не тебе, а маме нужные. И потому ты начинаешь искать в этой даме собеседника и почти близкого человека. Выворачиваешь душу и боишься нарваться на холодность или равнодушие. Или снова на корысть? Потому слова Лидочки о курении были знаком внимания.

— Ничего, — сказал Слава, но сигарету погасил.

— И вы стали здесь жить?

— Бабушка Агата имела потрясающие связи в Министерстве внутренних дел. Вы не представляете! Я получил вид на жительство, а потом и гражданство, как ценный иностранец, с одной стороны, и как почти шотландец — с другой. Так что я теперь исправно плачу налоги.

— Ваша бабушка и родственники... они жили в этом доме?

— Ничего подобного. У них был дом возле Эдинбурга. Больше этого, среди газонов и лужаек. На что он советскому ихтиологу?

Лидочка кивнула. И в самом деле — зачем такой дом советскому ихтиологу? Он и с этим управиться не может.

— Вы сами убираете этот дом?

— Мы все, по очереди.

— А к осени все разъедутся?

Слава резко обернулся к ней. Лидочку пугали такие резкие движения, ей казалось, что Славины кости могут разлететься в разные стороны.

— Вот в этом и вся проблема! — воскликнул он. — В этом вся чертова проблема! Мне хотелось бы, чтобы Иришка осталась здесь и получила хорошее образование.

— Не поздно?

— По сути дела, Иришка легко вписывается в эти обстоятельства. У нее уже свои приятели, свои тайны, своя отторженность от меня. Но я боюсь, что Алла будет категорически против.

— Но они живут раздельно?

— Для Аллы это ничего не значит. Могу поручиться, что она об этом уже забыла. Она сразу сообщит нам, что мечтает воссоединиться с ребенком, и увезет Иришку... Мне назло.

Лидочка не стала задавать вопросов. Но для Славы эта проблема была болезненной, и ему надо было выговориться.

— Я все-таки сделаю кофе, — сказал Слава. — Это недолго.

— Тогда уж я займусь этим сама, — предложила Лидочка.

— Кофе — прерогатива мужчин, — возразил Слава.

В результате они пошли на кухню вдвоем, и на кухне Лидочка готовила кофе. Слава стоял за спиной. Он уже не мог остановиться: ведь, в сущности, соловью все равно, где петь, он не слышит никого, кроме себя.

Правда, информации в этом монологе было немного. Лидочка лишь поняла, что Алла выходила замуж, разошлась вновь, живет сама по себе, выслеживает выгодного мужа. Ребенок ей не нужен, и существование Марксины Ильиничны для нее выгодно. Но никто не должен говорить, что ребенка сдали бабушке из заботы о собственном удобстве. Аллина версия звучала так: «Бабушка мне иногда помогает с Иришкой, а я их обеих кормлю».

Денег Алла зарабатывала немного. Она числилась младшим научным сотрудником в каком-то прикладном институте. Мужиков там было много, но достойных всех уже разобрали. А Иришка переживает, ей хочется к маме, маме она готова все прощать, и потом виноватыми оказываются окружающие. Включая бабушку, которая уже столько лет кормит, обстирывает и опекает внучку, и кончая Славой, который хапнул столько денег, а маме не может помочь.

Слава говорил, а Лидочка все ждала, когда же он ответит на этот самый главный Иришкин вопрос — а почему бы не помочь ее несчастной мамочке?

И чем дольше говорил Слава, тем яснее становилось, что он питает весьма сложные чувства к бывшей жене, которая его унизила, бросив ради кого-то недостойного. Слава был рад, что недостойный, в свою очередь, оставил Аллу, он был рад, что Алла так и не отыскала себе замену по вкусу. А может быть, не так много этих замен осталось? Главное, Слава оставался к бывшей жене неравнодушен, но не настолько, чтобы бросить богатство к ее ногам. Он готов был облагодетельствовать краснодарских Кошек, выписать дочку, но Алла должна была пройти ради этого некий путь унижения, о котором в монологе не говорилось, но который подразумевался. И Лидочка заподозрила, что Алла уже пошла навстречу мужу. Ме-

няем гордость на жилплощадь в Лондоне! Иначе трудно объяснить, почему при всех сложностях отношений она собирается через месяц сюда явиться, о чем говорила Марксина Ильинична. И вряд ли приезд ее мог состояться втайне от Славы.

Было совсем поздно, а Кошко принялся рассказывать о местной жизни, медицинском обслуживании, о том, как местные врачи пытаются ограбить обывателя. Лидочка сказала, что хотела бы найти хорошего агента по продаже недвижимости. Слава обещал позвонить с утра Гриффитсу, через которого он приобрел этот дом.

Так кончился слишком длинный день.

Лидочке хотелось спать, и Кошко вовремя напомнил, что в Москве уже четвертый час.

— Я вас замучил, — сообщил Слава, провожая Лидочку по лестнице наверх. Дверь к Иришке была приоткрыта, горела настольная лампа, Иришка читала. При звуке шагов она подняла голову и сквозь щель уставилась на Лидочку.

Лидочка обернулась к Славе.

— Спокойной ночи, — сказала она. — Мне было очень интересно.

— Мы продолжим завтра, — сказал Слава. — Мне еще многое хочется вам рассказать.

Иришка нарочно уронила книжку на пол.

— Она не спит! — Слава смутился.

Лидочка пошла к себе.

Потом она приняла душ, переоделась на ночь.

Но, видно, слишком давно не спала, организм запутался — когда спать, а когда бодрствовать.

Она лежала и слушала английскую ночь. Окно было открыто, но комаров, слава богу, не было.

Опять пролетел самолет.

Глава 6

Лидочка решила вытерпеть общество Славы, который вызвался с утра сопровождать ее к агенту по продаже недвижимости. Иришка, спустившаяся к завтраку, когда краснодарские родственники уже умчались на распродажу, а Слава

с Лидочкой как раз вставали из-за стола, даже не поздоровалась, но посмотрела на отца выразительным взглядом революционерки. Она ждала, что папа станет спрашивать о причинах ее дурного настроения, но тот, как назло, крутился вокруг Лидочки, не скрывая заинтересованности ее делами. Что, разумеется, не улучшило настроения Иришки. И тогда Иришка кинулась в коридор и стала набирать длинный междугородный номер.

— Мама! — закричала она в тот момент, когда Лидочка подошла к входной двери и ждала, пока Слава ее отопрет. — Как, я тебя разбудила? Какие семь часов? Это я, Ирина! У нас? У нас ничего не случилось. Просто я хотела услышать твой голос. Ну хорошо, хорошо, спи!

Иришка шмякнула трубкой о рычаг.

Вторая демонстрация тоже не удалась.

— Видите ли, — крикнула Иришка вслед взрослым, — она еще почивает!

В ее устах слово «почивает» прозвучало как бранное.

Лидочка понимала, каково быть преданной всеми. Особенно если папа прыгает вокруг этой московской штучки, как вокруг шемаханской царицы.

Но Слава был так возбужден утренним походом, что не заметил дочернего бунта.

Они вышли на Сиднем-роуд. За гастрономом «Сэйфуэй» среди небольших магазинчиков затерялось агентство «Гриффитс». Внутри была длинная комната, уходящая в глубь дома, в которой помещалось два стола, а на стенах висели фотографии домов.

Из-за ближайшего стола поднялся молодой человек лет тридцати, высокого роста, похожий на теннисиста Горана Иванишевича. При виде Славы на его лице возникла радостная улыбка.

— Доброе утро! — воскликнул он. — Надеюсь, вы всем довольны, здоровы и намерены купить еще один дом?

— Я привел вам новую клиентку, — сообщил Слава. Он представил молодого человека как Брайана, человека честного, работящего и большого эксперта по женщинам.

— А это при чем? — удивилась Лидочка.

— Это касается вас, — пояснил Брайан. — В этом нет ни-

чего дурного. Наконец-то я понял, на чем зиждется репутация русских женщин.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Могу ли я теперь рассказать вам, зачем я приехала в Лондон?

— Разумеется, — смутился Брайан, чувствительный к собственным легкомысленным поступкам. Он ничего не мог с собой поделать, потому что его язык умудрялся произносить фразу раньше, чем разум Брайана осознавал, что там несет проклятый язык.

Брайан призвал из соседней комнаты крупную негритянку с грубыми, почти карикатурными чертами лица и такими умными и добрыми глазами, что она походила на сенбернара. Негритянку звали Валери, и она командовала картотекой, в изучение которой и погрузились присутствующие. Лидочка старалась прогнать Славу, полагая, что у него могут оказаться собственные дела, но дел не оказалось.

Проблема была непростой.

Лидочке нужно было отыскать в этом районе скромного размера дом, второй этаж которого можно употребить под жилье — там должны были быть три спальни и кабинет. Внизу Лидочке было нужно служебное помещение, а сзади кухня и столовая для тех, кто будет там жить и работать.

— Как вы намерены платить? — спросил Брайан.

— У меня есть аккредитивы.

— В пределах какой суммы? — Брайан забыл о своем легкомыслии.

— А какова будет сумма?

Лидочка приехала в Лондон, предварительно изучив несколько журналов и газет по недвижимости, но ей не хотелось проявлять свою осведомленность.

— Трудно сказать, — осторожно ответила Валери. — Начнем со ста тысяч. Вас интересует деловая улица или жилой район?

— Я еще не знаю.

— Очевидно, вам придется приобрести жилой дом, а потом переделать его в контору. И это будет недешево.

— Знаю, — сказала Лидочка. — Мы к этому готовы.

Чтобы не терять времени, Валери предложила сразу же проехать по двум-трем адресам по соседству. Слава не отставал, словно сам покупал этот дом. Негритянка пошла за машиной, которая стояла где-то во дворе. Слава спросил Лидочку:

— А какую фирму вы представляете?

— Фирму «Хронос». Это вам ничего не скажет.

— Вы торгуете?

— Нет, — односложно ответила Лидочка.

Отрицание было окончательным — даже глухой бы услышал. Слава не услышал, он чувствовал себя своим человеком, почти родственником.

— Тогда зачем вам свой офис в Лондоне?

— Это сложно, — сказала Лидочка. — Я вам потом объясню.

Они побывали в двух домах, которые могли бы и подойти, но Лидочке не понравились, и договорились с Валери, что снова приедут завтра.

Валери довезла их до «Сэйфуэя», потому что они хотели кое-что купить. Слава отправился в винный отдел, решив, что вечером они отметят приезд Лидочки. Лидочка взяла сумку и пошла между полками. Конечно, после московских магазинов ходить по лондонским приятно и интересно. Но Лидочку уже несколько смущала готовность остальных обитателей дома позволить ей покупать продукты и готовить еду. Надо было как-то выпутываться из этой ситуации. Но так как пока что Лидочка не представляла, как это сделать, она покорно наполняла корзину снедью. Слава ждал ее за кассами, держа пакет, в котором покачивалась бутылка вина.

— Вы слишком много всего купили, — заметил он, не предложив войти в долю. — Как потащите? Надо было нам отложить покупки, я бы взял машину и все довез.

Он был расстроен тем, что не взял машину, но нес лишь сумку с бутылкой вина, позволив Лидочке волочить все остальное.

По мелким штрихам в поведении, по оброненным словам Лидочка уже подозревала, что Слава — человек бережливый, может быть, даже скупой. Теперь она убеждалась в этом все более. Но скупость его была не осознанной, не расчетливой, а примитивной, стихийной. И вот сейчас он был горд собой за то, что дешево купил хорошее австралийское вино, и всю дорогу до дома рассказывал Лидочке об австралийских и калифорнийских винах, о том, как они вытесняют — и заслу-

женно! — с рынка французов и немцев и как низко котируются вина советские — грузинские и молдавские.

Когда они пришли домой, Слава отправился в ванную.

Дома никого не было. Лидочка разобрала на кухне покупки, ставя что-то в холодильник, а что-то на полки. И тут зазвонил телефон. Он звонил не по-нашему, сдвоенными гудками.

— Возьмите трубку, — крикнул сверху из ванной Слава. — Если меня, пусть перезвонят.

Лидочка подняла трубку. Голос был низкий, хрипловатый. В молодости такие голоса звучат сексуально, но плебейски. К пожилым годам, если повезет, они превращаются в светское урчание.

— Это дом Кошко? — спросила женщина в ответ на английское «хэллоу», произнесенное Лидочкой.

— Да, это дом Вячеслава Андреевича, — сказала Лидочка.

— Это ты, что ли, Валентина?

— Нет, я Лидия Кирилловна.

— Которая вчера прилетела? С приездом. А я — Алла, жена Славика. Слышали?

— Конечно, слышала.

— А где мое сокровище?

— Вячеслав Андреевич?

— Разумеется, нет. Я имею в виду Иришку. Она меня сегодня на рассвете вырвала из постели. Я в двенадцать встаю. Я — ночная птица. Филин. У вас там ничего не случилось?

— Я прилетела вчера утром, — сказала Лидочка. — С тех пор не произошло ничего достойного внимания. А Иришки дома нет.

— А почему никого раньше не было?

— Мы с Вячеславом ходили к агенту по покупке недвижимости, он мне помогал.

— Тоже родственников нашла?

— Нет, я по делам фирмы.

— Значит, ничего особенного. Позови Славика.

— Он в ванной.

— Пора мне приезжать, — сказала Алла и закашлялась, слишком глубоко затянувшись сигаретой. — Вы там без меня совсем распустились. Ты его у меня уведешь.

— Не уведу, — сухо ответила Лидочка.

— Ой, не зарекайся! Миллионеры всем нужны. Ведь не исключено, что и я его снова подберу. Так что остерегайся. Да и дщерь моя разврату не допустит. Понимаешь?

Алла засмеялась.

— Вот я приеду, — продолжала она, — возьмусь за вас. Чтобы был у меня монастырь совместного проживания полов.

Она снова засмеялась, громко и неприятно.

— Жди, приеду, как пишут в открытках. Я билеты заказала на двенадцатое. Через восемь дней, запомнила?

— Хорошо, я передам.

— Не надо, они все знают. Это для твоей информации, Лидия. Чтобы не тешила себя иллюзиями.

— Приезжайте, — повторила Лидочка и положила трубку.

Чувство от разговора осталось поганое, будто поймали в постели с чужим и ненужным мужем.

— У меня свой есть, получше твоего, — сообщила Лидочка телефону.

Дверь распахнулась, и ворвались Кошки, розовые, распаренные.

— Ну и жара! — заявил Василий.

— Парит, к дождю, наверное, — подхватила Валентина.

Лидочка жары не заметила. Правда, она не бегала по улицам из магазина в магазин.

Впрочем, она ошиблась. Кошки были не в магазине. Они ездили за три остановки на электричке в Бромли, где возле станции есть безумно дешевый магазин общества помощи слепым. Оттуда они притащили остатки сервиза — две чашки, четыре блюдца и чайник: все вместе за фунт! Вы представляете? А Валентина купила тяжеленную монографию «Импрессионисты». В подарок Иришке, такую ведь в самолет с собой не возьмешь. Вот будем уезжать, подарим Иришке, ей полезно, и надо же что-то хорошее сделать для девочки! Она такая одинокая! А это детское белье — совершенные гроши, но новое. У нас бы никогда не выкинули!

Все это раскладывалось на круглом столе в столовой, и каждой вещью положено было восхищаться, как особенно большим белым грибом, принесенным из леса.

Потом Кошки отодвинули добычу в сторону, а на освободившейся части стола решили пить чай. Лидочке не хотелось

пить чай с ними, наверное, потому, что вещам не следовало лежать на столе. Тут сверху спустился Слава. Но слушать рассказы родственников об утреннем набеге не стал. Они к этому уже привыкли и смирились с равнодушием.

Лидочка пошла к себе. После обеда Валери обещала за ней заехать, чтобы поглядеть дома подальше, куда пешком не дойдешь.

Лидочка распахнула окно. Снаружи тек теплый, уютный воздух, располагавший к неге. Странно, что кто-то здесь может работать. В листве щебетали птицы, серая белка бежала по забору. Снизу по траве кралась кошка, караулила белку.

Теплый воздух заполнял комнату истомой. Если бы Лидочка была дома, сейчас разделась бы догола и забот не знала. Здесь же надо помнить о том, что ты жиличка. Даже в гостинице лучше — никто не посягнет на твое одиночество.

Тело все еще никак не могло решить, когда спать, а когда бодрствовать. Лидочка сбросила платье, накинула халатик и улеглась на кровать.

Клонило ко сну.

Лидочке казалось, что она думает о чем-то важном, на самом деле она благополучно задремала и не слышала, как в приоткрытую дверь заглянул Вячеслав Андреевич.

Он долго стоял в дверях, разглядывая квартирантку.

И если бы в тот момент он попытался разобраться в своих чувствах, то, скорее всего, они были сродни тем, что испытывает немолодой любитель женщин, разглядывающий легкомысленную иллюстрацию в эротическом журнале. Ведь Лидочка не подозревала, что халатик ее распахнулся, обнажив ноги, а расстегнувшиеся на груди пуговки также позволяли Славе увидеть больше, чем того хотела бы Лидочка.

Слава не смел войти в комнату. Сиеста разогнала всех по спальням. Он прислушивался не только ушами, но и затылком, не выйдет ли из комнаты Иришка, не поднимаются ли по какой-нибудь надобности родственники.

Никто не появлялся. В доме было совсем тихо.

Приближаться к Лидочке было опасно — она могла ложно истолковать его движение. Ведь знакомы они чуть больше суток, и пока что Слава никак не проявлял интереса к гостье. Она тем более об этом не думала.

Лидочка повернулась на спину и предстала взорам истосковавшегося по российским женщинам Славы почти совсем обнаженной. И это подвигло его на движение. Он сделал шаг вперед, еще один. Ему показалось совершенно обязательным — иначе погибнешь от неисполненного желания — дотронуться до ноги Лидочки, обыкновенной ноги, хорошей формы, прямой, но не очень длинной. И грудь ее, выпавшая из съехавшего лифчика, была умеренной величины и не столь упругой, как у восемнадцатилетней девушки, но полной, насыщенной, влекущей...

Слава двинулся в комнату.

Это было долгое и томительное путешествие.

Жара стояла несусветная, вернее, Славе казалось, что жара стоит несусветная, какой еще не было на Британских островах со времен Вильгельма Завоевателя. Слава вспотел, особенно мокрыми стали ладони, он вытирал их о рубашку, но старался делать это тихо, чтобы не разбудить Лидочку, — он привык к тому, что женщины относились к нему в лучшем случае снисходительно или вообще пренебрегали им. Лидочка была не такая, она внимательно отнеслась к его проблемам и не избегала его. Она была милая.

Он же ничего плохого сделать не хочет, ему надо только разглядеть Лидочку поближе, впитать в себя ее образ, ее беззащитность, доверчивость. Ему виден сосок ее правой груди, но для того, чтобы как следует разглядеть это маленькое круглое нежное чудо, следует нагнуться над ней и, если Бог позволит, то чуть-чуть, совсем чуть-чуть отодвинуть край лифчика, чтобы полюбоваться совсем бескорыстно, как любуются картиной Левитана, нет, лучше как любуются «Данаей», впитывая глазами нежность и совершенство женского тела.

Он сделал один шаг, второй, он приблизился к кровати, на которой, раскидавшись во сне, спала Лидочка. Теперь предстоял самый трудный и рискованный шаг — надо было наклониться над ней и чуть-чуть, вот именно чуть-чуть, сдвинуть лифчик.

Он не успел наклониться. В тот момент он был настолько возбужден, что не услышал, как за его спиной в дверях появилась Иришка, которая, разумеется, ложно истолковала побуждения отца, скажем, вообразив их куда более фривольными, чем они были на самом деле.

— Дождался бы ночи, фазер! — сказала она от двери спокойным и злым голосом.

Слава резко выпрямился и сразу же отступил на два шага.

Так что в результате оклик дочери спас его от куда большего конфуза.

Когда Лидочка открыла глаза, она увидела вполне безобидную диспозицию: папа Кошко стоял у дверей, обернувшись к дочери, стоявшей на шаг позади.

Зачем они зашли в комнату, Лидочка не сообразила, потому что не знала порядков в доме. Она даже подумала спросонья, что Славе надо было что-то достать из шкафа в ее комнате, а Иришка стояла и ждала, когда он это что-то достанет.

— Что такое? — спросила она, садясь и инстинктивно запахивая на груди халатик.

— Опоздала, — сообщила Иришка и ушла к себе.

— Что она сказала? — спросила Лидочка.

— А? Что? Нет, ничего особенного, — странно ответил Слава и тоже ушел.

Лидочка улеглась и вскоре вновь задремала.

* * *

На следующий день произошли два события, достойных внимания.

Во-первых, за Иришкой заехал ее приятель, воспитанный мальчик с громадной шапкой курчавых волос и гладким, доверчивым лицом. Мальчик приехал, когда в доме шел поздний завтрак, и проспавшая все на свете Иришка побежала наверх переодеваться, а Роберта запустила в столовую, чтобы Слава напоил его кофе.

Мальчику было лет шестнадцать-семнадцать, а когда они с Иришкой убежали, Слава объяснил Лидочке, что Роберт — полукровка. Отец его работал раньше в Болгарии, женился там на молоденькой болгарке и вывез ее в тихий заповедник Вудфордж-роуд. Он вышел на пенсию и на досуге ремонтирует машины, часто бесплатно, по знакомству. У Роберта есть младшая сестренка Джил, ей всего двенадцать лет. А их мать, Снежана, женщина относительно молодая, преподает в школе русский язык, так как знание болгарского в центре Англии не требуется. Слава сказал, что, с одной стороны, он не возражает против этого знакомства — лучше соседи, чем неизвестно кто, но его смущает, что южные народы рано созревают сексуально. Валентина, которая присутствовала при монологе, спокойно заметила:

— Когда начнется течка, тут уж южный или северный народ попадется, все равно она его в кровать затащит.

Слава был возмущен, словно готовил дочь в монастырь.

Потом Слава собрался было сопровождать Лидочку в поисках дома, но той не хотелось превращать путешествия со Славой в систему. К тому же она уже поняла, что для Славы в Англии не нашлось настоящего дела. Он находился в процессе придумывания себе такового. Он даже не мог писать мемуаров узника сталинских лагерей. Возрастом не вышел. На работу ему не хотелось, а может быть, у английского правительства были возражения по этой части. Так что он собирал марки, в основном дешевые, гашеные, демпинговые картинки развивающихся стран, и наполнял ими десятки кляссеров в своем кабинете. Если у него и были иные занятия, Лидочке они пока не были известны.

— Не расстраивайтесь, что агенты будут возить вас на своей машине, — сказал он Лидочке. — Здесь бешено дорогой бензин, но они сами за него не платят. Платит фирма. Они даже выгадывают — остается самим вечерком покататься.

Слава добродушно засмеялся.

— Не будьте к ним добренькой, — предупредил он. — Англичане нас никогда не жалеют, им это чувство не свойственно. Англичанин скорее удавится от любви к хромой кошке, чем позаботится о человеке, тем более об иностранце.

— А как же иностранная кошка? — спросила Лидочка, уловив в голосе Славы раздражение и желая уйти от такого разговора.

— Иностранная кошка по положению находится между англичанином и кенийцем.

Убедившись в том, что его услуги никому не нужны, Слава надел несколько поношенный, висевший на нем, как на маленькой вешалке, твидовый пиджак, завел свой «Воксхолл», сказав, что ему надо повидаться с адвокатом. Лидочка уселась ожидать Валери.

Она сидела внизу в столовой, чтобы не пропустить звонок, совсем одетая к выходу. Тут зазвонил телефон, а так как

для русского уха сдвоенные звонки английского телефона непривычны, Лидочка решила, что звонят в дверь, и кинулась туда. За дверью никого не было, звук раздавался сзади. К счастью, как уже потом поняла Лидочка, англичане звонят дольше русских, потому что в доме порой нелегко спуститься к телефону или прибежать из сада.

Звонила незнакомая женщина, которая попросила мистера Кошко, но акцент ее был очевидно русским, так что Лидочка решилась и ответила по-русски:

— Простите, но Вячеслава Андреевича сейчас нет дома. Что ему передать?

— Ой! — воскликнула женщина. — Я так ненавижу говорить по-английски, вы не представляете! Вы — его дочка, да? Иришка? Я с вами давно не встречалась, но вы меня можете помнить.

— Нет, я гостья в этом доме, — сказала Лидочка. — Меня зовут Лидией Кирилловной, я только вчера из Москвы, поэтому не всех знаю.

— Ах, а у вас голос молодой! — воскликнула женщина.

— Вам нужен Вячеслав Андреевич?

— Сейчас я вам все объясню, — сказала женщина. — Запомните или запишите. Меня зовут Галиной. Галина Величко. Запомнили? Галя Величко, Галка. Я тут в последнее время начала жить. Но на самом деле я подруга Аллы. Вы знаете Аллу?

— Скорее понаслышке, — ответила Лидочка.

— Простите, может быть, вы — пассия Славы? Теперь, с его возможностями и денежками, за него любая пойдет, вы со мной согласны?

Откровенность была подкупающая. Лидочка улыбнулась и ответила:

— Я не в курсе его дел. Я приехала в командировку, а в Москве договорилась с Марксиной Ильиничной, что сниму комнату у ее сына.

— Разумно, — согласилась Галина. — А то он всегда о мамочке забывает. Вот и крутится старушка. Значит, вы с Аллой не знакомы? И не знаете, когда она намылилась приехать?

— Она звонила, сказала, что приедет двенадцатого.

— И попытается сделать величайшую глупость в своей жизни!

— Какую?

— Постарается вернуть к себе разбогатевшего кузнечика. Это же самоубийство!

— А вдруг она решила начать новую жизнь?

— Слушай, Лида, ты не знаешь нашу Аллу. В свое время она сбежала от кузнечика с первым попавшимся гусаром, так его не выносила. Нельзя так продаваться! Знаешь, я так и вижу: появляется Аллочка, образцово-показательная мать-героиня! Все для ребенка, все ради ребенка, никто не забыт, ничто не забыто! Нас не подслушивают?

— Вроде бы некому.

— У них везде по нескольку трубок — бери и слушай. А я не желаю выглядеть интриганкой в глазах родственников моей так называемой лучшей подруги. Так она уже и билет купила?

— Да, на двенадцатое число.

— Надеюсь, что она сможет выжать кое-что из бывшего кузнечика. Ты как думаешь?

— Я об этом пока думать не могу.

— Но ты точно не по его душу и кошелек?

— Точно, — успокоила подругу Аллы Лидочка. — У меня есть очень приличный муж, которого я люблю.

— Никогда не признавайся в таком грехе! — возмутилась Галина. — Ты надолго в командировку?

— Недели на три.

— А потом уедешь?

— Не подозревайте меня в коварстве.

— А почему не подозревать? Ведь люди — суки, а мы, бабы, в первую очередь. Как, ты думаешь, я сюда попала?

— Вопрос риторический.

— Какой бы там ни был. Но он добивался моего пышного розового тела, как альпинист Эвереста. А когда добрался до этого Эвереста, что оказалось? От получки до получки, фирма прогорела, экономим хуже, чем в Москве, а дома все думают, что я за фирмой замужем. Понимаешь?

— Грустно.

— Вот именно, что грустно. Ну ладно, мы скоро увидимся, если ты, конечно, не хочешь занять место моей Аллочки.

— Не хочу.

— Тогда я буду звонить, чтобы узнать точное время — мы с тобой ее встречать поедем. Телефон оставить?

— Думаю, вам лучше самой позвонить, — сказала Лидочка.

— Ладно, привет, — не обиделась Галина. — Кстати, у сухарика-кузнечика мои координаты есть. Он моего благоверного Джерри на дух не переносит. Но это у них взаимно.

Галина повесила трубку. За дверью осторожно тявкнула машина.

Лидочка повесила трубку и побежала к Валери, которая ждала ее, чтобы ехать осматривать дома.

Глава 7

Когда Лидочка возвратилась домой, уже чувствуя себя почти старожилом в Сиднеме, там была лишь Иришка.

Иришка открыла дверь и тут же пошла по коридору прочь, покачивая узкими круглыми ягодицами, — мы вас в упор не видим! И вообще непонятно: зачем вас фазер пустил к нам, если не имеет на вас видов. Но мы и этого не допустим — мы удержим папу в пределах целомудрия, пока не явится наша мамочка и не решит, что с ним делать дальше.

Вот что увидела в походке девочки Лидочка. Но это совсем не означало, что она была права.

— Ириша, подождите, — окликнула она девочку. — Вам звонили.

— Мне? — Иришка тут же развернулась на сто восемьдесят градусов.

— Не лично вам, а вам с папой, вашему семейству.

— Кто же? — Иришка была разочарована.

— Местная жительница по имени Галина.

— А, Галочка-выручалочка!

— Она сказалась маминой подругой.

— Она — ласковый теленок, — сообщила Иришка. — Когда я была маленькой и не все буквы выговаривала, то пела песню «Ласковая Гайка вышла на лужайку». Честное слово! А они с мамой смеялись. Я ей все прощаю, потому что она дура.

— Она знает, что ваша мама приезжает.

— Если она еще будет звонить, — предупредила Иришка, — то вы с ней язык не распускайте. Любую информацию она тут же унесет на хвосте.

— Давайте, Ириша, договоримся сразу, — сказала Лидочка. — Я буду относиться к вам лояльно, не стану вмешиваться в ваши дела, вы же воздержитесь от всяческих неточных выражений в мой адрес.

— Я свободный человек и называю людей, как мне хочется. Особенно папиных курочек.

Великое чувство облегчения охватило Лидочку. Теперь она с чистым сердцем покинет этот домик. И обретет свободу. Хватит.

Лидочка повернулась, чтобы выйти из дома. Движение было нелепым — ведь сначала надо было бы собраться и заказать гостиницу.

Но, обернувшись, Лидочка столкнулась носом к носу с Кошками из Краснодара, которые вернулись из очередного похода и заполонили собой весь проем двери, которую Лидочка за собой не успела закрыть. Они стояли сплошной массой, и преодолеть их было невозможно.

— Ирина! — возопили родственники, когда Лидочка налетела на них. — Ирина, ты сошла с ума! Лидия Кирилловна заплатила за свою комнату вперед!

Этот аргумент был для них исчерпывающим и переводил Лидочку из папиных курочек в самостоятельные и достойные люди.

— А вы, кстати, нет! — закричала Иришка с середины лестницы. Для того чтобы оскорбить дядю и тетю, ей пришлось нагнуться.

И тут, раздвинув родственников, в коридор втиснулся сам хозяин дома. Сделать это ему было нетрудно, так как он вообще мог бы проникнуть в любую щель.

— Я все слышал, — сообщил он деловым голосом совершенно спокойно, как, бывает, говорят люди, доведенные до крайности. — Мне все стало ясно. Сначала я хочу сказать, что Лидия Кирилловна не относится к числу птичек и кошечек. У меня вообще нет и не было птичек и кошечек! — Голос Славы поднимался с каждой фразой.

Он шагал вперед по коридору. Лидочка отступила в сторону, чтобы его пропустить, ибо он ее не видел — все внима-

ние было приковано к замершей в изогнутой позе посреди лестницы дочери.

— Здесь решаю я! Мне надоело выслушивать глупости и терпеть хамство со стороны девчонки! Ты, Ирина, принимаешь мою любовь и доброту за слабость. В этом моя вина. Я думал, что с тобой можно обращаться по-доброму. Нет, ты понимаешь только палку. Ты — типичный представитель российского жлобства, новое издание своей матери. Или ты немедленно просишь прощения у Лидии Кирилловны и Василия с Валентиной, а затем ведешь себя ниже травы, либо собираешь вещи и первым же самолетом отправляешься домой.

— А зачем ты к ней в комнату лазил?! — закричала Иришка. — Я видела!

— Как так лазил? — удивился Слава.

— Вчера подглядывал, как она голая валялась!

— Лидия Кирилловна не валялась, а я не подглядывал. Иди собирай вещи!

— И не подумаю! Я уеду к Снежане. Они ко мне относятся по-человечески.

— До тех пор, пока ты живешь у меня.

— Роберт меня любит! Да, он готов на мне жениться!

— Хорошо, — тихо сказал Слава. — Ты идешь к себе, а я звоню Снежане или еще лучше самому мистеру Ричардсону и рассказываю о твоих с Робертом планах.

— Не смей!

— Ты же сказала правду? Чего ты боишься?

И тогда Иришка сдалась и кинулась, преувеличенно громко топоча, вверх по лестнице, хлопнула дверью, а Слава уселся на стул возле телефона и сжал голову в ладонях.

— Это ужас, — прошептал он.

— Воды! — приказал Василий Валентине, сам кинулся на кухню, и они там загремели стаканами.

— Эта чертова генетика, — неожиданно произнес Слава. — Ну точно ее мать! Точно! Такая же безответственность, тот же кухонный синдром, который вылезает из нее в стрессовые моменты. Простите, Лида, я не представляю, что в нее втемяшилось.

Лида стала вспоминать, когда Слава мог наблюдать за ней так, что Иришка сделала роковые выводы. Потом подумала,

что, наверное, она сама виновата — заснула вчера на диване в халатике... Даже неловко. Поговорить об этом сейчас нельзя. Ей вообще лучше помолчать.

Прибежала Валентина со стаканом холодной воды.

От жары и волнения ее желтые завитые кудри растрепались и выглядели разоренным гнездом. Слава стал отводить ее руку со стаканом, а Василий, склонившись к нему, принялся жарко шептать:

— Мы сегодня же собираем вещи, сегодня же покупаем билет, даю тебе слово офицера. Вместо причала надежды и семейной любви мы попали в змеиное гнездо, я понятно выражаюсь?

Говорилось это с сильным южным, украинским акцентом и потому казалось монологом из оперетты, вроде «Запорожца за Дунаем». И лишало Лидочку возможности встать на котурны — окажешься в компании клоунов.

— Ну кто вас гонит? Кто вас гонит? — повторял Слава и все отводил руку с водой, а рука упорно возвращалась. Тогда он вскочил и закричал: — Какого черта вы мне суете эту жидкость?

Лида отступила поглубже в коридор, ей хотелось раствориться в полутьме, вписаться в стену, остаться лишь наблюдательницей, не более.

Почувствовав, что победа клонится на их сторону, Кошки из Краснодара принялись жаловаться на Иришку, и оказалось, что ее прегрешения не ограничиваются сегодняшним хамством, а включают некоторые выпады против Василия и Валентины в предыдущие дни, зафиксированные памятью родственников. В конце концов Слава сбежал к себе и хлопнул дверью. Родственники победителями уплыли в другую сторону, и Лидочка, никем не замеченная и, к счастью, никому не нужная, поднялась на второй этаж.

На площадке было тихо. Только Иришка рыдала за дверью в своей комнате. Но рыдала не громко и даже не демонстративно, а как положено рыдать юной девице, которая поняла, что никто ее не любит, никому она не нужна и, главное, никто ее не боится.

Лидочка не стала зажигать света.

Она подошла к окну. Кто-то должен был взять себя в руки и идти на кухню готовить обед. Можно предположить, что

Слава и Иришка исключаются, потому что переживают. Валентина с Василием ленивы и избегают любых работ по дому, тем более не выносят тратить деньги на пищу. Дома, так поняла Лидочка, они едят много и вкусно. Но здесь они оказались травмированными промышленным изобилием. Нетрудно было пересчитать шиллинги с капусты и мяса на рубашки и ботиночки, и тогда мясо терпело сокрушительное поражение.

Сад и поле за ним заволокло легкой дымкой, видно, собирался дождик. Ветра не было, он быстро разогнал бы мглу, но, по-видимому, берег силы к началу дождя. Футболисты вдали не бегали, а ходили за мячом. Двое из них, нет, не футболисты, а просто отдыхающие, шли вдоль кустов, которые ограничивали садики домов на Вудфордж-роуд, и рассматривали, как глядятся эти особняки с тыла. Лидочка подумала, что и ей как-нибудь надо выбраться туда, в поле, если удастся пробиться сквозь живую изгородь. Пробиться и посмотреть на жизнь домов со стороны огородов.

Двое мужчин, одетых в светлые брюки и белые футболки, что выдавало в них людей, склонных к занятиям спортом, поравнялись с живой изгородью дома Кошко. Лидочка, скрытая стеклом полуоткрытого окна, была им не видна.

Один из мужчин наклонился, словно увидел гриб или завязывал шнурок на ботинке. Второй стоял рядом и глазел на особняк. Лидочка с запоздалым удивлением узнала в нем Геннадия. Зачем Геннадию гулять по зеленому полю? Неужели он в самом деле живет где-то по соседству?

Лидочка хотела помахать ему, окликнуть. Теперь объяснилась и тайна его появления в машине на Вудфордж-роуд. Соседи!

Но тут Лидочка спохватилась. Ведь она уже решила, что уедет из этого дома. И вообще ей сейчас не до случайных знакомых!

Второй мужчина, в котором Лидочка узнала водителя машины и того молодца, что встречал Геннадия в Хитроу, что-то искал в кустах живой изгороди. Кусты шевелились и раскачивались. Потом он выпрямился.

Они пошли дальше, потеряв интерес к домам и мирно беседуя.

«Как сузился мир, — подумала Лидочка. — Ну кто мог подумать, что ты полетишь в самолете и увидишь в нем Геннадия, а потом встретишь его в этом районе? А какая-то Галина звонит из соседнего квартала, спрашивает, когда приезжает Алла, — трепет перед заграницей, ощущение ее как страшного и странного мира, откуда можно возвратиться, только выучив все заклятия и особые слова, которым учат в специальных организациях, уже пропал. Лондон... Ну и что? Мы бывали и на Канарских островах. Теперь будет нелегко снова загнать людей в бутылку и заткнуть их пробкой. Трудно, но не безнадежно. Если очень захочется, то и заткнут, и затыкальщиков-добровольцев найдут. К тому же наберут этих самых затыкальщиков из тех, кто больше всех любил ездить в Венецию. Вот они и будут вылавливать тех, с кем катались в гондолах по каналам.

А почему, кстати, я решила, что Геннадий гуляет вокруг этого дома совершенно случайно? Из десяти тысяч лондонских улиц он выбрал для проживания именно нашу? А вдруг кому-то не нравится, что советский ихтиолог покупает дом в Лондоне?»

Такая мысль была настолько отвратительна, что Лидочка отмахнулась от нее, как от злобной мухи, потому что не хотела так думать. Боялась. Но отойти от окна, прежде чем Геннадий скроется за кустами, она не смогла. И страх, вселившийся в ее душу, заставил Лиду умолчать о Геннадии.

Зато она сказала Славе о звонке Галины, а Слава поведал об этой Галине вот что.

Галина — московская подруга Аллы. Они вместе где-то раньше работали. Были они лимитчицами, как в фильме «Москва слезам не верит», искали свое девичье счастье. Алла отыскала Славу с его маленькой квартирой и маленькой зарплатой, но с московской пропиской. Несколько лет они немирно прожили, как живет большинство российских неудовлетворенных жизнью и партнерами семей, и союз этот держался не столько родившейся дочкой, сколько непреходящей страстью Славы к Алле и невезением Аллы — у нее за эти годы, возможно (Слава с неохотой допускал этот обидный факт), были любовники, но ни одного, который бы весомо поманил. А потом такой возник, не без дурного влияния распутной Галины, Галочки-щеночка, всем любезной сплетницы. Алла рискнула и кинула надоевшего бесперспективного Сла-

ву ради Георгия. С Георгием она прожила несколько месяцев, но тот так и не бросил семью, оставшуюся в Кутаиси. Они снимали квартиру, и в конце концов Георгий семью бросил, но ради женщины с хорошей трехкомнатной квартирой на Котельнической набережной. А Галина все это время продолжала искать свое счастье. И ей повезло, потому что с концом восьмидесятых в Москве все в большем числе стали появляться иностранные фирмачи, для которых розовые и чистые кожей, полногрудые русские бабы были сладким лакомством после своих перекрашенных, недокормленных девиц. Вот Галина и взяла самца — мистера Джерри Стюарта, финансиста. Она вышла за него замуж в Москве и поехала с ним в Лондон. Все было бы хорошо, но мистер Джерри Стюарт оказался трагически небогат. Так что обе подруги — Алла и Галина — оказались на бобах. А так все хорошо начиналось!

Слава Галину не выносил. Он полагал, что она была именно той подружкой, которая наушничает, нашептывает, подсказывает худшие из ходов и поступков. К тому же Галина с первого дня невзлюбила Славу. Может быть, она хотела доказать подруге, что та сделала ошибку, польстившись на прописку, приложенную к столь худому и нескладному представителю московского мужского племени.

— Лидия, — попросил Слава, — не уезжайте от нас, умоляю! Мне вас будет страшно не хватать. Вы словно стержень здравого смысла, ума, интеллигентности, наконец! Без вас рухнет дом.

— Дом Эшеров, — сказала Лидочка.

— Да, — согласился Слава, не вспомнив литературной аналогии. — Потерпите, пожалуйста...

Глава 8

Алла звонила из Москвы на следующий день, часов в одиннадцать. Лидочки не было дома. Когда она вернулась, Слава, чем-то встревоженный, насупленный, возился на кухне. Никого больше в доме не было.

— Не беспокойтесь, — пожалела его Лидочка. Ей казалось, что Слава относится к тем относительно недавним по стажу холостякам, которые кормят себя шпротами и вчерашней горбушкой, запивая соком киви. — Я сейчас умоюсь и займусь обедом.

День был жаркий, и Лидочка давно мечтала о душе.

— Как вы поездили с Валери? — спросил Слава, когда Лидочка через десять минут спустилась в столовую. Он сидел за столом, послушавшись в ожидании, ничего не делая, будто с облегчением покинул кухню после прихода Лидочки, но чем заняться, не знал.

— Пока ничего не нашли, — сказала Лидочка. — Один дом мне понравился, но он довольно ветхий, его ремонтировать дороже, чем два дома купить. А еще один нехорошо стоит, напротив сиднемской библиотеки, представляете?

— Вы быстро освоились, — сказал Слава.

— У меня был Вергилий.

— Может быть, вам попробовать в Бромли?

— Сначала мы хотим посмотреть в Кенсингтоне.

— Ну, ваше дело, — сказал Слава.

— Валентина покупала сегодня продукты? — спросила Лидочка.

— Не заметил. Они еще не возвращались.

— Жаль, — вздохнула Лидочка. — Мы же договаривались.

— Когда речь идет о шиллингах, с ними лучше не договариваться. А что, дома нечего есть?

— Сейчас проверю.

Лидочка заглянула в холодильник. В морозилке обнаружился большой двухфунтовый пакет котлет кордон-блю.

— А я, если нужно, съезжу на станцию за чипсами, — предложил Кошко.

— Жарко, — пожалела его Лидочка. — Не мучайтесь. У нас есть зеленый горошек.

— Правильно, — быстро согласился Слава. — В такую жару есть не хочется. И знаете, что я думаю... Может, пообедаем без родственников?

— Как только мы сядем за стол, — ответила Лидочка, — откроется дверь, и они появятся. Голодные и обиженные. Разве вам мало вчерашней войны?

— Вы на меня не сердитесь? Честно?

— Честно.

На стене над кухонным столом с деревянной доски сви-

сали ножи — от широкого мясницкого до махонького. Слава заметил Лидочкин взгляд и сказал:

— Я на той неделе купил. Двадцать два фунта.

Лидочка открыла плиту и положила котлеты на разморозку. Плита уютно загудела.

— Алла сегодня звонила, — сказал Слава. — Только что.

— У нее все в порядке? — равнодушно спросила Лидочка.

— Да, все в порядке. Собирается сюда.

Слава помолчал. Потом сказал:

— А я уже не знаю.

— Чего не знаете? — не поняла Лидочка.

— Хочу ли я, чтобы она приезжала...

— Боитесь?

— Это не страх... Может быть, до вашего появления я не сомневался. А теперь... Не знаю.

— Да объясните вы мне все спокойно, — попросила Лидочка. — Я не выношу семейных тайн и скелетов в шкафах.

— Не сердитесь. Я постараюсь объяснить. Понимаете, я жил здесь довольно изолированно. И я думаю, что во мне росло странное чувство. Злорадство своего рода. Вот я сижу в Лондоне, все у меня есть, пью кофий с сахаром, а ты, Алла, та самая, которая презрительно выкинула меня из своей жизни, осталась на бобах, существуешь в хрущобе и даже готова навестить отвергнутого мужа. Больше того, когда моя мама предложила мне взять сюда Иришку, я даже обрадовался. Алла же не возразила, хотя раньше любая моя попытка приласкать Иришку встречалась в штыки. Одной рукой она отстраняла от себя дочку, чтобы та не мешала, а другой отгоняла от нее отца, чтобы, не дай бог, девочка к нему не привязалась. Ну вот, я ждал ее приезда и представлял себе, как она войдет сюда и удивится, чего я достиг в жизни...

«Он и в самом деле уже думает, что достиг всего этого своим трудом, талантом и прочими достоинствами, — подумала Лидочка. — Он уже может облагодетельствовать Аллу и Иришку, а может их наказать и удалить со своих очей. Он сидит передо мной, уткнувшись острыми локтями в стол, похожий на какую-то ресторанную девицу из раннего Пикассо. Бородка покачивается в такт словам — исхудавший Ильич в эмиграции ждет Инессу Арманд! Что за чепуха лезет мне в голову!»

— Но тут явились вы, Лидия, — продолжал Слава. — Я не могу сказать о ваших чувствах, но для меня ваше появление было сродни дуновению свежего воздуха. Я понял никчемность сидения в этой норе и ожидания неизвестно чего — в лучшем случае встречи со своим прошлым, которое готово захватить меня вновь в свои цепкие объятия и сосать из меня последние соки.

Чем дальше, тем красивее он говорил. Он сам себе нравился. Он был великодушен и откровенен. Он придумал и себя, и Лидочку, и конфликт.

— Вчера я увидел в Иришке ее мать! Та же готовность к скандалу, та же кухонная истерика, тот же беспросветный эгоизм. И вот приедет Алла. Может быть, она захочет уложить меня в постель — не исключено. На это есть советчица — Галина Стюарт, — почти шотландская королева! Но вы, Лида, вы, как свежий ветер, напомнили мне, что моя жизнь не должна замыкаться на кухне чужих потребностей.

Ого! Кухня чужих потребностей! Отличное название для дамского романа.

— И зачем Алла звонила сегодня? — спросила Лидочка.

— Уже начались задания, поручения, уже началась совместная жизнь, о которой я не просил.

«Нет, милый, — подумала Лидочка, — ты просил, потому что в программе твоей мести возвращение Аллы — обязательное условие».

— Сегодня в три я должен встречаться с каким-то Эдуардом Дмитриевичем, ее двоюродным начальником, который, оказывается, совершенно беспомощен без машины, а его надо свозить по двум-трем магазинам! Нет, вы представляете, я должен возить по магазинам ее толстозадого шефа, с которым она, возможно, благополучно спит!

Слава был очень рассержен!

Алла, конечно же, допустила промах. Тактический промах — до покаяния и прощения она не имела права давать Славе поручения. Но ошибка Аллы была понятна. Она объяснялась тем, что Алла судила о Славе по прежним, московским меркам, когда он был существом приниженным и, как правило, послушным.

— Ничего страшного, — заметила Лидочка. — Если вы позволите, я могу вам дать хитроумный совет.

— Какой же?

— Вы подъедете к его гостинице в вашем лимузине...

— Ах, какой у меня лимузин! Наверное, он сам в Москве на «Мерседесе» гоняет.

— Чепуха. Тогда бы он не просил вашей помощи. Значит, вы сажаете его в машину и спрашиваете: «Вам в «Хэрродс»? Я сам покупаю только в «Хэрродсе».

— Я в жизни не был в «Хэрродсе», — возразил не самый сообразительный из мужчин Слава. — Там же сумасшедшие цены!

Лидочка ничего не стала говорить, а подождала, пока Слава придет к разумному решению.

— Понял! — улыбнулся он и радостно принялся чесать бородку. — Пускай этот Эдуард Дмитриевич пролетит со своими командировочными!

Лидочка вытащила из духовки разморозившиеся котлеты и овощи. Теперь она поставила котлеты жариться.

— Лидочка, — произнес Слава сладким голосом. — У меня к вам будет одна небольшая просьба...

— Нет, — ответила Лидочка. — Я с вами на это свидание не поеду. И не буду изображать вашу богатую любовницу, и не буду держать вас за руку, и не буду советовать этому толстому начальнику покупать в «Хэрродсе» драгоценности по миллиону фунтов. Нет, сэр!

— Как же вы догадались? — расстроился Слава.

— Я знаю мужчин, — ответила Лидочка.

Тут пришли краснодарские Кошки. Они притащили дешевый палас, напоминающий анаконду.

Непонятно, каким таинственным способом они собирались везти его в Москву — он точно занял бы весь фюзеляж. Так как руки у Кошек были заняты, они, к сожалению, не смогли зайти в магазин и купить еды. Но вечером, как отдохнут, они обязательно сбегают в «Сэйфуэй» и накупят полный холодильник продуктов.

Успокоив свою совесть, Кошки уселись за стол и умяли все, что приготовила Лидочка, — она еле успела вырвать одну котлету для Иришки.

Валентина осталась несколько огорчена таким поступком Лидочки, и они ушли к себе, где начали жевать. Жевали

они громко. Как пояснил Слава, у родственников были запасы сала, привезенные в Лондон на случай голода.

Иришка заявилась довольно рано. Лидочку она избегала, но, видно, какая-то беседа с отцом состоялась, потому что, скушав последнюю котлету, она постучалась к Лидочке, которая лежала на кровати и читала новый роман Дика Фрэнсиса, и сказала от двери:

— Я не имела в виду, только мне за маму обидно.

Очевидно, эту нелепую фразу следовало понимать как попытку попросить прощения. Так Лидочка ее и поняла.

— Я не сержусь, — сказала она, хотя сердилась. Она не привыкла прощать хамство. А в Иришке хамства, к сожалению, было достаточно. Слава объяснял это генетикой, можно было объяснить воспитанием — по сути дела, не так важно. И зачем она согласилась жить в чужом доме?

Пока Слава ездил по Лондону с начальником бывшей жены, Лидочка, разделавшись со своими делами, вдруг поняла, что соскучилась по голосу Андрея. Ей надо было услышать его, чтобы ощутить реальность собственной жизни. И хоть нелепо в шесть часов вечера, когда солнце уже склоняется к вершинам деревьев по ту сторону футбольного поля, идти в город, Лидочка с радостью и облегчением выбежала из дома и поспешила на почту. Из дома Кошко она звонить не стала — как потом рассчитываться?

На почте стояла английская очередь, отличающаяся от российской тем, что никто не боится пришельца, который в нее втиснется. Поэтому англичане стоят свободно, стараясь ни в коем случае не коснуться того, кто стоит перед тобой.

За пять фунтов Лидочка купила пластиковую карточку и в будке на улице набрала домашний телефон. Андрея не должно было быть дома, но он подошел ко второму звонку, словно ждал. В Москве было жарко, пыльно, он обрадовался, что Лидочка дозвонилась, — он сам собирался позвонить вечером.

Отъезд Андрея в экспедицию задерживался, катастрофически не хватало денег, хотя местные власти были обязаны выделить средства. А один ростовский банк обещал денег.

— Кстати, — сказал Андрей. — Мне звонила Алла.

— Кто?

— Ну, Алла, жена твоего квартирного хозяина. Ты меня слушаешь?

— Осталось полтора фунта — здесь так быстро пролетают деньги!

— Два слова: звонила Алла, говорила, что едет к своему мужу в Англию через неделю. Или даже раньше. Спрашивала, не нужно ли что-нибудь для тебя захватить. Она думает, что вы с ней где-то встречались. Твое имя ей знакомо.

— Мы говорили с ней по телефону.

— Хочешь, я передам через нее черного хлеба? Или селедки? Наши за рубежом всегда жаждут черного хлеба или селедки.

— Андрюша! Осталось полфунта!

— Я заверил ее, что вы никогда не встречались. Ты бы не скрыла этого от меня. Может, икры послать?

— Я уже соскучилась по тебе.

— Так тебе точно с ней ничего не передавать?

Последняя зеленая цифра мелькнула, и табло погасло. Все. Нельзя говорить Кошко, как она истратила пять фунтов. Для него это бешеные деньги.

Лидочка пошла домой. Улица была пуста, машины стояли вдоль тротуара, выключив глаза и заснув до утра. Дразня их, по сиреневому асфальту пролетел закованный в очки мотоциклист, светя множеством фар и подфарников.

Очень любезно со стороны Аллы позвонить Андрею. В конце концов, они не знакомы и не было бы обиды.

Лидочка свернула на Вудфордж-роуд. В сумерках она увидела, как перед ней шагают две фигуры: одна слишком высокая и тонкая, другая ей по плечо — крепкие бедра, толстые ноги, — Слава с дочкой возвращаются домой с прогулки. Они были поглощены разговором и не слышали шагов Лидочки. Та не стала их окликать.

Она догнала их около дома, а когда Слава открыл дверь, попросила:

— Не захлопывайте, это я!

— Ой, вы меня испугали! — сердито отозвался Слава. — Вы где были?

— Ходила...

— Куда ходили? — В голосе звучала подозрительность. Настолько очевидная, что Лидочка призналась:

— Я ходила звонить в Москву, мужу.

— А почему не из дома?

— Не хотела, чтобы вы платили за мои переговоры.

Иришка вошла в дом.

— Спустишься ко мне в кабинет, — окликнул ее Слава. — Я буду ждать.

Он пропустил Лидочку и принялся запирать дом. Даже накинул медную цепочку, чего раньше не делал.

Лидочке хотелось отвлечь его от неприятных мыслей.

— Билли Бонс получил черную метку? — спросила она.

Реакция Славы оказалась совершенно неожиданной.

— Могли бы и помолчать! — рявкнул Слава. А так как рявкать он не был приспособлен, получилось нечто вроде тявканья.

— Простите, — сказала Лидочка. — Я не хотела вас задеть.

Она пошла к себе наверх, вновь кляня себя за мягкотелость. Надо было съехать отсюда после первой же сцены. Теперь на нее сердит и сам хозяин.

Она бы с удовольствием посмотрела телевизор, и в гостинице он стоял бы возле кровати в полном ее распоряжении. Здесь же был только один телевизор, внизу в кабинете. А там, судя по всему, хозяева дома намеревались обсуждать свои проблемы. «А может, надо было попросить, чтобы Алла привезла черного хлеба? Я бы жевала его по вечерам».

Окно в сад было открыто. Внизу разговаривали Иришка с отцом. Если подойти к окну, то можно расслышать все, о чем они говорили. И, наверное, из сада тоже отлично все слышно. Лидочка почему-то вспомнила, как Геннадий с приятелем гуляли за оградой. Они могут и сейчас там стоять — стоять и слушать секреты семьи Кошко.

И вдруг Лидочке стало страшно из-за того, что в английских домах нет решеток, нет замков, нет никаких средств защититься от настоящих убийц-организаторов. Глупая шутка Геннадия врезалась в память навсегда.

Вот сейчас они стоят там, за кустами, незаметные со стороны дома, подслушивают и готовятся ограбить несчастного Славу. Ведь они же русские, против них нужны решетки и запоры. Они прилетели в Англию, словно щуки в прудик, где

живут карпы и караси. Им смешна гордыня англичан, которые полагают, что грабить нехорошо.

Лидочка погасила свет и подошла к окну.

Конечно же, в кустах ничего не было видно — живая изгородь поднималась довольно высоко.

Было слышно, как Слава говорит дочери:

— Главное — держать себя в руках. Они не должны догадаться...

— Тебе хорошо...

Лидочка отошла от окна, чтобы не слушать.

Она легла, но свет зажигать не стала.

Лидочка долго лежала, прежде чем раздеться и пойти в ванную. Было тревожно, и сердце билось, как перед грозой.

Лидочка утешала себя тем, что завтра с утра уедет. И не будет больше их всех видеть...

Глава 9

Утром в субботу Лидочка встала раньше всех, позавтракала внизу, никого не разбудив, оставила на столе записку, что вернется вечером, и пошла на станцию. Ей было приятно идти по пустой утренней улице, где косые лучи солнца высвечивали цветущие розы на высоких, до второго этажа, кустах. Коты деловито переходили улицу — видно, направлялись с визитом к соседям. Самолеты шли один за другим, снижаясь к Хитроу. Лидочка уже прижилась здесь и не чувствовала себя чужой, хотя бы потому, что местные империалисты встречают тебя с обязательной добродушной улыбкой. А мистер Мета, хозяин продуктовой и газетной лавочки на углу соседней улицы, уже знает тебя и спрашивает, оставить ли пакет молока.

Лидочка дошла до тихой пригородной станции, провинциальной во всем, если не считать красных телекамер, нависающих над платформой и следящих за тем, чтобы какой-нибудь злоумышленник не пристал к смирной девушке. Поезд примчался тут же, будто ждал за углом, немногочисленные пассажиры вошли внутрь и расселись по свободным местам, которых было немало, — видно, здесь не любят подниматься утром в субботу.

На противоположной платформе, ожидая поезда на Орлингтон, в глубокой тени под навесом сидел приятель Геннадия и читал газету. Электричка прибавила ходу, и платформа исчезла вместе с видением. Разумеется, это было видение, если не вернуться к первоначальной и самой безобидной из версий: Геннадий остановился у своего друга, который живет по соседству. Оттого они и гуляли по полям, и ездили в машине по Вудфордж-роуд.

И все-таки у Лидочки осталось неприятное чувство: если она его увидела, хоть и поздно, может, он ее увидел раньше? Ну и пусть, он же Лидочку не знает. Если, конечно, никто за ней не следит.

И тут же пропало тихое очарование субботнего утра — как будто сюда донесся хриплый рев боевой трубы с отдаленного, но знакомого поля боя.

Лидочка постаралась выкинуть из головы эту встречу, но удалось ей это сделать только в Британском музее, в длинных волшебных галереях ассирийской царской охоты, где умирающие львы, обливаясь кровью, корчились на гранитных стенах. Лидочка устроила себе великий день прогульщика — она круглая сирота, купившая путешествие в настоящий Лондон и не подозревающая о социальных контрастах, об угнетении трудящихся, расовой дискриминации и прочих бедах развитого империализма.

Скорее случайно, чем по расчету, она забрела в китайский район за «Ковент-Гарден», даже пообедала в чистом, подчеркнуто скромном ресторанчике «Красный дракон». Она чуть было не купила по соседству в китайской аптеке полуметрового фаянсового человека, покрытого сыпью точек, указывающих иглоукалывателю, куда вонзать иглы.

Вернулась она с тяжелой сумкой — там была чудесная монография о Климте, два фунта черешни, крем для лица, дезодорант и много всего, отчего сумка стала почти неподъемной. Ей было лень тащиться на метро до вокзала, а потом еще от электрички — она взяла такси и совершила роковую ошибку. И не столько из-за того, что на счетчике набежало двадцать пять фунтов, а потому, что весь дом видел, как она расплачивалась с таксистом, который любезно поднес ей сумку до дверей.

Бледный Слава, не дожидаясь звонка, открыл дверь и сказал:

— Ты с ума сошла! Сколько это стоило?

Видно, ее проступок был столь страшен, что отогнал на несколько минут его собственные неприятности.

— Ты знаешь, сколько стоят приличные зимние сапоги? — спросила Валентина. — Меньше, чем твоя прогулка!

Лидочка перепугалась, завиляла хвостиком, сказала, что купила чудесную черешню, почти черную, собирайтесь в столовую, попробуйте.

Все собрались в столовой, Лидочка разделила черешню по мискам, и в гнетущей тишине Кошки мгновенно заглотнули ягоды и отключились, часто и дружно стуча косточками по фарфору.

Когда короткое пиршество подходило к концу, Иришка неожиданно спросила:

— Сколько заплатили за такси?

— Двадцать пять фунтов, — призналась Лидочка.

Василий Кошко скрипнул крепкими золотыми зубами.

— Молодец, — одобрила Иришка. — В следующий раз поедете, меня с собой возьмите.

— Я в Британском музее была, — сказала Лидочка.

Получилось глупо — словно Иришке не положено ходить в музей.

— Меня Роберт водил, — сказала Иришка, вовсе не обидевшись. — И еще мы ходили в галерею Тэйт. Вы там, наверное, не были.

— Не была, — улыбнулась Лидочка.

— Ирина! — одернул дочь Слава. Голос его дрогнул, словно Иришка допустила вопиющую бестактность.

Иришка удивленно поглядела на отца. И тут ее лицо побледнело, и приоткрывшиеся было губы, готовые возразить, сомкнулись. Иришка резко отодвинула миску с недоеденными ягодами и выбежала из комнаты.

— Спасибо, — сказал Слава.

Он вышел в коридор. Лидочке было видно, как он глядит вверх по лестнице, словно решает проблему, подняться ли следом за дочкой или пойти к себе.

Наконец он решился и ушел в кабинет.

— Чего это они? — спросила Валентина.

Василий пожал покатыми плечами. Валентина подвинула к себе миску Иришки и сглотнула оставшиеся ягоды.

— Спасибо, — сказала она. — Жарко сегодня.

Удивительно, что она догадалась поблагодарить Лидочку. Наверное, потому, что ей достались и Иришкины ягоды.

Третий вечер в Лондоне грозил снова стать скучным. От телевизора Лида была отрезана плохим настроением хозяина дома. Она принялась листать Климта.

За дверью послышались шаги — Слава поднимался к дочери. Хлопнула дверь. За стеной начали о чем-то шептаться.

— Эге-гей, Батькович! — возопил снизу Василий. — Ты телевизором пользуешься? Мы его поглядим!

Слава приоткрыл дверь и крикнул:

— Смотрите, пожалуйста. Потом выключите.

Лидочка быстро сбежала вниз и присоединилась к краснодарцам. Кошки смотрели сериал. Василий время от времени переводил кое-что Валентине. Но его перевод не имел отношения к тому, что происходило на экране. Внутри Василия происходило собственное творческое переосмысление сюжета, и Валентина признавала его за неимением другой версии. Лидочке они не мешали — даже интересно было сравнивать версию Василия с тем, что происходило на экране на самом деле. Например, как Василий, который считает инспектора полиции страшным убийцей или даже привидением и вкладывает в его уста угрозы и проклятия, выпутается в очередной раз.

Где-то через час спустился Слава. Он постоял в углу, глядя на экран и явно ничего не видя, потом ушел приготовить себе кофе, остальным не предложил, и Лидочка ощутила, что ее для него сейчас не существует. Потом он снова сорвался и убежал.

Когда Лидочка уже легла и читала перед сном, она услышала, что Слава куда-то звонит, вернее всего, в Москву. По лестнице простучали шаги Иришки — она присоединилась к нему.

«Завтра, — подумала Лидочка, — я снова от вас сбегу. Воскресенье — мой день. И мне нет дела до вашей тараканьей суеты». Почему-то Лидочке казалось, что все проблемы, что волнуют семейство Кошко, относятся к разряду тараканьих.

* * *

С утра она опять поднялась пораньше и, умывшись, побежала на кухню. На кухне, к ее крайнему удивлению, сидел Слава. Он нервно курил, а в блюдце перед ним лежало несколько окурков.

— Вы что, не спали? — вырвалось у Лидочки вместо приветствия.

— Не спалось, — ответил Слава.

Нет, он спал, волосы, оставшиеся на висках, были смяты, борода набок, мешки под глазами, обычно незаметные, набрякли.

Лидочка прошла на кухню, чайник был еще теплым. Она включила газ.

— Вам налить кофе? — спросила она.

— Да, спасибо.

Слава пил кофе, глядя перед собой и не желая встречаться глазами с Лидочкой. За последние сутки он сменил отношение к ней на противоположное, словно Лидочка чем-то его сильно обидела.

— Я хочу съездить к морю, — сказала Лидочка. — Как это лучше сделать? Поехать в Лондон или можно ехать дальше с нашей станции?

Слава сделал усилие, чтобы вникнуть в проблему. Потом с явным раздражением сказал:

— Поезжайте до Бромли. Все поезда, идущие к морю, там останавливаются.

— А долго ехать?

— Купите там расписание, — сказал Слава.

«Все, я в немилости, — поняла Лидочка. — Но за что?»

В столовую ворвались краснодарские Кошки. Оказывается, они собрались на бут-сейл — барахолку, на которую люди привозят ненужные в хозяйстве вещи, заполняя ими багажники — буты — автомобилей.

Валентина сказала, что мать Роберта, Снежана, обещала подвезти их до места. Она заедет в десять. Неужели Лидочка с ними не поедет? Это же такое приключение!

Лидочка сказала, что хочет съездить к морю.

На этот раз ее никто не укорил. Все уже стали привыкать к экстравагантности жилички.

Дойдя до платформы, на этот раз до той, где останавливались поезда из Лондона, она невольно поглядела на скамейку, где вчера сидел знакомый Геннадия. Конечно, сегодня его там не было, но сама скамейка испортила настроение. Что же творится? Какие неприятные известия Слава получил из Москвы? Лидочка была убеждена, что источник неприятностей находится именно в Москве.

Возвратилась Лидочка только вечером, страшно уставшая, но, как говорится, довольная. Она побывала в Рамсгейте, ела рыбу в ресторанчике над бухтой, густо уставленной яхтами, сидела на горячем песке, кормила чаек.

Вернулась она еще засветло. Дом опять был пуст.

Лидочка поднялась к себе. Она смотрела из окна на длинный газон, огражденный кустами. Предвечерний воздух был густ и сладок. Лидочке захотелось походить по траве. Она спустилась вниз, прошла через кабинет Славы. На диване валялись скомканные простыни, подушка упала на пол. Он даже не стал убирать за собой.

Лидочка вышла в сад.

Был сладкий для насекомых и птиц предвечерний час. Пчелы и шмели спешили выполнить план по нектару, трава была ровной и мягкой, но кое-где газон не мешало бы постричь. Видно, Слава собирался это сделать — под деревом стояла газонокосилка, которую никто не удосужился убрать в сарайчик.

Лидочка не стала бороться с желанием — она улеглась на спину в траву и стала смотреть на бесцветное перед закатом небо и кремовые паруса, замершие на нем. В соседнем саду, таком же длинном и узком, мальчики играли в бадминтон.

Паук-охотник пробежал по руке Лидочки. Руке было горячо и щекотно. Лидочка немного обгорела на море.

Зачем они сюда приходили? Оказывается, эта мысль и не покидала Лидочку, хотя она надеялась, что обо всем забыла.

Один из них наклонился, а второй стоял рядом, ждал, пока тот завяжет шнурок, и смотрел на дом.

«Почему человеку захотелось завязать шнурок именно на задах нашего дома?»

Лежать расхотелось. Лидочка поднялась и пошла по газону прочь от дома. По краям газона густо росла ежевика, отделявшая сад от соседних узких полос зелени. Три больших де-

рева стояли на границе сада, они перекрывали своими кронами большую часть газона.

Лидочка прошла под сенью старой липы, потом клена, видевшего еще маршала Веллингтона, наверняка охотившегося в этих местах на зайцев или лисиц, и замерла: самая настоящая лисица стояла в двадцати шагах от нее и смотрела на нее с удивлением, как на персону, не имеющую никакого права расхаживать здесь.

Потом лисица все же решила уступить и юркнула в кусты.

«Ну вот, стоило мне подумать о лисице, она прибежала. О чем бы подумать теперь?

А что тянет меня туда, где они стояли? Мне хочется найти там в траве шнурок от ботинка?»

Кусты, отделявшие сад от поля, сплелись так туго и густо, что пролезть сквозь них не было возможности. Но в углу сада была маленькая покосившаяся калитка. Столб и калитка, а вместо забора — кусты.

Лидочка толкнула калитку, та нехотя поддалась — ей пришлось проталкиваться по стеблям, оставляя сектор полеглой травы.

Лидочка вышла с участка.

Кусты с той стороны казались еще более густыми. Но Лидочка помнила, где останавливались наблюдатели.

Она склонилась в том месте, как будто была уверена, что они что-то потеряли у забора.

Лидочка раздвинула тугие ветки и увидела, что искала: небольшую, как старинная авторучка, тяжелую трубочку с проволочной сеткой микрофона с того конца, что был обращен к дому, и обрывком пластикового провода сзади.

Лидочка не сомневалась, что этот микрофон оставили здесь соотечественники, и эта мысль ее не обрадовала. Она не знала, взять ли ей микрофон с собой или оставить на месте. Надо было спросить у Славы — ведь это его сад оказался объектом внимания тех людей.

Размышляя, она услышала голос Славы. Тот стоял на открытой террасе сзади дома и кричал:

— Что вы там делаете?

— Сейчас покажу, — сказала Лидочка. — Идите сюда.

И тут же она подумала, что поступает неправильно, разговаривая возле микрофона, — он же все слышит, записывает и передает по начальству.

Слава нехотя спустился с террасы и пошел по газону.

Лидочка подняла микрофон, закрыла ладонью металлическую сеточку и вошла в калитку.

Но так как она не была уверена в способностях микрофона, то, потянувшись к уху Славы, прошептала:

— Вы молчите, ничего не говорите, только смотрите, что я нашла под вашим забором.

— Что это? — спросил Слава.

— Тише! Это же микрофон!

— Это ваш микрофон? — тупо спросил Слава.

— Как глупо! — рассердилась Лидочка.

Она быстро прошла к небольшому сарайчику и открыла скрипучую дверь (вот уж не думала, что в Англии так громко скрипят двери). Посреди сарайчика стоял бумажный мешок с белым удобрением. Лидочка энергично сунула микрофон внутрь и разровняла порошок.

— Теперь спокойнее, — сказала она.

— Вы объясните, что к чему? — спросил Слава.

— Я же вам говорила: тут ходили двое, я удивилась, что они тут делали, пошла и посмотрела. И нашла.

— Но зачем микрофон?

— Чтобы слушать!

— Зачем вам нас слушать?! — В голосе Славы звучало отчаяние. Он как-то искривился, словно под сильным ветром, и стал похож на фигуру помирающего с голоду крестьянина с какого-то плаката времен Гражданской войны.

— Мне совершенно не нужно вас слушать, — возразила Лидочка. — Но кому-то это представляется интересным.

— И вообще, что вам от нас нужно?! Зачем вы вторглись в наш дом?! Как будто и без вас мало неприятностей!

— Послушайте, Слава, я честно заплатила вашей маме за комнату. Мне, честно говоря, куда удобнее и приятнее жить в гостинице, чем варить вам суп, подметать пол и выслушивать постоянные скандалы. Я завтра же утром уезжаю в гостиницу. Так всем будет приятнее. А деньги вы можете мне возвратить, когда вам будет удобно. Но желательно завтра — мне же надо будет платить в гостинице.

— Какие деньги? — Очевидно, упоминание о деньгах по-

вергло Славу в растерянность. Он ожидал чего угодно, признания, отрицания своей зловещей роли, слез и криков, но только не этого. — При чем тут деньги? Какие еще деньги? Вы приехали сюда, чтобы следить за нами, вы спелись с темными бандитами, только не воображайте, что мы вас боимся.

— Вроде бы мы договорились? — спокойно сказала Лидочка. — Я уезжаю завтра утром. Сейчас уже темно. Но если вы будете настаивать...

— Не будет он настаивать, — сказала от открытой двери в сад Иришка. — Он ничего не соображает. Фазер, пойми такую вещь: Лидия Кирилловна еще как-никак годится тебе в любовницы, но злодейка из нее совершенно никакая. К тому же у тебя, как всегда, нет ни одной копейки свободной. Я твою жадную натуру отлично знаю.

— Ирина, как ты смеешь! В такой момент!

— Момент как момент, — ответила Иришка и спросила Лидочку: — Кофе сделать?

— Да погодите вы со своим кофе! — вдруг рассердилась Лидочка. — Ты знаешь, что я нашла под вашим забором?

— Нет, я только что подошла, — ответила Иришка. — Я слышала только, как фазер давал вам отставку, забыв, с каким вожделением рассматривал ваше роскошное тело.

— Иришка! — уже без гнева попыталась остановить ее Лидочка, потому что в ситуации заключался черный юмор.

— Ирина, немедленно прекрати! — закричал Слава.

На соседнем участке англичанин включил газонокосилку. Может быть, он сделал это нарочно, чтобы не слушать, как эти иностранцы кричат друг на друга на своем варварском языке.

— Шестнадцатый год, как Иришка! — огрызнулась дочь.

— Загляни сюда, — поманила Иришку Лидочка. Та сунула нос в сарайчик. Лидочка достала из мешка с удобрениями микрофон с хвостиком.

— Откуда? — лаконично спросила Иришка.

Лидочка объяснила, почему ей пришло в голову выйти из сада и поискать в кустах.

Слава стоял рядом и всем видом изображал недоверие к любому слову Лидочки.

— Фазер, — сказала Иришка, энергично затолкав микрофон в мешок, — ты слышал о презумпции невиновности? В любом детективе о ней пишут.

— И что?

— Считай, что я распространяю ее на Лиду. Пускай в тяжелый момент она будет с нами, а не против нас.

— А микрофон? — спросил Слава, будто это и было главным обвинением против Лидочки.

— А микрофон я попозже занесу к Роберту. Его отец механик. Он в этом понимает.

Слава ушел из сада, не говоря ни слова.

— Не обращайте внимания, — сказала Иришка. — У него совсем нет интуиции. У меня ее тоже иногда не бывает. Я сначала, честно говоря, приняла вас за претендентку. Как в романе — на руку и сердце графа!

Кофе Иришка не приготовила. Она позвонила Ричардсонам, сказала Роберту, что ей нужно поговорить с его папой. Потом сбегала в синий от вечернего воздуха сад и вернулась с микрофоном, завернутым в носовой платок.

Лидочка была у себя. Ей казалось, что Слава должен подняться к ней и попросить прощения. Но он пил чай с родственниками. Лидочка не знала об этом и собралась все же сделать себе кофе. Она спустилась, толкнула дверь в столовую. Все трое сидели за круглым столом и разом оглянулись, словно она застала их за нехорошим делом.

— Простите, — сказала Лидочка. — Я хотела кофе сделать.

И вдруг неожиданно, словно с облегчением, Валентина приподняла свое налитое жиром тело, кинула его к двери на кухню и возопила:

— Конечно же, надо чайку выпить, чего же мы сидим, не ужинавши!

Лидочке сразу расхотелось пить кофе, но пришлось остаться в столовой. Кошки начали рассказывать, как они были на бут-сейле. Вот если бы оставаться здесь, то там замечательная мебель, почти новая за бесценок. Мы вам покажем, мы купили рамочки по полфунта, золотые, просто шик!

Слава некоторое время сидел надутый, как прежде, потом, не извинившись, ушел, а Валентина приоткрыла окошко в кабинет и спросила:

— Ты, Славик, будешь смотреть концерт или теннис?

Оттуда ответили невнятно.

— Ну ничего, — сказала Валентина. — Мы придем.

— Вы интересуетесь теннисом? — спросила Лидочка.

— Нынче даже президенты в теннис играют, — ответил Василий. — Перша игра на витчизне.

— Зачем ты так? — спросила Валентина и тут же сама объяснила: — Украинская таможня так лютовала, когда русские ехали. А если ты на ихней мове, то пропускают, что захочешь. Такие куркули коррумпированные!

«Если они знают о микрофоне, то сейчас спросят меня», — подумала Лидочка.

Кошки ни о чем не спросили.

Василий и Валентина излишне суетились и были разговорчивы, словно знали о Лидочке что-то дурное, а может быть, ей это показалось.

Но как только они выпили — Лидочка кофе, а блюдущие режим Кошки — чай, Валентина с Василием поспешили в кабинет, к телевизору, а Лидочка понесла недопитую чашку наверх.

Чем-то эти детишки взбудоражены и скрывают свои шалости от маленькой и чужой Лидочки. Но ей не нужны их секреты! Ей вообще вся эта компания скорее неприятна. Может быть, за исключением Иришки, существа неуравновешенного, даже злого, но по крайней мере понятного. Человеку надо кого-то любить. Иришка сейчас предпочитает любить маму, которая далеко. Вот мама приедет, и все изменится... «Какое счастье, что меня уже здесь не будет!»

В дверь постучали.

Вернулась Иришка.

— Я оставила микрофон у Роберта, — сказала она. — Его папа сказал, что это интересная и довольно дорогая штучка — такой микрофон снимает разговор со ста метров. Вы видели, как его поставили?

— Иначе бы я не пошла его искать.

— И вы не врете, что одного из этих людей в самолете увидели?

— Не вру.

Иришка села на край кровати. Она смотрела перед собой.

— Отец придет к вам, — сказала она. — Он тоже не думает, что вы какая-нибудь злодейка. Просто вам дела нет до наших бед.

— А что за беды? — удивилась Лидочка.

— Она... Алла... Мама решила приехать раньше. Она чего-то хочет. Фазер весь в психе.

— Но я тем более могу помешать...

— Вы не мешаете. Вы нормальная. Это я дура, что на вас бочку катила. Нет, лучше, чтобы вы остались. Как буфер, как свидетель.

— Твой отец этого не хочет.

Иришка не отвечала. Она плакала по-взрослому, замерев, только слезы катились по щекам.

Потом она убежала.

Из коридора она хрипло сказала:

— Я вас очень прошу!

И хлопнула дверью — спряталась в своей норке. Через час постучал Слава. Он втиснулся в узкую, как раз по нему, щель, но входить не стал.

— Я все обдумал, — сказал он. — Лучше, если вы останетесь. И вы должны меня понять. Меня всюду выслеживают! Почему я должен был думать, что вы не из их компании?

— Я не из их компании. Но ничего доказывать я не буду.

— Иришка вам верит.

— Завтра я уеду в гостиницу.

— Я обещаю, что это не повторится, — сказал Слава. — Но если вы так хотите, то конечно.

Он закрыл за собой дверь и тихо пошел вниз.

Глава 10

На следующее утро Лидочка собиралась уходить на поиски дома, и телефонный звонок застал ее в коридоре. Она автоматически протянула руку и дотронулась до трубки. Забылась.

Но трубку не сняла. И потому злобный окрик Славы:

— Не смейте трогать! Это меня! — застал ее с протянутой рукой.

— Я не трогаю, — виновато сказала Лидочка.

Слава оттолкнул ее. Он был бледен, руки тряслись. Напился с утра, что ли?

Головы краснодарских родственников торчали из дверной щели. Чутье у них было звериное. Челюсти мерно двигались, пережевывая толстые шматки сала. Наверное, так смотрят коровы на бегущего мимо волка. Смотрят в ужасе, но жевать не перестают.

Славе волей-неволей пришлось говорить в окружении слушателей. Он накрыл трубку горсточкой.

— Да, — сказал он. — Да, это я. Конечно, я! Какой рейс? Значит, в Лондоне... В это время жуткий трафик! — В голосе прозвучали жалобные интонации.

Потом была короткая пауза. Настолько короткая, что Лидочка не успела уйти, и ей пришлось выслушать конец разговора.

— Но почему так срочно? Ведь мы же договаривались... Нет, конечно, я понимаю, что в моих интересах. Но я как-то не готов... Конечно, встречу. И Иришка будет.

Слава положил трубку осторожно, как неразорвавшуюся гранату.

Он тупо смотрел в стену, но, видно, был не настолько огорчен, чтобы не понимать, что стоит в прихожей не один. Не оборачиваясь, он сказал:

— А Бог располагает.

Эти слова послужили сигналом для родственников. Василий, не переставая жевать, спросил:

— Она звонила?

— А? Что?.. Она звонила, — согласился Слава.

— Та она ж через две недели обещалась приехать, — сказала Валентина.

— Вот именно.

«Ну, теперь я спокойно могу переехать в гостиницу. Места не хватит», — подумала Лидочка.

— Она нас попросить может, — сказал Василий.

— Вряд ли, — ответил Слава. — Оставайтесь.

— А мы думали, уедем — твоя Алла и приедет, — сказала Валентина. — А то они порядки начнут свои наводить. Права предъявлять.

— Нет, — сказал Слава тихо. Потом повторил решительнее: — Нет!

Поглядел в сторону двери, увидел смущенную Лидочку.

— Я уже вчера знал, что она решила приехать раньше, —

сказал он, сглотнув слюну. — А вот сейчас точно сказала. Рейс и время. Послезавтра. Нет, не говорите, Лидия. Я еще вчера вас просил — останьтесь. Мне нужно, чтобы остался один нормальный человек в нашем сумасшедшем доме.

Сверху спускалась Иришка. Она была в халате, на голове небольшое неопрятное гнездо. Не намазана, отчего глазки казались маленькими.

— Что? — спросила она громко. — Она приезжает?

— Послезавтра, — ответил отец.

— И что же ее подтолкнуло? — задумчиво произнес Василий. — Что ее обеспокоило?

Почему-то краснодарские родственники повернулись к Лидочке. Может, они в самом деле думали, что Алла заподозрила Лидочку в далекоидущих планах.

Когда к вечеру Лидочка вернулась домой, осунувшийся Кошко сидел на кухне. Он окликнул ее и затащил пить чай.

— Лидия Кирилловна, — сказал он, вспомнив, что у Лидочки есть отчество, — я хочу настойчиво попросить вас от своего имени и от имени Иришки. Оставайтесь у нас. Место есть. Мы для моей бывшей супруги очистим большую спальню на втором этаже. Я так и предполагал. Никому вы не помешаете. А в нашем сложном положении мне нужна ваша поддержка. Вы такой надежный человек, Лидия Кирилловна. В конце концов, вам недолго потерпеть. И она тоже побудет и уедет. Я вам слово даю.

«Господи, — подумала Лидочка, — на нем лица нет. Приезд Аллы, тем более происходящий в таком форсмажорном темпе, совершенно выбил его из колеи. Он боится ее! Он боится, что она залезет к нему в постель и заставит выполнять супружеский долг. И тогда у него остается одно спасение — кричать Лидочке: спаси, будь свидетелем, что я не хотел!»

Лидочка оборвала нить своего воображения.

Тем более что Слава умудрился перевести разговор в совершенно неожиданное русло.

— К тому же, — сказал он, — сумма, которую вы заплатили моей маме, значительна для нас. У нас каждый фунт на счету. И, наверное, мама уже все растратила. Она же такая мотовка!

И он криво усмехнулся.

Лидочка ничего не стала обещать, а ушла к себе.

Следующий день прошел без особых событий, если не считать того, что Иришка с отцом чистили и приводили в порядок большую спальню на втором этаже, а Валентина нарвала в саду разных цветов. Получился не лишенный нечаянной прелести веник, который засунули в банку из-под перца. Валентина хотела украсить этим букетом спальню, но Иришка перенесла его вниз, к телефону, и Лидочка ее поняла.

Тучи, застилавшие чело хозяина дома, не разошлись. Он больше не разговаривал с Лидочкой, но Иришка вечером у телевизора, когда все смотрели «Дорогу» Феллини, которая, к счастью, не требовала перевода, вдруг дотронулась до ее локтя и прошептала:

— Вы не уедете? Я так боюсь гражданской войны!

Лидочка хотела заснуть пораньше, погасила лампу, но не спалось. Ночи в Пендж-хаузе тихие, собаки здесь по ночам не брешут. Поэтому шорох в кустах и приглушенный возглас Лидочка услышала явственно, словно в комнате.

Может, потому, что она ждала чего-то подобного. Нетрудно было сообразить, что люди, установившие с какой-то целью микрофон, захотят узнать, почему он не функционирует. Может, вороны его утащили?

Лидочка поглядела на часы.

Половина первого. В доме уже спят. И если специально не слушать шум в кустах, то его и не услышишь.

Лидочка поднялась и подошла к открытому окну.

Она была права — за кустами на фоне освещенного луной футбольного поля двигались, исчезали и возникали вновь человеческие фигуры. Там искали пропавший микрофон.

На этот раз у Лидочки не возникло желания окликнуть их.

Значит, последние надежды на то, что микрофон оказался в кустах случайно, развеялись. Впрочем, их и не было.

Искали они долго, но старались не шуметь. Ушли, перешептываясь, а вскоре перешли на нормальный тон, и до Лидочки донеслись вполне русские и совершенно неприличные слова — видно, результаты поисков их глубоко разочаровали.

Лидочка не была уверена в том, что поступила правильно, убрав из кустов микрофон: может, лучше было сделать вид, что обитатели дома ни о чем не догадываются? Но как это объяснить Славе?

Лидочка заснула совсем поздно и на следующее утро все

проспала — и отъезд Славы встречать свою бывшую жену, и суматоху, связанную с этим отъездом.

Она поднялась в десятом часу. За окном шумело птичье утро, а в доме было тихо.

Спустившись, Лидочка обнаружила краснодарских Кошек в столовой. Валентина гремела посудой на кухне, Василий устанавливал на столе бокалы. Там уже стояла бутылка шампанского.

— Ну и как? — спросила Валентина, заметив Лидочку.

— Подготовка к встрече законного наследника престола, — сказала Лидочка.

Почему-то ее слова обидели Василия.

— Мы вам повода не давали, — сказал он, выпятив трубочкой красные губы.

— Она и не хотела обидеть, — сказала Валентина. — Правда?

— Правда, — согласилась Лидочка. — Вы уже завтракали?

— Мы сегодня все вместе встали. Славик с Иришенькой на аэродром поехали, как договаривались. На его машине. А мы вот ждем.

— Значит, они через час приедут?

— Самолет вовремя прилетает, мы уже звонили, — сказала Валентина.

— Тогда я себе кофе сделаю и пойду по делам.

— Нет, нет! — замахала руками Валентина. — Ни в коем случае! Славик специально просил, чтобы вы их подождали.

— Зачем?

— Зачем? — Валентина обернулась за поддержкой к мужу.

Тот поддержки не оказал.

— Ну, так принято, — неуверенно сказала Валентина. — Алла приезжает. Все же как бы хозяйка...

— А я платная жиличка, — сказала Лидочка.

Она пошла на кухню приготовить себе поесть. Холодильник был пуст. Конечно же, об этом пустяке забыли.

— А вы хорошо знали Аллу? — спросила Лидочка.

— Мы были в Москве, приезжали лет десять назад, — сказала Валентина. — У них остановиться было негде — квартирка маленькая. А они втроем. Мы у Марксины Ильиничны стояли. Мы фотографии смотрели.

— Эффектная женщина, — добавил Василий.

И Лидочка поняла, что Аллу они почти не знают, может, и не видели никогда. Алла же не уделила им должного внимания. И вернее всего, они ею остались тогда недовольны. А сейчас почуяли, что она может вновь вернуться в хозяйки дома, на этот раз заграничного. Это их встревожило и расстроило.

Лидочка пила кофе со вчерашней горбушкой.

— Я схожу в магазин, — сказала она, — а то неловко, встретить нечем. Человек приедет в пустой дом.

— Славик вчера шампанского купил! — отпарировал Василий.

— Да, у нас с этими заботами, ожиданиями, — сказала Валентина, — просто руки опускаются иногда.

Василий вдруг обиделся.

— Не надо нас упрекать, — сказал он. — Я ведь вижу, что вы на нас как на украинских куркулей смотрите. А у нас каждая копейка — заработанная, каждая на счету. Вы думаете, что наш Славик хоть копеечкой с нами поделился? Правда, за комнату он с нас не берет. А куда, скажите, ему свои тысячи-миллионы девать? Куда?

— Вася, ну ты уж совсем за рамки вышел, — остановила его жена.

— Я нарочно в «Сэйфуэй» не пошел, — продолжал разошедшийся Василий. — Из принципа. Если ты желаешь унижаться и эту низменную особу к себе пригласил, то и корми ее! Разве я не прав? Сколько она горя ему причинила, сколько он из-за нее слез пролил! А как можно было девочку свекрови подкинуть?

— Все забывается, — сказала Валентина. — Теперь уж и Иришке кажется, что мамочка ее добрая, хорошая. Она ждет ее не дождется. И Славик только хорошее вспоминает. Все как дымкой заволокло. Ты меня, Лидия, понимаешь?

— Да, — согласилась Лидочка.

— Он растерялся, что двух недель на подготовку не оказалось. Но увидит — растает. А она жестко возьмется. Это, скажу я тебе, фигура!

Лидочка взяла кошелек и собралась в магазин. Но стоило ей открыть входную дверь, как у дома остановился голубой «Воксхолл». Получилось, будто Лидочка поджидала под дверью приезда августейших особ. И распахнула дверь им навстречу.

Но не закрывать же дверь. Она так и стояла, глядя, как отворилась задняя дверца. Первой из машины вышла высокая, статная молодая брюнетка и спросила:

— Это и есть наше палаццо?

И Лидочка, так как ответить более было некому, сказала:

— Наверное.

Женщина удивленно посмотрела на нее, ожидая разъяснений. В это время распахнулась дверца со стороны тротуара, за рулем сидел Слава. Он вылез из машины. Иришка побежала открывать багажник.

— А вот и наша Лидия! — громко сообщил Слава.

Лидочка послушно кивнула.

— Очень приятно! — Все внимание Аллы переключилось на Лидочку. Она направилась к ней, протянув полную красивую руку. Утренние солнечные лучи падали на нее сквозь листву и лепестки роз.

С первого взгляда Алла Лидочке понравилась. Куда больше, чем со второго или с третьего.

Ты никогда не видишь человека в первую встречу таким, каким будешь видеть его в последующие годы. Перемены могут быть к худшему или к лучшему, но они обязательны.

Сначала Алла показалась Лидочке значительнее, чем была на самом деле, даже царственней.

Может, это происходило от ее замедленных, размеренных движений на фоне суеты, поднятой ее дочкой и бывшим мужем.

Лидочка не старалась специально разглядеть героиню этого романа, но вынуждена была отметить замечательный цвет кожи, чудесные густые волосы, яркие, будто наполненные слезами, серые глаза.

Очевидно, если бы первым эту женщину разглядывал мужчина, он бы обратил внимание на иные черты лица и тела. Он бы увидел высокую грудь, крутые, широковатые бедра, замечательную линию крепких, прямых ног. Цвет лица он мог бы и упустить.

Второй взгляд, который Лидочка позволила себе уже внутри дома, дополнил первое впечатление тем, что лицо Аллы несло на себе печать грубости, приятной легковозбудимым мужчинам, подбородок крупноват, губы поджаты.

Внимательный мужчина отметил бы со своей стороны, что пальцы рук коротки, а щиколотки и кисти толстоваты.

Глаза были яркими. Величина же их достигалась скорее умелым наложением туши. И тенями вокруг.

Впрочем, Алла была хороша и уж тем более хороша рядом со своим бывшим мужем-кузнечиком и дочкой, которая унаследовала от родителей худшее: от матери — тяжесть костей, массивность конечностей и маленькие глаза, а от отца — слишком длинный, краснеющий от волнения и холода нос, тонкие губы и узкие плечи.

— Я тебе говорил. — Слава продолжал суетиться перед бывшей женой.

Иришка стояла у машины, держа чемодан, и не делала попытки пройти к дому. Лидочка подумала, что в ее перманентной революции наступает новый этап — противостояние с матерью.

— Я тебе говорил, что Лидия Кирилловна остановилась у нас на три недели. Она живет в маленькой комнате наверху, нас совершенно не стесняет!

Этого еще не хватало!

— Привет! — Алла пожала руку Лидочке. Рука была теплой, потной, мягкой. — Надеюсь, что мы подружимся. Если вы моего Славика уводить не будете... Чего смотрите? Мы разве раньше встречались?

— Нет, — сказала Лидочка, — где же?

— И я так думаю.

— А вот и мы! — крикнул из коридора Василий.

— Это еще что за фрукты? — спросила Алла у Славика.

— А это мы! — откликнулся Василий, не сделав попытки выйти из дома.

Лида отступила в сторону, чтобы родственники могли встретиться, но никто не спешил.

— А это Василий и Валентина Кошко из Краснодара. Ты должна их помнить, они к нам еще лет десять назад приезжали.

— Ну почему я должна их помнить? — вдруг обиделась Алла, глядя на Славу и не делая попытки приблизиться к краснодарским Кошкам.

— Так то ж! — Валентина выплыла из дома и проследовала к Алле с руками, распростертыми для объятия. — Ты совсем не изменилась, только похорошела, коханая ты наша!

Алле ничего не оставалось, как сдаться под напором родственницы. Краем глаза Лидочка глянула на Иришку. А та все стояла у машины, держа в руке чемодан.

Перехватив взгляд Лидочки, Слава крикнул дочке:

— Закрой багажник и неси чемодан сюда. Сколько тебе можно одно и то же говорить!

Иришка захлопнула багажник и понесла чемодан к дому. К тому времени Валентина кончила обниматься с Аллой, и они вошли внутрь.

Следом за женщинами в дом вошел Слава.

Замыкали процессию Лидочка с Иришкой.

— Ну как? — спросила Лидочка. — В аэропорту все прошло нормально?

— А что должно было быть нормально? — почему-то огрызнулась Иришка.

Лидочка не смогла ответить.

Они вошли в дом. Лидочка слышала, как Слава объясняет:

— Твоя комната на втором этаже. Это так называемая большая спальня, или мастер-бедрум.

— Как? — послышался голос Аллы.

— Хозяйская спальня. Здесь должны спать хозяева дома.

— А ты где спишь? — спросила Алла.

— Внизу в кабинете.

— Боишься, что я тебя трахну?

— Тебя не было, — мирно ответил Слава, не поддержав грубую шутку.

Потом они вошли в спальню, и голоса превратились в неясный шум.

Алла, судя по всему, не стеснялась родственников и дочери, и никакой робости в ее поведении не ощущалось. В дом вошла хозяйка — никакого сомнения в том не оставалось.

По лестнице протопала Валентина и с полдороги закричала:

— Все вниз, все вниз! Шампанское на столе! — Крик был таким бодрым, словно разносился по просторам пионерского лагеря.

— Идем, идем! — не менее бодро откликнулся сверху Слава.

Слышно было, как на лестничной площадке сопротивляется ему Алла:

— Дай мне хоть нос попудрить! Где здесь сортир?

Хлопнула дверь. Слава тут же толкнул дверь к Лидочке.

— Вы еще здесь? Прошу вниз, надо отметить.

— Все в порядке? — спросила Лидочка.

— А как же может быть? Как же может быть?

Лидочка поднялась и подошла к двери. Слава уже бежал по лестнице вниз. Алла вышла из ванной.

— Что-то мне ваше лицо знакомо, — сказала она.

— Клянусь, Алла, это вам только кажется, — ответила Лидочка.

— Ладно, если вспомните, скажите, мне даже интересно. Вы надолго?

— Еще недели две, как пойдут дела. Но я уже говорила вашему мужу, что могу переехать в гостиницу.

— Не надо, живите, — сказала Алла. — Я тут такая же бесправная, как и вы. Может, даже больше бесправная. Бывшая жена... понимаете, как это звучит?

— Вы — мать его любимой дочки.

— Вам в самом деле так кажется? — спросила Алла более заинтересованно.

— Да, я в этом уверена.

— У нас с дочкой нет близких отношений. Вы же знаете, вы деньги ее бабушке платили.

— Вы об этом знаете?

— И сколько заплатили, знаю. Мне все доложили.

В столовой уже собрались все Кошки.

Василий открыл бутылку и разливал шампанское по бокалам. Иришка стояла в углу, за спинами, и переводила взгляд с Лидочки на мать, словно не ожидала, что они сюда придут.

Слава подхватил со стола два бокала и повернулся к Алле с Лидочкой.

— За прекрасных дам! — воскликнул он.

Его собственный бокал еще не был полон, и потому, отвернувшись к столу, он замер спиной к прекрасным дамам, ожидая, пока бокал наполнится. Пена потекла на стол.

— Вот наш теремок и населился, — сказал Василий. — Все чистые и нечистые наполнили его до бортов.

— Придет медведь и сядет на него, — сказала Алла. — Шутка!

— Вот именно! — согласился Слава. — А у тебя, Иришка, есть бокал? Тогда выпьем за здоровье твоей мамы. За Аллу, за

Аллочку, чтобы все с ней было хорошо, чтобы она была здорова и счастлива!

Он потянулся бокалом к Алле, и все по очереди начали чокаться с молодой женщиной.

Алла сделала шаг вперед, принимая поздравления, а Лидочка женским нелицеприятным взглядом отметила, что над бедрами у Аллы уже наросли валики жира.

— Спасибо за встречу, — сказала Алла. — Наконец-то мы встретились под крышей этого дома. И я надеюсь, что все будут довольны. Ура!

— Ура!

Крики получились громкими, словно каждый вкладывал в крик свое желание, которым совсем не обязательно было делиться с окружающими.

— А теперь отдохни с дороги, — сказал Слава после паузы, так как никто не знал толком, что же сказать. — Ведь завтраком тебя кормили в самолете?

— Завтракать не буду, — сказала Алла. — Но переоденусь, а потом пойду в город, погуляю.

— Я составлю тебе компанию, — предложил Слава.

— Там посмотрим.

И тут зазвонил телефон.

Почему-то этот звонок произвел на всех ошеломляющее впечатление. Как появление ревизора в комедии Гоголя.

Василий даже уронил бокал — к счастью, только на стол, и накрыл его, как накрывают ладошкой убежавшего жука.

Никто не спешил взять трубку. Все стояли, обернувшись к двери, и слушали, как звонит телефон, по-английски, сдвоенными звонками.

И тогда Лидочка, поняв, что, если она не возьмет на себя инициативу, немая сцена продлится до самого занавеса, быстро пошла в коридор и взяла трубку.

— Алло, — произнесла она нечто среднее между английским и русским приветствием.

— Привет, — ответил в трубке женский голос. — Это кто? Иришка? Лида?

— Лида.

— Привет, Лидочка, не узнаешь, что ли. Это Галина, подруга Аллы. Ну, помнишь, мы с тобой разговаривали?

— Помню. Добрый день.

Лидочка чувствовала, как за ее спиной все стоят, не дышат, слушают, о чем она говорит, и стараются угадать, с кем.

— Ну и что нового?

— Вы очень вовремя позвонили, — сказала Лидочка. — Ваша подруга только что приехала.

— Ой, ну и везет же мне! А ну давай мне ее сюда, конспираторшу! Я ей врежу по первое число!

— Алла, — сказала Лидочка, — это вас.

— Кто? — спросила Алла глухо.

— Кто? — Слава почти закричал. — Никого быть не может! Я никому не говорил, что ты сегодня приезжаешь. Это какая-то ошибка...

— Это Галина, — объяснила Лидочка. — Ваша подруга Галина. Она уже звонила, спрашивала.

— Какая еще Галина? — спросила Алла, не двигаясь с места.

— Мама, — сказала Иришка, — это твоя Галка. Ты что, забыла? Она же в Лондоне живет.

— А... Галина... — Алла словно проснулась.

Василий и Валентина отпрянули, освобождая Алле дорогу к телефону. Лидочка стояла, протягивая трубку.

— Может, я скажу, что ты в ванной? — спросил Слава.

— Я подойду, — сказала Алла. — Ничего, я подойду.

Лидочка передала ей трубку.

Алла сразу же отвернулась от нее.

Все отступили из прихожей и втянулись в столовую, будто разговор был секретным.

Лидочка отошла к лестнице — больше ей отступать было некуда.

— Да, — сказала Алла, — привет. Да, это я... Только с самолета, совершенно простужена. Еле живая. Сейчас помоюсь и спать... Да, конечно, я буду рада... Сегодня? Вечером? Знаешь что, оставь мне свои координаты, адрес, телефон, мне же надо их иметь...

Алла обернулась.

Лидочка догадалась, что ей нужно. Она знала, где на длинном столе лежит карандаш, наклонилась и протянула его Алле. Вместе с блокнотиком.

— Ну, говори... Да я говорю же тебе, что простудилась! Нормально все будет, нормально. Вот приедешь и убедишься!

Она записала телефон и адрес.

— Значит, до вечера? Я тебе звоню. А днем где будешь? Работаешь? Какая школа? Ну ладно, до вечера... — Она положила трубку и повернулась к напряженно глядевшим на нее родственникам. — Ну что уставились? Все свободны!

Глава 11

Девица, приехавшая в Москву из пригородного домика завоевывать мир, простая, пошлая и наглая, за много лет спряталась в Алле довольно глубоко. Но неожиданно она выглянула наружу и оскалилась.

И, самое интересное, почти все, кроме Лидочки, подчинились окрику и отступили.

Алла сверкнула глазами в сторону Лидочки.

Глаза были черные, южные, острые.

Волосы у Аллы у корней, где сошла краска, были почти черными, а дальше модного розовато-желтого цвета.

Лидочка встретила взгляд Аллы. Она не любила играть в гляделки, но и отводить взгляд было стыдно — словно капитуляция в волчьей стае.

— Чего она здесь делает? — спросила Алла у Лидочки.

— Вы у нее и спросите. В конце концов, она ваша подруга, а не моя.

— Только старых подруг мне еще не хватало! — в сердцах воскликнула Алла.

— Так сказали бы ей об этом, — пожала плечами Лидочка.

— Вас это не касается, — вспыхнула Алла и повернулась к мужу: — Где мой чемодан?

— Я отнесла в спальню, — ответила Иришка.

Алла решительно направилась на второй этаж.

— Наступают перемены в тихой сельской жизни, — вдруг сказала Иришка. — А то мы тут разжирели.

— Не говори глупостей, — сказал Слава, который, стоя под лестницей, решал проблему — подниматься следом за Аллой в спальню или остаться внизу.

— Пошли, телевизор посмотрим, — сказала вдруг Лидочке Валентина, словно последние события их как-то сблизили.

И все, если не считать Иришки, которая побежала в свою комнату, потянулись в кабинет к Славе.

Хозяин кабинета последовал за ними. Слава подошел к телевизору, включил его и уселся напротив. По телевизору шли последние известия, в основном касающиеся различных событий в палате общин, а также рассуждений простых англичан относительно угрозы взрывов со стороны ИРА. Все послушно и молча смотрели в телевизор. Причем Слава понимал через пень-колоду, а краснодарские Кошки уж точно ничего не понимали. Но создавалось впечатление, что идет какая-то игра, в которой у всех, кроме Лидочки, есть свои роли. А она даже не знает, какова цель этой игры.

Заглянула Иришка.

Увидела, что все смотрят последние известия, вошла в комнату, села на ковер и тоже стала смотреть телевизор. Словно ее мать и не приехала только что из Москвы. Словно праздник, который должен был начаться в семье, по какой-то причине отменили.

Слава повернулся к дочери и спросил:

— Что она делает?

— Переодевается, — ответила Иришка.

— Зачем?

— Сама скажет.

В этот момент в коридоре послышались неуверенные шаги. Остановились. Их заглушили голоса с экрана.

— Твоя мама не знает, — заметила Лидочка, — где нас искать.

— Алла! — крикнул Слава. — Мы здесь.

Та вошла. Она была в белом платье с широкими подложенными плечами, желтые волосы взбиты. Она была красива, как степная царевна.

— Я поехала в город, — сказала она.

— Как так? — удивился Слава. — Ты же совсем не отдохнула.

— Неужели ты думаешь, что я приехала сюда, чтобы, как вы, сидеть у телевизора? В Москве программ не меньше!

— Я тебя провожу? — спросил Слава, не вставая с дивана.

— Подвези меня в центр, — сказала Алла.

— Только у меня бензина мало, — признался Слава.

— А что, заправки закрыты? Выходной? Забастовка?

— Нет, я так сказал... — тоскливо пробормотал Слава и спросил: — Мы сейчас едем?

— Сейчас, — отрезала Алла.

Слава поднялся и сказал Иришке:

— Я скоро вернусь. Не хочешь мне компанию составить?

— Нет, — сказала Иришка решительно. — Я обещала Роберту, что мы с ним в бассейн поедем, в Кенсингтон.

— Ты мне потом покажешь бассейн, — сказала Алла. — Надо форму держать.

— Здесь недалеко.

— Ну, пошли? — спросила Алла.

Слава встал и покорно направился к выходу. Лидочка услышала, как в коридоре Алла спрашивает у бывшего мужа:

— А трудно на левостороннее переучиваться?

— Не знаю. Я здесь учился ездить.

Хлопнула дверь.

И как будто всем сразу стало легче. То ли виноват был характер Аллы, который остальные почувствовали чутьем, то ли она не так себя вела. Но стоило ей уйти, как все вышли из гостиной и занялись своими делами. Лидочка в очередной раз двинулась к двери, но ее перехватил телефонный звонок. Лидочка взяла трубку.

Звонила Марксина Ильинична.

Она сразу узнала Лидочку.

— Как вы живете? — спросила она. — А то ведь мой бережливый никогда матери не позвонит. Они вас, Лидочка, не обижают? Вы не поддавайтесь.

— Как у вас дела?

— Все хорошо, не болею, если не считать радикулита. Ты скажи, моя бывшая невестка приехала?

— Час назад.

— Все в порядке?

— В полном порядке.

— Уже берет вас в руки?

— Не знаю, — ответила Лидочка. — Они с Вячеславом Андреевичем поехали в город.

— Как на нее похоже! Она из тех женщин, которые, входя в дом, первым делом спрашивают: «А где у вас сортир?» Ей все время надо сделать по-маленькому.

«Господи, как же она ее не выносит», — подумала Лидочка.

— А как Иришка ее встретила? — спросила Марксина Ильинична.

— Я не была на аэродроме, — сказала Лидочка. — Они ее встречали вдвоем с отцом.

— Я так боюсь, — вдруг сказала Марксина Ильинична.

— Чего? — не поняла Лидочка.

— Слишком много разных характеров под одной крышей. И любви между ними нет. Есть соперничество за Иришку, притом что оба — стяжатели. Я имею в виду Славика и Аллу. Как бы она не попыталась его снова заграбастать.

— А Иришка здесь, — переменила тему разговора Лидочка. — Позвать ее к телефону?

— Она не поехала с ними в город?

— Вот она, уже берет трубку.

Иришка догадалась, с кем говорит Лидочка. Она схватила трубку. Иришка искренне обрадовалась бабушке и, совсем как девчонка, принялась болтать о каких-то московских делах.

* * *

Когда Лидочка возвратилась из Бромли, все уже собрались дома.

Но, видно, разбежались по своим уголкам — по крайней мере, в столовой и на кухне было тихо и пустынно. Чем они тут питались, неизвестно. Впрочем, и не так важно. Лидочка поняла, что ей надоело быть патриотом. К тому же она неплохо перекусила на втором этаже современного торгового лабиринта «Глэдис», где выпила две чашки капуччино и съела пиццу с грибами.

Но, видно, надо будет договориться, как дальше питаться в доме. Ведь встают же люди утром, завтракают, едят перед сном, пьют чай... Да, конечно, у каждого в комнате есть свой шмат сала, но ведь шмат не бесконечен.

Дверь Лидочке открыл Слава и сообщил, что Алла отдыхает. Он запер дверь и отошел в глубь дома, к лестнице.

— Вы были в городе? — спросила Лидочка.

— Алла пока плохо говорит по-английски, — сказал Слава. — Я отвез ее к Вестминстерскому аббатству, где ей нужно было с кем-то встретиться. Мы договорились, что я подберу ее там же через два часа. Но такие трудности с парковкой, вы не представляете! Машину пришлось оставить у нового Скотленд-Ярда. Оттуда пошел пешком. В общем, обошлось.

— Алла ходила в Вестминстерское аббатство?

— Откуда мне знать! — отмахнулся Слава.

На лестнице появилась Алла. Сначала нижняя часть ее тела — ноги в джинсах. Потом Алла наклонилась, стали видны желтые кудри.

— Ты о чем тут разговариваешь? — спросила она строго.

— О нашей поездке, — ответил Слава.

— Ваша мама звонила. — Лидочка повернулась к Славе. — Спрашивала, как долетела Алла.

— И что вы ответили?

— Ну что я должна была ответить? — удивилась Лидочка. — Что Алла в добром здравии. Потом с ней Иришка разговаривала.

— О чем? — резко спросила Алла.

Иришка ответить на этот вопрос не могла — она еще не вернулась от Роберта.

Затем Алла устроила Славе в его кабинете небольшой, негромкий, но по-своему справедливый скандал, который Лидочка целиком выслушала из своей комнаты, так как ее окно было открыто, а Алла со Славой ссорились у двери в сад.

Алла требовала пищи и настоящего домашнего хозяйства.

— А мне плевать, — сердилась она, — на то, кто тратит деньги на жратву и кто готовит! У тебя полон дом баб. У тебя самого и руки есть, и машина, и бабки.

— Какие бабки? — не понял Слава. Видно, отстал от российских выражений.

— Зеленые, — ответила Алла. — Или какого они тут цвета? Ну, деньги, деньги, не изображай из себя наивного зайчика!

— Я попрошу Валентину взять это на себя.

— Валентина половину денег заграбастает.

— Тебе-то откуда знать?

— Ну уж знаю! Я вообще знаю о твоих родственничках больше, чем тебе хотелось бы. Лучше кинь на обслугу эту выдру.

— Какую выдру?

С неприятным чувством Лидочка догадалась, что речь идет о ней. И что делать? Захлопнуть окно, чтобы отрезать звуки?

— А, эту... Невозможно. Она не имеет к нам отношения. Она заплатила маме за комнату.

— Учти, она на этом крупно сэкономила. Пускай потрудится или едет в гостиницу, где с нее будут брать сотню фунтов в день.

— Я попрошу ее. Но, может, тебе лучше поговорить с ней самой?

— С чего это? Я ее в первый раз вижу.

— Ладно, я завтра с утра схожу в магазин. А потом... потом посмотрим. В конце концов, неужели это так важно?

— Для нормального функционирования заведения надо, чтобы шлюхи были сыты и здоровы, понял?

— Алла!

— Не бойся, не буду тебя насиловать, — хрипло засмеялась Алла, — не пришло время. Смейся, паяц, над разбитой любовью! А что у тебя по телику?

— Я как-то не посмотрел программу...

Внизу зазвонил телефон. Лидочке его не было слышно, но Алла в кабинете услышала.

— Телефон. Тебя, наверное, — сказала она. — Беги.

— У меня здесь отводная трубка есть, — ответил Слава.

После короткой паузы Слава сказал:

— Это снова тебя.

— Кто?

— Галина. Твоя лучшая подруга.

Почему-то Слава засмеялся.

— А, это ты, Галчонок! — сказала Алла. — Узнаю, узнаю. Ну, что ты решила? Во сколько поедешь? Отлично. Я сейчас тебе Славика дам, он объяснит, как добраться.

Через несколько секунд Лидочка услышала, как Слава объясняет Аллиной подруге Галине, как до него добраться: вокзал Виктория, поезд до Орлингтона. Поезда идут каждые полчаса. Сейчас сколько? Шесть двадцать? Хорошо, на поезд ноль семь успеваешь? Нет? Ну тогда на семь сорок. Выходи на «Пендж-хауз». Мы тебя встретим на платформе. Садись в последний вагон.

— Она хотела на машине приехать, с мужем, но что-то случилось с мотором, — сказал Слава, повесив трубку.

— А как же она обратно поедет?

— Такси вызовет.

— Или останется на ночь, — сказала Алла. — Я ее уговорю остаться.

— Если она захочет. А ты хочешь, чтобы она приехала?

— Разумеется, я ее давно не видела. Сколько я ее не видела?

— Она в том году в Москву приезжала.

— Ну конечно, а мне казалось, что уже два года прошло. Ладно, с Галкой проехали. Хотя, честно говоря, не представляю, о чем буду с ней говорить. Мы же фактически чужие люди.

— Вы были с ней так близки! — возразил Слава. — И я думал, что в Лондоне она станет твоим проводником и помощником. По крайней мере, она была счастлива, что ты приезжаешь.

— А я вот не счастлива!

Дверь хлопнула. В доме опять стало тихо.

Лидочка взялась за недочитанную книжку. Ее поездка в Англию складывалась катастрофически неудачно. В семь к ней постучал Слава.

— Лидочка, вы не спите?

— Нет, заходите.

— У Аллы разболелась голова, — сказал он. — А я пойду на станцию встретить Галину. Я подумал, не хотите ли вы составить мне компанию? Вечер чудесный, тепло, солнышко...

— А где Иришка?

— Они с Робертом пошли в кино. Она звонила, я разрешил.

Когда Слава с Лидочкой уже вышли из дома и направились к станции, Лидочка спросила:

— Мне странно, честно говоря, почему Иришка так легко и быстро сбежала из дома. Ведь она давно не видела маму...

— У нас странная семья, — осторожно ответил Слава. — Не забудьте, что Иришка живет у бабушки. Пока мамы не было, она тосковала по ней. Я был плохой. Теперь мама приехала, и у меня появились шансы стать хорошим.

Сзади послышались быстрые шаги. Лидочка обернулась.

Опустившееся к вершинам деревьев солнце светило в спину ладной женской фигуры.

Их догоняла Алла.

— Я подумала, — сообщила она, поравнявшись с ними, — что, если лежать в постели, голова не пройдет. Погуляю с вами. И поскорее встречу Галку.

— А мне показалось... — неуверенно начал Слава.

— Никогда ни в чем не будь уверен, когда имеешь дело со мной, — оборвала его бывшая супруга. — Пора бы уже знать.

Наступило молчание.

— Может быть, вы встретите ее без меня? — спросила Лидочка.

— При чем тут вы! — рявкнула Алла. — Гуляйте, кто вам мешает.

Они прошли в молчании еще минуты две. Потом Алла заговорила:

— Все-таки деревня. Я бы здесь померла с тоски. И как тут люди живут?

— Мне здесь нравится, — сказал Слава. — Не исключено, что я и не вернусь обратно. Смотря как повернутся события.

— Человек предполагает, а Господь располагает, — назидательно произнесла Алла, словно эту фразу подслушала давно, в детстве от бабушки.

Лидочку удивляла в психологии этой деревни ее доверчивость. На всех окнах были занавески, портьеры, но почти все они были раздвинуты. Никто не считал нужным таить от улицы собственную внутреннюю жизнь. Дома казались Лидочке человеческими аквариумами, перед которыми можно простаивать часами, глядя, как плавают, шевелят губами и глотают червячков их обитатели. Впрочем, чаще всего обитатели сидели в креслах перед телевизорами, располагавшимися обычно в передних комнатах.

Они завернули за обгоревшую церковь.

— Что, нет бабок свою церковь восстановить? — удивилась Алла.

— Церковь небогатая, — сказал Славик.

— Ничего, — заметила Алла, — как решим с тобой все наши финансовые вопросы, вложу в восстановление храма. Как положено.

Лидочка раньше не слышала, что Слава решил что-то из своих средств выделить бывшей жене. Но не исключено, что та в качестве танка выпустила свою дочь.

— Завтра хотела по магазинам прошвырнуться, — сказала Алла. — Я совершенно раздета. Ты мне материально поспособствуешь?

— К сожалению, я не знал об этом. Надо заказывать наличные.

— Ах, не кривляйся, Гобсек! — рассердилась Алла. — Ты уже месяц знаешь о моем приезде. Какого черта ты даже какой-то мелочишки для меня в банке не взял?

— Но пойми же, мои вклады находятся в ценных бумагах. Ты не можешь так просто прийти и получить, как в московской сберкассе!

— Но подкожные держишь?

— И никогда не держал, — ответил Слава.

— Славик, я тебя знаю, — с оттенком угрозы произнесла Алла.

— Конечно, я что-то постараюсь сделать.

Алла принялась рассказывать последние анекдоты. Слава с готовностью смеялся.

Лидочка старалась понять его, и ей казалось, что она понимает растерянность, которая должна была царить в мозгу Славы. Вернее всего, пока он был один, приезд Аллы казался ему желанным, а возможное воссоединение не было ни отвратительным, ни пугающим. Но по мере приближения приезда, превращения его в реальность, в душе Славы все выше поднимались иные чувства — страх получить в жены женщину, которую уже давно перестал считать женой и, возможно, не простил до сих пор. И не исключено, что Алла выбрала неверный тон, то ли от недостатков своего характера, а то и от смущения — ведь для нее вся эта обстановка непривычна и, как сейчас говорится, некомфортна. Похоже, она успела наговорить глупостей и возродить в Славе страх перед возможностью ее окончательного возвращения. В прошлой жизни Слава был бедным ихтиологом со ста двадцатью рублями в месяц без степени и с двумястами со степенью, но без перспектив. Сейчас же он владел собственностью, ценил ее и не собирался с ней расставаться. Даже ради прекрасного тела Аллы. А если к тому прикладывается и некоторая сексуальная несовместимость... Разумеется, здесь опасны и ненадежны первые впечатления, но Алла казалась женщиной страстной, требовательной и готовой броситься под ближайший стог. Слава по меньшей мере не производил такого впечатления.

Когда они проходили мимо лавочки, в которой готовили

горячие картофельные чипсы, Алла потребовала, чтобы Слава их купил.

— Мне категорически нельзя, — сказала она Лидочке, — но у меня есть ряд слабостей, и я с ними устала бороться. Вы курите?

— Нет.

— А мне кажется, что вы вообще лишаете себя удовольствий. Муж-то хоть настоящий?

— Настоящий, — ответила Лидочка. Шутка Аллы ей не понравилась.

Слава вынес два пакета с чипсами. Один отдал Лидочке, другой протянул Алле.

— А мне не хочется, — предварил он вопросы Аллы.

Следующий магазин торговал вином. Алла зашла в него, стала смотреть на этикетки, удивляясь тому, как дешево стоят французские вина. Она велела Славе купить бутылку, и тот подчинился.

Бумажник у него был красивый, цвета красного дерева, с непонятной монограммой.

— Дай поглядеть, — попросила Алла. — Здесь покупал?

— Нет, от дедушки достался, — ответил Слава, и Лида не поняла, шутит он или говорит серьезно.

Они задержались в магазине дольше, чем рассчитывали, и Слава поторопил их к электричке.

— Вы идите, — сказала Алла, — а я еще посмотрю. Успею.

— А я ее узнаю? — спросил Слава.

— Да ты спятил! Сколько лет ты ее знаешь?

— Я давно ее не видел.

— Это только в сериалах люди за пять лет меняются так, что родная сестра ломает себе голову — то ли это Бельмондо, то ли Караченцов, а оказывается, перед ней любимый брат Хулио. Идите...

Лидочка и Слава вышли на перрон.

Как раз в этот момент справа из туннеля показался поезд. Он притормозил у платформы.

Слава с Лидочкой остановились у узкого прохода в решетке, сквозь которую вчера выходили. Народу было немного — видно, все, кто хотел, уже вернулись с работы.

Последней шла толстая негритянка с двумя малышами, державшимися за ее широкую юбку.

Галины не было.

— Мы не могли ее пропустить? — спросила Лидочка.

— Другого выхода нет.

— А вдруг вы ее не узнали?

— Она бы меня узнала, — сказал Слава. — Значит, опоздала.

Лидочка обернулась. Алла стояла у входа в магазин, наполовину скрытая витриной, и не спешила к ним присоединиться.

— Ее нет! — крикнула Лидочка.

— Она всегда опаздывает, — ответила Алла. — Всю жизнь опаздывает.

— Что будем делать? — спросил Слава.

— А когда следующий поезд? — спросила Алла. У нее поехали колготки, она послюнила палец и потерла место, откуда побежала белая полоска.

— Через полчаса, — ответил Слава.

— Вот через полчаса она и объявится. Как раз ее срок.

В тени на платформе стало прохладнее. Алла со Славой курили. Обычно Лидочка не обращала внимания на табачный дым, даже под настроение любила его, но сейчас он показался ей удушливым.

Если бы Лидочка верила в какие-нибудь биополя или экстрасенсорные штучки, она бы заподозрила, что между бывшими супругами проскакивают молнии отрицательных зарядов.

Они почти не разговаривали, словно эмоциональный заряд встречи уже иссяк, хотя поддерживать отношения надо и придется общаться еще две недели или месяц — кто их разберет!

— А по ту сторону дороги вы бывали? — спросила Алла у Лидочки.

— Там похожий район, только наш называется Сиднем, а тот — Пендж.

— Ну и что в этом Пендже?

— Там? Там замечательный магазин, в котором продают все для дома и сада. Там можно купить и ночной горшок, и пальму, и рассаду клубники.

— Интересно, — рассеянно сказала Алла. Она сидела, закинув ногу на ногу. Лидочке не нравилось, что у нее такие

сильные, красивые ноги. Она, как правило, не завидовала другим женщинам, но Алле на месте природы она выдала бы ноги толстые и короткие.

— Надо будет съездить, — сказала Алла, обернувшись к Славе. — Ты свозишь?

— Как бы Галина чего не перепутала, — сказал Слава.

— Ну что она может перепутать? Я хоть здесь новичок, но и сама бы не затерялась. Простой город. Правда, Галка — великий путаник.

— Странно, что ты обвиняешь ее, — сказал Слава.

— Ах, никого я не обвиняю, — отмахнулась Алла.

Время текло невероятно медленно. Им совершенно не о чем было разговаривать. Алла лишь совершала некие движения, которые должны были свидетельствовать о ее интересе к Лондону и к здешней жизни. А на самом деле ей все это было неинтересно. Как будто она каторгу отбывала в этом проклятом Лондоне.

— Так ты деньги в банке хранишь? — спросила она у Славы.

— И в банке тоже, — ответил Слава.

Снова помолчали.

Как по команде Алла и Слава загасили свои сигареты и снова достали пачки. Одинаково вытрясли по сигарете и закурили.

— Я пойду погуляю, — сказала Лидочка, поднимаясь.

— Посиди с нами, — сказала Алла.

— Не хочется сидеть.

Лидочка пошла направо к концу платформы, где она переходила в зеленый косогор, на котором росли вполне российские полевые цветы. Если бы не красные рыльца телекамер, нависающие над платформой, можно было бы подумать, что ты дома. Лидочка поглядела назад. Слава и Алла сидели неподвижно, уставившись перед собой. Нет, не станут они снова любящими супругами. Алле даже не хватает выдержки изображать из себя вернувшуюся блудную дочку.

Вполне возможно, что ей и не нужна эта английская подруга, добившаяся своего иностранного счастья, пока она сама находится в столь подвешенном состоянии. Впрочем, нет, по логике вещей, Галина ей нужна — и как спутница по походам в город, и как советчица... А какова тогда роль Иришки?

Слава поднялся и подошел к Лидочке.

— Как она тебе? — негромко спросил он, как спрашивают о тяжело больном человеке.

— Не знаю, — ответила Лидочка. — У меня не было времени разобраться.

Алла незаметно подошла к ним — видно, как только Слава встал, она тут же последовала за ним.

— Опять секретничаете? — спросила она.

— Нет, — сказал Слава. — Говорили о тебе.

— Обо мне говорить не принято. В хороших домах... Ты что, выяснял, приглянулась ли я твоей новой пассии?

— Ах, оставь, — отмахнулся Слава. — Не смеши.

— Я устала от вашего семейства, — серьезно сказала Лидочка. — Сначала Слава подозревает, что я чья-то шпионка, может, даже ваша, вы подозреваете, что я приехала уводить от вас мужа, которого вы сами благополучно оставили. Мне не хочется играть в ваши игры. Играйте в них сами.

— Правильно, — сказала Алла. — Не вмешивайся в наши игры и останешься здоровой!

— Вы говорите, как один мой случайный знакомый, попутчик.

— Какой еще попутчик?

— Я летела сюда с одним молодым человеком, которого зовут Геннадий, он мне тоже советовал ни во что не вмешиваться.

— Как его фамилия? — насторожилась Алла.

— Я не спросила. Зато знаю его специальность.

— И какая же у него специальность?

— Убийца-организатор.

— Что еще за чепуха?! — вдруг взъярилась Алла. — Что еще за шутки?!

— А вот и поезд, — сказал Слава, который слушал этот разговор вполуха. О Геннадии он уже знал. — Пошли к выходу с платформы, чтобы не упустить Галину.

Они успели дойти до выхода, прежде чем открылись двери вагонов. На этот раз из электрички вышло совсем немного народа, человек десять, не больше. Галины среди них не было.

Они стояли, пока мимо не прошел последний пассажир.

— Что же будем делать? — растерялась Лидочка.

— А она адрес знает? — спросила Алла.

— Знает, — ответил Слава. — Я ей давал.

— Может, она уже приехала на такси? Или ее муж привез?

— Значит, больше встречать не будем? — спросила Лидочка.

— Никакого смысла, — сказала Алла. — Мы договорились. Она обещала. Мы прождали почти час. Сколько можно, в конце концов!

Они пошли домой.

Все шли быстро, ожидая увидеть перед домом чужую машину или такси.

Валентина открыла дверь так стремительно, словно дежурила перед ней.

— И где она? — с порога спросила Валентина. — Неужели не встретили?

— Не встретили, — сказал Слава. — Надо будет ей позвонить.

Они вошли в дом.

— Погоди, — сказала Алла, — не звони. Мало ли что, задержалась или решила под меня сгонять на свидание. Не закладывай. Успеется. Пускай она сама версию выработает.

— А мы в магазин сходили, — сообщила Валентина. Была она робкой, мягкой, послушной, словно из нее вытащили мотор. — Пошли поснидаем?

Они пошли в столовую, где уже был накрыт чай.

Глава 12

Когда они сидели за столом и словно по обязанности, а может, из нежелания обидеть Валентину пили чай, мысли Славы все возвращались к Галине.

— Она же должна позвонить! — возмущался он. — Так не бывает! В конце концов, мы живем в чужом городе!

— Голову даю на отсечение, — сопротивлялась Алла, — что Галка воспользовалась поездкой, чтобы сгонять на свидание.

— Странно, — возразил Слава. — Зачем тогда договариваться с тобой? Что, у нее другого времени для свидания не нашлось? Ведь ты — ее лучшая подруга, вы долго не виделись... И вдруг такой поступок! Зачем было нам ее встречать?

— Она ехала-ехала и родила идею! — Алла засмеялась. Но никто ее не поддержал.

— Может, позвонить ей все-таки? — неуверенно спросила Валентина. Она заразилась беспокойством Славы, даже покраснела сильнее обычного.

— А я не знаю ее телефона, — нашлась Алла.

— Нет, знаешь, — сказала Иришка. — Ты записывала. Возле телефона лежит. Хочешь, принесу?

— Ладно, позвоню, — сдалась Алла. — Впрочем, Слава, ты с ней знаком. И если ее нет дома, то поговоришь с ее мужем. А, Славик?

— Я сама позвоню, — сказала Иришка, — если никто не хочет.

— Но ее Джерри по-русски не говорит, — заметил Слава.

— Зато я по-английски могу спросить элементарную вещь.

— Ладно уж, — вяло сопротивлялась Алла. — Давай подождем до утра.

Но Иришка уже шла к телефону.

Лидочка подумала, что судьба Галины мало беспокоила девочку, но ей почему-то хотелось сделать что-то супротив воли матери.

— Я пойду спать, — объявила Алла, но не поднялась с места.

Все сидели на своих местах, смотрели в открытую дверь, выходившую в коридор, где стоял низкий столик с телефоном.

Лидочка услышала, как Иришка на вполне сносном английском спрашивает:

— Простите, можно попросить Галину?

Наступила пауза. Иришка слушала ответ.

— Спасибо, — сказала она. — Нет, я позвоню позже.

Она повесила трубку.

— Ее нет дома, — сообщила Иришка. — Галина уехала в гости к своей русской подруге.

— Но почему ты не представилась? — вдруг возмутился Слава.

— И правильно сделала, — ответила за Иришку Алла. — Не надо беспокоить человека. У них свои взаимоотношения. Я же говорила, что наша Галочка трахается на стороне.

— Где ж ты так по-английски насобачилась? — спросил у Иришки Василий.

— А я тут уже месяц с ребятами... Да разве это важно?

— Очень важно, дивчина, — объяснила Валентина. — А то мы как глухонемые на рынке — все руками показываем.

— Неплохо получается, — съязвила Иришка.

— Все-таки зря ты не сказала, что Галина не приехала, — сказал Слава. — Мало ли что могло случиться. Ведь мнение Аллы лишь одна из версий.

— Да что вы пристали ко мне с этой Галкой! — рассердилась Алла. — Сейчас пойду и встречу ее.

Она поднялась из-за стола.

— Ты куда? — удивился Слава.

— Пойду пройдусь перед сном.

— Нет, одну я тебя не отпущу, — решительно сказал Слава. — Сейчас уже темно.

— Папа! — предупреждающе закричала Иришка.

— Вот именно, — спокойно сказала Алла. — Я пошла. Через полчасика вернусь. И чтобы вы все вели себя на «отлично». Добро? Ну, добро?

— Добро, — покорно ответил Слава.

— Добро, — как эхо, повторил за ним Василий.

Алла прошла по коридору. Она быстро осваивалась на новом месте. Хлопнула дверь.

— Папа, — сказала Иришка, и впервые Лидочка увидела, как она подошла к отцу и взяла его за руку, — пап, может, еще раз позвонить...

Входная дверь приоткрылась. Возможно, Алла не дала ей захлопнуться.

— Только не надо снова звонить Джерри. Не волнуйте человека понапрасну. Гарантирую, что с Галкой все в порядке. Так что отдыхайте!

Все замерли, будто их поймали за каким-то нехорошим занятием.

А потом молча разошлись по своим комнатам.

Лидочка тоже поднялась к себе и стала читать. К несчастью, книжка попалась не очень интересная, она никак не могла вчитаться и потому прислушивалась к звукам дома. И ждала телефонного звонка. Она не могла бы сказать, от кого должен быть этот телефонный звонок, но он таил в себе угрозу.

Звонок раздался через полчаса после ухода Аллы.

Слышно было, как бегом протопала по коридору Валентина. Лидочка поняла, что она тоже сидела у себя и ждала звонка.

— Кто? Кого надо? — спросила она. — Ее нет. Вышла. Погулять пошла. Нет, не сказала, когда вернется... А что передать?

Видно, ей не ответили, потому что она повторила:

— Передать что? Кто звонил?

Потом повесила трубку. Постояла и медленно побрела к себе.

Лидочка с минуту соображала, что же ее удивило в звонке. Потом поняла, что Валентина разговаривала по-русски.

Алла возвратилась через час. Валентина, видно, ждала ее у двери. Лидочка услышала ее голос:

— Вам звонили.

— Кто звонил?

— Один мужчина. Приятный голос. Только не назвался.

— Ну и ладно, — сказала Алла. — Надо будет, еще позвонит.

— Он так и сказал.

— Тоскливая жизнь здесь, — сказала Алла. — Как глухая деревня. Вы всегда так рано ложитесь?

— Зато встаем рано, — ответила Валентина. — Здесь утром благодать.

— Для такой благодати не надо в Англию ехать. Под Конотопом места еще лучше.

Они замолчали, но, видно, стояли рядом. Весь дом прислушивался к их разговору.

— А Галина ваша не звонила, — наконец сказала Валентина.

— Догадываюсь, — ответила Алла. — Иначе бы вы мне об этом сразу же доложили.

— Может, позвонить ей?

— Не надо, сама позвонит. Она нас обманула, мы ее не обманывали.

— А если случилось что?

— Коли случилось, обязательно узнаем.

Не попрощавшись, Алла пошла вверх по лестнице. Потом полилась вода в душе.

Лидочка лежала, сжавшись от тоски и одиночества. Все это должно было плохо кончиться. И все, кроме Аллы, это понимали.

* * *

Утром за завтраком взбунтовалась Иришка. Она с отвращением отодвинула миску с корнфлексом и заявила:

— Вы как хотите, а я сейчас позвоню.

— Я сама собиралась, — сказала Алла.

Лидочка присмотрелась к ней. Алла была аккуратно, но чрезмерно накрашена, волосы были подвиты, ногти приведены в порядок. Видно, ей предстоял день на людях, и важно было хорошо выглядеть. Она походила на средней руки директора магазина перед важным совещанием в муниципалитете. В муниципалитете, а не в райисполкоме. Разница в том, что приезжают на такое совещание современные директорши на своих «Мерседесах». Но в слове «начать» делают ударение на первом слоге, а в выражении «на складах» — на последнем.

— Тогда и звоните, — буркнула Иришка.

— Что за тон! — вмешался Слава.

— Лида, вы позвоните? — спросила Алла. — Джерри совсем не сечет по-русски. Боюсь, и те три слова, что знал, тоже позабыл.

Лида глупо спросила:

— А если подойдет Галина?

— Галина? — Алла удивилась, но совладала с собой и ответила спокойно: — Тогда передадите мне трубку.

Лидочка покорно пошла в коридор к телефону, хотя разумнее было бы позвонить кому-то из тех, кто с Галиной знаком, — по-английски говорили и Слава, и Иришка. Но те и пальцем не пошевелили.

Подошли очень быстро, словно человек держал руку над трубкой.

Лидочка поздоровалась и сразу, желая отделаться от неизвестности, произнесла:

— Можно попросить Галину?

Мужчина на том конце провода откашлялся.

— А кто говорит? — спросил он.

— Я звоню по просьбе Аллы, — сказала Лидочка. — Аллы Кошко. Подруги Галины Аллы Кошко.

— А где миссис Алла Кошко? — спросил мужской голос.

— Она здесь, рядом.

Подошедшая Алла показала пальцем на сомкнутые губы.

— Но она не говорит по-английски, — объяснила Лидочка. — Можно попросить Галину?

— Откуда вы говорите? — продолжал допрос мужской голос.

— Это Джерри?

— Так вам нужен Джералд?

— Ну конечно же, Джералд. Джерри Стюарт. Я правильно звоню?

— Мистер Стюарт не может подойти к телефону, — ответил мужской голос. — По какому делу вам требуется миссис Стюарт?

В иной ситуации ты возмущаешься и кидаешь трубку. Но в голосе мужчины звучал глухой тон официальности. Голос принадлежал человеку, который имел право задавать вопросы.

— Мы — ее знакомые, — пояснила Лидочка. — Она должна была вчера приехать, но не приехала. Поэтому мы звоним сегодня.

— А почему вы не позвонили вчера?

— Ну... как сказать... мы не считали нужным.

— Будьте добры, сообщите ваш адрес и фамилию.

— Четырнадцать, Вудфордж-роуд, Сиднем.

— Вам позвонят, — сказал мужчина.

— Простите, что-то случилось?

— Да, случилось.

— Что? Что-нибудь с Галиной?

Лидочка говорила, будто висела в безвоздушном и беззвучном пространстве, а все вокруг прислушивались к ее словам.

— Да, — односложно ответил мужчина и повесил трубку.

— Вы слышали? — сказала Лидочка.

— А что случилось? — спросила Валентина, которая могла лишь догадываться о смысле разговора.

— Это был Джерри? — спросила Алла.

— Нет.

— Значит, полиция, — сказал Слава обреченно. Будто это он сделал что-то плохое, а теперь пойман на месте преступления. — У них дома полиция.

— Кончай молоть чепуху, — оборвала его Алла. — Еще накличешь!

— Но почему ее нет, а Джерри не может подойти?

— Откуда я знаю? Не я по телефону разговаривала, а Лидия!

Как будто Лидочка была виновата в том, что Джерри не подошел к телефону.

— Надо снова позвонить, — сказал Слава, но к телефону не подошел.

— Что же делать? — спросила Валентина. — У нас я бы знала, куда звонить, а здесь не представляю.

— Потом позвоним, — сказала Алла таким тоном, будто знала, когда и куда здесь положено звонить.

Лидочка уже знала, что надо делать, но объяснять свои действия остальным ей не хотелось.

— Я за молоком пошла, — сказала она. — Молока дома нет.

— Я с тобой пойду, — обрадовалась Валентина. — Хлеба тоже не осталось.

— Я хлеба куплю, — пообещала Лидочка.

— Пускай идет, — сказал Василий, словно соглашаясь с правом Лидочки одной ходить в магазин.

Лидочка взяла сумку и остановилась в коридоре.

— Лидия... — позвал Слава.

Все стояли и смотрели на нее. Наверное, Слава сейчас даст ей денег.

— Ну ладно, — обреченно махнул рукой Слава. — Идите.

Нет, поняла Лидочка, о деньгах он не думал. Она вышла из дома. Было тихо, даже слишком тихо. Зачем же он ее окликал?

Потом она поняла. Когда у нас, в России, один уходит, остальные подозревают, что он пошел доносить. Даже в самое демократичное время.

Лидочка быстро дошла до станции. День был теплый, но ветреный и тревожный. Безумная страсть англичан к цветам в палисадниках придавала пригороду вид декорации к итальянской опере. Уже возле станции Лидочка чуть не угодила

под автобус, потому что, перебегая улицу, посмотрела не в ту сторону.

Магазин с газетами располагался прямо возле станции.

Газеты лежали на нижней полке стеллажа, выше красовались журналы, по большей части женские. Газеты делились на серьезные, настоящие, форматом как наши большие газеты, и на несерьезные, в два раза меньше форматом, цветные, с портретом очередной особы королевской крови или члена парламента, которые опять нашкодили.

Лидочка собрала все газеты, что лежали на нижней полке, заплатила четыре фунта за это удовольствие и вышла на улицу. Хозяйка посмотрела ей вслед — поступок Лидочки свидетельствовал о том, что она или человек ненормальный, или иностранка. Домой нести все эти газеты не хотелось. Она зашла в соседний магазин, купила обезжиренного молока — все в доме худели, — потом булку в целлофане. Теперь, когда все обязанности были выполнены, она дошла до детского сквера и села на скамейку возле качелей. На качелях качался негритенок в черном костюме и при галстуке. Явно прогульщик.

Лидочка сложила газеты в стопку и начала их по очереди пролистывать. Ее предчувствия оправдались немедленно.

В «Дейли мейл» на первой полосе была помещена фотография миловидной молодой женщины с выщипанными бровями. Над ней была надпись большими буквами: РУССКАЯ МАФИЯ НАСТИГЛА ЖЕРТВУ?

Почему-то Лидочка ни на секунду не усомнилась в том, что видит Галину. Уже уходя в магазин, Лидочка была уверена, что в какой-то из газет будет рассказано о несчастье, случившемся с Галиной. Несчастье наверняка случилось...

«Вчера в шесть вечера, — сообщалось в статье под фотографией, — очаровательная миссис Стюарт, русская по происхождению, нашедшая счастье с инженером Джералдом Стюартом, когда он трудился в Москве, собралась в гости к своей русской подруге, недавно приехавшей из России. Но, к сожалению, подруга так и не дождалась миссис Стюарт. Судьба распорядилась иначе.

Дожидаясь поезда на станции подземки «Грейт Шортланд-стрит», миссис Стюарт потеряла равновесие именно в тот момент, когда поезд подходил к перрону. Короткий вскрик

молодой женщины был заглушен шумом вагонов. Смерть миссис Стюарт была мгновенной.

Этот инцидент был бы списан еще на одну трагическую случайность, если бы не показания мисс Монмаут, 67 лет, которая, по ее словам, находилась в тот момент рядом с молодой женщиной. Более того, мисс Монмаут за минуту до того имела краткую беседу с миссис Стюарт, которая говорила с иностранным акцентом. Та спросила мисс Монмаут, где ей лучше перейти на Зеленую линию, так как намеревалась следовать до вокзала Виктория.

— Я могу поклясться, — сказала пожилая дама нашему корреспонденту, когда он посетил ее квартиру на Девоншир-стрит, — что в последнее мгновение к ней подошел молодой человек в длинном черном пальто, кепи и темных очках. Он задал ей вопрос, заставивший покойную вздрогнуть и отшатнуться от молодого человека. Именно в этот момент к перрону подъезжал поезд. Молодой человек толкнул миссис Стюарт и мгновенно отступил назад.

К сожалению, внимание мисс Монмаут было отвлечено криком молодой женщины, и она не придала должного значения поступку молодого человека в темных очках.

— Но что случилось потом?

— Поезд остановился, — рассказала нам мисс Монмаут, стройная, сдержанно одетая дама, много лет проработавшая медицинской сестрой зубоврачебной клиники, живущая в небольшой квартире с котом Томом и сеттером Кьюпидо (см. фото этого дружного семейства), — люди закричали. Кто-то пытался спрыгнуть вниз, чтобы оказать помощь попавшей под поезд женщине.

— Вы говорите, что миссис Стюарт попала под поезд?

— Нет, точнее сказать, что ее отбросило первым вагоном и кинуло на рельсы. А так как поезд тормозил, останавливаясь у перрона, то ее тело осталось лежать перед первым вагоном. Поэтому кто-то и попытался спрыгнуть на рельсы. Но другие люди кричали, что этого делать нельзя, потому что смельчака убьет током. Тут выбежал машинист и остановил того джентльмена. Видно, он сразу сообщил об инциденте, поскольку практически тут же появились люди с носилками, а машинист и еще один работник подземки спустились на пути — видимо, ток был уже отключен, не так ли?

— Вы совершенно правы, мисс Монмаут. Однако расскажите, что было дальше.

— Пострадавшую, то есть мертвую леди, подняли наверх и унесли в какое-то служебное помещение в конце перрона. Тогда же в туннель спустились полицейские. И знаете, что ужасно? Ужасно то, что поезд ушел, как будто ничего не произошло. А некоторые люди так и не вышли из вагонов, пока все это происходило. Начинаешь задумываться о тщете человеческой жизни.

— Как вы правы, мисс Монмаут! Что бы вы могли добавить для читателей нашей газеты?

— Вы спрашиваете меня о том, как я вела себя дальше?

— Именно это нас больше всего интересует.

— Поставьте себя на мое место. Вы становитесь свидетелем подозрительного события, и никто, кроме вас, ничего не заметил.

— И каково же было ваше решение?

Мисс Монмаут лукаво улыбается и отвечает:

— Первым моим желанием было убежать с места происшествия, ибо вид женщины, которая за минуту до того разговаривала со мной, а сейчас ее раздавленный труп уносят под простыней... Нет, это больше, чем может вынести человек! Более того, я направилась к выходу, желая как можно скорее скрыться со сцены.

— Далеко ли вы ушли?

— Покидая платформу, я оглянулась, чтобы еще раз запечатлеть в памяти эту жуткую сцену, и тут увидела, что на пустой платформе стоит один из полицейских и в некоторой растерянности оглядывается по сторонам. Если не считать пятен крови на рельсах, о происхождении которых догадывалась только я, то никаких следов смерти уже не осталось. И я подумала, что это ужасно и несправедливо.

— Это весьма разумно, мисс Монмаут.

— Тогда я подошла к полицейскому, который уже собирался уходить, отчаявшись отыскать хоть единого свидетеля смерти той женщины, и сказала ему, что готова выступить свидетельницей. И я должна сказать вам, молодой человек, что полицейский был несказанно счастлив от того, что я нашлась.

— Что же вы сказали полиции?

— То же, что и вам.

— Вы сказали ему, что дама обращалась к вам с вопросом и показалась вам иностранкой?

— Нет, сначала полицейский поднялся со мной наверх, и там его ждала машина. Он предложил мне поехать с ним в полицейский участок и дать показания. Я не могла ему отказать.

— О чем же вы еще рассказали полиции?

— О том молодом человеке в темных очках и кепи.

— Полицейские вам поверили?

— Я вообще вызываю доверие в людях. Это было очень важно в моей прошлой профессии.

— Значит, вы рассказали о молодом человеке?

— Разумеется.

— Когда полицейские выслушивали вас, они что-то записывали?

— Не только записывали. Они отнеслись к моим показаниям со всей серьезностью. Они вызвали специалиста, который составил по моим словам портрет молодого человека.

— Похожий?

— Разумеется, похожий. Это очень интересная процедура.

— Мы о ней знаем.

— Тогда мне больше нечего рассказать. Я провела в участке около двух часов. Затем вернулась домой. А здесь меня уже ждали вы».

Это интервью было снабжено несколькими фотографиями: мисс Монмаут, квартира мисс Монмаут, мисс Монмаут дома со своими питомцами.

Далее следовала еще одна небольшая заметка.

«Наш корреспондент узнал, что дело о смерти миссис Стюарт находится на расследовании в Скотленд-Ярде и ему придается особое значение ввиду проникновения в Великобританию русской мафии. Возможно, смерть миссис Стюарт каким-то образом связана именно с этим. Ведущий дело миссис Стюарт инспектор Мэттью Слокам сказал нашему корреспонденту, что этот аспект расследования займет свое место в общей работе следователя. Однако инспектор Слокам полагает, что мисс Монмаут могла слишком серьезно отнестись к произошедшему на перроне, хотя версию о русских связях миссис Стюарт никак нельзя игнорировать.

Супруг миссис Стюарт, совершенно потрясенный неожи-

данным горем мистер Джералд Стюарт, с трудом мог заставить себя разговаривать с посторонними людьми. Наш корреспондент обращался к нему со всей возможной деликатностью. Мистер Стюарт убежден, что его супруга, находящаяся в Лондоне уже два года, не поддерживала никаких связей с бывшими соотечественниками, а заявление мисс Монмаут является «плодом старческого воображения».

Полиция также допрашивала мистера Стюарта относительно связей его жены среди русской колонии в Лондоне. Эти связи прослеживаются и далее. Мы рассчитываем, что уже в ближайшие сутки сможем ознакомить наших читателей с первыми результатами расследования».

Лидочка сложила газеты в сумку и пошла мимо поля для игры в крокет, где пожилые джентльмены элегантно гоняли шары, затем прошла наискосок по зеленому газону, обходя футбольное поле, условно выгороженное из газона кучками одежды, которые обозначали ворота. Собаки, гулявшие по обширному газону, на футбольное поле не забегали. Видно, английских собак учат правилам футбола с детства.

Зелеными столбиками по периметру газона стояли схожие с почтовыми ящиками урны для собачьего помета.

Впрочем, шагая по краю газона, Лидочка не замечала ни собак, ни футболистов.

Разумеется, не было никаких оснований увязывать гибель Галины с приездом Аллы. И какой смысл был Алле устраивать убийство своей подруги? Алла может нравиться, может не нравиться, но это не основание подозревать ее в каких-то мафиозных связях. Конечно, нет.

Чем упорнее Лидочка уговаривала себя, тем очевиднее становилось ей то, что Алла каким-то образом связана с гибелью Галины.

А потом, когда Лидочка шла по Вудфордж-роуд, другой образ стал вытеснять из воображения лицо Аллы — это был ее попутчик Геннадий. Ничто в газетной статье не указывало на то, что тем молодым человеком мог быть Геннадий, но ничто не указывало и на обратное.

«У Аллы были знакомые в Лондоне? Да, были. Она с ними встречалась, говорила по телефону. А Геннадий с другом проявляли интерес к нашему дому. Что-то здесь не складывается...»

Глава 13

Василий с Валентиной прогуливались по тротуару перед домом.

— А мы вот решили воздухом подышать, — объявил Василий, когда Лидочка подошла поближе. Лидочка не стала спрашивать, почему они гуляют по тротуару, когда для этого есть сад. Впрочем, ей бы и не дали задать вопросы, потому что Валентина тут же спросила, как заблудившийся в пустыне путник у первого попавшегося караванщика:

— Молока купила?

— Купила.

— И хлеба купила?

— И хлеба.

Лидочка остановилась. Они перегородили ей дорогу. Пауза растянулась на полминуты, и, когда Лидочка готова была пойти на прорыв, Валентина спросила то, ради чего они покинули дом:

— Ну и как там? Новости есть?

Они, оказывается, догадались, что Лидочка ходила за новостями.

— Да, — односложно ответила Лидочка. Она намеревалась сказать о смерти Галины всем сразу, но глупо скрывать такую новость только потому, что не собрался кворум. — Галина погибла.

Лидочка достала «Дейли мейл» и развернула так, чтобы видна была первая страница с портретом Галины.

— Это она? — спросила Валентина.

— Пойдемте внутрь, — сказала Лидочка. — Я еще раз прочту, что написано в газете.

Дверь в дом была приоткрыта, так ее оставили Кошки. Первой вошла Лидочка, за ней Валентина с раскрытой газетой. Все ждали новостей.

— И что же? — первым спросил Слава.

Он сидел, подперев подбородок тонкими руками и вытянув вперед шею. Локти с силой упирались в поверхность стола.

Лидочка посторонилась, пропуская торжественно плывущую Валентину. Валентина разложила газету на столе и сказала:

— Это она.

Алла молчала. Все смотрели на нее. Она глядела в окно на кирпичную стенку, отделявшую дом Кошко от следующего. Слава сказал:

— Это Галина. Я ее, конечно, давно не видел, но это Галина. Я так и знал, что этим кончится.

— Когда знал? — спросила Алла, не оборачиваясь.

— Уже вчера знал, — сказал Слава. — Неужели это было не понятно?

Лидочка понимала его — чувство обреченности охватило ее уже вчера, пока они ждали на платформе. Нет, пожалуй, позже, когда они возвращались со станции домой. И только Алла, которая не могла не испытывать того же, не хотела в том признаться.

— Кто-нибудь прочтите мне, наконец! — раздраженно проговорила Алла. — Я имею право знать, что там произошло!

— Она попала под поезд в метро, — сказал Слава, читавший газету. — Она подошла к краю и упала.

— Во сколько это случилось? — спросила Алла.

— В шесть вечера, — ответил Слава. — Разумеется, в шесть — она как раз ехала к нам.

— Ой, — всплеснула руками Валентина. — Вы ее встречали, а она уже неживая была. Господи, упокой и спаси ее душу.

— Наверное, надо поехать туда, — неуверенно произнес Слава, глядя на бывшую жену.

— Я не настолько знакома с Джерри. А вдруг он не хочет никого из русских видеть? Ты лучше прочти, что там еще пишут.

Слава начал читать. Иногда он запинался, ему не хватало английских слов, но Лидочка ему не помогала. Она смотрела на Аллу. Ей было интересно понять, что должна чувствовать женщина, подруга которой погибла вчера по дороге к ней.

Алла владела собой. Но лицо у нее было злым, напряженным, как у соседки на коммунальной кухне, готовой начать очередной бой.

Слава еще не успел дочитать второго абзаца, как раз подобрался к интервью с мисс Монмаут и завяз в незнакомых словах, как в дверь позвонили.

— Открой, Ириш, — попросил Слава, прижимая указательным пальцем строчку, чтобы не потерять.

Лидочка, как и все, замерла, обернувшись к коридору и прислушиваясь. Мужской голос спросил по-английски:

— Можно мне поговорить с мистером Кошко?

— Сейчас, — ответила Иришка и крикнула: — Папа, к тебе пришли!

— Кто там? — спросил Слава, поднимаясь из-за стола.

— Думаю, что полиция, — ответила из коридора Иришка.

Лидочка непроизвольно вышла следом за Славой. Впрочем, в коридор вышли все и столпились в дальнем конце, у входа в столовую, отделенные от входа и от гостя всей длиной коридора.

Свет падал в спину человеку, стоявшему в дверях.

Слава покачнулся, словно его задело сквозняком от двери. Он сделал шаг, потом еще шаг. Иришка отошла к вешалке и прижалась к ней, чтобы Славе было свободней.

— Я — Кошко, — сказал Слава. — А вы кто?

Гость протянул запаянную в пластик карточку — по крайней мере, Лидочке так показалось издали.

— Мэттью Слокам, — сообщил он. — Инспектор полиции. Скотленд-Ярд. Мне хотелось бы, с вашего разрешения, задать вам, мистер Кошко, несколько вопросов.

Слава держал карточку в руках, смотрел на нее и никак не мог догадаться вернуть ее полицейскому.

Тому пришлось протянуть руку и отобрать карточку у Славы.

— Пожалуйста, — сказал Слава и пошел к гостиной. Полицейский двинулся за ним, и остальные жильцы дома раздались, чтобы их пропустить. Полицейский прошел мимо столовой и посмотрел сначала направо, потом налево, словно переходил улицу. Глаза у инспектора были темными, близко посаженными, птичьими. Больше Лидочка ничего не разобрала.

Слава остановился в дверях в кабинет и спросил инспектора:

— Вы говорите по-русски?

Вопрос был смешной, даже нелепый, но, как ни странно, инспектор Слокам вовсе не удивился.

— Я немного говорью по-русски, — сказал он. — Именно это есть причина...

Тут мистер Слокам замер на входе в кабинет в поисках нужного слова, чтобы завершить фразу.

— Но немного, — повторил он и прошел в кабинет.

Слава пропустил инспектора внутрь, а сам остался в дверях и призывно махнул рукой. Алла сочла его движение относящимся к ней и, оттолкнув Василия, ринулась к кабинету.

— Нет, не ты, — раздраженно сказал Слава. — Ты же не понимаешь по-английски!

— Меня это касается, — сказала Алла и решительно прошла в кабинет.

— Лидочка, — позвал Слава. — Боюсь, нам понадобится ваша помощь.

Краснодарские Кошки и Иришка остались в коридоре.

Инспектор вышел на середину небольшого кабинета и остановился в некоторой растерянности. И было отчего. Слава не убрал с дивана свою постель, так что на всех оставалось лишь одно кресло.

Слава кинулся к дивану и скатал простыни, одеяло и подушку валиком, освободив пространство.

— Садитесь. — Он показал полицейскому на кресло, сам сел на диван. Алла тут же уселась рядом с ним, а Лидочка отошла к книжным полкам, чтобы не тесниться на диване.

— Мой английский язык не очень хороший. — Слава говорил по-русски упрощенно и со странным акцентом, полагая, что так инспектору будет легче его понять. — Миссис Берестов будет помогать.

— Благодарю вас. — Инспектор обернулся к Лидочке и с явным облегчением вернулся на стезю английского языка. — Мой русский язык далек от совершенства. Я проходил курс в университете, а сейчас занимаюсь на курсах. У нас организовали специальную группу для контактов со славянскими элементами. Ваши соотечественники зачастую не знают языков, и приходится что-то делать.

Он замолк, давая возможность Лидочке показать, на что она способна. Лидочке стало неловко, как на экзамене.

Инспектор был молод, не старше тридцати лет. У него было узкое лицо с выдающейся вперед верхней губой и близко посаженными карими глазами. Темные волосы слегка отдавали в рыжину. Инспектор был высоким, большим, мяг-

ким человеком, которому в ближайшие годы грозила излишняя полнота.

— Простите, — сказала Лидочка. — У меня мало практики.

— О, — обрадовался инспектор, — вы так хорошо говорите. И надолго вы здесь?

— По-видимому, еще две или три недели.

— Вы жена мистера Кошко?

Лидочка обернулась к Славе.

— Слава, объясните ему, кто есть кто. Я переведу.

— Я его понял, — сказал Слава. — Ну, вы сами... Скажите, чтобы он понял. Что вы не жена, а наш друг. Друг дома. А жены у меня нет, то есть Алла — бывшая супруга.

Лидочка решила не торопиться с подробным рассказом, тем более что инспектор пока что не задавал никаких вопросов.

— Я не жена мистера Кошко, — сообщила она. — Мистер Кошко не женат.

— Оу, — грустно сказал инспектор, выражая этим междометием сочувствие русскому господину.

— Бывает, — сказал Слава. — Ты скажи про Аллу.

— Обойдется, — отрезала Алла.

Что-то в ее тоне насторожило полицейского, и он, кинув взгляд на Аллу, перевел глаза на Лидочку, ожидая объяснений.

— Миссис Кошко, — пояснила Лидочка. — Бывшая жена мистера Кошко.

— Оу, — снова посочувствовал мистеру Кошко полицейский.

Беседа зашла в тупик.

Инспектор подождал, насколько позволяли обстоятельства, и спросил:

— Знаете ли вы, мистер Кошко, о смерти миссис Стюарт?

— Да, мы узнали сегодня из газет... Объясни ему, Лидочка.

Лидочка сказала инспектору, что сегодня утром она купила газеты, откуда мистер Кошко и узнал о гибели Галины Стюарт.

— И вчера вы об этом не знали?

— Нет, не знали.

— Но мистер Стюарт считает, что его супруга ехала к вам в гости.

— Точнее, она ехала в гости ко мне, — вмешалась Алла. — Мы были знакомы в Москве.

Лидочка перевела и от себя добавила, что они вчера вечером даже ходили все вместе встречать Галину.

— Простите, — спросил инспектор, — но почему, не встретив миссис Стюарт, вы не позвонили ее мужу и не выразили интереса к ее судьбе?

Лидочка пожала плечами, передавая инициативу Кошкам.

— Скажи ему, что мы не хотели беспокоить мистера Стюарта, которого мало знаем, — сказал Слава. — Возможно, планы у Галины изменились. Мы думали, что она позвонит нам сама, когда сможет.

— Мы же не думали, что она попадет под поезд! — воскликнула Алла.

Инспектор явно хотел показать этим русским, что ему не зря платят надбавку к зарплате за знание экзотического языка. Если, конечно, здесь такая надбавка существует.

— А утром мы ждали ее звонка, — сказала Алла.

Инспектор обернулся к Лидочке. Оказывается, он не понимал слова «звонок» в данном контексте. Лидочка объяснила.

— И вы бы не позвонили миссис Стюарт? — спросил Аллу инспектор, но спросил он по-английски, и Алла его не поняла и посмотрела на Лидочку.

Лидочка перевела вопрос.

— Мы же звонили, — сказал Слава. — Мы позвонили, а потом Лидия, то есть миссис Берестов, пришла со станции и принесла газеты.

— Вы ездили в Лондон? — спросил инспектор.

— Нет, я купила газеты на станции.

— Какую конкретно газету вы купили?

Лидочке не хотелось лгать.

— Я купила все газеты, что были в магазине.

— Почему? — удивился инспектор. — Вы искали сообщения о несчастье?

— Честно говоря, да, — ответила Лидочка.

— И когда же вы почувствовали, что случилось несчастье?

— Не знаю. Трудно определить этот момент.

— Попробуйте вспомнить. — Инспектор был угрожающе

вежлив. Он казался похожим на какого-то киноактера — такие же птичьи глаза. Как его фамилия? Ярмольник?

Слава вертел головой — старался понять. Алла и не старалась. Она дернула Славу за рукав.

— О чем они?

— Обо мне, — ответила за Славу Лидочка. — Ваша очередь еще не наступила.

Алла покраснела от злости. Теперь уже инспектор не понял. Он замер с полуоткрытым ртом. У Лидочки было преимущество — она понимала всех.

— Мы отвлеклись, — сказал инспектор. — Вы не сказали мне, когда поняли, что случилось несчастье.

— Сегодня, — ответила Лидочка.

— И вы позвонили Стюартам?

— Именно потому, что почувствовала неладное.

Инспектор поглядел в сад, обдумал ответ и неожиданно кивнул, соглашаясь с Лидочкой. Теперь он обратился к Славе:

— У следствия появились основания заподозрить, что смерть миссис Стюарт не была случайной и не являлась самоубийством. В силу этого мы решили проверить круг знакомых миссис Стюарт, в первую очередь ее соотечественников.

— Помоги мне, — попросил Лидочку Слава. — Так я все понимаю, но сейчас ответственный момент, не хочется детали упускать.

Инспектор подождал, пока Слава кончит говорить, а затем продолжил:

— От мужа погибшей мы получили сведения, что миссис Стюарт направлялась к вам в гости. Это так?

— Вы об этом уже знаете, — сказала Лидочка.

— Не будете ли вы так любезны задать этот вопрос мистеру Кошко?

Инспектор был убийственно вежлив, и Лидочке захотелось сообщить ему, что она не нанималась ему в переводчицы. Что, в общем-то, было бы наивно и могло только осложнить ситуацию.

— Галина Стюарт, — сказал Слава, — ехала в гости к моей бывшей жене Алле. Ну объясни, Лида, в конце концов!

Иришка, которой надоело стоять в коридоре и подслушивать вместе с краснодарскими Кошками, вошла в кабинет и попыталась устроиться у дверей.

— Ирина! — строго сказал Слава. — Тебя не звали.

— Я сама пришла, — ответила Иришка голосом трудного подростка.

Инспектор опять замолчал, переводя взгляд с Иришки на родителей. Но так как никто не стал представлять ему девушку, он вопросительно посмотрел на Лидочку.

Лидочка рассказала инспектору о том, что вчера утром приехала бывшая миссис Кошко, и они сговорились с ее приятельницей Галиной Стюарт, что та навестит их в семь часов.

— Есть ли у вас еще знакомые в Лондоне? — спросил инспектор у Аллы.

— Нет, — твердо соврала Алла.

Остальные промолчали. И было понятно — какие бы ни были у Аллы знакомые, она не хотела, чтобы им наносила визиты полиция. Мы, русские, люди второго сорта, опасны, как персы-фундаменталисты.

— Я всего сутки как в Лондоне, — сказала Алла. — И никогда не была здесь прежде.

У нее были светлые, фарфоровые красивые глаза, искусственные и неподвижные, как у чучела.

— Давно ли вы видели свою подругу? — спросил инспектор.

— В прошлом году, — ответила Алла, — В Москве. Я очень ждала этой встречи. Я соскучилась по моей подруге.

Алла вытащила из кармашка джинсов шелковый платочек и осторожно приложила к глазам. Жест был неожиданным, неестественным и демонстративным. Лидочка подумала, что на месте инспектора она тут же заподозрила бы Аллу в соучастии в убийстве лучшей подруги.

— С кем из русской колонии миссис Стюарт поддерживала отношения? — спросил инспектор.

— Я не знаю, — сказал Слава, к которому и был обращен вопрос. — Я с ней не поддерживал отношений. Я вообще ее ни разу здесь не видел. Я встречался с ней несколько лет назад в Москве. Тогда ее звали Галка Величко. Так и скажи этому инквизитору!

Семейство Кошко постепенно теряло контроль над собой. Лидочка подумала, что еще три минуты такой беседы — и все сознаются в убийстве несчастной Галины.

Очевидно, такой финал визита не входил в планы инспектора. Возможно, он как раз собирался на ранний ланч, а тут эти вспыльчивые русские мафиози!

— У меня будет просьба к вам, мистер Кошко, и к вам, миссис Кошко, а также к вам, миссис Берестоу. Если вам станет что-либо известно о связях или знакомствах миссис Стюарт, которые могли бы иметь отношение к ее гибели, я попрошу вас позвонить мне по этому телефону.

Достав из бумажника визитку, инспектор положил ее на журнальный столик. Все посмотрели на визитку, как на скорпиона.

Так как никто не сделал даже попытки проводить инспектора, Лидочка взяла обязанности хозяйки дома на себя. Инспектор пропустил ее в дверь. Василий и Валентина, как вставшие на хвосты моржи, отвалились от двери и втиснулись в чуланчик для шеток под лестницей.

— У вас замечательный английский язык, — сказал инспектор. — Хотел бы я так говорить по-русски.

— У вас все впереди, — подбодрила полицейского Лидочка.

— Я продолжаю ходить на курсы, но нерегулярно. А вы знаете, как важна регулярность при изучении иностранного языка?

Когда он говорил, открывались верхние зубы, и инспектор становился похожим на кролика.

— Да, я представляю, — согласилась Лидочка.

Возможно, инспектор был совершенно искренен — его и в самом деле занимала проблема изучения русского языка. Но Лидочке трудно было в это поверить. Казалось, что инспектор хитрит, притворяется, ожидая, чтобы Лидочка о чем-то проговорилась. И откуда ему знать, что ей не о чем проговариваться.

Лидочка открыла инспектору дверь, чувствуя спиной взгляды соплеменников.

Инспектор изобразил радостную улыбку.

— Я был счастлив с вами познакомиться, — сообщил он. — И у меня есть предчувствие, что это не последняя наша встреча.

— Вы уверены? — без радости спросила Лидочка.

— Если что-то узнаете, позвоните мне, — попросил инспектор Слокам. — Вы не имеете отношения к этому семейству?

— Я здесь гость.

Они вышли в палисадник.

Инспектор достал еще одну визитную карточку и вручил ее Лидочке.

Машина у него была новая и мошная. Лучше, чем у Славы.

Инспектор уселся в машину не с той стороны, как положено делать нормальным водителям. Лидочка все еще не могла привыкнуть к английскому движению. Словно оказалась в Зазеркалье.

Когда Лидочка вернулась в кабинет, где собрались все Кошки, она застала знаменательный момент из страусиной жизни.

Слава гадливо сжимал двумя пальцами визитку инспектора. Он поджег ее зажигалкой и держал над пепельницей, пока визитка не сгорела вся, кроме уголка. Уголок он кинул в пепельницу.

— Все! — решительно сказал Слава. — Забыли и развеяли по ветру.

— Вашей инициативы недостаточно, — возразила Лидочка.

Все посмотрели на нее, как на отвратительную предательницу. Так что Лидочка сочла за лучшее уйти к себе в комнату.

Глава 14

После ухода инспектора прошло больше часа. Дом шептался. Может, виной тому был мелкий дождь, коротко простучавший коготками по крыше и стеклам. Но Лидочку не покидало ощущение, что шепчутся по комнатам обитатели дома. Слава секретничает с бывшей женой, вот Иришка вмешивается в их шепот, а в другой комнате шуршат, собирают вещи, чтобы бежать отсюда, Василий с Валентиной.

На Лидочку обрушилось бессилие. Ей бы пойти по делам, сходить бы в агентство или позвонить в Лондон, Саше Богородскому, к которому у нее бандероль от Андрея. По своей натуре Лидочка была человеком деятельным и подвижным.

А тут она испугалась. И даже могла признаться себе в этом. Именно испугалась.

Ей казалось, что если она выйдет на улицу, то немедленно встретит Геннадия или его друга. Воображение рисовало ей их в машине, крадущейся вдоль тротуара. Вот Геннадий поднимает пистолет и целится ей в спину... Чепуха какая-то! В Лондоне немало собственных бандитов или хулиганов. Почему бы в метро не оказаться мусульманскому фундаменталисту, который не терпит, когда дамы ездят в подземке без чадры?

Впрочем, главное Лидочке было ясно: Алла еще вчера, когда они были на станции, знала, что Галина к ним не приедет. И весь вечер знала об этом. Если бы Лидочка была чуть внимательнее, она бы сама об этом догадалась. Не надо было ждать появления английского инспектора со знанием русского языка (как в анкете: «читаю со словарем»). Алла даже проверила себя, получив подтверждение по телефону. Все в порядке... «Но если у тебя такие странные подозрения насчет миссис Кошко, тогда объясни мне, Лидия, зачем Алле участвовать в таких делах, а главное, какую пользу может принести Алле смерть ее подруги, женщины редкой судьбы? Неужели бывшая супруга Славы каким-то образом угодила в мафиозные дела, в которых замешана и покойная Галина? Впрочем, никто тебе эту тайну не раскроет».

Лидочка распахнула окно.

Теплый, напоенный запахами сада и недавно скошенной травы воздух словно ввалился в комнату. На соседнем участке жужжала газонокосилка — сосед, обнаженный до пояса, в длинных шортах, трудился, как пахарь, самозабвенно и упорно. Наверное, у него не было времени косить до дождя. Впрочем, уже распогодилось, сквозь тонкие облака просвечивало солнце.

Ведь не случайно они поставили в кустах микрофон. Интересно, рассказали Алле об этом ее близкие?

Без реальных к тому оснований воображение Лидочки строило некоторый заговор, в котором сплетались роли Аллы, Геннадия, еще одного человека, а жертвой оказывалась неизвестная Галина. Но если жертвой стала Галина, то кто следующий? Если ты не знаешь, из-за чего погибла Галина, то не можешь считать себя застрахованной от ошибки, погу-

бившей миссис Стюарт. Жаль, что газеты остались внизу, на кухне... Надо посмотреть в других газетах, там тоже могут быть статьи о происшествии в метро.

Лидочка спустилась в столовую. Спускалась она босиком, стараясь проскользнуть беззвучно, будто боялась кого-то разбудить.

Газет на кухне не было. Кто-то их взял.

Что-то звякнуло. Лидочка обернулась. Иришка наливала кипяток в чашку с растворимкой.

— Я думала, что ты газеты взяла, — вполголоса сказала Лидочка.

— А я думала, что вы их взяли, — ответила Иришка.

Она была непричесана, совсем без косметики, волосы спутаны. Даже губы не накрашены. И очень бледная.

— Кто же тогда? — спросила Лидочка.

— Для этого не надо быть Шерлоком Холмсом, — пожала плечами Иришка. — Валентина с Василием не знают ни одного языка, кроме украинского устного, а эта проспала школу, когда проходили английские слова.

Лидочку поцарапало слово «эта». Им Иришка словно дистанцировалась от матери. В этом была ненужная демонстрация обиды, непонятной Лидочке. Или Иришку тоже мучают подозрения, одолевающие Лиду?

— Поэтому загляните к фазеру, — посоветовала Иришка. — Он вынюхивает информацию. Боится.

— Боится за Аллу? — не поняла Лидочка.

— Да нет, за себя, — ответила Иришка. — Он же с этой Галиной две недели назад встречался. То ли она что-то ему передавала, то ли он ей.

— Алла знает о микрофоне? — спросила Лидочка.

— А вы у нее спросите. — Ответ прозвучал после долгой паузы. Видно, Иришка решала, но так и не смогла решить, что же ответить. Лидочка поняла, что Алле о микрофоне не сказано.

На кухню, видно, услышав голоса, заглянул Слава.

— Газеты у тебя, фазер? — спросила Иришка.

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не звала меня этим уродливым прозвищем!

— Это не прозвище, — сказала Иришка. — Это кликуха. Мы с тобой в законе, и это твоя кликуха.

— Ирина!

— Пожалуйся на меня Алле, — сказала Иришка и вдруг зарыдала — громко, хлюпко, до кашля.

Она выбежала из кухни и простучала пятками по лестнице наверх.

— Если вы делаете кофе, — сказал Слава, — не забудьте и меня.

— Сейчас поставлю воду.

— Вы не сердитесь на Иришку.

— Мне не за что на нее сердиться.

— Ей сейчас приходится несладко.

— Я чувствую.

— Чувствуете или знаете?

У Славы была странная привычка втискиваться в углы, как будто он вечно боялся, что на него нападут сзади. А в углу не заметят.

— Я у вас на подозрении. — Лидочка постаралась улыбнуться. Ничего не вышло. — С того момента, как нашла микрофон. На свою шею.

— Я этого не сказал.

— Тут и говорить не надо. Но подумайте: зачем бы мне сдавать вам микрофон, если бы я была связана с вашими недругами?

— Все бывает, — ушел от ответа Слава.

— Остается одна возможность, что враги ваши различны и многообразны. Я могу принадлежать к любой из партий.

Слава показал на плиту. Лидочка взглянула туда — вода в кастрюльке с длинной ручкой уже закипала. Лидочка достала из шкафа высокие кружки с астрологическими знаками и символами, насыпала кофе из банки и залила кипятком. Слава принял из ее рук кружку и пошел с ней в столовую.

Лидочка последовала за ним.

— Сегодня ничего не изменилось? — спросила Лидочка.

— Разумеется, изменилось, — раздраженно сказал Слава. — Вы это знаете не хуже меня.

«Что ж, не хочет говорить — его воля».

— Мне надо будет с вами посоветоваться, — неуверенно сказал Слава. — Но это зависит от моего разговора с одним человеком... в Москве.

— С кем?

— Я должен убедиться, что вы та, за кого себя выдаете.

Лидочка вздохнула:

— Это похоже на детективный роман с переодеваниями.

— Я слишком дорого стою, — сказал Слава. — К сожалению, я слишком дорого стою.

— Подарите свой дом бедным детям.

— Не поможет. Домом не отделаешься.

В дверях появилась Алла.

Она стояла, переводя взгляд со Славы на Лидочку, словно прижавшаяся к земле кошка, завидевшая собак.

— Может, кофейком угостите? — пропела она.

Лидочка сходила на кухню и принесла ей кофе.

— О чем-то интересном разговаривали? — спросила Алла.

— Да, — сказала Лидочка.

— О чем же?

Они сидели втроем за круглым столом и мирно пили кофе.

— О Галине, — ответил Слава.

— Ну хватит о ней! — капризно сказала Алла. — Найдите тему более жизнерадостную.

— Вы поедете на похороны? — спросила Лидочка.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Алла. — А что, если ее и в самом деле мафия убрала? А что, если она была связана с какими-то темными типами? Мне совершенно ни к чему с ними засвечиваться. Да и тебе, Слава. Чем меньше людей знают о нашем состоянии, тем спокойнее. Ведь вагоны не разбирают, кто хороший, а кто плохой, правда, Лида?

— Наверное, вы правы, — согласилась Лидочка, отметив для себя странную оговорку Аллы о «нашем» состоянии.

Слава резко поднялся и сказал:

— Мне надо позвонить.

— Куда? — сразу же спросила Алла. Уже не как бывшая, а как самая настоящая, действующая жена.

— Маме, — ответил Слава.

— Уверен, что маме?

— Уверен.

— Учти, я буду подслушивать. — И Алла неестественно засмеялась.

Слава вышел из столовой.

Алла повернулась к Лидочке:

— Ничего не могу с собой поделать. Вроде бы мы расста-

лись, и у каждого своя жизнь, но продолжаю его ревновать. Никаких оснований, но ревную.

Слава не стал звонить с аппарата, стоявшего в коридоре, а пошел к себе в кабинет, чтобы позвонить с параллельного.

Алла навострила уши, может, и в самом деле ревновала. Может быть, их отношения со Славой куда сложнее, чем кажется на первый взгляд? И ее приезд не только дань вежливости оставленной в прошлом жены?

Послышался звонок. Лидочка и Алла замерли с чашками в руках, слушали, кто пришел.

Открыла Валентина — их комната была ближе всего к входной двери.

Слышно было, как она говорит, а ей отвечает довольно высокий мужской голос. Но о чем говорили, слышно не было.

Дверь снова хлопнула, и в столовую вошла Валентина.

— А Иришка не здесь? — спросила она бессмысленно.

— Наверное, спит, — ответила Алла. — А что?

— Ихний Роберт приходил, — сказала Валентина.

— Кто? — не поняла Алла.

— Приятель-воздыхатель, — засмеялась Валентина.

Алла испытала облегчение. Лидочка видела, как разошлись мышцы лица и лицо стало шире и мягче.

Валентина положила на стол пакет, небольшой бумажный пакет, какие дают в сувенирных магазинах, если вы покупаете значок или открытку.

В пакете лежал микрофон. Тот самый несчастный микрофон, который отыскала в саду Лидочка, а Иришка отдала мистеру Ричардсону, чтобы тот разобрался.

— Что там? — спросила Алла.

— А я знаю?

Валентина ушла, а Алла сразу же полезла в пакетик.

Лидочка хотела было остановить ее и даже испугалась, что Алла увидит этот микрофон. Но потом подумала, что интереснее поглядеть, как будет вести себя Алла, и понять, знает ли она что-нибудь о таких микрофонах.

Алла вытащила микрофон.

— Это что? — спросила она.

— Микрофон, — ответила Лидочка.

— Вижу, что микрофон. — Алла явно думала о другом.

Лидочка почему-то подумала, что волосы ей пора бы подкрасить. Корни были куда темнее кудрей.

В столовую заглянула Иришка.

— Кто ко мне приходил? — требовательно спросила она.

— Роберт, — сказала Лидочка.

— Возьми, он тебе микрофон принес, — сказала Алла и подвинула пакетик по столу к Иришке.

— Какой микрофон? — Иришка не сразу сообразила, но, сообразив, не знала, как ей себя вести.

— Ты что? — Алла сразу насторожилась. Интуиция у бывшей Славиной жены была развита на славу. Конечно же, она кошка, кошка-оборотень. В Китае, например, лисицы-оборотни самые известные и подлые сказочные существа и встречаются чаще, чем лешие в наших лесах.

— Я совсем забыла, что давала ему, — неубедительно сказала Иришка и слишком быстро взяла микрофон со стола. Она еще не умела толком притворяться, особенно перед своей мамой.

Зато Лидочка наверняка узнала, что Слава и его дочь не рассказывали Алле о находке микрофона и тех русских, что бродили на задах дома.

— А где папа? — спросила Иришка у Лидочки, непроизвольно пряча руку с микрофоном за спину.

— В кабинете, по телефону говорит.

— Иришка, — сказала Валентина, появляясь в дверях, — твой Роберт сказал, что они с отцом его отключили, а то, грит, он может заработать, и все ваши тайны улетят к врагам. Он сказал, что ты поймешь.

— Что за чепуха! — рассердилась Иришка. Даже покраснела от смущения и гнева. — Придумаешь ты, Валентина!

Она выскочила из столовой, оттеснив в коридор толстую Валентину.

— Что с ней случилось? — удивилась Валентина. — С ума вы здесь, что ли, посходили?

— У них сложные отношения с Робертом, — пояснила Лидочка больше для Аллы, чем для Валентины. — Девочка смущается.

— Кто этот Роберт? — спросила Алла.

— Это соседский мальчик, — объяснила Лидочка. — На этой улице живет. Англо-болгарин. Есть такая нация.

— Он говорит по-русски?

— Как мы с тобой, — сказала Валентина. — Хороший мальчик.

Лидочка пошла на кухню разогревать воду для кофе. Тонкая фанерная перегородка в окошке не была преградой для звуков. Слышно было, как в кабинете разговаривают Слава и Иришка.

— Эта дура Валентина прямо ей под нос положила! — жаловалась Иришка. — Ты понимаешь?

— А может, ничего страшного? Она что-нибудь заподозрила?

— Не знаю. У Лидочки надо спросить. А ты в Москву звонил?

— В Москву.

— И что?

— Мама разговаривала с Ульяной. Ульяна знает их семью.

— Значит, все в порядке?

— Думаю, что в порядке... Только кому сейчас можно верить?

— Фазер, если никому не верить, мы с тобой в пропасти. Нам надо кому-то верить. А то я уеду домой.

— И оставишь меня совсем одного?

— А что мне делать? Уйти к Роберту?

— Зачем?

— Стану его наложницей.

— Интересно, как к этому отнесутся его родители? — спросил Слава. — Ему уже есть шестнадцать?

— Ему уже шестнадцать. Ты отлично знаешь. И можешь обойтись без этих издевательств.

— Лидочка, ты чего застряла? — спросила из столовой Алла.

Лидочка вернулась в столовую и прикрыла за собой дверь на кухню. Ей не хотелось, чтобы Алла догадалась о замечательном месте для подслушивания. Как шкаф в английском замке. Или секретная лестница в Версале.

Она подлила горячей воды в чашку Алле. Та насыпала растворимки. Дом продолжал существовать какой-то походной, неустроенной жизнью, несмотря на то, что в нем с каждым днем прибавлялось женщин.

— Она с этим Робертом спит? — спросила Алла.

— Вы мать, вам удобнее спросить, — пожала плечами Лидочка.

— Давай на «ты» перейдем, — предложила Алла. — Все-таки в одном доме живем.

— У меня это получается как-то само собой...

— Как хочешь. Была бы честь предложена.

Лидочка поняла, о чем говорили в кабинете Слава с дочкой. Оказывается, он додумался проверить, можно ли доверять Лидочке или она наемница русской мафии. Значит, Слава звонил своей Марксине Ильиничне, а та проводила разведывательную работу в Москве. Ульяна — приятельница Теодора, к тому же она работает в институте Андрея. Ее сведения о Берестовых не должны вызывать сомнений. И Ульяна поведала Славиной маме, что Берестовы к мафии не имеют отношения. И на том спасибо. Впрочем, может ли Лидочка винить или упрекать Славу за то, что он занялся проверкой? А что бы ты делала на их месте? Они чем-то запуганы, сбиты с толку смертью Галины, они не доверяют собственной жене и матери. Живут, как унесенные ветром листья, в чужой стране. В доме, но бездомные. Может, и к лучшему, что они это выяснили, ведь и Лидочке не хочется жить в подозреваемых.

— Рано ей еще с мальчишками трахаться, — сказала Алла. — Я до семнадцати лет потерпела. Зато потом дала жару. Но ты, по-моему, не очень сексуальная.

— Это вопрос вкуса, — обиделась Лидочка. Не очень приятно, когда тебя объявляют несексуальной. Даже если это обвинение звучит из уст женщины, тебе не симпатичной.

— Ты в город не собираешься? — спросила Алла.

— Нет, не собираюсь.

— Жалко. А я бы съездила. Чего сидеть в глуши? Надо же было дом купить в такой деревне. Все равно что в Люберцах. Или еще дальше. Тоже мне, миллионер называется, новый русский. Ты анекдот про нового русского знаешь?

Тут, к счастью, вошли Слава с Иришкой.

— Завтра тебе рано вставать, — сказала Алла Славе.

— Я помню, — ответил Слава. — Я уже созвонился с Питером. Мы встречаемся в десять.

— Я тебе нужна?

— Нет.

— Впрочем, от меня там пользы мало, — согласилась Алла. — Когда английский в школе учили, я болела.

Она засмеялась. У Аллы, оказывается, была дежурная шутка.

— Лида, — спросил Слава, — вы завтра утром свободны?

— Вам нужна моя помощь?

— На час. А потом я вас отвезу, куда вам надо.

— Хорошо, — ответила Лидочка.

— Ты что, не можешь обойтись без друзей и подруг? — спросила Алла.

— Мне удобнее с друзьями и подругами, — ответил Слава.

— Как знаешь. У нас, олимпийцев, главное — не участие, главное — результат. Так сказать, золотая медаль.

— Значит, договорились, — сказал Слава Лидочке.

Весь вечер за стенкой гремел приемник. В тяжелые моменты жизни ребенок оглушал себя тяжелым роком.

Глава 15

«В этом доме не соскучишься», — подумала Лидочка, поднявшись утром и ожидая, пока Алла освободит ванную. Алла громко пела неприличные частушки.

Слава постучал в дверь Лидочкиной комнаты.

— Вы готовы?

Он был в пиджаке, при галстуке и являл собой образ какого-то диккенсовского героя, замученного бедностью и необходимостью сводить концы с концами. Но бедность его была заштопана, вымыта с мылом и благородна. Твидовый пиджак был Славе широк, да и непригоден для теплого дня.

— Через двадцать минут, — разочаровала Славу Лидочка.

Когда Лидочка спустилась в столовую, Алла уже сидела за столом. Рядом с ее чашкой стояла рюмка и бутылка джина.

— Счастливого пути, голубки, — сказала она. — Смотрите не изменяйте своей мамочке.

Слава подошел к машине, открыл дверцу. Тут же, как будто получив сигнал, из дома выскочили краснодарские родственники. Они так спешили, что застряли в дверях, а уступать дорогу не умели.

— Как хорошо! — закричал Василий, вырываясь вперед. — Мы как раз собрались в Сиднем-Вест, там распродажа!

— Мы в Пендж, — ответил Слава, не скрывая некоторого злорадства.

Василий замер в растерянности.

Но Валентину так просто отпугнуть не удалось.

— А мы ведь с тобой собирались в «Хоум-Бейз» зайти. Как раз по дороге.

— Но мы налево от переезда, — сказал Слава, уже сдаваясь.

— Ничего, мы пешком добежим. Добежим, Вася?

Вася уже забирался в машину.

Слава вел машину осторожно.

— Так я и не научился ездить по левой стороне, — сказал он. — И не научусь уже.

— Так ты осторожнее, Славик, — попросила Валентина. — Жизнь человеку дается тильки раз...

— Валентина, бросьте вспоминать украинские слова, — раздраженно бросил Слава. — Поздно вам стараться. Ведь еще лет пять назад вы мне говорили, что такого языка нет.

— Передумала, — быстро ответила Валентина. — Как побывала гражданкой великой страны под названием Окраина, так и вспомнила про язык.

— Ты думаешь, она знала? — неожиданно спросил Василий.

— Бог ее знает, — ответил Слава.

Лидочка поняла, что разговор идет об Алле и о смерти Галины. Краснодарские Кошки не блюли моратория.

Слава вел машину медленно, но на встречную полосу не выезжал.

Они миновали станцию, потом по узкой улице, протянувшейся вдоль путей, достигли проезда под путями и оказались по ту сторону железной дороги, в Пендже. На главной улице Пенджа Слава остановил машину. Василий с Валентиной вылезли. Они знали, что теперь Славе предстоит припарковать машину, что он делал с трудом и без умения.

Слава заехал на небольшую площадку за главной улицей.

— Как говорится, — сказал он, — теперь остались только свои. Мне надо вам кое-что объяснить.

Он захлопнул дверцу, и они пошли пешком между двумя большими магазинами к центру.

— У меня возникла необходимость составить некоторые документы, — сказал Слава. — Сделать это я могу только с помощью адвоката. Их здесь называют солиситорами. Слышали?

— Слышала.

— У меня есть свой. Питер. Хороший парень из Белфаста, но не любит, когда стреляют. Недорогой, но честный. Мы с ним вообще-то понимаем друг друга, но сегодня ответственный момент. Он сначала подумает, что я сошел с ума. Но я не сошел с ума. Я — жертва обстоятельств. Так что вы тоже не удивляйтесь.

— Я вам нужна как переводчик?

— Как переводчик, которому я могу доверять, — сказал Слава.

— Почему это вы вдруг решили мне доверять?

— Разве это так важно?

«Не будет он признаваться, что в Москву звонил», — поняла Лидочка.

— Я звонил в Москву, — сказал Слава, — и просил маму узнать, не из их ли вы компании.

— Из кого?

— Из охотников за мной, — серьезно ответил Слава.

— Почему за вами нужно охотиться?

— Потому что я богатый. И незаслуженно богатый.

— А кто же охотники?

— Если бы я знал!

— Может, их и нет?

— Они есть.

Они миновали распродажу дешевой одежды. Рубашки, трусы и прочие вещи лежали в больших коробках на тротуаре. Вокруг балабонили веселые толстые негритянки.

Адвокатская контора умещалась между двумя магазинами. Стеклянная дверь вела в узкую длинную комнату. У окна стоял кожаный потертый диван и столик со старыми и драными журналами, как в дешевой парикмахерской. В глубине за большим столом сидела девушка в очень массивных очках с затемненными стеклами.

Девушка узнала Славу, как только он вошел, и тут же нажала на кнопку.

— Мистер О'Келли, к вам мистер Кошко.

Она встала, чтобы показать, куда Славе идти. Но он и без указаний знал дорогу.

Питер О'Келли вышел на лестничную площадку второго этажа. Дом, зажатый между магазинами, был выдавлен ими наверх. В нем оказалось четыре этажа, соединенных крутой узкой лестницей. На четвертом находился небольшой кабинет владельца конторы, который в упрощенной форме повторял кабинеты адвокатов и стряпчих с иллюстраций к Диккенсу или даже к Смоллетту. Только вместо шкафов с сотнями томов законов всех времен и стран в кабинете был стеллаж в три полки, вместо стола красного дерева, на котором можно было танцевать, — ученический стол с корзинкой для входящих и исходящих, вместо обширного черного кожаного кресла — легкомысленное вертящееся креслице, а визитеры же вообще были вынуждены сидеть на стульях. И стены были просто белыми — ни одного портрета предка, ни фотографий скаковых лошадей — только диплом Питера в тонкой рамке.

Питер оказался небольших размеров упитанным темноволосым человеком с наивными голубыми глазами, выражение которых не гармонировало с быстрым и подчеркнуто деловым тоном голоса и выверенными короткими движениями рук.

После краткой церемонии представления и приветствий Питер занял свое кресло за столом и жестом пригласил визитеров садиться.

— Я ждал вас, — сообщил он Славе.

— Разумеется, — кивнул Слава. — Мы с вами уже обсудили предварительно мои дела.

— Ваше решение мне кажется опасным и безрассудным, — сказал Питер. — И это я говорю вам не как ваш солиситор, а как друг.

— Я знаю, — покорно согласился Слава. — Но у меня есть обязательства... Можно дальше Лидия будет переводить? Я боюсь неточностей.

— Надеюсь, вы предупредили вашу подругу, что наш разговор более чем конфиденциален?

— Миссис Берестова, — сказал Слава, — обещала мне, что все, сказанное здесь, останется между нами.

— Я все правильно понял? — обратился адвокат к Лидочке.

— Давайте обсудим, — торопил Питера Слава. — У меня мало времени.

— Правильно ли я понял мистера Кошко, — адвокат спрашивал у Лидочки, и та повторяла его слова для Славы, — что он намерен сейчас, срочно, невзирая на существенные финансовые потери, превратить в наличность пятьсот тысяч фунтов стерлингов, а также продать недвижимость на сумму более миллиона фунтов, и вырученные деньги перевести на указанный вами счет в Швейцарии?

Лидочка перевела вопрос, поражаясь услышанному.

Первое, что ее поразило, заключалось в самой сумме, которой мог распоряжаться Слава. Значит, у него было по крайней мере полтора миллиона фунтов, более двух миллионов долларов, и, наверное, это были не последние его деньги. Второе: не вызывало сомнения и то, что полтора миллиона фунтов Слава намеревался кому-то заплатить. Немедленно.

— Да, вы меня поняли правильно, Питер, — сказал Слава.

— Разумеется, вы можете продать и ваши акции, и даже уступить вашу долю в отеле «Мэйфер» в Бристоле. Но я думаю, что даже ваш банк также будет возражать против вашего решения.

— Когда я могу получить деньги? — спросил Слава.

Он был как орешек, который, позванивая, болтался внутри обширного просторного костюма. Воротник сорочки был велик и стянут галстуком, отчего сморщился и один уголок его торчал вперед, будто Слава впервые в жизни повязал галстук.

— Вы — мой первый русский клиент, и я надеялся, что все разговоры о загадочной русской душе, о русских безумствах и так далее — выдумки газетчиков. Вы заставляете меня изменить мое мнение.

— Меня вынуждают к этому обстоятельства.

— Простите, но я приблизительно знаю о ваших обстоятельствах. Никаких финансовых сложностей вы не испытываете, никаких обязательств перед семьей не имеете...

— Я обязан помочь моей бывшей жене, — признался Слава.

— А что с ней случилось? Зачем одинокой женщине в России срочно может понадобиться полтора миллиона фунтов стерлингов?

— Считайте это русским безумством.

— Не верю, — сказал Питер. — Хотите чего-нибудь прохладительного?

Слава и Лидочка в один голос отказались.

Лидочка все старалась осознать масштабы названной суммы. Полтора миллиона фунтов! И в самом деле, зачем Алле могли понадобиться такие деньги?

Догадка лежала на поверхности, но верить в нее не хотелось.

Алла стала жертвой шантажа.

Или передаточным звеном в заговоре, направленном на то, чтобы ограбить Славу.

Очевидно, Иришка знает об этом, но Василий с Валентиной вряд ли. И кто же тогда Алла? Невинная жертва или участник заговора?

— Не надо подозревать меня в том, что я русский мафиози, — попросил Слава. Голос его был жалким. Он на самом деле умолял адвоката о снисхождении. Ему было страшно, поняла Лидочка. Страшно казаться преступником в глазах добропорядочных англичан, страшно потерять доверие Питера как олицетворения этих англичан.

— Может быть, вам следует обратиться в полицию? — осторожно спросил Питер. — У меня есть знакомый, который работает в специальном отделе Скотленд-Ярда.

— Нет, — решительно сказал Слава. — Ничего хорошего из этого не выйдет.

«Он знает, — думала Лидочка, — что смерть Галины тоже каким-то образом связана с появлением Аллы. Галина знала нечто, испугавшее Геннадия... условно говоря, Геннадия».

— И тем не менее, — сказал Питер, — я считаю своим долгом напомнить вам, Вячеслав, что вы находитесь в государстве, которое может оградить своих подданных...

— Я подданный России.

— Вы имеете вид на жительство в Великобритании и можете получить гражданство, как только того пожелаете.

— Питер, уверяю вас, что я хотел бы не трогать этих де-

нег. Но меня вынуждают обстоятельства. И я достаточно взрослый человек, чтобы решить, как распорядиться деньгами.

— Если вы стали жертвой шантажа, — ответил Питер, вежливо и холодно выслушав перевод Лидочки, — то учтите, что шантажист, как правило, не ограничивается первой добычей. Он будет трудиться, пока не высосет вас досуха.

— Я постараюсь, чтобы так не случилось, — сказал Слава и этим признал правоту Питера.

— Наверное, вам не стоило... — Питер оборвал начатую фразу. Лидочка не переводила, смотрела на него. Слава тоже смотрел на юриста.

После короткой паузы Питер заговорил о другом:

— Я полагаю, что результаты обследования возможностей продажи недвижимости и ваших акций будут известны в банке через три дня. Утром я разговаривал с мисс Парсонс из Сиднемского отделения. Она свяжется с эдинбургским трастом. Но потери, которые вы понесете, делают ваше решение по крайней мере сомнительным.

Слава слушал монолог адвоката, как проштрафившийся школьник, не поднимая глаз.

Питер оборвал свою речь.

Он понял, что школьник неисправим.

Слава поднялся и спросил:

— Мне нужно пойти к Шейле?

— Я думаю, что визит к мисс Парсонс не будет излишним. Она ожидает вас.

Питер вышел за ними на лестничную площадку. Он не скрывал своего разочарования, даже обиды на клиента.

— Вы позвоните мне, когда будут новости? — спросил Слава.

— Обязательно, — обещал Питер.

Ждать, пока клиенты спустятся, он не стал. Когда Лидочка подняла глаза, адвоката уже не было.

— Теперь куда? — спросила она у Славы. — В банк?

Дверь конторы мягко закрылась за ними. По улице несся жаркий ветер. Он гнал обрывки бумаги. Погода явно менялась.

— Вы не спешите? — спросил Слава.

— Я не спешу, — сказала Лидочка. — Но полагаю, что вы ведете себя нечестно.

Они остановились перед большим ящиком, с верхом загруженным рулонами туалетной бумаги. Дальше на тротуаре стояли коробки с хозяйственными мелочами — шла распродажа хозяйственных товаров.

— Почему нечестно?

Раньше Лидочка не замечала, какой у него цвет лица — серая, в каких-то малиновых точках кожа, а волосы редкие, жирные. И красный кончик носа. Вид его был жалок.

— Я перевожу разговоры, которые мне непонятны.

— Придет время, я расскажу, — пообещал Слава, не поднимая глаз.

— Слушайте, Слава, что за выражения: придет время! Вы выражаетесь как в дурном романе.

Слава, задумавшись, взял рулон туалетной бумаги и крутил его в руках. Индус-продавец поспешил от дверей магазина и спросил:

— Вы будете брать, сэр?

Слава никак не мог понять, чего от него требуют.

Лидочка отобрала у него рулон и кинула обратно в ящик. Она взяла Славу под руку и повела прочь, к машине.

Больше она не стала расспрашивать. Тем более что в ходе разговоров, которые она переводила, открывались все новые обстоятельства. Хотел того Слава или нет, но желание использовать Лидочку в качестве бесплатного переводчика ставило его в положение невольного распространителя информации. Лидочка не могла находиться рядом со Славой и не догадываться о действительном положении вещей.

Они подъехали к банку. Там толстая, чрезмерно жизнерадостная мулатка, мисс Парсонс, уже ждала их, широко улыбаясь и демонстрируя множество крупных жемчужных зубов.

Она провела их в свой кабинетик, где начался второй этап разговора о деньгах, также полный нескрываемого недоумения со стороны англичанки, неспособной понять, почему у цивилизованного человека может сложиться ситуация, когда ради получения миллиона наличными он может пожертвовать двумястами тысячами.

От мисс Парсонс пахло очень сладкими духами, в кабинке-кабинете было трудно дышать, словно внутри тропического цветка.

Мисс Парсонс убедительно доказывала Славе, почему он

не имеет права так себя вести. Потом Слава, все выслушав, сказал, что договорился с Питером о том, чтобы устроить совещание по поводу денег через три дня, когда все документы будут готовы.

Затем мисс Парсонс стала показывать Славе бумаги, которые должны были подтвердить правильность ее позиции.

— Не для перевода, — сказал Слава Лидочке. — Они мне страшно надоели. Лезут и лезут. Как будто это их деньги. Все равно же ничего не изменится.

Мисс Парсонс замолчала и смотрела на Лидочку, ждала, когда та переведет.

— Это не относилось к делу, — сказала Лидочка.

Когда они вышли на улицу, Слава сказал:

— Словно к проктологу сходил.

Лидочка не сразу сообразила, чем занимается проктолог. Потом вспомнила, что задними частями тела.

Она ждала, что Слава сейчас объяснит ей, что же скрывалось за утренними визитами, но Слава не спешил откровенничать.

— Вы домой или по делам? — спросил он.

— По делам, — ответила Лидочка.

— Куда вас подвезти?

— Не надо, спасибо, — отказалась Лидочка. — Я на автобусе доеду.

Слава должен был возмутиться, возразить, но он думал совсем о другом. Он использовал Лидочку, как проездной билет, и выкинул, сойдя с автобуса.

Лидочка доехала до станции, откуда добралась до Бромли. Ей нужно было посетить магазин «Икеа», чтобы посмотреть на скандинавскую мебель для будущей конторы.

Глава 16

Возвращалась Лидочка уже к вечеру. Ветер стих, солнце скрылось за вершинами деревьев, и тени стали длинными и глубокими. Но день еще не кончился, и верхушки деревьев купались в солнечном тепле.

Неверно было бы сказать, что Лидочка не думала о странных визитах к солиситору и в банк. Но английский летний

день обладает счастливым качеством рассеивать грустные мысли и приводить человека к внутреннему миру. Может быть, англичанам это свойство их климата неизвестно, но для русских людей, лишенных внутреннего покоя, Англия служит полезным лекарством. И если бы можно было переселить всех желающих русских в Англию, то настроение и нервность нашей нации претерпели бы перемены. Русские бы изменились к лучшему. Правда, страшно подумать, что бы стало с теми, кто не хочет иной, кроме российской, жизни. Предоставленные сами себе и лишенные сдерживающих соседей, они скоро перебили бы друг дружку.

Сворачивая на Вудфордж-роуд, Лидочка не была готова к встрече с Аллой. Та стояла на углу, прислонившись к могучему клену, являвшему собой столб ворот, ведущих на старинную улицу.

— Поджидаю, — сообщила Алла.

Она курила. Несколько окурков валялись у ее ног.

— А что случилось? — спросила Лидочка.

— Об этом я у тебя хотела узнать.

Как поступать с человеком, который без твоего разрешения перешел на «ты» и не собирается менять свои позиции?

Лидочка попыталась обогнуть Аллу, но ничего из этого не вышло, потому что Алла сделала шаг в сторону, перекрывая путь.

— Погоди, — сказала она. — Мне нужен отчет. Ни больше ни меньше. Отчитайся, где были, что делали.

— Слава вам не рассказал?

— Расскажет. Но мне нужно от тебя услышать. От тебя.

— Почему?

— Потому что он тебя с собой возил. А меня здесь оставил. Хочу понять почему?

— Потому что ему нужна была переводчица, — сказала Лидочка. — И он сомневался в вашем знании английского языка.

— Слушай, не кривляйся, хорошо? Зачем ты меня сердишь? Я же о тебе буду плохо думать.

— Менее всего меня интересует ваше мнение, — сказала Лидочка. — Да пропустите же меня, наконец!

Она рванулась в сторону, выскочила на проезжую часть.

Алла кинулась к ней — в ее неожиданном движении было что-то от детской игры. А ну-ка догони!

Несясь домой, как будто в норку, Лидочка не ощущала себя женщиной средних лет, за которой по тихой английской улице бежит еще одна женщина средних лет, и обе приехали из России.

Алла бежала молча. Она догоняла Лидочку. Ну хоть бы закричала, чтобы превратить погоню в настоящую игру.

Алла протянула руку — Лидочка не увидела, но почувствовала, потому что Алла больно ткнула ее в спину, но, к счастью, едва дотянулась.

И тут показалась бегущая навстречу Иришка.

— Не смей! — закричала она.

Лидочке сначала показалось, что она имеет в виду ее, что сейчас дочка и мать, взяв ее в тиски, догонят и убьют... или ударят...

Но тут же сообразила, что предупреждение относилось к Алле. Иришка обогнула Лидочку и тут же столкнулась с матерью.

— Ты что?! — крикнула Алла. — Больно ведь!

— Не трогай Лиду!

— Да кто трогает твою Лиду?

Лидочка пробежала еще несколько шагов, остановилась и оглянулась.

Разгневанная Алла пыталась прорваться сквозь преграду в виде Иришки. Иришка уступала матери ростом, но была куда крепче, основательней и, главное, гораздо моложе.

— Ну ладно, — сказала Алла, — хватит этих штучек.

Она махнула рукой и медленно пошла к дому.

Лидочка тоже пошла к дому, но по другой стороне.

Иришка присоединилась к ней. Когда ей показалось, что мать далеко и не услышит, она прошептала:

— Вы осторожней, Лидия Кирилловна, она же злобная.

* * *

Вечером атмосфера в доме стала настолько напряженной, что даже Василий с Валентиной не посмели сунуться в кабинет к телевизору. Слава закрылся там и что-то писал. Иришка убегала из дома, но вскоре возвращалась. В одну из

ее отлучек Лидочка услышала, как Алла спустилась и спросила у Валентины, как здесь звонят из автомата.

— А чего вам с автомата? Телефон же в коридоре, — наивно сказала хитрая Валентина.

— Не хочу, чтобы меня подслушивали, — ответила Алла.

— Ну, это конечно, — согласилась Валентина и принялась объяснять, что кидать нужно ихний гривенник, а еще можно купить карточку, так вот по этой карточке вообще можно куда хочешь звонить, даже в Москву, только получается невыгодно, потому что очень быстро отсчет идет.

— А у тебя гривенники есть? — спросила Алла.

— Вася, Васек, у тебя по десять пенсов остались? Ага, сейчас принесет.

Потом хлопнула дверь. Алла ушла.

Ужинали как-то поодиночке. То Слава вышел, пошуровал в холодильнике, а когда спустилась Лидочка, он как раз выходил из столовой с бутербродом. Лидочка перекусила, за стеной жевали Кошки.

Потом снова хлопнула дверь. На этой тихой улице звуков было так мало, что любой шорох доносился до самой глубины дома.

Лидочка сидела у себя и читала, стараясь побороть плохое настроение. Она подумала, что вернулась Алла, получившая инструкции от своего патрона. Лидочка уже убедила себя, что Алла — участница шантажа. Правда, она гнала от себя мысли об убийстве Галины, а то становилось страшно: ведь ты живешь в доме с человеком, который может быть как-то с этой смертью связан.

В дверь поскреблись.

— Войдите.

Это была Иришка.

— Вы не спите?

— Рано.

— Можно у вас посидеть?

— Заходи.

Иришка вошла и стала осматривать комнату, словно попала в незнакомое место.

— Садись, — пригласила Лидочка.

— Я на минутку. Пока ее нету. Я шла от Ричардсонов и

увидела, что она бежит куда-то. Хотела проследить, а потом подумала — ну что я ее буду выслеживать? Кто она мне?

Так как Иришка сделала многозначительную паузу, Лидочка заметила:

— Кажется, мать?

— Такая же мать, как пылесос, — нелогично ответила Иришка. — Только я буду говорить тихо, чтобы эти Васечки не услышали. Они вечно подслушивают.

— Для этого им надо подняться на второй этаж.

— Лестница не скрипит, — сказала Иришка. — Я проверяла.

Она села на кровать рядом с Лидочкой, откинулась, опершись на локти, и положила ноги на стул. У Иришки были толстые щиколотки и икры.

— Ну и как она вам? — спросила Иришка вполголоса.

— Ты о своей маме?

— Она мне не мама, — сообщила Иришка. — И если никто вам не хочет этого сказать, я сама скажу. Должен же быть один нормальный человек на свете?

— Погоди, погоди...

— Тише!

Иришка по всем правилам романтической интриги должна была сначала взять с Лидочки клятву в том, что она никому не проговорится, затем не сразу, захлебываясь слезами, подвести ее к сути дела. Ничего такого не произошло. Иришка продолжала:

— Только не говорите, что вы ничего не подозревали. Тогда я подумаю, что вы врете или у вас крыша поехала.

— Отличное воспитание, — заметила Лидочка. — Но допусти, что я просто тупая или доверчивая. Я живу в чужом доме, я вас и недели не знаю. Потом приезжает твоя мама. Никто в этом не сомневается...

— Попробовали бы усомниться!

— Тогда расскажи мне все по порядку.

— Только никому ни слова. Я очень прошу! Я же вам рассказываю не потому, что вас обожаю, а потому, что мне деваться некуда. Конечно, есть Робертик, но что он понимает? Он только перепугается — ах, российская мафия! А его мамочка запретит ему со мной гулять. Ваша дочка нашему наследнику не компания!

— Погоди ты со своими рассуждениями! — прервала девушку Лидочка. — Вернись к началу. Почему Алла не твоя мама?

— А разве это не видно? Мы с ней даже не похожи!

— Но ты и на отца не очень похожа.

— А с мамой одно лицо! Если не считать, что мама красавица, а я ошибка природы.

— А где твоя мама?

— В Москве. В этом вся беда.

Лидочка растерянно молчала, слушая Иришку.

— Мама должна была приехать, как договаривались. Фазер этого и хотел, и не хотел, он маму побаивается. Он у меня зажимистый, ему с миллионами нелегко расстаться. Даже с фунтом. Он здесь на бензине экономит — отрыжка социализма.

Иришка оборвала рассказ, бесшумно вскочила, подбежала на цыпочках к двери и резко ее распахнула.

Снаружи было пусто и тихо. Откуда-то издалека доносилась музыка.

— Никого, — сказала Иришка.

Она закрыла дверь и вернулась на кровать.

— Мама собирала вещички. Она должна была через две недели прибыть, даже билет заказала. И тут она звонит — вы помните? — и просит, чтобы фазер встретил в городе ее начальника и повозил его по магазинам.

Лидочка кивнула. Она вспомнила, как советовала Славе отвезти Аллиного начальника в «Хэрродс», чтобы там его разорить.

— Фазер встретил начальника, но в магазин они не попали. Этот начальник приказал папе ехать за город, а там на каком-то пустыре он объяснил, что привез привет от мамы. Что она намерена заявиться к нам не через две недели, а немедленно. И что фазеру придется сделать усилие, чтобы узнать свою бывшую жену. Но если он ценит жизнь Аллы, своей дочки, своей мамочки и свою собственную, то он будет вести себя, как пай-мальчик. Понимаете?

— Пока не совсем.

— Я тоже не сразу врубилась. Все это за пределом. Мне бабуся как-то говорила, что от гадких болезней умирают другие, плохие люди. А на свой счет это принять невозможно. Я тогда посмеялась. Я вообще слишком часто посмеиваюсь.

Вот и получила гадкую болезнь в наш дом. У вас закурить не найдется?

— Нет. А ты куришь?

— Только никто об этом не знает. Они думают, что я ребенок и у меня нежные легкие, которые почернеют и загнутся, если я буду плохой девочкой. А я экстази пробовала!

— Вернись на землю, — попросила Лидочка.

— А рассказывать-то больше нечего. Тот начальник доступно объяснил фазеру, что мою мамочку Аллочку охраняют его друзья. Ей с ними пока хорошо. И как только фазер поможет им взносом в полтора миллиона, они отпустят маму на свободу.

— Ой, какой ужас!

— Не ведите себя, как банальная барышня, — сказала Иришка. — Вы обо всем догадались еще вчера.

— Нет, не обо всем.

— Фазер мне сказал, что он всегда ждал, что кто-то придет и скажет ему: «Вы не заслужили своего богатства. Поделитесь, пожалуйста, с нами». Поэтому он даже не очень удивился. Испугался — конечно, испугался, а удивления, говорит, не было. Он этому начальнику стал объяснять, что из ихнего шантажа ничего не выйдет. Ведь он живет в Англии, и ему достаточно сообщить в полицию.

— А они ему посоветовали в полицию не обращаться, — продолжила за Иришку Лидочка, — потому что тогда он больше не увидит Аллу. А если Алла ему не дорога, то пусть вспомнит, что Марксина Ильинична, его мама, тоже живет без охраны. А до тебя добраться — легче легкого.

— Точно! — сказала Иришка. — Будто вы подслушивали.

— А это простая схема. Каждый человек чего-то боится. И за кого-то боится.

— Я пауков боюсь, — некстати сказала Иришка.

— Теперь я понимаю роль этой... женщины. — Лидочка показала пальцем вниз, где могла находиться лже-Алла. — Я никак ее не могла понять. Это меня и сбивало.

— Фазер сказал им: «А как вы сможете отнять у меня деньги?» А начальник ответил, что они и не будут отнимать. «Ты сам все сделаешь, — сказал он. — Потому что твоя жена Алла приедет из России. Ты ее встретишь, ты с ней снова соединишься, ты передашь ей часть своего имущества, нам все

не надо. Она возьмет наличные и уедет. Мы подсчитали, что полтора миллиона тебя не разорят».

— Они на этой сумме не остановятся, — сказала Лидочка.

— Но они же обещали!

— А как же Марксина Ильинична?

— Они там хитро придумали. Бабушка думает, что мама уже приехала. Она же ее не провожала. Она мою маму на дух не переносит. Но думаю, что они все предусмотрели. Если у них хороший режиссер, он этот спектакль поставил как надо.

— А Василий с Валентиной?

— Это самое сложное, — сказала Иришка и вдруг улыбнулась. — Начальник спросил фазера, может ли он гарантировать, что Кошки Аллу не видели. Хотя бы давно. Конечно, фазер гарантии дать не мог. Он думал, что они ее все равно не узнали бы. И начальник велел фазеру принять удар на себя. Он должен гарантировать их молчание.

— И как они встретили новость?

— Ну вы же видели! Я думала, они будут переживать, билеты купят. Домой улетят...

— Им бы никто не позволил.

— Так Валентина и сказала: «Раз нам все равно здесь сидеть, ты нам, Славик, фунтов двести — триста пятьдесят одолжи, чтобы мы могли нашим внучатам чего хорошего купить».

— И одолжил? — Это было почти смешно. Как же она этого раньше не заметила?

— Где один шантажист, — разумно заметила Иришка, — там их целая банда. Впрочем, тетя Лида, а чего вы хотите? Кошки мою маман в гробу видали. Не отказываться же от халявы! Это не в характере моих родственников.

— Мудро, — согласилась Лидочка.

— А фазер все время вас подозревал, — сказала Иришка, поднимаясь. — Вы его даже микрофоном не убедили. Так что будьте готовы к вспышкам.

— Я хочу уехать, ты же знаешь!

— А теперь я сама вас не пущу. Лягу на рельсы. Вы же за меня, правда?

— Я за тебя.

— И всегда будете за меня?

— Я постараюсь.

— Даже когда я буду совсем одна и все меня будут ненавидеть?

— Не плачь, я сама сейчас разревусь.

— Если вы за них, никогда бы так не сказали.

Лидочка постаралась заговорить о другом:

— Твой папа в самом деле состоятельный человек?

— А вы не догадались?

— Сначала я думала, что он не очень богат. Что у него есть этот дом, ну и машина.

— Глупости! У него больше семи миллионов фунтов. Только не в деньгах, конечно. Его деньги вложены.

— Значит, ему нелегко высвободить полтора миллиона?

— Это все, что он сможет сделать, — уверенно сказала Иришка. — Даже эти деньги можно получить только с большими убытками. Я, честно говоря, в этом не секу, но фазер был в шоке. В самом деле, снять полтора миллиона означает лишиться трех.

— Они потребовали полтора миллиона фунтов?

— Полмиллиона наличными, а миллион перевести на счет в швейцарском банке.

— Солидная публика.

— Понимаете, как говорит фазер, они знали, сколько у нас денег и сколько из них мы можем заплатить.

— Значит, им кто-то подсказал.

— Кто? Питер?

— Какой Питер? А, ваш солиситор?

— Вот именно. Или в банке? Где они нашли всю информацию?

— Вернее всего, они заплатили за информацию, и мы с тобой никогда не узнаем кому. Они могли пожертвовать пятью процентами, а это приличный гонорар доносчику.

— Но в Москве его быть не могло, — сказала Иришка. — Фазер клянется, что всех деталей его состояния даже бабуля не знает.

— Наверное, он прав. И, судя по всему, они долго вас изучали.

— Как муху под лупой. Противно, правда?

— Противно. И что же было дальше?

— Я думала, что на аэродроме в обморок грохнусь. А вы бы посмотрели на фазера — мне его поддерживать приходилось. Когда она появилась, то я сразу догадалась. И знаете почему?

— Ты уже говорила: она похожа на твою маму.

— Хуже, — сказала Иришка. — В тысячу раз хуже.

— Ну что же, говори!

— Она была в мамином платье! Понимаете, в мамином платье, которое маман сама сшила. Это ее любимое платье. Я ей его шить помогала. Я у нее была, ночевала, мы платье шили. В прошлом году. Сечете, тетя Лида?

— Плохо тебе было?

— Не то слово! Я думала, меня вырвет. Такая тошнота! Наверное, от страха. Или от ненависти. Вы думаете, только мы ее встречали? Оказывается, рядом с нами два амбала стояли — ее люди. Она откровенно сначала к ним подошла, а потом они все втроем развернулись к нам! А мы уже пережили шок... Такая тупость наступила, вы не представляете, ну хоть режь меня, делай что хочешь. Вы хотите, чтобы это была моя маман? Пожалуйста!

— Не плачь. Рассказывай дальше.

— Она с нами поздоровалась. Хорошо еще обниматься не стала. Сразу сказала: «Обойдемся без лишних эмоций. Если кто смотрит, все знают, что мы со Славой разошлись много лет назад. Нас связывает только ребенок. — И в меня пальчиком ткнула. — Но мы друзья и теперь будем сближаться. И если вы посмеете что-нибудь выкинуть, то учтите, что я здесь не одна. Вы видели, что у меня есть друзья».

— Один такой... красивый, лет тридцати, брюнет, карие глаза, очень яркие, широко расставленные?

— Правильно. А откуда вы знаете, тетя Лида?

— Это мой попутчик. Он мне представился как Геннадий.

— А второй?

— Второй прихрамывает.

— Точно! Вы его в саду видели, правда?

— Да.

— А самое трудное было, пока мы ехали до дома. Такое странное чувство, будто к нам приехали гости. Фазер даже начал рассказывать, по каким районам мы едем — экскурсию устроил. А я вдруг спросила, как там маман. А она говорит, ничего страшного, можно спрашивать, все вопросы надо за-

дать здесь, в машине. Потом будет поздно. При людях попрошу не ошибаться. Ошиблись — мина взорвалась. Как саперы!

Представить эту сцену было нетрудно, но страшновато. Они едут в машине, Слава натужно рассказывает о памятниках архитектуры, может, о телевизионной вышке или о хрустальном дворце, который давным-давно сгорел дотла. А Иришка смотрит на платье, которое сшила ее мать...

— Я все же ее спросила, а где мама, — услышала Лидочка Иришкин голос. — И Алла ответила, что мама в надежном, безопасном месте. Понимаете, она представилась как Алла!

— Теперь понимаю. Так проще.

— Мы ехали, ехали и приехали. Тут уж вы появились, и мы начали перед вами играть спектакль «дружная семейка».

— Значит, давай подытожим, — сказала Лидочка. — Некие люди похитили твою маму. Сделано это было в ночь перед отъездом мамы в Лондон. Так что все в Москве убеждены, что твоя мама благополучно долетела до Лондона, и даже не будут ее искать?

— Правильно.

— Эти люди сказали, что... лже-Алла будет здесь жить, пока твой отец не отдаст им полтора миллиона фунтов. Иначе...

— Иначе они убьют маму. Понимаете?

— Понимаю. Как только твой отец выполнит их требования...

— Тогда Алла улетает обратно, и в тот же день в своей квартире появляется моя мама. И все продолжают жить дальше.

Лидочка поглядела в окно. По большому суку пробежала белка, остановилась, поднялась на задние лапки и принялась обкусывать какой-то орешек. Белке было плевать на русские беды и трагедии.

— А Галину они испугались, — сказала Лидочка.

— Они ее не учли. Видно, спешили.

— Надо было позвонить ей и сказать, чтобы не ездила к нам. Папа мог позвонить.

— Он бы позвонил, а они бы убили маму!

— А так они убили Галину!

— Ну и что? Я эту вашу Галину и в глаза не видала! А мама у меня одна.

— Иришка, не говори так. Я тебе не верю.

Иришка резко отвернулась и уставилась в угол.

Кто-то поднимался по лестнице.

— Она, — прошептала Иришка. — Ей не надо меня тут видеть.

Шаги затихли у Лидочкиной двери.

Затем дверь начала медленно открываться внутрь. Иришка кинулась за шкаф, но втиснуться в щель не смогла и осталась там стоять.

Дверь приоткрылась еще шире.

Но за дверью стояла не Алла, а Слава.

Глава 17

— Можно войти? — спросил Слава шепотом.

— А что, Алла еще не возвращалась? — откликнулась Лидочка.

— Нет.

Слава рассеянно кивнул дочке, которая медленно вышла из-за шкафа, потом присел на плетеный стул у письменного стола.

— Я ей все рассказала, — заявила Иришка.

— Я так и понял.

— Она бы все равно догадалась.

— Я знаю, что она уже догадалась. Может, даже днем.

Слава посмотрел на Лидочку испытующе. Глаза у него опухли, будто он плакал. Бородка съехала набок. Кадык часто вздрагивал, норовя разрезать кожу на горле.

— Днем я ни о чем не догадалась, кроме того, что творится неладное.

— Но у меня не было выбора, — сказал Слава. — А может быть... — Он покачал головой, как китайский болванчик, словно соглашаясь со своим внутренним голосом. — Может быть, я хотел, чтобы вы догадались. Так, чтобы самому не рассказывать.

Папа и дочь смотрели на Лидочку с двух сторон, словно она должна была подсказать им выход из странного и опасного положения.

— А что известно о настоящей Алле? — спросила Лидочка.

Иришка взглянула на отца, как бы уступая ему первенство в разговоре.

— Алла, конечно, по словам этой вот... По ее словам, Алла в безопасности, до тех пор пока мы ведем себя правильно. Иначе... как только ей станет грозить опасность...

— Папа имеет в виду узурпатку, — пояснила Иришка.

— Узурпаторшу, — машинально поправил ее отец. — Как только узурпаторше станет грозить опасность, они с Аллой расправятся.

— Вы им верите? — спросила Лидочка. Уже спрашивая, она понимала, что вопрос неверный и даже нетактичный.

— А что нам остается? — спросил Слава и повторил громче: — Что нам остается?

— Тише! — зашипела Иришка.

— И как мы можем проверить? — прошептал Слава. — У нас нет в Москве человека, у которого можно выяснить.

Лидочка была вынуждена согласиться, что операция была проведена ловко. Для всех Алла Кошко благополучно покинула Москву и улетела в Лондон. Как только узурпаторша улетела, настоящая Алла исчезла. Неизвестно как, да это и неважно — то ли по дороге в Шереметьево, то ли из дома перед отъездом, то ли еще ночью, чтобы можно было вызывать такси и чтобы лже-Алла могла спуститься рано утром с чемоданом в руке и сесть в машину — пожалуйста, проверяйте, допрашивайте водителя, мучайте свидетелей. Теперь Алла, весьма одинокая в Москве женщина, без любимого мужчины, без родителей, живущих, наверное, в Ставрополе или Мелитополе, местопребывание которой некому проверять, по всем законам находится в Лондоне. В Москве ее искать никто не будет.

Вот только одно непредвиденное обстоятельство — подруга Галина. Не учли. Но рисковать нельзя — слишком высока ставка. И Галина погибает в метро. А тут эта проклятая старушка, которая видела, как Галину толкнули под поезд...

Здесь, в доме № 14, все тихо. Василий и Валентина, к сожалению, знающие Аллу, нейтрализованы страхом и жадностью. Им хочется увидеть Краснодар и привезти подарки внучатам.

Впрочем, никто из дома не уедет, пока деньги не будут получены похитителями. Не выпустят они никого. Кроме

Лидочки. Но при одном условии: она должна остаться вне подозрений.

— А ну быстро из комнаты! — шепотом приказала Лидочка.

— Что? — не понял Слава.

— Не слышали разве — дверь хлопнула? Нельзя, чтобы вас здесь застали. Уходите!

Гости оказались сообразительными. Они кинулись прочь на цыпочках, безмолвно, столкнулись в дверях, продрались в коридор и быстро, как мыши, застучали пятками к комнате Иришки, где и затаились.

Сквозь приоткрытую дверь было слышно, как внизу Алла спрашивает родственников:

— А остальные где? Чего не ужинают?

— Наверху, наверное.

— А Слава где?

— Может, у себя?

Пауза. Снова голос Аллы:

— Его в кабинете нет. Куда он ушел?

— Честное слово, не знаю, честное благородное!

И Лидочка вдруг почувствовала, насколько нервы у лже-Аллы на взводе, как ей самой здесь страшно. Она ведь тоже одна в чужом лагере. И хоть ее окружают жертвы, она, как любой хищник, не может доверять им до конца. У нее есть когти, но ведь и у жертвы могут обнаружиться ядовитые зубы.

— Честное слово, Слава не выходил!

— Сейчас он у нас попляшет! — Каблуки застучали по лестнице. Алла взбежала наверх. И сразу же распахнулась дверь к Лидочке. Конечно же, Лидочка пугает Аллу больше всех — она же не куплена, не запугана... Чего-то недосмотрели. Недодумали.

Алла стояла в дверях. Волосы у нее растрепались, прядями легли по щекам. Голос приобрел южную, притом кухонную интонацию.

— Чего лыбишься? — с ненавистью спросила Алла. — Ты от меня не спрячешься!

— Вы о чем, Алла? — удивилась Лидочка, откладывая книжку.

— Славу не видела? — Алла сделала над собой усилие и постаралась спрятать клыки и когти.

— По-моему, он к Иришке прошел, — по мере сил миролюбиво ответила Лидочка.

Алла рванулась в комнату к Иришке, захлопнув за собой дверь.

«Удивительно, что я могла видеть в ней нечто приятное и даже миловидное, — усмехнулась Лидочка. — Теперь меня можно палками лупить, но ничего приятного я в этой женщине не увижу. Злодейки не бывают привлекательными. В это трудно поверить, но это именно так».

За стеной заворчали, затараторили невнятные голоса.

Она еще смеет делать им выговоры! Впрочем, это происходит оттого, что ей очень страшно. Вряд ли она более, чем послушный исполнитель. Может, и на нее нашлась уздечка. По натуре, но не по судьбе Алла — человек обыкновенный. Ее тоже могли запугать, купить, обмануть...

Что же теперь делать? Законопослушная англичанка должна была бы завтра же позвонить инспектору Слокаму и сообщить, что столкнулась со случаем похищения жены своего квартирного хозяина, а также узнала, что Алла — не та, за кого себя выдает. А это может иметь прямое отношение к смерти Галины Стюарт.

И что же должен сделать английский инспектор после такого заявления?

Вернее всего, он попросит у Аллы паспорт и убедится, что тот в полном порядке — наверное, уж они об этом позаботились. Затем он спросит мистера Кошко, кем приходится ему дама, именующая себя бывшей миссис Кошко. И Слава ответит, что это его бывшая жена и никаких сомнений он не имеет. То же самое скажет и подросток Иришка — ну не может же она забыть свою родную мать! Конечно, инспектор, если к этому времени и не решит отправить Лидочку в сумасшедший дом, может послать запрос в Москву. О чем же будет этот запрос? Он попросит выяснить, живет ли в таком-то доме такая-то дама. И ему ответят, что она живет, но в настоящее время отъехала в Англию, погостить у бывшего мужа. Конечно, можно устроить обмен фотографиями, но вряд ли этот обмен будет скорым и убедительным. Впрочем, к тому времени преступники совершенно спокойно убьют настоящую Аллу — зачем им оставлять следы?

Но, конечно же, британская полиция предпочтет не связываться со всей этой русской историей и вышлет к чертовой бабушке и саму Лидочку, и оставшихся в живых членов этой компании.

Простучали шаги Аллы. Она спускалась по лестнице.

И вдруг Лидочка испугалась: а что, если она заподозрила заговор и бежит сообщить о нем Геннадию? И сегодня же ночью эти бандиты решат убрать... кого? Лиду, единственного свидетеля!

Лидочка поймала себя на постыдном желании догнать Аллу и настойчиво убеждать ее, что она, Лидочка, не имеет в мыслях никаких доносов, что она будет сидеть здесь тише воды ниже травы. Она никого не видела и ничего не слышала... Лидочка не смогла остановить себя — спрыгнула с кровати, босиком подбежала к двери, приоткрыла ее и выглянула наружу.

В коридоре горел свет. Снизу из столовой доносился раздраженный голос Аллы:

— Ну почему никто не может поднять задницу и купить жратвы?! Как в холодильник лезть, вы все молодцы, а как принести — никого нету. Вот погоню сейчас...

— «Сэйфуэй» закрывается в семь, — отвечала Валентина. — А сейчас скоро восемь.

— Что, здесь нет магазинов, которые позже работают?

— Есть один, у почты, но там все дороже.

— И меньше выбор, — поддержал жену Василий. — Значительно меньше.

— Что, там одной картошкой торгуют? — вспылила Алла.

— А деньги? — промямлил Василий.

— Какие тебе деньги?! Да у тебя вся комната добром завалена. Шоп-турист, понимаешь!

— Но ведь мы все покупали только на распродажах, за грошики, — начала оправдываться Валентина.

— Сколько осталось грошиков, истрать на колбасу. И сыру купи, чтобы я была довольна.

Лидочка подумала, что Иришка вовремя рассказала ей о том, что Алла поддельная. Если не знать, то можно от удивления помереть. Почему эта женщина позволяет себе так шпынять краснодарских Кошек, а те покорно собираются, шуршат сумками, звенят мелочью?

В то же время Лидочка не могла избавиться и от некото-

рого гадкого злорадства. В конце концов, кто-то же должен был открыто сказать этим толстячкам, что нельзя вечно жить взаймы.

— Не люблю халявщиков, — сообщила Алла тихим, деловым голосом. — И я на них управу знаю. А ну пошли!

Алла явно отыгрывалась на хомяках.

Хлопнула входная дверь. Лидочка продолжала подслушивать. Но Алла не стала никому звонить. Она снова поднялась на второй этаж и без стука открыла дверь к Иришке. Папа с дочкой все еще сидели там.

— Совсем забыла, — сказала она достаточно громко — видно, в пылу боя с краснодарцами забыла о Лидочке. — Где микрофон?

— Что? — послышался Иришкин голос.

— Сегодня тебе твой хахаль принес микрофон. Оставил на столе. У меня Лида свидетель. Я узнала, что это не твой микрофон. Давай его сюда.

— Возьми.

— Откуда он у тебя?

— Нашла.

— Ты не могла его найти.

— Нашла.

— Где?

— Когда изгородь подстригала. В саду. А зачем он вам нужен?

Ответа не последовало.

Получив требуемое, Алла прошла по коридору к себе в комнату.

Лидочке представилось, как в разных комнатах второго этажа притаились четыре человека. В маленькой Иришкиной комнате сидят, держась за руки, отец и дочь. Им страшнее всех, потому что они боятся не только за себя, но и за маму, за бывшую жену... В другой комнате она, Лидочка. Она сидит на кровати, хотя сейчас бы ей самое время отправиться в город, погулять по вечернему Лондону. А в третьей спальне Алла рассматривает микрофон, который заранее поставили в саду Геннадий с товарищем, чтобы держать дом под контролем.

«А, да черт с ними», — сказала себе Лидочка.

Она натянула платье — вечер был теплым, взяла сумку,

надела удобные разношенные туфли и вышла из своей комнаты.

Лидочка спустилась только до середины лестницы, как Алла выскочила из своей комнаты.

— Ты куда? — Алла перевесилась через перила.

— В город.

— Зачем?

— Алла, ну почему это вас интересует? У меня есть знакомые. Я хочу с ними встретиться.

— Какие еще знакомые?! — В голосе Аллы прозвучало отчаяние. Словно она не договорила: «Еще и этих убивать придется!» И Лидочка поняла, что ей действительно нельзя идти к Саше Богородскому или к Литвиновым. За ней могут следить.

Ей захотелось сказать, что в метро она не будет подходить к краю платформы, но она сдержалась и промолчала.

— Потерпите до завтра, — предложила Алла. — Завтра нас Слава подвезет.

— Я в Англии ненадолго, — сказала Лидочка. — Так что мне каждый день дорог.

Тут на лестничной площадке рядом с Аллой возникла тощая фигура Славы.

— Лидочка, — сказал он громко и с вызовом, — подождите, я с вами.

— Ты куда? — почти крикнула Алла.

— Хочу погулять с Лидой, — ответил Слава.

— Посидишь дома!

— Алла, — сказал Слава, показывая, что он мягок, зануден, но может быть упрямым, — я уже давно не твой муж. Я тебе не подотчетен. Неужели это тебе не ясно? Мне хочется погулять с Лидой. И никакие твои возражения меня не убедят.

— Ты об этом пожалеешь, — пригрозила Алла.

— Алла, не переигрывай, — вздохнул Слава. — Все же ты не в пустыне и не в Люберцах.

— При чем тут Люберцы?

— К слову пришлось.

— Если ты на что-то намекаешь, то глубоко ошибаешься. Иди спать.

— Рано.

Слава стал решительно спускаться по лестнице. Лидочка

предпочла бы пойти одна, но в такой ситуации спорить со Славой ей не хотелось — ведь они были союзниками.

— Слава! — с угрозой позвала Алла.

Хлопнула дверь. На площадку выскочила разгневанная Иришка.

— Перестань нас пугать! — закричала она. — Я тебе обещаю, что я тебя из-под земли достану! Всю жизнь на это потрачу, но достану!

— Ириша, — оглянулся снизу Слава. — Не надо из-за нее переживать.

— Значит, так... — начала Алла. Она растерялась и не могла придумать, как бы себя лучше и страшнее вести. Пауза затянулась, и Лидочка, не удержавшись, произнесла строчки, кажется, из Багрицкого:

Или бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет.
Так, что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет...

Алла покорно выслушала строфу, а потом произнесла голосом судьбы:

— Я предупреждала.

На улице Слава сказал:

— А я рад, что мы ей не сдались. Вы как думаете?

— Я думаю, ей нетрудно догадаться, о чем мы сегодня говорили.

— О чем?

— О судьбе настоящей Аллы.

— Вы думаете, она догадалась?

— Любой бы догадался.

Некоторое время они шли молча. Потом Слава обреченно произнес:

— Но это значит, что вам может грозить опасность... Правда?

— Я тоже так думаю, — согласилась Лидочка.

Ей не хотелось показать, что она боится.

— Мы куда идем? — спросил Слава.

— Думаю, что в город нам не выбраться... Как вы смотрите на то, чтобы поужинать в китайском ресторане? Он есть на главной улице.

— Но я же денег не взял! — Слава даже вытащил свой бумажник с монограммой и заглянул в него.

— Не беспокойтесь. У меня с собой есть.

— Мне неудобно. Это неприлично.

— У вас еще будет возможность отплатить мне добром.

Глава 18

Ресторан был чистым, стерильным, скучным и не очень вкусным. Но и Лидочка, и Слава проголодались, поэтому съели полную миску риса. Слава решил взять с собой креветок, чтобы побаловать Иришку.

— Алла сама рассказала вам, что надо делать с деньгами? — спросила Лидочка.

— Да, уже после приезда. Я сказал ей, что это неразумно и невозможно.

— Вряд ли она что-нибудь решает, — сказала Лидочка.

— Я знаю. Но она довольно злобная тварь. И знаете, что самое удивительное? Она как две капли воды похожа на Аллу. Не только внешне, но и характером.

— Физиогномистика — лженаука!

— Может, в ней что-то есть. Если люди похожи, то у них и характеры одинаковые. Но Алла, конечно, образованней, интеллигентнее. Мне, честно говоря, даже странным показалось, почему вы сразу не увидели в ней подделку.

— Я не знакома с оригиналом. Я никогда не видела вашу бывшую жену.

Слава собрал из миски остатки риса, полил соевым соусом, добавил сверху остатки креветок и соскреб из другой миски скользкие кусочки мяса в кисло-сладком соусе. Он ел жадно, быстро, будто его кормили так плохо и редко, что этот китайский ресторан и воплощал его гастрономические мечтания.

Впрочем, возможно, так и было. Он сам себя кормить не умел, а больше о нем позаботиться было некому. В жадных и быстрых движениях челюстей и кадыка было нечто ненастоящее, из плохого фильма, где показывают, как герой впервые попадает в ресторан после недели голодовки. Слава не столько ел, сколько изображал голод.

— А почему такая сумма? Вы как думаете?

— Они откуда-то знают положение моих дел. Они знают, сколько я реально могу вытащить из своих капиталов.

— Значит, кто-то из ваших близких сообщил им эти сведения.

— А никто из моих близких этого не знает.

— Но если в Москве есть хороший финансист, он мог бы вычислить?

— Не знаю. Я же не задумывался! Я не думал, что они будут меня шантажировать. Я ожидал воров, все время ждал воров. Но обычных воров, а не рэкетиров! Мне казалось, что за границей я в безопасности! Я защищен! Я на Альбионе! А оказалось — черта с два! Я все равно совок, меня все равно можно прижать в подворотне и сказать: «Чего вылазишь, сука! А ну снимай часы!» Но я все это делаю не ради Аллы. Честное слово, ее судьба мне безразлична. Но есть Иришка. У меня всего-то на свете — мама и Иришка. С Иришкой у меня и без того сложные отношения. Она мне не прощает того, что ее мамаша от меня сбежала с каким-то проходимцем, который ее тут же бросил. А если из-за меня что-то случится с ее мамочкой — ненависть обратится против меня.

— Ни адвокат, ни банкирша вам не поверили. Оба полагают, что либо это жульничество с вашей стороны, либо угроза вам... А где гарантия, что они не поделятся своими мыслями с полицией? Здесь полиция не такая, как дома. К русским относятся настороженно.

— Я могу только молить Бога, чтобы они не пошли в полицию. Боюсь, мои враги столько поставили на карту, что не могут допустить поражения. Им тогда выгоднее, удобнее и безопасней убить Аллу. А потом и мою маму... А здешнюю Аллу — ее они сдадут, ее они жалеть не будут.

— Не знаю, — возразила Лидочка. — Возможно, она знает нужных им людей. И этого Геннадия, и других. Ведь их здесь должно быть несколько человек.

— По крайней мере трое. И они уже вошли в расходы. Им нельзя отступать...

Принесли жасминовый чай. Слава замолчал. Когда официантка ушла, Лида сказала:

— Хорошо мы за них рассуждаем. Еще немного, и мы начнем им сочувствовать.

— Я читал где-то, что осужденные на казнь начинают любить своего палача.

— Женщина влюбляется в онколога, — сказала Лидочка.

Слава кивнул.

— Можно я еще закажу? — спросил он виновато.

— Что будете? — спросила Лидочка.

— Что-нибудь мясное. И еще жареной лапши.

Официантка не удивилась. Она кивала и улыбалась.

— Полмиллиона они потребовали заплатить им здесь наличными, — произнес Слава. — Миллион перевести на счет в Швейцарии. Наверное, я не первый и не единственный.

— Вполне возможно, — согласилась Лидочка. — Они действуют как фирма. Одни торгуют тапочками, другие стригут зарубежных миллионеров.

— И какого черта я тогда написал этому... дяде!

— Конечно, лучше бы он был бедняком и оставил бы вам в наследство комнату в общей квартире.

— Называйте это так, — кивнул Слава.

Принесли лапшу. Слава переложил ее к себе на тарелку. Лапша повисала длинными прядями, и Слава подхватывал их губами.

— Меня утешает то, — сказал он, справившись с лапшой, — что мне и Иришке ничего не угрожает.

— Почему?

— Потому что, если со мной что-то случится, они не получат ничего. Деньги завещаны Иришке. Завещание у Питера. О нем никто не знает.

— Вы странный человек, — сказала Лидочка. — Если бы вы спросили меня, что будет с деньгами в случае, простите, вашей неожиданной кончины, я бы предположила, что, живя в Англии, вы завещаете все дочери. Это так естественно — у вас нет вариантов. Как говорят теперь в Москве, однозначно.

— Вы думаете, что Иришке что-то грозит?

— Опять же не нужно быть английским адвокатом, чтобы предположить, что до совершеннолетия вашей дочери назначается опекун. Это ваша мама?

— Мама и Питер. Я назначил двух опекунов.

— Видите, об этом тоже можно догадаться. А это значит, что Иришка не сможет распоряжаться деньгами. Им придется охотиться за вашей мамой.

— Господи, ну что вы говорите!

— Я хочу, чтобы вы стояли на земле.

— Я и так не летаю. У меня крыльев нету.

— Но я заранее отдаю должное вашим врагам. Они и это могли предусмотреть. В самом деле наибольшая опасность грозит вашей маме. Хотя и не такая большая, как можно подумать. Им лучше иметь дело с вами. Мама — фактор неопределенный, непонятный. Если с вами что-то случится, она может выйти из себя и стать неуправляемой.

— Лидочка, ну зачем говорить о моей смерти! — вдруг рассердился Слава. — Ведь смерти нет. Я имею в виду индивидуальную смерть. Мою. Я никогда о ней не узнаю, потому что если есть смерть, то нет меня. И наоборот. Но мне хочется досмотреть этот спектакль.

— В общем, мы договорились: они будут вас беречь.

— Или придумают какую-то гадость, чтобы меня испугать, — добавил Слава.

«Пока что у них есть кого пугать, — подумала Лидочка. — И в первую очередь меня. Наверное, Алла уже донесла своему Геннадию, что есть одна женщина средних лет и обыкновенной внешности, которая слишком много знает.

Странно, когда сидишь здесь, в тихом и слишком чистом китайском ресторанчике, допустить мысль о том, что тебя подстерегают, чтобы столкнуть под поезд. Это невозможно. Это про других, это художественная литература».

— Что же будем делать? — спросил Слава, будто они обсуждали поездку на дачу или покупку нового унитаза.

Он жадно доедал лапшу. У него случился приступ нервного голода.

И в самом деле, в голове царила странная пустота. Что делают люди, когда у них похищают близкого человека? В газетах описывают операции по освобождению заложников: автоматчики штурмуют автобус, из которого вываливается труп террориста, в романах хитроумный герой заманивает бандитов в ловушку, и они остаются и без чемоданчика, и без жертвы. Но здесь полное бессилие.

— Может, я позвоню в Москву? — спросила Лидочка.

— Зачем?

— Попрошу мужа поговорить со знакомым следователем.

— Ваш муж — Шерлок Холмс? — В голосе Славы прозвучала горькая ирония. — В лучшем случае он их встревожит, и они примут меры... В худшем — одним заложником или трупом будет больше. Выкиньте из головы такую мысль.

Лидочка почувствовала некоторое облегчение.

— Я уже жалею, что вас втянул в это дело, — сказал Слава.

— Это не вы втянули.

— Начал я, когда пригласил вас переводчицей. С этого момента вы уже стали участницей... А потом Иришка. Иришка не могла не рассказать. Я же понимаю, как она здесь одинока. Вряд ли она может поделиться этим со своим мальчиком. А так... Вы не думайте, Лида, я перебрал все возможные и невозможные варианты. И местную полицию, и даже попытку взять в заложницы здешнюю Аллу...

— Как так?

— А просто так: запереть ее и сказать, что мы ее убьем, если они не освободят настоящую Аллу.

— Но вы же противостоите людям без совести, которые умеют убивать...

— Я согласен, согласен... К тому же я понимаю, что они могут пожертвовать Аллой. Не только моей, но и своей.

Лидочка расплатилась с официанткой. Ради этого та оторвалась от миски с супом, который она ела за соседним столиком. Лидочка со Славой вышли на улицу.

Было уже темно. Разноцветно и уютно горели витрины, на площадке перед пабом стояли столики, за одним нестройно пели пожилые люди.

— Все-таки я думаю, она доложила своему начальству, что вы в курсе наших дел, — сказал Слава. — Может быть, вам уехать?

— Вам этого хочется?

— Ни в коем случае! Если вы останетесь, мне будет чуть-чуть спокойнее за Иришку. Мои родственники — не помощники. Они так перепугались. А вам Иришка доверяет.

— Не думаю, что мне что-то грозит, — ответила Лидочка, хотя в ее словах была доля бравады. Конечно, ей было страшно. И еще страшнее от собственного одиночества. Люди, среди которых она оказалась и беды которых ее затронули, были ей не очень интересны и приятны. В другой ситуации она уехала бы отсюда и забыла о них через три дня. Теперь же неизвестно, за какие грехи она должна нести на себе бремя их

беды и делить с ними опасность, обрушившуюся на разбогатевших обывателей.

По улице медленно ехала, не желая их обгонять, машина. Словно в американском фильме про мафию. В машине должны были сидеть убийцы. Освещение на узкой улочке было недостаточным, чтобы разглядеть людей в машине, но Лидочка и Слава, не сговариваясь, прибавили шаг, в то же время стараясь делать вид, что никуда не спешат.

Лидочка взяла Славу под руку. Он прижал ее руку к боку сухим, острым локтем. Лидочка почувствовала, как колотится его сердце.

— Им нет смысла нас убивать, — сказал Слава. — Они должны нас беречь.

— Давайте остановимся, — предложила Лидочка. — Вы как раз собирались закурить.

— Я забыл дома зажигалку.

— Все равно остановимся.

Они остановились, повернувшись спинами к невысокой каменной ограде. Над ними нависали ветви розового куста. Цветы пахли легко и нежно.

Машина не остановилась. Она медленно проехала мимо. Окна в ней были открыты. Внутри сидела старенькая бабушка, а рядом с ней молодой негр в кожаной фуражке.

— Если вы будете так бояться, — говорил негр, — то никогда не научитесь водить машину. Вы скорее помрете, чем станете водителем.

— Моя смерть вас не касается, — ответила бабушка. Лидочка успела разглядеть, что волосы у бабушки были завиты и тщательно уложены.

— О чем они? — спросил Слава, который в стрессовые моменты терял способность понимать английский.

— Им до нас нет дела, — ответила Лидочка.

Машина уехала.

— Я вспомнил, — сказал Слава, — что подпольщики в оккупированных городах целовались, когда подходил немецкий патруль.

Лидочка промолчала. Она уже давно почувствовала, что Слава все более увлекается ею — и это было неудивительно. Нестарая, миловидная женщина рядом с мужчиной, волею

судьбы страшно одиноким, к тому же союзница в локальной, но жестокой войне.

Они, не разговаривая, дошли до дома без приключений. Слава выговорился, а Лидочке говорить не хотелось. Она мечтала о том, когда эта поездка закончится. Хотя главного она еще не сделала — не сняла дом. И завтра надо брать себя в руки и ехать в Найтсбридж, где Валери, кажется, нашла то, что нужно.

* * *

Дома были лишь краснодарские родственники. Они не зажигали света в своей комнате, дежурили у окна, поджидали.

Томимые страхом и неизвестностью, они выскочили в коридор.

— Ну хоть до хаты пешком беги, — сказал Василий.

— Тут уж не до наживы, — поддержала его Валентина.

В коридоре сильно пахло женским потом. Слава тоже почувствовал этот запах, быстро прошел в столовую и открыл там окно.

Василий с Валентиной шли за ним, как перекормленные дети, и непрерывно говорили, чуть подвывая. Лидочка понимала, что им было очень страшно одним в темном доме.

— Эта ушла, — сообщила Валентина. — Как вы ушли, так и она убежала. Наверное, доносить.

Почему-то она почувствовала, что Лидочка в курсе бед.

— Валек, — велел Василий, — ты бы чайку поставила.

— Мы уж за вас боялись, — сказала Валентина, не двигаясь в сторону кухни. — Можно сказать, опасались, что они вас подстерегут.

— Не бойтесь, — сказал Слава. — Не нужны им наши хладные трупы. Я буду у себя.

Он ушел так быстро, что они не успели в него вцепиться. Лидочка не смогла последовать его примеру и осталась на милость Кошек.

— Ты уж с нами посиди, — сказала Валентина голосом нищей старушки. — Нам никто ничего не рассказывает.

— Мы хотели сегодня взять обратные билеты. До такой степени отчаяния мы дошли, — добавил Василий. — Но она ж нас не пустит.

— А когда у вас вылет по билету? — спросила Лидочка.

— Шесть дней еще осталось, Лидуша, шесть дней — так не дожить нам...

— А может, Лидочка и не знает ничего? — произнес Василий, словно сделал неожиданное и страшное открытие.

— Не переживайте, — успокоила его Лидочка. — Я знаю.

Скрываться перед ними было бесчеловечно — они же прибежали к ней жаловаться на свою долю.

— Вот я и кажу, — обрадовался Василий. — Не может того быть, чтобы Слава ей не казав.

Он то вспоминал о необходимости употреблять украинские слова, то забывал об этом.

— Нам же никто ничего не рассказывает, — повторил Василий. — Как нам можно такое терпеть?! Ведь чуть сунешься, тебе сразу: уйди, не суйся, не твоего ума дело. Но если вы мне велели молчать, то давайте молчать вместе.

— Кто вам сказал? — спросила Лидочка.

— Она нам сказала... — Валентина тихо заплакала, шмыгая носом и стесняясь своих слез.

— Ну ладно, — сказал Василий. — Ну чего уж там... Всем трудно.

— Да разве... Разве так можно? — спросила Валентина, словно Лидочка могла все объяснить.

— Так нельзя, — сказала Лидочка. — Но мы, к сожалению, пока ничего не можем сделать.

— А если письмо написать? Телеграмму в Москву. Чтобы проверили и произвели аресты, — предложил Василий.

Лидочка даже отвечать не стала, да Василий и сам не верил в собственные слова.

— А может, пожалеют? — спросила Валентина.

— Вряд ли, — сказала Лидочка. — Они слишком много потратили сил, чтобы дойти до этой точки. Им тоже нет пути назад.

— Ужас-то какой! — сказала Валентина.

— Я думаю, что нам надо уезжать, — решительно сказал Василий. — Плюнуть на все и уезжать!

— А вещи нельзя кинуть, — возразила Валентина. — Столько средств потрачено, столько времени... Чистое разорение!

Этот странный, пустой, ходящий по кругу разговор был прерван звуком открывающейся двери.

— Эй, кто дома? — послышался слишком громкий для позднего вечера голос Аллы. — Принимайте гостей!

Глава 19

Валентина, побледнев, замерла, словно ее застигли за чем-то постыдным. Василий бессильно опустился на стул.

Лидочка пошла к двери, но тут навстречу ей в столовую ворвалась Алла — веселая, краснощекая, глаза блестят. Сильно пьяная.

И за ней вошел Геннадий.

Лидочка не совладала с собой, и у нее вырвалось:

— Еще чего не хватало!

— А я рад, — сказал Геннадий. — Рад провести вечер в кругу таких приятных людей.

За последние дни он посвежел, словно много времени проводил на свежем воздухе. Шоколадные глаза горели хмельно и отчаянно.

Пиджак Геннадия был расстегнут. На черном галстуке красовалась золотая булавка. Брюки были белыми, и создавалось ощущение дурного вкуса.

Оттого, что виски Геннадия были высоко подбриты, а яркая лампа светила ему в спину, уши его просвечивали красным.

— Плохо встречаете, — сказал Геннадий. — Василий, мечи на стол!

Василий сделал движение, желая привстать и соответствовать приказу, но смелее оказалась Валентина, которая двинулась вперед, прикрывая мужа.

— Мой супруг, — сказала она официально, — с тобой гусей не пас. Он ветеран труда, а не хрен собачий.

Наверное, это был самый отчаянный поступок в жизни Валентины. Василий тянул ее сзади за юбку.

— Вот и ладушки, — вполне миролюбиво сказал Геннадий. — Вот и скажи своему ветерану труда, чтобы подсуетился.

Валентина не успела остановить мужа. Тот проскользнул у нее под рукой и ринулся к буфету.

Алла заметила, что в коридоре стоит Слава.

— Ген, а Ген, — сказала она, — обернись, блин. Это мой благоверный Славик, извини за выражение, су-пруг!

Она заливисто расхохоталась.

Геннадий резко развернулся и протянул руку.

— Как же, как же, — сказал он. — Наслышан о вашем счастье. Будем знакомы, граф Шаляпин.

— Не надо, — шептала Лидочка, — не надо.

Но Славик, заранее деморализованный, послушно пожал протянутую руку.

Геннадий, шаля, сжал пальцы Славика в своей длани, словно статуя командора. Слава вскрикнул от боли и стал извиваться, чтобы вырвать руку. Геннадий смеялся.

— Отпусти! — услышала Лидочка чей-то хриплый голос. И только потом поняла, что это сказала она сама.

Но Геннадий услышал и подчинился. Слава отступил к стене и принялся растирать раздавленные пальцы.

— Ну и голосок у тебя, Лидия Кирилловна, — сказал Геннадий. — Ты меня испугала.

Алла уселась за стол и сказала Василию:

— Лед захвати, не забудь. Жара в вашей Англии!

— Нету льду, — ответил Василий.

— Всегда у вас так, если мне чего нужно, обязательно нету. Гена, разгони их всех к чертовой матери, будь дружочек.

— Всему свое время, — серьезно ответил Геннадий и, налив полстакана виски, выпил, как воду.

Несколько секунд он стоял, зажмурившись, потом оглядел всех и приказал:

— Взяли! Взяли, чтобы выпить за знакомство!

Василий и Валентина тут же подчинились. Слава не взял. Лидочка тоже не протянула руку.

— Учтите, никого не принуждаю, — сказал Геннадий. — Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути. Слышали такие детские стишки? А вот с детьми, которые хорошо себя ведут, с удовольствием выпью. А ну вздрогнули, интеллигенция!

Он протянул руку со стаканом вперед. Василий, Валентина и Алла протянули свои бокалы навстречу. Раздался громкий звон.

— Чудесно! — сообщил Геннадий. — Создана новая тра-

стовая организация. А детей, которые ведут себя плохо, мы оставим без компота. Все пьют до дна за мир и дружбу между народами! А ну до дна! — прикрикнул он на Кошек.

Василий выпил залпом, как водку, хмыкнул и утерся рукавом. Валентина пила глоточками, морщилась и мучилась. Но терпела.

Лидочке стало их жалко. Геннадий прочел ее мысль и сказал вполне трезвым голосом:

— Жалеть надо не слабых мира сего, так сказать, а жалеть надо непослушных. Потому что их будут пороть. Тех, кто не пьет за дружбу, поняла? Однозначно. — Он поставил стакан на стол и продолжал: — Я к вам на минутку, на два, так сказать, слова. Но слушать попрошу внимательно. До меня дошли слухи, что не все нормально на борту. Так что я счел нужным заглянуть на огонек. Во-первых, есть подозрения, что ты, Лидок, слишком много здесь узнала. Без вариантов мне ясно, что папаша и его дочурка тебе ситуацию изложили. Правильно?

Лидочка не стала отвечать, но Геннадий и не ждал ответа.

— Я ничего против не имею, — сказал он. — Вместе живете, вместе переживаете. Но учти, Лидия, одну вещь: на тебе теперь ответственность. За жизнь Аллы, которая осталась в Москве, ждет своего ребеночка и горько плачет в одиночестве. На тебя теперь распространяются те же правила, что и на остальных. Конечно, было мнение, чтобы тебя толкнуть под электричку. Но, честно говоря, не хотелось портить тебе прическу по причине моей доброты. Живи, но и другим дай жить. Тебе все ясно? Почему молчишь? Ответь своему старому другу. — Лидочка молчала. — Ну бог с тобой, молчи, но учти, я сегодня имел связь с Москвой. Мне сообщили, что проверили твой адрес: Средний Тишинский переулок и так далее. Муж твой гуляет по вечерам с собакой. Совершенно один и без оружия. Такое вот легкомыслие. Если ты будешь вести себя неправильно, он пострадает.

Геннадий наслаждался собственной властью над этими испуганными людьми. Сочтя монолог в адрес Лидочки убедительным, он обернулся к Василию и Валентине, стоявшим плечом к плечу, как пупсы.

— А для вас, мои собутыльники, у меня одно творческое указание. Мне сказали, что кто-то вас видел возле конторы

«Аэрофлота». Как будто кто-то из вас совал туда свой нос. Было или нет? Молчите? Значит, было. С перепугу у вас появилась мысль, а не рвануть ли когти и не скрыться ли от моего правосудия. Нет, не удастся, крошки. Придется вам остаться еще на шесть дней, как и указано у вас в апексе. И никакой самодеятельности.

Геннадий протянул пустой стакан Василию, и тот поспешил налить в него еще виски.

— Оставляю вас одних, секретничайте, плачьтесь друг дружке в жилетки. Ваше собачье дело. Это однозначно. Но главное — деликатность и скрытность. В ваших руках судьба хорошего советского человека Аллы Кошко. Нам не хочется, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое. Как и с любым из вас, господа.

Геннадий обвел взглядом присутствующих и остался недоволен.

— Какой плохой человеческий материал, — сказал он. — Какая мелкая генетика. Что мне с вами делать?

Он картинно пожал плечами. Потом вытащил из бокового кармана видеокассету.

— Вячеслав, — сказал он, — мне нужно с тобой перекинуться двумя словами наедине. Впрочем, кто хочет, может посмотреть, теперь у нас секретов нету. Где у тебя видео?

— В кабинете, — покорно отозвался Слава.

— Пошли в кабинет. Хочу передать тебе привет от Аллы из Москвы.

Не оборачиваясь, уверенный в том, что зрители следуют за ним, Геннадий отправился в кабинет, включил телевизор и вставил в видео кассету. Экран загорелся. По нему пошли серые полосы.

— Устраивайтесь, друзья, — сказал он. — Будьте как дома.

И тут Лидочка впервые увидела настоящую Аллу.

Она была похожа на узурпаторшу, видно, специально подыскивали. Тем более что здешняя, лондонская, штучка была причесана и накрашена под свою московскую близняшку.

Но, конечно, московская Алла была привлекательнее. Она была даже красива грубой, пошлой красотой продавщицы винного отдела. Она глядела прямо в камеру, а задний план был затемнен — не догадаешься, откуда она говорит. Говорила Алла ровно, заученно, стараясь не пропустить ни одного нужного слова.

— Славик, — сказала она, — Иришка, я надеюсь, что вы меня слышите и не дадите в обиду.

Лидочка только тут сообразила, что она, не задумываясь, пошла в кабинет за Славиком, что вместе с ней пришли и Кошки. Только Алла осталась в столовой. Оттуда донесся звон разбитого стекла и матерное ругательство.

— Я нахожусь в безопасном месте, — говорила настоящая Алла. — Обо мне заботятся наши общие друзья. Они обещали, что ничего плохого не произойдет. Правда, многое зависит от вас, мои дорогие.

Алла на экране закрыла глаза. Словно вспоминала текст.

Славик сжимал и разжимал кулаки, лежавшие на коленях. «Хорошо еще, что Иришки нет, — подумала Лидочка. — Ей было бы труднее всех».

— Теперь, чтобы ускорить нашу встречу, — продолжала Алла, — вам осталось выполнить одно небольшое условие. Ты, Славик, должен сделать то, что давно уже надо было сделать, — ввести меня в совместное владение твоим счетом в банке. Мне сказали, что это простая операция, ничем дурным она тебе не грозит. Зато я буду уверена, что, если с тобой что-то случится, деньги останутся в нашей семье. Пожалуйста, Славик, не оставь меня в беде! Помоги мне, и мы будем счастливы.

Алла исчезла с экрана. И на нем появилась совершенно обнаженная блондинка, любующаяся своими грудями, поднимая на ладонях эти тяжелые массивные сооружения. За спиной девицы появился также обнаженный брюнет, который вступил в борьбу за обладание бюстом.

Все продолжали смотреть на экран, не понимая, какое отношение к Алле имеют эти кадры, но догадываясь, что они обязательно должны иметь к ней отношение.

Геннадий сухо засмеялся. И Лидочка поняла, что он совершенно трезв, а хмельное поведение — лишь камуфляж. Он нагнулся к телевизору, щелкнул кнопкой, выключая видео, вытащил кассету.

— Дурак писал по порнухе, — объяснил он. — Пожалел бабок на новую кассету.

И почему-то Лидочка почувствовала облегчение — хоть последняя сцена оказалась недоразумением.

Слава поднялся. Он хотел уйти, но, видно, не знал, где ему спрятаться.

Слава попытался прорваться в коридор, но Геннадий крепко взял его за плечо. Он перестал изображать из себя пьяного. Геннадий был смертельно серьезен.

— Ты понял? — спросил он.

— Отпустите меня! — закричал Слава. — Немедленно отпустите! Я знаю, что вы решили меня убить! Я все ваши штучки насквозь вижу. Вы больше ничего не получите, слышите: ничего!

— Ты хорошо подумал, Славик? — сказал Геннадий, и в его устах это имя звучало оскорбительно. — Ты теряешь близкого человека. И все из-за жалких грошей.

— Та ж он вам отдал, как сговаривались, — сказала басом Валентина и закашлялась. — Разве люди так поступают?

— Мы для вас не люди, — усмехнулся Геннадий. — Мы — организация. А у организации громадные накладные расходы. Представьте себе, сколько стоило командировать меня и мою подругу сюда, в туманный Лондон?

Лидочка не могла произнести ни слова. Ее охватил страх, словно Славик уже умер, погиб, его нет, а потом наступит очередь остальных. И она совершенно бессильна остановить этот бульдозер, потому что у бульдозера нет чувств.

— Нет! — Слава пытался вырываться. Но Геннадий легко удерживал его. — Делайте что хотите, но вы не получите ни копейки!

— Мы получим, — сказал Геннадий. — Мы умные, мы все предусмотрели. Иди и хорошенько подумай.

— Вы перегнули палку, — сказала Лидочка. — Боюсь, вы проиграли.

— Помолчи, Лидия Кирилловна. Я питаю к тебе уважение, но не до такой же степени!

— Нет! — крикнул Слава из коридора. — Лучше сейчас меня убейте, сволочи!

— Я ухожу, — сказал Геннадий. Говорил он негромко, как человек, уверенный в том, что его услышат. — Через полчасика позвоню, а тогда вы мне скажете, когда мы завтра едем в банк.

— Куда-куда? — спросила Валентина, раз уж никто другой не спросил.

— Надо же вписать любимую жену в документы.

Уходя, Геннадий заглянул в столовую. Алла увидела его и сказала, преувеличенно артикулируя:

— Все нормально. Все под контролем, Гена.

— Пойдешь спать — запрись, — сказал Гена. — А то они тут такие нервные — как бы тебя подушкой не задушили. Как царя Павла.

Лидочка чуть было не поправила — не Павла, а Петра. Но удержалась.

Дверь за Геннадием закрылась.

Стало очень тихо. Было слышно, как тяжело сопит Алла.

— Ой беда! — сказала Валентина и потянула Василия к себе в комнату. — Ой, плохо это кончится!

Василий еле волочил ноги, словно страшно утомился. У него даже сил не осталось закрыть за собой дверь.

Это сделала Валентина. И сразу начала что-то бормотать за стенкой, тихо и настойчиво. Лидочка не слышала, о чем речь, но у нее в мозгу трепетало понимание смысла: бежать, бежать, бежать...

В тишине громко раздавался храп Аллы. Лидочка заглянула в столовую. Алла заснула, уронив голову на скрещенные руки. Рюмка опрокинулась, и скатерть намокла.

Вдруг Слава, который, оказывается, так никуда и не ушел, громко спросил:

— А где Иришка? Где Иришка? Она не приходила?

— Наверное, она у Ричардсонов, — сказала Лидочка.

Слава кинулся к телефону и принялся листать российского вида растрепанную тетрадку с телефонными номерами, лежавшую на столике. Он никак не мог найти страничку с телефоном Ричардсонов, и Лидочка, глядя на него, поняла, что его опасения могут оправдаться. Почему-то Геннадий был уверен в том, что Слава его послушает.

Как она была права с самого начала, когда поняла, что шантажист не остановится, пока не сожрет жертву! Видно, на свете очень мало шантажистов с чувством меры. Все они, несмотря на то, что с каждым требованием риск увеличивается, получив кусок, тут же начинают мучиться от того, что слишком мало взяли, что были чересчур добры. Возможно, в са-

мом начале похитители действительно высчитали, что полутора миллионов им хватит. Надо оставить Славе какие-то деньги, чтобы он не рехнулся, но тут им захотелось взять еще — а почему нет? Ведь у них в заложниках не только Алла, ее можно и списать, — у них в заложниках Иришка, а это куда более весомый козырь. А впрочем, что мы знаем об изгибах ума преступников? Может быть, чтобы подстраховаться, они хапнули небольшой куш, а затем взялись за следующий этап грабежа. Но не поспешили ли они? Пока что у них ничего нет...

— Вот! — воскликнул Слава. — Вот Ричардсоны!

Он стал нажимать кнопки на аппарате, но до конца набрать номер не успел, потому что позвонили в дверь.

Лидочка пошла открывать, но Слава прыгнул, обгоняя ее, и рванул дверь на себя.

За дверью стояла Иришка. Растрепанная, бледная, но улыбающаяся.

— Иришка, где ты была? — потребовал ответа Слава.

— А ты посмотри, фазер, — ответила Иришка. — Теперь ты отдашь ему мою руку и сердце?

Она сделала шаг в сторону и толкнула вперед Роберта. Под глазом у того был синяк, щека рассечена.

— Это мой спаситель, — объявила Иришка.

— Заходите, заходите, — трагическим шепотом сказал Слава. — Скорее, они могут наблюдать.

— Они смылись, — сказала Иришка.

Но все же втащила внутрь смущенно улыбающегося Роберта и закрыла за собой дверь.

— Идите, идите. — Слава потащил подростков к себе в кабинет. Лидочка неуверенно остановилась, но Иришка сказала:

— Вы чего, тетя Лида? Идите к нам.

— Одну минутку. — Лидочка пошла на кухню искать аптечку.

Когда она пришла в кабинет с борной кислотой и пластырем, Иришка с Робертом сидели рядком на диване, а Слава возвышался над ними.

— Значит, так, — сказала Иришка, глядя, как Лидочка управляется с ранами Роберта. — Меня пытались похитить.

— Вот именно, — сказал Слава.

Оказывается, Иришка была у Ричардсонов и, попрощавшись, отправилась домой. Роберт проводил ее до дверей, но от дальнейших проводов Иришка отказалась. Чего тут провожать — три дома.

Но Роберт домой не пошел, а сделал несколько шагов вперед и оказался за кустами, боясь выйти на тротуар. Он знал, что если Иришка его заметит, то разозлится не на шутку.

И тут Иришку догнала машина.

Роберт увидел, как на ходу открывается дверца, и сообразил, что Иришку собираются похитить.

Лидочка не знала, насколько Роберт информирован о ситуации в семье Кошко, но допускала, что он знает больше, чем ему положено. Сведения о трагедии распространялись как круги по воде — остановить этот процесс было уже нельзя. Как нельзя убить всех свидетелей. И Лидочка понимала, что бандиты сейчас находятся в критическом положении: еще чуть-чуть, и они будут раскрыты, им останется лишь убивать. И потому они становятся втройне опасны, как загнанные в угол шакалы.

Роберт совершенно не испугался бандитов — в его возрасте еще не выработались защитные механизмы.

Он почувствовал себя рыцарем на боевом коне и в пять прыжков достиг машины, которая не могла уехать, потому что Иришка отчаянно, хотя и молча, сопротивлялась. Похититель тянул ее внутрь, а Иришка молотила его свободной рукой по голове.

Нападения со стороны Роберта бандиты не ожидали, и потому, когда Роберт дернул Иришку на себя, похититель ее отпустил. Тут бы Роберту и бежать со спасенной Иришкой, но он решил, что одолеет любого бандита, и потребовал, чтобы Геннадий (скорее всего, похитителем был именно Геннадий) вышел на честный бой. Геннадий на честный бой вышел и, может, потерпел бы в нем поражение, но Иришка повисла на руке Роберта и отчаянно тянула его подальше от машины. Ему пришлось сражаться одной рукой.

Роберт потерпел тактическое поражение, получил синяк, но в стратегическом плане битва честного английского юноши с русской мафией имела положительный результат — бандиты впервые получили отпор и были вынуждены отступить.

Роберта хотели поить чаем, но он сказал, что пойдет домой, а Иришка будет ночевать у Ричардсонов. А с утра он отправится в полицию.

Увидев ужас в глазах отца, Иришка увела Роберта к себе в комнату, и через полчаса он оттуда вышел, вежливо и грустно попрощался и произнес, строго глядя на Славу:

— Я буду звонить.

Когда Роберт ушел, Слава рассказал дочери о визите Геннадия.

— Я не поддамся, — завершил он свой рассказ. Иришка смотрела на него в усталом ужасе. — Они у меня ничего не получат.

— Можно я сначала улечу в Москву? — спросила Иришка.

— Тебе безопаснее рядом со мной, — ответил отец.

И никто ему не верил.

Вдруг Иришка вскочила и громко прошептала:

— Я знаю!

Она подбежала к входной двери и распахнула ее. Лидочка и Слава, не поняв, в чем дело, кинулись за ней. Но Иришка далеко не ушла. Она остановилась в дверях и сказала:

— Другого я от тебя и не ждала! Немедленно иди домой!

Предчувствия ее не обманули. Ее возлюбленный сидел, прислонившись спиной к стволу магнолии.

— Наверное, он прав, — сказала Лидочка, стоя в дверях, пока Иришка, присев рядом с Робертом, что-то ему шептала. — Надо обратиться в полицию.

— Я подумаю, — сказал Слава без уверенности в голосе.

— Боюсь, что думать уже некогда.

— Они до нее доберутся.

Наверное, Слава имел в виду Иришку. А может, свою маму — разве поймешь слабого человека, доведенного до крайности?

— Я вас прошу, — сказала Лидочка.

— Я дам ответ утром.

Иришка заперла дом на большой засов, как будто это могло охранить от русских бандитов. Конечно, английский бандит перед такой могучей преградой остановится, но русский обойдет дом и войдет в него через стеклянную дверь со стороны сада.

Правда, Иришка закрыла свою дверь на крючок. Старый бронзовый крючок. Лидочка сделала то же самое.

Она надеялась, что до утра ничего не случится.

Ничего и не случилось, если не считать, что часа в три ночи ее разбудила Алла, которая со стонами и проклятиями поднималась к себе из кухни. А в семь утра раздался телефонный звонок. Все в доме вскочили, переполошились. Но звонил всего-навсего английский рыцарь, которому Иришка высказала все, что про него думает. Она его ругала, но была довольна, что он ей бескорыстно предан.

Глава 20

Больше Лидочка так и не заснула. Утром зазвучали голоса, стали хлопать дверцы машин. Улица жила, не зная о трагедиях в русском доме.

Лидочка спустилась в столовую чуть позже восьми. И тут же из кабинета появился Слава. Лидочке показалось, что у него осталось полбороды — видно, выщипал за ночь.

— Лида, — сказал он трезво и хрипло. — Я все обдумал, и мы посоветовались с Иришкой. Мы договорились.

Слава сделал многозначительную паузу, прислушиваясь, нет ли кого в коридоре.

— Я сегодня подпишу доверенность, — сказал он. — Это недолгая история. И это ничего им не даст. Как только они отпустят Аллу, я тут же сделаю заявление в полицию. И они не смогут воспользоваться результатами своих преступлений. Ведь пока что они ничего не получили. Да и мой адвокат заподозрил неладное.

— Все правильно, — согласилась Лидочка. — Но вы должны допустить, Слава, что они не глупее нас с вами. И предусмотрели такую возможность.

— Они не предусмотрели моей твердости! — патетически воскликнул Слава.

— Давайте я сообщу в Скотленд-Ярд, — предложила Лидочка. — Вы здесь будете ни при чем.

— Вы наивны, Лидия, — возмутился Слава. — Как только здесь появится полиция, они расправятся со всеми нами. Нет, хитрость и только хитрость! Мы должны затаиться и обмануть их...

Куда делся вчерашний борец с бандитами, непреклонный воитель...

Впрочем, хорошо тебе, Лидочка, твоих близких пока никто не трогает. Но ведь уже угрожали? И тебе стало страшно.

Кошки к завтраку не вышли. Видно, проспали.

Иришка сбежала вниз через двадцать минут — Лидочка как раз кончала жевать корнфлекс, единственную пищу в доме.

Столовая провоняла перегаром, будто здесь ночью пировал целый взвод.

Лидочка пошла мыть посуду. Она всегда мыла посуду, чтобы успокоиться. Ей неприятна была собственная пассивная роль в этой дикой истории. И не с кем посоветоваться.

Услышав, что Иришка спускается, Слава, словно неуверенный в лояльности Лидочки, снова заглянул в столовую и одними губами произнес:

— Умоляю! До завтра! Только до завтра!

— Да не выпустят бандиты вашу Аллу, — ответила Лидочка.

Но Слава уже убежал к себе в кабинет.

Вместо него в коридоре появилась лже-Алла. Она была суха, деловита, здороваться с Лидочкой не стала. Алла держалась слишком прямо и тщательно выговаривала слова, иногда морщась от головной боли.

Алла набрала номер.

На другом конце долго не подходили.

— Вы что, померли все, что ли? — спросила она раздраженно. — Мы готовы, готовы, все готовы. Через сколько будете? Чтобы одно колесо здесь, другое там.

Она заглянула в столовую, увидела пачку корнфлекса, все поняла и поморщилась.

В этот момент мимо двери прошла Иришка и крикнула с вызовом:

— Тетя Лида, я пошла, пока эти бандиты не приехали. И передайте этой... что меня ребята из колледжа будут охранять. Чтобы они не совались!

Алла выглянула вслед ей в коридор:

— Никуда вы от нас не денетесь!

Хлопнула дверь. Иришка убежала.

Лидочка поняла, что Иришка выбрала для бегства именно этот момент, потому что подслушала телефонный разговор и поняла, что у нее есть несколько минут в запасе.

Алла закурила. Она все еще стояла в столовой.

— Вы теряете контроль над ситуацией, — сказала Лидочка. — Почему бы вам не уехать в Москву, пока не поздно?

Ответ Аллы оказался неожиданным.

— Поздно, — сказала она, вышла в коридор и оттуда крикнула Славе: — Ты готов, супруг долбаный?

— Иду, — откликнулся Слава. — А разве Лида с нами не поедет?

— Там будет наш адвокат.

Алла взбежала наверх, что-то взяла, наверное, сумочку. Потом они со Славой, не разговаривая, прошли по коридору к входной двери. Прежде чем выйти, Алла выглянула в глазок.

Псевдосупруги стояли рядом. Алла была в черном костюме с золотистым воротничком. Ее лакированная сумка отразила луч утреннего солнца. На Славе, как на вешалке, болтался твидовый пиджак.

Подъехала машина. Та же самая. У бандитов, видно, была одна машина, и они не считали нужным менять свою «Тойоту». Растворились обе дверцы. Алла села спереди. Славу посадили сзади.

Машина умчалась.

Лидочка понимала, что ей надо бы отправиться по своим делам, тем более что она в Лондоне уже скоро две недели, а ничего не сделала. Участие в плохом детективе отнимало все душевные силы.

Она понимала, что наступает перелом, и ей казалось, что бандиты терпят поражение. Надвигается восстание, которого они не выдержат. Жили бы тихо, довольствовались бы полутора миллионами, и, может быть, афера им удалась бы. Теперь же с каждой секундой их шансы таяли.

Лидочка, которой опротивела роль наблюдательницы, понимала, что должна что-то делать. Она была убеждена, что завтра-послезавтра в дело вмешается мистер Слокам. Значит, уже сегодня надо ему помочь.

Лидочка поднялась на второй этаж и потрогала дверь в комнату, где жила Алла.

Дверь была заперта. Как назло.

Конечно, вряд ли Алла оставила там какие-нибудь улики.

Может, краснодарские родственники знают, где лежат запасные ключи?

Лидочка сбежала по лестнице вниз. Она постучала к Кошкам, но те не открыли.

Впрочем, всего девять часов. Они спят.

Лидочка прошла в коридор, заглянула в ящик стола, на котором стоял телефон. Бесполезно. Она отправилась на кухню.

По законам жанра ей следовало бы перебрать все ящики и ухоронки в доме и потом, ничего не найдя, залезть в спальню Аллы с крыши.

Но связка запасных ключей нашлась в верхнем ящике кухонного шкафа.

Лидочка поднялась на второй этаж и вошла в спальню Аллы.

Там пахло перегаром и немытым женским телом. Лидочке захотелось распахнуть окно, но этого делать было нельзя.

Чемодан Аллы лежал на письменном столе. Он был раскрыт.

В чемодане смешались смятые кофты, платья, белье — как будто кто-то опорожнил гардероб, а потом недосуг было разбираться и раскладывать.

Лидочка брезгливо поднимала вещи и перекладывала их с места на место.

Ни одной бумажки, ничего, кроме вещей, в чемодане не нашлось.

На столике возле кровати лежала раскрытая косметичка.

Косметичка была почти полна.

Лидочка высыпала ее содержимое на кровать.

И тут же обратила внимание на деталь, которая, возможно, ускользнула бы от мужского взгляда.

В косметичке было две губные помады, два лака для ногтей и даже два флакона духов.

Лидочка перебирала вещицы и духи. Вот это духи лондонской Аллы, а вот это чужие для нее духи.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Алла получила полный набор вещей жертвы бандитов. Но если она, не будучи очень чистоплотной и аккуратной женщиной, согласилась пользоваться вещами настоящей Аллы, то, когда дело коснулось духов и губной помады, она не смогла подчиниться приказу. Взяв вещи бывшей жены Славы, она дополнила их собственными мелочами, без которых чувствовала

бы себя неуютно. И, разумеется, ни один мужчина этого не заметил. Это была неплохая улика.

Лидочка крутила косметичку в руках, чуть не вывернула наизнанку.

И поняла, что условия, в которых содержат похищенную женщину, таковы, что никакая косметика ей не требуется. И переодеваться ей не надо.

С чего бы... Лидочка медленно собирала вещицы обратно в косметичку. Зачем бандитам, при их бессердечии и жестокости, оставлять в живых настоящую Аллу? «Почему я решила, что видеозапись сделана вчера или позавчера, что они придумали историю с доверенностью только что? Зачем им нужна настоящая Алла? Зачем возиться с ней, кормить ее? Это бывает только в приключенческих фильмах из американской жизни, а у нас каждый бутерброд на счету».

Мысль о смерти Аллы не возникла у Лидочки раньше, до того, как она увидела ее косметичку и ее трусики. Это дурное наследство, оно не принесет радости здешней Алле... Но вот эту Аллу они будут беречь.

А Славу?

На первый взгляд его теперь можно бы и убить: кому он нужен, если счет у него общий с женой и распоряжение о переводе ценных бумаг в наличные сделано... Но смерть Славы вызовет неизбежные осложнения с полицией... Значит, если со Славой что-то и планируется, то он должен исчезнуть, а не погибнуть. К сожалению, одно не исключает другого...

Лидочка убрала за собой и заперла дверь в спальню.

Хоть ничего особенного она не нашла, настроение у Лидочки испортилось.

И тут ее потянуло в сон.

С Лидочкой такое бывало несколько раз в жизни. Когда было очень плохо и нервы уже отказывались служить, она засыпала. Так случилось, когда она узнала о смерти мамы...

Лидочка прошла к себе в комнату и на минутку прилегла. Только на минутку — очень уж разболелась голова.

И заснула.

И проснулась, как оказалось, через два часа от шума, криков и ругани внизу.

Несколько секунд она лежала, собираясь с мыслями, и чем более просыпалась, тем хуже становилось настроение.

Но делать нечего. Лидочка посмотрела на часы. Половина двенадцатого!

Лидочка вышла на лестничную площадку и посмотрела вниз.

В прихожей Геннадий отчитывал Славу:

— Чего ты не видел? Ты сам им помог! Наверное, всю ночь их собирал!

— Я не имею представления! — отказывался Слава. — И отстаньте от меня, наконец. Я не имею представления!

— Ну что ты прикажешь делать, Эдуард? — Геннадий обратился к своему хромому приятелю, который впервые пришел в дом Кошко.

— Ничего страшного еще не произошло, — сказал Эдуард Дмитриевич. — Не все потеряно.

— А вот и ты, Лидия Кирилловна! — воскликнул Геннадий, увидев Лидочку. — Где Кошки? Когда они сбежали?

Лидочка уже почти спустилась с лестницы и увидела, что дверь к Кошкам распахнута.

Еще несколько ступенек вниз, и стало видно, как уменьшились завалы барахла, добытого Кошками с таким трудом.

— Этого еще не хватало! — Геннадий был в бешенстве.

И тут Лидочка со всей очевидностью поняла, что Геннадий — не главный в этом тандеме.

— Успокойся, — сказал Эдуард. — Они промахнулись. Рейс «Аэрофлота» только в четыре. На семь утра они не успели.

— Что они — идиоты, на «Аэрофлоте» лететь! Да у них головы на плечах есть, — вмешалась Алла. — Они сейчас на «Бритиш Эйрлайнс» к Москве подлетают — и сразу на Петровку! Звони, чтобы их в Шереметьеве наши перехватили.

— Да помолчите, — брезгливо остановил их Эдуард Дмитриевич.

Лидочка только теперь разглядела местного вожака банды. Был он средних лет, с невыразительным чиновничьим лицом, одна нога короче другой — это было видно и на ходу, и даже когда он стоял, покосившись.

— Алла, — продолжал Эдуард, — мы с Геной смотаемся в Хитроу, времени у нас в обрез. А ты остаешься на кухне. Все попытки бунта на борту пресекаешь как хозяйка дома.

Алла непроизвольно ринулась за вождем.

Лидочка поняла, что сегодня Алла трусит куда сильнее

прежнего. Бунт на борту разгорается, и неизвестно, куда бросаться, чтобы его подавить.

Дверь захлопнулась.

Удрученный Слава отправился к себе в кабинет, а Лидочка пошла на кухню. Алла бросилась за ней.

— Сейчас, Алла, вам самое время идти с повинной, — сказала Лидочка.

— Ты с ума сошла! — испугалась Алла. — Что я, буду в ихней тюрьме гнить?

— А чем их тюрьма хуже нашей?

— Так я же ихнего языка не знаю.

— Учителя пришлют. Потом вам знание иностранного языка пригодится.

— Нет, — решительно сказала Алла. — Там негритянки. А я их не выношу — очень воняют. А из нашей тюрьмы всегда отмажут.

Лидочка была у себя наверху, когда через три часа привезли беглецов.

Об их прибытии Лидочка догадалась по грохоту, вздохам и жалким голосам, доносившимся из прихожей.

Вечером она узнала об их поимке от Валентины, которая прибежала к ней пошептаться, так как все еще находилась в состоянии ужаса от провала всех жизненных планов.

Циничный Эдуард Дмитриевич оказался прав: Кошек погубила жадность, очередной приступ жадности, которую они называли бережливостью, разумным отношением к жизни и всякими другими красивыми словами.

Бежать они решили еще с вечера. Потому что не убежишь — тебя или убьют, или посадят.

Ночью они тихонько сложили в тюки и сумки самое необходимое. Так, чтобы можно унести в руках.

Говоря так, Валентина лукавила, потому что по мере приближения времени отъезда число тюков и сумок все увеличивалось. Как вызвать дешевое такси, Кошки знали. Они договорились с водителем, что тот остановится за четыре дома до их убежища. Постепенно они перетащили туда багаж. Было около семи, уже светло, но в доме никто их не хватился.

Кошки хотели одного: убраться как можно дальше от этой Англии и этого ихнего родственника. Дома, как уверяла

Валентина, они бы в милицию не пошли — зачем с властями связываться? Кому и когда это приносило пользу?

До Хитроу они доехали часов в девять или чуть пораньше. Был рейс на Москву — английский рейс, десять сорок две. Но надо было платить на полную катушку, а «Аэрофлот» соглашался взять с них пятьдесят процентов, раз уж они сдают старые билеты. Оставались деньги на страшный перевес и надежда на то, что с соплеменников «Аэрофлот» за перевес не возьмет.

Кошкам надо было пройти паспортный контроль и укрыться в международной зоне, но на радостях они отложили переход — уж очень много времени оставалось до рейса, и им казалось, что за границей они будут слишком хорошо видны.

О бандитах они все время помнили, трепетали, но два чувства — бережливость и «авось» — заставили их держаться «Аэрофлота».

Эдуард все рассчитал точно. Бандиты приехали в Хитроу как раз в тот момент, когда с чувством внутреннего облегчения Кошки заняли очередь к стойке — оформлять билет и багаж. Причем Василий держал тележку с чемоданами и сумками, а Валентина за столбом караулила бесчисленные сумки.

Так что сначала бандиты взяли Валентину. Та чуть было не лишилась чувств, села на сумки и покорно ждала, пока Геннадий выводил из очереди Василия и катил его вместе с тележкой к жене.

Тут началось перетягивание каната. Кошки готовы были сдаться на милость победителей и вернуться на Вудфорджроуд, но не раньше, чем им удастся вернуть хоть какие-нибудь деньги за билет.

В результате бандиты потерпели поражение — Эдуарду пришлось из своего кармана отстегнуть им половину стоимости билетов. Так что Валентина, рассказывая о своей эпопее, утешала себя тем, что с финансовой точки зрения матч Кошки — бандиты окончился вничью.

По дороге домой Кошки старались оправдываться и с гневом отвергали упреки в слабодушии и предательстве родственников. «Та ж воны не ридные нам, — уверяла Валентина. — Так, приймаки...»

Возвратив беглецов, Эдуард укатил куда-то по делам, а с Аллой оставил Геннадия, настрого запретив им пить. Поэтому они пробавлялись пустым чаем, были трезвы, злы и бдительны.

* * *

Иришка вернулась ближе к вечеру. Роберт провожал ее и громко сказал:

— Я буду проверять.

Иришка забралась в комнату к Лидочке и шепотом поведала ей, что завтра Снежана Ричардсон увозит ее и Роберта в Шотландию на машине — ни один бандит не догонит. Иришка сказала, что не хотела оставлять отца, но Слава сам ей велел уезжать, потому что без нее он будет себя чувствовать спокойнее. По крайней мере не нужно будет за нее переживать.

Иришка позвала Лидочку погулять.

— Здесь даже стены подслушивают, — сказала она. — Когда я стану хозяйкой, первым делом продам этот дом.

— Как так хозяйкой?

— Думаю, фазер тут долго не протянет, — совершенно спокойно сказала Иришка. — У него сердце паршивое. А такие переживания могут оказаться роковыми.

— Ты шутишь?

— Вы из хорошей семьи, тетя Лида, у вас все друг друга любят, уважают, по вам видно. А я выросла в доме, где все хитрят, обманывают и тащат к себе. Я их должна любить, но не знаю на самом деле, кого люблю, а кого ненавижу. Фазер думает, что я маму обожаю, а я даже не знаю, буду расстраиваться, если она погибнет, или нет.

— Как ты можешь, Иришка! — ахнула Лидочка.

Ей хотелось надеяться, что Иришка притворяется, что скрывает за грубостью мягкую сердцевинку. Они спустились вниз. Алла с Геннадием сидели в столовой.

— Вы куда? — спросил Геннадий.

— Погулять, — ответила Лидочка. — И не суетитесь, вы же не можете всех запереть по комнатам.

— А что? Это мысль, — сказал Геннадий. — Конструктивная мысль.

— Никуда мы не денемся, — сказала Лидочка.

— Никуда они не денутся, — поддержала ее Алла. — Погуляют и домой прибегут.

Геннадий вышел в коридор и глядел им вслед, пока они не вышли из дома.

На улице было тепло, цвела магнолия. «Здесь не бывает

комаров, — подумала Лидочка. — Наверное, давным-давно здешние комары заключили с людьми соглашение, что не будут их кусать, а люди не будут их давить. Вот и живут...»

— Знаете, тетя Лида, — сказала Иришка, — я тут ломала голову, ломала, и у меня получается, что им нет смысла оставлять мою маму в живых. Это опасно и ничего им не дает. Узурпаторша есть, зачем пугать себя и окружающих...

— Не пугай меня.

— Ага, по тону слышу, что вы тоже так думали.

— Тебе не страшно?

— Мне страшно. За папу страшно. В самом-то деле он до сих пор маму любит. Он чудак, он не очень хороший, но придумал себе правила: я люблю Аллу, я люблю ребенка, я люблю маму... А он кого-нибудь может любить?

И тут сбоку зашуршали кусты. Иришка, взвизгнув, отпрянула. Из кустов вырвался Слава.

— Я могу любить! — сказал он театрально. — Я нечаянно подслушал страшные подозрения, которые раздирают твою душу!

— Фазер, не говори красиво, — поморщившись, сказала Иришка. — У нас с тобой мир, мы в одной лодке.

Они медленно шли к детскому парку. Лидочке было неловко. Она подслушала и подсмотрела то, чего ей видеть не хотелось.

— Завтра с утра я ставлю вопрос ребром, — сказал Слава, немного успокоившись и, видно, отнеся слова дочери на счет нервного срыва. — Или они освобождают Аллу, или я принимаю меры. Хватит. Уже больше недели она у них в плену. Я сделал все, что они требовали, элементарные договорные отношения требуют взаимных уступок, разве я не прав?

— Ты всегда прав, папочка, — мрачно сказала Иришка.

Сзади послышался частый топот.

— Ну вот, — сказал Слава. — Видишь, как они нас уже боятся.

И в самом деле за ними несся Геннадий. Бежал он красиво, широко, затормозил метрах в трех.

— А ты, Славик, как ускользнул? — спросил он. — Чтобы больше таких штучек не повторять! А то сбежишь в Лондон — где нам тебя искать?

Слава поднял палец и строго сказал:

— Завтра — вы слышите?! — завтра я поднимаю вопрос о немедленном освобождении матери моего ребенка.

— Вот завтра и поговорим, — сказал Геннадий. Он успокоился — никто из его стада в лес не сбежал.

Они вернулись в дом. Алла ждала у двери, курила на улице. Оранжевый огонек сигареты разгорался, когда она нервно затягивалась, и зловеще освещал ее лицо.

В доме было слышно, как шуршат, возятся в своей норе несчастные Кошки.

Видно, они раскладывали вещи, обреченные ждать, когда ситуация развяжется и хозяев отпустят домой.

Лидочка поднялась к себе. Ей больше не хотелось ни с кем разговаривать.

Но не тут-то было.

Через час заявилась Валентина и стала жаловаться на свои несчастья. Она рассказала Лидочке про неудачное путешествие в Хитроу, причем Лидочке все время приходилось делать поправки. Валентина не лгала, но рассказывала о бегстве со своей точки зрения. Так она все видела. Так запомнила.

— Что будет, что будет?! — повторяла она. — Скоро нас отпустят, Лидия? Ведь мы можем не пережить, честное слово. У нас здоровье никуда не годится. Они отпустят Аллочку, а? Или порешат ее?

— Я не знаю, — сказала Лидочка.

— А я чего боюсь, — заметила прозорливая Валентина. — Я боюсь, что они теперь за Славика примутся. Он как жертвенный агнец, честное слово. Он ведь для них бумаги подписал — значит, теперь не жилец.

— Нет, — уверенно сказала Лидочка. — Это не в их интересах. Им нужно, чтобы все обошлось без жертв.

— А нас-то не жалеют, — вздохнула Валентина.

Глава 21

Потом, для инспектора Слокама, Лидочка старалась воспроизвести свои чувства и ощущения той ночи. Но трудно словами передать собственные ожидания, страх, переживания, звуки и шорохи, которые ползали по дому.

Лидочка, как ей казалось, в ту ночь вовсе не спала. На са-

мом же деле она много раз просыпалась. И порой не знала отчего.

— Подъезжала ли к дому машина или машины? — спрашивал инспектор Слокам.

— Кажется, подъезжала. Но я не могу сказать когда и останавливалась ли она у наших дверей.

— Слышали ли вы голоса?

— Разумеется. И, кажется, не раз. Но не знаю, было ли то наяву или во сне.

— Шаги в доме, движение?

— Да, конечно. Но не помню когда.

Все было той ночью как в кошмаре. Ни в чем нельзя быть уверенным.

А к утру Лидочка заснула и проснулась уже от того, что в доме стояла мертвая тишина. Словно он вымер.

Лидочка посмотрела на часы. Без двадцати шесть. Никто здесь так рано не встает. Но почему не поют птицы? Почему не летают самолеты? Почему выключили звук?

Лидочка зажмурилась и постаралась заснуть вновь.

Снова Лидочка проснулась уже в разгар утра. В восемь. Солнце, путешествуя по бирюзовому небу, выползло из-за рамы и ударило лучом в закрытые Лидочкины глаза. Лидочка взглянула на солнце и зажмурилась вновь. Но тут небольшое ватное облачко догнало солнце и скрыло его.

Лидочка соображала, успел ли кто-нибудь занять ванную и туалет? Ее всегда обгоняли Иришка с Аллой. И обе любили поплескаться в ванной подольше. Все последние дни Лидочка старалась подняться раньше всех, чтобы не тратить полчаса на ожидание, как в коммуналке.

Вода не лилась.

Лидочка накинула халат и побежала к ванной. Успела.

«Что нас ждет сегодня? — рассуждала Лидочка, стоя под душем. — Вести из Москвы?» Не верила она в эти вести. И если они будут, то окажутся лживыми...

И тут сквозь шум воды она услышала крик:

— Тетя Лида!

Звали ее. Иришка.

Крик повторился у двери в ванную, пока Лидочка быстро вытиралась.

— Да скорее же! — кричала Иришка. — Скорее!

Запахивая халат, Лидочка выбежала на лестничную площадку. Она не успела причесаться и толком не вытерлась.

— Фазер пропал! — заявила Иришка, стоявшая под дверью. — Понимаешь, они украли фазера!

— Кто украл? Кому это нужно?

Из своей комнаты вылезла сонная Алла.

— Ну что устроили базар? Кто еще у вас пропал?

— А ты молчи! — закричала Иришка. — По тебе давно тюрьма плачет! Где папа? Отвечай, где папа?

Алла отпрянула и закрыла дверь. Слышно было, как взвизгнула задвижка.

— Объясни, Иришка, — попросила Лидочка. — Что случилось?

— Ну идем, идем, — тянула ее за собой Иришка. — Скорей!

Они сбежали вниз по лестнице и оказались в кабинете. Дверь была открыта.

Кабинет был пуст.

На разобранном диване лежало одеяло в пододеяльнике, но простыни и подушки не было.

Это показалось Лидочке настолько странным, что она непроизвольно обвела комнату взглядом в поисках недостающих вещей.

Иришка тащила ее к дивану.

— Вы здесь смотрите, тетя Лида! Смотрите!

Иришка нагнулась и положила ладонь на диван, туда, где должна была лежать подушка.

Лидочка послушно дотронулась до дивана. Он был влажным.

Если приглядеться, то можно было увидеть, что влажное пятно темнее, чем ткань дивана.

— И что ты думаешь?

— Это кровь? — шепотом спросила Иришка.

— По-моему, не кровь.

— Что тут происходит? — спросила, возникая в дверях кабинета, Алла голосом хозяйки дома.

— Где папа? — истерически крикнула Иришка. — Что вы с ним сделали?

— Что? — Алла была настолько растеряна, что Лидочка ни на секунду не усомнилась, что если московские бандиты и

имели отношение к его исчезновению, то Алла об этом не подозревала.

— Что, думаешь, он на тебя деньги переписал, можно его и убить?

— Погоди, Иришка, — вмешалась Лидочка. — Мы же не знаем, что случилось с папой. Может быть, он ушел.

— Куда ушел?

— Ему все надоело, и он ушел.

— Ты что мне мозги пудришь? — рассердилась Алла. — Куда ушел? И подушку с собой унес? А простынка где?

— Он мог спать и без простыни, — возразила Лидочка.

Она поняла, что хочет только одного — чтобы Алла ушла, ни о чем не догадавшись, и тогда Лидочка сможет вызвать полицию. И Алла сразу догадалась о ее намерении.

— И не мечтай, — прошипела она. — У нас все схвачено. Твой муж Андрей у нас под колпаком. Понимаешь? И ихняя бабушка тоже от нас далеко не уйдет.

— Вот сейчас я ее убью, — сказала Иришка. — Я ее обязательно убью. Если с отцом что-то случилось, я сяду в тюрьму, пускай отрубят мне голову. Но она жить не будет.

Иришка говорила так яростно, что Алла смешалась, выскочила в коридор и кинулась к телефону.

Иришка словно забыла о ней и полезла под диван. Она пыталась отыскать хоть какое-нибудь объяснение исчезновению отца.

— Они его уволокли и убьют! — говорила Иришка. — Им нужно, чтобы он исчез, пропал без вести. Его искать не будут, и безутешная вдова все унаследует. А глупая дочка окажется под электричкой.

— Геник! — послышался голос Аллы. — Где твой клиент?.. Что же, я должна была ночью не спать? Так и оставался бы сам, под дверью сторожил. Да скорей ты, они в полицию звонят!.. Я предупредила, а им по фигу!.. Ясно!

Алла рванула телефон на себя, оборвала провод и кинула аппарат в угол.

— Ты что? — набросилась на нее Иришка.

— Сейчас Гена здесь будет, — ответила Алла. — Не трогал он твоего фазера. Заявится твой фазер.

Дверь к краснодарским Кошкам приоткрылась, и оттуда высунулась опухшая со сна или от слез физиономия Василия.

— Только не говорите, что еще одно несчастье! — взмолился толстяк. — Лучше я пешком в Москву пойду.

Иришка хотела вырваться из дома, но Алла ее не пускала, и они принялись отчаянно возиться у дверей. Лидочка понимала, что это ничего не даст, поэтому вернулась в кабинет и стала его осматривать.

Дверь в сад была закрыта изнутри на задвижку. То есть снаружи прийти убийцы не могли. Какие-нибудь следы они должны были оставить...

«Почему я называю их убийцами? Нет никакого убийства, это просто расшалившиеся нервы.

Я нахожусь на грани безумия, пью кофе с убийцами, даже одним мылом с бандиткой пользуюсь. И куда как логично, что Слава, отчаявшись что-то изменить, подумал, что его бегство все решит.

Но почему он не убежал раньше, еще не подписав документов?

А что я знаю о его душе? Что там шевелилось? Какие страхи перевесили ответственность за жизнь других людей? К тебе приходят и говорят — веди себя так-то, иначе мы убьем твою мать и твою дочь. И ты ведешь себя как надо до того момента, когда сходишь с ума».

Сейчас откроется дверь, и он вернется... Он вспомнит о тех, кого оставил, и вернется.

Дверь не открывалась.

Лидочка еще раз подошла к двери в сад — она ее притягивала. Дверь словно скрывала тайну, ускользавшую от внимания Лидочки. Лидочка подергала за ручку. Дверь была закрыта на щеколду и на замок — ключ повернут в металлической раме. Словно Слава опасался тех, кто может прийти из сада. И думал, что они не посмеют разбить хрупкую стеклянную преграду.

Возле дивана должны быть следы. Ведь пришли же эти люди откуда-то. Следов не было. Может быть, они вымыли пол? Но теперь уже не определишь. Лидочка понюхала влажное пятно. От него исходил какой-то слабый запах, но ничего определенного она сказать не могла.

Лидочка уговаривала себя, что Слава жив, а когда начинала внутренний монолог, ловила себя на том, что думает о

Славе как об убитом. Ведь все шло именно к этому. И Слава это чувствовал.

Теперь в доме новая хозяйка.

Раздался звонок в дверь. Лидочка кинулась в прихожую, но напрасно. Нет, это не Слава. На Вудфордж-роуд примчался взбешенный Геннадий.

Его гнев обрушился в первую очередь на Аллу. Недосмотрела, тебе ничего нельзя доверить!

Потом пришел и рассудительный Эдуард Дмитриевич.

Они топтались посреди кабинета, осматривали диван, ничего нового не сказали. Иришка, воспользовавшись моментом, ускользнула из дома.

Эдуард послал ей вдогонку Геннадия. Но на полпути остановил и сказал:

— Лидия Кирилловна, если вам удастся вернуть Ирину домой, мы будем вам признательны. Даю слово, что мы не причинили никакого вреда хозяину дома. Но если сейчас появится полиция, нам придется принять меры. У нас в руках заложники.

— Я не хочу, — сказала Лидочка, — чтобы и Иришка стала вашей заложницей.

Эдуард пожал плечами, с выдержкой принимая этот удар судьбы, и сказал:

— Когда Вячеслав вернется, вам будет стыдно.

Пока Геннадия не было, Эдуард осмотрел дверь и сказал:

— Вряд ли за ним пришли снаружи. Дело внутреннее.

— Но могли пройти через входную дверь.

— Им должны были открыть.

— Было кому открыть.

— Мы крутые, — сказал Эдуард Дмитриевич, — но мы не дураки. Вы читали книжку о курице, которая несет золотые яйца?

— Вы ее зарезали, потому что она уже снесла яйцо.

— Как мне все надоело! — с чувством произнес бандит.

Ворвался Геннадий. С порога он закричал:

— Мотаем отсюда. Ирка наверняка вызвала полицию.

Эдуард Дмитриевич направился к выходу. Он остановился возле Аллы и сказал ей:

— Будь совершенно спокойна. Никто тебя ни в чем не подозревает.

— А если полиция...

— Лидия Кирилловна поможет тебе разговаривать. Она хорошо английский язык знает. И она будет молчать. Как и все остальные. Правда? — Последняя фраза относилась к Кошкам, которые в ужасе наблюдали за происходящим через неширокую щель из своей комнаты.

— Мы молчим, честное слово, мы ничего не знаем, — с чувством ответила Валентина. — А может, вы нас на аэродром отпустите?

— Закройтесь и сидите, — сказал Эдуард. — Вы спали и ничего не знаете, ничего не слышали. Так лучше и вам, и всем остальным.

— Да, да, конечно, мы понимаем, ну как не понять, — ответила Валентина, и дверь в комнату Кошек закрылась.

— Надеюсь на ваше благоразумие, — сказал Эдуард Дмитриевич от двери. — И обещаю, что наша московская гостья будет освобождена сегодня вечером.

Он вышел следом за Геннадием.

Опасения Геннадия оправдались. Практически следом за ним, буквально через три-четыре минуты, перед домом остановилась желтая с голубым полицейская машина. Из нее вышли два полисмена в форме.

Лидочка побежала открывать.

— Что у вас произошло? — с порога спросил один полисмен.

— Проходите.

— Нам позвонила девочка и сказала, что пропал ее отец.

Полицейский был молод и постоянно по-английски улыбался, словно собирался сообщить замечательную новость.

— Да, исчез хозяин дома, — подтвердила Лидочка. — И мы не знаем, что с ним случилось.

Значит, Иришка все же позвонила в полицию и спряталась у Ричардсонов.

— Кто здесь живет? — спросил полицейский.

— Это родственники хозяина дома, а наверху его первая жена. Она не говорит по-английски. А я просто знакомая.

— Так что же случилось? — настаивал полисмен. — Вы, кажется, русские?

Лидочка виновато кивнула.

Второй полицейский, полный, с мучнистым толстым ли-

цом, сморщил нос и вздохнул. Видно, он был наслышан об этих русских.

Лидочка повела их в кабинет.

Надо как можно скорее позвонить Андрею, сказать, чтобы он уезжал из Москвы. Но разве его заставишь это сделать?

Алла вела себя сдержанно и встретила полицейских как обеспокоенная, но в меру, жена джентльмена. С помощью Лидочки она сообщила полиции, что, конечно же, встревожена исчезновением мужа, но не настолько... К сожалению, ее дочь — очень нервное создание в переломном возрасте. Она бывает практически неуправляемой.

Полицейские качали головами и дежурно улыбались. Они не верили Алле, не верили никому. И Лидочка поняла, что в отличие от русских коллег они не закроют дело как пустяковое и не стоящее усилий. Эти полицейские не выкинут и не спрячут в шкаф протокол с места происшествия. Они появятся здесь снова, и не позднее чем завтра.

Полицейские пожелали взволнованной миссис Кошко взять себя в руки и рассчитывать на лучшее. Они были добросовестны, но уехали довольно быстро, как «Скорая помощь», обнаружившая, что сердечный приступ оказался нервным припадком, за которым не скрывается серьезной болезни. Лидочка понимала, что если бы они попали в английский дом, то уделили бы делу куда больше внимания. Странно, что хозяин дома, солидный мужчина средних лет, ложится спать в своем кабинете, а утром его там не оказывается.

Когда же начинаешь допрашивать русских родственников, они ничего не знают, ничего не понимают и вообще уверены в том, что мистер Кошко уехал к друзьям или просто отдохнуть в Брайтон.

Разумеется, настоящий англичанин так бы не поступил, но чего можно ожидать от русских, которые лезут во все щели, чтобы нарушить спокойную жизнь на Островах?

Полицейские уехали, сказав на прощание, что просят звонить им и держать в курсе дела.

Краснодарские Кошки, которым удалось отсидеться в своей комнате, тут же вылезли в прихожую, чтобы узнать, чего хотела местная милиция. Алла была довольна, что обошлось, хотя и материла Иришку: хипеж подняла, а сама ноги унесла.

Тут позвонила Валери из агентства по продаже домов. Она нашла для Лидочки какой-то удобный дом и спрашивала, может ли та сейчас съездить поглядеть. Это недалеко, на Форест-хилл.

Лидочка восприняла звонок Валери как знамение свыше, как освобождение от постоянного кошмара.

Валери вскоре приехала на своей слишком большой для этой улицы американской машине, но сама она смотрелась в ней замечательно — большая уютная негритянка в большой уютной машине.

Это был первый дом, который более-менее подходил для конторы Теодора, и у Лидочки чуть улучшилось настроение — по крайней мере хоть какой-то просвет!

На обратном пути она попросила Валери остановить машину у лавки, где хотела купить телефонную карточку. Они попрощались.

Небо заволокло облаками, стало прохладно и влажно. Природа решила напомнить, что Англия — остров в океане.

Лидочка позвонила домой, но там никто не подошел. Тогда она набрала институтский номер Андрея. Лидочка уже была взволнована так, что голос срывался: ей почудилось, что они добрались до Андрея.

Трубку взяла секретарша Лизавета, которую Лидочка недолюбливала, потому что она нравилась Андрею. Он всегда любил женщин такого типа.

— Ой, Лидия Кирилловна, как у вас в Лондоне? — спросила Лизавета. Еще чего не хватало! Он обсуждает с ней мои дела! — А Андрей Сергеевич у директора. Они план раскопок согласовывают.

— Вы давно его видели? — спросила Лидочка.

— Как так давно? Минут десять назад. Они вместе с Мейером туда пошли.

В сущности, Лизавета не такая плохая девица, дала ей индульгенцию Лидочка. Ну молода, ну плохо воспитана, ну нахальна... Но кое-что из этого пройдет. С остальным пускай мирится ее будущий супруг.

— Ой, Лидия Кирилловна, — сказала Лизавета, — у меня к вам микроскопическая просьба. Совершенно не могу отыскать в Москве хороших маникюрных ножничек. А в Лондо-

не они есть, недорогие, но хорошие. Лучше бы «Золлинген» — вы запомните или запишете?

— Запомню, — мрачно ответила Лидочка, потому что практически вся карточка ушла на разговор с Лизаветой. Впрочем, звонила она не зря. По крайней мере десять минут назад Андрюша был в институте.

На остаток карточки Лидочка с того же автомата набрала номер, который оставил ей инспектор Слокам.

Ей.повезло. Инспектор был на месте и даже вспомнил Лидочку.

— Как у вас дела с расследованием? — спросила Лидочка, словно говорила с коллегой.

— Расследование продвигается, — ответил инспектор, но обмануть себя и отвлечь от дел не дал. — Что еще у вас случилось?

— Вы думаете, у русских всегда что-то случается?

Лидочка слышала собственный голос, и он ей не нравился — слишком бодрый и лживый.

— Неизвестно куда пропал владелец дома, — сказала она.

— Мистер Кошко? — У инспектора оказалась профессиональная память на иностранные имена. — Когда это случилось?

— Очевидно, сегодня ночью.

— Следует немедленно сообщить в полицию, — посоветовал детектив.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Мы вызвали полицию.

— И что же?

— В том-то и беда, что полиция приехала, осмотрела место происшествия, поговорила с нами и уехала, попросив звонить им, как только что-нибудь случится.

— Разумное решение, — одобрил действия коллег Слокам. — А вы как думаете?

— Я думаю, что смерть Галины Стюарт и исчезновение Кошко могут быть связаны.

— В самом деле? — произнес Слокам. Англичане великолепно умеют произносить эту фразу, после чего разговор завершается.

— Может быть, вы приедете к нам? — спросила Лидочка.

— Разумеется, — неожиданно согласился инспектор. — Вы меня чудом застали. Сегодня суббота, я зашел на работу случайно. Сейчас я уезжаю с женой к морю. Но в воскресенье вечером я вернусь. Надеюсь, к тому времени ваш друг вернется.

— Хорошо, спасибо, — сказала Лидочка и повесила трубку.

У них тоже бывают выходные.

Им тоже не хочется работать. Может быть, среди английских сыщиков в виде исключения встречаются лентяи. Но будем справедливы: именно в субботу днем, когда ты, движимый чувством долга, сидишь на работе и приводишь в порядок какие-то отчеты, звонит русская дама, несущественный свидетель по безнадежному делу, которое никто никогда не распутает, да и оснований, чтобы его распутывать, нет. Ты вежливо разговариваешь с дамой и отсылаешь ее на понедельник. И может быть, на той неделе в самом деле выберешь время, чтобы с ней встретиться. Не потому, что дела русских в Лондоне тебя занимают, а потому, что любая преступная деятельность в столице Соединенного Королевства представляет опасность для жизни его граждан и должна быть пресечена.

Мы сделали что могли, англичане — что сочли нужным. Русская мафия осталась цела и невредима. Если бандитам удастся трюк с доверенностью на имя Аллы, то они останутся в барышах, а Иришка отправится домой бедовать на бабушкину пенсию и вспоминать о лондонском богатстве, которого она так и не почувствовала. Да и никто не почувствовал.

Слава не был готов к тому, чтобы стать богатым человеком. Он лелеял свое богатство, но в то же время таился и боялся последствий. Он был виноват перед родиной и всем прогрессивным человечеством, что немедленно не отдал все деньги в фонд защиты слепых.

Лидочкой овладело бессильное чувство обреченности. Она всей шкурой чуяла, что Слава мертв. И мертва его Алла. И никому до того нет дела. Кроме Иришки и Марксины Ильиничны, да и в них Лидочка не была уверена.

Глава 22

Когда Лидочка вернулась домой, там царило оживление. Валентина выбежала в палисадник, чтобы встретить Лидочку.

— Он звонил! — заявила она. — Славик звонил. Радость-то какая!

Она лучилась счастьем.

— А кто с ним разговаривал? — спросила Лидочка, заходя в дом.

— Василек, — ответила Валентина. — Василек и разговаривал. Я уж Иришке позвонила, она придет сейчас.

Алла стояла в дверях столовой, сложив руки на груди, и чуть улыбалась.

— Я же говорила, — сказала она Лидочке. — Найдется ваш Славик.

Дверь хлопнула. Ворвалась Иришка. За ней тенью следовал верный Роберт.

— Кто разговаривал с папой? — с порога спросила она.

«Она, как и я, не верит», — подумала Лидочка.

Иришка смотрела на Аллу, готовая ее разоблачить.

— Это ваше семейное дело, — сказала Алла и пошла вверх по лестнице.

— Я говорил, — признался Василек.

— Что он тебе сказал? Где он? Когда вернется? — Иришка выстреливала в Василия вопросами, и тот вздрагивал под их ударами.

— А он не казав, — наконец вымолвил он.

— Казав — не казав... А что он казав?

— Що усе в порядке.

— Да говори ты по-русски!

— Я и говорю, что приедет.

— И больше ничего?

— Не волнуйтесь, сказал, приеду.

— Почему ты решил, что это отец? — спросила Иришка. — Ну почему?

— А он сам мне казав, — ответил Василий. — Он говорит — это я, Славик. Я, говорит, приеду. Ждите.

— Но почему — он? Ты что, голоса не помнишь?

— А слышно хреново было, не разберешь. Я еще кричу — это кто? А он мне — это Славик!

— Чепуха, — сказала Лидочка. — Он не мог себя так называть. Он не выносит это имя.

— Чего ж не выносит? — обиделся Василий. — Имя как имя... ласковое.

— Может, это не Славик? — спросила Иришка. — Может, Сашок?

— Какой еще Сашок, нет у нас Сашка, — ответил Василий. — Да не приставайте вы ко мне! Ну что привязались? Он мне сказал, что он Славик, я и сказал: ну как, Славик, куда ты делся?

Валентина сказала:

— Пошли, Василек, к себе, тебе волноваться нельзя.

Василий подчинился. Он ушел в свою комнату, ворча:

— А я что, нанимался, что ли? Он говорит — Славик, а я что? Я говорю, ты где, Славик?

Иришка стояла посреди прихожей, сжав кулачки. Роберт сделал шаг вперед и обнял ее за плечи.

— Это они подстроили звонок, — сказала Иришка, поглядев наверх. — И ловко рассчитали, чтобы этот идиот подошел. Ловко рассчитали.

— Пойдем, Ирина, — сказал Роберт. — Пойдем к нам. Тебе плохо здесь оставаться.

— Я ее убью, — сказала Иришка. — Если что-то с папой, я ее убью!

— И не думай! — раздалось сверху. Значит, Алла не ушла к себе, а стояла на лестничной площадке и слушала разговор. — Руки коротки!

— Как змею раздавлю!

Было страшно и неприятно видеть, как ненависть искажает лицо девушки. Она была совсем некрасивой сейчас: глаза закрыты, по щекам текут слезы, рот кривится.

— Уведи Ирину, — приказала Роберту Лидочка.

— Пошли, — сказал тот. — Посидишь у нас.

Иришка пошла к двери. Она повторяла, как заклинание, только для себя самой:

— Я ее убью. Я ее убью. Мне не жалко.

Лидочка поднялась к себе. На лестнице она столкнулась с Аллой, которая собралась из дома.

— Это вы подстроили звонок? — спросила Лидочка.

— Чего дурью маешься! — сердито откликнулась Алла. — Больше нечем заняться? Сил с вами никаких не осталось! Одни нервы. Скорее бы все это кончалось!

— Разве это от Иришки зависит?

— А пошла ты...

Алла выбежала из дома. Ей тоже здесь было страшно.

Лидочка, которая купила в городе мороженых биточков и чипсов, пошла на кухню.

Она купила еды на несколько человек — мало ли кто окажется голодным в этом неладном доме.

И оказалась права.

Когда запах жареного распространился по дому, из своей комнаты осторожно выползли барсуки — Кошки.

— И что у нас сегодня на ужин? — ласково пропела Валентина.

— Садитесь, сейчас будет готово.

— Василек, — приказала Валентина. — Посоответствуй Лидочке.

Василий сразу понял и вернулся через две минуты с недопитой бутылкой горилки и со шматом сала, завернутым в газету. Это была большая жертва и говорила о том, что Лидочка осталась единственной надеждой и опорой для краснодарских родственников.

— Я тебя не опасаюсь, — подтвердила предположение Лидочки Валентина, разложив газету на столе и стругая сало.

Василий поставил на стол бокалы и тут же, спеша, разлил по ним горилку — себе побольше, женщинам куда меньше. Ухмыльнувшись по-кошачьи, он сообщил:

— Алкоголь — вещь вредная, женскому организму противопоказана.

Он выпил, не закусывая, и сразу же налил себе еще, уверенный в том, что Валентине сейчас не до него и она на радостях и от облегчения, что Алла ушла, а Славик вроде бы нашелся, ругать его не станет.

— А мы, Лидок, — сказала Валентина, — все равно сбежим. Может, завтра и сбежим. Мы умнее стали. На ошибках учатся, правда?

— Не будете ждать аэрофлотовского рейса? — догадалась Лидочка.

— Они за нами разок сбегали, а второй раз не побегут.

Лидочка не могла с ними спорить — Кошки жили надеждой на бегство. И с ней были доверчивы и открыты.

— Вот ты скажи, — заговорил Василек, — на что людям гроши?

— И я говорю, — подхватила Валентина. — Нам же много

не надо. По гостинцу внучатам и главное, чтобы дома оказаться.

— На своей постели, — объяснил Василий. — У меня этот империализм в печенках сидит.

* * *

Алла пришла поздно. Лидочка не спала, читала. Завтра воскресенье, святой день в Англии. Никто ничего делать не будет. А в понедельник все это кончится. Плохо ли, хорошо, но кончится. Лидочка в том не сомневалась.

Алла что-то говорила в дверях Геннадию, который, видно, ее провожал. Потом она постучала к Кошкам. Из-за двери откликнулись.

Дом был старый, каменный, тем не менее он был открыт для звуков, стены их не задерживали.

Поговорив с Кошками, Алла стала подниматься к себе. Поднималась она медленно, что-то бормотала себе под нос. Остановившись под дверью Лидочкиной комнаты, Алла спросила:

— Ты здесь?

Помолчала.

— Не скрывайся. Я все знаю. Ты там сидишь.

Но, видно, полной уверенности не было.

Неожиданно Алла толкнула дверь, и та растворилась.

— Книжечки читаешь? Люди переживают, а ты читаешь?

Алла была сильно пьяна и зла на весь мир.

— А где моя доченька?

Лидочка не ответила.

— Где Ирка, я спрашиваю? У хахаля своего?

— Закройте дверь, — сказала Лидочка. — Надоело.

— Я до тебя еще доберусь... дерьмократия!

Это было самое ненавистное слово.

Дверь Алла закрывать не стала, а пошла к Иришкиной комнате. Лидочка услышала стук. Потом еще сильнее.

— Ты дома или как?

Алла ударила в дверь кулаком. Видно, ничего не получилось. Алла повернулась к двери спиной — Лидочке это было видно через незакрытую дверь — и стала бить по филенке каблуком. И вдруг — никто этого не ожидал — дверь раство-

рилась, и Алла почти упала внутрь. Иришка сильно толкнула Аллу в спину, та качнулась вперед, схватилась за перила и чуть не загремела вниз.

— Еще сунешься, — сказала Иришка, стоя в дверях, — убью. Я тебя уничтожу, как гниду!

Алла стала подниматься и разворачиваться. Лидочка увидела, что она снимает туфлю и замахивается острым каблуком на Иришку.

Лидочка взлетела с постели и кинулась на лестницу.

Но ее вмешательство не потребовалось.

Иришка была вдвое моложе и абсолютно трезва. Она легко уклонилась от удара, выхватила оружие Аллы и швырнула туфлю вниз. Туфля ударилась о стенку и полетела вниз в прихожую.

Алла и Иришка стояли, глядя друг на дружку. Сбоку в стороне замерла Лидочка, сжав в руке книгу.

— Тебе не жить, — прошипела Алла.

— Это еще вопрос, — ответила Иришка.

Лидочка ступила вперед.

— Хватит, — сказала она. — Это никому ничего не даст.

— Еще как даст. И за отца я отомщу.

— Принеси мне туфлю, — велела Алла.

Иришка повернулась и молча ушла к себе. Слышно было, как она запирает дверь.

Алла обернулась к Лидочке.

— Я что тебе сказала?!

Лидочка ушла в свою комнату. Это было похоже на уход со сцены.

Алла осталась в одиночестве.

Лидочке было любопытно, пойдет ли она вниз за туфлей?

Алла не пошла. Постояла, подумала и отправилась к себе. Ее шатало, и, видно, руководила ею единственная конструктивная мысль — добраться до постели.

Лидочка закрыла дверь на задвижку. Ей не хотелось видеть незваных гостей.

Свет она гасить не стала. Все равно внутри все было сжато, завязано в клубок, и пока она отсюда не выберется, ей не ожить.

Лидочка постаралась вызвать в памяти сегодняшнюю поездку с Валери и дом, который они смотрели.

Но мысли скоро съехали с недвижимости на жизнь... Дома Эшеров, сказала она себе. Дом погибает, рушится, он ненастоящий, в нем нет сердца.

Лидочка постаралась представить себе, что творится в его комнатах.

Иришка, конечно же, не спит. Она мысленно пробирается в комнату Аллы, чтобы застрелить ее, и в воображении пронзает ее десятками пуль, заставляя корчиться от страха и боли... Зачем она вернулась? Оставалась бы у Ричардсонов.

Закричала Алла.

Потом крик оборвался.

Почему Лидочка решила, что кричит именно Алла?

На лестничной площадке было светло и тихо. Никто не удосужился погасить свет. Свет горел везде — и внизу в прихожей, и в коридоре, где возле телефонного столика валялась Аллина туфля, и наверху, на лестничной площадке. Конечно же, хозяина нет дома, без него можно и не экономить электричество.

Приоткрылась дверь в комнату Иришки — высунулся ее нос.

— Вы что? — спросила она шепотом.

— Мне показалось, что Алла закричала.

— И вы уж решили, что она погибла от моей жестокой руки? — Иришка усмехнулась.

— Но ведь и ты слышала?

— Потому и выглянула.

— Спросить ее?

— Спрашивайте сами. Не хочу на мат нарываться. Вы же знаете, почему она кричит, — кошмары замучили. Она пьяная в дымину — вот и мучается.

— Кто кричал? — донеслось снизу. Значит, и Кошек разбудили.

Лидочка вернулась к себе.

Она не заметила, когда заснула. Может, это было в три часа, но вряд ли раньше — в последний раз она смотрела на часы в два.

Опять повторились кошмары и бред прошлой ночи. В этих кошмарах фигурировал Слава, бандиты, но Аллы не было.

Сквозь сон Лидочка слышала, как на лестнице тихо разговаривали. Но кто — она не могла понять и не могла про-

снуться, чтобы снова выглянуть в коридор. Лидочка понимала, что ее долг пойти к Иришке и остаться на ночь в ее комнате. И зачем девочка пришла ночевать домой? Впрочем, ничего удивительного — поездка в Шотландию отменилась из-за исчезновения отца.

Перед тем как окончательно заснуть, Лидочка вспомнила, что завтра воскресенье, уик-энд, никто ничего совершать не будет. Все дождутся понедельника.

Почему-то эта мысль ее настолько утешила, что она заснула окончательно. Без снов.

* * *

Утром Лидочка опять проснулась раньше всех — это уже стало инстинктом, страшной ненавистью к ожиданию в коммунальной очереди в ванную. Несколько минут она лежала — сначала счастливая от того, что в окно бьют солнечные лучи, что в саду оглушительно поют птицы, что вокруг царит мир и покой... Действительность возвращалась к ней толчками. Сначала она вспомнила, что пропал Слава, потом сообразила, что в доме сидит подсадная утка — Алла, что настоящая Алла, вернее всего, погибла...

Лидочка поднялась, пошла в ванную. Никто не сунется сюда в восемь утра. Можно будет подольше постоять под душем.

Лидочка относилась к той категории чистюль, которым лучше всего думается под звон водяных струй.

Вот и сейчас она включила душ и стала думать, что же могло случиться со Славой.

Она не верила в то, что Слава убежал в Брайтон и отсиживается там в маленькой гостинице или вообще уехал на континент, чтобы не видеть, не слышать, не говорить... Не мог он этого сделать из-за Иришки. Пока Иришка не уехала, не спряталась, он остался бы рядом. Потому что в отличие от остальных лиц этой драмы Слава имел одну слабость — любовь к дочери.

Его могли увезти.

Кто? Бандиты? Какого черта им увозить свою курицу, несущую золотые яйца? Зачем рисковать тем, что родные, доведенные до отчаяния, все же вызовут полицию? Что, кстати, и

случилось. И если бы не проклятые выходные, наверное, полицейские и инспектор Слокам были бы более заинтересованы в том, чтобы найти мистера Кошко.

А больше кандидатов на похищение, умеющих и любящих это делать, не оставалось.

Может быть, появилась конкурирующая группа, и они украли Славу, чтобы отнять доллары и фунты у группы Эдуарда Дмитриевича? Нет, пожалуй, этот вариант слишком сложный. Обычно в жизни все происходит гораздо проще.

И вывод очень прост — Славу убили, чтобы не путался под ногами.

Конечно, можно твердить, что Слава нужен бандитам, что они заинтересованы во всеобщем спокойствии. Но если Слава пригрозил им, что пойдет в полицию, нужда в нем сводится к минимуму. Документы подписаны. Алла имеет право распоряжаться счетом Славы и может снять с него некую значительную сумму. Казалось бы, такая операция потребует нескольких дней и массы документов, но в первые же дни, сняв деньги с закрытых счетов и продав акции, Слава скопил на своем счете около миллиона фунтов. И их-то Алла может взять.

Но в таком случае бандиты тоже связаны по рукам и ногам до понедельника. Ведь банк закрыт.

Им надо протянуть еще один день.

А если они решили убрать Славу, то куда же можно было спрятать его тело? Завернутое в простыню...

И тут Лидочка поняла, почему она не может уговорить себя, что Слава жив и где-то скрывается.

Ведь простыня нужна только мертвецу. Зачем беглецу брать с собой простыню и подушку? Чтобы спать на свежем воздухе? Нет. Чтобы завернуть в простыню тело. А подушка? Подушка испачкана кровью! Может так быть? И простыня, простыня тоже!

Тогда они прячут простыню или заворачивают в нее тело Славы. Ночью грузят в машину... Она слышала машину ночью? Вроде бы слышала. Они увозят тело куда-то за город, вернее всего, сбрасывают в воду, чтобы его не нашли несколько дней, а тогда они исчезнут без следа.

Нет, тела ей не найти.

Лидочка услышала, что в дверь стучат.

Она выключила воду.

— Кто там?

— Тетя Лида, — сказала из-за двери Иришка, — вы уже полчаса под душем стоите.

— Извини, я задумалась. Я сейчас.

Иришка выглядела так, словно вовсе не ложилась.

Она не посмотрела на Лидочку, а прошла в ванную и сразу же там закрылась.

Лидочка приводила себя в порядок уже в спальне.

Она посмотрела на часы. И в самом деле половина девятого.

Где обитатели дома? Действие последнее: на сцену выходят...

Лидочка тихонько подошла к двери в комнату Аллы и прислушалась. Там царила тишина. Алла еще спала.

Лидочка спустилась вниз. За дверью Кошек гудели приглушенные голоса.

— Завтракать будете? — спросила Лидочка.

Наступила испуганная пауза. Потом Валентина выглянула и сказала:

— Хоть ты не пугай, Лидок! Как же так можно? И без тебя всю ночь глаз не сомкнули. Мало ли какой лихой человек на нас покусится?

— Вряд ли вам что-нибудь угрожало, — сказала Лидочка.

— А это ты брось, — сурово сказал Василий. — Нас тоже можно в плен взять за выкуп.

— И придется нашим деточкам дачу продавать, — подхватила Валентина.

И Лидочка поняла, что именно эту проблему Кошки обсуждали только что.

— Ну, я ставлю чайник, — сказала она.

— Сегодня воскресенье? — спросила Валентина.

— Воскресенье.

— Я тебе скажу, — произнесла Валентина вполголоса, — что мы в афтернун улетим. Поняла? Есть такой самолет — в два часа уезжаем, в три тридцать в Хитроу. Но учти, Лидок, никому ни слова — или они что-то еще придумают...

— А где Иришка? — спросил Василий. — Где дивчина?

— В ванной, — сказала Лидочка. — Ничего с ней не случилось.

«Надо будет поговорить со Слокамом, — думала она. — Эти бандиты Англии не знают. Поставьте себя на их место: ночь, незнакомая местность. Куда спрятать тело? Надо выяснить, какая речка или еще лучше тихое озеро есть неподалеку».

А впрочем, может быть, это пустые надежды. Может быть, они, как профессионалы, сначала выяснили, где можно спрятать тело, а ночью уже ехали куда надо, не случайно.

— А чего Алла кричала? — спросила Валентина. — Мы ночью слыхали. Устрашились, ты не представляешь!

— Думаю, она испугалась чего-то, — ответила Лидочка. — Она была очень пьяной.

Вскоре спустилась Иришка.

— Все, — сказала она. — Я заставлю Снежану снова вызвать полицейских. Пусть с собаками приедут. Они к русским не хотят ехать, а если это английские граждане заявят, то они как миленькие будут искать.

— Это правильно, доченька, — согласилась Валентина. — А то к нам никакого уважения. Быстренько они забыли, какой могучий был Советский Союз!

— Империалисты, — поддержал жену Василий. — Одно слово!

— Ну что вы все чепуху несете! — воскликнула Иришка. — Какие империалисты? И не лезьте ко мне со своей овсянкой!

Она опередила события, потому что овсянку ей предложить не успели.

Не сказав больше ни слова, она умчалась из дома к Ричардсонам, где, очевидно, вместо овсянки давали на завтрак что-то еще. На прощание она крикнула:

— Если папа вдруг позвонит... Но настоящий папа, поняли? Скажите, что я у Ричардсонов.

Оставшиеся в столовой хлебали ложками кое-как сваренную овсянку.

— Англичане считают, — сказал Василий, — что это самая здоровая пища... Но я не разделяю.

Он отодвинул тарелку. Даже его могучего аппетита на такое блюдо не хватило.

— Приеду домой, — мечтательно сказал он, — сделаю яичню из сорока яиц, ну ей-богу!

Василий выжидающе смотрел на Лидочку, но та не возражала.

— А я все думаю, — сказала Валентина, задумчиво водя по тарелке ложкой. — Как мне жалко дивчинку! Ох как жалко!

Она запела, как плакальщица.

— Всю ночь она, бедная, глаз не сомкнула. Все ходила, ходила, бегала... Да и как уснешь, когда папочка, может, где-то рядом лежит бездыханный.

— Сегодня у нас воскресенье, — не дал сбить себя с темы Василий. — Люди в парикмахерскую ходят, на базар, а потом в кино собираются. А мы как заключенные. Надо ехать.

— Вы сегодня собирались? — спросила Лидочка.

— Вот именно, — ответила Валентина. — Но решаем, думаем — не хочется снова попадать в руки бандитов, чтобы нас, солидных пожилых людей, через весь Лондон тягали.

Лидочка поднялась из-за стола. Она тоже не смогла доесть овсянку.

Кошки уплыли к себе, собираться, снова собираться, снова бежать — листки, ветром гонимые... Зашуршали, загремели, зашептались в своей захламленной, набитой вещами и вещичками комнате. А Лидочка стояла у стола и чего-то ждала — сама не знала чего.

Она поняла, почему стоит. Она ждала, когда спустится Алла. Той пора было бы сойти вниз или хотя бы проснуться. Конечно, вчера она была смертельно пьяной, но за последнюю неделю Лидочка уже привыкла к тому, что независимо от степени опьянения лжехозяйка дома к девяти отправляется в душ.

Но воду никто не включал.

И от этого в доме было пусто.

«А вдруг они уехали? Вдруг они поняли, что проиграли, и кинулись бежать? Я, как дура, стою здесь, жду чего-то, а они уже в Хитроу, проходят контроль — здесь проиграли, в другом месте выиграют».

Постепенно Лидочка убедила себя в том, что, кроме нее и Кошек, в доме никого нет.

С легким сердцем она взбежала по лестнице на второй этаж, заглянула к себе в горенку, прибрала постель, чего не успела сделать, когда встала, потом вышла на лестничную площадку и стала прислушиваться.

Никого нет. Ни вздоха, ни стона... ничего.

Глава 23

Лидочка совсем осмелела. Она подошла к двери Аллиной спальни и чуть-чуть, легонько дотронулась до двери. Если Алла спит, то она ее не разбудит.

Дверь легко поддалась.

Лидочка этого не ожидала и сразу попыталась ее закрыть, но не закрыла, потому что увидела, что Аллы в комнате нет.

Она в самом деле сбежала.

Лидочка ступила в комнату.

Кровать была разворошена, виден полосатый матрас, одеяло скомкано. Но простыни не видно.

Однако на этом сходство между двумя исчезновениями заканчивалось.

Потому что подушка на кровати Аллы осталась. И она была измазана кровью.

И в тот момент Лидочка словно переместилась в иной мир.

Она стояла в комнате, залитой утренним солнцем и наполненной щебетом птиц и шорохом листвы. Где-то далеко летел самолет. Пчела влетела в открытое окно, но тут же развернулась и умчалась прочь. Проехала машина, затормозила у соседнего дома... Весь этот мир существовал вокруг нее условно, как декорация к спектаклю, а единственной реальностью была подушка в красных пятнах и пятна крови на матрасе.

Взгляд Лидочки, прослеживая струйку крови, скользнул с кровати на пол — неровные округлые пятна вереницей тянулись к двери. Как много крови! Неужели в человеке столько крови?

Лидочка, не отдавая себе отчета, пошла к двери, чтобы увидеть, куда ее приведет след.

Капли крови, несколько уменьшившись, привели Лидочку к лестнице.

На площадке она увидела кровавую размазню — словно кто-то вытирал вымазанные в крови подошвы о верхнюю ступеньку лестницы.

Лидочка спускалась по лестнице, стараясь не наступить на кровь...

Внизу в дверях своей комнаты стояла Валентина и в ужа-

се смотрела на то, как спускается Лидочка. И смотрела она ей под ноги, повторяя ее взгляд.

— Кровь, — сказала она. — Василек, подь сюда. Да иди ты! Кровь...

Василий вышел из комнаты и присел на корточки под лестницей, касаясь пола большим круглым животом. Он потрогал пятнышко указательным пальцем.

Лидочка не смела ступить дальше. Она перегнулась через перила и смотрела в сторону столовой и кабинета Славы, ожидая увидеть кровь и там.

Она думала: «Странно, как же я могла не заметить? Я же проходила здесь, и не раз. Может, ее вынесли, пока мы были в столовой? Пока ели эту проклятую овсянку?»

— Высохла уже, — сказал Василий.

Валентина помогла ему подняться. И, словно подслушав Лидочкины мысли, сказала:

— Мы-то снизу ходили, а ты сверху спустилась — как же ты не заметила?

— Сама не понимаю, — сказала Лидочка. — Наверное, под ноги не смотрела.

Она чувствовала себя виноватой.

Василий побрел к входной двери, нагнувшись и принюхиваясь, как старый, с одышкой, пес.

— Куда ж они ее поволокли? — спросил он сам у себя. — Наверное, их машина ждала.

Надо было немедленно вызывать полицию, поднимать шум. Но ни Кошки, ни Лидочка об этом совершенно искренне не думали — не хотели. И каковы бы ни были причины, все трое в глубине души надеялись, что кровь в спальне и на лестнице означает, что Алла больше не вернется. Что бы с ней ни случилось, обратно она не вернется. И наступит свобода. К тому же исчезновение Аллы было не совсем смертью — уходом. И Аллу воспринимали не совсем как человека, а как зловещую функцию — преступную узурпаторшу.

Впрочем, в тот момент об этом никто не задумывался. Василий дошел до входной двери и открыл ее.

Валентина вдруг вспомнила — словно посмотрела американский детективный сериал:

— За ручку не хватай! Отпечатки смажешь!

— Так Иришка уже ходила... И они.

Лидочка смотрела, как Василий открывает входную дверь, осторожно выглядывает наружу, словно те могут его поджидать. На улицу он не вышел. Василий обернулся и сказал:

— Так, снаружи не видать. Но если на дорожке, то надо вылазить. А соседи увидят — чего я ползаю вокруг?

— Иди домой, — приказала Валентина.

Василий прикрыл дверь.

— Кто это мог сделать? — спросила Лидочка вслух.

— Как кто? — даже рассердилась Валентина. — На тебя мы не думаем. Иришка — дивчинка еще, дитя малое. Мы с Васильком друг за дружкой смотрим. А они перепились, думают — вот дело плохо. А от кого им избавиться надо? От этой стервы! От нее. А то она попадется, всех заложит.

В ее словах был здравый смысл.

— Их теперь рядышком надо искать, в одно место сброшены, — сказал Василий, имея в виду и Славу, и словно возвращаясь в мыслях к трагедии в целом, а не к ее условному завершению.

Надо поглядеть в машине Славы, вдруг догадалась Лидочка. Они могли ее использовать.

— Я пойду посмотрю машину, — сказала она. — Где ключи, как вы думаете?

— Иришка знает.

— Я ей позвоню. Как звонить к Ричардсонам?

Валентина посмотрела на нее светлым карим взором.

— Та мы ж не звонили, — сообщила она, как малому неразумному ребенку. — Зачем нам звонить?

— Все равно надо сказать Иришке. Я схожу к Ричардсонам.

— А если она сама? — задумчиво спросил Василий.

— Ты кого имеешь в виду? — не поняла Валентина.

Лидочку иногда забавляло то, что в беседах между собой Кошки незаметно переходили на вполне пристойный русский язык. У нее вообще было сильное подозрение, что подавляющее большинство украинцев, особенно в городах, придя домой и сняв свитку и шаровары, переходят на русский язык, куда как более понятный и привычный.

— Я про Аллу, — сказал Василий. — Может, у нее из носа текло? Или зашиблась?

— Сомнительно, — покачала головой Лидочка. — Столько крови...

— Я наверх схожу, — предложила Валентина. — Погляжу, как там... Вы-то видали, а я не видала. Я только ночью думала, как бы чего не случилось.

— Почему?

— Ну когда там бегали, ясное дело!

Валентина направилась наверх. Лидочка спросила вслед:

— Кто бегал?

— Кому надо, тот и бегал, — огрызнулась Валентина.

Словно проговорилась, а теперь старается оговорку скрыть за незначащими словами.

— Ковер-то испортила Алла твоя. Ковер, говорю, испортила. А ведь такой фунтов двенадцать за ярд продают, а она испортила. Ну хоть бы платок взяла, если из носа текло.

Валентина скрылась в комнате на площадке второго этажа. Василий тяжело дышал рядом с Лидочкой. Он был попроще жены, и поэтому Лидочка, терзаемая сомнениями и уверенная в том, что Кошки что-то от нее скрывают, обратилась к нему:

— А что ночью было?

— Когда?

— Ночью. Вы говорите, ходили?

— Лидок, я те ничего не говорил, — ответил Василий. — Я тебе молчал.

— Ужас, — сказала сверху Валентина. — Ну просто ужас. И простынки тоже нет.

«Заметила и связала два исчезновения», — подумала Лидочка.

— Я все слышала, — сказала Валентина трезво и уверенно. — Я слыхала, как ты моего Василька допрашивала. Не надо этого делать. Ты здесь какая-никакая, но чужая, квартирантка. А мы с Васильком ей родные. Если мы что слышали или видели, тебе лучше не знать. И ты, Василий, учти и языком не размахивай, небось не знамя.

— Я не думала, что у вас есть секреты, — сказала Лидочка.

— Секреты есть у всех, — отрезала Валентина.

Она спускалась со второго этажа, балансируя, как балерина, расставив пухлые руки, — боялась наступить на кровавое пятно.

— Секреты есть у всех, — повторила она, становясь напротив Лидочки. — Но Иришку ты не трожь, она и так сирота.

— Я не трогаю Иришку, — ответила Лидочка.

— А зачем машину хочешь смотреть? — спросил догадливый Василий. — Думаешь, там тоже кровь найдешь?

— Если и найду, это может значить, что машиной Славы воспользовались бандиты. У нас же ключи никто не прячет. Они могли знать, где ключи.

— Ой, не хитри, Лидия, — остановила ее Валентина. — Ты умная, а мы не глупей будем. Тоже небось ночью слышала...

— Клянусь вам, ничего не слышала.

— И не слышала, как Алла кричала?

— Я еще не спала, а потом уже спала без задних ног.

— И как Иришка выходила? Как она по лестнице спускалась?

— Да не слышала я!

— А может, и не слышала, — грустно сказал Василий. — Может, и не врет. Мы же тоже могли не слышать, если бы вещички не собирали до самого утра.

— Значит, вы думаете, что это могла сделать Иришка? — испугалась Лидочка.

— Молчи! — закричала Валентина. — Не могла она ничего сделать!

— Главное, Лидок, — заискивающе попросил Василий, — главное, не скажи никому, как Иришка грозилась ее убить. Ты же девочке жизнь испортишь.

— Я никому ничего не могу сказать, если я не слышала и не видела.

— А мы уедем поскорее. Теперь ты понимаешь, почему мы не хотим с ихней милицией говорить? Они с нас клятву страшную возьмут, запутают, мы и скажем чего лишнего... А так мы будем в Краснодаре, никто ничего не узнает.

— Правильно, Лидок? — Валентина даже в глаза Лидочке заглядывала, наклонив голову, заискивала. Сейчас она напоминала какую-то толстую птицу вроде куропатки, которая уводит лису от гнезда, где у нее птенцы.

— Я никому ничего не скажу, — обещала Лидочка. — Но что еще вы слышали?

— Как на духу? — спросил Василий.

И вдруг Лидочка поняла, что на самом деле ему страшно

хочется рассказать ей все — как цирюльнику царя Мидаса про ослиные уши своего господина.

— Как на духу, — сказала Лидочка.

— Тогда слушай. — Василий перешел на шепот, а Валентина отвернулась, всем своим видом показывая, что не одобряет поведения мужа. — Она ходила... Я Иришку имею в виду. Ходила поверху, переживала, а потом спустилась — и к отцу в кабинет шмыг. А нам слышно, телефон. Поговорила. Потом через какое-то время, скоро...

— Это в половине четвертого было, — не выдержав, подсказала Валентина. — Она дверь открывает. И тут мы слышим, пришел. Ее хлопчик пришел. Робик.

— Робик, — согласился Василий. — Мы по голосу услышали, что Робик. Они пошептались, дверь закрыли — и наверх.

— Это было до того, как Алла вскрикнула, или после?

— После, после, ясное дело, после. Скоро, но после. И они еще там ходили — слышно же, перекрытия тонкие. Потом потащили.

— Что потащили?

— А нам откуда знать? Мы же не думали. Мы думали, ну пустила она к себе хлопчика, дело девичье, не нам ей морали читать.

— А потом?

— Потом они вместе ушли. На улицу ушли.

— Они машину заводили?

— Вот этого не скажу. — Почему-то до этого момента они могли Лидочке рассказывать, а после молчок.

И она поняла почему. Если она узнает о том, что к Иришке ночью приходил мальчик, — это может быть любовью. А если они что-то вытащили и уехали на отцовской машине, то дело плохо.

Кошки замкнулись. Словно Лидочка их чем-то обидела.

— Я посмотрю машину, — сказала Лидочка.

— Не твое это дело, — ответил Василий.

— А чье же?

— Это дело полицейское. Завтра придет полиция и посмотрит.

— Полицию придется вызывать сегодня, — сказала Лидочка.

— Ох, а мы же хотели улететь сегодня, — вздохнула Валентина. — Да не мешай ты нам улететь, Лидок. Не хотим мы ни с кем говорить.

— Сомневаюсь, что вам это удастся.

— Снова с аэродрома снимут? — спросил Василий.

— Ваши показания понадобятся английской полиции.

— А эти? — вспомнила Валентина. — Генка и второй? Они же рядом ходят! Они же свою Алку убили!

Кошки говорили нелогично. И понятно почему — у них не хватало фантазии, чтобы совсем выгородить Иришку. Перед Лидочкой они раскрылись, но приписать Иришке преступление они не могли. Для этого существуют негодяи, бандиты... Хотя Лидочка с трудом представляла себе, как Геннадий и Эдуард ночью забираются в закрытый дом, поднимаются на второй этаж, убивают Аллу и уходят. И зачем? Без Аллы им вообще здесь нечего делать: если нет Славиной жены, то на кого же переведен счет? Им остается только бежать.

И если они узнают, что случилось, то немедленно скроются.

В этот момент зазвонил телефон.

Все стояли и смотрели. Лидочка решилась поднять трубку только после седьмого или восьмого звонка, и то потому, что подумала, не Иришка ли звонит.

Но это был Геннадий.

— Лидия Кирилловна? — Он узнал Лидочку и заговорил официальным тоном. — Будьте любезны, пригласите к телефону Аллу.

— Аллы нет, — сказала Лидочка, не в силах преодолеть мстительного чувства.

— А куда она намылилась?

— Вам лучше знать.

— Да не знаю я ни хрена!

— Она исчезла ночью.

— Как так исчезла?

— Сейчас я вызываю полицию. Пускай она разбирается.

— Погодите, да погодите вы! Вам что, жить надоело?

— Мне трепетать надоело, — сказала Лидочка. — Ваша очередь.

— Лида, я тебя умоляю, — сказал Геннадий. — Клянусь тебе, что мы ни о чем не подозревали. Мы ничего не знаем!

— Полиция разберется.

— Теперь послушай. Одну минуту!

«И зачем я его слушаю? Надо повесить трубку».

Но трубку Лидочка не вешала.

— Пускай она тебе кажется плохим человеком. И мы плохие люди. Но мы же люди, блин! Дай нам шанс! И больше ты нас не увидишь.

Лидочка повесила трубку.

— Ну что? — спросила Валентина. — Они приедут?

И такой ужас был у нее на лице!

— Не бойтесь, — сказала Лидочка. — Больше они уже ничего нам не сделают.

— Вам легко говорить, — заныл Василек.

Он забыл, что ему уже под шестьдесят, что он толст и, как говорится, солиден. Сейчас он был мальчиком, очень нуждающимся в маминой защите.

— Тогда вызывайте полицию, — сказала Лидочка. — Мне нужно на секунду вас покинуть.

Валентина кинулась к телефону, потом замерла и крикнула вслед уходящей Лидочке:

— Погоди, я же по-ихнему только торговую терминологию знаю!

— Я сейчас.

Лидочка выбежала наружу. Машина Славы стояла у тротуара напротив входа.

Машина должна быть открыта.

Лидочка нажала на кнопку передней двери. Дверь легко и почти бесшумно растворилась.

Лидочка заглянула внутрь.

В машине было теплее, чем снаружи. Может быть, она сохраняла тепло вчерашнего дня? После исчезновения Славы на ней никто не ездил. Лидочка заглянула в «бардачок». Там лежали перчатки без пальцев, какие-то бумаги, сигареты... Пистолета не было.

Но пистолет ли она разыскивала?

Лидочка перегнулась назад, чтобы посмотреть заднее сиденье. Сиденье было серым, но с другой стороны на нем виднелось темное пятно. Лидочка влезла в машину, чтобы разглядеть пятно получше. Пятно было бурым, очень темным. Разумеется, оно могло быть здесь уже полгода, и Лидочка его

не замечала — зачем человеку рассматривать сиденье в чужой машине. Но на этот раз она решила выяснить, свежее ли пятно.

Она вылезла из машины, чтобы открыть заднюю дверцу и посмотреть на сиденье вблизи. Но ее остановил скрип тормозов — к дому подлетела «Тойота» Эдуарда Дмитриевича. Геннадий выскочил первым.

— Что делаешь? — спросил он. — Полицию ждешь?

— Полицию вызвала Валентина, — соврала Лидочка, которая боялась, что такой подвиг Валентине не по плечу.

— Мать твою! — выругался Геннадий, не боясь привлечь внимание соседей. Очевидно, он подозревал, что соседи не очень хорошо знают разговорный русский язык.

Эдуард вылез из машины.

— Погоди, Геннадий, — сказал он спокойно. Он всегда говорил очень спокойно. — Если Лидия Кирилловна не врет, а она, как я думаю, не врет, иначе придумала бы что-нибудь получше, то Валентина сидит у телефона и рыдает. Она не знает, как пользоваться этой штукой... А что вы, извините за нескромность, искали в машине?

Он заглянул в машину с другой стороны, но ничего подозрительного не увидел.

— Не знаю, — сказала Лидочка, выпрямляясь и захлопывая дверцу. — Но мне захотелось посмотреть внутри.

— Ох уж эти доморощенные Шерлоки и Холмсы! — уныло произнес Эдуард Дмитриевич. — Всюду им нужно пальчик сунуть! Ну, пошли в дом, не будем смущать соседей.

«Почему я не вызвала полицию? На что мне сдалась эта машина? — бессмысленно говорила с собой Лидочка. — Подождала бы машина. Это ведь только одна из версий...»

Проницательный Эдуард Дмитриевич, пропуская Лидочку в дверь, спросил:

— Захотелось проверить, не ездил ли кто-нибудь ночью? Правильно, я бы на вашем месте сделал то же самое.

— Не знаю, — сказала Лидочка.

— Я потом проверю, — пообещал Эдуард. — Но нам не было смысла это делать, потому что у нас есть своя машина.

— Это еще ни о чем не говорит, — возразила Лидочка.

— Хорошая мысль.

Валентина все так же стояла у телефона, сняв трубку и держа ее на весу.

— Ну вот, — сказал Василий. — Я же предупреждал.

— Никуда вы от нас не убежите, — сказал Эдуард.

Геннадий в три прыжка одолел лестницу и скрылся в комнате Аллы.

— Хозяин дома, как вижу, так и не объявился, — сказал Эдуард Дмитриевич. — А где его дочка?

Лидочке хотелось спрятать Иришку от бандитов. А спрятать она могла, только солгав.

— Она уехала в Шотландию, — сказала Лидочка. — С родителями своего жениха.

— Вчера вечером?

— Сегодня утром.

— Значит, спрятали от нас ребенка, — вздохнул Эдуард. — А ночью она была здесь?

— Спала она, — поспешила с разъяснениями Валентина. — Нам же сверху слышно. Спала она.

— Эдик, сюда! — Голова Геннадия показалась над перилами лестницы. — Скорее, блин!

— Ждать здесь! — приказал Эдуард и побежал наверх.

Лидочка посмотрела на Валентину. Та поняла и кивнула: давай!

Лидочка тихонько подняла трубку и замерла, потому что забыла номер срочного вызова полиции. Девяносто один? Нет...

Но тут наверху застучали шаги. Лидочка положила трубку на рычаг.

Первым с лестницы скатился Геннадий. Эдуард шел сзади, стараясь сохранять спокойствие.

— Кто? — спросил Геннадий. — Ну кто, суки?

Он был смертельно бледен, вытирал тыльной стороной ладони пот со лба. Рука дрожала.

Геннадий переводил бешеный взгляд с Лидочки на Кошек. Те стояли покорно, стараясь не прогневить бандита.

Лидочка обернулась к Эдуарду Дмитриевичу.

— Мы думали, что это ваших рук дело, — сказала она, игнорируя Геннадия.

— Молчать! — рявкнул Геннадий. — Где она, где, где?

— Мы тут ни при чем, — сказал Эдуард. — Это нарушает все наши планы. Нам не нужно было ее убивать — ведь на нее переписан счет.

— Вы испугались, — сказала Лидочка. — Вчера вы что-то сделали со Славой. — Она не могла сказать «убили», ибо этим уничтожила бы последнюю надежду на то, что он еще жив. — Может, и не хотели... Может, почувствовали неладное и постарались вытащить из него наличные... или ценные бумаги... А сегодня ночью стали заметать следы.

— Чепуха, — сказал Эдуард Дмитриевич. — Наивная чепуха. Если б мы что и сделали, то не так грязно. Зачем нам, умным людям, профессионалам, наводить на себя подозрения?

— А вас уже нет, — сказала Лидочка. — Уверена, что вас уже нет. У вас липовые документы, и сейчас вы постараетесь сбежать. Исчезнуть.

— Я ее пришибу, — сказал Геннадий.

— Ой, Геничек, — взмолилась Валентина. — Та она ж шутит, она добрая, не трожьте ее.

— Ничего плохого Геннадий не сделает, — сказал Эдуард Дмитриевич. — Он шутит. Он сейчас пойдет к машине, к машине господина Кошко, — Эдуард пристально смотрел на Геннадия, — и поглядит, нет ли в ней следов крови или насилия.

«Господи, как он быстро догадался, — подумала Лидочка. — Мне понадобилось часа два».

Геннадий выбежал в палисадник, остальные стояли в прихожей. Было душно, тесно, но все терпели. «Бандиты ведут себя так, словно для них исчезновение Аллы такая же неожиданность, как для меня, — рассуждала Лидочка. — Или они такие актеры? Нет, они нервничают. Если бы не Эдуард, Геннадий мог бы по злобе всех нас перестрелять — и на аэродром. Через три часа они уже в Москве, как их найдешь? К тому же я сама уверила их, что Иришки нет и никто нас не спасет...»

Вернулся Геннадий.

— Ее увозили в машине, — сказал он от двери. — Там кровь на заднем сиденье.

«Значит, я была права...»

— И вот... — Геннадий протянул Эдуарду белый платок, небольшой, женский, обшитый по краю полоской розового кружева. Платок был измазан кровью.

— Ох, батюшки! — всплеснула руками Валентина.

— Знаешь чей? — спросил Геннадий. — Говори!

— А откуда ж мне знать. — Валентина хотела развести руками, но руки наткнулись на вешалку и стену прихожей.

Голос ее звучал лживо, но, видно, бандитам некогда было вслушиваться.

— Это ты? — спросил Геннадий у Лидочки.

— Нет, — ответила Лидочка.

— Значит, вы! — Геннадий повернулся к Валентине.

— Бог с тобой, хлопчик! — Валентина отмахивалась от него, как от осы.

— Поехали, — сказал Эдуард. — По дороге все обсудим. Мы с тобой уже знаем, кто это сделал. Не приставай к людям — пустая трата времени.

— Алла мне говорила, — упрямо сказал Геннадий, глядя на Лидочку в упор, — что Ирина грозилась ее убить. Это правда?

— Пошли, — потянул его за собой Эдуард.

— Сейчас, только спрошу... Может, мы ее найдем...

— Мы ее не найдем и искать не будем.

— А если она лишнего наговорила?

— А что она знает... лишнего. — Эдуард Дмитриевич впервые улыбнулся. — У тебя ключи от верхних комнат есть?

— Здесь, — похлопал себя по карману Геннадий.

— Тогда пошли наверх.

Геннадий, видно, понял, что от него требуется. Он приказал Лидочке и Кошкам идти наверх. Те не понимали, чего от них хотят.

Эдуард поднялся следом и заглянул сначала в комнату Иришки, а потом в соседнюю, Лидочкину.

Обе светелки выходили в сад. Для своих целей Эдуард Дмитриевич выбрал комнату Лидочки.

— Заходите, — сказал он.

— Что вам нужно? — спросила Лидочка.

— Я хочу обойтись без насилия, — ответил Эдуард. — Зачем мучить людей? Вам придется посидеть здесь некоторое время и подождать, пока мы не отъедем на безопасное расстояние.

— Вы нас запереть хотите? — спросил Василий. — А нельзя, у меня эта самая, кластофобия. Не могу взаперти сидеть. Вы Валентину спросите.

— Ох, помолчи, Василек, — взмолилась Валентина. — Ох, молчи!

— Разумно, — одобрил ее слова Эдуард. — У нас выбора

нет, у вас есть. Или вы сидите смирно и ждете, или мы вас вынуждены будем связать и заклеить ваши губки скотчем.

— Можем и замочить, — предложил Геннадий. — С удовольствием. Мне давно все ваши рожи надоели. И твоя рожа, Лидия Кирилловна, пуще всех.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Я не рассчитывала на любовь.

— Все, — сказал Эдуард. — И помните, что мы проявили к вам настоящий гуманизм.

Геннадий вышел из комнаты первым. Эдуард за ним. Они переговаривались снаружи, искали нужный ключ, попробовали три ключа, прежде чем нашли нужный.

Потом Геннадий подергал дверь. Она не шелохнулась.

— Хорошее дерево, натуральное, — сказал он.

— Попробуйте покричать, — попросил Эдуард Дмитриевич. — Мне интересно, далеко ли слышно.

Никто ему не ответил.

Лидочка посмотрела на окно. В ее комнате окно не открывалось, в нем была только фрамуга — верхняя четверть высокого узкого окна.

— Ну давай, давай, — поторопил Эдуард.

— Минутку, — сказал Геннадий. — Я загляну к ней в комнату. Чтобы не осталось лишнего.

— Но только на минутку. Я жду тебя в машине.

Глава 24

Окно выходило в сад. Сквозь просветы в деревьях было видно футбольное поле. Там, далеко, гоняли мяч негритята. Их голоса по-комариному доносились сквозь открытую фрамугу.

— Я посижу, не возражаешь, Лидок? — спросил Василий. Ноги его не держали.

— Садитесь.

Василий опустился на кровать.

— И я тоже, можно? — попросила Валентина.

Кошки были толстыми пожилыми людьми, нервы у них дошли до предела.

Валентина уселась рядом с мужем. Они одинаково сложили на коленках толстые руки. С возрастом Василий с Ва-

лентиной стали похожи друг на дружку, как брат с сестрой. А впрочем, может, они и выбирали себе спутника жизни по внешнему и внутреннему сходству.

— Они на аэродром поехали? — спросила Валентина.

— Плохо, — сказал Василий. — Улетят, только их и видели.

— Плохо, — согласилась Лидочка.

— А их надо поймать, узнать, куда они трупы положили, и в тюрьму посадить.

— Чей это был платок? — спросила Лидочка.

— Какой платок? — Удивление Валентины было наигранным. Она сразу сообразила, о чем говорит Лидочка.

— Платок, который бандиты нашли в машине.

— Может, Аллин? — спросила Валентина лживым голоском. Ну просто пропела!

— А кто его кружевами обшил? — спросила Лидочка.

— Ну ты же не скажешь! — утвердительно заявила Валентина.

— Если кому донесешь, мы ничего не знаем, мы тебе ничего не говорили! — воскликнул Василий.

— Значит, вы Иришке платочек вышивали? — спросила Лидочка.

— А потом его у нее Алла украла, — уверенно сказала Валентина. — И когда на машине поехала, то им свои раны вытирала.

Это была версия, по-своему красивая версия. Элегантная и абсолютно неубедительная.

— А где этот платочек сейчас? — спросила Лидочка.

— Вроде его Генка с собой взял, — сказал Василий.

— Или второй, Эдик.

Лидочка подошла к окну. Длинной зеленой полосой до кустарников, где она когда-то давным-давно увидела бандитов, тянулся газон. На дальнем его краю стоял почерневший от времени и чуть покосившийся сарайчик, в котором она прятала в мешок с удобрениями бандитский микрофон.

Дверь в сарайчик была закрыта. К ней была приставлена лопата.

Серая белка пробежала по коньку крыши сарайчика. Элегантно и легко сбежала по ручке лопаты на траву, уселась и что-то откопала в траве. Наверное, корешок. Белка взяла его в передние лапки и принялась обгрызать. Большой лесной

голубь с белыми щеками пролетел над белкой, уселся на ветку большой липы и стал с интересом наблюдать за ее действиями...

Лидочка спохватилась — она отключилась от разговора в комнате.

Наверное, потому, что ей не хотелось видеть, как постепенно улики стягиваются к Иришке... А может, к Роберту? Ей так хотелось, чтобы виноватыми оказались бандиты, и Кошкам хотелось того же... Но, как ни закрывай глаза, усатый Пуаро все равно загонит виновную в угол своими простыми, казалось бы, вопросами.

Может, поэтому они так до сих пор и не вызвали полицию? Понимали, что, пока полиции нет, можно закрыть глаза, а как она приедет, прятаться будет некуда.

Лидочка прошла по комнате, подергала за ручку. Дверь была заперта.

— Глупо сидеть взаперти, — сказала она, — пока они едут в аэропорт. Это неправильно. Надо их поймать.

— Мы бы тоже на аэродром поехали, — сказала Валентина. — Чтобы билет не пропал. Но, боюсь, они нас там поджидают.

— Это точно, — глубоко вздохнул Василек. — Они нас выследят. Они же все знают. А как мы в Москве сядем, там нас уже мафия ждет.

— А за билеты деньги нам вернут? — с надеждой спросила Валентина.

— У вас апекс? — спросила Лидочка.

— Ну да, в смысле обратный на завтрашний день.

— Такой билет не возвращают.

— Ой беда! — запела Валентина. — Ой беда, деньги-то какие! Нам их и в жизнь не заработать! И Славика нету, чтобы нам помощь оказать!

Все! Она уже забыла об Иришке, о трагедии, она была разорена и погублена.

— Лидок! — сказала Валентина командным голосом. — Ломаем дверь! Еще не поздно! Бог с ними, лишь бы билет не пропал.

Идиотка, хотелось сказать Лидочке. Но она ничего не сказала, потому что Василий, подчиняясь какому-то беззвучному приказу жены, поднялся, откачнулся назад и боком,

боком кинулся к двери. Ударился о нее плечом, отлетел мягко и упруго и тут же ринулся вновь.

Дверь не поддалась.

Лидочка как завороженная смотрела на отчаянный бой Василия с дверью.

После пятой или шестой атаки Василий отступил к кровати и снова уселся.

— Ну что же ты, — упрекнула мужа Валентина. — Слабый стал?

— А ты сама попробуй, — огрызнулся Василий.

Валентина попробовала, зашибла плечо и сдалась еще быстрее, чем муж. Она сидела на кровати и тихо лила слезы. Самолет был готов подняться в небо без нее.

— Лидок, — взмолилась Валентина, — ты ж придумай что-нибудь. Ты женщина молодая, интеллигентная.

Лидочка понимала, что единственное слабое место в их тюрьме — окно. Любое стекло можно разбить.

Не разбив, ничего не сделать, раз уж открыть окно невозможно.

— Отойдите в угол, — велела Лидочка.

Кошки поняли не сразу, но, поняв, забились в угол, потом Валентина крикнула:

— Погодь!

Она стащила с кровати одеяло, и они уселись в углу, накрывшись одеялом.

Теперь поле битвы было свободно.

Лидочка взяла со столика у кровати ночник на тяжелой каменной ножке и изо всей силы кинула его в окно.

Раздался оглушительный звон, наверное, в Лондоне слышно. Лампа исчезла в образовавшейся дыре, обрамленной акульими зубами стекла.

Лидочка подошла к окну.

Она хотела высунуться, чтобы позвать кого-нибудь, но для этого надо было отломать и выбросить вниз острые ножи стекол. От окна тянуло свежим воздухом, по небу мирно плыли кучевые облака. Сосед, подстригавший газон, при звуке разбиваемого стекла остановил свою машинку и стоял, уставившись на Лидочку, которая выламывала осколки, чтобы не порезаться.

Он встретился с Лидочкой взглядом, и она поняла, что до соседа совсем недалеко, даже кричать не надо.

— Простите, — сказала она, — вы не можете кого-нибудь позвать, чтобы нас освободили?

Джентльмен оставил газонокосилку, заправил футболку в джинсы и медленно ушел в дом. Только тогда Лидочка сообразила, что обращалась к джентльмену по-русски, и он ничего не понял.

— Ну что? — спросила сзади Валентина. — Получилось?

— Ни черта не получилось.

— А ты громче зови, — посоветовала Валентина. — И поихнему. Они по-нашему не понимают.

Лидочка чуть не рассмеялась — Валентина заметила, что она забыла английский язык.

Тут они услышали шум шагов на лестнице и замерли.

— Эй! — послышался Иришкин голос с лестничной площадки. — Где вы все?

— Ну вот, — сказал Василий. — А такое хорошее окно разбили. Не могли, что ли, потерпеть?

— Да ты у нас первый нетерпеливый, — откликнулась Валентина.

— Мы здесь! — крикнула Лидочка. — Нас заперли!

— Еще чего не хватало! — отозвалась Иришка. — А ключ где?

— Ключ они увезли. Надо другой.

— Сейчас посмотрю, — сказала Иришка. — У нас на кухне есть ящик с ключами.

Освобождение заняло минут пять, не меньше. Сначала Иришка отыскала ключи, потом притащила связку наверх. Хорошо еще, что нужный ключ в связке нашелся. Правда, не сразу.

— Господи, — ахнула Иришка, заглянув в комнату. — Кто окно разбил?

— Я, — призналась Лидочка.

— То ж мы ее попросили, — сказала Валентина. — На выручку позвать.

— И позвали? — спросила Иришка.

— Неудачно, — смутилась Лидочка.

— Тогда расскажите, что случилось?

— Геннадию и Эдуарду нужно было время, чтобы добраться до аэропорта. Поэтому они нас заперли.

— С чего же это они умчались? — удивилась Иришка.

Снизу пришел Роберт. Он вежливо поздоровался со старшими. Роберт был воспитанным юношей.

— Господи! — спохватилась Лидочка. — Ты же не знаешь: Алла пропала!

— Как пропала? Как папа?

Лидочка заметила, что из Иришкиной речи исчезло слово «фазер». Фазером Славу называли в глаза.

— Похоже, — сказала Лидочка. — Только там кровь. Посмотри у нее в спальне.

Иришка неуверенно повернулась к двери Аллиной комнаты и подождала, пока Роберт подойдет поближе.

— А сама она где? — спросила Иришка.

— Не знаю, — ответила Лидочка. — Я пойду вызову полицию.

— Постойте, тетя Лида, — остановила ее Иришка. — Не надо. Я сначала сама посмотрю... при дневном свете.

— Нет, — не уступила Лидочка. — Мы уж столько раз сегодня откладывали, что чуть в зубы бандитам не попали. И что нам скрывать? Может быть, история с Аллой поможет полиции найти и Славу. Они могут быть... где-то вместе.

— Но я сначала посмотрю...

— Хорошо. — Лидочка в нерешительности остановилась.

Но когда Иришка с Робертом направились к комнате Аллы, Лидочка почему-то спросила:

— Ириш, а ты машину брала ночью... или утром?

— Какую машину?

— «Воксхолл», папину...

— Да он мне голову открутит, если узнает, что я брала.

— Ты в этом уверена?

Валентина за спиной Иришки приложила палец к губам и укоризненно качала головой: просили же Иришку не впутывать. И тут же раздался резкий звонок в дверь. Полицейский звонок. Лидочка открыла дверь.

За ней на фоне синей с желтым полицейской машины стояли два джентльмена в форме. Британская полиция с шахматными клетками на фуражках.

Совсем новые лица.

И тут же после краткой паузы разразилась российская сцена, к которой полицейские не были готовы, так как не знали, что имеют дело с настоящими русскими.

Иришка из Аллиной спальни кричала, что так этой суке и надо, давно пора. Кошки, перебивая друг друга, на приличном русском языке втолковывали полицейским, что их не звали, что жильцы дома обойдутся без их помощи, а Лидочка старалась говорить по-английски и перекричать остальных, поскольку полагала, что следует спешить в аэропорт, чтобы поймать бандитов.

Один из полицейских, помоложе, отступил, а второй, постарше и опытнее, сделал вид, что достает пистолет. Никто из русских этого не понял, и тогда ему пришлось прикрикнуть.

— Кто бьет окна? — спросил он.

— Что? — не поняла Лидочка.

— Ваш сосед позвонил нам и сообщил, что в этом доме бьют окна.

— При чем тут окна? — отмахнулась Лидочка. — Бандиты, возможно, убили человека или даже двух человек. А нас заперли. Нам пришлось разбить окно, чтобы привлечь к себе внимание.

— Какие еще бандиты? — спросил полицейский.

— Обыкновенные. Мафия.

— Вы итальянцы! — обрадовался младший полицейский. По крайней мере для него все стало на свои места: они пришли в дом итальянцев, которые известны тем, что громко разговаривают и машут руками.

— Мы русские, — крикнула сверху Иришка. — И мафия у нас своя, родная.

— Вы русские? — Голос старшего полицейского дрогнул. Ему захотелось вызвать танки, но он и виду не подал, каково ему в этой бандитской норе.

— Мы русские, — согласилась Лидочка с внутренним содроганием. Как ужасно порой признаваться в своих слабостях! — Вы хотите посмотреть на место преступления?

— Какого преступления? — спросил старший полицейский и снял фуражку. У него был потный лоб с залысинами, а светлые волосы слежались под фуражкой.

— Мы не знаем, — сказала Лидочка. — Честное слово, мы

не знаем. Но одно преступление случилось вчера, а второе — этой ночью. Ваши коллеги из полицейского участка в Сиднеме обещали вернуться завтра утром.

— Уже были? — Старший полицейский посмотрел на младшего. Младший кивнул. Видно, они давно работали в тандеме и понимали друг друга без слов. — Значит, сейчас вы ни на что не жалуетесь? — Он не дождался ответа, но быстро продолжил, обращаясь не столько к русским, сколько к своему напарнику: — Значит, завтра с утра вы звоните в полицейский участок, хорошо?

— Вряд ли это поможет нам поймать бандитов, — сказала Лидочка, — которые, вернее всего, сейчас находятся в Хитроу.

— И планируют новые преступления, — поддержала ее сверху Иришка.

Полицейские продолжали маяться в дверях. Ни в какой Хитроу им не хотелось. И связываться с русскими было страшно. Любому нормальному англичанину страшно связываться с русскими.

— Поднимитесь сюда, сэр. — Рядом с Иришкой появился Роберт. Все в нем выдавало настоящего англичанина — и речь, и манеры, и уверенность в себе, и даже умение говорить без жалобных интонаций. — И осмотрите место происшествия.

— Разумеется, — тут же согласился старший полицейский, встретив родственную душу.

Он быстро прошел между Лидочкой и Валентиной, стараясь не коснуться русских женщин, и поднялся на второй этаж. Следом, после минутного колебания, отправился и младший, усатенький.

Первым делом они сунулись в комнату Лидочки и оценили силу, с какой она вышибла окно.

— И кто это сделал? — спросил старший полицейский.

— Это сделала я, — призналась Лидочка. — Иначе нам было не выбраться из комнаты. Нас заперли.

— О да, — вежливо согласился полицейский, но не поверил ни единому слову.

— А теперь сюда, сэр, — попросил Роберт, и полицейские послушно отправились в спальню Аллы.

И остановились на пороге.

Количество пролитой здесь крови, как на кровати, так и на паласе, было столь внушительно, что младший полицейский присвистнул. Наконец-то он понял, что их не разыгрывают — здесь настоящие бандиты!

— Кто это обнаружил?

— Я, — снова призналась Лидочка. К сожалению, она постоянно оказывалась в центре событий, к чему совершенно не стремилась.

— И кто же здесь был раньше? — спросил старший.

— Чья это спальня? — пояснил младший.

— Здесь находилась мать этой девушки.

— Она мне такая же мать, как и вам, — вмешалась Иришка.

— И где она сейчас? — Полицейский игнорировал Иришкины слова.

— Мы не знаем, — ответила Лидочка.

Старший полицейский наконец-то вытащил блокнотик, взял ручку на изготовку и спросил:

— Кто хозяин этого дома?

— Он исчез, — сказала Лидочка.

— Это мой папа, — пояснила Иришка.

— Значит, у вас исчезли отец и мать? — уточнил полицейский добрым голосом.

— Она не лжет, — вмешался Роберт, которого полицейские явно выделяли.

— А вы кто такой?

— Я сосед и друг этой девушки.

— А где хозяин дома?

Роберт пожал плечами, а Лидочка сказала:

— Я вас очень прошу сейчас же позвонить инспектору Слокаму из Скотленд-Ярда. Я дам вам его карточку, она у меня в сумке.

— Почему я должен звонить инспектору Слокаму?

— Потому что он расследовал обстоятельства первого убийства.

— А сколько их всего было? — спросил старший патрульный.

— Ох, не знаю, — вздохнула Лидочка. — И боюсь, что никто сейчас вам не скажет.

— Ничего не выйдет, — сказал младший полицейский. — Если в самом деле есть какой-то инспектор... Сейчас воскре-

сенье, причем дело к вечеру. Вернее всего, мистер Слокам находится за городом, и его никто не найдет. Мы тоже люди и иногда отдыхаем.

— Тогда вам придется заняться этим делом самим, — сказала Лидочка.

— К сожалению, это невозможно, — ответил старший патрульный. — Это не входит в нашу компетенцию.

— И все же попробуйте отыскать мистера Слокама.

Полицейские переглянулись. Правда, попыток сбежать они больше не делали — кровь в комнате была слишком настоящей.

Старший вытащил из кармана сотовый телефон и набрал номер.

— Там не отвечают, — сказал он.

— Тогда оставьте сообщение, — попросила Лидочка.

Но делать этого не пришлось, потому что отрывисто звякнул звонок, прикрытая, но не запертая дверь отворилась, и вошел инспектор Мэттью Слокам. Солнце подсветило сзади его редкие рыжие волосы и окружило сиянием крупную, мягкую фигуру.

— Простите, — сказал он, — что я без предупреждения. Но я думал, что мое присутствие понадобится.

— Мэттью! — радостно воскликнула Лидочка. Теперь она была не одинока в этом сумасшедшем доме.

Глава 25

Инспектор Слокам сразу же поднялся на второй этаж и осмотрел спальню Аллы. Осторожно склоняясь над кроватью и осматривая ковер, он успел объяснить Лидочке, что после неладного разговора с ней у него возникли неприятные предчувствия. От дома № 14 по Вудфордж-роуд исходила опасность для Британской империи. Так что он, отправляясь на уик-энд, заложил в компьютер приказ немедленно информировать его, где бы он ни находился, о любом сигнале, поступившем из русского дома мистера Кошко.

Сигнал поступил недавно. Некий мистер Форрестер из дома № 12 по Вудфордж-роуд позвонил в полицейский участок Сиднема с сообщением о том, что в соседнем доме разбито окно и слышны крики, после чего в дом № 14 была отправлена патрульная машина.

Узнав об этом, Мэттью, движимый английским чувством долга, которое, в отличие от чувства долга русского, не знает выходных, попросил жену, благо они уже возвращались из Гастингса, оставить его у дома мистера Кошко, пообещал, что не будет задерживаться более, чем необходимо, и возвратится к ужину.

Осмотрев спальню Аллы, мистер Слокам попросил Лидочку, как наиболее информированную и образованную из русских, рассказать ему и его коллегам, что же произошло в доме за последние два дня. И узнал о том, как пропал Слава и как, точно таким же манером, исчезла Алла.

Лидочка говорила кратко. Весь ее рассказ занял минуты три, не больше. Она успела сказать и о кровяном пятне в машине, и о том, что Геннадий, которого она подозревает в убийстве Галины Стюарт, со своим другом и начальником Эдуардом Дмитриевичем, судя по всему, помчались в Хитроу или в Гэтвик. Иначе зачем бы им запирать ненужных свидетелей в комнате Лидочки. Им нужно было время. Лидочка рассказала и о таинственном звонке Славы, похоже, фальшивом. Кому он был нужен? Бандитам?

Пока Слокам беседовал с Лидочкой, остальные жильцы дома ждали в столовой под надзором младшего полицейского. Слокам не хотел устраивать коллективных русских посиделок. Он желал поговорить с каждым в отдельности.

Выслушав Лидочку, инспектор вежливо улыбнулся и сказал:

— К сожалению, я нахожусь в очень сложном положении. У меня нет оснований вам доверять, потому что для меня вы — лишь одна из русских обитателей этого дома. И, честно говоря, кто из вас прислан мафией, а кто спасается от мафии, кто жертва, а кто преступник, мне пока неизвестно. Ведь и вы можете быть крестной матерью русской мафии, не так ли?

Ох уж это английское «не так ли»!

— Вы совершенно правы, — согласилась Лидочка. — Но нам с вами пока придется сотрудничать. Хотя и я не уверена в том, что вы склонны проявить объективность и расследовать со всем тщанием дело, в котором и жертвы, и преступники — иностранцы.

— О нет! — возразил инспектор, дернув верхней губой и показав заячьи резцы. — Английское правосудие не знает национальных предубеждений.

— Только не говорите мне, что расстрел мирной демонстрации в Амритсаре свидетельствует в пользу английской объективности.

— А вы откуда знаете об Амритсаре? — удивился Слокам. — Это было почти сто лет назад.

— Я лучше знаю английскую историю, чем вы русскую. Хотите проверить или выслушаете меня до конца?

— Говорите, — сказал инспектор и достал из сумочки, с которыми ходят водители, курительную трубку и пакетик с душистым «кэпстеном».

— Все можно разрешить быстро, если вы поймаете бандитов.

— Где? — спросил инспектор.

— Они уехали в аэропорт.

— Их еще нужно узнать, — произнес Слокам и задумался.

Он думал целую минуту, глядя на темные пятна крови.

— Мы сделаем так, — сказал он наконец. — Мы отправим в Хитроу мисс Кошко с одним полицейским, а второй поедет в Гэтвик с Робертом Ричардсоном.

Приняв такое решение, Слокам тут же созвонился с полицейским участком. К счастью, полицейские по случаю воскресенья не пьют. Слокама выслушали и обещали прислать машины, предупредить полицию в аэропортах, а также пограничников в Дувре, чтобы внимательнее присматривались к подозрительным людям, соответствующим следующему описанию... А на помощь Слокаму выехали эксперты.

Согласовав свои действия с начальством и коллегами, Слокам спустился в столовую и спросил у Иришки и Роберта, не будут ли они так любезны проследовать в аэропорты вместе с полицией, чтобы попытаться опознать и задержать бандитов.

Слышавшая этот разговор и сообразившая, о чем идет речь, Валентина с торжеством заявила:

— То-то! Не все им за нами по аэродромам бегать, невинных людей вылавливать!

Слокам посмотрел на Лидочку, надеясь на перевод, но та лишь сказала:

— Потом. Дети уедут, и я все расскажу.

Иришка и Роберт были взволнованы. Они вдруг превратились в охотников, как в настоящем фильме. Их ждала погоня, и рядом были настоящие бобби в фуражках с клетчатыми околышами. Они буквально ногами перебирали от нетерпения, забыв обо всем, что владело их мыслями только что. Они были еще детьми... хотя, может быть, и очень взрослыми детьми.

Приехала еще одна полицейская машина. Почему-то здесь все происходило быстро, хотя воскресный вечер — самое тяжелое время для лондонского транспорта: все возвращаются с уик-энда.

На этой машине с сиреной и проблесковым фонарем — мечтой подростка — в Гэтвик помчался Роберт. Зато выяснилось, что до Хитроу в час пик не добраться, потому что надо проехать через весь Лондон.

Иришка расстроилась, она решила, что операция сорвалась.

Но Слокам уже бегал по дому, прижав к уху сотовый телефон и рыкая в него на том непонятном и непохожем на английский языке, на котором англичане объясняются между собой.

В результате переговоров посреди улицы — древние вязы такого еще не видели! — опустился яркий, желтый с синим вертолет. Как он успел примчаться за пять минут — уму непостижимо! Британская империя шла на помощь несправедливо обиженным.

В ожидании вертолета Слокам не терял времени даром. Он провел воспитательную работу с Лидочкой.

Инспектор был недоволен тем, что русские устроили разгул преступности именно в выходные дни. И этим оторвали от отдыха английских джентльменов. Можно было подумать, что англичане совершают преступления только в будни с девяти до шести.

— Как я уже говорил, — продолжал мистер Слоком, — у меня нет оснований доверять вам, миссис Берестоу. Несмотря на мою личную к вам склонность, не так ли? Но расследование, которое нам надлежит провести в течение краткого времени, в первую очередь для обнаружения ваших компатриотов, пропавших без вести, требует точности перевода. Я,

к сожалению, не могу ее гарантировать, а поиски хорошего русского переводчика сейчас затруднены. Я вынужден буду пока удовлетвориться результатами допроса, которому я вас подверг. И дальше использовать вас как переводчика, что крайне нежелательно. Но я имею при себе магнитофон, на котором мы будем все фиксировать. Эта пленка затем будет проверена в Скотленд-Ярде. Надеюсь, что этот обязательный знак недоверия с моей стороны вас не оскорбит?

Лидочка согласилась, что такой знак недоверия ее не оскорбит, и не возражала против работы с магнитофоном, чем крайне обрадовала Слокама.

Вот в этот момент и прилетел вертолет, появления которого Лидочка никак не ожидала. Иришка тоже. И когда Иришке предложили забраться в вертолет, чтобы лететь в Хитроу, она даже зажмурилась от наслаждения. Она забыла, что произошло и в чем ей предстоит участвовать.

Когда дома все успокоилось, Слокам попросил Василия Кошко пройти в столовую для дачи показаний.

Но тут же заявилась и Валентина, которая сказала, что никаких показаний Василек без нее давать не будет, так как не только английского, но и русского языка толком не знает.

Слокам ничего из аргументов Валентины не понял, но сообразил, что допросить Кошек поодиночке ему не удастся. Он махнул рукой и уселся за круглый обеденный стол. Напротив него сидели Кошки, бледные и настроенные весьма решительно.

— Расскажите, — попросил Слокам, — что произошло вчера ночью. Что вы слышали?

— Это когда Славик пропал? — уточнила Валентина.

— Да, когда исчез мистер Кошко.

— Я вам скажу, что это сплошная тайна, — вздохнула Валентина.

— Кто-нибудь входил ночью в дом? Или выходил из дома?

— Мы, конечно, частично спали, — ответила Валентина, энергичным жестом остановив мужа, который хотел что-то вставить от себя, — но в некоторые моменты и не спали. Конечно, по дому ходили. И над нашей головой ходили. Нам все в нашей комнате слышно — разве это перекрытия?

— Дерево трухлявое, — сказал наконец свое слово Василий.

— Конкретнее, — попросил Слокам.

— А конкретнее, кто-то у дома ходил, потом дверь стукнула. А еще дверца машины стучала. Только мы не знаем, кто ходил и кто стучал.

Василий кивнул. Он был согласен с женой.

— Если вы ничего не видели, — сказал Слокам, — может быть, вы предположили, чьи это были шаги — мужские или женские?

— Мужские, — быстро ответила Валентина. — Я даже удивилась. Слышу — мужчина по комнате Славы ходит.

— А может, это он сам и ходил. — Василий разрушил всю теорию.

— А женские шаги вы слышали? — спросил Слокам.

Василий посмотрел на Валентину, они покачали головами, глядя друг на дружку.

— Я точно не отвечу, — сказала Валентина. — Не могу взять на себя такой грех. Но женские шаги тоже были. И заходили женские шаги в комнату к Славику.

— Это было, — подтвердил Василий.

— А мой-то, — продолжала Валентина, — простите, конечно, сказал мне, не пошла ли Алла своего бывшего мужа... ну это... как сказать бы...

— Любить, — подсказал Василий.

— Осуществлять супружеские обязанности! — И Валентина позволила себе улыбнуться.

— Значит, вы подозреваете, что в комнате господина Кошко была его жена? В какое время?

— В какое? — Кошки подумали вместе, начали загибать пальцы. Потом сошлись на том, что было это между тремя и четырьмя часами утра.

— А может быть, это была не жена? — предположил Слокам.

— Кто же тогда? — удивилась Валентина.

— Например, миссис Лидия.

Тут все трое уставились на Лидочку. Валентина зажмурилась, отмахнулась от видения и вскрикнула:

— Ой нет! Нетушки, нетушки!

— Другая, — веско сказал Василий. — Не Лидок, нет, не она.

— А может быть, это была дочь господина Кошко? Она пришла к нему ночью.

— Чего ей у него в четыре утра делать?

— Дела семейные, — пожал плечами Слокам.

— Ну, если семейные... — согласился Василий.

— Что же было потом? — спросил Слокам.

«Почему же они мне все это не рассказали? А я их спрашивала? Спасибо, что хоть меня в ночной посетительнице Славы они не распознали. Лучше, наверное, этим милым нутаникам улететь в свой Краснодар, скоро в садово-овощном кооперативе урожай поспеет».

— А потом машина дверью стукнула, — сказала Валентина.

— Во сколько?

— Да сразу после шума, — подсказал Василий.

— Какой был шум? — тут же уточнил инспектор.

— Какой-то шум, — сказала Валентина. — А какой — не припомню.

— А потом хлопнула дверца машины?

— А потом кто-то по лестнице ходил, — поправила инспектора Валентина.

— А что была за машина?

— А вот какая — не скажу. Мы к окну не ходили, не подглядывали.

— Мало ли кто по своим делам ходит?

«Не поэтому, — подумала Лидочка. — А потому, что смертельно перепугались. Сидели, схоронясь в уголке, боялись бандитов. Но потом на цыпочках должны были подкрасться к окну — иначе они были бы не Кошки».

Слокам им не поверил.

— Неужели вы не подошли к окошку? Неужели вам не захотелось выглянуть? — спросил он.

— Да что там разберешь, — ответил Василий. — У нас же перед домом фонарь не горит — разве разберешь?

— Значит, подходили, — сказал про себя Слокам, но почему-то не стал дожимать Кошек.

«Конечно, подкрадывались, — подумала Лидочка. — И видели, на какой машине уезжали люди. Но почему-то они или боятся, или не желают поделиться информацией с английской полицией.

Кого они видели? Бандитов? Значит, они боятся, что после ухода полиции бандиты вернутся и разделаются с ними. Или доберутся до них в родном Краснодаре, что тоже нельзя исключать. Но есть и вторая версия: это был кто-то, кого Кошки знали и боялись погубить. А такой человек в доме один — Иришка».

— Хорошо, — сказал инспектор. — А что вы можете сказать о сегодняшней ночи?

— Может, поставить кофе? — спросила Лидочка.

— Это вас затруднит, — ответил инспектор.

— Ни в коем случае. Подождите секунду, я поставлю чайник.

Лидочка кинулась на кухню и налила в чайник воды. Чего-то на кухне не хватало.

Глаз не находил что-то из привычных предметов. Но думать о том, чего не хватает, времени не было.

Из комнаты донесся голос Слокама. Он спрашивал, как зовут собеседников. Как он и надеялся, Кошкам его слова были понятны.

— Май нейм из Василий, — сообщил супруг.

— Май нейм из Валентина Федоровна, — сказала супруга.

Лидочка вернулась в столовую.

— Итак, — сказал инспектор Слокам, — что вы можете сказать о событиях последней ночи?

Валентина не успела ответить, как в комнату вошел франтоватый пожилой джентльмен в полосатом костюме. На носу джентльмена красовались очки с толстыми стеклами.

— Мэттью, — сказал он, не здороваясь с потенциальными преступниками, — с чего начинать — с комнат или с машины?

— И то, и другое важно, — ответил Слокам. — Не знаю, что важнее. Не забудьте поглядеть шины: может, они ездили по проселку.

Франт кивнул и ушел. По-видимому, это был эксперт. Инспектор обернулся к Кошкам. Лидочка повторила его вопрос по-русски.

— А ночью кричали, — сказала Валентина.

— Кто? Когда?

— Та ж Лидочка слыхала, она даже выскочила.

Инспектор повернулся к Лидочке, ожидая перевода.

— Я уже говорила, — сказала Лидочка, — что ночью Алла

закричала. Я выскочила. Кошки тоже слышали крик. И Иришка...

— Повторите, — попросил Слокам. — В деталях. Кто где стоял после того, как вы услышали крик?

— Я вышла из комнаты, сделала шаг или два на лестничную площадку и остановилась, не зная, что делать дальше. Из своей спальни вышла Иришка и спросила, кто кричал. Госпожа Кошко выглянула из своей комнаты внизу и тоже спросила, слышала ли я крик.

— Вот именно, — подтвердила Валентина. — Мы услышали крик. И я сразу выглянула.

— Вы спали? — уточнил Слокам.

— Нет, — ответила Валентина. — Мы вещи собирали.

— Зачем?

— А у нас сегодня самолет. Мы думали, улетим наконец. А сегодня разве улетишь? Ведь нас заперли, а потом вы приехали, чтобы допрашивать. Разве тут уедешь?

— Все равно догоните со своими допросами, — добавил Василий.

Слокам выслушал перевод и согласился с Кошками. Потом он спросил:

— А этой ночью вы тоже слышали шаги?

Валентина вздохнула и призналась:

— И этой ночью тоже слыхали. Были шаги, были.

— После крика?

— И до крика были, и после крика были. Плохая ночь, тревожная.

— Пожалуйста, подробнее, — попросил инспектор. — Может быть, вы слышали голоса, слова, отдельные фразы? Может, кто-то входил или выходил из дома?

— Это наверняка бандиты! — убежденно сказала Валентина. — Они и той ночью ходили, и этой ночью ходили. Они всех хотели перебить.

— Почему? — не понял инспектор.

— Чтобы концы в воду. Чтобы их не раскрыли. Ведь Аллу поймают — она их всех выдаст. Тогда нигде не скроешься. Ответить придется за убийство Славика.

— Почему вы решили, что мистер Кошко убит? — насторожился Слокам.

— Так его же таскали, той ночью таскали, — вмешался

Василий, как будто напоминая инспектору об уже сказанном, хотя на самом деле об этом речи не шло.

— Вы в этом уверены?

— Они же тело тащили, — сказал Василий.

— Помолчи, Василек, — перебила его жена. — Ну зачем господину полицейскому офицеру знать о твоих подозрениях? Раз не видал, значит, не знаешь.

— Но ведь ясно! — настаивал Василий.

— И кто же тащил тело мистера Кошко?

— Злые люди, — сказала Валентина. — Ясное дело, злые люди.

Она поджала губы и замолчала. И Василий тут же последовал ее примеру. Кошки не желали расставаться с тайной, если они ее действительно знали.

— Хорошо, — улыбнулся инспектор. — Вернемся к событиям последней ночи. Значит, в доме находились только вы, — он обвел взглядом троих свидетелей, — а также дочь господина Кошко?

— Вот именно, — сказала Валентина.

— И двери были заперты?

— Так разве это запоры? — сказал Василий. — Я любой пальцем открою. Одна видимость, что запоры.

— А если бы кто-то чужой вошел в дом, вы бы услышали? — спросил инспектор.

— Безусловно, — заявил Василий, но Валентина осталась недовольна.

— Может, и не услышали бы, — сказала она. — Может, мы разговаривали или вещи паковали — мало ли что. Разве можно быть уверенным?

Василий посмотрел на жену в недоумении. Он так не думал. Но Валентина не спешила расставаться с информацией.

Засвистел чайник. Лидочка пошла на кухню. Она сняла чайник с плиты, поставила его на поднос, достала чашки, растворимку, молоко и сахар. Лидочка смотрела на стену и все никак не могла вспомнить, чего же не хватает. Чего-то большого. Странно, что забыла. Надо у Валентины спросить, у нее память хорошая.

Когда Лидочка вернулась, в столовую как раз вошел франтоватый эксперт и негромко докладывал инспектору о своих

выводах, после чего инспектор с виноватым видом сообщил жильцам дома, что им придется дать отпечатки пальцев.

Валентина вдруг возмутилась.

— А какое такое преступление мы совершили? — спросила она. — Может, кто убит или обкраденный?

— Мы расследуем исчезновение двух людей, — объяснил инспектор. — Во втором случае мы явно имеем дело с преступлением, поскольку миссис Кошко потеряла много крови.

— Может, это и не кровь вовсе? Рано выводы делаете. У нас поперед суда не обвиняют.

— Вы хотите, чтобы я уехал? — серьезно спросил Слокам, словно старался узнать просвещенное мнение Кошек и был готов немедленно отправиться домой, к семье, если Кошки того потребуют.

Но они не потребовали.

— Сидите уж, — разрешила Валентина, — снимайте допрос, ваше дело служебное.

— Скажите, пожалуйста, — спросил инспектор, — дочь мистера Кошко переживала исчезновение своего отца?

— Ой, переживала, — запричитала Валентина. — Просто слезами умывалась. Осталась в молодые годы без отца, без матери...

— Но вот свидетель госпожа Берестоу, — заметил инспектор, — заявила мне, что, по ее сведениям, исчезнувшая дама лишь выдавала себя за миссис Кошко.

— Ой, выдавала, — согласилась Валентина.

— На самом деле настоящая миссис Кошко...

— Он с ней развелся, — дополнила Валентина.

Об этом Лидочка инспектору сказать забыла — очень уж спешила изложить события вкратце, как можно короче. Поимка бандитов казалась более важным делом, чем события прошлых лет.

— Будьте любезны, расскажите мне подробнее, — попросил Слокам, и Валентина поведала инспектору драматическую историю семейства Кошко.

— Мне все ясно, — сказал инспектор и закручинился.

И Лидочка подумала, что со стороны вся эта история отдает бульварной литературой: отвергнутая бывшая жена, разбогатевший муж, несчастный ребенок и, конечно же, бандиты...

— Значит, Ирина полагала, что в исчезновении ее отца виноваты бандиты? — спросил Слокам.

— А то кто же? — удивилась Валентина. — Он им бумагу подписал, все денежки теперь на Аллу перешли, на что он им нужен?

Лидочка перевела слова Валентины, а от себя добавила, что сомневается в такой наивности бандитов.

— Это я понимаю, — согласился Слокам. — Но нельзя исключать и того, что они рассчитывали удержать дом под контролем. Им нужно было всего несколько дней, чтобы получить деньги со счета, особенно из сумм, уже переведенных в наличность.

— Что он говорит? — заинтересовалась Валентина.

— Он думает, что вы правы.

— И Ирина знала о том, что Алла — не ее мать? — спросил инспектор.

— Вопрос даже глупый, — сказала Валентина.

Покладистый инспектор согласился, что вопрос глупый, но Лидочка поняла, что задал он его сознательно, не столько от глупости, сколько от английского уважения к следственному порядку.

— И Ирина не выносила эту женщину?

— А то как же! — сказал Василий. — Она ее просто ненавидела. Но я так думаю, что господин следователь тоже бы ее ненавидел, если бы за настоящую мамочку переживал, а чужую таким душевным именем звать был вынужден.

Инспектор с пониманием покачал головой. Ему не хотелось попадать в такое положение.

— Может быть, — инспектор подкрадывался к жертве медленно, как лев к стаду антилоп, — может быть, эта ненависть распространялась и на ее отца? Ведь она могла винить его за то, что ее мама оказалась в таком опасном положении?

Валентина посмотрела на мужа, Василий — на Валентину, но они решили не сознаваться, хотя Лидочка понимала: если положить руку на сердце, то ненависть к папе, бросившему и маму, и дочку, жадному и себялюбивому, порой охватывала Иришку, чего она от Кошек не скрывала.

— Нет, — сказала после паузы Валентина, — такого не припомним.

Инспектор показал заячьи зубы. Он уже раскусил крас-

нодарских Кошек и выслушивал их ответы с изрядной долей скепсиса.

— Но свои отрицательные чувства к Алле она не скрывала, — предположил Слокам.

— А мы все ее не выносили, — сказала Валентина. — Некультурный человек, не нашего круга и к тому же бандитка.

Перевести столь эмоционально сложную фразу Лидочке удалось не сразу.

— Но вряд ли вы или госпожа Берестоу грозились ее убить? — не уступал инспектор.

— Ни боже мой! Она сама кого угодно убьет!

Слокам принялся пить кофе, пока тот не остыл. Остальные тоже пили кофе и молчали.

Неожиданно инспектор встрепенулся.

— А может быть, ночью по комнате госпожи Кошко ходила Ирина?

Валентина ответила не сразу.

— Я не видела, — сказала она, — чего напраслину возводить?

— А вы не видели, чтобы Ирина выходила ночью из дома и уезжала на машине?

— Нет, не видели, — ответил Василий.

— А не может быть, что ночью к Ирине приходил ее друг Роберт Ричардсон?

— Ну что вы, она же еще девочка! — возмутилась Валентина. — Ну разве можно так думать! Хоть сейчас молодежь, конечно, не бережет свою честь.

— Вы уверены, что сегодня ночью мисс Ирина Кошко и ее друг Роберт Ричардсон не выносили из дома и не увозили тело миссис Аллы Кошко? — Боа-констриктор все туже сжимал свои кольца.

— Ну что пристал? — взмолился Василий, выслушав перевод. — Чего он к Иришке привязался? Да если бы мы и видали что, неужели ему скажем?

Василий не учел, что кое-какие познания в русском языке у мистера Слокама имеются. А Лидочка не удивилась, когда инспектор сказал:

— Не хочем сказать мне про машина? Это понимаю.

— Ну вот, еще этого не хватало!

И тогда Мэттью достал из бокового кармана пластиковый пакет, в котором лежал небольшой платочек, обвязанный кружевом и испачканный кровью.

— Как вы думаете, кому мог принадлежать этот платок? — спросил инспектор.

Лидочка была поражена тем, что он успел отыскать платок. Она начисто забыла, где видела его в последний раз. А инспектор уже связал его со своими подозрениями.

Валентина не скрыла возмущения:

— Вот этого я от тебя, Лидочка, не ожидала! Ты зачем мои слова передала англичанину? Неужели не понимаешь, что это тайные слова? Для тебя Иришка человек чужой, равнодушный, а для меня она заместо дочки!

— У вас была информация о платочек? — по-русски спросил инспектор.

— Да, была, — призналась Лидочка. — Госпожа Валентина Кошко сказала мне сегодня, что она сама вышила и подарила его Ирине.

Таиться было не только неправильно, но и глупо: инспектору бывало трудно выразить свои мысли, но понимал он многое.

— Значит, этот платок Ирина оставила в машине? Она вытирала сиденье, но в темноте потеряла платочек.

— Но почему она? — закричала Валентина. — Почему она? Может, этот платочек Лидия сама утащила. Аллу убила...

— Мне ее не поднять, — призналась Лидочка.

— А тебе Генка помогал. Вы одна компания, — сообразил Василий. — Мне ты давно уже не внушаешь.

Слокам с интересом перевел взгляд на Лидочку.

— Любопытная информация, — сказал он по-русски, к вящей радости краснодарских родственников.

Инспектор спрятал пакет с платочком в карман. В столовую заглянул полицейский.

— Из Хитроу, сэр, нам сообщили, что наша группа обошла весь аэропорт и никаких следов преступников не обнаружила, — сказал он.

— Я так и думал. Они умнее. Поймать их будет нелегко, ведь придется все время возить с собой свидетелей. А где девушка? Где мисс Кошко? Она возвращается?

— Она должна быть в машине.

— Обратно вертолета не нашлось?

— Но ведь такой спешки уже нет.

Слокам кивнул, достал свой сотовый телефон, набрал номер. Все смотрели на инспектора, словно ждали, что из аппаратика вылетит птичка.

— Это ты, Генри? — спросил инспектор. — И девочка с вами? Тогда не надо возвращаться сюда, слишком далеко. Мы встретимся на полпути. Да, везите ее в Скотленд-Ярд. Я там буду через сорок минут.

Спрятав телефон в карман, Слокам обратился к Лидочке:

— Простите, что я не приглашаю вас с собой. В Ярде уже отыскали опытного официального переводчика. Не смею отрывать вас от дел.

«Ну что ж, — подумала Лидочка. — Нет мне доверия».

Она посмотрела на Кошек. Кошки глядели на инспектора, может, им было интересно на него глядеть, а может, они не хотели встречаться взглядами с Лидочкой после того, как обвинили ее в убийстве. Даже если они руководствовались благородными побуждениями — спасали двоюродную племянницу.

— Спасибо за кофе, — сказал инспектор. — Завтра я буду ждать вас всех у себя. Я позвоню и уточню время. Машину за вами пришлют из Ярда. Если вы боитесь, я могу оставить в доме полицейского.

— Я не боюсь, — сказала Лидочка.

— А я и не знаю... — начал Василий.

Но Валентина сказала:

— Ничего, обойдемся. Нам не впервой.

Слокам вежливо улыбнулся и отправился мучить Ирину. Видно, он жаждал схватить ее в свои змеиные объятия. Ей придется нелегко. Но будем надеяться, что к ночи она вернется домой. Правда, Лидочка сама себе не очень верила.

Глава 26

Лидочка устала. Ей хотелось спать. Она убрала со стола. Кошки, не глядя на нее и не разговаривая, ушли к себе. Лидочка стала для них врагом, потому что хотела гибели Иришки.

Объясняться не хотелось. Ни объясняться, ни оправдываться, ни просить прощения.

Лидочка помыла посуду. Ее смущали нелады на кухне. Чего-то не хватало. Но может быть, ей померещилось. Не так уж много раз бывала она на этой кухне.

Лидочка поднялась к себе.

Надвигался вечер, хотя по часам было рано, всего шестой час. Может быть, это ощущение возникало оттого, что все небо затянули высокие сизые тучи, которые не двигались, словно ждали команды.

Листва на деревьях казалась светлой, голубой и салатной.

Лидочка стояла у разбитого окна и смотрела в сад.

«И что мы все уткнулись в эту машину?» Можно отделаться от трупа иным способом. О чем обычно пишут в газетах? О подвалах. Трупы здесь принято замуровывать в подвалах. Но, судя по всему, в Славином доме подвала не было. Или ход в него был надежно укрыт.

А что, если бы убийцей была она сама? Вот она убила Славу. Или Аллу. Не важно, что убийцы, вернее всего, были разными. Не важно. Главное — что делать. «В первый раз я убила, не задумываясь о том, куда деть тело. А потом должна была спрятать труп».

Машина в этом случае — далеко не лучший способ. Хотя бы потому, что окно краснодарских Кошек выходит на улицу и все действия с машиной пришлось бы совершать буквально у них на глазах. А слышимость ночью такая, что Кошки должны были все увидеть и услышать. И конечно, они знают куда больше, чем говорят. Даже Слокам понял это. Они не спали, они подобрались к окну, они выглядывали наружу сквозь щель между рамой и шторой. И даже если фонарь у дома не горит, уличного освещения достаточно, чтобы понять, кто и чем занимается на дворе. А потом убийца должен был уехать, чтобы спрятать тело в каком-нибудь лесу или пруду.

Нет, версия с машиной Лидочке не нравилась. Ведь если ты уехал, то через час должен вернуться, снова поставить машину у дома и войти в дом. И с каждым рейсом шансы на то, что тебя никто не заметит, резко уменьшаются. А если ты замыслил второе убийство на следующую ночь, то должен еще раз пройти весь этот путь. А это уже самоубийство. Правда, если ты уверен, что наблюдающие за тобой Кошки никому ничего не скажут...

Если бы Лидочка писала детективный роман, она бы при-

думала версию элегантную, но не очень жизненную. Убийство было только одно — убийство Аллы. И совершил его Слава. Он не был ни убит, ни похищен — он сам скрылся из дома и переждал сутки где-то по соседству, надеясь, что бандиты испугаются и сбегут или по крайней мере отвяжутся от него. Но когда оказалось, что Алла осталась в доме, то движимый ненавистью и страхом Слава ночью убил лже-Аллу. И вывез ее... А Иришка? Иришка ему помогала. И даже вытирала кровь с сиденья в машине.

В таком случае Кошки стали свидетелями лишь одной поездки, и, конечно же, они даже под пытками не сознаются в том, что видели.

Завтра же Слава возвратится, появится с версией... А впрочем, не так важно, с какой версией он вернется, — главное, что во время исчезновения Аллы его не было в доме, он ни в чем не может быть виноват. Он скрывался в Брайтоне, стараясь сбить со следа бандитов.

Наверное, это самый хороший конец для всей истории. Правда, судьба настоящей Аллы все еще остается неясной.

Создав свою версию и поверив в нее, Лидочка успокоилась и вознамерилась полчасика соснуть. Хотя мама всегда говорила, что нет ничего вреднее, чем сон на закате.

Лидочка улеглась на кровать, и ее тут же посетила тревожная мысль. А что, если Слава не убивал двойника своей жены?

«Вот я оказываюсь на месте убийцы. Не важно, кто я, но мне пришлось убить Славу. Или Аллу. И машины у меня нет, или я не смею ей воспользоваться. Куда мне деть труп, чтобы не шуметь и не перебудить весь дом?»

Лидочка задремала, но продолжала размышлять, не замечая, что ее воображение разгулялось сверх всякой меры... И вот ей уже кажется, что она бредет вокруг дома, отыскивая укромное место. И тут Лидочку поразила мысль, которая, еще не оформившись, повела ее по лестнице наверх, на чердак, где она раньше не бывала, но знала, что его используют как чулан для ненужных вещей.

...Вот она открывает дверь. В руках у нее нож, широкий столовый нож из набора, что висит на кухне. Она делает несколько шагов вперед и видит человека, который сидит на корточках спиной к ней и что-то делает на полу. Человек оборачивается, и Лидочка узнает Славу. Он держит Аллу, прижимая ее плечи к полу. Он молчит, но Лидочка знает, что ей приказано зарезать Аллу. И Алла это тоже знает. Она открывает рот, чтобы закричать, и Лидочке становится страшно, что Кошки снизу услышат крик и вызовут полицию. Тогда она погибла.

Лидочка поднимает нож и вонзает его в Аллу. Нож мягко проходит сквозь грудь, но больше Лидочка ничего не видит, потому что Алла исчезает.

Слава поднимается и смотрит на Лидочку с укоризной.

Лидочка хочет спросить, куда делась Алла, но ее губы отказываются шевелиться...

И тут Лидочка очнулась.

Она сразу взглянула на часы: проспала только пятнадцать минут, а столько успела натворить! Где же она безобразничала во сне?

На чердаке.

Лидочка сунула ноги в туфли и выглянула на лестничную площадку. Если Кошки и сидели в доме, то молча. Да и вряд ли они отправятся сегодня по магазинам. Скорее всего, они в очередной раз собирают вещи.

С лестничной площадки второго этажа, куда выходили двери ванной и женских спален, на чердак вела узкая лестница.

Лидочка включила свет на лестнице, но лампочка не зажглась, — видно, перегорела.

На площадочке перед дверью на чердак было почти совсем темно. Свет еле проникал сюда через три этажа.

* * *

Лидочка толкнула дверь. На чердаке было темно, и если лампочка и была, то Лидочка не знала, где выключатель. Свет проникал сквозь маленькое окошко под самой крышей, а так как на улице уже наступили сумерки, то Лидочка зажмурилась и стояла, считая до ста, прежде чем открыть глаза вновь, ждала, пока привыкнет к темноте.

Открыв глаза, она увидела перед собой очертания множества ящиков, чемоданов, сундуков, сваленных в кучу стульев, прислоненных к стене рам от картин — то ли сюда стащили

все, что принадлежало бывшим хозяевам дома, то ли привезли это добро из большого дома в деревне.

Постепенно глаза привыкали к темноте, и Лидочка начала медленное путешествие по чердаку, который распростерся надо всем домом. Хотя крыша была покатой, метров шестьдесят площади, заваленной вещами, Лидочке предстояло осмотреть.

Наверное, надо было спуститься за фонариком, но Лидочка даже не знала, есть ли он в Славином доме. Без фонарика она сможет лишь окинуть чердак взглядом и понять, есть ли тут место, чтобы спрятать тело.

Она сразу поняла, что такие места на чердаке есть.

Но ей не хотелось в темноте открывать сундуки и двигать ящики — пускай этим займется полиция.

Лидочка лишь приоткрыла ближайший к ней сундук. В нем лежали какие-то коробки. А под коробками?

Лидочка закрыла сундук и решила спуститься, но тут услышала на лестнице шаги.

Кто-то поднимался на чердак.

Медленно и тяжело, как в кошмаре.

Может, это сон? И ей снится, что она стоит посреди заполненного вещами темного чердака, а нечто страшное и неотвратимое надвигается на нее?

Лидочка стояла в оцепенении несколько секунд, а потом, как мышонок, кинулась искать убежища. Она ударилась об угол сундука, споткнулась об ящик с книгами, запуталась в плохо скатанной портьере и упала за груду стульев, к счастью, не рассыпав ее.

На чердаке стало чуть светлее.

Тот, кто пришел, оставил дверь открытой, чтобы лучше видеть.

Ой, умоляла его Лидочка, только не зажигай свет, ты меня сразу увидишь.

Что-то зашуршало. Может, этот человек проверяет, на месте ли труп?

Кто это?

В детективах и соответствующих фильмах герою достаточно взглянуть из-за угла ящика, и он сразу видит, что это его кузен Вилли, который и ограбил бабушку. Но в действительности все куда сложнее.

Лидочка лежала в жутко неудобной позе, вжавшись в пыльное пространство за ящиками, и, конечно же, не смела поднять головы, потому что это привело бы к подвижкам в завалах, шуму... И еще одним трупом в доме стало бы больше.

Что-то звякнуло.

Человек сделал пару шагов вперед, остановился, принюхиваясь и прислушиваясь. Лидочка замерла. Только не зажигай свет!

Человек повернулся и ушел. Он закрыл за собой дверь и стал возиться с засовом.

«Только не это! — перепугалась Лидочка. — Я не могу оставаться здесь, в темноте и тесноте. А Кошек отсюда не дозовешься. И я здесь умру, если завтра англичане не устроят в доме сплошного обыска».

А будут ли они устраивать обыск? Они разыщут в карьере труп Славы или Аллы. А может быть, поймают в аэропорту сбежавших Славу и Аллу, которые таким образом решили устроить себе медовый месяц, а заодно и вылечить Аллу от хронического кровотечения из носа.

Мысли путались, вернее всего, от страха.

Шаги удалялись. Человек спускался по лестнице.

Больше всего Лидочке хотелось кинуться вниз к двери и взломать ее. Ей уже начало казаться, что на чердаке и воздуха не хватает.

Лидочка заставила себя подождать у двери, пока не досчитает до ста. И только после этого она повернула ручку.

Как в самом страшном сне, ручка наткнулась на преграду и замерла.

Лидочка нажала еще сильнее. Может быть, если она ее сломает, будет еще хуже, но на мягкие, продуманные движения Лидочка сейчас была не способна.

Она навалилась на проклятую ручку всем телом, и та благополучно поехала вниз. Дверь открылась так резко и легко, что Лидочка буквально вывалилась на лестницу.

Она села на верхнюю ступеньку и сидела так минут пять, приходя в себя.

Потом обернулась, как оборачивается человек, выплывший из омута, бросая последний взгляд на черную, глубокую воду.

И оказалось, что никакого засова или крючка на этой

дверн нет. Только ручка, которая свободно поворачивается. Остальное — дело воображения.

Лидочка встала и на мягких ногах спустилась к себе.

Но войти к себе в комнату она не смогла, потому что снизу от столовой на нее глядела Валентина.

— Ну куда ты задевалась? — сказала она укоризненно. — Я тебя обыскалась. Тебя же в комнате не было!

— А что? — агрессивно спросила Лидочка, вспомнив, что с Кошками она состоит во враждебных отношениях.

— А то, что неизвестно, куда ты побежала! — Валентина тоже говорила агрессивно, подчеркивая враждебность. — Побежала, никому ничего не сказала...

— Я не обязана перед вами отчитываться, — сказала Лидочка, всей шкурой ощущая, как разгорается кухонный скандал, в котором она принимает участие.

Валентина тоже это почувствовала. И первой сказала:

— Мало ли что может случиться? Чей еще труп отыщется?

— Вам что-нибудь было нужно? — Лидочка еще не хотела мириться.

— Я хотела спросить, свечки у тебя нет?

— Нет.

— А может, знаешь, где Славик свечки держит?

— Не подозреваю.

— Придется пойти в хозяйственный, купить.

— Сегодня воскресенье, вряд ли что-нибудь открыто.

— Ну хоть с лучиной иди, — вздохнула Валентина. — У нас на чердаке некоторые вещички сложены — для внучат. А Василий пошел на чердак, так там темнотища. Он пошуровал, пошуровал, да и вернулся ни с чем.

«Господи, ну конечно же, это он — и тяжелые шаги, и шумное дыхание. До чего же я дошла!»

— Завтра утром там светлее будет, — сказала Лидочка.

— А мы с утренним рейсом решили улететь, — сказала Валентина. — Сначала мы улетать не хотели, думали, ну как мы Иришку оставим в такой ситуации. А теперь решили, мы ей ничем не поможем, лучше уж улетим подальше от этих безобразий.

Василий выглянул из комнаты и возразил:

— А если что с Иришкой случится? Если ее задержат?

Как мы дом пустой оставим? И кто будет Иришке передачи, если что, носить?

— Молчи, сглазишь, старый дурак! — рассердилась Валентина. — Вернется твоя Иришка.

— Здесь не Россия, — сказал Василий. — Что можно сказать, если они здесь за шиллинг друг другу глотку перегрызут?

— Я и не знаю, — призналась Валентина. — Представления не имею. И себя жалко, и дом жалко, и Иришку жалко — всех жалко. Тебе этого не понять.

Лидочка только пожала плечами.

Значит, хомяки стаскивали на чердак свое барахло.

Лидочка вошла в свою комнату.

Уже темнело, но свет зажигать не хотелось — за окном стоял чистый синий вечер.

Она подошла к окну. Было грустно. Вечер оказался совсем не таким уж чистым. Даже в саду все было осквернено. В кустах прятали микрофон — что они подслушивали? А в сарайчике Лидочка спрятала этот микрофон в мешок с удобрениями... Лопата, которая еще недавно подпирала дверь сарайчика, теперь валялась на траве. Может, ее свалило порывом ветра?

«А вот еще одно место, куда бы я могла спрятать труп, — подумала Лидочка. — Оно не хуже чердака и даже удобнее — не надо волочить тело наверх».

Сходить бы и поглядеть... А может быть, отложить до завтра? Ведь уже темнеет, и в саду сыро... Мозг Лидочки придумывал отговорки и отсрочки. Ее телу не хотелось идти в сад, хватило и похода на чердак.

Нет, надо сходить. Хотя бы для очистки совести. Почему-то все так зациклились на автомобиле и каком-то озере, что забыли о более доступном месте...

Лидочка пошла в сад.

Для этого ей надо было спуститься с лестницы, пройти мимо столовой в кабинет Славы и через стеклянную дверь выйти в сад.

Валентина хозяйничала на кухне.

— Ты куда? — спросила она Лидочку, когда та проходила мимо.

Голос звучал дружелюбно, наступал период внутреннего мира.

— Я в сад, — сказала Лидочка.

— Надень туфли, а то в тапочках промокнешь — там роса.

— Я по дорожке, — ответила Лидочка.

В кабинете Славы все осталось без перемен, словно хозяин только что его покинул. Даже одеяло лежало на диване точно так же, как вчера. И английская книжка — детектив Рут Ренделл — лежала на столике возле дивана. Сначала Лидочке казалось, что Слава не настолько знает английский, чтобы читать детективы, но потом оказалось, что он тоже большой любитель романов Ренделл.

Лидочка открыла дверь и вышла в сад. На бетонной вымостке перед стеклянной стенкой кабинета валялись, поблескивая в вечернем свете, острые кинжалы стекол — они сыпались сюда, когда Лидочка разбила окно. А вот и лампа. Ее тяжелая ножка цела, а абажур откатился в сторону.

Лидочка пошла по дорожке. От травы тянуло сыростью.

Она старалась отвлечь себя от очередной вспышки страха, но это ей не удавалось. Она представила, как открывает дверь...

Лидочка подошла к сарайчику, почерневшему от возраста. Крыша была из толя, тоже почти черная. Маленькое окошко — в него ничего не разглядишь. Лидочка потянула дверь на себя.

И тут же услышала сзади шаги. К ней шла Валентина.

— Ой, — сказала Валентина, прижимая полные руки к груди. — Ой, что ты, Лидия, подумала! И не думай!

Лидочка обрадовалась тому, что Валентина пошла за ней. По крайней мере теперь она не одна.

Лидочка потянула на себя дверцу. Дверь отворилась со страшным скрипом. Не его ли она слышала ночью и подумала, что это кричит Алла?

Дверь поддавалась с трудом. Внутри было темно. Посреди сарая стояла большая бочка, у стены выстроились садовые инструменты, в углу были свалены мешки с удобрениями...

* * *

В первое мгновение Лидочка вздохнула с облегчением. Ей показалось, что ее опасения не оправдались. Никаких трупов в сарайчике не было.

— А это что? — спросила она себя и повторила вслух: — А это что?

На полу лежали два длинных мешка.

Один был белым или почти белым, второй — в красных пятнах.

Простыни, в которые были замотаны трупы, подобно туринской плащанице, обрисовывали не только тела, но и лица, черты лиц.

Слава лежал на спине, и его нос натягивал ткань, а Аллу положили на бок. Из-под простыни выбивалась прядь черных волос. Отдельно, как тело непонятного существа, валялась измазанная в крови подушка.

Стало темнее — дверь заслонила могучая фигура Валентины. Она старалась заглянуть внутрь через Лидочкино плечо.

— Что там? — спросила она. — Нашла, что ли?

Лидочка хотела ответить, но язык ей не подчинился. Она слабо оттолкнула Валентину и протиснулась между ней и рамой двери.

Лидочку замутило, но в то же время она ощутила странное чувство освобождения. Ее перестала мучить неизвестность — исчезновение. Теперь все ясно. Никто их не увозил. Их убили и бросили здесь.

— Ой, — сказала Валентина. — Ты видела, Лидия?

— Конечно, видела.

— Кто же их так?

— Я не знаю.

— Я спать не буду, — уверенно заявила Валентина. — Ты только Василию не говори, он с ума со страха сойдет. У него нерв слабый.

— Хорошо, — сказала Лидочка.

Она пошла обратно к дому. Валентина осталась стоять у сарайчика, заглядывая внутрь.

Лидочка шла к дому, и в глазах ее стояла картина, увиденная в сарайчике: два трупа, завернутые в простыни.

Их убили во сне. А как, пускай в этом разбирается Слокам. Придется снова ему звонить.

Переваливаясь, как утка, Валентина бежала за Лидочкой к дому.

— Оставаться-то боязно! — крикнула она. — Ты не спеши, подожди меня. Я мертвых боюсь до отвращения!

Глава 27

Лидочку начало трясти, когда она вошла в дом. Она стояла посреди Славиного кабинета, смотрела на пустой диван и не могла сделать больше ни шагу.

До того момента, как она нашла тела, во всем происходящем был элемент игры, детективного романа, который ты читаешь на ночь. А теперь произошел обвал.

Ей было страшно оставаться в кабинете и трудно пересечь его.

Много лет Лидочка не падала в обморок, а тут в глазах стало мутиться, и к горлу вновь подступила тошнота.

Спасла ее Валентина, которая шла за ней.

Как слониха, которая хоботом выталкивает из грязной лужи свое чадо, она вытолкала Лидочку из кабинета в нейтральный коридор, а потом, обняв за плечи, ввела в столовую и усадила на стул.

— Держись, Москва! — призвала она Лидочку и поспешила на кухню.

Лидочка тупо сидела за столом, водила пальцами по пластику скатерти и ни о чем не думала, потому что ее находка ничего не объясняла, не разрешала никаких загадок, а только заводила в тупик.

В столовую заглянул Василий. Он был обыкновенным. Даже веселым, потому что не знал о сарайчике.

Валентина услышала, что он вошел, и крикнула из кухни:

— Лидочку не трожь! У нее шок.

— Чего?

— Шок у нее. Шокированная она.

— Ага, — сказал Василий и сел за стол напротив Лидочки.

— Я ей кофе сделаю, — сказала Валентина.

— И мне сделай. Пить хочется.

Валентина еще немного пошумела на кухне, потом оттуда донесся ее голос:

— Лида, скажи Васильку, что ты натворила.

Натворила? Лидочка удивилась неточности слова и в то же время его удивительной выразительности. Но она промолчала. Валентина сама стала громко рассказывать мужу:

— Она в сад пошла, глядит — сарайчик. Она туда и сунулась.

— Зачем? — не понял Василий.

— Наверное, Славика искала. А может, за лопаткой пошла.

— Наверное, искала, — согласился Василий.

«Они разговаривают, словно меня нет, — подумала Лидочка. — Словно я ушла».

— Если не сама все сделала, — продолжала Валентина.

Она выплыла из кухни, неся чайник в одной руке. Чашки висели на пальцах другой руки.

— Нет, — убежденно сказал Василий. — Я людей знаю. Не могла Лидия этого сделать. Даже если она бандитам служит, на убийство бы ее не хватило — кишка тонка.

Валентина налила кипятку, сама достала из шкафа растворимку, размешала и подвинула чашку к Лиде.

— Ты пей, а то нервы у тебя никуда не годятся.

Лида послушно стала пить. Кошки внимательно смотрели на нее. И вдруг Лидочка испугалась. Впервые за эти дни.

Они были такими толстыми, тугими, заботливыми, озабоченными... Не подсыпали ли они в кофе снотворного или яда?

«Бред! Нервы у тебя и в самом деле никуда не годятся». Лидочка поднялась и пошла в прихожую.

— Ты что? Не попимши? — удивилась Валентина.

— Ты ее не трогай, — сказал Василий. — Может, она поблевать пошла.

Лидочка набрала телефон полиции.

— Полиция, — произнес улыбающийся английский голос.

— Вас беспокоят из дома 14 по Вудфордж-роуд, Сиднем.

— Очень приятно. Что у вас произошло?

— Я наконец-то нашла два трупа, — сказала Лидочка.

— Вы кого-то убили, мисс?

— Нет, это не я. Но мы их давно ищем. Сегодня Скотленд-Ярд искал, ваши сотрудники из ближайшего участка тоже искали.

— Повторите адрес. — Голос оставался таким же вежливым и дружелюбным.

Воцарилась тишина. Лидочка понимала, что ее слова проверяют. Прямо над ухом раздался голос Валентины:

— Надо было сразу этому молодому толстожопому зво-

нить. Из Лондона. Чего на районку время тратить? У них и вертолета нет.

Все-то она замечает, эта Валентина.

— Надо бы посмотреть в сарайчике, — сказал Василий.

— Что посмотреть, мой ласковый?

— Не оставила ли Иришка чего из своих вещей. Ведь они будут вынимать, а там ее сережка! Или колечко. Знаешь, как бывает?

— Вы меня слушаете? — раздался в трубке голос вежливого дежурного. — К вам выезжает наряд. Мы сообщим в Скотленд-Ярд. Прошу вас не покидать дом и не предпринимать никаких действий. Главное — не приближайтесь к телам. Вы меня поняли?

— Я давно все поняла, — сказала Лидочка. Ну почему так хочется спать? Идиотский организм, он не хочет присутствовать, он устал от этих дел.

— Пошли посмотрим, — предложила Валентина. — В самом деле надо проверить.

— Да не поможете вы Иришке! Я думаю, что, если она в чем-то виновата, в Скотленд-Ярде это выяснят, хотим мы этого или нет.

— Ох, Лидия, чудная ты для нас личность, — сказала Валентина. — Может, какая маленькая улика в сарае, а для Иришки разница во всей жизни. Ее посадят, точно посадят, а жизнь молодая искалечена. Она ведь все это сделала, чтобы за маму свою отомстить.

— Вы думаете, что она убила обоих? — Лидочка только сейчас осознала смысл Валентининых слов.

— Она же понимала, — убежденно заявила Валентина, — что, пока он живой, ее маме такая смертельная опасность грозит, что ты не представляешь. А нет его — маму выпустят.

— Почему?

— Они испугаются, что полиция этим делом займется, что расследование начнется. Они испугаются и убегут.

— Что же она тогда в полицию сама не заявила?

— Да ты сама подумай, ангел мой! Она что, изверг? Она что, привыкла отцов родных убивать? Это же такое потрясение всего организма, ты не представляешь! Она его случайно, в приступе безумия убила.

Валентина раскраснелась. Сейчас она являла собой некое

подобие Шерлока Холмса, который разъясняет совершенно загадочное убийство своему другу, непонятливому доктору Ватсону.

— Значит, она убила, — промолвила Лидочка. — Потом испугалась. А потом убила Аллу?

— Ясное дело. Ей Роберт посоветовал.

— Вы и это знаете?

— А мы размышляем, — сказал Василий. — Мы мозгами раскидываем.

Он образно показал, куда они раскидывают своими мозгами. Получился жест сеятеля.

— Но зачем ей убивать Аллу?

— Потому что после смерти Славика, — Валентина понизила голос, будто полиция уже приехала, — бандиты не испугались, а стали пуще прежнего грозиться. Не получилось. Пришлось Аллу убивать.

— Чтобы они отстали?

— Но ведь отстали! Видишь, что отстали?

— Пока что их не поймали, — сказала Лидочка. — Мы не можем исключить их из числа подозреваемых.

— А я так думаю, что их тоже уже убили. А мы с тобой — свидетели войны двух банд. Как у гангстеров, — рассуждал Василий. — Одни на нас вышли, да сорвалось. Вот другие и кинулись добычу подбирать. Лучше бы Слава отказался от этого наследства, от дома этого проклятого. И все были бы живы.

— А я допускаю, — вмешалась Валентина, — что у Иришкиного Роберта есть целая компания дружков. В основном негры. Они здесь все знают. Вот и чистят мир от недобрых людей.

Лидочка чувствовала, что попала в сумасшедший дом. Как в романе Агаты Кристи, где каждый имеет возможность и желание убить подлеца.

— Только не надо говорить, что я — главарь этой банды, — взмолилась Лидочка.

— А про тебя мы мало знаем, — сказала Валентина. — У кого ты на зарплате. Недаром английский следователь тебя с собой переводить не взял. Тоже не доверяет.

— Но ведь это я нашла тела!

— Не считай нас дураками! — Голос Валентины прозву-

чал резко, по-кухонному. — Если бы ты не нашла, их сегодня до ночи кто-то обязательно бы нашел. Тебе выгоднее самой их найти и кричать — я раскрыла, я раскрыла!

Спорить не хотелось. Да и как переспоришь Кошек, если у тебя нет никаких доказательств собственной невиновности.

— Я пойду наверх, — сказала Лидочка. — Я себя плохо чувствую.

— Погоди, — остановила ее Валентина. — Ты полицию вызывала, тебе и беседовать. Почему нашла, где нашла, почему другие не нашли, а ты нашла...

— Вот именно, — поддержал жену Василий.

— Мне с вами быть не хочется, — сказала Лидочка.

— А ты с нами не будь, — ответила Валентина. — Василий, бери спички, пойдем посмотрим, чтобы против Иришки улик не нашлось.

Наверное, нужно было их остановить, но не Лидочке же решать, виновна Иришка или нет. Кошки должны стоять друг за дружку.

Полиция приехала, когда Валентина с мужем еще возились в саду. Но они услышали шум и прибежали, словно в сад и не заглядывали.

Лидочка подумала, что число английских полицейских, с которыми она так или иначе знакома, уже превосходит все разумные пределы.

Это снова были новые лица. Полицейские пошли в сад, светя себе большими электрическими фонарями.

Обитателей дома попросили остаться в столовой, что они и сделали. Молодая рыжая женщина с убегающим подбородком стала снимать с них допрос. Она упорно, как и положено новым лицам, требовала рассказа о том, кто эти мертвецы, откуда здесь появились, когда и кто видел их в последний раз и так далее.

К счастью, в середине допроса примчался Мэттью Слокам.

Он сразу же прошел в сад и, вернувшись через три минуты, сказал Лидочке:

— А ведь я был глубоко убежден, что их увезли в лес.

— Я тоже, — сказала Лидочка. — А потом подумала: а что, если у меня нет машины или я не решаюсь ею воспользоваться, так как пожилые господа, которые живут на первом этаже, могут меня увидеть?

— Но это означает... — задумчиво сказал Слокам. Он не договорил и вместо этого спросил: — И вы начали ваше собственное расследование в саду?

— Нет, сначала на чердаке. Мне приснилось, что тела лежат на чердаке.

— Разумно, крайне разумно, — согласился инспектор. — Мне самому следовало об этом подумать. Но меня подталкивали к машине.

— Я вас никуда не подталкивала.

— Неужели? — поднял брови Слокам.

Это был не совсем вопрос, а то типично английское «неужели», которое скорее относится к междометиям.

— Чего он говорит? — забеспокоилась Валентина. — Надо бы переводить. А то вы все пользуетесь нашей необразованностью и за нашей спиной строите свои заговоры.

— Да не строим мы заговоры! — сказала Лидочка. — Я объясняла инспектору, почему решила заглянуть в сарайчик.

— И почему же? — спросила Валентина.

Василий сидел за столом. Он поднял пустую чашку, заглянул в нее и вздохнул тяжело и громко, как корова. Василий был бледный и потный — видно, переживал и устал от приключений.

— Потому что решила, что убить мог человек без машины.

— Ага, — согласилась Валентина. — А как же Иришка?

Лидочка перевела.

— Я понял вопрос, — ответил инспектор. — Мисс Кошко пока остается в Скотленд-Ярде. Она дает показания моему коллеге. Именно поэтому я вновь приехал без переводчика.

— Вы ее не мучайте, — попросила Валентина. — Девочка не знала, что творит.

— Все будет сделано в рамках закона, — заверил Валентину инспектор. — А что еще вам удалось найти?

— Ничего особенного, — быстро сказала Валентина.

— Вы не волнуйтесь, — сказал инспектор по-русски. — Если вы сказать правду, вам станет легко.

— Помнишь тот день, еще раньше, когда ты, Лидия, микрофон в кустах нашла? — спросила Валентина. — Тогда еще

Иришка с тобой в сарайчик ходила. Вот она и обронила там сережку.

Валентина раскрыла руку — ладонь была потной, она давно держала что-то в кулаке.

На ладони блестела маленькая сережка — жемчужинка.

Лидочка вдруг испугалась, она не помнила, ходила ли Иришка в сарай, когда она нашла микрофон. Вылетело из головы. Но Слокам не дал додумать.

— Почему вы решили, что мисс Кошко потеряла свою сережку именно во время какого-то предыдущего посещения садового сарая?

— А то когда же?

— И вы ее тогда нашли?

— Я ее сегодня нашла. Мы с Лидочкой были в сарае, я думаю, что там блестит. И вижу — сережка. А я помню: в тот день я Иришку спрашивала, где сережка, которую тебе дядя Василий привез? А Иришка говорит, обронила. Вот я и запомнила.

— Большое спасибо. — Слокам вежливо улыбнулся и принял из руки Валентины сережку.

— Вы передадите Иришке? — спросила Валентина.

— Разумеется.

— А то мы с Василием, может, завтра на рассвете уедем. Но хотели вашего совета спросить.

— В чем заключается мой совет? — спросил Слокам.

— Как вы нам скажете: Иришку отпустят или нет?

— Не знаю, — сказал инспектор. — Это будет зависеть от развития событий.

— Потому что если отпустите, то мы уедем, — сказала Валентина. — Иришка взрослая, не пропадет, а нас дома дела ждут. А если...

— А если не отпустите, — вмешался Василий, — то нам придется здесь сидеть, дом стеречь. Нельзя же дом без присмотра оставлять.

Слокам выслушал эти заявления, но, видно, не отыскал в них того, что ожидал.

— И в чем же мой совет? — повторил он.

— Так уезжать нам или погодить? — спросила Валентина, не скрывая удивления перед умственной отсталостью инспектора.

— Я бы на вашем месте остался здесь, — дал свой совет инспектор.

— А если мы захотим уехать? — спросила Валентина.

«Ах как они испытывают нашего инспектора!» — подумала Лидочка. Где-то она слышала термин — «мозговой штурм».

Но английского инспектора было трудно подавить залпами тяжелой краснодарской артиллерии.

— Если вы захотите уехать, — все так же вежливо и ровно сказал Слокам, — я бы не советовал вам так поступать до окончания предварительного следствия.

— Им свидетели нужны, — пояснил жене Василий.

И Кошки стали пристально смотреть на инспектора.

Инспектор не подал виду, что трепещет под их тяжелыми взглядами.

— Лидии это тоже касается, — утвердительно заявила Валентина.

— Разумеется, пребывание миссис Берестоу в Лондоне на этот период остается обязательным.

— А он длинный, ваш период? — подал голос Василий.

— Это зависит от обстоятельств. Но думаю... — Инспектор оттопырил верхнюю губу, показал заячьи резцы. — Думаю, это займет немного времени. Совсем немного.

Он замер, ожидая, будут ли еще вопросы. И дождался.

— А кого подозреваете? — спросила Валентина.

И тут наступила тяжелая пауза, потому что Лидочка мысленно подсказывала инспектору. Валентина и Василий тоже мысленно подсказывали инспектору, а у инспектора было свое мнение.

Лидочке показалось, что в томительной, безмолвной борьбе прошло полчаса, прежде чем инспектор произнес:

— Я подозреваю вас, миссис и мистер Кошко. И потому мне хочется задать вам несколько вопросов.

— Вот это лишнее, — сказала Валентина быстро, будто ждала подобного заявления со стороны инспектора и, когда оно наконец прозвучало, ей стало легче. — Мы без нашего адвоката вам слова не скажем. А то подстроите гонения на честных людей.

— Помолчи ты со своим адвокатом, — медленно сказал Василий. — Обойдемся без адвокатов. Пускай спрашивает. Нам скрывать нечего.

У Лидочки словно гора с плеч свалилась. Ей все казалось, что у нас дома следователь давно бы уж все сообразил, вычислил, но психология английского инспектора была настолько чужой и путь его мыслей был настолько непонятен, что Лидочка допускала: он не видит некоторых давно ставших для нее очевидными доказательств вины краснодарских родственников.

Они оказались хитрее Слокама, а ей, Лидочке, заниматься подсказками не к лицу. Может быть, англичанка на месте Лидочки давно бы уже сообщила инспектору о своих подозрениях, но русские люди воспитаны иначе. Для англичанина инспектор — представитель обязательной и, в принципе, справедливой власти. Для русского милиционер или следователь — представитель власти неправедной и фигура, чаще всего доверия не заслуживающая. Свидетель может быть более заинтересован в справедливости, чем следователь. И лучше промолчать...

Какая еще нация могла придумать поговорку «От сумы и от тюрьмы не зарекайся»? Ведь для нормального европейца совершенно естественно, что, если он честно трудится, никто не может его ложно обвинить и посадить в тюрьму, тем более обобрать.

— Вы предпочитаете беседовать в Скотленд-Ярде? — спросил Слокам. — Там мы найдем переводчика.

— Нет, — решительно заявила Валентина. — Мы хоть Лидии и не доверяем, но вашему еще больше не доверяем. Давайте дома разговаривать.

— И вы увидите, — пригрозил Василий, не вставая, — вы еще как увидите, что нельзя нападать на невинных людей.

— А для них, — сказала Валентина, — что виноватый, что безвинный — одна песня. Им план по убийцам выполнять нужно. Вот и объединяются империалисты с нашими дерьмократами.

Лидочка поняла, что к мерзкой разновидности демократов относится именно она. Грустно, но никуда не денешься.

— Мы можем начать? — спросил Слокам.

Он поставил на стол диктофон и произнес:

— Настоящая беседа не является официальным допросом и не может считаться свидетельством для суда. Мы намерены рассматривать ее в качестве предварительной беседы с

супругами Кошко, которым я, инспектор полиции Слокам, высказал свои подозрения. Я допускаю, что они могли совершить убийство миссис и мистера Кошко, ибо имели к этому возможности и мотивы. Беседа фиксируется на магнитофон. Вы не возражаете против магнитофона?

— А нам что возражай, что не возражай — все равно свою линию будете гнуть, — сказала Валентина. — Но учтите, что наша Родина нас в беде не оставит. Клевещите, клевещите...

Слокам согласно кивнул и невинным голосом задал совершенно неожиданный для Лидочки, но, как оказалось, весьма плодотворный вопрос:

— Зачем вы подложили в машину носовой платок мисс Кошко?

— Как так подложили? — удивилась Валентина.

Конечно, допрос, который следователь ведет через переводчика, выгоден для его жертвы. У нее вдвое больше времени на то, чтобы продумать ответ.

— Капнули на сиденье кровью, — продолжил инспектор, — повозили по нему платком Ирины и оставили его в машине. Затем дали понять как миссис Берестоу, так и мне, что этот платок вы подарили Ирине, так что никаких сомнений в принадлежности платка не оставалось.

— Так мало ли кто мог подбросить его в машину! — возмутилась Валентина. — Мало ли какая подлая душа могла пойти на ущерб нашему ребенку!

Инспектор ничем не выказал своего отношения к ответу и сразу же спросил:

— Какие машины отъезжали сегодня ночью от дома? Вы же сказали, что видели машину?

— Не видела, а слышала, — уточнила Валентина. — И могла ошибиться.

«Надо бы Слокаму допрашивать их по отдельности», — подумала Лидочка.

Но инспектор был уверен в себе.

— А может, никакая машина не отъезжала? — спросил Слокам.

— А может быть, — согласился Василий. — Мы люди немолодые, изнервничались.

— Вы знаете, каким образом были убиты господин Кошко и его так называемая жена?

— Нет, — твердо ответила Валентина. — Нам смотреть не хотелось. Это ваша Лидия смотрела, она лучше знает.

Слокам кивнул и продолжал:

— Они зарезаны. Зарезаны кинжалом или ножом. Большим ножом. Что вы думаете по этому поводу?

И тут Лидочка вспомнила, чего не хватает на кухне.

Раньше там, на стене, висела доска с набором кухонных ножей разного размера. И теперь она пропала.

Надо встать и еще раз заглянуть на кухню. Может быть, ей это почудилось.

— Не видали мы у Иришки большого ножа, — сказала Валентина.

Василий исполнял более пассивную партию. Он был обижен и лишь изредка бурчал.

— Почему вы говорите о Ирине? — удивился Слокам.

— А вы разве не ее имеете в виду?

— Нет, — ответил Слокам. — Сейчас я допрашиваю вас.

Валентина помахала указательным пальцем перед носом инспектора.

— Не хитри, — сказала она. — Сам-то к Иришке подбираешься. Я всю твою игру насквозь вижу. Но я повторяю и на любом суде повторю: если Иришка кого и убила, то только в состоянии умственного напряжения. Ее нельзя судить за сознательное убийство. Кровавая месть — тут любой суд оправдает.

Лидочка кончила переводить, поднялась и пошла на кухню.

— Вы куда? — спросил Слокам.

Лидочка не ответила.

Она глядела на стену над кухонным столом. На гвоздиках мирно висела держалка с дюжиной кухонных ножей. Лидочка могла поклясться, что еще час назад ее не было. И повесить ее на место могли лишь Кошки. Но почему они вдруг решили расстаться с добычей? Может быть, они захотели указать на орудие убийства...

Лидочка возвратилась из кухни со стаканом воды.

— И вы не видели ничего, что могло бы стать орудием убийства? — спросил Слокам.

— Нет! — твердо произнес Василий.

Валентина была не так уверена. Она мялась... Потом посмотрела на Василия и сказала:

— Нет, раз мы решили говорить правду, значит, будем говорить правду. Все равно хуже Иришке от этого не будет. Она сама во всем сознается.

— Вы что-то вспомнили? — уточнил Слокам.

— Я видела, как Иришка большой нож с кухни взяла. Я вчера вечером смотрю — нет ножа. Самого большого. А сегодня днем спохватилась — а он снова на месте висит. Значит, она использовала, помыла и на место повесила.

— Где? — Слокам поднялся и пошел на кухню. За ним туда втиснулась Валентина. Лидочка осталась в дверях.

— Вот здесь. — Валентина показала на самый крайний в ряду ножей. — Его не было.

Лидочка обернулась. Василий глядел в потолок и легко улыбался, как человек с детской чистой совестью.

Глава 28

Были такие викинги — берсеркеры. Во время битвы их охватывал дикий гнев, даже бешенство. Они сражались без кольчуги и шлема, в одной рубашке, бросаясь на пятерых, десятерых врагов. И пока их не убивали коллективно, берсеркеры продолжали поражать врагов.

Лидочка ощутила в себе бешенство берсеркера.

Она смотрела на Валентину, которая сняла самый большой нож с крючка и совершенно спокойно протянула его английскому следователю, готовая посадить в тюрьму любимую племянницу.

И делала она это так легко и непринужденно, словно одаривала ее цветами.

Без зазрения совести.

И пока Слокам и Валентина, не нуждаясь в переводчице, как в немом замедленном кино, разглядывали орудие убийства, Лидочке открылась вся картина преступления, в котором важнее всего было не открыть, как все происходило, а правильно понять, почему так происходило.

Наверное, следователю или суду еще надо будет что-то доказывать, восстанавливать картину убийств, но Лидочку уже никто переубедить не мог.

Преступление это началось в тот момент, когда в городе

Краснодаре Валентина и Василий узнали, что их двоюродный племяш, никому ранее не нужный москаль Славик, стал богатым. И получил наследство за границей. Что он уехал туда и живет припеваючи, когда куда как более достойные родственники, ничего не получив, живут от получки до урожая и обратно.

Каким-то образом они смогли связаться с богатым родичем и даже получить от него приглашение пожить в новом доме. Радости Славик не выказывал, но, как человек слабохарактерный, родственников терпел.

Краснодарские Кошки приехали, заняли нижнюю спальню, выманили сколько-то денежек из племянника и принялись накапливать дешевые товары для внучат и самих себя. Они погрузились в мир торгового спорта и не заметили, как все сроки возвращения домой истекли. Пора бы и собираться.

Уезжать не хотелось, и в то же время росло раздражение против Славика и его наглой Иришки. И с каждым днем краснодарские Кошки их все более не выносили, причем чувства были взаимными.

Кошки уже были готовы временно сдаться, уехать и готовиться к набегу в будущем году и к очередной попытке оттяпать у Славика часть наследства.

И тут им сказочно повезло. Хотя они это поняли и не сразу.

Появилась ложная Алла.

Краснодарские Кошки волей-неволей стали частью трагической интриги. Естественно, первым и главным желанием их было одно — скорее бежать.

Но предпринятая ими попытка бегства провалилась. Хорошо еще целы остались.

По возвращении их страх за свою шкуру рос с каждой минутой.

И тут они узнали, что Славик оформляет документы о переводе собственности на жену. Что он отдает бандитам часть своего состояния в валюте, а остальные фунты Алла сможет оттяпать, когда захочет.

Если Славик любил свою дочь и из-за нее готов был пойти на жертвы ради нелюбимой Аллы, то краснодарские Кошки не любили никого.

Они боялись не только и не столько за себя, как за недвижимое имущество. Это ведь было их совместное достояние, имущество Кошек.

А как его сберечь?

И тогда из гремучей смеси страха и жадности родился план — убить Славика, и без того ненавистного, готового расстаться с добром ради каких-то душевных ценностей.

Но этого было недостаточно, чтобы пойти на преступление. Должен был существовать более жгучий мотив.

И Лидочка догадалась, что это могло быть. Если Славик умрет, то между ними и наследством останется только несовершеннолетняя Иришка. А раз так, то Кошки могут спокойно остаться в Лондоне и покупать, покупать, покупать...

Виноватыми в смерти Славика будут бандиты. Они схватили его бывшую жену, они его шантажировали, заставили переписать наследство на узурпаторшу, а потом отделались от незадачливого наследника. Как все ясно!

И вот прошлой ночью, пройдя по коридору из своей комнаты в кабинет Славика, они его зарезали. Не важно, кто из них. Но зарезали.

Надо будет проверить, где лежит Славин бумажник и документы. Скорее всего, он окажется у Кошек.

Преступников чаще всего губит именно то, что подталкивает их к преступлению — побудительный мотив. У Кошек таким мотивом была жадность. Она у них безмерна. Ухватив миллион, они никогда не откажутся и от лишнего рубля. Это надо иметь в виду.

Убив Славика, Кошки оказались на рельсах. Сойти с них уже было нельзя.

Но обнаружилось, что они ничего не добились. Алла стояла на пути к богатству, а английская полиция не спешила ее разоблачать.

И тогда захотелось сделать еще один шаг.

Наверное, второе убийство оказалось даже проще первого — благо что трупы относить далеко не пришлось: сарайчик в саду, в двух шагах от дома.

Возникла сложность: вряд ли кого-нибудь убедишь в том, что Аллу убили ее друзья-бандиты.

Но оказалось, что можно убить двух зайцев одним камнем.

Нужна жертва. Убийца.

В доме были две кандидатки на эту роль: Иришка и Лидочка.

Лидочку назначить убийцей трудно. Она чужая. А вот Иришку не только легче сделать подозреваемой, раз уж она принародно грозилась убить Аллу, но и нужно убрать с пути, чтобы овладеть этим хорошеньким домиком и садиком. Посадить бы ее в исправительный дом и потом покупать, покупать... покупать... покупать...

Лидочке тоже отвели роль. Роль громоотвода. Подозрения в том, что убийца — Иришка, должны были исходить от нее. Мы же останемся защитниками родственницы, маленькой дивчины, которая если и убила, то в гневе, а не корысти ради.

Все так просто...

— Миссис Берестоу, — мягко талдычил инспектор, — помогите нам, пожалуйста. Означают ли слова миссис Кошко, что она видела именно этот нож в руках мисс Ирины?

Лидочка автоматически перевела вопрос, чем повергла Валентину в горькое расстройство.

— Уж лучше бы мои глазки вытекли, — возопила толстуха, — чем такое увидеть! Но клянусь вам могилкой моей мамочки, что видела его неясно. Так, мелькнул... Я спрашиваю, что же ты несешь, Ирочка, а она мне говорит, не суйся не в свое дело, тетенька.

Лидочке хотелось, чтобы Слокам услышал эти бесконечные уменьшительные суффиксы, которые Кошки употребляли в своей речи.

Трудно было решиться.

Трудно было начать.

Трудно было заставить себя понять, что грех, который взяли на себя Кошки, куда страшнее, чем все рассуждения Лидочки на тему, хорошо ли доносить на своих знакомых.

— Это неправда, — сказала Лидочка по-русски. А потом повторила по-английски: — Это неправда.

Валентина сжалась от этих слов, словно стала вдвое меньше.

— Сегодня днем ножей на месте не было. Я знаю. Я уверена в этом. Они появились совсем недавно. И повесить их могли только Кошки.

Лидочка переводила собственные слова, и это усложняло

ситуацию. Сначала ей приходилось выдерживать ненависть в глазах Кошек, затем недоумение Слокама.

— Небось сама и повесила! — воскликнула Валентина. — Я-то думаю, где ножи? А ты их сперла!

— Нелогично, — возразила Лидочка. — А что же тогда Иришка носила?

Подал голос Василий, так и не вставший из-за стола:

— А может, это не Иришка была, а Лидия.

Слокам обернулся к Лидочке. Он не понимал.

— Зачем кому-то надо было снимать все ножи и уносить их?

— Я думаю, что от жадности, — сказала Лидочка. — Ножи хорошие, новые, а они собрались домой лететь. Сказали бы дома, что купили здесь.

— Не смей говорить по-английски! — взвизгнула Валентина. — Мы не понимаем. Мало ли что ты там наклевещешь.

— Переводить? — спросила Лидочка.

— Как хотите, — ответил Слокам.

Теперь, когда оказалось, что Лидочка с Кошками враги, стало легче. Проще.

— Я думаю, что, если вы осмотрите спальни и сарайчик, там будут отпечатки пальцев... Я переведу.

— Не будет! — ответила Валентина. — Не будет, потому что мы туда и не подходили. А...

— А куда подходили, то таиться нам не было смысла, — закончил за жену Василий.

— Когда я вчера была на чердаке... Я вам говорила, туда кто-то заходил. Кажется, Василий. Он что-то клал...

— Вы вчера были на чердаке? — спросил Слокам Василия.

— Еще бы. Там наши вещи сложены. Наша собственность. Хотите, можете убедиться.

— Не исключено, — сказал инспектор.

Он позвал полицейского и велел ему забрать на экспертизу самый большой нож.

— Иришка его помыла, — напомнила Валентина.

— Если это орудие преступления, — сказал Слокам, — то эксперты обязательно найдут на нем следы крови.

— Тогда правильно, — одобрила Валентина.

Она продолжала играть роль доброй тети.

Слокам вышел из кухни, остановился возле Василия, который буквально обвис на стуле.

— Мистер Кошко, — сказал он, — я попросил бы вас собраться и отправиться в Скотленд-Ярд, где вас допросят в связи со смертью хозяина этого дома мистера Кошко и его так называемой супруги.

— Нет, — сказал Василий. — На это я не согласен.

— Вы можете вызвать адвоката, — продолжал инспектор, а Лидочка переводила.

— Откуда у нас адвокат! — откликнулась с кухни Валентина. — Мы же люди простые, не преступники какие.

— Вам будет предоставлен адвокат, — сказал Слокам. — И официальный переводчик.

— Хоть в этом слава богу, — сказал Василий. — А то ваша Лидия тут наговорила, наклеветала на нас.

Слокам долго уговаривал Кошек, а они все отнекивались, ссылаясь на здоровье. Потом потребовали вызвать нашего родного посла. Слокам дал им слово, что представитель консульства обязательно будет присутствовать на допросе. Тогда Кошки потребовали, чтобы их дело разбиралось дома, в России.

На что Слокам сказал:

— В данный момент вам не предъявлено никаких обвинений. Но вы должны официально рассказать о том, что знаете.

— Значит, вы нас убийцами не считаете, как она говорит? — спросил Василий.

— Мы не можем считать вас убийцами, — гордо ответил инспектор. — В Великобритании степень виновности может установить только суд.

На этом и порешили. Кошки долго собирались, хоть на дворе стоял теплый летний вечер.

По коридору к выходу пронесли носилки с закрытым простыней телом. Лидочка не поняла, кто это.

Потом заглянул уже знакомый эксперт и стал шептаться со Слокамом.

В своей комнате принялись ругаться Кошки, негромко, но яростно. В коридоре были слышны голоса, но слов не разобрать.

Вошел полицейский и доложил Слокаму, что машина для перевозки русских прибыла.

Слокам постучал к Кошкам и сказал, что пора ехать.

Кошки заспорили, и пустые разговоры заняли еще минут десять. Потом они вышли в плащах, словно собирались пробыть тут до морозов. С Лидочкой они прощаться не стали, ушли, отвернувшись.

Слокам, к Лидочкиному удивлению, с Кошками не поехал, а сказал полицейскому, что приедет через полчаса. Потом он обернулся к Лидочке и спросил:

— Что мы ожидаем найти в их комнате?

— А у вас есть ордер на обыск? — спросила Лидочка.

— Я имею на это право. Не беспокойтесь, я не нарушу закона. У меня есть разрешение судьи.

«Ему лучше знать, — подумала Лидочка. — Не мне хватать английского инспектора за руку и кричать о нарушениях закона».

— Ваше присутствие желательно, — сказал инспектор. — Вы можете лучше меня оценить значение тех или иных вещей и документов. Сержант Прайд будет присутствовать при осмотре вещей лиц, причастных к убийствам.

Видно, избавившись от Кошек, Слокам думал потратить на осмотр их комнаты несколько минут, ну, может быть, полчаса. Но он не учел их феноменальной способности аккумулировать вещи.

Комната была по колено завалена сумками, картонными коробками, тряпками, посудой, обувью — это была наша родная барахолка, и в ней Кошки чувствовали себя отлично.

— Я понимаю, почему они решили остаться, — сказала Лидочка. — Они не могли расстаться со своим добром. Месяц напряженной работы! Хотя, наверное, разумнее с их стороны было бы сегодня с утра сесть на самолет и улететь домой. Тогда до них было бы нелегко добраться.

Слокам начал что-то насвистывать. Видно, мама не объяснила ему в детстве, что свистеть в доме опасно — все добро просвистишь.

— Вы же знаете, миссис Берестоу, — возразил Слокам, — что они не уехали, потому что поняли: в случае удачи их плана весь дом остается им. Все деньги. Все! А в удаче своего пла-

на они не сомневались. Если бы преступники реально оценивали последствия, преступлений было бы в пять раз меньше.

— Вы считаете их преступниками?

— Я долго разговаривал с мисс Кошко и ее другом Робертом Ричардсоном. Они не производят впечатления преступников. В них нет действительно сильных чувств, которые можно направить на убийство. Я даже допускаю, что кто-то из них мог убить под влиянием момента. Но как только этот момент прошел, Ирина бы рассыпалась на кусочки.

— А сейчас? — спросила Лидочка.

— Сейчас она... переживает. Хочет на свободу, беспокоится о Роберте. Пожалуй, больше беспокоится о Роберте, чем о судьбе родителей. У меня создалось впечатление, что ее семья была неблагополучной и по-настоящему она не была привязана к родителям. Она несколько лет не видела своего отца, мать видела редко — у родителей была своя жизнь. Поэтому у нее к ним остались скорее отрицательные чувства — обида за то, что ее бросили, что она оказалась им не нужна. А такие чувства не ведут к убийству.

— Если человек нормален, — уточнила Лидочка.

— Ваша Ирина вполне нормальна... Я думаю, что уже сегодня ночью мы отпустим ее домой.

— А Роберта?

— Роберт давно дома. Его забрала мать. Думаю, что она на несколько дней запрет его дома. Решительная женщина. Вы знаете — она болгарка. А болгары — балканская нация. Очень сложные балканские характеры.

— Я знаю, — кивнула Лидочка.

Пока они разговаривали, инспектор и сержант Прайд, цыганистый молодец, вовсе непохожий на стража порядка, быстро, чуть касаясь, перебирали барахло.

— Вы думаете, что эти убийства совершили Кошки? — спросила Лидочка.

— Уверен, что и вы в этом не сомневаетесь. По методу исключения.

— Я догадалась совсем недавно. Уж очень несовместимы эти люди и преступление.

Слокам высыпал на стол содержимое толстого брезентового чемодана.

— А вот у них мотивы и способности к убийству есть, —

сказал он. — Корысть. Сильная корысть очень корыстных людей. Им позарез нужны деньги, а мистер Кошко был довольно жаден.

Он и это уже знает? Впрочем, он мог узнать об этом от Роберта или Иришки.

— Целеустремленность, ненависть к богатому родственнику, страх за собственную жнзнь — столько всего совместилось, что было бы удивительно, если бы эта бомба не взорвалась.

— Что вы ищете? — спросила Лидочка.

— Порой, осматривая вещи подозреваемого, ты не знаешь, где таится главная улика. Но мы имеем дело с преступниками непрофессиональными и притом очень жадными. Я уверен, что они оставили какие-то следы. Какие — поймем очень скоро.

— Нам надо подняться на чердак, — сказала Лидочка. — Василий там что-то прятал. Он не просто так ходил: ведь света там нет, и он об этом знал, но все равно что-то принес и спрятал.

Слокам продолжал кружить по комнате, чуть касаясь вещей пальцами, даже не всегда беря их в руки.

Вдруг он поднял заткнутый под вещи кожаный бумажник цвета красного дерева с монограммой.

— Это принадлежало мистеру Василию? — спросил он.

— Это Славин бумажник. Он получил его в наследство и очень им гордился.

— Хорошая кожа, — заметил Слокам. — Вы видели его в руках покойного?

— Да, видела. В нем всегда были документы.

— А вот бумаги они выкинули.

Слокам открыл бумажник, заглянул во все кармашки, потом зачем-то понюхал и сказал:

— Она его вымыла. С шампунем. Смешная женщина. И жадная.

Инспектор кинул бумажник своему помощнику и сказал:

— Это мы изымаем.

Он огляделся и подошел к старому пузатому бюро, крышка которого была откинута, и на ней горкой возвышались бумажки, счета, баночки с клеем, карандаши, ластики. Видно, когда-то Слава пытался использовать бюро по назначению.

Слокам принялся быстро открывать многочисленные ящички. В одном почему-то оказались женские трусики, в другом носки, значки, сигаретные пачки... Слокам чуть отодвинул бюро от стены и заглянул в щель.

— Точно, — сказал он радостно, как энтомолог, накрывший сачком редкую бабочку.

За бюро были закинуты разные карточки — телефонные, кредитные, визитные. Солидная пачка.

— Это из бумажника, — сказал Слокам. — Она их выкинула, как совершенно ненужные вещи.

Тем временем Лидочка увидела в углу заваленную тряпками книжку. Она не посмела ее тронуть — это дело инспектора.

— Мистер Слокам! — Лидочка показала на книжку.

— Правильно! — воскликнул инспектор.

— Слава читал Рут Ренделл. Даже говорил мне, что ждет новый ее роман.

Слокам кивнул, двумя пальцами извлек книгу из тряпок и пролистал ее. Легкими лебедями из книги вылетели пятидесятифунтовые банкноты. Новенькие, только что из банка.

Слокам подхватил белую бумажку. На ней — Лидочка смогла разглядеть — были показаны расходы и получение денег в банке.

Прайд собрал банкноты.

— Мистер Кошко хранил деньги в любимой книжке, — сказал инспектор. — Только непонятно, почему они тоже оставили деньги в ней?

— А зачем менять такой хороший сейф? Им же не пришло в голову, что книжка может исчезнуть среди себе подобных...

— Когда есть подобные, — сказал Слокам. — В шкафу с английскими книгами ее не заметишь. В комнате Кошек она единственная.

Он передал книжку с купюрами помощнику, и Прайд, сверкнув зубами, спрятал ее в папку.

— Все пересчитать, — строго приказал Слокам.

Прайд поднял брови.

— Они знали, — сказал Слокам, — что Слава не вернется. Что он не ушел из дома, а погиб. Поэтому они начали конфискацию и не очень беспокоились о том, чтобы прятать вещи. Они уже чувствовали себя хозяевами.

— И все рассуждения об отъезде были ложью, — сказала Лидочка.

— Ну разве они могли уехать от такого земного счастья! — согласился Слокам. — Где деньги растут в книжках — только руку протяни. Я знаю, как буду с ними говорить...

Наверное, следователь не должен рассказывать свидетельнице о том, как намерен вести допрос, но Слокам рассуждал вслух.

— Я поговорю с ними о богатстве и бедности. Я заставлю их снова вдохнуть аромат больших денег, невиданных денег. Они же их так и не вкусили... По-человечески их жалко.

Он опять улыбнулся по-заячьи — очень большой, грузный молодой заяц. Инспектор огляделся и сказал:

— Не буду я тратить времени. Мне достаточно того, что есть. Но чтобы не оставалось и тени сомнения, мне нужен один штрих. Какой?

Слокам посмотрел на Прайда. Тот не знал. Инспектор обернулся к Лидочке.

— Не знаю, — честно призналась она.

— Что он спрятал на чердаке, — сказал Слокам. — Вы не покажете мне, где это произошло?

— Я не уверена. Там было темно, и я спряталась.

— Но по шуму вы поняли, в какой части чердака он возился?

— У вас есть сильный фонарь?

— Прайд, — Слокам обратился к сержанту, — возьмите фонарь и электрическую лампочку. Я полагаю, там просто перегорела лампа, и ее надо заменить.

— Но там вообще нет лампы! — возразила Лидочка. — Я не нашла выключателя. И Василий тоже обошелся без света.

— У нас в Лондоне, — назидательно сказал Слокам, — не бывает чердаков без света... В отличие от России.

Лидочке пришлось принять это заявление без возражений. Когда они поднялись на чердак, сержант Прайд, проявляя удивительную сноровку, уже вставлял новую лампу в патрон, а другой полицейский светил ему сильным фонарем.

Вспыхнул свет.

— Вон там, — сказала Лидочка, показав на коробку из-под телевизора.

Через три минуты Слокам извлек из нее пластиковый пакет, в котором были сложены различного рода ценные мелочи, завернутые в обрывки газеты «Краснодарский край».

— Теперь у меня достаточно материала для серьезного разговора, — удовлетворенно сказал Слокам.

Глава 29

Уезжая, инспектор спросил Лидочку:

— Вы не боитесь оставаться одна?

— Нет, кажется, нет.

— Не боитесь, что бандиты вернутся?

— Скажите, Мэттью, зачем им возвращаться?

— Чтобы взять вас в заложницы, — объяснил грузный зайчик.

— У моего мужа не найдется столько денег, чтобы меня выкупить.

— Они могут назначить скромный выкуп.

— Вы думаете, что они вернулись домой? — спросила Лидочка.

— Не могу сказать, — ответил Слокам. — Если бы я имел дело с англичанами или нигерийцами, то мог бы вычислить логику их поведения. У вас, русских, все не так, как у людей.

— А я думаю, что они улетели, — сказала Лидочка. — У них был резервный ход. Допустим, на поезде и на самолете из Манчестера.

— Ну вот, вы лучше меня все знаете. И я с вами согласен. Я убежден, что ваши неприятные знакомые — часть достаточно большой и серьезной организации, которая может позаботиться о своих членах.

— Но Алла не была профессиональной убийцей...

— Этого мы уже не узнаем, — сказал Слокам. — Мы отправляем фотографии и словесные портреты всех действующих лиц в Москву. Но не рассчитываем на то, что нам будет выражена формальная благодарность.

Лидочка вышла проводить инспектора. Остальные полицейские уже сидели в машине. Было темно. От фонарей, лучи

которых причудливо освещали большие цветы, веяло маленькой провинциальной сценой.

— А что будет с Кошками? — спросила Лидочка.

Слокам пожал плечами. Потом сказал:

— Если бы все действующие лица этой драмы были русскими, я бы не стал тратить сил понапрасну. Провел бы допросы и, если бы они не сознались, выслал бы всех подозреваемых из страны.

— Включая меня?

— Не знаю, — сказал инспектор. — Но формально вы для меня ничем не лучше остальных. Хоть вы и помогли мне. Спасибо.

— И что же вас останавливает?

— Неужели вы не поняли? Среди убитых есть английский гражданин, причем состоятельный английский гражданин и налогоплательщик. Мы должны охранять интересы наших субъектов. Тем более если они убиты.

— И что же?

— Никто не будет выслан в Россию. Я заставлю мистера и миссис Кошко сознаться. И не думаю, что это будет очень трудно. Мисс Кошко, вернее всего, возвратится домой и вступит в наследство. По достижении совершеннолетия. У нее есть взрослые родственники?

— Бабушка, мать Славы.

— Ей придется приехать сюда.

— Она давно собиралась... К тому же она — единственный близкий Иришке человек.

Слокам поклонился и направился к машине.

— Простите, Мэттью, — вслед ему спросила Лидочка, — а что же будет со мной?

— У меня нет оснований вас задерживать или высылать.

— Я хочу сегодня же переехать в гостиницу.

— Вы вольны это сделать — конечно, при условии, что оставите мне ваш новый адрес. Но я просил бы вас остаться еще на день-два.

— Зачем?

— Сегодня я отпущу мисс Кошко. Мне не хотелось бы, чтобы девочка вернулась в дом, где все случилось... Я знаю, что миссис Ричардсон готова принять Ирину, а дом будет опечатан. Но я не уверен, что мисс Кошко с ее характером за-

хочет жить у Ричардсонов, имея собственный дом... Хотя я могу ошибаться. В любом случае дождитесь ее.

Машина взвизгнула шинами и резко выскочила на проезжую часть. Так водитель демонстрировал свое нетерпение уехать подальше от этого проклятого русского дома.

Лидочка непроизвольно сделала несколько шагов следом за машиной и отошла от дома.

Она обернулась.

Дом смотрел на нее светящимися окнами.

Слева застекленная дверь — свет из коридора. Справа широкое окно в комнате Кошек, забранное тюлевыми занавесками. Сквозь тюль можно было угадать очертания предметов. Над окном Кошек светилось окно спальни Аллы. Полицейские оставили свет везде.

Вдруг Лидочке показалось, что за занавеской на втором этаже скользнула легкая тень.

Этого не могло быть. Но даже отсюда, с улицы, снова смотреть на это окно не хотелось.

И тут же Лидочка подумала, что в этом нет ничего невероятного.

Геннадий и Эдуард не смогли сегодня улететь из страны. Куда им деваться?

Они подождали в темном саду, пока полицейские не уедут. Потом вошли в дом, поднялись на второй этаж и затаились там.

Когда Лидочка возвратится в дом и запрет дверь, они спокойно войдут на кухню и кто-то из них скажет: «Лидок, ставь чай, пора ужинать». И ты ничего не сделаешь.

В лучшем случае они свяжут тебя и оставят до рассвета на полу, с лицом, замотанным скотчем. В худшем — они тебя ликвидируют, так спокойнее.

«Лидочка, — уговаривала она себя, — не сходи с ума. Это твои расшалившиеся нервы... Ну почему я отказалась от полицейского? Потому что, когда они еще ходили, шумели, собирались уезжать, в доме ничего плохого случиться не могло».

Но сейчас это другой дом. Он во власти живых привидений.

Лидочка сказала себе, надо войти внутрь, позвонить Саше Богородскому, сказать ему, что у нее есть для него бандероль от Андрея, и спросить, не оставит ли он ее ночевать.

Глупо — Саша не поймет. А тем более не поймет ее поступка его строгая жена. Нет, надо ехать в гостиницу. Запереть дом и ехать в гостиницу. Но для этого надо войти в дом, подняться к себе на второй этаж, собрать сумку, переодеться... А они уже там, стерегут ее!

Нет, на второй этаж Лидочка подняться не смела.

Она стояла, глядела на освещенные окна. Ничего в них больше не мелькало и не двигалось, но это не означало безопасности.

Ее укусил комар. За две недели в Лондоне ни одного комара не услышала, а тут укусил!

И вдруг из дома послышался звонок телефона.

— Ти-ту, ти-ту, ти-ту...

Телефон звонил чаще и тревожнее, чем в Москве.

Лидочка сделала несколько шагов, но остановилась на пороге, не в силах сделать последний шаг и войти в дом.

Телефон замолк. Лидочка остановилась. Ей хотелось, чтобы он зазвонил снова, но она представляла себе, как там, на втором этаже, затаились — пистолеты в руках — бандиты, ожидая, когда она войдет в дом, чтобы подкрасться сзади и захлопнуть дверь... И все!

Тут телефон зазвонил снова.

Он требовал, чтобы Лидочка вошла в дом. И после седьмого звонка она подчинилась.

Лидочка не стала закрывать за собой дверь, чтобы успеть выскочить из дома.

Она подняла трубку.

— Господи, я думала, что вы все перемерли! — Женский голос говорил по-русски. — Вроде бы вечер у вас, все дома должны быть. Это кто, Валентина?

— Нет, это Лидия. Лидия Кирилловна.

— Лидочка, тебя Марксина Ильинична беспокоит. Ты меня помнишь? Я бабушка Иришки.

«Господи, этого еще не хватало! Что я ей скажу?»

— Здравствуйте, Марксина Ильинична.

— А где Слава? Чего не подходит?

— Их с Иришкой нет дома, — сказала Лидочка часть правды.

— Жалость какая! А я, получается, зазря позвонила. Вы не представляете, Лидочка, как дорого стоят международные

разговоры. Это сплошное разорение! И хоть я скучаю по Иришке, но не могу себе позволить с ней разговаривать. Поэтому я вас попрошу, пускай Славик, как придет, позвонит мне.

— Может, ему что-то передать? — осторожно спросила Лидочка и тут же осеклась. Что ее тянуло за язык?

— Я тебе только в двух словах скажу — только в двух словах. У нас несчастье, просто не знаю, как подготовить Иришку, она такая эмоциональная. Так что, пожалуйста, ей ни слова. Пускай Славик ее подготовит. Нет больше с нами нашей Аллочки. Погибла наша Аллочка.

— Как погибла? — упавшим голосом спросила Лида. Она знала, что Марксина Ильинична скажет ей именно это, но все равно еще одна смерть после всех смертей... Это слишком.

— Значит, пускай мне Славик перезвонит. У вас погода хорошая? А у нас дожди, не представляете, какие дожди, всю неделю без перерыва.

— А как погибла... — Но Марксина Ильинична уже повесила трубку.

Лидочка стояла, опустив руку с зажатой в ней трубкой.

Никогда Славик не позвонит маме... И ей скоро предстоит лететь в Лондон... Где его будут хоронить? Может, ей надо уже собираться... «Что за чепуху я думаю, это же меня не касается. А кого касается?»

И тут Лидочка всей спиной почувствовала, как в дверь с улицы кто-то медленно и осторожно вошел.

Она сжалась, сгорбилась — или ей это только показалось?

Лидочка ожидала удара, все самые страшные страхи исполнялись.

— Миссис Лида, — сказал сзади робкий молодой голос.

Лидочка резко обернулась.

В дверях стоял Роберт Ричардсон. Худой, нескладный, умеренно прыщавый, хорошо воспитанный мальчик из английской во втором поколении семьи.

— Я вас не испугал? — спросил он.

— Нет, — сказала Лидочка. — То есть сначала испугал, а теперь, когда я вижу, что это ты, мне сразу стало легче.

— Я не могу дома сидеть, — сказал Роберт. — Мама разрешила мне пойти к вам. Она не все знает, мы с Иришкой ей

всего не говорили, потому что она бы страшно испугалась. Как вы думаете, Иришку они отпустят?

— Совершенно точно отпустят, — успокоила Роберта Лидочка.

— Я так обрадовался, что свет горит. Я боялся, что они дом запрут и в него до суда нельзя будет войти. Я решил — буду на улице ждать. Хоть всю ночь.

— Спасибо тебе, — сказала Лидочка. — Ты — молодец. Инспектор Слокам сказал, что отпустит Иришку уже сегодня. И ее привезут домой. Поэтому я здесь и осталась. Кофе хочешь?

— Очень хочу, — признался Роберт.

— Тогда закрывай дверь.

Роберт закрыл дверь. Лидочка прошла в столовую. На круглом столе стояли пустые чашки. Остались еще от Кошек.

Лидочка включила газ и поняла, что дом ожил. Перестал быть страшным.

— Я скажу тебе, только ты не смейся, — обернулась Лидочка к Роберту. — Я боялась в дом войти. А вдруг там наверху...

— Привидения? — подсказал Роберт.

— Нет, бандиты.

— Ну, они не такие глупые.

— А чем этот дом для них хуже любого другого места?

— Наверное, вы правы. Мне хорошо рассуждать, я в стороне. А правда, что это вы трупы нашли?

— Да, к сожалению, это я.

— Наверное, это страшно!

— Не знаю, страшно ли, но очень неприятно.

— Так не бывает, — сказал Роберт. — А их убили бандиты?

— Вернее всего, мистера Кошко и ту женщину...

— Говорите, пожалуйста, Иришка не имеет от меня тайн.

— Вернее всего, их убили Василий и Валентина.

— Нет, этого быть не может! Они совершенно безвредные.

— Они очень жадные. Это их главное качество.

— Их арестовали?

— Они в Скотленд-Ярде. Они хотели получить наследство. И боялись, что все отнимут бандиты.

Роберт присел за стол.

— Мне надо подумать, — сказал он. — Это все слишком неожиданно. А Иришка знает?

— Наверное, ей скажут. Ты посиди здесь, посмотри за чайником. А я поднимусь на минутку наверх.

Лидочка думала, что ей будет совсем не страшно. Но оказалось, что все-таки страшно. Наверху было пусто, гулко, будто оттуда увезли всю мебель. Лидочка заставила себя по очереди заглянуть во все комнаты: к себе, к Иришке и к Алле.

Никаких следов бандитов не было.

Лидочка пошла в ванную помыть руки — она чувствовала себя нечистой.

Потом она спустилась в столовую.

Роберт стал рассказывать о том, как он был в Гэтвике и как они с полицейскими обходили аэропорт в поисках бандитов. И потом их даже пустили к самолетам. Роберт стоял на летном поле возле трапа, по которому поднимались пассажиры, а рядом стояли двое полицейских, как в настоящем триллере. Он должен был опознать преступников. Как жалко, что они не попались! А потом он узнал, что Иришку увезли в Ярд. Почему она не возвращается?

— Думаю, что у нее будет что-то вроде очной ставки с ее родственниками.

— Нет, — твердо заявил Роберт. — У нас так не бывает. Иришке нет шестнадцати. Она несовершеннолетняя, ее не могут допрашивать поздно вечером. Совершенно исключено.

— Значит, она скоро приедет.

Снова зазвонил телефон. На этот раз Лидочка уже не боялась.

Звонил Андрей, ее муж. Он ничего не знал, и ему не надо было знать. А то он примчится в Лондон спасать свою Лидию. Но Лидочку обрадовал этот звонок — он был обычным сигналом из нормального мира.

Когда Лидочка возвратилась в столовую и они стали пить кофе с сухим печеньем, Роберт сказал:

— Надо будет вам с Иришкой нормально питаться. А то у них тут какой-то сумасшедший дом. Хорошо еще моя мама иногда кормила Иришку.

— Наверное, скоро приедет ее бабушка, — сказала Лидочка.

Тут они услышали, что к дому подъехала машина.

Машина взвизгнула тормозами и шуршнула шинами — конечно, это были полицейские. Во всех странах мира они ездят немного более рискованно, чем обычные водители.

Вошла Иришка. Она улыбалась.

За Иришкой шел молодой полицейский.

— Я могу быть спокоен за судьбу и здоровье мисс Кошко? — строго спросил он.

— Совершенно! — успокоила стража порядка Лидочка.

— Спасибо, Джонни, — сказала Иришка и тут же, забыв о нем, кинулась к Лидочке.

Не к Роберту — ведь она еще была девочкой, — а к взрослой тете, которая должна была заменить ушедший мир и защитить ее от страшных призраков.

Лидочка прижала ее к себе и гладила по мягким, теплым волосам.

— Какое счастье, что вы не уехали, — сказала Иришка.

— Давай с нами кофе пить, — сказала Лидочка. — Ты не боишься наверх идти?

— Нет, не боюсь, — улыбнулась Иришка. — Я, честно говоря, устала бояться.

Пока они пили кофе, Лидочка не стала говорить о звонке Марксины Ильиничны.

Разговор был странным. Иногда он вспыхивал, когда Иришка с Робертом по-детски вспоминали, как они ловили бандитов в аэропортах или как Иришка была в Скотленд-Ярде. Потом, когда все спохватывались, что сидят в доме, два обитателя которого погибли, а двое упрятаны в английскую тюрьму, разговор умирал, и становилось неловко говорить громко или улыбаться.

Потом Иришка вдруг сказала, что хочет спать.

Роберт предложил остаться в доме, но Иришка его выгнала — твоя мама с ума сойдет, в каком ты доме! Ведь уже завтра они обо всем узнают, и в газетах обо мне напишут. Это ужасно!

— Мы запремся, — успокоила юношу Лидочка.

Пока Иришка провожала Роберта, снова зазвонил телефон. На этот раз звонил Мэттью Слокам.

— Доехала ли мисс Ирина?

— Да, все в порядке!

— Вам не страшно?

— Мы постараемся пережить...

— Я не отказываюсь от своего предложения прислать к вам полицейского.

— Пускай он спит дома.

— Тогда спокойной ночи.

— Вы разговаривали с Кошками?

— Пускай они переночуют в камерах. Причем отдельно. Начнется рабочий день, мы начнем разговор. Надо соблюдать трудовое законодательство. Что еще у вас нового?

— Звонила бабушка Ирины, — сказала Лидочка, глядя, как Иришка запирает входную дверь на засов и поворачивает ключ.

— Вы ей сказали, что произошло?

— Я ничего не смогла ей сказать. Я испугалась.

— Она не сказала, жива ли настоящая мать девочки?

— Сказала.

— Понимаю. Вы не готовы произнести это вслух. Тогда я сам спрошу: ее убили?

— Да, но я не знаю подробностей.

Иришка обернулась. Она поняла, о чем Слокам спрашивал Лидочку.

Девочка заплакала. Сквозь слезы она сказала, что уже знала, что ее мамы нет. Конечно, они ее убили. И потом стала ругать Лидочку за то, что она сама не сказала бабушке о смерти отца и аресте краснодарских Кошек. Ведь все равно бабушка прилетит сюда. А из-за Лидочкиной трусости Иришке придется с утра звонить в Москву и рассказывать бабушке страшные новости.

Потом, наплакавшись вдоволь, Иришка сказала, что будет спать только с Лидочкой.

Они уснули, обнявшись, на Лидочкиной кровати. Ночью Иришка плакала, вскрикивала, вертелась, совсем не давала Лидочке спать — а спать той хотелось смертельно. Будь другой день и другие события, она бы выгнала Иришку из кровати.

Глава 30

Утром они встали рано. Солнце было безжалостно ярким. Все в доме напоминало о трагических событиях — от ножей (без самого большого), что висели над кухонным столом, до раззора в комнате Кошек, пятен крови в спальне Аллы, брошенного на диване Славы одеяла. Даже открытая дверца в садовом сарайчике вызывала желание ее захлопнуть. Иришка долго стояла под душем, потом вышла — голова замотана полотенцем — и решительно сказала:

— Я пойду звонить бабушке. Чем скорее она приедет, тем лучше.

— Я тебе нужна? — спросила Лидочка.

— Пока бабушка не приедет, вы никуда отсюда не двинетесь, — решительно заявила Иришка. За ночь она повзрослела на несколько лет. У нее началась новая жизнь, в которой она будет распоряжаться людьми и не даст никому командовать собой.

Иришка набрала московский номер. Лидочка поняла, что не хочет слышать разговора. Она ушла на кухню и принялась мыть посуду. Она не спешила. Иришка вошла минут через пять.

— Можете закрыть воду, — сказала она, не скрывая иронии. — Бабушка приедет. Она вылетает завтра, если достанет билет. Пожалуйста, сходите на почту, отправьте ей телеграмму о смерти папы. Для билетов и визы. И позвоните Слокаму, узнайте, не нужно ли извещение из Скотленд-Ярда.

— Как она приняла смерть Славы?

— Она в ужасе, — сказала Иришка. — Неужели это могло случиться в Англии? Значит, нигде нет порядка. У нее в голове нет деления на события важные и не важные. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Ты спросила о своей маме?

— Ее нашли под Москвой, ее сбила машина. В общем, вы приедете в Москву и все узнаете. Все равно виноватых не найдут. Я продам дом, а деньги проиграю в рулетку.

— Тебе надо встретиться с Питером, вашим адвокатом, — сказала Лидочка.

И тут снова зазвонил телефон. Это был инспектор Слокам.

— Мистер Кошко дает искренние показания, — сказал он, поздоровавшись. — А миссис Кошко показания давать отказывается. Не правда ли, это забавно? Что же случилось с настоящей миссис Кошко?

— Звонили из Москвы, — сказала Лидочка. — Мать Ирины убита. Формально погибла в автомобильной катастрофе.

— Мерзавцы! — сказал Слокам. — Передайте девочке мои соболезнования. Это больше, чем может выдержать человек.

— Вы правы, — согласилась Лидочка.

— Кстати, — сказал инспектор, — в Манчестере при посадке в самолет задержаны два джентльмена, которые подходят под описание бандитов. У них были словацкие паспорта. Оба заключены под стражу. Пока им предъявлено обвинение в незаконном проникновении в страну и попытку выехать по подложным документам.

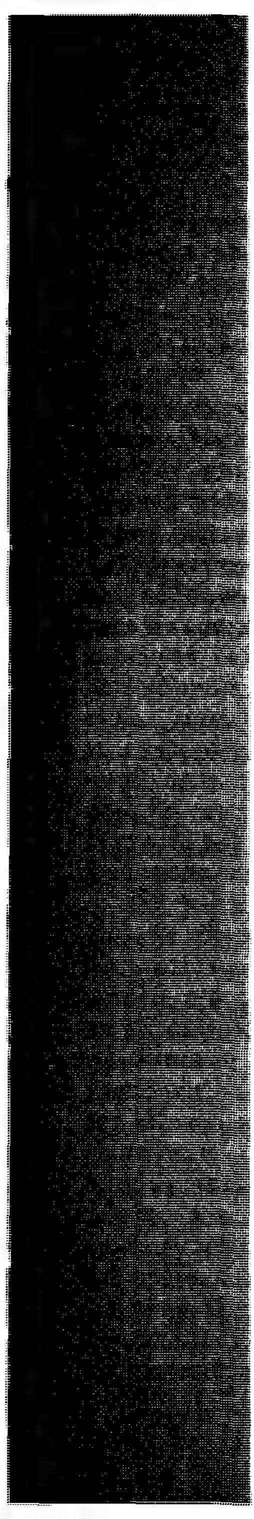
— Но их не отпустят под залог?

— Мы постараемся, чтобы их не отпустили. Я сделаю все, от меня зависящее. Я очень надеюсь, что банда, которая все это организовала, понесла большие потери и обожглась на случае с Кошко. Вам с Ириной придется дать показания по поводу этих джентльменов и опознать их. Вам страшно?

— Нет, — сказала Лидочка. — Мне не страшно. Я их ненавижу.

Иришка слышала разговор и откликнулась от двери:

— Мне тоже не страшно. Так и скажите. И скажите, что *они сильные, пока мы их боимся.*

КУПИДОН ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ

Вдруг его охватило нетерпение, суматошная, нервная спешка. Надо было скорее, скорее все сделать, пока никто не заметил, никто не пришел. Вряд ли кто мог прийти сюда, в дачный поселок, в ноябре, на рассвете... Пусто, последние бурые листья, пропитанные водой, собираются кучками в углублениях почвы и чавкают под ногами. Грязно, земля тяжелая, небо свинцовое, из всех птиц осталась одна ворона, уселась на сосне, ей бы спать, чего неймется? Ворона раза два каркнула, склонив голову. Сейчас бы выстрелить в нее, и дело с концом. И хоть у него отродясь не было пистолета или ружья, он вдруг испугался собственного желания, как будто уже был готов к выстрелу — представил, какой гулкий получится шум, как покатится эхо выстрела над дачным поселком, до самой станции и обязательно вызовет там тревогу. И кто-то уже прибежит сюда посмотреть, на какой даче остались люди, кто стрелял, кого убили?

Он бегом вернулся в сырой нетопленный дом. Он очень спешил, главное было успеть, пока не рассвело совсем, пока по дороге кто-нибудь не прошел или не проехал — кусты облетели, и теперь с дороги весь участок просматривается как на ладони. Когда глаза привыкли к полутьме, он забрал с тумбочки ее коробку для шитья — нитки, иголки, какие-то тряпочки, — потом у зеркала увидел початый флакончик духов «Красная Москва», схватил и его, еще попалась чашка с розочками — почему надо было брать и чашку, он не смог себе объяснить, но чашка имела отношение к жене, чашка свидетельствовала о ее существовании. Предметы, которые раньше были незаметны, растворялись в комнате и на кухне, сейчас прямо лезли в глаза, отовсюду, из каждого угла кричали о его жене. И для того чтобы она исчезла окончательно, навсегда, для всех, для любопытного глаза, надо стереть ее следы до последнего.

Все разом было не унести, но он догадался, разложил на полу ее старый халат, тот, который с лиловыми ирисами, покидал на него вещи. Затем, обозрев кучу добра, зачем-то принес из кухни любимую кастрюлю жены. С минуту стоял, разглядывая ее, потом поспешил обратно, поставил ее снова на полку — таких кастрюль в мире миллион. Тут вдруг вспомнил — полез под кровать. Так и есть, там остался старый чемодан с барахлом, туфлями жены, которые вышли из моды, и кофтой еще довоенных времен. Из чемодана несло нафталином, и сквозь этот запах пробивался запах жены — ее волос, духов, — такой знакомый, он даже отпрянул от чемодана и оглянулся. Ему показалось, что он услышал вздох жены, как бывало, когда она ночью вдруг вздыхала, говорила что-то неразборчиво и переворачивалась на другой бок. Он вскочил, обернулся... Медленно, от ветра, закрывалась дверь.

— Нет тебя. Нет тебя совсем, — сказал он тихо, а получилось громко, гулко, потому что комната уже стала нежилой.

Он связал барахло рукавами халата, потащил к двери. На пороге остановился, посмотрел, нет ли кого на дороге. Холодный туман подбирался к штакетнику, хорошему, ровному, прямому; сам еще летом вкопал новые столбы, а она тогда сидела на веранде, перебирала клубнику, у нее были очень белые руки (никогда не загорала), темно-рыжие волосы и веснушки на переносице. Она была не толстой, но со временем обязательно бы располнела. И странно: к ней как-то приезжала сестра из деревни, маленькая, смуглая, будто из другого племени.

Дорога была пустая. Собирался дождь, и, наверное, от этого никак не светлело. Он поволок узел по тропинке, к сараю. Стало очень жарко, словно взбирался на гору.

У старого, заброшенного колодца, из которого давным-давно ушла вода и который он все собирался расчистить, да не было денег, чтобы нанять мастера, а сам не мог, он остановился. Потом поднял узел на сруб — только два бревна над травой — и толкнул. Узел послушно скользнул вниз, упал на мягкое, недалеко, метрах в двух, что-то в нем звякнуло, наверное, вилки. Он вытер о пиджак потные ладони.

Надо спешить, спешить... еще столько работы осталось. А в любой момент кто-то может появиться. Ну, хотя бы на соседней даче. Они, правда, не приезжали уже недели две, но

чем черт не шутит... Он побежал в сарай, отыскал в куче хлама лопату. А лома не было. Вспомнил, что видел лом у крыльца. Он бросил лопату, поспешил к дому. Лом стоял у стены. А топор? Топор в комнате. Он вернулся в дом, часто дыша и не имея времени перевести дух, у дверей поднял с пола топор, еще раз огляделся — увидел на столе шкатулку с ее письмами и всякими бумажками, подхватил ее, побежал обратно, от двери кинул взгляд на комнату, будто уже не смог бы вернуться сюда вновь, — на стуле лежала ее шляпка без полей, она носила ее набекрень. Вернулся, взял и шляпку...

Он расшатывал, разваливал ломом бревна. Бревна сруба были старыми, кое-где подгнили, но держались крепко, скрип стоял на весь поселок, наконец одно бревно поддалось, отвалилось в сторону, он выпрямился, и тут его кто-то спросил, совсем рядом:

— Помочь, может, хозяин?

— Что? — И сразу наступило спокойствие. Все погибло... Подсознательно он ждал этого голоса. Лучше было поджечь дачу и бежать — бежать без оглядки.

Он заставил себя обернуться.

У забора, облокотившись на низкий штакетник, стоял молодой мужчина в ватнике поверх гимнастерки, на гимнастерке видны две полоски, за ранения. А на дороге — удивительно, неужели он мог этого не услышать, — «Студебеккер».

Он с трудом заставил себя говорить.

— Не надо, — сказал он. — Я сам...

— А чего трудишься?

— Колодец, — сказал он. — Видишь, колодец совсем старый. Воды нет. Я здесь огород сделаю.

— Огород?

Под сосной у сарая место для огорода неподходящее, с первого взгляда видно.

— Я выкорчую, — сказал он, — выкорчую, понимаешь?

— Дело твое, а то бы я тебе все это быстро организовал, — сказал демобилизованный. — Не хочешь?

— Спасибо, не надо. Спасибо.

— Ну как знаешь. А ты мне тогда скажи, как на Пушкино выехать?

— На Пушкино?

Он положил на землю лом и пошел к забору, стараясь за-

крыть собой колодец, хотя в колодец заглянуть от забора было нельзя — далеко все-таки.

— Через километр, — сказал он и откашлялся, — будет поворот направо...

Шофер слушал его, кивал, а сам смотрел почему-то ему через плечо, на колодец. «Что я там забыл? Что он там видит?»

— Смотри, — сказал шофер, — твоя баба шляпу и шкатулку забыла. Дождем промочит.

— Это старые, ненужные, я выброшу, — сказал он быстро, не оборачиваясь.

— Может, мне тогда отдашь, а?

— Нет, — сказал он быстро. — Нельзя.

— Я заплачу.

— Нет.

— Ды ты не психуй, — сказал шофер. — Не хочешь — не надо. Подавись своим добром.

Он пошел к «Студебеккеру», забрался в кабину, дал газ, и грузовик, покачиваясь, как корабль, поплыл с ревом по проселочной дороге.

Как же он мог не услышать, что подъехала машина?

Он побежал к колодцу и первым делом кинул туда шляпу и шкатулку с бумагами. Тут же испугался, не остался ли в шкатулке паспорт жены. Поэтому, прежде чем продолжить разрушение колодца, сбегал домой, убедился, что паспорт спрятан там, только потом вернулся к колодцу, докончил его разрушение, скинул бревна и начал рыть яму неподалеку, чтобы той землей засыпать колодец...

* * *

В дверь позвонили.

В этот момент Лидочка проявляла, вернее, сидела на полу в ванной и заряжала в бачок широкую пленку. Было девять вечера, середина сентября, дома никого — Андрей в Средней Азии. Лидочка крикнула:

— Сейчас!

Хотя знала, что за дверью не услышат.

Пленка, как назло, не влезала в бачок. Лидочка молча прокляла судьбу, положила пленку на пол, вышла из ванной и, не зажигая света в коридоре, отворила дверь.

Там стояла маленького роста смуглая бабушка в похожем на шинельку пальто, в черном с красными цветами платке, с большой голубой сумкой «Олимпиада-80» через плечо и чемоданом в руке. У бабушки были темные, въедливые глаза и губы в ниточку.

— Долго не открываешь, — сказала бабушка сердито. — Что ж я, всю ночь на лестнице стоять буду?

— Вам кого? — спросила Лидочка, щурясь от яркого, после темной ванной, света на лестничной площадке.

— Погодите, — сказала бабка. — Проверим. Ты только меня на лестнице не держи, в дом пригласи, окажи внимание пожилому ветерану труда. Я тебя не съем, не обворую, у меня паспорт есть...

Лидочке ничего не оставалось, как покорно отступить в коридор.

— Свет зажги, — сказала бабушка. — Я без свету ничего не разберу.

Лидочка прикинула, насколько опасен свет для пленки, оставшейся на полу ванной. Потом решила, что свет туда не проникнет.

Бабушка прошла на кухню, не спеша развязала платок, сбросила его на плечи, сказала:

— Жарко у тебя, затопили уж, что ли?

— Затопили. — Лидочка вдруг почувствовала себя виноватой за то, что затопили раньше времени.

— А фортку чего не открываешь? — спросила бабушка. — У тебя микробы размножаются.

Пока Лидочка послушно открывала форточку на кухне, бабка поставила на стул сумку, прислонила к стулу чемодан, сама же уселась на стол, вытащила из складок плаща бумажник из кожи под крокодила, а из него — листок. Долго искала очки, а Лидочка стояла над ней и думала, что если надо будет поить бабушку чаем, а все идет к этому, то печенья почти не осталось, и надо открывать последнюю банку малинового варенья. Сейчас бабушка зачитает листок, и из него обнаружится, что она — отдаленная, но некогда любимая родственница Андрюши Берестова. И что таковая решила навеки здесь поселиться, так как ее родное село переоборудуют в водохранилище.

— Точно, — изрекла наконец бабушка. — Я своей памяти уже не доверяю, все записываю, хотя в этой квартире бывала.

— А я вас не помню, — посмела начать сопротивление Лидочка.

— Куда тебе, — согласилась бабушка. — Это Средний Тишинский?

— А что?

— Не тяни, отвечай, не задумывайся.

— Средний Тишинский.

— Дом сорок два, квартира двадцать?

— Правильно. — Надежда на то, что бабушка ошиблась квартирой, испарилась.

— Тогда ты мне скажи. — Бабушка вперила взгляд увеличенных сильными линзами выцветших глаз в лицо Лидочке. — Ты мне скажн, что могло случиться с Верой?

— С кем?

— С моей младшей сестрой Верой. Тысяча девятьсот двадцать первого года рождения.

— Никогда не слышала! — Но Лидочка испытала облегчение, потому что бабушка наверняка не была родственницей ее мужа и по крайней мере не претендовала на угол.

— Вот именно, — сказала бабушка. — Так мне все говорят.

— Может, вам чаю поставить?

Лидочка не смогла скрыть облегчения в голосе. Бабушка его уловила.

— Сделай, сделай, — согласилась она. — Ты меня не бойся, я тебя обо всем расспрошу, переведу дух, а потом обратно поеду. У меня других дел нет. Где у тебя удобства, покажи.

С каждой минутой бабушка все более вживалась в квартиру. Она демонстрировала чувство собственного достоинства, была естественна и дружелюбна настолько, что Лидочке начинало казаться: не она ли сама вторглась в чужой дом и намерена здесь навеки поселиться.

Лидочка покорно проводила бабушку до ванной, зажгла ей свет, потом прошла на кухню поставить чайник и услышала бабушкин голос.

— Ты чего фотографическую ленту на полу раскидываешь? Чтобы я наступила, да? А если я поскользнусь и шейку бедра переломлю — ты ж по больницам со мной намаешься!

— Господи! — воскликнула Лидочка и с чайников в руке бросилась в ванную. Эта пленка была плодом трех часов работы, трех часов под мелким дождем — Лидочка промокла, долго выслеживала кошку, которая вывела котят в разросшемся за домом кустарнике.

Бабушка встретила ее в дверях, брезгливо, как раздавленную гадюку, держа пленку за хвост. Пленка была безнадежно засвечена.

А бабушка немного, из вежливости, посокрушалась. Потом с удовольствием пила чай, не скрывая своего намерения переночевать. Оказалось, что зовут ее Любовью Семеновной и разыскивает она свою младшую сестренку Верочку, десятью годами ее моложе. Верочка, как выяснилось, жила когда-то, сразу после войны, в этой квартире со своим мужем. Тогда квартира была коммунальной. Три комнаты — три семьи. Мужа звали Купидоном. Это прозвище, как поняла Лидочка, было дано ему за малый рост, пухлость щек и общую подвижность. Сестры расстались в войну. Вера пошла на фронт медсестрой, там познакомилась и сошлась с Купидоном — он же Иван Макарыч Спесивцев, который состоял в том же госпитале при хозяйственной части, — и в сорок четвертом вышла за него замуж, но не по любви, а чтобы не быть боевой подругой. Как война кончилась, Купидон начал служить в Москве, они поселились в этой квартире, занимали в ней светлую комнату, напротив кухни, потом купили маленькую дачу. Неплохо жили. Любовь Семеновна приезжала к ним сюда в сорок седьмом, дорога неблизкая, а потом сестры что-то поссорились, даже трудно вспомнить почему. Вера была несчастлива с Купидоном, все грозилась бросить его, но не решалась, а он страшно ревновал и даже как-то чуть не убил из ревности. Еще бы, ему уже было за сорок, а Верочке, красавице, как березка молодая, меньше тридцати. После ссоры сестры и переписываться перестали. А годы тем временем неслись, щелкали, и набежало около сорока. Лет десять назад написала Любовь Семеновна своей сестре письмо, потом, в восьмидесятом, — поздравление с Первым мая, но ни ответа, ни привета. Решила, что та все сердится, хоть пора и забыть, — чего не бывает между родными! Но недавно Любовь Семеновна начала беспокоиться. Хоть не были сестры близки, к старости человек начинает искать родные души. И вот

результат: Любовь Семеновна вышла на пенсию и поехала в Москву, поглядеть на сестру. А где она — одному Богу известно...

Старуха разбудила Лидочку на рассвете. Она встала до первых петухов и начала артиллерийскую подготовку — загремела на кухне посудой, готовила поесть.

— Вставай, Лидия, — крикнула она из кухни, — проспишь! Тебе на улицу иттить!

— Зачем? — спросила Лидия, не раскрывая глаз.

— Как так зачем? Кошку из аппарата щелкать, пленку-то ты вчера загубила, я, что ли, за тебя буду ползать по грязи, животных обнимать?

«Ну зачем я вчера откровенничала! И почему эта бабушка у меня живет?»

— Не пойду, — сказала Лидочка. — Черт с ней, с кошкой, дождик на улице.

— Ну, как знаешь. Тогда звони, как собиралась.

— Рано еще, все спят, семь часов.

— Спять, спять... Когда же они дело делают?

Бабка все знала, все понимала, но была актрисой, хитрила, переигрывала свою роль деревенской старушонки, ей эта роль нравилась, ведь нечасто удается получить бенефис на московской сцене.

До половины девятого Лидочка кое-как сопротивлялась бабушкиному напору. Затем принялась вспоминать, кто жил в Вериной комнате, когда сюда сменивались Берестовы. Странно, прошло всего семь лет, как Лидочка въехала в эту квартиру, а она уже забыла или, вернее, почти совсем забыла людей, которые жили здесь раньше.

Пока Лидочка разыскивала старую записную книжку, в которой должен быть телефон тех самых Свиницких, которые семь лет назад занимали комнату Купидона, бабушка ходила за Лидой хвостиком и сомневалась:

— А может, она не здесь жила? Тогда ведь иначе было — вот здесь в коридоре велосипед стоял. Ты велосипед помнишь?

— Не было велосипеда, Любовь Семеновна.

— А сундук был?

— И сундука не было. Поймите же, Любовь Семеновна, ваша сестра жила здесь почти сорок лет назад. Наверняка за это время сменилось не одно поколение жильцов.

— Так ты звони, Лида, не отвлекайся.

Наконец Лидочка отыскала книжку и в ней — телефонный номер Свиницких. Тогда, семь лет назад, обмен был сложным, так что находка телефона Свиницких была счастливой случайностью. Видно, Лидочке так хотелось избавиться от бабушки, что даже вещи кинулись ей на подмогу.

— Слушаю, — раздался в трубке сонный мужской голос.

— Простите, я вас не разбудила? — спросила Лидочка.

— Я все равно собирался вставать, — уклончиво ответил голос.

Лидочка вздохнула и продолжала, чувствуя себя убийцей:

— Вы меня, наверное, не помните, но семь лет назад мы с вами обменялись... Вы жили раньше в Среднем Тишинском?

— Калерия! — Голос зазвучал глуше. — Тебя бывшие обменщики требуют.

В трубке щелкнуло. Видно, мужчина положил ее.

— Не желают признаваться? — спросила баба Люба. — Сами задевали Верку, а сами...

— Сомневаюсь, что они в чем-то виноваты.

В трубке возник другой, показавшийся отдаленно знакомый голос. Оказывается, за семь лет память о нем не совсем выветрилась.

— Меня зовут Лидия Кирилловна... — начала Лидочка, но тут же голос в трубке ее перебил:

— Как же, как же... неужели не помним? Мы вас помним. Вы еще нашу люстру себе оставили. Ну как она, светит? — словно речь шла об отданной на воспитание девице.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Люстра в порядке. А я хотела узнать, известно ли вам такое имя...

— Вера Семеновна Спесивцева, — подсказала бабушка Люба. — А то мы Тяжные.

— Боря! — раздалось в трубке. — Ты знал Спесивцеву? Она жена режиссера, да?

— Нет, она жила в вашей комнате после войны.

— Боря, ты помнишь, кто жил у нас после войны?.. Вообще-то он не может знать, потому что сначала я сюда прописалась, а потом он. Он три года никак не решался оставить свою Милочку. Ну ладно, два, это уже теперь неважно. Я ту комнату в шестьдесят третьем получила и буквально три года жила одна, не зная, что со мной случится завтра, вы представляете...

— Значит, Веру Семеновну вы не помните?

...Потом Лидочка дозвонилась и до других жильцов, до тех, кто занимал до обмена большую комнату. Они тоже не смогли припомнить ни Веру, ни ее мужа. У третьих телефона не было.

— Значит, не живая, — уверенно, даже с каким-то облегчением сказала бабушка Люба. — Иначе бы весточку подала. Ну как можно родной сестре весточку не подать?

— Хорошо, — сказала Лидочка, которая не любила оставлять дела недоделанными. — Пошли в ЖЭК.

В домоуправлении, хоть там Лидию Кирилловну знали, добыть какие-нибудь сведения оказалось нелегко. Старые домовые книги уже ушли в архив, а в тех, что велись с шестидесятых годов, никаких следов Спесивцевых не оказалось.

Бабушка Люба робела в домоуправлении перед накрашенными девочками, дергала Лидочку за рукав и шипела:

— Ну пошли, что ли? Бог дал, бог взял, понятное дело.

— Давайте подумаем, — сказала Лидочка учительским голосом паспортистке Шурочке. — Бесследно человек исчезнуть не мог. Прежде чем поднимать дела в архиве, поглядим, нет ли другого пути, более простого.

— Угу, — сказала Шурочка, разворачивая бутерброд. — Я тут сама новенькая.

— К тете Соне сходите, — сказала другая паспортистка. — Если она не знает, никто не знает. Сколько лет прошло, можно сказать, с дореволюции она здесь была.

Тетя Соня, которая проработала в домоуправлении всю жизнь, отыскалась на лавочке у третьего подъезда. Делать тете Соне было нечего, а память у нее была уникальная, если бы не жизненные обстоятельства, быть ей математическим академиком. Лидочка подсела к ней, знаком велела сделать то же бабе Любе и тут же напустила приезжую бабушку на местную. Сама только слушала. Со стороны, наверное, выглядело это идиллически: две бабушки и женщина бальзаковского возраста сидят на лавочке, поглядывают на детишек, которые резвятся неподалеку. На самом же деле шло расследование давнишней тайны — исчезновения семьи Спесивцевых, в первую очередь гражданки Спесивцевой, в промежутке между 1947-м и 1949 годами.

И, разумеется, тетя Соня все вспомнила.

— Знаю, — сказала она. — Уехали.

— Вы уверены в этом? — спросила Лидочка.

— Как в твоем, Лидия Кирилловна, существовании, — сказала тетя Соня. — Мне надо только глаза закрыть, как книжку перелистать, и я вижу картинку.

— Ну и как? — спросила баба Люба. — Как тебе моя сестра?

— Сейчас-то она, наверное, женщина пожилая, — сказала Соня. — Преклонных лет. А тогда была видная баба.

— Настоящая красавица, — сказала бабушка Люба. — Я на нее совсем не похожа.

— Нет, ты не похожая, — согласилась тетя Соня. — Ты мелкая будешь и смуглая кожей. Нет, совсем непохожая. Та лучше была. Волосы рыжие, лицом белая, ну королева!

— Значит, уехала? — спросила Лидочка. — Может, вы помните, когда, куда?

— Знаю! Как же не знать. Он ко мне с паспортами пришел. Я как раз закрываться хотела, домой спешила, осенью это было, дай бог памяти, думаю, что в сорок восьмом. Вот, говорит, уезжаем на юг, в теплые края, нужен, говорит, для моей Верочки теплый воздух, а то у нее легкие слабые. Как сейчас помню — странно это было.

— Что странно? — спросила Лидочка.

— Я бы и не запомнила. Даже с моей памятью. Мало ли кто уезжает и приезжает — у нас было шесть больших домов, а сейчас и еще больше. И прожили они не то чтобы долго. Года два, три, не больше. Я ее замечала за красоту, а его и не замечала, но когда с паспортами пришел выписываться, я в него вгляделась, потому что странно мне стало, чем такой колобок такую кралю охмурил.

— Вот я ей и говорила, — вставила бабушка Люба. — Чего ты в нем нашла? А она мне: «Убежала бы, да не пускает. Он меня живой не выпустит». Такой вот крокодил.

— А впечатление производил мирное, бухгалтерское, — ответила тетя Соня. — У нас такой бухгалтер раньше был, Иван Иванович, не помнишь, Лидия Кирилловна? Да нет, куда тебе — ты у нас только седьмой год живешь. Но я тогда к нему пригляделась — думаю, вот бывает любовь, воистину, что козла полюбишь. И вроде он не так чтобы богатый или жулик. Не производил впечатления.

— Нет, не производил, — сказала бабушка Люба. — Но по

сравнению с нашей жизнью он очень даже был состоятельный. Я когда в поселке рассказывала, некоторые Верке очень завидовали.

— Я не завидовала...

— Так что же вам странным показалось? — снова спросила Лидочка.

— Еще бы не странное. Кто же из Москвы добровольно в сорок восьмом уезжал — комнату отдавал, все бросал и уезжал?

— Так он не поменялся?

— Нет, сказал мне, что уезжает климат искать для своей супруги. Там, говорит, найдет, что купить. Дачу, говорит, продал. Дача у него была, понимаешь? Под Москвой. Продал он ее, а комнату просто отдал. Выписался и пошел куда глаза глядят.

Тетя Соня тяжко вздохнула. В тон ей вздохнула баба Люба.

— А ее вы не видели? — спросила Лидочка.

— Ее не видала. Может, она раньше уехала. Он как вещи на машину загрузил, ночью грузился, немного вещей было, я что-то у окна стояла, воздухом дышала, вот и увидела.

Лидочка подумала, что стояла тетя Соня у окна не случайно. Ее одолевало любопытство.

Тетя Соня вынула из кармана кожаной куртки платочек и стала протирать очки. Листва вокруг была еще зеленой, но кое-где пожухла. Тетя Соня продолжала:

— Наверное, она раньше его уехала. А может, он мне сам так сказал, что она раньше уехала, не помню я...

— И не сказал, в какой город? Ведь если вещи вывозил в машине, вернее всего, уже знал, куда едет.

— Может, и сказал... Вернее всего, сказал. В те времена у нас с перемещением лиц было строго. Врать бы не стал.

Но тетя Соня не вспомнила, в какой город уехали Спесивцевы.

Когда они с бабушкой Любой вернулись домой, Лидочка хотела было продолжать поиски — она любила сам процесс поисков, будь то забытая цитата или старинное преступление, вычитанное у историка Соловьева. Она любила ясность, а ясность подразумевает результат поисков.

Но бабушка Люба вдруг скисла.

— Нет ее, — сказала она твердо. — Сердце мое уверено, что нету. Умерла. Или он ее загубил, или сама умерла. Только

никогда у нее не было такого со здоровьем, чтобы на юг ехать. Неужели за год, как я ее не видела... бывает?

— Бывает, — согласилась Лидочка. — Все-таки мы можем обратиться в милицию, там же есть бюро по розыску.

— Нет, — сказала бабушка Люба твердо. — Если она живая, то должна мне написать — я-то свой адрес не меняла. Не написала, значит, нет ее. Или не хочет. Так что я домой поехала. Спасибо за все, Лида, буду в гости ждать. Приедешь? У нас молочко хорошее, как сливки. И воздух теплый, даже зимой теплый, изнутри в нем теплота. У меня хлебозавод рядом, очень аромат полезный.

И бабушка Люба уехала, оставив Лидию Кирилловну в неприятном ощущении недоделанного дела, нависшей тайны, которая, может, и не тайна вовсе.

А дня через два встретилась на улице тетя Соня и сказала:

— В Ялту они уехали. Так он и сказал, в Ялту. Вряд ли соврал, он же в заявлении на выписку пункт убытия указывал.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — А ее сестра уже уехала.

— Ты ей напиши.

Лидочка написала, но ответа не получила.

* * *

В Ялте Лидочка оказалась следующей весной, в конце апреля. Не хотела ехать, была занята, все связи с Крымом давно порвались, но в месткоме горела путевка. И тут одолело желание еще разок поглядеть, как цветут глицинии на крутых улочках, как утренние прохладные облака сползают с Ай-Петри, как воспоминанием молодости горячий шепот доносится со скамеек под платанами.

В Ялте было свежо, спокойно, относительно малолюдно, море еще раскачивалось, успокаиваясь после зимних непогод. Лидочка с утра уходила к морю или наверх, в горы, снимала цветущие вишни и тучи над корявыми театральными соснами. На третий день она поняла, как сладостен бездумный отдых, что она здесь оживает, отходит, пропитывается весенним солнцем и морским воздухом, а тени далекого прошлого не удручают, а стали с годами прозрачными и мирными.

Как-то она вернулась из Никитского сада, сошла на автостанции у подземного перехода, где скучно толклись вла-

дельцы коек. Из симферопольского троллейбуса выходили немногочисленные еще гости города-курорта. Владельцы потянулись к ним, обступая тех, кто посолиднее, предпочитая бездетные парочки. Так что на маленькую смуглую бабушку с чемоданчиком никто не обратил внимания. А Лидочка ошалела от удивления. Это была бабушка Люба. Надо же встретить ее здесь, под этим ласковым солнцем! А впрочем, почему бабушке Любе не приехать в Ялту? Нет, это невероятно. Если бы бабушка и приехала, то в дом отдыха, организованно, с путевкой за пазухой... Лидочка подошла к бабушке и сказала:

— Любовь Семеновна, какими судьбами?

Бабушка оглянулась, и Лидочка сразу поняла, что обозналась. Просто похожая бабушка. Даже странно, что спутала. Может, где-то в глубине сознания сидит эта смешная деловитая старушка, которая через сорок лет решила разыскать сестру, да махнула рукой, смирилась с тем, что сестры давно уж нет на свете. И почему именно здесь это сходство так встревожило? Господи, конечно же, Спесивцевы в сорок восьмом уехали в Ялту лечить Веру от болезней, которых, как уверяла Любовь Семеновна, у Веры отродясь не было.

В Ялту... В Ялту.

А городское справочное бюро было тут же, на автостанции. Все это совершенно не касалось Лидочки, но она понимала, что потом всю жизнь будет корить себя, что не подошла к этой будке, оклеенной объявлениями, и не задала простого вопроса: где проживают Спесивцевы? Иван Макарович и Вера Семеновна, приблизительно 1905-го и 1920 года рождения.

Лидочка направилась к справочному бюро.

Никакой надежды на то, что Спесивцев сказал тете Соне правду, никакой надежды на то, что эти люди, даже приехав в Ялту, остались здесь жить, конечно, не было.

И все-таки...

Полчаса Лидочка прождала на скамейке над узкой речкой, за стекляшкой-гастрономом, а потом ей выдали ответ на бланке. Ответ совершенно неожиданный, хотя именно ради него Лидочка и заполняла бланк:

«Спесивцев Иван Макарович проживает в Ялте с 1948 года, по улице Харьковской, в доме четыре. Спесивцева Вера Семеновна в Ялте не проживает».

Теперь уж ничего не оставалось, как добраться до Спесивцева и узнать у него, где Вера. В конце концов, любопытство Лидочки оправдано просьбой Любови Семеновны, ничего в этом нет особенного. Попросила тебя об услуге приезжая бабушка, а ты исполнила ее просьбу.

«Удивительно, — поймала себя на мысли Лидочка, — что я ищу оправдания своему визиту к Спесивцеву, к Купидону прошлых лет. Что я решила, что он убил Веру? Из ревности? Еще полчаса назад я и не думала об этих людях, а сейчас строю пустые теории...»

Улица Харьковская причудливо вилась, следуя изгибам горы, веранды выглядывали из-за деревьев, с заборов свисала сиреневая глициния, одинокий кипарис устроился посреди улицы, и асфальт обтекал его с двух сторон. Лидочка запыхалась, пока добралась до этого уголка Ялты, не указанного в путеводителях, но наверняка памятного многим тысячам отдыхающих, которые снимали здесь койки. И смутно знакомого Лидочке по каким-то детским воспоминаниям.

...В доме четыре шел грандиозный скандал.

Его раскаты Лидочка услышала за квартал. Толстый, почти черный, голый по пояс мужчина с гаечным ключом в руке требовал у менее толстой зареванной женщины денег за починку насоса и грозил, если мзды не получит, не только лишить весь дом питьевой воды, но и вообще снести его с лица земли. Дом был двухэтажным, каменным, старым, обнесенным верандами и всяческими пристройками так, что первоначальный архитектурный замысел угадать было совершенно невозможно.

Лидочка остановилась на периферии скандала и некоторое время пребывала в роли мирного свидетеля — тем более что была в этой роли не одинока — все жильцы дома свесились со своих веранд, а соседи прижались к заборам, разделившись на партии в зависимости от личных отношений с водопроводчиком и потерпевшей. Скандал тянулся, видно, давно и прекращаться не намеревался. Лидочка оглядывала лица соседей в надежде увидеть Спесивцева, но вроде бы никто под это описание не подходил. Наконец она выждала паузу в споре, когда стороны переводили дух, и спросила:

— Скажите, Спесивцев Иван Макарович здесь живет?

И тут тишина сразу усугубилась, напряглась и стала пещерной, подземной — слышно было, как разрезает воду километрах в пяти от берега пароход «Адмирал Макаров».

— Вот, — сказал наконец водопроводчик. — Этим и должно было кончиться.

Толстая женщина вздохнула и ничего не сказала.

Первой заговорила девочка с белой челкой, которая выглядывала с веранды второго этажа.

— А деда Ваню они в дом сдали.

— Молчи, — раздался женский голос, и какая-то неведомая сила утянула девочку от края веранды.

— Вы, значит, откуда будете? — спросил водопроводчик. — Если из газеты, то я вам прямо скажу — это гнездо пиратства и порока. Я с ней договорился по-человечески, двадцать пять и бутылка, понимаете? Договоренность соблюдают или нет?

— Работы на пятерку, — отрезала женщина.

— Я не ставлю под сомнение слова уважаемой Берты Богородской, — сказал водопроводчик, сочетая в этой фразе южную учтивость с южным презрением, — я ставлю под сомнение ее моральные устои.

— Моральные устои? Это кто мне говорит, простите, о моральных устоях? Твои моральные устои лежат под забором в алкогольном бреду!

— Мои, мадам? А вы их когда-нибудь видели?

— Как же можно увидеть то, чего нет?

— Простите, — сказала Лидочка, — мне не ответили, где Спесивцев?

— Вам уже ответили, — сказал водопроводчик. — Эти люди сдали Ивана Макаровича в дом для престарелых, чтобы завладеть его небольшой комнатой. Теперь они поставили в ней восемь коек и сдают их по два рубля с носа, что не мешает им экономить на водопроводчике...

* * *

Лидочка сидела на скамеечке в саду дома престарелых и любовалась цветущей сливой. Ей сказали, что Спесивцев выйдет на прогулку, как кончится завтрак. Так что его можно здесь подождать. «Он, правда, сильно болел, даже лежал в больнице, — сказала, словно извиняясь, медсестра, — но теперь ему лучше, хотя чего можно ждать, когда человеку уже восемьдесят? А вы ему родственница? К нему ни разу никто не

приходил. Мы думали, что у него никого не осталось. Вы не обращайте внимания, что он такой нервный, это старческое, это уже неизбежно».

— А у него нет жены? — спросила Лидочка.

— Он холостяк, у него жена сразу после войны умерла, он рассказывал. Он ее очень любил. И больше не женился. Это удивительно, какая верность. Но, правда, для него это плохо — представьте себе, каково кончать жизнь здесь, у нас... нет, у нас хорошо, питание нормальное и медицинский уход, вы не думайте, у нас вымпел облздравотдела за показатели, многие хотят к нам попасть, но все равно не родной дом, правда? Я бы не хотела... У вас есть дети?

— Есть, — улыбнулась Лидочка. — Есть дети.

Сестра вывела Спесивцева под руку. Лидочка его сразу угадала. Хоть никогда не видела.

Иногда старики становятся похожи на младенцев. Таким, наверно, Иван Макарыч был в детстве — красные надутые щечки, гладкая кожа, светлые волосики пушком над розовым черепом, пухлые ручки и ножки. И в старости он остался таким же.

Только когда он подошел ближе и Лидочка поднялась, чтобы его встретить, она поняла, что сравнение с младенцем не совсем верно. Щечки были изборождены малиновыми сосудиками, глаза помутнели и выцвели, пушок был седым, с желтизной, руки морщинисты и мелко дрожали.

Старик был предупрежден, что к нему гостья, и издали уже приглядывался, щурился, старался сообразить, кто это мог быть, и вдруг Лидочке стало стыдно, что она не купила ему никакого гостинца.

Сестра помогла старику сесть и сказала:

— Я потом подбегу, если что надо.

— Не знаю, — сказал старик, — не признаю.

— Здравствуйте. Вы меня в самом деле не знаете... — И Лидочка замолкла, потому что совершенно не представляла, что говорить дальше, как сказать — сразу, или сначала надо поговорить о других, посторонних вещах?

— Я заходила к вам на Харьковскую, — сказала она после паузы. — Там мне сказали, где вас найти.

— Я туда не поеду. Там они меня травят, — сказал старик

высоким дребезжащим голосом. — Мне тут хорошо. Зачем я туда поеду?

— Вы меня неправильно поняли, — сказала Лидочка. — Я знакомая Любови Семеновны, вашей... забыла, как называется... в общем, сестры вашей жены. Вы ее помните?

— Нет, — сказал старик быстро. — Я вас не помню. И никого не помню. Я пойду на гимнастику. Я каждый день гимнастикой занимаюсь.

— Ну конечно, конечно, — сказала Лидочка. — Я вас не задерживаю.

— Я пошел, — повторил старик. Голова его начала трястись. — Я себя плохо чувствую. Меня следует оберегать.

— Хорошо. Но все-таки, может, вы мне скажете, что стало с вашей женой?

— А вот и не найдешь! — Старик вдруг засмеялся. Он смеялся долго, притворно, ему было совсем не смешно, на глазах выступили слезы, он закашлялся. А потом вдруг сказал: — Не было у меня жены. Никогда не было у меня жены. Я холостой!

— А куда она уехала? — спросила Лидочка.

— Не было, не было, а я сейчас уйду, и тебя тоже не будет, — сказал старик. — Я пойду. Я себе палку из дерева вырезаю. С узорами.

Но никуда он не уходил. Сидел, искоса поглядывая на Лидочку, и ей казалось, что он притворяется, как притворялся, смеясь. А в самом деле все помнит, все знает, но не хочет говорить.

— В сорок восьмом году, в ноябре, вы выписались с женой из квартиры в Среднем Тишинском и уехали сюда.

— Я один уехал, — сказал старик. — Я холостой. У меня жены не было.

— Вы жили в Среднем Тишинском переулке в Москве? — спросила Лидочка. Вдруг ей показалось, что произошла ошибка, странное совпадение.

— Я жил в Москве в Среднем Тишинском и никогда этого не скрывал, — сказал старик.

— С женой?

— Не помню, — сказал старик, на этот раз серьезно. — Она уехала. Взяла и уехала. С дачи. Мы на даче жили, правда! Уехала, и никаких следов, как птицы в небе, пролетая над закатом, они не помнили о розовых мечтах, вы меня понимаете? Уехала, и никаких следов...

Старик стал говорить все быстрее, сбивчивее. Он мелко и часто дышал. Лидочка оглянулась в поисках медсестры, но той не было поблизости.

— И в землю закопал, — сказал старик, — и надпись написал. Вы читали эту поэму? Собака уехала, и тот самый закопал ее в землю, чтобы не лаяла, нет собаки, потому что священнослужителю собака не нужна, но любить я ее продолжал безмерно и бесконечно, как соловей розу... — Старик обернулся к Лидочке и приблизил к ней младенческое пухлое лицо. Он продолжал громким заговорщицким, театральным шепотом: — Я подхожу к колодцу, а из-за забора на меня смотрит солдат. Я этого солдата каждую ночь во сне вижу, он на меня смотрит и говорит: «Ты забыл ее шляпу в колодец положить», — понимаете? И нет никакой гарантии, что он не стоял там раньше. А у меня еще масса работы, потому что прощание с любимой — это значит, чтобы от нее не осталось никаких следов на земле, кому нужны следы, если нет человека, вы меня понимаете?

В нем была такая настойчивость, такое смятение и нелепое стремление донести до Лидочки свои данные переживания, свою память, что стало страшно, будто его губами говорил совсем другой человек, тот, что остался в нем с прошлых лет, и тот, который видел во сне какого-то солдата.

— Вы знаете, как я любил Веру, этого никто не может представить. И пускай она для меня навсегда останется молодой, это можно понять, а?

— Вы хотите сказать, что Вера умерла? — перебила его Лидочка.

— Умерла? Исчезла? Нет ее, не может быть. А может, и не было. Конечно, ее не было... Покажите ваш паспорт, гражданка!

Сестра шла по дорожке.

Лидочка увидела ее и помахала рукой.

Та поняла. Подбежала.

— Ну что вы, Иван Макарыч, — сказала она, наклоняясь над стариком. — Вам же нельзя волноваться. Что вам доктор говорил — нельзя волноваться...

— Пускай она уйдет! — вдруг закричал старик. — Пускай

ее не будет! Она копает могилы. Она хочет закопать, закопать колодец, закопать меня...

— Вы лучше уходите, женщина, — сказала сестра с осуждением. — Зря вы его так разволновали. Он заговариваться стал. Он если волнуется, то заговаривается. Восемьдесят лет человеку, не надо его волновать.

— Вот именно, — сказал старик. — У меня нервы совершенно расшатаны. Я всю войну прошел.

Лидочка извинилась и ушла.

От поворота оглянулась. Медсестра сидела на скамейке рядом со стариком, и оба смотрели ей вслед.

На следующий день она снова ходила на Харьковскую. Там в ней заподозрили наследницу старика, которая будет претендовать на комнату. С ней говорили нехотя и раздраженно. Но все без исключения уверяли, что старик всегда жил один. Не было у него жены.

* * *

Лидочка написала бабушке Любе, что видела Спесивцева и у нее создалось впечатление, что Вера Семеновна умерла. По крайней мере, в доме по Харьковской, где Спесивцев прожил все эти годы, никто ее не видел и никто о ней не слыхал.

И конечно, Лидочка на этом не успокоилась. Она вновь и вновь мысленно повторяла бессмысленный и сбивчивый монолог старика и старалась найти в нем какой-то смысл. В монологе были какие-то конкретные опорные точки. Был солдат у забора. Был колодец и была шляпа жены. Это были предметы из его воспоминаний. Все остальное — и его любовь к жене, и уверение, что ее нет, что она уехала, пропала и так далее, — эти слова Лидочка пока выкинула из головы.

Она не забыла этого монолога, этого странного утреннего истеричного разговора на скамейке в саду дома престарелых и трясущихся младенческих щек. Она не поверила старику. Получалось, что никто, ни один человек, не видел Веру Семеновну после осени сорок восьмого года. Ни тетя Соня, когда Спесивцев уезжал из Москвы, ни соседи по Ялте, ни Любовь Семеновна.

Лидочке захотелось пойти в милицию и поговорить там. Но она понимала, что ее выслушают, но вряд ли чем-нибудь

смогут помочь. Представьте себе, вы — следователь. К вам приходит женщина и сообщает, что тридцать с лишним лет назад, сразу после войны, некий гражданин Спесивцев уехал из Москвы и переехал в Ялту. А вот его жены при этом не было. И я, Лидия Берестова, подозреваю, что он ее убил... И что? И в землю закопал? «А где сейчас этот Спесивцев?» — спросит следователь. «Этот Спесивцев, — ответит Лидочка, — в возрасте восьмидесяти лет и в состоянии полного маразма находится в доме престарелых. И ничего объяснить не может или не хочет...» Нет, если идти в милицию, то надо идти с каким-нибудь более конкретным делом. Например, с сообщением о том, что вчера (а не сорок лет назад) обокрали твою квартиру. В конце концов, дело об исчезновении жены Спесивцева такое же древнее, как дело о смерти жены Ивана Грозного. И общественной опасности не представляет.

Размышляя именно таким образом, Лидочка поняла, что должна бы сделать больше, чем сделала. Могла бы, например, попросить паспорт Спесивцева и узнать, записана ли в нем его жена? Или они развелись? Или, например, пойти в загс Ялты и узнать, не умирала ли такая некая Вера Семеновна... Теперь было поздно. Не возвращаться же в Ялту.

Правда, оставался еще один путь. И он более других отвечал характеру Лидочки. И она позвонила своему приятелю в МВД и попросила его об одном одолжении. Как узнать, где находилась дача гражданина Спесивцева И.М., проданная осенью сорок восьмого года?

— Лидия, ты сошла с ума, — ответил знакомый.

— Алик, — сказала Лидочка, которая имела счастье несколько лет назад спасти от беды этого крупного ныне деятеля законности и порядка, — я никогда не прошу тебя ни о чем по пустякам. Дело идет о жизни и смерти.

— Когда ты повзрослеешь? — спросил генерал Алик.

* * *

На бывшей даче Спесивцева жил Коля. Коле было сорок два года, он играл в дачу, как мальчик в железную дорогу, и потому, когда они туда приехали, Лидочке волей-неволей пришлось помогать ему тащить по заляпанной грязью асфальтовой дорожке, а потом по тропинке через перелесок са-

женцы вишни какого-то невероятно редкого и плодовитого сорта, а сам Коля волок банки с химикалиями, краску, набор садовых инструментов и еще что-то в рюкзаке, что вылезало оттуда острыми углами и норовило этот рюкзак проткнуть. Коля уже знал об истории с Верой Семеновной Спесивцевой, но относился к опасениям Лидочки скептически, как человек, который дожил до сорока с лишним лет и умудрился втиснуть их в такой мирный период истории, что ни разу не видел, как умирает человек. Так что мысли об убийстве, тем более таком древнем, казались ему книжными, невероятными и даже чем-то обижали его дачу, полученную вместе с новой молодой женой и старой тещей.

— Вы только подумайте, — говорил он, сгибаясь под рюкзаком, — какие у него основания? Ну, если недоволен, то разведись. Вот у меня были неоднократные скандалы с Галей, доходило до страшных слов, и я не удивлюсь, если она желала моей смерти. Ну и что? Разошлись. Оба счастливы. Вы бы посмотрели, какой у нее муж — мы с ним в воскресенье ходили на футбол, — если бы я знал, сам бы на нем женился. Умница, физик-теоретик.

— А известный случай из жизни адмирала Отелло? — спросила Лидочка.

— Вот именно — литература.

— Вы хотите сказать, что люди вообще друг друга не убивают?

— Только на Ближнем Востоке, — неуверенно ответил Коля.

Дача была и в самом деле маленькая, одноэтажная, с чердачным окошком под двускатной крышей. Коля, как только они свернули на улицу поселка, стал рассказывать Лидочке, как он ее перестроит и превратит в виллу Ротшильда, и вообще у Коли все было просто — надо только чего-нибудь подтащить, немного потерпеть, чуть-чуть недоспать, а люди хорошие, кто-нибудь заметит, как Коля старается, и дадут ему жену, дачу, а когда-нибудь — машину.

Видно, до Колиного появления в том семействе, что купило дачу у Спесивцева, дачей там заниматься было некому. Ею пользовались, на ней жили, ее ругали, туда таскали продукты и подставляли тазы, когда снова начинала подтекать заштопанная крыша, но коренных перемен никто там не

предпринимал. Даже мебель туда отправлялась, как бывает чаще всего на русских дачах, — в ссылку, доживать свой век. Может, подумала Лидочка, это происходит от генетической памяти наших предков-кочевников. Считается, что на даче следует жить в неудобстве, житейской скудности и подчеркнутой простоте. А может, это происходит для того, чтобы можно было лучше оценить осенью городской уют.

— А колодец здесь есть? — спросила Лидочка. Спросить это надо было раньше, но как-то не поворачивался язык. Все расследование Лидочки зиждилось на том, что здесь когда-то был колодец. Колодец, который фигурировал в бреду старика Спесивцева.

— К сожалению, — ответил Коля, наклоняясь, чтобы подобрать брошенные Лидочкой саженцы, обнимая их, прижимая нежно к груди, чтобы занести на веранду, — колодец за три участка. Воду носить неудобно. Надеюсь, если все будет в порядке, провести сюда водопровод от колонки. Многие уже сделали. Только расход большой. Трубы дорогие.

— А раньше колодца не было?

Доски пола веранды заскрипели под коренастой, склонной к полноте фигурой Коли, пролетел холодный ветер и пошевелил листьями на березе. Береза была старой, она помнила и Спесивцева, и Веру Семеновну. Может быть, Вера сидела под ней и вышивала. В солнечный день. Вынесет стул и вышивает...

— Вам обязательно нужен колодец, — сказал Коля. — Иначе вашему преступнику некуда было кидать холодный труп.

Лидочка вздохнула. В устах Коли все зазвучало крайне дурацки. В самом деле — приехала тетка, подавай ей колодец, чтобы спрятать туда труп. С ума можно сойти. Неужели она такая дура?

Коля гремел на веранде, разбирая банки и бутылки.

— Сейчас мы с вами сообразим чего-нибудь поесть, — крикнул он. — Разберусь, и сообразим, хорошо?

— Спасибо, я не хочу.

— Я тоже не хочу, но на свежем воздухе и при простом труде такой аппетит разыгрывается, вы себе просто не представляете.

«Неужели он заставит меня копать грядки или убирать листву?» — испугалась Лидочка. С него станется.

— Заходите в дом! — крикнул Коля. — Правда, от них ни-

каких вещей, наверное, не осталось. Хотя моя теща дачей буквально не занималась, но, кроме старого шкафа и дивана, этот Спесивцев ничего им в наследство не оставил.

За верандой была кухонька и прихожая. Потом большая комната. Вот и все. Шкаф и в самом деле был основным предметом в комнате. Было ему сто лет, даже удивительно, как его смогли затащить в эту дачу. Вернее всего, ее строили вокруг шкафа. На столе лежали кипой старые журналы, пахло летней пылью и старыми тряпками. Нет, здесь ничего не могло остаться.

— И на чердаке нет? — спросила Лидочка.

Коля расхохотался.

— Вы меня потрясаете, Лидия! — сказал он. — Я туда лазил раз сто — ни одного скелета.

«Что здесь произошло?» — размышляла Лидочка. Она подошла к маленькому окну. На нижней раме валялись дохлые мухи. Ветка яблони билась о стекло снаружи. И хоть окружали ее чужие для Спесивцева вещи, хоть на веранде гремел, шумел, возился медведем Коля, она все равно не могла отделаться от ощущения, что именно здесь скрывается тайна исчезновения Веры Семеновны...

Лидочка вышла в сад.

Трава пожелтела, пожухла, но листва с малины еще не облетела. Участок был невелик, но зарос так, что угадать, был ли там когда-нибудь колодец, невозможно. Участок был узким, как бы сжатым между соседями. Забор, выходивший на улицу, был коротким, метров пятнадцать. Сама дача стояла в глубине участка, а там, ближе к забору, к боковой стороне участка притулился старый сарай, крыша его провалилась, дверь была перманентно полуоткрыта. Если тот солдат подходил к забору, то, вернее всего, Спесивцев разговаривал с ним не от дома, а ближе, от сарая, например.

Лидочка подошла к сараю. Какие-то палки, гнилые сучья мешали ей, торчали из травы — видно, сюда редко кто заходил. Удивительно, но даже в самых маленьких пространствах, даже в квартире, всегда найдутся кусочки территории, куда не ходят. Лидочка заглянула в полуоткрытую дверь. Сарай тоже не участвовал в жизни дачи. Сюда только кидали вещи громоздкие, ненужные или те, что, казалось, когда-нибудь пригодятся.

— Лидка! — крикнул Коля с веранды. — Если хочешь туда

заглянуть, интересуйся! Только в сарае угрожающая обстановка. Я все жду, когда он упадет, чтобы сжечь его спокойно.

И Коля засмеялся на весь участок хорошим, громким смехом здорового работящего человека.

— И колодца там нет! И скелетов...

Лидочка ступила в сарай. Да, здесь сам черт ногу сломит. Правда, светло — щели в стенах и крыше такие, что может пролететь самолет. Чего здесь только нет. Вон старый рукомойник с треснутой мраморной стенкой, стопкой, одно в другом, ведра, кастрюли, грабли, лопаты, топор без топорища, ржавый велосипед, толстая цепь с ведром, рваные сапоги, листы фанеры, пошедшие от сырости, доски, бревно...

— Лидия! Иди перекусим!

Коля уже расставил на столе на веранде дачную посуду, нарезал колбасу и открыл четвертинку — Лидочка поняла, что выступает в роли доброго предлога выпить рюмочку до трудов праведных.

Где же этот чертов колодец? Она была уверена, что он на участке. А если он где-нибудь у соседей?

Не может же быть, чтобы ни хозяева дачи, ни она не обратили внимания на такую крупную деталь пейзажа, как колодезный сруб...

— Ну, за знакомство, — сказал Коля. — Или, как говорил американский детектив Перри Мейсон, — за убийство! Ты по-английски читаешь?

— Я читаю по-английски, — призналась Лидочка. Что-то мучило ее. Что-то, что она видела здесь недавно и что было упущено памятью, а не должно было быть упущено.

— Чего же не пьешь? — спросил Коля. — Нам с тобой надо всю бутылочку прикончить. Не оставлять же воронам!

Он с ней подружился, и ему в голову не приходило, хочет ли Лидочка ответить взаимностью.

* * *

Лейтенант Миронов, у письменного стола которого Лидочка завершила свое путешествие по отделению милиции, был молод, краснощек, в глазах его застыло удивление отличника при виде изумительного по красоте решения трудной задачки, к тому же он был человеком аккуратным и последователь-

ным. Он умудрялся все вокруг себя держать новым, блестящим и правильным. И лейтенантские погоны у него блестели так, что казалось, все еще лежат на складе, а не на плечах, на столе царил фантастический порядок, при котором страшно было дотронуться, допустим, до ручки или блокнота, сдвинуть его и этим нарушить стройную и строгую гармонию.

Разговор они начали в кабинете его начальника, так что он уже знал, кто такая Лидочка, почему пришла и что за нелепая у нее теория. Тем не менее он все записал как положено, по форме. Глядя на лейтенанта через стол, Лидочка робела, боясь нарушить дыханием организованность воздуха в кабинете, и любовалась поразительной завершенностью каллиграфического почерка товарища Миронова.

— Продолжайте, Лидия Кирилловна, — предложил Миронов, — с той точки, на которой мы остановились.

Лидочка понимала, что Миронов и устную речь делит на фразу и никогда, даже разговаривая в очереди или дома, не забывает ставить в нужных местах точки и запятые.

— И тогда я вспомнила, — сказала Лидочка. — Я вспомнила, что видела в сарае цепь с ведром. Старую толстую цепь. С ведром. Вы понимаете?

Миронов начал писать, снова склонив голову ровно настолько, чтобы ни один волосок не сдвинулся с места.

— Продолжайте, — сказал он.

— Цепь с ведром могла быть только у колодца. Но так как колодца не было, то я сразу сообразила. И хозяева дачи никогда не догадывались, что цепь с ведром указывает на существование колодца. Но колодца нет. И следов от него не осталось. И это было странно.

— Вы правы, — сказал Миронов. — Но это не значит, что колодец был ликвидирован с преступными намерениями.

— Но с какими намерениями он был ликвидирован?

— Допустим, — Миронов задумчиво посмотрел на нее небесного цвета глазами, — во избежание падения в него детей.

— Колодец всегда нужен. Лучше его углубить и расчистить, чем ликвидировать. Тем более что хозяйка дачи живет там с сорок восьмого года и колодца не помнит. Зато она вспомнила, когда ее спрашивал зять, что прежде недалеко от сарая был участок голой земли и Спесивцев никакого объяснения этому им не дал. И больше того, поблизости была неглубокая яма.

— Откуда брали землю, чтобы засыпать колодец, — предположил Миронов.

— Вот видите, — сказала Лидочка, — вы со мной согласны.

— Я следую ходу вашей логики, — любезно улыбнулся лейтенант Миронов. — Это не означает, что я согласен в интересах исторической справедливости тратить время на поиски колодца, якобы засыпанного сорок лет назад.

— Даже если в нем может оказаться труп женщины?

— Возможность этого незначительна, — сказал лейтенант Миронов. — Тем не менее мы примем все меры, чтобы проверить ваш сигнал.

«Господи, — подумала Лидочка, — как он вежлив, как он меня терпит. Ну ничего, ты найдешь этот злополучный колодец и, когда узнаешь, что я права, заговоришь иначе».

— Ни одно преступление... — начала Лидочка.

— Как бы давно оно ни было совершено, — развил ее мысль лейтенант Миронов, — не должно остаться нерасследованным. Кстати, дайте мне координаты этого старика. Может быть, мне придется с ним встретиться.

— Но сначала...

— Сначала мы, разумеется, выясним, был ли на том участке колодец, — сказал лейтенант Миронов, — я уже затребовал планы участков поселка «Работница».

«По крайней мере этот человек не способен халтурить», — подумала Лидочка.

* * *

Они стояли группой вокруг небольшой ямы в траве. Лидочка, Миронов, два землекопа и Коля. Сыпал мелкий занудный дождик. Лидочка, которую лейтенант Миронов не хотел брать с собой на дачу, раскрыла зонтик, и Миронов, у которого зонтика не было, развернул под ним, прижавшись к Лидочке, ветхую карту участка, где был указан колодец. Землекопы заинтересованно разглядывали схему, а Коля, обращаясь к лейтенанту, повторял:

— Этого физически не могло быть. Наша семья живет здесь уже много лет. Удивительно, правда?

— Ничего удивительного нет, — возразил вежливо лейтенант Миронов.

Лидочке вдруг показалось, что капли дождя не решаются

падать на его выглаженный плащ, а если падают, то деликатно и ровно, чтобы не смять и не промочить.

— В свое время, — продолжал лейтенант, сворачивая карту и давая знак землекопам, чтобы они приступали к работе, — в Карнаке, это такой населенный пункт в Египте, был обнаружен засыпанный колодец, в котором хранилось более сорока ценных скульптур и обелисков.

— Да, конечно, помню, — растерялся Коля.

Шофер милицейской машины тоже подошел поближе. И ему было любопытно.

Дерн аккуратно вывернулся, взрезанный лопатами. Лейтенант Миронов стоял за спинами землекопов и отмечал каждое их движение. Коля сбегал на веранду, проверил, не кипит ли чай. Почти сразу под дерном обнаружился край стоявшего торчком бревна. Рядом — второго. Их обкопали и вытащили наружу. Операция оказалась долгой и нелегкой. Лейтенант Миронов помогал землекопам. Они уже давно измазались мокрой землей, зеленью и древесной трухой — к Миронову не пристало ни крошки.

Бревна оказались короткими, обтесанными с краев, и Лидочка сразу догадалась, что это остатки колодезного сруба, сваленные Спесивцевым внутрь. Лейтенант Миронов вытащил фотокамеру, он периодически останавливал землекопов и фотографировал колодец. Потом вытащили еще одно бревно. Потом землекопы сказали, что выпили бы чаю, если нет чего покрепче. Коля потащил всех на веранду. Лейтенант Миронов был недоволен, он хотел сначала закончить эту историю. Лидочка была с ним согласна, она почувствовала в лейтенанте родственную душу — в нем жил детективный дух. Все все-таки пошли на веранду, а Лидочка задержалась у неглубокой ямы. Заглянула внутрь. По краям ее были видны грязные, в земле, бревна сруба. Внутри земля была мокрой, черной, с пятнами рыжей глины. Лидочке показалось, что из земли торчит край черной тряпки. Она села на корточки, протянула руку вниз, но не дотянулась. И в тот же момент услышала вежливый голос Миронова:

— Разве вы не понимаете, Лидия Кирилловна, что делать это совершенно недопустимо. Мы ведем расследование.

— Простите, лейтенант, — спохватилась Лидочка. — Вы правы. А дождь не повредит?

— Дождь уже ничему не повредит, — сказал лейтенант и, взяв у Лидочки зонтик, проводил ее до веранды. Все-таки оставлять ее одну у колодца он не желал. Это противоречило какой-то инструкции.

Землекопы не спеша пили чай и рассказывали о страшных преступлениях, которым были запоздалыми свидетелями. Миронов записывал что-то в книжечку, а Коля виновато суетился, будто кто-то подозревал его в том, что колодец засыпал он сам.

Только через полчаса, когда Лидочка уже совершенно извелась от нетерпения, землекопы встали из-за стола и вернулись к работе. Но первым в колодец спрыгнул лейтенант Миронов. Осторожно достал черную тряпочку. Передал своему шоферу. Тот разложил на заднем сиденье милицейского «жигуленка» лист белой бумаги, и тогда Лидочка сообразила, что это не тряпка, а бывшая женская шляпка, такие носили сразу после войны. А пока она разглядывала шляпку, лейтенант принес серебряную вилку и прогнившую шкатулку с бумагами, превратившимися от влажности в мягкий серый ком...

Затем находки стали следовать одна за другой. Нашлось два женских платья, туфли, один валенок, россыпью — хрустальные бусы, золотое колечко с аметистом, женская комбинация.

Теперь копали осторожно, ножами, лейтенант Миронов сидел в колодце и основную часть работы взял на себя — и это было понятно. Лидочке лишь непонятно было, как он умудрился даже в этой обстановке остаться хрустально чистым и выглаженным, как в кабинете.

Коля стоял на дожде, промок, он был печален и больше не суетился.

— Странно, — сказал он Лидочке тихо, тут все говорили тихо, даже землекопы перестали шутить, — странно, что я все эти годы ходил по этой дорожке, прямо по колодцу, понимаете, и вам не поверил, думал — блажь. Простите, конечно. Но я даже не знаю, как мы теперь здесь жить будем. Даже шкаф в комнате — он, наверное, все видел.

— Ничего, я думаю, переживете, только не рассказывайте подробностей своей жене.

— Ни в коем случае. Она же в положении. Ей мертвецы будут сниться. Потом, вы же знаете, какие женщины в поло-

жении нервные. Она может решить, что и я способен... понимаете, какая глупость?

— Ну, уж о вас она не подумает...

— Кто знает, — загадочно ответил Коля, и Лидочка поглядела на него с опаской. Устоявшийся мир представлений Коли об отношениях людей — что бывает в жизни, а что только в литературе — рухнул. Теперь ему надо было строить вокруг себя новый мир. Или забыть обо всем... Пока же он был напуган. Даже самим собой.

— Все, — сказал землекоп, выскакивая из колодца, держась за руки товарища. — Материк.

Он наклонился, чтобы помочь Миронову выбраться из колодца.

Тот выбрался наружу, смахнул с брючины черный комочек и наклонил голову.

— Как так материк? — спросила Лидочка.

— Слежавшийся ил, — сдержанно сказал Миронов. — На глубину еще двух метров. Прослойки песка. Мы проведем дополнительную проверку. Однако полагаю, что трупа там нет.

— А где же он? — спросила Лидочка. — Где же его теперь искать?

Коля в ужасе посмотрел на свою дачу. Он представил, что ее будут сносить.

На заднем сиденье машины лежали сгнившие, с трудом узнаваемые вещи — все, что осталось от молодой и красивой женщины.

— Но где же она? — настаивала Лидочка, словно Миронов хотел скрыть от нее правду.

— Будем продолжать проверку, — сказал Миронов сдержанно.

— Тут магазин далеко? — спросил один из землекопов. — Согреться бы не мешало.

Лейтенант Миронов отвернулся, он не слушал. Он думал.

* * *

— Как вы понимаете, — сказал лейтенант Миронов, осторожно подвигая к Лидочке серую папку с таким расчетом, чтобы направление ее движения находилось под прямым углом к остальным предметам на столе, — я не имею никаких

оснований знакомить вас с материалами предварительного расследования. Однако, посоветовавшись с Сергеем Максимовичем, я решил, что, так как действия проводились по вашему сигналу и, можно сказать, вы принимали активное участие как лицо заинтересованное в торжестве правосудия... — тут Лидочке показалось, что в глазах Миронова появилась ехидная усмешка, хотя при том они продолжали взирать на нее невинно и крайне серьезно, — мы не поступимся духом закона, предоставив вам возможность прочесть находящиеся здесь дополнительные материалы. Я сделал закладки для того, чтобы вам удобнее было читать, и подчеркнул красным карандашом те строки из документов, которые могут вас заинтересовать. Пожалуйста. А теперь, если вы меня извините, я вас покину на десять минут и выпью чаю в буфете. Вы не возражаете?

— Спасибо, — сказала Лидочка и искренне посочувствовала жене молодого лейтенанта, если таковая еще от него не сбежала. Она подозревала, что на самом деле лейтенант уходит из комнаты, чтобы не видеть, как посетительница держит папку под совершенно недопустимым углом.

Закладки были прямыми, маленькими, очень белыми и совершенно одинаковыми — чудо закладочного искусства. Строки были подчеркнуты по полям так прямо и аккуратно, словно Миронов собирался сдавать черчение в архитектурный институт.

Закладок было всего три.

За первой оказалась фотокопия письма, строчки которого были настолько бледными и неразборчивыми, что Лидочке пришлось надеть очки, чего делать она не любила. Можно было подумать, что письмо это долго пролежало в воде. Вскоре Лидочка поняла, что не ошиблась. Письмо было извлечено из колодца. Письмо было коротким.

3 ноября 1948 года.

Иван!

Я уезжаю от тебя. Не пытайся меня искать. Я знаю, что тебе я причиняю боль, но я больше не могу с тобой жить. Еще раз повторяю, чтобы ты меня не искал и забыл. Я поняла, что без любви жить нельзя. Прощай и прости.

Вера.

Вторая закладка тоже хранила под собой письмо. Письмо было отправлено из Томска всего десять дней назад.

Уважаемый товарищ Миронов!

Вам пишет дочь Веры Семеновны Куракиной, которая раньше была замужем за Спесивцевым. Меня вызвали в милицию и попросили рассказать о моей матери. И они согласились, чтобы я вам прямо написала, потому что это давнее дело и мне не хотелось бы тревожить мамину память. Мама моя умерла два года назад. Мой отец, Сергей Сергеевич, погиб давно, в автомобильной катастрофе. Моя мама и папа жили очень счастливо, и я до сих пор переживаю их смерть. Я не знаю, как вы нашли наш адрес, но вы затронули ту часть маминой биографии, о которой она никому, кроме меня, не рассказывала. Моя мама познакомилась со Спесивцевым во время войны и тогда же вышла за него замуж. Она была значительно моложе его и совсем его не любила. Спесивцев был неуравновешенным человеком, он ревновал маму ко всему на свете, грозился ее убить, и мама его очень боялась. Жизнь у нее была невыносимая. Он был психически неуравновешенным. В конце концов мама поняла, что больше она такую жизнь не выдержит, и в один прекрасный день сбежала от него, не взяв с собой ничего — даже своих вещей. Она не хотела иметь ничего общего с этим человеком. Вы не поверите, но он маму бил и спрятал ее паспорт, чтобы она от него не убежала. Мама просто села в поезд и поехала куда глаза глядят.

Она устроилась на работу в Казахстане и сказала, что потеряла все документы. Потом она встретила моего отца и полюбила его. Спесивцева она совсем не вспоминала, он был для нее как кошмар. Вот и все, что я могу ответить на ваш запрос.

С уважением, Надежда Сергеевна Куракина.

И еще там была третья закладка. Она была на последней страничке перед постановлением о закрытии дела. Это был официальный доклад из Ялты, писал его тамошний следователь. Он писал, что на основании письменного запроса он посетил дом престарелых и встретился с гражданином Спесивцевым, состояние здоровья которого было угрожающим, и пришлось ждать три дня, прежде чем врач разрешил говорить со стариком. Далее следовали строки, отчеркнутые Мироновым.

...В первой части нашей беседы гр. Спесивцев проявил трезвость и говорил связно. Сначала он отказывался от того, что был ранее женат, однако после ряда дополнительных вопросов с моей стороны признал, что был женат на гр. Спесивцевой Вере Семеновне, 1921 г. рождения, с которой находился в состоянии глубокого чувства, которое она оскорбила, покинув его с другим мужчиной. В состоянии оскорбленного самолюбия гр. Спесивцев И.М. решил уничтожить все следы своего брака с гр. Спесивцевой В.С., для чего выкинул из дома в поселке «Работница» Московской области, где временно проживал, все вещи, принадлежавшие его прежней жене, в колодец на территории его садового участка, после чего колодец засыпал землей, утверждая, что находился в состоянии нервного потрясения, вызванного оскорблением, нанесенным ему его супругой. Цель гр. Спесивцева заключалась в том, чтобы не осталось никакого воспоминания о гр. Спесивцевой, как будто ее не существовало на свете. С целью забыть свою жену гр. Спесивцев после этого продал дачу, покинул Москву и переселился на постоянное жительство в г. Ялту. Более никакой информации получить у гр. Спесивцева мне не удалось ввиду того, что он начал заговариваться и утверждать, что убил свою жену гр. Спесивцеву В.С. и бросил ее в колодец. Состояние здоровья и умственное состояние гр. Спесивцева не позволили мне сделать заключение, какая из версий, предложенных им, правильна. В настоящее время, по словам врача, состояние здоровья гр. Спесивцева безнадежно, и современная медицина не позволяет надеяться на его выздоровление...

Лидочка закрыла папку и постаралась положить ее на стол лейтенанта Миронова так, чтобы ее края находились под абсолютно прямым углом к остальным предметам. Ей хотелось доставить лейтенанту такую небольшую радость. Все-таки он сделал все, что мог. И не его вина, что трупа в колодце не оказалось, а все действующие лица этой драмы сошли со сцены естественным путем.

Она поднялась с неудобного жесткого стула и подошла к окну. Там шел дождь. И было холодно. «Приду домой, — подумала она, — напишу сразу Любови Семеновне. Может, соберется в Томск, все-таки там у нее живет племянница. Никого у бабы Любы не осталось родных, кроме Нади Куракиной».

Содержание

Литературно-художественное издание

Кир Булычев

ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Т. Павлова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *В. Савватеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 26.04.2006.
Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 45,36.
Тираж 5000 экз. Заказ № 6590.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822)44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru